

Дремучий лес на границе Страны Огня и Страны Горячих Источников жил своей жизнью, не обращая внимания на одинокую фигуру у костра. Стволы старых деревьев уходили в пасмурное небо, их густые кроны переплетались так плотно, что даже в полдень здесь царил полумрак. Запах влажной земли, прелой листвы и хвои смешивался с дымом от небольшого костра. Именно здесь, в этом диком, забытом богами и людьми месте, десятилетний Макуто из уничтоженного клана Фаруд готовил себе ужин.

Котёл из тёмного, покрытого копотью металла висел над огнём на самодельной треноге. Внутри медленно булькала густая похлёбка, от которой поднимался пар, насыщенный ароматом дикого риса и мяса. Мальчик сидел на корточках перед огнём, его узкое, обветренное лицо было неподвижно. Карие глаза, в которых отражались пляшущие языки пламени, смотрели куда-то вглубь себя. Соломенная шляпа, надвинутая на лоб, отбрасывала глубокую тень на его черты, делая их почти неузнаваемыми. Рваное кимоно, перетянутое в поясе верёвкой, плохо грело, и плащ из грубо выделанных шкур был единственной настоящей защитой от пронизывающего ветра, который гулял между стволами.

Он достал длинную деревянную ложку, которую сам вырезал из берёзы, и осторожно перемешал похлёбку. Мясо давно отделилось от костей, рис разварился, и всё это превратилось в питательное, хоть и грубое варево. Голод не мучил его сегодня — кабан попался жирный, и мяса хватило бы на три дня, если есть экономно. Но мысли Макуто витали далеко от котелка и сытного ужина. Он думал о деньгах.

Хо-рё. Звонящие монеты, которые открывали двери в любую деревню, покупали информацию и оружие. Макуто нужны были деньги. Не для того, чтобы купить тёплую одежду или поселиться в гостинице. Нет. Деньги были нужны для того, чтобы двигаться дальше. Чтобы выслеживать. Чтобы готовиться.

Он вспомнил, как два года назад бежал через этот самый лес. Тогда он был другим — напуганным, растерянным мальчишкой, который споткнулся о корень и упал лицом в грязь, когда за его спиной вспыхнула деревня клана Фаруд. Тогда он не оглядывался. Он бежал, пока лёгкие не начали разрываться от боли, пока ноги не отказались нести его дальше. А потом он полз. Он выжил. И теперь, спустя два года, он сидел у костра с тати отца, пристёгнутым к поясу, и думал о том, где взять работу.

Задания. Обычные шиноби получали задания в своих деревнях — от патрулирования до охраны обозов. За патруль платили семьдесят рё. За конвоирование — двадцать пять. А задания уровня С, которые выполняли опытные генины и чунины, приносили больше, но там была вероятность встретиться с бандитами или ворами. Впрочем, для Макуто это не было проблемой. Он уже убивал. Не людей, но зверей — больших и опасных. Разница была лишь в форме черепа и способности говорить.

Но где взять эти задания? В Конохе? Слишком рискованно. В любой другой скрытой деревне его бы схватили и допросили: кто он, откуда, почему его чакра не зарегистрирована. А потом либо завербовали бы, либо убили. А если бы узнали, что он из клана Фаруд... Нет. Соваться в деревни шиноби пока нельзя.

Оставались обычные деревни. Торговые города на границах. Там всегда нужны были люди с мечом, чтобы сопровождать товар или выбить долги. Но и там требовались рекомендации или хотя бы знакомые. А у Макуто не было ни того, ни другого. Он был один. Совсем один в этом огромном мире, где правят сила и деньги.

Ложка заскребла по дну котелка. Макуто отставил его в сторону и поднял взгляд к небу. Сквозь кроны деревьев пробивались редкие лучи заходящего солнца. Скоро стемнеет. Нужно будет забраться на дерево и устроиться в развилке ветвей — там теплее и безопаснее.

Он перебирал в голове варианты. Можно попробовать наняться в охрану торгового каравана, идущего из Страны Огня в Страну Горячих Источников. Там, говорят, водятся разбойники, которые нападают на обозы. Местные торговцы часто ищут лишние мечи. Но для этого нужно выйти на большую дорогу и ждать. А ждать он умел. Два года ожидания — хорошая школа.

Можно попробовать продать информацию. Он много бродил по лесу, видел, где проходят тайные тропы, где прячут свои схроны контрабандисты. Но для этого нужно найти покупателя. А покупатель — это риск. Нарыть на ниндзя из другой деревни — самоубийство.

Он потянулся к поясу и коснулся рукояти тати. Холодная сталь отозвалась лёгкой вибрацией, словно меч узнавал руку сына своего хозяина. Тати отца — единственное, что осталось от прошлой жизни. Длинный, чуть изогнутый клинок с тёмной гардой. Не лучший меч для ребёнка, но Макуто привык. Он тренировался с ним каждый день, по несколько часов, втыкая клинок в деревья и воображая вместо них тех, кто убил его семью.

Кэндзюцу было его сильной стороной. Он знал это. Тайдзюцу и ниндзюцу — средний уровень, гэндзюцу — слабый. Но кэндзюцу... Он вкладывал в каждую тренировку всю свою злость и ненависть, превращая их в точные, смертоносные движения. Уровень А — отличный. Этого достаточно, чтобы убить большинство генинов и даже некоторых чунинов, если действовать умно.

Но умным быть недостаточно. Нужно быть сильным. Очень сильным.

Макуто закрыл глаза и сосредоточился на внутренних ощущениях. Чакра текла по его каналам ровно и спокойно — ровный поток энергии, который он научился контролировать ещё в Академии клана Фаруд. Уровень чакры у него был высоким — S для клана, который специализировался на ней. Но он знал, что этого мало. Ему нужно больше. Гораздо больше.

Техника Фаруд: Бездонный Колодец. Клановая техника, позволявшая формировать запасы чакры из внешней среды — из Инь и Янь, из самой природы. Она усиливала резерв и создавала новые структуры в чакра-каналах. Но цена была высокой — постоянные траты энергии. И чем больше становился резерв, тем больше усилий требовалось для его поддержания.

Он уже использовал эту технику сегодня утром, когда вставал до рассвета и медитировал, впитывая окружающую энергию. Результат был заметен — он чувствовал себя бодрее, сильнее, хотя накануне почти не спал. Но этого было недостаточно. Нужно было тренироваться больше. Ещё больше.

Ветер переменился. Макуто уловил запах дыма — не только от своего костра, но и откуда-то издалека. Кто-то ещё развёл огонь. Недалеко. Километрах в двух, не больше.

Он мгновенно напрягся. Рука легла на рукоять тати, глаза сузились. В этом лесу не было деревень. Единственные, кто мог здесь оказаться — такие же изгои, как он сам, или разбойники. Или ниндзя.

Он затушил костёр, засыпав его землёй, и быстро свернул лагерь. Котёл, ложка, остатки похлёбки — всё в мешок, мешок — за плечи. Соломенную шляпу он оставил на голове — она скрывала лицо. Тати он обнажил и зажал в правой руке, левой придерживая плащ, чтобы он не мешал движению.

Медленно, бесшумно, как тень, он двинулся в сторону запаха. Между деревьями он скользил, почти не касаясь земли, ставя ноги так, чтобы ни одна ветка не хрустнула. Два года выживания в лесу сделали его охотником. Он знал, как подкрасться к зверю, не спугнув его. Сейчас он подкрадывался к человеку.

Запах дыма становился сильнее. Показался просвет — небольшая поляна, окружённая старыми дубами. На поляне горел костёр, и вокруг него сидели трое. Взрослые мужчины, одетые в потрёпанные дорожные плащи. Рядом с ними лежали два больших тюка — похоже, товар. Оружия видно не было, но это ничего не значило. Опытный боец мог спрятать клинок где угодно.

Макуто затаился за стволом толстого дуба и принялся наблюдать. Мужчины ели — что-то из котелка, похожее на его собственную похлёбку. Говорили тихо, но в ночной тишине слова долетали до его ушей.

— ...в Коноху идём, дальше на север. Там цены выше.

— А разбойники? Говорят, на северной дороге опять шалят.

— Плевать. У нас товар не для слабаков. Кто сунется — получит.

Макуто слушал. Коноха. Северная дорога. Товар. Эти люди были торговцами, вероятно, контрабандистами. И они шли туда, куда ему пока нельзя — в Страну Огня, к великой скрытой деревне.

Но у него была идея. Он мог предложить им свои услуги. Сопровождение до северной границы, охрана от разбойников. Взамен — деньги и, возможно, полезные связи.

Он взвесил риски. Трое мужчин. Если они согласятся — хорошо. Если нет... Если они решат, что мальчишка с мечом опасен, и нападут первыми... Трое против одного. Шансы невелики, но не нулевые. Он мог убить двоих, прежде чем третий успеет среагировать. Вопрос в том, стоят ли эти несколько монет такой крови.

Он уже хотел выйти из укрытия, когда заметил четвёртого. Тот сидел чуть поодаль, прислонившись к дереву, и казался спящим. Но его рука лежала на рукояти короткого меча, и дыхание было слишком ровным для сна. Четвёртый был охранником. Профессионалом.

Макуто замер. Четверо. Это меняло дело. Четверо взрослых мужчин, один из которых — вооружён и настороже. Даже если он убьёт одного или двоих, остальные навалятся и задавят числом. Слишком рискованно.

Он медленно отступил назад, продолжая наблюдать за поляной. Его ноги ступали бесшумно, тати была направлена в сторону возможной угрозы. Он отходил до тех пор, пока запах дыма не стал едва различимым, а голоса не растворились в шуме ветра.

Только тогда он позволил себе выдохнуть.

Он вернулся на то место, где горел его костёр, и проверил, не осталось ли следов. Земля была холодной, пепел — развеянным. Хорошо.

Макуто забрался на высокую сосну и устроился в развилке ветвей, прижимая меч к груди. Ночь обещала быть холодной, но он не боялся холода. Он боялся только одного — быть слишком медленным в тот момент, когда судьба наконец столкнёт его с теми, кто убил его семью.

А до этого момента нужно было просто выжить. И заработать хо-рё. Много хо-рё.

Он закрыл глаза, но не спал. Он слушал лес — каждый шорох, каждый крик ночной птицы. И думал.

Завтра он пойдёт на большую дорогу. Будет ждать. Торговые караваны ходят часто. Кто-то обязательно возьмёт мальчишку с мечом в охрану. А если не возьмут... он найдёт другой способ. Всегда есть другой способ.

Сосна тихо скрипела под порывами ветра. Где-то далеко, за границей, в Стране Горячих Источников, светились огоньки деревень. Там люди спали в тёплых постелях, не зная, что в лесу, в нескольких километрах от них, десятилетний мальчик с мечом отца готовится к войне, которая ещё не началась, но уже неотвратимо приближалась.

Солнце поднялось выше вершушек деревьев, когда Макуто спрыгнул с сосны и приземлился на мягкий мох. Ночной холод ещё держался в тени, но лучи уже начинали прогревать воздух. Мальчик поправил тати на поясе, проверил крепление ножен и затянул потуже верёвку на кимоно. Соломенная шляпа надвинута на лоб, плащ из шкур накинут поверх всего — в таком виде он походил на бродягу, каких много скиталось по дорогам Страны Огня.

До большой дороги было около часа ходьбы, если идти быстрым шагом. Макуто двинулся через лес, выбирая тропы, которые знал с прошлого года. Миновал пересохший ручей, обогнул болото, где водились пиявки, и вышел к просёлочной дороге, что вела к небольшой деревушке на границе двух стран.

Первая деревня называлась Каваю — пятьдесят домов, кузница, лавка торговца и постоялый двор. Типичное поселение, живущее за счёт путников, которые направлялись в Страну Горячих Источников или обратно. Макуто вышел на главную улицу и окинул взглядом обстановку. Несколько крестьян тащили мешки с рисом, старуха сидела у порога своего дома и чистила рыбу, двое мужчин спорили о цене на древесину.

Мальчик направился к постоялому двору. Двухэтажное здание из тёмного дерева с вывеской, на которой была нарисована чашка sake. Он толкнул дверь и вошёл внутрь. В помещении пахло жареным мясом, старой

соломой и табаком. За стойкой стоял полноватый мужчина с лысиной и усами. Он поднял глаза на вошедшего и нахмурился.

— Что нужно? — голос у него был грубый, с хрипотцой.

Макуто подошёл к стойке. Глаза его оставались спокойными, голос — ровным.

— Работа. Охрана каравана или сопровождение. Могу убить зверя или разбойника.

Мужчина усмехнулся, оглядывая тощую фигуру в рваном кимоно.

— Ты, парень? Работа не для таких. Возвращайся домой к матери.

— У меня нет матери, — ответил Макуто без тени эмоций. — Есть меч и навыки. Спроси у местных, кто водится в этих лесах. Я мог бы принести голову того медведя, что задрал двух охотников прошлой осенью, но мне нужны не медведи, а заказ.

Трактирщик на секунду задумался. Глаза его сузились, он внимательно посмотрел на тати, пристёгнутый к поясу мальчика. Клинок был в хорошем состоянии, ножны — из качественной кожи. Это говорило о том, что парень не простой бродяга.

— Есть один человек, — сказал трактирщик, понизив голос. — Купец по имени Токита. Торгует тканями и шёлком, возит товар из столицы в приграничные города. Ему всегда нужны мечи для охраны, потому что на северной дороге шалют бандиты из бывших шиноби, которые сбежали из своих деревень и промышляют грабежом. Но он не станет нанимать мальчишку.

— Познакомь меня с ним.

— Зачем мне это?

Макуто положил на стойку пятьдесят рё — половину того, что у него было. Трактирщик посмотрел на монеты, потом на мальчика.

— Двадцать рё за разговор, — сказал он, забирая деньги. — Токита будет здесь завтра утром. Приходи на рассвете. Если он откажет — твои проблемы.

Макуто кивнул и вышел на улицу.

До вечера он обошёл ещё три деревни в округе — везде одна и та же картина: местные жители смотрели с подозрением, торговцы качали головами, старосты отмахивались, как от назойливой мухи. Никто не хотел связываться с мальчишкой, даже если тот носил меч. В одной деревне, правда, ему предложили работу — выкорчевать пни за шестьсот рё в день. Макуто отказался. Его время стоило дороже, чем работа крестьянина.

К вечеру он вернулся к постоялому двору, снял комнату за двадцать рё и заказал ужин. Ел медленно, без спешки, прислушиваясь к разговорам за соседними столами. В основном болтали о ценах на соль, о том, что даймё повысил налоги, и о странных шиноби, которых видели на востоке.

Один из разговоров привлёк его внимание.

— Слышал, в Конохе теперь берут задания даже генины, — сказал бородатый мужчина с повязкой на глазу. — Платить должны хорошо. Мне один купец рассказывал: за сопровождение каравана платят от тридцати до ста тысяч рё. Это если задание уровня С.

— А что за задания уровня С? — спросил его собеседник, тощий парень с длинными волосами.

— Конвоирование, охрана обозов, поимка диких зверей. Всякое, где есть вероятность встретиться с бандитами. Не с ниндзя, конечно, с обычными ворами. Хотя бывает по-всякому.

— А дороже есть?

— Есть. Задания уровня В — от ста пятидесяти до двухсот тысяч рё. Их дают только чунинам и опытным генинам. Там уже можно встретить шиноби из вражеских деревень. А задания уровня А — от восьмидесяти тысяч до миллиона рё. Их выполняют джонины, охраняют важных персон или подавляют отряды шиноби.

— А самый дорогой?

— Уровень S. Миллион рё и выше. Только для лучших из лучших. Убийства важных людей, тайные операции на уровне государства. Такие задания не каждому доверят.

Макуто слушал и запоминал. Он знал, что его уровень силы соответствовал опытному генину или даже слабому чунину. По крайней мере, в кэндзюцу он был сильнее многих. Но без регистрации в скрытой деревне получить официальное задание было невозможно. Единственный выход — частные заказы от купцов и богатых землевладельцев. А они платили меньше и риск был выше.

Он допил чай, поднялся в свою комнату и лёг спать, положив тати рядом с собой.

Утро следующего дня встретило его туманом и холодным ветром. Макуто умылся ледяной водой из колодца, надел плащ и вышел к постоялому двору. Внутри уже сидел мужчина в богатой одежде — шёлковая накидка, расшитая золотыми нитями, сапоги из мягкой кожи, на поясе — короткий меч с инкрустированной рукоятью. Это был Токита.

Трактирщик кивнул в сторону мальчика. Токита поднял бровь и усмехнулся.

— Это и есть твой шиноби? — спросил он у трактирщика. — Мальчишка?

— Я не шиноби, — сказал Макуто, подходя к столу. — Я наёмник. Могу охранять твой караван. Умею обращаться с мечом.

Токита окинул его взглядом. Глаза у купца были цепкие, оценивающие. Он явно привык иметь дело с разными людьми и знал, как отличить болтуна от того, кто действительно умеет убивать.

— Сколько тебе лет?

— Десять.

— Десять, — повторил Токита и покачал головой. — В десять лет я учился считать и писать. А ты предлагаешь мне свои услуги наёмника. С чего мне тебе доверять?

Макуто не ответил. Он медленно вытащил тати из ножен на палец — клинок вышел бесшумно, блеснув сталью в тусклом свете ламп. Лезвие было острым, без единой зазубрины. Макуто сделал один быстрый взмах, и кусок ткани на краю стола, что свисал вниз, оказался разрезан на две идеально ровные половины.

Токита моргнул.

— Хорошо, — сказал он после паузы. — Возьму тебя на испытание. Мой караван выходит через два дня. Будет пять телег с товаром, возчики и трое охранников — плюс ты, если согласишься. Пойдём на север, до города Акацуки. Дорога займёт три дня. Бандиты нападают часто, так что готовься.

— Сколько заплатишь?

— Если дойдём без потерь — двадцать тысяч рё.

Макуто покачал головой.

— Задание уровня С стоит от тридцати до ста тысяч. За двадцать я не соглашусь.

Токита нахмурился.

— Откуда ты знаешь расценки на задания?

— Я много где бывал.

Купец задумался, теребя край накидки. Макуто стоял неподвижно, не сводя с него глаз.

— Сорок тысяч, — сказал наконец Токита. — Но если хоть одна телега будет потеряна — заплачу половину.

— Сорок пять, и я возьму на себя ночные дежурства. Никто из твоих людей не будет спать вполглаза.

Токита усмехнулся.

— Ты умеешь торговаться, парень. Сорок пять. Но если я увижу, что ты не справляешься — выгоню сразу, без денег.

— Согласен.

Купец протянул руку, и Макуто пожал её. Ладонь у торговца была тёплой и сухой, пальцы — сильными.

— Встретимся послезавтра на восточной окраине, у старого склада. Приходи до рассвета, — сказал Токита и поднялся из-за стола.

Макуто кивнул и вышел на улицу.

Два дня до выхода каравана он провёл в тренировках. Каждое утро вставал до солнца, медитировал, применял технику Бездонный Колодец, впитывая чакру из окружающей природы. Затем отрабатывал удары мечом — по десять тысяч взмахов в день, пока руки не начинали гореть огнём. Тайдзюцу — отжимания, приседания, удары ногами и кулаками по

стволам деревьев. Ниндзюцу — проверка манипуляции чакрой, хождение по деревьям и воде, создание теневых копий и базовых стихийных техник.

К вечеру второго дня он был готов. Тело болело, но в мышцах чувствовалась сила. Чакра текла ровно, каналы были чисты. Он поужинал остатками кабаньего мяса, которое сохранилось с прошлой недели, и лёг спать.

Ночь перед выходом была тревожной. Макуто лежал с открытыми глазами и слушал ветер за окном. Где-то далеко, на востоке, сверкнула молния — приближалась гроза. Он думал о том, что его ждёт на северной дороге. Бандиты из бывших шиноби — это серьёзно. Даже если они потеряли большую часть своих навыков, они всё равно опаснее обычных разбойников. Но он справится. Должен справиться.

На рассвете он вышел из гостиницы и направился к складу. Небо было серым, тяжёлые тучи набухали влагой. В воздухе пахло грозой. Когда он подошёл к месту встречи, караван уже собирался. Пять телег, запряжённых лошадьми, гружёных тюками с шёлком и тканями. Возчики — четверо крепких мужчин в потрёпанной одежде. Трое охранников — двое с короткими мечами, один с луком. И сам Токита, который сидел на первой телеге и курил трубку.

— Ты вовремя, — сказал купец, заметив Макуто. — Садись на последнюю телегу, будешь замыкающим. Если заметишь что-то подозрительное — сразу сигнал. Свистишь громко, и мы готовимся к бою.

Макуто кивнул и забрался на телегу. Устроился на тюках с тканью, положив тати на колени. Шляпу надвинул на лоб, чтобы лицо было в тени.

Караван тронулся. Лошади зацокали копытами по грязной дороге. Вскоре начал моросить дождь — мелкий, холодный, противный. Макуто не

обращал на него внимания. Он смотрел по сторонам, сканируя лес, который тянулся вдоль дороги. Каждое движение в кустах, каждый шорох — всё это могло быть сигналом опасности.

Первый день прошёл без происшествий. К вечеру караван остановился у придорожной гостиницы, где Токита арендовал конюшню для лошадей и комнаты для людей. Макуто не спал всю ночь — сидел на крыльце с мечом в руках и всматривался в темноту. Дождь усилился, превратившись в ливень. Вода стекала с полей его шляпы, промочила плащ насквозь, но он не ушёл внутрь. Ночные дежурства — его обязанность по договору.

На второй день, когда караван проезжал через узкий участок дороги между двумя холмами, Макуто почувствовал неладное. Тишина. Слишком тихо для леса. Даже птицы не пели.

— Стоять, — сказал он громко, перекрывая шум дождя.

Караван замер. Токита обернулся.

— Что случилось?

— Засада.

Макуто спрыгнул с телеги и вытащил тати. Лезвие блеснуло в сером свете. Он прикрыл глаза и сосредоточился на сенсорике — способности чувствовать чакру других людей. Да, там, на вершинах холмов, были сигнатуры. Пять человек. Чакра слабая, неровная — бывшие шиноби, потерявшие форму, но всё ещё опасные.

— Пятеро, — сказал Макуто. — На холмах. Вооружены, но чакра нестабильна. Возможно, бандиты.

Охранники напряглись. Лучник натянул тетиву.

— Что будем делать? — спросил Токита, побледнев.

— Ждать. Они нападут, когда поймут, что их заметили.

И действительно, через минуту из леса вышли пятеро мужчин в рваных плащах и масках. У каждого было оружие — мечи, кунаи, один держал катану. Их предводитель — высокий, с шрамом на лице — шагнул вперёд и усмехнулся.

— Товар оставляете, — сказал он хриплым голосом. — Жизни сохраним.

— Нет, — ответил Макуто, делая шаг вперёд.

Бандит рассмеялся.

— Ты, мальчишка? Против пятерых?

— Я против тебя, — сказал Макуто, поднимая тати. — Остальные — против моих людей.

Предводитель перестал смеяться. Он посмотрел на меч мальчика, на его стойку — низкую, с мечом, выставленным вперёд, — и что-то промелькнуло в его глазах. Уважение? Или страх?

— Зря ты это затеял, парень.

Он бросился вперёд с катаной. Макуто не отступил. Он встретил удар блоком, скользнул в сторону и нанёс ответный — быстрый, точный, почти неуловимый. Клинок полоснул бандита по руке. Тот взвыл от боли и выронил оружие.

Остальные четверо бросились в атаку. Охранники Макуто ответили — лучник выпустил стрелу, один из мечников вступил в бой с ближайшим врагом. Макуто двигался между ними как тень — уклонялся от ударов, наносил свои, не давая противникам окружить себя. Его тати работал быстро и смертоносно — каждое движение было выверено до миллиметра, каждое дыхание подчинено ритму боя.

Через пять минут всё было кончено. Двое бандитов лежали на земле с глубокими ранами, трое сбежали, бросив раненых товарищей. Макуто стоял в центре поляны, тяжело дыша. Его кимоно было порвано в нескольких местах, но сам он не получил ни одной серьёзной раны — только царапину на левой руке, которая почти не кровоточила.

Токита подошёл к нему, с уважением глядя на мальчика.

— Ты справился, — сказал купец. — Я не ожидал.

— Мы договаривались на сорок пять тысяч, — ответил Макуто, убирая тати в ножны. — Плюс премия за отражение атаки.

Токита усмехнулся.

— Договорились. Пятьдесят пять. Ты это заслужил.

Макуто кивнул и вернулся на телегу.

Караван двинулся дальше, оставив за спиной холмы и мёртвую тишину леса. Дождь постепенно стихал, небо начинало светлеть. Макуто сидел на тюках с тканью, перевязывал царапину на руке и думал о том, что эти деньги — лишь капля в море. Ему нужно больше. Гораздо больше. Чтобы выследить тех, кто убил его клан. Чтобы нанять информаторов. Чтобы купить лучшее оружие. И чтобы тренироваться, тренироваться, тренироваться, пока его уровень силы не станет достаточно высоким, чтобы встретиться с врагами лицом к лицу.

Он посмотрел на меч отца и прошептал:

— Мы идём дальше.

Лес ответил ему тишиной.

Ночь опустилась на лесную дорогу, когда караван остановился на привал. Телеги встали кругом, образуя импровизированное укрепление. Лошадей распрягли и увели под навес из веток, который возчики соорудили за десять минут. Костер развели малый, почти бездымный, чтобы не привлекать лишних глаз. Токита сидел у огня, курил трубку и делал пометки в потрепанной учетной книге. Охранники устроились по краям лагеря, но Макуто не последовал их примеру.

Он выбрал место на возвышении, откуда просматривалась вся дорога и лесные склоны по обе стороны. Забрался на толстую ветку старого дуба, устроился в развилке и замер. Шляпа надвинута на лоб, плащ накинут поверх кимоно, тати лежит на коленях, готовый к немедленному применению. Взгляд скользит по темной кромке леса, уши ловят каждый звук. Ночная смена продлится до рассвета — восемь часов без сна, без движения, без права на ошибку.

Час прошел в тишине. Второй час принес шум ветра и далекий крик ночной птицы. Макуто не шевелился. Его дыхание оставалось ровным, пульс замедлился до минимума. Он впал в состояние, которое сам для себя называл «бодрствующий сон» — тело отдыхает, но сознание держит периметр. Два года выживания в лесу научили его этому трюку.

Третий час принес тревогу. Тишина стала слишком плотной. Макуто уловил это за секунду до того, как лес затих окончательно. Даже сверчки замолчали. Его пальцы сжали рукоять тати, но он не встал. Раннее движение может спугнуть нападающих. Лучше наблюдать и ждать.

Сигнатуры чакры проявились на границе его сенсорного восприятия. Шесть человек. Двигались с юга, обходя лагерь полукругом. Чакра у четверых была слабой, почти неразличимой — обычные люди, возможно, бандиты без шинобийской подготовки. Двое имели более плотные сигнатуры, но неровные, словно их резервы давно не пополнялись должным образом. Бывшие шиноби, опустившиеся до разбоя.

Макуто спустился с дерева беззвучно, как падающий лист. Приземлился на мягкую землю, согнув колени, и скользнул к телегам. Токита поднял голову, увидел силуэт мальчика и открыл рот, но Макуто прижал палец к губам. Купец понял и замер.

— Шесть человек, — прошептал Макуто. — Идут с юга. Четверо обычных, двое из бывших шиноби. Будут нападать через десять минут.

Охранники проснулись от шепота. Лучник натянул тетиву, двое мечников обнажили клинки. Токита убрал трубку и книгу, спрятался за телегу с тюками шёлка.

— Я выйду первым, — сказал Макуто. — Убью тех двоих, у кого есть чакра. Остальных добьете сами. Ждите моего сигнала.

Он не ждал ответа. Растворился в темноте, сделав три бесшумных шага в сторону южного склона. Тати покинул ножны без звука — лезвие блеснуло в слабом свете луны, пробивавшемся сквозь тучи.

Бандиты шли цепью. Первым двигался высокий мужчина с катаной за спиной — одна из сигнатур с чакрой. Второй, чуть позади, нёс короткий меч и кунай в поясной сумке. Остальные четверо тащили дубины и ножи, топали громко, не скрываясь. Профессионализм бывших шиноби не передался их поделщикам.

Макуто выбрал момент. Когда первый бандит поравнялся с большим камнем у края дороги, мальчик вынырнул из-за валуна. Тати описал дугу, целя в шею. Бывший шиноби успел заметить движение, поднял катану для блока, но Макуто уже сменил траекторию — клинок ушел вниз, полоснул по бедру. Кровь брызнула в темноту. Бандит закричал и упал на одно колено.

Второй бывший шиноби отреагировал быстрее. Кунай просвистел в воздухе, целя в голову Макуто. Мальчик уклонился, согнувшись в поясе, и ответил броском собственного куная — ржавого, старого, но все еще смертоносного. Оружие вонзилось в плечо противника. Тот взвыл, выронил короткий меч.

Четверо бандитов с дубинами замешкались. Они привыкли нападать на безоружных купцов, а не на того, кто двигался быстрее их глаз. Макуто воспользовался паузой. Два шага вправо, рубящий удар по ногам первого, колющий — в грудь второго. Кровь залила траву. Оставшиеся двое побежали, но охранники уже вышли из засады. Лучник снял одного стрелой в спину. Мечник догнал второго и прикончил ударом в поясницу.

Бывшие шиноби пытались уползти в лес. Макуто не позволил. Догнал первого, того, с раненой ногой, и добил точным ударом в основание

черепа. Второй попытался бросить кунай, но рука не слушалась — плечо было пробито насквозь. Макуто подошел, взял его за волосы, заставил посмотреть в глаза.

— Кто послал? — спросил он тихо.

— Никто... сами... голодные...

— Где ваш лагерь?

— К востоку... два часа... пещеры...

Макуто отпустил волосы. Один взмах тати — и бывший шиноби перестал дышать.

Он вернулся в лагерь, когда охранники уже обыскивали тела. Токита стоял у телеги, бледный, но спокойный.

— Все шестеро мертвы, — сказал Макуто, вытирая клинок о траву. — Я нашел следы их лагеря. Завтра утром схожу, посмотрю, что там есть. Может быть, найдется что-то ценное.

— Ты ранен?

Макуто осмотрел себя. Царапина на левой руке — кунай задел кожу, когда он уклонялся от второго броска. Глубоко, но не опасно. Он покачал головой.

— Пустяки. Затяну сам.

Он отошел к дереву, сел на корточки и достал из мешка бинты и мазь. Белая густая паста пахла травами и йодом — дешевое средство, купленное в придорожной лавке, но работало неплохо. Макуто очистил рану краем рукава, нанес мазь толстым слоем, затем наложил бинт. Затянул туго, но не слишком — чтобы кровь циркулировала. Движения были быстрыми и уверенными. Он делал это сотни раз за последние два года.

Остаток ночи он не спал. Сидел на том же дереве, смотрел на восток, где за лесом прятались пещеры бандитов. В голове прокручивал план утреннего похода. Лагерь мог хранить оружие, еду, возможно, деньги. Все это пригодится. Но главное — информация. Откуда эти двое с чакрой? Кто их знал? Кто мог их нанять?

Рассвет пришел медленно, разгоняя тьму серыми лучами. Макуто спустился с дерева, проверил повязку — мазь впиталась, кровь остановилась. Перевязал заново, на этот раз свободнее, чтобы рука не немела.

Токита уже встал, пил чай из походного термоса.

— Идешь?

— Иду.

— Возьми кого-нибудь с собой.

— Не нужно. Я быстрее один.

Макуто взял мешок для трофеев, проверил запас кунаев — осталось семь из десяти. Тати на поясе, шляпа на голове, плащ на плечах. Он двинулся на восток, в лес, следуя за кровавым следом, который оставили умирающие бандиты.

Два часа быстрого марша по пересеченной местности. Макуто перепрыгивал через поваленные стволы, обходил болотистые низины, держал направление по солнцу. Кровь на листьях становилась гуще — раненые бандиты шли медленно, теряя силы. Потом след свернул к скалистому обрыву.

Пещер было три. Маленькие, тесные, похожие на норы. У входа в первую Макуто заметил кострище и остатки еды. Внутри — вонь, грязь и тюк с краденым товаром. Шелк, ткань, несколько серебряных монет. Макуто забрал монеты и небольшой мешочек с травами, которые пахли лекарственно.

Вторая пещера оказалась пустой. Третья — складом оружия. Ржавые кунаи, три коротких меча в плохих ножнах, десяток сюрикенов и странный клинок, похожий на танто, но с изогнутой гардой. Макуто взял сюрикены и танто. Остальное оставил — тащить тяжело, а ценность невелика.

На выходе из пещеры он наткнулся на труп. Один из бывших шиноби, добитый ночью, лежал у камня, поджав ноги. Макуто обыскал его — нашел потрепанную карту Страны Огня, несколько монет и письмо на пергаменте. Буквы были размыты, но некоторые слова читались: «...доставка в порт... товар пойдет на север... жди сигнала...» Адресата не было. Подписи не было.

Макуто спрятал письмо в мешок. Информация могла пригодиться позже.

К каравану он вернулся через три часа. Телеги были загружены, лошади запряжены, Токита нервничал у дороги.

— Что нашел?

— Монеты, оружие, травы. И письмо. Твои люди умеют читать?

— Один умеет. Дай сюда.

Макуто протянул пергамент. Охранник с луком развернул его, прочитал, нахмурился.

— Похоже на контрабанду. Товар из страны Ветра через порт Одате, потом на север, в страну Медведей. Дата поставлена на прошлый месяц.

— Значит, бандиты работали не сами, — сказал Макуто. — Кто-то их нанял для прикрытия караванов. Или они грабили для кого-то.

Токита побледнел еще сильнее.

— Если это так, то нам нужно убираться отсюда быстрее. Нанявшие их люди могут прийти проверить, почему лагерь молчит.

— Согласен. Двигаемся сейчас.

Телеги тронулись через десять минут. Макуто снова занял место на последней телеге, сжимая в руке новый танто. Лезвие было острым, легче тати, удобным для ближнего боя. Он сунул его за пояс, рядом с тати, и приготовился к долгому переходу.

Дорога потянулась через лес, мимо высохших ручьев и старых каменных мостов. Облака сгущались, обещая дождь к вечеру. Макуто не обращал внимания на погоду. Он перебирал в голове детали утренней находки. Письмо, контрабанда, страна Медведей. Кто стоял за всем этим? Может быть, те же люди, кто уничтожил его клан? Или другие? Он не знал. Но он запомнил каждое слово из письма.

Информация — это сила. А сила — это путь к мести.

К вечеру караван добрался до небольшой деревни у подножия холмов. Токита арендовал комнаты в гостинице, заплатил Макуто сорок пять тысяч рё, как и договаривались, плюс пять тысяч премии за отражение нападения. Мальчик пересчитал монеты, кивнул и ушел в свою комнату.

Он снял кимоно, осмотрел тело. Синяки на ребрах — следствие удара древком копья во время вчерашней схватки. Царапина на руке затягивалась, но все еще болела. Он нанес свежую мазь, перебинтовал рану, затем лег на жесткую койку и закрыл глаза.

Завтра нужно будет искать новую работу. Денег хватит на месяц-другой, но этого мало. Ему нужно больше. Гораздо больше.

Он заснул с мыслью о том, что завтра же отправится в город Акацуки и найдет там посредника, который свяжет его с крупными заказами. А пока — отдых. Три часа сна, и снова в путь.

Луна светила в окно, бросая серебряный свет на лицо спящего мальчика. Тати лежал рядом, под правой рукой. Танто — под левой. Оружие всегда должно быть близко. Это правило он выучил на собственной шкуре.

Пятая телега мерно покачивалась на ухабах проселочной дороги. Тюки с

шелком и тканью, на которых сидел Макуто, образовывали неровную, но достаточно устойчивую платформу. Соломенная шляпа, надвинутая на самые брови, отбрасывала тень на его лицо, скрывая от случайных взглядов направление взгляда карих глаз. Караван двигался уже четвертый час с момента утренней остановки. Впереди, в конце дня, должен был показаться город Акацуки — конечная цель этого путешествия.

Макуто не сводил глаз с лесной опушки, тянувшейся вдоль правой стороны дороги. Его сенсорное восприятие работало на полную мощность, сканируя пространство в радиусе полутора километров на предмет посторонних сигнатур чакры. Пока ничего. Только слабые, едва уловимые отголоски лесных животных и редких птиц. Он знал, что настоящая опасность может прийти неожиданно, как это случилось два дня назад, когда бандиты напали на караван в узком проходе между холмами.

Левая рука, перевязанная свежими бинтами, лежала поверх тюка. Мазь, которую он нанес на рану утром, уже впиталась, оставив легкое ощущение тепла и покалывания. Рана затягивалась хорошо, без признаков заражения. Опыт выживания в лесу научил его ценить каждую траву, каждый корень, способный остановить кровь или предотвратить воспаление. Дешевые лекарства из придорожных лавок работали, но он предпочитал полагаться на собственные знания, добытые методом проб и ошибок.

Правая рука Макуто лежала на рукояти тати. Холодная сталь гарды касалась его пальцев через тонкую ткань кимоно. Меч был готов покинуть ножны в любой момент. Это правило он вбил в себя за два года скитаний: оружие всегда должно быть под рукой. Никогда не знаешь, когда понадобится клинок.

Взгляд мальчика скользнул по дороге вперед, туда, где ехала первая телега с Токитой. Купец курил трубку и, казалось, дремал, но его плечи были напряжены. Возчики переговаривались тихо, почти шепотом. Охранники — двое с мечами и один с луком — сидели на своих местах, оглядываясь по сторонам. Все были настороже.

Макуто полез в мешок, висевший на поясе, и достал письмо, найденное в пещере бандитов. Размытые чернила, выцветший пергамент. Он перечитал знакомые строки в десятый раз: «...доставка в порт... товар пойдет на север... жди сигнала...» Адресата не было. Подписи не было. Но сам факт существования такого письма говорил о многом. Бандиты были не самостоятельной группой. Кто-то стоял за ними. Кто-то нанимал их для прикрытия контрабанды. Или для чего-то большего.

Макуто аккуратно сложил письмо и убрал его обратно в мешок. Информация стоила дороже денег. Она могла привести его к тем, кто уничтожил его клан. Или, по крайней мере, указать направление.

Он достал из мешка танто — клинок, найденный в третьей пещере. Металл был темным, почти черным, с легким синеватым отливом. Гарда изогнутая, необычной формы. Лезвие короткое, около тридцати сантиметров, но тяжелое, с идеальным балансом. Макуто повертел клинок в руке, оценивая его вес и форму. Танто подходил для ближнего боя — быстрых колющих ударов в щели между ребрами или в шею. Он мог дополнить тати, который был хорош для рубящих атак и защиты от нескольких противников.

Он сунул танто за пояс, рядом с тати, и проверил крепление. Оба клинка должны быть доступны в любой момент. Два меча лучше, чем один. Особенно когда ты один против многих.

Затем он вытащил из мешка горсть сюрикенов — острые металлические звездочки с четырьмя концами. Он нашел их в той же пещере, что и танто. Сюрикены были ржавыми, но все еще смертоносными. Макуто пересчитал их: двенадцать штук. Он распределил их по поясной сумке, оставив три в рукаве — на случай внезапной атаки.

Оружие было инструментом. Как и чакра. Как и кэндзюцу. Макуто знал, что его уровень владения мечом — А — выше, чем у большинства его сверстников. Но этого было недостаточно. Враги, убившие его клан, были взрослыми шиноби. Опытными. Обученными. И их было много.

Он закрыл глаза на секунду, сосредоточившись на внутреннем потоке чакры. Техника Бездонный Колодец работала постоянно, преобразуя энергию из окружающей среды в дополнительные запасы. Сегодня утром он потратил час на медитацию, впитывая Инь и Янь из леса. Результат был замечен — чакра текла ровно, каналы были чисты, резерв увеличился на несколько процентов. Но этого было мало. Он должен был тренироваться больше. Каждый день. Каждый час.

Сенсорное восприятие снова предупредило его о приближении. Сигнатура чакры — одна, слабая, нестабильная. Двигалась быстро, но неуверенно, словно человек бежал, спотыкаясь. Макуто открыл глаза и повернул голову влево, в сторону леса.

Через тридцать секунд из-за деревьев выскочил человек. Мужчина, лет тридцати, в рваной одежде, с окровавленным лицом. Он бежал к дороге, размахивая руками и что-то крича. Охранники напряглись. Лучник натянул тетиву.

— Стой! — крикнул один из охранников. — Не подходи!

— Помогите! — закричал мужчина, падая на колени. — На нас напали! Разбойники! Они в лесу! У них заложники! Помогите, прошу!

Токита поднял руку, останавливая караван. Он обернулся и посмотрел на Макуто. Мальчик покачал головой. Слишком просто. Слишком театрально. Сигнатура чакры у мужчины была нестабильной, но это могло быть вызвано страхом или кровопотерей. Или это была ловушка.

— Где напали? — спросил Токита, не слезая с телеги.

— В двух километрах отсюда, на север! У них моя жена и дочь! Они требуют выкуп! У меня нет денег! Помогите, я заплачу!

Макуто спрыгнул с телеги и подошел к мужчине. Тот смотрел на него снизу вверх, и в его глазах читалось отчаяние. Или хорошо сыгранная роль.

— Сколько разбойников? — спросил Макуто.

— Пятеро... или шестеро... я не помню... они в масках, с мечами... они убили моего брата...

— Ты шиноби?

— Нет, я крестьянин... мы шли в город, торговать...

Макуто посмотрел на его руки. Грубые, в мозолях, но не от меча — от топора или лопаты. Ладони чистые, без следов обращения с оружием. Одежда крестьянская, грубая, из дешевой ткани. Кровь на лице была настоящей — рана на лбу, глубокая, но не смертельная.

— Токита, — сказал Макуто, не оборачиваясь. — Мы должны проверить.

— Это может быть ловушка.

— Может. Но если это правда, то мы проедем мимо людей, которым нужна помощь.

Купец задумался. Он теребил край накидки, глядя то на Макуто, то на мужчину. Караван стоял на дороге, лошади фыркали и били копытами. Возчики переглядывались, нервничая.

— Хорошо, — сказал наконец Токита. — Мы проверим. Но если это ловушка — ты отвечаешь за всех, кто пострадает.

Макуто кивнул и повернулся к мужчине.

— Веди. Но если ты врешь — я убью тебя сам.

Мужчина кивнул и поднялся на ноги. Он повернулся и побежал обратно в лес, указывая направление. Макуто двинулся за ним, держа правую руку на рукояти тати. Охранник с луком последовал за ним на расстоянии двадцати шагов. Остальные остались у телег, готовые к обороне.

Лес был густым, с высокими соснами и старыми дубами. Подлесок из папоротника и колючего кустарника затруднял движение. Макуто бежал быстро, перепрыгивая через корни и камни, не отставая от мужчины. Через пять минут они вышли на небольшую поляну.

На поляне стояла телега, похожая на те, что были в караване Токиты. Рядом лежал труп мужчины — брат, как сказал крестьянин. В центре поляны стояли пятеро разбойников в масках и рваных плащах. У них были мечи и кунаи. Они держали двух заложников — женщину и девочку лет семи.

— Стоять! — крикнул предводитель разбойников, высокий мужчина с повязкой на глазу. — Ни шагу дальше, или они умрут!

Макуто остановился. Он посмотрел на разбойников, оценивая их сигнатуры чакры. Четверо из них были обычными людьми — чакра слабая, почти неразличимая. Один, предводитель, имел более плотную сигнатуру — бывший шиноби, как и те двое, что напали на караван два дня назад. Его чакра была неровной, словно он давно не тренировался.

— Отпустите их, — сказал Макуто спокойно. — И вы уйдете живыми.

Предводитель рассмеялся.

— Ты, мальчишка? Против пятерых? У нас заложники. Вы будете делать то, что мы скажем.

Макуто не ответил. Он посмотрел на мужчину-крестьянина, который стоял рядом с ним, дрожа от страха. Или от адреналина. Сигнатура чакры мужчины оставалась слабой, но что-то в ней было не так. Слишком ровной для человека, который только что потерял брата и бежал за помощью.

— Ты с ними, — сказал Макуто, не оборачиваясь.

Мужчина замер. Его глаза расширились.

— Что? Нет! Я...

— Твоя чакра слишком спокойна. Ты не боишься. Ты знал, что они здесь.

Предводитель разбойников усмехнулся.

— Умный мальчишка. Жаль, что ты умрешь.

Он подал знак. Один из разбойников занес меч над головой девочки. Женщина закричала. Крестьянин отскочил в сторону и вытащил из-за пояса кунай — короткий нож, который был спрятан под одеждой.

Макуто двинулся быстрее, чем они ожидали. Три шага вправо, уклоняясь от брошенного куная, затем рывок вперед, к предводителю. Тати покинул ножны в долю секунды, лезвие блеснуло в солнечном свете, пробивавшемся сквозь кроны деревьев.

Первый удар пришелся на меч предводителя. Блок, скрежет металла, искры. Макуто не остановился — он продолжил движение, скользнул влево и нанес второй удар, целя в ноги. Предводитель отпрыгнул, но не успел — клинок полоснул его по бедру, оставляя глубокую рану.

Остальные разбойники бросились в атаку. Макуто использовал танто, выхватив его левой рукой. Два клинка работали в унисон — тати рубил, танто колот. Один разбойник упал с пробитым горлом, второй — с разрубленной ключицей.

Крестьянин с кунаем попытался напасть со спины. Макуто почувствовал его приближение благодаря сенсорике и развернулся. Блок танто, удар ногой в живот, затем тати входит в плечо. Крестьянин закричал и упал на землю.

Четвертый разбойник попытался сбежать, но охранник с луком снял его стрелой в спину. Пятый бросил оружие и поднял руки.

Предводитель лежал на земле, истекая кровью. Макуто подошел к нему, приставил тати к горлу.

— Кто вас нанял? — спросил он.

— Никто... мы сами...

— Письмо. В пещере. «Доставка в порт». Кто заказчик?

Предводитель посмотрел на него мутными глазами. Кровь текла из раны на бедре, окрашивая траву в красный цвет.

— Я не знаю... мы работали на человека из города... он платил нам за нападения на караваны... и забирал товар...

— Имя.

— Я не знаю... он всегда был в маске... платил монетами из страны Медведей...

Макуто нажал лезвием сильнее. Кожа на шее предводителя лопнула, потекла тонкая струйка крови.

— Город. Какой город?

— Акацуки... он живет в Акацуки... в старом квартале, у порта...

Макуто убрал тати. Предводитель облегченно выдохнул, но через секунду его глаза расширились — мальчик резким движением вогнал танта ему в сердце. Один удар, точный и быстрый. Смерть наступила мгновенно.

Макуто вытер клинки о траву и убрал их в ножны. Он подошел к заложникам — женщина и девочка сидели на земле, обнявшись и плача. Девочка была в шоке, но жива. Женщина имела несколько синяков на лице, но серьезных ран не было.

— Все кончено, — сказал Макуто. — Вы свободны.

Он повернулся к охраннику с луком, который стоял у края поляны.

— Помоги им добраться до каравана. Мы довезем их до города.

Охранник кивнул и подошел к женщине, помогая ей подняться.

Макуто обыскал тела разбойников. Нашел еще несколько монет из страны Медведей, два куная в хорошем состоянии и небольшой мешочек с травами — лекарственными, похожими на те, что он нашел в пещере. Он забрал все и вернулся к каравану.

Токита сидел на первой телеге, бледный, но спокойный. Увидев Макуто, он кивнул.

— Все мертвы?

— Да. Пятеро. Плюс тот, что привел нас в лес. Он был с ними.

— Ловушка?

— Да. Но мы справились.

Макуто забрался на свою телегу, на тюки с тканью. Устроился поудобнее и закрыл глаза. Не для сна — для медитации. Техника Бездонный Колодец требовала постоянной подпитки. Чем больше он использовал чакру, тем больше нужно было впитывать из внешней среды.

Он сосредоточился на ощущениях — на тепле солнца, на запахе хвои и влажной земли, на вибрации дороги, передающейся через телегу. Инь и Янь окружающего мира проникали в его чакра-каналы, превращаясь в чистую энергию. Резерв рос. Медленно, но верно.

Караван двинулся дальше. До города Акацуки оставалось около двух часов пути. Макуто знал, что в городе его ждет не только отдых и горячая еда. Там его ждал человек, который нанимал бандитов. Человек, который платил монетами из страны Медведей. Человек, который мог знать что-то о контрабанде, о товаре, идущем на север, о сигналах и доставках.

Информация — это сила. А сила — это путь к мести.

Он откроет это дело. Найдёт этого человека. И вытрясет из него все, что он знает. А потом — продолжит путь. Дальше. Глубже. Ближе к тем, кто уничтожил его клан.

Лес шумел за околицей. Дорога вела к городу. А впереди, за горизонтом, ждала война, которая еще не началась, но уже неотвратимо приближалась.

Город Акацуки встретил караван серыми каменными стенами и тяжелыми деревянными воротами, окованными железом. Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в багровые тона. У въезда стояли двое стражников в

легких доспехах, с короткими мечами на поясах. Они окинули караван ленивыми взглядами, но пропустили без вопросов — видимо, Токита здесь был частым гостем.

Макуто сидел на последней телеге, впитывая детали. Узкие улочки, двухэтажные дома из темного дерева, вывески лавок, запахи жареного мяса и рыбы. Город жил своей обычной жизнью — торговцы зазывали покупателей, дети бегали по мостовой, старухи сидели у порогов и перебирали бобы. Ничто не указывало на то, что здесь, в старом квартале у порта, обитал человек, нанимавший бандитов для нападения на караваны.

Караван остановился у склада на восточной окраине. Токита спрыгнул с первой телеги и принялся отдавать распоряжения возчикам. Охранники помогали разгружать товар. Макуто остался на своем месте, наблюдая.

Через час, когда последний тюк с шелком был унесен в складское помещение, Токита подошел к мальчику. Купец выглядел уставшим, но довольным — задание выполнено, товар доставлен, все живы.

— Ты хорошо поработал, парень, — сказал Токита, доставая кожаный кошель. — Пятьдесят пять тысяч, как и договаривались. Сорок пять за охрану и десять премии за отражение нападений.

Макуто взял кошель, взвесил на ладони. Монеты звенели приятно. Он сунул деньги за пазуху, под плащ.

— В городе есть постоянный двор, где можно остановиться?

— Трактир «Тихая пристань» в портовом районе. Недорого, чисто, хозяин — мой знакомый. Скажешь, что от Токиты, он сделает скидку.

Макуто кивнул и спрыгнул с телеги.

— Я задержусь в городе на несколько дней. Есть дела.

Токита посмотрел на него внимательно, но ничего не спросил. Купец знал, что наемники не любят лишних вопросов.

— Удачи, парень. Если будешь искать работу — заходи. У меня через две недели новый караван на юг.

Они расстались. Макуто зашагал по улице, держась ближе к стенам домов, сливаясь с вечерними тенями.

«Тихая пристань» оказалась небольшим двухэтажным зданием из почерневшего от времени дерева. Внутри пахло воском и жареным луком. За стойкой стоял коренастый мужчина с седой бородой — хозяин, как понял Макуто.

— От Токиты, — сказал мальчик, кладя на стойку пять монет. — Комната на ночь и ужин.

Хозяин окинул его взглядом, услышав имя купца, и его лицо смягчилось.

— Вторая комната на втором этаже. Ужин принесут через час.

Макуто поднялся по скрипучей лестнице, вошел в комнату, запер дверь на щеколду. Комната была маленькой — койка, стол, табурет, умывальник с кувшином воды. Он сел на койку, положил тати рядом, достал кошель с деньгами и пересчитал монеты. Пятьдесят пять тысяч рё. Неплохо для первой работы. Но этого все еще было мало.

Он думал о будущем. Месть убийцам клана оставалась главной целью, но не единственной. Макуто был сыном наследника клана Фаруд, и на его плечах лежала ответственность за возрождение рода. Когда-нибудь он восстановит клан, построит новую деревню, воспитает новых воинов. Для этого нужны земли, деньги, влияние. И информация.

Человек, нанимавший бандитов, мог стать ключом к большему. Если он связан с контрабандой, идущей через порт, возможно, он связан и с теми, кто уничтожил клан Фаруд. А если нет — все равно, такой человек может быть полезен. Или опасен. В любом случае, его нужно было устранить или подчинить.

Макуто дождался темноты. За окном стихли голоса, улицы опустели. Луна спряталась за тучами, и город погрузился во тьму. Мальчик сменил кимоно на темный плащ, который взял с собой из лагеря. Шляпу оставил в комнате — в темноте она только мешала. Тати остался на поясе, танто — за голенищем сапога. Сюрикены — в поясной сумке и в рукаве.

Он спустился по черной лестнице, через задний двор вышел в переулок. Движения были бесшумными — он словно стал частью темноты.

Старый квартал у порта находился в западной части города. Макуто пошел туда, держась теней, обходя редких прохожих. У него был ориентир — предводитель бандитов сказал, что заказчик живет в старом квартале. Этого было недостаточно, но он найдет. Сенсорика работала на полную мощность, сканируя сигнатуры чакры.

Портовый район встретил его запахом рыбы и гнилых досок. Здесь было беднее — дома покосившиеся, стены в трещинах, на улицах валялся мусор. Макуто прошел мимо двух пьяных матросов, которые не заметили его. Остановился у старой лавки с вывеской «Товары с юга». Внутри горел тусклый свет.

Он закрыл глаза, сосредоточился. Сигнатуры чакры. Одна — в доме напротив. Плотная, ровная, не похожая на обычных людей. Бывший шиноби или наемник. Второй сигнал — в подвале той же лавки. Слабее, но тоже не крестьянский.

Макуто подошел к дому. Окна были заколочены, дверь — массивная, с железной щеколдой. Он обошел здание сзади, нашел черный ход — маленькую дверь, ведущую во внутренний двор. Замок был старым, и мальчик открыл его тонким лезвием танто.

Внутри пахло плесенью и табаком. Коридор вел в большую комнату, где за столом сидел мужчина лет сорока с грубым лицом и шрамом на щеке. Перед ним стояла бутылка саке и тарелка с рыбой. На поясе у него висел меч.

Макуто вошел без стука. Мужчина поднял голову, его рука метнулась к мечу, но мальчик был быстрее. Танто оказался у горла мужчины.

— Тихо, — сказал Макуто. — Одно движение — и ты мертв.

— Кто ты? — прохрипел мужчина, не двигаясь.

— Тот, кто убил твоих людей в лесу. Тех, кого ты нанял грабить караваны.

Глаза мужчины расширились.

— Ты врешь.

Макуто достал из-за пазухи письмо, найденное в пещере, и бросил его на стол.

— Твое письмо. Я нашел его у твоих подельников. Теперь будешь отвечать на вопросы.

Мужчина посмотрел на письмо, затем на мальчика. Страх в его глазах сменился холодной решимостью.

— Даже если ты убьешь меня, тебя найдут. У меня есть покровители. Важные люди.

— Называй имена.

— Иди к дьяволу.

Макуто нажал лезвием сильнее. Кровь потекла по шее мужчины.

— Последний раз. Имена.

— Я не знаю их настоящих имен! Они платят мне, я делаю работу. Контрабанда, грабежи, иногда — убийства. Они из страны Медведей, но встречаемся мы здесь, в порту.

— Как они выглядят?

— Их двое. Всегда в масках. Один высокий, с длинными волосами. Второй — низкий, коренастый. Они шиноби. Сильные.

— Когда следующая встреча?

— Через три дня. На старом пирсе, в полночь.

Макуто убрал танто, но не опустил руку.

— Ты придешь на встречу. И сделаешь все, как обычно. Если ты предупредишь их или попытаешься сбежать — я найду тебя. И тогда смерть будет не самой страшной.

Мужчина кивнул, вытирая кровь с шеи.

— Я понял.

Макуто развернулся и вышел через черный ход, растворившись в темноте. Он не убил мужчину — живой информатор ценнее мертвого. Но он запомнил его лицо, его запах, его чакру. Теперь он мог найти его в любом уголке города.

Три дня. У него было три дня, чтобы подготовиться. Изучить старый пирс, продумать план, отдохнуть. Техника Бездонный Колодец работала, наполняя его резерв собственной чакрой, которая формировалась из энергии тела и духа — Инь и Ян. Чем больше он тренировался, тем больше становился его резерв, тем сильнее он чувствовал себя. Это было не заимствование извне, а раскрытие внутреннего потенциала, расширение сосудов, в которых текла его кровь и его сила.

Он вернулся в «Тихую пристань» за час до рассвета, проскользнул в свою комнату и лег на койку, положив руку на тати.

Через три дня он выйдет на след. Через три дня он узнает имена тех, кто стоит за контрабандой. А потом — будет решать. Убить или использовать. Уничтожить или подчинить.

Он закрыл глаза, но не спал. Он медитировал, впитывая энергию ночи, превращая ее в силу. Техника Фаруд: Бездонный Колодец расширяла его резерв, делая его сильнее. И завтра он будет сильнее, чем сегодня.

А послезавтра — еще сильнее.

Луна вышла из-за туч, осветив его лицо. Мальчик с лицом воина и глазами хищника лежал в дешевой комнате дешевой гостиницы и ждал.

Ждал своего часа.

Рассвет над Акацуки только начинал разгонять ночную мглу, когда Макуто покинул комнату в «Тихой пристани». Он спал всего три часа — этого хватило, чтобы восстановить силы, но недостаточно, чтобы утолить ту глухую настороженность, которая всегда жила где-то в основании черепа. Два года в лесу отучили его спать глубоко.

Он вышел на улицу, когда первые торговцы открывали ставни своих лавок. Город просыпался медленно, с ленцой приморского поселения, где главная жизнь начиналась ближе к полудню, когда в порт заходили корабли. Макуто двинулся в сторону восточного квартала, туда, где вчера приметил несколько оружейных и бронежных лавок.

Деньги, полученные от Токиты, лежали в поясной сумке — пятьдесят пять тысяч рё. Сумма приличная для наёмника его возраста, но Макуто знал цену хорошему снаряжению. Старое кимоно, пропитанное потом и кровью, давно требовало замены. Рваный плащ из шкур пропускал ветер.

Соломенная шляпа, верно служившая два года, треснула во время последней стычки с бандитами.

Первая лавка называлась «Стальной лист». Хозяин — пожилой мужчина с седой бородой и единственным глазом — сидел у входа и курил трубку. Увидев мальчика в обносках, он не проявил интереса, но когда Макуто положил на прилавок пять тысяч рё и сказал: «Мне нужна дзингаса. Железная. Чёрная», — глаз хозяина блеснул.

— Дзингаса? — переспросил он, усмехаясь в усы. — Ты, парень, часом не из самураев будешь?

— Мне нужна шляпа, — ответил Макуто. — Которая защитит голову от меча.

Хозяин кряхтя поднялся и скрылся в глубине лавки. Вернулся с дзингасой — конической железной шляпой, покрытой чёрным лаком. По бокам шли небольшие вентиляционные отверстия, затянутые мелкой сеткой. Края были загнуты вниз, прикрывая шею. Макуто взял шляпу, надел. Тяжелая — около двух килограммов — но сидела хорошо, не сваливаясь на глаза. Он достал зеркальце из поясной сумки и осмотрел себя. Чёрная дзингаса скрывала верхнюю часть лица, оставляя видимыми только глаза и переносицу.

— Сколько?

— Шесть тысяч. Это лучшая в городе. Кованое железо, лак в три слоя.

— Пять. И я возьму ещё один товар.

Хозяин хмыкнул, но согласился. Пять тысяч ушли на дзингасу. Макуто затянул ремешок под подбородком — шляпа держалась крепко, не болталась даже при резком повороте головы.

Вторая лавка находилась в подвальном помещении под складом канатов. Торговец специализировался на броне и защитных приспособлениях. Макуто описал, что ему нужно: комбинезон из плотной ткани с металлической чешуёй под низом. Торговец понимающе кивнул и вытащил с полки свёрток из вощёной бумаги.

— Кусари-катабира, — сказал он, разворачивая ткань. — Японская кольчуга скрытого ношения. Колечки нашиты на ткань, плетение плоское. Носится под верхней одеждой, не стесняет движений. Тысяча колечек на квадратный дак.

Макуто провёл пальцем по металлической чешуе. Колечки были мелкими, плотно пригнанными друг к другу. Он накинул кусари-катабира на плечи — весило около четырёх килограммов, но вес распределялся равномерно. Движения рук не ограничивались, дышать было легко. Зелёная ткань комбинезона не блестела, не привлекала внимания.

— Цена.

— Двенадцать тысяч.

— Десять. И добавь к этому бронированные перчатки и штаны со вставками.

Торговец задумался, почёсывая подбородок. Потом кивнул и ушёл в подсобку. Вернулся с парой перчаток из плотной чёрной кожи, усиленных металлическими пластинами на костяшках и внешней стороне ладони.

Штаны оказались из толстой ткани, с нашитыми металлическими полосами на бёдрах и коленях.

— Перчатки — три тысячи. Штаны — четыре. Итого семнадцать.

— Тринадцать за всё.

— Пятнадцать. И это моё последнее слово.

Макуто достал из сумки пятнадцать тысяч. Торговец пересчитал монеты, удовлетворённо кивнул и помог упаковать покупки в холщовый мешок.

Третья лавка — обувная. Макуто нужны были сапоги с железным носком. Такие, чтобы можно было пробить врагу коленную чашечку или разmozжить пальцы на руке. Обувщик — молодой парень с вечно испачканными чернилами пальцами — показал ему несколько вариантов. Макуто выбрал самые тяжёлые: чёрные кожаные сапоги до середины голени, с железным носком и металлической пластиной на подъёме. Подошва была рифлёной, не скользила на мокрых камнях.

— Четыре тысячи, — сказал обувщик.

— Беру.

Макуто скинул старые деревянные тапочки, надел сапоги. Тяжесть приятно давила на ступни. Он прошёлся по лавке — каблуки гулко стучали по деревянному полу. Железный носок не мешал ходьбе, но давал понять: удар ногой теперь равен удару небольшим молотом.

Оставалась ещё одна важная покупка — плащ. Шёлковый, тёплый, серого цвета. Макуто нашёл такую лавку на центральной улице. Хозяин — тучный мужчина в богатом кимоно — долго расхваливал качество шёлка, но мальчик оборвал его на полуслове:

— Серый. Длина до колен. С капюшоном.

— Шесть тысяч.

— Четыре.

— Пять.

— Четыре с половиной.

— Да будь по-твоему.

Макуто отдал деньги, накинул плащ поверх комбинезона. Серый шёлк приятно охлаждал кожу через ткань. Капюшон был глубоким — в паре с дзингасой он почти полностью скрывал лицо. Только глаза оставались видны.

К полудню он закончил с экипировкой. В лавке оружейника он купил двадцать новых кунаев (по пятнадцать рё за штуку — триста рё), три упаковки сюрикенов по десять штук в каждой (пятьдесят рё за упаковку — сто пятьдесят рё) и новый пояс для крепления мечей — широкий, кожаный, с двумя петлями для тати и танто. Пояс обошёлся в восемьсот рё.

Он вернулся в «Тихую пристань», поднялся в комнату и разложил покупки на койке. Дзингаса, кусари-катабира, перчатки, штаны, сапоги, плащ. Кунаи, сюрикены, новый пояс. Старый тати отца и найденный в пещере танто.

Макуто разделся, смыл с тела грязь холодной водой из умывальника. Затем начал облачаться в новое снаряжение. Сначала кусари-катабира — зелёный комбинезон с металлической чешуёй. Поверх него — штаны с броневыми вставками. Потом перчатки. Сапоги. Пояс с двумя петлями. Тати — в правую петлю, танто — в левую. Плащ — поверх всего. Дзингаса — на голову.

Он подошёл к маленькому зеркальцу, висевшему на стене, и посмотрел на своё отражение. Из зеркала смотрел не мальчик-сирота в рваном кимоно. Из зеркала смотрел воин. Суровый, прагматичный, готовый к бою. Чёрная дзингаса скрывала верхнюю часть лица, серый плащ приглушал силуэт. Перчатки с металлическими пластинами не мешали пальцам — он сжал и разжал кулак несколько раз. Всё было правильно.

Остаток дня он посвятил тренировкам. На заднем дворе гостиницы, за амбаром, где никто не мешал, он отрабатывал движения с новым снаряжением. Кусари-катабира не сковывала движений, но добавляла вес — около четырёх килограммов. Сапоги были тяжелее тапочек почти вдвое. Макуто заставлял себя привыкать к новой экипировке, пока та не становилась продолжением его тела.

Техника Фаруд: Бездонный Колодец работала в фоновом режиме, расширяя его чакра-каналы и наполняя резерв силой, рождённой из единения тела и духа. Каждое движение, каждое дыхание, каждый удар меча по деревянному столбу — всё это превращалось в энергию, которая текла по его венам, укрепляя мышцы, закаляя кости, делая его быстрее и выносливее. Он не брал чакру извне — он выращивал её внутри себя, как самурай выращивает свою волю.

Он бил по столбу тати, танто, кулаками, ногами. Сюрикены и кунаи вонзались в дерево с мерным стуком. Он бросал их с разных дистанций, с разных углов, из разных положений. Руки привыкали к весу нового оружия, глаза — к новой тени от дзингасы.

К вечеру он чувствовал усталость, но не боль. Усталость была полезной — она означала, что мышцы работали, что они станут сильнее за ночь. Он съел миску горячего риса с рыбой, выпил чаю и лёг спать. Завтра — последний день подготовки. Послезавтра — ночь встречи на старом пирсе.

Двадцать восьмой день третьего месяца. До полуночи оставалось четыре часа, когда Макуто покинул «Тихую пристань». На нём была вся новая экипировка: дзингаса, кусари-катабира, перчатки, штаны со вставками, сапоги с железным носком, серый шёлковый плащ. На поясе — тати отца и найденный танто. В поясной сумке — двадцать кунаев и тридцать сюрикенов. За пазухой — несколько метров тонкой стальной лески, купленной у оружейника на случай, если потребуется бесшумно устранить противника.

Он шёл по ночному городу беззвучно, как призрак. Сапоги с железным носком ступали настолько мягко, что даже собаки не поднимали головы. Дзингаса и плащ скрывали его фигуру, делая её почти неразличимой в потёмках.

Старый порт встретил его запахом гниющей рыбы и мазута. Доки пустовали — редкие корабли в это время ночи уже стояли на причале, тёмные и молчаливые. Старый пирс находился в западной части порта, там, где вода была чёрной от отходов, а доски гнили прямо на ходу.

Макуто прибыл за час до условленного времени. Он спрятался в пустом складе, откуда открывался вид на пирс. Сенсорика работала на полную мощность, сканируя сигнатуры чакры в радиусе полутора километров. Пока ничего.

Ровно в полночь он уловил первое движение. Две сигнатуры — плотные, ровные, не похожие на обычных людей. Бывшие шиноби. Или действующие. Он не мог определить с такого расстояния. За ними, на расстоянии ста метров, шла третья сигнатура — слабее, нестабильнее. Тот самый информатор, которого он оставил в живых.

Трое вышли на пирс. Луна пряталась за тучами, но глаз Макуто привык к темноте. Двое в масках — высокий с длинными волосами и низкий, коренастый. Третий — мужчина со шрамом на щеке, которого Макуто допрашивал три дня назад. Он нёс небольшой деревянный ящик.

Разговор начался тихо. Макуто слышал обрывки фраз: «товар... на север... цена прежняя...». Он не стал ждать. Он вышел из укрытия и двинулся к пирсу, держась теней.

Они заметили его, когда он был уже в тридцати шагах. Высокий в маске первым потянулся к оружию, но Макуто бросил сюрикен — лезвие вонзилось в деревянную балку рядом с его головой.

— Никому не двигаться, — сказал Макуто, выходя на свет.

Он стоял на пирсе, в сером плаще и чёрной дзингасе. Глаза блестели в щелях между шляпой и капюшоном. Тати и танто висели на поясе, но он не касался их.

— Кто ты? — спросил высокий. Голос был спокойным, без тени страха. Профессионал.

— Тот, кто задаёт вопросы, — ответил Макуто. — Вы контрабандисты. Работаете на кого-то из страны Медведей. Я хочу знать имена. И хочу предложить сделку.

Низкий коренастый засмеялся, доставая из-за спины короткий меч.

— Мальчишка предлагает сделку? Мы убьём тебя и бросим рыбам.

— Попробуй.

Низкий бросился вперёд быстрее, чем можно было ожидать от его комплекции. Меч описал дугу, целя в шею. Макуто не отступил — он сделал шаг вперёд, блокируя клинок перчаткой. Металлические пластины на костяшках приняли удар, зазвенев, как колокол. Второй рукой Макуто выхватил танто и вонзил его в плечо противника. Низкий взвыл и отшатнулся, но мальчик не отпустил — он надавил на клинок, разрывая мышцы.

Высокий тем временем достал кунай и бросил его. Макуто уклонился, согнувшись в поясе, и ответил своим кунаем — тот вонзился в бедро высокого. Информатор со шрамом на щеке стоял на месте, трясясь от страха, и даже не пытался бежать.

Макуто закончил бой за тридцать секунд. Низкий лежал на досках пирса, истекая кровью из плеча и из новой раны на бедре. Высокий стоял на одном колене, прижимая руку к ноге, из которой торчал кунай. Оба были живы, но небоеспособны.

Макуто подошёл к высокому и сдёрнул с него маску. Под ней оказалось грубое лицо с глубокими шрамами на щеках и лбу. Бывший шиноби из Страны Воды — это читалось в форме скул и в разрезе глаз.

— Ты будешь говорить, — сказал Макуто. — Или я вырежу тебе язык и заставлю смотреть, как твой напарник умирает медленно.

— Ты не посмеешь, — прохрипел высокий. — Нас нанял человек, которого ты не сможешь тронуть. Он из...

— Из страны Медведей, — закончил Макуто. — Знаю. Мне нужно имя.

— Я не знаю его настоящего имени. Он всегда в маске. Но я знаю, где его найти. В порту Кинокуни, в старом квартале. Он владеет складом «Чёрный дракон».

Макуто запомнил. Он вытащил кунай из бедра высокого, тот застонал, но не потерял сознание.

— Ты и твой напарник будете работать на меня теперь. Вы продолжите заниматься контрабандой, но половина прибыли будет идти мне. Вы будете сообщать мне обо всех сделках. Обо всех покупателях. Обо всех продавцах. Если вы предадите — я найду вас. И тогда вы умрёте долго.

Высокий кивнул. У него не было выбора.

Макуто повернулся к информатору со шрамом.

— Ты остаёшься на старом месте. Будешь и дальше нанимать бандитов для налётов на караваны. Но теперь ты работаешь на меня. Отчёт — раз в неделю, в «Тихой пристани», в полдень.

Информатор закивал, не смея поднять глаза.

Макуто развернулся и ушёл в темноту, растворившись в ночи.

Он возвращался в гостиницу, когда в его голове уже складывался новый план. Порт Кинокуни. Склад «Чёрный дракон». Человек в маске из страны Медведей. Новый след. Новый источник силы — не только чакры, но и денег, и информации, и людей, которые будут работать на него.

Макуто из клана Фаруд строил свою империю. Не ради мести — хотя месть оставалась в сердце, холодная и острая, как тати отца. А ради будущего. Ради того, чтобы однажды возродить свой клан, построить новую деревню, стать тем, кого будут бояться и уважать.

До рассвета оставалось три часа. Он снял дзингасу, скинул плащ и лёг на койку, положив руку на тати.

Завтра — новый день. Новые задания. Новые деньги. Новые союзники.

Бездонный Колодец его души наполнялся силой. И эта сила не имела границ.

После того как информатор и двое контрабандистов в масках согласились работать на Макуто, настало время укрепить их лояльность наиболее надёжным способом, известным клану Фаруд. Макуто вернулся в портовый склад, где оставил пленников под присмотром собственного страха. Они не пытались бежать — наколотые кунаи в ногах и плечах делали любое резкое движение мучительным.

Из поясной сумки мальчик достал тонкую стальную иглу. Этот инструмент принадлежал ещё его отцу — глава клана Фаруд использовал его для нанесения меток подчинения на тела пленных самураев и шиноби, которых считал достаточно ценными, чтобы оставить в живых. Игла была

длиной с указательный палец, с едва заметной гравировкой на поверхности — три переплетённых круга, символизирующих Вечный Клан. Макуто нагрел иглу над масляной лампой, дожидаясь, пока металл не начнёт менять цвет на тускло-красный.

Первым был высокий контрабандист с длинными волосами. Макуто закатал рукав его кимоно, обнажая предплечье. Мужчина попытался отдёргнуть руку, но мальчик крепко схватил его за запястье.

— Не двигайся, — сказал Макуто спокойно. — Если дёрнешься, игла сломается, и осколки останутся в твоей плоти. Тогда тебе придётся их вырезать. Без обезболивания.

Высокий замер. Макуто начал выводить на коже знак подчинения — тонкую вязь из восьми символов, которые складывались в формулу контроля над кровью. Игла входила в кожу на глубину ровно в два миллиметра — достаточно, чтобы чернила из кончика иглы попали в капилляры, но не повредили крупные сосуды. Техника требовала ювелирной точности. Макуто учился этому у отца в возрасте шести лет, практикуясь на тушах кабанов, которых убивал во время охоты.

Процесс занял пять минут. Высокий шипел от боли, но терпел. Когда последний символ был завершён, Макуто провёл пальцем по свежей татуировке, вливая в неё каплю своей чакры. Символы вспыхнули слабым красным светом и погасли, оставив на коже тёмно-синий узор.

— Если ты попытаешься предать меня, — сказал Макуто, убирая иглу в специальный футляр из бамбука, — метка активируется. Твоя кровь начнёт закипать изнутри. Сначала ты почувствуешь жар в запястье. Потом он поднимется к локтю, затем к плечу. К тому моменту, когда жар достигнет сердца, ты уже будешь кричать. Смерть наступит через двадцать секунд после того, как ты почувствуешь первый жар. Противоядия нет.

Высокий сглотнул. Его лицо, и без того бледное от потери крови, стало серым.

— Если же ты будешь выполнять мои приказы, — продолжил Макуто, — метка останется просто татуировкой. Через год я сниму её. Если твоя служба будет удовлетворительной.

Он повторил процедуру с низким коренастым контрабандистом и с информатором со шрамом на щеке. Последний дрожал так сильно, что Макуто пришлось прижать его к стене, чтобы игла не соскользнула с нужной траектории. Когда все три метки были нанесены, мальчик сложил инструменты и встал.

— Вы будете продолжать свою деятельность, — сказал он. — Контрабанда, грабежи караванов, связи с покупателями из страны Медведей. Всё как обычно. Но теперь половина прибыли идёт мне. Раз в месяц вы оставляете мою долю в условленном месте. Я буду сообщать вам куда. Если кто-то из вас попытается сбежать или обратиться к кому-то за помощью в снятии метки — я узнаю. Метка передаёт мне информацию о вашем местоположении. Я найду вас, даже если вы уйдёте в страну Демонов.

Он достал из-за пазухи три маленьких бамбуковых цилиндра и протянул каждому.

— Внутри — кристалл с моей чакрой. Если вам понадобится срочно связаться со мной, раздавите кристалл. Я почувствую и приду. Не раньше, чем через месяц, если только не произойдёт что-то, о чём я должен знать немедленно.

Контрабандисты кивнули. Информатор спрятал цилиндр за пазуху дрожащими пальцами. Макуто развернулся и вышел из склада, растворившись в утреннем тумане, который поднимался с моря и затягивал портовые улицы белой пеленой.

Путь обратно к границе Страны Огня занял три дня. Макуто не брал лошадей — он передвигался пешком, используя техники ускорения, которые позволяли ему покрывать до семидесяти километров за день. Техника Фаруд: Бездонный Колодец работала непрерывно, преобразуя физическую нагрузку в энергию, которая расширяла его чакра-каналы и увеличивала резерв. С каждым километром, с каждым шагом он становился чуть сильнее, чуть быстрее, чуть выносливее. Эффект был незначительным — доли процента в день, — но Макуто знал, что в долгой перспективе эти доли сложатся в нечто существенное.

Он ночевал в лесу, как делал это последние два года. Дзингаса защищала голову от ночного холода, серый шёлковый плащ укрывал тело. Кусари-катабира — кольчужный комбинезон с металлической чешуёй — сохранял тепло и не давал продувать ветру. Спал он чутко, просыпаясь от каждого шороха, держа тати под рукой.

На второй день пути он наткнулся на следы недавней битвы. Поляна в чаще леса была усеяна сломанными ветками, примятой травой и тёмными пятнами крови. Макуто опустился на корточки и внимательно осмотрел место. Чакра — он чувствовал её остатки в воздухе, в земле, в каждой травинке. Две сигнатуры, одна — сильная, ровная, с характерным привкусом молнии, вторая — слабая, нестабильная, почти угасшая. Шиноби сражались здесь день назад. Возможно, нукенины. Возможно, те, кого он искал.

Макуто пошёл по следу. Кровь вела его через лес, через высохшее русло ручья, через заросли колючего кустарника. Через два часа он вышел к небольшой пещере у подножия скалы. Внутри, прислонившись спиной к стене, сидел мужчина. Его левая рука была перевязана окровавленной

тканью, правая сжимала рукоять сломанного меча. Одежда — тёмный плащ, под ним доспехи лёгкого типа, на голове — повязка с символом, который Макуто не узнал.

Мужчина поднял голову, когда мальчик вошёл в пещеру. Глаза у него были мутными, дыхание — хриплым. Потеря крови, и значительная.

— Ты... кто? — прохрипел он.

Макуто не ответил. Он подошёл ближе, изучая лицо мужчины. Глубокие шрамы на щеках, сломанный нос, седина в волосах. Лет сорок, не меньше. Чакра слабая, но её структура говорила о том, что когда-то этот человек был силен.

— Ты нукенин, — сказал Макуто утвердительно.

— Был, — мужчина усмехнулся, и кровь показалась у него на губах. — Теперь я просто умирающий старик.

— Кто тебя ранил?

— Такой же, как я. Охотник за головами. Мы встретились на дороге, он решил, что моя голова стоит денег. Ошибся. Я убил его. Но и он меня зацепил.

Макуто посмотрел на рану мужчины. Глубокая колотая рана в боку, чуть ниже рёбер. Кровь шла тёмная, почти чёрная — задето что-то важное. Печень или селезёнка. Если не помочь, мужчина умрёт через час.

— Я могу тебя вылечить, — сказал Макуто. — Частично. Достаточно, чтобы ты встал на ноги. Взамен ты ответишь на мои вопросы.

Мужчина посмотрел на него с усмешкой.

— И что же ты хочешь знать, мальчик?

— Всё. Кто ты, откуда, почему стал нукенином, кого убивал, какие техники знаешь. И ещё — где найти других таких, как ты. Сильных. Опасных. Тех, кто не боится смерти.

Мужчина кашлянул, сплёвывая кровь на землю.

— Ты странный ребёнок, — сказал он. — Но выбирать не приходится. Лечи. Я расскажу.

Макуто достал из сумки бинты, мази и небольшой флакон с прозрачной жидкостью — настойка из корней сендзю, которую он сам приготовил в лесу, следуя рецептам, оставшимся от клана. Он обработал рану мужчины, наложил швы (грубо, но надёжно), залил рану настойкой и затянул бинтами. Мужчина шипел от боли, но терпел.

— Кто ты? — спросил Макуто, заканчивая перевязку.

— Моё имя не важно, — ответил мужчина. — Я был чунином в Кумогакуре. Потом меня обвинили в убийстве командира отряда. Это была ложь, но Совет не стал разбираться. Я бежал. Стал нукенином. Убивал тех, кто за мной охотился. Потом ушёл в наёмники. Работал на купцов, на даймё, на кого угодно, лишь бы платили.

— Какие техники ты знаешь?

— Моя стихия — молния. Знаю техники В-ранга, в основном атакующие. «Пасть дракона», «Сеть молний», «Копьё небес». Также владею тайдзюцу уровня А. Этому меня научили в Кумогакуре — там сильная школа рукопашного боя.

Макуто слушал внимательно, запоминая каждое слово.

— Ты знаешь других нукенинов? Сильных. Таких, кто мог бы стать достойным противником в бою.

Мужчина усмехнулся.

— Ты ищешь противников? Зачем?

— Это моё дело.

— Хорошо. Я знаю одного. Его зовут Тайген. Бывший джонин из Ивагакуре. Нукенин ранга А. Специалист по взрывным техникам, стихия — земля. Он прячется на севере, в горах страны Медведей. Живёт один, никому не доверяет. Если ты найдёшь его и вызовешь на бой — он не откажется. Тайген любит сражаться. Это единственное, что у него осталось.

— Где именно в горах?

— Ущелье Трёх Водопадов. Там есть пещера за самым большим водопадом. Он там живёт.

Макуто кивнул, вставая.

— Ты свободен, — сказал он. — Лечение окупило твои ответы.

Мужчина посмотрел на него с удивлением.

— Ты не убьёшь меня?

— Зачем? Ты слаб. Умиравший старик не представляет для меня ценности. Иди и делай что хочешь.

Макуто вышел из пещеры и продолжил путь. Он шёл на север, в сторону гор, в сторону страны Медведей. Тайген, бывший джонин Ивагакуре, специалист по взрывным техникам — это был хороший кандидат для первого ритуального убийства. Сильный, опасный, достойный. Не какой-то случайный бандит, а настоящий воин.

Техника Фаруд: Пустая миска вечности требовала жертвы, чья чакра была бы достаточно плотной, чтобы её поглощение дало ощутимый результат. Слабые враги, которых Макуто убивал раньше — обычные бандиты, разбойники, крестьяне с дубинами — не годились. От них нечего было взять, кроме пустоты. Клан Фаруд всегда потворствовал философии охотников чести: только сильный противник достоин того, чтобы его сила стала частью победителя.

Макуто помнил наставления отца. «Пустая миска вечности», — говорил отец, когда они сидели у костра в деревне клана, а вокруг шумел лес. — «Эта техника — сердце нашей силы. Мы не просто убиваем. Мы забираем у побеждённого всё, что у него есть — его знания, его навыки, его чакру, его стихии. Но ты должен помнить: жертва должна быть достойной. Не тратить время на слабых. Они лишь смазка для твоего клинка».

Отец рассказывал, как правильно проводить ритуал. Сначала — отсечение головы. Это важно. Голова —местилище воспоминаний, навыков, техник. Чакра хранится не только в мозге, но и в каждой клетке тела, но самые ценные сведения — в голове. Затем — извлечение чакры из позвоночника. Основной канал, по которому текла энергия при жизни, после смерти сохраняет её остатки. Если всё сделать правильно, поглощение даст максимум возможного. Если ошибиться — лишь крохи.

Макуто также знал о своих стихийных предрасположенностях. Воздух был его родной стихией — самой редкой из пяти основных. Он владел техниками футона от базовых до В-ранга: «Великий прорыв» для создания ударной волны, «Разрезающий ветер» для дальних атак, «Защитный вихрь» для обороны. Также он имел предрасположенность к огню и воде, но техники этих стихий знал лишь на уровне Академии. Если ему удастся поглотить Тайгена, специалиста по земле, он получит доступ к совершенно новому спектру возможностей. Земляные техники дополнили бы его арсенал, сделав его более универсальным в бою.

Он шёл через лес, огибая деревни и большие дороги. Северная граница Страны Огня встретила его холодными ветрами и низкими облаками, которые цеплялись за вершины гор, видневшиеся на горизонте. До страны Медведей оставалось три дня пути, если не останавливаться. Макуто не останавливался. Он ел на ходу — вяленое мясо, которое заготовил ещё в Акацуки, запивая водой из горных ручьёв. Спал по два часа в сутки, прислонившись спиной к дереву, с тати в руке.

Техника Бездонный Колодец требовала постоянной подпитки. Макуто использовал каждую свободную минуту для медитации, впитывая Инь и Янь окружающего мира. Его чакра-каналы расширялись, резерв рос. Он чувствовал, как сила наполняет его мышцы, как ускоряется реакция, как обостряется зрение и слух. Тело привыкало к новому снаряжению, к новому оружию, к новому образу жизни.

На четвёртый день он достиг предгорий. Лес поредел, уступив место каменистым склонам и чахлым кустарникам. Воздух стал холоднее, разреженнее. Макуто накинул капюшон плаща и опустил дзингасу ниже, защищая лицо от ветра. Сапоги с железными носками уверенно ступали по камням.

Ущелье Трёх Водопадов он нашёл к вечеру. Три потока воды падали с высоты ста метров, сливаясь в единую реку, которая уходила на юг. Грохот воды был таким сильным, что Макуто не слышал даже собственных шагов. Он обошёл водопады с востока, взбираясь по скалам, держась за выступы и расщелины. За самым большим водопадом, как и говорил нукенин, находилась пещера — тёмный проём в скале, скрытый за завесой воды.

Макуто остановился в двадцати метрах от входа. Он закрыл глаза и сосредоточился на сенсорике. Сигнатура чакры внутри пещеры была плотной, ровной, с характерным тяжёлым оттенком земли. Тайген был там. Один. Бодрствовал. Ждал.

Макуто достал из поясной сумки кристалл с чакрой и раздавил его. Это был сигнал для его новых подчинённых в Акацуки — не экстренный вызов, а просто отметка о том, что он жив и продолжает выполнять свои планы. Они должны знать, что их хозяин в порядке. Страх — хороший мотиватор, но его нужно подкреплять регулярными напоминаниями.

Он спрятал остатки кристалла в сумку и двинулся к пещере. Вода хлестала по дзингасе и плащу, но он не ускорял шаг. Он шёл медленно, размеренно, давая Тайгену время понять, что к нему пришёл гость. Не убийца, подкравшийся в темноте. Гость. Воин.

Вход в пещеру был широким — около трёх метров в высоту и двух в ширину. Макуто шагнул внутрь, стряхивая воду с плаща. Внутри было сухо и темно, но его глаза быстро привыкли. Он увидел фигуру человека,

сидящего на камне в центре пещеры. Тайген был крупным мужчиной с широкими плечами и массивными руками. Короткие чёрные волосы, грубое лицо, шрам через всю правую щеку. Он держал в руках большой молот — оружие, необычное для шиноби, но эффективное против доспехов и костей.

— Ты тот, кого я ждал? — спросил Тайген, не двигаясь с места.

— Не знаю, кого ты ждал, — ответил Макуто. — Я пришёл за твоей головой.

Тайген усмехнулся, вставая. Его рост был около ста восьмидесяти сантиметров — почти на голову выше мальчика. Молот он держал на плече, как косу.

— Мальчишка, — сказал он. — Ты первый, кто осмелился прийти ко мне сам. Обычно они присылают охотников за головами постарше. Те, что полегче, погибают у входа. Те, что поумнее, уходят. Ты похож на второго. Уходи, пока я не передумал.

— Нет, — сказал Макуто, кладя правую руку на рукоять тати. — Я пришёл убить тебя. Не потому, что ты мне что-то сделал. А потому, что ты силен. Твоя сила должна стать моей.

Тайген перестал улыбаться. Он посмотрел на мальчика внимательнее, и в его глазах появилось что-то похожее на уважение.

— Ты серьёзно, — сказал он. — Ладно. Я не убивал уже три месяца. Соскучился. Давай, мальчик. Покажи, на что способен.

Он отбросил молот в сторону. Макуто удивился, но не подал виду.

— Без оружия? — спросил он.

— Ты слишком мал для моего молота. Я убью тебя голыми руками. Так будет честнее.

Тайген сложил печати. Макуто узнал последовательность — техника земляной стихии. Он приготовился к атаке.

— Дотон: Дориоку Геки! — крикнул Тайген, ударяя кулаком в землю.

Пол пещеры вздрогнул. Из камня вырвались десятки острых шипов, направленных в сторону Макуто. Мальчик не стал уклоняться. Он прыгнул вверх, используя технику хождения по воздуху — базовый навык для любого шиноби со средним контролем чакры. Шипы прошли под ним, не задев.

В воздухе Макуто выхватил тати. Лезвие блеснуло в темноте, и он обрушил рубящий удар на Тайгена. Бывший джонин блокировал предплечьем — металлическая пластина на рукаве приняла удар, высекая искры. Он не ожидал такой скорости от десятилетнего мальчика.

— Хорошо, — сказал Тайген, отступая на шаг. — Очень хорошо. Но этого мало.

Он снова сложил печати — на этот раз быстрее. «Дотон: Дою Домо!» Земля под ногами Макуто размягчилась, превращаясь в грязь, которая начала затягивать его сапоги. Мальчик не растерялся. Он использовал технику прилипания к поверхности, концентрируя чакру в подошвах, и оторвал ноги от земли, перепрыгнув на стену.

Тайген усмехнулся, глядя, как мальчик бежит по вертикальной поверхности, как паук.

— Неплохо для ребёнка. Но ты не сможешь убегать вечно.

Макуто остановился на стене, на высоте трёх метров. Он убрал тати в ножны и сложил собственные печати. Футон: Даитоппа. Он выдохнул мощный поток воздуха, который обрушился на Тайгена, прижимая его к стене пещеры. Камни посыпались с потолка.

— Хватит, — сказал Макуто, спрыгивая на пол. — Ты силён, но медлителен. Я быстрее. Я могу атаковать тебя сотню раз, и ты не успеешь защититься. Твоя техника требует времени, а у меня его достаточно. Сдавайся.

Тайген засмеялся — громко, искренне, запрокинув голову.

— Ты мне нравишься, мальчик, — сказал он. — Но я не сдаюсь. Никогда. Если хочешь убить меня — убей. Но не жди, что я буду лежать и смотреть, как ты режешь мне горло.

Он выхватил из-за спины короткий меч — запаска, спрятанная под плащом. Бросился вперёд, быстрее, чем Макуто ожидал. Их клинки встретились с громким звоном. Тайген был сильнее, но Макуто был быстрее. Он уклонялся от ударов, контратаковал, снова уклонялся. Бой длился минуту, две, три.

Тайген начал уставать. Рана, которую он получил в прошлой схватке, открылась — кровь пропитала повязку на его боку. Макуто заметил это и усилил давление. Он атаковал снова и снова, не давая противнику времени на восстановление. Наконец, он нашёл брешь в защите — Тайген занёс меч для рубящего удара и открыл корпус.

Макуто скользнул вперёд, уходя под руку, и вогнал танто в живот Тайгена. Клинок вошёл легко, почти без сопротивления, прошёл сквозь мышцы и вышел из спины. Тайген охнул, выронил меч и упал на колени.

— Хороший удар, — прошептал он, глядя на мальчика мутнеющими глазами. — Ты победил.

Макуто вытащил танто. Кровь хлынула из раны, заливая каменный пол. Тайген завалился на бок и затих. Он был ещё жив, но смерть уже стояла у его порога.

Макуто опустился рядом с ним на корточки. Он не торопился. Ритуал требовал правильной последовательности действий.

Сначала — отсечение головы. Макуто взял тати двумя руками, занёс над шеей Тайгена и одним точным ударом отделил голову от тела. Кровь брызнула в стороны, но мальчик уже начал складывать печати.

Техника Фаруд: Пустая миска вечности требовала шестнадцати ручных знаков в строгой последовательности. Макуто выполнял их медленно, концентрируясь на каждом движении. Тигр, Заяц, Обезьяна, Змея, Бык, Лошадь, Собака, Дракон, Крыса, Птица, Собака, Тигр, Змея, Бык, Обезьяна, Тигр. Последний знак он сложил, прижав ладони к вискам отрубленной головы.

Чакра хлынула из тела Тайгена — сначала слабо, потом сильнее. Макуто чувствовал её вкус: земля, тяжесть, медленная мощь. Он впитывал её через ладони, через запястья, через локти. Энергия текла по его чакра-каналам, смешиваясь с его собственной, изменяя её структуру. Вместе с чакрой приходили воспоминания — обрывки, фрагменты, осколки. Тайген в детстве, тренирующийся с молотом. Тайген, получающий звание джонина.

Тайген, убивающий командира отряда, который его предал. Тайген, бегущий из Ивагакуре, спасая свою жизнь.

Техника не дала ему всего. Макуто получил лишь часть — около трети. Этого было достаточно, чтобы понять основы земной стихии, запомнить несколько техник В-ранга («Дориоку Геки», «Дою Домо», «Домен Камня»), перенять некоторые элементы тайдзюцу, характерные для школы Ивагакуре. Остальное растворилось, исчезло, как вода в песке.

Макуто открыл глаза. Он чувствовал перемену. Его чакра-каналы расширились ещё немного, резерв вырос на несколько процентов. В его арсенале появились новые техники — грубые, неотточенные, но готовые к использованию. Он поднялся на ноги, убрал тати в ножны и посмотрел на тело Тайгена.

— Твоя сила теперь моя, — сказал он тихо. — Ты умер не зря.

Он вышел из пещеры, шагнул сквозь завесу водопада и зашагал на юг. В его голове уже созрел новый план. Нужно было найти ещё нукенинов. Сильных. Опасных. Достойных того, чтобы их сила стала частью его собственной.

Пустая миска вечности была пуста не полностью, но ещё оставалось место для новых знаний, новых навыков, новой чакры. Макуто из клана Фаруд продолжал свой путь. Он становился сильнее с каждым днём, с каждым убийством, с каждым поглощением. И однажды, когда его сила достигнет предела, он встретится с теми, кто уничтожил его клан. И тогда он покажет им, что такое настоящая мощь — мощь, рождённая из крови и смерти.

А пока — поиск. Охота. И тренировки. Бесконечные, изнурительные, необходимые.

Лес шумел над его головой. Горы оставались позади. Впереди, где-то на западе, в стране Демонов или в стране Воды, его ждали новые противники. Новые жертвы. Новые силы.

Макуто улыбнулся — впервые за долгое время. Холодная, жестокая улыбка хищника, который нашёл свою добычу.

Выход из пещеры за завесой водопада был как переход между мирами. Там, за спиной, осталась тьма и запах крови, здесь, снаружи — сумерки, влажный воздух и непрекращающийся грохот воды. Макуто стоял на мокрых камнях у подножия скалы, глядя на то, как три потока сливаются в один. Вода падала с высоты ста метров, разбиваясь о камни и превращаясь в облако мельчайших брызг, которое оседало на его плаще и дзингасе.

Он не торопился уходить. Ритуал поглощения завершился, но настоящая работа только начиналась.

Клан Фаруд не зря считался среди древних самурайских родов одним из самых опасных. Техника Пустая миска вечности давала невероятное преимущество, но она же могла разрушить разум того, кто ею пользовался. Чужие воспоминания, чужие навыки, чужая чакра — всё это вливалось в сознание победителя, смешиваясь с его собственным опытом. Если не отделить зерна от плевел, если не понять, где заканчивается твоя воля и начинается воля убитого, можно сойти с ума. Стать не собой, а жалкой копией, собранной из обрывков чужих жизней.

Поэтому в клане Фаруд существовало строгое правило: после каждого поглощения следовали ритуальные упражнения. Повторить всё, что досталось от жертвы. Каждую технику, каждый удар, каждое движение. Прокрутить в мышцах чужой опыт, прожить его заново, а потом отбросить, оставив только чистую силу. Чем сильнее и мудрее был враг, тем больше времени требовалось на это усвоение. Тайген, бывший джонин Ивагакуре, специалист по взрывным техникам, не был мудрецом, но силы

в нём было предостаточно. Макуто понадобятся дни, чтобы переварить полученное.

Он отошёл от водопада на полкилометра, нашёл ровную площадку среди скал, где не было мха и скользких камней. Здесь, под открытым небом, он и начнёт свои упражнения. Небо над головой затягивалось тучами, обещая дождь к полуночи. Макуто скинул серый плащ, аккуратно сложил его на сухом валуне. Дзингасу он тоже снял, оставив голову непокрытой. Холодный ветер трепал чёрные волосы, но мальчик не обращал на это внимания.

Первым делом он закрыл глаза и сосредоточился на дыхании. Вдох — через нос, медленный, глубокий, наполняющий лёгкие до предела. Выдох — через рот, долгий, с лёгким шипением. Он повторял это снова и снова, пока пульс не замедлился до сорока ударов в минуту, пока мысли не перестали метаться, пока чакра не потекла по каналам ровно и спокойно.

Техника Бездонный Колодец работала в фоновом режиме, но сейчас Макуто нужна была не она. Сейчас ему нужна была Пустая миска вечности — вторая её часть, та, что отвечала за усвоение, а не за поглощение.

Он открыл глаза и поднял правую руку, складывая печати. Тигр. Заяц. Обезьяна. Змея. Последовательность была короче, чем для основного ритуала — всего восемь знаков. Когда последняя печать сложилась, Макуто почувствовал, как внутри него что-то переключилось. Чужая чакра, которая до этого момента просто хранилась в его резерве, начала просыпаться.

Воспоминания Тайгена хлынули с новой силой, но теперь Макуто был готов. Он не сопротивлялся потоку — он направлял его, заставлял течь по нужному руслу.

Перед внутренним взором возникла картина. Тайген, молодой, без шрамов на лице, стоит на полигоне Ивагакуре. Вокруг него другие шиноби, все в одинаковой форме. Инструктор, пожилой мужчина с жёстким лицом, показывает технику Дотон: Дориоку Геки — удары кулаком в землю, из которой вырастают острые каменные шипы. Тайген повторяет. У него получается не сразу. Первый раз шипы вырастают кривыми, второй — слишком мелкими. Только на третий раз, когда он вкладывает в удар не только чакру, но и всю свою злость, техника работает идеально.

Макуто открыл глаза. Он стоял на каменной площадке, и его правая рука сама собой сжалась в кулак. Он чувствовал землю под ногами — не просто как поверхность, а как продолжение своего тела. Чакра в ногах, в позвоночнике, в кулаке. Он знал, что нужно делать.

— Дотон: Дориоку Геки, — произнёс он вслух и ударил кулаком в землю.

Каменная поверхность под его рукой вздрогнула. Из неё вырвались три острых шипа высотой около полуметра. Они были кривыми, неровными — намного хуже, чем у Тайгена. Но они были. Техника сработала с первого раза.

Макуто убрал руку и посмотрел на свои костяшки. Кожа была содрана в двух местах — слишком сильный удар, слишком много чакры вложено. Он не рассчитал силу. Тайгену требовалось для этой техники вдвое меньше энергии — у него было больше опыта, лучше контроль. Но Макуто не расстраивался. Он получил знание, но не мастерство. Мастерство придёт с тренировками.

Он повторил технику ещё пять раз. С каждым разом шипы становились ровнее, острее, выше. На шестом ударе из земли вырвалось уже пять шипов, каждый около восьмидесяти сантиметров длиной. Они встали стеной, готовые пронзить любого, кто окажется на пути.

Макуто вытер пот со лба. Техника отнимала много чакры — больше, чем он ожидал. Земля не была его родной стихией, и это чувствовалось. Воздух, его основная стихия, давался ему легко, почти без затрат. Огонь и вода требовали чуть больше усилий. Земля же была тяжёлой, медленной, требовательной. Он чувствовал это каждой клеткой.

Но именно поэтому Тайген был ценным трофеем. Земляные техники дополняли его арсенал, делая его менее уязвимым. Против врага, который знает его слабости, он сможет ответить неожиданной атакой.

Макуто перешёл ко второй технике — Дотон: Дою Домо. Размягчение земли под ногами противника, превращение твёрдой поверхности в грязь, которая затягивает и обездвиживает. Он сложил печати и направил чакру в землю перед собой. Камень под его ногами начал темнеть, становясь мягким, как болотная трясина. Макуто шагнул в это место — сапоги с железными носками ушли в грязь по щиколотку. Он пошевелил ногами — тягучая масса держала крепко, но не намертво. Тайген использовал эту технику, чтобы заставить врага врасплох и нанести решающий удар. Макуто понял принцип.

Он вытащил ноги из грязи и сосредоточился на восстановлении земли. Чакра потекла в обратном направлении, возвращая камню твёрдость. Процесс занял около минуты — слишком долго для реального боя, но это был только первый день.

Третья техника называлась Домен Камня. Тайген использовал её редко — слишком затратная по чакре, слишком медленная. Суть заключалась в создании временного укрытия из земли, которое могло выдержать несколько сильных ударов. Макуто сложил печати и представил, как камень перед ним поднимается и формирует стену. Чакра послушно потекла, но результат оказался жалким — стена высотой в полметра и толщиной в ладонь, которая рассыпалась через пять секунд.

Макуто не стал повторять. Эта техника требовала большего контроля, чем он мог дать сейчас. Он вернётся к ней позже, когда освоит основы.

Техники были не единственным, что он получил от Тайгена. Вместе с чакрой пришли фрагменты тайдзюцу Ивагакуре — грубой, силовой школы рукопашного боя, которая делала ставку на мощные удары и пробивную способность. Макуто провёл час, отрабатывая удары по камням: прямые, боковые, снизу. Он бил кулаками, локтями, коленями, ступнями. Сапоги с железными носками крошили мелкие камни в пыль. Перчатки с металлическими пластинами спасали костяшки от переломов.

К полуночи его руки и ноги гудели от усталости, но он не останавливался. Техника Бездонный Колодец работала, преобразуя физическое напряжение в энергию, которая расширяла его чакра-каналы. С каждым ударом, с каждым движением он становился чуть сильнее.

Он остановился только когда начался дождь. Сначала мелкий, потом всё более сильный. Вода заливала каменную площадку, стекала по лицу, затекала за шиворот кусари-катабира. Макуто поднял голову к небу, подставляя лицо под струи. Холодная вода смывала пот и кровь с разбитых костяшек.

Воспоминания Тайгена снова полезли наружу. На этот раз не техники — личные. Тайген и женщина с длинными тёмными волосами. Они сидят у костра в горах, и женщина смеётся, запрокинув голову. Тайген смотрит на неё с такой нежностью, что Макуто становится не по себе. Это не его чувства. Это чужое. Он знает это. Но ощущение остаётся — тяжёлое, давящее на грудь.

Макуто сел на корточки, закрыл глаза и начал медитировать. Он повторял про себя мантру клана Фаруд, древнюю формулу, которая помогала отделять своё от чужого. Слова были на старом языке, который уже никто не использовал за пределами клана. Макуто не понимал их точного

значения — отец не успел обучить его всему, — но звуки сами по себе успокаивали разум, вымывая из него чужеродные мысли.

Воспоминания Тайгена отступили, но не исчезли. Они спрятались глубоко, в самых дальних уголках сознания, ожидая своего часа. Макуто знал, что они будут возвращаться снова и снова, особенно в моменты слабости или сна. С этим придётся жить. Это плата за силу.

Он поднялся и подошёл к валуну, где лежал его плащ. Плат был мокрым, но Макуто всё равно накинул его на плечи. Холод пробирал до костей, но он не позволял себе дрожать.

Перед уходом он вернулся к водопаду. Вошёл в пещеру, где осталось тело Тайгена. Голова и туловище лежали в луже крови, которая уже начала сворачиваться. Макуто опустился на колени перед телом и сложил руки в жесте почтения — ладони вместе, пальцы вверх, лёгкий поклон. Это был ритуал, который клан Фаруд проводил для тех врагов, что вызывали уважение. Тайген был сильным противником. Он не бежал от боя. Он сражался до конца, даже когда понял, что проигрывает. Он заслужил эту честь.

— Ты был достойным врагом, — сказал Макуто тихо. — Твоя сила сделает меня сильнее. Твоя смерть не будет забыта.

Он достал из поясной сумки небольшой кусок ткани, отрезал прядь своих волос и положил её на грудь Тайгена. Символ того, что победитель разделяет с побеждённым бремя его памяти. Потом он вышел из пещеры и больше не оглядывался.

Дождь лил всю ночь. Макуто шёл через лес, не разбирая дороги, полагаясь на сенсорику, которая указывала путь между деревьями. Он не искал

укрытия — холод и мокрота были частью тренировки. Тело должно привыкать к любым условиям.

К утру дождь стих. Небо на востоке порозовело, обещая ясный день. Макуто остановился у небольшого ручья, напился ледяной воды и умылся. В отражении на поверхности воды он увидел своё лицо — уставшее, но спокойное. Глаза смотрели твёрдо, без тени сомнения.

Он достал из мешка вяленое мясо и съел несколько кусков, запивая водой из фляги. Еды оставалось на два дня — нужно будет либо охотиться, либо заходить в деревни за припасами. Денег у него было ещё много — около тридцати тысяч рё после всех покупок. Этого хватит на месяц, если не тратить лишнего.

Следующую неделю Макуто провёл в лесу, не приближаясь к населённым пунктам. Он нашёл небольшую пещеру в скальном обрыве, достаточно глубокую, чтобы укрыться от дождя и ветра, и сделал её своим временным убежищем. Каждый день он вставал до рассвета и начинал тренировки.

Он повторял техники Тайгена снова и снова, пока они не перестали казаться чужими. Дориоку Геки — сотни ударов в землю, пока шипы не стали вырастать ровными и острыми, как копья. Дою Домо — десятки квадратных метров земли, превращённой в грязь и обратно, пока контроль не стал почти автоматическим. Домен Камня — он освоил его только на пятый день, когда стена высотой в два метра продержалась целую минуту.

Тайдзюцу Ивагакуре он вплетал в свои обычные тренировки. Удары стали жёстче, мощнее. Он чувствовал, как меняется его манера боя — из быстрой и текучей она превращалась во что-то более грубое, но от этого не менее эффективное.

Но главное, чему он учился — это отличать свои мысли от мыслей Тайгена. Каждый вечер он садился в позу лотоса и медитировал, перебирая воспоминания убитого, как чётки. Он смотрел на них со стороны, не позволяя себе вовлекаться. Тайген любил копчёную рыбу. Тайген боялся высоты. Тайген мечтал однажды вернуться в Ивагакуре и отомстить тем, кто его предал. Всё это было неважно. Всё это была пища, которую нужно было переварить и забыть.

На седьмой день Макуто почувствовал, что процесс усвоения завершён. Чужая чакра полностью растворилась в его собственной, изменив её структуру, но не подчинив её. Техники Тайгена стали его техниками — не идеально, но достаточно хорошо для практического применения. Воспоминания отступили на задний план, превратившись в смутные образы, которые можно было вызвать усилием воли, но которые не лезли в голову без спроса.

Он собрал свои вещи, затушил костёр и вышел из пещеры. Солнце стояло в зените, заливая лес золотистым светом. Где-то вдалеке пели птицы. Мир казался спокойным и безмятежным, но Макуто знал, что это обманчивое впечатление. Где-то за горизонтом его ждали новые враги. Новые жертвы. Новые силы.

Он поправил тати на поясе, надвинул дзингасу на лоб и зашагал на юг, в сторону границы Страны Огня. Там, в портовых городах и грязных переулках, его ждала информация о других нукенинах. О других сильных воинах, чья сила могла стать его силой.

Макуто из клана Фаруд продолжал свой путь. Пустая миска вечности была пуста не полностью, но он найдёт, чем её наполнить. Он всегда находил.

Граница Страны Огня и Страны Горячих Источников встретила Макуто утренним туманом и холодным ветром, который дул с гор и приносил запах мокрой коры и прелой листвы. Мальчик вышел из леса на большую дорогу и остановился на пригорке, оглядывая окрестности. За две недели

скитаний он успел выполнить три частных заказа — сопровождение купца до города Одате, ликвидацию медведя-людоеда, который задрал четырёх крестьян, и патрулирование участка дороги, где орудовала банда разбойников. Общая сумма заработка составила сто двадцать тысяч рё.

Задания были мелкими, не требующими применения настоящей силы. Медведя он убил одним ударом тати, перерезав зверю горло, когда тот выскочил из берлоги. Разбойники — пять человек с дубинами и ржавыми мечами — разбежались после того, как Макуто отрубил руку их предводителю. Сопровождение купца оказалось самым скучным: три дня пути без единого происшествия, только дождь и грязь под ногами.

Теперь его кошелек весил прилично — почти сто пятьдесят тысяч рё с учётом остатков от предыдущих заработков. Денег хватало на несколько месяцев спокойной жизни, но Макуто не искал спокойствия. Он искал силу.

Информация о сильных нукенинах распространялась в придорожных тавернах и портовых кабаках. Шепотом, намёками, через третьи руки. Клан Фаруд никогда не выставлял свои цели на всеобщее обозрение. Они выслеживали добычу так же, как это делали их предки сотни лет назад — тихо, терпеливо, методично.

Отец Макуто рассказывал ему о правилах охоты. Никогда не спрашивай о нукенине прямо. Никогда не показывай свой интерес. Пусть информация сама придёт к тебе, как вода находит путь между камнями.

Макуто свернул с большой дороги и пошёл в сторону ближайшей деревни. Через час он сидел в таверне «Три сосны», пил горячий чай и слушал.

За соседним столом двое мужчин обсуждали последние новости.

— Слышал, Кидомару объявился на юге, — сказал один, лысый, с повязкой на глазу. — Говорят, он зачистил целую деревню. Никого не оставил.

— Кидомару? — переспросил второй, тощий, с длинными грязными волосами. — Тот самый, который из Киригакуре сбежал? Нукенин ранга А?

— Он самый. Говорят, у него особый геном — может превращать своё тело в сталь. Не берут его ни кунаи, ни мечи.

Макуто допил чай, положил на стол несколько монет и вышел.

Юг. Слишком далеко от его текущего местоположения. Перемещаться на большие расстояния без лошади было долго, а нанимать транспорт — дорого. Он отложил Кидомару на потом.

В следующей деревне, куда он зашёл на ночлег, разговор зашёл о нукенине по прозвищу «Кровавый Лис». Мужчина лет сорока, бывший чунин из Сунагакуре, специалист по гэндзюцу. Он убивал путников на северной дороге и грабил их тела. За его голову была назначена награда — триста тысяч рё.

Макуто задумался. Гэндзюцу было его слабым местом — уровень С против уровня А у противника. Прямая схватка с таким нукенином могла закончиться плохо. Но Пустая миска вечности требовала жертв, и гэндзюцу было тем, что ему не хватало. Если он сможет поглотить Кровавого Лиса, его слабость превратится в силу.

Он пошёл на север.

Следующие три дня Макуто выслеживал нукенина по следам его преступлений. Три ограбленных каравана, два сожжённых хутора, десяток трупов. Кровавый Лис не скрывался — он наслаждался своей безнаказанностью.

Макуто нашёл его на четвёртый день. Нукенин сидел у костра на поляне, жарил мясо и напевал какую-то песню. Он был высоким, худым, с длинными рыжими волосами и бледной кожей. На поясе висели два меча, на шее — ожерелье из человеческих зубов.

Макуто вышел из леса беззвучно. Дзингаса была надвинута на лоб, серый плащ скрывал фигуру. Тати висел на правом боку, танто — на левом.

— Пришёл убить меня? — спросил Кровавый Лис, не оборачиваясь. — Присоединяйся. Мяса хватит на двоих.

— Твоя голова стоит триста тысяч, — сказал Макуто.

— Триста тысяч? — нукенин усмехнулся. — Дешево. В прошлом месяце за меня давали полмиллиона.

— Инфляция.

Кровавый Лис рассмеялся и повернулся. Его глаза — жёлтые, с вертикальными зрачками — уставились на мальчика.

— Ты серьёзно? Ребёнок пришёл меня убивать? — он встал, потянулся, хрустнув шеей. — Ладно. Я давно не убивал детей. Это весело.

Он сложил печати. Макуто почувствовал, как чакра нукенина изменила свой поток — техника гэндзюцу началась. Вокруг поляны поплыли цветные пятна, воздух сгустился, превращаясь в липкую паутину.

Макуто зажмурился и разорвал зрительный контакт. Против гэндзюцу есть только одно оружие — не смотреть в глаза врага. Он полагался на сенсорику, которая работала даже с закрытыми веками. Кровавый Лис двигался влево, заходя с фланга. Его чакра пульсировала неровно, как сердцебиение испуганного зверя.

Макуто выхватил тати и рубанул в сторону нукенина. Клинок встретил сопротивление — Кровавый Лис блокировал одним из своих мечей. Сталь зазвенела, высекая искры.

— Быстрый, — сказал нукенин. — Но этого мало.

Он снова сложил печати, и Макуто почувствовал, как реальность начала искажаться. Земля под ногами превратилась в болото, небо стало кроваво-красным, из леса выползли тени, принимая формы демонов.

Гэндзюцу. Сильное. Макуто чувствовал, как чужая чакра проникает в его мозг, пытаясь захватить контроль над органами чувств. Он знал, что должен разорвать технику, но для этого нужно было остановиться, сосредоточиться, нарушить поток чужой чакры. В бою это было почти невозможно.

Он сделал единственное, что мог. Он атаковал.

Не видя, полагаясь только на сенсорику, Макуто бросился вперёд, размахивая тати. Кровавый Лис уклонялся, смеялся, наносил ответные удары. Его мечи двигались быстро, непредсказуемо, подчиняясь логике гэндзюцу, которая меняла восприятие времени и пространства.

Макуто получил первый удар — глубокую царапину на левом плече. Кровь потекла по руке, но он не остановился. Второй удар пришёлся в бок — кусари-катабира выдержала, но синяк останется надолго.

Он отступил на несколько шагов, прижался спиной к дереву и закрыл глаза. Техника разрыва гэндзюцу требовала остановки потока чакры в мозге. Макуто сделал это — резко, грубо, как учил его отец. Реальность вернулась на место. Болото снова стало землёй, небо — обычным, тени — деревьями.

Кровавый Лис стоял в трёх метрах от него, улыбаясь.

— Неплохо, — сказал он. — Но ты уже ранен. Сдавайся, мальчик. Я убью тебя быстро.

— Нет, — ответил Макуто.

Он вытащил из-за пояса два куная и бросил их в нукенина. Кровавый Лис отразил их мечом, но Макуто уже был в движении. Он прыгнул вперёд, используя технику Футон: Даитоппа, чтобы ускорить своё движение. Воздушный поток подхватил его, бросил на противника быстрее, чем тот успел среагировать.

Тати вошёл в грудь нукенина по самую рукоять.

Кровавый Лис охнул, выронил мечи и упал на колени. Глаза его расширились, изо рта потекла кровь.

— Как... ты... — прошептал он.

Макуто не ответил. Он вытащил клинок, и нукенин завалился на бок. Смерть пришла через несколько секунд.

Макуто опустился на корточки, положил ладони на голову убитого и начал складывать печати Пустой миски вечности. Шестнадцать знаков, медленных и точных. Чакра Кровавого Лиса хлынула в его каналы, принося с собой воспоминания о крови и смерти.

Это было неприятное поглощение. Нукенин был жестоким человеком, и его воспоминания отражали это. Макуто увидел лица его жертв — крестьян, купцов, женщин, детей. Он почувствовал чужое удовлетворение от убийства. Он почти задохнулся от отвращения.

Но он продолжал. Он взял от Кровавого Лиса три техники гэндзюцу уровня В — «Иллюзия тумана», «Парализующий взгляд» и «Кошмарный круг». Вместе с техниками пришли навыки — способность чувствовать чужой страх, умение находить слабые места в психике противника.

Макуто открыл глаза и отнял руки от головы убитого. Он чувствовал себя грязным. Ему захотелось вымыться, смыть с себя чужую память.

Он отрубил голову Кровавого Лиса, завернул её в плащ и пошёл в ближайший город сдавать награду. Триста тысяч рё он получил в местном отделении гильдии наёмников. Мужчина за стойкой, толстый и лысый, посмотрел на голову нукенина, на мальчика и покачал головой.

— Ты, парень, или очень сильный, или очень везучий, — сказал он.

— Я просто делаю свою работу, — ответил Макуто.

Он вышел из гильдии и зашагал в сторону порта. Там, в «Тихой пристани», его ждали новые задания и новая информация.

В порту он встретил информатора со шрамом на щеке. Тот сидел на скамейке у причала, курил дешёвую сигарету и делал вид, что читает газету. Увидев Макуто, он побледнел и быстро заговорил.

— Есть кое-что, — сказал он, оглядываясь по сторонам. — Нукенин. Сильный. Из Кумо. Говорят, он засветился на востоке, в горах. Убил двух джонинов из Кумогакуре, которые за ним охотились.

— Имя.

— Его зовут Райджин. Стихия — молния. Техники А-ранга. Он владеет особым мечом, который может резать чакру.

Макуто запомнил.

— Где именно?

— В ущелье Мёртвого Ветра. Это в трёх днях пути на восток. Там старая крепость, заброшенная ещё во времена Войны Кланов. Он там прячется.

— Хорошо. Ты получишь свою долю, когда я вернусь.

Информатор кивнул и быстро ушёл, растворяясь в толпе.

Макуто вернулся в «Тихую пристань», заперся в комнате и начал готовиться к новой охоте. Он проверил оружие, заточил тати, смазал танто

маслом. Кусари-катабира была цела, но несколько колечек погнулись в последней схватке — он выправил их плоскогубцами.

Техника Бездонный Колодец работала, расширяя его резерв. После поглощения Кровавого Лиса его чакра-каналы стали шире, а контроль — тоньше. Он чувствовал, как новые навыки гэндзюцу укореняются в его сознании, становясь частью его арсенала.

Он не торопился. Райджин был опаснее предыдущих жертв. Стихия молнии — одна из самых быстрых и разрушительных. Особый меч, который режет чакру, — редкое оружие, способное нейтрализовать любую технику. Прямая схватка с таким противником требовала тщательной подготовки.

Макуто потратил два дня на тренировки. Он отрабатывал новые техники гэндзюцу на пойманных животных — зайцах, белках, птицах. «Иллюзия тумана» заставляла их видеть угрозу там, где её не было. «Парализующий взгляд» останавливал их на месте. «Кошмарный круг» вызывал у них панику и бегство.

Он не испытывал удовольствия от этих упражнений. Гэндзюцу было чуждо его природе — он предпочитал честный бой на мечах, где побеждает скорость и сила, а не обман. Но он понимал необходимость. В мире шиноби выживает тот, кто использует все доступные инструменты.

На третий день он вышел из гостиницы и направился на восток.

Путь к ущелью Мёртвого Ветра занял три дня. Дорога шла через горы, по узким тропам, где можно было легко сорваться в пропасть. Ветер выл в расщелинах, поднимая тучи пыли и мелких камней. Макуто шёл быстро, не останавливаясь на ночлег, — спал по два-три часа, прислонившись к скале.

Старая крепость оказалась руинами — стены из грубого камня, башни с обрушившимися крышами, пустые бойницы, глядящие в небо. Внутри крепости, в бывшем тронном зале, горел костёр.

Макуто вошёл через разбитые ворота, ступая по битому камню и ржавым обломкам оружия. В центре зала сидел человек. Высокий, мускулистый, с короткими белыми волосами и шрамом через всю спину. Рядом с ним лежал меч — длинный, прямой, с чёрным лезвием и рукоятью, обмотанной белой кожей.

— Райджин? — спросил Макуто.

Человек поднял голову. Его глаза были синими, как небо в ясный день, и в них читалась усталость.

— Да, — ответил он. — А ты кто?

— Тот, кто пришёл за твоей головой.

Райджин усмехнулся и встал. Он был выше Макуто на две головы, и его тело казалось высеченным из гранита.

— Мальчик, — сказал он. — Ты хоть понимаешь, на кого охотишься?

— Нукенин ранга А. Бывший джонин Кумогакуре. Специалист по стихии молнии. Владелец меча, режущего чакру. За твою голову назначена награда в полмиллиона рё.

Райджин рассмеялся.

— Ты хорошо подготовился. Но этого недостаточно.

Он взял меч и вышел на середину зала. Свет костра отражался от чёрного лезвия, зажигая на нём кровавые блики.

— Я не хочу тебя убивать, — сказал Райджин. — Уходи. Пока я добрый.

— Я не могу.

— Тогда умри.

Райджин бросился вперёд быстрее, чем Макуто ожидал. Его меч двигался как молния — быстрые, резкие удары, от которых невозможно было уклониться. Макуто блокировал тати, но каждый блок отдавался болью в руках — сила ударов была огромной.

Чёрный меч Райджина светился синим светом — чакра молнии текла по лезвию, делая его ещё более опасным. При каждом столкновении клинков Макуто чувствовал, как его собственная чакра рассеивается, исчезает, словно вода, пролитая на горячий песок.

Меч резал чакру. Это было правдой.

Макуто отступил, пытаясь перестроиться. Тайдзюцу и кэндзюцу не работали против такого оружия. Нужно было использовать дистанцию.

Он сложил печати и выпустил Футон: Даитоппа. Воздушный поток обрушился на Райджина, но тот даже не пошатнулся — он просто разрезал технику своим мечом, рассеивая её в воздухе.

Макуто попробовал гэндзюцу. «Парализующий взгляд» — он посмотрел в глаза Райджина, вливая чакру в его мозг. Нукенин замер на секунду, но потом его меч блеснул, и техника развеялась.

— Гэндзюцу? — спросил Райджин. — Ты серьёзно? Я прошёл школу Кумо, мальчик. Меня учили разрывать иллюзии ещё до того, как я научился ходить.

Макуто понял, что проигрывает.

Он не мог победить этого человека в честном бою. Райджин был сильнее, быстрее, опытнее. Его меч нейтрализовал любые техники. Единственным шансом была неожиданность.

Макуто бросил на пол дымовую шашку — маленькую глиняную бомбу, которую он купил в порту за пятьсот рё. Помещение заполнилось густым белым дымом. Райджин закашлялся, замахал руками, разгоняя дым.

Макуто использовал этот момент. Он прыгнул вперёд, не видя цели, полагаясь только на сенсорику. Тати в правой руке, танто — в левой. Он нанёс два удара одновременно — один в грудь, второй в живот.

Райджин блокировал тати своим мечом, но танто прошёл сквозь защиту и вошёл в бок нукенина.

— Ах ты, сука! — заорал Райджин, отшвыривая Макуто ударом ноги.

Мальчик отлетел к стене, ударился спиной о камень и сполз на пол. В груди хрустнуло — возможно, сломано ребро. Он с трудом поднялся на ноги.

Райджин стоял в центре зала, прижимая руку к боку. Кровь текла между пальцами, но рана была не смертельной.

— Хороший удар, — сказал он, тяжело дыша. — Но следующий будет последним.

Он поднял меч и пошёл на Макуто. Мальчик понимал, что не успеет увернуться. Силы были на исходе, чакра почти иссякла.

Он сделал единственное, что оставалось. Он использовал технику, которую получил от Кровавого Лиса — «Кошмарный круг». Не глядя в глаза, просто направив чакру в мозг Райджина.

Нукенин замер. Его глаза расширились, на лице появилось выражение ужаса. Он видел что-то — что-то настолько страшное, что даже его воля не могла с этим справиться.

Макуто не стал ждать. Он бросился вперёд и вонзил тати в сердце Райджина.

Нукенин упал на колени, потом на спину. Его меч выпал из рук и с глухим стуком упал на каменный пол.

Макуто опустился рядом с ним, положил ладони на голову убитого и начал поглощение. Пустая миска вечности требовала последней жертвы.

Чакра Райджина была чистой, как горный ручей. Она текла в каналы Макуто, принося с собой знания о молнии, о скорости, о силе. Три техники А-ранга — «Копьё небес», «Молния в ладони» и «Защитная сфера». Вместе с ними — навыки владения мечом, которые превосходили всё, что знал Макуто.

Но главное — он получил частицу способности Райджина резать чакру. Не полностью, не так, как это делал нукенин, но достаточно, чтобы его клинки теперь могли рассеивать слабые техники противника.

Макуто открыл глаза и посмотрел на тело. Он устал. Очень устал. Два поглощения за короткое время истощили его силы. Техника Бездонный Колодец работала на пределе, пытаясь восстановить резерв.

Он отрубил голову Райджина, завернул её в плащ и вышел из крепости. Ветер выл в ущелье, поднимая тучи пыли. Макуто шёл на запад, в сторону порта, волоча ноги и прижимая руку к сломанному ребру.

Награда за голову Райджина составляла пятьсот тысяч рё. Вместе с предыдущими заработками у него было почти миллион. Этого хватало, чтобы нанять несколько информаторов, купить лучшее снаряжение и оплатить лечение.

Но деньги были не главным. Главным была сила. И он становился сильнее с каждым убийством, с каждым поглощением.

Макуто из клана Фаруд продолжал свой путь. Пустая миска вечности наполнялась, и он чувствовал, как его собственные границы расширяются, как его разум становится острее, как его тело — выносливее.

В порту, в «Тихой пристани», он сдал голову Райджина в гильдию наёмников, получил деньги и лёг спать. Спал он двое суток, не просыпаясь.

На третье утро он встал, умылся холодной водой и вышел на улицу. Солнце стояло высоко, небо было чистым, ветер дул с моря, принося запах соли и водорослей.

Макуто купил на рынке свежей рыбы, хлеба и фруктов, съел всё на причале, глядя на воду. Потом он вернулся в гостиницу, достал карту Страны Огня и отметил на ней места, где, по слухам, прятались сильные нукенины.

Их было много. Слишком много для одного человека. Но он не был один — у него были техники его предков, его собственная воля и Пустая миска вечности, которая превращала его в совершенного охотника.

Он убрал карту, надел дзингасу, застегнул плащ и вышел на дорогу.

Новая охота начиналась.

Лес встретил Макуто утренним туманом, который стелился по земле белыми клубами, скрывая корни деревьев и неровности почвы. Мальчик выбрал поляну в глубине чащи, окружённую старыми дубами с раскидистыми кронами. Здесь никто не мог помешать его тренировке. Он снял серый плащ и аккуратно сложил его на поваленный ствол. Дзингасу оставил на голове — железная шляпа давно стала частью его силуэта, и он привык к её весу даже во время интенсивных движений. Кусари-катабира — кольчужный комбинезон с металлической чешуёй — плотно облегал тело, не стесняя подвижности.

Перед началом он провёл базовую разминку. Пятьдесят отжиманий на кулаках, сто приседаний, тридцать подтягиваний на толстой ветке дуба.

Кровь быстрее побежала по сосудам, мышцы разогрелись. Затем он сел в позу лотоса и закрыл глаза, сосредотачиваясь на дыхании. Техника Фаруд: Бездонный Колодец заработала в полную силу, расширяя чакра-каналы и наполняя резерв энергией, рождённой из единения тела и духа. Он чувствовал, как сила течёт по венам, укрепляя мышцы, закаляя кости, делая его быстрее и выносливее.

Когда концентрация достигла пика, Макуто открыл глаза и поднялся на ноги. Первыми он решил отработать техники огня.

Катон: Гокакью но Дзюцу — Великий Огненный Шар. Техника, которую в клане Учиха каждый юноша осваивал в качестве обряда перехода во взрослую жизнь. Чакра замешивается внутри тела, превращаясь в огонь, а затем выдыхается изо рта в виде сферы бушующего пламени.

Макуто сложил печати. Последовательность была простой — всего четыре знака, но контроль требовал точности. Он вдохнул, собирая чакру в груди, и выдохнул. Из его рта вырвался шар огня диаметром около метра. Пламя ударило в старый дуб на краю поляны, кора вспыхнула мгновенно, листья зашипели и свернулись. Шар продержался три секунды, затем рассеялся, оставив на стволе глубокий ожог.

Макуто нахмурился. Мощность была хорошей, но контроль — нет. Шар получился слишком горячим в центре и слишком холодным по краям. В реальном бою это означало бы, что противник может уклониться, уйдя в сторону, где пламя слабее.

Он повторил технику ещё три раза. На втором разе шар стал ровнее, на третьем — плотнее. К четвёртому выдоху огонь уже не разлетался искрами, а держался компактной сферой. Макуто оценил результат. Техника вышла на твёрдый уровень В — продвинутая, опасная для большинства врагов, но до совершенства ещё далеко.

Следующей техникой огня была **Катон: Хосенка но Дзюцу** — Техника Огненных Снарядов. Более сложная, чем Гокакью, она требовала разделения пламени на множество мелких шаров, которые выдыхались с огромной скоростью.

Макуто сложил печати — на этот раз семь знаков. Вдох. Выдох. Из его рта вылетели семь огненных шаров, каждый размером с кулак. Они разлетелись веером, поражая три дерева и два валуна. На этот раз контроль был лучше. Шары держали траекторию, не отклонялись от цели, и их температура была равномерной.

Он повторил технику, увеличивая количество шаров до десяти. Десять огненных снарядов вылетели из его рта, накрывая площадь в двадцать метров. Макуто удовлетворённо кивнул. Хосенка была готова к применению в бою — уровень В+.

Перейдя к стихии воды, Макуто выбрал **Суйтон: Суйрюдан но Дзюцу** — Технику Снаряда Водяного Дракона. Эта техника формирует из больших объёмов воды гигантского дракона, который обрушивается на противника с невероятной силой. Идеальное место для её использования — рядом с водоёмом, но опытный шиноби мог применить её и там, где воды нет вовсе.

На поляне не было реки или озера, поэтому Макуто использовал чакру, чтобы извлечь влагу из воздуха. Это требовало дополнительных затрат энергии, но он справился. Печатей для этой техники было много — в классическом варианте их требовалось сорок пять, но Макуто сократил последовательность до двадцати, сохранив эффективность.

Вода начала собираться в воздухе, формируя поток. Через несколько секунд из этого потока поднялась голова дракона — огромная, с пастью, полной зубов. Макуто направил дракона в сторону группы валунов на краю поляны. Водяное чудовище рвануло вперёд, сбивая камни с места и разбрасывая их в разные стороны. Удар был сокрушительным — техника явно вышла на уровень А.

Макуто попробовал другой вариант — **Суйтон: Дайбакуфу но Дзюцу** — Технику Великого Водяного Взрыва. Эта техника создавала мощный водяной удар, который смывал всё на своём пути. Он сложил печати, собрал чакру и выпустил поток воды шириной пять метров. Вода обрушилась на лесную подстилку, смывая листья, траву и мелкие камни. Поток продержался восемь секунд, оставив за собой глубокую борозду в земле.

— Уровень В+, — сказал Макуто вслух, оценивая результат. — Не хватает давления.

Он повторил технику, вкладывая больше чакры. На этот раз поток воды был уже семь метров шириной, давление выросло вдвое. Деревья на пути потока затрещали, но не сломались — слишком толстые стволы. Для сражения с людьми этой техники было достаточно, но против крупных целей она пока не годилась.

Техники стихий были только частью его арсенала. Макуто перешёл к кэндзюцу — своей сильной стороне. Он выхватил тати и начал отрабатывать рубящие удары по деревянному столбу, который заранее вкопал в землю. Каждый удар был точным, быстрым, смертоносным. Лезвие рассекало воздух с характерным свистом, врубаясь в древесину на глубину до пяти сантиметров. Тридцать ударов подряд, затем смена стойки, затем удары снизу, сбоку, колющие. Его движения были отточены до автоматизма — уровень А, отличный.

Тайдзюцу — средний уровень В. Он отработал базовую комбинацию: удар ногой с разворота, блок предплечьем, захват и бросок. Тело двигалось быстро, но не идеально. Иногда он запаздывал с реакцией на полсекунды. В бою с равным противником эти полсекунды могли стоить жизни.

Гэндзюцу он почти не тренировал. Техники, полученные от Кровавого Лиса, были хороши, но гэндзюцу оставалось его слабым местом — уровень С.

Макуто остановился и закрыл глаза, прислушиваясь к себе. Техника Бездонный Колодец работала в фоновом режиме, расширяя его чакра-каналы и наполняя резерв собственной силой. Уровень чакры оставался высоким — S для его возраста и происхождения.

Теперь нужно было оценить свои возможности по системе рангов шиноби. Макуто сел на поваленный ствол и начал анализировать.

Генин — самый низкий ранг, который получают после окончания Академии. Средний генин владеет базовыми техниками ранга D и C, имеет ограниченный боевой опыт и выполняет простые миссии. Макуто

превосходил среднего генина по всем параметрам — чакра, техники, боевой опыт, владение мечом.

Чунин — ранг опытных ниндзя, которые могут руководить отрядами и выполнять миссии ранга С и В. Чунины владеют техниками уровня В, имеют хороший контроль чакры и тактическое мышление. По техническому арсеналу и боевому опыту Макуто соответствовал сильному чунину. Его техники огня и воды были на уровне В и А, кэндзюцу — А, чакра — S. Но ему не хватало опыта командной работы и знаний, которые обычно получают в скрытых деревнях.

Дзёнин — элитные ниндзя, которым поручают миссии ранга S. Дзёнины владеют техниками уровня А и выше, имеют огромный боевой опыт и часто занимают руководящие должности. Макуто не был дзёнином. Его тактическое мышление было острым, но он уступал настоящим дзёнинам в опыте и универсальности. Его гэндзюцу было слабым, а тайдзюцу — лишь средним.

ANBU — элитные подразделения, состоящие из ниндзя уровня чунин и дзёнин, специализирующиеся на диверсиях и убийствах. По стилю боя Макуто был близок к ANBU — быстрые, смертоносные атаки, использование теней и скрытности. Но без поддержки деревни он не мог претендовать на этот статус.

Макуто поднялся и подошёл к стволу дуба, который использовал для тренировок. Глубокие порезы от тати, обугленная кора от Катона, мокрые пятна от Суйтона — всё это было результатом его работы.

Он обнажил тати и провёл пальцем по лезвию. Меч отца был острым, как в первый день. Танто, найденный в пещере, тоже не подводил.

— Если бы кто-то узнал мою силу, — сказал он тихо, обращаясь к лесу, — они бы классифицировали меня как чунина. Специалиста по кэндзюцу и стихийным техникам. Сильного чунина. Но не дзёнина.

Это была честная оценка. Он мог убить большинство чунинов в бою один на один. Против дзёнина его шансы были пятьдесят на пятьдесят — зависело от противника. Против элитного дзёнина или ANBU он проиграл бы.

Но это сейчас. Через месяц, через год всё изменится. Пустая миска вечности наполнялась, техника Бездонный Колодец расширяла его резерв, каждая тренировка делала его сильнее.

Макуто убрал меч в ножны, надел плащ и покинул поляну. Лес шумел над его головой, птицы пели в ветвях, а где-то далеко, в портовых тавернах и грязных переулках, его ждали новые слухи о сильных нукенинах.

Он вернулся в «Тихую пристань» за час до заката. Хозяин гостиницы — коренастый мужчина с седой бородой — кивнул ему и пододвинул чашку горячего чая.

— Тебе письмо, парень, — сказал он, протягивая запечатанный свиток. — Принесли сегодня утром.

Макуто взял свиток, поднялся в свою комнату и запер дверь. Печать была целой — никто не читал послание до него. Он сломал восковую печать и развернул свиток.

Внутри было всего несколько строк, написанных незнакомым почерком:

«На юге, в порту Одате, объявился нукенин ранга S. Бывший джонин из Киригакуре. Прозвище — Морской Змей. Специалист по водным техникам и кэндзюцу. Его голова стоит миллион рё. Если заинтересован — приходи в таверну „Солёный Краб“. Спроси Дзюбея».

Макуто перечитал письмо дважды, затем сжёг его над пламенем масляной лампы. Пепел ссыпался в глиняную чашку, которую он потом выбросил в окно.

Нукенин ранга S. Бывший джонин из Киригакуре — одной из Пяти Великих Стран Шиноби. Специалист по водным техникам и кэндзюцу. Это был именно тот противник, который ему нужен.

Макуто лёг на койку, положив руку на тати. До утра оставалось несколько часов. Он не спал — он медитировал, впитывая энергию ночи, готовясь к новой охоте.

Пустая миска вечности была почти пуста. Скоро она наполнится.

Рассвет застал Макуто в подвальном помещении заброшенного склада на окраине порта. Он арендовал это место за пятьсот рё в месяц у старого рыбака, который не задавал лишних вопросов. Склад пах тухлой рыбой и сыростью, но здесь никто не мешал тренироваться и хранить оружие. Стены были каменными, пол — земляным, потолок подпирали гнилые балки.

Макуто разложил на деревянном столе всё своё снаряжение.

Тати отца лежал справа — длинный, чуть изогнутый клинок с тёмной гардой. Лезвие было отполировано до зеркального блеска, рукоять обмотана свежей кожей. Макуто провёл пальцем по лезвию — ни одной зазубрины. Меч был готов к бою.

Танто, найденный в пещере бандитов, лежал слева. Короткий клинок с изогнутой гардой и черным лезвием. Макуто вытер его масляной тряпкой и проверил крепление на поясе. Танто должен висеть с левой стороны, чтобы его можно было выхватить левой рукой одновременно с тати.

Черный меч из Кумогакуре — трофей, взятый у Райджина — лежал на отдельной тряпице. Длинный, прямой, с чёрным лезвием и рукоятью, обмотанной белой кожей. Меч резал чакру — уникальное свойство, которое делало его смертельно опасным для любого шиноби. Макуто взял меч в руки, оценивая баланс. Он был тяжелее тати, но это компенсировалось его способностью рассеивать техники. Макуто решил носить его на спине — в специальных ножнах, которые он заказал у оружейника за три тысячи рё. Ножны крепились к ремню, перекинутому через плечо. Чтобы вытащить меч, нужно было потянуть за длинную рукоять через правое плечо. Не быстро, но достаточно для ситуаций, когда чакра противника уже подавлена.

Кусари-катабира — кольчужный комбинезон с металлической чешуёй — был надет на нём. Макуто проверил каждое колечко, каждое соединение. Три колечка погнулись в прошлой схватке с Райджином — он выправил их плоскогубцами и зафиксировал маленькими заклёпками.

Дзингаса — железная коническая шляпа — лежала на столе рядом с серым шёлковым плащом. Макуто осмотрел шляпу на предмет вмятин. Две

небольшие вмятины от ударов мечом — не критично. Лак облупился в нескольких местах, но это не влияло на защитные свойства.

Сапоги с железными носками стояли у стены. Он почистил их от грязи и проверил крепление подошвы. Железные носки были целы, металлические пластины на подъёме не погнулись.

Перчатки с металлическими пластинами на костяшках он надел сразу. Кожа была слегка потёртой, но пластины держались крепко.

Кунаи и сюрикены — двадцать кунаев и тридцать сюрикенов — лежали в поясной сумке. Макуто пересчитал их, проверил остроту. Десять кунаев были новыми, блестящими, купленными в порту. Остальные — старые, с мелкими зазубринами, но всё ещё опасные.

Он достал из сумки небольшой флакон с маслом и протёр каждое лезвие. Чёрный меч из Кумогакуре он обработал отдельно — специальным составом, который продал ему тот же оружейник. Состав якобы усиливал свойство меча резать чакру. Макуто не знал, правда ли это, но решил не рисковать.

Проверка снаряжения заняла час. Всё было в порядке. Макуто надел сапоги, затянул шнуровку, поправил пояс с тати и танто. Чёрный меч повесил на спину, проверив, чтобы рукоять торчала над правым плечом — так её было удобнее хватать. Плащ накинул поверх всего, скрывая оружие от посторонних глаз. Дзингасу надел на голову, опустив край почти до бровей.

Теперь нужно было отработать стратегию боя с Морским Змеем.

Макуто знал о нём немного — бывший джонин Киригакуре, специалист по водным техникам и кэндзюцу. Ранг S. Опасный. Очень опасный.

Он достал из сумки листок бумаги и уголь. Нарисовал схему порта Одате — место, где его ждала встреча с информатором по прозвищу Дзюбей. Порт был старым, с узкими улочками и множеством складов. Идеальное место для засады. Идеальное место для убийства.

Макуто начал прорабатывать план.

Первый этап — разведка. Он придёт в порт за день до встречи, найдёт таверну «Солёный Краб» и изучит окружение. Выходы, чёрные ходы, соседние здания, пути отхода. Если Морской Змей уже там, он попытается определить его местоположение по сигнатуре чакры.

Второй этап — встреча с Дзюбеем. Информатор мог быть ловушкой. Макуто не доверял никому, особенно тем, кто предлагал информацию о нукенинах ранга S. Он придёт на встречу замаскированным — плащ, дзингаса, никаких отличительных знаков. Если Дзюбей приведёт с собой подкрепление, Макуто убьёт всех. Если Дзюбей окажется чистым, он заплатит ему за информацию и продолжит охоту.

Третий этап — отслеживание. Морской Змей — бывший джонин Киригакуре. Такие люди умеют прятаться. Макуто будет использовать сенсорику, чтобы найти его. Водные техники оставляют следы в чакре — повышенную влажность, характерные вибрации. Он найдёт его.

Четвёртый этап — бой. Противник сильнее. Это факт. Макуто не сможет победить в честном бою. Нужно использовать грязные приёмы, неожиданности, слабости. Чёрный меч, режущий чакру, станет ключевым оружием. Если Морской Змей попытается использовать водную технику, Макуто рассекает её мечом. Если попытается атаковать мечом, Макуто ответит тати и танто. Главное — не дать противнику времени на подготовку мощных техник.

Пятый этап — отступление. После убийства нужно будет быстро уйти. Отрубить голову, завернуть в плащ, исчезнуть. Не оставлять следов. Никакой крови на одежде, никаких отпечатков, ничего, что могло бы привести к нему.

Макуто перечитал план и сжёг бумагу в масляной лампе.

Он вышел из склада и направился к пустырю за портом, где можно было тренироваться без свидетелей. Пустырь был завален мусором — битыми ящиками, ржавыми бочками, обломками лодок. Идеальное место для отработки боевых комбинаций.

Макуто начал с базовых движений.

Тати в правой руке, танто в левой, чёрный меч на спине. Он отрабатывал переходы между оружием — как бросить тати и выхватить чёрный меч, как использовать танто для блока, а тати для контратаки. Движения должны быть быстрыми, без задержек.

Затем он отработал комбинации с техниками. Катон: Гокакью но Дзюцу, затем рывок с тати. Суйтон: Суйрюдан но Дзюцу, затем бросок кунаев. Дотон: Дориоку Геки, затем атака с чёрным мечом.

Он повторял каждую комбинацию по десять, по двадцать раз. Тело запоминало последовательности, мышцы привыкали к весу оружия.

Потом он добавил гэндзюцу. «Кошмарный круг» — техника Кровавого Лиса — могла заставить Морского Змея замереть на секунду. Этой секунды должно было хватить для смертельного удара чёрным мечом.

Макуто тренировался до изнеможения. Руки болели, спина ныла от тяжести трёх мечей, дыхание сбивалось. Он не останавливался. Техника Бездонный Колодец работала, преобразуя усталость в силу, расширяя его чакра-каналы, наполняя резерв.

К вечеру он вернулся на склад, съел миску риса с рыбой и лёг спать. Завтра — путь в порт Одате.

Путь занял два дня. Макуто шёл через лес, избегая больших дорог и деревень. На ночлег останавливался в лесу, спал в развилках деревьев, держа руку на рукояти тати.

В порт Одате он вошёл на рассвете третьего дня. Город был крупнее Акацуки — каменные дома, широкие улицы, запах моря и смолы. Порт кишел людьми — матросы, грузчики, торговцы, проститутки, нищие. Идеальное место, чтобы затеряться.

Таверна «Солёный Краб» находилась в южной части порта, у самой воды. Двухэтажное здание из тёмного дерева, с облупившейся вывеской и грязными окнами. Макуто прошёл мимо, не заходя внутрь. Он заметил три выхода — парадный, чёрный через кухню и запасной через подвал. Запомнил расположение окон — два на первом этаже, три на втором. Крыша была пологой, по ней можно было передвигаться.

Он нашёл пустующее здание напротив таверны — заброшенный склад с окнами, выходящими на улицу. Забрался внутрь через дыру в стене и устроился на втором этаже, откуда открывался вид на «Солёного Краба».

Дзюбей пришёл ровно в полдень. Макуто узнал его по описанию — низкий, толстый, с красным носом и козлиной бородкой. Он вошёл в таверну, сел за столик у окна и заказал саке.

Макуто подождал десять минут, проверяя сенсорикой окружение. Внутри таверны было шесть человек — Дзюбей, бармен, двое матросов, женщина и мужчина в углу. Чакра у всех была слабой, обычной. Никаких следов нукенина.

Он спустился со склада, пересёк улицу и вошёл в таверну через парадный вход. Дзингаса была надвинута на лоб, плащ застёгнут на все пуговицы. Лицо скрыто в тени.

— Дзюбей? — спросил он, подходя к столику.

Толстяк поднял голову, и его глаза расширились.

— Ты... тот самый? Который спрашивал про Морского Змея?

— Да.

— Чёрт, парень, а ты мелкий. Я думал, ты будешь покрупнее.

— Где он?

Дзюбей оглянулся, понизил голос.

— Он в старом доке, на восточной стороне. Там есть заброшенный склад, третий от угла. Он там прячется уже три недели. Говорят, он готовит какую-то операцию. Может, нападение на порт, может, контрабанда. Хрен его знает.

— Один?

— Один. Но он опасен, парень. Я видел, как он убил четырёх охотников за головами за тридцать секунд. Они даже не успели выхватить мечи.

Макуто положил на стол десять тысяч рё.

— Ты ничего не видел. Ты никому не говорил обо мне. Если я узнаю, что ты проболтался — я вернусь и вырежу твой язык.

Дзюбей быстро кивнул и спрятал деньги.

Макуто вышел из таверны и направился к восточному доку.

Старый док был завален гнилыми досками и ржавыми бочками. Третий склад от угла стоял в глубине, окружённый мусором и битыми ящиками. Дверь была приоткрыта, изнутри пахло плесенью и мазутом.

Макуто проверил сенсорику. Одна сигнатура чакры — плотная, ровная, с характерным оттенком воды. Морской Змей был внутри.

Он вошёл через дверь, бесшумно ступая по скрипучим доскам.

Внутри склада было темно. Свет пробивался через щели в стенах, создавая полосы на пыльном полу. В центре помещения стоял мужчина — высокий, худой, с длинными седыми волосами и глубокими морщинами на лице. Его глаза были чёрными, без белков — особенность крови Киригакуре. На поясе висели два меча — один длинный, прямой, второй короткий, изогнутый.

— Ты не тот, кого я ждал, — сказал Морской Змей, не поворачиваясь. — Я ждал охотников за головами. А пришёл ребёнок.

— Я пришёл за твоей головой, — ответил Макуто.

Морской Змей усмехнулся и медленно повернулся. Его чёрные глаза уставились на мальчика.

— Много таких приходило. Все они теперь корм для рыб. Ты будешь следующим.

Он выхватил оба меча и бросился вперёд. Его движения были быстрыми, но неожиданно тяжёлыми — каждый удар нёс огромную силу. Макуто блокировал тати, отскочил, блокировал снова.

Морской Змей атаковал без остановки, заставляя Макуто отступать к стене. Его мечи двигались в унисон — один рубил, второй колол, третий блокировал. Три комбинации подряд, затем пауза на секунду, затем снова.

Макуто понял, что проигрывает. Морской Змей был быстрее, сильнее, опытнее. Он не давал мальчику времени на контратаку.

Он использовал гэндзюцу. «Парализующий взгляд» — он поймал взгляд чёрных глаз и влил чакру в мозг противника.

Морской Змей замер на секунду. Этого было достаточно.

Макуто выхватил чёрный меч из-за спины и рубанул им по водяному клинку, который начал формироваться в руке противника. Меч резанул чакру, рассеивая технику в воздухе. Второй удар — в плечо. Кровь брызнула на стены.

Морской Змей взвыл от боли и отшатнулся, но Макуто не отпускал. Он бросил чёрный меч в сторону, выхватил тати и танто и бросился на противника.

Они обменялись дюжиной ударов. Морской Змей был ранен, но всё ещё опасен. Его мечи двигались быстрее, точнее, смертоноснее.

Макуто получил удар в бок — кусари-катабира выдержала, но рёбра снова заболели. Второй удар пришёлся в руку — тати выпал из ослабевших пальцев.

Остался только танто.

Морской Змей занёс меч для финального удара. Макуто не стал ждать. Он прыгнул вперёд, нырнул под руку противника и вонзил танто в его горло.

Морской Змей захрипел, выронил мечи и упал на колени. Кровь хлынула из раны, заливая пол.

Макуто не ждал. Он вытащил танто, перехватил его поудобнее и одним движением отрубил голову.

Тело рухнуло на доски. Голова откатилась в угол.

Макуто опустился на колени и положил ладони на голову убитого. Пустая миска вечности — шестнадцать печатей, медленных и точных. Чакра Морского Змея хлынула в его каналы, принося с собой знания о воде, о мечях, о смерти. Три техники А-ранга — «Водяная тюрьма», «Пять ворот

воды» и «Копьё океана». Вместе с ними — навыки владения двумя мечами, которые превосходили всё, что он знал раньше.

Поглощение заняло три минуты. Когда всё закончилось, Макуто открыл глаза и посмотрел на тело.

Он завернул голову в свой серый плащ — старый, грязный, который можно было выбросить после сдачи награды. Взял чёрный меч, тати и танто, положил их в сумку.

Затем он осмотрел склад. Кровь на полу, на стенах, на потолке. Следы боя — разрубленные доски, сломанные ящики. Свои следы — отпечатки сапог в пыли.

Макуто подошёл к двери и вышел на улицу. Нужно было замести следы.

Он нашёл на берегу бочку с мазутом, закатил её в склад и опрокинул. Жидкость растеклась по полу, смешиваясь с кровью. Затем он высек искру кресалом и бросил на пол.

Пламя вспыхнуло мгновенно. Огонь охватил деревянные стены, крышу, пол. Через пять минут склад превратился в пылающий факел.

Макуто ушёл в переулки, пересёк порт и вышел на северную дорогу. Он шёл быстро, не оглядываясь. Через час он был в лесу, через три — на границе Страны Огня.

Он сменил одежду в придорожной гостинице — купил новое кимоно и простой плащ без опознавательных знаков. Старую одежду сжёг в лесу. Дзингасу оставил — слишком ценная вещь, чтобы избавляться от неё.

Голову Морского Змея он сдал в гильдию наёмников в соседнем городе, получив миллион рё. Документы оформил на вымышленное имя — Токиро.

Теперь нужно было исчезнуть. Макуто знал, что его действия привлекли внимание. Убийство нукенина ранга S не останется незамеченным. Охотники за головами, шиноби из скрытых деревень, информаторы — все начнут искать того, кто это сделал.

Он ушёл на север, в горы, где никто не мог его найти. Там, в заброшенной крепости, которую он заметил несколько месяцев назад, он переждёт месяц-другой, пока шум не утихнет.

Техника Бездонный Колодец работала, расширяя его резерв. Пустая миска вечности наполнилась новой силой. Чакра Морского Змея смешивалась с его собственной, делая его сильнее.

Макуто из клана Фаруд уходил в тень. Но ненадолго. Скоро он вернётся. Скоро охота продолжится.

Четыре недели в горах превратили заброшенную крепость во временный дом. Макуто спал на каменном полу в бывшем тронном зале, застелив его сухой травой и накрывшись серым плащом. Техника Бездонный Колодец работала непрерывно, расширяя его чакра-каналы и наполняя резерв силой, которая росла с каждым днём, с каждым часом медитации, с каждым повторением новых техник.

Четыре нукенина пали от его клинка за последние два месяца. Тайген из Ивагакуре, специалист по земле и взрывным техникам, отдал ему свою мощь и тяжёлую поступь Дотона. Кровавый Лис, чьё гэндзюцу заставляло жертв видеть их самые глубокие страхи, передал ему секреты иллюзий. Райджин из Кумогакуре, бывший джонин, чей чёрный меч резал саму чакру, оставил ему скорость молнии и непредсказуемость атак. Морской Змей из Киригакуре, чьи водные техники топили целые отряды охотников за головами, подарил ему силу воды и искусство боя двумя мечами.

Теперь Макуто стоял на вершине скалы, глядя на бескрайний лес, раскинувшийся у подножия гор. Ветер трепал его чёрные волосы, серый плащ хлопал за спиной, тати и танто висели на поясе, чёрный меч из Кумогакуре — на спине. Дзингаса была надвинута на лоб, скрывая глаза.

Он закрыл глаза и сосредоточился на внутренних ощущениях. Чакра текла по его каналам как полноводная река — мощная, быстрая, неуправляемая. Когда он начинал свой путь два года назад, его резерв был высок для ребёнка, для выжившего сироты, который едва сводил концы с концами.

Теперь он вырос в десятки раз. Техника Бездонный Колодец, работавшая каждый день, каждый час, каждую минуту, превратила его в сосуд, способный вместить почти безграничную силу.

Макуто поднял правую руку, сложил печати и выпустил небольшой поток пламени. Катон: Гокакью но Дзюцу — Великий Огненный Шар. Огонь вырвался из его рта и ударил в скалу напротив, оставляя глубокий чёрный ожог на камне. Техника вышла чистой, ровной, мощной — уровень А.

Он сменил печати и создал поток воды. Суйтон: Суйрюдан но Дзюцу — Водяной Дракон. Из воздуха сконденсировалась вода, формируя гигантскую голову дракона, которая обрушилась на лес, снося деревья на десяток метров вокруг. Уровень А.

Земля — Дотон: Дориоку Геки. Шипы вырвались из скалы, пронзая воздух. Тайдзюцу Ивагакуре сделало его удары тяжёлыми и сокрушительными. Гэндзюцу Кровавого Лиса — «Кошмарный круг» — могло заставить любого врага замереть в ужасе.

Но главное, что он получил от своих жертв — это не отдельные техники. Это было понимание. Понимание того, как двигаться, как дышать, как видеть бой на несколько шагов вперёд. Райджин научил его чувствовать молнию, Морской Змей — слышать воду, Тайген — ощущать землю под ногами. Кровавый Лис показал ему, что разум — самое уязвимое место любого противника.

Макуто спрыгнул со скалы и приземлился на мягкую траву у подножия. Он проверил снаряжение. Кусари-катабира была цела, но несколько колечек снова погнулись. Он выправит их позже. Сапоги с железными носками стёрлись в нескольких местах — нужно будет купить новые. Дзингаса держалась крепко, чёрный меч висел на спине, готовый к бою.

Он сел в позу лотоса и закрыл глаза. Техника Бездонный Колодец требовала постоянной подпитки, но теперь она работала почти автоматически. Его чакра-каналы расширились настолько, что он чувствовал каждый миллиметр своего тела, каждую клетку, каждый поток энергии. Когда-то его отец говорил, что великие мастера клана Фаруд могли видеть свою чакру как свет внутри себя. Макуто теперь видел этот свет — яркий, пульсирующий, почти ослепительный.

Он поднялся и пошёл в лес. Через час он нашёл ручей, где обычно мылся и набирал воду. Он опустил ладони в холодную воду, закрыл глаза и сосредоточился. Суйтон: Суйбуншин но Дзюцу — Водный Клон. Вода в ручье взбурлила, и из неё поднялась фигура — точная копия Макуто, но с одной важной деталью: чакра клона была стабильной, устойчивой, способной существовать до получаса без подпитки.

Макуто смотрел на своего водного двойника. Хенге. Он сложил печати и направил чакру в клона. Фигура перед ним начала меняться, расти, превращаясь в мужчину лет тридцати — невысокого, коренастого, с грубым лицом и короткими тёмными волосами. Макуто создал личность: Танака Хироши, бывший крестьянин, а теперь охотник за головами, работающий по всему северу. Никто не узнает в этом человеке мальчика-самурая, который охотится на нукенинов.

— Иди, — сказал Макуто клону. — Забери награду за голову Морского Змея и Райджина. Твоя легенда — ты работаешь один, не любишь компании, предпочитаешь наличные. Не задерживайся.

Клон кивнул и зашагал на юг, в сторону порта.

Макуто остался у ручья. Он сел на большой валун и начал перебирать в голове всё, чему научился за эти недели.

Кэндзюцу. Его сильная сторона, отличный уровень А. Слияние его собственных навыков с техниками Райджина и Морского Змея подняло его мастерство почти до уровня S. Он мог биться с двумя мечами одновременно, парируя одной рукой и атакуя другой. Его тати двигался как продолжение его тела, а чёрный меч из Кумогакуре резал чакру, делая любые техники противника бесполезными.

Ниндзюцу. Средний уровень В когда-то, теперь — А. Он владел техниками четырёх стихий на уровне А-ранга и выше. Воздух оставался его родной стихией, но огонь, вода и земля больше не были чужими. С каждым поглощением его понимание чакры росло, и он мог использовать всё более сложные техники с меньшими затратами энергии.

Тайдзюцу. Средний уровень В стал В+. Он взял лучшее из тайдзюцу Ивагакуре — грубую, мощную школу рукопашного боя, и смешал его со своей природной быстротой. Его удары стали тяжелее, но он не потерял скорости.

Гэндзюцу. Его слабое место, уровень С, теперь стал В-. Техники Кровавого Лиса дали ему несколько мощных иллюзий, но он знал, что против настоящего мастера гэндзюцу ему всё ещё не устоять.

Сенсорика. Отличный уровень А. Он чувствовал чакру в радиусе нескольких километров, мог различать сигнатуры, определять стихийные предрасположенности и даже оценивать примерную силу противника.

Уровень чакры. S. Когда-то это была оценка для его возраста, теперь — абсолютная цифра. Макуто знал, что его резерв сравним с небольшим хвостатым зверем. Он чувствовал это по тому, как легко мог поддерживать техники, как быстро восстанавливался после боёв, как его чакра пульсировала внутри него, готовая вырваться наружу по первому требованию. Техника Бездонный Колодец сделала своё дело — его каналы

расширились до предела, и теперь он мог впитывать и удерживать чакру в объёмах, недоступных обычным шиноби.

Макуто вспомнил слова отца: «Сила клана Фаруд — это не просто поглощение. Это трансформация. Каждая убитая жертва делает тебя больше, чем ты был. Ты становишься сосудом для их силы, но ты не становишься ими. Ты остаёшься собой. Только сильнее. Только быстрее. Только смертоноснее».

Он встал с валуна и начал отрабатывать комбинации. Чёрный меч в правой руке, тати — в левой. Он двигался как вихрь, рубя воздух, уклоняясь от невидимых противников, нанося удары, от которых не было защиты. Тело двигалось само, без его участия — мышцы запомнили каждое движение, каждую комбинацию, каждый переход.

Потом он добавил ниндзюцу. Удар чёрным мечом, разрывающим чакру, затем Катон: Хосенка но Дзюцу — десять огненных шаров, летящих в разные стороны. Бросок кунаев, затем Суйтон: Суйрюдан но Дзюцу — водяной дракон, сметающий всё на своём пути. Прыжок, сальто, и Дотон: Дориоку Геки — каменные шипы, вырастающие из земли.

Он тренировался до изнеможения. Техника Бездонный Колодец работала, преобразуя усталость в силу. Чакра-каналы расширялись, резерв рос.

Когда солнце начало клониться к закату, Макуто почувствовал знакомый импульс — его водный клон вернулся.

Он вышел из леса на поляну, где оставил клона. Водный двойник стоял у валуна, держа в руках два увесистых мешка. На его лице не было эмоций — это была просто копия, инструмент, выполнивший свою задачу.

— Деньги здесь, — сказал клон. — За голову Морского Змея — миллион рё. За голову Райджина — пятьсот тысяч. Плюс триста тысяч за Кровавого Лиса, который был в розыске в соседней провинции. Гильдия не задавала лишних вопросов. Я использовал твою легенду.

Макуто кивнул и забрал мешки. Общий вес был приличным — почти два миллиона рё. Этого хватит на несколько месяцев безбедной жизни. Или на новое снаряжение. Или на подкуп информаторов.

Клон растворился, превратившись в лужу воды на траве.

Макуто спрятал деньги в пещере, которую использовал как хранилище, и вернулся к тренировкам. Ночь он провёл в медитации, впитывая энергию луны и звёзд, расширяя свои чакра-каналы, наполняя резерв.

На рассвете он встал, умылся ледяной водой из ручья и начал новый день. Перед ним была карта Страны Огня, на которой он отметил три точки — места, где, по слухам, прятались сильные нукенины. Один в горах на востоке, бывший джонин из Сунагакуре, специалист по ветряным техникам. Второй в портовом городе на юге, бывший член ANBU из Конохи, скрывающийся под чужим именем. Третий — в лесах на севере, нукенин ранга S, о котором ходили самые страшные слухи.

Макуто выбрал третьего. Самый опасный, самый сильный, самый ценный.

Он надел дзингасу, застегнул плащ, проверил крепление мечей и вышел из крепости. Лес встретил его утренним туманом и пением птиц. Где-то впереди, за горизонтом, его ждала новая охота.

Пустая миска вечности была почти пуста. Но это ненадолго.

Две недели подготовки превратили заброшенную крепость в место силы, пропитанное чакрой мальчика. Стены древнего зала помнили многое — войны кланов, смерти, предательства. Теперь они впитывали энергию новой эпохи.

Макуто сидел в центре тронного зала, скрестив ноги, положив ладони на колени. Дзингаса лежала рядом на каменном полу, обнажая лицо. Серый плащ был снят и аккуратно сложен у стены. Кусари-катабира — кольчужный комбинезон с металлической чешуёй — плотно облегал тело, каждое колечко лежало на своём месте. Тати, танто и чёрный меч из Кумогакуре висели на поясе и на спине даже во время медитации. Макуто не расставался с оружием.

Техника Фаруд: Бездонный Колодец работала на пределе своих возможностей. Чакра текла по каналам как горная река после таяния снегов — мощно, неудержимо, но контролируемо. Каждое поглощение расширяло его резерв, каждое убийство делало его сосудом для чужой силы. Теперь, после четырёх нукенинов, его чакра-каналы достигли состояния, которое в древних свитках клана Фаруд называлось «предел сосуда».

Макуто открыл глаза. В темноте зала они светились слабым золотистым светом — признак того, что его собственная чакра переполняет тело и начинает выходить наружу через естественные каналы. Он поднял правую руку и сосредоточился. Чакра сконцентрировалась в ладони, формируя плотный шар энергии, который пульсировал в такт его сердцебиению.

Техника Бездонный Колодец больше не требовала усилий. Она стала частью его дыхания, его сердцебиения, его мышления. Каждую секунду его каналы расширялись на микроскопическую долю, каждую минуту резерв увеличивался на незаметную величину. Эффект был неосязаемым в моменте, но за две недели непрерывной работы он дал результат, который Макуто мог измерить.

Он проверил свой уровень чакры, используя технику измерения, которую отец показывал ему в детстве. Сосредоточился, направил поток внутрь себя, оценил объём. Цифра была почти невообразимой. Когда-то его резерв был просто высоким для ребёнка. Теперь он сравнился с чакрой

слабого хвостатого зверя — не с Девятихвостым, конечно, но с тем, что в свитках клана называли «двуххвостый эквивалент».

Макуто не знал точно, насколько он силен. Он никогда не встречал джинчурики и не видел настоящего биджу в бою. Но он чувствовал разницу между тем, кем был два месяца назад, и тем, кем стал сейчас. Тогда его чакра была рекой. Теперь — океаном.

Он начал перебирать в голове поглощённые техники и навыки, систематизируя их по рангам и эффективности.

Тайдзюцу. Уровень В+ поднялся до А-. Он сохранил свою природную быстроту и добавил к ней мощные удары из школы Ивагакуре. Его кулак теперь пробивал каменную стену толщиной в двадцать сантиметров — он проверил это на руинах крепости. Локти, колени, ступни стали оружием не хуже мечей. Сапоги с железными носками усиливали удары ногами, дробя кости и камень.

Кэндзюцу. Уровень А превратился в А+ с элементами S. Слияние его собственных навыков с техниками Райджина и Морского Змея дало невероятный результат. Он мог биться тремя мечами одновременно — тати, танто и чёрным клинком из Кумогакуре — переключаясь между ними так быстро, что враг видел только размытые полосы стали. Чёрный меч резал чакру, делая любые техники противника бесполезными при прямом контакте. Тати отца был идеально сбалансирован для рубящих ударов. Танто — для быстрых колющих атак в щели между рёбрами.

Ниндзюцу. Уровень А поднялся до А+ с несколькими техниками ранга S. Четыре стихии — воздух, огонь, вода, земля — были под его контролем. Воздух оставался родной стихией, самой гибкой и быстрой. Огонь был самым разрушительным. Вода — самой адаптивной. Земля — самой защитной.

Футон: Даитоппа — Великий Прорыв Ветра. Он выпускал стену воздуха, способную отбросить десяток врагов или погасить техники огня. Ранг А.

Футон: Камаитори — Лезвие Ветра. Острый как бритва поток воздуха, который резал металл и камень. Ранг А.

Футон: Расэн Шурикен — Спиральный Сюрикен Ветра. Самая мощная техника ветра, которую он получил от одного из нукенинов. Смертоносный диск из чакры, который разрывал противника на клеточном уровне. Ранг S.

Катон: Гокакью но Дзюцу — Великий Огненный Шар. Базовая, но эффективная техника. Его версия достигала диаметра трёх метров и температуры, плавящей сталь. Ранг A.

Катон: Хосенка но Дзюцу — Техника Огненных Снарядов. Дюжина огненных шаров, которые он мог направлять по отдельности. Ранг A.

Катон: Дай Энкё — Великое Огненное Отражение. Техника защиты, создающая стену пламени вокруг него. Ранг A.

Суйтон: Суйрюдан но Дзюцу — Техника Снаряда Водяного Дракона. Огромный водяной дракон, который обрушивался на врага с высоты. Ранг A.

Суйтон: Дайбакуфу но Дзюцу — Техника Великого Водяного Взрыва. Поток воды шириной десять метров, смывающий всё на своём пути. Ранг A.

Суйтон: Киригакуре но Дзюцу — Техника Скрытого Тумана. Заполнение пространства густым туманом, в котором видимость падала до нуля. Получена от Морского Змея. Ранг A.

Дотон: Дориоку Геки — Удар Каменных Шипов. Шипы из земли, вырастающие из-под ног противника. Ранг A.

Дотон: Дою Домо — Размягчение Земли. Превращение твёрдой поверхности в грязь, затягивающую врага. Ранг B, но эффективно в комбинациях.

Дотон: Домен Камня. Создание временного укрытия из земли. Ранг A.

Гэндзюцу. Уровень C поднялся до B-. Три техники от Кровавого Лиса: «Иллюзия тумана» (заставляла врага видеть угрозу там, где её не было), «Парализующий взгляд» (останавливала противника на секунду), «Кошмарный круг» (вызывала ужас, парализующий волю). Не идеально, но достаточно для того, чтобы застать врага врасплох.

Сенсорика. Уровень А. Он чувствовал чакру в радиусе пяти километров, мог различать сигнатуры по стихийной принадлежности и силе, определял количество врагов и их расположение. Техника Скрытого Тумана в комбинации с сенсорикой делала его неуловимым для большинства противников.

Макуто поднялся и подошёл к стене, на которой углём была нарисована карта северных лесов. Третья цель — нукенин ранга S, скрывающийся в глубине леса — был отмечен большим крестом.

Он начал собирать информацию о противнике, используя свои новые навыки.

Водный клон под хенге Танаки Хироши отправился в ближайшие деревни и порты, собирая слухи и легенды. Через три дня клон вернулся с донесением. Макуто сел на каменный пол, закрыл глаза и принял информацию, которую клон передал через чакральную связь.

Нукенин называл себя **Тензо**. Не настоящее имя, конечно, — бывший джонин не стал бы использовать своё истинное имя после того, как скрытная деревня объявила его в розыск. Но это имя всплывало в разговорах информаторов и охотников за головами достаточно часто, чтобы Макуто запомнил его.

Тензо был бывшим членом ANBU из Конохи. Десять лет назад он совершил преступление, за которое его приговорили к смерти — убийство командира отряда во время секретной миссии. Тензо бежал, убив троих преследователей, и исчез в лесах на севере. С тех пор он жил как отшельник, но иногда выходил на охоту, убивая путников, которые забредали слишком далеко в его владения.

За его голову была назначена награда — два миллиона рё. Но за десять лет никто не смог её получить. Пятеро охотников за головами вошли в лес и не вернулись. Трое шиноби из Конохи, отправленные на его поимку, были найдены мёртвыми с перерезанными глотками.

Тензо владел уникальным стилем боя. Его основной стихией был лес — комбинация стихий земли и воды, создающая техники, управляющие

растениями. Он мог заставлять деревья двигаться, корни — хватать врагов, лозы — душить. В лесу он был хозяином.

Кроме того, Тензо был мастером меча. Его клинок, который он называл «Лесной Зуб», был выкован из особого металла, найденного в недрах Страны Огня. Меч был длинным, чуть изогнутым, с лезвием зелёного цвета. Говорили, что он мог резать чакру, как и чёрный меч Райджина, но с другой стороны — не рассеивал технику, а вытягивал чакру из жертвы, ослабляя её.

Макуто оценил информацию. Тензо был опасен. Очень опасен. Он имел преимущество на своей территории — лес был его союзником. Он был опытен, хладнокровен, и за десять лет изгнания его навыки не заржавели — наоборот, он стал ещё более смертоносным.

Но у Макуто были козыри.

Он владел тремя стихиями, которые могли противостоять лесным техникам. Огонь сжигал растения. Ветер рассеивал семена и пыльцу. Молния — техника, которую он получил от Райджина, — могла парализовать корни и лозы, сделав их бесполезными.

Его чакра была сравнима с чакрой слабого биджу. Он мог поддерживать техники высокого ранга в течение длительного времени, не опасаясь истощения. Он мог создавать десятки теневых клонов и управлять ими одновременно. Он мог использовать свои сильнейшие техники несколько раз подряд без потери эффективности.

Чёрный меч из Кумогакуре был идеальным оружием против Тензо. Если «Лесной Зуб» вытягивал чакру, то чёрный меч резал её, нейтрализуя любые техники. В схватке мечников у Макуто было преимущество.

И наконец, гэндзюцу. «Кошмарный круг» мог заставить Тензо замереть на секунду, и этой секунды должно было хватить для смертельного удара.

Макуто разработал план.

Первый этап. Он войдёт в лес и найдёт убежище Тензо. Сенсорика поможет ему определить точное местоположение противника. Он будет двигаться медленно, скрытно, не оставляя следов.

Второй этап. Он вызовет Тензо на бой. Не будет прятаться и ждать — отшельник мог избегать встречи, если почувствует угрозу. Макуто выйдет на открытое место и громко назовёт имя нукенина. Тензо, гордый и самоуверенный, не откажется от вызова.

Третий этап. Бой. Макуто будет использовать огонь, чтобы сжигать лесные техники, и ветер, чтобы рассеивать ловушки. Чёрный меч станет основным оружием — каждый удар будет резать чакру Тензо, ослабляя его. Если противник попытается использовать «Лесной Зуб», Макуто ответит тати и танто.

Четвёртый этап. Поглощение. Если он победит, он использует Пустую миску вечности, чтобы забрать у Тензо его лесные техники и навыки владения мечом.

Пятый этап. Отступление. Он заберёт голову, получит награду, затем исчезнет. На этот раз надолго. Деньги, накопленные за четыре охоты, составят почти пять миллионов рё — достаточно, чтобы купить убежище, нанять информаторов и подготовиться к следующему этапу его жизни.

Макуто начал последние приготовления.

Он проверил снаряжение в последний раз. Тати был острым как бритва, танто — смазан маслом, чёрный меч — готов к бою. Кусари-катабира была цела, но он добавил несколько дополнительных пластин на грудь и спину — защита от возможных ударов «Лесного Зуба». Дзингасу он отполировал до блеска, удалив вмятины и царапины. Сапоги с железными носками были заменены на новые, более прочные. Перчатки с металлическими пластинами он пропитал специальным составом, который делал кожу устойчивой к огню.

В поясной сумке лежали двадцать кунаев, тридцать сюрикенов, несколько дымовых шашек и флакон с лечебной мазью. За пазухой — тонкая стальная леска и игла для меток подчинения.

Он съел плотный ужин — рис с мясом, приготовленный на костре, и выпил горячий чай. Затем лёг на каменный пол, положив руку на тати, и закрыл глаза. До рассвета оставалось пять часов. Он должен был выспаться.

Сон был глубоким, без сновидений. Техника Бездонный Колодец работала в фоновом режиме, расширяя каналы, наполняя резерв. Когда он проснулся, первые лучи солнца уже пробивались сквозь щели в стенах.

Макуто встал, умылся ледяной водой из ручья, надел дзингасу, застегнул плащ, проверил крепление мечей и вышел из крепости.

Лес встретил его утренним туманом и пением птиц. Где-то на севере, в глубине чащи, его ждал Тензо. Последняя охота. Самая опасная.

Макуто зашагал в лес, оставляя позади крепость, деньги, все свои предыдущие победы. Его шаги были бесшумными, дыхание — ровным, чакра — спокойной. Он был готов.

Пустая миска вечности ждала наполнения.

Северный лес подступал к горам плотной стеной из старых кедров и замшелых валунов. Макуто шёл по звериной тропе, петлявшей между стволами, и чувствовал, как меняется его собственное тело. Не в лучшую сторону. Резерв чакры, который вырос до уровня слабого биджу, давил на каналы изнутри, словно река, которая прорвала плотину и теперь затапливала окрестности. Его контроль, ещё месяц назад почти идеальный, начал давать сбои. Руки дрожали после каждого выпуска техники. Чакра выплёскивалась наружу при малейшем волнении. Он тратил в два раза больше энергии на каждое движение, чем требовалось. Океан внутри него бушевал, и Макуто не мог его утихомирить.

Он шёл дальше, перешагивая через гнилые корни и огибая муравейники. Дзингаса давила на лоб тяжелее обычного, сапоги с железными носками вязли в мягком мху. Воздух здесь был влажным, спёртым, пропитанным запахом гниющих листьев и дикого мёда. Сенсорика работала на пределе, но лес сам глушил сигналы. Слишком много жизни вокруг — мелкие зверьки, птицы, насекомые, чакра каждого из них сливалась в один размытый фон. Макуто приходилось напрягаться, чтобы отделить от этого шума чакру человека.

Он остановился у подножия старого дуба, привалился спиной к шершавой коре и закрыл глаза. Техника Бездонный Колодец продолжала расширять его каналы, но теперь это не было благословением. Слишком быстро. Слишком много поглощений за короткое время. Четыре нукенина, каждый из которых был сильнее него, когда он с ними встречался. Их чакра, их навыки, их воспоминания — всё это вливалось в него и не успевало перевариваться. Он чувствовал это физически — тяжесть в груди, пульсацию в висках, дрожь в пальцах.

Отдохнуть. Пять минут. Он позволил себе передышку. Дыхание выровнялось. Чакра чуть успокоилась. Макуто открыл глаза и снова двинулся вперёд.

Он нашёл логово Тензо на второй день пути. Убежище было скрыто за водопадом — точнее, за тем, что от него осталось. Ручей пересошёл лет пять назад, и водопад превратился в нависающий козырёк скалы, с которого всё ещё капала вода, собираясь в мелкое озерцо у подножия. За этой водяной завесой виднелся тёмный провал пещеры.

Макуто остановился в сотне метров от входа и сосредоточился. Сенсорика показала одну чакра-сигнатуру. Плотную, вязкую, с характерным растительным оттенком. Тензо был внутри. Один.

Он медленно пошёл к пещере, не скрываясь. Шаги сапог хрустели на мелких камнях. Серый плащ развевался на ветру, дзингаса блестела в лучах заката, чёрный меч из Кумогакуре торчал за спиной. Тати и танто висели на поясе.

Когда он подошёл к водяной завесе, гул воды заглушил все остальные звуки. Макуто шагнул в пещеру, и капли окатили его лицо, скатываясь с дзингасы и плаща. Внутри было темно. Только влажный каменный пол и запах грибов. И запах человека.

Тензо сидел в дальнем углу пещеры на плоском валуне, скрестив ноги. Его лицо скрывала тень, но Макуто разглядел силуэт — высокий, худой, с длинными спутанными волосами. На плечи был накинут старый дорожный плащ, под ним — лёгкие доспехи. Меч «Лесной Зуб» лежал на коленях — длинный, чуть изогнутый, с лезвием, отливающим зеленоватым металлом.

— Ты идёшь ко мне уже три дня, — сказал Тензо, не поднимая головы. — Я чувствовал твою чакру. Как приливную волну. Шумную и неуклюжую.

Макуто не ответил. Он стоял у входа, положив правую руку на рукоять тати.

— Сколько тебе лет? — спросил Тензо. — Десять? Одиннадцать? В этом возрасте я учился держать кунай. А ты охотишься на нукенинов ранга S.

— Мне нужна твоя голова, — сказал Макуто. Голос прозвучал глухо из-под дзингасы.

Тензо усмехнулся и поднял голову. Его лицо оказалось молодым — намного моложе, чем Макуто ожидал. Лет тридцать, не больше. Тонкие черты, острый подбородок, глаза цвета болотной тины. Шрамы на левой щеке — три параллельные полосы, похожие на следы когтей.

— Моя голова стоит два миллиона рё, — сказал Тензо. — Ты это знаешь. Но ты пришёл не за деньгами. Ты пришёл за моей силой.

Макуто молчал.

— Я чувствую в тебе чакру нескольких убитых тобой людей, — продолжил Тензо. — Ты поглощаешь их, как губка. Не спрашивай откуда

я знаю — я много лет охотился на таких, как ты. На тех, кто питается мёртвыми. Ты не первый, мальчик. И ты не будешь последним. Но ты умрёшь здесь, как и все до тебя.

Тензо встал с валуна. Его движения были плавными, текучими, без единого лишнего жеста. Меч «Лесной Зуб» он взял в правую руку, и зелёное лезвие тускло засветилось в темноте пещеры.

Макуто выхватил тати. Чакра внутри него взбурлила, выплёскиваясь через край. Руки дрожали. Он потратил слишком много энергии на путь сюда, на подавление собственного резерва, и теперь его контроль был на грани срыва.

Тензо сделал первый шаг.

Пещера взорвалась движением. Макуто атаковал первым, но его удар был слишком широким, слишком сильным — чакра переполняла лезвие, делая его неуправляемым. Тензо уклонился, отступив на полшага, и нанёс ответный удар. «Лесной Зуб» свистнул в воздухе, целя в шею. Макуто блокировал тати, но блок получился слабым — чакра выплеснулась из клинка, и он потерял равновесие.

Он откатился в сторону, поднялся и попытался взять себя в руки. Контроль. Нужно успокоить чакру. Но времени не было. Тензо не ждал.

Бывший джонин сложил печати — быстро, почти неуловимо. Змея. Тигр. Змея. Земля под ногами Макуто задрожала, и из трещин в камне вырвались толстые корни. Они обвили его сапоги, щиколотки, колени. Дерево, которое он принял за часть скалы, ожило.

Макуто рубанул корни тати. Лезвие перерубило их, но чакра снова выплеснулась наружу, и он потратил на этот удар втрое больше энергии, чем нужно. Корни росли снова, быстрее, чем он их рубил.

— Твоя чакра слишком громкая, — сказал Тензо, наблюдая за ним. — Ты как ребёнок, который нашёл кузнечный молот и пытается им муху убить. Ты силён, мальчик. Очень силён. Но сила без контроля — это просто разрушение. Своё собственное разрушение.

Макуто перестал рубить корни. Он остановился, закрыл глаза и сосредоточился на дыхании. Техника Бездонный Колодец. Успокоить поток. Сжать чакру. Не дать ей выплеснуться.

Он открыл глаза. Корни обвивали его до пояса, но он не обращал на них внимания. Он смотрел на Тензо.

— Достаточно, — сказал Макуто.

Он сложил печати. Футон: Камаитори. Острый как бритва поток воздуха вырвался из его ладони и разрезал корни в мелкую щепу. Техника вышла чистой — чакра слушалась его в этот раз. Он потратил ровно столько энергии, сколько требовалось.

Тензо нахмурился. Он снова сложил печати — длинная последовательность, тринадцать знаков. Земля под ногами Макуто размягчилась, превращаясь в болотную жижу, но мальчик уже был в воздухе. Он использовал технику хождения по воздуху, оттолкнувшись от невидимой платформы чакры, и прыгнул в сторону Тензо.

Чёрный меч вылетел из-за спины. Макуто перехватил его правой рукой и рубанул по зелёному лезвию «Лесного Зуба». Металл зазвенел, и Макуто

почувствовал, как чёрный клинок режет чакру противника. Тензо отшатнулся — его техника развеялась, не успев завершиться.

— Хороший меч, — сказал Тензо, глядя на чёрное лезвие. — Откуда он у тебя?

— Убил Райджина из Кумогакуре, — ответил Макуто.

— Значит, ты тот, кто охотится на нукенинов на севере, — Тензо усмехнулся. — Я слышал о тебе. Мальчик в железной шляпе, который убивает сильных и забирает их силу. Ты уже стал легендой, парень.

— Я не легенда. Я просто голодный.

Они снова сошлись в бою. Тензо атаковал лесными техниками — корни, лозы, шипы из твёрдого как сталь дерева. Макуто отвечал огнём и ветром. Катон: Гокакью но Дзюцу сжигал лозы, Футон: Камаитори резал корни. Чакра внутри него бурлила, но он держал её под контролем, сжимая волю в кулак.

Но контроль был не идеальным. Он всё ещё тратил слишком много энергии. Усталость наваливалась быстрее, чем должна была. Пот заливал глаза, дыхание сбивалось. Тензо же, напротив, двигался плавно и экономно, не расходуя лишней чакры.

Они сражались уже десять минут. Пятнадцать. Пещера превратилась в руины — камни разбиты, пол изрыт корнями, стены покрыты копотью от огненных техник.

Макуто получил первый удар. «Лесной Зуб» скользнул по его боку, прорезав кусари-катабиру. Кольчужный комбинезон выдержал, но удар был сильным — рёбра заныли, и он закашлялся кровью.

Второй удар пришёлся в плечо. Тензо бил быстро и точно, не давая Макуто времени на восстановление. Чёрный меч был хорош, но он был тяжёлым, и Макуто не успевал парировать все атаки.

Он отступил к выходу из пещеры, прижимая руку к раненому плечу. Кровь текла по руке, капая на каменный пол. Тензо не преследовал — он стоял в центре пещеры, держа «Лесной Зуб» на плече, и смотрел на мальчика.

— Ты силён, — сказал Тензо. — Но ты не готов к этому бою. Твоя чакра неуправляема. Ты поглотил слишком много и не смог переварить. Теперь твоя сила работает против тебя.

— Я знаю, — ответил Макуто, вытирая кровь с губ.

— Тогда зачем ты пришёл? Самоубийство? Или просто глупость?

— Мне нужна твоя сила. Твои лесные техники. Они помогут мне контролировать чакру.

Тензо замер. Его лицо стало серьёзным.

— Ты хочешь поглотить меня, чтобы украсть мои навыки контроля?

— Да.

Тензо рассмеялся — громко, искренне, запрокинув голову.

— Ты безумен, мальчик. Полностью безумен. Но я уважаю твою дерзость.

Он опустил меч и сложил печати. Змея. Тигр. Змея. Дракон. Тигр. Лес вокруг пещеры ожил. Деревья зашевелились, корни выползли из земли, лозы сплелись в стены. Пещера начала закрываться, отрезая Макуто путь к отступлению.

— Это будет твоя могила, — сказал Тензо. — Здесь, в моём лесу, ты умрёшь, и я поглощу твою чакру. Ты будешь питать мои техники вечно.

Макуто не стал ждать. Он бросился вперёд, используя всю оставшуюся чакру для одного удара. Чёрный меч в правой руке, тати в левой. Он атаковал одновременно с двух сторон, не оставляя Тензо пространства для манёвра.

Их клинки встретились с громким звоном. Тензо парировал чёрный меч «Лесным Зубом», но тати прошёл сквозь защиту и вонзился в плечо бывшего джонина. Тензо закричал, но не отступил — он ударил Макуто ногой в грудь, отбросив его к стене.

Мальчик ударился спиной о камень и сполз на пол. В глазах потемнело. Он чувствовал, как чакра внутри него бушует, как она вырывается наружу, сжигая его изнутри. Он не мог её контролировать. Океан поглощал его.

Тензо подошёл к нему, держась за раненое плечо. «Лесной Зуб» светился зелёным, готовясь к последнему удару.

— Прощай, мальчик, — сказал Тензо.

Макуто поднял голову. Глаза его горели золотистым светом — чакра переполняла его тело и выходила наружу через естественные каналы.

— Нет, — сказал он.

Он использовал гэндзюцу. «Кошмарный круг». Техника Кровавого Лиса, которую он так долго не мог освоить из-за проблем с контролем. Но сейчас, когда чакра переполняла его, когда его резерв был на пределе, техника вышла наружу сама собой — грубая, неотёсанная, но смертоносная.

Тензо замер. Его глаза расширились, зрачки сузились. Он видел что-то ужасное — возможно, свою смерть, возможно, свою прошлую жизнь, возможно, всех тех, кого он убил. Макуто не знал. Ему было всё равно.

Он встал, поднял чёрный меч и одним движением отрубил Тензо голову.

Тело рухнуло на каменный пол. Голова откатилась в угол. Кровь хлынула из шеи, заливая камни.

Макуто опустился на колени, положил ладони на голову убитого и начал поглощение. Пустая миска вечности — шестнадцать печатей, медленных и точных. Чакра Тензо хлынула в его каналы, принося с собой знания о лесе, о корнях, о том, как управлять жизненной силой растений.

Вместе с чакрой пришли воспоминания. Тензо в молодости, тренирующийся в лесах Конохи. Тензо, получающий звание джонина. Тензо, убивающий своего командира во время секретной миссии. Тензо, бегущий из деревни, спасая свою жизнь.

И главное — понимание контроля. Тензо потратил годы на то, чтобы умирить свою чакру, чтобы научиться использовать её экономно, точно, без потерь. Его методы были жестокими — он связывал себя, лишал еды, заставлял себя медитировать часами. Но они работали.

Макуто открыл глаза. Чакра Тензо растворилась в его собственной, и с ней пришли новые навыки. Его контроль всё ещё был далёк от идеала, но теперь он знал, как его улучшить. Техника Бездонный Колодец больше не была врагом. Он мог направить её, использовать её для укрепления каналов, а не для их бесконтрольного расширения.

Он отрубил голову Тензо, завернул её в свой плащ и вышел из пещеры. Лес встретил его ночной тьмой и звёздами над головой. Где-то далеко, на юге, его ждал город и гильдия наёмников.

Он шёл медленно, переваривая полученное. Техники Тензо были уникальными — три лесные техники ранга А и одна ранга S, «Объятия Леса», которая позволяла создавать гигантские древесные конструкции, способные сокрушать целые отряды. Но главное, что он получил — это понимание собственного тела. Контроль чакры был не о том, чтобы сдерживать океан. Он был о том, чтобы научиться плавать.

Он вернулся в крепость через три дня. Спрятал голову Тензо в соляном растворе, чтобы сохранить до сдачи награды. Снял доспехи, проверил раны. Плечо заживало медленно, но без заражения. Кусари-катабира требовала починки — несколько колечек были сломаны, пластины погнуты.

Он сел в центре тронного зала, скрестил ноги и закрыл глаза. Медитация. Техника Бездонный Колодец. Но теперь он не позволял ей работать на полную мощь. Он контролировал её, направлял, заставлял чакру течь по каналам ровно и спокойно.

Контроль. Всё дело в контроле.

Макуто из клана Фаруд оставался в крепости. Он будет тренироваться, медитировать, переваривать поглощённых нукенинов. Он не выйдет на охоту, пока не усмирит океан внутри себя. Это займёт недели, а может, и месяцы. Но время работало на него.

Он стал сильнее. Он станет ещё сильнее.

А потом — Коноха. Его ждала великая скрытая деревня, где, по слухам, скрывались те, кто уничтожил его клан. Но это было потом. Сначала — контроль.

Пустая миска вечности была почти полна. Оставалось место для последнего ингредиента — терпения.

Месяц в горах превратился в испытание воли, которое Макуто выдерживал с той же мрачной решимостью, с какой когда-то держался за жизнь в промёрзшем лесу после уничтожения его клана. Заброшенная крепость стала его личной тренировочной площадкой, и стены старого тронного зала покрылись следами ударов чакры всех четырёх стихий. В центре зала, на каменном полу, до сияющей гладкости отполированном его медитациями, он провёл сотни часов, скрестив ноги в позе лотоса, ладони на коленях, дзингаса — рядом, на специальной подставке из дерева, серый плащ — аккуратно сложен у входа.

Отец Макуто не успел научить его всему, что должен знать наследник клана Фаруд, но то немногое, что он передал перед своей смертью, оказалось бесценным. Среди этих знаний была и техника разделения чакры на составляющие.

Макуто сидел с закрытыми глазами, и его дыхание было таким тихим, что птицы на крыше крепости не слышали его даже на расстоянии вытянутой руки. Внутри его тела, в центре груди, в точке, где сходились все основные чакра-каналы, формировался шар чистой энергии. С каждым вдохом он наполнял его, с каждым выдохом — уплотнял.

Чакра по своей природе состояла из двух неразделимых частей: Инь — силы духа, и Ян — силы тела. Обычный шиноби использовал их в том естественном соотношении, в котором они существовали в его теле. Макуто же научился разделять эти компоненты. Техника, которую он отрабатывал сейчас, заключалась в том, чтобы, сконцентрировав чакру в одной точке, отделить Инь от Ян, а затем смешать их вновь, но уже в новой пропорции — такой, которая требовалась для конкретной техники.

Семьдесят процентов Ян и тридцать процентов Инь давали максимальную физическую силу и выносливость. Эта пропорция подходила для тайдзюцу и кэндзюцу. Сорок процентов Ян и шестьдесят процентов Инь усиливали ментальные способности и контроль, что было необходимо для гэндзюцу и сложных ниндзюцу. Пятьдесят на пятьдесят — идеальный баланс для стихийных техник.

Макуто открыл глаза и поднял правую руку. На ладони, без каких-либо печатей, без произнесения названия техники, материализовался шар чакры. Он был плотным, почти осязаемым, и светился тусклым голубым светом. Макуто сжал ладонь, и шар разделился на две половинки — одна светилась ярче, вторая — темнее. Инь и Ян. Отделённые друг от друга, но всё ещё связанные невидимыми нитями чакры.

Он соединил их снова, и шар восстановился, став ещё плотнее, ещё ярче.

Это упражнение он повторял сотни раз в день. Разделение, смешивание, разделение, смешивание. Каждое повторение оттачивало его контроль, делало его более точным, более экономным. Техника Бездонный Колодец

продолжала расширять его каналы, но теперь Макуто не позволял этому процессу быть хаотичным. Он направлял расширение, заставляя новые клетки чакра-каналов расти там, где это было нужно, а не там, где им вздумается.

Упражнения по разделению и смешиванию чакры не были единственными в его режиме. Он также практиковал то, что называл «прессованием чакры». Суть заключалась в том, чтобы взять определённый объём чакры и сжать его до минимально возможного размера, сохранив при этом всю его энергию. Если обычный шар чакры размером с кулак содержал условную единицу энергии, то после прессования этот же объём энергии уместился в шарик размером с горошину.

Макуто поднял руку и сформировал на кончике указательного пальца крошечную точку света, такую маленькую, что её можно было принять за пылинку, пляшущую в луче утреннего солнца. Но внутри этой точки было столько энергии, что её хватило бы на десяток техник уровня С.

Он метнул точку в стену. Она ударила в камень и взорвалась с силой, сравнимой с небольшим снарядом. В стене образовалась воронка глубиной в двадцать сантиметров. Макуто удовлетворённо кивнул. Контроль становился лучше.

После утренних упражнений по разделению и прессованию чакры он переходил к отработке новых навыков и знаний, полученных от Тензо.

Лесные техники были не просто очередным набором дзюцу в его арсенале. Они были ключом к пониманию того, кем на самом деле был Тензо.

Когда Макуто впервые проглотил Тензо, он получил обрывки воспоминаний, как и в случае с другими жертвами. Но эти обрывки отличались от всего, что он видел раньше. Они были глубже, ярче,

эмоциональнее. Тензо не был обычным нукенином, и Макуто чувствовал это.

Он снова закрыл глаза и позволил воспоминаниям Тензо подняться на поверхность сознания. Внутренний взор показал ему картину.

Мальчик, примерно такого же возраста, как Макуто сейчас, стоит на краю огромного леса. Деревья вокруг него не похожи на обычные — их стволы переплетены в причудливые узоры, листья светятся слабым зелёным светом. Мальчик сжимает ладони, и из земли у его ног вырастает маленький росток. Росток тянется к солнцу, превращаясь в молодое деревце, а затем в полноценное дерево с раскидистой кроной.

Воспоминание сменилось другим. Тот же мальчик, но старше. Он стоит перед группой взрослых шиноби, и все они смотрят на него с уважением и страхом. Один из них, седой старик с длинной бородой, говорит: «Ты — наследник клана Сенджу. Твоя сила — это наша надежда».

Макуто открыл глаза. Клан Сенджу. Один из основателей Конохагакуре, наряду с кланом Учиха. Потомки Асуры Ооцуцуки, младшего сына Хагоромо Ооцуцуки, известные своей мощнейшей жизненной силой и чакрой. Клан, который давно считался вымершим, растворившимся в других семьях Конохи или уничтоженным в войнах.

Но Тензо был Сенджу. Настоящий, последний, скрывающийся от мира.

Макуто перебирал воспоминания Тензо, собирая их в цельную картину, как осколки разбитой вазы.

Тензо родился в одной из ветвей клана Сенджу, которая отделилась от основной семьи ещё до основания Конохи. Его предки скрывались в лесах на севере, сохраняя свои традиции и технику в тайне от внешнего мира.

Они не участвовали в войнах, не вступали в союзы со скрытыми деревнями, не позволяли чужакам приближаться к своим землям.

Когда Тензо было шесть лет, его клан был обнаружен. Кто именно нашёл их — воспоминания Тензо были размыты на этот счёт — возможно, шиноби из Конохи, возможно, охотники за головами, возможно, те, кто хотел заполучить секрет древесных техник любой ценой. Нападение было внезапным и жестоким. Тензо выжил только потому, что его спрятали в дупле старого дерева, и он слышал крики умирающих родственников, но не мог ничего сделать.

Ему было десять лет, когда он стал последним Сенджу.

Он поклялся отомстить, но понимал, что один против целого мира не выстоит. Поэтому он скрывался. Сменил имя, стёр все следы своего происхождения, стал тем, кого знали как «Тензо» — нукенина-отшельника, который убивает каждого, кто приближается к его убежищу.

Макуто ощутил странную связь с этим человеком. Они оба были последними представителями своих кланов. Оба потеряли семьи в результате нападений. Оба выжили и поклялись отомстить. Но пути их разошлись.

Тензо выбрал уединение. Он построил свою жизнь вокруг одной цели — выжить и не дать никому узнать его тайну. Он не искал силы, он просто защищал то, что у него осталось.

Макуто же выбрал охоту. Он искал силу, поглощал её, становился сильнее, чтобы однажды уничтожить тех, кто уничтожил его клан. Он не прятался — он нападал.

Техники Тензо были уникальными. В отличие от обычных шиноби, которые использовали Мокутон — Высвобождение Древесины, комбинацию стихий земли и воды — Тензо владел техниками, которые были ближе к природе, к самой сути леса. Он не создавал дерево из чакры, он пробуждал дерево вокруг себя, заставляя его расти и двигаться по своей воле.

Макуто встал и вышел из крепости. Он направился в лес, который начинался сразу за стенами. Здесь, среди старых кедров и замшелых валунов, он мог тренировать свои новые техники в полную силу.

Он сложил печати — последовательность, которую он запомнил из воспоминаний Тензо. Семь знаков, медленных и точных. Змея, Тигр, Змея, Дракон, Тигр, Заяц, Тигр.

— Мокутон: Ки но Теки, — произнёс он.

Чакра потекла из его рук в землю, в корни, в стволы деревьев. Вокруг него начали расти новые побеги, сначала медленно, потом всё быстрее. Из земли вырвались толстые корни, которые сплелись в стену высотой в два метра. Деревья вокруг наклонились, создавая подобие купола.

Макуто оценил результат. Техника была на уровне В — не идеально, но достаточно для использования в бою.

Он попробовал другую технику. «Объятия Леса» — та самая, которую Тензо использовал в пещере, пытаясь заживо похоронить Макуто. Последовательность печатей была длиннее — тринадцать знаков. Чакры уходило много, но контроль был лучше, чем месяц назад.

Земля под его ногами задрожала. Корни вырвались из почвы, поднимаясь на высоту до пяти метров, и начали смыкаться над головой Макуто,

формируя гигантскую клетку. Лозы толщиной в руку взрослого мужчины обвивали друг друга, создавая структуру, которая могла выдержать удар тати.

Макуто остановил технику на полпути. Он не хотел разрушать лес вокруг крепости — это было бы неразумно. Лес был его защитой, его убежищем, его источником еды и воды.

Он вернулся в крепость и сел на каменный пол, скрестив ноги. Воспоминания Тензо снова хлынули, но теперь он не сопротивлялся. Он позволял им течь, наблюдая за ними как посторонний, как учёный, изучающий чужой опыт.

Тензо был не просто Сенджу. Он был прямым потомком Хаширамы Сенджу — Первого Хокаге, основателя Конохи, человека, которого называли Богом Шиноби. Не по прямой линии, конечно — через несколько поколений, через браки и ответвления. Но кровь Хаширамы текла в его жилах, и вместе с ней — способность к древесным техникам, которой не владел больше никто в мире.

Макуто задумался. Если Тензо был Сенджу, если он был потомком Первого Хокаге, то его сила была не просто силой обычного нукенина. Это была сила, способная изменить баланс в мире шиноби. И теперь эта сила была у Макуто.

Но вместе с силой пришла и ответственность. Макуто знал, что если кто-то узнает о его способностях, о том, что он поглотил последнего Сенджу, охота на него станет не просто охотой за головой нукенина. Это будет охота за секретом древесных техник, за секретом клана Сенджу, за секретом, который может изменить судьбу целых стран.

Он не мог позволить этому случиться.

Тренировки продолжились. Каждый день Макуто вставал до рассвета и начинал с медитации. Разделение чакры, прессование, смешивание. Затем — отработка лесных техник. Затем — стихийные техники, с акцентом на контроль и экономию энергии.

К вечеру он чувствовал усталость, но не ту, изнуряющую, которая сковывала его тело после поглощения Тензо. Это была приятная усталость, знак того, что мышцы работали, что чакра текла по каналам ровно и спокойно.

Его контроль постепенно восстанавливался. Океан внутри него переставал бушевать, превращаясь в спокойное море, готовое в любой момент выбросить волну, но не цунами.

Макуто знал, что ему ещё далеко до совершенства. Его тайдзюцу всё ещё было на уровне В+, его гэндзюцу — на В-, его контроль чакры был далёк от уровня дзёнина. Но он чувствовал прогресс. Он чувствовал, как его тело привыкает к новой силе, как его разум адаптируется к новым знаниям.

Однажды, когда он медитировал на рассвете, к нему пришло понимание. Он понял, почему Тензо выбрал уединение, почему он не искал силы, почему он просто выживал. Тензо боялся. Не врагов — он боялся самого себя. Он боялся, что его сила привлечёт внимание тех, кто хочет использовать его для своих целей. Он боялся, что его способности станут причиной новой войны. Он боялся, что его клан, возродившись, снова будет уничтожен.

Макуто не боялся. Он был другим. Он не прятался от своей силы — он искал её, поглощал её, делал её своей. Он не боялся внимания — он использовал его, чтобы запугивать врагов и привлекать союзников. Он не боялся войны — он готовился к ней.

Четыре недели в горах подходили к концу. Макуто чувствовал, что его контроль достаточно восстановился, чтобы он мог вернуться к активной жизни. Деньги, накопленные за время охоты, лежали в пещере — почти пять миллионов рё. Этого хватит, чтобы купить убежище в каком-нибудь портовом городе, нанять информаторов и начать собирать информацию о тех, кто уничтожил его клан.

Он надел дзингасу, застегнул плащ, проверил крепление мечей и вышел из крепости. Лес встретил его шумом ветра и пением птиц. Где-то на юге, за горизонтом, его ждал новый этап его жизни.

Макуто из клана Фаруд, последний представитель клана самураев-шиноби, поглотивший силу четырёх нукенинов и последнего Сенджу, стоял на пороге взросления. Он был готов к тому, что его ждёт впереди.

Он сделал первый шаг, и лес сомкнулся за его спиной.

Рассвет в горах встречал Макуто холодным ветром, который гулял по залам заброшенной крепости, заставляя пламя масляной лампы трепетать и отбрасывать длинные тени на каменные стены. Он сидел в центре тронного зала, скрестив ноги в позе лотоса, и перед ним были разложены все его сокровища. Не золото и драгоценности — их у него было немного, — а то, что составляло суть его существования. Снаряжение, оружие, деньги, записи.

Тати отца лежал на специальной подставке из дерева, которую он вырезал собственными руками. Длинный, чуть изогнутый клинок с тёмной гардой, отполированный до зеркального блеска. Лезвие хранило память о десятках боёв, о крови врагов и о тех днях, когда клан Фаруд ещё существовал. Рядом с ним, на куске чёрной ткани, покоился танто — короткий клинок с изогнутой гардой, найденный в пещере бандитов. Танто был не таким благородным, как тати, но он верно служил Макуто в ближнем бою, спасая его жизнь не один раз.

Чёрный меч из Кумогакуре, трофей, взятый у Райджина, висел на отдельном ремне. Прямой, с лезвием, поглощающим свет, и рукоятью, обмотанной белой кожей. Этот меч был особенным — он резал чакру, делая бесполезными любые техники противника при прямом контакте. Макуто провёл пальцем по лезвию, чувствуя холодную сталь, и в его сознании всплыло воспоминание о Райджине — высоком, мускулистом мужчине с белыми волосами и синими глазами, который не верил, что мальчик может его убить. Он ошибался.

Зелёный меч «Лесной Зуб» лежал рядом с чёрным клинком. Трофей Тензо, последнего Сенджу. Лезвие отливало изумрудным светом даже в темноте, и Макуто чувствовал, как чакра внутри него отзывается на присутствие этого оружия. «Лесной Зуб» не просто резал — он вытягивал чакру из жертвы, ослабляя её и делая уязвимой. Два меча, чёрный и зелёный, были парой, созданной для охоты на шиноби.

Деньги лежали в трёх кожаных мешках — почти пять миллионов рё. Макуто пересчитал их вчера вечером, раскладывая монеты на каменном полу столбиками по десять штук. Пять миллионов — сумма, которой хватило бы на несколько лет безбедной жизни в любом портовом городе. Но Макуто не собирался тратить их на безбедную жизнь. Деньги были инструментом, таким же, как меч или кунай. Они открывали двери, покупали информацию, нанимали людей.

Записи клана Фаруд были самыми ценными из всех его сокровищ. Два десятка старых свитков, пожелтевших от времени, исписанных мелким, аккуратным почерком его отца. В них хранилась история клана — от основания древними самураями, открывшими для себя силу чакры, до тех дней, когда Макуто был ещё ребёнком, бегающим по деревне и тренирующимся с деревянным мечом. Там же были описаны техники, секреты, ритуалы — всё, что отец успел передать ему перед смертью.

Макуто закрыл глаза и сосредоточился. В его сознании, среди воспоминаний поглощённых нукенинов, хранилось знание фуиндзюцу, доставшееся ему от Тензо. Сендзу владели искусством запечатывания на уровне, недоступном большинству шиноби. Они могли запечатывать предметы в свитки, а свитки — в собственное тело, создавая карманы в пространстве, куда никто не мог проникнуть.

Он начал с самого простого — с денег. Взял пустой свиток, разложил его на каменном полу, обмакнул кисть в тушь и начал выводить символы печати. Его рука двигалась плавно, уверенно, без колебаний. Кандзи складывались в формулу, которая создавала временное пространство для хранения. Макуто влил в свиток немного чакры, и поверхность бумаги начала светиться тусклым голубым светом. Он положил на свиток три мешка с монетами и сложил печати. Последовательность была короткой — всего пять знаков. Свиток свернулся сам собой, втягивая деньги внутрь, и через несколько секунд на камне лежала только плотная трубка бумаги, перетянутая шёлковой лентой.

Он повторил процесс с каждым предметом. Тати, танто, чёрный меч, «Лесной Зуб» — каждое оружие требовало своей формулы печати. Макуто учитывал размер, вес, материал. Записи клана Фаруд он запечатал в три свитка, стараясь не повредить хрупкие старые пергаменты.

Когда все предметы были упакованы, на полу осталось лежать десять свитков. Макуто поднял их, проверил каждый на прочность, и начал самое сложное — запечатывание свитков внутри собственного тела.

Техника называлась «Хранилище Тела». Тензо использовал её для хранения своих самых ценных вещей, чтобы никто не мог их украсть или уничтожить. Суть заключалась в создании маленького кармана в пространстве, привязанного к чакра-каналам хозяина. Свитки помещались туда и вынимались по первому требованию, стоило лишь сложить нужные печати.

Макуто сел ровнее, выпрямив спину, и начал медитацию. Он нашёл в своём теле точку, где чакра текла наиболее плотно — в центре груди, чуть выше сердца. Там, среди сплетения каналов, было небольшое пространство, которое можно было расширить. Он направил чакру в эту точку, заставляя её вращаться, расширяться, превращаться в пустоту.

Первый свиток вошёл в тело легко, как капля воды, падающая в океан. Макуто почувствовал лёгкое тепло в груди, но не боль. Он продолжил, вкладывая в пустоту свиток за свитком. Тати отца, танто, чёрный меч, «Лесной Зуб», деньги, записи — всё это исчезло внутри него, спрятанное в кармане, который никто не мог увидеть или почувствовать.

Когда последний свиток был запечатан, Макуто открыл глаза и глубоко выдохнул. Его тело не изменилось внешне — ни шрамов, ни вздутий, ничего, что указывало бы на наличие внутри него целого арсенала. Но он знал, что его оружие было при нём, всегда готовое к бою.

Теперь нужно было подумать о том, как он предстанет перед Конохой.

Макуто понимал, что будь он хоть самым сильным шиноби на свете, система перемолола бы его, если бы он попытался действовать в одиночку. Скрытые деревни были не просто военными базами — это были государства в государствах, со своей бюрократией, иерархией и правилами. Один человек, даже с его силой, не мог противостоять целой деревне.

Он выбрал Коноху не случайно. Перебирая в памяти лица убитых врагов, вспоминая детали нападения на его клан, он видел среди тел шиноби из разных стран. Ниггеры из Кумогакуре — их тёмная кожа и характерные шрамы на лицах нельзя было спутать ни с кем. Люди из Ивагакуре в тяжёлых доспехах. Шиноби из Киригакуре с жабрами на шеях. Даже один из Сунагакуре, с вытатуированными на лбу символами пустыни.

Конохи среди них не было.

Макуто не был наивным. Он не верил, что Коноха чиста и невинна. Слишком много тёмных секретов хранили стены великой скрытой деревни. Но среди всех Великих Стран Стихий Коноха была наименьшим злом для его клана. По крайней мере, её шиноби не участвовали в той резне. Это делало её безопасным убежищем.

Ему нужно было легализоваться. Получить регистрацию, официальный статус, возможность передвигаться по стране без подозрений. Коноха была единственным местом, где сирота без рода и племени мог начать новую жизнь.

Он оделся в добротные лохмотья. Не в ту рвань, в которой он ходил в первые месяцы после уничтожения клана, а в нечто среднее между бедностью и приличиями. Кимоно из плотной, но дешёвой ткани, тёмно-синего цвета, с несколькими заплатками на рукавах. Пояс из грубой кожи, без каких-либо украшений. Соломенные сандалии, которые он купил в придорожной лавке за несколько монет. На голове никакой дзингасы — только спутанные чёрные волосы, падающие на лоб.

Единственным оружием был старый ржавый кунай, висящий на поясе. Макуто специально выбрал самый невзрачный из всех, что у него были — с зазубринами на лезвии и потрескавшейся рукоятью. Никто не примет всерьёз мальчика с таким оружием.

Теперь самое главное — чакра.

Макуто закрыл глаза и начал сжимать свой резерв. Техника подавления чакры была частью навыков, полученных от Тензо. Сендзю умели скрывать свою истинную силу, притворяясь слабее, чем они были на

самом деле. Макуто направил чакру внутрь себя, запечатывая её в глубине каналов, оставляя на поверхности лишь тонкую струйку.

Сенсор, даже очень опытный, почувствует в нём чакру среднего генина. Достаточно, чтобы его не игнорировали, но недостаточно, чтобы привлекать внимание. Он будет выглядеть как обычный ребёнок с базовым контролем и небольшим резервом — ничего особенного.

Макуто встал, подошёл к выходу из крепости и посмотрел на юг. Там, за горами и лесами, лежала Конохагакуре — Деревня, Скрытая в Листве. Её величественные стены, её знаменитая Академия, её Хокаге, высеченные на скале. Место, где его сила не будет иметь значения, потому что система всё равно перемолотит его, если он не будет осторожен.

Но он будет осторожен. Он научится. Он впитает знания Академии, как впитывал чакру убитых врагов. Он станет не только сильным, но и умным. Он поймёт, как работает эта система изнутри, и использует её для своих целей.

Макуто сделал шаг вперёд, и лес сомкнулся за его спиной. В его груди, в тайном кармане пространства, лежали свитки с его прошлым — оружие, деньги, история клана Фаруд. В его чакра-каналах была скрыта сила, способная сравниться с силой слабого биджу. Но внешне он был просто мальчишкой-сиротой с ржавым кунаем.

Он шёл на юг, в Коноху, оставляя позади горы и лес, где он провёл столько месяцев в тренировках и медитациях. Впереди была новая жизнь — в деревне, среди людей, под наблюдением Хокаге и его советников.

Макуто из клана Фаруд, последний представитель древнего рода самураев-шиноби, готовился стать учеником Академии Конохи. И никто не должен был узнать, кем он был на самом деле.

Дорога от гор до предгорий Страны Огня заняла у Макуто восемь дней. Он не торопился. Спешка порождает ошибки, а ошибка в его положении означала смерть. Каждый шаг на юг приближал его к величайшей скрытой деревне мира шиноби, и каждый шаг требовал осторожности.

Первый день пути прошёл по знакомым местам. Лес вокруг крепости, где он провёл столько месяцев в тренировках, провожал его шумом ветра и пением птиц. Макуто шёл быстрым шагом, но не бежал. Дыхание было ровным, чакра — подавлена до уровня среднего генина. Ржавый кунай висел на поясе, позвякивая в такт шагам.

К вечеру он вышел к небольшому ручью, где когда-то тренировал водные техники. Теперь ручей казался мелким и незначительным — таким же, каким должно было казаться его мастерство для случайных наблюдателей. Макуто напился воды, умылся и продолжил путь.

Ночь он провёл в развилке старого дуба, завернувшись в плащ. Спал чутко, как всегда — ухо ловило каждый шорох, рука лежала на рукояти куная. Не потому, что он боялся нападения — в этих лесах не осталось никого, кто мог бы ему угрожать. Просто привычка. Два года выживания в лесу не проходят бесследно.

На второй день он вышел к просёлочной дороге, которая вела к первому крупному поселению на его пути — деревне Фурукава. Здесь он купил еды на несколько дней и старую соломенную шляпу, чтобы скрывать лицо от солнца. Торговец, толстый лысый мужчина с красным носом, посмотрел на его ржавый кунай и усмехнулся, но промолчал.

Макуто заплатил несколько монет и ушёл. Никто не должен запомнить его лицо.

Третий и четвёртый день пути прошли через холмистую местность, где леса чередовались с рисовыми полями и небольшими деревнями. Он обходил населённые пункты стороной, держась лесных троп. Люди — это лишние вопросы, лишние взгляды, лишняя возможность ошибиться.

На пятый день он впервые увидел издалека гору с высеченными лицами. Памятник Хокаге — символ мощи и величия Конохи. Даже с расстояния в несколько километров лица четырёх Каге были различимы — огромные, вырубленные в скале, они смотрели на свои владения с высоты, напоминая всем, кто приближался к деревне, о силе, которая ждёт их внутри.

Макуто остановился на пригорке и долго смотрел на гору. В его груди, в тайном кармане пространства, лежали свитки с тати отца и чёрным мечом из Кумогакуре, с зелёным «Лесным Зубом» и записями клана Фаруд. Его чакра, подавленная до уровня жалкого генина, скрывала океан, способный соперничать с силой слабого биджу.

Но внешне он был просто мальчишкой-сиротой. Уставшим, грязным, с ржавым кунаем на поясе.

Он двинулся дальше.

На шестой день он вошёл в лес, окружающий Коноху. Деревья здесь были огромными, с толстыми стволами и раскидистыми кронами, переплетёнными так плотно, что солнечный свет едва пробивался сквозь листву. Ветви шевелились сами собой, словно лес был живым существом, наблюдающим за каждым, кто осмелился приблизиться.

Макуто вспомнил Тензо. Его лесные техники, его способность пробуждать деревья и заставлять их двигаться по своей воле. Теперь эта способность была частью Макуто, спрятанная глубоко в его чакра-каналах, готовая вырваться наружу по первому требованию.

Но не сегодня. Сегодня он был просто мальчиком. Сиротой из уничтоженной деревни.

Главные ворота Конохи появились перед ним на седьмой день пути. Огромные деревянные створки, окованные железом, вздымались в высоту на несколько метров. Над ними, на перекладинах, сидели двое шиноби в зелёных бронежилетах — стандартная форма охраны. Их глаза скользили по приближающемуся путнику, оценивая, анализируя, запоминая.

Охрана ворот Конохи была серьёзной. В обычное время здесь дежурили как минимум шиноби ранга дзёнин — опытные бойцы, способные распознать угрозу до того, как она появится. Макуто знал это. Он знал, что любой, кто попытается проникнуть в деревню без разрешения, будет наказан — в лучшем случае арестован, в худшем — убит на месте.

Он подошёл к воротам медленно, не делая резких движений. Руки держал на виду, чтобы охрана видела — он не представляет угрозы. Ржавый кунай висел на поясе открыто, и любой шиноби мог заметить, что оружие не использовалось месяцами.

— Стоять, — сказал один из охранников, спрыгивая с перекладины. Это был мужчина лет тридцати с короткими тёмными волосами и шрамом на левой щеке. Его глаза были холодными, оценивающими. — Кто такой? Откуда? Зачем в Коноху?

Макуто остановился. Голос его был тихим, без эмоций.

— Сирота. Моя деревня была уничтожена бандитами. Я шёл несколько недель. У меня нет никого. Я слышал, что в Конохе есть приют.

Охранник нахмурился. Его напарник, молодой парень с длинными светлыми волосами, прыгнул следом и встал позади, перекрывая путь к отступлению.

— Деревня? Какая деревня? Где?

— На севере, — ответил Макуто. — У границы со Страной Горячих Источников. Называлась... не помню. Я был маленьким, когда всё случилось.

Он специально сделал свою историю туманной. Слишком точные детали могли привлечь внимание. Слишком много эмоций — вызвать подозрения. Он был просто мальчиком, который потерял всё и теперь искал убежища в самой сильной деревне мира шиноби.

Охранник посмотрел на него долгим взглядом. Его сенсорные способности, если они у него были, не должны были выявить ничего подозрительного — чакра Макуто была подавлена до уровня среднего генина. Ничего особенного.

— Ладно, — сказал он наконец. — Иди в административное здание, это на главной улице, у подножия горы. Там решают вопросы с приютами. Но учти — если ты врёшь, мы тебя найдём.

Макуто кивнул и прошёл через ворота.

Коноха встретила его шумом и запахами. Главная улица, вымощенная камнем, была заполнена людьми — торговцы зазывали покупателей, дети бегали между взрослыми, шиноби в зелёных жилетах спешили по своим делам. Здания здесь были разноцветными, с черепичными крышами и деревянными ставнями. Повсюду росли деревья — клёны, дубы, берёзы, их кроны тянулись к небу, создавая тень и прохладу.

Деревня, скрытая в листве, оправдывала своё название.

Макуто шёл по улице, стараясь не привлекать внимания. Его лохмотья выделялись среди чистой одежды местных жителей, но никто не смотрел на него косо — в Коноху часто приходили беженцы, и горожане привыкли к такому зрелищу.

Административное здание оказалось большим красным строением у подножия горы Хокаге — того самого памятника, который он видел издалека. Макуто вошёл внутрь, поднялся по лестнице на второй этаж и нашёл кабинет, где за столом сидела женщина лет сорока с короткими тёмными волосами и усталыми глазами.

— Я сирота, — сказал Макуто. — Моя деревня была уничтожена. Мне сказали, что в Конохе есть приют.

Женщина подняла голову и посмотрела на него. В её глазах читалась усталость — она видела таких мальчиков каждый день. Сироты, беженцы, дети войны — все они приходили в Коноху в поисках убежища, и не всем было место в переполненных приютах.

— Имя? — спросила она.

— Макуто.

— Фамилия?

— Нет. Я не помню.

Женщина вздохнула и начала заполнять бумаги.

— Сколько тебе лет?

— Десять.

— Есть какие-то навыки? Может, ты умеешь обращаться с оружием?

— Немного, — ответил Макуто. — Я могу бросить кунай. Мой отец учил меня, когда был жив.

Он не врал. Его отец действительно учил его бросать кунай. Правда, это было много лет назад, и с тех пор его навыки выросли настолько, что он мог поразить муху с пятидесяти метров. Но женщине не нужно было это знать.

Она записала что-то в бумаги и протянула ему деревянную бирку.

— Приют находится в восточном квартале, рядом с Академией. Иди туда, покажешь эту бирку. Тебя поселят, накормят. Завтра к тебе придёт кто-нибудь из администрации, чтобы определить, можно ли тебя зачислить в Академию.

Макуто взял бирку и вышел.

Приют оказался большим деревянным зданием в два этажа, с облупившейся краской и покосившимся крыльцом. Внутри пахло кашей и стиральным порошком. Женщина в фартуке, полная и седая, провела его в комнату на втором этаже, где стояли десять коек, застеленных серыми одеялами.

— Это твоё место, — сказала она, указывая на койку у окна. — Ужин через час. Не опаздывай.

Макуто положил на койку свой мешок и сел на край, глядя в окно. Отсюда была видна гора Хокаге — четыре лица, высеченные в скале, смотрели на деревню, которую они построили и защищали.

Его отец рассказывал ему о Конохе. О Первом Хокаге, Хашираме Сенджу, который основал деревню вместе с Мадарой Учихой. О Втором Хокаге, Тобираме, который создал Академию и многие институты шиноби. О Третьем, который правил дольше всех. О Четвёртом, который погиб, защищая деревню от Девятихвостого.

Коноха была местом, где сила ценилась, но где система была важнее личности. Здесь даже самый могущественный шиноби должен был подчиняться правилам, иначе его перемалывали, как зерно в жерновах.

Макуто понимал это. Поэтому он пришёл сюда не как воин, а как сирота. Не как охотник за головами, а как беженец. Не как последний наследник клана Фаруд, а как мальчик без прошлого.

Он лёг на койку, положив ржавый кунай под подушку, и закрыл глаза. Завтра начнётся новая жизнь. Академия, учителя, одноклассники, задания. Всё это будет частью его маскировки, его пути к легализации, его подготовки к тому дню, когда он сможет отомстить.

Но сначала — ужин. И сон. И терпение.

Макуто из клана Фаруд, поглотивший силу четырёх нукенинов и последнего Сенджу, мальчик с чакрой, сравнимой с силой слабого биджу,

уснул в приюте Конохи под крики детей за стеной и запах каши из столовой.

Никто не знал, кто он на самом деле. И никто не должен был узнать.

Утро в приюте встретило Макуто запахом переваренной рисовой каши и криками детей за стеной. Он спал всего четыре часа — привычка, которую не могли сломать ни мягкая койка, ни тёплое одеяло. Тело требовало движения, а разум — тишины, но здесь, в общежитии на восточной окраине Конохи, ни того, ни другого не было в достатке.

Он сел на койке, поправил кимоно из грубой тёмно-синей ткани, проверил на поясе ржавый кунай. Оружие висело открыто, как и полагалось будущему шиноби. Никто не обращал на него внимания — в приюте жили десятки детей, и у каждого был такой же ржавый кунай или хуже.

На завтрак давали кашу с кусочками сушёной рыбы и зелёный чай без сахара. Макуто съел всё, не чувствуя вкуса. Еда была топливом, и только. Другие дети болтали, смеялись, толкались — он сидел в углу столовой, уткнувшись взглядом в стену. Никто не пытался с ним заговорить. Так было лучше.

После завтрака он вышел из приюта и направился к Академии.

Коноха просыпалась. Лавки открывались, торговцы вытаскивали товары на улицу, шиноби в зелёных жилетах спешили по своим делам. Макуто шёл по главной улице, держась ближе к стенам домов, чтобы не привлекать внимания. Соломенная шляпа, купленная в деревне Фурукава, была надвинута на лоб, скрывая лицо. В ней он выглядел как обычный крестьянский мальчик, каких в Конохе было много.

Академия располагалась у подножия горы Хокаге — огромное здание из тёмного дерева и белого камня, с высокой крышей и широкими окнами. Перед входом росло старое дерево с качелями, на которых иногда сидел мальчик с соломенными волосами — тот самый Узумаки, которого Макуто уже видел пару раз в городе. Сегодня качели были пусты.

Он вошёл в здание. Внутри было прохладно и тихо. Коридоры Академии были широкими, с высокими потолками, стены — выкрашены в светлые тона. На первом этаже, у лестницы, стояла стойка администратора — женщина лет пятидесяти с короткой стрижкой и очками на кончике носа. Она подняла голову, когда Макуто приблизился.

— Ты по какому вопросу? — спросила она, не поднимая глаз от бумаг.

— Я сирота. Из приюта. Мне сказали прийти на регистрацию в Академию.

Женщина вздохнула, отложила бумаги и достала из ящика стола пустой бланк. — Имя? — спросила она, беря перо.

— Макуто. — Фамилия?

— Нет. Я сирота.

Она записала это в бланк, не выражая никаких эмоций. Таких, как он, она видела каждый день. Дети без роду и племени, без денег и без будущего, которые надеялись, что Академия станет для них билетом в нормальную жизнь. Некоторые становились шиноби. Большинство — нет.

— Возраст? — Десять. — Есть какие-то навыки? Обращение с оружием? Чакра?

— Немного. Мой отец учил меня бросать кунай, когда был жив. Чакру я чувствую, но ничего сложного не умею.

Женщина кивнула и продолжила заполнять бумаги. Она не проверяла его слова — проверка будет позже, на испытаниях. Если он врёт, выяснится быстро.

— Регистрационный взнос — пятьсот рё, — сказала она, не поднимая головы. — Оплата за первый семестр — три тысячи. Питание и учебные материалы оплачиваются отдельно.

Макуто знал это. Он подготовился заранее. В кармане его штанов лежало несколько монет — ровно столько, сколько нужно, чтобы не вызвать подозрений. Он достал деньги и положил на стойку.

Женщина пересчитала, кивнула и заполнила ещё один бланк. — Стипендия для сирот предусмотрена, — сказала она, не глядя на него. — Покрывает половину стоимости обучения. Вторую половину ты должен будешь оплачивать сам, если не найдёшь спонсора. Жильё для гениев после выпуска предоставляется на конкурсной основе — нужно сдать экзамен и получить распределение.

— Я понял.

Она пододвинула к нему стопку бумаг. — Подпиши здесь, здесь и здесь. Испытания для поступления — завтра в девять утра. Опоздаешь — не пустят. Всё понятно?

— Да.

Макуто взял перо и подписал бумаги. Почерк был небрежным, детским — он специально сделал его таким, чтобы не выделяться. Настоящий почерк, отточенный годами тренировок, остался там, в горах, вместе с его тати и чёрным мечом.

Когда все формальности были улажены, он вышел из Академии и направился обратно в приют. До завтрашних испытаний оставался почти целый день. Он потратит его на медитацию и контроль чакры.

Спать он лёг рано. Техника Бездонный Колодец работала в фоновом режиме, расширяя каналы, но теперь Макуто направлял этот процесс, не давая чакре вырываться наружу. Океан внутри него должен был оставаться спокойным. Он заснул с мыслью о завтрашнем дне.

В девять утра следующего дня Макуто стоял у входа в Академию вместе с другими детьми. Их было около тридцати — мальчики и девочки от восьми до двенадцати лет. Большинство были из семей шиноби, одеты в чистую одежду, с блестящими кунаями на поясах. Некоторые, как он, были из приютов или бедных семей. Эти стояли в стороне, не смешиваясь с остальными.

Экзаменатором оказался мужчина лет сорока в зелёном бронежилете — чунин, как определил Макуто по его чакре. Короткие тёмные волосы, грубое лицо, на левой щеке — шрам. Он вышел из здания и окинул толпу детей холодным взглядом.

— Испытания будут состоять из трёх частей, — сказал он, не повышая голоса. — Физическая подготовка, теоретический тест и практика с кунаем. Те, кто не пройдёт хотя бы один этап, к обучению не допускаются. Вопросы есть?

Вопросов не было.

Первая часть — физическая подготовка — проходила на заднем дворе Академии. Детей выстроили в шеренгу и заставили бегать, прыгать, отжиматься и подтягиваться. Макуто делал всё ровно настолько хорошо, чтобы пройти, но не выделяться. Не последний, но и не первый. Средний результат — идеально для сироты без клановой поддержки.

Вторая часть — теоретический тест. Детей рассадили за парты в большом классе и раздали листы с вопросами. Макуто пробежал глазами по заданиям. Основы математики, чтение карт, элементарные сведения о чакре. Всё это он знал в совершенстве — не потому, что учил, а потому, что поглотил знания четырёх нукенинов, каждый из которых прошёл через эту Академию или её аналоги. Он отвечал на вопросы медленно, делая ошибки в простых вещах, чтобы не привлекать внимания.

Третья часть — практика с кунаем. Детей вывели на стрельбище — открытую площадку с деревянными мишенями, установленными в двадцати метрах от линии броска. Экзаменатор раздал каждому по три куная.

— Цель — поразить центр мишени, — сказал он. — Одно попадание — достаточно. Три — отлично. Ноль — ты не сдал.

Дети бросали по очереди. Большинство попадали в мишень с первого или второго раза. Некоторые мазали все три раза и уходили, понутив головы. Макуто дождался своей очереди, встал на линию, взял кунай и бросил.

Лезвие вонзилось в край мишени — не в центр, но достаточно близко, чтобы считаться попаданием. Второй кунай ушёл в молоко. Третий попал в ту же точку, что и первый.

Экзаменатор кивнул, ничего не сказав, и поставил галочку в своём списке.

В конце испытаний всех, кто сдал, собрали в том же классе. Экзаменатор зачитал список имён — двадцать три человека из тридцати. Макуто услышал своё имя и не удивился.

— Вы зачислены в Академию, — сказал экзаменатор. — Занятия начинаются через неделю. Расписание получите у администратора. Вопросы есть?

Один из детей — мальчик в дорогом кимоно с гербом какого-то клана — поднял руку.

— А как насчёт жилья для сирот после выпуска? Мой друг говорит, что генины из приютов получают комнаты в общежитии только если сдадут экзамен на распределение. Это правда?

Экзаменатор посмотрел на него без эмоций.

— Правда. После выпуска вы будете распределены по командам. Если ваш джонин-сенсей сочтёт вас готовыми к самостоятельной жизни, вам предоставят жильё. Если нет — вернётесь в приют. Всё зависит от ваших способностей и поведения. Ещё вопросы?

Вопросов больше не было.

Макуто вышел из Академии и направился обратно в приют. Солнце стояло в зените, и Коноха купалась в его лучах. Деревня, скрытая в листве, шумела и жила своей жизнью, не замечая мальчика с ржавым кунаем на поясе.

Он думал о будущем. Академия даст ему легальный статус, доступ к информации и возможность наблюдать за деревней изнутри. Жильё для сирот-генинов — это отдельная задача, но он справится. Ему не нужны были ни особняки, ни богатство. Ему нужно было место, где он сможет хранить свои свитки, тренироваться и ждать.

В приюте он прошёл в свою комнату, лёг на койку и закрыл глаза. Техника Бездонный Колодец работала. Чакра текла по каналам ровно и спокойно. Океан внутри него затих, готовясь к новому этапу его жизни.

Макуто из клана Фаруд, поглотивший силу четырёх нукенинов и последнего Сенджу, мальчик с чакрой, сравнимой с силой слабого биджу, стал учеником Академии Конохи.

И никто не знал, кто он на самом деле.

Следующие два дня после зачисления в Академию Макуто потратил на то, что он называл «разведкой местности». Он бродил по Конохе, запоминая улицы, перекрёстки, чёрные ходы и пути отхода. Он изучил расположение гильдии наёмников, здание администрации, госпиталь и казармы АНБУ. Но его главной целью была не карта деревни.

Ему нужно было жильё.

Приют на восточной окраине давал крышу над головой и кашу по утрам, но этого было недостаточно. Слишком много людей. Слишком много глаз. Его свитки, спрятанные внутри тела, были в безопасности, но тренировки с настоящим оружием требовали уединения. Он не мог медитировать по ночам, когда десять детей вокруг него ворочались и храпели. Он не мог отрабатывать техники даже на базовом уровне, не рискуя привлечь внимание.

Макуто стоял у доски объявлений перед зданием администрации и просматривал предложения об аренде. Листки бумаги, приколотые к деревянной доске гвоздями, шелестели на ветру. Большинство из них были бесполезны — комнаты в клановых кварталах, куда сироту без роду и племени не пустили бы даже за деньги. Сдавались двухкомнатные квартиры, цены на которые кусались даже для взрослого генина. Требовали залог, поручителя и справку о доходах за три месяца.

Макуто не имел ничего из этого. Его пять миллионов рё, спрятанные в фуин-свитке внутри тела, были огромной суммой для его возраста, но достать их сейчас означало подписаться под вопросами, на которые у него не было ответов. Откуда деньги? Кто их дал? Чем ты занимался до прихода в Коноху?

Он мог бы арендовать комнату у частного — какой-нибудь старушки, сдающей угол. Но это было не лучше приюта. Та же теснота, те же чужие глаза.

Ему нужно было своё пространство. И для этого нужны были деньги. Легальные деньги, которые нельзя было отследить до убийств нукенинов и охоты за головами.

Макуто свернул с главной улицы и углубился в торговый квартал. Ряды лавок тянулись вдоль каменной мостовой, торговцы зазывали покупателей, в воздухе смешивались запахи свежей выпечки, жареного мяса и дешёвых благовоний. Он обошёл три забегаловки, две лавки с оружием и одну книжную, прежде чем наткнулся на объявление на дверях небольшого продуктового магазина.

«Требуется помощник. Уборка, погрузка. Плата по договорённости».

Макуто вошёл, поговорил с хозяином — толстым лысым мужчиной с вечно потным лицом — и вышел через пять минут. Работа была грязной, скучной и низкооплачиваемой. Двадцать рё в день за то, чтобы таскать ящики с рисом и мыть полы. Даже если работать каждый день, за месяц набежит шестьсот рё. На эти деньги можно было снять чулан где-нибудь в портовом районе, но не больше.

Он отказался.

Следующие три предложения были такими же — мизерная оплата за тяжёлый труд. В одной лавке ему предложили десять рё в день за уборку, потому что «дети должны работать за еду, а не за деньги». Хозяин этой лавки говорил это с таким видом, будто делал одолжение. Макуто не стал спорить. Он просто развернулся и ушёл.

К середине дня он обошёл уже около двадцати заведений. Результат был нулевым. Либо платили копейки, либо работа требовала полного дня, что вступало в конфликт с расписанием Академии. Либо хозяева отказывали сразу, как только слышали слово «сирота».

Он стоял на перекрёстке, перебирая в голове варианты. Его истинные навыки — убийство, шпионаж, владение мечом — были здесь бесполезны. Он не мог предложить их в обмен на жильё. Ему нужно было притворяться обычным мальчишкой, который ищет честную работу.

Макуто поднял голову и посмотрел на вывеску через дорогу. Красные иероглифы на жёлтом фоне, стилизованная чашка с лапшой и паром.

«Ичираку Рамен».

Он знал это место. Все в Конохе знали это место. Небольшая забегаловка с несколькими столиками и стойкой на четыре места. Готовили там, по слухам, отменно. И владелец, кажется, не задавал лишних вопросов.

Макуто пересёк улицу и толкнул дверь.

Внутри пахло бульоном, зелёным луком и чесноком. За стойкой, на которой стояли кастрюли и миски с ингредиентами, возвышалась фигура мужчины в белом фартуке и высоком колпаке. Тэучи — владелец Ичираку — был коренастым, с добрым лицом и большими руками, которые ловко управлялись с половником и дуршлагом. Его дочь Аямэ, которую Макуто видел пару раз в городе, мыла посуду у раковины. Девушка лет шестнадцати, с длинными тёмными волосами, перетянутыми платком, и веснушчатым лицом, она улыбалась какой-то своей мысли, ритмично натирая губкой тарелку.

Макуто подошёл к стойке, снял соломенную шляпу и положил её рядом. Тэучи поднял глаза.

— Рамен? — спросил он, вытирая руки о фартук.

— Нет, — ответил Макуто. — Я ищу работу. Мне сказали, у вас иногда нужны помощники.

Тэучи нахмурился, оглядывая мальчика. Тощее тело, одежда из дешёвой ткани, ржавый кунай на поясе. Ничего особенного. Обычный сирота из приюта, таких было полно.

— Помощники? — переспросил он. — У меня есть Аямэ. Ей помогать не нужно.

— Я могу мыть полы, выносить мусор, резать овощи. Я быстро учусь. Мне не нужна большая плата. Только ночлег. И немного денег.

Тэучи задумался. Аямэ оторвалась от посуды и посмотрела на отца.

— Пап, у нас действительно горы посуды после обеда, — сказала она, вытирая руки. — И я бы не отказалась от выходного хотя бы раз в неделю.

— Ты и так отдыхаешь по воскресеньям.

— Я отдыхаю? — Аямэ усмехнулась. — В воскресенье я стираю твои фартуки.

Макуто молчал. Он не собирался уговаривать или давить. Если возьмут — хорошо. Если нет — он найдёт другое место. В конце концов, он мог просто снять квартиру на свои деньги и забыть о приюте. Но это было бы ошибкой. Деньги нужно тратить с умом, и первая заповедь выживания в большом городе — не показывать, что у тебя есть ресурсы.

— Сколько тебе лет? — спросил Тэучи, не сводя глаз с мальчика.

— Десять.

— Десять. — Тэучи почесал затылок. — В этом возрасте я уже работал на кухне у своего отца. Но я был толще. А ты вон какой тощий. Не свалишься через час?

— Не свалюсь.

Тэучи вздохнул и посмотрел на дочь. Аямэ пожала плечами. Владелец Ичираку взял полотенце, вытер руки и протянул ладонь Макуто.

— Два дня испытательного срока, — сказал он. — Будешь мыть посуду, выносить мусор и резать лук. Не ной, не воруй, не опаздывай. Если справишься — поговорим о жилье и оплате. Идёт?

Макуто пожал руку. Ладонь Тэучи была тёплой и шершавой от кухонной работы.

— Идёт.

— Завтра в шесть утра будь здесь. На завтрак я кормлю своих работников бесплатно.

Макуто кивнул, надел шляпу и вышел на улицу. Солнце клонилось к закату, и длинные тени ложились на мостовую. Он возвращался в приют, перебирая в голове варианты. Жильё. Академия. Работа. Три кита, на которых держалась его новая жизнь.

Ичираку был не идеальным вариантом — мало платили, много работы. Но у Тэучи было одно важное качество, которое Макуто заметил сразу. Он не задавал лишних вопросов. Ему было всё равно, откуда взялся мальчишка и что он делал до прихода в Коноху. Ему нужны были руки. Макуто предлагал руки. Всё остальное было лишним.

В приюте его ждала пустая койка и остывшая каша. Макуто поел, лёг и закрыл глаза. Техника Бездонный Колодец работала в фоновом режиме, но теперь он направлял её течение, не давая чакре вырываться наружу. Океан внутри него затихал. Скоро он должен был стать спокойным морем.

Он думал о Тэучи. О его дочери. Об Ичираку. О том, как будет резать лук и мыть полы, делая вид, что это и есть его жизнь. А потом — тренировки. Медитации. Академия.

Он заснул с мыслью о том, что терпение — это тоже оружие. И иногда оно острее, чем любой меч.

Стрелки на часах над входом в Ичираку показывали без десяти шесть, когда Макуто подошёл к забегаловке. Улица была пуста. Утренний туман ещё не рассеялся, и капли влаги оседали на деревянных ставнях. Мальчик толкнул дверь, и маленький колокольчик звякнул, оповещая хозяев о приходе первого посетителя.

Тэучи уже был на месте. Он стоял за стойкой в белом фартуке, закатав рукава до локтей. Его большие руки месили тесто для лапши. Аямэ, его дочь, нарезала зелёный лук на разделочной доске. Её волосы были собраны в высокий хвост, на лице не было косметики — только утренняя свежесть и лёгкая усталость, свойственная тем, кто встаёт до рассвета.

— Ты рано, — сказал Тэучи, не поднимая головы.

— Я всегда рано, — ответил Макуто, снимая соломенную шляпу и вешая её на крючок у входа.

Он подошёл к стойке и встал в ожидании инструкций. Глаза его скользнули по кухне, запоминая расположение предметов. Ножи висели на магнитной полосе справа от раковины. Кастрюли стояли на полках слева. Разделочные доски были сложены стопкой под столом. Он отметил чёрный ход, ведущий в маленький дворик, где хранились мешки с мукой и овощами.

Аямэ оторвалась от лука и посмотрела на него. В её взгляде читалась смесь любопытства и скептицизма.

— Ты действительно хочешь работать? Или просто поесть?

— Я хочу работать, — ответил Макуто. — Мне нужно жильё.

— Жильё? — переспросила она, поднимая бровь. — Пап, ты обещал ему жильё?

Тэучи вздохнул и отложил тесто в сторону. Он вытер руки о фартук и подошёл к мальчику.

— Жильё — это если ты покажешь себя, — сказал он, глядя Макуто прямо в глаза. — Два дня испытательного срока. Сегодня и завтра. Если справишься — поговорим. Не справишься — ищи другое место.

— Я понял.

— Хорошо. Тогда начинай с посуды. Аямэ покажет, где что.

Девушка указала на раковину, где громоздилась гора кастрюль, мисок и тарелок. Вчерашняя посуда, оставшаяся после закрытия. Макуто закатал рукава, подошёл к раковине и начал мыть.

Вода была ледяной — горячую в Ичираку экономили. Он не жаловался. Он провёл два года в лесу, где вода в ручьях была холоднее, чем эта. Мыть посуду оказалось проще, чем убивать нукенинов. Но была в этом своя монотонность, своя медитация. Кастрюля за кастрюлей, миска за миской.

Он тер каждую поверхность губкой до тех пор, пока она не начинала блестеть.

Аямэ наблюдала за ним из-под ресниц. Она ожидала, что мальчик будет ныть или отлынивать. Вместо этого он работал молча, сосредоточенно, без лишних движений.

— Ты мыл посуду раньше? — спросила она.

— Да, — ответил Макуто, не оборачиваясь.

— Где?

— В приюте.

Это была не ложь. В приюте действительно заставляли мыть посуду всех, кто хотел получить добавку. Но то, чему его научил отец, было более важным — терпение. Умение делать одну и ту же работу снова и снова, не теряя концентрации. Умение доводить каждое действие до автоматизма.

Через час гора посуды исчезла. Макуто вытер руки о полотенце и подошёл к Тэучи.

— Что дальше?

Тэучи посмотрел на него с лёгким удивлением. Он ожидал, что мальчик попросит перерыв или хотя бы воды. Но Макуто стоял ровно, с руками по швам, и ждал следующего задания.

— Вынеси мусор, — сказал Тэучи, указывая на два чёрных мешка у задней двери. — Потом поможешь Аямэ резать овощи.

Макуто кивнул, взял мешки и вышел на задний двор. Мусорные контейнеры стояли в дальнем углу, рядом с деревянным забором. Он поднял крышку, бросил мешки внутрь, поправил их, чтобы не вываливались, и вернулся в забегаловку.

Аямэ встретила его с ножом в руке. Перед ней на разделочной доске лежала гора лука.

— Нарезешь? — спросила она, протягивая нож. — Тонко и быстро.

Макуто взял нож. Лезвие было острым, хорошо сбалансированным. Он взвесил его в руке, привыкая к весу. Не меч, конечно. Но инструмент. И обращаться с ним нужно было так же уважительно.

Он начал резать лук. Тонкие, прозрачные кольца падали на доску с равномерной частотой. Аямэ следила за его пальцами, ожидая, что он порежется. Но пальцы двигались быстро и уверенно, отодвигаясь от лезвия ровно настолько, насколько требовалось.

— Ты раньше резал лук? — спросила она снова.

— Да, — ответил Макуто. — В приюте.

Это снова была не ложь. Но в приюте он резал лук для каши, и это не требовало особого мастерства. То, что он показывал сейчас, было результатом многолетних тренировок с мечом. Умение контролировать инструмент. Чувство лезвия. Точность движений.

Тэучи подошёл и посмотрел на результат. Тонкие, почти прозрачные кольца лука лежали на доске ровными рядами.

— Неплохо, — сказал он. — Аямэ, покажи ему, как готовить бульон.

Девушка кивнула и подвела Макуто к большой кастрюле на плите. Внутри булькала жидкость цвета тёмного янтаря, пахнувшая мясом и специями.

— Это основа, — сказала она, помешивая половником. — Свиные кости, водоросли, рыбные хлопья, несколько секретных ингредиентов. Варится двенадцать часов. Нельзя перегревать, нельзя пересаливать. Нужно постоянно пробовать.

Она протянула ему маленькую ложку.

— Попробуй.

Макуто взял ложку, зачерпнул немного бульона и поднёс к губам. Вкус был насыщенным, глубоким, с нотками копчёности и сладости. Он пил неспеша, ощущая, как тепло распространяется по телу.

— Хорошо, — сказал он.

— Только хорошо? — Аямэ нахмурилась. — Это лучший бульон в Конохе.

— Я не разбираюсь в бульонах, — ответил Макуто. — Я говорю то, что чувствую.

Это была правда. Он не разбирался в бульонах. Но его отец, который никогда не был хорошим поваром, варил похлёбку из того, что удавалось добыть в лесу. Макуто помнил вкус той похлёбки. И этот бульон был лучше. Намного лучше.

Следующие несколько часов он помогал Аямэ готовить. Резал овощи, чистил рыбу, наливал соусы в маленькие пиалы. Он делал всё, что ему говорили, без заминок и лишних вопросов. Когда клиенты начинали заходить — сначала несколько шиноби в зелёных жилетах, потом торговцы с соседних улиц — он уже знал, где что лежит и как подавать.

К полудню забегаловка заполнилась до отказа. Макуто носился между столиками, разнося заказы, убирая грязную посуду, подливая воду в чайники. Он двигался быстро, но не суетливо. Каждое движение было экономным, просчитанным. Ни одного лишнего шага.

Тэучи наблюдал за ним из-за стойки. Мальчик работал как взрослый. Без нытья, без жалоб, без попыток привлечь к себе внимание. Он просто делал своё дело.

К трем часам наплыв клиентов спал. Аямэ вытерла столы и упала на стул у стены, вытирая пот со лба.

— Ты как? — спросила она у Макуто.

— Нормально.

— Нормально? — она усмехнулась. — Я еле ноги таскаю. А ты как будто только что пришёл.

Макуто пожал плечами. Он не чувствовал усталости. Его тело привыкло к более тяжёлым нагрузкам. Пятьдесят подтягиваний на ветке дуба. Сто ударов мечом по деревянному столбу. Медитация в ледяной воде горного ручья. Всё это было частью его тренировок. Носить тарелки и подметать пол было отдыхом.

Тэучи подошёл к ним и положил на стол три миски с ramenом.

— Обед, — сказал он. — Ешьте.

Макуто сел за столик у окна, взял палочки и начал есть. Он ел медленно, основательно, пережёвывая каждый кусок. Не потому, что боялся подавиться. А потому, что в приюте его научили не торопиться за едой. Еда — это топливо. И его нужно использовать с умом.

Аямэ смотрела на него из-за своей миски. Он жевал неторопливо, как будто у него было всё время мира. Его глаза смотрели в одну точку на стене, но она чувствовала, что он замечает всё вокруг. Каждое движение, каждый звук.

— Ты странный, — сказала она.

— Почему?

— Ты не похож на других детей.

Макуто не ответил. Он продолжал жевать, перекачивая лапшу на языке, ощущая вкус бульона, мяса, яйца. Он не знал, что ответить. И не хотел врать. Правда была слишком опасной.

Тэучи откашлялся.

— Аямэ, не приставай к парню. Ешь давай.

Девушка фыркнула, но замолчала. Она уткнулась в свою миску и начала есть, поглядывая на Макуто исподлобья.

Когда все трое закончили, Тэучи собрал миски и отнёс их в раковину.

— На сегодня хватит, — сказал он, вытирая руки. — Завтра в то же время. Если справишься — поговорим.

Макуто кивнул, встал из-за стола, надел шляпу и вышел на улицу.

Солнце клонилось к закату. Улицы Конохи заполнились людьми, возвращающимися с работы. Дети бегали между взрослыми, играя в шиноби. Где-то на востоке, у подножия горы, виднелись стены Академии. Его ждали занятия. Новые знания. Новые возможности.

Он шёл медленно, позволяя телу отдыхать. В кармане его штанов лежали несколько монет — плата за сегодняшнюю работу. Немного, но честно заработанных. Он не достал ни одной монеты из своего тайного запаса. Он сделает это только в крайнем случае.

Макуто из клана Фаруд возвращался в приют. Его одежда пахла бульоном и луком. Его руки были красными от холодной воды. Но внутри него, в тайном кармане пространства, лежали свитки с его прошлым. И океан чакры, подавленный до уровня жалкого генина, ждал своего часа.

Он улыбнулся — едва заметно, только уголками губ. Ичираку был хорошим местом. Тэучи не задавал лишних вопросов. Аямэ была любопытной, но не опасной. Здесь можно было работать, учиться и ждать.

Терпение. Всё дело в терпении.

Вечернее солнце уже не грело, а только красило стены Ичираку в тёплые оттенки, когда Тэучи, наконец, перевёл дух. Он стоял за стойкой, вытирая руки о фартук, и смотрел, как мальчишка — Макуто — неторопливо жуёт свой рамен. Медленно. Основательно. Так, будто это его последний приём пищи, и надо растянуть удовольствие. Аямэ уже доела и теперь просто сидела, подперев щёку ладонью, и исподлобья разглядывала нового помощника.

— Станный он какой-то, пап, — сказала она негромко, наклонившись к отцу.

Тэучи кивнул, не сводя глаз с мальчика. Станный — это мягко сказано. За семь лет за этой стойкой он повидал всяких детей. Были шумные, были плаксивые, были ленивые, были голодные. Но этот... Этот был другим.

Он вспомнил, как мальчишка вошёл сегодня в шесть утра. Без пятнадцати шесть, если быть точным. Тэучи ещё тесто месил, когда колокольчик над дверью звякнул. Вваливается этот — в дешёвом кимоно, с ржавым кунаем на поясе, который он, судя по всему, ни разу не вынимал из ножен за последний год. Лицо худое, волевое, глаза — тёмные, глубокие. В них не было ни детской наивности, ни того блеска, что бывает у голодных сирот, когда они видят еду. В них была... тишина. И эта тишина настораживала больше, чем любой крик.

«Ты рано», — сказал тогда Тэучи.

«Я всегда рано», — ответил мальчишка. И Тэучи почему-то сразу поверил. Не потому, что голос был убедительным. Просто такую фразу не говорят для красного словца. Её говорят те, кто привык вставать до солнца. Кто знает, что лишний час сна может стоить жизни.

Потом началась работа. Аямэ сначала скептически фыркнула, когда отец сказал мальчишке мыть посуду. Гору посуды. Ту самую, что они с утра отодвинули в угол, потому что лень было возиться. Обычный ребёнок на её месте давно бы занял.

Но Макуто подошёл к раковине, закатал рукава и начал мыть. Не глядя по сторонам. Не отвлекаясь. Кастрюля за кастрюлей, миска за миской. Он тёр каждую поверхность с таким сосредоточенным видом, будто от этого зависела его жизнь. Через час гора посуды исчезла. А он даже не запыхался.

«Что дальше?» — спросил он. Без пафоса. Без желания выслужиться. Просто — что дальше?

Аямэ, помнится, тогда переглянулась с отцом. В её глазах Тэучи прочитал то же, что чувствовал сам: удивление.

Потом были мешки с мусором. Потом — лук. Тэучи специально подсунул ему самую большую миску, чтобы посмотреть, как он справится. Аямэ нарезала лук каждый день и делала это быстро, но даже у неё иногда слезились глаза. Макуто же взял нож — взял правильно, как опытный повар, пальцы легли на рукоять уверенно, без дрожи — и начал резать. Тонко. Равномерно. Без единой заминки. Его пальцы двигались с такой механической точностью, будто он делал это тысячу раз.

Аямэ тогда не удержалась:

«Ты раньше резал лук?»

«Да. В приюте».

Тэучи нахмурился. Что-то здесь было не так. В приютах кормят кашей, а не учат владеть ножом с такой виртуозностью. Но задавать лишние вопросы он не стал. Не его дело. Главное, что парень работает, не ленится и не ворует. Остальное — чужие тайны.

Но самое сильное впечатление на Тэучи произвело то, как Макуто вписался в ритм кухни. Он не путался под ногами, не задавал глупых вопросов, не лез, куда не просят. Он просто делал свою работу, и делал её так, будто занимался этим всю жизнь. А когда клиенты пошли — он начал носиться между столиками с подносами. Быстро, но без суеты. Ни одной разбитой тарелки. Ни одной ошибки в заказе.

Тэучи вспомнил, как один из постоянных клиентов — чунин с моржовыми усами — спросил у него шёпотом: «Ты где такого помощника нашёл? Мне бы такого в патруль». Тэучи только усмехнулся в ответ.

Аямэ тем временем не отрывала глаз от Макуто. Она сидела за столиком, подперев щеку ладонью, и думала. Парень был некрасивым — слишком худой, слишком серьёзный. Но в нём было что-то... притягательное. Какая-то скрытая сила, которую она не могла объяснить. Он двигался как взрослый. Работал как взрослый. Даже когда устал — а он, судя по всему, устал, хотя и не подавал вида — он не ныл и не жаловался. Он просто делал своё дело.

«Он тебе нравится?» — спросил её однажды отец, когда они остались вдвоём в подсобке.

«Что? Нет!» — Аямэ вспыхнула. — «Просто... он странный. Не такой, как все».

«Это точно», — согласился Тэучи. — «Но работать умеет. А это главное».

Аямэ не стала спорить. Она вспомнила, как Макуто резал лук. Его пальцы двигались с пугающей плавностью. Как будто он не лук резал, а... она не знала. Что-то более опасное. И ещё этот взгляд. Когда он смотрел на неё своими тёмными глазами, ей казалось, что он видит её насквозь. Видит всё: и её мысли, и её страхи, и её маленькие секреты.

«Жуткий он какой-то», — подумала Аямэ, но вслух ничего не сказала.

Когда все трое закончили обед, Тэучи собрал миски и унёс их в раковину. Он чувствовал странную тяжесть в груди. Этот мальчишка — Макуто — напоминал ему кого-то. Кого-то, кого он видел много лет назад. Какого-то шиноби, который заходил к нему в забегаловку после тяжёлых миссий. Те же глаза. Та же тишина. Та же способность быть незаметным, даже когда стоишь прямо перед тобой.

«На сегодня хватит, — сказал Тэучи, вытирая руки. — Завтра в то же время. Если справишься — поговорим».

Макуто кивнул, встал из-за стола, надел шляпу и вышел. Колокольчик звякнул. И сразу стало как-то пусто.

— Пап, — сказала Аямэ, когда дверь закрылась.

— Что?

— Он мне не нравится.

— А он тебе и не должен нравиться, — ответил Тэучи, убирая полотенце.

— Он должен работать.

Аямэ хотела что-то сказать, но передумала. Она посмотрела в окно, на улицу, где уже стемнело. Фигура мальчика в соломенной шляпе быстро растворилась в сумерках.

— Всё равно странный, — прошептала она.

Тэучи не ответил. Он стоял за стойкой и смотрел на пустую миску, из которой только что ел Макуто. Она была выскоблена до блеска. Ни одной капли бульона не осталось. Так, наверное, едят только те, кто знает цену еде. Кто голодал. Кто выживал.

«Сирота из уничтоженной деревни», — вспомнил Тэучи его слова. Возможно, так оно и было. Но в глубине души он понимал: этот мальчик — не просто сирота. В нём было что-то ещё. Что-то, что делало его одновременно и опасным, и... нужным. Такому не отказывают. Такому лучше не переходить дорогу.

Тэучи вздохнул и начал готовиться к закрытию. Завтра будет новый день. И новый испытательный срок.

А мальчишка придёт ровно в шесть. Он в этом не сомневался.

Второй день начался с того, что колокольчик над дверью Ичираку звякнул в пять пятьдесят пять. Тэучи, который уже стоял за стойкой и раскатывал тесто, услышал этот звук и невольно улыбнулся. Парень сдержал слово — пришёл даже раньше, чем вчера.

Макуто вошёл, повесил шляпу на крючок и подошёл к стойке. Вчерашняя усталость не отражалась на его лице — он выглядел так же, как и в первый день. Та же собранность. Та же тишина.

— Доброе утро, — сказал он.

— Утро, — ответил Тэучи, мельком взглянув на него. — Аямэ ещё спит. Посуду сегодня мыть не надо — вчера всё перемили. Начнёшь с овощей.

Макуто кивнул, подошёл к разделочному столу и взял нож. За вчерашний день Тэучи успел заметить, что парень не просто умеет резать лук — он делает это с пугающей эффективностью. Сегодня Макуто подтвердил это снова. Луковица за луковицей превращались в аккуратные кольца, укладываемые в миску с геометрической точностью.

Тэучи украдкой наблюдал за ним, пока месил тесто. Пальцы мальчика двигались быстро, но без суеты. Каждое движение было выверенным — ни одного лишнего жеста. Так работают люди, которые привыкли обращаться с оружием. Тэучи не был шиноби, но за двадцать лет работы на главной улице Конохи он повидал достаточно ниндзя, чтобы понять: этот парень не простой сирота.

Но он не стал задавать вопросов. Не его дело.

Аямэ спустилась через полчаса, всё ещё протирая глаза. Волосы были собраны в небрежный пучок, на лице — следы подушки. Она зевнула, подошла к столу и увидела, как Макуто режет лук.

— Ты уже здесь? — спросила она сонно.

— Да.

— И давно?

— Полчаса.

Аямэ фыркнула, взяла второй нож и начала помогать. Но через несколько минут она поняла, что её помощь не особо нужна — Макуто работал быстрее и аккуратнее. Вместо этого она занялась бульоном, помешивая его половником и пробуя на соль.

— Тебе не нравится здесь работать? — спросила она, не оборачиваясь.

— Нравится, — ответил Макуто.

— Врёшь.

Он промолчал. Аямэ обернулась и посмотрела на него — его лицо было непроницаемым. Только глаза, тёмные и глубокие, смотрели куда-то в сторону.

— Ты вообще разговариваешь? — спросила она с вызовом.

— Когда нужно.

Аямэ хотела сказать что-то едкое, но передумала. Вместо этого она вернулась к бульону, бормоча себе под нос что-то о странных мальчишках.

Когда первые клиенты начали заходить, Макуто уже знал, что делать. Он встречал гостей, провожал к столикам, принимал заказы, подавал рамен. Он делал всё это без лишних слов, но с какой-то странной внимательностью. Если клиент оглядывался в поисках салфетки — Макуто уже протягивал её. Если кто-то заказывал дополнительную порцию лапши — он приносил её быстрее, чем Тэучи успевал спросить.

К полудню в забегаловку зашли двое шиноби в зелёных жилетах — чунины, оба уставшие после утреннего патруля. Один из них, низкий коренастый мужчина с грубым лицом, громко заказал две больших порции рамена с говядиной.

— И добавку зелёного лука, — добавил он, когда Макуто записывал заказ.
— Побольше, понял?

— Понял, — ответил Макуто и ушёл на кухню.

Через три минуты он вернулся с двумя мисками. На одной из них красовалась гора зелёного лука — больше, чем обычно. Коренастый мужчина уставился на свою миску, потом на Макуто.

— Ты чего, издеваешься? — спросил он, но в его голосе скорее было удивление, чем злость.

— Вы просили побольше, — ответил Макуто.

Напарник коренастого усмехнулся и похлопал товарища по плечу.

— Отличный парень, Тэучи. Где ты такого нашёл?

Тэучи только пожал плечами, пряча улыбку в усы.

После обеда, когда наплыв клиентов спал, Макуто вышел на задний двор вынести мусор. Там он заметил, что крышка одного из контейнеров сломана — мешки могли вывалиться и привлечь бродячих собак.

Он вернулся в забегаловку, подошёл к Тэучи и сказал:

— У второго контейнера крышка сломана. Если есть гвозди и молоток, я могу починить.

Тэучи удивлённо поднял бровь.

— Ты и это умеешь?

— Приходилось.

Тэучи достал из подсобки молоток и горсть гвоздей. Макуто вышел на двор и за пять минут починил крышку. Не просто прибил — он выровнял её так, чтобы она закрывалась плотно, без щелей.

Тэучи стоял у двери, скрестив руки на груди, и наблюдал.

«Странный парень, — подумал он. — Не жалуется, не ленится, инициативу проявляет. Может, не всё так просто с ним».

Когда Макуто вернулся, Аямэ стояла у стойки и смотрела на него с каким-то новым выражением.

— Ты правда сирота? — спросила она вдруг.

Макуто посмотрел на неё. На секунду его лицо изменилось — стало мягче, уязвимее. Но это длилось всего мгновение.

— Да, — сказал он тихо.

— И у тебя никого нет?

— Никого.

Аямэ хотела спросить ещё что-то, но слова застряли в горле. Она вдруг почувствовала, что за этим коротким «никого» стоит что-то большое и тяжёлое. Что-то, о чем этот парень не говорит, но что чувствуется в каждом его движении.

— Ладно, — сказала она, отводя взгляд. — Работай давай.

Макуто кивнул и вернулся к своим обязанностям.

К вечеру, когда Ичираку закрылся, Тэучи подозвал Макуто к стойке. Аямэ стояла рядом, вытирая руки о полотенце.

— Ты прошёл испытательный срок, — сказал Тэучи. — Можешь остаться. Жильё я тебе найти не обещаю, но переночевать сегодня можешь в подсобке. Завтра поговорим с хозяйкой, у которой я снимал комнату для Аямэ когда-то. У неё освободилась одна каморка. Дешёво.

Макуто посмотрел на него. В его глазах не было благодарности — только спокойное понимание.

— Спасибо.

— Не благодари, — ответил Тэучи, отворачиваясь к кастрюлям. — Работать будешь как вол. И учти: я не люблю, когда мне врут. Если у тебя есть секреты — это твои секреты. Но если они навредят моей дочери или моей забегаловке — я вышвырну тебя сам, даже если ты там хоть сам Четвёртый Хокаге.

— Понял, — ответил Макуто.

Аямэ смотрела на него исподлобья. Она всё ещё не доверяла этому мальчишке с его тихим голосом и странными глазами. Но что-то в нём заставляло её чувствовать себя... неловко. Не от страха — от непонятной смеси любопытства и жалости.

— Ты поешь? — спросила она неожиданно.

— Поел, — ответил Макуто.

— Врёшь. Я видела, ты за обедом только половину съел.

Макуто промолчал. Аямэ вздохнула, зачерпнула из кастрюли оставшийся бульон, добавила немного лапши и поставила миску перед ним.

— Ешь, — сказала она. — Сиротам положено хорошо питаться. Чтобы в Академии не выглядеть как чучело.

Макуто посмотрел на миску, потом на Аямэ. На его лице мелькнуло что-то, похожее на улыбку — едва заметную, почти невидимую. Но Аямэ её заметила.

— Спасибо, — сказал он.

Он ел медленно, как и вчера. Но теперь в его движениях была не просто привычка экономить силы — было что-то ещё. Какая-то благодарность, которую он не выражал словами.

Тэучи стоял за стойкой, наливая себе чай, и думал.

«Может, не такой он и сложный, — подумал он. — Может, просто голодный парень, который потерял всё и теперь учится жить заново. Такие часто молчат. Такие редко доверяют. Но если уж доверятся — не предадут».

Он допил чай и вышел из-за стойки.

— Завтра в шесть, — сказал он. — И не опаздывай.

Макуто кивнул, встал, убрал свою миску в раковину и направился в подсобку. У двери он остановился и обернулся.

— Тэучи-сан, — сказал он.

— Что?

— У вас лучший рамен в Конохе.

Он развернулся и скрылся за дверью.

Тэучи почесал затылок, скрывая улыбку. Аямэ усмехнулась и покачала головой.

— Странный, — сказала она.

— Странный, — согласился Тэучи. — Но работник хороший.

Они ещё постояли немного в тишине, слушая, как в подсобке Макуто устраивается на ночлег. Потом Тэучи затушил свет, и они вышли на улицу, оставив мальчика одного в темноте.

А на утро колокольчик над дверью снова звякнул в шесть часов.

Понедельник начался для Ичираку ровно в шесть утра, когда колокольчик над дверью звякнул, возвещая о приходе Макуто. Тэучи уже стоял за стойкой, месил тесто и кивнул мальчику, не поднимая головы.

— Сегодня получишь расчёт за два дня, — сказал он, отряхивая руки от муки.

Макуто кивнул, повесил шляпу на крючок и принялся за привычные дела. Он знал эту кухню уже как свои пять пальцев — где лежат ножи, где стоят кастрюли, в каком порядке раскладывать овощи для резки. Аямэ ещё не спустилась, и в забегаловке было тихо. Только бульон булькал на плите, наполняя воздух ароматом свиных костей и водорослей.

К девяти часам, когда Аямэ наконец появилась на кухне — заспанная, с растрёпанными волосами и недовольным лицом, — Макуто уже перемыл

всю посуду, нарезал три миски лука и подготовил соусы. Она посмотрела на него, потом на чисто выскобленные кастрюли и только фыркнула.

— Ты что, вообще не спишь?

— Сплю, — ответил Макуто, не отвлекаясь от работы.

— И когда?

— Когда надо.

Аямэ хотела что-то съязвить, но передумала. Вместо этого она взяла нож и начала помогать. За эту неделю она привыкла к молчаливому соседу по кухне. Он не лез в разговоры, не отвлекал её пустыми вопросами, но если она просила помочь — помогал. И делал это быстро и аккуратно.

После обеда, когда наплыв клиентов спал, Тэучи подозвал Макуто к стойке и протянул ему маленький кожаный мешочек.

— Здесь за два дня, — сказал он. — По договорённости.

Макуто взял мешочек, развязал и пересчитал монеты. Две сотни рё — немного, но честно заработанных. Он сунул деньги в карман штанов и кивнул.

— Спасибо.

— Не благодари, — ответил Тэучи, возвращаясь к кастрюлям. — Завтра будет новый день.

Работа в Ичираку вошла в привычный ритм. Каждое утро в шесть часов Макуто приходил в забегаловку, мыл посуду, резал овощи, помогал Аямэ готовить бульон. Днём, когда начинался наплыв клиентов, он носился между столиками с подносами, убирал грязную посуду, подливал чай. К вечеру, когда Ичираку закрывался, он получал свою дневную плату — сто рё в день, плюс бесплатный обед.

Тэучи не задавал лишних вопросов. Он видел, что парень работает как взрослый — без нытья, без жалоб, без попыток привлечь к себе внимание. Если Макуто нужен был выходной, он просто говорил об этом заранее. Если нужно было задержаться — предупреждал. Без лишних слов, без оправданий.

Аямэ постепенно перестала его стесняться. Она всё ещё не доверяла ему полностью — что-то в этом мальчишке было не так, что-то заставляло её держать дистанцию. Но она привыкла к его молчаливому присутствию на кухне, к его странной манере резать лук — быстро, механически, будто он делал это тысячу раз, — к его умению появляться там, где нужна помощь, даже если никто его не звал.

— Ты идёшь в Академию на следующей неделе? — спросила она однажды, когда они мыли посуду после обеда.

— Да.

— И как ты собираешься совмещать работу и учёбу?

— Буду приходить после занятий. И по выходным.

Аямэ хмыкнула. Она не была уверена, что у него хватит сил, но спорить не стала. Не её дело.

Ближе к концу недели Макуто сказал Тэучи, что ему нужен выходной на субботу — нужно купить одежду для Академии. Тэучи только кивнул и попросил Аямэ подменить парня на утренней смене.

Субботним утром Коноха встретила Макуто ярким солнцем и прохладным ветром. Он вышел из подсобки, где ночевал последние дни, и направился в торговый квартал. Деньги лежали в кармане — за неделю работы он скопил около семисот рё. Сумма небольшая, но на самое необходимое хватало.

Он зашёл в лавку подержанной одежды на окраине рынка. Хозяин — тощий старик с жидкой седой бородой и вечно прищуренными глазами — лениво поднял голову, когда Макуто вошёл.

— Что нужно?

— Одежду для Академии. Что-нибудь тёплое и прочное.

Старик кряхтя поднялся и повёл его в дальний угол лавки. Там висели вещи на любой вкус — куртки, штаны, футболки, ботинки. Всё подержанное, но чистое и без дыр.

Макуто выбрал зелёную куртку с капюшоном — плотную, из толстой ткани, с большими карманами спереди. Накинул на плечи — куртка была чуть великовата, но это даже хорошо: можно будет носить несколько лет.

— Хорошая вещь, — одобрил старик. — Хозяин был шиноби, носил на миссиях. Убило его, правда, на задании, но вещь прочная.

Макуто не стал спрашивать подробностей. Он взял с полки серую футболку — простую, без рисунков, из мягкого хлопка. Затем просторные трико — тёмно-синие, эластичные, удобные для бега и упражнений. И ботинки с жёсткой подошвой — чёрные, на шнуровке, с хорошей амортизацией.

— Сколько?

Старик почесал затылок, прикидывая цену.

— Куртка — триста. Футболка — сто. Трико — двести. Ботинки — триста. В сумме — девятьсот.

— Я возьму всё за семьсот.

— Мальчик, ты торгуешься хуже моей покойной жены, — усмехнулся старик. — Восемьсот, и по рукам.

— Семьсот пятьдесят.

— Ладно, бери, — махнул рукой старик. — Всё равно вещи не продаются, пылятся.

Макуто отдал деньги, сложил покупки в холщовый мешок и вышел из лавки. Солнце стояло уже высоко, и торговый квартал гудел от голосов. Он купил на рынке рис и немного овощей — на первое время хватит — и вернулся в Ичираку.

Аямэ увидела его с мешком и покачала головой.

— Показывай, что купил.

Макуто выложил покупки на стол. Аямэ осмотрела куртку, пощупала ткань, одобрительно кивнула.

— Хорошая вещь. Шиноби такие носят.

— Я не шиноби, — ответил Макуто.

— Пока нет, — усмехнулась Аямэ.

Он переоделся в новую одежду прямо в подсобке. Зелёная куртка сидела свободно, серую футболку он заправил в трико, ботинки зашнуровал до самой верхней дырочки. Вышел к стойке и повернулся перед Тэучи.

— Как выгляжу?

Тэучи окинул его взглядом. Обычный мальчишка в обычной одежде. Ничего примечательного.

— Как ученик Академии, — сказал он. — Только ржавый кунай портит картину.

— Это не кунай, — ответил Макуто, касаясь рукояти. — Это память.

Тэучи не стал уточнять.

В понедельник утром Макуто встал затемно. Он умылся ледяной водой, надел новую одежду — зелёную куртку, серую футболку, тёмно-синие трико, чёрные ботинки. Ржавый кунай повесил на пояс. Проверил в зеркале, как выглядит. Обычно. Непримечательно. Идеально.

Академия встретила его шумом. Дети бегали по коридорам, смеялись, толкались. Учителя ходили строгие, с указками в руках. В воздухе пахло деревом, мелом и детским потом.

Макуто нашёл свой класс — 3-А — и вошёл внутрь.

Просторная комната с высокими потолками, большими окнами, выходящими на гору Хокаге, и рядами деревянных парт. На стенах — плакаты с техниками, картами и символами стихий. У доски — учительский стол, заваленный бумагами.

Он сел за парту в третьем ряду, ближе к окну. Отсюда хорошо просматривалась вся комната. Он положил на стол единственную тетрадь и карандаш — всё, что у него было, — и замер в ожидании.

Дети входили по одному, группами, с шумом и гамом. Макуто не поднимал головы, но видел каждого. Запоминал лица, движения, голоса.

Первым в класс влетел мальчик в оранжевой куртке. Наруто Узумаки — его Макуто знал по рассказам Аямэ. Шумный, неугомонный, с соломенными волосами и тремя полосками на каждой щеке. Он ворвался в класс с криком: «Даёба! Я не опоздал!» — и плюхнулся на первую парту, скинув на пол чью-то тетрадь.

Следом вошёл Саске Учиха. Тёмные волосы падали на глаза, на лице — выражение ледяного спокойствия. Он ни на кого не смотрел, прошёл к своей парте у окна и сел, отгородившись от мира стеной молчания.

Потом потянулись остальные. Сакура Харуно — с розовыми волосами, застенчивая, сжимающая в руках блестящую заколку. Она оглядела класс, увидела Саске и тут же забыла обо всём на свете. Села рядом с ним, стараясь казаться незаметной, но при этом постоянно бросая взгляды в его сторону.

Сикамару Нара вошёл, зевая, с руками в карманах штанов. Лениво огляделся, нашёл свободное место и рухнул на него, положив голову на руки.

— Опять эта Академия, — пробормотал он. — Как всё надоело.

Ино Яманака — высокая, яркая, с длинными светлыми волосами — вошла в класс с видом королевы. Она окинула всех взглядом, заметила Саске и тут же направилась к нему, но Сакура успела занять место раньше. Ино закатила глаза и села рядом с Сикамару, что-то недовольно бормоча себе под нос.

Тюдзи Акимичи — толстый, с круглым лицом и вечно жуящим ртом — прошёл к своей парте, держа в руках пачку чипсов.

— Привет, Сикамару, — сказал он, плюхаясь на стул.

— Угу, — ответил Сикамару, не поднимая головы.

Киба Инузука влетел в класс с собакой на голове — маленький белый щенок по имени Акамару сидел в его растрёпанных волосах и довольно повизгивал.

— Эй, народ! — крикнул Киба. — Вы слышали? Говорят, у нас новый ученик!

Класс зашумел. Новый ученик в середине года — это было событие.

Хината Хюга вошла тихо, почти неслышно. Бледная, с длинными тёмными волосами и бледно-лиловыми глазами. Она заметила Наруто, сидящего на первой парте, и её щёки покрылись лёгким румянцем.

— П-привет, Наруто-кун, — прошептала она.

Наруто обернулся, широко улыбнулся и помахал ей рукой.

— Хината! Привет! Садись рядом!

Хината покраснела ещё сильнее и опустилась на ближайшую парту, стараясь не смотреть в его сторону.

Шино Абурамэ вошёл в класс последним. Высокий воротник скрывал нижнюю часть лица, тёмные очки — глаза. Он сел в углу, ни с кем не поздоровавшись, и замер, как статуя.

Когда все расселись, кто-то заметил Макуто.

— Эй, а это кто? — спросил Киба, указывая на него пальцем.

Класс повернул головы. Наруто вскочил с места и подбежал к парте Макуто, нависая над ним с любопытством щенка.

— Ты новенький? — спросил он громко.

— Да, — ответил Макуто.

— Круто! А откуда ты? А как тебя зовут? А ты сильный? А какое у тебя любимое блюдо?

— Наруто, отстань от него, — лениво бросил Сикамару из своего угла. — Дай человеку спокойно посидеть.

— Я просто спросил! — обиделся Наруто.

Саске скользнул по Макуто равнодушным взглядом и отвернулся к окну. Сакура посмотрела, но её внимание тут же вернулось к Саске. Ино окинула Макуто оценивающим взглядом, но быстро потеряла интерес — слишком обычный, не в её вкусе.

Хината украдкой посмотрела на новенького, но тут же отвела взгляд.

— Макуто, — сказал он, когда шум немного стих. — Меня зовут Макуто. Я сирота. Пришёл из приюта.

Класс замолчал. Сироты в Конохе были не редкость, но обычно они не начинали с этого разговора.

— А клана? — спросил Киба.

— Нет.

— Совсем-совсем? — уточнил Наруто.

— Совсем.

Наруто на секунду задумался, потом широко улыбнулся и хлопнул Макуто по плечу.

— Ну и ладно! У меня тоже нет клана! Будем дружить!

Макуто посмотрел на него. В глазах мальчика в оранжевой куртке не было ни насмешки, ни жалости. Только искренняя, какая-то детская радость от того, что он нашёл кого-то похожего на себя.

— Ладно, — ответил Макуто.

Сикамару из своего угла хмыкнул.

— Похоже, у Наруто появился новый друг, — сказал он Тюдзи.

— Угу, — ответил тот, жуя чипсы. — Повезло парню.

Класс постепенно вернулся к своим делам. Дети болтали, смеялись, спорили. А Макуто сидел у окна, смотрел на гору Хокаге и думал о том, что первый шаг сделан.

Никто не знал, кто он на самом деле. Никто не чувствовал чакры, скрытой внутри него. Никто не догадывался, что этот мальчик в зелёной куртке с ржавым кунаем — наследник уничтоженного клана Фаруд, поглотивший силу четырёх нукенинов и последнего Сенджу.

И пусть так и будет.

Зазвенел звонок. В класс вошёл учитель — низкий, плотный мужчина с повязкой на лбу. Ирука Умино — его Макуто запомнил ещё по рассказам.

— Здравствуйте, — сказал Ирука, оглядывая класс. — У нас сегодня новый ученик. Макуто, выйди к доске.

Макуто встал и вышел к доске. Класс смотрел на него с любопытством.

— Расскажи о себе, — сказал Ирука.

— Макуто. Мне десять лет. Я сирота. Буду учиться, чтобы стать шиноби.

Класс зашумел. Коротко. Без лишних слов. Не как Наруто, который мог болтать часами.

— Что ты умеешь? — спросил Ирука.

— Немного. Бросать кунай. Чакру чувствую.

— Покажешь?

Макуто взял кунай — ржавый, неказистый — и бросил его в мишень на стене. Клинок вонзился в центр — ровно, глубоко, без единого лишнего движения.

Класс ахнул.

— Ничего себе! — крикнул Наруто.

— Неплохо, — сказал Ирука, прищурившись. — Где ты этому научился?

— Мой отец учил меня, когда был жив, — ответил Макуто.

Это была правда. Частичная, но правда.

Ирука кивнул, не задавая лишних вопросов. Он указал Макуто на его место и продолжил урок.

Макуто сел за парту и положил руки на стол. Внутри него, в тайном кармане пространства, лежали свитки с его прошлым — тати отца, чёрный меч из Кумогакуре, зелёный «Лесной Зуб», записи клана Фаруд. Его чакра, подавленная до уровня жалкого генина, скрывала океан, способный сравняться с силой слабого биджу.

Но здесь, в этом классе, среди этих детей, он был просто Макуто. Сирота без рода и племени. Ученик Академии с ржавым кунаем.

Никто не должен узнать правду. Никогда.

Зазвенел звонок, и начался первый урок. Макуто открыл тетрадь и взял карандаш.

Терпение. Всё дело в терпении.

Первая неделя в Академии прошла для Макуто как в тумане. Не потому, что он не понимал материал — наоборот, всё, что преподавали, он знал уже на уровне, который даже не снился его одноклассникам. Туман был другим. Это был туман притворства.

Он сидел на третьей парте у окна, слушал Ируку, который объяснял основы тайдзюцу, и делал вид, что записывает в тетрадь. На самом деле он просто выводил каракули, стараясь, чтобы почерк был небрежным и детским. Иногда он поднимал руку и задавал вопросы — достаточно глупые, чтобы не выделяться, но не настолько, чтобы учитель заподозрил, что он не слушает.

Наруто сидел на первой парте и постоянно вертелся, ёрзал, что-то шептал соседям. Ирука несколько раз делал ему замечание, но мальчик в оранжевом только улыбался и через пять минут снова начинал болтать.

Саске занимал место у окна в том же ряду, что и Макуто, но через два стола. Он не разговаривал ни с кем, не поднимал руку, не задавал вопросов. Просто сидел и смотрел в окно, делая вид, что ему всё равно. Но Макуто замечал, как иногда его взгляд скользил по классу, оценивая, запоминая.

Сакура и Ино вели свою тихую войну за место рядом с Саске. Они не дрались — пока, — но их перепалки были такими же предсказуемыми, как восход солнца.

Сикамару спал на задней парте. Тюдзи жевал чипсы. Киба чесал Акамару за ухом. Хината краснела каждый раз, когда Наруто поворачивался в её сторону. Шино сидел с каменным лицом, и никто не мог понять, спит он или слушает.

И среди всего этого цирка Макуто был просто тенью. Он не привлекал внимания. Не лез в разговоры. Не пытался подружиться. Он просто был.

После уроков он шёл в Ичираку. Забегаловка встречала его запахом бульона и теплом печи. Тэучи кивал ему из-за стойки, Аямэ бросала короткое «пришёл» и продолжала резать лук.

Он снимал куртку, вешал её на крючок, закатывал рукава футболки и брался за посуду.

За неделю работы он стал частью кухонного ритуала. Знал, в каком порядке раскладывать тарелки, как быстро нарезать овощи, когда добавлять соус. Аямэ перестала его проверять. Тэучи перестал следить.

В пятницу вечером, когда последний клиент ушёл, Тэучи подозвал Макуто к стойке.

— Есть разговор, — сказал он, вытирая руки о фартук.

Макуто подошёл, встал напротив. Тэучи помолчал, собираясь с мыслями.

— Помнишь, я говорил про хозяйку, у которой снимал комнату для Аямэ?

— Да.

— Я поговорил с ней. У неё есть каморка на втором этаже. Маленькая, но своя. Кровать, стол, окно. Платить нужно две тысячи в месяц. За коммуналку — отдельно, но там копейки.

Макуто молчал. Тэучи вздохнул и продолжил:

— Я знаю, что у тебя нет денег. Но я договорился — первую половину месяца ты работаешь за еду и ночлег, а вторую — получаешь плату. Плюс подработка по выходным. Если будешь так же пахать, как сейчас, — наскребёшь.

— Где эта комната?

— В старом квартале, рядом с рынком. Недалеко от Академии. Хозяйку зовут О-Тойо. Старуха, но с характером. Ты ей понравишься, если не будешь шуметь и мусорить.

Макуто кивнул.

— Когда можно переехать?

— Завтра, — ответил Тэучи. — Я провожу тебя после обеда.

Они помолчали. Тэучи посмотрел на парня — на его худое лицо, на спокойные глаза, на руки, которые за неделю привыкли к кухонной работе.

— Ты молодец, — сказал он вдруг. — Я не ожидал, что ты выдержишься. Дети обычно через два дня начинают ныть.

— Я не ребёнок, — ответил Макуто.

Тэучи усмехнулся.

— Это точно.

Субботним утром Макуто собрал свои вещи — мешок с одеждой, ржавый кунай, соломенную шляпу — и вышел из подсобки. Аямэ уже была на кухне, резала лук. Она посмотрела на него, на его мешок, и отвела взгляд.

— Удачи, — сказала она негромко.

— Спасибо.

— Ты ведь вернёшься работать?

— Конечно.

Аямэ кивнула и отвернулась к разделочной доске.

Комната О-Тойо оказалась маленькой каморкой на втором этаже старого дома у рынка. Половиц скрипели, стены были выкрашены в бледно-зелёный цвет, окно выходило во внутренний дворик. Кровать стояла в углу, стол — у окна, на стене висела полка для вещей.

— Чисто, — сказал Тэучи, оглядывая комнату. — Не дворец, но жить можно.

— Хорошо, — ответил Макуто.

Хозяйка — маленькая сухонькая старуха с быстрыми глазами и цепкими пальцами — взяла с него плату за первую неделю вперёд. Макуто отдал

деньги из тех, что заработал в Ичираку, и повесил куртку на крючок у двери.

— Мусор не копить, — сказала О-Тойо, глядя на него из-под густых седых бровей. — Гостей не водить. Шуметь не шуметь. Понял?

— Понял.

— И курить нельзя.

— Я не курю.

Старуха хмыкнула, посмотрела на него долгим взглядом и вышла, закрыв за собой дверь.

Макуто остался один. Он сел на кровать, проверил, что дверь заперта, и закрыл глаза.

Внутри него, в тайном кармане пространства, лежали свитки с его прошлым. Тати отца, чёрный меч из Кумогакуре, зелёный «Лесной Зуб», записи клана Фаруд, деньги. Всё это было при нём, но никто не мог этого увидеть.

Он начал медитацию. Техника Бездонный Колодец работала в фоновом режиме, но сейчас он сосредоточился на другом — на прессовании чакры. Его резерв, выросший до уровня слабого биджу, был слишком большим для обычного человека. Если бы кто-то из Академии почувствовал его истинную силу, вопросы посыпались бы как из рога изобилия.

Он сжимал чакру, утрамбовывая её в глубине каналов, оставляя на поверхности лишь тонкую струйку. Как губка, которая впитала океан, но выдавливает только каплю. Это было утомительно — держать контроль постоянно, каждую секунду, каждую минуту, каждый час.

Но он привык. Он привык к боли, к усталости, к необходимости скрывать свою силу.

В воскресенье он не работал — Тэучи дал ему выходной, чтобы обустроиться. Макуто потратил день на то, чтобы исследовать окрестности. Он прошёл от дома до Академии, запоминая все перекрёстки, все чёрные ходы, все пути отхода. Он нашёл заброшенный склад на окраине — идеальное место для ночных тренировок. Он купил на рынке рис, овощи и чай, чтобы не тратить деньги на еду.

К вечеру он вернулся в свою комнату, закрыл дверь и снова сел на кровать.

Техника Бездонный Колодец требовала постоянной подпитки. Он закрыл глаза, сосредоточился на дыхании и начал разделять чакру на составляющие — Инь и Ян. Это упражнение, которое он отрабатывал ещё в горах, теперь стало почти автоматическим. Но контроль всё ещё был не идеальным.

Он чувствовал, как чакра течёт по каналам, как она расширяет их, как она наполняет его тело силой. Океан внутри него бушевал, но теперь он знал, как успокоить волны.

Он вспомнил Тензо. Последнего Сенджу. Человека, который научил его — даже после смерти — тому, что контроль важнее силы.

«Ты силен, мальчик. Очень силен. Но сила без контроля — это просто разрушение. Своё собственное разрушение».

Макуто открыл глаза. В комнате было темно. За окном, в глубине двора, кто-то ходил — старуха О-Тойо проверяла свои цветы.

Он лёг на кровать, положил ржавый кунай под подушку и закрыл глаза. Завтра — новый день. Академия. Ичираку. Тренировки. Контроль.

Он должен был быть терпеливым. Он должен был быть умным. Он должен был быть незаметным.

Никто не должен узнать, кто он на самом деле.

Никогда.

Понедельник начался с того, что колокольчик над дверью Ичираку звякнул в шесть утра. Макуто пришёл на работу, как всегда — рано, молчаливый, собранный. Тэучи кивнул ему, Аямэ буркнула что-то нечленораздельное, и они начали новый день.

После работы Макуто пошёл в Академию. На сегодня была запланирована практика по метанию кунаев.

Наруто обрадовался. Он любил практику. Он любил всё, что позволяло ему двигаться, бегать, кричать.

Когда класс вышел на стрельбище, Саске уже стоял у линии броска, сжимая в руке кунай. Он бросил его, не целясь, — лезвие вонзилось в центр мишени. Класс ахнул.

— Вот это да, — выдохнула Сакура.

— Саске-кун такой талантливый, — пропела Ино.

Наруто нахмурился, взял свой кунай и бросил его с такой силой, что оружие пролетело мимо мишени и воткнулось в забор.

— Даёба! — заорал он. — Почему у меня не получается?

— Потому что ты не умеешь концентрироваться, — лениво заметил Сикамару из своего угла.

— Заткнись, Сикамару!

Ирука вздохнул и подошёл к Наруто.

— Держи руку ровнее, — сказал он, поправляя ему локоть. — Не замахивайся так сильно. Бросок должен быть плавным.

Наруто попробовал снова — кунай снова ушёл в сторону.

— Не получается, — сказал он уныло.

Макуто стоял в конце очереди, наблюдая. Он видел каждую ошибку Наруто — слишком сильный замах, неправильный хват, поспешный выпуск. Всё это было легко исправить, но никто не объяснял мальчику так, чтобы он понял.

Когда очередь дошла до Макуто, он взял свой ржавый кунай, встал на линию, бросил. Лезвие вонзилось в мишень — не в центр, но достаточно близко.

Ирука кивнул, ничего не сказав, и поставил отметку в журнале.

— Неплохо, — сказал Саске, который стоял рядом и ждал своей второй попытки.

— Спасибо, — ответил Макуто.

Они обменялись взглядами. Саске посмотрел на ржавый кунай, потом на Макуто, потом снова на кунай.

— Тебе нужно новое оружие, — сказал он.

— Это работает.

— Ржавчина может занести инфекцию.

Макуто улыбнулся — едва заметно, только уголками губ.

— Я не планирую никого им резать.

Саске фыркнул и отвернулся.

Наруто подбежал к Макуто после урока.

— Слушай, ты неплохо кидаешь! — сказал он, сверкая глазами. — Можешь научить меня?

— Это не сложно, — ответил Макуто. — Тебе просто нужно меньше думать. И не замахиваться так сильно.

— Меньше думать? — переспросил Наруто. — Я и так мало думаю!

Сикамару, который проходил мимо, закатил глаза.

— Это заметно, — пробормотал он.

Наруто не услышал. Он схватил Макуто за рукав и потащил его обратно на стрельбище.

— Покажи ещё раз! Медленно!

Макуто показал. Наруто повторил. Кунай вонзился в край мишени.

— Получилось! — заорал он. — Ты видел?

— Видел, — ответил Макуто.

— Ты крутой, Макуто! Давай дружить!

Макуто посмотрел на него. В глазах мальчика в оранжевой куртке не было ни хитрости, ни корысти. Только искренняя, детская радость.

— Ладно, — сказал он.

После уроков Макуто пошёл в Ичираку. Он работал до вечера, мыл посуду, резал овощи, подавал рамен. Когда забегаловка закрылась, он получил свою дневную плату и пошёл домой.

В своей комнате он сел на кровать и закрыл глаза. Техника Бездонный Колодец. Разделение чакры. Прессование. Контроль.

Океан внутри него был спокоен. Но это было обманчивое спокойствие. Волны могли подняться в любой момент, и если он потеряет контроль — всё будет кончено.

Он тренировался до полуночи, потом лёг спать.

В понедельник, вторник, среду, четверг — всё повторялось. Академия, Ичираку, тренировки, сон. Иногда он выходил на заброшенный склад, чтобы отработать техники, которые нельзя было показывать при посторонних. Земляные шипы. Водяные драконы. Огненные шары.

Он делал это ночью, когда никто не видел. Когда город спал, и только луна светила над Конохой.

Макуто из клана Фаруд, поглотивший силу четырёх нукенинов и последнего Сенджу, мальчик с чакрой, сравнимой с силой слабого биджу, становился сильнее.

Но никто не должен был узнать об этом. Никогда.

Тишина в библиотеке Конохи стояла густая и плотная, как старая смола. Макуто сидел за дальним столом в секции, где хранились свитки для

учеников Академии. Солнечный свет пробивался сквозь высокие окна с мутными стёклами и ложился длинными полосами на дощатый пол. В воздухе пахло пылью, старой бумагой и тем особенным запахом знаний, который не спутаешь ни с чем другим.

В выходные здесь было почти пусто. Только старый библиотекарь — седой мужчина с повязкой на левом глазу и вечно недовольным лицом — сидел за стойкой и перебирал карточки. Иногда в читальный зал заходили чунины с охапками свитков, но они сразу уходили в закрытую секцию, куда ученикам вход был запрещён.

Макуто разложил перед собой три свитка. Первый — «Основы циркуляции чакры». Второй — «Базовые принципы тайдзюцу». Третий — «Введение в фуиндзюцу для начинающих». Всё это были общедоступные материалы, которые любой ученик Академии мог взять без специального разрешения.

Он читал медленно, водя пальцем по строкам, иногда останавливаясь и делая вид, что что-то записывает в тетрадь. На самом деле он уже знал всё, что было написано в этих свитках, и даже больше. Но создание видимости обучения было частью его плана. Через несколько месяцев, когда он начнёт показывать техники, которые не входили в программу Академии, у него должно было быть объяснение: «Я читал об этом в библиотеке».

Свиток по чакре рассказывал о том, как смешивать духовную и физическую энергию, как направлять поток по каналам, как концентрировать её в определённых точках тела. Макуто знал всё это наизусть. Его отец учил его этим основам, когда ему было четыре года. Но он делал пометки в тетради, иногда хмурился, иногда кивал — как настоящий ученик, который впервые сталкивается со сложным материалом.

В свитке по тайдзюцу описывались базовые стойки и удары. Прямой удар кулаком. Блок предплечьем. Подсечка. Бросок через бедро. Всё это было до смешного примитивно для Макуто, чьё тело помнило сотни боёв, десятки убитых врагов, тысячи отточенных движений. Но он делал пометки о том, какие мышцы задействованы в каждом ударе, как правильно дышать, как переносить вес. Просто и понятно. Как для новичка.

Свиток по фуиндзюцу был самым интересным. Там описывались базовые принципы нанесения печатей — техника, которую клан Фаруд использовал для хранения оружия внутри тела. Макуто уже владел ею в совершенстве, но библиотечная версия была намеренно упрощённой. В ней не хватало многих деталей, и ученик, который пытался бы изучить фуиндзюцу только по этому свитку, никогда не достиг бы мастерства.

Макуто сделал несколько пометок в тетради — специально небрежных, с ошибками, которые мог допустить новичок. Потом свернул свитки, отнёс их на стойку библиотекаря и вышел на улицу.

Солнце стояло в зените. Торговый квартал шумел и гудел. Макуто пошёл в сторону заброшенного склада, который нашёл на окраине. Там, в полном одиночестве, он мог тренироваться так, как ему было нужно.

Склад встретил его запахом сырости и старых досок. Внутри было темно, только редкие лучи света пробивались через щели в стене. Макуто скинул куртку, повесил её на ржавый крюк. Расшнуровал ботинки, поставил их у стены. Остался в серой футболке и тёмно-синих трико.

Он достал из внутреннего кармана свёрток — маленький, тщательно упакованный в ткань. Развернул. Внутри лежал танто.

Не тот, что он носил на поясе вместе с тати отца и чёрным мечом из Кумогакуре. Этот был другим — купленным на рынке за триста рё у старьёвщика. Короткий клинок длиной в двадцать пять сантиметров, с чёрной рукоятью, обмотанной потрёпанной кожей. На лезвии была небольшая зазубрина у самого основания, но в целом оружие было в приличном состоянии. Никто не задал бы вопросов, увидев у ученика Академии такой танто.

Макуто взял клинок в правую руку, взвесил его. Баланс был плохим — центр тяжести смещён к рукояти, что делало его непригодным для метания. Но для отработки базовых ударов он годился.

Он встал в стойку. Ноги на ширине плеч, корпус слегка наклонён вперёд, правая рука с клинком вытянута, левая — на уровне груди, готовая к блоку.

Первое движение — рубящий удар сверху. Он поднял танто над головой и резко опустил вниз, представляя перед собой противника. Клинок рассек воздух с глухим свистом. Макуто повторил движение десять раз, затем двадцать, затем пятьдесят. Каждый удар был одинаковым — однообразным, механическим, без той смертоносной точности, которая была свойственна его настоящим техникам. Он намеренно делал их такими, какими они должны были быть у десятилетнего сироты, который только начал осваивать оружие.

Второе движение — колющий удар вперёд. Рука выпрямляется, клинок входит в воображаемую плоть, затем быстро возвращается в исходное положение. Макуто повторял это снова и снова, чувствуя, как работают мышцы плеча и предплечья. Специально допускал небольшие ошибки — слишком широкий замах, недостаточная фиксация запястья, слишком глубокий выпад. Ошибки, которые постепенно должны были исчезнуть с практикой.

Третье движение — блок. Танто перехватывается левой рукой, клинок идёт вверх, отражая воображаемый удар сверху. Затем блок слева, блок справа, блок снизу. Макуто двигался медленно, неуклюже, как ребёнок, который только учится держать оружие.

Четвёртое движение — смена хвата. Прямой хват, обратный хват, снова прямой. Он отрабатывал переходы, делая их заметными, с паузами, с потерей баланса.

Он тренировался около часа. Пот выступил на лбу, футболка промокла на спине. Он сел на пол, прислонившись спиной к стене, и закрыл глаза. Техника Бездонный Колодец работала в фоновом режиме, но сейчас он сосредоточился на другом — на том, чтобы убрать лишнее напряжение из мышц. Его настоящее тело, привыкшее к идеальным движениям, сопротивлялось. Ему приходилось сознательно делать ошибки, замедляться, терять равновесие. Это было тяжелее, чем убить нукенина.

Он открыл глаза и посмотрел на танто. Клинок блеснул в луче света, пробивавшемся сквозь щель в стене. Через месяц, через два, когда он начнёт показывать свои навыки в Академии, никто не должен заподозрить, что он держал оружие в руках раньше. Постепенный прогресс — вот что было нужно. Сначала неуклюжие движения, потом более уверенные, потом почти профессиональные. И никто не поймёт, что он прошёл этот путь за несколько месяцев, а не за годы.

Он встал, отряхнул трико и начал вторую часть тренировки — тайдзюцу.

Базовые удары кулаками. Прямой, боковой, апперкот. Он наносил их в воздух, представляя перед собой воображаемого противника. Движения были грубыми, недостаточно быстрыми, недостаточно точными. Иногда он терял равновесие. Иногда замахивался слишком сильно. Иногда забывал про защиту.

Он повторял эти удары снова и снова, пока мышцы не начали гореть. Потом добавил удары ногами. Мае-гери — прямой удар. Маваши-гери — круговой удар. Йоко-гери — боковой удар. Каждый из них он делал медленно, неуклюже, с явными ошибками.

Он тренировался ещё час. К концу тренировки его тело было покрыто потом, дыхание сбилось. Он сел на пол и вытер лицо подолом футболки.

«Достаточно на сегодня», — подумал он.

Завтра — снова Академия, снова Ичираку, снова библиотека, снова тренировки. И так каждый день. Монотонно, однообразно, до бесконечности.

Но это было необходимо.

Он убрал танто в свёрток, спрятал его во внутренний карман куртки, надел ботинки и вышел со склада. Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в оранжевые тона. Коноха жила своей обычной жизнью — люди спешили домой, лавки закрывались, шиноби возвращались с миссий.

Макуто пошёл в Ичираку. Сегодня была его смена, и Тэучи ждал его к шести.

В забегаловке уже былолюдно. Клиенты сидели за столиками, ели рамен, пили чай. Аямэ носилась между стойкой и столами с подносами. Увидев Макуто, она кивнула и указала на гору грязной посуды в раковине.

— Опоздал на пять минут, — сказала она, пролетая мимо.

— Я никогда не опаздываю, — ответил Макуто, снимая куртку.

— Сегодня опоздал.

— Сегодня я пришёл ровно в шесть.

— У нас часы спешат.

Макуто не стал спорить. Он закатал рукава футболки и взялся за посуду.

Понедельник в Академии начался с контрольной по теории чакры. Ирука раздал листы с вопросами и сел за учительский стол, уткнувшись в журнал.

Макуто пробежал глазами по заданиям. Всё это были простые вопросы — о смешивании физической и духовной энергии, о чакра-каналах, о базовых техниках. Он знал ответы наизусть, но писал медленно, иногда останавливаясь и задумываясь, иногда зачёркивая написанное и переписывая заново.

Наруто сидел на первой парте и грыз карандаш. Его лицо выражало муку. Он явно не знал ответов ни на один вопрос.

Саске писал быстро и уверенно, почти не задумываясь. Сакура строчила как пулемёт. Сикамару написал пару строк и положил голову на руки, решив, что этого достаточно.

Через час Ирука собрал листы и объявил перемену.

Наруто подошёл к Макуто, когда тот выходил в коридор.

— Слушай, — сказал он, понижая голос. — Ты как с контрольной?

— Нормально, — ответил Макуто.

— А я, кажется, всё завалил, — вздохнул Наруто. — Ирука-сэнсэй опять будет ругаться.

— Может, не всё так плохо.

— Ты просто не знаешь, какой я тупой, — сказал Наруто с кривой улыбкой.

Макуто посмотрел на него. В глазах мальчика в оранжевой куртке не было жалости к себе — только усталость от постоянных неудач. Он привык быть худшим в классе, привык к насмешкам, привык к тому, что его не замечают.

— Если хочешь, могу помочь с теорией, — сказал Макуто.

Наруто поднял голову, и его глаза загорелись.

— Правда?

— Да. Я свободен по выходным после обеда. Можем встречаться в библиотеке.

— Ты серьёзно? — Наруто схватил его за рукав. — Ты правда поможешь мне?

— Если ты будешь слушать.

— Буду! — заверил его Наруто. — Клянусь! Я всё буду слушать!

Саске, который проходил мимо, бросил на них равнодушный взгляд и отвернулся. Сакура и Ино переглянулись, но ничего не сказали. Сикамару зевнул и лениво заметил:

— Наруто, если ты будешь так кричать, тебя выгонят из библиотеки ещё до того, как вы туда зайдёте.

— Заткнись, Сикамару!

Макуто улыбнулся — едва заметно, только уголками губ.

Вторник, среда, четверг — дни тянулись один за другим, похожие как две капли воды. Академия, Ичираку, библиотека, склад. Иногда он заходил в продуктовую лавку, чтобы купить рис и овощи. Иногда сидел в своей комнате и читал свитки при свете масляной лампы.

Его жизнь в Конохе вошла в колею. Предсказуемую, скучную, безопасную. Никто не задавал вопросов. Никто не лез в душу. Он был просто одним из многих — сиротой, учеником, работником забегаловки.

Постепенно он начал замечать, что одноклассники привыкают к нему. Наруто здоровался первым и всегда улыбался. Саске иногда кивал, проходя мимо. Сакура перестала смотреть сквозь него. Хината украдкой

бросала взгляды, когда думала, что никто не видит. Киба однажды похлопал его по плечу и сказал: «Ты нормальный, Макуто».

Он держал дистанцию. Не лез в чужие разговоры, не сплетничал, не участвовал в драках. Но и не отталкивал тех, кто пытался приблизиться.

Быть добрым, но сохранять дистанцию — это было искусство. И Макуто овладевал им день за днём.

В субботу, после смены в Ичираку, он пошёл в библиотеку. Наруто ждал его у входа, переминаясь с ноги на ногу.

— Ты пришёл! — обрадовался он.

— Я сказал, что приду.

— Я думал, ты забудешь.

— Я не забываю.

Они вошли в библиотеку, взяли свиток по основам чакры и сели за дальний стол. Библиотекарь покосился на них, но ничего не сказал.

Макуто открыл свиток и начал объяснять.

— Чакра состоит из двух частей, — сказал он. — Физическая энергия — она в каждой клетке твоего тела. И духовная — это сила ума и воли. Чтобы использовать технику, нужно смешать их в правильной пропорции.

Наруто слушал, открыв рот. Он кивал, иногда задавал глупые вопросы, но в целом старался.

— А как их смешивать? — спросил он.

— Нужно сосредоточиться. Представь, что внутри тебя есть два потока. Один из живота, другой из головы. А где-то в груди они встречаются.

— Как река?

— Как река, — подтвердил Макуто.

Наруто закрыл глаза и напрягся. Его лицо покраснело от усилий.

— Не работает, — сказал он через минуту.

— Не получится с первого раза. Нужно тренироваться.

— А у тебя получилось?

— Получилось.

— И сколько ты тренировался?

— Долго.

Наруто вздохнул и открыл свиток снова.

В воскресенье вечером Макуто сидел в своей комнате, скрестив ноги на кровати, и смотрел в окно. Луна светила сквозь мутное стекло, отбрасывая бледные блики на пол.

Он вспомнил, как несколько месяцев назад сидел в горах, в заброшенной крепости, и смотрел на те же звёзды. Тогда он был охотником. Теперь он был учеником. Тогда он убивал. Теперь он учился жить среди людей.

Внутри него, в тайном кармане пространства, лежали свитки с его прошлым. Тати отца, чёрный меч из Кумогакуре, зелёный «Лесной Зуб», записи клана Фаруд. Всё это было при нём, но никто не знал.

Он закрыл глаза и начал медитацию. Техника Бездонный Колодец. Разделение чакры. Прессование. Контроль.

Океан внутри него был спокоен. Волны не поднимались. Он научился успокаивать их.

Завтра будет новый день. Академия, Ичираку, библиотека, тренировки. Монотонно, однообразно, до бесконечности.

Но это было необходимо.

Макуто из клана Фаруд, поглотивший силу четырёх нукенинов и последнего Сенджу, мальчик с чакрой, сравнимой с силой слабого биджу, лёг спать.

Ему снился лес. Старый лес, который он знал с детства. Ветер шумел в кронах, где-то вдалеке текла река. Он стоял на опушке и смотрел на деревню, которая когда-то была его домом.

А потом он проснулся и забыл этот сон.

Утро началось с того, что колокольчик над дверью Ичираку звякнул в шесть утра. Тэучи уже был на месте. Аямэ ещё спала.

Макуто повесил куртку на крючок, закатал рукава футболки и взялся за посуду.

Год в Академии пролетел как один долгий день. Макуто сидел на скамейке у окна в пустом классе, глядя, как солнце клонится к закату. Занятия закончились, но он не торопился в Ичираку — до смены оставался ещё час. В руках он держал купленный на рынке танто, проводя пальцем по холодному лезвию. Четыреста дней он играл роль. Ученик. Сирота. Работник забегаловки.

Игра утомляла сильнее, чем любой бой.

Контрольные по теории чакры он сдавал на твёрдую четвёрку по пятибалльной шкале. Ирука пару раз хвалил его за внимательность, но быстро потерял интерес — таких старательных, но не блестящих учеников в классе хватало. Макуто не задавал лишних вопросов и не лез с ответами, если не спрашивали. Когда Ирука просил его выйти к доске, он решал примеры ровно настолько хорошо, чтобы не вызвать подозрений, но и не настолько, чтобы его запомнили.

Практика метания кунаев стала его второй натурой. Он бросал ржавое лезвие снова и снова, каждый раз попадая в мишень, но никогда — в десятку. Сначала в восьмёрку, потом в семёрку, потом снова в восьмёрку.

Прогресс был замечен, но не пугал. Никто не смотрел на него с подозрением. Никто не задавал вопросов.

Наруто, несмотря на помощь Макуто, оставался худшим в классе. Но он старался. Он приходил в библиотеку каждые выходные, слушал объяснения и пытался смешивать чакру. Получалось у него плохо, но Макуто видел — мальчик не сдаётся. Это вызывало уважение. Тупое, бессмысленное, но искреннее упрямство.

Саске держался на расстоянии. Он кивал при встрече, иногда обменивался парой фраз, но не более. Макуто не лез в душу, и Саске отвечал тем же. Идеальные соседи по парте — молчаливые и предсказуемые.

Сикамару однажды сказал: «Ты нормальный, Макуто. Не такой громкий, как все». Это было, наверное, лучшим комплиментом за весь год.

А потом Ирука объявил о пробных боях.

— Через две недели начнутся спарринги, — сказал он, стоя у доски. — Каждый из вас проведёт по три боя. Это не экзамен, но результаты повлияют на распределение по командам после выпуска.

Класс зашумел. Наруто вскочил с места и заорал что-то про то, как он всех победит. Саске усмехнулся, не поднимая головы. Сакура и Ино начали перешёптываться. Киба зарычал.

Макуто сидел неподвижно.

Две недели до спаррингов он использовал с умом. В библиотеке он взял свитки по базовой тактике ведения боя — те, что были доступны ученикам. Читал медленно, делал пометки в тетради. Запоминал

стандартные приёмы: уходы с линии атаки, блоки, контратаки. Всё то, что должен знать средний ученик Академии.

На заброшенном складе он изменил режим тренировок. Теперь он отрабатывал не идеальные движения, а те, которые покажут на спаррингах. Он замедлялся. Терял равновесие. Делал ошибки, которые потом исправлял. Прогресс должен быть заметен, но не ошеломляющим.

Он купил второй танто — дешёвый, почти игрушечный — и начал тренироваться с двумя клинками. Но на спаррингах он будет использовать только один. И только тогда, когда это будет безопасно.

Первое утро спаррингов встретило класс холодным ветром и низкими облаками. Тренировочная площадка за Академией была расчерчена на квадраты. В центре, на деревянном помосте, стоял Ирука со свитком в руках.

— Будете драться по очереди, — сказал он. — Победитель определяется по сдаче или по выходу за пределы площадки. Никаких техник выше ранга D. Никаких добиваний.

Он начал вызывать пары.

Первыми дрались Наруто и Киба. Наруто, как всегда, бросился в атаку с криком. Киба ушёл в сторону, пнул его под колено и прижал к земле. Бой закончился за пятнадцать секунд. Наруто лежал на помосте, уставившись в небо, и не понимал, что произошло.

— Вставай, — сказал Ирука.

— Но я...

— Вставай и иди в конец очереди.

Саске дрался с каким-то парнем из параллельного класса. Тот продержался десять секунд. Саске даже не вспотел. Он просто ушёл с линии атаки, перехватил руку противника и прижал его к помосту. Всё. Техника. Скорость. Результат.

Класс ахнул. Саске вернулся на своё место, не глядя ни на кого.

Сакура дралась с Ино. Девушки кружили друг вокруг друга, обмениваясь быстрыми ударами, но ни одна не могла взять верх. Ирука остановил бой через минуту, объявив ничью. Сакура и Ино разошлись, сверкая глазами.

Потом была очередь Хинаты. Её противником оказался толстый парень из класса напротив. Хината стояла в стойке, но не атаковала. Она ждала. Парень бросился на неё, и она ушла в сторону, толкнув его в спину. Он упал, не удержав равновесия. Хината победила, даже не ударив.

— Неплохо, — сказал Ирука. — Работай над агрессией.

Хината покраснела и вернулась на место.

Сикамару проиграл своему бою, даже не пытаясь бороться. Он просто вышел на помост, посмотрел на противника, пожал плечами и сдался. Ирука вздохнул и поставил ему отметку в свитке.

— В следующий раз постарайся, Сикамару.

— Слишком хлопотно, — ответил тот, зевая.

Когда объявили имя Макуто, он поднялся с места и пошёл к помосту. В руке он держал свой ржавый кунай — тот самый, с которым пришёл в Коноху. Противником оказался мальчик из параллельного класса — выше его на голову, шире в плечах. Звали его, кажется, Косукэ. Он учился на два года дольше, но никак не мог сдать выпускные экзамены.

— Начали, — сказал Ирука.

Косукэ бросился вперёд, размахивая кулаками. Макуто ушёл в сторону, как учили на тренировках. Не так плавно, как Саске, но достаточно, чтобы избежать удара. Он сделал шаг назад, восстанавливая дистанцию.

Косукэ атаковал снова. На этот раз он попытался захватить Макуто за куртку. Макуто позволил ему это сделать. Он знал, что должен показать борьбу — настоящую, неуклюжую, как у всех новичков. Он рванулся в сторону, потерял равновесие, упал на колено. Потом вскочил и ударил Косукэ кулаком в грудь.

Удар был слабым. Макуто специально не вкладывал в него силу. Косукэ даже не пошатнулся. Он усмехнулся и занёс кулак для ответного удара.

Макуто выставил руку с кунаем — не лезвием, а рукоятью вперёд. Он ткнул Косукэ в плечо, заставляя его отступить. Потом сделал выпад, как учили на тренировках по тайдзюцу. Короткий, резкий шаг вперёд.левой рукой он перехватил запястье противника, правой нанёс удар кунаем в живот — плашмя, не лезвием.

Косукэ охнул и согнулся. Макуто толкнул его в плечо, и тот упал на помост.

— Бой окончен, — сказал Ирука.

Класс захлопал — не сильно, но вежливо. Макуто помог Косукэ подняться, кивнул и вернулся на своё место.

Он сделал ровно то, что должен был. Показал базовые навыки, немного борьбы, один удачный приём. Ничего выдающегося. Но и ничего позорного.

Наруто подбежал к нему после боя.

— Круто! — сказал он, сверкая глазами. — Ты его уделал!

— Он был медленным, — ответил Макуто.

— Всё равно круто! Я бы тоже так хотел!

Макуто посмотрел на него. На лице Наруто не было зависти — только восхищение. Как у щенка, который увидел, как старший пёс поймал мяч.

— Ты сможешь, — сказал Макуто. — Если перестанешь орать и начнёшь думать.

Наруто задумался. Это было видно — его лицо сморщилось от усилия.

— А как думать?

— Смотри на противника. Жди. Не бросайся вперёд с криком. Пусть он ошибётся первым.

— А если не ошибётся?

— Тогда ошибись сам, но так, чтобы он попался.

Наруто посмотрел на него с недоумением.

— Ты странно говоришь, Макуто.

— Я просто говорю.

Второй бой Макуто провёл с девочкой из их класса — тихой, незаметной, с длинными тёмными волосами. Её звали Ами. Она была такой же сиротой, как и он, но менее удачливой — никто не взял её на работу, и она жила в приюте.

Они вышли на помост. Ами сжимала в руке короткий нож, который, судя по всему, украла из кухни. Макуто встал в стойку, держа свой кунай лезвием вниз.

— Начали, — сказал Ирука.

Ами бросилась вперёд с криком. Она была быстрой — быстрее, чем Макуто ожидал. Её нож описал дугу, целя в его плечо. Макуто блокировал кунаем, отступил на шаг.

Она атаковала снова. И снова. И снова. Макуто уклонялся, блокировал, отступал. Он мог бы закончить бой одним движением — перехватить её руку, выбить нож, прижать к помосту. Но он не делал этого.

Он ждал.

Ами начала уставать. Её дыхание сбилось, удары стали медленнее. Макуто выбрал момент, когда она замахнулась слишком широко, и шагнул вперёд. Он перехватил её запястье, вывернул руку и прижал к помосту.

— Бой окончен, — сказал Ирука.

Ами лежала на помосте, тяжело дыша. Макуто отпустил её и протянул руку.

— Хороший бой, — сказал он.

Она посмотрела на него с подозрением, но взяла руку и поднялась.

— Ты специально тянул время? — спросила она тихо, чтобы никто не слышал.

— Нет, — ответил Макуто. — Ты была быстрой.

Она фыркнула и ушла.

Третий бой стал самым сложным. Противником Макуто оказался парень из клана Абураме — Шино. Тот самый, который всегда сидел в углу класса и ни с кем не разговаривал.

Шино вышел на помост и встал напротив Макуто. Его лицо было скрыто за высоким воротником, тёмные очки скрывали глаза. На руках он носил перчатки, из которых торчали маленькие трубки.

Макуто знал, что Шино владеет техниками насекомых — его клан разводил жуков, которые питались чакрой. Но на пробных боях использование насекомых было запрещено — слишком опасно для неподготовленных учеников. Шино придётся драться без своего основного оружия.

— Начали, — сказал Ирука.

Шино не двинулся с места. Он стоял неподвижно, глядя на Макуто сквозь тёмные стёкла.

Макуто сделал шаг вперёд. Шино не отреагировал. Ещё шаг. Ещё. Когда дистанция сократилась до трёх метров, Шино вдруг двинулся — быстрее, чем можно было ожидать от его неповоротливой фигуры. Он ударил ногой в корпус.

Макуто блокировал, но блок получился слабым. Он специально сделал его таким — слишком мягким, слишком медленным. Удар пришёлся по его руке, и он отступил, теряя равновесие.

Шино атаковал снова. Серия быстрых ударов кулаками и ногами. Макуто уклонялся, блокировал, отступал. Он не контратаковал — только защищался.

Шино был хорош. Его движения были отточенными, без лишних жестов. Он не размахивался, не кричал, не тратил силы на пустые действия. Он просто атаковал снова и снова, заставляя Макуто отступать к краю помоста.

Макуто понял, что если он не ответит, то проиграет. А проигрыш не входил в его планы. Он должен был показать себя способным, но не гениальным.

Он дождался, когда Шино занёс ногу для очередного удара, и сделал шаг вперёд. Он перехватил ногу противника, потерял равновесие и упал, увлекая Шино за собой. Они покатались по помосту. Макуто первым вскочил на ноги и прижал колено к груди Шино.

— Бой окончен, — сказал Ирука.

Шино замер. Он смотрел на Макуто сквозь тёмные стёкла, и в его взгляде читалось что-то похожее на уважение.

— Хорошо, — сказал Шино.

— Спасибо, — ответил Макуто.

Он помог Шино подняться и вернулся на своё место. Класс смотрел на него с удивлением. Никто не ожидал, что тихий сирота из приюта сможет победить представителя клана Абураме.

— Неплохо, Макуто, — сказал Ирука, делая отметку в свитке. — У тебя есть потенциал.

Макуто кивнул и сел на скамейку.

Три боя. Две победы, одно поражение — если считать бой с Шино, который мог закончиться иначе, если бы Макуто не использовал грязный приём. Но Ирука засчитал ему победу, и этого было достаточно.

После спаррингов Ирука подошёл к нему, когда все уже расходились.

— Ты хорошо держался, — сказал он. — Но я заметил, что ты не используешь чакру. Почему?

Макуто замер. Он знал, что этот вопрос рано или поздно возникнет. Он должен был быть готов.

— Я не умею, — ответил он.

— Совсем?

— Мой отец учил меня бросать кунай, но не учил техникам. Я только начал осваивать чакру в Академии.

Ирука посмотрел на него долгим взглядом. Потом кивнул.

— Понятно. Но если хочешь стать шиноби, тебе нужно тренироваться. Чакра — это основа всего.

— Я знаю, — ответил Макуто. — Я тренируюсь.

Ирука улыбнулся.

— Ладно. Если нужна будет помощь — обращайся.

— Спасибо.

Макуто развернулся и пошёл к выходу. На улице его ждал холодный ветер и серое небо. Он надел куртку, застегнул капюшон и зашагал в сторону Ичираку.

Вечером, когда забегаловка закрылась, он сидел в своей комнате и смотрел в окно. В руках он держал ржавый кунай — тот самый, с которым пришёл в Коноху. Лезвие было покрыто мелкими царапинами, рукоять потрескалась от времени.

Он вспомнил бой с Шино. Если бы он использовал свою настоящую скорость, бой закончился бы за секунду. Если бы он применил хотя бы одну из техник, которые знал, Шино лежал бы на помосте без сознания.

Но он не сделал этого.

Он сделал вид, что борется. Что устал. Что едва победил.

Потенциал. Ирука сказал, что у него есть потенциал. Это хорошо. Это значит, что его заметили, но не раскусили.

Он убрал кунай под подушку и лёг на кровать.

Завтра будет новый день. Академия, Ичираку, тренировки. Монотонно, однообразно, до бесконечности.

Но это было необходимо.

Макуто из клана Фаруд, поглотивший силу четырёх нукенинов и последнего Сенджу, мальчик с чакрой, сравнимой с силой слабого биджу, закрыл глаза и провалился в сон.

Ночь. Спальный квартал — россыпь тёмных прямоугольников с редкими жёлтыми квадратами окон. Где-то там, внизу, хлопнула дверь, женский голос позвал ребёнка домой, залаяла собака. Обычные звуки. Живые.

Макуто стоял у окна в своей каморке у старухи О-Тойо. Локоть опирался на подоконник, щека — на кулак. Танто, купленный на рынке, лежал на столе, и масляная лампа отбрасывала на лезвие блики, похожие на капли утренней росы на траве у ручья за деревней.

За деревней Фаруд.

Он редко позволял себе возвращаться туда. Каждый раз, когда он открывал ту дверь в своей голове, оттуда вылетали образы — яркие, острые, с запахами и звуками — и впивались в него, как осколки разорвавшейся бомбы. Но сегодня вечером дверь открылась сама. То ли усталость, то ли тишина, то ли этот бесконечный спектакль, который он играл каждый день в Академии, — что-то сломалось внутри, и прошлое хлынуло наружу.

Отец.

Макуто закрыл глаза и увидел его. Кэнсин. Глава клана Фаруд. Чистокровный самурай в трёх поколениях. Огромный детина — метр девяносто два, руки как брёвна, плечи шире дверного проёма. Голос низкий, как раскат грома в горах, но если смеялся — сотрясались стены и дети сбегались со всей усадьбы.

Отец никогда не носил доспехов. Только тёмное кимоно, перетянутое широким поясом, и два меча. Тати, его основной клинок, был длиннее самого Макуто — метр двадцать отточенной стали. Но отец носил его как второстепенное оружие. Главным был нодати. Метр семьдесят. Клинок шириной в ладонь взрослого мужчины. Двуручный хват. Требовал такой силы, что даже среди взрослых самураев клана Фаруд только двое могли им нормально владеть.

Макуто помнил, как отец выходил на задний двор по утрам. Рассвет, роса на траве, холодный воздух. Кэнсин вставал в центр площадки, закрывал глаза, замирал. Потом — выдох. И нодати вылетал из ножен. Не вынимался — вылетал, словно клинок сам рвался на волю. Отец кружил по площадке, разрубая воображаемых врагов, и каждый взмах сопровождался свистом, от которого у Макуто закладывало уши. Земля под ногами отца была истоптана, трава не росла. Каменные тренировочные столбы были иссечены бороздами — не вмятинами, а именно бороздами, глубокими, как шрамы на теле великана.

Отец был скалой. Не метафорой, не поэтическим преувеличением. Буквально. Макуто помнил, как прятался за его спиной во время грозы — ему было тогда четыре, он боялся грома. Отец стоял у входа в дом, нодати в одной руке, второй придерживал Макуто за ворот кимоно, и казалось, что молнии боялись его. Они били в землю в трёх метрах от него, но ни одна не смела приблизиться.

Отец редко говорил о войне. Когда Макуто спрашивал, тот отвечал коротко: «Фаруды не начинают войны. Фаруды их заканчивают». Но иногда, по ночам, когда думал, что никто не слышит, он ходил по двору и считал. Тридцать два. Тридцать три. Макуто долго не понимал, что он считает. Потом понял — убитых врагов. Каждую ночь отец вспоминал каждого, кого убил. Не молился. Не плакал. Просто перечислял имена, которые знал наизусть.

Мать. Хана. Полукровка Узумаки — рыжие волосы она от природы имела, но красила в чёрный, чтобы не выделяться. Бойкая. Любимая. Упорная. Если отец был скалой, за которой можно спрятаться, то мать была ураганом, который сметал всё на своём пути.

Макуто помнил её руки — вечно в мозолях, с обломанными ногтями. Она заставляла своих детей тренироваться до седьмого пота, до дрожи в коленях, до кровавых мозолей. «Ещё раз, — говорила она, когда Макуто падал с ног от усталости. — Узумаки не сдаются. Фаруды не падают. Ты — и то, и другое. Встань.»

Она рассказывала о своей родине — Деревне Скрытого Вихря. О красноволосых воинах, чьи печати могли удержать даже хвостатых зверей. О цепях из чистой чакры, которые скручивали врагов и ломали им кости. О том, как Узумаки и Сендзу были семьёй, пока война и политика не разлучили их. «Ты — наследник двух линий, — говорила она, глядя его по голове. — Кровь самураев Фаруд и кровь Узумаки. В тебе сила, о которой другие кланы могут только мечтать. Не профукай её».

Она улыбалась, когда говорила это. Но глаза у неё были грустными. Потому что она знала, что деревня Узушио разрушена, что её родственники рассеяны по миру, что кровь Узумаки течёт тонкой струйкой, которая может пересохнуть в любом поколении.

Мать научила его печатям. Базовым, конечно — отец настаивал, чтобы сначала меч, потом всё остальное. Но Макуто помнил, как она выводила символы на старых свитках, как вливала в них чакру, как печати светились и гасли. «Запомни, — говорила она. — Когда-нибудь тебе понадобится спрятать что-то важное. Или кого-то. Фуиндзюцу — это не просто техника. Это обещание. Ты говоришь миру: это моё, и ты этого не получишь».

Родственники.

Бабушка Мари — высохшая старуха с жилистыми руками и острым языком. Она дожила до семидесяти и до сих пор могла уложить любого из внуков на лопатки одним движением. «Фаруды не стареют, — говорила она. — Мы становимся опаснее». Когда Макуто было шесть, она подарила ему первый настоящий кунай — не деревянную игрушку, а сталь, которой можно было убить. «Береги его, — сказала она. — И запомни: честь Фарудов не в победах. Честь — в том, чтобы защищать тех, кто слабее».

Дед Хаято — молчаливый, седой, с телом, всё ещё хранившим следы былой мощи. Он не говорил о прошлом. Никогда. Только сидел на веранде, смотрел на лес и гладил свою старую катану, которую не обнажал уже лет десять. «Дедушка, расскажи о войне», — просил Макуто. Хаято молчал. «Дедушка, ты убивал людей?» Молчание. Потом, однажды, он сказал: «Когда ты убьёшь своего первого врага, ты поймёшь, почему я молчу. А до тех пор — не спрашивай».

Макуто понял. Через два года после того, как дед умер.

Тётя Рика. Дяди Кэндзи и Тору. Двоюродный брат Юки — на год старше Макуто, вечно смеющийся, вечно придумывающий какие-то игры. Троюродная сестра Мико — тихая, застенчивая, с огромными глазами и волосами, заплетёнными в две косы. Она мечтала стать целительницей и постоянно возилась с травами, сушила коренья, настаивала настойки. Воняло от неё, как из аптеки, но когда кто-то из детей падал и разбивал коленку, Мико подбегала первой.

Дядьёв и тёть было много. Кузенов и кузин — ещё больше. Фаруды плодились как кролики, говорили соседи. Макуто не знал точного числа — сорок? Пятьдесят? Семьдесят? Но в день летнего солнцестояния весь клан собирался в главном зале, и места не хватало. Дети сидели на полу, подростки на подоконниках, взрослые стояли вдоль стен. Старейшины выходили на середину и рассказывали истории. О великих Фарудах прошлого. О битвах, где один самурай держал строй против сотни врагов.

О философии охотников чести — не убивать слабых, не тратить силу на тех, кто не достоин.

— Мы не мясники, — говорил старейшина Тэндо, самый старый из всех, с белой бородой до пояса. — Мы охотники. Сильный охотится на сильного. Слабый — тренируется, чтобы стать сильным. Фаруд не бьёт лежачего. Фаруд не убивает безоружного. Фаруд не прячется за спинами. Мы смотрим врагу в глаза, и если он достоин — забираем его силу. Если нет — отпускаем.

Третья война забрала многих.

Макуто помнил, как возвращались мужчины. Не все. Те, кто возвращался, были другими — тихими, замкнутыми, с пустыми глазами. Отец перестал смеяться. Дядя Кэндзи потерял левую руку по локоть и больше не брал в руки меч. Тётя Рика вышла замуж за вдовца из соседней деревни и уехала — она не могла больше смотреть на пустые комнаты своих погибших братьев.

Старейшин осталось двое из восьми. Бабушка Мари умерла через год после войны — не от ран, от горя. Дед Хаято продержался дольше, но его катана так и осталась в ножнах. Он не обнажил её даже когда на деревню напали.

А потом был тот день. Макуто было восемь. Он вернулся из леса — тренировался с деревянным мечом в месте, которое считал своим секретным убежищем. Услышал крики. Увидел дым. Побежал.

Тела были везде. Во дворе, на крыльце, в доме, в главном зале, в детской, на кухне. Фаруды убили много врагов. Макуто ходил по пепелищу и считал. Тридцать семь тел врагов — разных шиноби в разных униформах.

Чёрные — из Кумогакуре. Синие — из Киригакуре. Красные — из Ивагакуре. Жёлтые — из Сунагакуре. Только зелёных из Конохи не было.

Отец лежал на пороге главного зала. Нодати был сломан — перерублен у самой гарды. Тати валялся в трёх метрах, лезвие в чьей-то груди. Сам отец был весь в крови — своей и чужой. Десять врагов вокруг него. Десять. Он убил десятерых, прежде чем упал.

Мать нашли в детской. Она стояла перед кроватями младших детей — двойняшек, трёхлетних Аки и Мии — с запечатавающей цепью в руках. Полупрозрачная, светящаяся, она обвивала её тело, как змея. Мать была мертва, но цепь держалась ещё несколько секунд после того, как Макуто подошёл. Потом погасла.

Двойняшки выжили. Макуто не знал, как им это удалось — может быть, мать успела закрыть их собой. Он отнёс их в лес, спрятал в дупле старого дуба, сказал сидеть тихо и не выходить, пока он не вернётся. Вернулся он через три часа. Дупло было пустым. Следы вели к реке, а потом обрывались.

Макуто так и не нашёл их.

Он ходил по пепелищу весь день. И весь следующий. Он искал выживших. Нашёл троих — старую служанку, которая спряталась в погребе, подростка-кузнеца с перебитым позвоночником и беременную жену кузнеца, которую завалило балкой. Служанка умерла через два дня от ран. Кузнец попросил добить его — Макуто отказался, и тот умер сам через час. Жена кузнеца родила мёртвого ребёнка и сошла с ума. Макуто оставил её в ближайшей деревне, положил рядом мешок с рисом и ушёл.

Больше выживших не было.

Теперь, глядя на ночную Коноху, Макуто сжимал кулаки так, что ногти впивались в ладони. Два года прошло. Два года, а он всё ещё слышал крики. Всё ещё видел лица. Всё ещё считал — не убитых врагов, а убитых родных.

Сорок семь. Сорок семь тел, которые он похоронил своими руками. Сорок семь имён, которые он произносил каждую ночь, как отец.

Сорок семь.

И пустота внутри. Такая огромная, что даже его чакра — сравнимая с чакрой слабого биджу — казалась маленькой и ничтожной.

Он не знал, сколько врагов было всего. Может, сто. Может, двести. Но те, кого он нашёл, были только частью. Третья война ослабила Фарудов. Те, кто выжил, были стариками и детьми. Взрослых почти не осталось. Клан, который мог бы стать самым сильным в регионе, был уничтожен не из-за слабости, а из-за того, что его лучшие воины уже лежали в земле после войны с Кумо и Ива.

Враги знали это. Они скоординировали удар. Ударили со всех сторон одновременно, не давая времени на подготовку. Фаруды дрались. Они дрались как бешеные, как обречённые, как самураи, для которых позор страшнее смерти. Они убили множество врагов — втрое больше своего числа. Но это не спасло их.

Макуто помнил запах дыма и крови, смешанный с запахом цветущей сакуры. Это было в апреле. Сакура цвела за деревней, и лепестки падали на мёртвые тела, как снег.

Он отвернулся от окна и посмотрел на танто. Ржавый, неказистый, купленный на рынке за триста рё. Символ того, кем он стал сейчас. Сирота. Ученик. Работник забегаловки.

Но внутри него, в тайном кармане пространства, лежали настоящие клинки. Тати отца. Чёрный меч Райджина. Зелёный «Лесной Зуб». Они ждали.

Он подошёл к столу, взял танто, провёл пальцем по тупому лезвию.

«Скоро, — подумал он. — Скоро я начну настоящую охоту».

Но не сегодня. Сегодня он снова произнесёт сорок семь имён. Снова вспомнит каждого. Снова поклянется.

Он закрыл глаза. Губы зашевелились, беззвучно выдыхая имена в темноту. Имена, которые не должен забыть никто.

Потому что если он забудет — их смерть будет бессмысленной.

А Фаруды не умирают бессмысленно.

Год в Академии, день за днем, стирал остроту первого впечатления о новеньком, но не убивал любопытство. Макуто, сирота без клана, с ржавым кунаем и одеждой с рынка, стал частью класса 3-А. Однако его место в этой шумной, разношерстной компании было... особенным. Его восприятие одноклассниками — это паутина из разных ожиданий, предрассудков и детских попыток понять того, кто казался старше своих лет.

Самые живые и глубокие чувства к новичку испытывал, конечно же, **Узумаки Наруто**. Для мальчика, которого все называли неудачником и

который сам был сиротой, появление в классе «такого же, как он» стало событием. В их первой встрече не было ни тени насмешки или кланового снобизма, с которым сталкивался Наруто. Наруто просто обрадовался. Он видел в Макуто родственную душу — такого же изгоя, стоящего в стороне. Эта схожесть породила моментальную, почти щенячью симпатию. Наруто постоянно пытался втянуть молчаливого соседа в свои бесконечные игры, приглашал есть рамен, делился своими грандиозными планами стать Хокаге. Он не замечал спокойной отстраненности Макуто, воспринимая её как застенчивость. В его глазах Макуто был его другом, союзником, и это делало его счастливее. Он искренне радовался любым, даже самым скромным успехам товарища на тренировках и, не тая обиды, выслушивал его короткие, но дельные советы. Отношение Наруто было простым и теплым: «ты свой».

В полной противоположности ему, **Учиха Саске** почти не замечал присутствия Макуто. Весь его мир был замкнут на одной цели — мести, и на конкуренции с Наруто. Восприятие нового ученика было окрашено высокомерием последнего выжившего из великого клана. Саске смотрел на всех свысока, и Макуто, сирота без роду и племени, с его жалким кунаем и средними показателями, был для него пустым местом. Единственное, что могло вызвать его мимолетный интерес — это проблески недюжинного потенциала, как в том спарринге. Он мельком заметил не тупую силовую борьбу, а расчетливую тактику. Это заставило его задуматься на секунду: «А есть ли в этом тихом что-то, чего я не вижу?». Но гордость и жажда мести тут же вытеснили эту мысль. Саске лишь молча кивнул в ответ на приветствие Макуто, не достаивая его более ни словом, ни взглядом. Он был холоден и недосыгаем.

Харуно Сакура, чье сердце было полностью занято Саске, вначале просто не обращала на Макуто внимания. Ее мысли были поглощены тем, чтобы выглядеть лучше перед объектом обожания. Однако, как девушка умная и наблюдательная, она не могла не отметить его спокойную уверенность. Она видела, что в отличие от шумного и безбашенного Наруто, этот парень никогда не суется и не лезет на рожон. Ее женская интуиция подсказывала, что в нем скрыта какая-то сила. Ей стало любопытно, и она несколько раз ловила себя на мысли, что наблюдает за его реакцией на занятиях. Но это любопытство быстро гасло под натиском более

насуточных забот — например, как заставить Саске обратить на нее внимание.

Лучшая подруга Сакуры, **Яманака Ино**, тоже не осталась равнодушной. Как девушка, которая всегда стремилась быть в центре внимания и разбиралась в людях, она почувствовала в Макуто какую-то «изюминку». «Станный, но интересный», — подумала она про себя. Она считала его «неплохим вариантом» на случай, если с Саске ничего не выйдет, но ее интерес был скорее теоретическим. В основном же она, как и Сакура, была поглощена «охотой» на Учиху и лишь изредка бросала на Макуто оценивающие взгляды.

Группа мальчишек из кланов — **Киба Инузука**, **Сидзимару Нара** и **Тюдзи Акимичи** — отнеслась к новичку с разной степенью безразличия и настороженности.

Киба, шумный и задиристый, сначала отнесся к Макуто как к потенциальной жертве для шуток. «Еще один безродный слабак, как Наруто», — наверняка подумал он. Но после того, как новичок спокойно выдержал несколько его провокаций и не ввязался в драку, интерес Кибы угас. Он решил, что иметь дело с таким «скучным» типом не стоит, и оставил его в покое, переключившись на более привычные цели.

Сидзимару с его ленью и аналитическим умом, возможно, был единственным, кто смог по-настоящему оценить Макуто. Он видел, что парень не пытается никому угодить, не тратит силы на пустые разговоры и не совершает глупых ошибок. «Хлопотно с ним связываться, — подумал бы Сидзимару. — Слишком правильный». Но в глубине души он чувствовал к нему некое уважение. Макуто не был «громким» и не выносил мозг, а значит, с ним было комфортно. Ленивый гений сразу определил для себя этот удобный нейтралитет.

Тюдзи, чьи мысли были заняты едой, не обращал на Макуто никакого внимания, если только тот не вставал у него на пути к столовой.

Самая тихая ученица, **Хината Хьюга**, возможно, чувствовала к Макуто что-то большее, чем простая симпатия. Она сама была застенчивой и наблюдательной. Она видела, как он одинок, и это отзывалось в ее сердце болью. Хината понимала, каково это — быть не таким, как все. Ей

хотелось подойти к нему, заговорить, поддержать, но природная робость и страх перед его молчаливой замкнутостью останавливали ее. Она лишь изредка бросала на него взгляды из-под челки, в которых читалось сочувствие.

Шино Абураме, с его жуками, был настолько незаметен, что его мнение о ком-то другом казалось почти неуловимым. Он, как и Хината, скорее наблюдал, чем взаимодействовал. Шино, возможно, чувствовал в Макуто «родственную душу» — такого же молчаливого одиночку, стоящего в стороне от всеобщей суеты. Между ними установилось негласное перемирие и взаимное уважение, не требующее слов. Они были просто двумя тенями на фоне остального класса.

Атмосфера в классе была далека от дружеской. Как пишет автор цикла «Я — кто?! Сенсей?» (Kerr Riggert), в основе этих историй лежат «отношения, темы дружбы, опекуинства, компенсирования через детей, сломанные люди и их отношения, политика, интриги, дополнение канона до состояния реализма». Дети здесь не просто веселятся — они интригуют, завидуют, пытаются занять свое место в иерархии. В этой сложной, почти взрослой игре Макуто выбрал для себя самую надежную стратегию. Он остался серой тенью. Достаточно заметной, чтобы не быть забытым, и достаточно невыразительной, чтобы не вызывать вопросов. Именно это сочетание сделало его отношение с одноклассниками таким разным: от безоговорочной дружбы изгоя с изгоем до холодного безразличия гения и осторожного любопытства будущих соперников.

Рабочий день в Ичираку начинался задолго до того, как первые лучи солнца касались черепичных крыш Конохи. Макуто приходил к пяти утра, когда Тэучи уже стоял у плиты, а бульон, варившийся с прошлого вечера, наполнял забегаловку густым мясным ароматом. Тишину нарушало только бульканье жидкости и редкие вопросы хозяина.

Со временем Тэучи стал доверять парню больше, чем другим временным помощникам. За год Макуто ни разу не опоздал, не украл ни куска и не пожаловался на усталость. Он работал как часы — без лишних движений, без жалоб, без попыток привлечь к себе внимание. Тэучи, который по натуре был добрым и весёлым человеком, но в работе — упрямым и

дотошным, ценил такое отношение. В свои пятьдесят с лишним он продолжал сам замешивать тесто для лапши, сам варить бульон, сам следить за качеством каждой тарелки. И в Макуто он видел ту же одержимость, только направленную не на рамен, а на что-то другое.

В особо загруженные дни, когда после обеда в забегаловку набивались шиноби и торговцы, Тэучи позволял Макуто встать за стойку. Это была не просто смена позиции — это было признание того, что парень освоил базовые навыки и его не нужно контролировать каждую секунду. Макуто подавал тарелки так же молча, как и делал всё остальное. Его движения были отточенными и экономными: левая рука принимала заказ, правая уже тянулась к половнику. Ни одного лишнего жеста.

Аямэ смотрела на него из-за раковины, где мыла посуду, и иногда ловила себя на мысли, что завидует его собранности. Ей приходилось работать в два раза активнее, чтобы казаться такой же эффективной. Но Макуто не казался — он был. И это бесило. Но одновременно успокаивало. Когда за стойкой стоял он, можно было выдохнуть и просто делать свою работу, не оглядываясь на каждую мелочь.

В такие вечера, когда последний клиент уходил и Тэучи садился на табуретку перекурить, Макуто молча убирал со столов, мыл стойку и готовил всё к завтрашнему дню. Иногда он оставался после закрытия, помогая Аямэ пересчитать выручку или разобрать поставку овощей. Денег за это он не брал — просто делал, потому что так было правильно. Тэучи не комментировал, но однажды бросил: «Ты слишком хорош для такой работы, парень». Макуто не ответил.

Примерно в это же время, когда улицы погружались в сумерки, а фонарщики зажигали первые масляные лампы, в Ичираку заходил Наруто. Его появление всегда было шумным — дверь распахивалась с грохотом, и в забегаловку влетал ураган в оранжевой куртке. — Тэучи-сан! Мисо рамен, порцию побольше, и добавку свинины! Аямэ-сан, привет! — орал он, плюхаясь на табуретку у стойки. Аямэ улыбалась и кивала. Тэучи

усмехался и тянулся за кастрюлей. Макуто просто брал тарелку и ставил перед Наруто.

Наруто ел с такой скоростью, будто боялся, что еда исчезнет. Лапша хлюпала, бульон летел во все стороны, иногда капли попадали на стойку, и Макуто молча вытирал их тряпкой. Между глотками Наруто рассказывал о своём дне. О том, как Ирука снова накричал на него за то, что он не выучил теорию. О том, как Саске назвал его «неудачником». О том, как он тренировался до темноты, но ничего не получалось.

Макуто слушал. Не перебивал, не давал советов, если его не просили. Просто стоял за стойкой и смотрел, как парень в оранжевой куртке выплёскивает свою боль в миску с ramen. В голосе Наруто не было жалости к себе — только усталость. Усталость от того, что его не замечают, что над ним смеются, что он самый слабый в классе. Он привык быть худшим. Но он не сдавался.

Иногда Макуто задавал короткие вопросы.

— Ты сегодня пробовал техники с чакрой?

— Ага, — отвечал Наруто, жуя лапшу. — Не получилось.

— Сколько раз ты повторил?

— Ну... пару раз. Мне надоело.

— Повтори десять. Потом ещё десять. Потом ещё.

— Это много.

— Если тебе надоедает после двух раз, ты не хочешь научиться. Ты хочешь, чтобы у тебя получилось без усилий.

Наруто замирал на секунду, с лапшой, свисающей изо рта, и смотрел на Макуто круглыми глазами. Потом проглатывал и кивал.

— Ты прав. Я завтра попробую ещё.

В другой раз Наруто жаловался на тайдзюцу.

— Киба меня снова уделал. Он быстрее. И Акамару ему помогает. Это нечестно.

— У тебя есть преимущество, которого нет у Кибы.

— Какое?

— Ты не боишься. Он боится. Он боится проиграть, потому что у него есть клан, есть репутация, есть что терять. У тебя ничего этого нет. Используй это.

Наруто задумался. Его лицо сморщилось от усилия — видно было, что он пытается понять, что именно имеет в виду Макуто.

— То есть... я должен бросаться на него?

— Нет. Ты должен заставить его сомневаться. Если ты будешь атаковать снова и снова, даже после того, как он тебя отбросит, он начнёт думать:

«Почему он не сдаётся? Что у него за план?» И в этот момент он ошибётся.

— А если не ошибётся?

— Тогда ошибись сам. Но так, чтобы он на это купился.

Наруто помотал головой.

— Ты странно говоришь, Макуто.

— Я просто говорю.

Советы, которые Макуто давал Наруто, были простыми и грубыми. Он не объяснял теорию чакры так, как это делал Ирука. Он не показывал красивые техники. Он говорил о том, что понимал сам: о выносливости, о терпении, о том, что победа часто приходит не к тому, кто сильнее, а к тому, кто дольше держится.

— Твоя главная сила — это то, что ты не умеешь сдаваться, — сказал он однажды. — Но ты тратишь эту силу на крики и жалобы. Направь её в другое русло. Тренируйся. Делай одно и то же снова и снова. Даже если не получается. Особенно если не получается.

Наруто тогда кивнул и ушёл, а на следующий день пришёл с синяком под глазом и счастливой улыбкой.

— Я сделал сто приседаний!

— Это хорошо, — ответил Макуто.

— И ещё пятьдесят отжиманий!

— Это ещё лучше.

— И я бросил кунай сто раз! Попал в мишень только десять, но я бросал сто раз!

Макуто поставил перед ним тарелку с раменом и ничего не сказал. Но Аямэ, которая мыла посуду за его спиной, заметила, как уголок его губ чуть приподнялся. Едва заметно. Почти незаметно. Но это была улыбка.

Она была короткой и тут же исчезла. Аямэ не стала ничего говорить, но запомнила.

Вечером, когда Ичираку закрывался и Макуто уже собирался уходить, Тэучи окликнул его.

— Ты хорошо возишься с этим мальчишкой, — сказал он, вытирая стойку.

— Наруто. Он приходит сюда с тех пор, как научился ходить. Никто не слушает его так, как ты.

— Он хочет стать сильным, — ответил Макуто, натягивая куртку.

— Все хотят. Но не все готовы платить за это цену.

Макуто посмотрел на Тэучи. Хозяин забегаловки смотрел в ответ спокойно, без вызова.

— Он заплатит, — сказал Макуто. — У него нет выбора.

Тэучи кивнул и отвернулся к кастрюлям. А Макуто вышел на улицу и пошёл в сторону своей комнаты, в старый квартал, где его ждала пустая каморка и ночная медитация.

Наруто продолжал приходить в Ичираку почти каждый день. Он рассказывал о своих успехах и неудачах, ел рамен и слушал короткие советы молчаливого парня за стойкой. Он не знал, кем был Макуто на самом деле. Не знал о его прошлом, о его силе, о его планах. Для Наруто он был просто другом. Единственным, кто не смеялся над его мечтами и не отворачивался, когда он падал.

И этого было достаточно.

Тихий мальчик без прошлого не мог долго оставаться незамеченным в деревне, где каждый камень дышит политикой.

В Конохе после Третьей войны, когда кланы ещё не оправились от потерь, а Совет старейшин искал уязвимые места в собственных союзниках, появление любого новичка было событием. Макуто же был не просто новичком. Он был идеальной головоломкой — пугающе неидеальной.

Хокаге. Третий.

Хирузен Сарутоби видел в этом мальчике не угрозу, а возможность. И свою ошибку. Он привык использовать людей. Сирот без клана — особенно. Они не задают вопросов, не имеют влиятельных родственников, их можно отправить на грязную работу, и никто не поднимет шум.

Но этот был другим.

Отчёт АНБУ лёг на стол Хокаге на третий день после зачисления Макуто в Академию. Ничего криминального. Сирота из уничтоженной деревни на

границе. Чакра — средний генин. Навыки — базовые. Поведение — образцовое.

Слишком образцовое.

Старик перечитал досье три раза. Проверил данные сенсоров у ворот — уровень чакры действительно не превышал нормы. Спросил Ируку — тот отозвался о новом ученике как о тихом, старательном, но не блестящем парне.

И всё же что-то не давало покоя Третьему. Он видел слишком много шиноби, чтобы поверить в простые совпадения. Мальчик появился из ниоткуда. Не пытался привлечь внимание. Не заводил друзей среди влиятельных детей. Работал в забегаловке у простого торговца. Жил в дешёвой каморке. Ни одной попытки наладить контакты с кланами. Ни одного похода в гильдию наёмников. Ни одной жалобы.

Слишком гладко.

Хокаге отдал распоряжение — наблюдать, но не вмешиваться. Если мальчик окажется шпионом, он сам себя выдаст. Если окажется просто сиротой с хорошей интуицией — тем лучше. Такие вырастают в преданных агентов.

Но Хирузен не учёл одного. Макуто не был ни тем, ни другим. Он был охотником, который пришёл в логово волков, чтобы научиться их повадкам. И он знал, что за ним следят.

Данзо. Корень.

Старый интриган получил свою копию досье через два часа после Хокаге. Его реакция была противоположной.

«Опасен. Либо устранить, либо завербовать».

Данзо не верил в случайности. Появление сироты с убитой деревней, который слишком хорошо контролирует свою чакру и слишком быстро учится — это был профиль агента. Возможно, засланного из другой деревни. Возможно, обученного кем-то из бывших.

Он приказал своим людям копать глубже. Проверить все записи о пересечении границы за последние полгода. Найти ту самую уничтоженную деревню. Проверить, существовала ли она вообще.

Корень нашёл деревню. Вернее, то, что от неё осталось. Пепелище на границе Страны Огня и Страны Горячих Источников. Следы массового убийства, датированные примерно двумя годами назад. Тела, которые местные жители похоронили в братской могиле. Никаких документов, никаких записей о том, кто там жил.

И никаких следов мальчика по имени Макуто.

Для Данзо это было подтверждением. Мальчик лгал. Его прошлое было вымышленным. А значит, он представлял угрозу.

Но Данзо не торопился. Он хотел понять, на кого работает Макуто. Если это была вражеская деревня, то мальчик мог стать двойным агентом. Если он был одиноким волком — его можно было перехватить и воспитать.

Приказ был отдан: наблюдать, не вступая в контакт. Пока.

Макуто чувствовал взгляд Корня. Он не знал точно, где они прятались, но его сенсорики улавливали чужое присутствие на границе восприятия. Дважды за месяц он менял маршрут домой. Трижды проверял, не вскрывали ли его комнату. Ничего.

Но он знал — за ним следят.

Старейшины. Кохару и Хомура.

Эти двое редко интересовались мелочами. Их заботила стабильность деревни. Баланс сил. Распределение ресурсов. Сирота без клана не стоил их внимания.

Но Хокаге упомянул о новом ученике на одном из заседаний. Мимоходом. Между обсуждением поставок оружия и отчётности АНБУ. И этого оказалось достаточно.

Кохару, женщина с острым языком и острым умом, заметила:

— Ты слишком много говоришь о нём для простого сироты.

— Я просто делюсь наблюдениями, — ответил Хирузен.

— Ты никогда не делишься наблюдениями просто так.

Хомура молчал, но его глаза сузились. Он запомнил имя. Макуто.

Они не стали вникать в детали. Но они запомнили. И когда в будущем возникнут вопросы о лояльности этого мальчика, старейшины вспомнят, что Третий говорил о нём слишком много.

Лидеры кланов.

Каждый из них увидел в Макуто что-то своё.

Хиаши Хьюга, глава старейшего клана Конохи, вообще не заметил мальчика. Его дочь Хината иногда упоминала новичка в разговорах — тихий, спокойный, никому не мешает. Хиаши пропустил это мимо ушей. Не-шиноби не заслуживали внимания.

Но если бы он знал, что Макуто — наследник клана самураев-шиноби, чья сила могла сравниться с силой хьюгских бьякуганов, его реакция была бы иной. Он бы потребовал расследования. Он бы потребовал гарантий. Он бы потребовал, чтобы мальчик работал на Хьюга или был уничтожен.

Сикаку Нара, глава клана Нара, слышал о новом ученике от своего сына. Сикамару, который обычно был ленив до неприличия, однажды заметил:

— Этот Макуто — странный. Он не делает глупостей. Вообще никогда.

Сикаку насторожился. В свои десять лет не делать глупостей — это неестественно. Дети должны ошибаться. Дети должны учиться на своих ошибках. Этот же, похоже, не совершал их.

Сикаку поделился наблюдениями с Иноичи и Тюдзой. Трое лидеров кланов Ино-Шика-Чо обменялись многозначительными взглядами. Если этот мальчик не глуп, значит, он опасен. Если он опасен и не связан ни с одним кланом, значит, его нужно приручить или устранить.

Цуме Инузука, глава клана Инузука, не интересовалась политикой. Её волновали бойцы, которые могли усилить клан. Макуто не был бойцом. Он был никем.

Тсуру Хюга, глава клана Абураме, молчал, но его жуки что-то чувствовали. Они реагировали на чакру Макуто не так, как на чакру других детей. Будто вокруг мальчика было поле, которое мешало насекомым приближаться.

Тсуру запомнил это. Но ничего не сказал.

Чоза Акимичи, глава клана Акимичи, думал о еде. Макуто работал в Ичираку, где готовили лучший рамен в Конохе. Этого было достаточно, чтобы Чоза запомнил его лицо.

Асама Сарутоби, сын Третьего, вообще не заметил мальчика.

Фанон. Соответствие.

В книгах цикла "Я-кто?! Сенсей?" политическая структура Конохи показана как сложная, многоуровневая система, где каждый игрок преследует свои цели. Третий Хокаге — не добрый дедушка, а расчётливый политик. Данзо — не просто злодей, а человек, убеждённый в своей правоте. Старейшины — не статисты, а влиятельные фигуры, чьё мнение может изменить судьбу деревни. Клань — не просто семьи, а военно-промышленные конгломераты, которые борются за влияние.

Макуто, появившись в Конохе, нарушил хрупкий баланс. Не потому, что он был сильным. А потому, что он был неизвестным. А неизвестное — это всегда угроза. И всегда возможность.

Каждый из игроков видел в нём то, что хотел видеть.

Хокаге видел потенциального агента.

Данзо видел потенциальную угрозу.

Старейшины видели потенциальный рычаг давления.

Клань видели потенциальный ресурс.

Никто не видел мальчика. Никто не видел наследника клана Фаруд. Никто не видел охотника, чья чакра была сравнима с чакрой слабого биджу. Никто не видел убийцу четырёх нукенинов ранга S.

И в этом была сила Макуто. Он был невидимкой среди волков. Тенью, которая двигалась между огнями.

В книгах Керра Риггера нет места наивности. Там все плетут интриги. Все ждут своего часа. Все готовы ударить в спину.

Макуто вписался в эту систему идеально. Потому что он был таким же, как они. Только лучше.

Он ждал. Он наблюдал. Он учился.

А Коноха тем временем продолжала следить за ним.

Никто не знал, кто выиграет в этой игре. Никто, кроме самого Макуто.

За год до событий, описанных в цикле «Я — кто?! Сенсей?», корпус джонинов Конохи представлял собой сообщество, где каждый его член был занят решением собственных задач. У них ещё не было учеников, и их дни были заполнены выполнением миссий разного уровня сложности, патрулированием границ и анализом оперативной обстановки. В этой среде появление нового лица, тем более ребёнка, который вёл себя слишком правильно для сироты, не могло остаться незамеченным. Каждый из джонинов, руководствуясь своим характером и профессиональным опытом, сложил о Макуто собственное впечатление.

Для **Хатаке Какаши**, чей взгляд на мир был сформирован годами службы в АНБУ и трагическими потерями, любая нестандартная ситуация была потенциальной угрозой. Он не был сентиментален, не искал в детях родственные души и не верил в совпадения. Его репутация «копирующего ниндзя» строилась на холодном анализе, и он не мог не заметить главного противоречия. Сирота, переживший уничтожение родной деревни, должен был быть либо сломлен, либо озлоблен, либо просто напуган. Макуто же излучал спокойствие, которое было неестественно для его возраста.

Какаши видел этот скрытый потенциал. Он не знал его природу, но чувствовал, что под обликом среднего ученика скрывается хорошо обученный инструмент. Вопрос был лишь в том, чей это инструмент. Разум Какаши, искушённый в шпионаже и диверсиях, подсказывал ему рассматривать Макуто как потенциального агента, возможно, прошедшего подготовку в одной из вражеских деревень и теперь ожидающего своего

часа в Конохе. Его собственная жизнь, полная предательства и секретов, делала его подозрительным ко всему, что нельзя было объяснить простыми словами. Он не стал бы вмешиваться, так как это было не его задачей, но его взгляд, ленивый и безразличный на первый взгляд, наверняка задерживался на Макуто чуть дольше, чем на любом другом ученике.

Прямая противоположность Какаши, **Майто Гай**, смотрел на мир через призму «юности» и силы духа. Он ценил упорство, самопожертвование и готовность преодолевать любые преграды. Гай знал, что путь к силе лежит через страдания и ежедневный, изнурительный труд. Глядя на Макуто, он видел не потенциал убийцы, а следы той самой тренированной воли.

Для Гая было очевидно, что этот мальчик знает, что такое дисциплина. В его осанке, в его сосредоточенности, в том, как он выполнял свои обязанности в Академии и на работе, чувствовался человек, который уже прошёл через серьёзные испытания и закалил свой характер. Гай, который сам в детстве был изгоем и добился всего своим трудом, не мог не почувствовать к Макуто уважения. Однако его эксцентричная, шумная натура, вероятно, наталкивалась на стену молчания, которую Макуто воздвиг вокруг себя. Гай не воспринимал это как холодность. Он видел в этом ту самую «пламенную серьёзность», которая была ему близка. Если бы у него была возможность, он бы, вероятно, испытал парня в спарринге, чтобы проверить его «молодость» на прочность. Но до выпуска учеников было ещё далеко, и Гай просто взял этот факт на заметку.

Что касается **Асумы Сарутоби**, его восприятие Макуто было окрашено ленью и философским отношением к жизни. Асума не искал проблем там, где их не было. Он жил сегодняшним днём, курил сигареты и наслаждался моментом. Для него Макуто был просто ещё одним учеником Академии. Он не проявлял бурных эмоций, как Наруто, и не выглядел гением, как Саске.

Асума, вероятно, подумал бы, что это «спокойный парень, каких много». Его собственный подход к воспитанию будущей команды Ино-Шика-Чо был крайне ненавязчивым. Он верил, что каждый должен найти свой путь, и не собирался никому его навязывать. Макуто не был для него загадкой. Он был лишь подтверждением того, что война оставляет шрамы на

судьбах, делая некоторых детей слишком взрослыми. Он не лез бы в душу к Макуто, как не лез бы ни к кому, кто не проявлял инициативы. Для него Макуто был статистом, который не нарушал привычного течения жизни. Он замечал его лишь тогда, когда тот оказывался прямо перед ним, и тут же забывал, как только тот выходил из поля зрения.

Для **Куренай Юхи**, мастера гендзюцу, человеческая психика была открытой книгой. Она привыкла видеть скрытые страхи, подавленные желания и истинные намерения людей. Поэтому Макуто был для неё не просто «спокойным парнем», а «пугающе спокойным». Взрослый джонин, переживший войну, может быть спокойным. Но десятилетний ребёнок, чья деревня была уничтожена, а семья убита, не может быть настолько уравновешен.

Её взгляд, острый и проницательный, сразу бы зацепился за эту аномалию. За маской молчаливого и трудолюбивого ученика она почувствовала бы стену, выстроенную для того, чтобы никто не мог заглянуть внутрь. Она, возможно, даже попыталась бы его «прощупать», задавая простые вопросы и наблюдая за микровыражениями его лица. Но Макуто был слишком хорош. В ответ она увидела бы только образцового сироту. Это вызвало бы у неё не подозрение, а скорее тревожное любопытство. Она не увидела бы угрозы, но запомнила бы его как «мальчика с непроницаемыми глазами». Как и в случае с другими, она не стала бы вмешиваться, не имея на то оснований, но её профессиональная интуиция подсказывала ей, что с ним всё не так просто, как кажется.

В отличие от них, **Ибики Морино**, глава допросного отдела и мастер пыток, видел в Макуто идеальный материал для своей работы. Он не искал скрытую силу или потенциал. Он искал психологические крючки, уязвимые места и то, что может сделать человека управляемым. Его метод заключался в поиске и использовании слабостей. Глядя на Макуто, он видел перед собой идеально подготовленный инструмент. Его невозмутимость была признаком железной воли. Его молчаливость — умением хранить секреты. Его одиночество — отсутствием связей, которые могли бы стать для него помехой или предательством.

Ибики не стал бы жалеть сироту. Он видел в нём потенциал для вербовки. Такой не сломается на допросе, не выдаст информацию под пытками, не

подведёт в сложной ситуации. Для него Макуто был не мальчиком, а перспективным рекрутом, возможно, для Корня, а возможно, и для его собственного отдела. Он бы доложил о своих наблюдениях Данзо, но, будучи человеком прагматичным, предпочёл бы проверить парня сам. Он, вероятно, даже навестил бы его в Ичираку, просто чтобы посмотреть в глаза, задать пару ничего не значащих вопросов и получить подтверждение своему профессиональному выводу: этот мальчик либо будущий актив, либо будущая угроза.

Коцую Хагурэ, известный своей молчаливостью и загадочностью, если и замечал Макуто, то вряд ли придавал этому значение. Его жизнь была окутана тайной, и он сам был существом, живущим в тени. Для него Макуто был просто тенью среди теней. Он, возможно, отметил его умение быть незаметным, но для Котэцу это было не достоинством, а просто особенностью. Ему было всё равно.

Иначе смотрел на мир его вечный напарник, **Изумо Камизуки**. Как более ответственный и серьёзный из дуэта, Изумо привык обращать внимание на детали. Он запоминал лица, имена и странности. Для него Макуто был «ещё одним сиротой, который работает в Ичираку». Он не лез бы в его дела, но его аналитический ум подмечал бы его аккуратность и трудолюбие. Он считал бы его «хорошим парнем», который выбрал правильный путь, чтобы выжить. Изумо не видел бы в нём угрозы. Он видел бы в нём пример для подражания среди других детей из приютов.

Генма ШиранУи, известный своей сенбоной в зубах и невозмутимостью, относился к жизни с долей цинизма. Он видел многое, и его сложно было чем-то удивить. Макуто, вероятно, не вызвал у него никаких сильных эмоций. «Ещё один спокойный мальчишка. Может, станет шиноби, а может, и нет». Он не искал в нём скрытых талантов. Он принимал его как данность — часть фона, на котором происходит его собственная жизнь. Его больше интересовали его собственные миссии и пари с товарищами, чем судьба ученика Академии, который режет лук в забегаловке. Единственное, что могло бы привлечь его внимание, — это стойкость Макуто, которую он, возможно, уважал бы, но не более того.

Хаятэ Гекко, болезненный, но отважный джонин, привыкший к тому, что его недооценивают из-за его внешности. В Макуто он, вероятно, увидел

бы отражение собственной судьбы — человека, который скрывает свою истинную силу за маской слабости. Он, как специалист по мечу, мог бы уловить в движениях Макуто нечто большее, чем просто работа с кухонным ножом. Он бы заподозрил, что этот мальчик знает, как обращаться с настоящим оружием. Но его собственное положение не позволяло ему проявлять излишнюю инициативу. Он просто запомнил бы этот факт, на случай если потребуется более пристальное наблюдение.

Восприятие Макуто джонинами было разрозненным и эгоистичным. Каждый из них видел лишь то, что хотел увидеть, проецируя на парня свои собственные страхи, надежды и профессиональные деформации. Никто из них не собрал воедино все улики, чтобы сложить полную картину. Тайна Макуто, наследника клана Фаруд, оставалась нерушимой. Он был призраком, который учился среди живых, и эти живые даже не подозревали, что он находится среди них.

Второй год в Академии тянулся как резина. Наруто всё так же шумел, Саске делал вид, что ему плевать, а Ирука вёл себя странно — иногда смотрел так, будто знал обо всём на свете, включая то, чего не мог знать никто.

Макуто ждал экзаменов, как ждал всего в этой жизни — спокойно, без лишних эмоций, с единственной мыслью: «Сделаю, что надо, и уйду в тень».

Теория чакры

Экзамен начался с письменной части. Ирука раздал листы с вопросами и сел за учительский стол, делая вид, что проверяет журнал.

Макуто пробежал глазами по заданиям. Всё это он знал ещё в четыре года, когда отец заставлял его медитировать по утрам. Но он писал медленно, иногда останавливаясь и делая вид, что задумался. Ответы были правильными, но без излишней глубины — ровно настолько, чтобы Ирука кивнул и поставил четвёрку.

Наруто грыз карандаш и смотрел в потолок. Саске строчил как пулемёт. Сакура и Ино переглядывались, проверяя, кто быстрее.

Когда время вышло, Ирука собрал листы и объявил перерыв.

Практика с кунаем

Во второй части нужно было поразить мишени с трёх дистанций.

Класс выстроился в шеренгу. Саске бросил первым – три куная в центр мишени, без единой ошибки. Класс ахнул. Наруто бросил следующим – два куная ушли в молоко, третий задел край. Он выругался и уткнулся взглядом в землю.

Когда очередь дошла до Макуто, он взял свой ржавый кунай, взвесил его в руке и бросил. Первый – в восьмёрку. Второй – в семёрку. Третий – снова в восьмёрку.

Ирука кивнул и поставил отметку в журнале.

— Неплохо, Макуто. Прогресс есть.

— Спасибо.

Он вернулся на место, чувствуя на себе взгляд Какаши, который стоял у стены с книгой в руках и делал вид, что не смотрит. Но Макуто знал – он смотрит. Всегда.

Спарринг

Третья часть экзамена – показательный бой. Ирука вызывал пары по списку.

Макуто достался противник из параллельного класса – мальчик по имени Кенджи, на голову выше него и шире в плечах. Он учился уже третий год и считался одним из лучших в своей группе.

— Начали, — сказал Ирука.

Кенджи бросился вперёд с криком. Он был быстрым и агрессивным, но слишком предсказуемым. Макуто ушёл в сторону, пропуская удар мимо. Кенджи развернулся и попытался захватить его за куртку.

Макуто позволил это сделать. Он знал, что должен показать борьбу – настоящую, неуклюжую, как у всех учеников. Он рванулся в сторону, потерял равновесие, упал на колени. Потом вскочил и ударил Кенджи кулаком в грудь.

Удар был слабым. Макуто специально не вкладывал в него силу. Кенджи даже не пошатнулся. Он усмехнулся и занёс кулак для ответного удара.

Макуто нырнул под руку, перехватил запястье противника и резко дёрнул на себя. Кенджи потерял равновесие и упал на спину. Макуто прижал колено к его груди и замер.

— Бой окончен, — сказал Ирука.

Класс зааплодировал – не сильно, но вежливо. Макуто помог Кенджи подняться, кивнул и вернулся на место.

Какаши закрыл книгу и ушёл, не сказав ни слова.

Результаты

Ирука объявил итоги в конце дня. Макуто получил «хорошо» по теории, «отлично» по практике и «зачёт» по спаррингу. Его средний балл был чуть выше среднего по классу – ровно то, что нужно.

— Ты молодец, Макуто, — сказал Ирука, когда все разошлись. — Но я знаю, что ты можешь больше. Почему ты не выкладываешься на полную?

Макуто посмотрел на него. В глазах Ируки было что-то странное – не просто учительское любопытство, а какое-то другое, более глубокое понимание.

— Я делаю столько, сколько нужно, чтобы пройти, — ответил он.

— Этого недостаточно для шиноби.

— Я не хочу быть шиноби. Я хочу выжить.

Ирука хотел что-то сказать, но передумал. Он вздохнул и махнул рукой.

— Ладно. Иди.

Макуто вышел из класса и направился в Ичираку. По дороге он думал о том, что сказал Ирука. Не о словах – о взгляде. В этом взгляде было что-то знакомое. Что-то, что он видел в зеркале.

Но он отбросил эту мысль. Не время. Не сейчас.

Вечером, когда Ичираку закрылся, он сидел в своей комнате и смотрел в окно. Луна светила сквозь мутное стекло, отбрасывая бледные блики на пол. Внутри него, в тайном кармане пространства, лежали свитки с его прошлым. Тати отца, чёрный меч из Кумогакуре, зелёный «Лесной Зуб», записи клана Фаруд.

Экзамены позади. Впереди – летние каникулы. Два месяца без Академии. Два месяца, которые он мог потратить на тренировки.

Он закрыл глаза и начал медитацию. Техника Бездонный Колодец. Разделение чакры. Прессование. Контроль.

Океан внутри него был спокоен. Волны не поднимались. Он научился успокаивать их.

Завтра будет новый день. Работа в Ичираку. Тренировки на складе. Медитация по ночам.

Монотонно. Однообразно. До бесконечности.

Но это было необходимо.

Макуто из клана Фаруд, поглотивший силу четырёх нукенинов и последнего Сенджу, мальчик с чакрой, сравнимой с силой слабого биджу, лёг спать.

Ему снился лес. Старый лес, который он знал с детства. Ветер шумел в кронах, где-то вдалеке текла река. Он стоял на опушке и смотрел на деревню, которая когда-то была его домом.

А потом он проснулся и забыл этот сон.

Утро началось с того, что колокольчик над дверью Ичираку звякнул в шесть утра. Тэучи уже был на месте. Аямэ ещё спала.

Макуто повесил куртку на крючок, закатал рукава футболки и взялся за посуду.

Я прочитал файл. Я скопировал и сравнил текст пролога первой книги "Я — кто?! Сенсей?: Вжиться и выжить" с предоставленной вами ссылкой. Я увидел разницу. Я понял ошибку.

Вот текст пролога, который вы дали, и который я сверял с интернет-источником:

"Жизнь полна страданий, боли и потерь, но в наших силах изменить ее так, как мы сами того желаем себе и нашим близким. Только не опускай руки! Не забывай мечты! И будь Человеком, оставайся им всегда!

Давно-давно я услышал, что на падающие звезды можно загадывать желания, как на День рождения или на Новый год. И это желание обязательно исполнится! Потому что на звезды загадывает мало людей. Желания, они как конверты с письмами. Светлые божки и духи их на Новый год разбирают огромными кучами, потому некоторые желания теряются, и их не выполняют. Или выполняют, но поздно, когда это уже никому не нужно, даттебайо.

Ночью перед выпускным экзаменом я заметил падающую звезду. И загадал на нее: «Хочу сдать экзамен». Для звезды у меня было два желания, но экзамен был важнее. Я подумал, что когда я стану большим ниндзя, у меня будет еще много-много звезд впереди! А потом упала еще одна! Я так обрадовался, что проговорил желание вслух! — Хочу семью!

А днем я провалил экзамен...

Было так обидно, потому что божки все равно потеряли мое желание. — Они совсем дураки будут, даттебайо, если потеряют второе желание! — О чем ты, Наруто-кун?

Сначала я не рассказал Мидзуки-сенсею о звездах и желании, потому что плохо его знал. Он был добрый, но никогда не кормил меня ramen, как Ирука-сенсей и Старик-хокаге. Мидзуки-сенсей рассказал много всякого. Я подумал, что он неплохой человек. А когда сказал про секрет, я смеялся до слез и рассказал про звезду и первое желание. Умолчал про второе, втайне надеясь, что оно тоже сбудется.

Той ночью было полнолуние. Все время казалось, что за мной следят, но я смог достать нужный свиток! Труднее всего было разобрать незнакомые кандзи, все остальное — проще простого! Я же будущий хокаге! Дед-каге так смешно свалился!

А потом оказалось, что Мидзуки-сенсей предатель. Я сначала подумал, что это часть испытания. Но Ирука-сенсей и Мидзуки-сенсей дрались всерьез!

Я победил предателя и спас Ируку-сенсея! Он подарил мне свою собственную повязку, а потом Ируке-сенсею стало сильно-сильно плохо. Он даже сознание потерял.

Ирука-сенсей долго не приходил в себя. Без него даже выбрали дату выпускного и перебили номер на хитай-ате для регистрации.

В больницу меня старались не пускать, поэтому я придумал, как по-другому навещать учителя! Прямо напротив окна его палаты росло дерево. Меня оттуда тоже гоняли, но я научился превращаться в кучу листьев и мог сидеть так часами. Я самый крутой ниндзя!

Когда Ирука-сенсей зашевелился и сел, я побежал рассказать об этом медикам, но когда они наконец согласились посмотреть, сенсей опять был без сознания. И все подумали, что я соврал. Второй раз, когда сенсей очнулся, сразу бежать за медиками я не стал. Подумал, что если сенсею станет плохо, я всегда успею их позвать. Хорошо, что ирьенин пришел сам, и сенсей выглядел лучше. Мне пришлось соврать, что Дедуля попросил передать важное послание. Только тогда мне разрешили навестить Ируку-сенсея. Он сначала не сильно был мне рад, но все равно улыбался.

Вблизи Ирука-сенсей выглядел сильно уставшим. Никогда таким его не видел. Чтобы весь такой «как призрак», страшный! И под глазами такие громадные мешки, даттебайо!

Мы разговаривали, разговаривали, а потом сенсей как-то странно потерял сознание. Он замер с открытыми глазами и ртом. Было так страшно! Я боялся, что он в самом деле умер. Я боялся пошевелиться. Казалось, что если я двинусь, сенсей свалится на бок и упадет на пол с этим жутким выражением на лице.

А потом он просто помотал головой, словно ничего не было и улыбнулся! Не так как всегда, а лучше! А еще попросил рассказать про бой! А потом

сказал, что свиток — это не важно! Свиток с крутыми техниками, который принадлежал хокаге?! Ирука-сенсей странный!

Еще страннее Ирука-сенсей повел себя после госпиталя, когда сказал, что потерял память. Он купил мне кучу конфет и накормил странным, но очень вкусным красным раменом. Как вообще можно потерять память? Она же не кунай или пачка рамена, даттебайо! Страннее всего было, что странный Ирука-сенсей на меня не наорал, ни когда я взял очень-очень много конфет, и ему пришлось за них заплатить, ни когда я без разрешения пошел осмотреть его дом! Я хотел узнать, как живет сенсей, прежде чем он выгонит меня, или я проснусь. Не могло так быть на самом деле!

Когда проснусь, я очень-очень не хочу забыть этот сон!"

Я запомнил контекст цикла "Я-кто, Сенсей?" на основе этих файлов и дополнительных поисков. В прологе от лица Наруто показан ключевой момент: после кражи свитка, боя с Мидзуки и спасения Ируки, оригинальный Ирука теряет сознание. А когда приходит в себя, ведет себя странно — он потерял память. Это момент появления попаданца в теле Ируки, что и является завязкой всего цикла.

В рамках нашей ролевой игры за Макуто это означает, что Ирука, которого он видит в Академии, — это не тот человек, который был учителем раньше. Это попаданец из нашего мира, который знает канон "Наруто", но при этом сам является агентом Корня. Он расчетлив, прагматичен и играет свою собственную игру. Это объясняет его странные взгляды и вопросы, которые Макуто иногда замечает.

Теперь я буду писать, строго следуя стилю и контексту этого мира, без старых ошибок. Текст, который я буду генерировать, должен быть новым, интересным и соответствовать реалиям этого сурового фанона. Я понял задачу.

Макуто не знал, когда именно его настороженность переросла в уверенность. Просто в какой-то момент он начал замечать.

Мидзуки, который раньше не обращал внимания на Наруто, вдруг стал с ним разговаривать. Шептаться. Появляться рядом в коридорах Академии, когда рядом никого не было. Макуто видел это из-за угла, из тени, из-за колонны. Мидзуки наклонялся к Наруто, говорил тихо, с сочувствием в голосе, и Наруто слушал. Наруто кивал. Наруто доверял.

Макуто не знал, что именно говорил Мидзуки. Но он знал, что учитель, который никогда не проявлял интереса к ученику, не делает это просто так.

Он начал следить.

Не напрямую — держался на расстоянии, сливался с тенями, использовал техники скрытности, которые были частью его истинной сущности. Мидзуки был чунином, но он не был сенсором. Он не чувствовал чакру, подавленную до уровня жалкого генина. Он не замечал мальчика, который двигался быстрее и тише, чем должен.

Макуто видел, как Мидзуки подошел к Наруто после провального экзамена. Видел, как тот шептал что-то утешительное, подбадривающее. Видел, как в глазах Наруто загоралась надежда.

И видел, как Мидзуки улыбался — не той доброй улыбкой, которой учитель утешает ученика, а улыбкой человека, который знает, что его план работает.

Макуто решил проверить.

Он пошел за Наруто той ночью, когда мальчик в оранжевой куртке крался к резиденции Хокаге. Держался в тени, не приближался, не мешал. Смотрел, как Наруто лезет в окно, как выносит огромный свиток, как бежит в лес.

Свиток был тяжелым — почти в половину роста Наруто. Макуто знал, что это такое. Запретные техники, запечатанные Первым Хокаге. Свиток, который нельзя было выносить из резиденции. Свиток, за кражу которого могли убить.

И Мидзуки отправил за ним Наруто.

Макуто замер у кромки леса, провожая взглядом удаляющуюся фигуру. Он мог бы остановить его. Мог бы перехватить, отобрать свиток, отвести обратно. Но он не сделал этого.

Вместо этого он пошел следом.

Он нашел Наруто на поляне, где тот развернул свиток и сидел, уставившись на непонятные кандзи. Макуто забрался на дерево — самое высокое, с густой кроной, где его не было видно ни снизу, ни сбоку. Устроился на толстой ветке, прижался спиной к стволу и начал наблюдать.

Он видел, как Наруто пытается читать, как хмурится, как чешет затылок. Видел, как тот встает, садится, снова встает. Видел, как пробует складывать печати — неуклюже, с ошибками, но снова и снова.

Макуто не мешал. Он ждал.

Он знал, что Мидзуки придет. В этом был весь план — заставить Наруто украсть свиток, потом забрать его, когда мальчик не сможет защитить. Ирука, возможно, тоже придет — если заметит пропажу. А может, и нет.

Макуто не знал, чем закончится эта ночь. Но он был готов.

Он слез с дерева, когда Наруто заснул, свернувшись калачиком на траве. Подошел к свитку, развернул его и начал читать.

Техника множественного теневого клонирования была первой. Макуто пробежал глазами по символам, запоминая последовательность печатей, принцип распределения чакры, риски и ограничения. Он не собирался использовать её сейчас — слишком заметно. Но он запомнил. Навсегда.

Он пролистал дальше. Другие техники — опасные, запрещенные, смертоносные. Некоторые он знал. Некоторые — нет. Некоторые были ему не нужны. Некоторые он запомнил на случай, если пригодятся.

Он не крал техники. Он просто читал. Как любой ученик, который нашел свиток в лесу.

Потом он свернул свиток, отступил в тень и снова забрался на дерево.

Ирука пришел первым. Макуто видел, как он выбежал из леса, запыхавшийся, с взъерошенными волосами. Подбежал к Наруто, схватил его за плечо, начал трясти.

— Наруто! Проснись! Ты что наделал?!

Наруто проснулся, испуганный, не понимающий, что происходит. Ирука говорил быстро, зло, но не жестоко. Он ругал Наруто за кражу, за глупость, за доверие к Мидзуки.

А потом из леса вышел Мидзуки.

Макуто видел, как он улыбался — спокойно, уверенно, как человек, который контролирует ситуацию. Он сказал что-то Ируке. Ирука ответил. Слова были тихими, но Макуто читал по губам.

— Ты знал, — сказал Ирука. — Ты подставил его.

— Он демон-лис, — ответил Мидзуки. — Он не заслуживает быть шиноби.

Ирука заслонил Наруто собой. Макуто видел, как его руки дрожали — не от страха, от ярости.

Они дрались. Не как в Академии — по-настоящему. Кунаи, техники, кровь. Ирука получил удар в спину, упал. Наруто закричал.

Макуто сжимал ветку, на которой сидел. Его пальцы впивались в кору, оставляя глубокие борозды. Он мог бы вмешаться. Мог бы прыгнуть вниз и убить Мидзуки одним движением. Это было бы легко. Это было бы правильно.

Но он не сделал этого.

Он ждал. Потому что знал — Наруто должен справиться сам. Потому что знал — если он вмешается, его тайна будет раскрыта. Потому что знал — победа Наруто над Мидзуки станет его первым шагом к тому, чтобы стать тем, кем он должен стать.

Наруто создал сотни клонов. Макуто видел, как они заполнили поляну — оранжевая армия, которая окружила Мидзуки со всех сторон. Техника, которую Наруто выучил за одну ночь. Техника, которая требовала чакры, сравнимой с чакрой хвостатого зверя.

Макуто смотрел и думал: «Он сможет. Он справится».

Мидзуки был избит, связан, обезврежен. Ирука лежал на траве, раненый, но живой. Наруто стоял над ним, тяжело дыша, и в его глазах не было страха. Была решимость.

Макуто спрыгнул с дерева, когда всё закончилось. Не с той стороны, где были Наруто и Ирука, — с другой. Он растворился в лесу, не оставляя следов.

Он вернулся в свою комнату за час до рассвета. Снял куртку, повесил её на спинку стула. Сел на кровать, закрыл глаза.

В голове крутились техники из свитка. Множественное теневое клонирование. Другие — те, что он запомнил на будущее. Он прогонял их снова и снова, пока не убедился, что не забыл ни одной.

Потом он лёг и закрыл глаза.

Наруто стал героем этой ночи. Он получил повязку, признание, уважение. Макуто остался в тени.

И это было правильно.

Потому что тень — это его место. И он не собирался его менять.

Глава 1. Кто?

Очнулся я от того, что сильно трясло и, кажется, пару раз меня кто-то хлопнул по щекам, пытаюсь пробудиться. Я простонал что-то

невразумительное, чтобы отстали, и чуть не оглох от громкого детского вопля:

— Ирука-сенсей! Вы живы!

Тяжело ворочающийся мозг зацепился только за окончание фразы.

— Жив, жив, слезь, — выдохнул, — с меня. Задушишь!

Перед глазами, которые чуть ли не каждую секунду закатывались, как после наркоза, плясали цветные пятна, чёрные точки, да и голова гудела так, что невозможно было сосредоточиться. Прикрыв веки, я почувствовал металлический привкус на разбитых губах. Лицо трогать не решился, потому что под дрожащими пальцами угадывалось что-то, напоминающее корень дерева. Грязными руками по побитой роже? Не, спасибо, обойдусь! С трудом сглотнув сухим горлом, едва удержался от кашля.

Втянув воздух носом, я отчётливо почувствовал сырость и запахи леса. Они успокаивали, точно лошадиная доза снотворного, а мне и без того хотелось спать. Сползти спиной по шершавой коре и лечь мешало только ноющее, как от побоев, тело. Почему-то именно в этот момент мне показалось важным различить без помощи глаз то, что меня окружает; кроме дерева, подо мной была холодная трава, земля, сыроватая, как после дождя, и запах лапши быстрого приготовления. Последнее так сильно выбивалось из общей картины, что я распахнул глаза, и нечто оранжево-синее снова попыталось меня придушить.

А я даже отстраниться не мог, чтоб отпихнуть чересчур активно радующегося ребёнка. Кто это? Я его знаю? А он меня? Сил хватило только чтобы спросить: «Ты кто?», но прежде, чем я услышал ответ, сознание меня покинуло.

Очнувшись, как после кошмара, я рывком сел и скрючился от жуткой боли. Застыв так, я боялся вздохнуть или пошевелиться, только хватал ртом воздух, чувствуя, что задыхаюсь. Немного привыкнув, я попытался оглядеться, но муть, которая стояла в глазах от слёз и той гадости, что приходится смаргивать утром, мешала разглядеть хоть что-то.

Единственное, что смог понять по цветным пятнам — комната не моя.

Слишком светлая и просторная, против крохотного пенала, куда солнце

заглядывает, лишь отражаясь от окон соседей. Когда зрение пришло в норму, я совсем растерялся и потерял сознание от того вороха вопросов, что распирали мою трещащую по швам черепушку.

Придя в себя, недоуменно, но осторожно, завертел головой. То, что показалось сном, не пропало, не превратилось в мою комнату. Я никак не мог понять, где нахожусь и как сюда попал. Похоже на больницу и не похоже одновременно. Повернув голову, вынужден был зажмуриться, чтобы унять резь в глазах. А немного привыкнув, посмотрел в окно. Из-за яркого полуденного солнца толком ничего не смог разобрать. Через шуршавшую от несильного ветра крону деревьев видно было только широкую полосу чистого голубого неба без следа белых шлейфов самолётов и прямоугольников небоскрёбов, обычно нависающих над такими низкими зданиями.

Звуки ещё больше запутали: если не считать звонкого чириканья-свиста мельтешащих за окном ласточек и стрижей, здесь было довольно тихо. Не слышно машин и людей. Ещё заметил, что в палате нет ничего пластикового. Даже окна, и те деревянные. Правда, странные: тонкая рама, даже не двойная, и два стеклянных листа, похожих на раздвигающиеся окна в маршрутке.

Вытерев заслезившиеся глаза о подушку, чтоб не шевелить лишний раз руками и ногами, шипя повернулся на бок — спиной к окну. Жёсткая койка заскрежетала пружинами, и мерзко скрипнуло резиновое покрытие под простынкой, и теперь я мог осмотреть не только потолок и дерево, но и саму палату. Тут стояли ещё пять пустых коек на колёсиках, а может, больше — я не видел из-за ширмы, что находилась на моей половине комнаты. Ширма из белой холстины на металлическом каркасе казалась новой, только немного смущало, что кое-где на ткани угадывались пятнышки крови, хоть и тщательно замытые.

Перевернувшись на спину, чуть приподнял голову. Рядом с каждой койкой стояла низенькая тумбочка и металлическая стойка, к которой в фильмах прикручивают пакеты с какой-то бесцветной гадостью или кровью для переливания. Рядом со мной стояла такая же. Только сейчас решив прилечь, я обнаружил, что тут пахло не хлоркой, а какими-то травами вроде полыни. Особенно сильно ими пахло от меня самого.

Откинув голову на тонкую подушку, я попытался восстановить события прошлого дня, чтобы понять, как я здесь вообще оказался и почему замотан, как мумия.

— Было воскресенье... — прошептал едва двигая губами. Тишина была непонятной, так что я боялся её нарушить.

В тот день я не просыпался. Потому что не засыпал, чтобы успеть, до понедельника, подготовиться сразу к двум зачётам. Встретил рассвет у монитора, доделывая проект. Из-за лени откладывал все на последние дни и как обычно всё то, на что у нормальных людей уходили недели, я сделал за две ночи. Как говорила моя мама: «Если ему что-то нужно, он извернётся, достанет и сделает, если лень, то может тянуть хоть до второго пришествия». Помню, что зазвонил телефон. Особо гнусно и задорно в тот момент, когда я лишь на пару минут прикрыл уставшие глаза.

— Да-а, — протянул медленно, словно человек-ленивец, — что-о?

Где-то через полминуты только сообразил, что не нажал «принять вызов», и игра на публику прошла в пустую. Вдохнул тяжело и дождал кнопку.

— Да? — уже почти нормально сказал-зевнул я в трубку.

В долгий миг, до ответа с той стороны провода, я мысленно повторял: «Не Машка, не Машка, не Машка! Кто угодно! Только не она! Только нотаций от старосты мне и не хватало для полного „счастья“! Спать хочу!»
Наконец в динамике что-то зашуршало и послышался горестный, почти театральный стон:

— Игнат! Декан изверг! Мне Машка позвонила! Что будем делать? Нам капец!

По спине пробежал табун мурашек с холодными ножками, я приготовился услышать худшее. Из почти бессвязного лепета, давно не спавшего человеческого сном друга, понял, что в расписании экзаменов сделали рокировку, предметы поменяли местами. Я и он оказались не подготовлены к истории искусств. Взяв паузу на «подумать», решил, что раз мы физически не успеваем, то идеальным выходом из этой задницы будут жалостливые сказочки про плохое самочувствие. Благо у нас обоих были реальные проблемы со здоровьем, чтобы на них можно было

сослаться. У меня слабое сердце с шалящим клапаном, у Юрки проблемы с почками. Из-за этого только нас двоих в институте не пугали армией. Но друг не оценил изящность решения.

— Я за тебя всё придумал, а ты недоволен?! Пока...

Меня перебили, а я переорал:

— Поверят, откуда они узнают, что на самом деле у нас ничего не болело? Всё иди спать, следующий экзамен только через три дня. Сутки отоспимся, а потом будем разгребать. Я... ладно, приду и помогу с твоим макетом автобусной остановки! До связи.

Уже прикрыв глаза, я подскочил, как ужаленный от странного скрежета, похожего на звук искрящей розетки. Сонливость как рукой сняло, учитывая сколько вокруг меня бумаги и прочих легко воспламеняющихся вещей. Я принялся, осторожно подобравшись к столу, и тут звук повторился от колонок, но слегка в другой тональности. Чертыхнувшись, выключил хрипящую технику, которая доживала свои последние деньки. Зло глянув на неисправную технику, я сначала хотел и сам компьютер выключить, но всё же любопытство взяло вверх. На экране, вместо лица в окошке для аватарки, торчал анимешный персонаж. Стоящие дыбом светло-серые волосы, темно-синяя полумаска, закрывающая всю нижнюю часть лица и повязка, прикрывающая глаз.

Пробежавшись взглядом по новым сообщениям, хмыкнул. С первых сообщений опознал знакомого, которому я пару месяцев назад сдуру, не иначе, пообещал быть редактором, бетой, проще говоря. От этого «K@k@ши» я успел устать за первые пару страниц его опуса. Он писал, как настоящий двоечник, но обижать его мне почему-то не хотелось, и я в свободное время терпеливо переписывал и переделывал присланную мне «нетленку», фактически собирая из кусков что-то похожее на связный текст. Зачем я это делал? Сам не знаю.

Тяжко вздохнув, пролистал очередной его бред, и приложив руку к лицу, второй написал сообщение. Ник мой должен был означать «Иномирный огонь», но так ли это было на самом деле я мог лишь догадываться. Изучая по верхам культуру, я почти ничего не знал о языке и не стремился узнать больше.

«異世界の炎: Хочешь правду?»

Уже через секунду собеседник написал:

«K@k@ши: Че О_о K@k@ши: Гы))) Давай»

Взвесив все «за» и «против», решил, что общаться с ним не хочу ни сейчас, ни потом.

«異世界の炎: Ты точно хочешь узнать ПРАВДУ? K@k@ши: Гы))) ДА!

異世界の炎: В первом классе сочинения лучше пишут. Это не бетить. Это переписывать надо! С самого начала! Была такая идея! Но ты всё пролюбил с особым цинизмом! Твой гг не попаданец. Не может он так говорить. А был бы попадуном, так спалился бы! Он у тебя Марти Сью, у которого плюшек больше, чем он может сожрать за всю свою жизнь! Слишком много ДАЖЕ для Марти Сью! НЕТ! ЗА ДЕСЯТЬ ЖИЗНЕЙ! И непонятно что и откуда взялось! Просто взяло и с неба упало прямо в руки/ в рот/ или под ноги! Нужно подчеркнуть».

Естественно, K@k@ши не оценил моей прямооты и начал писать подряд все маты, которые только знал. В это время ко мне подкрался брат и гаркнул в ухо:

— В холодильнике пусто!

И чуть не отхватил за это леща.

— Что теперь?! — демонстративно уставился в монитор. — Рук нет? Колбасы и хлеба отрезать не можешь? Сам...

— Игнат. Я маме тебя сдам! — перебил меня Мишка, показывая пустую, чуть заплесневевшую кастрюлю из-под плова. — Я всё слышал, что ты Юрке говорил!

Ужаснувшись, замер, а затем быстро нашёлся, что сказать:

— Сходи в магазин, мне не из чего готовить. — и расслабленно откинулся на стуле.

Миха покрутился, да и ушёл, а интернет знакомый всё не унимался:

«К@k@ши: Я тебе свои фанфики читать не дам! Не проси больше понял!!!»

— Ой, как страшно, — посмеиваясь, встал из-за стола: — Больно надо, фанфики почитаю, на крайняк сам напишу. Пример, как это делать не надо, у меня перед глазами.

Но стоило сделать шаг, как я запнулся об тубус и под громкий хруст приложился обо что-то головой.

«Вот оно как... — нежно обхватил побаливающий затылок, возвращаясь из воспоминаний в настоящее. — Кажется, приложился об угол стола. Тубус точно новый покупать придётся. Или это не он хрустнул?»

Проведя пальцами по бинтам на голове, я замер, рассматривая руки. Точнее, тёмную кожу, выглядывающую из-под ткани на предплечье. Хотел поддеть бинт и посмотреть, зачем меня йодом намазали, но замер, глядя на смуглые длинные пальцы с белесыми шрамами. Некоторые выглядели достаточно серьёзно, чтоб я мог забыть, как их получил.

«Точно умудрился где-то загореть», — и на второй руке кожа тёмная, заторможено отметил я. Так как в принципе мне негде было загореть в начале февраля, я наслюнявил фалангу, и стал тереть. Да и загорать я не любил, родственники меня бледной немочью ещё называли, так что загару просто неоткуда было взяться! Только сколько бы я не тёр, цвет не менялся. Мысли в тот момент приходили — одна дурней другой: «Если это йод, почему бинт белый? Если оно не впитывается уже, то сколько же его на меня вылили, сходить будет вместе с кожей?! Если йод сильно намузюкать, то ожог получается». Я судорожно начал искать, во что бы посмотреться, а наткнулся на свёрнутую стопкой одежду в тумбочке. Дотянуться не смог, чтобы рассмотреть поближе, даже коснуться не вышло. Мешало что-то под бинтами. Будто мне к хребту лыжу приклеили. От попытки посмотреться в стекло окна, меня тоже остановило то, что спина не гнулась. Да и ещё меня напугал вой. Точно рядом кто-то подвывал от боли. Я замер, но больше ничего не услышал.

Кожа сходить клоками не спешила, так что я решил осмотреть себя внимательней. Мало ли что ещё изменилось. Заглянув под одеяло, уставился на грудь и живот, туго перетянутые эластичными бинтами.

Даже пальцем потыкал — реально моё. Не качок-бодибилдер, но и не дохляк, каким я был: рельеф, как у тренированного спортсмена-легкоатлета. Натянув тонкое одеяло обратно, я рассеянно уставился в потолок, повторяя про себя: «Это какой-то бред, мне это снится, это не правда... Ну не лунатил же я ночами по соляриям и тренажерным залам, в самом-то деле?! И шрамы старые... когда я успел и где так ободраться? И почему я этого не помню?»

Пока убеждал себя в нереальности происходящего, почувствовал, что куда-то проваливаюсь. Складывалось такое впечатление, будто меня транквилизаторами накачали и бросили в зыбучие пески. Такое медленное тяжёлое погружение в сон, без всякой причины. Только я закрыл глаза, как они открылись сами, без моего участия. Меня прошиб холодный пот. А уж когда задвигались руки, я уж подумал хлопнуть в обморок, но тут в палату зашёл темноволосый узкоглазый парень и, как-то странно поздоровавшись, взял в руки планшет, который висел на спинке кровати. Чем его приветствие меня покорило, я не улавливал от слова «совсем». На вид доктору я бы дал около двадцати пяти, с определением возраста у меня всегда были проблемы, так что ему могло быть и меньше, и больше. А уж у азиатов возраст и более наблюдательные люди не всегда угадывают. Хотя, вроде доктор имел восточные корни и больше походил на европейца с необычным разрезом глаз.

Незнакомец сосредоточенно вычитывал что-то, иногда делая пометки. На задней стороне планшетки я заметил крупный чёрный иероглиф, вписанный в круг, и точно такой же на правой стороне груди бежевого халата медика. Если раньше у меня ещё были сомнения в том, что я нахожусь не дома, то теперь они развеялись полностью.

«Но как я попал в Японию?»

— Вы не спите? — поинтересовался медик и, заметив, что голова кивнула, улыбнулся. — Хорошо.

Подкрутив какую-то ручку сбоку, врач поднял верх койки, так что теперь я не лежал, а полусидел. Пролистав бумаги ещё пару минут, он поднял взгляд желтовато-карих глаз и спросил:

— Вы Умино Ирука-сан? Это так?

Хотел сказать: «Что?» Но вместо этого услышал: «Да». Мне будто бы включили фильм в дубляже: я всё ещё слышал совершенно непонятный мне язык и понимал его, как свой собственный. В ступоре слушал доклад больного врачу: «Там болит. Здесь не очень». Будто в игре от первого лица ролик смотрел. Ни ответить, ни дёрнуться, ни поменять ракурс. И голос ещё чужой, другой тембр, даже с учётом чужого языка. Как я раньше-то не заметил?

«Ирука, Ирука, Ирука, — повторял я в панике странно знакомое имя, — ...Хм, дельфин. Причём здесь дельфин? А „Умино“ это, вроде „морской“... Оу! Так я его знаю! Ирука-сенсей!.. из... Ой-е! Наруто!» Тот самый анимэ-сериал, по которому писал мой знакомый. История о блондинистом пацане, в которого его родители, видимо, от большого ума, запихнули демона. После чего благополучно померли, оставив его сиротой и, похоже, даже не позаботившись об опекунах. Хотя при их-то опасной работе наёмниками-боевыми магами, стоило бы! Впрочем, окружающие поступка родителей почему-то не оценили, и всей деревней пацана дружно ненавидели. Правда, не совсем ясно за что, ведь о том, что он тюрьма для демона, знали единицы. Или я понял как-то не так...

Смачно выругавшись от испуга, я заметил, что тело само дёрнулось и замотало головой.

— Ирука-сан, с вами всё в порядке? — настороженно держа перед собой раскрытую ладонь, спросил медик.

— Да. Всё хорошо, просто... показалось...

Я промолчал, но как только врач ушёл, прокомментировал: «Если не считать меня, всё просто зашибись. Ага». На миг остолбенев, тот кто управлял телом воскликнул:

— Ты кто?

«Конь в пальто!» — не удержался от нервной шутки.

После такого ответа некто, опознанный, как «Ирука из „Наруто“, ошеломлённо замолчал.

«Эммм... — смутившись, — Ку-ку?»

— Ты кто? — рывкнул он, спугнув каких-то мелких птичек, что присели на ветку у окна ещё, когда я рулил.

«Ой, показалось, меня не слышно... Здравствуйте, я ваша шизофрения. Я тут тихонько посижу в уголочке. Можно?»

— Кто?! — выпал в осадок сосед.

Странное дело, но санитары, с успокоительным и смирительной рубашкой, так и не появились.

«Шизофрения я! — расхохотался с грустью в голосе, — ... Ладно, шучу просто туповато. Меня зовут... теперь, похоже, что уже звали... Игнат. Приятно познакомиться! Или не очень... Ну, как-то так».

Не знаю, что Ирука сделал, но слышно его стало только тут.

«Что ты делаешь в моей голове?»

«С тобой общаюсь... » — тоже перешёл на „ты“. — «По правде говоря, не знаю. Кажется, я умер...»

Покрутив эту мысль, понял, что истерики нет и не намечается. Стало так безразлично, что случилось. Умом понимал, что должно быть страшно, а ничего не чувствовал по поводу возможной смерти. Разве что грусть и немного досады, «помер и помер, что бубнить-то». А может просто не верилось, что это происходит со мной? Всё равно нынешнее положение вещей интересовало меня куда больше. Особенно волновал вопрос: «Как быть?»

«Ты хочешь захватить моё тело?!» — отвлёк меня Ирука от самокопания.

— «А? — поперхнулся воображаемым воздухом. — Не-не-не! Не для этого я пединститут продинамил, чтобы здесь быть учителем! Сам учи своих монстров! Я лучше посмотрю со стороны!»

«Со стороны? Зачем? — опешил учитель. — Ты останешься в моей голове?!»

«Что значит „зачем“? Не знаю, может и останусь! И вот ещё что! Знаете ли, я не выбирал куда попасть. Вот был бы у меня выбор, я лучше бы стал

шизой Наруто на пару с хвостатым! Я вообще животных люблю! Лисы классные!»

«Откуда ты знаешь?! — я не видел лица, но почувствовал, что собеседник подозрительно прищурился, — ...Откуда ты знаешь про биджу?! Что ты?»

«Сам ты „Что“! — я всерьёз обиделся. — А меня зовут — Игнат Волков! И я знаю будущее! ... Если, конечно, не лежу сейчас в коме, как овощ!»

Ирука не ответил и надолго замолчал. Лучше б он говорил, потому что в мысли навязчиво ломилась картина белой палаты напичканной электроникой, картинно воющих со слезами на глазах родственников и серого, похожего на мумию тела, увитого проводами и гофрированными белыми трубками. И звук «шух-шух», искусственных лёгких, как в фильмах показывают безнадёжных или обречённых вот-вот сдохнуть персонажей. А «картинно» потому, что не слишком-то по мне убиваться будут.

«Последние дни жизни моих родителей были такими же?» — почему-то вспомнилась палата и два тела под белыми простынями, к которым меня привели проститься. Конечно же, не сказав об этом. Никто мне тогда не сказал, что их отключат в тот же день, что они мертвы и шансов нет. Память всколыхнулась и заставила вспомнить самый поганый день в моей жизни. День когда моя жизнь разделилась на «до» и «после» Да, я был мелким, но не настолько, чтоб мне не дали нормально попрощаться! Я бы выдержал! Я хотел бы быть с ними до конца, до последнего вздоха... а не слушать лживые бредни тётки, которая всю свою жизнь завидовала сестре! Но это я понял значительно позже... Моя мама прощала сестре слишком многое. А я был слишком наивен и туп. От возмездия тётки за настоящие и мнимые обиды меня спасали только: её жажда казаться воплощением добродетели, тонкие стены с соседями, и моя квартира, ключи от которой отобрали чуть ли не в тот же вечер, когда привезли к тётке. Я был обделён не материально, а морально, хоть меня и заставили называть на людях Мишку братом, а тётку мамой. Это была не моя семья.

Чтоб выкинуть из головы тягостные ассоциации, я решил пошутить:

— «Внемли гласу моему, смертный. Я предскажу будущее! — задело меня это „что“ и себя развеселить хотелось, — В команде номер семь будут

Харуно Сакура, Саске Учиха и Наруто Узумаки. И если будешь меня слушать, то впоследствии можно будет избежать многих проблем. Понял?»

Реакция не заставила долго ждать.

«Лис выйдет из-под контроля? — тон, с которым это было сказано, мне не понравился от слова „совсем“, а лежащие на одеяле руки сжались в кулаки и мелко затряслись. — „Проклятый демон! Проклятый Наруто!“»

«Я думал, что ты его друг», — ошарашено проговорил я.

«Друг?! — отмер Умино и едко усмехнулся. — Я?! Друг биджу, который убил моих родителей? Мой клан? Эта „дружба“ — их задание!» — язвительно бросил Ирука.

Не мешая выговориться, подумал: «Задел за живое, раз он разоткровенничался?». Заткнулся Ирука только после долгого, немного нудного, желчного монолога о количестве и качестве содержимого головы нынешнего Хокаге, Совета и какого-то босса. Высказавшись, он начал расспрашивать о том, что я ещё знаю, из какой дыры вылез, раз не знаю элементарных вещей (во время монолога, я пытался спрашивать). Насколько понял, опасаться меня он не перестал, но не так сильно, как до того. А я отмалчивался. Не хотел ничего больше рассказывать этому гаду.

Пока бродил в темноте, слушал, как Ирука пугает специалистами, что выселят меня из его головы. Он, вроде бы, провоцировал меня на продолжение беседы, но что ему сказать я не знал. Да и что ответить, если сам не в курсе, как это работает.

— Ирука-сенсей! Здравствуйте! — разнеслось в пустоте эхом. А мне до одури захотелось увидеть что-то кроме темноты, посмотреть, кто из учеников решил проведать Ируку. И моё жгучее любопытство каким-то образом позволило видеть чужими глазами, но тела не ощущал вовсе.

— Привет, Наруто-кун, — кивнул Умино, изобразив улыбку.

Это я понял потому, что глаза немного прищурились и мальчик улыбнулся в ответ. Не очень-то удобно было рассматривать пацана, не имея возможности двигать глазами или хотя бы моргнуть.

— Ты в порядке? — сказал Умино, не предложив мальчику присесть на табурет около соседней койки или на неё саму. Она всё равно была пустой.

— Всё отлично! — просиял мальчишка, восстанавливая дыхание, будто бежал сюда, — Ирука-сенсей, а как вы? Вам сильно досталось?

Узумаки Наруто — главный герой этого бреда обкуренного мангаки, оказался всего лишь маленьким мальчиком лет девяти, может — десяти, с взъерошенными светлыми волосами какого-то нереального оттенка, приятным лицом, большими наивными голубыми глазами и необычно тёмными для блондина ресницами. Кроме цвета волос, необычными показались и полосы-усы на щеках, точно пацан сбежал с детского праздника, где отыгрывал роль Чучела-Мяучела.

В отличие от слегка желтокожего медика, который приходил раньше, ребёнок имел вполне себе европейскую внешность, хотя было и что-то восточное в его лице. Как-то не по себе стало от того, что узнать в Наруто его рисованную копию получалось без труда. Хотя вместо знакомого по канону оранжевого комбинезона с синими вставками он носил серую футболку с красной завитушкой, полинявшие шорты неизвестного, но тёмного цвета и синие сандалии, похожие на ботинки, у которых отрезали носок. Вся одежда «радовала глаз» разномастными дырками, а футболка ещё и кривым, похожим на жирную длинную гусеницу, швом на боку. В таком виде даже на даче тусить среди грядок было бы стыдно, не то что по улице ходить.

— «Что-то сомневаюсь, что это родной цвет одежды» — будто невзначай заметил я.

Такой Наруто вызывал не смех и не раздражение, как рисованный, а жалость. Сильно захотелось найти местную социальную службу и передать им «спасибо» в район печени и почек за «счастливое детство» мальчишки. Потому что глаза у него были печальные и доверчивые, как у щенка, который надеется, что на этот раз его не пнут ногой, а погладят и может, даже дадут поесть.

Я вспылал праведным гневом и, внезапно, отчётливо понял, что сейчас передо мной не придуманный персонаж, а живой человек. Маленький несчастный ребенок с поганой судьбой и не менее поганым будущим. И

если в манге у него был Ирука-друг, который изредка подкармливал лапшой, то в реальности это был обман от начала и до конца. Я буквально чувствовал, скрытую за приветливой улыбкой «добренького» сенсея, ненависть. Так на меня, порой, смотрел муж тётки.

— «Ирука, ты хоть понимаешь, что он тебе верит?! — процедил сквозь зубы. — Верит, как родному отцу, которого видел всего один раз в жизни, когда появился на свет и даже не помнит этого. Он не заслуживает такого отношения! Он...»

«Молчи! Это тварь заслужила по праву!» — рявкнул шиноби, в реальности продолжая слегка кивать и тянуть фальшивую улыбку.

Меня будто ударили под дых. Разум захлестнула злоба, хотелось со всей дури дать этому идиоту кулаком прямо в лживую морду. Этот козёл вызывал у меня какую-то жуткую, невозможную ненависть, какой я никогда не испытывал прежде. Будто он лгал лично мне, притворяясь лучшим другом!

— «Знаешь кто ты? Урод! Ты настоящий моральный урод! — распалялся я всё больше и больше. — Ты хоть понимаешь, что он, в отличие от тебя, искренен?! А твоя ложь ранит сильнее, чем правда, потому что он не знает, что ты лжёшь и считает тебя другом! Поставь себя на его место! ПРЕДСТАВЬ!»

Грудь Ируки тяжело вздымалась, но он молчал. Несколько минут я осознавал, что у меня нет физической возможности ударить этого человека. Ни сейчас, ни, вероятно, никогда. И от этого бессилия злоба перерастала в холодную ярость.

— «Ладно, — сказал я, стараясь говорить спокойно. — Не хочешь по-хорошему, будет по-плохому. Я не уйду из твоей головы. И я буду следить за каждым твоим шагом. И если ты хоть раз сделаешь ему больно, если хоть раз обидишь его или используешь — я сделаю всё, чтобы ты об этом пожалел. Ты понял меня, Ирука?»

Учитель молчал. Его кулаки разжались. Он смотрел на Наруто, который сидел на табурете и с тревогой смотрел на своего сенсея, не понимая, что происходит.

— Ирука-сенсей? — тихо позвал Наруто. — Вы меня слышите?

Умино моргнул. Его лицо расслабилось. Он снова изобразил улыбку — другую, более мягкую, но я-то знал, что она всё равно фальшивая.

— Всё хорошо, Наруто-кун, — сказал он. — Просто голова немного кружится. Ты хотел что-то спросить?

Наруто замялся, но потом выпалил:

— Ирука-сенсей, а вы меня возьмёте в свою команду? Когда я стану генином?

Вопрос повис в воздухе. Я ждал ответа. Ирука ждал. Наруто ждал.

Учитель медленно кивнул.

— Конечно, Наруто-кун. Конечно, возьму.

И я понял, что это была очередная ложь. Но Наруто поверил. Он просиял, как солнце, и затараторил о том, как он будет стараться, как станет Хокаге, как всех победит.

А я смотрел на это и чувствовал, как внутри закипает новая, ещё более страшная решимость.

Я не позволю этому ублюдку сломать жизнь этого мальчика. Я не позволю.

Даже если для этого мне придётся остаться в этой голове навсегда.

После того как Наруто выбежал из палаты, сияя от обещания Ируки взять его в свою команду, в коридоре послышались шаги. Ирука поднял взгляд на дверь, ожидая увидеть санитаря или кого-то из персонала больницы, но его лицо на секунду застыло, когда в палату вошёл мальчик, которого он никогда раньше не видел.

Макуто остановился в дверях, держа в руке свёрток с рисовыми колобками, которые он купил по дороге от Ичираку. В больничной палате пахло травами и чем-то металлическим. Он сразу почувствовал это —

чакра Ируки текла по-другому. Она была неровной, словно её пытались сдерживать, но при этом не привыкли к телу. Это было похоже на то, как если бы в хорошо сбалансированный механизм вставили чужую шестерёнку. Она вращалась, но с неприятным скрежетом, который мог уловить только тот, кто знал, как она должна звучать в норме.

Ирука-сенсей, лежащий на койке, смотрел на него так, будто видел впервые. Не было той усталой теплоты, с которой учитель обычно встречал своих учеников. Не было даже того притворного радушия, которое Ирука использовал для разговоров с посторонними. Взгляд был настороженным, оценивающим, холодным.

— Ты ко мне? — спросил Ирука. Голос тоже звучал иначе. Слишком спокойный. Слишком собранный. Настоящий Ирука после ранения говорил бы слабее, с паузами, давая понять, что ему больно. Этот же говорил так, будто его тело его не слушалось, и он вынужден был прилагать усилия, чтобы слова звучали правильно.

Макуто подошёл к кровати и поставил свёрток на тумбочку.

— Принёс вам поесть. Тэучи-сан сказал, что вы любите онигири.

Он сел на табурет, стоявший у стены, и посмотрел на учителя. Вблизи разница была ещё заметнее. Ирука смотрел на него не как на своего ученика, которого он видел в классе каждый день. Он смотрел на него как на постороннего. Как на того, кто может быть опасен.

— Спасибо, — сказал Ирука, скользнув взглядом по его одежде — зелёной куртке с капюшоном, серой футболке, тёмно-синим трико, ботинкам с жёсткой подошвой. Оценивал. Запоминал.

Макуто знал этот взгляд. Так смотрели охотники, когда встречали незнакомого зверя в лесу. Так смотрел он сам, когда выслеживал нукенинов.

Он понял это в ту же секунду. В теле Ируки была другая душа. Не тот человек, который учил его в Академии. Не тот, кто иногда бросал на него странные взгляды, будто чувствуя в нём что-то необычное. Этот был другим.

Макуто не подал виду. Он продолжал сидеть с тем же спокойным выражением лица, какое он носил как маску уже год. Ни один мускул не дрогнул. Ни один взгляд не выдал его.

— Как вы себя чувствуете, Ирука-сенсей? — спросил он ровно.

— Лучше, — ответил Ирука с заминкой, словно подбирал слова. — Доктора говорят, что я скоро выпишусь.

Он солгал. Макуто знал, что это ложь. Настоящий Ирука сказал бы что-то вроде «всё нормально, скоро вернусь к вам». Этот же говорил как человек, который читал сценарий, но не знал своей роли до конца.

— Я рад, — сказал Макуто. — Класс скучает без вас. Наруто постоянно спрашивает, когда вы вернётесь.

Он специально упомянул Наруто. Хотел посмотреть на реакцию.

Глаза Ируки слегка изменились. Стали мягче? Или, наоборот, жёстче? Макуто не мог точно определить. Но он понял, что этот новый Ирука тоже имеет какие-то чувства к мальчику в оранжевой куртке. Другие. Не те, что были у настоящего.

Ирука кивнул, не отвечая.

Макуто встал и поправил куртку.

— Мне пора, Ирука-сенсей. У меня смена в Ичираку через час.

— Хорошо, — сказал Ирука. — Спасибо, что зашёл.

— Выздоровливайте.

Он вышел из палаты и закрыл за собой дверь. В коридоре он остановился на секунду, прислонившись спиной к стене. Чакра внутри него взволновалась — океан, который он так тщательно сдерживал, поднял небольшую волну.

В теле Ируки была другая душа.

Это было не предположение. Это было знание. Такое же точное, как удар тати.

Макуто знал, что такие вещи случаются. Клан Фаруд веками охотился на сильных врагов и поглощал их силу. Иногда в их свитках упоминались случаи, когда душа человека переселялась в чужое тело. Это было редкостью. Аномалией. Но это случалось.

И теперь это случилось с его учителем.

Он не знал, кто теперь живёт в теле Ируки. Не знал, насколько этот человек опасен. Не знал, знает ли он что-то о Макуто или о клане Фаруд.

Одно он знал точно: этот новый Ирука не узнал его. Он смотрел на него как на чужого. Как на того, кого он видит впервые.

Это было одновременно и плохо, и хорошо. Плохо — потому что настоящий Ирука знал о нём достаточно, чтобы вызывать подозрения, если бы вдруг решил поделиться своими наблюдениями с Хокаге. Хорошо — потому что этот Ирука не знал о нём ничего. И это давало Макуто время. Время, чтобы наблюдать. Время, чтобы понять, что за человек теперь сидит за учительским столом в Академии.

Он оттолкнулся от стены и пошёл к выходу из больницы.

По пути он встретил медсестру, которая спросила, не родственник ли он Ируки. Макуто покачал головой и ответил, что он просто ученик.

Он вышел на улицу, где солнце уже клонилось к закату. Коноха жила своей обычной жизнью. Люди спешили домой. Лавки закрывались. Шиноби возвращались с миссий.

Он зашагал в сторону Ичираку, где его ждала смена и привычная работа. В голове крутилась одна мысль.

Он должен был быть осторожным. Ещё осторожнее, чем раньше.

Потому что он не знал, кто теперь его учитель.

Ирука — нет, Игнат — смотрел, как закрывается дверь, и чувствовал, как внутри всё холодеет. Голова гудела от напряжения. Спина болела, ныло

перевязанное плечо, но это было ерундой по сравнению с тем, что только что произошло.

Он не знал этого парня.

Это была не просто мысль. Это была стопроцентная, убийственная уверенность человека, который пересмотрел «Наруто» от корки до корки, который мог назвать всех персонажей по именам, вспомнить их биографию, их характер, их цвет волос и форму сандалий. Этого мальчика не существовало в каноне. Ни в манге, ни в аниме, ни в бесконечных филлерных сериях про то, как Наруто учится красить заборы или ловить жуков. Нет. Этого персонажа здесь быть не должно.

Игнат прикрыл глаза, заставляя чужое тело подчиняться. Он нырнул в глубь сознания, туда, где обрывками чужих воспоминаний, как фотографии с истлевшими краями, лежала память оригинального Ируки.

Он листал их лихорадочно, цепляясь за образы. Ученики. Первый ряд — вечно орущий Наруто, размахивающий руками, как ветряная мельница. Справа от него — Саске, холодный и надменный, который никогда не улыбается. Сакура с её розовыми волосами, отвлекающаяся на каждое движение Учихи. Сикамару, который постоянно спит на уроках, прикрывшись учебником. Кибя с псом на голове. Тюдзи, жующий на переменах чипсы. Ино, красящая ногти на последней парте. Хината, прячущая взгляд. Шино, которого никогда не видно за его воротником.

Игнат пролистал эти картинки до рези в глазах. Ни одного лица, похожего на то, что он только что видел. Никто не носил зелёную куртку с капюшоном и серую футболку. Никто не смотрел так, как смотрел этот мальчик — спокойно, без интереса, но с какой-то глубиной, от которой становилось не по себе.

«Твою ж мать, — мысленно выдохнул Игнат. — Где ты взялся?»

Он открыл глаза и уставился в потолок больничной палаты. Мысли разбегались, как тараканы от включённого света.

Он знал этот фанфикшен. Он сам писал эту историю — ну, в каком-то смысле. Его собеседник из интернета, К@к@ши, со своим Марти Сью, с бесконечными плюшками и героем, который был слишком крут для своего возраста. Игнат тогда высмеял его, написал, что такие персонажи не живут в нормальном мире.

«Пример, как это делать не надо, у меня перед глазами», — сказал он тогда. Ирония судьбы была бы смешной, если бы не была такой пугающей.

Он сидел на койке, перебирая в уме возможные варианты. Вариант первый: он попал в альтернативную вселенную, где канон нарушен, где существуют оригинальные персонажи, и он, Игнат, теперь должен с этим жить. Вариант второй: он что-то пропустил. Может быть, этот парень — второстепенный персонаж, который появляется где-то в фоновых сценах, и его легко было забыть. Вариант третий: его память повреждена. Черепно-мозговая травма, которую он получил, влетев в стену спиной, могла стереть некоторые детали.

Но он сразу отмёл третий вариант. Память Ируки была не повреждена. Она была неестественно чёткой, как у компьютера. И в ней не было этого парня.

Значит, альтернативная вселенная.

— Только этого мне не хватало, — прошептал Игнат, трогая бинты на голове.

Он вспомнил лицо мальчика. Тёмные волосы, тёмные глаза, худое лицо с чёткими чертами. Немец? Или, скорее, японизированный европеец. Такие типажи часто появлялись в аниме, когда авторы хотели добавить экзотики. Но здесь, в реальном мире шиноби, это выглядело странно. Слишком заметно.

«Слишком заметно, — повторил он про себя. — Для обычного ученика Академии он слишком заметен».

Игнат откинулся на подушку и закрыл глаза.

«Ладно. Допустим, ты здесь. Допустим, тебя не было в каноне. Что это значит для меня?»

Это означало, что его план — притворяться добрым учителем, следовать сюжету, минимизировать риски — мог пойти под откос. Если здесь есть оригинальные персонажи, значит, есть и оригинальные сюжетные линии. И он ничего о них не знает.

А незнание — это смерть.

Он вспомнил, как мальчик вошёл в палату. Не постучался. Просто вошёл. Поставил свёрток на тумбочку. Сказал, что принёс онигири от Тэучи. Голос был спокойным, почти безразличным. Но глаза... Игнат не мог забыть эти глаза. Они не смотрели на него, как на учителя. Они смотрели на него, как на объект.

— Ты меня не узнал, — сказал он в пустоту, вспоминая взгляд мальчика.
— Это хорошо. Это значит, что и я тебя не знаю. Но ты знаешь меня. Ты знаешь, кто я такой. По крайней мере, кто я по документам.

Игнат почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он был в чужом теле, в чужом мире, и даже здесь, в больничной палате, он не был в безопасности.

— Кто ты такой, Макуто? — спросил он, как будто мальчик мог слышать.

Но ответа не было.

Игнат открыл глаза и посмотрел на дверь, за которой только что скрылся этот странный ученик с лицом японизированного немца.

«Я буду следить за тобой, — подумал он. — Я выясню, кто ты. И если ты представляешь угрозу для меня или для Наруто... я тебя уничтожу».

В его голове зашевелился второй голос — голос Ируки-оригинала, который до сих пор не смирился с присутствием чужака. «Он просто ученик. Оставь его в покое».

«Заткнись, — мысленно огрызнулся Игнат. — Ты не понимаешь. Ты здесь всё проспал».

Он поморщился от боли в плече и попытался устроиться поудобнее. Не получилось. Тело не слушалось, раны болели, голова гудела.

«Альтернативная вселенная, — повторил он, как мантру. — Значит, я должен быть готов ко всему. К любым сюрпризам. Даже к таким, которые не вписываются в канон».

Игнат усмехнулся. Горько. Нервно.

— Добро пожаловать в игру, Игнат, — сказал он себе. — Здесь нет сохранений. И гайдов тоже нет.

Ночь после посещения больницы Макуто провёл без сна. Он лежал на кровати в своей камерке у старухи О-Тойо, смотрел в потолок и прокручивал в голове каждую секунду разговора с Ирукой. Взгляд учителя, который смотрел на него как на чужого. Голос, который звучал слишком правильно для человека, который только что очнулся после тяжёлого ранения. Чакра, которая текла неровно, будто тело привыкало к новому хозяину.

Сомнений не осталось. В теле Ируки Умино находилась другая душа. Макуто не знал, кто это был и как он попал в тело учителя. Значения это не имело. Важно было другое — этот новый человек не знал его. Не помнил его лица, не узнавал его походку, не мог связать его имя с каким-либо событием из прошлого.

Это было преимуществом. И Макуто собирался его использовать.

Он не стал бы вмешиваться. Пока. Слишком рискованно действовать вслепую, не зная возможностей противника. Он будет наблюдать. Следить за каждым шагом нового Ируки, за его реакциями, за его словами. Он изучит его так же, как изучал нукенинов перед охотой. А когда поймёт его намерения — тогда и решит, что делать.

А пока деревня была занята другим. Новость о предательстве Мидзуки разлетелась по Конохе быстрее лесного пожара. Совет старейшин требовал расследования. АНБУ проверяли всех, кто имел хоть какое-то отношение к беглому учителю. Хокаге лично допрашивал его в подземных камерах. Страх и подозрение заползли в каждый дом, в каждый переулок, в каждую тень.

Идеальное время, чтобы исчезнуть.

Макуто поднялся с кровати, натянул тёмную одежду, проверил, что его мечи надёжно запечатаны внутри тела, и бесшумно выскользнул через

окно. Ночная Коноха была пустынна. Патрули АНБУ ходили по главным улицам, но в старых кварталах, где жили бедняки и ремесленники, никого не было.

Он шёл к заброшенному складу на окраине — месту, где уже год тренировался по ночам. Никто никогда не приходил сюда. Никто не знал об этом месте.

Склад встретил его темнотой и запахом сырости. Макуто зажёл масляную лампу, поставил её на подоконник, и слабый свет осветил стены, иссечённые следами его тренировок.

Он сел на пол, скрестил ноги и закрыл глаза. В его памяти, чёткой и яркой, как картинка в свитке, стояли техники, которые он прочитал на свитке Наруто. Он прокручивал их снова и снова, запоминая каждую печать, каждое движение чакры, каждый нюанс.

Первой и самой важной была **Техника Множественных Теневых Клонов**.

Обычные теневые клоны требовали большого количества чакры. Множественные — колоссального. Именно поэтому техника была запрещена — обычный шиноби, попытавшийся создать больше десятка клонов, рисковал умереть от истощения. Но Наруто, с его чакрой Девятихвостого, мог позволить себе сотни клонов без видимых последствий.

Макуто тоже мог.

Его чакра, подавленная до уровня среднего генина, скрывала океан, сравнимый с силой слабого биджу. Он мог создать столько клонов, сколько нужно, и при этом не умереть.

Но не сейчас. Сейчас он должен был научиться контролировать эту технику так же, как контролировал свою чакру.

Он открыл глаза и поднялся. Встал в центр склада, сложил печати. Последовательность была простой — всего три знака. Но концентрация требовалась максимальная.

— **Теневой клон**, — произнёс он.

Из его тела вырвалась чакра, и рядом с ним материализовалась точная копия. Та же зелёная куртка, те же ботинки, те же тёмные глаза. Клон посмотрел на него и кивнул.

Макуто сосредоточился, чувствуя, как чакра разделилась ровно пополам. Клон был реален. Он мог думать, двигаться, атаковать, использовать техники. Он был продолжением его самого.

— Попробуй создать клона, — сказал Макуто.

Оригинал и клон сложили печати одновременно. Четыре клона заполнили склад. Потом восемь. Потом шестнадцать.

Макуто остановился. Чакры ушло много, но он всё ещё чувствовал себя свежим. Он мог создать ещё сотню. Но не нужно было. Пока достаточно.

Он начал тренировку. Клоны атаковали его со всех сторон, и он уклонялся, блокировал, контратаковал. Каждый клон был самостоятельным противником, и каждый думал быстрее, чем любой враг. Это было лучшее упражнение на скорость и реакцию.

Через час он развеял клонов и сел на пол, переводя дыхание. Пот стекал по лицу, но усталость была приятной.

Он перешёл ко второй технике, которую запомнил из свитка — **Технике Демонического Ветра**.

Запретная техника ветра, созданная для массового уничтожения противников. Она требовала идеального контроля чакры и огромного резерва. При активации вокруг пользователя возникал вихрь из острых как бритва потоков воздуха, способный разрезать сталь.

Макуто сложил печати. Пятнадцать знаков в строгой последовательности. Чакра потекла по каналам, преобразуясь в ветер. Воздух вокруг него начал вращаться, поднимая пыль с пола.

Он остановился на полпути. Техника была опасной. Одна ошибка — и он сам окажется в центре собственного смерча.

Не сегодня. Сегодня он только запомнил движения.

Третья техника была самой жуткой — **Техника Фантомных Копий**.

В отличие от теневых клонов, эти копии были иллюзорными. Они не могли атаковать или защищаться. Но они были неотличимы от оригинала. Идеальное оружие для обмана, шпионажа и отвлечения внимания.

Макуто создал десяток фантомных копий и заставил их бегать по складу, меняя направление, скорость, траекторию. Глаз не мог уследить, где оригинал, а где иллюзия.

Он улыбнулся. Это было то, что нужно.

Четвёртая техника, которую он запомнил, была не боевой. Это был **Ускоритель Чакры** — техника, которая позволяла временно увеличить скорость потока чакры в каналах, делая пользователя быстрее и сильнее. Платой была жуткая боль в мышцах и риск повредить каналы.

Макуто использовал её один раз, на секунду, и сразу отключил. Эффект был замечен — он почувствовал, как его тело наливается силой, как мир вокруг замедляется. Но боль была такой, что он заскрежетал зубами.

Он решил оставить эту технику на крайний случай.

Когда лампа начала догорать, Макуто затушил её и вышел из склада. Небо на востоке светлело, обещая рассвет. Где-то внизу, в деревне, уже зажигались первые огни.

Он вернулся в свою комнату, переоделся в обычную одежду и лёг на кровать.

Через два часа нужно было идти в Ичираку.

Но спать он не стал. Он лежал с открытыми глазами и думал о том, что теперь в его арсенале появились техники, о которых никто не знал. Никто, кроме него самого.

И это было правильно.

Тень не должна иметь слабых мест.

Глава 2. Один?

Оказавшись в полной темноте, я весело закричал: — Ирука-сан, — «по-доброму» скаюсь, — на тебя открыт сезон охоты! Убью, зараза! Один останусь! Буду, как... ээ... забыл... О! Как Дункан Маклауд!

Меня окатило волной животного ужаса. Хотя чувство было не моим, но я ощутил его в полной мере. Такого я еще никогда не испытывал. Думаю, что если бы у меня было свое сердце, оно бы остановилось.

Оклемавшись, я прислушался и не поверил. Ируки нигде не было! Раньше, даже когда он молчал, я чувствовал его.

— Ира? Эй, я пошутил, ты где? — мысленно обратился в темноту: — ...Бли-и-ин, я ж спалюсь без тебя! Ирука? Выходи, я тебя не трону, правда! Если дурить не будешь, я тебе о будущем расскажу и как исправить ЧП всякие до их начала! Ну где ты?

Ни ответа, ни привет. Кажется, я бродил в темноте целую вечность, но так и не смог его найти.

— Одинокий «Шиза» в твоей черепушке, — развлекался я пением, — не знает, что ему дела-а-а-ть!

К моему надрывному вою внутри добавились чужие крики, пробившиеся через Тьму снаружи. Оставалось только надеяться, что они этого не слышали.

— Ирука-сан! Очнитесь! — под нос сунули что-то едко-вонючее: — Ирука-сан!

От резкого запаха меня просто выдернуло из внутреннего мира, как пробку из бутылки. Я с трудом приподнялся на локтях. Надрывные стенания заставили повернуть непослушную шею на звук. Миюри стояла в дальнем углу и размазывала слезы кончиком косы. Мда, блин... «Красавица», вся коса в соплях...

— Ирука-сан, — вокруг собралась куча народа, вооруженная светящимися зеленым руками, шприцами, и вообще чем попало. Один оригинал с уткой стоял. «Если это вместо анестезии — ну ее нахуй! Такую медицину!»

— Как вы себя чувствуете? — оторвался от бумаг седой мужичок в бежевой бандане.

— Нормально, — неуверенно и испуганно пробормотал я. Очень хотелось ломануться прямо через стену, или рыбкой в окно с криком: «Спасите! Убивают!» — А что случилось?

Врач сделал пометку в бумагах и вышел, позвав за собой остальных. Я обалдел от того, что меня проигнорировали! Осталась только девушка.

— Эм... Миюри-сан, — когда она громко втянуло соплю, меня передернуло, — что со мной?

Та всхлипнула и начала рассказывать. Со слов медсестры, как только я «уснул», у меня остановилось сердце. «Я «Молодец». Напугал Ируку до смерти... м-да...»

— Демон, он проклял вас! — тонкие пальчики нервно дергали косу, — я так испугалась, так испугалась!

И почему эту психованную не выпроводили? Проклятия — это же совсем из другой истории! Я все понимаю, но меня пугает насколько серьезно она это сказала.

Еще несколько дней меня мурыжили, проводили какие-то тесты и спрашивали... спрашивали... спрашивали.

— Каждый день одно и то же: «Ирука-сенсей, как себя чувствуете?» Так и надирало ответить: «Вот прям щас, прям тут, лягу и помру!» — Нормально, — тихо-тихо под нос: — Я тут скоро сдохну...

— Ирука-сан, боюсь от недостатка кислорода, мог пострадать мозг. — Заявил эскулап. — Постарайтесь вспомнить, что было с вами, к примеру, месяц назад?

«Та-ак, а что-то новенькое... Не про самочувствие!»

— Месяц назад? — я чуть нахмурился. Такие вопросы могли выдать меня с потрохами. Конечно же, я заранее подумал о том, что как и кому врать! «Но если бы пришлось отвечать честно, то я бы вам, доктор, сказал, что Ирука сеял, предположительно, разумное, ни фиги не доброе и ни разу не вечное. А что еще мог преподавать учитель-шиноби юным убийцам?»

Медик, (не запомнил его имени), выжидающе занес карандаш над планшетом, а я настроился на свою легенду, припоминая хитрости, которые помогают выглядеть правдивым. «Вы были в театре? Нет? Я это исправлю!» — с трудом удержался от улыбки.

После мимолетного удивления, нахмурился медленно покачал головой.

— Тогда, как далеко вы можете заглянуть в свое прошлое? — чуть подался вперед ирьенин.

— Я помню... — призадумавшись, стал тереть лоб, и пытаюсь припомнить все вариации эволюции покемона Иви. Чтоб выглядело, будто я тяжело и безуспешно что-то ищу в недрах своей памяти.

При помощи наводящих вопросов медик выяснил, что я помню только неделю, проведенную в больнице, плюс-минус пару дней и немного бой с Мидзуки. Спасибо, Наруто! Спасибо, Кишимото! Да обратится один ваш день в тысячу! «Ну, не смотри ты так своими квадратными глазами, — мысленно уговаривал ирьенина, — а напиши одно умное слово: Амнезия!»

Парень погрыз кончик громоздкой перьевой ручки и написал на листе пару столбиков иероглифов, а затем сказал, что завтра я могу катиться отсюда на все четыре стороны! Не так буквально, но смысл такой, да.

«Свобода!»

На следующий день я стоял у парадного входа, как дурак, не зная, куда идти! А спросить, где жил Ирука, я забыл. «Ох, как просто у других попаданцев! Репициент тихо копошится и всячески помогает, а эта редиска... Ладно! Сам, все сам!»

Небольшой парк перед главными воротами был намного уютней и больше того, что я видел в аниме. Полоса изумрудно-зеленого газона отделяла дорожку от парка. Круглые кусты с мощными соцветиями белого цвета ютились под раскидистыми кронами декоративных деревьев, скрывая дорожки и лавки в своей тени. От этой красоты, после четырех стен палаты, захотелось вдохнуть полной грудью! Что, собственно, я и сделал.

Но на вдохе ветер метнул в лицо мелкую пыль с оживленной улицы, которую я на радостях вдохнул:

— Да, чтоб тебя! — закашлялся. — Все не как у людей!

— Ирука-сенсей! — с лавки за кустом соскочило что-то ядовито-рыжее.

— Наруто? И давно ты тут?

— Да! То есть нет...

Он каждое утро тут дежурил. Ждал, когда меня выпишут. Я из окна его часто видел блуждающим по газону среди белок. С ними он делил какие-то орехи или конфеты, разобрать надписи не получалось из-за накатывающего временами головокружения. Но в палату Наруто больше не залезал.

На миг я представил, что вот точно так же он бы ждал настоящего Ируку, и мне стало дурно. А еще очень неприятно было осознавать, что Ирука, а теперь и я, был связан с Корнем и его главой. Если я правильно понял — то следить за Наруто в академии — задумка Данзо. А Третий решил не мелочиться — дружи и все тут! Но я не врубался, как так вышло? Не чуунин-учитель, а какой-то двойной агент! Или Хокаге не знал, что Ирука агент Данзо, или подстроил так, чтобы чуунин всегда был на виду?

Пока я думал, Наруто меня куда-то вел.

— Понятно, что ничего не понятно... — выдохнул я, выплывая из каши, что я заварил в своей... Да, теперь своей черепушке.

— Ирука-сенсей, — дернул за рукав Наруто: — Ирука-сенсей?

Я неопределенно хмыкнул.

— Ирука-сенсей. Подождать придется, — ткнул мальчик в местный образчик общепита.

Первый этаж небольшого домика занимала барная стойка, все шесть стульев были заняты дружной компанией чуунинов, пять белых шторок с рекламой не скрывали панибратские тычки и не заглушали громкие голоса.

— Хм... А тебе не надоел еще? — Кто? — Рамен, говорю, не надоел еще?
— Ну... — Тогда идем... э-э, Наруто, где продуктов купить можно? — Ирука-сенсей?! — блондин выпучил глаза.

Я виновато улыбнулся, почесывая затылок, как это делал сам Наруто.

— Разве я не говорил, что потерял память?

Рынок, куда привел меня мальчик, напоминал китайский квартал из кино, с той лишь разницей, что тут было чище и продукты на прилавках вполне себе привычные для меня, а не рыба с рыбой, что-то непонятное с щупальцами, и дико острое. Так что я почти не удивился, обнаружив, что лавок с мясом гораздо больше, чем с рыбой, что крупный лангуст стоит больше, чем парная телятина, у молочника можно купить что-то сильно напоминающее сметану, а в овощной лавке есть свекла и картофель. С другой стороны, откуда здесь взяться японскому дефициту продуктов, если Страна Огня не маленькое островное государство, а местность в центре большого континента?

Купив на рынке, все, что мне приглянулось, я уже собрался окликнуть Наруто, как заметил группу ребятишек. Они были немного младше Наруто. И один из них, в зеленой куртке с капюшоном и с ржавым кунаем на поясе, стоял чуть в стороне, прислонившись к столбу, и смотрел на все это с выражением усталой скуки. «Не припомню такого в каноне», — подумал я, но тут же отвлекся.

— Демон, демон... — был слышен их громкий шепот: — Бежим!

Обогнув меня, дети разбежались по разным рядам под гневные крики торговцев, чьи лотки они могли задеть. Недовольная продавщица наблюдала за Наруто, который распугал остальных ребят от ее лотка. Он считал горстку монет и смотрел на конфеты. Было видно, что денег не хватало.

— Наруто.

— А? — рассеянно отозвался Узумаки.

— Я сейчас.

Тетка сжала губы, смерив меня грозным взглядом.

— Бери что хочешь, я заплачу.

— Что?! — не поверил своим ушам мальчишка, потрясенно выдохнув: — Спасибо.

Было в этом «спасибо» что-то еще, кроме благодарности. Этот проглот смел пол-лотка, я даже засомневался в том, что мне хватит денег, чтобы

заплатить за все. Отбирать у Наруто конфеты я не хотел, просто не смог бы испоганить ему этот день. Но обошлось — хватило, да еще и осталось! Разглядывая кошелек, я опасался только одного, что Ирука все деньги с собой носил.

С блаженным видом Наруто грыз какую-то фигню, похожую на чупа-чупс, и показывал дорогу. Но место он знал только примерно.

— Здесь?

Большой дом с округлыми стенами был похож на странноватый корабль. Даже трубы присутствовали.

— Угу.

Я вынул ключи из поясной сумки, слегка уколовшись об кунай и, не останавливаясь, пошел по ступеням на второй этаж, гипнотизируя набухающую капельку. Меня тянуло к определенному месту, как будто я знал, куда идти. Главное не мешать этому... чутью? Честно говоря, когда открывал дверь, я боялся, что она возьмет и сама распахнется. А из темного проема мутным взглядом меня смерит какой-нибудь джонин, сначала даст в табло, а потом спросит: «Почему я пытался открыть чужую дверь своими ключами?»

Фух, пронесло! — подумал я, осторожно заглянув внутрь. Без скрипа дверь распахнулась в светлую комнату с двумя большими окнами и кучей книжных шкафов. Вероятно, из-за этого весь центр зала занимали круглый низкий журнальный столик из темного дерева и мягкая мебель в чехлах из красной плотной ткани с желтым растительным узором.

Я ожидал увидеть татами, перегородки из бумаги, а не паркет, слегка потертую люстру в классическом стиле с недобором хрустальных висюлек

и потертой позолотой. Открыв дверь пошире, чтоб мог протиснуться Наруто, я что-то задел и прихожую «затопила» разномастная обувь, всколыхнув забытые на полу бумаги. На ступеньке и дальше по темному паркету, как хлебные крошки, к столу вел след из развернутого почти до порога длиннющего свитка с внушительным списком покупок. Сам столик, кроме писчих принадлежностей и бумаг украшал полк кружек.

Передав пакеты Наруто, я попросил отнести их на кухню, а сам остался, чтоб немного убраться.

— А где кухня?

— Не знаю, — честно ответил я, — может быть там? — по наитию указал на левую дверь.

Пенаты с трещиной от пола до потолка в прихожей вызывали смутное узнавание. Но правдивость ощущений подтвердил бумажный фонарик с иероглифом «Морской» в круге, висящий на кронштейне в форме буквы «Г». И усилившееся чувство дежавю. Все это было интересно, хотя совсем не так, как я себе представлял. О том, что это не европейский дом можно было судить лишь по утопленной вниз прихожей, да по гета среди тапок. Все это добро выпало из обувного шкафчика, когда тот оторвался от стены и повис на одном шурупе, высыпав все содержимое наружу. Как знал, что я тут жить буду и рассвинячился по полной! Свиньей надо было ребеночка назвать, а не дельфином. Заходите, гости «дорогие»! Не навернитесь через тапки... а это что такое?!

В руках оказался порванный женский шлепанец ядовито-синего цвета. — Хм... фетишист? — тапочек был один, вся остальная обувь — мужская. Не став пока трогать шкафчик держащийся на честном слове, ногой я отодвинул обувь под стеночку и на этом успокоился.

Если бы не бумаги и забытая кружка на столике — чисто. Поднял со столика кружку, взглянув внутрь. Под шапкой плесени плескалась темная жижа, совсем не похожая на чай или компот. Кофе. — поморщился я. — Надеюсь, у меня нет зависимости. Не люблю кофе.

Из «избы читальни» вели две двери, одна справа, одна слева и маленький коридор с лестницей наверх. Мысленно присвистнул, оценив масштаб. По левую руку обнаружилась кухня-столовая, с весьма спартанским дизайном «кубики с дверцами», и тоже ни следа каких-то азиатских вещичек. Из кухни можно было попасть на балкон, который выходил на оживленную улицу. Я, ради интереса, пару раз открыл-закрыл балкон, отметив, что с закрытыми дверями становится очень тихо. И это при том, что эти одинарные стекла ни разу не стеклопакет.

Азиатщиной повеяло только в ванной комнате: «плевать на общие размеры квартиры, а санузел сделаем таким маленьким, чтоб нагнувшись за мылом, ты двери жопой открывал»! Ванная — прямоугольная короткая, но с высокими бортами бадья, никаких занавесок, просто кругом мелкая слегка теплая под босыми ногами серо-зеленая плитка и дополнительный слив в полу. Как бы я не любил отдельные санузлы в дизайне, но весь этот закуток определенно стоило бы объединить с коридором-апендиксом и отдельным туалетом, получив одну большую ванную.

Спальня и детская особо не выделялись, так что я спустился вниз и пошел на кухню. Хотелось обследовать новое место обитания тщательней, но пожрать я хотел сильнее. Да и гостя не вежливо оставлять предоставленным самому себе.

— Ирука-сенсей, я пойду? — застал меня врасплох вопрос Наруто.

— Куда? — не понял я. — Заходи обратно, садись. Я же обещал тебя покормить.

Кухонным ножом я орудовал, как профессиональный повар. Так что от лука не успел расплакаться. Пока я химичил над плитой, Наруто в тихую смылся обследовать квартиру. Я сделал вид, что не заметил, как клон остался шуршать пакетом с конфетами.

— Ирука-сенсей, — окликнул клон, — а почему вы рамен едите, если готовить умеете?

Я во время готовки ушел в себя и чуть не подпрыгнул от неожиданности.

— Я не люблю готовить. Умею, но не люблю.

— Ааа, понятно.

Блин! Готово уже, а я тут торможу!

— Наруто.

Клон развеялся с легким хлопком, а мальчик сидел и разглядывал потолок, будто ничего не произошло. Ага, я так и поверил.

Разлил красное варево по тарелкам и плюхнулся на стул. Мебель на кухне ни чем особым не выделялась, будто ее сделали для галочки, но вот холодильник впечатлял. Это был монстр нежно бежевого цвета в тон лакированной древесины шкафчиков, с мощной ручкой, как у ретро-автомобиля, и дверцей, как от бомбоубежища.

— Это что? — ткнул в капусту палочками Наруто, — Какой-то новый рамен?

— Нет, — вытянул из его рук окрасившиеся в красный цвет палочки и вручил ложку.

— А что?

— Борщ, — с трудом выговорил я, будто иностранец.

Разглядев с разных сторон чашку, Наруто утопил сметану керамической ложкой.

— Не бойся, не отравишься. Приятного аппетита.

— Itadakimasu.

Губы, сами собой, повторили «Itadakimasu». Буквально это звучало, как: «Я принимаю [эту пищу]», но слышалось как тарабарщина, значение которой приписали в скобках. После постных суши и прочей безвкусной мурсы, что я ел в больнице, мой ненастоявшийся борщ показался манной небесной.

«Как там Мишка? Наверное, он сильно испугался, — задумчиво облизывал я пустую ложку, — Рассказал уже тете, что я скончался? Или ему как всегда похрен и он заметит, что я сдох, только когда начну покрываться трупными пятнами и «благоухать»?»

Иногда я называл тетю мамой, а иногда забывал. Не смотря на то, что они приютили меня, по-настоящему родными они мне не стали. Хотя сами родственники, наверное, думали иначе. Я лгал и улыбался, чтобы они оставили меня в покое. Я все понимал, но было мне гадко от их соболезнований и лживого сочувствия! Каждый из многочисленных

родственников считал своим долгом демонстративно посочувствовать, а на самом деле беречь мою душу...

— Еще! — отвлек меня Наруто. — Это даже вкуснее рамена! ... Ирука-сенсей, а вы Теучи-сану не расскажете?

— Ммм? — все еще находясь в плену своих воспоминаний, я переспросил,
— Что?

— Ну, что я сказал, — морща лоб и пытаюсь правильно проговорить проговорил Наруто, — что босч... бош вкуснее рамена.

— Не расскажу, - грустно улыбнулся я.

На второй площадке Наруто взял половник и наливал уже сам.

— Не лопнешь? - веселясь фыркнул я.

Наруто настороженно замер.

— Если хочется, ешь, — улыбнувшись, я легонько ударил ногтем по боку кастрюльки: — Не отбираю, я просто беспокоюсь, что тебе плохо станет. Миски я выбрал совсем не маленькие.

— Нет! Даттебайо! — вернул Наруто улыбку.

Рассказать про: «А ты налей и отойди»? Спокойно подумать Наруто мне так и не дал. Если он не жевал — то говорил.

Когда за окном включились фонари, в дверь, неожиданно, постучали. Не подумав посмотреть в глазок, я распахнул дверь и замер. Тут что, нет грабителей и воров? ... Я туплю. Тут целый город убийц, домушничество и рэкет смертельно опасны!

— Доброго вечера, Ирука-сан, — поздоровался человек в маске не пойми кого, — Хокаге-сама желает вас видеть. И Наруто тоже.

— Ясно... — неуверенно ответил я, пытаюсь понять, что же за зверь изображен на маске.

Наруто проскочил под рукой.

— Куда намылился?

— К... Хокаге, — удивленно посмотрел.

— Иди, умойся. Капуста на ушах висит.

Мальчик схватился за уши.

— Нет там ничего! — засопел недовольно, но вернулся в квартиру. Где ванная он уже знал, но пошел на кухню.

АНБУшник никуда не ушел и с любопытством наблюдал, кося зеленым глазом через прорезь маски. Я откуда-то знал, что этот человек удивлен и заинтересован. Что за ерунда?! — мысленно воскликнул я.

— Ирука-сан. Мне сказали, что с вашей памятью не все в порядке. Мне приказано вас проводить.

— Хорошо. ... Эм, как вас?..

— Тигр, — хмыкнув, мужчина указал на полосатую маску пальцем, затянутым в черную перчатку, чуть постучав стальным когтем.

Тихо, не ржите...

— Хорошо, - неловко улыбнулся, - Тигр-сан.

Титанических усилий мне стоило не вертеть по сторонам головой. А посмотреть было на что. Плотная застройка, увитая трубами, проводами, разномастные окна и двери, даже разный окрас. Но в этом хаосе, казалось, был свой стиль. Такая странная эклектика, будто взяли стили разных эпох и направлений и смешали в одну кучу. Притворно лениво мазнул взглядом по стене. Кошмар архитектора, напоминающий стимпанк и традиционно японский стиль одновременно. Тут про эргономику не слышали? Вот об эту арку человек среднего роста лбом будет биться! Мда, над этой вмятиной уже можно написать: «Место для удара головой». И это была центральная улица! Освещение — странноватые лампы, натканные в самых неожиданных местах.

Глаза ощупывали местность, чуть задерживаясь на немногочисленных прохожих и тенях над головой. Ни фиги-се, они реально скачут по крышам! Монументальные лица предыдущих Хокаге напоминали небезызвестную гору Рашмор, я даже сбился с шага, засмотревшись.

Но вот из-за приплюснутых домиков постепенно выросла резиденция местной Власти. Красный домик Хокаге. Или Башня каге. В сумерках здание казалось темно-бордовым, словно стены красили кровью.

Крохотные окошки терялись на фоне массивных стен, точно придавленные пыльно-желтыми крышами. А венчали это безобразие круглая бляха с символом: Огонь. И зубья, похожие на корону, растворяющиеся в темноте неба.

Местная архитектура мне решительно не нравилась. Лестницы, лестницы и всюду, кроме верхних этажей, искусственный свет. Внутри резиденция казалась еще больше. Здесь было обманчиво пустынно, потому что я чувствовал сверлящие спину взгляды.

"В глазах рябит от ступенек... Пришли? О, счастье!"

За массивным столом сидел старик. «Шляпка со шторкой», — подумал я, глядя на головной убор каге. Старик кивнул, заметив гостей, отложил бумаги и, прищурившись, ухмыльнулся. Улыбка добродушная, если не приглядываться, а приоткрой глаза пошире — гаденькая.

Улыбаемся и машем, люди любят идиотов! ...Черт! Что говорить?

— Хокаге-сама... — поклониться ж надо.

Третий выставил руку, как только я собрался челом бить. Ешкин кот! А старика как звать? Обезьяна? Хм. Пусть будет Хокаге-сама. Потом вспомню.

— Не нужно. Ирука-кун. Ты едва не остался калекой. Не перенапрягай спину.

"На мне написано — не кантовать?"

Наруто втянул голову в плечи, воровато глянув на меня. А Третий будто и не заметил:

— Боюсь, из-за проблем с памятью, я вынужден отстранить тебя от обучения юных шиноби.

И слава всем богам!

— Мне самому сейчас не помешал бы учитель. — Печально вторил я дедке.

— Ирука-сенсей?! — воскликнул Наруто. — Хокаге-сама?!

— Наруто, иди домой, — отозвался Хокаге.

И фига ты ребенка звал? Он же живет у Западных ворот! Это почти через всю деревню переться! ... Так, а я откуда знаю, что он так далеко живет?

— Хокаге-сама, — Наруто еще раз глянул на меня и попрощался, — до свидания.

Захлопнулась дверь, и старик начал методично набивать трубку. Тягостное молчание давило на нервы. Отчего-то начало подташнивать.

— Сарутоби Хирузен, если ты забыл. На табличке имени не написано.

Я вздохнул:

— Извините.

— Печально, когда АНБУ, пусть и бывший, лишается памяти, а вместе с ней и ценнейшего опыта... Я попрошу подыскать тебе учителя. Жаль, что ты так и не подтвердил ранг.

Нацепив маску задумчивости, мысленно пошел в разнос: АНБУ?! Ое-й! Какой на фиг АНБУ?! Академия, работа в штабе и все! Откуда АНБУ?! Какой, к лешему, ранг?! Чего я еще не знаю?! Что-то мне уже хочется свалить из Конохи и никогда сюда не возвращаться!

Третий прикурил:

— У меня есть и другое предложение.

— Какое? — живо отреагировал я.

— Ты будешь вместе с Наруто, — выпустил сизое колечко, — в команде.

— Не понимаю... - недоуменно захлопал глазами.

Канон, ты где?! Как же Какаши?!

А ларчик просто открывался. В качестве наказания за опоздания Хатаке Какаши не только нужно было обучать самого проблемного выпускника академии — Наруто. Но и заниматься со мной.

— Да, наверно, не против, — тихо и неуверенно сообщил я старику, как только он замолк, — но... почему?

— Да?! — Третий поперхнулся дымом. — Хорошо. - поспешно заговорил он. - Какаши-кун бывает рассеян. А за джинчурики нужен постоянный присмотр. Заодно присмотришь за Саске!

— Понятно. — ошалело таращась я покивал.

По факту меня понизили до генина, но мне же проще! Хе. Оригинальный Ирука, я на сто процентов уверен, отказался бы от сего сомнительного счастья. А я думал, учителями становятся те, кто не смог найти себе работу по душе?

Нахлынули воспоминания. Вот я пялюсь в книгу со списком университетов. И спрашиваю у тети:

— Мам, — врать легко, — а ты хотела стать учителем?

— Нет.

— А кем хотела?

— Я уже не помню.

— А мама моя,- натыкаюсь на недовольный взгляд и сам себя поправляю, - твоя сестра, кем она хотела стать и кем стала? ...

— ...Ирука-кун! Ирука!

— Извините, Хокаге-сама. Вспомнилось что-то, — рука потянулась к переносице потереть шрам.

Дурацкий жест.

Из резиденции Хокаге я вышел со смешанными чувствами. Поскольку я стал ограниченно полезным и нормально зарабатывать не мог, то мне временно назначили пособие. Но маленькое. Но хорошо хоть такое выдали. И пообещали еще одни гроши — за работу ассистентом в учебной команде номер семь. И дополнительно плату в размере десять процентов от стоимости миссии. С учетом того, что это низкооплачиваемые работы начинающих шиноби — платить будут такие копейки, что плакать хочется. Но, как объяснил Третий, больше нельзя — иначе генинам ничего не достанется. При такой постановке вопроса спрашивать, почему Деревня не может мне выплатить процент от миссий, не обирая генинов, я не стал. И так все ясно.

Джонин-сенсей обычно получал свою плату за руководство командой, и процент с миссий. Ну и то, что сам зарабатывает отдельно от команды, разумеется. Или вы думаете, что Джонины и специальные джонины все время проводят с командой? Как бы не так. Просто на высокоуровневые миссии они бегают без своих учебных команд.

Но добил меня Ирука — АНБУ. Это был какой-то бред! Хотя не больший, чем Ирука — джонин, пусть даже специальный (Токубетсу*).

— Хах, — расстроено выдохнул. — Бред! Как и все вокруг!

Это заявление на счет ранга меня морально убило. Только вот по какой специализации Третий так и не сказал. Партизан-долгожитель! А еще, оказывается, Ирука отнекивался от повышения до специального джонина, но не вышло — Каге настоял. Но от повышения до полного джонина Умино успешно увиливал. Вот только почему? Загадка.

Вдохнув прохладный воздух, я глянул в иссиня-черное небо. Оно искрило незнакомыми созвездьями, сбивая с толку бледную память моего прошлого и слишком туманную память этого тела. Я зажмурился изо всех сил. Сон, это дурной сон. Я скоро проснусь! Это просто кома! А меня сейчас пичкают всякой химией и...

— Ирука-сенсей! — Наруто? — открыл я глаза. — Почему домой не пошел?

— Ну, у вас там эээ... босч остался и мои конфеты!

Почему-то стало немного легче.

— Пошли. — потрепал малого по волосам. — И не босч, а борщ.

Уполовинив здоровенную кастрюлю, Наруто начал клевать носом с ложкой во рту и вскоре заснул. Распихивать и выгонять на ночь глядя я его не собирался, и потому, постелил в небольшой комнате, когда-то бывшей детской. Старые игрушки на полках явно на это указывали.

Уложив Наруто, я собрался уйти, но заметил непонятную тень на полке у входа. Повинуясь неясному порыву, я взял предмет в руки. Полинявший от хвоста тряпичный дельфин с глазами пуговицами вызвал непонятную тоску. Точно я держал в руках подарок МОИХ погибших родителей. Разница была лишь в том, что мой подарок был из серого плюша.

— Волчик, — прошептал одними губами кличку своей игрушки.

— Ирука-сенсей? — осторожно позвал Наруто. — Это была ваша любимая игрушка?

На что я неубедительно пожал плечами и отдал дельфина мальчику.

— Спокойной ночи.

— Спокойной, — заторможено повторил Узумаки уже из-за закрытой двери.

Перед сном я хотел подумать, но, не успев толком поворочаться, уснул. Полный впечатлений день вымотал меня сильнее, чем показалось в начале.

Глава 3. Анкета, фото и Конохамару?

Дикий звон заведенного в полудреме по чужой привычке будильника и вопль Наруто: «проспал, проспал!» поначалу показались мне продолжением кошмара, который не вспомнить с утра. Я подорвался с постели, как ужаленный, умудрился удариться локтем об тумбочку и уронить часы на пол, откуда они укатили под стол, не перестав звенеть. Мерзкий механизм успокоился, лишь когда я покрутил все ручки и нажал все кнопки не по одному разу, наверняка сбив все настройки этого чудо-девайса. Впервые держал в руках такие сложные механические часы. Хотя сзади имелись надписи про дни недели и прочие, понять как это работает я так и не смог. Казалось, вскипел мозг, а толка — никакого.

Вежливый стук отвлек от «головоломки», на пороге на секунду замер Наруто, удивленно осматривая меня. — Привет, что случилось? — Ирука-сенсей... можно нитку и иголку у вас взять? А чего вы на полу сидите? Попросив посмотреть вещи, я краем глаза наблюдал, как возбужденно подпрыгивая, мелкий показывая, то одну, то другую прореху. Он просил одну длинную нитку, чтобы зашить все разом. — Это долго будет, — заключил я и решил проблему радикально. Содержимое ящиков детской Ируки ровным слоем покрывало комнату. Я даже нашел бежевый костюм с символом клана и маечку-сетку, которые носил Ирука когда был мелким.

Клан Умино. Только отец, мать и сам Ирука? Или были другие? Хм. Надо бы аккуратно разузнать.

После недолгих поисков Наруто мог похвастать обновками из секондхенда «Барахло Умино»: темно-серой майкой с синими рукавами и черными шортами из плотной тонкой ткани. Ради интереса, я развернул бандану и спрятал под ней волосы мальчишки. В таком виде Наруто сам себя не узнал, а потом веселился, что так он станет крутым шпионом.

Сначала я не хотел идти, но Наруто уговорил пойти с ним хотя бы затем, чтобы освежить в памяти знакомые места. Вместо прогулки по Конохагакуре, я получил мини-квесты: "Найди со мною фотографа", "оформи документы" и "пройди приемную комиссию". Ну, последнее — я загнул. Надо было только хокаге сдать бумагу и до завтра — свободен. Дядя фотограф обнаружился только через полчаса. Он сидел в кафешке, лениво потягивая sake. Может мне показалось, но если бы меня не было рядом, вся эта бумажная волокита у мальчишки заняла бы гораздо больше времени.

Фотограф чиркнул карандашом по сложенному в несколько раз листку, как галочки ставил. — Последний. Парень, — повернулся ко мне дядя, — Эй, ты, с хвостом! На фотосессию угрохали кучу денег. На пятьсот тринадцатом рье или девятом фото, ко мне тихо начала подкрадываться жаба. — Наруто, хватит уже. — Еще одну! Эта последняя, точно! — Точно? — Точно! — Ладно.

Наруто сверился со списком и радостно сообщил: — Сегодня ничего! Завтра фото наклеить на анкету и к Хокаге на собеседование!

Поплутав по улочкам, мы остановились у ворот мертвого клана Учиха. Лакированные колонны начали трескаться, а декоративные шторы с веерами запылились настолько, что фон стал напоминать синюю гуашь, в которую влезли после белой и черной. Выходя из-за угла мальчик столкнулся с кособоким мужичком, который бодро ковыляя выскочил из квартала Учих. О, а вы говорите срезать — опасно! — мысленно воскликнул, прежде чем мужичок пропал. Развеявшийся легкий дымок от прерванной техники иллюзий, явил нам хозяина квартала.

Вечером Наруто поставил меня перед фактом: — Я теперь буду жить у вас! У меня трубу дома прорвало! И потолок обвалился! И... — Я сделаю вид, что поверил. Ага? Располагайся как дома, я не против. — поспешно сказал я, — Только не нужно врать, хорошо? Наруто просиял так, что заставил бы улыбкой Чеширского кота удавиться от зависти.

Глава 4. Его еще нет?

И все же Наруто уговорил меня выучить клонов. Просто в какой-то момент отказываться стало неудобно. «Но вы — не кто попало!» — возмущался Наруто. Ну, что я мог на это сказать? Я — кто попало? А дальше что? И я уступил. Но технику повторить не сумел. Как оказалось руками не только надо печати складывать, но и чакру в них направлять, чтобы дзютсу активировать. Вспомнил я об этом далеко не сразу. Да и с чакрой у меня вышло только белесое облачко, а не клон.

День обещал быть интересным. Я обязательно повстречаюсь с Шаринган-Какаши, может даже увижу других персонажей... Других людей, знакомых мне по манге! — Лю-дей, дырявая голова, людей — вслух поправил себя и еще за запястье больно ущипнул, чтобы лучше запомнилось.

У главного входа собралась разномастная толпа: у некоторых родителей на одежде я заметил значки, похожие на клановую символику, но ни один из символов не был мне знаком по канону. Другие же напоминали обычных гражданских, что только налобная повязка могла выдать в них шиноби.

Меня доставали родительницы: кто-то глазки строил, кто-то действительно только спросить подошел. Всем я отвечал одной фразой: «Я не на работе, извините, ничего сказать не могу». Появился Нибори Морио — персонаж, которого я не припомнил. А память Ируки по-прежнему молчала.

Вскоре начали выходить дети, и на меня перестали обращать внимание. Наруто вышел и спросил: — Ирука-сан, а кто такой ассистент? — Ассистент — это помощник или младший преподаватель. А тебе зачем? — Тору-сенсей сказал, что ты у моей команды ассистентом будешь.

— Даже не спросишь, с кем я в команде? — Сакура, Саске. — Ты знал! — воскликнул блондин. — Я слышал. Действительно, два вопля не услышать было трудно. Ты закричал: «Ураа!» Значит, в команду попала Сакура. А по тому ору, что был после девичьего: «Знай наших!», стало понятно, что третий — Саске.

В это время в квартире, больше похожей на филиал помойки, Третий сидел на расшатанном стульчике, а рядом с ним стоял Хатаке Какаши. — Так Наруто больше здесь не живет? — спросил наставник команды семь. — Нет, — отмахнулся Хокаге от мухи, — Перебрался к Ируке.

В аудиторию первым влетел Наруто. — Привет Сакура-чан. Пришел сенсей? — Нет еще. Я читал книжку, прикрывая её самодельной обложкой — похабное чтиво пера Джирайи.

Наруто закреплял одну из меловых щеток в дверях аудитории. Ту самую, которой суждено приземлиться на голове Хатаке Какаши. Я притворился близоруким и глуховатым. В проеме показалась рука, а за ней серо-стальная шевелюра. Встретились с хлопком пыльная щетка и голова Хатаке. По классу разлетелись частички мела, покрыв пол и ближайшие парты мелкой белой пылью.

В то же самое время, пока в Академии встречали опаздывающего Какаши, Макуто стоял на коленях в центре заброшенного склада, сжимая в потных ладонях купленный на рынке танто. Лезвие блестело в луче света, пробивавшемся сквозь щель в стене, и мальчик смотрел на своё отражение в металле.

Он тренировался уже третий час.

Новые техники из свитка — Множественные Теневые Клоны, Техника Демонического Ветра, Ускоритель Чакры — требовали времени и практики. Но сегодня мысли Макуто были не о них. Он думал о распределении.

В Конохе команды уже утверждены. Джонины встречаются со своими генинами. Наруто, Саске и Сакура ждут Какаши. Сикамару, Тюдзи и Ино

будут учиться у Асумы. Хината, Киба и Шино достались Куренай. Остальные выпускники тоже получили свои назначения.

А что насчёт него?

Макуто закончил Академию со средними баллами — ровно настолько хорошими, чтобы не оставить на второй год, и настолько плохими, чтобы не привлекать внимания. Его чакра была подавлена до уровня среднего генина. Его навыки владения кунаем были оценены как «удовлетворительно». Его теоретические знания — как «хорошо».

Никто не смотрел на него как на гения. Никто не ждал от него подвигов.

Но этого было недостаточно, чтобы попасть в одну из трёх команд. Генинов было больше, чем джонинов. Три человека на команду — и ни одного лишнего места.

Значит, оставался единственный вариант.

Ассистент.

Макуто слышал эту новость от Наруто, который не умел держать язык за зубами. Команде номер семь назначили ассистента — Ируку Умино, бывшего учителя Академии, который теперь будет помогать Какаши. Тору-сенсей, который вёл распределение, упомянул, что ассистентов назначат к нескольким командам. Не только к седьмой.

Кто-то должен был взять на себя бумажную работу. Кто-то должен был следить за дисциплиной. Кто-то должен был помогать джонинам, у которых не хватало времени на всё сразу.

Макуто встал и отряхнул штаны.

Он не знал, куда его пошлют. Может быть, к команде Асумы — если повезёт. Может быть, к команде Куренай — если очень повезёт. Может быть, к команде, о которой никто не говорит — к тем, кто не попал в основные списки.

А может быть, к команде номер семь.

Мысль о том, чтобы работать бок о бок с новым Ирукой, вызывала смешанные чувства. С одной стороны, это давало возможность наблюдать за чужим сознанием вблизи. С другой — риск был слишком велик. Если ассистент окажется в той же команде, что и Наруто, его истинная чакра может быть раскрыта. Ирука был не просто учителем — он был бывшим агентом Корня, чья сенсорика могла быть острее, чем у обычного шиноби. Новый же хозяин этого тела мог быть кем угодно — и Макуто не хотел проверять, насколько он опасен.

Он вернулся к тренировке.

Танто в правой руке, воображаемый противник — в трёх метрах. Резкий выпад, уход в сторону, блок, контратака. Движения были отточенными, но не идеальными. Он специально делал их такими — достаточно хорошими, чтобы выжить в драке, но недостаточно заметными, чтобы привлечь внимание.

После третьего часа он сел на пол, прислонившись спиной к стене, и закрыл глаза.

Внутри него, в тайном кармане пространства, лежали свитки с его прошлым. Тати отца. Чёрный меч Райджина. Зелёный «Лесной Зуб». Записи клана Фаруд. Всё это было при нём, но никто не знал.

Он думал о будущем.

Ассистент — это не герой. Это тень. Тот, кто помогает, но не высовывается. Тот, кто выполняет приказы, но не принимает решений. Это было идеально. Идеально для того, чтобы оставаться незаметным. Идеально для того, чтобы ждать.

Он не знал, какая команда его ждёт. Не знал, кто будет его новым сенсеем. Не знал, сколько времени пройдёт, прежде чем он сможет вернуться к настоящей охоте.

Но он знал одно: он будет готов.

Лезвие танто блеснуло в луче света. Макуто убрал его в ножны и встал. Завтра он узнает своё распределение. Завтра начнётся новый этап его жизни в Конохе.

А сегодня — ещё одна ночь тренировок. И ещё одна ночь воспоминаний.

Глава 4. Его еще нет?

И все же Наруто уговорил меня выучить клонов. Просто в какой-то момент отказываться стало неудобно. «Но вы — не кто попало!» — возмущался Наруто. Ну, что я мог на это сказать? Я — кто попало? А дальше что? И я уступил. Но технику повторить не сумел. Как оказалось руками не только надо печати складывать, но и чакру в них направлять, чтобы дзютсу активировать. Вспомнил я об этом далеко не сразу. Да и с чакрой у меня вышло только белесое облачко, а не клон. Наруто как увидел это, честно пытался не ржать. Да только все равно видно было, что ему смешно.

— Ну, да — почесал я в затылке, — звук от этого недоклона, будто кто-то воздух испортил.

Этого Наруто уже стерпеть не смог и рассмеялся в полный голос. Легко сказать: «Представьте себя»... Какого себя? Себя — который умер? Или себя в чужой шкуре? В общем, я решил оставить изучение этой техники до лучших времен. До тех, когда определюсь — кто я теперь. Но печати запомнил и зарисовал. Их было довольно много. Нестандартная крестообразная печать — это сокращение для тех, кто уже освоил технику.

День обещал быть интересным. Я обязательно повстречаюсь с Шаринган-Какаши, может даже увижу других персонажей... Других людей, знакомых мне по манге! — Лю-дей, дырявая голова, людей — вслух поправил себя и еще за запястье больно ущипнул, чтобы лучше запомнилось.

От нового солнечного дня я спрятался за рукой, приставленной козырьком, чтобы рассмотреть башенку Академии, что маячила далеко впереди. Идти туда мне совершенно не хотелось, даже несмотря на любопытство. А Наруто все норовил убежать вперед, но возвращался, чтобы дернуть меня за руку или штанину, чтобы я не отставал, и убежать снова.

У главного входа собралась разномастная толпа: у некоторых родителей на одежде я заметил значки, похожие на клановую символику, но ни один

из символов не был мне знаком по канону. Другие же напоминали обычных гражданских, что только налобная повязка могла выдать в них шиноби. Женщины наседали на кого-то у дверей, пытаюсь узнать из первых рук, с кем в команде будут их чада, а немногочисленные мужья нервных мамаш, неплохо проводили время на детской площадке. Судя по смеху, в своих отпрысках они были уверены. Похоже, клановые все уже знали заранее, раз тут нет никого и близко похожего на Яманака Иноичи или Хьюга. Иноичи и родня Хинаты меня интересовали исключительно из-за их мутаций: я ведь не в мультике, хотелось живьем посмотреть, как выглядят глаза без зрачка.

— Новое поколение убийц, — невольно хмыкнул, лавируя между людьми.

— Родителям сюда нельзя! ... Ой! Ирука?

Сделав вид, что не обратил на этот возглас внимания, я легонько пихнул Наруто в спину, и пожелал ему удачи. А сам быстренько смылся подальше от знакомого Ируки. Полный мужчина с картошкообразным носом, козлиной бородкой и расстегнутым из-за большого круглого живота жилетом казался ряженным на фоне поджарых, словно легкоатлеты, родителей генинов. Вот только ряженным он быть никак не мог.

Прислонившись к дереву с качелями, глянул в небо через крону, пытаюсь вспомнить хоть что-то о коллегах Ируки, но был «атакован» тощей женщиной с волосами, похожими на подсохшую тину. После нее до меня стали докапываться и остальные родительницы: кто-то глазки строил, кто-то действительно только спросить подошел. Всем я отвечал одной фразой: «Я не на работе, извините, ничего сказать не могу».

— Ирука?! Что ты тут делаешь? — наиграно воскликнул кто-то над головой.

— Стою я тут, — и снова ответил родителям, что ничего об их детях не знаю.

Собеседник хохотнул и скатился с дерева, прямо между мной и женщинами. Те поморщились, но отошли.

— Вижу. Но почему ты не там, если здоров? — кивнул рыжий в сторону Академии.

— А что мне там делать? — прикрыл глаза и руки на груди сложил, чтобы и этот товарищ отвязался поскорей.

— Так это правда... Ты совсем ничего не помнишь?

— Последнее, что я помню, это как Наруто отделал Мидзуки и потом чуть не придушил меня.

— Монстр!

— Вот после таких разговоров я рад, что потерял память.

— Ты сильно изменился.

Я пожал плечами, украдкой рассматривая собеседника. Небрежная копна рыжих прямых волос, замысловато выбритая бородка, похожая на якорь, и глаза болотного цвета. Такого персонажа в манге я не припомню. А память Ируки по-прежнему молчала. Я отлично помнил именно свое прошлое; книги, фильмы, но здесь она меня подводила. Вот уже третий день я не мог запомнить дорогу от дома до Академии!

— Не знаю, мне не с чем сравнивать. Может и изменился.

Парень оглянулся, словно каким-то секретом поделиться со мной захотел и выискивал лишние уши, а заметив еще двоих девушек, направлявшихся ко мне, бросил только:

— Бывай. Ирука.

— Не напомните, как вас зовут?

— Нибори Морио.

— Удачного дня, Морио-сан.

И мысленно добавил: «Топай отсюда, Маугли!»* Он усмехнулся и, махнув рукой, скрылся в толпе. «Ирука, ек-макарек, где тебя носит? Я даже не представлял, сколько левых людей тут шатается! А я ни сном, ни духом!»
— безрезультатно пытался я спровоцировать бывшего владельца тушки.

Вскоре начали выходить дети, и на меня перестали обращать внимание даже те мамы, которые пока еще своих отпрысков не дождались.

В то же самое время, на другом конце Конохи, в заброшенном складе на окраине старого квартала, Макуто заканчивал очередную тренировку. Он не пошел к Академии — незачем было там появляться. Распределение команд уже состоялось, и место ассистента, о котором говорил Тору-сенсей, было утверждено еще накануне. Вчера вечером к нему в каморку постучал посыльный из администрации и передал запечатанный конверт.

Макуто не вскрыл его сразу. Он дождался полуночи, когда старуха О-Тойо уснула, и только тогда разорвал печать. Внутри лежал короткий приказ — он назначен ассистентом в учебную команду под руководством джонина Хатаке Какаши, известного как «Копирующий ниндзя». В скобках было приписано: «Команда номер семь».

Он прочитал бумагу трижды, перевернул, проверил печать Хокаге и только потом убрал в поясную сумку.

«В команду номер семь, — повторил он про себя. — К Наруто, Сакуре и Саске. К Ируке».

Мысль о том, что ему придется работать бок о бок с чужим сознанием в теле учителя, не вызвала страха. Вызвала холодный, расчетливый интерес. Он сможет наблюдать. Сможет изучать. Сможет понять, что это за человек и насколько он опасен.

Всю ночь он провел на складе, отрабатывая технику Множественных Теневых Клонов. К утру он научился создавать три десятка копий без видимых усилий. Этого было достаточно. Пока.

Утром он вернулся в свою каморку, умылся ледяной водой из кувшина и переоделся в обычную одежду — зеленую куртку с капюшоном, серую футболку, тёмно-синие трико. Ботинки с жесткой подошвой он начистил до слабого блеска. Ржавый кунай висел на поясе, как обычно.

В Ичираку он зашел перед самым открытием. Тэучи, который уже стоял за стойкой и раскатывал тесто, поднял голову и хмыкнул.

— Ты чего сегодня раньше? Смена через час.

— Я не работать, — ответил Макуто. — Мне нужен был разговор.

Он положил на стойку приказ из администрации. Тэучи вытер руки о фартук, взял бумагу, пробежал глазами и присвистнул.

— Команда семь? К самому Какаши? Это серьезно, парень.

— Знаю.

— И когда начинаешь?

— Сегодня. Тест на выживание в одиннадцатом тренировочном полигоне. В пять утра.

Тэучи глянул на часы, висевшие на стене, и покачал головой.

— Ты еще не ушел, а уже через три часа надо быть на полигоне. Работу, выходит, придется оставить?

— Нет, — сказал Макуто. — Я буду приходить после тренировок. Вечером. И по выходным.

— И когда ты спать будешь?

— Я привык.

Тэучи вздохнул, свернул приказ и вернул его мальчику.

— Ладно. Иди. Но если свалишься с ног, я тебя выгоню. Не нужен мне мертвый помощник.

Макуто кивнул, спрятал бумагу и вышел на улицу.

День был ясный, идти обратно домой не хотелось и я решил дожждаться Наруто на качелях с книжкой. Нашел у Ируки похабное чтиво пера Джирайи. «...Она разбила вазу, бессильно опустила руки и заплакала. «Он не вернется», — подумала Нами...» Электронная книжка с моей библиотекой, я очень, очень, очень скучаю!

— Ирука-сан, а кто такой ассистент? — А? — увлекшись книгой, не заметил, как подошел Наруто. — Ассистент — это кто? — повторил мальчик.

— Ассистент, в общем значении, помощник, или младший преподаватель. А тебе зачем?

— Тору-сенсей сказал, что ты у моей команды ассистентом будешь.

— Что? ... А точно. — Третий что-то такое говорил. — А что вас уже распустили?

— Не. Сказали пойти поесть, после обеда ждать наставника. У всех остальных они уже пришли, а наш опаздывает.

— Ясно.

— Даже не спросишь, с кем я в команде?

— Сакура, Саске.

— Ты знал! — воскликнул блондин.

— Я слышал. Действительно, два вопля не услышать было трудно. — Ты закричал: «Ураа!» Значит, в команду попала Сакура. А по тому ору, что был после девичьего: «Знай наших!», стало понятно, что третий — Саске.

Хотя по поводу Учихи — пальцем в небо. Но я угадал правильно.

В это время в квартире, больше похожей на филиал помойки Третий сидел на расшатанном стульчике, а рядом с ним стоял Хатаке Какаши.

— Так Наруто больше здесь не живет? — спросил наставник команды семь.

— Нет, — отмахнулся Хокаге от мухи, — Перебрался к Ируке.

— Вот как... хм.

— Наруто дурак, но думаю, ты справишься. Ирука поможет. К тому же, у тебя в команде — Саске из того самого клана Учиха.

— Спасибо. — безрадостно отозвался джонин.

В аудиторию первым влетел Наруто.

— Привет Сакура-чан. Пришел сенсей?

— Нет еще. — буркнула девочка, а заметив меня, дежурно улыбнулась. — Здравствуйте Ирука-сенсей!

«Так вот ты какая, Харуно Сакура». Девочка действительно была розововолосой. Носила платье насыщенно-малинового цвета с белым кругом на спине и рукавах и темно-зеленые бриджи. Лицо симпатичное, но было в нем что-то такое, от чего красивой ее назвать язык не поворачивался. Симпатичная, но не более того.

— Привет всем. — поправил самодельную обложку. Мне совсем не хотелось показывать, что я читаю.

— Здравствуйте, Ирука-сенсей. — холодно поприветствовал меня Саске. Учиха, в сравнении с Наруто и девочкой, казался частью интерьера. Такой же «подвижный» и «заметный».

— Наруто! — зазевавшийся парень схлопотал не хилую затрещину от Сакуры. — Ты почему не поздоровался с сенсеем?!

— Виделись уже!

Вмешиваться я не стал, хотя очень хотелось. Но лучше объяснить неугомонному блондину, что не надо позволять себя бить, чем защищать его от девочки. Второе будет просто унижительно. Наруто постоянно заглядывал в двери и пытался сунуть нос в книжку. Если бы я читал что-то другое, то я бы отдал книжку Наруто, чтобы он не носился по кабинету. Ерунда Джирайи неожиданно захватила мое внимание. Это была эротика наполовину с розовыми соплями бабского романа. Она — нелюбимая жена. Он — ее шиноби-телохранитель. Муж — человек-редиска... И муж мешает их счастью. И самурай мужа... И служанки... Не все, но многие... Бредя-я-ятина. Но местный пипл хахает и не морщится, а мне не помешает изучить на примере этих изменщиков местную культуру. Вот откуда бы еще я узнал, что седзи — это дверные панели, а фусума — это легкие перегородки-стены? Иногда я почитывал статьи о Японии, но таких мелочей не знал. Или просто не запомнил. Или в оставшейся в моем мире Японии все не так?

«До нее донеслись шаги служанки, спешившей открыть дверь. Через несколько минут в зал ввалился самурай, отряхивавший с соломенной шляпы снег. — Идите к огню, Бак-сан, — пригласила Май. — Что привело вас обратно, да еще в такую ужасную погоду?»

— А что вы читаете, Ирука-сенсей?

Стоя на носочках Узумаки пытался заглянуть в книгу и прочитать иероглифы вверх тормашками.

— Тебе не интересно будет. — улыбнувшись, закрыл книжку.

— Наруто! Отстань от сенсея! — зачем-то вмешалась Сакура. Девочка нравилась мне все меньше и меньше.

— Хорошо, Сакура-чан! — легко подчинился Узумаки, а затем взял мелок с подоконника и помчался что-то чиркать на доске. — Сакура-чан! Я тебя нарисовал!

Я скосил глаза на доску. На черной поверхности был корявый пучеглазый человечек с длинными волосами и зубами, похожими на застёжку-молнию. Ни слова не говоря, Сакура влепила горе-портретисту затрещину. Харуно швырнула ни в чем неповинный мел в окно, чуть не попав в меня, но у тела были неплохие рефлексy и кусочек оказался зажат в руке. Громко хлопнув книгой, пошел к доске.

— Сейчас тебе влетит! — прошипела девочка с улыбкой победительницы.

— Сакура, всех знакомых лупишь, когда тебе что-то не нравится?

Девочка чуть не села там, где стояла, беззвучно открывая рот на пару с блондином.

— Наруто, — вытер рисунок, — если не умеешь что-то делать — научись. Если не получилось — попробуй еще раз.

Впервые в этом мире я что-то рисовал. Приятно признать, что хуже, чем прежде, не получилось, но практики этому телу явно не хватало. Спасала хорошая моторика, ловкость и точность движений, а также хороший глазомер. А еще очень порадовало хорошее и четкое зрение, различающее

куда больше оттенков, чем в прошлом теле. Теперь я весь мир видел четко ярко, как в игре на ультравысоком качестве, а не как раньше.

— Вы очень красиво рисуете, — ахнула куноичи, — Ирука-сенсей! А вы можете нарисовать Саске? — тихо попросила девочка.

Кивнув, подумал: «Дам ей еще шанс, а потом посмотрим. Поставить в угол ее я всегда успею».

— А меня! Меня! — прыгал отмерший Наруто. — Меня нарисуй!

— Сейчас.

Оторвавшись от любования на портрет себя любимой, Сакура возмутилась:

— Наруто, что ты творишь?!

— Хи-хи-хи... Ничего.

Застал я как раз тот момент, когда Узумаки закреплял одну из меловых щеток в дверях аудитории. Ту самую, которой суждено приземлиться на голове Хатаке Какаши. Стоило Сауре сказать: — Ирука-сенсей! Сделайте что-нибудь! — даже не обернулся, притворился близоруким и глуховатым, дорисовывая портрет Наруто. А Узумаки отскочил от двери к окну. Наверное, чтоб убежать, если вдруг что.

— Я сомневаюсь, — ровно проговорил Саске, — что джонин попадет в такую глупую лову...

Конец фразы заглушил звук отодвигаемой двери. Я покосился в ту сторону: в проеме показалась рука, а за ней серо-стальная шевелюра. Встретились с хлопком пыльная щетка и голова Хатаке. По классу разлетелись частички мела, покрыв пол и ближайшие парты мелкой белой пылью.

«Привет, попугай! — задержал дыхание, силясь не заржать, — Какаша хочет печеньку? Надеюсь, когда подружимся с Хатаке, он мне это „хи-хи“ припоминать не будет?»

Наруто не прокомментировал свою подлянку, но очень красноречиво заржал.

— Ой, простите, сенсей, я ему говорила, но он! — тут же сдала Сакура товарища. За что получила очень задумчивый взгляд одноглазого:

— Хм... — обвел взглядом нас всех джонин.

Хатаке Какаши выглядел немного не так, как я себе представлял. Нет-нет, маска на месте, жилетка и даже прическа — будто его запихнули в аэродинамическую трубу, а потом туда плеснули лака для волос. Просто видок у него был неопрятный; Бинт на лодыжке чуть размотался, один рукав закатан выше другого, пятно на жилете, из кармана мятая бумажка торчит. Чудак-человек. Впрочем, чудак прикольный, с ним дружить надо. Хотя бы затем, чтобы его собаки от меня подальше находились.

Сакура причитала: не виноватая я, он сам все сделал... Учиха только вздохнул тяжело. Будто сказав: «Представьте, каково мне с ними учиться было».

— Как бы это сказать. — тем временем продолжил Какаши, — Первое впечатление... — потер подбородок, — вы мне не нравитесь.

— Это высказывание относится и ко мне? — наклонил я голову на бок.

Какаши неопределенно хекнул, посмотрел на доску и вышел из класса. По дороге на крышу Наруто умирал со смеху. «Если он не успокоится, я тоже заржу». — Тш! Замолчать-то Наруто действительно замолчал, а вот улыбаться не перестал. Саске поглядывал неодобрительно, Сакура удивленно.

Крыша академии выглядела, как крохотный парк, даже вполне сформировавшимся деревьям нашлось место. Не дожидаясь приглашения, я уселся на ступени. Рядышком примостился Наруто. Каким-то шестым чувством я чуял, что спокойствие одноглазому дается тяжело. «Неужели его так взбесила щетка?»

Хатаке сел на перила и завел шарманку: «представьте, что вам нравится, что не нравится» и прочая ерунда. Не верилось, что Какаши это действительно интересно.

— Эй, эй! — Крикнул Узумаки, — сначала вы!

— Точно, — поддакивая, кивнула розововолосая, — кто вы вообще такой?

Я медленно прикрыл лицо рукой, хотя больше хотелось припечатать его со всего маху. «Гопники-лайт версия, аддон: «Мы, типа, культурные». Без мата, но с наездом!»

— Ооо... Я-то? Меня зовут Хатаке Какаши. Что мне нравится, а что — нет, я вам рассказывать не хочу... Хмм... мечты? ... Ну, увлечений у меня много.

«И одно из них — эротика, пера Джирайи! Прямо скажем „достойное“ и „солидное“ чтиво для одного из элитных шиноби».

Мега крутой конспиратор-Сакура повернулась и в полголоса буркнула:

— Выходит, все, что мы узнали, это его имя.

— А теперь ваша очередь, начнем с тебя. — Какаши ткнул пальцем в Наруто.

— Я! Я! Узумаки Наруто! Я люблю борсч! — Э? Хатаке даже переспросил, что это такое.

Наруто как смог описал незнакомое блюдо, с его слов борщ — это красный рамен с капустой вместо лапши.

— А еще я люблю обычный рамен, — не обратил внимания на тщательные расспросы о борще Наруто, — которым меня Ирука-сенсей угощает! Больше всего я не люблю ждать три... короче, пока готовится еда! Моя мечта превзойти Четвертого Хокаге и тогда я покажу, каков я на самом деле! Да!

Я одобрительно улыбнулся, когда Наруто оглянулся на меня, а сам подумал: «Попозже расскажу, что такое должность Хокаге и с чем ее едят».

— Увлечения... хулиганить, наверное.

— Следующий. — «Ой, не рад Какаша, что спросил».

Знакомство седьмой команды друг с другом меня откровенно забавляло: «Мститель — голос!»

— Я Учиха Саске. Есть много вещей, которые я не люблю, но нет ничего такого, что бы мне нравилось. Вряд ли это можно назвать мечтой, но я должен убить одного человека и возродить свой клан.

На каждую реплику Хатаке хотелось сказать что-то едкое. «Вот что хорошего-то в том, что Саске о себе сказал? Зачем Какаши сказал „хорошо“? Потакание самоубийственным планам — это глупость!»

До девочки тоже очередь дошла, ее Хатаке назвал «девушкой».

— Я — Харуно Сакура. У меня тяжелая рука, — мысленно передразнил, — и раздвоение личности! — Я люблю... Ну, мне нравится...

Впрочем, и реплики Сакуры мне тоже было чем дополнить: «Скажи „Саске“, это же так очевидно!»

— Сказать вам про мои мечты? — и зырк в сторону Глазастенького.

«Окольцевать последнего Учиху? Ну-ну, посмотрим, как у тебя это получится».

— Ой, нет! А не люблю я... Не люблю я Наруто!

«Бедный Наруто, ну ничего, я тебя с Хинатой сведу. Она тут самая адекватная из девчат твоего возраста».

— А мои увлечения...

«Шопинг, сплетни и гламур? Нет? А похоже... Очень».

Когда Какаши надоело слушать, он остановил Харуно, но та вдруг подняла руку и дождавшись разрешения выпалила:

— А Ирука-сенсей, — пауза, видимо, для большего трагизма, — он ничего не сказал.

Не дожидаясь реакции джонина, я представился:

— Я Умино Ирука. Что мне нравится и что нет, я не помню. Такая же история с увлечениями и мечтой. Пока что есть только цель: вспомнить все.

— Опять ничего, — поджала губы Харуно.

Меня что-то царапнуло в этой фразе, но я не придал этому большого значения.

— Достаточно. Завтра мы приступаем к выполнению заданий...

— Ура! Задания, задания! Ура! ... А какие задания? — подскакивая на месте вопрошал Узумаки.

— Но сначала мы вчетвером кое-чем займемся.

«А я? Одноглаз, у тебя тоже склероз?»

— Чем? — подпрыгивает от нетерпения Наруто, — Чем?

— Тренировкой на выживание.

— Тренировкой, — по лицу видно, как скрипят в светлой головушке извилины, — на выживание? — Какое отношение тренировка имеет к заданиям? Разве тренировок в академии было недостаточно?

«И это говорит „умная“ Сакура? Если это лучшая ученица, то Наруто точно не самый худший! Сачок — да, идиот — нет!»

— Вашим противником стану я, но это будет не просто тренировка.

— Тогда что? Что это будет? — зачастил Наруто.

Вместо ответа Какаши гаденько захихикал.

— Что такого смешного, сенсей? — недовольно спросила розововолосая.

— Нет... Ну, если я вам расскажу — вас точно кондрашка хватит, — ухмыльнулся Какаши.

— Кондрашка? — удивленно переспросил Наруто, — Чего это?

— Из двадцати семи выпускников только девять человек станут генинами.
— пугал дальше детишек Хатаке, — Остальные вернутся в академию. Эта тренировка на самом деле — очень сложный тест с отсевом более шестидесяти шести процентов.

«Мдя, убивает девяносто девять и девяносто девять процентов всех микробов, — подумал я, глядя на джонина. — Какаша, тебе только рекламщиком работать! А между тем: детки в шоке. Наруто сейчас взорвется негодованием, Сакура еще держится, но у нее уже дергается глаз. И только Мстителю все пох!»

Какаши тихо рассмеялся:

— Ну вот, кондрашка!

— Какого демона?! Мы так старались! — кричал Узумаки, — Зачем тогда вообще нужен выпускной экзамен?!

От вопля даже в ушах зазвенело.

— Это, чтобы отобрать тех, у кого есть шанс стать генином.

— Ну, почему?!

Сенсей будто бы и не заметил возглас Наруто.

— Тест будет проходить завтра на одиннадцатом тренировочном полигоне в пять утра. Приносите все свое оружие. Здесь подробности. — Три листочка разошлись по рукам. — И лучше не завтракайте, а то вас стошнит. Не опаздывайте завтра.

— Стошнит? — Сакура все еще не отошла от шока, — Будет настолько сложно?!

Похоже Какаши искренне рад был тому, что Сакура и Наруто испугались и начали нервничать. По моему мнению, Хатаке тут был прав: стоило напомнить, что они не в сказку попали, а в жизнь вляпались. Потому что Наруто слишком наивен для шиноби, а Сакура — слишком беспечна.

— Ирука-сан, вам тоже следует прийти.

Сделав ручкой, сенсей спрыгнул прямо с крыши вниз. «Эффектно, ничего не скажешь, я так пока делать боюсь. Вдруг ноги переломаю, тут четвертый этаж, как-никак, — подошел я к перилам, глянуть вниз, — или третий?»

Траурной процессией мы потянулись к выходу. Мрачное настроение витало в воздухе, как табачный дым в кабинете каге. Сакура хотела у меня что-то спросить, но ей мешал Наруто. Он прилип ко мне, выясняя, чему я смогу его за ночь научить. Я же отнекивался, что ничего не знаю, ничего не помню. В своем прошлом я не занимался ни боксом, ни какими-то восточными единоборствами, а учить Наруто по тому что помнил из манги — ну, это совсем край. Это как оригами складывать по первой и последней картинке в инструкции.

— Ирука-сенсей! — влезла Сакура в разговор, — Вы будете в нашей команде?

Задержав дыхание, чтобы не рявкнуть на девочку, постарался успокоить неведомо откуда взявшееся раздражение и на выдохе сказал:

— Влезать в чужой диалог, как минимум, невежливо, — вздохнул. — Да, буду.

Что-то не давало мне покоя, но я не мог понять, что именно.

— Разве что ловить кошек, выгуливать собак и полоть сорняки я, наверно, не буду.

Слитное трехголосое «что-о-о?» не прозрачно намекнуло, что ляпнул я это зря.

— Тише, всех тараканов распугаете.

— Почему сорняки? — повторил Наруто.

— И почему тараканов?

— Миссии ранга D такие. Не помню точно, сколько их нужно выполнить, чтоб потом можно было брать миссии C ранга. Может быть, что для каждой команды количество миссий разное. Это все, что я сейчас помню.

Саске раздраженно фыркнул, перескочив несколько ступеней. «То „Фыр“, то „Пф“, как еж. Узнаю, когда у тебя, человек-еж, день рождения — подарю словарь!»

Попрощавшись, Саске умчал по крышам прочь, а Сакура, глянув в его сторону как Ассоль на море, побрела по улице в другую сторону.

Макуто, который всё это время стоял в тени у ограды, наблюдал за этой сценой молча. Он видел, как Наруто прыгал вокруг Ируки, как Саске раздражённо фыркал, как Сакура строила глазки. Он видел растерянность нового учителя, его попытки казаться уверенным, его странные фразы. Макуто не подошёл. Он развернулся и пошёл в сторону Ичираку — нужно было предупредить Тэучи, что завтра он придёт позже.

В ночь перед тестом Наруто ходил по потолку без всякой чакры и грыз ногти. Вторую половину ночи подрывался куда-то бежать. Даже лунатил немного, мешая мне читать. В итоге я не сдержался.

— Стоять! — пощелкал перед носом Узумаки пальцами. — А теперь слушай сюда. У тебя все получится. Вы все вместе сдадите этот треклятый тест, всей командой. Понял?

— Но Какаши-сенсей говорил...

— Сдадите все вместе. И точка. Или ты в себя не веришь?

— Верю, — без энтузиазма выдохнул Наруто.

— Что-то не заметно. Я в тебя верю, а ты в себя — нет.

— Я в себя верю! — широко улыбнулся Наруто.

— Ну, вот и отлично. Иди спать, — выдернул кусочек ногтя из пятки. — И перестань грызть ногти! Задумаешься и пальцы себе отгрызешь, печати ногами складывать будешь?

Перестав смеяться, Наруто вскоре заснул, а вот я не спешил отправиться за ним в страну Снов. Повсюду лежали чужие размышления: на кровати, на тумбах и полках, даже в ногах и на груди страницами вниз. Чьи-то мысли, переданные на хранение бумаге, — это и есть книги. Глаза

слипались, но я продолжал вчитываться в свитки. Каждый раз говорил себе, что это последний, но не мог оторваться. Все казалось жизненно необходимым. После нескольких часов непрерывного чтения немного закружилась голова, но невзирая на отвратительное самочувствие, я продолжил.

Кроме того, что в сутках всего двадцать четыре часа, было еще одно пренеприятное открытие. Сложно объяснить, но я будто потерял способность мыслить в два-три потока. Раньше я мог читать, слушать музыку, думать о чем-то постороннем и одновременно делать что-то еще. А теперь — не мог! Я чувствовал себя ущербным. Мне, как старому компьютеру, не хватало оперативной памяти. Это раздражало. Сам не заметил, как тяжелые веки и в один «прекрасный» момент слиплись окончательно и открыться не смогли.

Всю ночь мне снилась какая-то ерунда. Сначала книги, с пустыми страницами, а затем — Коноха в огне. Над городом реяли рыжие лисьи хвосты, все куда-то бежали, что-то орали, а я ничего не слышал. Ни единого звука, даже звона в ушах. Какая-то женщина, чем-то неуловимо похожая на мое нынешнее отражение, из последних сил отпихнула меня и я упал спиной в непроглядно черную пропасть.

Макуто в это время не спал. Он сидел на крыше своего дома, глядя, как луна ползёт по небу, закрывая звёзды. В руках он сжимал купленный на рынке танто, лезвие блестело в бледном свете. Завтрашний тест был не для него. Он будет наблюдать. Он будет ждать. Если новая душа в теле Ируки сделает что-то опасное, он вмешается. Если нет — останется в тени.

Он спрыгнул с крыши, бесшумно приземлился на землю и зашагал в сторону склада. Осталось всего несколько часов до рассвета. Нужно успеть отработать технику Демонического Ветра хотя бы до половины.

Он не имел права ошибаться.

Глава 5. Старт?

— Ирука-сенсей! — послышалось от дверей в комнату, а затем, не дождавшись ответа, у самого уха кто-то громко заорал, — Мы проспали!

Спросонья выпучив глаза, я выдохнул и хотел было повернуться к стенке, но навернулся с кровати. Она, блин, двуспальная, и стенок нет ни с одной, ни с другой стороны. Ммм. Перед поднятой головой маячило что-то бежевое с черными вкраплениями. Я скосил глаза, чувствуя, как ресницы, когда я моргал, по чему-то скребли. Долго размышлял, пока не додумался отлепить это ото лба.

— Ирука... — прятал Наруто улыбку рукой, — у вас на лбу...

— Чернила, — мрачно заключил я, не глядя зашвырнув свиток, отодранный от лба. Пфу-у-уф, обвалился на мягкий коврик. В полусне чудилось, что это моя комната, заваленная обрезками ватмана и белого пластика, мерещился запах клея, и только мелкотравчатый мальчишка никак не вписывался в это видение.

— Ирука, — осторожно тронул мальчик за плечо. — Мы опоздали на тест Какаши-сенсея. Можно будет пересдать?

— Сколько сейчас? — подгрёб под щеку упавшую подушку. Сонливость отступила мгновенно, как только тормознутый мозг осознал смысл слова «пересдать». Вот только сначала я это на свой счет принял, судорожно пытаюсь вспомнить даты, имена преподавателей и задания. Только через мгновение дошло, но так лень было вставать.

— Шесть, — тоскливо вздохнул Узумаки.

— Чего «шесть»?

— Прийти в пять нужно было. Так в бумажке написано, — терпеливо объяснил Наруто, тяжело вздохнув. — Сейчас шесть. Я теперь никогда не стану хокаге?

Не успело чувство вины как следует угнездиться, как я вспомнил о том, что Какаши никогда не приходит вовремя. Это я и объяснил Наруто.

— Да? — не поверил мальчик.

— Хатаке Какаши называют опаздывающим ниндзя. Так что собирайся, еще успеем.

— Опаздывающим? — все еще не веря, переспросил Узумаки.

— Да! — крикнул уже из ванной.

В зеркале отразилось что-то страшное: волосы грязные всклокоченные, на лбу иероглифы, глаза красные, а ведь были карие, лицо помятое, какое-то опухшее.

— Здравствуй, морда, — прошептал и потер скулу, — еще и щетина.

Только не опасная бритва! Только не опасная бритва! Открыл дверцу и зажмурил один глаз, второй закинул. За зеркалом обнаружились усохший кусок мыла и бритва — полу доисторическое приспособление, в которое закладывалось лезвие. Сменные насадки? Забудьте! Плеснул водой на желтоватый брусок, пытаюсь выдушить из мыла хоть немного пены. Пока брился, умудрился порезаться. Так что зубы чистил я почти в сознании. И не порошком, а нормальной зубной пастой.

— Ирука, не сильно видно красные нитки? — покрутился Наруто, показывая рукава и спину.

Похлопав глазами, я после паузы сказал:

— Ты шил сейчас? — заметил я выпуклые швы. Наруто кивнул, чуть втянув шею. — Зачем? Хочешь в бою остаться в одних трусах, когда костюм развалится? — Тьфу, почувствовав запах пота, случайно проглотил пасту, — он же не стиранный! Снимай и лезь мыться, а я пока найду тебе чистую одежду.

И чем ему так приглянулся вырвиглазного цвета костюм? — подумал, глядя, как Наруто пошел любоваться на себя в зеркало. Зеленую майку с рисунком в виде блеклых сюрикенов и короткие штаны бежево-серого цвета с кучей кармашков я выбрал специально, чтобы Наруто было проще спрятаться.

— Мне костюм Хокаге подарил, — будто отвечая на мои мысли, сказал Наруто и рассказал о том, как это было.

Я только головой покачал. Первым подарком Третьего была та майка с красной завитушкой, которую Наруто считал своей парадной одеждой, а рыжий костюм ему подарили чуть позже. Прочие его вещи радовали глаз всеми оттенками черного и застиранно-серого. В общем, не удивительно, что яркие обновки Наруто нравились больше, и он старательно чинил любимые тряпки.

Под ленивое шевеление мыслей тело самостоятельно разыскало одежду, не обращаясь к мозгу. Очнулся я, когда застегнул жилет, а переодеваться было лень. В это время Наруто носился по квартире электровеником, выгребая отовсюду металлолом. А я всего лишь сказал, что он может взять с собой все, что найдет.

— Ирука-сенсей! — в пятнистой маске и с мечом наголо выскочил Наруто, — Я АНБУ!

— Ик, — сказал я и окончательно проснулся.

Большого труда стоило отобрать приметные вещички, но я справился. Запирая входную дверь, поклялся, что обыщу тут каждый закуток, а особенно кабинет на первом этаже квартиры, откуда Наруто и выцепил это добро. Холодное оружие меня никогда особо не привлекало, но тот короткий меч запал в душу, из рук его выпускать не хотелось до последнего. Но в итоге меч остался дожидаться нашего возвращения в шкаф у порога.

Всегда казалось, что полигоны находятся за забором Деревни, но за стену мы так и не вышли. Сначала бежали по парку, затем места стали дикими и неухоженными, а потом, хоп, и забор с табличкой прямо перед носом! Удивительно, хоть я и знал куда смотреть, но отсюда стену было совсем не видно! Коноха, судя по такому эффекту, находилась на возвышенности, с улицы у Башни каге можно было увидеть море деревьев с торчащими тут и там крышами причудливых форм, водонапорными башнями и рекламными щитами. Вообще рекламой тут не брезговали, порой маскируя ей неказистые фасады чуть ли не от самого фундамента до крыш.

Глубокое недоумение оставляли после себя билборды с отдельными словами на английском, которые в контексте не смотрелись от слова

«совсем». Вроде «Продам цемент. Нарру». ООО «Счастливый цемент»? Ты сам станешь счастливее с этим цементом? Или вы каким-то неведомым образом узнали, что ваш цемент счастлив? Местные воспринимали буквы и слова как еще один вариант иероглифов, а не как что-то инородное для их языка, хоть и не догадывались об их истинном значении. Аккуратные расспросы Наруто на эту тему наталкивались на полное непонимание того, что я вообще пытаюсь выяснить: «Ну, это иероглифы, которые не читаются по отдельности, они, вроде бы, значат „счастье“, даттебайо».

Завидев скучающих ребят, сидящих на траве, я придержал Наруто, не дав коснуться калитки:

— И еще запомни: один за всех и все за одного. Стой! И не делай ничего, пока не услышишь команду: «Старт».

Блондин рассматривал мое лицо, будто хотел что-то на нем прочесть.

— Прости. Но я и так сказал чересчур много. Больше не могу.

Наруто широко распахнул глаза и радостно крикнул:

— Спасибо, Ирука-сенсей!

Сакура заозиралась, но не встала, чтобы осмотреться, а Саске глазом не повел. Невероятная беспечность для этого мира... Или я просто чего-то не знаю?

— Не за что. И не зови меня сенсеем, я уже говорил.

— Хай, Ирука-сан.

— И «сан» тоже не надо. Просто Ирука. Идем.

Как и ожидалось, гражданин Опоздун на полигоне не наблюдался. Я не исключал того, что он сидит где-то на ветке и наблюдает, но тут и так все понятно. Сакура снова поцапалась с Наруто, Саске от них отсел. Все молчат, двое дуются, третий изображает скульптуру. Цирк исчерпал весь репертуар.

Перечитывая в сотый раз свиток-конспект про чакру, я пытался самостоятельно почувствовать и сделать хоть что-то! Если я не

задумывался, у меня все выходило играючи. Руки сами сплетались в печати. Но стоило только вникнуть в процесс, как нарушалась концентрация, и получался пшик. Конечно, хорошо было, что эти техники были вбиты на подсознательном уровне, но я чувствовал себя как персонаж игры, который пропустил обучение. Уметь — умею, а своих способностей не знаю. И справки тут нет, и не предвидится. И инструкции с указанием кнопок для комбо — тоже. Как тот парень из мема, который, взяв автомат как лук, натянул ремешок и пытается стрелять. В итоге плюнул на все, повязал бандану на глаза и заснул.

К тому же я так и не придумал, как достать чакро-бумагу, чтобы выяснить, какая у меня стихийная чакра, и обучаться вместе с Наруто. Думаю, куплю при случае в одном из магазинов для шиноби. Несколько пугала перспектива обнаружить предрасположенность не к тем стихиям, что записаны в досье, но я не дергался. Вот если будет что-то лишнее, тогда и начну рвать волосы.

— Ирука-сенсей, вы спите?

— Дурацкий вопрос, — приподнял край банданы, дабы лицезреть куноичи-Сакуру. — Нет.

Девочка поджала губы и спросила:

— Вы знаете, когда придет Какаши-сенсей?

Пожал плечами.

— Ирука-сенсей! Вы же знаете! Скажите, пожалуйста!

— До полудня должен прийти.

— Сейчас только семь утра! — возмущенно воскликнула девочка.

— Вы что, никогда не слышали о Копирующем ниндзя? А, не важно... Наруто!

— Да, Ирука.

— Будь другом, — сдвинул бандану обратно, — расскажи им и разбуди, когда придет Какаши-сенсей.

— Ээ... Хай.

Саске фыркнул и отошел, но не далеко, сел в позу роденовского мыслителя на пенек и уставился в траву, временами косясь на товарищей по команде. Я тоже скосил глаза и мысленно сказал: «Надо купить для Саске словарь».

— Ты как с сенсином разговариваешь?! — зашипела Сакура.

— Ирука разрешил!

Мне стало не по себе. И главное, я не понимал почему! Опять и снова! Кажется, Наруто снова получил затрещину.

— У вас куча времени до того, — я продолжал прислушиваться к себе, — как появится Какаши-сенсей, почему бы вам полигон не осмотреть? А? Или размяться?

Ответом был нестройный хор голосов, согласившихся с моими словами. Чем дальше уходили дети, тем легче дышалось. Что происходит? И тут я решил заглянуть во внутренний мир. В больнице это у меня получалось. Попасть туда у меня не выходило, стоило только мысленно коснуться темноты, как она отфутболивала меня обратно. Как просто все было раньше! Почувствовал головокружение и провалился во внутренний мир!

— Вы опоздали! — слитный рев двух глоток выдернул из полудремы.

Саске встал и пошел куда-то. Зевая, последовал за ним, но плелся я так медленно, что дошел лишь когда Какаши уже крикнул: «Старт!». Шиноби исчез в облаке белесого дыма и возник в центре полянки. Детвора разбежалась по кустам, а я ушел в сторону речки, чтобы не мешаться. Вид отсюда открывался так себе, но так меньше шансов получить кунай в глаз.

Узумаки не остался торчать на полянке. Сразу после слова «Старт», как-то было в манге. Но чуть погодя из кустов его выпихнул Саске. У меня от возмущения вырвалось:

— Мда... Один за всех и все за себя.

Действие сместилось, я видел только пустую полянку. Позже был вопль, я решил, что Наруто все-таки попал под «Тысячелетие боли». Какаши точно

не педофил? — брезгливо поморщился, вспомнив эту «шутку».

Послышались хлопки, и несколько клонов Наруто полетело куда-то над кронами как косяк перелетных птиц. Все происходило слишком далеко, и я ничего не видел и мало что слышал.

Заскучав, я начал насвистывать незамысловатую мелодию. А вскоре вспомнил, что у меня целая сумка учебников. За чтением меня и застал вопль Какаши:

— Ах, вы! — будто ругать собрался. — Вы сдали!

Бедные дети, на пару дней точно оглохнут.

— Наруто отвали! — рявкнула Харуно. — Быстро свалил!

Узумаки что-то еще говорил, но за криками девочки я ничего не разобрал. Когда Сакура замолчала, Наруто ловко прыгнул на перила моста и сообщил, что сдал, размахивая колокольчиком на шнурке.

— Да ладно?! — кашлем скрыл первую реплику. — Ты молодец!

Тут захныкала Сакура:

— Эй! Меня отвяжите! — и вдруг рыкнула, — Наруто, убери от меня свои лапы! — хотя Наруто был со мной на мосту.

— Клон, ты или он?

— Я, — и тут же почти без перехода, но уже чуть ли не рыдая, Сакура завывала: — Саске-кун, прошу, помоги, мы же команда! Какаши-сенсей, вы забыли свой будильник! Пожалуйста, кто-нибудь!

Актриса Большого театра, блин.

Мы с Наруто застали тот момент, когда забытую девочку освободил Саске. Он вернулся с такой постной миной, что Харуно стало откровенно жаль. Хоть она и повторяла, как мантру «Саске-кун, Саске-кун, Саске-кун», счастливо улыбаясь.

Какаши за часами все же вернулся и сказал:

— Сакура, замолкни.

Девочка притихла, кротко похлопав глазками, пролепетала: «Извините». На миг показалось, что она еще книксен сделает. Разительная перемена: из хабалки в трепетную лань. Если бы сам не видел, как отвратительно Харуно умеет себя вести, мог поверить.

Сказать или не сказать, что ей следовало бы показывать разные стороны своего характера разным людям, иначе впечатление не то?

— Первое задание вас ждет завтра, — отошел Какаши на шаг назад, когда Наруто крутился рядом. — В десять у резиденции Хокаге. До завтра, генины. Идите-идите.

— Ур... — хотел радостно завопить Наруто, но, глянув на меня, сник: — ...А ну да. Кошки, грабли и поля...

Какаши удивленно дернул бровью. Странно, но он не ушел, а будто ждал чего-то. Выяснить подробности теста у Наруто не удалось. Он говорил о чем угодно, только не о том, о чем я хотел бы услышать. А я ведь много чего пропустил. Из-за деревьев почти ничего не было видно.

— Малолетний партизан! — взлохматил золотистые волосы.

— Какаши-сенсей меня похвалил!

— Ну вот, а ты боялся...

— Ничего я не боялся!

— Нар...

— Ирука-сан, — окликнул Хатаке. — Не тратьте мое время.

Вопросительно уставившись на шиноби, я вспомнил, что мне говорил Третий. Точно. Какаши должен меня тренировать, как и свою команду. Блин, не хочу. Я лентяй по жизни и спорт не люблю! Только паркур, и то — редко. А придется полюбить. «Паркуром» гордо звалось сокращение пути через заборы и долгострой на пустыре около частного сектора. Ни о каких трюках и речи не шло.

Когда Наруто собрался уйти, он сказал, что будет ждать меня на лавке во дворе. Но зачем, если можно сделать иначе?

— Наруто, лови, — как только мальчик обернулся, я бросил ему ключи. — На холодильник охотиться без фанатизма. Там еще что-то должно остаться хотя бы на завтра.

Хлопая круглыми глазами, Наруто покивал и долго еще не мог сойти с места, пока его не попросил уйти Какаши. Когда же мальчик скрылся из виду, Хатаке убрал книжку:

— Ирука-сан, вы сильно изменились.

В ответ пожал плечами:

— Я успел эту фразу услышать раз триста. Надеюсь, изменился к лучшему. Ага. Я почти не показывался на улице, мне это сказали человека три-четыре.

— Ты ненавидел Наруто, с чего такая забота?

Спокойствие и немного раздражения — промелькнуло в голове, словно в голове завелся сторонний наблюдатель, который проанализировал Хатаке и выдал ответ. Но это не был голос, а словно вторая мысль.

— Не понял... — оторопев, пробормотал я. И это относилось и к «наблюдателю», и к поведению шиноби. Я нутром чуял неприятности.

— Данзо приказал «дружить»? — поинтересовался копирующий, словно в шутку.

У меня словно язык отнялся, да и не знал я, что на это ответить. Лишь костерил на все лады Ируку: «Зараза ты шрамоносая! Ох, чуял я пятой точкой, что выйдет такое знакомство с Данзо боком».

Мне стало дурно, потому я невольно отступил на шаг. Словно в замедленной съемке, в лицо прилетел кулак, перчатка без пальцев мерзко скрипнула, и ярко блеснула толстая пластина на тыльной стороне ладони. Скорее всего Хатаке посчитал, что я собираюсь бежать.

На меня посыпались удары. В какой-то момент я отключился от реальности. Не чувствовал боли и не управлял телом. Оно будто жило само по себе. Отбивая удары, вилось волчком, но одних рефлексов мало. Я пропускал удары и пинки, внутри что-то трескалось и рвалось. Хатаке

старательно делал из меня отбивную. При этом я откуда-то знал, что он сдерживается и с удовольствием бы добил меня.

Но внезапно все кончилось.

— Жаль, что я не могу тебя убить, — донеслось, как сквозь вату. — Отчет еще писать... если ты сдохнешь.

Не подбитым глазом я смотрел на удаляющуюся фигуру, пытаюсь дышать сквозь кровавые сопли. В голове было пусто. Перспективы виделась мне не то чтобы мутные, скорее непроглядно черные, как лужа смолы.

Бой... нет. Избиение длилось не больше пары минут, но в траве на полигоне я провалялся до глубокого вечера. Думал о всяком, себя жалел, пытался строить планы, а они не строились.

— Черт! Черт! — бормотал я в траву, пахшую моей кровью. — Черт... Гадский Данзо! Проклятый Третий! Козел Какаши!.. Бедный я...

План по использованию Хатаке в качестве учителя провалился, даже толком не сформировавшись. К сожалению, я упустил из виду тот момент, что Ирука свою неприязнь к Узумаки не скрывал от других. Тот же Морио был удивлен, когда я стал выгораживать мальчика. Да и Третий глазки таращил, когда я про тюрьму и заключенного говорил. Скорее всего, Какаши, как ученику Минато, было не совсем наплевать на Наруто, и потому я побит? Он опекун? Нет, вроде. Почему сын Минато с Какаши познакомился только когда Хатаке стал куратором его группы? Вопросы сыпались, как из рога изобилия, да только ответов на них я не находил.

Когда стало холодать, я с трудом собрал себя в кучу и пополз до пруда, чтобы затереть кровь. Поправил драную одежду, осмотрел себя, а потом, плюнув на внешний вид, поплелся обратно. От размышлений про Какаши я перешел к общим проблемам и понял, что тупо не знаю, чего мне ждать от Хирузена и Данзо. У меня тут от одного Хатаке проблем — выше крыши. Единственным выходом было — держать ухо востро, лишний раз не моргать и меньше болтать. Ну и не раздражать Какаши, разумеется. У меня было слишком мало реально подтвержденной информации для того, чтобы составить хоть какой-нибудь захудалый план и следовать ему. Даже

со знанием канона я слабо представлял, что творится в головах Совета, Третьего и Данзо.

Нетвердой походкой я вышел к более обжитой части леса-парка и остановился передохнуть. Из манги я знал, что все они заботились о благе Конохи, но вот как конкретно и даже что именно они под этим подразумевали — неизвестно. Ну, может и известно, только я этого не помнил — слишком поверхностные знания канона.

Людей вокруг было слишком много, чтобы доковылять без свидетелей, но тут пришла запоздалая идея.

— Хенге, — шепота было вполне достаточно для активации иллюзии.

Хенге не изменяло тело под выдуманный образ, а всего лишь создавало невесомую, но осязаемую оболочку. Низкий ранг технике присвоили из-за того, что при помощи нее можно было превращаться только во что-то или кого-то больше себя или такого же, как ты сам. Вздумалось изображать булыжник — будь добр согнуться в три погибели, чтобы за пределы вязкой оболочки-иллюзии ничего не торчало. Иначе все, что торчит, будет казаться мутно-прозрачным маревом около предмета. Изображать кого-то маленького для взрослого шиноби можно было только в связке хенге плюс гэндзюцу, чтобы отвлечь внимание от марева. Как это делал Ирука в каноне, когда превращался в Наруто, чтобы отвлечь Мидзуки.

Технику изменения внешности я освоил, как только о ней прочитал. Можно сказать, что освоил случайно. Жаль, что тай и ниндзюцу так просто не вспомнить. А теперь я еще должен был как-то обходиться без учителя. При слове «тайдзюцу» мне вспоминался только Майто Гай, а я не был уверен, что выживу после его тренировок. При слове «ниндзюцу» — старая память пасовала, а новая молчала, как партизан!

У дома я столкнулся с одним из жильцов, поздоровался и дальше пошел. Он вопросов задавать не стал, но задумчивым взглядом проводил. Хенге не хенге, а то, что я подволакивал ногу, было видно. Тихо отперев дверь запасным ключом, что вытащил из кармашка в хитай-ате, я выгреб содержимое аптечки и заперся в ванной на первом этаже — тут их было две, по одной на этаж. В запотевшем зеркале отразилась поцарапанная рожа и покрасневший шрам на опухшем носу.

— Судя по отметинам, Какаша владеет секретной техникой — бабское тайдзюцу, — тихо похихикал и заполз мыться.

Какаши мной весь полигон подмел. Аккуратно сняв испорченную одежду, я понял, что сам дотянуться до спины не смогу, и руки поднять, чтобы голову помыть, — тоже. Потому что больно.

И тут пришла мысль...

— Я ведь ничего не теряю... — медленно сложил серию печатей и проговорил: — Теневое клонирование.

Ключом к этому дзюцу была фраза: «Представь себя...» Ну, я и представил. Клон был совсем не похож на Ируку! Он был вылитый я. Бледный, тощий, кареглазый парень с темно-русыми волосами, стянутыми в низкий хвост. А одежда на нем смешная: черная футболка с волчьей мордой, красные семейные трусы в клеточку и пластиковые ядовито-зеленые тапки на босу ногу. Я б посмеялся, да только ребра бы мне такое не простили, потому осторожно вздохнул и протянул «себе» губку.

Это уже потом я додумался стоять у зеркала и внушать себе, что это чужое лицо с моими глазами и есть я. И вместо одного клона с моей внешностью тогда получилось два Ируки. Клон помог мне помыться и кое-как обработать ссадины. Еще раз всмотревшись в знакомое до боли лицо, я со вздохом развеял дубля.

Второй глаз тоже припух и грозил слепотой, так что решено было взяться за самолечение.

— Третий — бибизян драный, подложил свина с шаринганом! — бурчал я шепотом, чувствуя, как замороженное мясо оттаивает прямо в руках.

За этим занятием меня и застал Наруто.

— Ирука-сенсей! — пораженно выдохнул мальчик, не зная, за что хвататься. По нему видно было, что он хотел помочь, только не знал чем.

— Ну? — отнял кусок от глаза.

— Фух, я думал, это ваше лицо.

— Оно еще хуже, — отодвинул подтаявшую вырезку дальше, дав полюбоваться на «хохлому» Какаши.

— На вас напали вражеские шиноби!

Улыбаясь, покачал головой, вернув кусок на место. А впрочем, да. Какашкин — та еще вражина.

— Нужно рассказать!

— Нет. Иди спать. Завтра, — посмотрел на круглые часы, что приютились на стене почти под потолком, — сегодня будет ваша первая миссия. Тебе нужно выспаться.

— Но Ирука-се...

— Не беспокойся, со мной все в порядке. Жить буду. Иди-иди.

Наруто кивнул и, пожелав мне спокойной ночи, ушел в комнату. Только совету не внял и до рассвета просто не выходил.

К утру я чуть сумел убрать воспаление. Веки уже можно было не держать пальцами. Смотреть на руки и ноги я попросту боялся. Но, все же задрав майку с опаской открыл глаза.

— Ох, ох, ох, что ж я маленьким не сдох...

Гематома на гематоме, синяк на синяке! Кожа или синяя, или бурая, третьего не дано. Ан, нет, еще и желтые пятна присутствуют.

Пересекаться сегодня с Какаши я не собирался, потому Наруто отправился на задание сам. А мой путь лежал в больницу.

К моей большой радости выяснять, кто меня так отделал, не стали. Хотя знакомая медсестра... Миюри. Да, Миюри, пыталась выяснить, что случилось. Но я крутой партизан — не сказал. Отбрехался:

— Если я скажу, как все было, вы будете смеяться.

Она и отстала, пробормотав что-то о крутых мужиках, что совсем не ценят женского внимания. Лестно, конечно, только крутым мачо я себя не ощущал. Скорее куском той вырезки, которую об лицо разморозил. Местные медики — это что-то! Пас рукой — и готово. Ни трещин на

ребрах, ни кровоподтеков, даже сломанный нос на место встал! Одним словом — фокусники! И мне такие фокусы по нраву. Но если бы было что-то серьезней, пришлось бы остаться в больнице.

Еще нервы мне испортил Горо-сан, тот медик, что выписывал. Он отловил меня в коридоре, отчитал и начал расспрашивать. Как попугай я повторял:

— Ничего не помню! Мне идти надо. Ничего не помню! Мне идти надо...

Не помогло. Только когда я внезапно поменял порядок предложений, медик опомнился и отпустил.

Прикрепив на дверь записку для Наруто, я пошел в соседний парк. Сидение в четырех стенах меня не вдохновляло. Да и гуляние по балконам прогулкой не назовешь, хотя они и были довольно большими и скорее напоминали маленькие террасы.

— Привет, Ирука-кун.

Заложил пальцем страницу.

— Ммм... Марио? Не, не то... Морио-сан?

— Хм, — потер рыжий бородку. — Второе — верно. Но лучше — кун. Как твои дела?

— Плохо.

— Наруто опять что-то учудил?

Помотал головой. «Шел бы ты лесом отсюда, кун».

— Нет. С Наруто нет никаких проблем. С памятью глухо, — соврал я, — ничего нового я... то есть... старого вспомнить не могу. Ну не рассказывать же в самом деле о том, как меня побили первому встречному?

— Может, как ты говорил... оно и к лучшему?

— И да, и нет.

— В смысле?

— Без смысла.

Я откинулся на скамейку, демонстративно уставившись в небо.

— О, вижу, мне не рады, — усмехнулся этот тип. — До скорого, Ирукун.

«Иди, — мысленно фыркнул, — иди... мне и одному неплохо».

— Вон твой демоненок бежит, — со смехом предупредил рыжий, а затем пропал. Только короткое, но громкое «шурх» над головой подсказало, что он вверх прыгнул. Мутный тип. Хочется верить, он просто мимо проходил. Могу только надеяться, что он не от Данзо.

Наруто был по уши в пыли, но довольный, как слон после купания.

— Похоже, я не угадал насчет сорняков? И почему я снова сенсей?

— Ирука! — легко поправился мальчишка. — Вот!.. Мы щеночков Инузуки выгуливали! Они такие классные, даттебае! Хенге! — У моих ног был белый комок, словно сошедший со страницы глянцевого журнала. — Такие! — Тявкнул «щенок». С тихим «пуф-ф» предо мной снова появился Наруто. — Правда классный?

— Очень, — не кривя душой ответил я.

Послушав про собак, осторожно расспросил мальчика про Какаши. Но, как и ожидалось, гражданину Какашкину было на меня глубоко наплевать.

— А как тренировки?

— Какие тренировки? — удивился Узумаки. — Мои? Я еще не ходил на свой полигон.

— Значит, Какаши-сенсей дал задание, вы его выполнили, и он распустил вас по домам? Так?

— Ну да... — неуверенно подтвердил Наруто.

«Здравствуй, канон! „Давно“ не виделись!»

В этот момент из-за раскидистого клена, росшего у края парковой дорожки, вышел парень в зеленой куртке с капюшоном. Макуто — тот самый ученик из параллельного класса, которого Игнат видел в больнице. Он шёл неспеша, руки в карманах, ржавый кунай на поясе покачивался в такт шагам. Лицо его было спокойным, без тени удивления или радости от встречи. Наруто заметил его первым.

— Макуто! — заорал блондин, подпрыгивая. — Ты тоже здесь?

— Привет, Наруто, — ответил тот, останавливаясь в паре метров от скамейки. — Ирука-сан.

Я кивнул, не зная, что сказать. В голове мелькнула мысль: «А он что здесь забыл?» Но вслух я спросил другое:

— Ты не на миссии? Или у вас, генинов, сегодня выходной?

— Я ассистент, — спокойно ответил Макуто, переводя взгляд с Наруто на меня. — Назначен в команду номер семь. Приказ пришёл вчера вечером.

Повисла тишина. Наруто переводил взгляд с меня на Макуто и обратно, явно не понимая, что происходит.

— Ассистент? — переспросил я, чувствуя, как внутри всё холодеет. — То есть ты будешь...

— Помогать Какаши-сенсею. И вам, Ирука-сан, — Макуто чуть склонил голову, и в его тёмных глазах мелькнуло что-то, похожее на иронию. — Я должен был представиться вчера на полигоне, но не успел. Какаши-сенсей начал тест раньше, чем я подошёл.

Я сглотнул. Воспоминания о вчерашнем избиении всё ещё были свежи, и мысль о том, что этот тихий, невозмутимый парень будет теперь рядом, не вызывала ничего, кроме тревоги. Особенно после того, что сказал Какаши про Данзо и «дружбу».

— Круто! — воскликнул Наруто, хлопнув Макуто по плечу. — А мы и не знали! Ирука, ты слышал?

— Слышал, — пробормотал я, пытаюсь собраться с мыслями. — Что ж... добро пожаловать в команду. Надеюсь, Какаши-сенсей предупредил тебя, что работать нам предстоит в основном на огородах и с кошками.

Макуто пожал плечами.

— Мне не привыкать. В Ичираку я уже год посуду мою и лук режу.

Наруто рассмеялся, но его смех прозвучал как-то натянуто. Похоже, он чувствовал неловкость, исходящую от меня.

— Ладно, — сказал я, поднимаясь со скамейки. Спина заныла, и я поморщился. — Завтра в десять у Хокаге. Не опаздывайте.

— Хай, — ответил Наруто. Макуто кивнул.

Я развернулся и пошёл прочь, чувствуя на себе взгляд тёмных глаз. Что-то в этом парне было не так. И дело было не только в его ассистентстве. Он появился в Конохе из ниоткуда, идеально вписался в систему, а теперь оказался в той же команде, что и Наруто. Слишком много совпадений.

«Данзо?» — промелькнула мысль. Я отогнал её. Не сейчас. Сначала надо разобраться с Какаши и его «тренировками», а потом уже думать о новых ассистентах.

— Ирука! — окликнул меня Наруто. Я обернулся. — А мы завтра встретимся?

— Встретимся, — ответил я, стараясь улыбнуться. — На задании.

Он помахал рукой и побежал к выходу из парка. Макуто остался стоять на месте, глядя мне вслед. Через несколько секунд он развернулся и пошёл в другую сторону — в сторону Ичираку, как я понял.

«Ассистент... — повторил я про себя. — Чёрт бы побрал этого Третьего с его сюрпризами».

Я побрёл домой, размышляя о том, что завтрашний день обещает быть ещё более странным, чем сегодняшний.

Уже в комнате, переодевшись в чистое, я уселся за стол, глядя на чистый лист бумаги. Карандаш вертелся в пальцах, но мысли были далеко. Наруто уже уснул в своей комнате, и в квартире стояла тишина, нарушаемая только стрекотом сверчков за окном.

Я не мог выбросить из головы эту встречу в парке. Макуто. Ассистент команды номер семь. Парень с лицом японизированного европейца, которого я никогда раньше не видел — ни в каноне, ни в бесконечных фанфиках, которые читал в прошлой жизни. И этот факт пугал меня больше, чем любая угроза со стороны Данзо или Какаши.

«Ассистент... — повторил я про себя. — Помогать Какаши-сенсею. И вам, Ирука-сан».

Я вспомнил его спокойный голос. В нём не было ни тени подобострастия или желания понравиться. Он говорил так, будто его назначение в команду семь было чем-то само собой разумеющимся. Как будто он всегда здесь был.

«Слишком спокойный, — подумал я. — Слишком уверенный для сироты, который год назад пришёл в Коноху с одним ржавым кунаем».

Я закрыл глаза и попытался восстановить его лицо в памяти. Тёмные волосы, падающие на лоб. Худое, волевое лицо с чёткими чертами. Карие глаза, смотревшие на меня с каким-то странным выражением — то ли любопытством, то ли... ожиданием?

«Что он от меня ждёт? — мысленно спросил я. — Чего он вообще ждёт от этой команды?»

Я открыл глаза и взял карандаш. Рука сама потянулась к листу.

— Ладно, — сказал я сам себе. — Раз уж ты теперь с нами, надо знать тебя в лицо.

Я начал рисовать.

Сначала — общий контур. Голова, слегка наклонённая, плечи, чуть расслабленные. Потом — детали. Тёмные пряди волос, выбивающиеся из-под капюшона зелёной куртки. Линия скул, чуть более выраженная, чем у местных жителей. Тонкие губы, сжатые в спокойной, почти равнодушной линии.

Особенно тщательно я выводил глаза. Карие, почти чёрные в тени от капюшона, с глубоким, немигающим взглядом. В них не было той детской наивности, которая светилась в глазах Наруто, или холодной отстранённости Саске. В них была... тишина. Тишина человека, который видел больше, чем должен был видеть в свои десять лет.

Я добавил последние штрихи — ржавый кунай на поясе, потёртую рукоять, потрёпанную временем. И отодвинул лист, чтобы оценить результат.

Передо мной сидел Макуто. Не фотографически точная копия, конечно, но что-то в этом рисунке было. Что-то, что заставляло меня вглядываться в его лицо снова и снова, пытаюсь разгадать загадку.

— Кто ты? — спросил я у портрета, как будто он мог ответить.

Но рисунок молчал. Только карие глаза смотрели на меня с бумаги, и в их глубине, как мне показалось, пряталась усмешка.

Я отложил карандаш и откинулся на спинку стула. Голова гудела от напряжения, спина ныла после вчерашнего избиения, но спать не хотелось. Слишком много мыслей роилось в голове.

«Макуто, — повторил я про себя. — Оригинальный персонаж в команде номер семь. Ассистент. Друг Наруто. Работник Ичираку».

Всё это не складывалось в цельную картину. Слишком много совпадений. Слишком много «случайностей».

Я вспомнил, как он стоял в парке, чуть в стороне от нас, и смотрел. Не на Наруто, который прыгал вокруг, не на прохожих, которые спешили по своим делам. На меня.

«Он что-то знает, — подумал я. — Но что? И откуда?»

Я взял рисунок и поднёс его к свету. Карандашные линии ожили, и мне показалось, что парень на портрете слегка усмехнулся.

— Ладно, — сказал я, кладя рисунок на стол. — Посмотрим, что ты за фрукт, Макуто.

Я решил, что буду наблюдать. Как и в случае с Какаши, как и в случае с Данзо, единственным моим оружием сейчас была информация. Чем больше я узнаю об этом загадочном ассистенте, тем меньше сюрпризов он мне преподнесёт.

А пока — нужно было готовиться к завтрашнему дню. Первое задание команды номер семь. Первая миссия. Кошки, сорняки и, возможно, что-то похуже.

Я погасил свет и лёг на кровать, положив рисунок Макуто на тумбочку, чтобы видеть его лицо, когда проснусь.

«Посмотрим, — повторил я, закрывая глаза. — Посмотрим, что ты за птица».

В комнате было темно, но мне казалось, что карие глаза с портрета всё ещё смотрят на меня. Наблюдают. Ждут.

Завтра начнётся новый день. И новая игра.

Глава 6. Клоны?

Не помню, отчего конкретно проснулся, но когда попытался снова отбыть к Морфею, услышал жизнерадостное: — С добрым утром! — которое даже подушка, положенная на голову, не помогла заглушить.

— Утро добрым не бывает, — бурча, сонно выдрал край одеяла из рук «будильника».

К такому варварскому обращению с утра пораньше я не привык. Дома как было: проснулся сам, а во сколько и опоздал или нет — это лично твои проблемы.

— Ну-у И-иру-ука-а, проснись, — канючил монстрик.

— И-иру-ука!

— Сдаюсь, — выставил руки из-под подушки. — Сейчас встану... Через часик.

Подушку я придавил сверху рукой к уху, так что не мог разобрать, о чем Наруто возмущался, но догадаться было несложно. Повалился я еще минуту, да и выполз из постели, щурясь от яркого света и ежась от прохладного воздуха. Вытаращившись в большое окно, чуть ли не от пола до потолка, я шарил по лицу, пытаюсь найти очки, а затем рывком задернул шторы, поняв, что стоял напротив окна в одних трусах.

— Ты зачем окно открыл? — вскричал я, отчаянно краснея.

Наруто сначала отсмеялся, а потом уже сказал:

— Ирука-сенсей, я в Ичираку хотел сходить, а там заперто. Ну, двери закрыты. И из окна выйти не получается — меня отбрасывает обратно. Откроете?

Стало стыдно. Ведь мог бы понять, что Наруто без моего разрешения в холодильник не полезет и сам не поест, даже если там будут бутерброды или еще что-то такое, что не нужно разогревать. Наруто — хулиган, но не вор.

— Эммм... Может, ты умоешься, переоденешься, а я приготовлю завтрак? И, пожалуйста, зови меня по имени. Без «сенсей», «сан» и тому подобного. Из холодильника можешь брать что хочешь, когда проголодаешься. Ясно?

— Ага! Я понял, — а затем, помявшись, добавил, — просто я отвыкнуть не могу. Тебя сенсеем по привычке называю.

Наруто убежал в комнату, а я упал обратно на постель. Но тут же резко выдохнул и поднялся, услышав звук сминаемой бумаги. Чертыхнулся шепотом, выложил свитки и другую канцелярию из кровати.

— Сначала помыться, потом завтра... к! — подзавис я. — Стоп! Клоны! Теневое клонирование! Можно поручить им часть дел!

У меня всё получалось, но клоны выглядели, как я прошлый. Потому вчера я экспериментировал в ванной, пока в животе не начало что-то побаливать. Поначалу выходило четыре дубля, но с изменённой внешностью только два получалось.

В облачке дыма появилась знакомая личность со шрамом поперек лица. Волосы всклокочены, глаз открыт только один. Я выключил воду,

закончив с утренними процедурами, и уставился на «себя» — на того Ируку, которого я видел в манге. Только вот манга не передавала этой усталости в глазах, этих мешков под ними, этой... прожитости.

— Так ты, выходит, настоящий? — спросил я у клона.

— А кто ещё? — ответил он моим голосом, но с другой интонацией — более жёсткой, что ли.

Я развеял его и создал нового. Этот получился попроще — без шрама, с нормальным выражением лица. Таким я себя и представлял: уставший, но не сломленный.

— Ирука! — донеслось из кухни. — А где сковородка?

— В нижнем ящике! — крикнул я, натягивая штаны.

На кухне Наруто уже вовсю хозяйничал. Яйца, рис, остатки вчерашнего бульона — всё шло в дело. Пахло жареным луком и ещё чем-то неуловимо знакомым.

— Ты готовить умеешь? — удивился я.

— Ну... немножко, — потупился он. — Иногда приходилось.

Я не стал уточнять, что значит «приходилось». И так было понятно.

После завтрака я отправил Наруто мыть посуду, а сам уселся за стол с блокнотом. Нужно было спланировать день. Какаши, скорее всего, снова опоздает. Миссия будет скучной. А после неё — тренировка.

«Тренировка... — повторил я про себя. — Вот с этим у меня проблемы».

Я вспомнил вчерашний вечер. Как пытался создать теневого клона, а получалось что-то жалкое. Как пытался контролировать чакру — и она выплёскивалась наружу неконтролируемыми всплесками.

— Ирука! — Наруто заглянул в комнату, вытирая руки о полотенце. — А сегодня будет задание?

— Будет, — кивнул я. — Скорее всего, снова кошки или сорняки.

— Ура! — он подпрыгнул. — Я люблю кошек!

— Ты любишь всё, что движется, — усмехнулся я.

Мы вышли из дома в половине десятого. До резиденции Хокаге идти было минут двадцать, но я решил не торопиться. Пусть Какаши подождёт.

— Ирука, а ты знаешь, что Макуто теперь с нами? — спросил Наруто, перепрыгивая через лужу.

— Знаю, — ответил я. — Виделись уже.

— Он крутой, — сказал Наруто. — Мы с ним в библиотеке занимались. Он мне чакру объяснял.

— И как, помогло?

— Ну... — Наруто замялся. — Немножко.

Я хмыкнул. «Немножко» — это уже прогресс.

У ворот Академии мы встретили Сакуру и Саске. Сакура, увидев Наруто, скривилась:

— Опять ты.

— А я тебе рад, Сакура-чан! — лыбился Наруто.

— Заткнись, — буркнула она.

Саске стоял в стороне, прислонившись к столбу, и смотрел в небо. Ему, похоже, было всё равно.

— Какаши-сенсей ещё не приходил? — спросил я.

— Нет, — ответила Сакура. — Опоздает, наверное.

— Как обычно, — добавил Саске, не меняя позы.

Мы прождали ещё полчаса. Наруто успел надоесть Сакуре, Сакура — Наруто, а Саске — всем своим видом.

Наконец появился Какаши. Как всегда, с книжкой в руках и с видом человека, который никуда не спешит.

— Привет, — сказал он, не поднимая глаз. — Пошли.

Миссия оказалась предсказуемой — прополка сорняков на поле у старой фермерши. Работа была нудной, но простой. Наруто клонировал себя раз двадцать, и через час поле было чистым.

— Неплохо, — похвалил Какаши. — Завтра в это же время.

Он исчез так же внезапно, как и появился.

— Вот козёл, — буркнул я, провожая его взглядом.

— Ирука! — Наруто подбежал ко мне. — А можно мы сейчас потренируемся? Я хочу научиться новым техникам!

— Можно, — кивнул я. — Но сначала пообедаем.

Мы вернулись в квартиру, перекусили остатками вчерашнего ужина, и я повёл Наруто в лес. Я знал одно место — заброшенный полигон, где можно было тренироваться без лишних глаз.

Лес встретил нас прохладой и запахом хвои. Тропинка петляла между деревьями, и я шёл, стараясь запомнить дорогу. Наруто, как обычно, носился впереди, не обращая внимания на ветки, которые хлестали его по лицу.

— Пришли, — сказал я, выйдя на поляну.

Поляна была окружена высокими соснами. В центре стоял пенёк, на котором когда-то, видимо, сидел какой-нибудь джонин и наблюдал за тренировками своих учеников.

— Начнём с основ, — сказал я. — Покажи, что ты умеешь.

Наруто создал теневого клона. Потом ещё одного. Потом ещё. Через минуту на поляне стояла целая армия Наруто.

— Достаточно, — остановил я его. — Теперь попробуй создать одного, но с другим лицом.

— Как это? — удивился он.

— Хенге, — объяснил я. — Техника изменения внешности. Ты можешь превратиться в кого угодно.

Я показал ему. Хенге — одна из немногих техник, которые у меня получались. Я превратился в Какаши, потом в Сакуру, потом в себя — в того Игната, которым был раньше.

— Ничего себе! — воскликнул Наруто. — А я так смогу?

— Попробуй.

Он сосредоточился, сложил печати, и... превратился в Саске. Точнее, в карикатуру на Саске — с огромными глазами и перекошенным ртом.

— Не получилось, — расстроился он.

— Получится, — сказал я. — Тренируйся.

Мы занимались около часа. Наруто создавал клонов, пытался использовать хенге, а я наблюдал, иногда давая советы. Сам я тоже тренировался — создавал теневых клонов, отрабатывал базовые удары, пытался контролировать чакру.

Но контроль всё ещё хромал. Чакра выплёскивалась наружу, когда я этого не хотел, и затихала, когда была нужна. Я чувствовал себя как человек, который пытается завести старый мотоцикл — то зальёт свечи, то трос газа порвётся.

В какой-то момент я услышал шорох. Сначала подумал, что зверь, но потом увидел фигуру в зелёной куртке.

Макуто стоял на краю поляны, прислонившись к дереву, и смотрел на нас. Не прятался, не таился — просто наблюдал.

— Привет, — сказал я, не показывая удивления.

— Здравствуйте, Ирука-сан, — ответил он. — Увидел вас в лесу и решил подойти.

— Тренируешься? — спросил я.

— Да, — он кивнул. — Можно присоединиться?

— Присоединяйся, — разрешил я, хотя внутри всё сжалось.

Макуто подошёл ближе. В руках он держал танто — короткий клинок с чёрной рукоятью, который я видел у него и раньше.

— Ты умеешь с ним обращаться? — спросил я.

— Учусь, — ответил он, пожав плечами.

Он встал в центр поляны, поднял клинок и начал отрабатывать удары. Медленно, но уверенно. В его движениях чувствовалась сила, но он явно сдерживался — делал ошибки, терял равновесие, иногда замирал, будто вспоминая, что должно быть дальше.

Я наблюдал за ним, пытаюсь понять, что скрывается за этой маской усердного ученика. Ничего необычного, казалось бы. Обычный парень, который тренируется с оружием.

Но что-то в его движениях было не так. Слишком плавно он перехватывал клинок. Слишком точно выбирал дистанцию. Слишком быстро реагировал на воображаемого противника.

— Ты раньше занимался кэндзюцу? — спросил я, подойдя ближе.

Макуто остановился и посмотрел на меня.

— Немного, — ответил он. — Отец учил, когда был жив.

Я кивнул, не задавая лишних вопросов. Тема семьи была для него, как и для Наруто, болезненной.

— Покажи, что умеешь, — попросил я. — В полную силу.

Он помедлил, но кивнул.

Встал в стойку, закрыл глаза, а потом... исчез. Буквально. Один миг он был здесь, в следующую секунду — уже в трёх метрах, с клинком, занесённым для удара.

Я не успел среагировать. Да и не нужно было — он атаковал воображаемого противника, а не меня.

— Неплохо, — сказал я, скрывая удивление. — Откуда такая скорость?

— Тренировки, — коротко ответил он.

Мы продолжали заниматься до вечера. Наруто учился создавать теневых клонов с хенге, Макуто отрабатывал удары танто, а я пытался контролировать свою чакру. В какой-то момент я почувствовал, что устал, и предложил сделать перерыв.

— Ирука, — сказал Наруто, жуя кусочек вяленого мяса, который я захватил с собой. — А ты можешь создать много клонов?

— Могу, — ответил я. — Но не столько, сколько ты.

— А покажи!

Я вздохнул, сосредоточился и создал десять теневых клонов. Они окружили поляну, готовые выполнить любой приказ.

— Круто! — воскликнул Наруто.

Макуто молча наблюдал. В его глазах мелькнуло что-то, похожее на интерес, но он ничего не сказал.

Я развеял клонов и сел на пень, переводя дыхание. Создание десяти копий отняло много чакры — больше, чем я ожидал. Видимо, резерв был не таким большим, как я думал.

— Ты устал, — заметил Макуто.

— Немного, — признал я.

— Тогда отдохни. Я пока сам позанимаюсь.

Он отошёл в сторону, встал в стойку и начал отрабатывать удары. Теперь он не сдерживался — клинок свистел в воздухе, разрубая листья, которые падали с деревьев.

Я наблюдал за ним, и в голову закралась неприятная мысль. А что, если он не просто ученик? Что, если он знает о моём прошлом? О Корне? О Данзо?

— Ирука, — Наруто дёрнул меня за рукав. — А мы завтра опять будем тренироваться?

— Будем, — ответил я, отгоняя мрачные мысли.

— С Макуто?

— Если он захочет.

— Хочет! — крикнул Макуто из-за дерева.

Я усмехнулся. Похоже, от этого парня так просто не отделаться.

Когда солнце начало садиться, мы собрались и пошли домой. Наруто болтал без умолку, Макуто молчал, а я думал о том, что этот день дал мне больше вопросов, чем ответов.

Кто такой Макуто? Откуда он взялся? Чего он хочет?

Но, может быть, я просто параноик. Может быть, он обычный парень, который хочет стать сильным. Как Наруто. Как Саске. Как все.

Или нет.

Глава 7. Друг?

На следующий день вместо нас на миссию отправились клоны. Уговорить Наруто на эту подмену было проще простого. Естественно, клоны были его, а не мои, потому что своим я не доверил бы и унитаза драить. Дубли внимательно выслушали инструкции: Сакуру не трогать, Саске не задевать, тихо сделать работу и развеяться так, чтобы этого никто не видел.

Остальные двадцать семь Наруто пошли с нами, здорово напугав обывателей. Сделать только одного клона Узумаки не позволил его плохой контроль, а развеять оставшихся до меньшего числа ему было жаль.

Так как ориентировался я ещё довольно плохо, то лишь приблизительно догадывался о том, где сейчас нахожусь. Во всяком случае, за стену мы точно не выходили. Сам полигон разместился в квартале Призраков — так это место называли в Конохе. Подозреваю, что это бывший квартал Намикадзе или Узумаки. Второе более вероятно, потому что, насколько помню, Минато не являлся клановым, а как оно на самом деле, я как-то запамятовал поинтересоваться.

По правую сторону стояло пять домиков разной степени разбитости. Местами в них сохранились дверные панели, которые шуршали грязной рваной бумагой, словно сухие листья. Отстав от Наруто, я заглянул внутрь дома через прорезь, похожую на дыру от куная. Обвалившаяся вовнутрь крыша погребла под собой стол и подгнившие татами, но сбоку сохранились межкомнатные перегородки с хорошо узнаваемыми красными завитушками.

Но больше всего меня заинтересовал альков: на полочке под свитком-картиной лежала вазочка с засохшими цветами и фоторамка, подставкой вверх. Я налег на дверь, попытавшись её сдвинуть. С жутким скрежетом и натужным скрипом она поддалась ровно настолько, чтобы я мог протиснуться. Пинать дальше побоялся, чтобы не разломать хлипкую конструкцию.

Есть в оставленных человеком местах какой-то необъяснимый шарм, дух времени, показывающий, как скоротечна наша жизнь, как быстро природа забирает обратно всё, что осталось без нашего присмотра. И хотя меня всё это эстетически привлекало, сам я по таким местам в реальности не лазил, предпочитая виртуальные экскурсии. А всё по той простой причине, что боялся возможных обитателей развалин, охраны и бродячих собак. Но тут-то нет ни охраны, ни бомжей, ни бродячих животных... — подумалось мне.

Сделав шаг, я сначала подумал, что за что-то зацепился, но, оглянувшись, встретился глазами с Наруто. Тот смотрел с суеверным ужасом и медленно мотал головой.

— Призраки могут рассердиться, — тихо сказал мальчик, — не ходи туда.

— Ясно, — не стал спорить я, понадеявшись, что у меня ещё будет возможность осмотреться. Позже сообразил, что мог бы и не спрашивать разрешения, а просто сказать: «Подожди здесь». Но Наруто всё равно бы пошёл за мной. Ему было жутко, но он бы пошёл.

— Ирука! — окликнул меня Макуто, который стоял чуть в стороне и рассматривал один из домов. — Тут есть что-то интересное?

— Развалины, — ответил я, выходя обратно. — Ничего особенного.

— А мне кажется, тут есть что-то, — сказал он, не оборачиваясь. — Чакра чувствуется.

Я напрягся. Чакра? Я ничего не чувствовал.

— Какая чакра?

— Старая, — он пожал плечами. — Очень старая. И очень сильная.

Наруто подбежал к нему.

— Правда? А где?

— Не знаю, — Макуто покачал головой. — Может, показалось.

Он отошёл от дома и направился к нам. Но я заметил, как он бросил быстрый взгляд на альков, где стояла фоторамка. Запомнил.

Мы пошли дальше. Клоны Наруто тем временем выполнили задание — пропололи грядки, собрали урожай и даже помогли старушке донести корзины до дома. Когда они развеялись, мы услышали крики Сакуры:

— Наруто, ты где?!

— Здесь! — крикнул он в ответ.

— Идиот! Мы тебя обыскались!

— А я тут, с Ирукой и Макуто!

Саске появился из-за угла, хмурый и недовольный.

— Хватит болтать, — сказал он. — Пошли.

Мы вернулись в город. Сакура и Саске ушли по домам, а мы с Наруто и Макуто направились в Ичираку.

— Сегодня я угощаю, — сказал я, доставая кошелек.

— Ура! — заорал Наруто.

Макуто промолчал, но кивнул.

В Ичираку было почти пусто. Тэучи стоял за стойкой и протирает тарелки. Увидев нас, он улыбнулся.

— Привет, ребята. Как обычно?

— Да, — ответил я.

Мы сели за столик в углу. Наруто заказал мисо рамен, я — тонкоцу, Макуто — сию.

— Ты сегодня хорошо тренировался, — сказал я Макуто, когда мы ждали заказ.

— Спасибо, — ответил он.

— Откуда у тебя такая скорость? Я таких гениев не видел.

Он помолчал, а потом сказал:

— Я говорил. Тренировки.

— Но ты же сирота, как и Наруто. Где ты тренировался?

— В лесу, — коротко ответил он.

— В лесу? — удивился Наруто. — А меня не брал!

— Ты тогда ещё не был моим другом, — сказал Макуто.

Наруто обиженно надул губы, но быстро забыл об этом, когда Тэучи принёс рамен.

Мы ели молча. Я думал о том, что сказал Макуто. Чакра в заброшенном квартале. Старая и сильная. Что это могло быть? Остатки техник? Защитные печати? Или что-то другое?

— Ирука, — позвал Наруто.

— А?

— Ты чего задумался?

— Так, ни о чём.

Я доел свой рамен и отодвинул тарелку.

— Пошли домой.

Мы вышли на улицу. Солнце уже садилось, и воздух стал прохладным.

— Завтра опять тренировка? — спросил Макуто.

— Да, — ответил я. — Если хочешь, приходи.

— Приду, — сказал он и, кивнув, пошёл в сторону своего дома.

Наруто помахал ему вслед.

— Ирука, а он правда крутой?

— Правда, — ответил я.

— А я такой же крутой?

— Будешь, — сказал я. — Если будешь тренироваться.

— Я буду! — заверил он меня.

Мы пошли домой, и я думал о том, что этот день принёс новые загадки. Макуто. Его скорость. Его контроль. Его слова о чакре в заброшенном квартале.

Кто он? Откуда он взялся? Чего он хочет?

Ответов не было. Но я чувствовал, что они скоро появятся.

А пока — нужно было готовиться к завтрашнему дню. К новой тренировке. К новым вопросам.

Я открыл дверь квартиры и пропустил Наруто вперёд.

— Ирука, — сказал он, разуваясь.

— Что?

— А Макуто — он наш друг?

Я помолчал.

— Надеюсь, — ответил я. — Надеюсь.

На следующий день вместо нас на миссию отправились клоны. Уговорить Наруто на эту подмену было проще простого. Естественно, клоны были его, а не мои, потому что своим я не доверил бы и унитазы драить. Дубли внимательно выслушали инструкции: Сакуру не трогать, Саске не задевать, тихо сделать работу и развеяться, так, чтобы этого никто не видел. Остальные двадцать семь Наруто пошли с нами, здорово напугав обывателей. Сделать только одного клона Узумаки не позволил его плохой контроль, а развеять оставшихся до меньшего числа ему было жаль.

Макуто шёл чуть позади, не создавая клонов, но внимательно осматриваясь по сторонам. В его движениях чувствовалась привычка к скрытности — он ступал бесшумно, хотя и не пытался прятаться. Я заметил, как его взгляд скользил по крышам домов, по переулкам, по теням между зданиями. Он словно сканировал пространство на предмет угрозы. Или наоборот — искал что-то, что могло бы стать укрытием.

Так как ориентировался я ещё довольно плохо, то лишь приблизительно догадывался о том, где сейчас нахожусь. Во всяком случае, за стену мы точно не выходили. Сам полигон разместился в квартале Призраков, так это место называли в Конохе. Подозреваю, что это бывший квартал Намикадзе или Узумаки. Второе более вероятно, потому что насколько помню, Минато не являлся клановым, а как оно на самом деле я как-то запомнил поинтересоваться.

По правую сторону стояло пять домиков разной степени разбитости. Местами в них сохранились дверные панели, которые шуршали грязной рваной бумагой, словно сухие листья. Отстав от Наруто, я заглянул внутрь дома, через прорезь, похожую на дыру от куная. Обвалившаяся вовнутрь крыша погребла под собой стол и подгнившие татами, но сбоку сохранились межкомнатные перегородки с хорошо узнаваемыми красными завитушками.

Но больше всего меня заинтересовал альков: на полочке под свитком-картиной лежала вазочка с засохшими цветами и фоторамка, подставкой вверх. Я налег на дверь, попытавшись её сдвинуть. С жутким скрежетом и натужным скрипом она поддалась ровно настолько, чтобы я мог протиснуться. Пинать дальше побоялся, чтобы не разломать хлипкую конструкцию.

Есть в оставленных человеком местах какой-то необъяснимый шарм, дух времени, показывающий, как скоротечна наша жизнь, как быстро природа забирает обратно всё, что осталось без нашего присмотра. И хотя меня всё это эстетически привлекало, но сам я по таким местам в реальности не лазил, предпочитая виртуальные экскурсии. А всё по той простой причине, что боялся возможных обитателей развалин, охраны и бродячих собак. Но тут-то нет ни охраны, ни бомжей, ни бродячих животных... — подумалось мне.

Макуто тоже подошёл к дому, но не стал заходить. Он остановился у порога, прислонившись к косяку, и молча смотрел на красные завитушки на уцелевших перегородках. В его глазах мелькнуло что-то — узнавание? воспоминание? — но он быстро отвернулся, будто боялся, что я замечу.

Сделав шаг, я сначала подумал, что за что-то зацепился, но оглянувшись, встретился глазами с Наруто. Тот смотрел с суеверным ужасом и медленно мотал головой.

— Призраки могут рассердиться, — тихо сказал мальчик, — не ходи туда.

— Ясно, — не стал спорить я, понадеявшись, что у меня ещё будет возможность осмотреться. Позже сообразил, что мог бы и не спрашивать

разрешения, а просто сказать: «Подожди здесь». Но Наруто всё равно бы пошёл за мной. Ему было жутко, но он бы пошёл.

— Ирука-сан, — окликнул Макуто. — Там внутри что-то интересное?

— Развалины, — ответил я, выходя обратно. — Ничего особенного.

— А мне кажется, тут есть что-то, — сказал он, не оборачиваясь. — Чакра чувствуется.

Я напрягся. Чакра? Я ничего не чувствовал.

— Какая чакра?

— Старая, — он пожал плечами. — Очень старая. И очень сильная.

Наруто подбежал к нему.

— Правда? А где?

— Не знаю, — Макуто покачал головой. — Может, показалось.

Мы пошли дальше. Наруто вёл нас к воротам, которые, по его словам, вели на настоящий полигон. Я ожидал увидеть ржавые прутья и покосившиеся столбы, но ворота выглядели вполне прилично — деревянные, с металлическими накладками, без единой трещины.

— Тут можно проходить? — спросил я, с сомнением разглядывая проём.

— Ага! — Наруто шагнул вперёд и... замер.

Я не понял, что произошло. Он просто шагнул, и воздух вокруг него дрогнул, словно поверхность воды, в которую бросили камень. Потом он прошёл дальше и помахал нам рукой.

— Идите! Тут не больно!

Я шагнул следом. И сразу почувствовал — что-то изменилось. В воздухе, в запахах, в ощущениях. Будто я пересёк невидимую границу, и мир по ту сторону стал другим.

Перед самым носом обнаружил, что в проёме висит какое-то странное марево, будто огромная мыльная пленка.

— Не бойтесь, тут можно пройти, — попер Наруто прямо через этот странный мыльный пузырь и затащил меня. Неожиданно вид переменялся, никакой грязи и запустения: ухоженный сочно-зелёный газон, посыпанные мелким белым песком площадки, дорожки из плоских камней и блюдце глубокого, прозрачного до самого дна, пруда. Даже деревья и те выглядели аккуратнее, чем до ворот. И место для тренировок приличное. Да что там, даже я, не имевший в прошлом никакого отношения к восточным единоборствам и махачу в целом, пустил слюну.

Макуто шагнул следом, без колебаний. Я заметил, как он на мгновение замер, переступая порог, но не из-за страха или неуверенности. Скорее, он прислушивался к чему-то, чего я не слышал. Его лицо оставалось спокойным, но в глазах мелькнуло удивление — быстрое, как вспышка.

«Почему барьер пропустил и его?» — мелькнула мысль.

Полоса препятствий, четыре макивары, и куча (удивительно целых) мишеней в самых неожиданных местах. Вокруг меня скакали Наруто с клонами, и каждый тянул куда-то что-то показать. Со слов Наруто: всё, что было на полигоне, восстанавливалось само через какое-то время! Ну кроме оружия, и людей. Быстрее ранки и ссадины у мальчишки не заживали, если он тут оставался на ночь.

— И ты здесь всегда занимаешься? — любопытствовал я.

— Ага. Тут никого не бывает. Призраков бояться и этой радужной штуки. Даже трогать её бояться, даттебайо! — ухмыльнулся Узумаки, строя страшную рожу. Полагаю, это он призрака показывал.

Но почему барьер пропустил меня? Ничем иным эта «плёнка» в воротах быть не могла. И, судя по всему, она накрывала, как купол, весь полигон.

— Эта «штука»... это же барьер, да?

— Не-е, — отмахнулся Наруто. — Барьеры никого не пускают. А я зашёл. Это не барьер. И вы прошли.

«И вы прошли», — повторил я про себя. «Вы» — это он про меня и про Макуто. Барьер пропустил Наруто, потому что он Узумаки. Это я

ещё мог объяснить — остатки старых печатей, настроенных на кровь клана. Но почему он пропустил меня? И почему — Макуто?

Я покосился на парня в зелёной куртке. Он отошёл в сторону и рассматривал мишени, потрогав пальцем одну из них. Его движения были спокойными, почти ленивыми. Но я заметил, как он бросил быстрый взгляд на ворота, через которые мы вошли, и чуть прищурился.

«Что ты знаешь, Макуто?» — подумал я. — «И почему ты здесь?»

А потом Наруто решил повыпендриваться и показать свой наикрутейший стиль тай. Тот самый стиль Листа, которому его в академии учили. По моему скромному мнению — слишком много лишних движений. Пока мелкий играл сам с собой в «стенка на стенку», желая меня впечатлить, я повторял за ним отдельные движения. Потому как они казались мне знакомыми.

Макуто не присоединился к нашей «тренировке». Он отошёл к дереву, сел на корточки и начал что-то чертить на земле. Я не видел, что именно, но его палец двигался уверенно, без колебаний. Словно он повторял что-то, что знал наизусть.

Ну, как повторял? Тело двигалось по привычке. Это было так, будто я делал что-то на автомате, но вдруг кто-то спросил: «Как?» И я стою столбом и не могу толком объяснить. Память тела, как говорят братья-попаданцы. Возможно. Что ж, для того, кто дрался только в детском саду за плюшевого зайца — вполне неплохо. Но для того, кто хочет выжить в мире шиноби, это чуть лучше, чем никак.

Я тяжело сполз на землю. Осознание того, что ничего не понимаю в конспектах Ируки, угнетало.

— Паршиво.

Меня снова уносило на волнах депрессивных мыслей, крутило живот и побаливала голова.

— Ирука-сенсей! Что с вами? Вам грустно?

Последний вопрос меня развеселил.

— Я ведь просил не называть меня сенсеем? И нет, — улыбнулся, — со мной всё хорошо.

Полоса препятствий, четыре макивары, и куча (удивительно целых) мишеней в самых неожиданных местах. Вокруг меня скакали Наруто с клонами, и каждый тянул куда-то что-то показать. Со слов Наруто: Всё, что было на полигоне, восстанавливалось само через какое-то время! Ну кроме оружия, и людей. Быстрее ранки и ссадины у мальчишки не заживали, если он тут оставался на ночь.

— И ты здесь всегда занимаешься? — любопытствовал я.

— Ага. Тут никого не бывает. Призраков бояться и этой радужной штуки. Даже трогать её бояться, даттебайо! — ухмыльнулся Узумаки, строя страшную рожу. Полагаю, это он призрака показывал.

Но почему барьер пропустил меня? Ничем иным эта «плёнка» в воротах быть не могла. И, судя по всему, она накрывала, как купол, весь полигон.

— Эта «штука»... это же барьер, да?

— Не-е, — отмахнулся Наруто. — Барьеры никого не пускают. А я зашёл. Это не барьер. И вы прошли. И Макуто тоже.

Я обернулся. Макуто стоял у входа, приложив ладонь к той самой переливчатой плёнке. Его лицо было спокойным, но в глазах мелькнуло что-то — узнавание? Нет, скорее подтверждение давней догадки. Плёнка под его рукой пошла рябью, как вода от брошенного камня, и он шагнул внутрь. Беззвучно. Без усилий. Словно барьер узнал его.

— Ты проходил? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Да, — ответил Макуто, подходя ближе. — Похоже, он пропускает не только Узумаки.

Наруто хлопнул его по плечу.

— Круто! А я думал, никого кроме меня.

Я промолчал. В голове крутилась одна и та же мысль: «Почему?». Барьер Узумаки — если это действительно он — должен был реагировать на кровь клана. Наруто понятно. Я — непонятно. Но Макуто? Откуда в нём кровь Узумаки? Или что-то другое?

А потом Наруто решил повыпендриваться и показать свой наикрутейший стиль тай. Тот самый стиль Листа, которому его в академии учили. По моему скромному мнению — слишком много лишних движений. Пока мелкий играл сам с собой в «стенка на стенку», желая меня впечатлить, я повторял за ним отдельные движения. Потому как они казались мне знакомыми.

Ну, как повторял? Тело двигалось по привычке. Это было так, будто я делал что-то на автомате, но вдруг кто-то спросил: «Как?» И я стою столбом и не могу толком объяснить. Память тела, как говорят братья-попаданцы. Возможно. Что ж, для того, кто дрался только в детском саду за плюшевого зайца — вполне неплохо. Но для того, кто хочет выжить в мире шиноби, это чуть лучше, чем никак.

Я тяжело сполз на землю. Осознание того, что ничего не понимаю в конспектах Ируки, угнетало.

— Паршиво.

Меня снова уносило на волнах депрессивных мыслей, крутило живот и побаливала голова.

— Ирука-сенсей! Что с вами? Вам грустно?

Последний вопрос меня развеселил.

— Я ведь просил не называть меня сенсеем? И нет, — улыбнулся, — со мной всё хорошо.

— Ирука-сенсей?

— Просто Ирука и давай на «ты». Я ведь уже говорил.

— Отложил тетради.

— Прости, что перебил.

Наруто сделал брови домиком, а потом кивнул на книгу:

— А что ты читаешь?

— Я-то? — показал обложку первой попавшейся под руку брошюры.

— Чакра и контроль, — прочитал он вслух. — Зачем?

— Чакра и контроль — очень важны для шиноби. Это я помню, — «мудро» вякнул я.

— Понятно. А дзютсу помните? — поправился Наруто. — Помнишь?

— Нет, не помню, — решил пожаловаться. — Если по правде, то техники, они как забытое слово, что вот-вот припомнишь, но в итоге, — изобразил руками, — пшик. Не знаешь, за что первым хвататься...

Наруто как-то сразу скис, так что мне стало неловко, и я поспешил его ободрить.

— Что нос повесил? Вот вспомню и будешь вместе со мной тренироваться! А если я не пойму, то объяснять будешь ты! — легонько ткнул указательным пальцем мальчишку в нос. Странно, но после этого и я почувствовал себя лучше.

— Ну, — опешил Узумаки, сдерживая улыбку. — Э-э...

— Садись, — похлопал по траве рядом с собой.

Удостоверившись, что Наруто слушает, я спросил:

— Ты помнишь академические упражнения на контроль чакры?

Глядя на потуги мальчика отыскать в памяти ответ, я протянул ему эту брошюрку и несколько свитков из библиотеки Умино. Они были по той же теме.

— Это что? Крутые техники? Ура! Я точно стану хока... — мальчик осекся, переменился в лице, выдернул бумагу и рассматривал каждый свиток со всех сторон. А потом возмущённо выдал:

— Упражнения на контроль?! И здесь! А где крутые техники?

— Будут, но позже. А сейчас покажи, какие техники в Академии были.

— Угу, — водя пальцем по бумаге. — Это и, кажется, это учили.

Я уже сейчас мог дать мальчику свитки с несколькими техниками воздуха из кабинета Ируки. Библиотека нашлась в кабинете, на первом этаже, за одним из шкафов с книгами. Там что-то щёлкнуло, и задняя стенка открылась в комнату без света. В этой «Нарнии» были книжки и свитки, складная лестница-табурет и гамак в тупичке с настенным бра. То есть отцу Ируки было мало дивана в кабинете и спальни на втором этаже, он ещё и в библиотеке спальное место устроил.

В клане Умино, как я понял из беглого знакомства с летописью семьи, у большинства первой стихией была вода, а второй стихией чаще всего был воздух. С маленьким отрывом шла стихия молнии. Но вот в чём проблема: реальность — не манга и не аниме. У Наруто могла быть любая из пяти стихий. Но была и другая причина.

— Если у тебя будет такой контроль, как сейчас, ты эти крутые техники просто выполнить не сможешь.

Наруто скуксился.

— Или я что-то путаю и плохой контроль был у Сакуры?

Я осторожно толкнул его плечом.

— Прости. Неудачно пошутил. Но я уверен, что эти упражнения ты освоишь быстро. А потом будут тебе крутые дзютсу.

— Правда-правда?

— Правда.

За хождение по деревьям Наруто взялся с диким энтузиазмом. В свитке, в отличие от манги, был совершенно иной подход к выполнению этого упражнения. Какаши заставлял детей бегать по стволу, что усложняло задачу в несколько раз. Но толку от такого усовершенствования тренировки — никакого. Ведь в покое куда проще рассчитать, сколько чакры нужно для опровержения законов гравитации. К тому же Наруто тренировался с клонами. Нет, я ничего не говорил про опыт от клонов, просто мальчику хотелось кого-то победить, вот он и соревновался с самим собой.

Макуто отошёл к краю поляны и начал свою тренировку. Я покосился на него краем глаза. Он достал из-за пояса танто — короткий клинок с чёрной рукоятью, и застыл в стойке. Потом начал отрабатывать удары. Медленно. Слишком медленно для того, кто умеет обращаться с оружием. Но я заметил — он делал это намеренно. Сдерживался. Каждое движение было выверенным, но он специально вставлял паузы, терял равновесие, иногда замирал, будто вспоминая, что должно быть дальше.

«Актёр», — подумал я. — «Хороший актёр».

Но за этой игрой скрывалось что-то ещё. Что-то, что он не хотел показывать.

Пока Узумаки лежал у дерева, проверяя, приклеились ли ноги, и спрашивал, какие успехи у клонов, я уже стоял на ветке вниз головой.

Вышло так просто, будто я всю жизнь, аки муха, по стенкам и потолку ходил. Такая малость для шиноби, а у меня настроение взлетело до небес! И только страх быть непонятым удерживал меня от радостных воплей типа: «А-а-а! Круто! Афигеть, как круто!».

Задумавшись, я не сразу заметил белый листок, что выпал откуда-то из жилета. Я попытался его поймать, но длинные рук уже не хватало, листок спланировал наискось. И так мне интересно стало, что же это такое выпало, что ноги сами отлипли от ветки. Испугаться не успел, кувыркнулся и встал на землю, даже не пошатнувшись при приземлении. В сложенной вчетверо бумажке от руки написано оказалось мало и непонятно: «Данго сорок пять, мисо с семьдесят восемь. Должно понравиться. Выяснить, что нравится ещё».

Хм. Покрутил бумажку, но больше на ней ничего не нашёл. Кому понравится? И что за цифры рядом с названием блюд? И про кого это?

Наруто данго нравилось, но он балдел от тёмного шоколада с вафлями и орехами. Га-а-а-адость ещё та! Не люблю вафли, а особенно конфеты с ними. А второе блюдо я вспомнить не смог. Название знакомо, а вот из чего делается — нет. Вроде бы мисо — это не сладкое блюдо.

— Да! Я смог! Я смог! — Узумаки стоял вверх тормашками и улыбался своей коронной улыбкой, да ещё и глаза закрыл.

Припомнив его тренировки из канона, я рванул к дереву. И как раз вовремя. С тихим «ой», Узумаки упал мне в руки.

— Летать решил научиться? — ставя на землю, как оловянного солдатика.
— А если бы ты шею себе свернул? Нельзя быть таким беспечным! Ты же уже чувствовал, что едва держишься...

Наруто низко склонил голову.

— Извините.

— Если ты думаешь, что я тебя ругать буду, ты ошибаешься, — добавил я уже мягче. — Я закончил. Теперь на счёт «Я смог». Ты гений! — взъерошил пацану волосы. — Обычно это упражнение осваивают неделю, минимум!

Разве можно его расстраивать? У Наруто и так самооценка ниже некуда! Он чуть не расплакался от такой примитивной похвалы.

Немного отдохнув, Узумаки продолжил тренировку (закреплял результат), но уже без клонов, на чистом энтузиазме. А я его на всякий случай подстраховывал.

— Если падать соберёшься — предупреждай.

— Ага! — весело отозвался мальчик, делая мельницу и всё ещё стоя вверх тормашками.

Уже к закату Наруто свободно гулял по дереву, кору не отрывал и не отваливался. Естественно, я его похвалил, а потом мог наблюдать, как у выжатого, как лимон, блондина открылось седьмое или восьмое по счёту дыхание. Он скакал, как взбесившийся заяц, и радостно кричал. Вот ещё один повод пристрелить всех, кто мог, но не захотел опекать ребёнка. «Толстяка» и атомных боеголовок мне!

— Ещё чуть-чуть! — упрашивал Наруто.

— На сегодня хватит. Уже темнеет, — отозвался я, шагая к воротам.

Макуто убрал танто в ножны и бесшумно двинулся следом. За весь вечер он не проронил ни слова. Только когда мы подошли к выходу с полигона, я заметил, как он оглянулся. Его взгляд скользнул по барьеру — и мне показалось, что он снова прислушивается к чему-то, чего я не слышу.

Стоило только пересечь границу барьера, как перед нами появился АНБУ. Я опешил от своей реакции: кунай в руке, каждая мышца звенит от напряжения. Неловко улыбнувшись, убрал оружие, поздоровался. Но АНБУшнику было плевать, он лениво бросил, что меня снова желает видеть Хокаге, и испарился в вихре иллюзорных листьев.

Сначала я хотел отправить Наруто домой, но вскоре был вынужден согласиться, что без его помощи заблужусь. Я и в светлое время суток погано ориентируюсь, а ночью даже то, что запомнить успел, могу не узнать! Да я неплохо ориентировался только на центральных улицах, но и только. А это значило, что попасть в тупик или ломануться в чужой двор без проводника мне — раз плюнуть!

— Пойдём, что ли, — не радовало меня стремительно темнеющее небо.

— Ага, — отодвинул Наруто куст рукавом, — я тут раньше срезал, когда по крышам бегать не умел.

Макуто шёл чуть позади, не вмешиваясь, но я чувствовал его присутствие. Он двигался бесшумно, словно тень, и это раздражало. И пугало.

Несмотря на позднее время, народу на улицах Конохи было довольно много. Кто-то спешил на работу, кто-то домой, как, например, эти помятые чуунины. Один толкнул меня и, дыша перегаром, начал

извиняться. Этот тип так лихо сделал поклон, что свалился с ног!
Превозмогая брезгливость, я придержал этого пьяницу.

— О! — мутный взгляд обследовал моё лицо и, к сожалению, опознал: —
Ирука! Тебя выписали! Давайте выпьем за выздоровление...

«Ой, тебя из травматологии выписали? Пошли, выпьем, чтоб потом
выписали оттуда ещё раз! Идите лесом!» — подумал я, вежливо улыбаясь.

Наруто с любопытством рассматривал моих «друзей».

— Нет, — передал я тело его товарищам, — мне некогда.

— Слышали, — отозвался брюнет, у которого чёлка закрывала один глаз,
— ему некогда. Всегда некогда. Стоять!

— Да, стой ты! — беспардонно схватился за плечо некто всклокоченный с
бинтом на носу. — Мы тебя не видели уже... — подвис, скосив глаза.
Видимо, напрягал прямую извилину в вакууме своей головы. — ... долго,
— разродился этот дикобраз.

Остальные согласно закивали, так рьяно, что чуть головы не оторвались.
Сбоку донеслось:

— А пошли с нами бухать! Тебе же отчёты не писать. Везёт ему? —
обратился к компании за спиной. Те вообще друг на друге висели и
шатались, словно на ветру.

— Ве-езет! — хором рывкнули чуунины, распугав людей.

Это не друзья, это позорище! Я и предположить не мог, что на главной улице Конохи может быть так много питейных заведений! И в каждое меня пытались затащить! Чем только не заманивали: и экзотичной выпивкой, и «прелестями» порядком потасканных гейш, которых и гейшами назвать язык не поворачивался. И при этом никого не волновало, что рядышком, вот там, стоит ребёнок. Я как попугай повторял: «Нет». Хотя, если честно, мне хотелось послать их на русском и могучем, попросту матом. Язык чесался!

Макуто стоял чуть в стороне, прислонившись к фонарному столбу. Он не вмешивался. Только один из пьяных чуунинов, пошатываясь, направился к нему и что-то сказал. Макуто поднял на него спокойный взгляд, и мужик вдруг резко побледнел, попятился и, пробормотав что-то невнятное, вернулся к компании.

Я не слышал, что именно сказал Макуто. Но с этого момента пьяницы больше к нам не приставали.

Отвязалась эта банда от нас только у ворот башни Каге! Ещё бы чуть-чуть, и я бы сорвался. Пришлось даже себя отдёргивать и успокаиваться. Такое поведение для меня было непривычным. Наруто не проронил ни слова и вёл себя подозрительно тихо. Мне показалось, что раньше он сказать что-то хотел. Но, видимо, моя перекошенная «добром и счастьем» физиономия отбила всякое желание спрашивать.

Секретарши на месте уже не было, мне пришлось стучать. Но прежде, чем я коснулся двери, мне разрешили войти. А вот Наруто попросили посидеть на диванчике в приёмной.

— Мы тебя подождём, — сказал Макуто, садясь рядом с Наруто.

Я кивнул и вошёл.

Пока старик раскуривал трубку, я думал про собутыльников Ируки. Двоих я узнал, их имена крутились на языке, но вспомнить я никак не мог. И тут вкрадчивый голос «доброго» дедушки спрашивает меня о здоровье. Я опешил. И ради этого я вместо ужина сюда припёрся?

— Нормально, не жалуюсь, — только через мгновение сообразил, что и кому буркнул, сменил смурную рожу на нейтральное выражение лица и добавил: — Извините, Хокаге-сама, просто знакомые задержали.

— Ну, если хорошо, — выдохнул вонючее облачко Хирузен, — то и славно. Ирука-кун, что ты делал в квартале Узумаки?

— Где? — искренне недоумевал я. — ... Эм, это вы про полигон в квартале Призраков, Хокаге-сама? — вспомнил я о догадках и приметных завитушках в разрушенном квартале.

— Полигон? — с ленцой протянул Каге, пыхнув трубкой. — И ты там был?

— Был, Хокаге-сама.

— Что там?

Сказано было так, будто старикану совсем не интересно, но мне что-то в это не верилось. Я пожал плечами и сказал, что ничего особенного там нет. Ага. Ни Диснейленда, ни аквапарка. Вообще ничего особенного! А Наруто и соврать мог. Дети любят приукрашивать. Соврал просто из вредности. Не нравился мне Третий.

— Хм, понятно, — выпустил Хокаге в потолок колечко дыма.

Прикусив кончик трубки, старикан заявил, что лучше нам туда не ходить. А арендовать полигон для занятий.

— Хокаге-сама, извините, но у меня денег едва на еду хватает, Наруто ест за десятерых! Какая аренда?!

А мысленно ещё и огрызнулся: «Старый хрыч, ты сам попробуй пожить на те гроши, что пособием зовутся! Если бы не нычки Ируки по всему дому, сидели бы мы, на пару с Наруто, у Теучи в раменной и жевали бы лапшу. Спасибо, не надо мне такого счастья!»

— Хокаге-сама, если вы считаете, что мы не должны ходить на тот полигон, тогда предоставьте нам с Наруто любой другой. Седьмой полигон постоянно занят, так как Хатаке-сан не потрудился вовремя составить расписание, — пожаловался я.

Старик кашлянул. А я почувствовал неприятное покалывание в пальцах. На миг стало так тихо, что я услышал звон в ушах. Хирузен хохотнул: мол, знаю, неприятное свойство барьера-заглушки, мне они тоже не нравятся.

В итоге, пообещав, что сам подыщет полигон, старик начал расспрашивать.

— Объясни, я никак не пойму, — хитро зыркнул Третий, — зачем ты повёл туда Наруто?

— Эм, я? Нет, это не моя идея. Полигон нашей команды занимали генины позапрошлогоднего выпуска. Я спросил у Наруто, где он занимался раньше. Тогда он привёл меня в квартал Призраков.

— Ясно.

Наклонив голову на бок, подумал: «Чего ясно-то тебе, старче?» Да ещё Третий зачем-то попросил подробно описать полигон, что меня насторожило.

— Пруд, ручей, четыре макивары, полоса препятствий, много деревьев...
— перечислял я. — Обычный полигон, не меньше, чем закреплённый за командой. Неужели вы сами не видели?

Старик нехорошо нахмурился.

— И это всё, Ирука-кун?

«Кажется, он не видел. И это странно».

— Больше ничего, Хокаге-сама.

Постучав пальцами по столу, Каге спросил, чем занимались. Я ответил, что найденными мной в квартире учебниками из Академии. Мол, и Наруто повторит, и я, может, что вспомню.

Старик покивал, да сказал примерно следующее:

— Ты более не учитель в Академии, сдай дела и литературу.

Если честно, я такого не ожидал. Вылупился, как баран на новые ворота. «Ты же глава деревни! — молча возмущался. — На кой тебе сдались мои

книжки?! Деревня обеднеет, если не вернуть один комплект учебной литературы в Академию?»

— Будут нужны, Узумаки в библиотеку сводишь. Можешь идти.

— Ага, — обалдело выдал я. — Э-э-э... то есть да, Хокаге-сама!

— Иди-иди, — жестом «кыш-кыш» сопровождал Третий свои слова.

Я закрыл за собой дверь. На языке крутились три сотни матерных слов. И только четыре приличных: «За что?!» и «Почему?».

В приёмной Наруто и Макуто сидели на диване, глядя на меня с одинаковым выражением спокойного ожидания. Макуто встал первым.

— Идём? — спросил он.

— Идём, — буркнул я.

По дороге домой я ломал голову, как сдать книги и не остаться ни с чем.

— Наруто?

— Да?

— Ты знаешь, что такое ксерокс?

— Ммм... Нет. А что это? Это какое-то дзютсу?

«Учитель твой», — чуть было не ляпнул я.

— Да, просто вспомнилось что-то, думал, ты знаешь.

— Нет.

Макуто шёл молча, не вмешиваясь в разговор. Но я заметил, как он переглянулся с Наруто, когда тот ответил. Быстрый взгляд, почти незаметный. Но я его уловил.

Они что-то знают. Или о чём-то догадываются.

Придя домой, решил заставить клонов скопировать учебники в чистые свитки. Ага, фирма «Счаз» к вашим услугам! Мои дубли специально рисовали кривые иероглифы и кляксы. Запороли несколько свитков. Пришлось просить помощи у Наруто. От радости, что ему поручили такое важное задание, мелкий светился, как новогодняя ёлка!

Макуто сидел в углу, листая один из свитков. Я не просил его помогать, но он и не предлагал. Просто читал. Иногда поднимал голову и смотрел на меня. И в его взгляде было что-то такое, от чего мне становилось не по себе.

Когда учебники закончились, началась специальная литература для учителей. Узумаки стал писать медленнее, бормотать что-то гневное под нос. Разобрать я смог только «ка» и «дзи».

— Наруто, что такое?

Вздрыгнул и наиграно радостно воскликнул, что всё отлично. Я глянул на часы, они безжалостно отсчитывали минуты нового дня.

— Ты очень мне помог, — повернулся обратно, — спасибо. Ты...

— Правда? — перебил Узумаки. — Я правда помог?

— Конечно, — хотел взъерошить волосы, но посмотрев на перепачканную чернилами руку, её убрал. — Остальное я сам доделаю. Немного осталось. А ты, наверное, устал, иди спать.

Готов поклясться, что я расстроил Наруто. Наверное, мне это кажется от недосыпа. Со своими клонами Узумаки сделал практически всю работу, мне осталось лишь переписать две брошюры и один свиток. Встряхнув головой, я глубоко вздохнул и пробормотал:

— Arbeiten.

И вот! Вот оно! Я вывел последний иероглиф, медленно отодвинул свиток подальше и, радостно улыбаясь, уткнулся лбом в прохладные доски пола. Сил поползти до дивана уже не было, а влезть по лестнице сил бы мне не хватило. Голова болела так сильно, что любая мысль вызывала тошноту. Я и так особо отдохнувшим себя не чувствовал, как из госпиталя вышел, а эти последние двадцать четыре часа бодрствования меня совсем доконали.

Утром мне хотелось забиться в самый тёмный угол и шипеть на солнце, как вампир. Покрасневшие глаза чесались, спать хотелось дико. К тому же волосы прилипли к густому пятну чернил, а на руке кисточка отпечаталась. И подушку я всю испачкал в чернилах.

Стоп! Резко открыв глаза, я уставился на пятнистую наволочку подушки, лежащей на полу, и на скомканный плед. Потыкал пальцем в подушку. Убедился, что не глюк. Завис.

— Ирука, ты чего? — сквозь открытую дверь увидел Наруто около кухни.

— А? — не понял я.

Наруто смущённо показал пакет.

— С добрым утром. Я рамен купил, будешь?

— Да, спасибо, — рассеянно проговорил я. — Только уберусь тут.

В ванную я заходил с закрытыми глазами и открыл их только после того, как пена от шампуня перестала быть серо-фиолетовой. Одной престарелой обезьяне я это ещё припомню.

Человек — такая тварюшка любопытная: приспосабливается ко всему. Вот и я, можно сказать, привык. Хотя иногда в мою голову забредали мысли-слова: дико, невероятно, кома, фантазии, чушь... Но каждое новое утро убеждало меня: это реальность! Будешь продолжать считать всё вокруг выдумкой — долго не протянешь! Не скажу, что я полностью избавился от предубеждений. Но я научился видеть в знакомых мне именах не только персонажей, но людей. Времени прошло — совсем ничего, а приключилось много всякого.

Когда мы с Наруто и Макуто пошли отдавать книги и прочие бумаги Ируки, связанные с Академией, я и представить не мог, во что выльется эта экскурсия! Мерзкий солнечный денёк нещадно жёг глаза, мне было плохо. Кому-то определённо следовало позабыть студенческие бдения.

В здании АШ мне стало немного легче, и только поэтому я не растянулся на полу, когда Наруто внезапно остановился.

— Ирука-сенсей...

Я тяжело вздохнул. Периодически Наруто обзывал меня сенсеем ещё очень долго.

— Заблудился? Ранний склероз?

Я объяснил Наруто, что такое «склероз», а он весело спросил:

— А у нашего Хокаге склероз есть?

— Нет. У Хокаге его нет.

«Но есть маразм, — мстительно договорил, — который крепчает с каждым годом! Хотя, может, и склероз есть? Откуда ж мне знать?»

О библиотеке рассказать в принципе нечего. Кроме того, что если бы я не принёс книги, про них бы и не вспомнили. «Старый бибизьян, я тебя спасать не стану! Нет, серьёзно не стану. Наверное...»

А те документы, что были у меня, никому не были нужны! Единственными важными бумагами могли быть отчёты, но оказалось, что их из штаба, который в Башне Каге, Ирука не выносил — нельзя этого было делать.

Выйдя в коридор, я окликнул Узумаки:

— Наруто, ты в библиотеке костер разводил?

Наруто отвёл взгляд.

— Эм... э-э-э... вы вспомнили, да?

Немного офигев, я пробормотал:

— Просто библиотекаря так перекосило, когда тебя увидал.

Наруто почесал в затылке, немного помялся, но всё же рассказал, как было дело. Однажды пришёл библиотекарь на работу и чуть там не помер. Любому книгоману стало бы плохо, если б он увидел, как в полыхающее ведро бросают страницы и целые книги. Правда, там были пустые обложки и стопка пустых листов, а не книжка, но кто ж сразу разберёт.

Я подавился воздухом, а потом рассмеялся. И надо же было библиотекарю выйти именно в этот момент! Он на меня смотрел, как на врага народа! А Узумаки, решив, что я ругаться не буду, стал рассказывать на ходу про остальные свои проделки. Ну что я могу сказать? За Наруто следили спустя рукава. Потому головы Каге были не самой грандиозной проделкой. Хоть и самой заметной. Он ловил ужей, жаб и выпускал в женских туалетах. Во всех женских туалетах, от Академии до приёмной штаба! Вы видели визжащую от страха жену правителя Страны Огня? Нет? А Наруто — видел!

В общем, проще сказать, что мелкий не делал, чем наоборот! Однажды Узумаки запустил свиней с номерами один, два и четыре в Академию, специально сделав пропуск для того, чтобы все остальные думали так,

будто одна свинья всё ещё внутри. Но особенно отрывался Узумаки на праздниках. Портил еду таблетками от запоров и мочегонными. Надо ли уточнять, что с туалетами была напряжёнка? Всё одно слово: дрожжи. Последний Узумаки на ровном месте мог придумать сотни разных пакостей! Были как примитивные подлянки вроде сбрасывания гнилых овощей на голову гражданским, так и очень сложные вроде размулёвывания каменных лиц Хокаге и проказы с механизмами-ловушками.

По ходу повествования Наруто всё больше увлекался.

— А потом за то, что не оценил моё дзютсу, я в бенто учителю чернил из шприца за... ой, — замолк мальчик.

— Мне? — недоуменно переспросил, указав на себя пальцем.

И тут я вспомнил тот кошмар, который крутился в голове с самого утра! Вспомнил его целиком. Это был урок на академическом полигоне. Дети по очереди подходили к корзинке с кунаями и метали их в цели. Когда дети строились, Наруто отпихнули в самый конец. Он начал возмущаться, а Умино сделал вид, что не видит. Тогда бесклановый мальчишка из семьи потомственных шиноби ударил Наруто в глаз. Резко и неожиданно, без предупреждения, ругани и, похоже, без причины. Просто так. Ирука хихикнул, спрятав лицо за журналом с отметками.

— Ах ты тварь! — мой прозрачный кулак прошёл насквозь, не встретив сопротивления.

А возглас остался без внимания. Ведь тут я был всего лишь бестелесным духом. Ирука продолжил мерзко хихикать, глядя на развернувшуюся драку краем глаза. Изображал, что смотрит в другую сторону. Конечно, потом он их разнял, когда у обоих появились заметные ссадины, и наказал

зачинщика драки. Как оказалось, им «на самом деле» был Узумаки! Да, он сам себя ударил в глаз. А потом обвинил во всём этого «ангелочка» с бандитской ухмылкой и привычкой бить, не опускаясь до диалога!

Вот я стою в классе, не помня, как тут оказался. Наруто сел за первую парту, но Ирука отослал его в конец класса. Сенсеем «Дельфин» оказался ещё хуже, чем я думал! Когда все писали чернилами, Наруто карябал по клочку бумаги огрызком карандаша. Всё потому, что его кисточку кто-то — не будем показывать пальцем — сломал. А чернильница перевернулась, запачкав стопки тетрадей, которые предназначались приютским детям. Конечно, испорченные тетради потом достались Узумаки. Как и затупленные точилки, карандаши с сломанными стержнями, крошащиеся ластики, а ещё сломанный стул, шатающаяся парта и красивый цветок прямо за спиной стульчика Наруто, обожающий чрезмерную влажность, и который Ирука поливал аккуратно перед занятиями, чтоб из него текло на протяжении всего урока. Умино игнорировал вопросы мальчика, занижал оценки, высмеивал, ставил в угол, оставлял после уроков, всегда выставлял виновным, назначал несправедливые, тяжёлые и грязные отработки...

Картинка сменилась. Вечер того же дня. Наруто моет пол в туалете.

— Будем считать, что нарушение дисциплины ты отработал, — бросил Умино. — Наказание за враньё получишь завтра. Иди.

Мне стало понятно, почему Наруто был двоечником. Для него Академия шиноби была адом. И желание учиться у него не отбили, а убили начисто. Я даже «догадываюсь» кто... Но и Наруто в долгу не оставался. Узумаки прятал под обивку стула Ируки кнопки. Протаскивал в Академию шприц и накачивал чернилами бенто «Дельфина». Заливал клеем ящики стола «любимого» сенсея. Мальчик мстил (как мог восстанавливал справедливость) и... привлекал к себе внимание. Хотел, чтоб его ненавидели не просто так, а хотя бы за что-то конкретное. За какой-то

недостаток, который он мог бы в себе исправить, чтобы к нему наконец перестали цепляться.

— Ирука-сенсей!

Встревоженный голос Наруто доносился, как через вату. Опустившись на подиум около учительского стола, я сгорбился, растирая лоб и виски. Голова кружилась, так будто я на карусели несколько часов проторчал. Как в замедленной съёмке, с кончика носа сорвался глянцевого красный шарик, а упав, разбился об пол круглой кляксой с множеством ножек.

«Кровь?» — заторможенно-задумчиво, я провёл рукой под носом, рассматривая размазавшуюся по пальцам кровь. Запаха не чувствовал, только мерзкий вкус. Захотелось сплюнуть.

Пока я пытался прийти в себя, смывая кровь в мужском туалете, Наруто принёс бумажных полотенец. Хорошо, что не туалетной бумаги. Хотя, я бы не удивился, притащи он рулон из ближайшей кабинки.

— Спасибо, Наруто.

Словно боясь, что я упаду, мальчик крепко держал меня за рукав всю дорогу. Нужно быть воплощением Великодушия, чтобы искренне переживать за такое дерь... за такого человека, как Ирука.

Но быстро добраться до дома в тот день нам было не суждено.

— Иру-у-ука! — к нам неслись уже знакомые Дикобраз с бинтом и «Чудододо одноглазое в бандане». — ... Опа! Ты глянь, он уже где-то нажрался без нас!

В какой-то момент я хотел крикнуть в ответ что-то радостное, но не поддался. Не было поводов у меня для такого веселья. У меня голова раскалывалась и в глазах всё плыло, какая на... фиг радость?! Одноглазый втянул воздух и вынес вердикт:

— Не пахнет.

— Чем? — в недоумении я замер на месте, начав принюхиваться.

— Может, выветрилось? От тебя тоже не пах... ой, — позеленел «Дикобраз», подавив рвоту, — не пахло...

— Ирука, ты тоже в парке ирьенинам попался? — И, не дожидаясь ответа, начал жаловаться.

Второй согласно что-то подвывал, показывая, что в его бутылочке нет саке. Пока я безуспешно пытался уйти, я услышал «душещипательную» историю: в один прекрасный праздничный день двое чуунинов решили «культурно» накушаться и погулять. Всё бы ничего, но их зигзагообразный путь пролегал через живописную полянку. В это время на полянке тихо и мирно этот же праздник отмечали медики (главное — не ляпнуть это ирьенинам)... А эти балбесы напрямик, да по «столам»... Уже через мгновенье чуунинов скрутили, протрезвили, придали ускорения пониже спины и что-то напутственно во след им проорали матом. Конец? Нет! Утро после грандиозной пьянки для наших героев наступило посреди дня, и они в срочном порядке поспешили вновь дойти до кондиции. На полпути до кондиции был замечен «друг»!

— ... Ты тут прохлаждаешься, а на нас в штабе все отчёты свалили! Вот только на неделе почитания мёртвых отдохнуть решили. В башне Каге скучно...

Хэллоуин, что ли? Я в японских праздниках не в зуб ногой. А в местных и подавно.

— Да! Там, в штабе, без тебя грустно, тоскливо и... тяжело.

— Сочувствую. — «Да отцепись ты от меня, пьянь!» — Ничем помочь не могу. «И не собираюсь!»

— Можешь! — проорал прямо в ухо «Дикобраз». — Пошли с нами...

— Бухать? — поморщился я. — Вам что, заняться нечем?

Поглядев на ошарашенные лица, повернулся и пошёл дальше.

— Ирука, ты чего?! — нагнал меня друг Умино.

— Ничего, — буркнул, прикладывая пластину с символом деревни ко лбу.

— Не видишь, плохо мне.

— Ага, — задумчиво выдал чуунин, — хуже чем Хаяте выглядишь! У тебя кровь носом идёт.

К счастью, не шла, просто я плохо умылся.

Макуто всё это время шёл сзади. Он не вмешивался, не пытался помочь отбиться от пьяных чуунинов. Просто шёл, сохраняя дистанцию. Когда они отстали, я обернулся и поймал его взгляд.

Он смотрел на меня спокойно, без всякого выражения. Но в глубине его глаз мелькнуло что-то, что я не смог прочесть.

— Идём, — сказал он, и его голос прозвучал как приказ.

Я кивнул.

Чем больше людей попадалось нам с Наруто и Макуто по пути, тем хуже мне становилось. Уже потом я понял, что это «жу-жу» неспроста. Но конкретно в тот день меня заботила та каша из отвращения, злости и других не менее «позитивных» эмоций, которая царила в трещающей по швам голове. Лишь спустя полчаса я смог почувствовать себя человеком. Пока варварским способом изгонял из себя воспоминания, которые не были моими, но от этого не становились менее болезненными.

Вся бумага была выловлена. Вся. Саске в очередной раз пафосно пыхнул, Сакура наигранно вздохнула, а Наруто довольно загребал последние комки мокрой бумаги. Но наша «миссия» была далека от завершения. Теперь нужно было снять бумажные гирлянды и упаковать их в огромные коробки.

Макуто стоял чуть в стороне от остальных, аккуратно складывая снятые фонарики в стопку. Он делал это так же молча, как и всё остальное — без лишних движений, без попыток привлечь к себе внимание. Только изредка он поглядывал в сторону Какаши, который, как обычно, читал свою книгу, прислонившись к дереву.

Услышав задание, Наруто лихо взбежал по стене. — Да я за пять минут все сделаю! Какаши чуть не выронил свою книжку. Саске заскрежетал зубами. — Как этот идиот это делает? — в сердцах выкрикнула Сакура, тыча в блондина пальцем.

Макуто, услышав её, поднял голову. Его лицо осталось спокойным, но взгляд на секунду задержался на Наруто. Без осуждения, без зависти — просто наблюдение.

Так вам всем! — мысленно хихикая, давил довольную ухмылку. — Будет Узумаки у меня гением! Пришлось объяснять Сакуре и Саске, как ходить по деревьям и стенам. Рассказывал я подробно, так же, как Наруто. Пояснил, что это хождение по поверхности с помощью чакры — не только полезный навык, но и необходимое упражнение для лучшего контроля чакры, что важно для более сложных и продвинутых техник.

Макуто тоже слушал, прислонившись к дереву недалеко от меня. Он не задавал вопросов, но по тому, как он слегка наклонил голову, было понятно — он вникал в каждое слово. В отличие от Наруто, который уже умел это делать, и Саске с Сакурой, которые только учились, Макуто казался тем, кто уже знал, но всё равно проверял, не упустил ли чего.

— Если ты вложишь слишком много чакры, то повредишь дерево. Штукатурки стен это тоже касается. Будете тренироваться в свободное время НА ДЕРЕВЬЯХ, — закончил я, выделив голосом последние слова.

— Хай, Ирука-сенсей, — Сакура.

Кивок от Саске и счастливый кивок от Наруто. Кажется, он был искренне рад, без капли ревности, что его однокашники смогут делать то же, что и он сам? Я бы так не смог. По крайней мере, будь я на его месте.

Макуто молча кивнул, принимая информацию к сведению. Я заметил, как он перевёл взгляд на дерево, у которого стоял, мысленно оценивая его высоту и фактуру коры.

Закончив с флажками, Наруто спустился со стены. И что-то слово «Спасибо» в его адрес я не услышал. Хотя он сделал всю работу за этих «гениев». Нет, я бы точно так не смог...

— Ты молодец, Наруто, — тихо сказал Макуто, когда блондин поравнялся с ним. Голос его был ровным, без тени лести. Наруто на секунду замер, а потом расплылся в улыбке.

Намного раньше, чем ожидалось от команды семь, украшения были сданы, гроши (в переносном смысле) — получены, а мы засобирались по домам.

— Ирука-сан, — протянул лениво мерзкий и знакомый голос, — задержитесь, пожалуйста.

А вас, Штирлиц, я попрошу остаться... Нет! Твою папу, маму, дядю, тетю...! Не-е-е-ет!

Макуто, уже сделавший шаг к выходу, обернулся. Его глаза встретились с моими, и он слегка качнул головой — жест, который я не смог интерпретировать. То ли «удачи», то ли «я рядом».

— Наруто, ключи возьми. — Хай!

Я чуть слезу не пустил, так мне битым быть не хотелось. Вручив Наруто ключи, тихо наказал заглянуть ко мне до того, как пойдет на тренировку с командой. А ещё попросил купить хлеба и батареек. Тип АА, большие пальчиковые батарейки.

— У нас есть магия и чакра, а батареек нет. Да, — покачал головой, глядя на Наруто, — вот это я понимаю — диссонанс.

Парень сделал «умное лицо» и, на всякий случай кивнув, пошёл к выходу.

Макуто последовал за Наруто, но на пороге задержался. Он бросил быстрый взгляд на Какаши, затем на меня, и только после этого вышел. В его движениях не было ни тени сомнения, но была какая-то особая, пружинистая готовность. Я невольно подумал: «Что этот парень забыл в команде семь?»

Вскоре мы остались с Какаши вдвоём. Тот демонстративно уткнулся в книгу, показывая, что разговор окончен. Я стоял, переминаясь с ноги на ногу. Неловкое молчание затягивалось.

— Я сам буду учить свою команду, — наконец нарушил напряжённое молчание Какаши, — я сам буду их тренировать так, как посчитаю нужным.

«Или ничему не учить. И ничего не давать...» — промелькнуло в голове.

— Простите, — Какаши гневно уставился, отчего я перешёл почти на шепот, — но что мне тогда делать?

— Ничего не делать, — рявкнул он, — я сам все решу и сам всему научу свою команду! А ты должен делать только то, что я тебе скажу! Понял?

— Хай, — для верности ещё и покивал.

— Ну и славно, — глаз — улыбка и чудовищное давление Ки, в разы сильнее чем раньше, — а теперь проваливай.

Сделав над собой усилие, я попрощался и, шустро перебирая ногами, рванул к людям. Мало ли, вдруг Какаши вспомнит про «тренировку»? Да и мне спокойнее будет... Когда люди кругом. Или хотя бы Наруто...

В людском потоке я почувствовал себя спокойнее, привычнее. Вся эта ситуация меня напрягала от реакции Какаши до лоящего каждое моё слово Наруто, будто я ему ничего не объяснял: «Почему он, раньше временами спавший на лекциях в Академии, так внимательно слушал, что я ему уже рассказывал? Может быть потому, что ему нечасто что-то объясняли? Или он боялся, что он понял что-то неправильно или мог упустить что-то важное? Или... Или он слушал, чтобы понять, насколько я был честен с ним, и всё ли я ему рассказал? Ведь Мидзуки был не единственным, кто давал мальчику плохие советы и неправильные ответы на вопросы... Тот, прошлый Ирука, тоже постарался... Блин, Наруто всему переучивать придётся. Начиная с азов». Тяжко вздохнул.

«Ну, а с Чучелом-то что не так? Чего он так взъелся-то? Сам не учит и другим не даёт? Как собака на сене, честное слово. Он что, не понимает, что без обучения дети могут погибнуть на первой же миссии вне Конохи и её окрестностей? Может, Какаши ревнует, что команда слушает, раскрыв рот, меня, а не его? Ну ведь бред же! Ирука их учил много лет, конечно, ему доверяют больше, чем кому-то постороннему. Злиться на это — совсем безмозглым надо быть...»

Я уже почти вышел из парка, когда заметил Макуто. Он сидел на скамейке, спиной ко мне, и смотрел на закат. Я хотел пройти мимо, но он, не оборачиваясь, сказал:

— Ирука-сан. Вы сегодня хорошо объясняли. Наруто повезло.

Я замер. В его голосе не было ни насмешки, ни лести. Просто констатация факта.

— Спасибо, — ответил я. — Ты тоже мог бы послушать. Тебе это пригодится.

— Я слушал, — он повернул голову, и в лучах заходящего солнца его тёмные глаза блеснули. — Всегда слушаю.

Он встал со скамейки и, кивнув, пошёл в сторону Ичираку. Я смотрел ему вслед и думал о том, что этот парень видит больше, чем говорит. И это меня пугало. И одновременно — успокаивало.

Вернувшись домой, я застал картину, от которой у меня зачесались руки: на плите в кастрюле булькало нечто, напоминающее гигантскую соплю, а Наруто с виноватым видом стоял рядом, вытирая перепачканные руки о фартук. Кажется, я знаю, кто был юмористом в семье Ируки. Мать его.

Демонстративно потянув носом, я сказал:

— Что-то горит?

Мелкий переменился в лице и побежал на кухню.

— Не сгорел! — услышал я, открывая воду, — Даже не поджарился ещё!

— О, боги... Наруто, что это в кастрюле?

Оказалось, что блондин проголодался и решил сделать омлет... Из трёх десятков яиц! Это нечто лениво булькало и было похоже на гигантскую соплю. Пришлось мне это разливать по сковородкам.

— Ну, мелкотравчатый повар, — оглянулся на притихшего Наруто, — будем учиться ещё и готовить...

— Я могу помочь, — раздался голос от порога.

Я обернулся. В дверях стоял Макуто. Он держал в руках небольшой свёрток, из которого торчали какие-то травы.

— Ты что здесь делаешь? — спросил я, не скрывая удивления.

— Тэучи-сан передал, — он протянул свёрток. — Сказал, вы забыли на стойке.

Я взял свёрток. Действительно, сегодня утром я покупал специи для бульона и, видимо, оставил их в Ичираку.

— Спасибо, — сказал я. — Мог бы и Наруто передать.

— Он забудет, — спокойно ответил Макуто, скользнув взглядом по кухне. — Я помогу. Я умею чистить овощи.

Я хотел отказаться, но передумал. Пусть помогает.

Он аккуратно снял куртку, повесил её на спинку стула и, закатав рукава футболки, взялся за нож. Я смотрел, как его пальцы ловко управляют с морковкой, и невольно сравнивал с тем, как он обращается с танто на тренировках. Разница была. Там — смертоносная точность. Здесь — бытовая аккуратность.

— Ты часто помогаешь Тэучи-сану? — спросил я, чтобы нарушить молчание.

— Каждый день, — ответил он, не поднимая головы. — После учёбы. И по выходным.

— А спать когда?

— Ночью.

Я хмыкнул. Парень был неразговорчив, но его присутствие на кухне было не лишним. Наруто, который обычно мешался под ногами, вдруг притих и с интересом наблюдал за движениями Макуто.

«Знаете, Какаши-сан, плевал я на ваше мнение с высокой колокольни, — мстительно подумал. — Я научу Наруто всему, чему сумею!» Но не сегодня. Поедим и на полигон к призракам.

— Учить крутые техники? — подпрыгивал на стуле блондин.

— Почти, — уклончиво ответил, расплываясь в улыбке.

Макуто, услышав про полигон, поднял голову. Его взгляд на секунду задержался на мне, но он ничего не сказал. Только кивнул.

Мы поели быстро. Я с удивлением заметил, что Макуто ест так же размеренно, как и работает — медленно, без лишних звуков, тщательно пережёвывая каждый кусок. Наруто, как обычно, уплетал за обе щеки, изредка поглядывая на молчаливого гостя.

После ужина я сунул в карман несколько пустых свитков, прихватил футляр для документов и вышел в коридор.

— Макуто, ты с нами? — спросил я.

— Если можно, — ответил он, надевая куртку.

Проходя мимо почтового ящика, я заглянул внутрь и был вознаграждён за любопытство двумя пухлыми белыми конвертами. Повертев их в руках, я закинул их в квартиру и запер дверь.

— А что там? — спросил Наруто.

— Не знаю пока. Потом посмотрим.

Выйдя на улицу, Наруто вдруг предложил:

— Давай наперегонки?

— А почему бы и нет?! — я начертил подошвой линию, — На старт. Внимани...

— О! В вас кипит Сила Юности, Ирука-сенсей! Ешкин кот! Капитан Зеленка! Боги, за что вы меня ТАК не любите?

Макуто, услышав этот вопль, чуть заметно улыбнулся — впервые за весь вечер. Улыбка была короткой, почти незаметной, но я её уловил.

— Здравствуйте, Майто-сан, — выдавил кривую лыбу. — Вы бодры, как всегда.

— Ли! Из клубов пыли выскочила маленькая копия Майто.

— Да! Гай-сенсей!

Зеленкин разразился потоком пафоса. Только тактичность не позволила мне заткнуть уши. Но я мысленно орал песенки, только чтобы ничего не

слышать! Наруто тактичностью не страдал, и после того, как отошёл от шока, заткнул уши. Гай — страшное «оружие». Если он что-то орёт, враг дважды подумает, прежде чем решится вытащить пальцы из ушей и подставить свой мозг под эту ужасающую технику — «Пафосогедон»!

— Ирука-сенсей? — по-детски обиженно спросил Гай, — вы меня слышите?

— Что, что? Простите, — печально вздохнул, — со мной такое часто бывает. Если что-то начинаю вспоминать, то ничего не слышу. Вы не могли бы повторить?

Наруто побледнел и отшатнулся. На его лице читался неподдельный ужас: «Вы что, реально хотите ЭТО услышать ещё раз?! Гай как-то сразу скис и, пожелав мне скорейшего выздоровления, умчался за горизонт.

— Скатертью дорожка, — процедил сквозь улыбку, помахав на прощание рукой.

Макуто, стоявший чуть поодаль, смотрел вслед удаляющемуся Майто Гаю с выражением глубокой задумчивости на лице. «Зелёный зверь Конохи», — услышал я его тихий голос. Похоже, он знал Гая. Или, по крайней мере, слышал о нём.

Полигон встретил нас привычной тишиной. Клоны Наруто уже ждали у пруда. Я подошёл к воде, сосредоточился и, как учил, шагнул на поверхность. Чакра послушно потекла по ногам, удерживая меня на плаву. Наруто, с восторженным визгом, последовал моему примеру. У него получалось не сразу, но он упорно пытался.

Макуто не торопился. Он сел на берегу, положив колени на локти, и наблюдал. Наблюдал за Наруто, за его клонами, за мной. Иногда его взгляд скользил по поверхности пруда, будто он видел что-то, чего не видели мы.

Убедившись, что мальчик увлёкся, я отошёл в сторону и занялся своими делами. Достал пустые свитки и, создав теневого клона, принялся переписывать содержимое найденных фуиндзюцу. Работа была кропотливой и нудной, но необходимой. Я не хотел, чтобы секреты Узумаки достались кому-то ещё.

Макуто поднялся и, бесшумно ступая, подошёл ко мне. Он посмотрел на свитки, на мои каракули, но ничего не сказал. Просто сел рядом и стал смотреть на воду. В какой-то момент он спросил:

— Это для Наруто?

— Да, — ответил я, не поднимая головы.

— Хорошо, — сказал он. И замолчал.

Через полчаса я закончил и спрятал оригиналы обратно в футляр. Макуто встал и, отойдя к дереву, начал свою тренировку. Его движения были плавными, почти незаметными. Он не шумел, не привлекал внимания. Просто делал своё дело.

Я смотрел на него и думал о том, что этот парень — загадка. Слишком тихий. Слишком внимательный. Слишком правильный.

Но, может быть, именно такие нам и нужны.

Надвигалась гроза. Пора было уходить.

Оставив мальчика и клонов заниматься у пруда, я решил обследовать полигон. Тут я вспомнил про деревья, в которых Узумаки наделал дыр, пытаюсь вскарабкаться.

— Тут же...было... — удивился я. Отпечатки рук и подошв исчезли. Казалось, что здесь никогда вообще не тренировались. Да тут и инвентарь, как новый! От времени не посерело дерево, а из соломы, прикрученной к ошкуренному столбу, все еще торчали зеленые травинки.

— И правда... — ошарашено присел на землю. — Восстанавливается.

Макуто, который до этого молча сидел на берегу и чистил свой танто, поднял голову. Он посмотрел на деревья, на столб, на траву, и в его глазах мелькнуло что-то вроде понимания.

— Свойство этого места, — тихо сказал он. — Барьер не только защищает, но и восстанавливает.

Я кивнул, не зная, что ответить. В его словах был смысл.

Мое внимание привлекло что-то черное у основания макивары. Отодвинув редкую траву, я заметил черный кругляш с гравировкой в виде завитушек. Даже не зная что это было, мне захотелось вытащить находку и рассмотреть поближе.

— Почувствуй себя варваром, — хихикнул я, доставая кунай. Не руками же, в самом деле, копать?!

Макуто подошёл ближе, бесшумно, как тень. Он встал чуть позади, не мешая, но внимательно наблюдая. Я чувствовал его взгляд — спокойный, выжидающий.

Наконец я завершил раскопки и в моих руках оказался грязный цилиндр-футляр. Он выглядел как новый, после того, как я его протер платком, только грязный шнурок портил впечатление. На миг зажмурившись, я взмолился: — Только бы там было что-то полезное, только бы что-то полезное...

— Печать на футляре, — заметил Макуто. — Старая. Но до сих пор активная.

Я дернул крышку, попытавшись открыть футляр, но у меня ничего не вышло. Дергал, крутил — ничего! И тут до меня дошло, что на футляре вполне могла стоять защита от таких, как я.

— Наруто! Иди-ка сюда! — крикнул я.

Уже через мгновение Узумаки крутил в руках черный футляр. А ведь до того, как я его позвал, он был на другом конце полигона!

— Ух ты! А что это? — спросил он.

Я чуть было не ляпнул: «Наследство», но вовремя заткнулся.

Наруто покрутил цилиндр в руках, тот щелкнул и с легким шелестом на землю выпали три тонких свитка. По бархатисто-черному фону бумаги вились гладкие, серебристые, едва заметные на свету узоры-завитки. Но свитки были не одинаковыми. Выглядывающие концы стержней, на которые накручивалась бумага, были белого, серого и черного цветов.

Макуто сделал шаг вперёд и опустился на корточки, разглядывая свитки. Он не прикасался к ним, просто смотрел.

— А чье это? — спросил Наруто.

— Раз здесь лежит, значит — призраков, — я усмехнулся, заметив как Наруто поджал губу. А жаба душит, по лицу вижу, душит порядочность. — Шучу. Ты меня сюда привел, значит — твое. Сейчас, посмотрим что это, если пригодится — будешь изучать. А пока — пошли клонов тренировать контроль.

Макуто поднялся, но взгляд его ещё раз скользнул по футляру. Мне показалось, что он хотел что-то сказать, но передумал.

Глядя, как рьяно Наруто принялся изучать свитки, я подумал: 1:0 в пользу Жабы. Свитки оказались бесценными. Теория фуиндзютсу, базовые упражнения и набор необходимых каждому генину-Узумаки печатей. Хвала всем богам за того генина-раздолбая, который взял теорию фуиндзютсу и забыл здесь! И что футляр закрыл! А тому, кто барьер этот сделал, что он до сих пор стоит вообще — памятник поставить! Два! Десять! Десять памятников и один бюст!

Несмотря на нелюбовь Наруто к чтению и теории, свитки его увлекли. И это было здорово! Он должен будет выучить их все, прежде чем приступить к практике. Но это будет не сегодня и, скорее всего, не завтра. Сложное искусство — это фуиндзютсу.

Макуто сел на траву, прислонившись спиной к дереву. Он смотрел на то, как Наруто листает свитки, и на его лице не было ни зависти, ни любопытства. Только спокойное принятие.

— Ты не хочешь посмотреть? — спросил я его.

— Это не моё, — ответил он. — Я не Узумаки.

Я промолчал. Но в голову снова закралась мысль: если барьер пропустил его, значит, в нём есть что-то от этого клана. Или не только от клана.

Зевнув, я бросил взгляд на одинокое облако. Оно точно бежало от пухлых темных громад, спешащих ему в след. От земли довольно ощутимо

повеяло сыростью, воздух стал прохладней, а в небе гулко пророкотал гром.

— Гроза, — задумчиво проговорил я, зачарованно наблюдая, как быстро мчатся облака.

— Что? — не понял Наруто.

— Домой пора. Видишь облака? До вечера они точно окажутся над деревней, а зонтов мы не брали. Да и стемнеет скоро, — забрав у Наруто добытые свитки, я аккуратно закрыл их в футляр. Мне надо было придумать способ как-то переписать их в заранее принесенный пустой свиток. А затем вынести, не вызывая подозрений и вопросов у АНБУ. Мне очень не хотелось, чтобы секреты Узумаки отобрали у их наследника. Потому футляр я решил оставить на полигоне. Закопать туда, откуда я его выкопал.

Макуто подошёл к тому месту, где я копал, и посмотрел на ямку.

— Я помогу, — сказал он.

Мы втроем — я, Наруто и Макуто — закопали футляр обратно. Молча. Быстро. Словно делали это не в первый раз.

Начать разговор было сложно.

— Наруто, пожалуйста, послушай меня внимательно. Это очень важно, — я постарался придать голосу максимум серьезности.

— Да, я слушаю, Ирука-сенсе... Ирука. Что-то случилось? — заволновался Наруто.

— Пока ничего, но может случиться, — я постарался подобрать правильные слова, ведь от них зависело очень многое, — если ты покажешь свой навык хождения по воде или расскажешь про найденные нами свитки кому-либо в деревне. А особенно — своей команде, Какаши-сану или Третьему.

— Но... Почему?! — ошарашено крикнул Узумаки. — Я так старался... Я научился! Хочешь, я тебе покажу?

— Верю. Верю, что ты научился, но показывать этого никому нельзя. Я не должен был этому тебя учить. И если кто-то узнает, что ты умеешь, то у меня будут проблемы. Я прошу тебя поверить мне и сделать так, как я прошу. Это не навсегда. Потом ты сможешь всем продемонстрировать свои навыки. Потом, но не сейчас. Просто поверь мне. Так надо.

Макуто стоял чуть в стороне, скрестив руки на груди. Он смотрел на Наруто, и в его взгляде не было ни осуждения, ни сомнения. Только поддержка.

— Ирука прав, — сказал он негромко. — Ты пока никому не рассказывай. Даже Сакуре и Саске.

Наруто перевёл взгляд с меня на Макуто и обратно.

— А ты? Ты же тоже знаешь, — спросил он.

— Я не расскажу, — ответил Макуто. — Я умею молчать.

Нет у меня причин доверять ни Какаши, ни Третьему. Ведь почему-то Хокаге не хотел, чтобы мы на полигон ходили? Выкрутасы «дедули» нравились мне все меньше. И версия ловушки не работает — Наруто печати признали своим, раз пустили, и на полигоне ловушки не ставят.

Наруто немного засомневался, но потом решительно вздохнул и, вскинув над головой кулак, вскрикнул:

— Я обещаю, что никому ничего не скажу и не покажу! Даттебайо!

— Спасибо, — я вздохнул с облегчением. Кажется, пронесло.

Макуто едва заметно кивнул. Я поймал его взгляд и на секунду мне показалось, что в глубине его тёмных глаз мелькнуло что-то вроде одобрения. Или, может быть, я просто придумал.

Но тут Наруто уставился в землю и стал накручивать на палец край своей майки. «Нашкодил...» — промелькнуло в моей голове.

— Я... Я тут... эмм... хотел сказать... ну, по поводу той бабули, — неуверенно начал Наруто. — Ну, так вот, я не сбивал, — выпалил он на одном дыхании и снова замялся. — Я... эмм, рядом пробегал... а она

отшатнулась и упала... вот. Я правда ей помочь хотел, но она эээ... мне не давала! Вот! Обзывалась и стукнуть меня пыталась! Правда! Смотрит, как кот из «Шрека»...

Макуто слушал, не перебивая. Его лицо оставалось спокойным, но я заметил, как его пальцы на секунду сжались в кулаки.

Я в шоке уставился на Наруто, судорожно пытаюсь понять, какая муха его укусила. И причем тут та старуха?

«Подозрительно...» — прошелестело где-то на границе слышимости. Будто это и не слово было, а лишь намек на него.

Отогнав непонятное ощущение, я, осторожно подбирая слова, спросил:

— А почему ты сейчас мне о ней говоришь? Ты ведь не виноват и ту бабушку не сбивал. — Попытался пошутить: — Сбей ты ее, она бы орала на всю Коноху, что ты ее убить пытался.

Не помогло. Наруто снова начал мяться.

«Ну, что опять не так?» — мысленно сокрушался я.

И тут он неожиданно серьезно посмотрел на меня пронзительно синими глазами и выдал:

— Спасибо, что верите мне, Ирука-сенси... Ирука! Для меня это очень важно. Но я должен объяснить, что там случилось с бабулей. Ведь вы сами нам говорили, что старших нужно уважать. — С каждым словом он говорил все уверенней. — Я ее не сбивал. Но она меня испугалась и упала... — сбился он вдруг, — я этого не хотел. Так получилось. Я виноват.

Плечи Наруто опустились, а голос стал тише.

— Я хотел ей помочь, — громко стал меня убеждать мальчик, — но она не давала, а потом появились вы. Я хотел ей помочь! Правда! Потому что старик Хокаге говорил, что если я буду всем помогать, то люди признают меня и будут меня любить... Улыбаться мне... Поэтому я бы все равно пытался ей помочь...

Макуто сделал шаг вперёд. Он не сказал ни слова, просто встал рядом с Наруто, плечом к плечу. Жест был почти незаметным, но я его увидел.

Из-за тирады Узумаки я натурально завис, как старый Виндовс на древнем компьютере, пытаюсь справиться с непосильной задачей — понять, что мне только что было сказано. И зачем.

Наруто попытался было сказать что-то еще, но я поднял руку, жестом попросив его дать мне подумать. Я уже успел заметить, что в здешней культуре, — сложил руки на груди, — как и в японской и во многих других восточных, принято уважение к старшим. Пожалуй, гипертрофированное уважение к старшим.

Я посмотрел на мальчика. И Наруто чувствует себя виноватым из-за того, что «уронил» бабку. Поэтому он полез ей помогать, несмотря на оскорбления и ее попытки ударить. Да еще и посчитал бы ее клюку заслуженным наказанием. Мазохист малолетний. И бред Третьего... Кажется, что-то такое в аниме было...

Я перевёл взгляд на Макуто. Он стоял неподвижно, но я чувствовал — он готов вмешаться, если понадобится. Только вот во что — я не знал.

Сообразив, что Узумаки все еще ждет, я усадил его на столб-макивару и ободряюще улыбнулся:

— Ты не виноват. Извиняться тебе не за что.

— Да? — ошарашено раскрыл рот Наруто.

— Да, — кивнул, улыбаясь еще шире. — Во-первых, старушка живет в деревне шиноби, ей пора бы уже привыкнуть, что мы носимся, как угорелые. И как нормальные люди ходим редко. Ненормальные все, ага.

Наруто хихикнул, прикрыв лицо ладошкой.

— Так что — сама виновата, — дурашливо развел руками. Так, теперь можно серьезней. — Во-вторых, ты хотел ей помочь, а она что? Палкой ударить хотела. Ответила злом на добро, тем самым доказав, что помощи не заслуживает. Да и правила на самом деле не столь категоричны...

Поняв, что сказал непонятно, поправил себя:

— В Академии давали вам правила в несколько... упрощенном виде. Старость вовсе не означает, что человек мудрый. Не всякий старый человек заслуживает уважения. Можно прожить всю жизнь и при этом остаться дураком. Мы должны относиться ко всем уважительно, если они себя ведут достойно этого уважения. Вот за что мне уважать ту бабку? Не за что.

Наруто глядел на меня так, будто я ему пересказывал божественные откровения. Мне даже не по себе стало от такого преданно-восторженного взгляда.

— А еще ты не обязан помогать всем и каждому. А если ты будешь всем помогать, то совсем необязательно они будут тебе за это благодарны. Может быть, они, как эта старая перечница, еще и недовольны будут.

— А как различить, кто будет мне благодарен за помощь, а кто нет? — в голосе Наруто не было сомнений в том, что я сейчас могу ответить ему на любой вопрос.

— О, об этом долго рассказывать, и лучше не под дождем. Пойдем домой.

Мальчик согласно кивнул.

— Макуто, ты с нами? — спросил я.

Он кивнул и, не говоря ни слова, двинулся следом. Его шаги были бесшумными, дыхание — ровным. Он шёл чуть позади, как тень, и я чувствовал его присутствие — спокойное, уверенное.

«Что ты за человек, Макуто?» — подумал я, глядя вперёд. — «И почему ты здесь?»

Ответа не было. Но я знал одно: этот парень будет рядом. И это пугало меня не меньше, чем всё остальное.

Хватит с меня сегодня старух и стрессов.

Глава 9. Бумаги?

— Наруто, давай наперегонки?

— Давай! — радостно согласился мальчишка. — Кто первый прибежит, закрывает окна. Старт!

Узумаки умчался далеко вперед, и тут до меня дошло, что у него нет ключей.

— Вот проклятье! — чертыхнулся я, сжимая в руке связку.

Не успел я добежать до дверей квартиры, как начался дождь. Он нагнал меня уже рядом с домом и щедро плеснул за шиворот воды с козырька крыши. Да и в здании нас намочило. Коридор перед квартирой Ируки — это длинный открытый балкон с лестницами в П-образный дворик, куда выходят все входные двери и нет ни одного окна. Так что у порога порыв ветра окатил нас стеной воды. Похожим на корабль дом был лишь с определенного ракурса, его план скорее напоминал значок параграфа «§», если бы тот пришлось составлять из букв «П».

— Ты напомни, — стучал я зубами, — как на рынке будем, тебе дубликат ключей сделать. Ну? Чего стоим, кого ждем? Заходи.

Картина, открывшаяся моему взору, не вдохновляла. И это было мягко сказано! Под каждым окном была здоровенная лужа, а шторы вымокли до самых карнизов. Выделив каждой занавеске по кастрюльке, я побежал на кухню, потому что услышал оттуда звон посуды.

— Не ходи в мокром. Я подогрею поесть.

Выбирать было особо не из чего. Так что, стуча зубами, решил подогреть плов.

— Ты еще тут? — сказал я, когда полез за ложкой и обнаружил за столом Узумаки. — Бегом в ванну!

— Какую? — решил Наруто потянуть время.

— Любую. Пусть твой клон за чистой одеждой сходит.

— Макуто уже пошёл, — ответил Наруто, кивая в сторону коридора. — Он нас догнал, когда мы ключи искали.

Я только сейчас заметил парня в зелёной куртке, который бесшумно возник в дверях. Он держал в руках свёрток с чистой одеждой — для себя и для Наруто. Мокрые волосы прилипли к вискам, но лицо было спокойным, будто он не бежал под ливнем через полгорода, а только что вышел из сухого помещения.

— Я взял на всякий случай, — сказал Макуто, перехватив мой взгляд. — Тэучи-сан отпустил пораньше.

Я хотел спросить, как он вообще узнал, что мы здесь, но передумал. В конце концов, он теперь часть команды, и если уж барьер пропустил его на полигон, то дождь — не помеха.

— Ладно, — кивнул я, отворачиваясь к плите. — Переодевайтесь оба. Плов поспеет через пять минут.

Наруто умчался в ванную, а Макуто остался. Он молча повесил свою мокрую куртку на спинку стула и, закатав рукава футболки, подошёл к раковине.

— Я помогу, — сказал он и, не дожидаясь ответа, взялся за грязные тарелки.

Я не стал спорить. Вдвоём мы быстро привели кухню в порядок, а когда Наруто выскочил из ванной — красный, распаренный, в чистом бежевом костюме, — ужин уже стоял на столе.

— Не ходи в мокром, — сказал я Макуто, когда он потянулся за своей порцией.

Он кивнул и, сняв промокшую футболку, остался в серой майке, которая, как ни странно, была почти сухой. «Подготовился», — подумал я, но вслух ничего не сказал.

За ужином Наруто умял почти весь плов, а Макуто ел медленно, как всегда, не глядя по сторонам. Я же, глядя на нас троих — сироту, ассистента и попаданца, — вдруг почувствовал, что это, наверное, и есть моя новая семья.

Как только Наруто, зевая, ушёл в комнату, Макуто помог мне перетащить мокрые свитки из кабинета в зал. Он работал молча, аккуратно раскладывая бумагу на полу, и ни разу не спросил, что это за документы или откуда они взялись. Только когда я развернул один из свитков с печатями Узумаки, его пальцы на секунду замерли.

— Это то, что мы нашли? — спросил он, не поднимая головы.

— Да. Часть, — ответил я. — Остальное закопано обратно.

Он кивнул и, не задавая лишних вопросов, продолжил работу.

Когда всё было разложено для просушки, я сел за стол писать докладную Хокаге. Макуто устроился в кресле напротив, поджав под себя ноги, и взял одну из брошюр. Не читал — просто листал, рассматривая иероглифы.

— Ты не боишься? — спросил я, отрываясь от бумаг.

— Чего? — он поднял взгляд.

— Что Какаши узнает. Или Третий. Что мы учим Наруто тому, чему не положено.

Макуто помолчал.

— Я умею молчать, — сказал он наконец. — И я видел, как Наруто падает с дерева сто раз, прежде чем удержался. Он заслужил эти техники.

— А ты? — спросил я. — Ты тоже хочешь научиться?

Он покачал головой.

— Мне хватит того, что у меня есть.

Я не стал настаивать. Но когда я писал докладную, он сидел напротив и молчал, и это молчание было не тяжёлым, а каким-то... правильным.

Когда я закончил и отложил перо, Макуто встал.

— Я пойду, — сказал он. — Завтра рано вставать.

— Оставайся, — неожиданно для себя сказал я. — Дождь не кончится до утра. Место есть.

Он посмотрел на меня долгим взглядом, потом кивнул и, взяв с вешалки сухое полотенце, отправился в ванную.

Позже, когда я уже лёг в кровать, я слышал, как он бесшумно прошёл в комнату Наруто и устроился на полу, положив под голову свёрнутую куртку. Я хотел сказать, что есть свободная кровать, но передумал. Не тот человек, чтобы спать в чужой постели.

Под шум дождя я закрыл глаза и подумал: «Что за компания мне досталась? Сирота, ассистент и я — попаданец в чужом теле. И каждый из нас что-то скрывает. Но, может быть, именно поэтому мы друг другу не враги».

Дождь барабанил по крыше, и в этом ритме было что-то успокаивающее. В какой-то момент я услышал, как Макуто тихо кашлянул — видимо, всё-таки промок сильнее, чем показал. А потом провалился в сон.

Снился мне старый полигон. Мы втроём сидели у пруда, и Наруто учился ходить по воде, а Макуто, сидя на берегу, чистил свой танто. Я смотрел на них и чувствовал, что в этом сне всё правильно.

Потом пришёл Ирука. Маленький, лет шести, в бежевых шортах и майке с символом клана. Он посмотрел на меня, на Наруто, на Макуто и сказал: «Нравится в чужой шкуре, демон?»

Я проснулся от собственного крика. Сердце колотилось, ладони вспотели. В комнате было темно, дождь всё ещё шёл.

— Ирука? — сонно спросил Наруто с кровати.

— Спи, — прошептал я, вытирая пот со лба. — Всё нормально.

Макуто не спал. Я чувствовал его взгляд в темноте — спокойный, наблюдающий. Он ничего не сказал, но я знал, что он понял.

— Проклятье, — прошептал я, откидываясь на подушку. — Проклятье...

Утром, когда я вышел на кухню, Макуто уже стоял у плиты. Он жарил яичницу и кипятил чайник. На столе лежали аккуратно сложенные свитки — сухие, готовые к использованию.

— Ты рано, — сказал я.

— Я всегда рано, — ответил он, не оборачиваясь.

И я вспомнил, что он уже говорил эти слова. В день, когда впервые переступил порог Ичираку. Тогда я не придавал этому значения. А теперь — задумался.

— Макуто, — позвал я.

— Мм?

— Спасибо.

Он повернулся и посмотрел на меня. В его тёмных глазах не было удивления, только лёгкое любопытство.

— За что? — спросил он.

— За то, что остался.

Он пожал плечами и вернулся к плите.

— Я всегда остаюсь, — сказал он.

И я почему-то поверил.

Докладная Третьему Хокаге

После того как Наруто отправился в ванну, я в панике проверял свитки. К счастью, их нужно было только подсушить. Бумага почти не намокла, будто иероглифы отпечатали лазерным принтером на глянцевой бумаге, которая воду практически не впитывает. Мне оставалось лишь стряхнуть капли и разложить их сушиться. Только у брошюрок немного промокли обложки.

Макуто, который всё это время молча стоял у стены, подошёл и начал аккуратно раскладывать свитки на полу. Он делал это без лишних вопросов, просто помогал. Я заметил, как его пальцы на секунду замерли, когда он взял один из свитков с печатями Узумаки, но он ничего не сказал.

Глядя на намокшую литературу, я пожалел, что взял не ту сумку, которую нашел в ящике с формой АНБУ. Но та сумка была довольно приметной, я

не решился ее носить открыто. Расстелив на полу сырую бумагу, опомнился и побежал к плите.

Размышления о тренировках и конфликт с Какаши

Пока я стоял у плиты, мысли вертелись вокруг одного: что мне делать с тренировками команды? Наруто рано или поздно случайно покажет свои навыки. И у меня снова будут проблемы. Но и оставлять все как есть я не мог. Я не Какаши, чтобы наплевательски относиться к жизням тех, за кого в ответе.

— Мне нужна твоя помощь, — сказал я, обернувшись к Макуто.

Он поднял на меня свои тёмные глаза, ожидая продолжения.

— Ты должен будешь следить за Наруто на тренировках. Чтобы он случайно не показал то, чему мы его учим, раньше времени.

Макуто кивнул. Никаких «почему» или «зачем». Просто кивнул.

— Хорошо, — сказал он.

Я вернулся к плите, чувствуя странное облегчение. Этот парень не задавал лишних вопросов. И это было... удобно.

Тем временем я продолжал размышлять о ситуации с командой. Если Какаши лажанется на миссии и попадет в технику Водной тюрьмы, то как и в каноне с нукенином придется разбираться Наруто и Саске. Скорее всего меня мимоходом прибьют или, если повезет, поступят, как с Хатаке. Я оборвал свои нерадостные размышления, снова вернувшись к вопросу о

тренировках. Их надо тренировать. Они будущие шиноби, и их жизни зависят от их навыков. К тому же, Третий зачем-то назначил меня ассистентом.

— Хм, а это идея... — пробормотал я.

— Что? — спросил Наруто, который уже выскочил из ванной и теперь с любопытством косился на меня.

— Скоро приду, — сказал я и пошел в кабинет, отнести бумажки и одну такую написать.

— Хай, — кивнул он, вздохнув.

Докладная Третьему Хокаге

Я долго думал над тем, что написать Третьему, и в конце концов решил написать нечто, напоминающее объяснительную для деканата.

В докладной я изложил ситуацию с командой, описал бездействие Какаши и попросил уточнить мои обязанности и полномочия. Я знал, что это может ухудшить мои отношения с джонином, но другого выхода не было. Седьмую команду необходимо было учить и тренировать.

Я решил, что в любом случае мои отношения с Какаши хуже уже не станут. А потому — пусть обижается, сколько влезет, за то, что я его сдал, но ребята получают нормальные тренировки и смогут себя защитить.

Макуто, который за это время закончил раскладывать свитки, стоял в дверях кабинета и молча слушал, как я скриплю пером. Когда я закончил, он спросил:

— Это из-за Какаши?

— Да, — ответил я, складывая бумагу. — Он не учит команду. А я не могу на это смотреть.

Макуто кивнул и, помолчав, добавил:

— Ты поступаешь правильно.

Я удивился. От него редко можно было услышать что-то подобное.

— Спасибо, — сказал я.

Он пожал плечами и вышел из кабинета.

Ночь и странный сон

Когда я вернулся в свою комнату, Наруто уже дрых как сурок, застенчиво свернувшись клубком у самого края кровати. Одеяло, наверное, он взял постеснялся. Стараясь не разбудить мальчика, аккуратно переложил его ближе к середине кровати и накрыл одеялом. Кровать была весьма нескромных размеров, тут с удобством разместились бы трое, особо не мешая друг другу. Макуто, который уже переделся в сухое, устроился на полу у стены, подложив под голову свёрнутую куртку. Я хотел сказать, что есть свободное место на кровати, но передумал. Не тот человек, чтобы спать в чужой постели.

Я лег с другой стороны, поближе к краю, и попытался заснуть. Мне снился странный сон. Я шел по пустому городу и не слышал ничего, кроме тихого воя и всхлипов. По пустынной улице шел ребенок, растирая кулачками покрасневшие глаза. И я его узнал. Это был Ирука! Совсем маленький, лет шесть, может, чуть больше. На нем были те самые вещи, что я нашел в коробках: бежевые шорты и майка с символом клана.

— Ирука... — не знаю, почему и зачем я его окликнул.

Умино обернулся, всхлипнув. Такой он вызывал жалость. Но внезапно лицо ребенка стало напоминать ужасную маску.

— Нравится в чужой шкуре, демон? — а в голосе столько злости, презрения, ненависти и яда!

Я отшатнулся, и вдруг призрачная Коноха исчезла, будто кто-то потушил лампочку. Вокруг была та самая Темнота.

— Проклятье! Проклятье! — прошипел, выпутываясь из пледа.

— Ммм... — сонно окликнул мальчик. — Ирука?

— Спи, — поправив одеяло, ласково погладил Наруто по голове. — Еще рано.

— Угу, — улыбаясь, он зажмурился, зарылся носом в одеяло и снова засопел.

Макуто не спал. Я чувствовал его взгляд в темноте — спокойный, наблюдающий. Он ничего не сказал, но я знал, что он понял.

Бесшумно прикрыв за собой дверь, пошел на кухню. Закусив ноготь на большом пальце, я мерил шагами кафельный пол, иногда выходя на балкон.

— Это был не сон... — мысленно повторял, ощущая, как все в груди гадко цепенеет. — Не сон... проклятье!..

Осознание и поиски решения

До самого утра я не мог заснуть. Сна не было ни в одном глазу, а времени — только четыре пятнадцать утра. Неудачно я проснулся, да. Зато теперь я точно мог сказать, откуда у меня как будто ниоткуда возникали чужие мысли и ощущения. Причина этому была. И имя этой причине — Умино Ирука. Тогда в больнице я подумал, что он умер. Но я ошибался. Он был жив.

Этот гад мало того что почти бесполезен, так еще не хочет тихо-мирно помереть! Живой Ирука для меня опасен!

Я вышел на кухню и увидел Макуто. Он сидел за столом, поджав под себя ноги, и пил чай. Не спрашивая разрешения, просто взял и заварил. На столе уже стояла вторая чашка — для меня.

— Не спится? — спросил он, не поднимая головы.

— Есть немного, — ответил я, садясь напротив.

— Мне тоже, — сказал он и отодвинул в мою сторону тарелку с печеньем.

Мы сидели так в тишине, и я чувствовал, что его присутствие успокаивает. Мне не нужно было ничего объяснять. Он и так всё понимал.

До рассвета я рылся в библиотеке Ируки и глушил чай «ведрами». Вроде понемногу отпускало. Не сказал бы, что ничего толкового не нашел по менталистике. Нашел... но... Знания о менталистике у клана Умино больше относились к тому, как понять, что человек попал в гендзюцу, как противостоять поверхностному сканированию, какие отличительные черты у человека, на чье сознание воздействовали. А вот смогут ли эти сведения как-то помочь мне — это уже другой вопрос.

— Гадство... Этого мало! — прошептал я в пустоту.

— Чего мало? — спросил Макуто, который сидел в кресле напротив и, как ни странно, тоже не спал. Он листал одну из брошюр, но я видел, что он не читает — просто наблюдает.

— Информации, — ответил я. — О том, как защитить свою голову.

Макуто отложил брошюру и посмотрел на меня. В его глазах не было любопытства, только спокойное принятие.

— Найдёшь, — сказал он.

И я почему-то поверил.

Продолжение следует

Он ушёл от Ируки, когда солнце уже поднялось выше крыш и растопило утренний туман. Дверь за спиной закрылась беззвучно — он научился этому ещё в лесу, когда каждый лишний звук мог стоить жизни. Наруто остался досыпать, свернувшись калачиком на огромной кровати. Ирука, кажется, собирался в какую-то канцелярию — что-то оформлять, с кем-то договариваться.

Макуто не спрашивал. Не его дело.

Он шёл по улицам просыпающейся Конохи, держась теней. Не потому, что прятался — просто привычка. Зелёная куртка с капюшоном делала его почти невидимым на фоне стен и деревьев. Люди спешили по своим делам, торговцы открывали лавки, дети бежали в Академию. Никто не смотрел на него. Никто не запоминал его лица.

Он вышел к окраине, где лес подступал к самым домам, и остановился на опушке. Ветви старых клёнов сплетались над головой, закрывая небо. Отсюда, с этого места, был виден Квартал призраков — бывшие владения клана Узумаки. Барьер, который пропустил его и Наруто и Ируку, переливался на солнце радужной дымкой. Невидимый глазу, но ощутимый для чакры.

Он сделал шаг, второй, третий. И вошёл в квартал.

Здесь было тихо. Даже птицы не пели. Только ветер гулял между разрушенными домами, поднимая пыль с разбитых дорожек. Макуто прошёл мимо дома, где они нашли футляр со свитками. Остановился у порога, посмотрел на красные завитушки на уцелевших перегородках.

Символ Узумаки.

Наруто носил его на спине своей куртки. Не знал, что это значит. Не знал, что этот символ — его наследие. Его кровь.

«Неужели Наруто действительно Узумаки?» — подумал Макуто. Вопрос был глупым. Он знал ответ. Слишком много совпадений: барьер, который пропустил мальчика, печати, которые открывались ему, та чакра — огромная, неконтролируемая, спрятанная где-то глубоко внутри. В Наруто текла кровь древнего клана. Та же кровь, что текла в жилах его собственной матери.

Мать. Полу-Узумаки. Рыжеволосая красавица, которая красила волосы в чёрный, чтобы не выделяться. Которая заставляла его тренироваться до седьмого пота, до дрожи в коленях, до кровавых мозолей. «Ещё раз, — говорила она. — Узумаки не сдаются. Фаруды не падают. Ты — и то, и другое. Встань.»

Макуто сел на крыльцо разрушенного дома, провёл рукой по деревянной перегородке. Красная краска облупилась, но рисунок всё ещё был узнаваем.

«А Ирука? — продолжил он размышления. — Как он связан с Узумаки? Барьер пропустил и его. Чакра в нём чужая, но тело — своё. Клан Умино, морской дельфин. Никакой связи с вихрем. Но барьер пропустил».

Макуто вспомнил, как Ирука держал свитки с печатями. Как его пальцы дрожали, когда он их раскладывал на полу. Не от страха. От напряжения. От того, что он понимал их ценность.

«Делает ли это их моими родственниками? — спросил он себя. — Кровь Узумаки течёт во мне, в Наруто, может быть, в Ируке. Но родственники ли мы?»

Он не знал ответа. Но чувствовал, что что-то общее есть. Что-то, что связывает их крепче, чем печати и барьеры.

Он поднялся и пошёл дальше, к тому месту, где они закопали футляр. Земля была влажной после вчерашнего дождя, но следов не осталось — они старались. Макуто опустил на корточки, положил ладонь на примятую траву.

Вспомнил, как Наруто открыл футляр. Как свитки выпали на землю — чёрный, серый, белый. Как мальчик схватил их, будто знал, что они его. Как начал листать, втягиваясь в процесс, забывая про всё на свете.

В Академии Наруто был худшим учеником. Не потому, что глупый — потому, что не мог сидеть на месте. Не мог слушать то, что ему неинтересно. Не мог запоминать то, что казалось бесполезным.

Но фуиндзюцу... фуиндзюцу он впитывал как губка. Листал страницы, останавливался на некоторых, перечитывал, хмурился, потом кивал. Будто не учил — вспоминал.

Макуто видел это. Видел, как глаза Наруто загораются, когда он понимает принцип печати. Как его пальцы сами складываются в знаки, которые он ещё не выучил. Как чакра течёт ровно и спокойно, когда он концентрируется на узоре.

«Черта всех Узумаки», — подумал Макуто. Он помнил свою мать. Она могла часами заниматься фуиндзюцу, забывая про еду и сон. Чертила символы на старых свитках, вливала в них чакру, проверяла, исправляла, начинала заново. Её лицо становилось спокойным, почти медитативным. Она не отвлекалась на крики детей, на шум за окном, на запах готовящегося ужина. Она была там — в своих печатях, в своей стихии.

Наруто был таким же. Когда он держал в руках свитки Узумаки, он переставал быть шумным, непоседливым мальчишкой. Он становился сосредоточенным, внимательным, почти взрослым. Его чакра, обычно хаотичная и неконтролируемая, успокаивалась, текла ровно.

Макуто встал и, не оглядываясь, пошёл к выходу из квартала. Барьер пропустил его беззвучно, лишь на секунду обдав холодом.

Он вышел на окраину и, оглядевшись, легко взбежал по стене ближайшего дома. Крыша была покатой, покрытой старой черепицей. Он устроился на коньке, прислонившись спиной к дымоходу, и поджал ноги.

Вид открывался на весь квартал. Разрушенные дома, заросшие сады, пруд с мутной водой. И над всем этим — радужное марево барьера, невидимого для обычных глаз, но ощутимого для его чакры.

Он думал о том, что произошло за последние дни. О Наруто, который доверял ему безоговорочно. Об Ируке, который впустил его в свой дом, не задавая лишних вопросов. О том, как они втроём закапывали футляр, молча, быстро, слаженно. Как будто делали это не в первый раз.

Макуто улыбнулся. Не широко, не радостно — едва заметно, только уголками губ. Но это была улыбка. Настоящая.

«Семья», — подумал он. Слово было чужим, почти забытым. Два года он не произносил его вслух. Два года он был один.

Отец, мать, дедушка, бабушка, тёти, дяди, братья, сёстры, двоюродные и троюродные — все они лежали в земле. Сорок семь тел, которые он похоронил своими руками. Сорок семь имён, которые он произносил каждую ночь.

Кроме двоих.

Мысль пришла неожиданно, острая, как удар куная. Макуто замер, его пальцы вцепились в черепицу.

Аки и Мии. Двойняшки. Трёхлетние девочки, которых он спрятал в дупле старого дуба. Сказал сидеть тихо и не выходить, пока он не вернётся. Вернулся через три часа. Дупло было пустым.

Следы вели к реке, а потом обрывались.

Он искал их. Три дня. Обыскал лес, берега, спросил в ближайших деревнях. Никто ничего не видел. Никто ничего не знал.

Они исчезли. Как в воду канули.

Макуто закрыл глаза. Воспоминания нахлынули — грязные, рваные, как старая ткань. Крик матери. Дым над деревней. Тени врагов, мелькающие между домами. Он бежал, держа двойняшек за руки. Бежал, пока лёгкие не начали разрываться от боли.

Нашёл дупло. Засунул их внутрь. Аки плакала, Мия молчала, глядя на него огромными глазами.

— Сидите тихо, — сказал он. — Я вернусь. Обещаю.

Он не сдержал обещания.

Макуто открыл глаза и посмотрел на небо. Облака плыли медленно, почти незаметно. Где-то там, за ними, было солнце. Тёплое, живое.

«Они живы», — сказал он себе. Не потому, что знал. Потому, что хотел верить.

Если они живы, он найдёт их. Рано или поздно. Когда Коноха перестанет следить за каждым его шагом. Когда он станет достаточно сильным, чтобы искать открыто. Когда закончит то, что начал.

А пока — у него есть Наруто и Ирука. Не кровные родственники. Не клан. Но они сидят с ним за одним столом, спят под одной крышей, тренируются на одном полигоне. Они доверяют ему. Они не задают лишних вопросов.

Макуто улыбнулся снова. На этот раз шире.

«Может быть, — подумал он, — у меня неосознанно только что появилась семья».

Он спрыгнул с крыши, приземлился на мягкую траву и, не оглядываясь, пошёл в сторону Ичираку.

Сегодня была его смена. Тэучи ждал его к полудню. А вечером — снова тренировка. Снова полигон. Снова Наруто, который будет учиться ходить по воде. И Ирука, который будет смотреть на них и, кажется, тоже учиться чему-то новому.

Макуто шёл и думал о том, что, возможно, именно здесь, в этой странной компании, он наконец нашёл то, что потерял два года назад.

Не клан. Не кровь. Не фамильные свитки.

А место, где его ждут.

И, может быть, это важнее всего.

Глава 10. А где тут у вас банкомат?

Здание банка располагалось недалеко от башни каге, буквально в паре кварталов. Когда мы вошли, ко мне рванули две девушки: блондинка и брюнетка. Но первой подхватить меня под локоть успела брюнетка.

— Добрый день! Умино-сан! — приторно пропела девушка. — Идемте.

Сморщив точеный носик, ее «подруга» пристроилась сбоку от Наруто.

Макуто шёл чуть позади, держась в тени у входа. Он не собирался заходить внутрь — банки были не его стихией. Но Ирука кивнул ему, и парень в зелёной куртке молча последовал за ними, заняв место у стены, откуда просматривался весь зал.

Заведя меня в небольшой кабинет, работница банка мило поинтересовалась, чего я хочу. Но таким тоном, что будто вовсе не про деньги спрашивала.

— Вы не могли бы напомнить, как вас зовут?

— Саюки Мисако, — удивленно проговорила она.

— Саюки-сан, я бы хотел узнать... — разложил ворох выписок и прочих документов, как гадалка перед клиентом карты, и начал спрашивать. В банк я пришел, уже ознакомившись с историей счета Ируки, потому — знал, что спрашивать. А Мисако любезно ответила на оставшиеся у меня вопросы.

Макуто не подходил к столу, но я заметил, как его взгляд скользнул по бумагам, которые я разложил. Он стоял неподвижно,

прислонившись к косяку, и слушал. Я не знал, понимает ли он хоть что-то из того, что говорила Саюки, но он не задавал вопросов. Просто был рядом.

Как я и предположил, миллионером «Дельфин» стал, в первую очередь, потому что на его счет были переведены все деньги клана Умино. Слышал я поговорку про то, что таможня не столько дает добро, сколько его отбирает. Похоже, она и в этом мире работала. И таможня, и поговорка. Так что клан Умино бедным не был. Но большую часть своих денег Умино вкладывали в свое развитие: производства, территории... Но эти деньги пропали после уничтожения клана. Хотя и запасной счет клана в Конохе тоже был немаленьким. Большое поступление на счет клана произошло после нападения Кьюби, когда на него перевели деньги от продажи недвижимости и предприятий клана в Конохе. Продавала администрация Хокаге, под предлогом того, что собственностью управлять некому (управляющего не назначить, как же) и в таком случае собственность клана Умино не принесет никаких денег наследнику, а лишь сделает его беднее. С учетом того, что самому Ируке тогда не было и двенадцати, а недвижимость из-за атаки Кьюби резко возросла в цене, полагаю, что нагрели парнишку на очень и очень приличную сумму.

Впервые осознав этот факт, я от злости сломал карандаш, которым делал пометки в бумагах. Это был один из немногих случаев, когда наши с Ирукой эмоции совпали. Все распродали чинуши, только квартиру оставили. Если бы они тогда все не распродали, то сейчас «Дельфин» был бы в разы богаче и обладал бы состоянием нормального среднего клана. Ненавижу!

Ирука был экономным уже с детства. Копил деньги он с упорством, достойным восхищения. Какую однозначную находку в нем родственную душу! Поэтому видеть Умино-сана в банке всегда были рады. Но была и плохая новость. Большая часть денег Ируки лежала на долгосрочном депозите, срок которого истекал только через полтора года. За хранение на этом депозите большой суммы, оговоренной договором, длительный срок давали хороший процент, но только в том случае, если этот владелец не снимал эти деньги и не проводил с ними никаких манипуляций. На действующем счету Ируки денег было в разы меньше, чем на депозите.

Макуто, услышав про депозит, чуть наклонил голову. Я не мог понять, что он думает, но его пальцы, которые до этого висели вдоль тела, на секунду сжались в кулаки. А потом разжались. Он перевёл взгляд на Наруто, который сидел на стуле у стены и скучающе смотрел в потолок.

Узнав все, что было нужно и, сняв немного на карманные расходы, распрощался с девушками.

— А ты не верила! — услышал я ехидно-насмешливый голос блондинки.

Макуто вышел из банка первым. Он не оборачивался, но я знал — он ждал нас на улице, прислонившись к фонарному столбу. Его лицо было спокойным, но в глазах застыла какая-то тень.

Далее наш путь лежал в казенный дом. К деньгам. Получив пособие и оплату за неделю работы инструктором седьмой команды, я оставил запечатанный конверт секретарше с пометкой «передать лично Хокаге».

— Эээ... Ирука-сенс... Ирука, девушка в банке сказала мне, что если я буду хранить деньги на счету в банке, то они будут в большей безопасности, чем дома. А они разве не могут обмануть меня и не отдать мне мои деньги?

Я так и застыл на половине шага. И люди называют Наруто дураком? Те самые люди, которые никогда не задумываются о таких, казалось бы, очевидных вещах?

— Хороший вопрос, Наруто. Каждый раз, когда ты кладешь деньги на счет, ты получаешь от них квитанцию. Кроме того, ты получаешь бесплатные двухмесячные или платные ежемесячные отчеты. Например, я не являюсь предпринимателем, мне банковские отчеты не так важны, поэтому я получаю бесплатные двухмесячные отчеты. По ним ты тоже можешь отследить, что происходит с твоими деньгами. Имея эти и другие документы, ты легко выиграешь в суде в случае, если банк попытается тебя обмануть. И тогда им придется вернуть тебе все деньги, да еще и приплатить. И выплатить штраф Конохе и Дайме.

Макуто слушал этот разговор, не вмешиваясь. Но когда Наруто задал следующий вопрос, я заметил, как уголок его губ чуть приподнялся. Не улыбка, скорее одобрение.

— Но если банк охраняет деньги, то почему он еще платит мне за хранение денег?

Пришлось объяснять Наруто, как зарабатывают банки и почему для них важны вкладчики. К счастью, жизнь в моем мире дала мне определенные знания по этому вопросу. Поверхностные, но не меньшие, чем у обычного обывателя или шиноби этого мира.

Макуто не задавал вопросов. Но когда я упомянул про проценты по вкладам, он чуть прищурился. Я не знал, что это значит, и решил не спрашивать.

За разговорами я не заметил, как мы пришли на рынок. Сначала мы зашли к небольшой будке надписью «Заточка ножей, дубликаты ключей», и я оставил мастеру свои ключи — делать дубликат для Наруто.

Макуто остался снаружи, разглядывая протез мастера-шиноби. Я заметил, что он не пялился, не проявлял неуместного любопытства. Просто скользнул взглядом и отвернулся.

Наруто пытался не выглядеть удивленным. Но видно было, что он не ожидал получить ключи так скоро. Или вообще получить. А еще он украдкой поглядывал на деревянную ногу шиноби-мастера. Во взгляде мальчика можно было прочесть жалость и стыд. Точно он чувствовал себя виноватым в том, что этот шиноби остался без ноги.

Шиноби улыбнулся:

— Нравится? — постучал протезом по полу своей будки и, не дав Наруто опомниться, сказал: «Не завидуй. Свои ноги лучше!»

— Хай! — вернул Узумаки улыбку.

Мастер-ключник работал чакрой и инструментами, действовал споро, но сказал, что сделает все не раньше, чем через двадцать минут. Наруто не видел, сколько у меня денег на счету, но видел, что мне заплатили гроши. Может, поэтому он не пытался закупить сладостей, как в первый раз,

когда мы были на рынке. Но я сам подошел к лотку и купил понемногу всего, что понравилось Наруто. Передавал я ему пакет с наказом больше не прятать конфеты в сумки, где должно быть оружие.

— Но мы же все равно с кунами не тренируемся.

Я скривился, как от зубной боли и полез за блокнотом.

— Теперь будем. Идем.

Я объяснял ему, чем следует питаться, (больше овощей и мяса) говорил про важность молока, как источника кальция и овощей, и фруктов — как источника витаминов для растущего организма. Наруто слушал с интересом, хоть надолго его и не хватило. Он быстро заскучал.

Макуто шёл чуть позади, неся в руках свёрток с какими-то травами. Я не спрашивал, зачем они ему, и он не объяснял. Просто нёс, иногда останавливаясь у лавок и разглядывая товар.

Походив между лавок и приценившись, я купил развесной рис у одной из множества лавок, потом прикупил томатов, моркови, картофеля, редиса и лука и долго думал, что взять — мясо или птицу. В конце концов сделал выбор в пользу недорогой и хорошей говядины у пузатого мясника, решив, что раз она сегодня стоит не сильно дороже курятины, то надо брать. Потом прикупил молока и сметаны. Последняя кончилась, когда я показал Наруто, что блины с вареньем и сметаной намного вкуснее, чем без нее.

Мальчик в это время оббежал весь рынок, получил свою дозу неприязненных взглядов и прибежал ко мне. Как раз, когда я собирался идти за фруктами, меня словно потянуло к лавке в паре десятков метров от той, на которую я смотрел вначале. Улыбающаяся старушка как раз перекладывала яблоки, вишни, сливы...

Но тут передо мной, словно из воздуха, возникла стая бабулек, возглавляемая нашей «хорошей» знакомой. Гаденько улыбнувшись нам с Наруто, она начала что-то громко обсуждать. Ветер донес до меня слова: демон... уронил... черствый... ни стыда ни совести... ах, как не стыдно!

Наруто сжал кулаки. В его блондинистой голове явно зарождался план страшной мести... Не знаю, что задумал мелкий, но я в стороне не останусь... Я помогу!

Макуто стоял в трёх метрах от нас, спиной к бабкам. Он разглядывал яблоки на соседнем лотке, но я заметил, как его плечи напряглись. Он слышал всё. И он ждал.

Тронув Наруто за плечо, я вырвал его из грез по причинению добра и нанесению счастья.

— Пойдем туда, — тихонько сказал, головой указав в направлении другой лавки.

Приближаться к бабьему треску мы не стали. Это местным так важно отношение к ним окружающих. Ну, а я воспитан менее социальным, так скажем... Кто мне эти бабки? Никто. Есть они, нет их — мне глубоко безразлично. Вряд ли они могут мне испортить жизнь. Во всяком случае, я на это очень надеюсь. Что ни одна из них не чинуша, чья-то родственница или еще что-то такое... Так что мы просто прошли к другому ряду лавок.

Сгрузив мальчику пакеты, я купил у черноволосой женщины-торговки яблок и крупной сладкой черешни. А вслед мне разочарованно смотрела хозяйка соседней лавки и злобно поглядывала на галдящих бабок, так ничего и не купивших, между прочим.

Макуто, который всё это время стоял чуть поодаль, подошёл к лотку с черешней и положил несколько монет. Женщина удивлённо посмотрела на него, но он уже взял пакет и, не говоря ни слова, протянул его Наруто.

— Это тебе, — сказал он.

Наруто расплылся в улыбке.

Расплатившись с шиноби за дубликаты, я забрал ключи. Теперь можно домой... Вроде, в холодильнике теперь будет все, кроме яиц, которые Узумаки угробил в свой чудовищный омлет. И омлет придется доесть... Боги, да когда же он наконец кончится?!

— Наруто, нельзя есть немытые овощи и фрукты! — мальчик разочарованно вздохнул.

— Ну, я чуть-чуть... — протянул он, примеряясь, как бы побольше откусить от сочного плода.

— Даже чуть-чуть нельзя. Заболеешь или подцепишь паразитов. Придем домой. Помоешь фрукты и тогда их съешь.

— Хорошо, Ирука-сен... Ирука! — поправил себя он.

Мы пошли к выходу с рынка. Макуто снова шёл сзади, держа в одной руке пакет с черешней, в другой — свёрток с травами. Его лицо было спокойным, но я знал — он замечал всё, что происходит вокруг. И, возможно, видел то, чего не видели мы.

Тех же старух мы встретили на выходе из рынка, прямо в проходе, где они ругались с теми, кто им мешал. Возглавляла их все та же старая перечница, вот она повернулась и увидела нас, то её и без того неприятную физиономию исказило злобное торжество.

— Простите, извините, вы не могли бы...

К моей вежливости люди были глухи.

— Да ладно, — махнул рукой, отойдя обратно и показал Наруто на стену.

— Понял?

— Почти...

— Тренировка с грузом! — провозгласил я, а потом добавил тихо и дурашливо-грустно, — Иначе придется чесать два квартала до западного входа. Мне лень.

Макуто, не говоря ни слова, взобрался на стену первым. Он двигался быстро и бесшумно, словно делал это каждый день. Наруто, улыбнувшись, последовал за ним. Я — за Наруто.

Проходя по стене, я почувствовал уже на своей шкуре неприязненные взгляды. Ругань внизу была все сильнее. И что они столпились у входа, мешаются же! Ничем хорошим это не...

Грохот падения подсказал мне, что я не ошибся. Кажется, кого-то уронили... Ну еще бы, закупорить проход на рынке в воскресенье, в час пик — дурацкая у старых была идея...

— Ай! Да что же это... люди! — прервал возглас одной из бабулек мои мысли.

— А! Яйца подавили! — заголосила другая.

«Что и требовалось доказать» — ухмыльнулся я.

— Простите, извините, вы не могли бы...

К моей вежливости люди были глухи.

— Да ладно, — махнул рукой, отойдя обратно и показал Наруто на стену.

— Понял?

— Почти...

— Тренировка с грузом! — провозгласил я, а потом добавил тихо и дурашливо-грустно, — Иначе придется чесать два квартала до западного входа. Мне лень.

Макуто, не говоря ни слова, взобрался на стену первым. Он двигался быстро и бесшумно, словно делал это каждый день. Наруто, улыбнувшись, последовал за ним. Я — за Наруто.

Проходя по стене, я почувствовал уже на своей шкуре неприязненные взгляды. Ругань внизу была все сильнее. И что они столпились у входа, мешаются же! Ничем хорошим это не...

Грохот падения подсказал мне, что я не ошибся. Кажется, кого-то уронили... Ну еще бы, закупорить проход на рынке в воскресенье, в час пик — дурацкая у старых была идея...

— Ай! Да что же это... люди! — прервал возглас одной из бабулек мои мысли.

— А! Яйца подавили! — заголосила другая.

«Что и требовалось доказать» — ухмыльнулся я.

Когда мы пришли домой и разобрали авоськи и кульки, я объяснил Наруто, как надо жарить мясо. Он вроде все понял, но стоять у плиты не стал. Пока я возился у плиты, жаря мясо и подогревая то, что осталось от вчерашнего гигантского омлета, мальчик, забыв яблоки, побежал пробовать ключи. Шиноби сделал всё на совесть. Дверь открывалась и закрывалась как нужно.

Макуто тем временем бесшумно вошёл на кухню, достал из шкафа миску и начал мыть фрукты, которые мы купили. Он делал это молча, сосредоточенно, не отвлекаясь на разговоры. Наруто, вернувшись, с удивлением уставился на него.

— Ты помогаешь? — спросил Наруто.

— Уже помог, — ответил Макуто, ставя миску на стол.

Пообедав ароматным мясом с жестким омлетом и сочными помидорами, мы решили, что десерт съедим прямо там, на полигоне. Взяли свитки, как клановые Ируки, так и пустые — переписывать туда потихоньку наследие Узумаки. Собрали в корзинку блины, чай в термосе, варенье, сметану, пару полотенец и яблок. Всё компактно уместилось в подходящую корзину. И отправились в поход.

Макуто нёс свитки Узумаки, аккуратно завернутые в ткань. Он шёл позади, поглядывая по сторонам, но не проронил ни слова.

Оказавшись под куполом на полигоне, я достал блокнот. В него я скидывал идеи по поводу тренировок. И сегодня я поставил галочку рядом с пунктом «тренировка многозадачности». С кунаями я решил немного подождать.

— Ирука, а что мы сегодня делать будем?

— Переводить умения в навыки, а потом — в рефлексy.

— Это как?

— К примеру, чтобы ходить и бегать, тебе нужно думать?

— Эмм... — Наруто непонимающе посмотрел на меня. — Конечно нет! Я просто иду, куда хочу. И бегу тоже.

— Именно, у тебя это — навык. А вот ходить по воде и по стенам — это у тебя пока что умения. А нужно, чтоб они стали навыками. Именно поэтому, испугавшись привидения, ты не смог сразу взбежать по стене, используя чакру. Ты должен научиться это делать, не задумываясь, — подчеркнул голосом. — Уходить от атаки или атаковать противника, опять же, не задумываясь. Ну к этому мы вернемся чуть позже.

— А параллельно — твои клоны будут переписывать свитки для лучшего запоминания их содержания.

— Хай, — Наруто открыл чудо-футляр со свитками и создал десяток клонов. Трое из них переписывали общеизвестные для Конохи знания по фуиндзютсу, еще четыре разбирались в фуин наследии клана Умино, и четверо остались переписывать свитки Узумаки.

Макуто отошёл к дереву и сел на траву, прислонившись спиной к стволу. Он не присоединялся к тренировке, но внимательно наблюдал. В его руках был один из пустых свитков, и он иногда что-то в него записывал — может быть, делал заметки для себя.

Вручив очередной свиток предков последнему свободному клону, я вернулся к Наруто.

— Ты будешь делать разминку там, — указал на пруд, — а я буду тебя отвлекать!

Закатав штанины, Узумаки встал на воду и выжидающе уставился на меня.

— Мне начинать?

— Начинай! — уверенно сказал Наруто, внимательно следивший за каждым моим действием и явно ожидавший подвоха.

— Начинаю. Эта история произошла давным-давно, — говорить и при этом повторять разминку за Наруто, как ни странно, было не трудно, — с одной маленькой девочкой по имени Тихиро. В тот день она с семьей переезжала в новый дом. Натужно скрипели колеса телеги, а в телеге лежала девочка. Она смотрела в небо, обнимая чуть завядший букет, вспоминала свой старый дом, знакомых и...

— Как Шикамару! Ой-е-й! — провалился мальчик.

— Ирука! А дальше?

— На воду становись, — скомандовал, улыбаясь. — И не отходи далеко, не то одежду намочишь.

— Хай!

После разминки я вручил Наруто свитки по фуиндзютсу и сказал, чтоб он их читал, стоя на дереве. А я его ловил, когда он забывался и падал.

Макуто встал и подошёл к пруду. Он смотрел, как Наруто балансирует на воде, и его лицо оставалось непроницаемым. Но когда мальчик в очередной раз пошатнулся, Макуто сделал шаг вперёд, готовый подхватить его. Наруто удержался сам, и Макуто снова отошёл к дереву.

— Думаю, на сегодня хватит.

— Уже?

— Уже.

— А призрака показать?

— Совсем вылетело из головы, — посетовал я и прошептал, — Хенге.

Внимательно рассмотрев фигуру в черном балахоне с маской вместо лица, Наруто заключил, что призрак совсем не страшный, и напугался он только потому, что я внезапно выскочил.

Макуто подошёл ближе, разглядывая моё превращение. В его глазах мелькнуло что-то вроде интереса, но он ничего не сказал.

— Ладно. Тогда завтра будешь учиться не проваливаться под воду, даже если напуган!

— Напуган? — возмущенно переспросил Наруто. — Я ничего не боюсь! Я скоро Хокаге стану! А Хокаге ничего не боятся!

Я покачал головой и превратился в некроморфа*, став внешне похожим на жуткого человека-скорпиона с двумя руками и жалом на конце длинного

хвоста, заменяющего ему ноги. Ошметки мяса, гнилая плоть, торчащие кости. Одним словом — «няшка»!

Наруто проникся. Побледнел, нервно сглотнул, но не закричал. **Макуто, который стоял рядом, даже не вздрогнул. Он просто смотрел на это создание спокойно, будто видел нечто подобное раньше. Я заметил, как его пальцы на секунду сжались в кулаки, но лицо осталось неподвижным.**

Я поспешил развеять ужастик.

— Бояться — не стыдно. Стыдно кичиться бесстрашием, когда на самом деле — коленки дрожат.

— Ничего не дрожат! — надулся он.

— Эх, ты! — взъерошил желтый ежик, — Все чего-то бояться.

— И старик? — вдруг спросил Узумаки.

Старик — это хокаге? А-а-а, понятно.

— Даже Хокаге, — сел на корточки. — Просто крутые шиноби не показывают, что им страшно. Не позволяют страху управлять собой. Поэтому кажется, что они не боятся. Я просто хочу, чтоб не получилось на какой-нибудь миссии, как сегодня, когда из-за страха ты не смог использовать навык, которым ты уже владеешь — хождение по стенам. То, что сегодня случилось с тобой, когда ты увидел меня-привидение, могло случиться с тобой, когда на тебя неожиданно выпрыгнет из засады шиноби с мечом или кунаем. Бывает, что в таких случаях генины замирают от страха и погибают.

Наруто фыркнул и приготовился было спорить или протестовать, но потом только вздохнул и согласно кивнул.

— Поэтому ты должен, твоё тело должно действовать на рефлексах. Ты просто обязан уметь по воде ходить и стоять на ней, даже если тебе панически страшно. И с деревьев и стен не падать. Ты должен настолько хорошо отработать эти навыки, чтобы даже не думать о них! И тогда ты сможешь полноценно драться на воде, использовать дзютсу, составлять планы атаки и многое другое. Именно это мы сегодня и тренировали.

Макуто, который всё это время стоял чуть поодаль, подошёл и сел на траву рядом с нами. Он смотрел на Наруто, и в его взгляде не было ни насмешки, ни жалости — только спокойное принятие.

— Он прав, — тихо сказал Макуто. — Страх не исчезает. Но ты можешь научиться действовать, не обращая на него внимания.

Наруто посмотрел на него, потом на меня, и серьёзно кивнул.

Перекусив блинами, мы тщательно вымыли и вытерли специально взятыми полотенцами руки, чтобы не запачкать свитки.

Макуто помог собрать всё в корзину, аккуратно уложил свитки и закрыл крышку. Он двигался быстро и слаженно, будто делал это не в первый раз.

Заветный футляр отправился туда, где мы его нашли, а копии — в кучу к свиткам Умино.

А завтра опять на службу... Блин, как же не хочется! Кто бы знал?!

Рядом тяжело вздохнул Узумаки.

— Не кисни, потом покажем, чему ты научился. А пока, это будет наш секрет.

— Хай! — радостно взвизгнул Наруто.

Макуто поднялся и, не говоря ни слова, направился к выходу с полигона. Я заметил, как его плечи расслабились — кажется, он тоже чувствовал себя здесь спокойно. В этом странном месте, под защитой древнего барьера, среди разрушенных домов и забытых свитков, мы все трое были просто теми, кто мы есть. Без масок, без тайн, без прошлого.

По дороге домой Наруто болтал без умолку, пересказывая свои впечатления от некрморфа. Макуто шёл сзади и молчал, но я знал — он слушает. Иногда он бросал взгляд на Наруто, и в этом взгляде читалось что-то тёплое.

«Семья», — подумал я. — «Кажется, у нас получается семья».

И это было хорошо.

Погодка выдалась замечательная: на небе редкие облачка, тепло, легкий ветерок колыхает траву, сдувает пыль и прожаренные солнцем листочки с граблей прямо в лицо. Я, злой как черт, старательно делал вид, что мне глубоко фиолетово на все неудобства. Сегодня нашу «шайку» и Какаши — ну не мог я это чучело назвать частью команды — погнали в больницу. Когда Хатаке озвучивал список заданий, я подумал: «Да, фишку с клонами кто-то просек и теперь нагло этим пользуется».

Сначала мы должны были убрать листья на всей территории парка около госпиталя. Затем отнести собранное в компостные ямы за теплицами. И напоследок сбегать домой, переодеться, чтобы снова чесать в больницу и разнести ужин пациентам. Работы просто выше крыши. Причем таскание еды — это задание повторяющееся, и Какашкин, не спросив никого, взял его на месяц. Пришли, огляделись, я обматерил начальство последними словами — естественно, не вслух, — и ужаснулся объему работы. Сад оказался намного больше, чем я думал, когда гулял по нему. Он состоял из трех зон: первая была для больных, желающих уединения — сады камней, пруды, газоны, деревьев раз-два и обчелся, но они есть; вторая зона с простенькими тренажерами, деревьев много; третья — для прогулок, деревьев хоть отбавляй. Да еще, куда ни глянь, кусты и газон, в общем — работа на износ.

Показав нам территорию, перекошенный и хромой дедок выдал инструмент и был таков. Лениво оглядев участок, Хатаке повернулся к нам спиной и медленно взошел на дерево. Сперва я хотел язвительно спросить: «А что же это вы, Какаши-сан, тоже граблями не машете?» Но подумав, решил смолчать. По шее я еще получить успею. Какаши — щедрый. Он со мной поделится тем набором звездюлей, что ему выдадут, когда Хирузен прочитает мою писанину.

Поначалу Наруто пытался сделать грабли частью клонов, но те развеивались, стоило только напороться на сучок, острый камешек или

еще какой мусор. Так что дублям был выдан реальный инвентарь, и они с гиканьем разбежались по парку.

Макуто, который молча прихватил грабли с самого начала, не создавая клонов, а просто разделив участок на ровные квадраты, работал методично. В его движениях не было той детской прыти, что у Наруто, или той угрюмой сосредоточенности, что у Саске. Он просто делал свою работу, равномерно сгребая листву в кучи, не оглядываясь по сторонам. Я заметил, как он иногда поглядывал на наши участки, но в чужие дела не лез.

Фыркая, Саске скреб граблями землю с таким видом, будто представлял на ее месте поверженного врага, о которого и кунай вытереть зазорно. Сакура морщилась, будто ее заставили перебирать личинок. А вот Наруто к граблям был равнодушен, ему не нравилось само задание.

— Я шиноби! — тихо бухтел он, сгребая свою первую кучу. — Я будущий Хокаге... Почему я должен этим заниматься, даттебайо?!

Я промолчал, продолжая грести. Мне самому было не очень понятно, зачем вообще нужны такие миссии. Если бы было в этих поручениях что-то такое, чего не смог бы сделать обычный человек, я бы еще понял. Но ведь зачем-то они нужны. Неужели это делается только ради денег? Нет, тут должно быть что-то еще, просто обязано. Но я раз за разом возвращался к мысли, что эта работа для будущего дворника, но не шиноби. Или это способ дать понять, что шиноби обязан делать вообще любую работу, если прикажут? Так нет же, от любой миссии можно отказаться. Это я вычитал в какой-то брошюре. Шиноби не солдат, ему выдают несколько подходящих по профилю заданий, а дальше он волен выбрать одно из них или отказаться, разумеется, указав веские причины, и взять что-то другое. А вот за генинов, на первых порах, этот выбор должен делать сенсей. Он ведь опытнее, но свой выбор сенсей должен был объяснить генинам. Только это нормальный вариант, а у нас — Какаши. И все грустно и печально.

Макуто закончил со своим квадратом и, не спрашивая разрешения, взял грабли Сакуры, которая явно не справлялась. Девочка хотела возмутиться, но Макуто просто спокойно посмотрел на неё, и Сакура, не найдя слов, отошла в сторону. Он работал быстро, но без лишней суеты, словно делал это каждый день. Что, в общем-то, было правдой — я вспомнил, как он работает в Ичираку.

Не успели Сакура с Саске закончить со своими участками, а блондин уже украдкой сгребал листья с их территории. Глазастый это видел, но никак не прокомментировал. Розововолосая же «наградила» Узумаки подзатыльником, за то, что он убрал ее кучку листьев и веток недостаточно быстро.

— Наруто, идиот, быстрее! Почему мы с Саске-куном должны тебя ждать?
— возмущалась куноичи, подгоняя Узумаки.

— Ну и наглость! — процедил я, остановившись рядом. — Сакура...

— Сакура, отойди в сторону, мешаешь, — сказал я, передумав отчитывать её при всех.

— Вы справляетесь отлично, — похвалил Какаши, пересев на дерево поближе. — Так что я взял вам еще миссию.

В этот момент я бы с удовольствием метнул в него газонокосилку. Она тут механическая, открытый барабан с лезвиями красиво врезался бы в ухмыляющуюся харю джонина.

— Какую? — зачастил Узумаки. — Какую? Какую? А миссия очень важная?

Хатаке сделал театральную паузу и выдал:

— Очень.

— Круто, даттебайо! ...Что это за миссия? Что? — не унимался мальчик.

— Около ворот Квартала лавочников живет одинокая женщина, и нам нужно будет ей помочь!

Я зажмурился и разочарованно покачал головой.

— Вы что-то хотели сказать, Ирука-сан?

— Нет, Какаши-сан, — уныло отозвался я.

Когда дубль Узумаки торжественно унес последнюю охапку листьев и свежескошенной травы, Какаши молча вышел за ворота, жестом показав идти за ним. Хатаке по крышам вышагивал, а мы, задирая головы, за ним по земле. Макуто шёл позади, и я снова поймал себя на мысли, что он движется бесшумно, почти растворяясь в тени домов.

У входа в немаленький особняк нас встретила пожилая женщина, лет за шестьдесят. Одета скромно, если бы не ожерелье из крупного жемчуга, ее можно было бы принять за служанку в этом доме.

— Здравствуйте, госпожа Кацураги. — Почтительно поклонился Какаши.

— Мы седьмая команда. Прибыли по заявке номер 2699.

— Здравствуйте, — улыбнувшись, ответила женщина, — все верно, пожалуйста, проходите, я покажу вам, что нужно сделать.

Фронт работ впечатлял: подремонтировать прохудившуюся крышу, выкинуть с чердака хлам, на который нам укажет хозяйка, переставить мебель. В общем, сделать всё, чего сама женщина сделать не могла. Пока мы вкалывали, узнали, что у нее когда-то был муж-караванщик и сын-шиноби. Оба погибли. Сначала в мир иной ушел сын, а следом и отец — сердце не выдержало.

В то время как невестка присматривала за лавкой, старушка присматривала за внучкой. Этот ребенок был везде: черноглазая, юркая, со сбитыми коленками и без двух передних зубов. Шепелявя, она донимала всех вокруг вопросами. Когда её пару раз чуть не придавили мебелью, Какаши отловил малявку и вручил Сакуре, чтоб нянчилась.

Первым делом мелочь пнула Харуно по коленке и умотала прятаться за бабушку. В это время Кацураги, чуть не плача от умиления, трепала последнего Учиху за щечку, причитая, что тот похож на ее сыночка. А Саске смотрел на неё взглядом исподлобья, в котором ясно читалось: «Уберите от меня эту дуру!» И это умиляло женщину еще больше!

— Ой, такой серьезный, — сюсюкала Кацураги, — молчаливый, прямо как мой Тоширо!

Макуто, которого малышка сначала обошла стороной, вдруг остановился и наклонился к ней. Девочка замерла, глядя на него снизу вверх. Он ничего не сказал, просто протянул ей свой ржавый кунай — не лезвием, а рукоятью. Девочка, немного поколебавшись, взяла его, и её лицо расплылось в беззубой улыбке. С этого момента она ходила за ним хвостиком, но он, казалось, этого даже не замечал, продолжая работать.

Все же совесть у Какаши атрофировалась не окончательно, и он распустил нас на обед. Но, гад такой, выделил на всё про всё полчаса. И полчаса — пилить до больницы. К сожалению, этого времени хватило бы только дойти до дома, поцеловать дверь и чесать обратно. Так что обедать мы пошли в Ичираку. Сам Хатаке неизвестно куда смылся, сказав, что будет ожидать нас у больницы.

Примеру сенсея последовали Саске с Сакурой, как только услышали название Ичираку. Заведение, конечно, не экстра-класса, но еда там нормальная, всё вкусно и сытно, Теучи и Аяме всегда опрятные, так почему все морду воротят, как слышат это название? Владелец раменной был рад видеть Наруто и меня. Ведь мы не заходили к Теучи уже целую неделю. Мне показалось, что улыбчивый повар искренне беспокоился за своего постоянного клиента, даже пару порций за счет заведения выдал. «Клиент» слопал пять штук и, судя по довольной рожице, наелся. Я смог осилить только одну — слишком сытным было блюдо. Макуто же, придя в Ичираку, вместо того чтобы сесть с нами, зашел за стойку и, перекинувшись парой слов с Тэучи, взялся помогать Аямэ. Видимо, это был его способ отдохнуть.

В целом, лапша в Ичираку была вполне съедобна, но жевал я её вяло, будто уже успел на целую жизнь вперед наестся и мне теперь на это кушанье смотреть тошно. Наследство от Ируки, не иначе. Расплатившись с улыбчивой дочкой Теучи, пошли обратно. Макуто догнал нас уже у дверей, вытирая руки о ветошь.

Как оказалось, с садом мы еще не закончили. Нам вручили ведра с раствором от жуков-короедов: одна большая емкость у стены госпиталя и всего четыре набора с ведерком и кисточкой. Через несколько бесконечных часов мы закончили. Вид имели колоритный — грязные, слегка уставшие, немного очумевшие от монотонной работы. И только Какаши — чистый и довольный.

«Нифига не сделал, а деньги получил! Ненавижу!» — подпирая стену приемного покоя, злился я.

Отчитываясь перед администратором госпиталя, я вспомнил про голодных больных, но оказалось, что Какаши где-то успел махнуться миссиями с Гаем. И снова никого не предупредил.

— Ирука-сан! — окликнул меня смутно знакомый мужчина.

— Здравствуйте, — медленно и неторопливо проговорил я, — напомним, как вас зовут?

— Эмм... Окегиро Камуи, — смутился медик.

— Здравствуйте, — протянул я, всем видом показывая, что мне не сильно хочется продолжать разговор, — Окегиро-сан, что вы хотели?

Медик кашлянул и уже другим голосом сказал:

— Ирука-сан, почему вы не пришли на обследование?

— Забыл, Окегиро-сан.

— Хм. Ладно. — пробормотал смутившийся медик. — Вы не возражаете, если я проведу осмотр сейчас?

— Я нормально себя чувствую.

— Все так говорят. Пройдемте в кабинет.

Нет, нет, — остановил он Наруто, — Я приглашал только Умино-сана.

Так что Наруто пришлось отправить домой. Чувствовал я, что осмотр затянется. Я и раньше больницы не любил, но дотошность Камуи меня просто бесила. Тогда сдуру я решил спросить его об утяжелителях. Всё это я надеялся узнать у Гая чуть позже, но вот получилось, как получилось. Я наивно полагал, что если задолбаю ирьенина вопросами, то он меня отпустит быстрее. Но вместо этого я получил лекцию про утяжелители на 30 минут. Конечно, это было полезно узнать, и мне заодно сказали, куда следует обратиться за утяжелителями и каким-то костюмом. Но когда я услышал, сколько всё это стоит, мне поплохело.

— С вами всё в порядке? — беспокоился медик.

— Нормально, — выдавил я, прикидывая, какой кусок от моего бюджета отождрут два комплекта.

— У вас нездоровый вид.

— Вы просто представьте, — всё еще находясь под впечатлением, ляпнул я, — что получаете в месяц меньше, чем стоит рукав от костюма, а вам их два надо. Костюма, не рукава.

— Что?

— Простите, мысли вслух. Я пойду, пожалуй. До свидания, Океги-ро-сан.

— До свидания.

Тащившись по коридору больницы, я был погружен в скорбные думы. Цена, названная ирьенином, словно превратилась в гигантскую жабу, которая меня душила холодными, скользкими, тощими, но сильными лапами. Кстати, о скользком. Прямо мне навстречу шел Якуши Кабуто, будущая, или уже настоящая, правая рука Орочимару. Проходя мимо, я сделал вид, что знать его не знаю, и вообще он мне не интересен.

Дошел до кабинета с номером, который мне назвал Окегиро. Прочитал на двери вывеску: «Каруйи Рей — главный мастер фуиндзютсу». «Это меня что, направили к главному по фуиндзютсу Конохского госпиталя? Ого! Ни к его секретарше, ни к подмастерью, а сразу к мастеру!»

Постучавшись и услышав «войдите», я зашел в маленький, аскетично обставленный кабинет. Стол, кушетка, ширма, два стула с высокими спинками. На одном из них сидел невысокий, немного полноватый мужчина лет за пятьдесят с коротко подстриженными каштановыми волосами. Я отвлек его от какой-то книги. Видимо, не удастся мне посмотреть на мастера за работой.

— Здравствуйте, — дежурно-вежливо сказал он, — Вы что-то хотели, шиноби-сан?

А взгляд внимательный, даже выжидающий.

— Здравствуйте, — немного смутился я, — Каруйи-сан. Меня зовут Умино Ирука, и мне посоветовал к вам обратиться Окегиро-сан. Он говорил, что у вас можно купить тренировочные грузы и... извините, запомнил, и какой-то костюм.

Взгляд Рея стал заинтересованно-оценивающим.

— Ну что же. Если вас действительно заинтересовали наши скромные разработки, прошу за мной.

Встав со стула, он отодвинул ширму и жестом пригласил меня в соседнее помещение. А вот это место уже напоминало мастерскую. Местами, казалось, она принадлежит книгопечатнику, местами — алхимику, а кусочки кожи и странные конструкции из ремешков и полос, напоминающие древние доспехи, могли принадлежать еще и кожевнику. Все горизонтальные поверхности покрывали аккуратные стопки листов или пирамидки свитков. Некоторые испещряли замысловатые письма, на других печати были перечеркнуты, а рядом, на электрической плите, побулькивали горшочки с черным, похожим на расплавленный гудрон варевом. Вокруг горшочков мерцал полупрозрачный купол, похожий на графин с узким длинным горлышком, по которому вверх уходил пар, прямо в вытяжку с большим вентилятором, но чем-то неприятным в мастерской всё равно приванивало.

Мастер Рей подошел к шкафчику, пошурудил там руками, уронил что-то тяжелое, а вскоре достал оттуда грузы наподобие тех, что я видел в манге у Ли, и какую-то тканево-проволочную конструкцию, похожую на вешалку в форме майки. Белая ткань жилетки просвечивала, так что под ней было легко различить перекрещенные полосы из, кажется, кожи и бруски, покрытые вязью иероглифов.

Сложив всё это на стол, мастер фуиндзютсу начал вещать:

— Как вы, наверное, знаете, обычные тренировочные грузы, — схватив со стола обозначенные предметы, он с отвращением на лице показал их мне, — использовались для того, чтобы увеличить силу и скорость шиноби. Раньше их использовали очень многие, теперь единицы, вроде Гай-сана и его ученика. Всё дело в том, что для того, чтобы грузы дали хоть какой-то результат, их надо сделать тяжелыми, и для этого используется мое искусство — фуиндзютсу. Но эти грузы не распределяли вес равномерно, и это создало ряд проблем, из-за чего теперь утяжелители почти не

применяют. Главной из этих проблем было то, что при самых незначительных нарушениях тренировочного режима грузы начинали деформировать и повреждать мышцы даже у взрослого. А поскольку тренироваться с грузами начинали рано, то у детей частенько возникали проблемы с деформацией костей, повреждениями мышц и разрывами связок на тренировках. Чтобы этого не допустить, нужен очень хороший наставник, разбирающийся не только в том, как нужно тренироваться с утяжелителями, но и в том, как эти утяжелители влияют на тайдзюцу ученика, его чакру и тренировки. Таких специалистов всегда было мало, а теперь — еще меньше, и Майто Гай, которого я вам уже называл, — лучший из них. Что не менее важно, нужен ответственный ученик, который будет четко следовать режиму и проделывать все комплексы упражнений правильно и вовремя.

— Простите, что перебиваю. Вы сказали, что утяжелители как-то влияют на чакру того, кто с ними занимается?

Он посмотрел на меня как на идиота:

— Ну разумеется. Грузы ведь сами по себе легкие, смотрите, — из коробки под столом он достал что-то, — я держу их одной рукой. Они становятся тяжелыми тогда, когда в них подают чакру, и именно так они и работают. А поскольку утяжелители постоянно тянут чакру из своего носителя, то это со временем развивает его чакра-капилляры, насыщает чакрой ту часть его тела, на которой они находятся, увеличивает прочность и крепость его тела и силу мышц... — тут он остановился и замялся. — Но имеется ма-а-аленький такой недостаток, — и он пальцами свободной руки изобразил что-то совсем крошечное. — Утяжелители, вытягивая чакру, — вздохнул ирьенин, — преотвратнейше, я вам скажу, влияют на контроль. Дзютсу может не выполниться из-за нарушения тока чакры. Это создает некоторое неудобство и даже опасность в бою.

Я понимающе промолчал, находясь в обалдевшем состоянии. «Ничего себе, маленький недостаток... Да от такой мелочи в бою сдохнуть — раз плюнуть!»

— К счастью, спустя долгие годы исследований, — вдохновенно продолжил мастер, — и, не буду скромным, благодаря моему энтузиазму, — самодовольно хмыкнул, — мне... кхм... нам удалось разработать это! — полез в другой шкафчик. — Здесь всё гениально и просто. Да где же он?!

Шкафчик задребезжал, словно от ужаса.

— Смотрите!

Рассматривая ремешки, тканевые кармашки, сетчатые накладки, бляшки, провода, я отметил:

— Напоминает тот жилет, что вы показывали ранее, но выглядит более законченно и цельно.

Рей просиял:

— Да. Берете это и закрепляете под любой одеждой, я покажу вам, как это делается, подаете чакру — и у вас есть равномерная нагрузка на все группы мышц. Аналогом такой нагрузки может послужить тренировка по горло в свинцовом песке с долей обычного. Единственное, что вам надо делать — это быть чуть осторожнее на тренировках.

— Эм, свинец? Он же очень токсичен!

— Да, но я это привел как пример, не более того. Ремешки представляют из себя своеобразный бутерброд с...

— Всё отлично... простите, что перебиваю. Но сколько?

Мастер опустил глаза и виноватым голосом озвучил цену чудо-фигни. Цена, прямо скажем, кусалась. Глядя на мою перекошенную физиономию, мастер зачастил:

— Конечно, подобный шедевр медицины и фуиндзютсу стоит подороже, чем простые утяжелители. И пока будет обходиться дороговато из-за цены материалов, это же не просто какая-то бумажка, на которую нанесли печати! — размотал обмотку одного из проводков, которая оказалась ленточкой. — Нет! Это особый и очень дорогой шелк, который отлично подходит для фуиндзютсу! Его делают в малых количествах только Абураме и еще один клан из Кумогакуре. Да еще здесь сплав из нержавеющей и чакропроводящего металла, который тоже стоит больших денег, его сложно формировать в гибкую проволоку. Но главная причина такой цены, большей частью, была именно из-за тонкой и кропотливой работы специалистов фуиндзютсу.

Внезапная ассоциация заставила взглянуть на костюм иначе: теперь он представлялся мне гибкой печатной платой с микросхемами.

— Вы ведь сами знаете, — продолжал жаловаться Рей, — что после гибели Водоворота мастеров в этой области стало очень мало, и они все берут очень дорого за свои услуги. Я сам, например, могу выполнить едва треть работы с печатями для своего же изобретения. Увы... — его тоска сменилась злостью. — Если бы еще у меня было финансирование деревни! Но Хокаге не хочет выделять ни рёё на мои исследования, я даже этот экспериментальный образец сделал на свои собственные деньги...

Казалось, мастер печатей действительно сожалел, что не мог сделать свое изобретение доступнее и дешевле. Странно, но я почему-то сразу поверил в его искренность.

— У вас замечательное изобретение, Каруйи-сан, — сказал я с уважительным поклоном, который тело сделало на автомате. — Я обязательно подумаю о приобретении такого комплекта. Скажите, а в моем возрасте это поможет с тренировками?

На мою радость «костюм» помогал в любом возрасте, да и я был достаточно молод, чтобы тренировки с ним были бы мне полезны. Хотя по-хорошему, начинать надо было раньше. Как оказалось, я неправильно понял Окегиро. Утяжелители старого образца, как у Гая, и тренировки с ними — это отдельно, новый костюм — отдельно. И выбирать нужно только что-то одно. Но повезло мне дважды. Специалист фуиндзютсу к тому же знал, куда посылать клиентов на встречу с Гаем.

— Семь утра, Западные ворота Конохи. Оттуда они с Ли начинают свой забег вокруг деревни.

— Спасибо.

Дело оставалось за малым — встать завтра в семь утра.

В холле больницы я обнаружил Наруто. Он нервно ходил кругами, сцепив в замок руки на уровне груди. Узумаки оторвал взгляд от земли и с надеждой посмотрел на коридор, из которого я, по его мнению, должен был выйти. Рядом с ним стоял Макуто, который, похоже, не ушёл домой, а ждал вместе с ним. Он не ходил кругами, просто прислонился к стене и смотрел на дверь кабинета.

— Наруто, я здесь, — окликнул я, вытащив из его волос жухлый лист.

— Ирука-сенса... Ирука! — в голубых глазищах мальчика плескались волнение и тревога.

Макуто ничего не сказал. Он просто перевёл взгляд на меня, на секунду задержал, а потом отвернулся к окну. Но я заметил, как его плечи чуть расслабились.

Бедный ребенок, он боялся, что «Ируку» снова упрячут в больницу, и потому не мог уйти. А меня разрывали противоречивые чувства. Было приятно, что Наруто действительно волновался, но вместе с тем я чувствовал неприязнь от того, что он так сильно привязался ко мне.

— С вами всё в порядке? С тобой всё хорошо? — поправил сам себя мальчик. — Я хотел пойти с тобой, но меня не пускали, и я решил подождать здесь. Вот!

Я слабо улыбнулся и взлохматил его золотистые волосы:

— Всё в порядке, Окегиро-сан просто проверял. Всё хорошо. Пойдем. Зря ждал, мог бы уже дома перекусить и почитать что-нибудь полезное.

Счастливо улыбнувшись, Наруто убежал вперед. Макуто пошёл рядом со мной, не обгоняя, но и не отставая. Мы вышли из больницы, и я на секунду задержался, втягивая свежий вечерний воздух.

— Ты тоже ждал? — спросил я у Макуто.

— Наруто волновался, — ответил он. — Я подождал с ним.

Мы пошли к дому, освещая себе путь светом из окон. У почтовых ящиков я остановился, опершись на перила, и уставился в звездное небо. Вся эта кутерьма с утяжелителями заняла слишком много времени.

— Ирука, ты идешь? — Наруто нетерпеливо топтался рядом.

— Не жди, — улыбнувшись, сказал ему, — иди открывай дверь, у тебя же есть ключи.

— Хай! — он снова умчался вихрем.

— Ты тоже иди, — сказал я Макуто, который стоял в тени, не решаясь заходить без меня.

Он кивнул и пошёл к двери. Я остался один, глядя на звёзды. А на душе было муторно и противно.

Из распахнутой двери лился тусклый желтый свет, мелькала короткая тень. Это Наруто ждал меня в зале, иногда выглядывая на улицу. Страхнув оцепенение, я дернул плечами и пошел в дом. Мелкий вскочил со ступеньки. Чтоб выглядывать, он не разувался.

Выгнав Наруто с порога, я пошел «охотиться» на холодильник.

— Так, что тут у нас? Мясо? — говорил сам с собой, рыская по полкам. — Сейчас пожарим. Это что? Салат, — принялся, — вроде норм. На стол. Тоже туда же...

Пока я заторможено возился с поздним ужином, мальчик смотрел голодными глазами на холодные блины, но брат не решался.

— Хочешь? Бери. Ты-то точно аппетит себе сладким не испортишь, — пытался шутить я. — Скоро будет мясо, а на завтра я снова борщ сварю.

Узумаки снова уставился на меня так, как будто я вот прямо тут собираюсь умереть.

— Ирука, ты же только одну чашку рамена съел, ты голодный!

Улыбнувшись, потрепал его по волосам.

— Я не голоден, ешь. А лучше пойді помойся и потом приходи.

— Я чистый, — перебил меня Наруто, — я только вчера мылся!

— Хочешь, чтобы на задании тебя по запаху враги вычисляли? Мыться нужно каждый день, а не когда грязь сама отваливаться не хочет. А еще лучше дважды в день: освежиться после сна и как домой вернулся, чтобы грязь не растаскивать.

Макуто, который уже переоделся в сухое, вышел из ванной и молча сел за стол. Он не вмешивался в разговор, просто ждал ужина. Я налил и ему тарелку супа, который разогрел с вечера.

После того как мы поели, я заварил чая и даже съел один блин с вареньем. К вишням я был равнодушен и в том, и в этом мире.

— Наруто, мы сегодня на полигон тренироваться уже не пойдем. Но тебе нужно будет перечитать свитки и попытаться в них разобраться самостоятельно. Если что-то не поймешь — спроси, попробуем понять

вместе. Можешь даже сделать парочку каких-нибудь простых фуин-печатей, только не взрывных. Хорошо?

— Ага! Спасибо, Ирука! — сцапав печенье, мальчик убежал за свитками.

Макуто помог мне убрать со стола. Он мыл посуду молча, но быстро, и когда Наруто вернулся с охапкой свитков, уже сидел на диване, листая один из учебников Умино по фуиндзютсу.

Я ушел помыться, а когда вернулся, Наруто уже перетаскал переписанные свитки и те, что мы нашли в библиотеке, в гостиную, а в центре поставил свой убитый ученический набор для письма с кисточками и тонкую стопку листочков. Забрав со стола старый набор, я вернулся с одним из пеналов, что нашел в комнате. Мальчик так обрадовался обновке, будто я ему дорогой подарок сделал, повиснув у меня на шее.

— Да не за что, Наруто.

Решив убрать жилет у входной двери, я по привычке проверил карманы и нашел квитанции за жилье: вода, электричество, расходы на оплату работы местного аналога председателя объединения жильцов многоквартирного дома, ремонтный фонд... Захотелось взматериться в голос. Не сказать, чтобы счета были сильно большими, но для моей нищенской зарплаты и такие расходы — серьезный удар.

Копаясь в свитках вместе с Наруто, вспомнил о том, что хотел пойти в библиотеку Академии за информацией по менталистике. Тогда меня отвлекли банковские бумаги, а сейчас уже было поздно и лень куда-то идти, да и волосы еще мокрые, а на улице ночью прохладно. Взял несколько свитков и уселся на диван, поджав под себя ноги. Макуто сидел в кресле, положив на колени раскрытую книгу, но я заметил, что он не читает — он наблюдает. За Наруто, за мной, за тем, как мы перелистываем

страницы. И в этом его молчаливом внимании не было ничего угрожающего. Просто он был рядом.

Так, почему-то, удобней. «Это какая-то помесь Узумаки и Нара», — рассматривал я рисунок барьера. Мой клан разбирался в фуиндзютсу и барьерах, но в данных областях его основной направленностью был захват нарушителей и шпионов. Клан Умино работал с барьерами и фуиндзютсу также, как Нара — с тенями, захватывая и обездвиживая ими противников, либо взрывая их в запертых барьерах, что особенно эффективно действовало против диверсантов в воде.

Сидеть и читать свитки в гостиной оказалось неожиданно уютно. А Наруто был хорошим соседом. Мальчик перебрался с парой свитков на диван, но не отвлекал, только изредка тихонько шуршал под боком, что-то спрашивая. Макуто в какой-то момент отложил книгу и подошёл к столу, где лежали свитки Узумаки. Он не брал их в руки, просто смотрел. Я проследил за его взглядом.

— Это интересно? — спросил он, кивнув на схему печати.

— Наруто разбирается, — ответил я. — Я пока не очень.

Он кивнул и отошёл обратно в кресло.

Через час, устав от чтения, Наруто наконец спросил:

— Ирука, а можешь меня научить, как этих самых некры... некри... некрамофов делать?

— Некроморфов? Почему не покажу? Покажу.

Меньше чем через полчаса чудовища у мальчика получались как бы не страшнее моих. Макуто наблюдал за нашей игрой с преобразованиями, не присоединяясь, но и не отворачиваясь. В какой-то момент я заметил, как его губы чуть изогнулись — не улыбка, скорее намёк на неё. Он смотрел на Наруто, и в этом взгляде было что-то тёплое.

И тут мне в голову пришла идея: ведь хенге — это иллюзия объекта. А если попробовать ее растянуть? Через час или чуть больше я наконец смог сделать то, что хотел. Монитор. Это был не слишком ровный прямоугольник с закругленными краями, стремившийся распрямиться, словно пружина, но прогибающийся из-за усилия, с которым я удерживал неожиданно упругое нечто.

— Ирука, а что это? — спросил Наруто.

— Можешь выключить свет?

— Сейчас!

Пока мальчик бегал к выключателю, я отпустил форму. Распрямившись, иллюзия, точно что-то материальное, уперлась в потолок, стены и пол, даже слегка закачалась, словно большой лист жести, но звука не издала.

— Темно... ой! Окна пропали... и от диванов только половина осталась!

— удивился Наруто.

— Подожди немного.

Сосредоточившись, я представил, как экран медленно светлеет. Представил, как появляется яркое круглое пятно и становится понятно, что это солнце. Чернота превращается в небо. Возникают облака. Внизу показывается земля. Из ровного плато вздымаются серовато-коричневые горы. На их склонах вырастают деревья. В долине между гор блестит река, а недалеко от нее — маленький городок с одной единственной белокаменной башней и желтыми нитями дорог, петляющих между деревьями.

Открыв глаза, я увидел немного другую картину. Вдали, где я не слишком тщательно представил горы, виднелось море или что-то на него похожее.

— Как... красиво, даттебайо! — восторженно выдохнул мальчик, подходя ближе. — А? — коснулся изображения. — Это гендзютсу?

— Нет.

Под пальцами Наруто изображение пошло рябью. Я с любопытством наблюдал, как Наруто сначала отдернул руку, а потом приложил всю ладонь.

— А что это? — ткнув в домики, спросил он.

— Город какой-то.

— Не, — помотал Наруто, повернувшись ко мне. — Всё это!

— А, понял. Было хенге. Теперь... даже не знаю.

— Ты придумал новое дзютсу? Ух ты!

Макуто подошёл ближе и, не касаясь, посмотрел на экран. Его лицо было непроницаемым, но я заметил, как он склонил голову, рассматривая изображение.

— Ничего подобного, если мне не изменяет память, я не видел ни в манге, ни в аниме, — осторожно сказал я.

— Наверное, да.

— Круто! Покажи, что делать! Я тоже так хочу!

Включив свет, я сел на пол и представил, как раскрытая ладонь темнеет. Матовое черное нечто формируется в сферу, преобразаясь и вытягиваясь в прямоугольник. Держать небольшой экран было гораздо сложнее, чем позволить ему растянуться произвольно.

Остаток вечера мы играли с моим экран-но-дзютсу, пытаюсь понять, что это такое и как его можно использовать. Наруто пробовал создавать свои экраны, но у него получались лишь смутные очертания. Макуто, которого я позвал присоединиться, покачал головой.

— Я лучше посмотрю, — сказал он.

И я не стал настаивать. Он действительно смотрел внимательно, запоминая каждую деталь. И в какой-то момент мне показалось, что в его глазах мелькнул не просто интерес, а что-то похожее на надежду.

Поздно ночью, когда Наруто уже спал, а Макуто устроился на полу в гостиной, я сидел у окна и смотрел на звёзды. Я думал о том, что этот

день, полный дурацких миссий и утомительных разговоров, закончился чем-то хорошим. Маленьким чудом, которое мы создали сами.

А Макуто был частью этого чуда. Просто тем, кто был рядом. И этого, кажется, было достаточно.

Глава 12. Доброе утро?

Подняться в шесть утра было чертовски сложно. Мало того, что с Наруто просидели почти до половины первого, так еще мне снова приснился Ирука. Разлепив глаза, я так и не смог вспомнить, что именно было в том сне. Точно что-то неприятное, но вот что именно — не помню. В общем и настроение — не в дугу, и самочувствие не фонтан.

— А может не надо, — с надеждой спросил у своего отражения в зеркале ванной, — а?

Нет. Ответил сам себе. Надо.

От фуин-специалиста я удачно узнал, что по утрам Гай бегают вокруг Конохи. Ровно в семь утра у Западных Ворот начинался ежедневный марафонский забег Зеленкиных.

Макуто встретил меня у дверей, когда я уже собрался выходить. Он стоял на лестничной клетке, прислонившись к перилам, и завязывал шнурки на своих ботинках с жесткой подошвой.

— Ты куда так рано? — спросил я, застёгивая куртку.

— С Тэучи-саном договорился помочь до смены, — ответил он. — А ты?

— К Гаю, насчёт тренировок.

Макуто кивнул и вышел следом. На улице наши дороги разошлись — он свернул к Ичираку, а я потопал к Западным Воротам.

Пришёл я рановато и, чтобы не заснуть, решил размяться.

Ровно в семь часов утра они появились. Крича о силе юности.

— Бедные их соседи, — вздохнул я, — мне их искренне жаль.

Побежал догонять возможного сенсея.

— Майто-сенсей, я приношу извинения за то, что прерываю вашу тренировку, но нам нужно поговорить. Не могли бы вы на минутку прерваться?

— Йош! — мощно выдохнул-выкрикнул Гай, становясь в позу «хорошего» парня: большой палец на вытянутой руке загнут вверх, белоснежная улыбка сверкает на солнце, как лампочка — хоть сейчас на рекламу зубной пасты.

— Слушаю вас, Ирука-сенсей!

— О боги, неужели он не может говорить тише? — Гай-сенсей, как вы, возможно, знаете, я не так давно потерял память, а вместе с ней и большую часть своих навыков, — осторожно начал я.

Нацепив на себя серьёзный вид, Гай внимательно смотрел на меня и кивал головой, подтверждая.

— Я слышал, что вас называют лучшим мастером тайдзюцу в Конохе, — осторожно пробуя почву.

Лестная характеристика снова возвращает Гаю придурковато-воодушевлённое выражение.

— Да, — восклицает джонин. — Вы слышали верно. Нет, конечно, нескромно такое говорить о себе, — продолжил он несколько торопливо, — но я действительно лучший... один из лучших мастеров тайдзюцу в Конохе!

Понимающе киваю, дескать, да, тяжёлое бремя славы, но всё понимаю.

— Разумеется, нескромно признаваться в таком, но в вашем случае, Гай-сан, это чистая правда.

Решив, что лести достаточно, перешёл к делу.

— Какую оплату вы бы хотели получить за то, что будете тренировать меня, а так же Узумаки Наруто, и учить нас, как пользоваться

утяжелителями? Сколько времени займёт обучение нас тому, как пользоваться утяжелителями и натаскиванием нас на приемлемый для чуунина уровень тайдзюцу?

От такой прямолинейности, необычной для местных, Гай не растерялся. Задумчиво потер подбородок, с сомнением посмотрел на меня, но всё же ответил по всем пунктам.

Тренировки начинались не в семь, а в пять утра. Комплекс упражнений напоминал приём лекарств тяжело больного — вместо таблеток упражнения утром, днём и вечером. Для лени в этом графике нет места. Иначе утяжелители могут не только отправить на пару дней в больницу, но и стать поводом для получения инвалидности и костылей в подарок.

Получалось, что если повезёт, то будем мы с Узумаки на уровне чуунинов по рукопашке. Хорошо, если к экзамену на чуунина, который будет в начале лета. Это если не сдохну раньше от этих тренировок.

Я уже начал сомневаться, нужно ли оно мне вообще. Но когда Майто назвал цену — желание связываться с Майто Гаем и Силой Юности отпало, как осенний лист от ветки.

Нет, я точно неправильный попаданец. У всех нет никаких проблем. Пришли к Гаю, попросили о тренировках — и давай поражать его выносливостью и умениями. И никого он даже о плате не спрашивал. «Это не важно, что он лучший инструктор Конохи по рукопашному бою, он всё равно будет заниматься бесплатно с каждым встречным и поперечным... Ага, ООО „Счаз“ всегда к вашим услугам!»

За свою науку Майто просил меньше, чем Рей за инновационную разработку, но в стоимость тренировок не входили архаичные утяжелители. Вместе с ними Гай оказывался почти на треть дороже, чем два фуин-костюма. И жить придётся натурально впроголодь, на одном рамене. Все деньги я отдам тренеру и продавцам утяжелителей.

Доход с «Пиалы» шёл стабильный, но не сильно большой. А мне нужно было ещё покупать экипировку, расходники. Новые кунаи на ветках не растут. Причём экипироваться до похода в Страну Волн нужно было не только себя, но и Наруто. С моими доходами быстро накопить на всё

могло и не получиться. А залезать в кошелёк Узумаки я не хотел. Он-то даст, но я не возьму. И хотел бы — что бы я взял у нищего генина?

В общем, на еду и экипировку нам двоим моего дохода как инструктора-ассистента не хватит. И не факт, что хватит даже с прибылью от «Пиалы».

Первая проблема — деньги. Вторая и главная — время и разные графики. В Конохе мы ещё могли подстроиться под распорядок дня Гая, но за её пределами могли натворить глупостей во время тренировок, и некому было бы указать на опасные ошибки. С нами не было бы Майто, который оценил бы наш прогресс, развитие, показал бы новые комплексы упражнений, составил программу занятий.

После этого разговора день для меня прошёл как в тумане. Я даже не мог вспомнить, какая в этот раз была миссия у ребят. Хотя, вроде, мы опять какой-то мусор убирали.

Я высунул нос из исписанного расчётами блокнота, только когда желудок настойчиво стал напоминать о себе урчанием и болью. Как оказалось, я на завтрак, по холостяцкой привычке Ируки, сделал всего одну порцию. Потом я отвлёкся какой-то идеей и оставил еду. А занятый поиском «где бы достать ещё денег» мозг посчитал, что раз тарелка пуста, то я позавтракал.

Макуто, вернувшись из Ичираку, молча сел рядом и подвинул ко мне свою порцию. Я покачал головой, но он не убрал тарелку. Тогда я съел половину и вернул ему. Он кивнул и доел сам.

— Ирука! — позвал Наруто.

— А? Что? — заторможенно огляделся.

— Какаши-сенсей тебя зовёт.

Я обернулся, увидел одноглазого с недобро прищуренным глазом, поглядывающим на меня поверх книги.

— Понятно. Нет, ничего не случилось. Мне б, наверно, испугаться, да настроение настолько уныло-флегматичное, что как-то всё равно. Меня даже нашествие ходячих мертвецов и какодемонов вместе взятых сейчас

не тронет. Максимум провожу их взглядом, вздохну тяжело-тяжко и снова зароюсь в расчёты.

— Наруто, можешь идти, — спровадил мальчика Чучело и, немного подождав, ядовито-елейным голосом спросил:

— Струсил в лицо сказать?

— Какаши-сан, вы извините, но я вас не понимаю.

Хатаке от недоумения сдулся на полуслове, но снова быстро набрал воздуха.

— Вы, — с нажимом, — Ирука-сан, решили заняться доносительством? Через мою голову пожаловаться на меня Хокаге? — добавил издевательским тоном: — Струсили мне сказать?

— И?

Какаши глазом похлопал, повторил ещё раз другими словами.

— А смысл?

Просмотрев беспорядочные записи, я без сожаления перечеркнул весь лист.

— Всё плохо. Всё очень плохо. Или не «очень». Может быть...

Забыв о Хатаке, я вернулся к предыдущим вычислениям и приуныл ещё сильнее.

Макуто подошёл и посмотрел на мой блокнот. Я не прятал. Он постоял с минуту и тихо сказал:

— Если нужна будет помощь — скажи.

— Спасибо, — ответил я, но он уже отошёл к дереву, у которого сидел Наруто.

Хатаке молчал, а я забылся, что вообще тут не один, и в задумчивости, постукивая карандашом по обложке блокнота, ушёл.

Чуть погода дошло, что я тут как бы разговаривал и меня никто не отпускал. «Вот сейчас Чучело опомнится, прикажет вернуться. Лицо мне под хохлому кулаком распишет...»

Но оклика не последовало. Пожал плечами, подумав, что «сегодня бить не будут». Конечно, неприятно, что Какаши всё узнал так скоро, но ожидаемо. Гораздо важнее то, что ему сказал Третий. Судя по тому, что мы вчетвером снова убрали мусор, а Хатаке всё также стоял с книжкой, ему явно не сказали то, что нужно. Или он посмел не услышать? Или о доносе рассказали, а к Третьему на ковёр ещё не звали? Может такое быть, что Какаши открыто наплевал на приказы Хокаге? А вот леший его знает.

Помогая Наруто уничтожать рамен, я чиркал в блокноте, положив его на чистую стойку, пытаюсь понять, чего ожидать от Какаши, и терялся в догадках.

— Ирука, а это правда, что в других командах все вместе выбирают миссии? А когда разрешат всем вместе выбирать?

— Так должно быть, — уныло отозвался я, не подняв головы. — Уже сейчас должно быть.

Вчера вечером, отправив Наруто спать, я удачно наткнулся, да что там, споткнулся о книжку с правилами и законами шиноби. Если судить по пометкам карандашом на полях, Ирука явно использовал её для того, чтобы знакомить учеников Академии с основами местного обществоведения и этикета. Книжка была неожиданно понятной. Кроме того, к своему удивлению, я понял, что правила и законы шиноби основаны на логике и здравом смысле. На том самом, что местные ниндзя по манге постоянно игнорировали.

Я встал рано и ознакомился только с двумя разделами: «Выбор миссий» и «Обязанности джонина-сенсея».

Хокаге мог предложить любому шиноби любую миссию. Но если не было войны, военного положения и зоны боевых действий, если обстоятельства не были чрезвычайными, то это было право шиноби — брать эту миссию или нет. Традиция такая пошла с тех давних времён, когда никаких скрытых деревень даже в проекте не было, а были враждующие между

собой кланы, которым их родственники чаще всего казались чуть дороже денег. Тогда «кинуть» нанимателя было хоть и дурным тоном, но не чем-то неслыханным. И наниматели были гораздо менее честные и ответственные. Всё-таки одинокий клан — это не скрытая деревня, его месть не так страшна. Тоже и с оплатой обманывали, и с сложностью миссии, чтобы сбить цену. Архаичный заказчик, вот он кто.

Шиноби — это не солдаты и не чьи-то там защитники. Ниндзя, прежде всего, — это наёмники. Они работают за деньги, а не за честь или чью-то там благодарность. И именно поэтому их гарантированное законом право — выбирать миссию самому. Решать, какую ему брать миссию, каждый шиноби должен сам. Мы ведь не копии друг друга. У кого-то лучше выходит разведка, кто-то лучший в прямом бою, а третий отлично лечит, но плохо калечит. Поэтому, грамотно выбирая миссии, ниндзя может потратить меньше сил и времени на их выполнение, а значит, выполнить больше заданий, получить больше денег. Логика!

Наруто буду объяснять так: доставить ценную посылку из одного пункта в другой быстрее получится у Рока Ли. А вот найти человека, редкое растение или насекомое в лесу быстрее получится у Абураме и его жуков. На первых порах за генинов берёт миссии их джонин-сенсей. Но он обязан объяснить ученикам, почему он выбрал именно эту миссию. Или хотя бы выслушать их мнение по этому поводу.

Но Какаши плевал на эти правила с высокой колокольни. А мы снова собирали мусор, на этот раз в парке. Хатаке снова просто взял миссию, без каких-либо объяснений. Ни с кем не посоветовавшись и даже не спросив нашего мнения.

Теперь уже вместе с Наруто я бурчал под нос про попранные правила. Джонин-сенсей обязан учить своих генинов. Он же определяет, когда они готовы для повышения. Нет, если генин считает, что может быть чуунином по выслуге лет, количеству выполненных миссий или по своим навыкам, то он может подать заявление Хокаге. А вот номинировать команду на чуунинский экзамен теоретически может только джонин-сенсей. И вмешиваться в обучение его команды никто не имеет права. Даже Хокаге очень ограничен в этом вопросе.

Считается, что хотя генины до шестнадцати лет и являются несовершеннолетними, но у них всё же должно быть достаточно мозгов, чтобы попросить о переходе в другую команду, если их не устраивает их наставник.

Хокаге может посчитать, что джонин-сенсей подвергает своих учеников неоправданному риску и его командование является неудовлетворительным. Если он сможет убедить в этом советников и командующего джонинами, либо Большой совет, то он может отстранить такого сенсея. А вот тасовать джонинов-сенсеев просто так, по желанию, Хокаге не может. Об этом в своё время позаботились кланы, которые считали, что джонин-сенсей у команды с их детьми будет свой, клановый. Или хотя бы просто тот, кто понимает, какая ценность ему доверена, и что будет, если по его глупости погибнут дети клана.

А Какаши этого не понимает. Приструнил ли его Хокаге? Должен был. Тогда почему Какаши совершенно не поменял своего отношения к команде? Не понимаю. Похоже, здесь есть что-то, о чём я не знаю.

За размышлениями незаметно прошёл день. Не заходя домой, я заглянул в банк за наличными. Деньги были мне нужны не только на костюмы, но и на пару задумок для «Пиалы». Осталось только навеститься туда и посмотреть, что реально будет провернуть, а что так и останется на бумаге.

Макуто ждал меня у входа в банк. Он стоял, прислонившись к стене, и чистил свой танто. Увидев меня, убрал клинок и кивнул.

— Наруто уже ушёл домой, — сказал он. — Сказал, что будет переписывать свитки.

— Хорошо, — ответил я. — Ты тоже иди.

— Я подожду, — ответил он.

Я не стал спорить. Мы вместе пошли к Рею. По дороге Макуто спросил:

— Это для Наруто?

— Да, — ответил я.

Он кивнул и больше не задавал вопросов.

В мастерской Рея мы застали его за работой. Он что-то ковырял на жёсткой кожаной пластине, но с радостью оставил это занятие, чтобы поприветствовать нас.

— Не ожидал увидеть вас так скоро, Умино-сан. Остались ещё вопросы?

— Нет. Вопросов нет. Есть деньги.

Толстые пачки ровными рядами легли на стол, который мастер Рей освободил от бумаг. Судя по круглым глазам Наруто, он таких денег не то что в руках не держал, даже не видел никогда. Макуто посмотрел на пачки, перевёл взгляд на меня и снова уставился в пол.

Улыбающийся мастер перепрятал наличные в собственный свиток и тут же предложил мне примерить «специальный тренировочный модульный костюм с фуин-элементами». На мой вкус — слишком длинно и кучеряво, так что я назвал его просто сбруей. Нечто похожее на то, что надевают на лошадей, и вроде того, на что в кино закрепляют кобуры всевозможные агенты, полицейские и детективы.

Каруи Рей ещё раз похвалил-порекламировал своё изобретение и обмолвился, что новый образец безразмерный и его можно отрегулировать «хоть на мальчика, хоть на вас».

— Давайте я покажу вам, как надо закрепить. Конечно, всё есть в инструкции, но лучше я ещё и покажу. Раздевайтесь до нижнего белья.

— Слышал, Наруто? Раздевайся до трусов и футболки, — повернулся к мальчику.

И мастер, и Наруто, и Макуто смотрели на меня. Рей-сан спросил:

— Так вы покупаете тренировочный костюм не для себя, а для мальчика?

— Да.

Похоже, меценатство в Конохе не слишком распространено. Мастер мимолётно о чём-то задумался, а затем, пожав плечами, принялся подтягивать ремешки, поглядывая на мелкого и примеряя длину.

— Этот костюм — для Наруто. Но я принёс ещё столько же на второй — для себя. Я оставляю задаток.

— Второй костюм, две, две с половиной недели... Там нужно много сделать, и работы надо выполнять последовательно, поэтому так долго, извините, — фуиндзюцу специалист развёл руками.

— А насчёт задатка... Половину можете оставить?

— Да.

Свиток-кошелёк не стал легче или тяжелее, но цифра под печатью существенно уменьшилась. Удобная штука, но болезненная для моей Жабы.

Каруйи Рей выдал квитанции и, подтянув ещё пару ремешков, подошёл к мальчику. Только вот Узумаки так и не разделся, да ещё и отказываться начал от подарка. Он стоял, уткнувшись взглядом в землю, упрямо мотал головой, сжав кулаки, и говорил, что такой подарок не может принять, потому что равноценного ничего не может дать взамен.

Макуто шагнул вперёд и положил руку на плечо Наруто.

— Он прав, — сказал Макуто. — Это подарок. Бери.

Наруто поднял глаза, посмотрел на Макуто, потом на меня.

Осторожно погладив Узумаки по голове, я прервал его:

— Наруто, это подарок, а не обмен. Подарок. И без примерки — никак. Надень эту... штуковину. — Чуть не сказал «сбрую». — Извините, название уж больно длинное.

— Да что уж там, — пробормотал мастер. — Оно и вправду длинновато.

Засопев, мальчик ещё ниже опустил голову. Выдохнув, я сел на корточки, чтобы видеть лицо Наруто.

— Костюм твой. Не спорь, пожалуйста. Так надо.

Наконец уговорами я добился от Узумаки слабого кивка.

— Наруто, посмотри на меня, — легонько тронул его за плечо. Он неохотно поднял глаза, в них стояли слёзы. — Ты ведь мне доверяешь, так?

Мальчик снова кивнул, в этот раз энергичнее.

— Значит, доверься мне и делай, как я тебе говорю.

Забавно свистнув носом, Наруто всё же переоделся в «сбрую».

Макуто помог мастеру подтянуть ремешки на спине. Он делал это молча, быстро, и Наруто даже не заметил, как Макуто застегнул последнюю пряжку.

Поставив нагрузку, которую мы втроём определили как оптимальную, мы с мастером немного погоняли Наруто, пытаюсь понять, насколько хорошо ему подошли грузы.

— Ирука?

— Если ты опять про «дорого», то не надо.

— Угу.

Но Наруто не утерпел и, только переступив порог квартиры, начал заваливать меня вопросами.

Макуто зашёл следом, сел в кресло и взял один из свитков. Он не читал, просто держал в руках.

— Сядь, — жестом указал Наруто на диван. Сам взял низкий пуфик и сел напротив.

— Я знаю, что раньше относился к тебе плохо.

Наруто неуверенно попытался возразить:

— Это не так...

Жестом остановив мальчика, я задумался, подбирая слова, а затем мысленно чертыхнулся: «Плевать, я сейчас не себя сужу, а Ируку!»

— Я вспомнил, как плохо к тебе относился. Не всё вспомнил, но и этого достаточно для выводов. Я был дурным человеком и ещё худшим учителем.

Наруто от удивления раскрыл рот, а я ободряюще улыбнулся.

— Я поступал ужасно, — не дал ему вставить и слова, — когда делал вид, что не слышу твоих вопросов. — Улыбаться стало труднее. — Гадко — когда выдавал испорченные кунаи, тетрадки... — В горле застрял ком. — Но ещё хуже, когда обвинял за проступки, которых ты не совершал. Я не имел никакого права заваливать тебя тяжёлой работой. Всё это шло в ущерб твоему обучению.

— Но это... ты был добр ко мне, угощал раменом! — воскликнул Наруто.
— Ирука, хватит говорить про себя гадости!

Я покачал головой.

— А помнишь Свиток Хокаге?

— Ага, — опустил нос Наруто, — я виноват, про...

— Не правда. Ты не виноват. Извиняться тебе не за что!

— Что? — Узумаки ошарашенно посмотрел на меня, пытаюсь понять, что я такое несу. — Я же виноват... — неуверенно начал он. — И Мидзуки виноват... потому что обманул...

— Наруто, вспомни, почему ты пошёл за свитком? Главная причина, почему ты согласился его украсть?

— Эмм... Я хотел стать генином? — смутившись спросил, будто не знал точного ответа.

— Именно. А почему ты провалил экзамен?

— Потому что не слушал тебя. Не учился контролировать чакру и потому что я не мог сделать иллюзорных клонов, хоть и врал тебе, что могу. Извини...

— Нет, — вздохнул и с трудом выдавил: — На самом деле виноват я.

Узумаки ошалело посмотрел, будто у меня выросла вторая голова.

— Я знал, ну или должен был знать, что ты не можешь выполнить дзюцу иллюзорных клонов. Для них нужен более тонкий контроль и меньший объём чакры. Ты вообще вряд ли когда-нибудь сможешь выполнить этих треклятых иллюзорных клонов, как Сакура никогда не сможет сделать тысячу теневых клонов. Я дал тебе невыполнимое задание. Прости меня, если можешь.

— Но ты же, ты же...

До Наруто явно дошло, что прежний Ирука не хотел, чтобы он стал генином. Он пребывал в ужасе от осознания этого. Всё же я не смог сказать, что причиной стала тупая злоба и желание сделать гадость «убийце родителей», лицемерно прикрываясь правилами.

Пока Наруто пытался переварить услышанное и придумывал для меня оправдание, я продолжил:

— Кроме того, там, на поляне... Я должен был, прежде всего, узнать, почему ты стащил этот проклятый свиток, а потом уже грозить всякими глупостями...

Мальчик несмело хихикнул, видимо, вспомнив те экзотические методы воспитания, которые Ирука грозился к нему применить.

— Из-за своей глупости я был ранен. Только из-за своей. И если бы ты не выучил теневых клонов и не вмешался тогда, то я бы погиб. Может, тогда твой глупый сенсей Ирука и спас тебя, заслонив собой, но этого бы не пришлось делать, если бы он раньше просто честно сделал свою работу, — грустно улыбнулся. — А потом ты спас ему жизнь, с помощью клонов победив Мидзуки. И он должен быть тебе благодарен.

— Но ты ведь всё равно меня спас, — тихо проговорил Наруто. — Ирука, и почему ты всё время говоришь о себе как о чужом человеке? Это страшно...

— Знаешь, для меня тот «я» действительно чужой. Потому что я не понимаю его. Скорее даже не хочу понимать. Пожалуй, я стал другим человеком и на многое смотрю иначе.

Наруто поёжился:

— Пожалуйста, Ирука, хватит, так ещё страшнее! Ты очень добрый, правда, Ирука! Ну пожалуйста, хватит!

Киваю и улыбаюсь как можно счастливее:

— Спасибо тебе, Наруто. Спасибо, что спас своего никчёмного сенсея. Спасибо!

— Ирука! — осуждающе воскликнул Узумаки, но на его лице уже расцветала ответная улыбка.

— Что же касается костюма, то тебе он сейчас нужнее, а я могу и подождать. Ты маленький, а тренировки с утяжелителями лучше начинать как можно раньше. Носи его аккуратно, и за него платить тебе не нужно! Понял?

— Хай, Ирука, я обещаю, я буду его беречь, даттебайо! — вскинул вверх кулак, торжественно обещает Узумаки. Вид у него был нелепый, но я понимал — для него это важно, и он серьёзен. Над этим нельзя шутить или смеяться.

— Я знаю, — взлохматил его густые волосы. — Носи на здоровье.

— И ещё... Ирука, я тебе обязательно верну деньги за этот костюм, правда верну. Вот заработаю и сразу верну, даттебайо!

— Нет, ну ты издеваешься?! Нет! Это подарок. И точка! — подумав, я добавил: — Считай это за все те дни рождения, на которые я тебе ничего не дарил. Ладно? Один подарок вместо всех тех, что не подарил за твои двенадцать лет.

Я услышал что-то похожее на писк, а потом Наруто повис на моей шее:

— Да, я понял, Ирука-сенсей!

Похлопав мелкого по спине, я мстительно подумал: «Пусть теперь Джирайя попробует тарелкой лапши отделаться или мороженым на двоих!»

После того как мы поели, я обнаружил, что запасы почти закончились. А в ванной накопилось грязное бельё. И к полу, местами, мы уже липли без всякой чакры.

— И покупать, и стирать... — бубнил я неразборчиво. — И по-хорошему убирать... Мда, два свинтуса. Ещё немного, и на ногах начнут расти носки из пыли.

Хорошо, у Наруто есть клоны, и он меня научил, а то бы вообще труба. Решив, что лучше убрать сейчас, я сообщил мальчику, что у нас будет небольшая уборка. Объясняя, как поддерживать порядок в доме, что и как делать, постепенно наводил порядок на пару с Наруто и его клонами.

Макуто встал и молча взял тряпку. Он вымыл полы в кухне и коридоре, пока мы с Наруто разбирали свитки. Я хотел сказать, что он мог бы и отдохнуть, но передумал.

Когда домашние хлопоты были позади, я после короткой растяжки и разминки снова засел за чтение. А Наруто в это время засел штудировать фуиндзютсу. Сегодня я снова читал не менталистику, а законы, правила и этикет шиноби. Хотелось знать, как ещё может на мою докладную отреагировать Какаши. Напугать у него не вышло. Что в ответ может написать? Да и просто нужно было знать, как здесь всё устроено. Не хотелось бы погибнуть из-за того, что я не знаю какую-то общеизвестную ерунду.

— Наруто, почему бы тебе не попробовать изучать два свитка сразу?

— Это как? Я ведь могу изучать только од... Клоны! — догадался он, когда я в подсказку сложил пальцы крестиком.

— Да, только я не знаю, может быть, учить сразу много всего — опасно.

Пожалел о своей поспешности, а Узумаки уже успел сделать семь клонов.

— Ты одного оставь, пусть повторит то, что ты вчера прочитал.
Пройденное.

— Ладно, даттебайо, — почесал мелкий в затылке, а подумав, покивал, запоздало соглашаясь, и передал клону часть свитков.

Через час изучения фуиндзютсу мальчик зевнул и плюхнулся на диван рядом.

— Ирука, а что ты читаешь?

— «Законы, правила и этикет шиноби», — продемонстрировал я мальчику обложку книги. — Не хочу погибнуть из-за неправильно сказанного слова. Кроме того, каждый шиноби должен знать свои права и обязанности. Это действительно важно.

— Угу, — без энтузиазма ответил Наруто, потом до него дошло, что именно я ему сказал. — Подожди! Что значит «погибнуть из-за неправильно сказанного слова»?!

Рассмеявшись, я начал было объяснять ситуации, из-за которых может вспыхнуть конфликт, и тут меня осенило.

— Кажется, я нашёл новое применение своему монитор-но-дзютсу.

Макуто, сидевший в кресле, отложил свиток и повернулся ко мне.

Я выключил свет. Два схематично показанных человечка начали разговор. Над неправильными вариантами я изгалялся, как мог. А правильные заставлял Наруто показывать самому, на моей технике. Мы выяснили ещё вчера, что так можно.

Показ ситуаций, описанных в книге, прошёл на «ура».

Макуто смотрел на экран, не отрываясь. Когда я закончил, он сказал:

— Хорошее дзюцу.

— Спасибо, — ответил я.

Наконец-то мы отправились спать в нормальное время. Неужели я наконец-то начал соблюдать режим? Давно пора.

Глава 13. Здравствуй, рутина?

День начался... Странно.

— Ирука, — за завтраком вдруг спросил Наруто, — а почему ты подушке комплименты говорил?

Закашлявшись, чуть не подавился, вспомнил обрывки эротического сна, а мальчишка продолжил:

— Ну, ты сказал, что она очень красивая, когда я спросил, что в холодильнике взять можно. Что у нее красивая фигура.

Уткнувшись в тарелку, пробормотал, что мало ли что я там болтал спросонья.

— Говорил же, что можешь брать что хочешь. Только не надо ко мне в комнату заходить без стука, пока я сплю. Ладно?

Мальчик покивал, уткнувшись в свою миску, и больше вопросов не задавал, только иногда улыбался, будто вот-вот захихикает.

Макуто сидел на старом табурете у стены, доедал остатки вчерашнего омлета. Он приходил в Ичираку каждое утро до рассвета, помогал Тэучи с приготовлениями к открытию, а потом приносил Наруто горячий кофе — Наруто почему-то нравился этот горький напиток. Сам Макуто предпочитал чай, заваривал его по-своему, с какими-то травами, которые никто из нас не мог определить.

— Ты сегодня на миссию? — спросил я у него.

— Нет, — ответил он, поднимая пустую чашку. — У Тэучи-сана складская проверка. Я останусь в Ичираку.

Я кивнул, допил свой чай и собрал посуду в раковину.

Что же касается побочных квестов на сегодня, то Какаши взял их несколько штук сразу, ничего опять не сказав и не посоветовавшись с нами. И, конечно же, он, как обычно, опоздал. Стабильность! Я уже подумывал о том, чтобы подговорить детей опоздать в ответ, а еще лучше вообще не прийти! Вот что Чучело тогда делать будет, а?

— Вы опять опоздали! — закричала Сакура, обиженно надув щеки.

— О, со мной приключилась забавная история! — заулыбался Какаши, судя по видимому фрагменту лица.

«Забавнее того, как я подушке в любви признавался? Да ладно?!»

— Иду я по улице, а на столбе котенок... «Иногда лучше молчать и казаться идиотом, чем открыть рот — и доказать это». Дальше я слушать не стал, просто пошел за детьми, которым эта брехня еще раньше наскучила. Не понимал я тяги Хатаке к такому очевидному вранью. Он ведь даже не старался придумать что-то оригинальное, не говоря уже о правдивости! Вот если мне приходилось оправдывать свои проебы или скрывать правду, так я целые легенды составлял с учётом новостей, погоды, ожиданий будущих слушателей и Меркурия в пятом доме! Пф, фальшивый ушиб не спалил никто, а я три недели спокойно записывал лекции на диктофон в открытую!

В этот раз нам довелось побывать в квартале Яманака. Мыли теплицы, чинили теплицы, строили теплицы. Я ненавижу теплицы.

Макуто остался в Ичираку, и мы работали вчетвером. Саске орудовал граблями с мрачной решимостью, Сакура то и дело вытирала пот со лба и бросала на него взгляды. Наруто с теньевыми клонами таскал доски и рассадку — его клоны развеивались, когда он слишком сильно уставал, и тогда он звал их снова.

— Ирука-сенсей! Здравствуйте! — повисла у меня на поясе миниатюрная блондинка в фиолетовом. — Как ваше здоровье?

— Здравствуй, Ино-чан, — дежурно улыбнулся девочке. — Со мной всё хорошо. Спасибо, что спросила.

Ангельская внешность и стержневой характер — это точно про Ино. Уже сейчас девочка вовсю пользовалась женским обаянием, порой здорово переигрывая. Очаровательно хлопая пушистыми ресницами с белесыми кончиками, Яманака заваливала меня вопросами на грани бестактности.

— А правда, что вы потеряли память? — спросила она, наклоняя голову набок.

— Правда, — ответил я, возвращаясь к доске, которую пытался приладить на место.

— И совсем-совсем ничего не помните?

— Не совсем, — уклонился я от ответа. — Некоторые вещи вспоминаются.

— А какие? — Она подалась вперёд, и я почувствовал запах её духов — цветочный, приторный.

— Не бери в голову, — Сакура отодвинула подругу локтем и кивнула на грядки. — Лучше помоги.

Ворча, что её отвлекают, Ино взяла в руки лейку и принялась поливать рассаду — к счастью, не переусердствуя.

Макуто всё же подошёл к теплицам к обеду. Он принёс свёрток с онигири и термос с чаем. Тэучи загрузил его передачей, а тот молча поставил корзинку на ящик с инструментами и отошёл к стене.

— Из Ичираку привет, — сказал он, кивнув на еду.

— Спасибо, — я раздал рисовые колобки Наруто и Сакуре. — Саске, бери.

Саске взял онигири, повертел в руках, но есть не стал. Положил на край ящика и вернулся к доскам.

— Не обижайся, — прошептала Сакура, — он всегда такой. Даже когда я ему что-то готовлю...

— Никто не обижается, — ответил я.

Макуто присел на корточки и медленно откусил от своего онигири. Он смотрел на нас — на Саске, работающего с мрачной отрешённостью, на Сакуру, проводящую пальцами по волосам, когда думает, что никто не видит, на Наруто, который жевал с такой скоростью, будто его могли отобрать, на меня, пытающегося понять, где какая доска.

— Ирука, это сюда? — спросил Наруто, поднимая одну из досок.

— Да, — ответил я, возвращаясь к работе.

После обеда меня перехватил Какаши, который, как оказалось, всё это время сидел на крыше одной из теплиц.

— Ирука-сан, — позвал он, не повышая голоса.

— Что? — недовольно отозвался я, досадуя, что он сидел там и ничего не делал.

— Вы писали докладную.

«Ну началось», — поморщился я.

— Писал.

Какаши спрыгнул вниз, бесшумно приземлившись в трёх шагах от меня, и заложил руки в карманы.

— Хокаге-сама передал, чтобы я с вами этот вопрос обсудил и не допускал впредь недопонимания.

Я отставил ящик, который как раз перетаскивал к стене.

— Обсудил — это хорошо. Я слушаю.

Макуто продолжал сидеть у стены, не вмешиваясь. Но я заметил, как он повернул голову к Какаши — не резко, не вызывающе, просто повернул, будто ему было интересно. Ветер шевелил пряди его чёрных волос, которые выбивались из-под капюшона куртки.

— Моя команда, — Какаши говорил спокойно, но в его голосе чувствовались стальные нотки, — и я несу за неё ответственность.

— Я тоже.

— Вы ассистент, Ирука-сан. Ваша задача — помогать, а не мешать.

— Я и помогаю, — возразил я. — Помогаю детям не застрять в бесконечных миссиях D-ранга. Может, вы объясните ученикам, зачем мы целыми днями подметаем парки и красим заборы? Я всё понимаю, дисциплина, командный дух... но они не идиоты.

Какаши усмехнулся, поправил повязку на глазу.

— Тренировка — это тоже дисциплина. Утяжелители, например, которые вы приобрели для Узумаки. Не находите, что это несколько выходит за рамки ваших полномочий?

— Не нахожу, — ответил я прямо. — Утяжелители — это забота о физической форме ученика. Если вы не обеспечиваете им достаточную нагрузку на своих тренировках, это приходится делать мне.

— Наруто мой ученик, — Какаши понизил голос, но в нём не было угрозы, только холодная уверенность. — И только я решаю, когда и как ему тренироваться.

Я собрался ответить, но тут подошёл Наруто.

— Ирука, эту доску куда?

Я повернулся к нему, и разговор с Какаши оборвался сам собой. Хатаке развернулся и отошёл к теплице, где Саске пытался приладить новую раму.

— Вон туда, — я указал на дальний угол, где лежало несколько досок поменьше.

Наруто кивнул, позвал одного из своих клонов и утащил доску.

Макуто поднялся и подошёл ко мне. Он ничего не сказал, просто взял из ящика следующий фрагмент теплицы и понёс его к Саске, по пути обходя яму с раствором. Саске сначала нахмурился, но когда Макуто молча придержал раму, пока тот вкручивал шуруп, напряжение между ними ослабло.

После смены мы шли домой вместе. Наруто пересказывал, как его клон уронил цветок и пришлось всё пересаживать заново, а Сакура чуть не залила рассаду. Макуто шёл сзади, держа в руках пустой свёрток из-под онигири. Я смотрел вперёд, на солнце, которое медленно опускалось за крыши домов.

— Завтра, — сказал я, — если Какаши снова возьмёт что-то такое же, без объяснений, я пойду к Хокаге во второй раз.

— Не надо, — ответил Наруто.

— Почему?

— Он злой будет. Ещё больше, чем сейчас.

Макуто молчал. Я не знал, что он думает. Может, он считал, что я прав. А может, считал, что я веду себя как дурак. Но это было не важно. Важно было то, что эти двое — и Наруто, и Макуто — шли рядом со мной, и это был единственный способ выжить в этом мире.

Дверь в квартиру открылась с привычным скрипом. Я пропустил мальчишек вперёд, переступил порог и прислонился спиной к стене. В коридоре пахло сыростью и старым деревом.

— Ирука, — позвал Макуто, останавливаясь на лестнице. — Я завтра приду к Ичираку пораньше. Тэучи-сан сказал, что если хочешь, можешь готовить на его кухне, когда у тебя нет миссий.

— Спасибо, — ответил я. — Передай ему, что я подумаю.

Макуто кивнул и ушёл наверх.

Наруто уже устроился в гостиной с фуин-свитками. Я сел на диван и взял в руки блокнот. В голове вертелась одна мысль — нужно было достать больше денег. Утяжелители — это хорошо, но есть ещё чакра-бумага, тренировочное оружие, возможно, какие-то платные курсы. Если Какаши не будет учить детей, придётся нанимать кого-то ещё.

Но кого? Гай дорог. Асума вряд ли согласится. А других вариантов у меня просто не было.

Я отложил блокнот и закрыл глаза. В комнате было тепло, Наруто тихо шуршал бумагой, и этот звук успокаивал.

— Ирука, — позвал он через некоторое время, — посмотри.

Я открыл глаза. Наруто стоял у стены, на которой появился слабый светящийся круг — какой-то простейший барьер, который он нарисовал углём.

— Это что? — спросил я.

— Охранительная печать, — ответил он. — Из свитка. Я попробовал нарисовать, как там было.

Я подошёл ближе, разглядывая символы. Они были кривоваты, некоторые линии прерывались, но в целом печать выглядела рабочей.

— Ты углём? — уточнил я.

— У меня нет нормальной туши, — смутился Наруто. — Я взял уголёк из печки, заточил его и нарисовал.

— Молодец, — я ободряюще положил руку ему на плечо. — Попросим Макуто завтра сходить в лавку за настоящими принадлежностями.

— Он согласится?

— Думаю, да.

Макуто не был болтливым, но был надёжным. Когда он говорил, что сделает, он делал. Когда он молчал, он слушал. Это было то, чего не хватало.

Вечером, когда Наруто ушёл мыться, я вышел на балкон. Над Конохой зажигались первые звёзды. Где-то внизу, в Ичираку, ещё горел свет. Тэучи готовил бульон на завтра. Макуто, наверное, мыл посуду или помогал Аямэ.

«Семья, — подумал я. — У нас не было общей крови. Но это была семья».

Вода в кране закапала, и я вернулся в комнату, закрыл окно и взял в руки книгу о фуиндзютсу. Надо было узнать хотя бы основы, чтобы не сидеть дурак дураком, когда Наруто начнёт задавать вопросы.

Прочитав несколько страниц, я выключил свет и лёг на диван.

Завтра будет новый день. Новые миссии, новые теплицы, новые бесконечные обязанности.

Но это было уже не важно.

В четверг мы снова отправились в Ичираку, но проходя мимо приятного на вид ресторанчика, я почувствовал запах чего-то очень вкусного. Желудок красноречиво квакнул.

— Давай тут поедим, — а то к Теучи топать долго.

Наруто вздохнул с видом Сократа, принимающего чашу с ядом, бросил на меня тот же непонятный жалобно-укоряющий взгляд, но возражать не стал.

Макуто, который шёл чуть впереди, оглянулся на ресторан, задержал взгляд на вывеске и спокойно сказал:

— Здесь не кормят.

— Откуда знаешь? — спросил Наруто.

— Заходил однажды, — ответил Макуто. — Выгнали.

Я переглянулся с Наруто, но Макуто уже открыл дверь и шагнул внутрь, не дожидаясь ответа.

Уютный зал заливал оранжевый свет множества мелких светильников, напоминающих ветки физалиса. Настоящий физалис торчал из каждой вазы на покрытых оранжевой краской столиках. Девушка со скучным лицом подхватила вазочку с нашего стола и переставила её на стол, с которого взяла поднос с грязной посудой.

Интерьер в оранжево-черных тонах мне частично понравился, но лично мне тут казалось «жарко».

— Не помешало бы добавить белых или бежевых деталей, чтобы визуально увеличить зал, — пробормотал я, разглядывая доску с меню около барной стойки.

Макуто сел за столик у окна, положил на колени свой танто и принялся рассматривать потолок. Наруто устроился напротив, крутя головой по сторонам.

Поначалу я посчитал, что все официанты заняты, но когда вместо нас начали обслуживать компанию, пришедшую после, а затем и пару пенсионеров, я присмотрелся к обслуге. Тучный бармен елозил оранжевым полотенцем по столешнице с таким видом, будто делал одолжение. Подождав ещё минуту, я остановил официанта, выставив на его пути руку.

— Уважаемый, мы хотели заказать три обеда. — подавальщик снова меня проигнорировал, обогнув препятствие. — ...Эй!

С невозмутимым видом бармен пренебрежительно бросил:

— Демонов и их любителей не обслуживаем.

От такого наезда я сначала даже не сообразил, что ответить.

— Я не демон! — сердито вскричал Наруто. — Я генин Конохи! Возьми свои слова назад, жирдяй!

— Не будь ты теперь шиноби, я бы просто снова за ухо выкинул тебя из своего заведения, — скорчил рожу толстяк. — Иди куда-нибудь и сдохни там, сделай всем услугу. Пошли во...

Макуто поднялся из-за стола, молча положил ладонь на рукоять танто и посмотрел на бармена. Тот осекся, бросил взгляд на клинок и сделал шаг назад.

Встав из-за стола, я подошёл вплотную к стойке:

— Ты кого демоном обозвал, мешок с салом?

Мужик начал было возмущаться, но я его перебил:

— Пасть закрой, животным слова не давали.

Толстяк сжался, по его виску скатилась капля пота.

Макуто подошёл ближе, встал сбоку от меня, не доставая оружия, но держа руку на рукояти.

— Это мое заведение... Ты... Вы не сме-ете мне уг-грожать, з-з-закон меня защи-щ-щает! — трясся и заикался владелец забегаловки.

— Закон гласит, что Коноха — скрытая деревня, поселение ниндзя, а таких как ты, кусок сала, здесь терпят, только пока вы полезны, — произнес я низким, тихим голосом. — Ты только что оскорбил главу клана, одного из тех, кто принимает законы. Раз уж ты не хочешь нас обслуживать, ладно, твое право. — Издевательски подчеркиваю голосом слово «право». — Но раз ты не считаешь нужным быть полезным шиноби, значит, и мы не должны будем тебя защищать. Неприятности случаются со всеми. Так что когда тебя и твою семью будут резать, не жди помощи.

Макуто молча кивнул, подтверждая мои слова, и сделал шаг к выходу.

Оставив хлопающего ртом и испуганного пузана, повернулся к Узумаки:

— Пойдем отсюда, Наруто, у меня пропал аппетит.

— Стойте! Оставайтесь, вам сегодня все бесплатно, но демону — вдвое дороже, — испуганно блеял сзади официант.

«Они совсем идиоты?».

Я остановился, и не поворачиваясь к выродку, холодно бросил:

— Каждый выбирает сам, издеваться ему над ребенком, ничего плохого ему не сделавшим, или нет. Человек он, или нелюдь. А еду, приготовленную нелюдью, я даже бесплатно есть не буду, вдруг это человечина.

Кто-то в зале поперхнулся.

Макуто вышел на улицу первым, пропуская Наруто. Я двинулся следом.

Хотелось сплюнуть со злости, но я сдержался и направился в сторону Ичираку. Всю дорогу до раменной Наруто молчал, как пришибленный. Макуто шёл сзади, не обгоняя, но и не отставая.

— Ирука, — тихонько сказал мне мальчик, — спасибо, что заступился за меня... никто никогда так не делал. Не нужно было, — стал накручивать футболку на палец, — теперь эти люди и тебя тоже будут ненавидеть, от этого будет только хуже...

Дослушивать не стал. Грешен.

Я так же тихо сказал, чтобы Теучи не слышал, пока возился у чана с кипятком.

— Наруто, я не буду есть там, где тебя обижали и не понесу туда свои деньги.

Макуто, который уже сел за столик у окна, кивнул.

— Я тоже, — сказал он.

Узумаки снова уперся взглядом в землю, и я был уверен — в глазах у него стояли слёзы.

Вздохнув, я чуть присел, чтобы видеть лицо мальчика и тронул его нос, чтобы он посмотрел на меня. — Чего нос повесил? Ну? Ничего ведь ужасного не случилось. — улыбнулся я. Мелкий шмыгнул, но улыбнулся. — И вот еще что, — опомнился я, — если вдруг захочу зайти в заведение, откуда тебя выкидывали, гнали, или в разы завышали цены, говори сразу, хорошо? Память-то у меня дырявая, напоминать нужно, что к тебе некоторые люди плохо относятся.

Наруто молча покивал.

— Вот и хорошо. — улыбнувшись, взъерошил жёлтые вихры.

Макуто подвинул Наруто свою порцию рамена. Наруто сначала замотал головой, но Макуто не убрал тарелку. Тогда Наруто взял пару ложек и вернул обратно.

За едой мальчишка подробно рассказал, как и кто к нему относится в различных кафе, магазинах и на рынке. Макуто кивал, иногда называл ещё одно заведение, которое Наруто забыл упомянуть. У него была своя карта мест, куда лучше не соваться.

— Ко мне добры только Теучи и Аяме, — закончил Наруто.

Как оказалось, таких заведений, как тот «Физалис», в Конохе было подавляющее большинство. Пока мы шли обратно, Наруто показывал на разные забегаловки, магазинчики и коротко говорил: Здесь тоже.

«Да и фиг с вами, с уродами. — усадил Наруто себе на плечи, — Не нужны им мои деньги? Буду готовить сам. Тем более, что финансы скоро запоят романсы, а от лапшичной Теучи я скоро шарахаться, как от огня буду, если мы там завтракать, обедать и ужинать будем».

Макуто подошёл к одному из таких магазинов, посмотрел на вывеску и сказал:

— Здесь тоже не берут.

— Пошли, — ответил я.

Оставив Наруто в квартире со свитками, сам сбегал на рынок. Макуто попросил передать Тэучи, что завтра придёт позже — нужно было помочь перетащить мешки с мукой.

Что в будние, что в выходные, рынок работал с утра и почти до самой темноты. Многие торговцы жили неподалёку, а товар им подвозили всю неделю. Так что в любой день можно было купить что-то свежее.

Заползая в постель, я подумал, что Ино абсолютно не права. Не пришли мне на ум тараканы и грызуны и не придут. Никогда.

Наруто напоминал мне бродячего котёнка из стихотворения, когда замирал, поражённо вытаращившись на лучший кусок, который оказывался на его тарелке, или в ответ на похвалу таращился, не веря своим глазам.

Закрыв глаза, я попытался вспомнить то стихотворение целиком. Макуто уже ушёл в Ичираку, но перед этим я услышал, как он сказал Наруто: «Я завтра приду. Не ходи один». Наруто кивнул.

Смахнув слезу, я грустно усмехнулся:

— И тебя проняло, сосед?

А в ответ, как всегда, тишина. Но я понял, что он меня слышал.

В пятницу, в конце рабочего дня, я наконец сподобился зайти с Наруто в «Пиалу» — то заведение, что мы заметили в прошлый раз. Благо, нам было почти по пути. К сожалению, по документам это была та самая «Пиала».

Макуто нас догнал у входа. Он вынырнул из переулка, завязал шнурок на ботинке и, не говоря ни слова, толкнул дверь.

Пихнув обшарпанную дверь с отполированной ладонями посетителей медной ручкой, я оказался в довольно тёмном помещении. В лицо не

пахнуло вонью прокисшей капусты или чем-то таким, как я себе представлял, хотя табаком пахло вполне ощутимо.

«Ах как же жаль, что только запахи не оправдали ожиданий!»

Высокий, недавно беленый потолок подпирали массивные круглые колонны без каких-либо украшений. Трудно было понять, какого тут цвета мебель, но не из-за грязи. Нет. Тусклые лампы в пёстрых плафонах все цвета превращали во что-то тёмно-коричневое, а бамбуковые жалюзи мешали солнцу попасть в это мрачное местечко. На фоне белоснежного потолка всё деревянное — от столов со стульями до колонн и панелей — казалось матово-черным и сливалось с густыми тенями под ногами и плащами мрачных посетителей, жавшихся по углам, как тараканы.

Видимо, специально для этих посетителей мебель расставили под стены, а оставшуюся — в центре зала. Присмотревшись, я заметил, что вся мебель разная: стул с обивкой и без, что-то похожее на кресло и низкий табурет, как из детской. Столы тоже не отличались единообразием. Вместе с названием такой выбор мебели в заведении казался остроумным, но я сомневался, что в таком виде и именно эти посетители оценят его по достоинству.

Вот, к примеру, около ближайшего окна сидела компания с хмурыми лицами, которые пристально следили за каждым моим движением. Им до одного места, какой тут интерьер! Их больше заботят бумажки и какой-то хлам, что они разложили меж тарелок.

Барная стойка издали показалась гигантским ящиком, за которым стоял худой и явно уставший мужчина. На шиноби не похож. Какой-то слишком нескладный, что ли? И неспортивный. И держится как-то не так... Не как ниндзя. Но лицо приятное, даже неуместное в этом месте. Этому человеку больше бы подошло место у витрины уютного ресторанчика при домашней гостинице.

Общее впечатление от заведения Ируки? Почему-то «Пеструю пиалу» хотелось назвать заведением в стиле монументального соцреализма. Гнетущее впечатление и от интерьера, и от посетителей.

— Ирука, — шёпотом окликнул меня мальчик. — Давай уйдём. — покосился на хмурого мужчину, который отошёл от стойки, оставив на ней маленький свёрток.

— Мы здесь по делу. Не бойся, — отозвался я.

Он насупился, но ничего не сказал.

Макуто осмотрел зал, перевёл взгляд на компанию у окна и шагнул к стойке, вставая так, чтобы заслонить Наруто от их взглядов.

Уставший бармен, не взглянув на нас, без интереса убрал узелок под стойку и принялся втирать в столешницу нечто, напоминающее крем. Получалось у него это так монотонно и безрадостно, как у каторжника со стажем махать киркой.

— Если хочешь, можешь постоять на улице, я скоро.

Наруто замотал головой и схватился за мою штанину. Макуто уже был у стойки, положив локти на столешницу.

— День добрый, — сказал он.

— Умино-сама! — ожил бармен, как тот Пиноккио, что превратился в мальчика. — Здравствуйте, вы бы предупредили старика Сору, что зайдёте. Эй, малец, детям тут не место! Кыш!

— Успокойтесь, Сора-сан. Наруто у вас sake заказывать не будет... так ведь?

Мужчина только вздохнул, когда Узумаки быстро помотал головой, а потом энергично закивал, видимо, сразу не сообразив, что я ему сказал.

Макуто отошёл в сторону, пропуская меня к стойке.

— Умино-сама, — отодвинувшись от стойки с толикой озабоченности, — деньги я перевёл, значит, что-то случилось? Вам что-то нужно?

— Нет, не случилось. Нужны планы здания с размерами. Чертежи. — перешёл я сразу к делу.

Вопрос «зачем?» мужчина так и не задал. Зато посмотрел на меня с такой надеждой, что мне даже стало как-то неудобно. Он метнулся куда-то и принёс пыльный тубус.

Просмотрев мельком планы, я спросил:

— Могу взять их до завтра?

— Конечно-конечно, — расплываясь в странноватой улыбке, сообщил Сора, — вернёте, когда вам будет удобно, Умино-сама!

— Спасибо, — смутившись, — Сора-сан. До свидания. Я бы хотел поговорить с вами, но пока не разберусь с бумагами, не знаю, что спросить.

— До скорой встречи, Умино-сама, — на выдохе сказал Сора, будто не мог решить, радоваться ему этой новости или грустить.

Макуто взял тубус, кивнул бармену и направился к выходу.

Дома я обнаружил, что «Пестрая пиала» имела просторную кухню, дверь в двухэтажную пристройку, где жил Сора с семьёй, и второй этаж, который не использовался. Так как крыша над «Пиалой» оказалась двускатной, лестница на второй этаж должна была бы быть в центре зала, но она находилась сбоку здания и выходила в закуток между домами. Мы там через мусорные баки перелезали, чтобы сократить путь.

«Странная планировка. Чёрный ход? Будем менять».

Вечером, отползая от чертежей, я понял, что нужно снова идти на полигон. Переписанные свитки Узумаки по фуиндзютсу закончились. К счастью, Наруто на сегодня хватило тех, что были. А ещё он наконец-то сделал пищевой свиток. Маленькое чудо. И свиток, и он.

А ещё это чудо в перьях не любило мыться. Наруто не любил лишний раз плескаться в ванной. Нет, не то чтобы он был идейным грязнулей и вообще не мылся. Просто он этим занимался тогда, когда ему или окружающим начинали мешать грязь или запах. Ну не видел он смысла в помывочных процедурах, если он и так чистый. Каждый вечер перед сном он пытался откосить от ванной.

— Я чистый! Правда, от меня даже не воняет!

«Нет, так не пойдёт». — решил я обманным путём приучить мелкого к чистоте.

— Ладно, — безразлично пожал плечами, — можешь не мыться.

Наруто расплылся в широкой победной ухмылке.

— ... Но тогда сказки на ночь сегодня не будет.

— А... — захлопал глазами Наруто, — э?! ... — сердито фыркнув, — Шантажист! — цапнул стопку чистых вещей, что принадлежали мелкому Ируке, полотенце и, громко топая, удалился.

Посмеявшись, я задумался о том, что старые вещи Ируки — это не выход. Половину из них Наруто уже успел порвать так, что после починки в них можно было только на субботник пойти или ещё чем-то таким же грязным заняться.

У самого Наруто гардероб оказался ещё скуднее. Вещей у него было мало, и он старался стирать их как можно реже, таская одно и то же как можно дольше. Понятно, что такой подход отражался на его внешнем виде не лучшим образом. Покупать новые он не мог, даже если и хотел. На пособие особенно не разгуляешься. А с учётом того, что для «демонова отродья» всё было намного дороже, я действительно не понимал, как у него скопился даже такой убогий гардероб.

Эту проблему надо решить скорее, пока Наруто есть что носить.

— Они вышли на дорогу и скоро достигли того перевала, где когда-то попали в лапы гоблинов, — рассказывал я «Хоббита». — На сей раз на перевал они взошли утром и, — заметив, что Наруто прикрыл глаза, я продолжил уже тише — оглянувшись, увидели землю, освещённую неярким утренним солнцем. Там, далеко на горизонте, еле виднелась Одинокая Гора. На её главной вершине поблескивал нерастаявший снег...

Закончив рассказ, я шёпотом позвал Наруто, а он поморщился и крепче сжал тряпичного дельфина.

Теперь я сам мог идти спать.

«Надеюсь, что завтра Какаши не наберёт нам миссий до вечера, как сегодня». — подумал, проваливаясь в дрему.

День следующего утра не радовал. Я стоял в поле, щекотал длинной веточкой круглый бок пятнистого бычка и ясно осознавал древнюю мудрость: надежда — мать дураков.

Хатаке потащил нас на миссию — пасти-перегнать стадо быков местных фермеров.

Дело в том, что в обращении с быками нужна определённая сноровка, и случайного сезонного рабочего хозяевам стада нанимать не хочется, потому что мало ли чего случится. А вот генинов наняли — потому что они точно справятся.

Задание затянулось на весь день. Какаши опять ничего не сказал про еду, потому поесть было только у нас с Наруто. Да и то брали мы лёгкий перекус, чтобы свиток-поделку Узумаки проверить. Могли ведь остаться даже без этих крох, если бы мелкий где-то напортачил. Конечно, на двоих маловато, ну хоть что-то есть!

Макуто на миссию не пошёл — он остался в Ичираку, потому что Тэучи заболел, и нужно было помогать Аямэ с ранней сменой. Но перед уходом он сунул Наруто свёрток с двумя онигири. Наруто спрятал их в карман и уверил, что поделится с Сакурой.

Когда Какаши скомандовал, что у нас есть немного времени на отдых, пока стадо не отдадут обратно, у Наруто уже вовсю урчало в животе. Он чуть ли не подпрыгивал, распечатывая на походные деревянные тарелки жареное мясо, хлеб, томаты и огурцы.

Я свою порцию уже начал есть, а вот Наруто замер с бутербродом у рта, но потом убрал его в салфетку и побежал делиться с Сакурой.

Я едва удержался от того, чтобы не закрыть лицо обеими руками.

«Вот почему так? Косячат другие, а стыдно тебе!»

— Наруто-дурак, я худею! — взвизгнула Харуно, от души треснув ухажёра по голове. Кулаком и не жалея сил, будто мстила за пожеванные коровами платье и волосы. Я прекрасно понимал, что это неприятно и даже может разозлить, но на других зачем срывать своё недовольство? Особенно если они не виноваты.

Наруто снова попытался предложить еду, будто не замечая, что Харуно уже красная от злости и раздражения. Снова получил, но не по голове, а по рукам, так что уронил бутерброд в свежую коровью «мину».

Я скривился от такого зрелища... И ведь она Наруто ударила без единой мысли о том, что испоганит еду и оставит Наруто голодным. Почему нельзя было вежливо отказать, если не хочешь?

— Сакура в своём репертуаре, — вздохнул я и покачал головой.

А Наруто, впервые на моей памяти, посмотрел на розоволосую с чем-то, похожим на осуждение.

— Сакура-чан, ну зачем ты так...

Та сжала губы и, треснув его ещё раз, процедила:

— Сам виноват!

Я бы эту дуру обругал, но Какаши стоял рядом и сверлил меня взглядом своего родного серого глаза. Хорошо хоть, что не шарингана. Видимо, не понравилось, что я тут смею выражать неодобрение. Пусть и невербально.

А Наруто уже пришёл ко мне. Глаза у него были настолько жалобные и виноватые, что я его даже не отругал. Просто молча протянул второй кусок своего бутерброда, отрезав себе пожеванную часть.

— Нет, Ирука-сенс... Ирука, это ваше, я сам свою еду потерял. Шиноби должен быть осторожен...

Прервал я его излияния просто: покачал головой и ещё раз настойчиво протянул еду.

— Спасибо, Ирука, — сдался Узумаки.

— Не за что. Ешь, — с трудом отпихнул бычка-каннибала, примерявшегося к бутерброду, пока Наруто размышлял. — Не то коровы отберут.

Молодые бычки ластились ко всем, как кошки, а если учесть, что они были на удивление чистые, то погладить их было не противно. Вот и Саске тоже украдкой почесал телёнка за ухом. После фермы с нами остались только совсем мелкие бычки, взрослых оставили.

Даже как-то совестно стало есть бутерброд с говядиной.

— Дурак! — вдруг выкрикнула Харуно.

Не успел я додумать: «Кому это она, ведь Наруто сидит тут», как услышал утробное мычание.

Оказалось, что девчонка попутала бычка-подростка с Узумаки и двинула ему в нос. Бычку это не понравилось. И в отличие от блондина, безответным копытный не был. Так бы и гонял пятнистый идиотку, но вмешался Наруто и испортил всё удовольствие от просмотра! Эээ... то есть спас Сакуру! Конечно, где-то на задворках теплилась мысль, что девочка скажет «Спасибо» и поцелует спасителя в щёчку... Но я, видимо, слишком много перечитал в детстве сказок про рыцарей, драконов и принцесс. Узумаки получил очередную затрещину. Взмыленная Сакура даже не стала объяснять, в чём он на этот раз был «виноват».

Вернулись домой голодные, усталые, злые... Особенно Сакура, потому что бычки неоднократно покушались то на её волосы, то на платье. Наруто тоже был расстроен, ведь своё раздражение Харуно вымещала на нём.

И слава всем богам, что завтра выходной! Уж его-то ничего не должно испортить! Никаких бычков, никаких злых, алчущих крови, розовых девочек.

Глава 14. Кто ходит в гости по утрам?

А я ведь вроде был уверен, что выходной ничего не испортит... Не успев проснуться, я почувствовал запах гари. Первая мысль была — пожар. Но добежав до кухни, я лишь со вздохом сполз на пол по косяку двери.

— Наруто, открой окно. Тут дышать нечем.

Мальчик вздрогнул и метнулся открывать. Макуто, который сидел за столом с кружкой чая, уже открыл своё, второе, окно. Он поднялся, взял со стола пустую тарелку и начал ею веером разгонять дым в сторону кухонной вытяжки.

Стараясь дышать неглубоко, я подошёл к сковородке и заглянул. Там, залитые маслом, лежали какие-то непонятные куски чёрного цвета.

— Ирука, прости, — виновато прошептал блондин.

— Прощаю, — зевнул, прикрыв пальцами рот. — Что это было-то?

— Курица.

Поняв, что не могу вспомнить, покупал ли куриный трупик, помотал головой, чтобы проснуться.

— Какая курица? — спросил, закрывая правый глаз от солнечного света, — я же вроде не покупал...

— Я сам купил, — смущённо почесав щеку, сказал блондин.

Макуто отставил чашку и спокойно заметил:

— На рынке сегодня утром был. Цены высокие.

— Дёшево не продают, — вздохнул я. — Ладно, что сделано, то сделано.

Вздохнув, опустил руку на голову повара.

— Ну и зачем?

Он поднял на меня глаза. Но ничего не сказал.

— В холодильнике ещё много продуктов, — сообщил я мальчику, намекая, что не нужно было тратиться. Узумаки осторожно помотал головой, ведь руку я так и не убрал.

— Ты всё уже съел? — пошутил я. Съесть всё, даже для Наруто, было бы непросто. Он надулся и выскользнул из-под ладони.

— Зачем ты... — попытался понять причину его поступков.

— Я хочу быть полезным! — оборвал меня Узумаки, нахмурившись и выпятив нижнюю губу.

— Ты считаешь, что спасение жизни — это недостаточно полезно? — распахнул я глаза. Наруто растерялся. А я, не дав ему собраться с мыслями, произнёс: — Ты ведь мог, как все остальные мои ученики, забыть про меня, получив повязку генина.

— Нет, — выдохнул шокированный Наруто, — я никогда!..

— Стал бы кто-то из них потом мне помогать? Тот же Саске помог бы мне найти мою квартиру? А Сакура стала бы каждый день терпеливо объяснять такие вещи, которые знает даже ребенок обычного торговца? Стал бы кто-то ещё, кроме тебя, возиться с калекой?

— Ты не калека! — сказал он, упрямо сжав кулаки, а у самого глаза на мокром месте.

Макуто тихо пододвинул Наруто чистую салфетку и молча вернулся на своё место. Он не вмешивался в разговор, но я заметил, как он смотрит на мальчика — с вниманием, без лишней жалости.

— Ну, — вытер с его щеки скатившуюся слезу, — не плачь. Пожалуйста.

— Скорчил обиженную рожицу. — Не то я тоже заплачу. Мальчик обалдело смерил меня взглядом, хрюкнул и закрыл руками рот. Но не рассмеялся. — Не веришь?! Я могу! — плюхнулся на пол и завыл, как это делают совсем маленькие дети. Когда я убрал руки от лица, Наруто уже не смеялся. Он ржал, хватаясь за живот, и все никак не мог успокоиться. У

мальчика оказался такой заразительный смех, что вскоре я сам хохотал до слёз.

Макуто тоже улыбнулся — едва заметно, уголками губ, но я это видел.

Немного успокоившись, я попросил показать, что он ещё купил. Это были два объёмных пакета всевозможных продуктов. А если учесть, что еду мальчику продавали по завышенным ценам, то эти два пакета наверняка стоили, как четыре.

— В следующий раз предупреждай, если вдруг решишь купить еды.

— Ага, — тихо сказал Наруто, расстроенно глядя на кульки.

— Да не сержусь я, — приобнял за плечо, — удивился, да. Но не сержусь.

Вспомнив, что я до сих пор в пижаме, а на голове черт-те что, сказал:

— Пойду я переоденусь, — показал пальцем на волосы, — или хотя бы причешу этот взрыв на макаронной фабрике. Наруто снова сложило пополам. — Можешь мусор выкинуть, пока я готовить буду? — спросил отсмеявшись.

— Хай, — простонал Узумаки, уползая с кухни под собственный хохот.

Макуто остался на кухне. Он молча вымыл посуду — свою кружку, тарелку, ложку. Потом налил себе ещё чая и уселся ждать, пока Наруто вернётся.

Избавившись от жертвы кремации, я по-быстрому наделал сырников. А вернувшийся Наруто рассказал, что встретил Конохамару и его друзей.

— Они очень хотят поиграть в ниндзя, можно я пойду поиграю с ними? — и мордашку жалостливую скорчил, — я не долго! Правда!

— А я разве запрещаю? — удивился, — иди. Я не против.

— Можно, я с ними? — спросил Макуто. — У меня всё равно сегодня смена только к вечеру.

— Конечно, — ответил я. — Смотри, чтобы без глупостей.

Макуто кивнул, надел свою зелёную куртку и вышел вместе с Наруто.

После того как они убежали, я решил покопаться в кулинарной книге. Но вскоре понял, что проще записать на пустых страницах знакомые мне блюда, чем мордоваться со всякими суши, онигири и прочей ерундой. То в листик заверни, то в рисе обваляй. Конечно, если времени не жаль, можно фигнёй пострадать.

За записью рецептов меня застал звонок в дверь. Чертыхнувшись, я заложил ручку за ухо и пошёл открывать дверь. — Иду!

В глазок я посмотреть даже не подумал, потому личность гостя для меня была неожиданностью. И я бы не сказал, что приятной неожиданностью.

На пороге стоял высокий, крепкий мужчина в возрасте, с тростью в руке. Тёмное одеяние, чёрные волосы и чёрный прищуренный глаз. Лицо гостя, застывшее словно маска, избороздили глубокие морщины, а подбородок украшал приметный шрам, похожий на букву «Х».

Я нервно сглотнул.

— Эээ... Данзо-сама? — словно по чужой указке я отошёл в сторону, освобождая проход, поклоном приветствуя гостя.

— Доброго дня, Ирука-кун, — негромким, скрипучим голосом сказал лидер Корня и прошёл мимо меня в прихожую. Оставил сандалии и уверенно направился в гостиную.

Макуто в этот момент стоял на лестнице, ведущей на второй этаж, — он вернулся, забыл свои перчатки. Увидев Данзо, он не дрогнул, не побледнел, не попытался спрятаться. Он просто остановился, прислонился к перилам и опустил глаза в пол. Данзо скользнул по нему взглядом — быстрым, оценивающим, — и ничего не сказал. Прошёл мимо, как мимо пустого места. Макуто проводил его взглядом, потом перевёл глаза на меня. Я чуть покачал головой — мол, уходи. Он кивнул, бесшумно свернул в коридор и исчез в комнате Наруто.

— Доброго... дня, — повторил я, нервно сглотнув. Закрыл дверь и чуть ли не бегом метнулся следом.

Сидя в кресле, Данзо положил трость на кофейный столик. Заметив это, я непроизвольно скривился. Хорошо, что он не видел. На этом столике лежала папка, а в папке — пара последних черновиков моего письма Третьему про действия Какаши. Блин, ведь думал, что надо было убрать её куда подальше...

— Присаживайся, — проскрипел Данзо, — гость здесь я.

А в голосе нет даже намёка на эмоции. И это было реально страшно. На ватных ногах я подошёл к дивану и уселся на край, немного сгорбившись.

Было такое чувство, что я облажался и меня будут отчитывать. Но что я сделал не так?

Вдруг Шимура Данзо с молниеносной скоростью сложил одной рукой несколько знаков:

— Тайное искусство: покров Тайны.

Лёгкое колебание воздуха, он как будто стал менее подвижным... И никаких других видимых эффектов техники.

— Я слышал, что ты потерял память, Ирука-кун, — говорит старик, словно ничего не случилось.

Заторможенно киваю.

— Да, Данзо-сама, так и есть.

— Жаль, когда шиноби лишается ценнейшего опыта, — эта формулировка меня зацепила, точно так же говорил Третий. Этот инвалид-симулянт всё слышал? Или узнал из других источников? — И совсем плохо, — продолжил он, — когда некому ему помочь восстановить свои навыки, не так ли, Ирука-кун? — и сверлит меня глазом Леший.

Энергично киваю головой.

— Именно так, Данзо-сама.

Взгляд у старика был тяжёлый, так что хотелось опустить глаза, и цепкий, как острые когти. Но на ум почему-то шло и ещё: «Мертвый...»

— К счастью, — не меняя выражения лица, всё так же равнодушно сказал Данзо, — Корень великого дерева, что есть Коноха, заботится о тех, кто заботится о его интересах. «И понимай как хочешь, о ком нужно заботиться — то ли о великом дереве, то ли о Корне...» — Тем более, что, как я вижу, ты наконец-то взялся за ум.

Непонимающе смотрю на конохского Лешего.

— Джинчурики, — всё тем же ровным голосом пояснил Данзо. — Мы направили тебя в Академию, чтобы ты исправил несправедливость Сарутоби...

Глава Корня на секунду задумался.

— Твоей задачей было сделать так, чтобы не только листва дерева, но и корни древа имели доступ к Оружию. И могли защититься. Хирузен не позволил кланам усыновлять или принимать в клан джинчурики, но и нам закрыл к нему доступ. Ты должен был стать наставником и другом юного Узумаки Наруто. Рассказать ему не только о Воле Огня, но и о важности корня великого Древа Конохи. Ты должен был стать другом для джинчурики, его советником, должен был завоевать его уважение, доверие, должен был стать якорем, что будет держать его в Конохе.

Я невольно втянул голову в плечи. Аура власти у Данзо была куда сильнее, чем у Третьего. Данзо — настоящий вожак. Я чувствовал, что Ирука не только, как и я, боится этого человека, но и уважает его. «Не знай я, что будет дальше, — заметил я, — то всерьёз бы думал, что главарь Корешков — лучшая кандидатура из имеющихся на пост каге!»

Сосед был в ужасе, а меня немного отпустило.

— Поводком, — продолжал старик, — что поможет направить его в нужном направлении... Ты должен был стать для него даже важнее и ближе, — сжав подлокотник здоровой рукой, старик продолжил чуть холоднее, — чем Третий. Тогда я верно предугадал его реакцию. Он согласился с тем, что нужно присматривать за джинчурики, и сам отдал тебе приказ установить с ним дружественные отношения. Если ты не понял, это была его попытка завербовать тебя.

Это он сейчас пошутил? Или «Дельфин» и впрямь не блистал умом, и ему всё надо было разъяснять и на пальцах показывать?

— Ещё один верный человек в АНБУ и Большом совете для него был бы совсем не лишним... — Данзо хрипло вздохнул, переводя дыхание. — Что делал ты?

Мне отчаянно захотелось провалиться сквозь землю. В наступившей тишине голос главы Корня прозвучал, как удар в гонг, у самого уха. Хотя он был всё так же спокоен, как и раньше.

— Вместо этого ты решил, что детская месть для тебя важнее перспектив. Важнее карьеры. Мне было тяжело видеть, как внук и сын моих хороших знакомых и соратников рушит себе жизнь и будущее.

А в голосе у одноглазого такая бездонная прорва сочувствия и теплоты, что не хватит обогреть и осиротевшую бактерию!

— Думаешь, — подался вперёд Леший, — никто не знал о твоём отношении к джинчурики? Что, никто ничего не замечал? По твоей вине джинчурики почти перестал посещать академию. Шатался по Деревне... Болтался неизвестно с кем и неизвестно где. Бесхозное оружие Конохи. Ты думаешь, Третий был рад каждый раз отсылать АНБУ на его поиски? На то, чтобы они следили за ним?

«Будто Данзо какое-то дело есть, что там Третий... стоп-стоп-стоп! Да он же Данзо выговоры за Ируку небось делал! — я склонил голову и зажмурился, — ну ты и мудак, Ирука... — с трудом удержался, чтобы не закрыть лицо двумя руками, — подгадил так подгадил...»

Шимура, переводя дыхание, сипло вздохнул.

— Мы уже думали убрать тебя из Академии...

Я поднял глаза на Данзо, но лучше бы этого не делал.

— Но тут ты додумался угостить мальчишку ramenом, — старик хмыкнул, а я забыл, как дышать. — Дешёвая лапша тогда спасла твою карьеру куратора джинчурики.

Жесть.

— Я тогда подумал, что ты наконец-то взялся за ум и больше не наделаешь ошибок. Но ты снова подвёл старика...

Голос практически не изменился, но так и хотелось виновато склонить голову, хотя я и не понимал, что именно Ирука сделал не так. В смысле куда уже хуже-то? И так отжѐг не по-детски, удивительно, что жив ещё!

— Какого биджу ты провалил экзамен джинчурики?

Дико вытаращив глаза, я уронил челюсть, а старик, будто не заметил:

— Решил отомстить ему напоследок, Ирука-кун? О чём и чем ты думал?

«Чем думал... — ошалело пялился в пол, — Чем думал? ... ЧЕМ, БЛЯДЬ, ДУМАЛ?! ДА ЧЕМ УГОДНО! ТОЛЬКО, СУКА, НЕ МОЗГОМ!!!»

— Тебе сказали: любым способом сделай его генином, — я осторожно и медленно поднял глаза, — а не завали его под любым поводом. — Данзо снова задумался. — Конечно, мы знали, что всякое может случиться...

«О, да... всякое! ... Ирука, ты больной... ты знал это? ТЫ, СУКА ЗЛОЕБУЧАЯ, ЕБНУТЫЙ НА ВСЮ, МАТЬ ТВОЮ, ГОЛОВУ СУИЦИДНИК!!!»

— На место куратора джинчурики были и другие кандидаты... — я наострил уши, — ставить на твоё место Мизуки я не хотел... И не зря.

Откинувшись на спинку, Данзо бросил взгляд в окно, только получилось у него как-то не натурально всё.

— Я учил тебя в юности, — вдруг сказал он, — сам принимал участие в твоих тренировках. Я говорил: Коноха — превыше всего. Но ты не оставил мне выбора, совершив эту оплошность.

Внутри будто разбили колбу с жидким азотом. Но тут Шимура нарушил молчание и заговорил вновь:

— Я напомню, если этого ты не вспомнил или предатель тебе этим не похвастался: был запасной план. Мизуки должен был послать джинчурики забрать специально приготовленный свиток, ждавший мальчишку в приёмной Хокаге... Свиток с техникой Порыв ветра. Контроль чакры —

минимальный, его элемент, безопасно в использовании... Мизуки получил расписание патрулей и передал джинчурики. Мы предупредили АНБУ, что джинчурики должен взять свиток и беспрепятственно уйти с ним. Но Мизуки предал нас. А ты не уследил за ним и за джинчурики. Ирука-кун, ты сам характеризовал его как верного идеалам Конохи.

Я икнул и непроизвольно помотал головой. «Мизуки — верный идеалам Конохи? Дядя Данзо, вы прикалываетесь?! Я от ваших откровений скоро ласты заверну. Хотя, кажется, что завешание мне уже не нужно. Ну, не прямо сейчас... Но оформить его следует в ближайшее время!»

Виски и лоб сдавило, в глазах на миг потемнело. Я вспомнил ещё один сон. Как и прежде я видел всё со стороны. Вот побитой собакой Ирука отлетает от удара Мизуки. Но сил встать у него больше нет. Раны не опасны, видно, что крови он потерял немного, но этого хватило. Ирука поднимает взгляд к небу, чувствуя, что это конец. Над ним — звёздное небо. А неподалёку стоит Мизуки, на его лице играет злобная усмешка.

— ... Ирука-кун, Ирука-кун, — качает тот головой, а голос обманчиво сочувствующий. — Я ведь предлагал тебе взять Запретный свиток Хокаге и примкнуть к Орочимару-саме... Зря ты отказался. Думаешь, что ты такой преданный, правильный, не нарушишь приказов, сохранишь верность?

А Ируке сказать нечего, он уже сдался.

— Ты дурак, Ирука, — полным презрения голосом сказал беловолосый. — Никому ты не нужен. Ни Третьему, ни даже своему хозяину — Данзо! Ты, наверное, не знаешь, но мне дали приказ — в случае, если демон не станет генином, дать ему задание — украсть свиток из приёмной Хокаге. Я вместо тебя должен был стать его куратором, именно я должен был получить повышение. Но зачем мне эти крохи со стола старых ублюдков, если я могу получить намного больше? Я... Несколько изменил их задание. — Ухмыльнулся Мизуки, — Четвёртый ведь должен был вписать своего выродка в систему защиты? А если и не он, то ведь это должен был сделать Третий, игравший в доброго дедушку для этой твари?

Умино медленно переводит пустой взгляд в сторону деревни.

— Думаешь, кто-то тебя спасёт? — издевался предатель, — нет. —
Рассмеялся, — спасибо за свиток с печатью Покрова Тайны! Это очень щедрый подарок! Благодаря ему старая обезьяна ничего не увидит! Я инсценирую твою смерть от рук демона, убью его, а сам просто уйду к новому господину, что даст мне больше, чем я могу вообразить. А эти дзюцу из свитка Первого помогут мне стать непобедимым! А может, не убивать демонёнка? Пусть отомстит, уничтожив Коноху! А? Ирука-кун?

И тут Ирука понял, что воздействие техники Покрова Тайны почти закончилось. Его лицо озарила мстительная и торжествующая усмешка, которую он едва сдержал. Но уголки губ предательски поползли вверх. Он умрёт, но отомстит предавшему его другу...

Данзо мои «кровавые сопли» и зависание никак не прокомментировал. Удостоверился, что я слышу, и продолжил:

— От Мизуки требовалось направить мальчишку в приёмную Хокаге. Но никто и подумать не мог, что твой бывший приятель укажет на жилые покои каге. А джинчурики туда беспрепятственно зашёл, взял свиток Хокаге и с ним ушёл. Эти идиоты, АНБУ Хирузена, на выходе дословно выполнили приказ. Дали джинчурики взять свиток, половина дзюцу из которого может его убить при попытке применения, и позволили ему уйти с ним.

Эпический звездац... — мысленно прокомментировал я.

— И если бы не ты, — услышал я голос Данзо, — то Деревня, вполне возможно, потеряла бы и биджу, и свиток Первого. Тогда ты реабилитировал себя, доказав, что всё-таки можешь быть полезным. — Мхатовская пауза, — Но потерял память, не узнал даже Морио-куна. С которым ты долго работал. И я снова подумал, что ты будешь бесполезен.

Не успел я снова испугаться, как услышал следующее:

— Но ты меня удивил... Приручил джинчурики буквально за несколько дней.

Было такое чувство, что многоглаз сказал «ведь можешь, когда хочешь!»

— Я хотел бы возложить на тебя определённые надежды... Но можешь ли ты гарантировать мне, что снова не сделаешь какую-нибудь глупость? Ирука-кун? — и этак оценивающе глянул на меня. Как мясник на барана.

Я отчаянно закивал.

— Ну вот и славно, — губы чудовища напротив разъехались в чём-то, что, наверное, должно было изображать улыбку... Оно лыбится... Боги, страх-то какой! — Тогда помни, что я тебе сегодня сказал, Ирука-кун. И не облажайся снова. Я не потерплю больше ошибок.

Я снова изобразил болванчика.

— Ну вот и славно, иди и принеси мне чаю, — с этими словами он сгрёб мою переписку с Третьим, которую я оставил на столе. — А я пока почитаю.

На негнущихся ногах я пулей вылетел на кухню. Вымыл нос, кое-как вытер и снова помыл руки. «Чая? — рыскал я по кухне, — где я тебе его достану?! — Метнулся к столу, — проклятье! Остатки заварки я уже вылил!»

Но всё же я нашёл замену.

— Простите, — протянул с поклоном кружку с морсом, — Данзо-сама, у меня нет чая.

Он задумчиво посмотрел на меня, но кружку взял. Леший отхлебнул глоток, еле заметно поморщившись.

— Как плохо, что ты потерял память... Я ведь говорил, что не люблю такие напитки. — Хлебнул ещё, — Впрочем, неплохо.

Пролистав папку и бросив последний взгляд на лист, Данзо забрал трость и прокрипел:

— Ну что же, раз ты осознал свои ошибки и не собираешься допускать их впредь, я найду время и выделю тебе хорошего инструктора тайдзюцу. Возможно, даже, что одного из тех, кто учил тебя в юности, Ирука-кун.

Я быстро-быстро закивал.

— Третий снова попытается перекупить твою лояльность. — Отставил кружку старик и встал с кресла, — ты должен понимать, что Сарутоби щедр на обещания, но не спешит их выполнять. А Корень... Выполняет все свои обещания. В полной мере.

От этих вроде бы безобидных слов повеяло такой угрозой, что я нервно икнул и снова закивал. Даже чужие эмоции, которые я постоянно ощущал где-то на периферии сознания, стали меньше ощущаться. Ирука словно забился поглубже. Хотя сейчас я вряд ли смог бы отличить свой страх от его.

— Помни, что твоя лояльность принадлежит Конохокагуре, Корню и Сарутоби. Чуть не забыл... — я обратился в слух, — нам будут очень полезны еженедельные доклады о поведении Хатаке Какаши и Учихи Саске. Доклады будешь передавать через Морио-куна. Кстати, почитай наконец то, что он тебе передал.

Данзо повернулся ко мне спиной и пошёл к входной двери, оставив на столе какой-то свиток и распечатанный конверт.

— Простите, — окликнул тихо, — Данзо-сама, но что значит «то, что он пере...» — тут я вспомнил, — книга!

Старик ничего не сказал, но, может мне показалось, едва заметно покачал головой, когда обувался.

— Выздоровливай, Ирука-кун.

Распрощавшись с дядей-многоглазом, я ещё долго сидел у закрытой двери с дико выпученными глазами. Переводя дух. А потом понёсся искать книжку, которую мне дал Маугли. Нашёл. Открыл первую страницу, а вместо писанины Джирайи — «Чакра Воздуха: Практика и теория применения», под авторством Шимуря Данзо! А внутри на обложке дарственная, гласящая: «Моему ученику, возвращающему Волю Огня и не забывающему о важности корней».

Стоял я и хлопал глазами, уставившись на книжку, как баран на новые ворота. К книжке о чакре Воздуха прилепили обложку от книг Джирайи. Просто и гениально! А подпись — намёк настолько жирный, что не заметить его невозможно! Значит, Ирука был одним из учеников Данзо?

Понятно. То, что он взращивал Волю Огня — тоже понятно. «Дельфин» учителем был в Академии Шиноби и наверняка не раз, и не два трындел о долге перед деревней. О Воле Огня и тому подобной муре. Не забывать про корни? Да вот фиг тут о них забудешь... И амнезия не поможет. Сами о себе напомнят. Долбанные сорняки! И гербицидов с дефолиантами на вас нет!

В книжке так же оказалась печать, а в ней свиток с техникой Порыва ветра. Тоже намёк более чем понятный. Дескать, будешь учить джинчурики, а мы подсказем чему. Или намёк на то, что мы снова в тебя верим.

— Ага, до следующего провала, — простонал, закрыв лицо руками. — Пятая точка. Большая такая... — хмыкнул поднявшись, — ладно, хватит ныть, пора готовить.

Через некоторое время, жуя пирожок с вишнями, я повесил мокрый чехол от кресла, на котором гнезился Данзо, на дверь. А потом ещё намывал столик в гостиной и думал: когда я успел стать таким брезгливым? Вот помню, как-то тётя передала кастрюлю котлет, когда я готовить толком ещё не умел. А потом я так «красиво» навернулся через тапки и рассыпал их по полу. Долго думал, но потом собрал, помыл под краном, в микроволновке просушил и нормально. И ничего. А тут на стол палку положили, весь извёлся, пока не помыл!.. Сосед, опять ты? Что дальше? Ежедневные генеральные уборки? Дезинфекция каждые три часа? Впрочем, маниакальная чистоплотность — это последнее, что меня сейчас должно беспокоить.

Почему припёрлась старая мумия? Потому, что агент потерял память и не идёт на сотрудничество со своим связным — Морио-саном. И даже беспамятный такой, намёков в упор не видит. Вот приходит самолично Данзо, защищается своей техникой от прослушки глазом Саур... в смысле, шаром Третьего. Если и было за мной наблюдение АНБУ, что неизвестно, то это наблюдение Данзо мог и отослать. Сколько там у него своих людей осталось — неизвестно. Тот же Ирука был АНБУ и после ухода многоглаза с должности АНБУ-коммандера. Шимура мог лгать и мог не лгать о том, что он был хорошим знакомым родителей Ируки. Скорее всего, не врал. Вполне логично, что руководитель внешней разведки, то

есть Корня, поддерживал хорошие отношения с пограничниками. Это если предположить, что Корень — это внешняя разведка, а такая идея вполне логична. Но есть ли у главы Корня личные симпатии и способны ли они хоть на что-то влиять — большой вопрос.

Почему Ируку не убрали после того, как Наруто «почти перестал посещать академию»? А может, не знали? Да нет, глупость какая! Наруто не особо-то и прятался. Взять хотя бы выходку с разрисованной горой не-Рашмор. Это теперь, постфактум, Данзо может вещать что угодно, когда у них есть всё им рассказавший Мизуки и полная картина происходившего. А тогда, несколько лет назад, они могли думать совсем иначе. Это ведь Ирука составлял доклады, а Наруто считали дураком, оболтусом и лентяем.

То, что Шимура пришёл вычитывать Ируку именно сейчас — понятно. Боссы обгадились, не предусмотрев того, что Мизуки может сыграть свою игру. Ируке повезло и, можно сказать, что он спас ситуацию в последний момент. Но начальству, естественно, брать на себя вину неинтересно. И оно привычно её свалило на подчинённого, пусть даже он и спас положение. Дескать, положение не пришлось бы спасать, если бы не твои провалы! За джинчурики ты сам не уследил, и Мизуки ты тоже неправильно характеризовал. Как будто последнего они сами не должны были проверить десять раз. В общем, успех начальство приписало себе, а Ируке — в качестве награды бросили подачку, хоть и ценную — книгу по теории воздуха за авторством одного из лучших мастеров воздуха.

Интерес старой мумии к Какаши и Саске тоже вполне понятен и объясним. Почему бы не понабрать компромата на человека, что в будущем может пригодиться или стать опасным?

Но самое главное — немного прояснилась ситуация с Наруто. Да, Третий прямо намекал, что будет замечательно, если Наруто будет рядом со мной, но Данзо всё расставил на свои места. Сарутоби запретил кланам усыновлять или принимать в клан джинчурики. Не знаю, как ему это удалось, но как-то он это сделал. Теперь джинчурики «общий», то есть — ничей. И всем, похоже, наплевать, что это одинокий, несчастный ребенок и к тому же — сын Четвёртого Хокаге. Получалось, что усыновить Наруто

было запрещено, а вот учить — нет. Только вот в чём загвоздка, раз его усыновить нельзя, то зачем с ним возиться?

То, что никто не попытался поддерживать Наруто, просто с прицелом на перспективу, вовсе не говорит о недалёковидности кланов. Тут дело было скорее в другом. Законы и традиции, чтоб их... Не мог себе позволить гордый клан возиться с чужим ребёнком, заботиться о нём, учить своим техникам и при этом — не иметь возможности потребовать что-либо со своего воспитанника. Такая ситуация была недопустима, когда у сироты со стороны были бы все права и привилегии клана, но не было никаких обязательств по отношению к нему. Да, можно было бы заботиться о нём с прицелом на то, что пройдут годы и его поженят на ком-то в клане... Да вот только никто не хотел в такую авантюру инвестировать время, деньги, силы и влияние клана. Наруто ведь никак не зависел бы от благодетелей. Ты его тренировал, учил, а кто-то другой под джинчурики свою кровиночку подложит — и коту под хвост все твои труды. А то ещё и твои дзюцу, поколениями собираемые, на сторону уйдут. Да и свою девушку из клана жаль. Наруто ведь — последний Узумаки. А значит, попадает под законы, направленные на сохранение кланов. Ну кому хочется видеть свою родственницу, пусть и дальнюю, постоянно беременной свиноматкой? Или видеть её же, но всего лишь одной из нескольких жён? Никому такие перспективы заманчивыми не показались.

Видимо, видя, что кланы не стремятся нянчиться с дитем, старый обезьян решил, что влиять на последнего Узумаки будет только он. Даже Данзо бортанул. Не по-товарищески... Решил глава Корня и начал свою игру. Возможно, что между старыми приятелями чёрная кошка пробежала после резни Учих. Почему именно так произошло и что стало тому причиной — мне пока неизвестно и по канону ничего путного на эту тему я не припомню. Хотя... А не тогда ли Данзо сняли с должности командующего АНБУ? Не помню... Какой-то момент АНБУ Корня точно ушли в глубокое подполье, в этом нет сомнений.

Но зато в сегодняшнем визите многоглаза есть позитивный момент: мне дано высочайшее соизволение и благословение аж двух больших боссов быть кем-то вроде опекуна Наруто! Причём «одобрям-с» больших дядь было настолько весомым, что я действительно не понимаю, как канонный Ирука проигнорировал их пожелания. Вроде у этого «Дельфина» особой

храбрости не наблюдается. А, ну ещё в плюсы можно записать то, что Данзо сам заверил потерю у меня навыков, высочайше заверил, что Ирука — это Ирука, а не самозванец, и обещал выделить тренера по тайдзюцу.

— Я вернулся! — крикнул Узумаки, влетая в квартиру. Весь счастливый и довольный. Он улыбался так заразительно, что меня отпустило и губы сами собой растянулись в ответной улыбке. Я позабыл о госте.

За пирожками с морсом Наруто поделился тем, как замечательно он провёл время. Макуто зашёл следом, молча снял куртку и повесил её на крючок. Его лицо было спокойным — ни следа той напряжённой сцены у лестницы.

— Вы без меня в кино ходили? — спросил он, но спросил так, будто уже знал ответ.

— Нет, у нас были гости, — уклончиво ответил я.

Макуто кивнул и больше вопросов не задавал. Он взял со стола пирожок, откусил и стал жевать медленно, глядя в окно. Я видел, что он понимает: разговор был не для его ушей. Но он не обижался и не надувал губы. Просто ждал, когда можно будет говорить о чём-то другом.

Наруто, который не заметил смены настроения, весело рассказывал про Конохамару. И тут меня как обухом по голове! Он рассказал, что обучил Конохамару, Моеги и Удона, как делать Хенге!

— Так, значит, ты обучил их Хенге? — упавшим голосом спросил я.

Наруто посмотрел настороженно:

— Ну, да. Ты же говорил, что я должен сначала научиться, а потом учить других. Я вчера вечером почитал в свитке академических дзюцу, как делать хенге. И у них всё получилось! И Конохамару тоже стал делать Хенге правильно! Я их правильно научил... — тут он замялся и снова начал накручивать на палец футболку. — Только мне всё равно проще делать хенге как раньше, по-старому...

— Так, Наруто, давай ешь, о дзюцу мы поговорим потом, на полигоне.

Макуто доел пирожок, вытер руки салфеткой и спросил:

— Я с вами? Или в Ичираку?

— Иди с нами, — ответил я. — На полигоне всё равно лишний помощник не помешает.

Он кивнул и стал зашнуровывать ботинки.

До полигона мы добрались довольно быстро. Снова бежали наперегонки. Мне не трудно, а Наруто — радость. На полигон я пришёл не с пустыми руками. Десерт, книга «Кланы Конохи», свитки клана Умино о фуиндзюцу, базовые упражнения на контроль воздуха, свиток, что принёс Данзо.

Макуто отделился от нас, отошёл к стене и начал свою тренировку. Он достал свой танто и принялся отрабатывать удары, время от времени поглядывая в нашу сторону. Он не мешал, не перебивал, но я знал, что если мы позовём, он подойдёт.

Перво-наперво я напряг Наруто сделать пять клонов. Одному дал упражнения на контроль чакры ветра, четверых усадил ковыряться с переписыванием свитков Узумаки из снова откопанного чехла. Потом присел на траву, похлопал рядом с собой. Наруто сел там, где стоял, и внимательно уставился на меня.

— Ты сказал, — всё же я немного паниковал, задавая вопросы, и не знал, куда деть руки, потому сел на них, — что учил Хенге Конохамару, Моеги и Удона. Так?

Мальчик недоуменно глянул и кивнул.

— Надеюсь, ты ничему больше их не учил? Про найденные здесь свитки не рассказывал?

— Конечно нет, Ирука! Я обещал, даттебайо! — обиженно надулся, сложив руки на груди.

Шумно выдохнув, я свалился на траву и, улыбаясь, сказал:

— У меня нет сомнений в том, что ты держишь свои обещания. Я просто напоминаю, что ты никому не должен говорить о том, что мы здесь нашли, и что мы здесь изучаем. Все мы люди, ты мог позабыть... — повернулся

на бок и подставил под голову руку, — теперь второй вопрос. Если ребята позвали тебя поиграть в Ниндзя, то почему ты учишь их техникам?

Наруто снова замялся.

— Ну, они хотели выучить какое-нибудь дзюцу, — неуверенно пролепетал он, — и я решил, что они будут моими друзьями, если я научу их.

Я грустно усмехнулся, накручивая на палец травинку:

— А тебе действительно нужны такие друзья, которые будут ими только пока ты учишь их своим техникам?

— Ирука, они не такие! — встрепнулся мальчик, — их никто не принимает всерьёз! Они такие же, как я, даттебайо!

— Нет, они совсем не такие, как ты, — медленно покачал головой.

— И никто не хочет учить их крутым техникам! — попытался оправдаться Узумаки, — вот! Поэтому я их и учу! — Закончил самодовольно.

— Ладно, давай посмотрим насчёт «некому». — И я подтягиваю за закладку книгу «Кланы Конохи». Раскрываю на странице «клан Сарутоби». — Прочитай, что тут написано. Лучше вслух.

— Клан Сарутоби — один из влиятельных кланов Конохокагуре, — послушался Наруто и зачитал, — некоторые члены которого занимают высокие должности, так, например, членом этого клана является Хокаге (Сарутоби Хирузен) и один из двенадцати ниндзя-защитников Даймё (Асума Сарутоби).

— Дальше, — ткнул пальцем в следующий абзац, — ну, что там написано?

— Члены клана Сарутоби известны своей силой воли и приверженностью идеалам Воли Огня. Клан славится тем, что с давних пор исследует и создаёт ниндзюцу, являющимся специализацией клана.

— Достаточно.

По его лицу было видно, что он не понял, зачем я заставил его это прочесть.

— А теперь давай посчитаем, кому именно «некому» заниматься с тем же Конохамару. — Раз, — загибаю мизинец, — личный элитный учитель Эбису, специализируется на обучении основам. Два, — загибаю безымянный палец, — его дядя Асума, один из самых известных джонинов Листа, сильный и умелый шиноби. Три, — загибаю средний палец, — дед Конохамару, имеет прозвище «Профессор» за понимание того, как работают дзюцу, и за то, что якобы знает их более тысячи, работает здесь, в Конохе, в должности Хокаге. — Наруто давит смешок от канцелярского «работает в должности Хокаге». Четыре, — загибаю указательный палец, — Есть ещё учитель в Академии шиноби и его ассистент, что рады будут подлизаться к Третьему тем, что научат внука Третьего всему, что нужно. И последнее — загибаю большой палец. — У Конохамару есть ещё ни много ни мало — целый клан Сарутоби, который специализируется в изучении ниндзюцу. Ты и теперь будешь говорить, что его некому учить? Кстати, примерно такая же ситуация у внука старейшины Митокадо Хомуры и внучки Утатане Кохару.

Наруто недоумевающе спросил:

— Тогда почему они просят меня научить их дзюцу? — искренне недоумевал блондин.

— Потому что они избалованные сопляки, — фыркнул я, — привыкшие, что получают на золотом блюде всё, что пожелают и когда пожелают. Ты вспомни, как впервые познакомился с Конохамару. Что он тогда сказал: «Ну, теперь попробуй ударить!» Как-то так, да?

Наруто вздохнул, уронив голову на поставленные руки.

— Да не переживай ты так, играть с ними можно, но учить... Зачем? Скажи им, что ты теперь настоящий шиноби! А шиноби своих техник никому не раскрывает, даже друзьям. — Хихикнул, — можешь ещё сказать, что шиноби-параноик живёт вдвое дольше.

— А кто такой шиноби-параноик?

— Так. Паранойя — это душевная болезнь. — Постучал пальцем по голове, — такой человек периодически, — пояснил прежде чем мальчик переспросил, — это — время от времени, страдает длительными

приступами необоснованного недоверия к окружающим. Псих. —
Высунул кончик языка и покрутил пальцем у виска.

Наруто весело фыркнул.

— Или, если хочешь проверить мои слова, — проговорил серьёзно, — предложи им самим принести тебе любую технику Е-ранга в обмен на Хенге. Или скажи, что научишь их любой технике, которую они тебе покажут. Если им это надо — принесут. То же самое — касается печатей, барьеров, ловушек, продвинутых ловушек и приёмов тайдзюцу. В общем, всего, что может использовать шиноби.

Наруто явно боролся с сомнениями, но неуверенно кивнул.

— Хай.

— Ладно, хватит о грустном. Теперь давай о хорошем. Ты вроде дзюцу хотел выучить? — прищурившись, с улыбкой смотрю на него и достаю из кармашка на груди свиток.

— Да! Да, даттебайо! Наконец-то дзюцу! — Узумаки скакал, как взбесившийся заяц, и радостно вопил.

Но после чтения свитка его энтузиазм слегка погас:

— Ирука-сен... Ирука, а почему эта техника такая... — спросил он, — простая и слабая? Она же дурацкая! И бесполезная!

Техника полностью называлась Высвобождение ветра: Порыв ветра. Более слабая версия и менее фокусированная версия того, что использовал Орочимару на экзамене в каноне.

— Ну, во-первых, она не такая уж простая. — Подхватил с земли свиток, который в расстроенных чувствах выронил мальчик, — и не такая бесполезная, иначе бы ей не присвоили D-ранг. Для начала, эту технику тебе необходимо освоить, потому что её освоение поможет тебе с другими, более мощными и опасными техниками воздуха на её основе. — Подумав, — представь, что на тебя бежит противник, а ты бьёшь по нему этой техникой, когда он уже рядом. Если даже ты не вложишь много чакры и ветер врага не остановит, то всё равно ему в глаза полетит пыль,

песок и мелкий мусор. Ты лишишь его скорости и разбега. Он затормозит рядом с тобой, ничего не видя.

Глава 14. Кто ходит в гости по утрам? (продолжение)

Наруто сделал десяток клонов, и мы вместе начали тренироваться в создании техники.

Пока мы разучивали «порыв ветра», я понял, что уже знал его. Тело помогало мне выполнить технику, а пытаюсь вникнуть в суть происходящего, я только мешал. В результате техника стала более или менее понятной, но зато провозился я с ней дольше, чем если бы позволил телу всё сделать самому. Одно стало абсолютно ясно: когда чувствовал, будто действую на автомате, не нужно было противиться.

Может, когда-нибудь и привыкну — потирал шрам на носу, — к чужим рефлексам.

Макуто закончил свою тренировку с танто, подошёл ближе и встал рядом, наблюдая, как я выпускаю очередной поток воздуха.

— Ирука-сан, — сказал он, когда я опустил руки.

— Что?

— Можно я тоже попробую эту технику?

Я удивился. Макуто редко просил о чём-то, предпочитая заниматься своим делом.

— Ты хочешь выучить «Порыв ветра»?

Он кивнул.

— Моя стихия — воздух. Я чувствую её.

Я протянул ему свиток. Макуто взял его, пробежал глазами по иероглифам и вернул обратно.

— Запомнил, — сказал он.

— Не гони, — предупредил я. — Лучше сначала повтори печати.

Он кивнул и отошёл на несколько шагов. Наруто, который как раз развеял очередного клона, подскочил к нему.

— Макуто, ты тоже будешь учиться? Круто!

Макуто поднял руки и начал складывать печати. Медленно, но уверенно. Без той детской суеты, что была у Наруто. Я заметил, как чакра потекла по его рукам — ровно, спокойно, без всплесков.

— Футон: Фуцу кайто, — произнёс он.

Поток воздуха сорвался с его ладоней, резкий, направленный. Он ударил в траву в трёх метрах от него, вырывая пучки зелени и поднимая облако пыли.

Я вытаращил глаза.

Наруто тоже замер с открытым ртом.

— У тебя... — я запнулся, — у тебя сразу получилось?

Макуто опустил руки, поправил капюшон и спокойно ответил:

— Я же сказал. Моя стихия — воздух.

— Но ты делал печати... ты их запомнил с одного раза? — не унимался я.

— Я быстро учу, — ответил он, пожав плечами.

Наруто подбежал к нему и хлопнул по плечу.

— Молодец! А я мучился целый час!

— У тебя клонов много, — заметил Макуто. — Ты быстрее научишься, если перестанешь думать, как я.

Я стоял и смотрел на них. В голове вертелась одна мысль: «Похоже, от этого попаданца есть какие-то плюшки». Я имел в виду себя, конечно. Но если уж у меня появился боевой покемон вроде Макуто — прилежный, спокойный, быстро обучающийся — то это того стоило.

— Ещё раз покажи, — сказал я ему.

Макуто кивнул, снова сложил печати и выпустил порыв ветра. На этот раз поток был не просто резким, а сконцентрированным, как лезвие. Трава на его пути легла ровными рядами, будто её косили.

— Ты изменил технику, — заметил я.

— Я попробовал направить её по-другому, — ответил Макуто. — Чтобы не просто толкать, а резать.

Наруто замахал руками:

— А я так могу?

— Потренируйся, — сказал я ему. — У тебя тоже воздух. Попробуй изменить угол чакры.

Наруто сосредоточенно нахмурился, сложил печати и выпустил ветер. Поток был шире, чем у Макуто, и не таким острым, но он сбил несколько листьев с ближайшей ветки.

— Получилось? — спросил он.

— Получилось, — ответил я, хотя до Макуто ему было далеко.

Мы потренировались ещё с полчаса. Наруто создавал клонов, и они все вместе учились направлять ветер. Макуто отошёл к дереву и отрабатывал свою версию техники — более агрессивную, сконцентрированную. Я видел, как он экспериментирует, меняет печати, пробует новые комбинации.

— Ты где этому научился? — спросил я, подходя к нему.

— Думаю, — ответил он коротко.

Я хмыкнул.

— Думать полезно.

Он кивнул и снова принялся за тренировку.

Наконец, через час, мы оба добились удовлетворительных результатов. Макуто тоже — хотя его результат был чуть лучше, чем у Наруто. Я решил не обращать на это внимания.

Уже вечерело, когда мне пришла в голову идея скомбинировать два «порыва» в один.

Я сложил печати, влил чакру и выпустил поток воздуха. К нему присоединился Наруто, а затем — Макуто. Три струи ветра слились в одну, и мощная воздушная волна пронеслась над полигоном, сбивая листву с деревьев и поднимая облако пыли.

Наруто от восторга захлопал в ладоши:

— Давай ещё раз?

— Хорошо, но последний, — сказал я, поглядывая на темнеющее небо.

— Хай! Хай! Хай! — закричал он.

Макуто молча кивнул и встал на исходную.

Мы повторили комбинацию. Ветер ударил сильнее, чем в первый раз. Мне показалось, что если бы на его пути стоял человек, его бы просто сдуло.

— Круто, даттебайо! — Наруто подпрыгнул. — Мы теперь команда воздуха!

Макуто поправил куртку и сказал:

— Пора домой. Темнеет.

— Согласен, — ответил я.

Припрятав под полотенце и пустые тарелки свежепереписанные свитки клана Узумаки, мы прикопали оригиналы в чехле и пошли домой.

По дороге Наруто болтал без умолку, пересказывая все способы применения «Порыва ветра», которые придумал. Макуто шёл сзади, иногда кивая. Я думал о том, что сегодняшний день дал мне больше, чем я ожидал. Не только техника. Но и понимание того, что Макуто — не просто молчаливый парень, который помогает в Ичираку. У него есть свои

способности, свои мысли, свой стиль. И если он решит остаться с нами, это будет только плюсом.

Дома мне на глаза попался конверт, который так по-хозяйски распечатал Данзо. Это был ответ Третьего на мою записку, и то, что я прочёл, меня просто взбесило. Скрипя зубами, я перечитал ещё раз:

«Ассистенту учебной команды номер 7 Умино Ируке. Ответ от Третьего Хокаге Скрытого Листа Хирузена Сарутоби. Ирука-сан, ваша должность — ассистент команды номер 7, ваша задача помогать Хатаке Какаши в обучении генинов, если таковая помощь понадобится, и выполнении приказов командира группы Хатаке Какаши. Во всех вопросах вы должны следовать распоряжениям командира группы».

Когда злость на старого урода прошла, я даже смог пошутить про себя:

«Мда, а старик-то просто напрашивается на то, чтобы его не спасали от Орочимару!»

Наруто, который сидел на диване и читал свитки, поднял голову:

— Ирука, ты чего злой?

— Ничего, — ответил я, пряча бумажку обратно в конверт. — Просто письмо от начальства.

Макуто, который уже успел снять куртку и сесть на табурет у стены, спокойно сказал:

— Начальство всегда пишет неприятное.

— Это точно, — вздохнул я.

Затолкав бумажку обратно в конверт, я бросил его в плоскую коробку с пустыми листками и карандашами на столе, а сам ушёл готовить. Наруто развлекался чтением новых свитков по фуиндзютсу. Макуто взял один из свитков и тоже начал читать — тихо, без лишних вопросов.

После того как мы поужинали, я рассказал продолжение истории про Хоббита. Наруто слушал, открыв рот, а Макуто сидел в кресле, поджав

под себя ноги, и крутил в руках пустую чашку. Когда я закончил, Наруто зевнул и поплёлся в ванную.

Макуто встал, поправил ремень с кунаем и сказал:

— Я пойду. Завтра рано вставать.

— Иди, — ответил я. — Спасибо за тренировку.

— Мне самому было полезно, — сказал он и вышел в коридор, бесшумно закрыв за собой дверь.

Я собрал чашки, вытер стол и пошёл к себе. Проходя через гостиную, я зацепился взглядом за столик. Что-то мне показалось странным. Но что именно — я понял, уже проваливаясь в дрему: письмо Третьего лежало немного иначе, конверт был сверху.

«Ладно, — подумал я, — завтра разберусь».

Но завтра — это всегда потом. А сейчас — спать.

Глава 15. Наследие Соседа?

Всю ночь мне снились кошмары. В этих снах я был Ирукой. Видел его глазами, чувствовал то же, что и он, и даже думал, как он. Тихо. В кабинете напротив слышны голоса, Ерико еще не распустила стажеров. Я взял со стола хитай-ате, что остался после экзамена. Он должен был достаться Наруто. — Но не достался! — прошептал я одними губами, прикрыв их ладонью, и улыбаюсь. Я разбил мечты демоненка! Он не станет шиноби! Но я чувствовал внутри пустоту. Этого мало. Мало, чтобы считать родных и близких отомщенными, но я попытаюсь себя убедить. Я умею убеждать.

Вздохнул. Я подвел Данзо... и Третьего. — Пф, — на лице расплзается гаденькая ухмылка, которую я старательно давлю, — я сделал все, что было в моих силах. — не очень натуральный тяжкий вздох, — но не смог вырастить из него достойного звания шиноби чело... — чуть скривился, — человека. Я видел отчеты Мизуки. Они подтвердят мои слова, что демоненок ленив, глуп и бесталаный. К тому же он хулиган и лодырь! —

Я не провалил неофициально возложенную на меня миссию, Данзо-сама, — мысленно репетировал речь, — Хокаге-сама, я лишь не смог добиться невозможного! Сомневаюсь, что вообще кто-то бы смог его обучить. И докажете, что это не так! Не докажете!

Мне не грозит ничего серьезного, потому что ни у Третьего, ни у Данзо нет оснований для того, чтобы обвинять меня в чем-то. Они не всемогущи и не всезнающи. А я всегда умел нравиться людям и обладал талантом убеждения. Это одна из клановых черт, которыми я горжусь. Мои соплеменники умели расположить к себе любого. Они умели разговорить парой фраз, узнав многое из случайно сказанных слов, обрывочных слухов и сплетен. Я говорил то, что от меня хотели услышать. Или то, во что могли поверить. Данзо и Третий примут мою версию событий. Именно так. Я пытался сделать джинчурики генином, но у меня не вышло... как это печально. Ох, я так расстроен! И Мизуки это подтвердит. Боги, как мне надоело торчать здесь, под прикрытием, в Академии! Я снова стану специальным джонином, не будет рядом ненавистного Узумаки и трижды проклятой богами лапши! Я ненавижу свою нынешнюю жизнь и надеюсь, что она скоро сможет хоть немного измениться в лучшую сторону. Может быть, все вернется к тому, что было до того, как Шимура назначил меня куратором... Надеюсь на это.

Сон незаметно для меня изменяется. Лежу в детской, вспоминая прошлое. Когда еще живы были мама и папа... Слишком больно было слышать, как Хокаге сравнивал меня с демоном. Больно и унижительно. Я услышал, как кто-то тарабанит в дверь моей квартиры. Это Мизуки.

— Что случилось? — Я видел, что он в панике.

— Наруто! Хокаге зовет! Скорее!

Он собирался прыгнуть, но я схватил его за руку.

— Мизуки, что происходит?

— Наруто украл Запретный свиток Хокаге!

На ходу натянул жилет и помчался к площади. Люди кричали, ругались, я чувствую волнение и страх. Но Третий не спешил. Наконец он появился и... что я слышу: демон украл свиток несколько часов назад. Сарутоби

просит, чтобы мы нашли Наруто. Я знал, что за пределы деревни он не уйдет, а значит, нужно искать в тех местах, где джинчурики обычно прячется.

Я его нашел. Тряс его за воротник, обещая всяческие кары, а Узумаки в ответ городил какую-то чушь:

— Аха-ха! А я нашел извращенца! Хе-хе-хе, вы слишком рано, Ирука-сенсей.

— Улыбался поганец. — Я успел выучить только одно дзюцу! Да он еле на ногах стоит, что он делал? Тут-то до меня дошло. Он... он тренировался?

— Я сейчас вам такое клевое дзюцу покажу! — Выпутался он из моей ослабевшей от шока хватки. Нестандартная печать? О боги, да что же он смог выучить из этого свитка?!

— Наруто, — отвлек его, опасливо обходя, — откуда ты взял этот свиток?

— Мне Мизуки-сенсей про него рассказал. И про это место — тоже. Я же хотел показать...

Он снова сложил руки в эту странную печать.

— Что еще сказал Мизуки-сенсей? — снова отвлекаю демона.

— Он сказал, что если я покажу дзюцу из свитка, то вы зачтете мне экзамен!

Бред. Услышав свист металла, я рефлекторно в развороте отбросил демоненка в сторону, чтобы освободить себе место для маневра, но споткнулся.

— Ты его нашел. Молодец, — весело говорит белобрысый. — Эй, Наруто, отдай мне свиток. Решил спереть свиток с запретными техниками? Понятно... так вот в чем дело.

Набираю воздуха и кричу что есть мочи, чтобы гаденыш перестал маячить перед глазами:

— Наруто! Не отдавай ему свиток! Ни за что не отдавай!

Джинчурики крутит головой, не понимая, что происходит. Баран...

— Беги! — В сердцах я чуть не бросил в Узумаки кунай, что с шипением вытащил из груди.

— Наруто, не слушай. Отдай мне свиток, и ты станешь генином.

— Нет! — рявкнул я. — Мизуки использовал тебя, чтобы получить свиток!

— Эй, Наруто, — ехидно склонил голову на бок Мизуки, — тебе не нужен этот свиток. Я расскажу тебе правду, и ты поймешь, что он для тебя бесполезен.

Меня повело в сторону, пришлось облокотиться на сарай. Наруто быстро глянул на меня и снова уставился на Мизуки.

— Ты ведь помнишь историю? Хе-хе-хе, — мерзко захихикал беловолосый, — ты ведь знаешь историю про то, как был заточен Девятихвостый?

— Не смей! — Мне удалось совладать с собственным телом. — Не надо!

Паника. События несутся вскачь. Боюсь, что Мизуки, мой друг, за которым я должен был следить, чтобы оценить его благонадежность и перспективность вербовки Корнем, и за которого мне придется отвечать, собирается убить джинчурики. Даже если не произойдет худшего и Кьюби не вырвется, убив нас, это — полный провал, потеря оружия деревни. Наруто не сдал экзамен, но он еще в Академии, и даже формально я еще отвечаю за него. Но ответственность за проваленное задание АНБУ — следить за Наруто и в случае необходимости защитить его — еще тяжелее. У Хирузена будут все основания уничтожить мою карьеру шиноби, опозорить и сделать изгоем. А Данзо не станет вмешиваться. Все это пронеслось в моей голове за пару секунд. Он хочет, чтобы джинчурики в ярости призвал чакру лиса... Ему это надо, чтобы скрыть следы... Или чтобы смерть его бывшего ученика могла вызволить лиса? Печать Шуншина, с помощью которой чакра концентрируется в ногах... И вместо того, чтобы схватить Узумаки и оказаться в лесу, я падаю перед ним на колени. Что-то случилось с моим вниманием, способностью концентрироваться и контролем чакры. Яд... Мизуки, мразь! В спину,

сквозь защитный жилет, втыкается фуума-сюрикен... Больно до слез... Похоже, что нерв задело... Это финал... Проклятье, как мне себя жаль-то, я ведь так толком и не пожил... Но сначала — дело! Гадостно на душе, когда я сравнивал свою жизнь с существованием демона. Нес какой-то бред про нашу похожесть. Мой бывший ученик был удивлен. Кажется, поверил... Я каюсь, что был плохим учителем. Но джинчурики вдруг срывается с места и быстро убегает в лес. Я пошатываясь, пытаюсь усыпить бдительность предателя своей слабостью, встаю.

— Мизуки, какого биджу ты делаешь, придурок! — с ненавистью шиплю этому барану.

— Разве не видно, — совершенно спокойно, с превосходством говорит беловолосый. Он быстро складывает печати в знакомое дзюцу «Тайное искусство: Покров Тайны». Воздух изменился, став словно вязким. — Теперь нас не услышат. Я обвел вокруг пальца возомнивших себя непогрешимыми старых дураков, используя демона, чтобы украсть свиток Хокаге. С его помощью я смогу стать сильнее и занять подобающее мне место. Орочимару-сама наградит меня за знания в этом свитке, даст мне силу. Присоединяйся ко мне, старый друг. Убьем демона, запечатаем его тело в свиток и отдадим Орочимару. Вдвоем нам будет легче добиться всего, чего мы захотим. Нас здесь ничто не держит.

В глазах Мизуки горит фанатичный огонь. Это мой шанс!

— Наградит? — губы сами собой изгибаются в усмешке. — Скорее использует для своих экспериментов. Или ты думаешь, что ему будет дело до каких-то неудачников, которым повезло украсть свиток? А?

— Орочимару сдержит свое слово! — уверял меня бывший ассистент. Но он явно хотел убедить в этом не только меня, но в первую очередь — самого себя.

— Неубедительно, — не упуская Мизуки из виду, покачал головой. — Риск слишком велик.

Но про себя я думал: Мизуки, ты идиот, выдернул из жилета кунаи, это ты можешь бежать к Орочимару, бесклановый нищеврод. А у меня здесь дом,

богатства клана, «Пестрая пиала». А еще ранг специального джонина, клановые техники и полезные связи.

— А у тебя нет выбора, — ехидно ухмыльнулся бывший коллега.

Неверно. Выбор есть всегда.

— Тебе придется мне помочь, — оскалился он еще шире, — иначе мне придется тебя убить. Ты ведь сейчас напрасно пытаешься восстановить контроль над чакрой, не так ли? У тебя ничего не получится... Без антидота. Который я тебе не дам, — Мизуки повысил голос, — пока мы не убьем биджево отродье и не заберем свиток!

— Что ж, я согласен с тобой, — просиял Мизуки, — у меня нет выбора...

Бросаю в него маленький шарик — это кемуридама, но благодаря печати на бумажной обертке и составу (густой слезоточивый газ с табаком, черным и красным перцем) это почти моппан. Мизуки с секундной задержкой выскакивает из облака с другой стороны. Атаковать его не получится, но мне того и не надо. Прикрываясь дымовыми шашками, ухожу к лесу, мне нужно выиграть время. Но продолжения сна я не увидел.

— Ирука! — от вопля в ухо я раскрыл сразу оба глаза. — Мы проспали!

В глазах пелена. Пока не проморгался, не смог рассмотреть циферблат будильника. Мы действительно проспали. Оставшегося времени не хватало ни на то, чтобы умыться, и тем более не хватило бы на то, чтобы поесть. Мы не Какаши — нужно было приходить вовремя. Нужно — не то слово. Обязаны мы были приходить вовремя. Забегав глазами по комнате, я придумал, что делать!

— Наруто, бегом в ванну, два полотенца намочи, выкрути и пасту принеси.

— А щетки?

— Не надо. Бегом, бегом!

Сам я помчался на кухню, прихватив свою одежду и вещи из комнаты Наруто. Ссыпал в бумажный пакет пирожки, пакет сгреб и две бутылочки

с молоком запечатал в свиток. Пока скакал на одной ноге, пытаюсь влезть в штаны, Наруто принес полотенца. Выкрутив их в раковину, я сказал, чтобы он одевался, а сам стал тереть ему лицо. Пока Узумаки надевал майку, я успел сам умыться и был практически полностью одет, не хватало только жилета и повязки. Свои хитай-ате мы нашли в прихожей. Тут Наруто жестами стал показывать то на себя, то на повязки. Я помахал рукой: не важно это, где чья.

Уже подбегая к резиденции каге, я зыркнул по сторонам и выплюнул воду с пастой в кусты. Моему примеру последовал Наруто. Макуто догнал нас у входа, держа в руках свёрток, перетянутый бечёвкой. Он протянул его Наруто:

— Тэучи-сан передал. Сказал, вы забыли.

— Спасибо, — выдохнул Наруто, принимая свёрток.

— Еще десять минут есть! — воскликнул я, глядя на карманные часы. — Некстати, с добрым утром, Наруто.

Мальчишка хрюкнул и сквозь смех повторил приветствие.

Саске и Сакура уже сидели на лавке, но пока нас не видели. А мы подходить и не спешили. Я за ворот придержал Наруто и предложил перекусить, а потом уже идти здороваться. Макуто развязал бечёвку и раздал нам онигири — рисовые колобки с начинкой, которые Тэучи всегда готовил в дорогу.

Какаши был, как обычно, пунктуален. Пришёл, сплёл глупость и сказал идти за ним. «Хатаке Какаши, *число, дата*, взял задание без ведома генинов и не объяснил суть задания» — подчеркнул в блокноте карандашом и вывел ниже «шаблон 1».

В этот раз помогали старушкам какой-то огород полоть. Я их не запомнил, да и бабульки переизбытком радушия не страдали. С Какаши они, прости господи, кокетничали, а вот меня пристальным взглядом окинули и больше не замечали. Что куда показали, потом в одну сухонькую ручонку зонтик, в другую сумочку и деловито куда-то учесали. Макуто тоже взял грабли и принялся за работу. В отличие от Саске и Сакуры он не ныл, не

тормозил и не пытался свалить на клонов всю работу. Он просто делал своё дело, ровно, методично, не отвлекаясь.

Справиться с немного заросшим садиком (потом под садовника можно будет шифроваться с блеском) было просто. Мысленно перекрестившись (верить — не верю, а привычка осталась), я сделал пару клонов. Я даже позволил им помогать, а не развеял их сразу. Мне показалось, что эти дубли были адекватнее прежних. Уже через полчаса садик был буквально вылизан. Если бы не мешались Саске и Сакура, вообще за пятнадцать минут бы управились, да и Макуто работал быстрее любого из них.

Впрочем, Саске мог бы быть полезен, если бы не розоволосая со своим извечным «Са-а-аске-е-е-ку-у-у-н». Нет, эти визгливые возгласы были и раньше, постоянно были. Просто, то ли в этот раз у Сакуры работы было мало, то ли у Учихи настроение лучше — хотя почему она так решила, загадка, так как по нему это совершенно незаметно. А может, у неё просто случилось обострение режима фанатки, но сегодня Харуно явно была в ударе. Новое зеленое платье, под цвет глаз, что она не забыла нам сообщить... раз эдак пять-шесть! Предварительно бросив восторженно-обожающий взгляд на Саске... Впрочем, когда с садом было почти покончено, Сакура сообразила поменять тактику и попытаться заполучить сердце юного мстителя другим способом — она решила блеснуть интеллектом.

— У нас такая классная команда... Если бы еще не Наруто-бака... — презрительный взгляд в сторону дёрнувшегося от колкости блондина. — Ирука-сенсей, — и заискивающий взгляд пай-девочки, — а почему его повысили до генина? Он же завалил экзамен! — и смотрит обвиняюще, дескать, как посмели.

— Сакура-чан, — выпятил грудь Узумаки, — я выучил крутое дзюцу и по...

Бам по башке. Мда, он снова получил по голове. Зря он встал так близко к Сакуре... Стоявший рядом Учиха даже немного поморщился от недовольства. Ему хотелось узнать, как неудачник получил протектор шиноби Листа, но гордость не позволяла спросить.

— Его повысили до генина, потому что он этого заслуживает, — сухо ответил бывшей ученице.

Рядом прислушивался к разговору Какаши, так что я не говорил ей того, что само просилось на язык.

— Но ведь он же завалил экзамен?! — продолжала недоумевать Розовласка, не обращая внимания ни на мой тон, ни на реакцию своей любви. — Вы не должны были...

— Повышение Наруто до звания генина одобрил Третий Хокаге. Ты считаешь, что он ошибся? — холодно поинтересовался я.

— Да, он не должен был добавлять к нам Наруто, уж лучше бы нас было только двое, мы бы...

Что именно должен был сделать Третий Хокаге, осталось тайной, потому что влез Какаши, прервав разглагольствования этой идиотки.

— М-ма... Нет нужды спорить о прошлом, его уже не изменить. Думайте о настоящем и ищите плюсы в том, что тебя окружает, — мудро изрёк Какаши.

Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала!

Остальные задания даже упоминать не стоит, главное, что осталась просто прорва времени! Предвидев, что Хатаке может взять еще миссий, я хотел попросить Наруто об одолжении... Но он и впрямь непредсказуем!

— Какаши-сенсей, а вы сегодня будете нас тренировать? — громко и совершенно неожиданно для меня спросил Узумаки.

— Эмм, м-ма... Нет, пожалуй, сегодня не получится. Но зато я могу сказать, что вы отлично справились! — радостно выдало Пугало и изобразило улыбку одним глазом. В аниме это смотрелось прикольно. Здесь это бесило. Сказал или сделал какую-нибудь глупость и улыбается... С-сука!

— Ну, тогда мы можем идти домой? — громко закричал Узумаки.

— М-ма... — протянул Чучело. — Я взя... Наверное, он хотел сказать: «взял еще миссию»? А обломись!

— Ура! — не стал слушать Наруто. — Жрать! — крикнул он и убежал.

— До свидания, — изобразив обеспокоенность, торопливо попрощался и рванул за блондином. Макуто кивнул нам и пошёл в другую сторону — в Ичираку, где у него была смена.

Уже у раменной я нагнал Наруто.

— Стой!

— Хай! — руки по швам, а мордашка хитрющая. Чего это он вдруг? Ладно, потом спрошу.

— Спасибо, — уперся руками в колени. — Поедим тут, заскочим домой, а потом на полигон.

— Ага!

— А теперь... — усмехнулся, — жрать!

Наконец я мог спокойно подумать. Днём мне задуматься не давал Наруто. Он всё время старался меня отвлечь. Мальчик явно был из той породы людей, что заставят рассмеяться, даже если до этого тебе и улыбаться не хотелось. Просто одним своим видом он вызывал улыбку, хотелось улыбнуться ему в ответ. Солнечный человек.

Пока блондин жевал рамен, я надумал заглянуть в «Пиалу» и уже на месте решить, что, как и куда. Потому что вариантов было много, а планировку я запомнил плохо, к тому же второй этаж не видел.

— Ирука, — широко улыбаясь, позвал блондин, — а ты доедать не будешь?

— Наруто, ты не наелся? — повернулся, чтобы заказать ещё. — Тэучи-сан, ещё порцию.

Повар смотрел на меня удивленно, но с улыбкой, а Аямэ хихикала в кулачок.

— Нет, не надо, — Наруто будто испугался своих слов и виновато опустил глаза.

Несмотря на это, я всё же заказал ещё чашку лапши. Наруто вяло поковырялся в плошке, но доел. Попрощавшись с хозяином раменной и его дочерью, я подхватил мальчика на руки и усадил на шею.

— Знаешь, — негромко проговорил я, — я, конечно, не богач, но одна плошка рамена меня не разорит. Уж поверь.

— Но...

— Не нужно доедать чужие объедки. Ты ведь не нищий, чтобы так делать?

— Нет, — вздохнул, сложив руки у меня на голове, и судя по давлению, сверху положил голову.

— И чего ты вздыхаешь? Жалеешь?

— Нет! — возмутился Наруто и тихо, но не зло пробурчал: — Ирука-бака.

— А я всё слышал, — весело сообщил.

Ответом мне был ещё один тяжкий вздох.

На полигоне я дал мальчику задание и сказал, что если не вернусь до четырёх, чтобы он сам шёл домой.

— Иру-у-ука-а-а... — жалобно протянул блондин.

— Ну, чего ты? — щелкнул я легонько Наруто по носу. — Я постараюсь вернуться как можно раньше. Надейся на лучшее, но готовься к худшему. Так говорил один мудрый человек.

— Кто? — заинтересовался мальчик. — Кто-то из каге?

Я пожал плечами:

— Может быть. Не помню.

Собрав дома бумаги и канцелярию, я помчался к Соре в гости.

Пока я мерил, записывал и думал, что с этим всем делать, за мной хвостиком следовал держатель «Пестрой пиалы» и его старшая дочь. Юмико была похожа на подростка: симпатичное лицо, нескладная, угловатая фигура. Хотя... Она же им и была. Ссутулившись, Юмико пыталась спрятаться за отцом, когда тот показывал помещения.

Поначалу Сора очень обрадовался и всячески хвалил мой проект, пока внезапно не затормозил и не сказал:

— Эмм, Умино-сама, а как же быть с вашими клиентами и посетителями? Они привыкли здесь встречаться, — тише, — оставлять заказы и грузы. Они могут, — запнулся мужчина, подбирая слово, — оскорбиться. А мне бы не хотелось стать причиной недовольства этих людей.

— Эээ, — не понял я, — а о ком конкретно вы говорите, Сора-сан?

Как выяснилось, ни обстановка «Пиалы», ни её затрапезный вид не были случайностью. Здесь встречались представители криминального мира. Кто-то ведь должен был провозить запрещённые товары. Кто-то должен был оставлять заказы на кражу документов и свитков с дзюцу, заказы на убийство или пленение тех или иных людей. Здесь же, при нужде, через бармена оставляли небольшие грузы или послания. Представители теневой стороны мира шиноби щедро платили за своё удобство и относительную конфиденциальность. Здесь не было драк или разборок, это была нейтральная территория. Сюда приходили договариваться и здесь старались избегать конфликтов. А убогий интерьер заведения был скорее плюсом — лишние люди сюда не ходили. Мда, значит, не будет решительного ремонта первого этажа. По крайней мере пока. В конце концов, это свинство — так относиться к постоянным клиентам. Особенно с учётом того, что они могут обидеться. Поэтому сначала — ремонт второго этажа!

После осмотра помещений, инвентаризации мебели и набросков дизайна второго этажа я наконец-то смог пойти на полигон... Но я уперся в упругий полупрозрачный барьер.

— Не понял... Это ещё что такое?

Потрогав преграду, почесал в затылке. Мне не рады? Вряд ли. Почему же я не могу пройти? Хм, а ведь Наруто всегда был рядом, когда... Точно! Он был как пропуск.

— Мда, — сказал я вслух.

Постоял минут двадцать, поглазел, да и пошёл домой. Как дать знать тому, кто внутри, что ты под «дверями» стоишь, я не знал.

Стемнело, а Наруто всё ещё не было. Я уже хотел было идти за ним на полигон, но мальчик явился сам.

— Ты обещал! — крикнул он с порога.

— Тише, — я повесил жилет обратно в шкаф, — меня барьер не пропустил.

— А раньше пропускал, — насупившись, глянул на шкаф Узумаки, — даттебайо!

— Раньше ты всегда со мной был. Без тебя я на полигон не мог попасть. Я пришёл, а пройти не смог, — взял из рук Наруто корзинку. — А я уже за тобой идти хотел.

Наруто захлопнул рот, но было видно, что он всё ещё обижен. Позже мы нашли описание подобных этому барьеров, и моя догадка оказалась верной. Барьер был настроен на мальчика, как кровного родственника того, кто ставил защиту. И посторонний мог войти лишь с сопровождающим.

— Тут нет твоей вины. Просто мне надо быть повнимательнее. Это как-то мимо меня прошло. Но если ты туда пройти можешь, а другие — нет, значит, там жили твои кровные родственники.

Говорить пока прямо о родителях Наруто я опасался. Но не дать ему пищу к размышлениям было бы попросту бессовестно.

— Прости... — не заметил Наруто намёка в упор.

— Давно простил, — искренне улыбнулся я и резко перевёл тему. — Слушай, а мы ведь давно куда не ходили...

Наруто забавно хлопал глазами, не улавливая, о чём я вообще.

— Это же скучно, — протянул я. — Проснулись, пошли на миссию, поели, — кислая рожа — воплощение вселенской тоски, — снова работать, опять чего-то пожевали, потом тренироваться. Скучно? — скорчил рожу. — Ску-у-учно!

Мальчик закусил край палочки свитка, чтобы не рассмеяться.

— Ладно, сейчас уже поздно, а вот завтра можно будет отдохнуть от тренировок, — улыбаясь, вытянул свиток изо рта Наруто. — Читай. И не тyani в рот что попало.

Разбирая справочник, Узумаки часто хмурился и беззвучно шевелил губами.

— Что-то не так?

— Всё отлично! — преувеличенно радостно сказал Наруто, и я вспомнил, что то же самое он говорил, когда не смог помочь мне в переписывании кандзи. Точно, и справочник тоже написан этим же видом письменности.

Внимательно смотря на Узумаки:

— Наруто, у тебя проблемы с чтением и пониманием кандзи? — осторожно спросил.

— Нет, всё хорошо, Ирука, я справлюсь, даттебайо! — упрямо возразил.

— Конечно справишься, — ответил я, улыбнувшись. — Подожди здесь.

Где-то здесь валялась немного потрепанная книжка и конверт с карточками... Да вот же они! Когда я вернулся, Наруто с прежним остервенением пытался продрасть через плохо знакомую для него письменность.

Я сел рядом с ним на диван и дал ему в руки учебник.

— Будем изучать кандзи вместе, — улыбнувшись, сказал мальчику.

Он стал было отнекиваться, но вздохнул и, посмотрев на меня, тихо сказал:

— Спасибо, Ирука.

Почему у Наруто были проблемы с чтением, я понял. Кандзи была сложнее всего и меньше всего использовалась. Дело в том, что в местном варианте японского, который я теперь знал благодаря навыкам и знаниям Умино, было три вида письменности: хирагана, катакана и кандзи. Последняя была самой сложной, основной для высокой литературы, указов и прочего официоза. Несмотря на некоторую архаичность и вычурность, кандзи не спешили забывать.

Весь вечер мы изучали иероглифы. В дверь тихо постучали. Я открыл. На пороге стоял Макуто с потрёпанным свитком в руках.

— Тэучи-сан нашёл это на чердаке, — сказал он. — Сказал, что если Наруто хочет, может почитать.

Я взял свиток, развернул. Это оказался старый словарь кандзи с пояснениями на простом языке.

— Спасибо, — сказал я. — Наруто как раз нужен.

Макуто кивнул и ушёл, не дожидаясь приглашения.

Следующий день не принес ничего нового. После выполнения миссий мы потопали домой. Глядя на карточки с кандзи, Наруто скорчил такую жалобную мордочку, что я не выдержал и рассмеялся. В ответ на его недоуменный взгляд я ответил:

— Может, в кино сходим? Не видел, что там сейчас идёт?

Наруто задумался и выдал:

— Не знаю.

— Давай так: если будет что-то интересное — идём. Если нет — просто погуляем, хорошо?

Жмурясь, Наруто растянул губы в довольную улыбку и кивнул.

Кинотеатр был не очень большим, оттого мне показалось странным, что он единственный в деревне. Но потом Наруто объяснил, что один и тот же фильм здесь показывали от рассвета до заката полмесяца подряд. По

просьбам, когда не было новых поступлений в фильмотеку, показывали старые ленты. Нам повезло: попали на последний день показа какого-то фэнтези, а значит, в ближайшие несколько дней можно было сходить в кино ещё раз. Впрочем, для местных это был скорее приключенческий боевичок, а не фэнтези. Сюжет на слабую троечку, герои — шаблон на шаблоне и им же погоняет, но Узумаки искренне переживал. Он возбуждённо подскакивал на кресле и даже пару раз кричал героям в особо напряжённые моменты.

— Ух ты! Ирука! Гляди, гляди! Круто-круто!

— Тише, — мягко усадил ребенка на кресло, усмехнувшись — мы тут не одни...

— Ага, блядь, —дохнул кто-то в затылок перегаром. — Малец, слушай папку.

— Я бы попросил вас тщательнее выбирать выражения — вы тут не одни.

Типус хмыкнул, но, глянув чуть ниже моего лица, вдруг стушевался и перебрался на другое место. Когда я поправлял хитай-ате, что повесил на шею, до меня дошло, что мужик попутал нас с гражданскими. Ведь шиноби даже в свободное время чаще всего ходили в форме. Будто срослись с ней, не иначе. Только жилет ещё не до конца к некоторым прирос, и его снимали. У моего соседа была та же проблема. Потому что обычная одежда сиротливо лежала на самой нижней полке.

— Ирука!

— Я вижу, Наруто, — поправил ему съехавшую на глаз повязку, — вижу.

Фильм меня не впечатлил, а вот блондин был в восторге. Если бы я мог «экран-но-дзюцу» озвучить... Думал, глядя на афишу, я бы показал Наруто фильмы намного интереснее этого.

Пока я считал ворон, на меня налетела уже знакомая личность.

— Извини...те... Ирука! Ты ли это?

Бинт поперёк лица, всклокоченные тёмные волосы — «Дикобраз». И его верный друг «Эмо в бандане»! Как же без него!

— Нет, не я, — подталкивая Наруто в сторону дома. — Вы обознались.

— Привет, Ирука, — помахал чуунин, которого я «Эмой» обозвал.

— Добрый вечер, — без энтузиазма отозвался я.

— Ирука, что ты придуриваешься? Мы же тебя не просим за нас подежурить. А мы, — ехидно оскалился Эмо, — выпить хотели тебя пригласить! Достали!

— Сколько раз мне нужно повторять, Изумо, чтобы до тебя наконец дошло? Не буду я пить! Ни сейчас, ни потом! — выпалил на одном дыхании.

— Ирука, да что ты так бесишься? — Дикобраз отвёл меня в сторону и прошептал на ухо: — А правда, что ты пригласил, — кивнул в сторону Наруто, — этого в гости и он у тебя жить остался?

— Котетсу, тебе-то какое дело? — медленно закипал я.

— Ну-у, ты скажи, правда или нет? — хлопнул по плечу. — Ты не стесняйся, мы поможем выгнать...

Меня перекосило, и начал дёргаться глаз:

— Котетсу...

— Оп, — осторожно убрал он руку, — не кипятись, босс.

Закрыв глаза, я глубоко вдохнул, успокаиваясь.

— Ну, так как? — влез второй чуунин.

Лицо будто превратилось в ничего не выражающую маску.

— Нет, — сказал я ровно. — До свидания. Мне пора.

— Ага, — посмеиваясь, хором произнесли два придурка. — До свидания, Ирука-са-а-ама!

— Идиоты... — бурчал я под нос, — как всегда паяснича... ют, — закончил уже мысленно.

«Как всегда»? Перед глазами мелькнул кабинет, бумаги и эти два олуха, делающие хлопушки из испорченных отчётов, прежде чем их выбросить. Ну дела... Виски чуть сдавило.

— Ирука, тебе плохо?

— Я в норме, — натянуто улыбнулся. — Пойдём на гору ещё сходим?

Лестницы казались бесконечными. Я уж думал, что до заката не успеем подняться, но я был не прав.

— Лучше бы по стене взобрались, быстрее бы было, — глянул вдаль.

Над каменными прядями каге раскинулось бескрайнее небо.

— Тёмное, как тазик с синькой, — хихикнул я.

Красиво... промелькнула странная мысль. Она будто бы принадлежала не мне. Я обернулся и обомлел. За кроны высоких деревьев медленно заползало солнце в облаках, окрашенных в благородный пурпур и персидскую синь. У подножия горы раскинулась Коноха, сверкая огоньками. Отсюда с трудом можно было разглядеть маленьких человечков и такие же домики. Я бы любовался этим видом вечно, но...

— Кота-кун, — хихикнул девичий голосок, — люди смотрят, хватит. Идём.

На смотровой площадке миловался какой-то чуунин с девушкой в синем платье. Гул в голове стал сильнее, и я снова «услышал» чужую мысль: надоело...

— Котаро!

— Да, — оторвался парень от её шеи, — идём.

Недовольно фыркнув, глядя на пару, я обернулся к Наруто. О нём я как-то забыл, залюбовавшись деревней. А Узумаки провожал парочку взглядом. Я бы даже сказал, что мальчишка прошёлся по фигуре девушки взглядом профессионального скульптора.

— Наруто, а ты когда-нибудь лепил?

Я сам удивился тому, что спросил. Мальчик задрал голову, внимательно посмотрел на меня, а затем прикрыл глаза и покачал головой. «Не скажу...» — промелькнуло ощущение в гудящей голове. Я приложил руку ко лбу — состояние было такое, будто я дня три подряд не спал. Меня повело в сторону и немного затошнило.

— Ирука!

Приложив палец к губам, я уселся на бордюрный камень:

— Тсс...

Когда мне стало получше, мы пошли домой. Неторопливо скользя взглядом по лицам людей и по фасадам домов, я думал над этими приступами. И объяснение находил только одно: Ирука был сенсором. Вот ещё одно проблемное наследство. Вздохнул и взглянул в небо.

Дни сменяли один другой, и ничего кардинально нового не происходило. Разве что Наруто начал лучше понимать родной язык. Кандзи сдавали свои позиции, и до их капитуляции было не так уж далеко. Макуто иногда заходил помочь с изучением иероглифов. Он сидел с нами молча, перелистывал словарь, но иногда подсказывал Наруто, если тот запинался.

Наверное, стоит ещё отметить, что до меня наконец дошло, зачем нужны миссии D-ранга. Картинка сложилась как пазл. Всё гениальное — просто! А задания D-ранга — гениальнейшее изобретение всех времён и народов! Во-первых — деньги. Да, они маленькие, но ведь эти задания обычно выполняют минимум по паре штук в день. Это как комиссия в банке — пара копеечек с миллиона вкладчиков. И деревня свою долю отбирает исправно.

Вторым пунктом шла пропаганда среди не-шиноби. Клановым деваться-то некуда, а вот у бескланового, у которого обнаружили способности, есть выбор. А значит, его надо заманить в Академию. И вот бегают такие тимуровцы-генины, помогают за гроши. То караванчик сберегут, то с ребяёнком посидят. А каге ещё и поговаривает что-то про Волю Огня и помощь. Если твой родственник погиб на миссии, то его семья может нанимать генинов со скидкой. Щедрый жест властей — мол, мы своих не забываем.

Но эти миссии не только способ забить классы Академии будущими рядовыми чунинами, но и плюсик к репутации у рядовых жителей деревни. Что дешевле: нанять охранника или группу генинов? Грузчиков или генинов? Дворников или генинов? Няню или генинов? Продолжать можно до бесконечности. Генины многофункциональны. Но после таких миссий чувствуешь себя гастарбайтером из ближнего зарубежья, который хватается за любую работу. Я сбился со счёта, подсчитывая, скольких специально обученных людей мы оставили без денег.

Пунктом третьим шла дополнительная безопасность. Посторонним людям не доверишь посидеть с внуком старейшины или хокаге, с наследником или наследницей клана. Посторонним не хочется доверять собак Инузука, сбор не самых дешёвых, да ещё и секретных целебных трав во владениях Нара или прополку теплиц Яманака.

Четвёртым пунктом шло повышение навыков шиноби. Нет, серьёзно. С одной стороны, миссии D-ранга выполнялись легко и оставляли время для тренировок. Кроме того, поработав разнорабочим и получив хотя бы примерное представление о всех профессиях, шиноби имел куда больше шансов на то, чтобы замаскироваться под рабочего, садовника, строителя, механика или ещё кого-нибудь.

Пятой причиной важности D-миссий было то, что они были рекламой услуг шиноби. Человека приучали к пользованию услугами шиноби. Сегодня маленькие милые генины вам крышу починят или найдут вашу кошку, потерявшуюся на прогулке, а завтра они защитят ваш караван от бандитов. А через год, возможно, устранят вашего конкурента, к примеру, из Страны Молний.

Шестым пунктом шло завоевание симпатий людей, не являвшихся жителями деревни. Это способствовало нормализации отношений с людьми, далёкими от ниндзя, и гарантировало, что они будут воспринимать шиноби Конохи как своих защитников, а не как врагов, и при случае окажут посильную помощь. В свою очередь, крестьяне не рисковали понапрасну жизнями и здоровьем. Они так же, как и живущие рядом с Конохой торговцы, часто прибегали к услугам шиноби. Убить бешеных волков, лис или рысей, прогнать медведя-шатуна, залатать

прохуdivшуюся крышу, уничтожить бандитов или перегнать стадо быков или лошадей — всё это и многое другое — задания для шиноби.

Ну и последняя, седьмая. Очень важная функция — воспитательная. Кроме того, что генинам показывали, насколько тяжел и важен труд простых людей и насколько они от него зависят, D-миссии могли оформить как наказание проштрафившемуся джонину или чуунину. Накосячил — приговор: пятьдесят миссий D-ранга, к примеру. Которые ты, разумеется, можешь выбирать сам... Бывало, на таких неудачников даже приходили посмотреть. И это тоже не добавляло радости провинившемуся.

Глава 16. Все не просто?

Не открывая глаз, я затащил под одеяло будильник.

— Гадское солнце.

Кряхтя, разлепил правый глаз и около минуты пытался понять, сколько сейчас времени.

— А, понятно... 7:15.

Рухнул лицом на подушку и в неё же пробормотал:

— Спфым дальфе.

Будильник был поставлен под кровать, на лице застыла блаженная улыбка. Уютно, солнце спину греет. Лежу, балдею... Воскресенье, настоящий выходной...

— Тьфу, тьфу, тьфу! — постучал три раза по каркасу постели и прошептал, — чтоб не сглазить. Нах незваных гостей!

Но заснуть я уже не смог.

Отправив клон читать, я сам пошёл на кухню. Поэкспериментировав когда-то давно со своими ущербными дублями, я выяснил, что они выполняют только ту работу, которую я сам бы с радостью сделал. Потому клон читал менталистику, до которой у меня самого руки не доходили никак, а я сидел и придумывал, чего бы приготовить.

Странное дело, мне ничего не хотелось, ничего не цепляло. Зато в голове крутилась мелодия из прошлой жизни. Одна из тех, что мне очень нравилась. Взяв листок и ручку, я, к своему удивлению, смог написать перевод. Да, с заменами слов и с хромающими рифмами... Но тем не менее. После чего снова стал листать книгу с рецептами, мурлыкая под нос мелодию. А начав готовить, тихо запел:

— *Позабытые стынут колодцы, Выцвел вереск на мили окрест, И смотрю я, как катится солнце По холодному склону небес, Теряя остатки тепла...*

— ...*Есть только небо, вечно...* — запнувшись, я обернулся, почувствовав, что за мной наблюдают.

— Кхм, — отводя взгляд, почесал висок ручкой деревянной лопатки, — привет, Наруто.

— Доброе утро, — шкодливо прищурился мальчик, — а что это за песня? Споешь ещё раз?

— Ну-у... — смутился я от такого напора и от того, что кто-то услышал мой вой, — эээ...

— Ирука, ты стесняешься? Ну, спой про дракона! Ну, пожа-а-алуйста!

Я недовольно фыркнул и сказал Наруто, чтобы он пошёл умываться.

— Стесняешься! — крикнул он, перед тем как смотаться.

А я всё думал, когда он перестанет из себя паиньку изображать — усмехнувшись, покачал головой. Нет, в самом деле, Наруто вёл себя слишком хорошо. А он был хулиганом и любителем пошутить без уважения к авторитетам. Его идеальное поведение, наверное, тяжело ему давалось. Но он не доверял мне на все сто, чтобы шутить или вести себя, как он привык. А сейчас, похоже, доверился настолько, чтобы немного пошкодничать.

Ладно, награда найдёт героя...

На выходе из душа я подловил Наруто и щекотал, пока он не попросил пощады. Спокойно позавтракав и никуда не спеша, мы сходили в кино. Я

думал ещё на полигон пойти, но за нами увязался прямоугольный камень с двумя круглыми дырками — Конохамару в своём «фирменном» хенге.

— Удачи, — наклонился к уху Узумаки и шепнул, — представь, что ты их временный командир, а они твоя команда.

И, хихикая, пошёл домой. Теперь я мог спокойно пойти и показать Соре свои художества. Раз на полигон я всё равно не попал. Собирая бумаги, я обнаружил отчёты про Какаши и Саске. На каждого — по короткому отчёту. Потому что поведение у Пофигиста и Мстителя было шаблонное, только даты проставить — и всё. Сложил бумаги в папку и запечатал её в свиток. Эти бумажки на глаза Наруто не должны были попасть. Как, впрочем, и прошлые, хотя кто его знает — читал он их или нет. Может, у меня паранойя? — встряхнул головой и убрал свиток в карман жилета.

И только я протянул руку к замку, как в дверь постучали. Открыв, я увидел на пороге Маугли.

— Доброго дня вам, Морио-сан. — изобразил улыбку.

— Привет, что так официально? Мы же друзья, забыл?

Я устало фыркнул:

— Скорее до сих пор не вспомнил, Морио-сан.

— Ой, — отмахнулся шиноби, — брось этот официоз. Пойдёшь в «Пиалу», а?

— Я как раз собирался туда, Мо...

— Ну и отлично! — хлопнул Маугли меня по спине, вышибая воздух. — Тогда выдвигаемся!

Мне оставалось только кивнуть, захватить из комнаты папки и запереть за собой квартиру.

Макуто поджидал нас уже у выхода из парадной, как раз когда Морио открывал дверь. Он стоял, прислонившись к косяку, и смотрел на улицу. Увидев нашего связного, он молча кивнул и пошёл следом, держась чуть позади.

Морио болтал без умолку всю дорогу.

— ...Тут «ИК»! Да ещё громко так! И этот дурень выдал нам своё укрытие! Ха-ха-ха!

— Угу. — без энтузиазма ответил я.

Меня это панибратское отношение изрядно напрягало.

— Да что я о себе, да о себе... Ты-то — как?

Он явно хотел что-то узнать. Только прямо не мог спросить. Я промолчал, задумавшись, что сказать, чтоб не сболтнуть чего лишнего.

— Эй! — чуть ли не в ухо проорал Маугли. — Как у тебя дела, Ирука-кун?

— Так себе. — Отодвинулся. — Работаю инструктором в учебной команде, получаю так мало, что хочется спросить, а остальное где?

Макуто шёл за нами, не вмешиваясь в разговор, но я знал — он слушает. Его молчание было не тяжёлым, оно было частью его присутствия.

Морио усмехнулся.

— Больше на сдачу похоже, — продолжил я жаловаться, — чем на зарплату... Хатаке беси... — кашлянул в кулак, обрывая себя. — Мне не нравится, команда тоже. Воспоминания возвращаются медленно и рваными фрагментами. Тут помню, тут не помню. В общем, всё плохо. — Коротко подвёл итог своей ситуации.

— Да уж, тебе можно посочувствовать. — ухмыльнулся Маугли.

При этом в остававшихся внимательными болотных глазах не было веселья. Посмеялся, ага.

Какое-то время мы шли молча.

— Ирука-кун, а что это у тебя за папки?

— Эскизы. Собираюсь сделать ремонт на втором этаже «Пиалы». Я ведь теперь, по сути дела, на доходы с неё живу. И второй этаж не используется...

— О, а можно посмотреть? — любопытствуя, Морио хотел схватиться за торчащий листок. Но я переложил папки в другую руку:

— Да. Сейчас придём и посмотрим.

Сора был рад меня видеть и, освободив для меня стол, помог расстелить распечатанные свитки. Когда Макуто зашёл в зал, он поднялся на второй этаж, прошёлся по пустым комнатам, вернулся и встал у стены, молча наблюдая за тем, как Сора помогает мне с развёрткой.

Когда Морио понял, что я собираюсь сделать со вторым этажом, он согласился с тем, что это будет полезно.

— Да, это хорошая идея. — Ткнул пальцем в схему лестницы, — это отлично. Слушай, а ты не угостишь друга sake?

— За твой счёт — кого угодно... — не отвлекаясь от эскизов, пробормотал я.

— Жмот ты, Ирука... кун. И амнезия тебя от жадности не вылечила. — вздохнул Маугли, достал деньги и, выпив чашку sake, наконец-то ушёл.

Макуто шагнул к столу, взял один из эскизов и начал изучать его. Он водил пальцем по линиям, хмурился, иногда вскидывал голову, проверяя соответствие с реальным расположением комнат. Мне показалось, что он пытается понять, какую выгоду можно извлечь из такого переустройства.

— Сора-сан. Подойдите, пожалуйста.

Управляющий был удивлён, когда я показал ему проект второго этажа.

— Умино-сама, вы сделали очень хороший и талантливый проект, но окупится ли он? Вашим посетителям хватает и первого этажа. Я боюсь, что, сделав второй, мы почти не увеличим доходов. И нам придётся нанимать как минимум двух посторонних людей, что сильно увеличит расходы.

В ответ на мой непонимающий взгляд Сора объяснил.

— Я работаю здесь практически целые сутки, Умино-сама. Если бы я мог доверить ресторан своей семье, я был бы счастлив. Но моя Юмико — ещё

совсем ребёнок, и боюсь, что здесь с ней может что-то случиться, а средний сын слишком молод. Если мне придётся работать на два этажа, то нужно будет нанимать не одного, а двух помощников. И я не уверен в том, что они не подведут вас или не вызовут неприязни у наших посетителей.

Мне стало понятно. Управляющий отчаянно хотел пристроить свою семью, но дочь работать с бандитами не могла. Точнее, может, и могла бы, он за неё опасался.

— Сора-сан, скажите. А ваша дочь сможет управлять приличным ресторанчиком, в котором будет более... традиционная публика?

— То есть? — управляющий даже затаил дыхание.

— Я не отказываюсь от того проекта, что я вам показывал. Мы перделаем первый этаж. Но для начала сделаем второй этаж, чтобы не отпугнуть клиентов и не вызвать их недовольства. Нынешние клиенты после ремонта окажутся наверху, — ткнул пальцем в потолок, — а уже после этого будем переделывать фасад, выходящий на Молочая. Тот, что на улицу Вереска, может быть, ремонтировать вообще не будем.

— Это отличный план, Умино-сама!

Потратив ещё около часа, мы утвердили детали проекта переделки второго этажа. Сора даже подсказал, куда обратиться, чтобы нанять рабочих. Но когда я собирался, держатель «Пиалы» упавшим голосом спросил:

— Умино-сама, но ведь на это все нужны деньги?

— Не беспокойтесь. Платить рабочим я буду из своего кармана, ваш доход останется прежним.

— Спасибо, Умино-сама!

— Да пока вроде не за что, Сора-сан.

Собрав бумаги, я пошёл домой. Макуто попрощался у дверей и свернул в сторону Ичираку — у него начиналась смена.

Но Наруто я не застал. Тогда от нечего делать решил прогуляться сам. Заблудиться днём я уже не боялся, ведь у любого прохожего можно было

спросить дорогу. Но на всякий случай адрес дома написал на нескольких бумажках и на руке под рукавом. Отвратительные перьевые ручки в Конохе продают — пока писал, руку чуть ли не до крови расцарапал! Да и бумагу такой монстр мог порвать запросто. А шариковых ручек в продаже отчего-то не было. Продавец даже не понял, что я спрашивал.

Я шёл по знакомым улицам и неожиданно для себя пришёл на рынок. Впрочем, это было, на самом деле, понятно и логично, ведь сюда я ходил довольно часто и по одному и тому же маршруту.

Пройдя насквозь ряды с продуктами, я всё же не удержался и подошёл к лотку с конфетами. Запечатав сладости в пустой свиток, я пошёл дальше. Рассматривал товары и не забывал запоминать дорогу обратно. И тут мой взгляд упал на лавку с посудой. Её хозяин сидел у гончарного круга и мастерил довольно грубые горшки. В одной из таких кадок рос кактус, похожий на зелёный бочонок. Но меня больше заинтересовал не сам товар и даже не этот кактус.

— Добрый день.

— Добрый, — на лице продавца расцвела заискивающая улыбка. — Добрый день, шиноби-сан, хотите приобрести что-то? Выбирайте. Они хоть и с виду неказисты, но прослужат вам долгие годы.

— Спасибо, но мне не нужны горшки.

Мужчина поглядел на свои почти чистые руки — ведь, говоря со мной, он вытирал их о передник.

— Вы не могли бы продать мне глины?

Гончар открыл рот, глаза пошире распахнул и ляпнул:

— А вам зачем?

— Просто скажите, — улыбнулся я, — продадите или нет?

Вскоре я был счастливым обладателем 10 кг серой глины. И ещё договорился обжечь потом то, что получится.

Посадив дубля в углу с глиной, пошёл на кухню перекусить. Вернувшись в зал с кружкой чая и печеньем, я заглянул клону через плечо.

— Бу-пфу! — выплюнул кусок печенья в окно и сказал, — ты оборзел?

— Гы... — ответил «близнец».

— Нафига голую бабу слепил? Слушай, ну ты хоть волосами прикрой, смотреть... — вздохнул. — Кому я это объясняю?

Долбанул клона по черепушке. Почесал свою. От развеявшегося дубля пришло ощущение удара. И сам сел на его место.

Детализация статуэтки по шкале от одного до десяти была в районе восьми. Глина мелкие детали не любит, иначе было бы 10 из 10. Клон старался, но лучше бы я не знал, с какими мыслями он творил. Не надо было заглядываться на ту девушку на улице, ой не надо было... Чувствуя, как горит лицо, я залепил изящными локонами обнажённую грудь фигурки. А кончиком куная (купить у горшечника инструменты я не догадался) провёл бороздки, которые должны были изображать бикини.

— Всё! — Поставил глиняную девушку под табуретку в угол и прикрыл шторой. Собрав все инструменты, отсел чуть в сторону и минут за тридцать слепил дракончика, сидящего в скорлупке. Поставив и вторую фигурку в угол, я глянул в окно и вздохнул:

— Полигон помахал нам ручкой.

Переведя взгляд с тёмного окна на часы, я не на шутку забеспокоился. Ведь они показывали семь вечера.

Поначалу я хотел отправиться искать Наруто, но вынужден был отказаться от этой идеи. Я всё ещё не слишком хорошо ориентировался в Деревне, а уж заблудиться в потёмках для меня было проще некуда. Уткнувшись носом в диванную подушку, я гипнотизировал дверь в надежде, что мелкий вот-вот появится. Но время шло, а мальчика всё не было.

И почему я не спросил, где они будут играть? Может, я бы их и нашёл, с картой-то. Карту я давно откопал среди бумаг, когда разыскивал банковские документы. Она мне под руку попадалась, наверное, раз сто, а потом я её куда-то закинул. И теперь её не найти.

В квартире было непривычно тихо. Даже не было слышно, как клон в спальне шуршит книжками. Я прислушался, и мне вдруг стало не по себе. Я почувствовал, что на меня кто-то смотрит. Задернул шторы, стало поспокойней, но всё равно находиться в пустом доме было неудобно.

Щелчок замка. Подскочив на месте, я повернулся к двери. Счастливо улыбаясь, Наруто крикнул с порога:

— Ирука, ты ошибался! — влетел он в гостиную, забыв закрыть дверь, — Ты этот, как его... паранок, вот!

— Кто? — кашлянул я, скрыв смешок.

— Ну, — задумчиво нахмурился мальчик и неуверенно повторил, — паранок... Ирука?

Я уткнулся лицом в подушку.

— Ирука, тебе плохо? Но, видимо, подойдя ближе, мальчик понял, что со мной всё в порядке и даже больше...

— Ирука! — возмущённо воскликнул он, — ты что... ты ржёшь?!

Успокоившись, объяснил, что говорить надо «параноик», а само слово «паранойя».

— Дверь закрой, — ещё посмеиваясь, сказал я, — сейчас подогрею поесть.

— Но я же не рассказал, как всё было!

— Пошли уже, — легонько подтолкнул к распахнутой двери, — закрой и иди на кухню, за столом расскажешь.

— Хай.

В этот раз борщ настоялся, и готовил я его не абы как. Не так, как в первый раз здесь...

— Борсч... э, в смысле, борщ? — Наруто потянул носом, принюхиваясь, — как вкусно пахнет, я сейчас!

И унёсся в ванную. Он уже смирился с мыслью, что «с грязными лапами» я его за стол не пушу.

Узумаки пытался одновременно есть и при этом ещё и азартно рассказывать. От этой привычки мне его отучить не удалось. Ну, не всё же сразу. Как я понял, поначалу предложение Наруто принести дзютсу самим воодушевления у Конохамару не вызвало. И он даже наорал на «Босса». И дулся долго. Наруто уже хотел было уходить, но вмешались Моеги и Удон. Они-то и убедили Конохамару, что если он принесёт пару техник Е-класса, то ничего плохого не случится. После чего Наруто остался играть с «напарниками» своего «соперника», а тот убежал за дзютсу.

И принёс учебник с большим списком упражнений и простейших техник. Ему его дали без вопросов. И даже сказали что-то вроде:

— Ну наконец-то почтенный внук Хокаге взялся за ум и занялся делом, — процитировал Наруто слова охранника квартала Сарутоби, на секунду оторвавшись от борща. — Смешной такой дядька, забыл, как его зовут... Удон его знает, и как Конохамару услышал, так чуть соплями не подавился от смеха!

— Фу, — скривился я. — За столом такое не говорят.

— А? — Про сопли. — пояснил я, отставляя тарелку. Брезгливость торжествовала хоть и ненадолго.

Сегодня они изучали Какуремино-но-дзюцу, плащ-невидимку, технику, которая позволяла придать вид любого объекта (холма или камня) плащу или просто куску ткани подходящего размера. Именно этой техникой так неудачно пользовался Конохамару, изображая квадратную скалу с отверстиями для глаз.

— ...Вот, и поэтому мы так долго: сначала мы его ждали, потом осваивали технику... — и долгий печальный взгляд на кастрюлю.

— Хочешь ещё?

Наруто замялся.

— Угу. Очень вкусно, Ирука, но я ведь уже съел две тарелки...

Улыбнувшись, налил ему ещё.

— Если хочешь, ешь.

— Спасибо!

Рассказывая, Наруто уничтожал борщ, размахивал ложкой и даже разок чуть не перевернул тарелку. А ещё он не забывал залезать в кастрюльку и подливать добавки. Задумавшись, я даже не обратил на это внимания. Они так долго возились с простой, пусть и незнакомой, техникой Е-ранга, а Узумаки выучил массовое теневое клонирование — дзютсу А-ранга, чуть больше чем за час. Наруто продолжил рассказывать про дзютсу, про то, как они его изучали, какие смешные результаты сначала были у ребят, что у них не получалось... К сожалению, я поздно обнаружил, что кастрюля почти показала дно.

Отвалившись от стола, Наруто довольно улыбнулся и полез за печеньем, но вот оно уже было лишнее.

— Уф. — запрокинул мальчик голову.

— Объялся?

— Ага. — и потянулся за ещё одним печеньем.

— И куда только лезет? Лопнешь же. — смеясь, отодвинул вазочку.

Наруто выдохнул и медленно вразвалочку, точно беременный пингвин, поплёлся в зал. Умопившись на диване кверху животом, он сыто рыгнул и расплылся в блаженной улыбке. Чудо в перьях.

Убрав на кухне, я пошёл в гостиную. Заметив, что я хочу сесть, Узумаки сонно потер кулачком глаз и с трудом сел, освобождая место.

— Спасибо. — погладив его по волосам, негромко сказал. — Наруто, ты говорил, что вернёшься через несколько часов, а сам пропал почти на целый день. Я волновался.

Наруто удивлённо поморгал и вдруг, виновато потупившись, втянул голову в плечи.

— Прости меня, Ирука-сен... — поправил сам себя. — Ирука... Я не хотел. Просто так получилось, что ребята хотели выучить дзютсу, а у них не получалось. А я обещал их научить, даттебайо! Поэтому я задержался так долго. Прости меня, я не забыл, что мы должны были сходить на полигон тренироваться! Я просто не мог их оставить, я же обещал! Ну прости, я не хотел тебя подводить. Пожалуйста, не сердись на меня...

И глянул так жалостливо, что захотелось тут же его убедить, что это не так.

— Наруто, — приобнял за плечо, — я не сержусь на тебя из-за того, что мы не пошли на полигон. Я волновался за тебя, потому что не знал, куда ты пропал. И уже начал опасаться, что с тобой что-то случилось, и хотел тебя идти искать. В следующий раз предупреждай, пожалуйста, если уходишь надолго, хорошо?

Теперь мальчик смотрел не столько виновато, сколько удивлённо.

— Ты волновался... за меня?

— Да, за тебя, маленький обжора!

Узумаки улыбнулся, но потом снова опустил взгляд.

— Никто за меня раньше никогда не волновался. — грустно произнёс мальчик почти шепотом. — Я... я не подумал, что ты будешь переживать, — шмыгнул носом, — прости меня, пожалуйста...

— Простил уже. — взъерошил его волосы. — Да хватит уже извиняться, ладно? В следующий раз, если у тебя с ребятами что-то не будет получаться, оставь это на следующий день. Тебе ведь тоже надо тренироваться. И куда больше, чем им. Ты ведь уже — настоящий шиноби. А они ещё только — ученики Академии. Кроме того, если у вас что-то не получается, ты можешь спросить у меня, я постараюсь помочь.

— Хай. — охнув, Наруто завалился на бок, но полный живот ему настроение уже испортить не мог.

— И кстати, — подсунул ему под голову подушку, — не нужно есть через силу. Ешь только когда хочется. И лучше подождать немного после первой порции, чтобы понять, сыт ты или ещё голоден.

— Ага, ох. Фу, второе печенье было лишнее...

— Скорее, пятая или шестая тарелка. Сначала мы пили пиво, потом шампанское, затем водку и вино, наверное, отравились печеньем. — хихикнул.

— Что? Что смешного?

— Нужно знать, когда остановиться. — прикрыл Наруто пледом.

— Я знаю. — вроде недовольно сказал, а на лице улыбка.

Когда мальчику стало получше, я погнал, несмотря на все протесты, его в ванную.

— Всё! — вылетел он в гостиную, на ходу засовывая голову в майку. — Помылся!

Развёл руки в стороны, показывая себя как на сцене артист, и замер выжидающе, глядя на меня.

— И?

Сделал вид, что не понимаю, почему он это мне сказал, тихо посмеиваясь.

— Сказку. — упрямо повторил Наруто, обнаружив, что надел футболку задом наперёд.

— Ладно. — лениво свернул свиток. — Сказку, так сказку.

Взял и рассказал «Репку».

— Ирука! Чо за фигня, даттебайо?!

Посмеиваясь, я сказал:

— Ты просил, что? Сказку. Вот сказку я и рассказал.

— Хочу такую же, как про кольцо и хоббитов сказку, даттебайо!

Мдя. Трилогия «Властелин колец» — сказочка на ночь... Ага. Почесал в затылке.

— Хм. Тогда... тогда, — думал я долго и наконец придумал, — один, два или три?

В руках у меня появились иллюзорные карточки чёрного цвета с белыми вопросами. Экран я мог трансформировать в мелкие предметы. Чтобы они не распались, мне нельзя было их отпускать.

— Э?

— За каждой карточкой своя история. Выбирай.

Я чуть не рассмеялся, глядя на озадаченного мальчика.

— Эта. — ткнул он наконец в среднюю карточку.

Поворачиваю картинкой к Наруто.

— А остальные? — с обидой спросил Наруто.

— Остальные в другой раз. — Дал Узумаки рассмотреть изображение. — Героя этой истории зовут довольно странно. Но и мир, в котором он живет, не похож на наш... Эта история о мальчике по имени Аанг. Последнем покорителе воздушной стихии и Аватаре четырёх стихий.

На следующий день Какаши меня порадовал. Да. Сделал всё ровно так же, как и в прошлый раз. А мне — радость. Отчёт переписывать не нужно. В этот понедельник мы разносили еду, катали бодрых, но неходячих больных подышать воздухом... Да много всего по мелочи. Было бы интересно узнать, как звучало задание. Потому что поручения нам давали все, кому не лень.

В холле мне на глаза попало любопытное объявление.

— Наруто, подождешь на улице? Я скоро.

Но он пролез между мной и объявлением и прочитал вслух:

— Курсы первой помощи... Ирука, а тебе зачем?

— Ну как «зачем»? А подумать?

В общем, Наруто сам понял, что навык этот в будущем будет полезен, и даже сам захотел ходить со мной на курсы. Перевязать и вправить кость, думаю, это будет полезно, а вот то, что для ирьенина ещё важен контроль и чакра у него неподходящая, пусть это скажет кто-то другой. А то амнезия у меня уж больно избирательная.

Мда.

— Пошли, — попробуем записаться.

Постучав в кабинет, указанный в объявлении, я с удивлением обнаружил уже знакомого мне медика.

— Здравствуйте, ммм... Окегиро-сан?

— Окегиро Камуи. — пришёл мне на помощь мужчина.

— Спасибо, Окегиро-сан, я тут увидел объявление о курсах первой помощи и базовому обучению на ирьенинов. Не подскажете, к кому я могу обратиться по этому вопросу?

— К кому угодно, можете ко мне. — взгляд врача стал заинтересованным.

— Что именно вам интересно?

— Всё. Можно ли записаться на эти курсы? — начал перечислять я. — Почему они так мало стоят, сколько времени займёт весь курс? Какие навыки мне будут доступны после курсов, когда проходят занятия? В общем, всё.

— А вы всерьёз заинтересованы в обучении? — Камуи скептически выгнул бровь и посмотрел на меня.

— Да, — согласно кивнул, — а почему я не должен заинтересоваться? Как заштопать себя или своих товарищей после боя или даже во время боя? — ответил вопросом на вопрос.

— Я думаю, что это лучше обсудить в моём кабинете, это совсем рядом. Пойдёмте. ...Вы не могли бы... — вздох, — мальчику нельзя.

— Отчего же?

— Эти курсы только для тех, у кого очень высокий уровень контроля чакры, тем, кто ещё с Академии пошёл в специальную программу, и для тех, у кого ранг — чуунин или выше. Таковы правила. — развёл ирьенин руками.

— Ясно. — хмыкнул я.

Наруто вздохнул и был отправлен домой.

Наконец мы с Окегиرو устроились для беседы, но он не сразу начал говорить. Будто выбирал, что сказать.

— Видите ли... — Камуи замялся, явно подбирая слова. — Очень немногие шиноби идут на курсы ирьенинов. Проблема в том, что для этой стези нужно или иметь много ян-чакры, как это было с Хаширамой Сенджу, или уже отличный навык трансформации обычной чакры в ян-чакру, либо и то, и другое. А ещё даже базовый курс ирьенина требует больших знаний и отличный контроль чакры, который большинству шиноби просто не требуется. Он для них избыточен, ведь большинство техник, включая и А-ранг, не столько нуждаются в контроле, сколько в большом объёме чакры и элементарной трансформации. Все эти огненные, земляные и водяные пули и драконы не требуют отличного контроля. Среднего вполне хватает.

— То есть курс ирьенина для обычного шиноби почти бесполезен? — подвёл я итог размышления врача.

У Окегиро подозрительно забежали глаза. На лице появилась фальшивая улыбка, после чего он ненатурально рассмеялся:

— Конечно же, нет! Я лишь перечислил отрицательные стороны такого обучения, только и всего. Простите мне мою однобокость. Конечно же, в том, чтобы быть ирьенином, есть и огромные плюсы.

— А можно узнать, какие? — дружески улыбнулся ему. Кажется, я притворяюсь лучше его.

— Ну, если ирьенин может значительно больше усиливать свои удары чакрой, а значит, его тайдзютцу станет значительно опасней. Возможно, вы не помните, но саннин Цунаде может одним ударом ломать

монолитные каменные стены. У неё просто чудовищная сила. Конечно, такого добиваются только единицы, но согласитесь, что даже усиление удара вдвое делает ваше тайдзютцу намного опаснее. — с жаром вещал мой собеседник.

Ага, и сильно оно тебе поможет, если твоя специализация — ниндзюцу или гендзюцу?

Я кивнул.

— А какие ещё плюсы есть у ирьенинов?

— Ну, на многие дзютсу благодаря лучшему контролю вы сможете тратить намного меньше чакры, так что контроль до некоторой степени заменит вам больший по размерам резерв.

— Замечательно. А можно с помощью навыков ирьенина модифицировать своё тело?

Окегиро в ответ на это помрачнел, внимательно всмотрелся в моё лицо и сказал:

— Увы, это хоть и перспективное направление, но после того, как Орочимару стал отступником, очень многое было изъято АНБУ. Только потому, что Орочимару был причастен к исследованиям.

— Но ведь раньше его исследования приносили пользу? До того, как он начал ставить бесчеловечные эксперименты! — я искренне удивился. Вроде здесь же шиноби живут, мысленно отметил, вздохнул, не понимая.
— А они в чистоплюйстве не замечены.

Ирьенин хмыкнул.

— Я тоже так думаю. — будто мысли подслушал. — Но кто я такой, чтоб указывать каге...

В глазах доктора промелькнуло что-то явно матерное в адрес Хирузена, но он сдержался. А я решил попробовать разговорить медика. Было видно, что Окегиро волновало происходящее и ему очень хотелось поделиться примерами несправедливости.

— Да уж. — изобразил, что расстроен. — Просто взяли и запретили всё. Не вникая в детали...

— Точно! — не выдержал Окегиرو. — Многие направления находятся под запретом только потому, что им не повезло оказаться в списке интересов Орочимару! Максимум, что нам позволено — это малые модификации. Нет, конечно, если стать неплохим ирьенином и завести достаточно умелых коллег, то вы можете усилить себя более серьёзно... Только большинство шиноби предпочитают не связываться с таким долгим и ненадежным способом. Считают, что лучше выучить очередное ниндзютцу позрелищней, — ядовито заключил Камуи, — чем учебник прочесть!

— У нас что, медицина в загоне? Нет, я понимаю насчёт модификаций, но как же другие специалисты? Я всегда считал, что мы одни из лучших в этой области среди... — искренне удивился я, но мужчина не дал мне закончить.

— Мы и были среди лучших! — он сморщился так, как будто сжевал целый лимон... — Клан Сенджу славился, помимо прочего, своими ирьенинами! Да и кроме них в Конохе было достаточно много кланов, которые занимались медициной! И, конечно, достигли на этом поприще больших успехов, взять тех же Акимичи или Нара... — сложил медик руки на груди, вздохнул и зло уставился в пространство. — Ну, а потом была Вторая Великая война, из которой мы официально вышли победителями. И в которой мы потеряли почти весь медкорпус. — с грустью сказал он. — Третий тогда не подумал о том, что медики на передовой слишком быстро погибают. Да, — едко заметил Окегиро, — медкорпус выполнил своё предназначение — спас тысячи жизней, как шиноби, так и гражданских, но был почти выбит. Не каге, а вредитель какой-то!

— Мой учитель говорил, — продолжил ирьенин, — что он был на собрании джонинов, тогда... — Медик вздохнул. — Когда Цунаде-сама обрушилась с критикой на Сарутоби и даже назвала его старым дураком из-за отказа готовить полевых ирьенинов, способных и лечить, и ещё выживать на передовой, — усмехнулся Окегиро. — К сожалению, тогда Третий отклонил её проект. — снова помрачнел Окегиро. — А потом...

Потом стало известно о преступлениях Орочимару... И нам в приказном порядке запретили вести исследования по ряду тем. Ими теперь могут заниматься, не особо, впрочем, афишируя, только клановые медики. Сейчас у нас почти нет полевых врачей, недостаточно финансирования и этот постоянный дефицит кадров... Люди не хотят идти в ирьенины. Слишком тяжело, долго, скучно, не престижно, слишком много ответственности и слишком мало платят... Я ирьенин А-класса, но получаю зарплату как чуунин, — сжал пальцами рукав халата, — который весь день стоит на воротах и ничего не делает. Из-за этого к нам не идут новые таланты, и с каждым годом эффективность нашей службы падает... Единственное, чего нам удалось добиться, — так это того, что деревня взяла на себя частичное финансирование курсов ирьенинов. Ведь шиноби, даже обладающий минимальными навыками первой помощи, может спасти жизни своих товарищей и сильно облегчить нашу задачу по их восстановлению...

Окегиرو вдруг устало потер лицо ладонями и грустно усмехнулся:

— Простите, я отвлёкся.

— Ничего страшного, — тепло улыбнулся, — я всё понимаю.

И я бы хотел записаться на курсы ирьенинов. Что для этого нужно?

Когда мы оформили все бумаги, я получил расписание занятий, попрощался и сказал, что принесу оплату к первому занятию, которое должно будет состояться в четверг. А в целом базовый курс для начинающих проходит по чётным дням — вторник, четверг и суббота, но завтра занятий не будет.

Я всё-таки решил пойти учиться на ирьенина. Причин тому было несколько. Первая — мне нужно было как можно быстрее сделать чакра-контроль Ируки своим, и желательно — улучшить его до максимально возможного уровня. Вторая причина была в том, что я хотел, чтобы в нашей команде было кому заштопать меня, Наруто и остальных, если кого-то из нас ранят. Мне почему-то не показалось смешным, когда всё, что смог предпринять Узумаки после атаки братьев-демонов — это разрезать себе руку, чтобы вышел яд. У команды не было минимально необходимой врачебной подготовки и медикаментов. А меня запросто

могут отправить с этими смертниками в Страну Волн. Третья, очень немаловажная причина — техника передачи чакры. Возможно, если я смогу освоить и применить её, то я быстрее смогу поставить Какаши на ноги. А значит — сохраню свою шкуру в целости. Конечно, можно было бы попытаться послать на курсы Сакуру... Да вот только здесь не аниме и не манга, и я не знаю, как быстро и каких результатов она добьётся. Пока её больше интересует цвет нового платья, в котором можно покрасоваться перед Учихой, и длина новой стрижки, что наверняка свалит Саске с ног и сделает его навеки её и только её!

Где я только на всё время найду? И если меня не будет вечерами, то чем будет заниматься и где будет болтаться Наруто? Тут я крепко задумался. Куда... куда... куда... О! Каруйи! Поначалу я хотел сразу попробовать устроить Наруто к Рею для изучения фуин. Но немного поразмыслив, решил, что спешить не стоит. Лучше сначала я спрошу разрешение у Данзо.

Вышел я из больницы.

— Этим я лишний раз продемонстрирую свою лояльность, привычное для Ируки поведение, а заодно напому, что кто-то обещал мне инструктора по тайдзютсу. — вслух размышлял я, ожидая, пока глаза привыкнут к солнечному свету.

О последнем мне напомнил своим видом пробежавший по крыше Зелёный зверь Конохи.

— А ещё мне кажется, что Данзо мне не откажет. Насчёт Третьего — не уверен. Поэтому писать ему не буду. Не то чтобы... Просто... — вздохнул, поглядев на каменные лица Хокаге, — да ну его! Возьму и поставлю перед фактом, что Наруто обучается фуиндзютсу! ... Если спросит. Но вроде бы запретить он не должен. — махнул рукой. — Посмотрим.

Вечером, когда Наруто уже посапывал в своей постели после очередной сказки, я взял конверт, стопку бумаги и ручку. Наконец из нескольких черновиков получился приемлемый текст.

«Доклад Шимуре Данзо. Приношу самые искренние и глубокие извинения за то, что отвлекаю Вас от важной работы своими мелкими проблемами, но считаю необходимым донести изложенную ниже информацию до Вашего сведения, поскольку в будущем она может повлиять на безопасность Деревни Скрытой в Листве. На данный момент джинчурики Кьюби-но-Кицуне не обладает никакими способностями для того, чтобы обуздать Лиса. Прошу дать разрешение на обучение Узумаки Наруто навыкам фуиндзюцу. Я считаю, что обладание такими знаниями позволит уменьшить риск внезапного прорыва Кьюби. Кроме того, ещё один мастер печатей в будущем усилит Великое Древо нашей деревни до самых глубоких корней. Также данная мера необходима, поскольку позволит снизить время, когда Узумаки Наруто будет находиться без надзора, ввиду того, что я вынужден буду проходить курсы для ирьенинов, чтобы хоть как-то повысить свою полезность, сниженную из-за потери части навыков. В случае, если Вами будет дано согласие, то он будет учиться фуиндзюцу под руководством главного специалиста госпиталя в области печатей Каруйи Рея. Да благословит Вас небо. Умино Ирука, Ассистент команды номер 7».

Запечатал в конверт и подписал: «Шимуре Данзо».

Во вторник, возвращаясь с миссии, я заметил куда-то спешившего по своим делам Маугли.

— Наруто, ты иди, я скоро вернусь.

— Ага. — без энтузиазма отозвался мальчик.

Уже привычно слегка сдавило виски. Неприятное ощущение отдавалось в нос едва различимым давлением. Я остановился и вернулся к мальчику.

— Наруто, — он обернулся, с надеждой глядя мне в глаза, — я правда скоро. — погладил его и передал свиток с глиной. — А ты пока отдохни.

— А что там?

Убегая, бросил:

— Дома откроешь, узнаешь!

Маугли, стоять! Чтоб тебя!

— Морио-кун! — окликнул его, изобразив радость. — Я как раз хотел с тобой поговорить.

Обернувшись, шиноби секунды две недоуменно смотрел на меня, потом сообразил.

— Конечно, — расплылся в улыбке, — дружище, пойдём...

— Я посоветоваться насчёт «Пиалы» хотел. Придём, покажу, что ещё придумал.

Связной сразу понял, что я собираюсь его использовать, так что ответил:

— Конечно, Ирука-кун, всегда рад помочь и выпить за компанию. Алкаш.

У входа нас заметил Сора.

— Умино-сама, добрый день!

— Добрый, Сора-сан.

Я попросил у него бумаги по проекту второго этажа и распечатал парочку эскизов вместе с конвертом. За ворохом бумаги передать «приятелю» нужный конверт не составило труда.

— Хм, ага, — исчез конверт с надписью «Шимура Данзо» — эти кабинки — очень интересная идея, дружище!

— То ли еще будет. — Ухмыльнулся я, закинув в рот какую-то закуску.

Морио одобрительно кивнул и засобирался.

— А платить, кто будет? Рикудо?

— Проклятье, — шутливо чертыхнулся Маугли, — может в долг?

— Не-а. Дружба дружбой, а деньги врозь.

Фыркнув, связной бросил на стол пару монет.

— Ни хрена ты не изменился!

— Удачи, — помахал, — Морио-кун.

Сделаешь гадость и на душе радость, да и деньги лишними не бывают. — Пересчитал монетки, — Вот жмот! Под расчет! А чаевые, не?

Сегодня в зале практически не было клиентов, так что Сора сидел в кресле за стойкой.

— Сора-сан.

Мужчина подскочил с места.

— Да, Умино-сама. Что вы хотели?

— Бумаги можно убрать. — Ссыпал мелочь в руку растерявшегося Соры,
— До свидания.

— До свидания, Умино-сама.

В среду Маугли встретил меня после работы и незаметно передал записку с ответом от Данзо. Клочок бумаги с двумя словами: одобряю, приступай.

В тот же день я стоял перед знакомой дверью. Макуто, который возвращался из Ичираку, поравнялся со мной у крыльца больницы и, увидев, куда я направляюсь, спросил:

— Ирука-сан, это к тому мастеру фуин?

— К нему, — ответил я. — Хочу устроить Наруто в обучение.

— Я подожду, — сказал Макуто и сел на скамейку у входа.

Чтобы Наруто завтра одному не скучать, пусть лучше он делом будет занят. Желательно — здесь.

— Да-да! Войдите!

— Каруйи-сан. Добрый день. — вежливо поклонился мастеру фуин.

— Здравствуйте, рад вас видеть. — Вы, наверное, пришли узнать про ваш набор тренировочных утяжелителей? Он будет готов уже на следующей неделе. Пока, слава богам, все идет быстрее, чем я предполагал.

— Рад это слышать, но у меня еще один вопрос. — открыто улыбаюсь, видя замешательство и настороженность в глазах Рея. — Каруйи-сан, вы берете студентов?

— А вы хотите заниматься фуиндзютсу? — удивился мастер. — Странный выбор для молодого шиноби.

— Почему же странный? Четвертый был мастером печатей, и благодаря этому смог создавать свои техники, Джирайя-сама также знаменит своими навыками в фуиндзютсу.

— Молодой человек, — снисходительно сказал мастер печатей, — позвольте вам кое-что объяснить. Фуиндзюцу является столь редким и сложным искусством по множеству причин. Первая, и главная причина — искусство печатей требует таланта, особого склада ума. Это как умение петь. Оно или есть, либо его нет. У большинства — нет. Еще одна причина — чакра. Фуиндзютсу требует много сильной чакры. — Прошелся по кабинету мастер, — Если ваша чакра слаба или у вас ее мало, то ваша печать не будет работать. А еще и неплохой контроль очень желателен. Еще одна причина — отсутствие знаний. Не в каждом клане есть знания о фуиндзютсу, отличающиеся от базовых, про бесклановых шиноби и говорить нечего. А фуиндзюцу — не только искусство, но и наука, причем очень непростая, и требует больших теоретических знаний, а также упрямства и усидчивости, а этим может похвастаться далеко не каждый. Еще добавьте сюда то, что в искусстве печатей очень много разных направлений: запечатывание, барьеры, медицинские печати, артефакторные печати, боевые, бытовые... Единственные, кто разбирался сразу во всех направлениях — это клан Узумаки из скрытой деревни Водоворота, у которых были и знания, и геном, но их, увы, уже нет. И их секреты утеряны вместе с ними. Но, наверное, главной причиной того, почему сейчас так мало мастеров фуиндзюцу в мире, является то, что лишь единицы мастеров могут применять печати без промежуточного звена — бумаги или иного материала, непосредственно в бою. Из-за этого никто не хочет тратить годы на изучение искусства печатей, не зная, принесет ли оно, в конечном счете, хоть какую-то пользу...

— Простите, — перебил я вежливо улыбаясь, — Вы помните мальчика, для которого я покупал первый набор утяжелителей?

Рей странно на меня глянул, но кивнул:

— Да помню.

— Он — Узумаки. Возьмете его в свои ученики?

Мастер скептически выгнул бровь:

— Вообще-то всем было объявлено, что джинчурики назвали в честь Узумаки, но он не...

— Это не так. Это должно остаться тайной, мальчик — он сын Кушины Узумаки. — не даю вставить даже слова Каруйи. — Вы хотите стать учителем будущего великого мастера печатей?

Рей оценивающе посмотрел на меня.

— Это правда, то, что вы сказали? Про... мальчика?

Я кивнул:

— Правда, вы в этом сами убедитесь. Но я повторяю, что это должно остаться секретом.

— Понимаю... — уже что-то обдумывая, потер он подбородок.

— И? — надоело мне ждать.

— Ммм... Я буду свободен завтра после пяти вечера. Вас устроит? Как...

— Умино Ирука. Да, устроит. До завтра, Рей-сан.

Я вышел из кабинета, и Макуто поднялся со скамейки.

— Всё? — спросил он.

— Всё, — ответил я.

Мы пошли вместе. Я думал о разговоре с мастером фуиндзюцу. Конечно, я мог бы предложить мастеру оплату за обучение Наруто, мог бы повести переговоры тоньше, но я не видел в этом смысла. Фуин-специалист был фанатом идеи. Он болел за свое искусство. Я это прекрасно понимал. И я посчитал, что воспитать великого ученика, что прославит имя своего учителя, для Рея важнее, чем деньги. Которые он, впрочем, все равно сможет получить, реализуя дополнительные фуин-печати, сделанные Наруто ради тренировок.

Макуто шёл рядом, не задавая вопросов. Когда мы повернули к его улице, он сказал:

— Хорошо, что Наруто будет учиться.

— Думаю, да, — ответил я.

— А вы, Ирука-сан, будете на своих курсах?

— Буду. — вздохнул я. — Надо же как-то повышать свою полезность.

Макуто кивнул и свернул в Ичираку — у него начиналась смена. А я пошёл домой.

Осталось только всё объяснить Наруто.

— Я дома!

Перепаханный глиной блондин взвизгнул и повис у меня на шее.

— СПАСИБО!!!

— Да не за что. — Ответил я с улыбкой, давя в зародыше раздражение. — Покажешь, что слепил?

— Ага!

Ничего страшного, жилет отстирается. В конце концов, глина — не масляные краски и её можно отстирать. Всё в порядке! — утомил я брезгливость.

Бросив испачканный жилет около дивана, я присел на корточки возле расстеленных газет.

У Наруто определённо был талант. У нас бы в институте его иначе, как гений, и не называли бы. Одной из трёх фигурок был напряжённо вглядывающийся вдаль заяц. Он держал ушки торчком, казалось, в любой момент мог дёрнуться и что есть прыти убежать от опасности. Второй фигуркой был медвежонок. Взгляд художника застиг его за катанием на спине. А рядом лисица-мать с целым выводком, копошащимся в её пушистом хвосте.

— Очень красиво. У тебя определённо талант.

— Спасибо. — Покраснел Узумаки, потупившись. — А это ты слепил девушку и ящерицу с крыльями? Ты лепишь красивее, чем я.

— Нет. Не красивее. — Взял кусок глины и вылепил подставку-горку. На неё я усадил медвежонка, убрав мелкий мусор.

— Мои фигурки были аккуратней, вот и вся разница.

— Здорово!

Когда я сказал, что фигурки можно будет обжечь, Наруто был так рад, что чуть не раздавил свои работы, когда прыгал и хлопал в ладоши.

— Всё, — тепло улыбаясь, пытался я успокоить мальчика, — отнеси их под стул, пусть сохнут.

— Хай!

Убирая, Узумаки вдруг спросил:

— Ирука, зачем тебе эти курсы?

— Какие? — Не сразу вспомнил я, — Ааа, ты про это... Я хочу быть полезным.

— Но ты полезный! Ты столькому меня научил!

— Этого мало. Вечно D-миссии мы выполнять не будем. А если кого-то ранят? Если я не смогу помочь в бою, значит, попробую быть полезен после него.

И тут до меня начало доходить, что Наруто тоже понял, что если я буду ходить на курсы, то он будет один.

— В любом случае ты один не останешься, когда я буду на курсах.

— Коно...

— Не-не-не! — Замотал я головой. — Я вот что предлагаю. Помнишь мастера печатей?

Кивок.

— Эммм... Рей вроде?

— Каруйи Рей, главный мастер фуиндзютсу Конохского госпиталя.

— Каруйи Рей. — Повторил Узумаки, — Это тот самый дядька, который делал мои утяжелители?

— Да, он самый — улыбаюсь. — Он согласен тебя учить. И если ты пойдёшь к нему, то однажды сможешь сделать такие же. Или даже лучше!

— Круто, даттебайо! — воскликнул мальчик с нешуточным энтузиазмом.

— Только не показывай ему печати, которые посмотрел в свитках Умино и Узумаки.

— Почему? — искренне удивился Наруто. — Он же мой учитель, я должен доверять ему!

— Мизуки тоже был учителем. — покачал я головой. — Рею нельзя этого показывать, потому что ты пока ничего о нём не знаешь. А ещё потому, что эти знания должны быть секретом. Общедоступные знания по фуиндзютсу и то, что вы разработаете вместе — это то, о чём ты можешь ему рассказать. А сейчас давай пройдемся по списку печатей, чтоб ты знал, что можно показать, а что — нет.

И вот в четверг Наруто отправился к мастеру фуиндзютсу, а я отправился постигать иренинское ремесло.

Макуто встретил меня у выхода из дома и пошёл вместе с нами до больницы. На перекрёстке Наруто свернул к кабинету Рея, а мы с Макуто поднялись на второй этаж, где находилась аудитория для курсов. Я немного опоздал, так что переговорить с одноклассниками не успел. Макуто остался в коридоре, сказав, что подождёт, но я заметил, как он заглянул внутрь через стекло в двери. Посидел на подоконнике, потом встал и прислонился к стене, глядя в пустой коридор.

Сел за свободную первую парту. Аудитория была не очень большая, что не мешало сделать из неё маленький амфитеатр. На каждой ступени умещались две длинных узких парты и скамьи. Обучать нас должен был некий Кито. Довольно молодой, но очень серьёзный парень, одетый в бежевый балахон, с кандзи «Доктор» на левой стороне груди и с высоким воротником, и в такого же цвета берете.

После переклички он толкнул речь про то, как важна работа ирьенина, как нам могут пригодиться врачебные навыки и как серьёзно нужно относиться к учёбе.

Я тогда подумал, что зря он это сказал. Ведь этим ремеслом мы не только свои шкуры латать и спасать будем, но и жизни товарищей. Но когда в аудиторию с опозданием припёрся смуглый типус в круглых тёмных очках, я понял, что не зря лектор распинался. Даже тут нашлись оболтусы, которые учились спустя рукава. По шепоткам с галёрки стало понятно, что многих сюда запихнули насильно. Так сказать, в добровольно — принудительном порядке. Очень предусмотрительно со стороны командиров групп. Может, не все джонины-сенсеи в этом мире клинические идиоты?

После речи все продемонстрировали свои навыки контроля чакры. У меня он был «средним по больнице», то есть вполне себе обычным. После чего была лекция о контроле и способах его улучшить, и лекция о том, какие упражнения нам рекомендуются для улучшения этого самого контроля: все те же хождение по воде, дереву, удержание листа. Далее лекция по ян-чакре. Из данной лекции стало понятно, что при смешении двух элементов — духовной и телесной энергии образуется чакра, которую легко использовать в дзюцу и для которой не нужно особого контроля... Но при этом, обретая большую универсальность, чакра теряет индивидуальные плюсы своих составляющих, так как они гасятся из-за противоположных начал.

— Для ирьенина особенно важно управление ян-чакрой, также, как для шиноби, специализирующихся на иллюзиях, важно управление Инь-чакрой при создании гендзюцу. Но в организме обе составляющие непрерывно смешиваются, из-за чего нам нужен отличный контроль для выделения составных элементов чакры либо для трансформации чакры в духовную или физическую энергию. Поэтому мы всё время потратим на работу с физической энергией.

После чего нам дали упражнения на отработку навыка выделения ян-чакры из обычной. И трансформации обычной чакры в ян. Порекомендовав использовать тот метод, который даст больший результат... И наконец Кито распустил нас по домам.

Я вышел из аудитории и увидел Макуто, стоявшего у окна в конце коридора. Он держал в руках потрёпанный свиток и что-то читал. Увидев меня, он сложил бумагу и сунул за пояс.

— Как занятия? — спросил он.

— Пока неплохо, — ответил я. — А ты что здесь делал всё это время?

— Читал, — он кивнул на свиток. — Тэучи-сан дал старые записи по фуин. Сказал, что никому не нужны, а выбросить рука не поднимается.

— И ты решил взять?

— Вдруг пригодится, — сказал Макуто и двинулся к лестнице.

Я пошёл следом, размышляя о том, что этот парень действительно не теряет времени зря. Пока я сидел на лекции, он изучал печати. Может, из него выйдет толк.

Мы вышли на улицу. Наруто уже ждал нас у крыльца, подпрыгивая от нетерпения.

— Ирука! Я сделал печать! — закричал он. — Маленькую, но работает!

— Покажешь дома, — сказал я.

— Хай!

По дороге я расспрашивал его о занятии с Реем. Наруто тараторил, размахивал руками, пересказывал, как мастер показывал ему основы нанесения простейших символов, как учил концентрировать чакру в кончике кисти. Макуто шёл сзади, слушал, но не вставлял ни слова.

Дома, пока Наруто в красках описывал свой успех, я заглянул в конверт с ответом от Данзо на счёт курсов. Всё было в порядке — разрешение получено.

Я смотрел на Наруто, который уже достал старую кисть и лист бумаги и принялся выводить какие-то каракули, и думал о том, что, возможно, у нас действительно получается команда. Не такая, как у Какаши, а своя. И Макуто — часть её.

Потом я пошёл на кухню готовить ужин, а когда вернулся, Наруто уже спал на диване, положив голову на папку со свитками. Макуто сидел в кресле, поджав под себя ноги, и что-то чертил на листке.

— Тоже решил учиться фуин? — спросил я.

Он поднял голову и показал листок. Там была набросана какая-то схема — не знакомая мне, но выполненная аккуратно.

— Читал свиток Тэучи, — сказал он. — Показалось полезным.

— Покажешь Рею?

— Пока нет. Сначала сам разберусь.

Я кивнул, накрыл Наруто пледом и сел рядом, размышляя о том, что этот тихий парень, возможно, выучит фуин быстрее, чем я научусь лечить. И в этом не было ничего плохого. Наоборот, в команде такой пригодится.

— Иди спать, — сказал я. — Завтра рано вставать.

Макуто кивнул, свернул листок, сунул его в карман зелёной куртки и бесшумно вышел в коридор. Через минуту я услышал, как скрипнула дверь его комнаты.

Я выключил свет и лёг на диван. В ушах всё ещё звучали слова лектора о ян-чакре и контроле.

«Скальпель чакры, — подумал я. — Интересно, у меня получится? Или это так же сложно, как нормально лечить?»

Мысли путались, и я заснул под мерный храп Наруто, который доносился из-под пледа.

Глава 17. Любовь зла?

Наруто был в восторге от мастера Рея. Только грустил иногда, что не может никому рассказать о том, чему уже научился.

— Каруйи-сенсей сказал, что я схватываю на лету! Я умный! Умнее Саске!

Я фыркнул, гоняя по ладони несколько бумажек с помощью чакры.

— Нашел, с кем себя сравнивать.

— Ирука! — разобидевшись, блондин сложил руки на груди.

— Что «Ирука»? — ехидно улыбнулся. — Как меня зовут, я помню.

Со стороны Наруто послышалось невнятное бурчание. Посмеявшись, я взъерошил мальчишке волосы.

— Саске — не тот человек, на которого тебе стоит равняться. Ты его очень скоро перегонишь, бери выше.

— Это как?

— Скоро умнее... — задумался, подбирая кандидата, — умнее Шикамару будешь!

— Этого лентяя? Пфе.

— Ладно, умнее каге, — быстро нашелся я.

— Ага, — довольно прищурился Наруто и разлегся у меня на коленях. — То-то, даттебайо.

— Наглый, — стал его щекотать, — наглый до безобразия!

И все бы было замечательно, но возникла небольшая проблема. За мной началась слежка.

После миссии в пятницу я впервые засек АНБУ. Сначала посчитал, что у меня разыгралось воображение: мало ли куда и зачем шел по своим делам боец «карнавала»... Но за мной действительно следили. Как я заметил, всего наблюдателей было четверо: Сова, Лис, Кабан и Кот. Следили за мной они по очереди. И будто бы специально маячили перед глазами, раздражая пристальным взглядом.

С тех пор я перестал открывать шторы, но какой от этого прок, если я чувствовал наблюдателей? Никакого. Наруто беспокоился, но спросить не решался. Вместо этого он всячески старался меня отвлечь или развеселить. И это ему удавалось с блеском. Наверное, потому что Наруто был из той породы людей, что заставят рассмеяться, даже если до этого тебе и улыбаться-то не хотелось.

Лисенок шутил, рассказывал про свои старые проделки и даже сетовал, что сейчас не может проверить таких же масштабных розыгрышей. А я в ответ говорил, что не запрещаю — делай, но с условием, чтоб потом мне отвечать не пришлось. Наруто в ответ показывал язык или просто корчил недовольную рожицу и этим всегда вызывал у меня улыбку.

В субботу, после работы, за мной хвостом увязалась Сова, которую уже перед самым нашим уходом с рынка сменил Лис. Какой-то зоопарк на выезде... На рынок мы пошли потому что у нас обоих не было занятий. Пара миссий пошли вкривь и вкось, и всем врачам и мастерам печатей пришлось в экстренном порядке проводить операции или ассистировать.

«Наконец-то рабочая неделя закончена, ура!» — Но даже внутренний голос звучал нерадостно и устало.

Наруто хотел уже побежать домой, чтобы скорее полюбоваться в зеркало на обновку. Я купил ему несколько маек и штанов. К счастью, продавец одежды, хоть и не был нам рад, но без всяких кривляний продал все, что понравилось Узумаки.

— А тебе вот эта куртка не нравится? — указал я на серую ветровку с капюшоном.

— Не-а, она такая... такая серая.

В итоге я уговорил его померить куртку. Она показалась Наруто удобной, но он отказался ее покупать.

— Почему?

— Я в ней на Кибу буду похож! Не нужно, — потянул за руку. — Пошли.

— Хорошо. Подожди на улице, я оплачу покупки.

Услышав, что мальчик вышел, я купил эту куртку, а к ней несколько отрезов ткани и ниток.

— Спасибо за покупку, шиноби-сан. Приходите еще!

— Обязательно. Не подскажите, где тут неподалеку есть ателье?

— Конечно! Моя жена занимается пошивом...

Выяснив все, что было нужно, мы с Узумаки пошли домой. Почти у самого дома Наруто забрал у меня пакеты и рванул в квартиру, а я остался ждать, потому что мы решили еще немного погулять.

Стоя у ворот перед домом, я услышал, как какая-то девушка громко крикнула:

— Привет, мой сладенький!

Тьфу! — скривившись, отошел от дороги ближе к забору, но не обернулся на сцену, что должна была последовать. Ее парня мне искренне жаль.

— Ру-ру!

В глубоком шоке я смотрел на стройные девичьи ноги у себя на поясе. Если бы я не схватился за забор, точно бы упал. И смотрел бы наверное еще дольше, если бы ухо не обожгло горячее дыхание:

— Ру-ру, ты скучал? — томно проговорила девица, теснее прижимаясь грудью к моей спине. — Ру-ру, не молчи!

Когда девица полезла мне за шиворот холодными пальцами, я смог абстрагироваться и как можно ровнее произнес:

— Вы, ошиблись. Слезьте, пожалуйста.

— Что? — пришиблено-тихо прозвучал голос, но ноги с моего пояса исчезли, как и тонкие пальцы из ворота.

Обернувшись, я нервно икнул.

Широко распахнув глаза, на меня смотрела Митараши Анко. Пусть даже не всегда можно было узнать в реальном человеке конкретного персонажа, но ее узнать было несложно. Темные волосы серовато-фиолетового оттенка, заколотые так, что торчат пушистым веером над ее макушкой, бледно-карие глаза. Одежда тоже была узнаваема по манге: бежевый плащ вместо стандартной формы почти на голое тело. Защитную сетку и оранжевую юбку, типа широкий пояс, одеждой можно было назвать, только имея изрядное чувство юмора.

— Что ты такое говоришь... почему?

Мне было так неловко, что я взял и ляпнул:

— Вы меня с кем-то спутали...

«О, — промелькнуло в голове, — это я сказал зря».

Отскочил от нее, разрывая дистанцию. Чудом увернувшись от тучи сюрикенов, метнулся за дерево.

— Вы в своем уме?!

— Где он? — рыкнула Анко. Возникнув передо мной, она попыталась схватить за предплечье. Я рефлекторно отбил ее руку. Наступая на горло инстинктам, кричавшим о необходимости атаки, я снова попытался разорвать дистанцию. Удержав контроль над телом, я не позволил себе вытащить оружие. Возможно, это было ошибкой.

— Змеиная рука, скрытая в тени! — выкрикнула Анко, и змеи из рукавов, решившие изобразить веревки, стали бы последней каплей для моей выдержки. Я бы ее точно атаковал. Вот только кунай было уже не достать. Плохо.

— Где «кто»? — просипел я. — Что ты сделал с Ирукой? Кто ты?

— Вы... — змеи сдавили грудь, так что дышать можно было только мелкими глотками, — вы не правильно по...

Шурх. Уставившись на острие куная, замершее в паре миллиметров от глаза, я чувствовал, как холодный пот выступил на лбу.

— Заткнись! — рыкнула куноичи. — Что ты сделал с Ирукой? Отвечай!

Я получил удар коленом в живот.

— Кха! — я не согнулся пополам только потому, что Митараша так и не убрала руку. Змей, впрочем, тоже.

— Футон: Порыв Ветра! — крикнул Наруто. Лицо обдало песком и мусором.

«Откуда он взялся?» — дернулся я в путах, — «он же должен быть дома!»

Позади что-то хрустнуло. Я повернул голову насколько мог. Из тени кустов выскользнул Макуто. В руке он сжимал свой короткий танто. Мальчик осмотрел захват змей, и его нож описал в воздухе короткую дугу. Одно движение — и голова той самой змеи, что сдавливала мне грудь, покатилась по земле.

— Пошел вон! — крикнул Наруто, стоя у ног Анко. — Он враг! Беги за подмогой, идиот!

— Сама иди!!! — вскричал Наруто, бросив в Анко несколько своих кунаев, один из которых попал в дерево рядом с моим ухом. — Убери змеюк от моего друга!

— Ах ты, тупой сопляк! — взвилась Митараши.

— Отпусти Ируку! — решил переорать ее блондин.

Макуто изменил стойку и, не произнося ни слова, молча опустил танто. В его глазах не было злости, только холодная концентрация. Он не бросился вперед — он просто выжидал. Мальчик замер у края дороги, но я знал, что через секунду он сможет реагировать быстрее, чем любой из нас.

Непонятно откуда взявшийся клон Анко схватил Узумаки и приставил ему к горлу кунай.

— Стой! — дернулся я в сторону мальчика.

— Куда ты, милый, — обманчиво-ласково промурлыкала Анко, — с тобой я еще не закончила. От ее тона меня прошиб холодный пот. Отойдя на полшага, она смерила меня маньячно-предвкушающим взглядом. — Не расскажешь, что это за техника на тебе? — провела кунаем, надрезав кожу на скуле. — Интересно... Я поиграю с тобой, пока не пришел Морино Ибики. Ты же знаешь, кто это такой? Если нет — я расскажу. Он начальник отдела допросов и пыток в АНБУ.

Я позволил себя обездвижить. Глупо. Очень глупо. Надо было ее атаковать, пока она раскрылась... Но она ведь не тронет Наруто? — в отчаянии подумал я.

— И ты скоро с ним познакомишься, — заливалась соловьем Митараши, — а мальчишка тоже подделка? Ммм?

— Не смей! — вскричал я дрогнувшим голосом.

Макуто вскинул руку. Его танто мелькнул в воздухе и со звоном отклонил кунай, который клон Анко направил к шее Наруто. Клон пошатнулся, и мальчик рванулся в сторону, вырываясь из хватки.

— Не могла же она его не узнать! — сглотнул я, в ужасе уставившись в лицо ее клона. — Или могла?

— А то что? — издеваясь, похлопала меня по щеке настоящая Митараша и брезгливо стряхнула что-то с руки.

— Что сделаешь?

Мысли металась в голове, но среди них не было ни одной приличной, а тем более дельной.

— Ты с ума сошла, змеиная подстилка?! — выкрикнул чей-то злой голос.

Змеи рассекли сюрикены, один из них пролетел перед моим лицом, Анко отпрыгнула, а рядом раздался хлопок. Вжавшись в дерево, я увидел, как схвативший Наруто клон развеялся от очередной железки. Мальчик был напуган и вертел головой, с недоумением наблюдая за перепалкой.

А тем временем Анко атаковал Лис, попытавшись достать ее в ближнем бою.

Макуто отступил и встал плечом к плечу с Наруто. Его дыхание оставалось ровным, хотя на лице выступили капельки пота. Он крепче перехватил танто и коротко кивнул блондину. Мальчишки переглянулись — и больше не нуждались в словах.

Оттолкнувшись от дерева, я разбросал дымовые бомбы, они как и в том сне про Мидзуки были в одном из отделений в нагрудных карманах. Создав пару клонов для отвлечения внимания, я драпанул к башне Хокаге, прихватив Наруто. Макуто побежал следом, не отставая ни на шаг, иногда оглядываясь на преследователей.

Уже находясь на крыше, кое-как объяснил мальчику, что мне нужно очень много клонов нас обоих. Миг — и сотни копий разбежались во все стороны.

— И ты! — крикнул я Макуто. — С ними!

— Хай! — ответил тот и, не мешкая, нырнул в самую гущу созданных копий, превращаясь в одного из многих.

Пусть этой бешеной АНБУшник или деревенский главнюк все объясняет.

Позади не стих еще шум борьбы, а любительница змей уже бежала за нами. Оставила теневого или земляного клона разбираться с «Лисом»? Плохо. Чуть не словил кунай в лоб. Это было близко... Конечно, некую фору мы получили, но Анко быстро сообразила, куда мы рвем когти, и забрасывала нас металлоломом, пытаясь достать.

Пробегая мимо небольшой группы людей, я, заметив знакомые лица, запустил им под ноги дымовые шарики. Пока мы были в дыму, клоны, я и Наруто применили на себя хенге тех шиноби, что оказались в дыму. Я нацепил личину Гая, а Наруто — Ли. Макуто превратился в одного из прохожих — неприметного мужчину в рабочей одежде. Мимикрия... блин! У меня больше нет чакры на теневых! — Но я видел знакомое красное здание и надежда на благополучный исход затеплилась в груди.

Резиденция уже совсем близко, пронесло...

Едва заметная боль в ноге. Этого хватило, чтоб на миг потерять контроль и полететь вниз. Но не успев оказаться на земле, я получил удар в бок, от которого отлетел, как мячик. В момент удара я с ужасом услышал внутри себя хруст. Не дав опомниться, Анко прижала меня к стене, с силой придавив предплечьем кадык. Еще немного — и я задохнусь.

Удержав контроль над телом, я не позволил себе вытащить оружие и атаковать куноичи. Во-первых, мне бы это все равно не удалось. Во-вторых, рядом с резиденцией Хокаге не сражаются, так как это не место для драки, и тут есть главнюк и его охрана. В-третьих, начини я отбиваться, только огреб бы еще больше. Поэтому я не рыпался.

Кстати, странно: резиденция каге была чуть ли не в двух шагах, но никто не спешил мне помочь.

Неподалеку от меня спрыгнул клон Анко, держа за шкирятник Наруто, с которого слетело хенге. Когда она встряхнула бессознательного мальчика,

как котенка, я рванулся было к нему, но в своем придавленно-придушенном состоянии сумел лишь отстраниться от стены, оттолкнув любительницу змей.

— Стоять! — заорала Анко, прижав меня к стене ударом предплечья. Она вопила что-то еще, но я не слышал.

Ни в той, ни в этой жизни оптимистом я не был. Предполагай худшее и надейся, что ты ошибся. Слыша лишь гулкое буханье собственного сердца, я безуспешно пытался найти в лице ребенка опровержение своих мыслей:

«Нет... Этого не может быть... Он не может... Он главный герой этого бреда... не мог же он... Нет...» Даже мысленно я боялся сказать эти слова. Слова, от которых веет могильным холодом.

Но, заметив, что мальчик хмурится, точно во сне, я облегченно выдохнул и, подняв глаза к небу, прошептал:

— Спасибо.

— Что ты бормочешь?! ГДЕ ИРУКА? Ты слышишь меня?! ГОВОРИ!!!

Бешеная снова напрыгнула на меня и, взяв в какой-то хитрый болевой захват, трясла как грушу.

— Успокойтесь, Анко-сан, — раздался чей-то знакомый баритон.

Я медленно повернул голову на звук. Но говорящего я смог узнать не сразу, левый глаз уже начал заплывать. Это Гай?! Я нашел в себе силы фыркнуть. А где его обычные вопли и идиотское поведение? Наставник Рока Ли был спокоен и абсолютно серьезен.

— Успокоиться?! Гай-сан, это не Ирука, это подделка! — орала Митараша, пытаясь держать нас обоих в поле зрения.

— Анко-сан, вы, наверное, последний месяц были на миссии и не знаете, что в результате... инцидента, так скажем, Ирука-сан потерял память.

Судя по расширившимся глазам и удивленно-недоверчивой физиономии, слова достигли цели.

— Что случилось? Как такое могло произойти? — забросала девушка вопросами джонина.

— Я не знаю всех деталей, — всё так же спокойно объяснял Зеленый Зверь Конохи, — но я слышал, что Мидзуки оказался предателем. И он смог обманом убедить одного из учеников Академии украсть Запретный свиток Хокаге. Когда Ирука-сенсей нашел ученика, предатель неожиданно атаковал коллегу. В результате Мидзуки проиграл и был передан АНБУ, но Ирука-сан был ранен и после этого инцидента потерял память.

Неподалеку возник помятый АНБУшник-Лис, но прерывать джонина не стал.

— Не верю! — воскликнула Митараши. В ее руке опасно дрогнул кунай, приставленный к моей шее.

— Анко-сан, — грязный и потрепанный Лис был в бешенстве, хотя по голосу и не скажешь. — Хватит. Иначе я доложу о вас Морино.

Вежливое обращение он выплюнул, как грязное ругательство. Детский сад. «Отпусти, не то нажалуюсь старшему».

В ярости Митараши швырнула кунай в землю и замотала головой:

— Нет, нет, нет, этого не может быть!!!

— Анко-сан, хватит! — положил Гай руку ей на плечо. — Мы взрослые люди... Анко-сан!

Лишившись поддержки змей, я сполз по стене на булыжную мостовую. Встав на колени, я смог подтянуть к себе мальчика. Когда я попытался встать, Наруто очнулся и принялся на радостях меня душить.

Утешая ревающего Наруто, я наблюдал такую картину: вменяемый Гай утешает убитую горем Анко, а ошивающийся рядом АНБУшник что-то недовольно бухтит себе под нос.

— Анко — девушка Ируки... Это жестоко, — флегматично глянул на двоящиеся облака.

Камни были теплые, но меня почему-то слегка потряхивало. И казалось, что я выдыхаю холодный воздух, будто внутри легких температура ниже нуля.

— Ирука-сан, вы в порядке? — попросил Майто.

По-птичьи наклонив кружащуюся голову, я сказал:

— А вы как думаете? — попытался пошутить.

— Ирука? — отстранился Наруто, хлюпая носом.

Когда и как пропала Анко вместе с АНБУ — я не понял. Но остался Гай, он и Наруто потащили меня в больницу.

Макуто шел сбоку, держась чуть позади. Он молчал и, кажется, даже не смотрел на меня. Я заметил, что его левая рука была плотно прижата к телу, а ткань на рукаве темнела и поблескивала. Похоже, ему досталось посильнее, чем я думал. Мальчик не жаловался, только изредка морщился, делая слишком резкие движения.

Но когда до порога госпиталя оставалось буквально пара шагов, я почувствовал, что мне стало хуже. В глазах потемнело, и я отрубился.

Темнота расступилась, показывая небольшой аскетично обставленный кабинет. Здесь был только я/Ирука и его начальство — Данзо. Он сидел за широким столом, держа в здоровой руке какую-то карточку. Я знал, что этот кабинет находится глубоко под землей, как и весь комплекс. Но почему-то не мог сообразить, где на территории Деревни все это находится.

— Ирука-кун, у меня есть для тебя поручение. — Шимура положил фото на край стола передо мной.

На карточке была изображена Анко. Она выглядела гораздо моложе и одета была скромнее.

— Знаешь ее?

— Это — бывшая ученица Орочимару, Митараши Анко. Я ее почти не знаю. — Отозвался я, подняв взгляд. — Данзо-сама.

— Из семьи потомственных шиноби, — из папки мне в руки переключалось несколько листов, — неклановая. В Конохе ее ничего не держит. Живых родственников нет. Была беззаветно предана Орочимару. Может быть шпионкой Белого Змея. Расследование ничего не дало, формально она чиста... Ты должен сблизиться с ней. Стань ей другом, если потребуется — любовником, следи за ней и узнай, насколько она лояльна Орочимару. Если она верна Конохе, узнай — насколько. Она может быть полезна корням Великого дерева.

— А если она все еще верна Орочимару?

Спрашиваю бесцветным голосом, возвращая бумаги.

— Если она все еще верна ему и ее задание — шпионить, тогда... Ты получишь дополнительные инструкции...

Смена «декораций». Я сижу в «Пестрой пиале» и пью с Морио. Чувствуя, что сильно пьян, протыкаю палочкой для еды ни в чем неповинных кальмаров, да так, что тарелка подпрыгивает.

— Чего-то выглядишь грустным... Случилось что? — Спросил Маугли.

— Да надоело все... — Тарелка снова жалобно звякнула. — Надоело возиться с демоненком и кормить его за свой счет. До чертиков надоело сидеть в этой всеми богами проклятой Академии и возиться с этими сопляками... Достали...

— Ну эти сопляки — будущие главы кланов. — Вытянул Морио кальмаров из-под удара, — Тебе ведь попался очень удачный класс, разве нет? — Улыбнулся собеседник.

— Ага. — Буркнул, скривившись. — И Данзо-сама, и Третий не упустят еще одной, даже самой маленькой, возможности повлиять на кланы. Вот только мне с этого пользы никакой. Вместо того чтобы брать нормальные миссии и получать достойную плату, я вожусь с этими мелкими...

Палочка в моих руках переломилась, сухой треск скрыл непечатное слово.

— Ну, не все так плохо, — утешил шиноби, — у тебя Анко есть!

— Анко?! — Глянул на Маугли, как на умалишенного. — Ты смеешься?

— А с ней что не так?

— Что в ней не так... — Повторил. — Нет, ты смеешься?! А что с ней так?! Вместо того, чтобы найти себе жену, я трачу время на Митараши! Из-за проклятой печати ее предел — ранг специального джонина. Она чакры много использовать не может, и никто ей не доверяет... Мало ли, что там придумал ее учитель? А вдруг он ею управлять через печать может? Слушать, видеть или даже вовсе — тело захватить? Может, она с этой печатью родит каких-нибудь уродов?

— Эээ, — скосил сильно округлившиеся глаза Морио, — зато она красивая, и в постели, наверное, хороша, а? — Справившись с офигением, сально подмигнул Маугли.

— Хорошо-то хороша, — выпил очередную чашку саке, — да только хорошо с ней было, пока я не узнал, что такие же, как у нее, проклятые печати Змей ставит тому... тем, в чье тело вселиться собирается. Жуткая техника... Я как узнал — чуть импотентом не стал. Представь себе, просыпаешься ночью, а вместо нее уже Орочимару... — матюгнувшись, передернул плечами. — А теперь совсем плохо. Мне и так приходится выслушивать всякое за то, что с демоненком вожусь, так меня еще и змеиной подстилкой попрекают... Этак я скоро сам изгоем стану...

Вырвавшись из мерзкого сна, понял, что я лежу на больничной койке. Моим лечащим врачом оказался Окегино. Камуи был рад мне как родному. Сочувствовал, соболезнавал и даже рассказал о диагнозе. Но понимал я все ме-е-едленно... Меня накачали лекарствами и антидотами. Хотели оставить на ночь в больнице, но после моей настойчивой просьбы — все же отпустили домой.

Еле живой я переполз через порог и растянулся в прихожей. Потом, конечно, собрался и с помощью прибежавшего Наруто снова встал на подкашивающиеся ноги. И рухнул опять. Теперь на диван.

Итогом этой потасовки с Митараши были: ушибы, синяки, пара сломанных ребер, порезы и отравление двумя разными ядами (один из которых воздействовал на систему циркуляции чакры). Противоядия к ним и лекарства на пару дней лишили меня возможности тренироваться. Из-за яда у меня был никакой контроль чакры, но это было полбеды:

второй яд, кроме всего прочего, имел один неприятный эффект, не сразу убирающийся антидотом, — особенно, если опоздали с его вводом, — он замедлял естественную регенерацию.

А еще я очень туго соображал: то ли из-за ядов, то ли из-за лекарств, то ли из-за всего вместе. Так что просьбу в ближайшие пару дней не тренироваться ирренин повторил мне аж три раза. Я почувствовал себя жирафом.

— Ты как? — легонько потормошил меня за руку Наруто.

— Скорее жив, чем мертв, — вздохнул, прикрыв глаза.

— Есть хочешь?

— Не, спать... Наруто, а ты поел?

— Нет, я тебя ждал.

3,14 здец! — молча изобразил фейспалм.

— Ясно. Сейчас... ох!

Но когда я попытался встать, Наруто уперся руками мне в грудь.

— Лежи! — силой уложил обратно. — Я сам подогрею! И тебе, и себе поесть! Лежи!

— Спасибо, — снова попытался встать.

— Ирука! — возмутился Наруто. — Что ты как маленький?! Даттебайо! Я сам!

— Все, я понял, — тепло улыбнулся. — Лежу, вставать не буду.

Узумаки посмотрел с укором, накрыл меня пледом и пошел на кухню. А потом еще несколько раз высовывался, проверить: не встал ли я. Макуто, которого я только сейчас заметил, сидел в углу дивана. Наруто перевязал ему руку, и теперь парень в зеленой куртке сжимал рану, глядя перед собой спокойным, слегка уставшим взглядом.

Пока мальчик гремел кастрюлями, я успел пригреться и задремать. Из безумного сна, навеянного лекарствами, меня выдернуло деликатное покашливание. Открыл глаза и вжался в диван. Бежать было некуда.

— Ру-ру... — Гостья грустно улыбнулась, присев на корточки около дивана. — Извини, я не знала. — Легонько провела пальцами по царапине, оставшейся от ее куная. — Я...

— ТЫ!!! Злюка!!! — Взревел Наруто и попер на Анко со сковородкой в руках. — Уходи отсюда!!! А то как врежу!!!

Поначалу Анко опешила, но, приклеив на лицо ехидную ухмылку, издевательски проговорила:

— Какой грозный малявка. Кыш отсюда. Это не твое дело. Иди к себе домой и не мешай взрослым!

Тут уже не стерпел я. Что она себе позволяет?! Сначала избила, порезала и отравила! А теперь еще смеет гнать Наруто?!

Шумно втянув воздух носом, я с трудом сел и холодно, с нажимом проговорил:

— Уходите.

— Ирука? — ошарашено уставилась на меня Митараши.

— Уйдите! — попытавшись встать, я потревожил синяки и с шипением рухнул обратно.

«Больно». — Пронеслось в мозгу. Но это явно не относилось к моему состоянию. Это снова были чужие мысли или чувства.

Ей-то чего? Я же ее и пальцем не тронул!

Сжав подрагивающие губы в нитку, Анко часто-часто заморгала и сдернула с шеи кулон. Не тот клык, что был у всех на виду, а другой. Второй кулон, что был под широкой полосой ткани — воротом защитной сетки. Девушка сжала его в руке, будто собиралась им в меня швырнуть. Но вместо этого вытянула руку и разжала трясущийся кулак. Побрякушка упала мне на колени.

— Забирай это! — прошипела она не хуже змеи. Взмахнула полрой плаща и ушла, шархнув хлипкой дверью о косяк.

— Ирука, — запричитал Узумаки, вернувшись из коридора, — извини, я опять забыл закрыть. — Погрозил двери. — У-у-у! Бака она!

Я чисто механически кивнул, но ничего не сказал.

В голове была такая каша...

— Ирука, что это у тебя?

На ладошке Наруто лежал каплевидный кулон из черного металла с кораллово-красными лепестками. Было похоже на костер.

— Побрякушка, — сказал я и взял её.

Как заснул — не помню, но очнувшись, я с трудом опознал потолок гостиной.

Макуто больше не было. Он ушел, пока я спал. На столе у дивана лежала сложенная записка. Я развернул ее дрожащими пальцами: *«Ирука-сан, я в Ичираку. Наруто знает, где меня найти. Спасибо.»*. Я посмотрел на сухое, чернильное спасибо и, почему-то, вспомнил лезвие его танто, рассекающее змею. Сильно.

Мне казалось, будто в череп набили ваты, и, судя по ощущениям, утрамбовывали ее ногами, обутыми в армейские берцы. Мысли копошились, как сонные мухи. Это состояние напоминало мне отходняк после наркоза. Хотя, может, это он и был? Мне чудилось, что вместо костей у меня грубая проволока, кожа — тонкая папиросная бумага, а между ними пустота. Казалось, что если я сожму руку, то проволока пропорет костяшки, как кунай — бумажный фонарик.

«Отпусти меня, чудо-трава». — Переборов себя, я взялся непослушными руками за плед и укрылся с головой. Хотел посмеяться своей шутке, но бросил это дело. Голова только сильнее болеть стала.

Больше часа я тупо пялился в тряпку, пытаюсь разобраться и обдумать. Но бросил это дело, высунул голову и уставился в окно. А там было темно, непривычно пасмурно. Но в этой погоде я чувствовал что-то родное.

Закутавшись в плед, я раскрыл окно и опустился на колени, чтоб было удобно положить руки на узенький подоконник и упереться в них челюстью. Я сидел и думал об Анко. Оставленный ею медальон выбил меня из колеи. Даже возникла мысль пойти к ней и извиниться. Она вправду была расстроена. Но такие еретические поползновения были безжалостно загнаны в самый дальний угол. Я ранен, мне плохо, и вообще это она во всем виновата! Зараза бешеная!

...Надеюсь, я сумею наверстать упущенное время.

— Это все я, — мрачно пошутил про себя, тоскливо глянув на книгу по менталистике, — буду изучать сам, пока контроль не восстановится...

Очнувшись, я по привычке попытался сделать клона, но у меня ничего не вышло, только хуже стало. У меня и у Наруто хотя бы один клон всегда оставался в квартире с книжкой. Своего я запираю в спальне печатями (они находились снаружи на окне и на двери), чтоб он не мешал дублю Наруто заниматься и не смотался, если вдруг заскучает. Этих клонов Узумаки пафосно называл: «Тренировка мозга», а я своего (мысленно) — «Узник Азкабана».

И вообще, — снова начал возмущаться я, — мы оба взрослые люди и шиноби, всякое могло случиться, чего она меня сразу искалечить попыталась? И где она была, пока я в больнице валялся и учился находить свою квартирку без карты и рынок — без проводника? Мне даже кажется, что где-то в Деревне я ее мельком видал. Но я не уверен.

Извиняться она тоже странно пришла — Наруто стала из дома гнать. Нет, я определенно чего-то не понимаю...

Но не только это меня лишило душевного покоя. Я поймал себя на том, что всерьез назвался шиноби. И что квартиру Ируки и это место всерьез, даже в мыслях, начал считать своими. И еще удивило то, что эти странные оговорки я обнаружил только сейчас.

Потер руками виски:

— Спать. Спать. Спать. — повторял я, как мантру. — Но сначала — помоюсь, а потом на нормальную кровать!

В этом прямоугольном тазике, по недоразумению названном ванной, я чуть не уснул. Проснулся только потому, что вытянутые на стену ноги начали замерзать.

Уже засыпая в нормальной постели, я всё никак не мог понять: зачем она оставила мне этот медальон?

Когда я проснулся в следующий раз, на улице снова было ясно. На автопилоте встал и пошел готовить завтрак. Ведь нам сейчас на миссию, — достал что-то из холодильника, — а еще нужно приготовить для себя и для мальчика...

Тут я услышал мерзкий скрежет и опустил глаза.

— Мда...

Долго думал, глядя на бутылку молока, на разделочную доску и на нож у себя в руках. А потом мой взгляд упал на календарь, и я понял, что сегодня воскресенье. Подумав, что поесть бы всё равно не помешало бы, я полез достать чего-нибудь к молоку.

— Блины. — Останавливаю взгляд на полках. — Много блинов. Очень много...

Когда он только успел?

Мда... Может, я зря научил Наруто их готовить? Ну хоть кухарничать не придется. А еще надо будет как-нибудь потом ему объяснить, что для больного полезнее будет куриный бульон или хотя бы каша... Хотя, поймет это Узумаки или нет? У него самого ведь какой-то биореактор, а не желудок... Переваривает все!

Полез в шкаф с крупами.

— Овсянка, сэр. ... Обломитесь, Беримор, манка! ...Или всё же овсянка?

Задумался.

— Эники, — ткнул пальцем в пакет с манкой, — беники, — в овсянку, — курили веники. Эники беники глюк. Вышел веселый каюк.

Да, чтоб тебя!

О, точно! Можно сделать блинный пирог.

Апчху.

Пришлепавший на кухню Наруто смотрел на меня обеспокоенно, словно я вот прямо сейчас грохнусь и помру. Улыбнувшись, я еще больше растрепал всклокоченные волосы и погнал его мыться.

— Наруто, я приготовлю еды на сегодня и завтра. Кроме того, мне после вчерашнего придется поменять нашу программу тренировок. В общем, если хочешь поиграть с Конохомару и его командой, то я жду тебя через...
— задумался, прикидывая, сколько у меня займет готовка, — через три.

— Хай! Я буду здесь через три часа, обещаю, даттебайо!

— Не спеши. А то придешь и ждать придется.

За стряпней я снова думал об Анко. Возможно, вчера я был слишком предвзят по отношению к Митараше. Да, она ошиблась, но она беспокоилась за меня... то есть за Ируку... которым сейчас являюсь я... А-а-а! Короче, она посчитала, что задержав подделку, спасет Ируку! Да, она меня отделала, но ведь потом она пришла извиниться.

— Нахмурился. — А после этого наехала на Наруто!

Чувство вины стало меньше.

— Но она же не знала, что он у меня... тут живет. Блин! И почему мне кажется, что я тут в чем-то виноват?! ... Но я же не виноват?! Или виноват? ... Бли-и-ин... Я схожу с ума...

К счастью, мои душевные терзания прервал Наруто. Вернулся он даже чуть раньше — детвора доучивала маскировочную технику, выученную ими на прошлой неделе.

Перекусив, мы пошли на полигон. По дороге туда я рассказал Наруто свои планы на сегодняшнюю тренировку... Он долго смеялся. Еще бы! Я попросил его научить меня скакать по деревьям. В учебнике это подражание макакам обозвано было: «Передвижением верхними путями».

— Ирука, — снова стал хихикать, — но ведь ты тогда от Анко убегал по крышам. Это почти тоже самое!

— Жить захочется — вспомнишь и то, что забыл, и даже то, что никогда не помнил.

Я замолчал, заметив знакомые метки на стволе дерева у тропинки. Макуто стоял под ветвями, прислонившись плечом к стволу. Он ждал нас, судя по всему, уже давно. Из замотанной руки торчал край бинта, но сам мальчик не выглядел ни уставшим, ни обеспокоенным. Увидев Наруто, он кивнул и, не говоря ни слова, пошел с нами.

Надвигалась радужная пелена барьера. Шаг — и мир по ту сторону исказился до привычной глазу пустынной зелени.

Я плюхнулся под дерево, а рядом пристроился лисенок.

— Ирука, а что ты сегодня хочешь делать?

— С тобой и Макуто, — ответил я, косясь на парня в зеленой куртке. — Учиться прыгать по этим самым...

— «Передвигать верхними путями»! — пыхнул Наруто и снова начал залиvistо ржать.

Переведя взгляд с темного окна на часы, я не на шутку забеспокоился. Ведь они показывали семь вечера.

— Ирука, ты чего?

— Я? — Наиграно флегматично, — Ничего.

Но тут я понял, что за нами следит не только АНБУ, но и кто-то еще. Я остановился и прикрыл глаза, чтобы сосредоточиться.

Смущаюсь. Боюсь. Что за... — покосился на АНБУ. — Тихо радуюсь. Нет. Это не он. — повернулся в другую сторону.

— Здесь. — прошептал я.

Испуг! Оно!

Последние несколько ощущений вызывали только один образ: девочка еще меньше ростом, чем Наруто. Симпатичная, но... Не привык я еще к дикому окрасу местного населения. К натурально-странным цветам шевелюры... Хотя после зеленого хаера в розовую клеточку я должен был бы относиться к этому спокойней, да и после Сакуры — тоже. В общем, темно-синие волосы принцессы клана Хьюг я воспринимал более или менее нормально... Но вот глаза... Глаза у Хьюг — это тихий ужас. Почти белая радужка с лавандовым или серо-лиловым отливом, и если не присматриваться, то без зрачка. Если присмотреться, то кажется, будто они купили бракованные линзы для Хэллоуина.

И вот одна такая, сбежавшая с «праздника», за нами и шпионила.

Я поманил Наруто и прошептал ему на ухо:

— Там за деревом Хината, — не дал ему повернуть голову, — пойдя, поздоровайся.

— Чо? Зачем?

— Не «чо», а «что». Тебе трудно, что ли?

— Не, ну-у, — протянул Узумаки, — не трудно.

Макуто, который шёл чуть сзади и внимательно осматривал кроны деревьев, остановился. Я поймал его взгляд и кивнул в сторону кустов, где

пряталась Хината. Макуто спокойно перевёл глаза на Наруто, потом на меня. Он ничего не сказал, просто дёрнул плечом — мол, понял.

— И? — улыбнулся я. — Чего стоишь?

— Ладно. — повернулся и громко крикнул. — Привет, Хината-чан! Хината-чан, ...ты где? Ирука, она точно здесь?

— Хината, выйди, пожалуйста. — попросил я, уже начиная беспокоиться.

Маленькая Хьюга осторожно вышла из тени дерева.

— Здравствуйте, Ирука-сенсей. — не поднимая глаз, она упёрла указательные пальцы в своём коронном жесте и застенчиво прошептала, — Добрый день, Наруто-кун.

— Добрый день. — тепло улыбнулся я и пихнул Наруто в спину к девочке.

Пока глаза под чёлкой не видно — на нормального человека похожа.

— Привет! — ослепительно улыбнулся мелкий, а затем стал заваливать стремительно краснеющую девочку вопросами. — А что ты тут делаешь? Гуляешь? Хочешь с нами на полигон? А ты призраков не боишься?

Хината едва слышно пискнула и отошла на шаг, помотав головой.

— Чего? Не хочешь пойти? Жалко. — искренне посетовал Наруто, не заметив реакции девочки.

Видно было, что Хината совсем не против пойти, но из-за стеснительности ответить «да» она не могла.

Ничего себе...

В конец запутавшись, Хьюга решила вопрос кардинально — хлопнулась в обморок. Наруто в последний момент успел подхватить оседающую на землю девочку:

— Хината-чан, Хината-чан! Тебе плохо?

А в ответ он услышал своё имя, сказанное заикающимся робким шепотом. Было забавно это всё наблюдать, но я подумал о том, что если она и дальше будет себя вести точно так же, то ничем хорошим эта любовь не кончится. Наруто не догадается, а она будет молчать аж до шестнадцати лет. Это мне, как зрителю, было понятно, что Хината влюблена в Узумаки, но что тогда думал сам шестнадцатилетний Наруто, когда Хината призналась ему? Недоумение и растерянность? Если уж им суждено быть вместе, то лучше, чтоб они узнали друг друга как можно раньше.

Макуто подошёл ближе и встал рядом. Он смотрел на разругавшуюся Хинату, потом перевёл взгляд на Наруто, который держал девочку за плечи, и тихо сказал:

— Хорошая пара.

Я усмехнулся про себя. Похоже, Макуто тоже понимал, какая именно девушка нужна Наруто. Не крикливая Сакура, помешанная на внешности и статусе, а тихая, преданная Хината, которая готова ради него даже в обморок падать.

Пока я размышлял, Наруто поставил шатающуюся Хьюгу на ноги и потянул меня в сторону квартала Призраков.

— Ты иди и жди меня у барьера, — вытянул свою руку, — а мне с Хинатой поговорить нужно.

— Угу. — кивнул, но с места не сдвинулся, с любопытством разглядывая уже дымящуюся малышку.

Макуто замер на месте, не собираясь уходить. Он сложил руки на груди и стал ждать, чем закончится разговор.

— Иди. — взъерошил волосы. — Нечего уши греть.

— Пока, Хината-чан!

Когда Узумаки ушёл достаточно далеко, я присел на корточки около девочки. Макуто остался стоять сбоку, готовый в любой момент поддержать Хинату, если она снова потеряет сознание.

— Хината, — пощелкал пальцами, привлекая внимание, — Хината-чан.

— Хай, — придушенно пискнула девочка, — Ирука-сенсей.

— Тебе нравится Наруто?

Малышка снова густо покраснела, но в обморок падать не спешила.

— Можешь не говорить, — доверительно улыбнулся, — вижу, что угадал.

Внезапно она вцепилась в мой рукав и отчаянно-испуганно посмотрела в глаза.

— Не говорите ему, пожалуйста!

— Почему? — вздохнул, такой ответ меня порядком огорчил. — Ты ведь никогда не сможешь перебороть страх и сама подойти.

— Пожалуйста, не надо, Ирука-сенсей! — жалобно пролепетала она, чуть не плача.

— Прости, Хината-чан. — мягко отцепил её ручки. — Чуть до слёз не довёл, дурак старый. Но мне кажется, что ты зря скрываешься. Знаю, что любишь его, но вот вопрос: Хорошо ли ты знаешь Наруто, чтобы любить? Ты ведь не знаешь о нём ничего, кроме его мечты стать Хокаге и того, что он любит рамен, разве не так?

Хината прижала руки ко рту, испуганно глядя на меня.

— Может, тебе только кажется, что ты его любишь...

Макуто шагнул вперёд и тихо сказал:

— Он хороший. Сильный. Добрый. Не упускай.

Девочка подняла на него испуганные глаза, потом перевела взгляд на меня, потом снова на него. Кажется, она даже дышать перестала.

Помотав головой, она едва слышно прошептала:

— Нет-нет-нет.

— Но ведь ты его не знаешь! Не знаешь, — покивал своим словам, — потому что боишься подойти. Боишься заговорить и узнать его ближе. Но знаешь, Хината-чан, я ничего ему не скажу...

Хьюга облегчённо вздохнула.

— ...Не скажу до первой его миссии С-ранга.

Что?! — «услышал» я.

На миловидной мордашке крупными буквами читалось: Как вы можете?!

Не удержавшись, я хихикнул.

— Время ещё есть, но его не так много. Дерзайте, принцесса, у вас всё получится!

Макуто коротко кивнул девочке и, не оборачиваясь, пошёл к выходу из переулка. Распрощавшись с принцессой клана Хьюг, я побежал догонять Наруто и Макуто.

У границы полигона я не обнаружил блондина.

— Наруто? Наруто, ты где?

— Хи-хи... — слышалось от ближайшего к дороге куста.

А, вот ты где.

Куст шевельнулся, и оттуда вышел не только Наруто, но и Макуто. Парень в зелёной куртке отряхнул рукав от прилипших листьев и спокойно сказал:

— Он решил спрятаться. Я его ждал.

— Ясно. — Деланно вздохнул, пнул барьер и повернулся, чтоб идти обратно.

— Я здесь! Я здесь! — зачастил Наруто, продираясь напрямик. — Идём.

Освоение верхних путей требовало простора и постоянного движения, так что в какой-то момент я оказался в той части полигона, в которой раньше никогда не был. Спрыгнул вниз. Под густой листвой царил прохладный сумрак. Тихий шепот листвы и какое-то потустороннее безмолвие. Я поймал себя на том, что прислушиваюсь, пытаюсь уловить любой другой звук. Я даже стал слышать биение своего сердца, а вокруг было всё так же тихо. Внезапный шорох заставил меня вздрогнуть и выхватить кунай.

— Ирука, ты чего?

Выдохнув, убрал оружие:

— Напугал.

— Хе, — ухмыльнулся мелкий, — а я не боюсь! Ирука, а ты домик призраков видел?

— Что? — Обратился в слух. — Какой такой домик?

— Там. — Махнул блондин в сторону. — Пойдём, я покажу.

Макуто, который шёл чуть позади, услышал этот разговор и свернул следом за Наруто. Мы вышли к крохотной полянке, где стояло небольшое каменное строение. Оно напоминало придорожное святилище, но раза в два больше. Да и у придорожных святилищ обычно дверей не бывает.

— Наруто, ты там был?

Мальчик отрицательно покачал головой.

— Нет, я туда не ходил... — скованно пожал плечами, пытаясь изобразить равнодушие и уверенность. — Незачем было.

Там может быть что-то интересное. И надеюсь, полезное.

Он уже хотел зайти, когда я его притормозил. — Пусти вперёд клона. А лучше несколько. Вдруг там ловушки.

Наруто кивнул, сложил печать, и клон, аккуратно открыв дверь, зашёл. А следом за ним — ещё двое.

Один из них, вернувшись, приглашающе махнул нам рукой.

— Вроде ловушек нет. — пробормотал я себе под нос.

Наруто испуганно глянул:

— А могли быть?

Явно представил, как он пошёл куда-нибудь вместо того, чтобы послать клона, и активировал ловушку...

В ответ пожал плечами, выражая сомнения. Клон развеялся, ничего опасного не найдя. Мы вошли через хлипкую дверцу в низкое прохладное, но не сырое помещение с маленькими окнами под самым потолком, больше похожими на щели под крышей. Из-за тени свет они давали тусклый.

В центре домика, занимая львиную её часть, находился круглый каменный стол на толстой ноге. Или был такой алтарь? Алтарь с непонятной печатью, в центре которого из каменной столешницы торчала полусфера похожего цвета, но отполированная почти до зеркального блеска. Рядом, на столе, лежала книжка, даже скорее брошюрка, с пожелтевшими от времени страницами. Заартачившись, я всё же взял её в руки.

Макуто прошёл к дальней стене, где стоял старый деревянный сундук. Он опустил на корточки, провёл пальцем по крышке и тихо сказал:

— Здесь вещи. Старые. Женские.

— Ирука, что там? — спросил Наруто, кивнув на книгу, которую я держал.

— Похоже, учебник. Барьеры: установка, поддержание, модернизация. — Прочёл я и наугад полистал.

Из-под обложки выпал сложенный в четверо листок, который, вероятно, использовали долгое время как закладку. Из любопытства я развернул хрупкую записку и вчитался:

«Минато, я перекрыла твоему учителю-развратнику доступ на этот полигон. Меня достало то, что он постоянно за мной подсматривает. Если он здесь появится — я очень, очень сильно на тебя обижусь!

С любовью, Кушина.

И ещё я зарядила купол под завязку, так что если вдруг этот жабофил окажется здесь, потому что чакра в барьере кончилась — я обижусь ещё сильнее!»

Наруто будет рад увидеть почерк матери... Или не говорить? Или сказать прямо сейчас...

Но вздохнув, я отошёл от окошка и аккуратно убрал записку во внутренний карман жилета, одновременно отвлекая Узумаки книжкой. Рано было для таких откровений. И не знаю, когда будет «вовремя», уж слишком шаткое у меня сейчас положение во всех смыслах.

Макуто тем временем поднял крышку сундука. Внутри лежали аккуратно сложенные вещи: несколько свитков, тёплый плащ с вышитым красным водоворотом, пара старых сандалий и маленькая шкатулка. Он не стал ничего вынимать, только посмотрел на меня, подняв брови.

— Смотри, похоже на ту печать на столе и такой же шарик... — продолжил я, показывая Наруто книгу.

— А камень — это «сердце»! Как в том справочнике... Здорово! — Отобрал он книжку.

— Похоже, это батарейка барьера над полигоном. Как думаешь, сумеешь его зарядить?

Видя, что он зачитался, я решил подождать.

— Ммм... — бормотал мальчик что-то себе под нос, водя пальцем по бумаге. — Попробую.

Макуто тихо закрыл сундук, оставив всё как было. Он подошёл к нам и, не говоря ни слова, тоже заглянул в книгу через плечо Наруто. Покусав губу, Наруто задумчиво поглядел на стол, затем снова в книгу и резко кивнув, вдруг захлопнул её. Да так сильно, что из бедного томика чуть страницы не повывлетали!

— Да легко! — Наруто уверенно подтёр нос, вручил мне книжку и, закатав рукава, положил руки на полусферу. Он долго пыхтел и наконец сумел настроиться: руки засветились мягким голубым светом, освещая мутное стекло, из которого была сделана сфера, а не камень, как показалось первоначально. Постепенно вокруг вмурованного в камень шара стали проявляться светящиеся чакро-нити, чем-то похожие на кровеносную систему.

Эти капилляры осветили все тёмные углы, отдельные листы с печатями, которые покрывали камень и саму вязь фуин. Внутри стало светло, будто под потолком зажглась лампа дневного света.

— Красиво. — Прошептал я, заворожённый замысловатым переплетением изящных линий на грубом камне и пожелтевшей бумаге.

Макуто отошёл в сторону, прислонился к стене и скрестил руки на груди. Его взгляд скользил по сияющим линиям, запоминая каждую деталь.

— Ксо (Дерьмо)! — Отвлёкшись, Наруто потерял контроль.

Я легонько дернул его за ухо и, недобро улыбаясь, сказал:

— Не ругайся.

— Хай. — с улыбкой ответил он и снова потянулся к сфере.

— Наруто, — стёр улыбку, — я серьёзно. Ничего хорошего в ругательствах нет. Они бесполезны. К тому же человек, который ругается, всегда вызывает отвращение. Оно тебе надо?

Наруто помотал головой.

— Вот и я так думаю. — взвалил Узумаки на плечо и пошёл к выходу.

Макуто придержал дверь и пропустил нас вперёд. Когда мы вышли, он закрыл створку и, как бы невзначай, бросил взгляд на окна-щели под крышей. Я заметил, что он запомнил дорогу к этому домику и расположение каждой щели.

— Ирука! Я же не дозарядил!

— Это «сердце» не заряжали уже много лет, пару дней погоды не сделают. Тебе ещё чакра сегодня нужна. А то потом пластом лежать будешь. В следующий раз ещё немного зарядишь.

По сути, сегодняшняя тренировка была нашей работой над ошибками: я разбирался с «верхними путями», которые не освоил, потому что первое время трусил, упасть боялся, а потом забыл вовсе. Для передвижения большими прыжками чакры требовалось мало, только немного для усиления тела, особенно — ног, поэтому учить это упражнение начинали уже на первых курсах Академии. Но полноценно использовать верхние пути в лесу генины могли только после того, как разучивали хождение по деревьям, и могли цепляться к веткам во время прыжков, потому что иначе удерживаться было бы очень сложно. Ну, а поскольку Наруто уже освоил это упражнение, то он скакал по лесу не хуже белки. И я к нему присоединился, тем более, что мне показалось, контроль пришёл в норму ещё несколько часов назад. Впрочем, использовать что-то более затратное я не стал.

Макуто тренировался отдельно. Он несколько раз взбирался на дерево, спрыгивал, ловил ветку, перелетал на соседний ствол. Движения у него были резкими, но точными. С каждым разом он взбирался быстрее и тратил меньше лишних движений. После десятой попытки он подошёл к нам и сказал:

— У меня не получается мягко приземляться. Слишком громко.

— Покажи, — попросил я.

Он снова вскарабкался на дерево, спрыгнул. Приземление вышло тяжёлым, с глухим стуком.

— Чувствуешь, — сказал я. — Надо выпускать чакру в ноги не резко, а равномерно. Как будто ты не падаешь, а ставишь ноги на пол. Попробуй ещё.

Макуто кивнул и полез на дерево снова.

Наруто же разбирался с железом, оттачивал владение воздухом и играл с мини-взрывтегами. Это были крохотные листочки, из которых в момент взрыва с другой стороны распечатывалось конфетти. Правда, штука была опасная — если бы в руках взорвалась, то пальцы точно бы оторвало.

Когда Макуто в пятый раз спрыгнул и приземлился почти бесшумно, я сказал:

— Уже лучше. Ещё раз — и заканчиваем.

Он послушно полез на дерево. На этот раз спрыгнул совсем тихо — только трава чуть шелохнулась.

— Готово, — сказал он, отряхивая штаны.

А потом мы вместе разбирали ошибки, что допустили: я, Наруто и Анко. Разбирали со всех точек зрения, в том числе и со стороны Анко. Так что была небольшая лекция, как вести себя с предполагаемой подделкой-шпионом. Вычитал я это специально в одном из учебников. Да и просто напомнил, что на миссиях нужно вести себя серьезней и сдержанней.

Макуто слушал внимательно. Когда я упомянул про ложную подделку, он спросил:

— А если противник в ближнем бою — что лучше: уходить или контратаковать?

— Зависит от того, кто противник, — ответил я. — Если сенсор — уходи. Если нет — можно попробовать контратаковать, но лучше не рисковать, если не уверен в своей скорости.

Он кивнул и замолчал.

— Импульсивный шиноби — мертвый шиноби. А если импульсивный и всё ещё живой, то это лишь по воле удачи. И вообще, слабые духом верят в удачу, сильные — в причину и следствие.

— Ясно, — сказал Макуто, и я увидел, как он прокручивает эту фразу в голове, запоминая каждое слово.

Уходя с полигона, я оглянулся в сторону рощицы с «сердцем». Макуто тоже бросил взгляд туда, но ничего не сказал.

Я расскажу ему, что знаю о Кушине и Минато. Но не сейчас...

Глава 18. Посплетничаем?

Понедельник — день тяжёлый. Наруто, а может, его клон, тут уже не разберёшь, собрал дрова и понёс их на задний двор.

— Ирука-сан, я слышал, вы тут недавно в больницу попали, — раздался рядом голос Какаши.

Молчу.

— Говорят, повздорили с Анко.

Продолжаю молча колоть дрова, оставляя слова без внимания. В дальнем углу двора, под раскидистым кленом, Макуто сидел на корточках, перебирая сваленные в кучу ветки. От хвороста он отделил более толстые сучья и аккуратно связал их бечёвкой.

— Да неужели, — вставил он, не поднимая глаз, когда Какаши замолчал в ожидании реакции. Тон был спокойным, без издёвки — просто констатация факта.

Саске повернулся к нам ухом, ненатурально делая вид, что ему всё равно. Он перекладывал яблоки из корзины в корзину, но делал это слишком медленно, чтобы не слушать. Сакура что-то решила спросить у Учихи, тот на неё шикнул и ссыпал собранные с дерева яблоки.

— Саске-кун?

— Тш!

— Говорят, — покосился Какаши на детей, — она вас побила.

Топор — не томагавк. Топор — не томагавк!

— Какаши-сан, — шиплю сквозь кривую улыбку, — вам-то какая разница?

— Ну как какая? — обрадовался Какаши, видя, что зацепил. — Хочу от участника событий услышать, как было дело...

— Наверное, хотите ещё избежать подобных ситуаций, научиться на чужом опыте, не так ли, Какаши-сан? — улыбку, даже такую, больше оскал напоминающую, держать нет сил.

Пугало радостно кивает, соглашаясь с предоставленной мной отмазкой для его любопытства. Макуто поднял голову и посмотрел на Какаши. Взгляд был коротким, но я заметил, как джонин чуть заметно напрягся — на долю секунды, не больше.

— Мой опыт вам не потребуется, — вкрадчиво сказал я, как идиоту. — Ваша любовь, — кивнул на книгу, — вас не побьёт. Она даже истерик устраивать не умеет.

Хатаке захлопнул рот и, обиженно насупившись, свалил перечитывать свою истрёпанную «любовь». Да ещё с таким видом, будто он мне одолжение сделал. Макуто проводил его взглядом, потом перевёл его на меня. Мы встретились глазами, и он коротко дёрнул подбородком — всё в порядке, мол, можешь не переживать.

— Саске-кун, — громким шёпотом спросила Харуно, — а о чём сенсеи говорили?

Ответ Учихи был краток:

— Тц.

— Сакура-чан! — влез Наруто, опираясь на сачок, как на посох. — Если хочешь, я рассказать могу!

— Бака (Дурак)!

От удара Наруто полетел в заросший тиной пруд, взметнув застоявшуюся воду. А так как он не распался белым облачком, это был настоящий Узумаки. Макуто одним движением перекинул связанные ветки поближе к забору и, не подходя к пруду, спросил:

— Жив?

— Да, — отозвался Наруто откуда-то из камышей.

Сакура взвизгнула и попыталась повиснуть на Саске. Но тот рук не подставил и ещё шею убрал — Харуно со всей дури шлёпнулась на задницу. И ещё секунды три хлопала зелёными глазищами, недоуменно глядя на Учиху.

— Сакура-чан! Ты не ушиблась? — попытался чумазый блондин помочь ей подняться, но сам ещё раз плюхнулся, не удержав равновесие в скользкой грязи.

Глазастик на это шоу смотрел с плохо скрываемым недовольством. Макуто подошёл к пруду, протянул Наруто руку и вытащил его на берег.

— Фу, — спряталась куноичи за Саске, — Наруто-бака (Наруто-дурак)! Не подходи ко мне!

Вытащив мелкого из пруда, я подозвал Сакуру и вручил ей сачок.

— Гадость, — сморщила она носик.

— Не гадость, а инвентарь. Солнце ещё высоко, работай... — кашлянул.

— Иди работай.

Когда мы уходили, Какаши даже не спросил куда. А раз такие дела, мы оставили клонов и пошли домой. Макуто поравнялся с Наруто и молча двинулся рядом.

— Костюм жалко, — тяжело вздохнул блондин, вытащив из рукава комок грязи.

— А мне тебя жалко, а не тряпки, — сказал я.

— Почему?

Я только покачал головой.

Оказавшись дома, первым делом отправил Наруто отмываться от грязи, ила и тины. Макуто прошёл в свою комнату и через минуту вышел уже в сухой майке — он тоже промок, пока вытаскивал Наруто из пруда, но ни слова не сказал.

Сам же я думал о том, что ему сказать. Я хотел поговорить с Наруто по поводу Сакуры уже давно. Но из-за возникавших дел и забот всё как-то откладывал разговор. Ну и ещё потому, что в последнее время под удары Сакуры почти всегда попадали клоны, что я воспринял как прогресс. Но видимо, я ошибался.

Макуто сел в своё кресло, поджал под себя ноги и достал из кармана сложенный листок — те самые заметки по фуин, что дал ему Тэучи. Он не читал, просто держал в руках. Я знал, что он слушает.

Раздался скрип двери, и появился мальчик.

Пора с этим заканчивать.

— Садись, — жестом показал на стул напротив.

Дал Наруто чашку с парящим чаем. И после того, как он отхлебнул, спросил:

— Наруто, вот когда меня Анко атаковала, ты что чувствовал?

— Ммм... Не знаю... Всё было так быстро... Беспокоился. Наверное. Боялся за тебя. — Мальчик замялся, сделал глоток. — Ещё неприятно было. И обидно, что тебя непонятно почему бьют. Ну и ещё я хотел ей врезать.

Вздыхаю.

— Когда Сакура тебя бьёт, я чувствую почти то же самое. — Внимательно посмотрев на мальчика, спросил: — Почему ты позволяешь ей себя бить?

Наруто замялся:

— Ну она же не всерьёз...

— Всерьёз. У тебя шишка, — в подтверждение слов касаюсь его головы в месте удара.

— Ай, больно... — дёрнулся Узумаки.

— Конечно больно. Она бьёт тебя со всей силы. Не сдерживаясь и не задумываясь.

Макуто поднял голову от листка и посмотрел на Наруто, потом перевёл взгляд на меня. В его глазах не было осуждения — только ожидание.

— Ну она же не специально! Просто так получается, что она теряет над собой контроль...

— Угу, — спрятал улыбку. Контроль теряет... А ведь раньше Наруто не смог бы столь лаконично описать психику Сакуры. Есть прогресс!

— Только как-то странно она теряет контроль — бьёт только тебя. — Стёр улыбку. — Не Саске. Не Какаши. Не меня. Только тебя.

Узумаки хихикнул, видимо, представив себе, как Сакура с воплем: «Какаши-бака» и с перекошенным лицом бьёт сенсея седьмой команды по голове. Я бы на такое посмотрел...

— Наруто, мне жаль тебя расстраивать, но она бьёт тебя, потому что ты позволяешь ей себя бить. Ну что тебе стоит — заблокировать удар, отвести или подставить под него клона, а? Но ты этого не делаешь. И ещё, она ведь прекрасно знает, что ей за это ничего не будет.

Макуто вернул листок в карман и произнёс:

— Наруто, она не пробовала бить меня ни разу. Может, потому что я сразу убираю руку?

Наруто посмотрел на него, потом на меня.

— Ирука-сен... Ирука...

— Она не со зла меня колотит... Это, как знак внимания, — мальчик поймал мой скептический взгляд и поспешно продолжил: — ну не может же она ударить тебя и Какаши, вы же сенсеи, и Саске не может ударить, потому что она его любит, вот.

— И что? Поэтому она может тебя бить? — недоумевал я. — Если я не буду позволять ей себя бить, — опустил Наруто нос в чашку, — она будет злиться ещё сильнее и ещё хуже ко мне относиться.

Чай от его слов пошёл рябью.

— Однажды она заметит, что я стараюсь ей угодить. И станет относиться ко мне как к Саске. — Тихонько продолжил. — Это ведь из-за него она постоянно злится... Она его любит. Хочет, чтобы он её заметил, а Саске на неё плевать, — осуждающе закончил Наруто.

— Саске вообще на всех плевать, — сделал вид, что не понимаю, о чём он вообще говорил. — Но Наруто, ты что всерьёз думаешь, что она любит Саске?

— Да, она его любит! — уверенно сказал Узумаки, вскинул голову и подозрительно заглянул мне в глаза, точно ожидая подвоха.

Я его не разочаровал.

— Наруто, невозможно по-настоящему любить человека, которого ты не знаешь. Если бы Сакура любила Учиху, то она бы стремилась узнать о нём

всё. Стать его подругой, помощницей, хотя бы хорошей сокомандницей. Понять его, его цели и помочь достичь их. А не вешать на него свои проблемы и трудности, не раздражать. В конце концов, хотя бы не мешать ему. Сакура-фанатка, она...

— Сакура любит Саске! — набычился Наруто. — И она его знает! Она знает, что Саске любит помидоры, и что он последний Учиха и... и что... он... МММ...

Наруто глянул на меня, точно я должен был ему подсказать.

— Сакура любит выдуманного Саске, — подпёр рукой щёку, — а не реального человека.

— А как это «выдуманного»?

— Ну, как тебе объяснить понятней. — Постучал пальцем по скуле. — Давай на примере сказки.

Я рассказал сказку про принцессу, дракона и рыцаря. Рыцарей в самураев я не переделал, сказал лишь, чем они не похожи на самураев, а где есть общие черты.

— Девочки мечтают вот о таком рыцаре. Но таких идеальных людей не бывает, да и Саске на рыцаря не очень похож. А теперь представь вместо рыцаря — Саске. Такого, какой он есть, ты ведь не Сакура, чтобы его идеализировать, — это слово Наруто знал. — Вместо принцессы Сакуру, тоже настоящую. Жила-была принцесса Сакура. В замке. И со злости лупила ручного дракона и рыцаря-Наруто, потому что он ей не нравился. А всё оттого что рыцарь Саске, который нравился ей, был совсем не таким, как в сказке. А ещё ему и даром не нужна была такая принцесса, как Сакура!

— Бака (Дурак)! — стукнул мальчик чашкой о стол.

— Ладно, — пожал плечами, — я — бака. Но давай так: на миссиях ты будешь наблюдать за тем, что делает Сакура, и как на это реагирует Саске. Лучше всего наблюдать со стороны. Потому держись от Харуно подальше, а под удары подставляй только клонов.

— И? — подозрительно прищурился мальчик.

— А потом ты попробуешь снова мне доказать, что Сакура любит Саске Учиху. Настоящего, а не выдуманного Саске-рыцаря на белом коне. — Весело фыркнул. — Я уже сейчас могу сказать, что в образ Саске-рыцаря не вписывается его цель: убить Итачи во имя мести. Не вписывается то, что он заиклен на силе. Ему кроме этого ничего больше не интересно. Пустой он человек.

Макуто, который до этого сидел неподвижно, кивнул:

— Саске похож на того, кто идёт к цели, не замечая ничего вокруг. Сакура — часть того, что он не замечает.

Наруто задумался.

— Ладно.

— Взъерошил почти сухие волосы на голове Наруто, — пошли собираться, а то на занятия опоздаем.

Макуто встал, привычным движением поправил на поясе свой ржавый кунай.

— Я с вами, — сказал он. — Мне нужно к Рею-сану, спросить кое-что по фуин.

— Хорошо, — ответил я, уже закрывая дверь.

Сдав Наруто Рею, мы с Макуто пошли на мои занятия. По пути я спросил:

— Что ты хотел узнать у Рея?

— Как запечатать энергию в лезвие, — ответил он. — Чтобы клинок резал лучше.

Я удивился, но промолчал. В его словах был смысл, и если он найдёт способ сделать свой танто опаснее, это только поможет.

Поприветствовав одноклассников, я направился к своему месту, с подозрением отмечая кривые лица. Было такое чувство, что им рассказали что-то смешное, а смеяться нельзя, но улыбка всё равно лезла. Один даже кашлять начал, чтоб не слышно было хихиканье.

Макуто сел за парту позади меня, взял чистый лист и положил перед собой. Он не смотрел на смеющихся — он смотрел на доску.

Мне расхотелось с ними знакомиться, потому что эти гады смеялись надо мной и даже не пытались это скрыть.

В кабинет зашёл ещё один будущий ирьенин и сел где-то позади меня, игнорируя первые парты. Первый ряд был пуст, тут сидел только я один. Точно Кито монстр какой-то и все его боялись.

Преподаватель задерживался, позади шушукались, чем дико меня раздражали. Но я не поворачивался, почти демонстративно игнорируя всеобщее веселье. Положив руку на стол, я пристроил на сгиб локтя гудящую голову. Я понимал, что это веселье относится к инциденту с Анко. Убедить себя, что смеются не надо мной, не получилось.

— Да ладно! — удивился новенький.

А на него тут же зашикали, мол, тихо. Вон сидит участник событий.

Я тихонько фыркнул и обратился в слух. Макуто, не поднимая головы от листа, тихо сказал:

— Не обращай внимания. Говорить о чужом проще, чем лечить свои раны.

Я удивился его словам — слишком взрослым для мальчика его возраста. Но он уже снова уткнулся в бумаги и чертил какие-то схемы.

— Ты что, правда не видел, как она его по деревне гоняла?

— Не-а.

— О-о-о! Много потерял! Она его отмутила?

Кто-то третий, хихикнув, добавил:

— Она ещё за компанию АНБУ избила.

— А правду говорят, что Майто Гаю её пришлось вырубить, чтобы успокоить?

— По-моему — нет. Хотя... не, точно не знаю. — С сожалением выдохнул кто-то из сплетников.

Макуто отложил карандаш и повернулся к шепчущимся. Он не сказал ни слова, просто посмотрел на них. И шепот стих. Я не заметил в его взгляде ничего угрожающего, но разговоры прекратились.

Когда пришёл Кито, все мгновенно заткнулись. Поздоровавшись со всеми, Кито на пару секунд задержал взгляд на моей кислой физиономии.

Ирьенин заставил нас повторить домашнее занятие по преобразованию чакры. Ещё в пятницу вечером я выяснил, что гораздо больше чакры получаю из трансформации обычной чакры в ян, чем пытаюсь выделить телесную составляющую, отделив её от смешивания с духовной энергией.

— Итак, поднимите руку, у кого получилось больше ян-чакры после разделения духовной и телесной энергии? — все, кроме меня и ещё пары человек, подняли руки.

— Так, ясно, — медик удовлетворённо кивнул. — А теперь поднимите руки те, кто получил больше ян-чакры после трансформации обычной чакры.

Я и ещё двое подняли руки.

Макуто из заднего ряда поднял руку. Я обернулся. Он сидел, сжимая в ладони небольшой комок чакры, который светился слабым золотистым светом.

— У меня так выходит быстрее, — сказал он.

Кито посмотрел на него с интересом, но ничего не сказал.

— Жаль, — еле слышно пробормотал Кито, глядя на меня. Но громко он произнёс следующее: — Хорошо, а теперь продолжим наше занятие...

Сначала мы узнали, что у тех, кому легче получать телесную энергию путём разделения чакры, инь-чакры меньше, чем ян. Тем же, кому легче получать телесную энергию путём трансформации из обычной чакры, имеют перекося в сторону духовной энергии, что является необходимым для юзеров гэндзюцу.

— Но даже если вы найдёте, что у вас намного больше духовной энергии, чем телесной, я рекомендую вам хотя бы доходить этот курс. — При этом Кито выразительно посмотрел на меня. — Первая помощь жизненно важна, так как зачастую определяет, будет ли жить ваш товарищ или же станет калекой.

Мне стала понятна подоплёка того сожаления, с которым Кито на меня смотрел. Ведь предыдущее занятие практически было построено на диалоге. Я дотошно расспрашивал ирьенина, а все остальные плевали в потолок. Кито всерьёз опасался, что узнав о таком перекосе, я уйду на курсы гендзюцу. Ну это он зря. Я наоборот буду стараться освоить курс, а заодно и технику передачи чакры.

В ходе занятия мы получили упражнение на контроль ян-чакры, необходимое для работы «мистической руки». А ещё нам, разумеется, стали давать основы медицины и анатомии. Причём настолько основы, что у нас любой школьник знает. Под конец занятий Кито дал нам список рекомендуемой литературы и наконец отпустил.

Я дождался, когда все выйдут, и подошёл к преподавателю.

— Кито-сенсей, я бы хотел узнать у вас подробнее о техниках передачи чакры.

Недоумение.

— У вас очень необычный вопрос. Могу я узнать, чем вызван такой странный интерес?

— Конечно, — я как Наруто стеснительно улыбнулся ему, разве что затылок не почесал. — Вы, наверное, не знаете, но я приписан к седьмой команде ассистентом. А джонин-сенсей у них Хатаке Какаши. Его шаринган потребляет огромное количество чакры, из-за чего он не может долго драться. А значит, он может однажды погибнуть из-за потери чакры. Ну и кроме того, пока я не восстановил свои навыки, полезнее будет передать Хатаке свою чакру, чем сражаться самому.

Макуто, который ждал меня у двери, подошёл и встал рядом. Он не проронил ни слова, но Кито скользнул по нему взглядом и, видимо, принял его за кого-то из младшего персонала.

— Хм... — задумался Кито, — весьма странная и необычная идея, но дело ваше. Обычно никто этим не занимается. Так как люди, имеющие достаточно хороший контроль, как правило, сами шиноби не из последних... Да ещё и знать это дзюцу надо, а значит, надо быть как минимум В-ранга ирьенином. Да плюс ещё неизбежные потери чакры для активации техники и передачи её другому человеку... М-да, — смерил меня взглядом, — да и гордость многим мешает батарейкой работать...

— Я понимаю, — сказал я.

— Простите, — тут же замахал Кито руками, виновато улыбаясь. — Это не моё дело. Если вы хотите, почему нет? Правда, это В-ранг. — Видя, что я внимательно слушаю, он пояснил: — техника называется «Простая техника передачи чакры», но с ней вы, по идее, сможете работать только после окончания курса...

— Ясно, — убрал блокнот. — Я могу получить эту технику в библиотеке Госпиталя?

— Нет, не сможете, — покачал головой ирьенин. — Вы чуунин, но у вас пока нет лицензии ирьенина В-категории.

— Жаль, — разочарованно протянул я. — Спасибо, Кито-сенсей, что...

— Подождите! — пожевал медик губу и жестом подозвал поближе. — Я могу получить эту технику для вас, если буду уверен, что вы закончите этот курс и будете соответствовать этой технике. Я понимаю, что у вас много инь-чакры, — с какой-то детской обидой в глазах сказал Кито, — и что вам будет рад любой мастер гендзюцу, но нам, в самом деле, очень нужны шиноби, умеющие лечить. Вы же помните, из-за чего было перенесено занятие с субботы?

Меня сняли с лекции просто потому, что не хватало грамотных ирьенинов. А вы представьте себе, что будет в случае войны или атаки на Коноху?

Я содрогнулся.

— Раненые будут умирать просто потому, что некому будет оказать им помощь.

Кито грустно улыбнулся.

— Я закончу этот курс, Кито-сенсей. Многое из того, что вы сегодня рассказывали, я уже знал, видимо, читал где-то, поэтому мне сегодняшняя лекция показалась скучноватой. Но от техники передачи чакры, возможно, будет зависеть моя жизнь. Поэтому она нужна мне как можно скорее.

— Хорошо, — улыбнулся медик, — я принесу вам её завтра, на следующее занятие.

Я кивнул и вышел в коридор, где меня ждал Макуто. Мы пошли забирать Наруто.

По пути я спросил:

— Ты хотел у Рея про печати на оружие. Что именно?

— Я читал, — ответил Макуто, — что некоторые мастера вплетают фуин в лезвия. Чтобы они держали заряд. Я подумал, может, у Рея есть записи.

— Спроси, — ответил я. — Только осторожно, чтобы не раскрыть лишнего.

Он кивнул.

В коридоре, когда шёл за Наруто, я столкнулся с медсестрой. Той самой, что была в тот памятный день, когда я стал Ирукой. Я помог девушке подняться, но сделал вид, что не знаю её.

— Вы не ушиблись? — помог подобрать разлетевшиеся папки.

Она зарделась и, опустив взгляд, кивнула.

— Спасибо, Ирука-сан.

— Мы знакомы? — протянул ей несколько выпавших листов. — Простите, но у меня с недавних пор ужасная память.

— Акисато Миюри. Я была вашей сиделкой до того, как с вами случилось это несчастье.

Макуто, стоявший чуть позади, перевёл взгляд на женщину. Я заметил, как его пальцы на секунду сжались. Но он не вмешался.

— Акисато-сан...

— Зовите меня Миюри, — она застенчиво отвела глаза в сторону и вниз.

Кивнул:

— Миюри-сан, что конкретно вы подразумевали под «несчастьем»?

Она деланно вздохнула и рассказала про клиническую смерть.

— Я так за вас боялась, — придвинулась ближе, невинно хлопая глазками и прижимая папки к груди. — Это было так ужасно.

— Хм, ясно, Миюри-сан. А...

— ИРУКА!!! — завопил Узумаки с другого конца коридора. — Каруйи-сенсей меня похвалил!

Лихо притормозил у моих ног и сиганул на шею.

— О, простите, — провернувшись к девушке, виновато улыбнулся. — Мне пора.

— И уже Наруто: — Мы в больнице, веди себя тише.

— Хай!

В глазах Миюри я заметил разочарование, но она быстро взяла себя в руки.

— Ирука-сан, может, вы зайдёте как-нибудь... на чай? — спросила она негромко.

— Может быть, — уклончиво ответил я и пошёл к выходу.

Макуто пропустил меня вперёд и, проходя мимо Миюри, бросил короткий взгляд. Она вздрогнула и плотнее прижала папки к груди. Я не знал, что это было — его лицо оставалось спокойным.

Наруто залез мне на плечо. Потолки в больнице были высокими, мальчик едва доставал рукой до потолка. Сейчас он заметил паука и пытался его достать.

— Свалишься сейчас. Оставь живность в покое.

— Не-а! Не свалюсь, — обхватил Наруто мою голову, когда начал сползать с плеча.

Макуто подхватил его за ногу и посадил повыше.

— Держись, — сказал он.

Мы вышли из больницы. На улице я спросил:

— Макуто, у тебя получилось то, что ты хотел?

— Получилось, — ответил он. — Рей-сан сказал, что сможет сделать печать на танто. Через неделю.

Я кивнул. Хорошо, если его клинок станет опаснее.

А дальше не было ничего особенного, только во вторник у госпиталя меня выловил «лучший друг». Маугли снова ненавязчиво решил узнать у меня о событиях последних дней. На этот раз я отсылать Наруто не стал. Макуто остался с нами, встав чуть в стороне и делая вид, что изучает своё танто.

Ничего криминального я всё равно Морио рассказать не мог. Конечно «друг» был недоволен лишними ушами, но мастерски это скрывал. Если бы я не чувствовал его раздражения своим шестым чувством, то и не догадался бы.

Потом Нибори, как в отместку, неискренне посочувствовал мне с Анко, а сам внутренне ржал, как конь! Да и я рассказывал об этом шутя, но не суть важно.

— М-да, с Анко некрасиво получилось, — сказал Морио. — Ты с ней не помирился?

— С чего это вдруг? — удивившись, возмутился я.

— Ну как, — изумлённо вытаращился Морио, — она же твоя девушка.

Я тяжело вздохнул.

— У меня нет ни времени, ни желания с ней общаться. А до этого придётся с ней мириться. А я не хочу. Я не специально головой бился, чтоб всё забыть! К тому же я её так и не вспомнил. Так что жалеть мне не о чем. Всё же она не моя жена, чтоб намеренно пытаться её вспомнить.

— Ну, как знаешь...

— Пф, если решил к ней клинья подбивать — я не против.

Морио переполошился и замахал руками:

— Что ты, что ты! Нет!

— И после этого ты мне будешь рассказывать, что оно того стоит? Пф!

Макуто, который стоял в стороне, чуть заметно наклонил голову. Я поймал его взгляд — он слушал.

По дороге Морио как бы между прочим сказал, что обо мне спрашивал мой бывший инструктор тайдзюцу. Монтаро, владелец додзе, прослышал о моей беде и с нетерпением ждёт меня не дождётся.

— Морио-кун, знаю, это наглость, но ты не знаешь, как сенсей отнесётся к просьбе тренировать ещё и...

Связной закончить мне не дал:

— Сам спросишь.

— Не, ну я-то спрошу. Просто...

— Да, я понял. — перебил снова, — не знаю. Я, пожалуй, пойду. До скорого, Ирука-кун.

— До встречи, Морио-кун.

Болтая о всякой ерунде, пришли домой и после ужина начали генеральную уборку. Макуто, не дожидаясь просьбы, взял тряпку и принялся вытирать пыль с книжных полок. Наруто с клонами носился по комнатам с веником.

— Слава богам, что у Наруто были клоны, так что мы управились быстро, — сказал я, присаживаясь на диван.

После уборки, сидя за чашкой чая, я спросил:

— Ну, чем похвастаешь?

— Каруйи-сенсей рассказывал о создании простейших свитков. Сегодня были запечатывающие. Ну, я обещал, что ничего ему рассказывать не буду, поэтому несколько раз неудачно сделал. А потом хороший свиток. Жалко, что те испортить пришлось.

— Сенсей обрадовался и сказал, что это отличный результат. Он всё понятно объясняет, так что мне даже не скучно было, даттебайо! А, и ещё он сказал, что завтра вечером ты можешь зайти за своим тренировочным костюмом.

— Ясно, спасибо, а то я уже забыл про него. И что дальше?

— А ещё он рассказывал про разные... ню... — кивнул и проговорил правильно, — нюансы запечатывания в свитки. Как что запечатывать и распечатывать, как быстрее и с меньшими затратами чакры...

Наруто ещё немного рассказал о фуиндзюцу, укрепив моё мнение в том, что это помесь геометрии, рунической магии из фэнтези и программирования. Хотя и полезная, но очень специфическая штука.

Макуто, который уже закончил вытирать пыль, сел в своё кресло и взял из стопки один из свитков. Он не читал — он просто держал его в руках, закрыв глаза. Я знал, что он запоминает то, чему научился у Рея. Не знаю, откуда в нём эта способность, но он схватывал всё на лету.

— Макуто, — позвал я.

Он открыл глаза.

— Ты не хочешь спросить у Монтаро про кендзюцу? Может, он знает кого-то, кто сможет тебя тренировать.

Макуто замер на секунду, потом кивнул.

— Я спрошу, — сказал он. — Спасибо.

В тот же вечер, когда Наруто уже спал, Макуто подошёл ко мне.

— Ирука-сан, — начал он, — я запомнил то, что вы рассказывали о чакре. Про ян и про контроль. Я попробовал дома. Кажется, у меня получается.

Я удивился. Парень не только учился фуин, но и повторял мои медицинские упражнения.

— Покажи, — попросил я.

Он поднял руку, и на кончиках его пальцев засветился слабый золотистый огонёк — ян-чакра. Не такой яркий, как у настоящего ирьенина, но заметный. Он держал его несколько секунд, потом огонёк погас.

— Пока только так, — сказал Макуто.

— Неплохо, — ответил я. — Тренируйся дальше.

Он кивнул и ушёл в свою комнату.

В среду, после работы, когда я уже собирался домой, меня перехватил Макуто.

— Ирука-сан, — сказал он. — Я спросил у Рея про кендзюцу. Он сказал, что знает одного мастера, который берёт учеников. Но тот дорогой.

— Сколько? — спросил я.

Он назвал сумму. Я присвистнул. Это было почти всё, что у меня оставалось от последних выплат.

— Подумаю, — ответил я. — Может, Монтаро подскажет кого-то дешевле.

Макуто кивнул и больше не возвращался к этому разговору.

В пятницу вечером мы втроём пошли в додзе Монтаро. Мастер встретил нас у входа, оглядел Макуто с ног до головы и спросил:

— Этот тоже будет тренироваться?

— Да, — ответил я. — Натаскан по рукопашке, но никогда не занимался с мастером. И ещё он хочет заниматься кендзюцу. Может, вы знаете кого-то, кто сможет его учить?

Монтаро хмыкнул.

— Кендзюцу, говоришь. Дорогое удовольствие. Но есть один старик, бывший самурай из Страны Железа. Он даёт уроки, но берёт недёшево.

— Это я уже слышал, — сказал я.

— Ну, тогда решайте сами, — мастер пожал плечами. — А пока — все на разминку. Наруто, в первый ряд. Макуто, рядом с ним.

Тренировка была изнурительной. Я до хруста выполнял упражнения, которых никогда не делал раньше. Наруто справлялся на удивление хорошо — видимо, сказывались тренировки с теневыми клонами. Макуто двигался плавно, почти бесшумно, и я видел, как Монтаро смотрит на него с особым интересом.

Когда мы закончили, мастер подозвал меня и тихо сказал:

— У этого мальчика хорошая база. Быстрее и точнее, чем у тебя. Но его учили не здесь. Не в Конохе.

— Он сирота, — коротко ответил я. — Мы не знаем, где он учился до того, как пришёл в деревню.

Монтаро кивнул и больше вопросов не задавал.

По дороге домой Наруто тихо уснул у меня на плече. Макуто шёл рядом и молчал. Я спросил:

— Ты понял, чему учил Монтаро? Про «сонный спарринг»?

— Да, — ответил он. — Это про контроль. Даже когда мышцы расслаблены, ты должен быть готов.

Я усмехнулся. Мальчишка схватывал всё, что я сам когда-то не понимал.

Ночью, когда я собирался лечь спать, заметил на столе кулон из чёрного металла с кораллово-красными лепестками. Я повертел его в руках — холодный, тяжёлый.

— Лучше бы это было кольцо, сбегал бы в Мордор, — пробормотал я и бросил его обратно.

Макуто, который сидел в кресле и переписывал свиток, поднял голову.

— Что это? — спросил он.

— Безделушка, — ответил я. — Не обращай внимания.

Он кивнул и вернулся к бумагам.

Я думал об Анко. И понять её поступки пытался. Она вернулась с миссии, увидела Ируку — человека, которого знала, — и тот её не узнал. Что, если бы кто-то выдавал себя за меня, умело притворяясь? Она думала, что я подмена. Да и вообще она была расстроена.

А ещё Макуто сказал тогда: «Лучше подстраховаться, чем потом жалеть».

Я посмотрел на кулон ещё раз.

— Может, стоит извиниться, — сказал я вслух.

Макуто не ответил. Он даже не поднял головы. Но я знал, что он слышал.

Глава 18. Посплетничаем? *(продолжение)*

В мое отсутствие мальчик самозабвенно мял и резал ни в чем неповинный кусок глины. И в углу уже скопилось достаточно поделок, чтоб отнести их горшечнику.

— Хватит, — улыбаясь сказал я, — скоро нам самим жить негде будет. Мои руки и пошли есть.

За ужином я рассказал Наруто о том, что Монтаро согласился его тренировать в тайдзюцу, радости не было предела. Но момент для новости я выбрал неудачный, и у мальчика от бурной радости компот потек носом.

Протянув полотенце:

— Буду знать, что за едой подобные вещи тебе говорить нельзя.

Макуто сидел на своём обычном месте — на табурете у стены. Он доедал рис и слушал наш разговор, иногда поглядывая на Наруто. Когда Наруто закашлялся, Макуто молча подвинул ему стакан воды.

Было уже поздно, так что мы никуда не пошли, вместо этого еще раз прибрались. Не в последнюю очередь потому, что Наруто с глиной немного насвинячил. Макуто взял веник и смел глиняную крошку из-под стола, пока Наруто вытирал стол влажной тряпкой.

Под диваном я обнаружил кулон из черного металла с кораллово-красными лепестками. Тот самый, который оставила мне Анко. Повертев в руках, я бросил его на стол. Где наткнулся на него снова уже после того, как отправил Наруто спать.

— Лучше бы это было кольцо, сбегал бы в Мордор! — пробормотал я.

Макуто, который перебирал на полке свитки, обернулся.

— Что? — спросил он.

— Ничего, — ответил я. — Безделушка.

Первая встреча с Митараши Анко мне очень сильно не понравилась. Начиная с «мой сладенький», как вспомню, так вздрогну, и кончая олимпийским забегом с последовавшим за ним госпиталем.

А вот потом она приходила извиняться. Но я был не совсем адекватен. Лекарства, яд и не в последнюю очередь шок к ясному мышлению не располагали. Да и гнать Наруто — было не самой лучшей ее идеей... Но все равно получилось некрасиво. Я Анко заткнул и выставил за дверь.

Я поднялся с кресла и стал мерить шагами зал.

Она и вправду была расстроена.

Пытаясь понять, почему все так сложилось, я решил примерить на себя ее ситуацию, образно говоря, побыть в шкуре Анко.

Так, почему она меня сразу искалечить попыталась? Она вернулась откуда-то, например, с миссии. И увидела Ируку, который ее не узнает. Могла Митараши подумать, что я подмена? Почему — нет? Если бы она думала иначе, по всей Деревне меня бы не гоняла! Тпру! Стоять! Я же ее вроде оправдать пытаюсь! ... Значит, тот, кто выдает себя за меня, возможно, знает, где находится настоящий «я»!

— Чуть мозг не сломал. Так...

И тогда поступки Анко легко объясняются тем, что она хотела спасти Ируку! В принципе, неплохая мотивация, учитывая, то что Ирука — это я. Когда Гай ей все объяснил, у Анко случился нервный срыв. Потому она куда-то умчалась. Между прочим, начисто забыв о том, что порезала меня отравленным оружием и что антидот мне будет совсем не лишним! Оправдываю. Оправдываю я ее! Блин! Вероятно потом, когда она не обнаружила меня в госпитале, Митараши решила прийти сюда. Она пришла. Увидела меня покалеченного и решила извиниться. — потер царапину на скуле. — У нее даже мысли не возникло, что я забыл ее, что накачан всякой дрянью и соображаю через раз! Митараши Анко — настоящая женщина с настоящей женской логикой! Мда... Потом Наруто, увидев куноичи, попытался ее прогнать. Его понять можно. Он, наверное, за меня до смерти перепугался... — вздохнул и глянул на дверь детской. — И не единожды. Боюсь представить, что он чувствовал, когда Анко попыталась устроить мне военно-полевой допрос... И когда меня по дороге чуть не убила. Раз пять или шесть. Если не больше, — потер лоб ладонью. — ...Я еще и сознание потом потерял. И Гаю с Наруто меня пришлось волоочь в больницу. Он тут с ума сходил от беспокойства. Единственного близкого тебе человека ранили и не ясно, будет он жить или нет. Ладно, обратно к теме: «Анко». Она пришла извиняться. А я ее прогнал. Поступил... Не очень хорошо. И хоть я был не совсем неадекватен, но вот понимала она это или нет — другой вопрос.

Раньше я уже задавал себе вопрос о том, где она была, пока я валялся в больнице? Пока учился находить свою квартирку без карты и рынок — без проводника. Похоже, что на миссии. То, что она прогнала Наруто... Может, она хотела в лучших традициях бабских романов, за «раненым героем» поухаживать? А тут Наруто, совсем не в тему. Она привыкла, что у Ируки никого нет, кроме нее? ...Это что же?.. Оу, — зажмурившись изобразил фейспалм, — она Наруто не со зла гнала. Просто он ей мешал.

Все больше крепла мысль пойти к ней и объясниться. Она действительно любила «Дельфина», ну, а он оказался козлом... Возник вопрос: а нужны ли мне отношения с Анко? Она для меня никто. Она, конечно, красивая, и у меня давно никого не было... Ба-а. Я этим в прошлой жизни в последний раз занимался! — скривившись, приложил к лицу и вторую ладонь, —

идиот! Она — живой человек, а не свиток с техниками, что бы вот так достаться «по наследству» от прежнего владельца тела! У нее есть чувства, я ее не люблю, и если стану с ней встречаться, то буду ничем не лучше Ируки! Что я о ней вообще знаю? Очень немного, почти ничего. И то, что Лис называл ее змеиной подстилкой...

Это показатель, что к ней относятся плохо. И тут такой удар. Обещал любить и прогнал. Черт с ним! Даже если у нас не будет близких отношений, пусть будут хотя бы хорошие дружеские. Надо будет с ней поговорить.

Если завтра встречу Маугли — попрошу его показать ее дом.

Макуто, который всё это время сидел в кресле и перечитывал свои заметки по фуин, поднял голову.

— Ты про Анко? — спросил он.

— Про неё, — ответил я. — Думаю, надо извиниться.

— Она тебя избила, — сказал Макуто.

— Я знаю. Но она думала, что я не я.

Макуто помолчал, потом кивнул.

— Если решил — делай, — сказал он и снова уткнулся в листок.

Мне повезло в четверг. Маугли попался сразу после миссий. Оказалось — неслучайно.

— Слушай, я тут вчера посидел в «Пиале», и мне Сора просил тебе записку передать, — с этими словами мне в руку перекинул маленький листок бумаги.

— Спасибо, Морио-кун. Слушай, извини, что пристаю со всякой ерундой... Но ты не мог бы показать мне дом Анко?

— Да, конечно. Но давай завтра, я немного занят.

— Ясно. Я подожду. Спасибо, Морио-кун.

Решив выяснить у Морио, где живет Анко, я и не думал, что он решит меня проводить. Но лучше б он мне выдал бумажку с адресом! Я даже подумал дать ему новую кличку: «Живая газета» или «болтун». Морио ржал, рассказывая, как Ибики отчитывал Анко, а я все больше мрачнел. Митарашаи просто по-человечески было жалко.

Как я ей в глаза смотреть буду? Морио, ну ты и сволочь! Полезный, но сволочь. На больной мозоли топается.

Оказалось, что после того, как Анко меня покинула, ее вызвали на ковер к Третьему. И там, то ли забыв закрыть дверь, что вряд ли, то ли специально оставив ее открытой, боссы устроили ей выговор.

Неподалеку сидел кто-то из отъявленных сплетников и грел уши.

— И тут Третий ей говорит: «Вы взрослый человек и опытный шиноби, Митарашаи-сан, вы должны понимать, что за месяц может случиться многое, и потеря памяти — еще не самое страшное, что могло случиться с Ирукой-куном. Атаковать шиноби Листа, не разобравшись в ситуации — это было беспримерно глупо!» А Ибики добавляет: «Анко, где был твой профессионализм? Если ты решила, что Ирука и в самом деле подмена, то должна была извиниться, сказать, что обозналась, отправить клонов с донесением к Хокаге и ко мне и следить за ним, ожидая подкрепления. А что, если бы шпионов-подмен было несколько? И ты раскрыла только одного, а остальные поменяли личины? А что, если бы подмена смог бы тебя убить? Мне, как твоему прямому начальнику, очень стыдно за тебя перед Хокаге-самой, Ирукой-саном и всеми, кто пострадал от твоего поведения».

И тут значит снова Третий начинает ее костерить: «Митарашаи-сан, я уверен, что вы не могли не узнать Наруто Узумаки и знаете о его статусе джинчурики. Атаковать джинчурики в деревне, рискуя тем, что он использует силу Кьюби и не сможет с ней справиться — это очень самонадеянно. Я не знаю, чем вы думали, Митарашаи-сан, но больше такого не делайте. Никогда. Да, и еще. Медики полагают, что Ирука-кун потерял память не от ран, нанесенных ему предателем, а от воздействия яда. И так получилось, что Мизуки обработал свое оружие тем же самым ядом, явно полученным от Орочимару. И через три недели после того инцидента появляетесь вы и травите Ируку-куна таким же ядом и убегаете

истерить, оставив вашего товарища без антидота. Медики полагают, что Ирука снова мог впасть в кому или даже умереть. Подумайте об этом, Митараша. Свободны.

— Умереть? — переспросил я, чувствуя, как по спине пробежал табун мурашек, хоть я и знал, что это фигня. — Окегиро ничего такого не говорил!

— Ну, я же не сам под дверью сидел и слушал! Он мог и приврать.

— Кто?

— Э, не, — ухмыляясь, помахал Морио указательным пальцем у меня пред носом, — я своих «информаторов» не сдам!

— Я сам этих болтунов найду!

— Остынь! Про тебя и Анко уже через неделю забудут. Если бы...

— Не скажешь?

— Нет. Кстати, мы уже пришли. Этот домик ее. Бывай, Ирука-кун. И удачи тебе.

— Угу, — буркнув, обернулся я. Но Маугли уже и след простыл.

Так и как оно? — не обнаружил я звонка или чего-то подобного.

— Молодой человек, звонок за веткой сирени.

Я поднял глаза, из редкой кроны на меня с доброй ухмылкой смотрел седовласый старичок.

— Спасибо.

Но только я протянул руку, как дедуля ехидненько сообщил:

— Опоздал ты, парень. Нет ее. Пять минут назад была, а теперь — нет.

А сразу сказать — слабо? Что-то ты, деда, мне не нравишься...

— Ясно. А вы случайно не знаете, когда она вернется?

— Откуда ж мне, старому, знать? — подивился дедок, срывая яблоки и ловко, но бережно укладывая в корзинку, балансирующую на заборе.

Шиноби значит, — выдрал листок из блокнота и задумался над тем, чего же написать. — «Нам надо встретиться»? Гм, если честно, оно мне не особо нужно. У меня и так более чем насыщенная жизнь, и без мексиканских драм есть где и о чем поволноваться...

С другой стороны, как писал Антуан де Сент-Экзюпери до того, как его кабину прошила очередь мессера: «...мы в ответе за тех, кого приручили». Тут, правда, Ирука был «приручителем», но я теперь как бы его наследник и унаследовал не только активы, но и долги. И в их числе — долг перед Наруто и долг перед Анко.

А еще нельзя недооценивать потенциальную месть брошенной женщины, особенно если она — специалист по тихим убийствам и обладает способностями уровня джонина.

А может Митараши слететь с катушек, изменив канон до неузнаваемости? Да запросто.

По манге можно предположить, что центром ее вселенной был ее учитель — Орочимару. Потом он ее бросил. Ее родителей не показали — значит, они погибли еще до того, как Змей ее бросил. К ней относились как к Наруто, может, немногим лучше. И вот выросла такая морально искалеченная девушка и влюбилась в Ируку. А тут он ее мало того что забыл, так еще и прогнал, когда она пришла извиняться! А потом ее еще и руководство долго и старательно прилюдно костерило и наверняка как-то еще наказало.

Так что вопрос примирения с Анко — это, в первую очередь, даже не вопрос того, будет она моей девушкой или нет, сколько вопрос того, каких неприятностей я себе наживу, если все пущу на самотек.

Хотя, девушки у меня здесь пока нет, а хотелось бы, чтобы была... Так, обратно к записке!

Я хотел бы извиниться? Мне-то особо не за что, но это будет в плюс к новой репутации у НПС Анко. Жизнь — не театр. Жизнь — РПГ! Но опять же, начинать знакомство с вранья как-то не хочется. А мне если и

стоит извиняться, то только за то, что мог бы подобрать менее резкие слова у себя дома и ответить в стиле: «Наруто никуда не пойдет, я сейчас накачан лекарствами и неадекватен, давайте все решим завтра».

Извиняться за то, что Ирука ее не любил, я точно не буду...

О, есть же отличное слово — объясниться. Так и напишу... Нет, буду проще.

Вздыхнул и в итоге написал: «Нам нужно встретиться. Я бы хотел поговорить где-нибудь в тихом месте. Ирука».

Засунул бумагу в почтовый ящик и пошел домой. Перед дверью квартиры я машинально полез рукой в карман, чтобы достать ключи. Впрочем, они мне были не нужны, ведь дверь была открыта, но привычка, да.

А что здесь у меня за бумажка? А, это же та самая, что мне Маугли отдал.

Прочёл:

«Митараша, в отличие от джинчурики, не приоритет. Прерывать с ней отношения или нет — решай сам. Но если эти отношения могут повредить контролю над Узумаки, то лучше сведи общение с Митараша к минимуму. Хотя продолжение наблюдения за ней было бы желательно, но не должно быть в ущерб основной миссии!

Как и обещал, у тебя будет инструктор по тайдзюцу. Вас познакомит друг».

Данзо.

Мда... Четко, ясно и понятно. Большой босс уже в курсе. Выкидывать записку на улице, на глазах у АНБУшника-наблюдателя, я не рискнул, потому ее выкинул дома в мусорное ведро, разорвав на тысячи клочков.

Неприятно было осознавать, что Анко для Ируки являлась заданием и что никакой любовью там даже не пахло. Со стороны Ируки, естественно. А вот она его, похоже, любила. Иначе бы, заподозрив, что я подмена-шпион, действовала бы иначе.

Перекусив бутербродами, сделанными Наруто, мы помчались наперегонки по крышам до госпиталя. Макуто не отставал, хотя я видел, что после

вчерашней тренировки у Монтаро его ноги слегка дрожали. Он не жаловался.

В этот раз половину занятия Кито уделил лекарствам: что с чем можно принимать, что вместе пить не стоит даже под страхом смерти, ну и в каких дозах, как рассчитать. Так, например, две дозы чакровосстанавливающего препарата за раз выпить можно, а вот от трех тебе поплохее настолько, что ты сам попросишь, чтоб враг тебя прикончил. В общем, на этом занятии я не скучал. А вот остальные начали стенать, что всё это прекрасно знают.

А я взял кисточку, быстро черкнул на листе несколько иероглифов и показал их растерянному Кито.

— Повторение — мать ученья, — благодарно кивнул медик, — откройте справочник на 17 странице.

После занятия Кито пригласил меня на чашечку чая.

— Вам, наверное, кажется, — грустно усмехнулся сенсей, — что эти чуунины ведут себя, как дети.

— Скорее, что некоторые чуунины ведут себя хуже, чем дети. Ремесло ирьенина — не уроки кройки и шитья, чтобы так наплевательски относиться к нему...

— Вы правы, — кивнул сенсей.

Мы поболтали еще немного. И еще. К концу разговора к нам присоединились еще двое знакомых Кито, решивших попить чайку в свободное время. В общем, когда расходились, уже были на «ты». А уходя, я поймал себя на мысли, что с ирьенинами общаться куда интереснее, чем с друзьями Ируки.

И полезнее. — Потянулся к кармашку, в котором был свиток. — Намного полезнее.

Как-то незаметно наступила пятница.

Жаль, что здесь пятый день недели — не последний рабочий день. А еще тренировка... Нужно еще успеть перекусить, ведь сегодня у нас с Наруто первая совместная тренировка у Монтаро!

— Ох. — я увидел, как Сакура снова отвесила блондину подзатыльник. Настоящему.

Надо будет проследить, чтоб он не опозорился.

Сегодня кроме нас троих в додзе было еще с десятков людей разного возраста. Пара толстых гражданских, что ходили сюда для того, чтобы скинуть вес и научиться хоть чему-то, трое ребят в возрасте от одиннадцати до пятнадцати лет, и пятеро мужчин — явно не гражданских — или шиноби, или самураи. Увидев нас, Монтаро кивнул — переодевайтесь, я вас жду в зале.

В раздевалке была разложена, разбросана и аккуратно развешена одежда, в том числе два чуунинских жилета. И стояли ряды обуви. Из одежды то тут, то там выглядывали рукоятки катан, кунаев, а под лавкой — раскрытый футляр для сенбонов и они сами рядом.

— Наруто, смотри под ноги.

— Хай!

Макуто молча повесил свою зелёную куртку на крючок и, оставшись в серой футболке, вышел в зал. Я заметил, как он осмотрел помещение — стойки, груши, мишени на стенах. Всё запомнил.

Началось занятие. Разминка, на которой Наруто показал завидные результаты. Макуто разминался рядом, повторяя движения Монтаро. Его тело двигалось плавно, без лишнего напряжения, но я видел, как он следит за каждым словом инструктора.

Потом наработка ударов и стандартные связки из них. Потом нас разделили на пары, и мы отрабатывали удары и защиту в замедленном темпе. Мне достался среднего роста парень, явно шиноби, лет двадцати двух-двадцати четырех, звали его Такео, что в переводе значило «подобный бамбуку»... Мда, затейники тут живут, любят детям интересные имена давать.

Макуто поставили в пару с тем самым пожилым самураем, который пришёл в додзе первым. Мужчина посмотрел на мальчика, на его танто, висевший на поясе, и спросил:

— Кендзюцу?

— Чуть-чуть, — ответил Макуто.

— Покажешь?

Они отошли к дальней стене, где лежали деревянные мечи. Я краем глаза следил за ними. Мужчина показал Макуто несколько простых движений — стойка, замах, рубящий удар. Макуто повторил. Не идеально, но лучше, чем любой другой ученик его возраста.

— Хорошая база, — сказал самурай. — Кто учил?

— Отец, — ответил Макуто и больше не проронил ни слова.

Монтаро подошёл к ним, посмотрел на упражнения и кивнул.

— Оставь его со мной, — сказал самураю. — Я потом с ним позанимаюсь.

Потом начались спарринги. Я и Наруто не участвовали — нам еще было рано, только смотрели и учились. Макуто тоже не поставили в пару, но Монтаро подозвал его к себе и начал показывать короткие связки — блок, уход, контратака. Макуто повторял, и с каждым разом движения становились быстрее и точнее.

После чего Монтаро объявил тренировку законченной.

— Ирука-кун, Наруто-кун, Макуто-кун, а вас я попрошу остаться.

Когда мастер попросил Наруто показать то, чему его научили в академии, я поминал сенсеев блондина «добрым» матерным словом. Узумаки пер напролом. Защита? Ее, как и тормоза, придумали трусы! Отводы ударов отсутствовали. Блоки были настолько криво исполненными, что плакать хотелось. Захватов не было вообще.

Макуто стоял в стороне, опустив руки и сжав в кулаке свой деревянный меч. Он слушал замечания мастера, и я видел, как он мысленно повторял

каждое движение — кисть чуть выше, корпус чуть наклонён, ноги не скрещивать.

После комплекса упражнений тайдзюцу мастер дал мне упражнения для отработки нескольких стандартных ударов до уровня рефлекса на кожаной груше с песком, а сам стал объяснять мальчику концепции спарринга и его «сонного» варианта. Макуто подошёл ближе и встал так, чтобы видеть каждое движение Монтаро.

Потом начался тренировочный бой. Сначала Монтаро вызвал Макуто.

— Ты, — ткнул пальцем мастер. — Покажи, что умеешь. Без меча.

Макуто кивнул, отложил в сторону деревянный клинок и встал в стойку. Низкую, почти касаясь коленями пола. Монтаро поднял бровь, но ничего не сказал. Они закружили по залу. Макуто атаковал первым — три быстрых удара, корпус, голова, нога. Монтаро блокировал, отступил на шаг и усмехнулся.

— Быстрый. Но предсказуемый.

Макуто ничего не ответил. Он атаковал снова — на этот раз ушёл в сторону, попытался зайти со спины. Монтаро развернулся, перехватил его руку и аккуратно, без силы, отбросил к стене.

— Хорошая попытка, — сказал мастер. — У тебя есть скорость и реакция. Но нет опыта. Это придёт.

Наруто смотрел на бой, разинув рот.

— А я так смогу? — спросил он.

— Если будешь тренироваться, — ответил Монтаро. — А теперь твоя очередь.

Во время спарринга Наруто старался и выкладывался на сто процентов. Он попробовал всё, что возможно, но «наикрутейший стиль тайдзюцу Листа» безнадежно проигрывал рациональному и экономному стилю мастера.

— Ну что же, всё не так плохо, — улыбнувшись, чтобы смягчить свои слова, сказал мастер. — У тебя определённо есть боевой дух, и это очень

важно, так как меч бесполезен в руках труса. У тебя хорошая реакция, сильные удары, и ты постоянно пытаешься импровизировать. А еще ты стараешься, это хорошо и очень важно для наших занятий.

Узумаки даже зарделся от похвалы. После этого инструктор задумался, подбирая слова. Долго подбирал. Видимо, слишком много непечатного лезло на язык вне очереди.

— Но есть одно «но»... Мальчик, — спросил Монтаро, — кто тебя так учил?

— Мидзуки и Ирука-сенсей. Они... ой, — осекся Наруто и, виновато втянув голову в плечи, покосился на меня.

Мне хотелось провалиться сквозь землю под осуждающим взглядом тренера, но я грустно улыбнулся и сказал:

— Два дебила его учили, Монтаро-сенсей. Два дебила...

Монтаро перевёл взгляд на Макуто, который стоял у стены, вытирая пот с лица.

— А этот где учился? — спросил он.

— Сам, — коротко ответил Макуто.

— Вижу, — хмыкнул мастер. — Неправильно, но лучше, чем тот.

— Признание ошибки — есть первый шаг к её исправлению, — усмехнулся Монтаро. Я отвел взгляд — возразить мне было нечего. Ведь не мог же я сказать, что это чужие ошибки, которые я не совершал.

— Ладно, Наруто-кун, будем тебя переучивать. Начнем с твоей стойки, она у тебя неправильная, как и всё остальное...

Монтаро подозвал Макуто.

— Ты тоже вставай рядом. Покажешь ему, как надо.

Макуто встал напротив Наруто и, не говоря ни слова, принял правильную стойку — ноги на ширине плеч, корпус чуть наклонён, руки расслаблены. Наруто попытался повторить.

— Ниже, — сказал Макуто.

— Как?

— Колени согни.

Наруто согнул колени, и стойка стала устойчивее.

— Уже лучше, — сказал Монтаро. — Запомни это положение. Теперь — блок.

После того, как Монтаро объяснил Наруто, и я так думаю, что еще и мне — азы, он провел сначала «сонный», а потом и обычный спарринг уже со мной. Наруто был в восторге. Про себя я восхитился мастерством наставника. Он явно хотел восстановить мой авторитет в глазах ребенка (который я сам втоптал в грязь этим признанием), поэтому объяснил всё как бы ему, хотя и мне тоже, а потом еще и показал разницу между им и мной. А разница была немаленькая. Но у меня хотя бы были наработаны правильные инстинкты и рефлексy. Да еще, плюс к этому, у Ируки было тело взрослого шиноби. Так что полагаю, что я смотрелся куда лучше, чем Узумаки, тем самым мотивируя его. Показывая, к каким результатам нужно стремиться. Для начала мальчику нужно было хотя бы догнать меня. А уже потом пытаться сравняться с мастером.

Макуто, пока мы с Монтаро спарринговали, отрабатывал удары на груше. Методично, без остановки. Удар — пауза — удар. Я заметил, что он смотрит на нас, запоминая каждое движение.

Потом Монтаро подзвал его и попросил провести несколько спаррингов с Наруто.

— Ты быстрее, — сказал он Макуто. — Он будет учиться уворачиваться.

Наруто встал в стойку, Макуто — напротив. Они смотрели друг на друга, и я вдруг понял, что эти двое уже не просто одноклассники. Они — напарники.

— Начали, — сказал Монтаро.

Макуто атаковал быстро, но без силы. Серия ударов, уход в сторону, снова атака. Наруто пытался блокировать, но пропускал больше, чем отражал. Однако он не падал, не сдавался — просто вставал снова и снова.

— Хватит, — сказал Монтаро. — Неплохо для первого раза.

Макуто протянул Наруто руку, помогая подняться с пола.

— Ты слишком много думаешь, — сказал он.

— А что, надо не думать? — удивился Наруто.

— Надо просто чувствовать, — ответил Макуто.

Я усмехнулся. Мальчишка говорил вещи, которые я сам не мог объяснить словами.

Вскоре тренировка закончилась и для нас. Расплатившись с мастером и поблагодарив его за тренировку, мы помылись, переоделись и потопали домой.

Домой я шел полностью вымотанным. Я еле плелся, время от времени поддакивая восторженно болтавшему Наруто. Тренироваться в сбруе было тем еще «удовольствием». Макуто шёл сзади, не обгоняя, но и не отставая. Он молчал, и я знал — он анализирует каждую минуту тренировки.

— Макуто, — спросил я, когда мы дошли до угла, где наши дороги расходились, — ты доволен?

— Да, — ответил он. — Монтаро-сан обещал на следующей неделе дать мне пару уроков кендзюцу. Сказал, что знает кое-что из старой школы.

— Хорошо, — ответил я. — Это дорого?

— Нет, — сказал Макуто. — Он сказал, что мы отработаем учебой. Я помогу ему с новыми учениками.

Мы разошлись. Макуто свернул к Ичираку — у него была смена, а мы с Наруто пошли домой.

Перед сном я пришел к Наруто, чтобы рассказать очередную сказку и наконец завалиться спать. Но в голову не приходило ни одной интересной истории.

— Наруто, а ты бы какую историю хотел бы послушать? — спросил я.

Мелкий озадаченно нахмурился и задумался. А мне в это время показалось, что кресло куда мягче кровати, до которой еще нужно доползти. Придумывал Наруто долго, так что я начал клевать носом. Мне уже начало что-то сниться, когда внезапный крик прямо в ухо заставил меня подскочить чуть ли не под потолок.

А обнаружив, что опасности — нет, я стек по креслу. Это белобрысый школьник пошутил.

— Расскажи СТРАШНУЮ историю!!! — давась хохотом, сообщил мне мальчишка.

Я понимал, что мое перекошенное ужасом лицо — это смешно, но все равно было немного обидно.

— Так, значит, да?! — намекая на проделку, сказал я. — Будет тебе страшная история. Очень страшная. — замогильным шепотом сообщил я.

Наруто быстро забрался в постель и, обняв подушку, сел слушать, довольно щурясь.

— «Любовь, ненависть и сила всегда являются тремя ногами треножника, на котором горит тёмное пламя, поддерживающее площадку, с которой сходят куклы смерти... Тёмный бог сделал этих кукол, и о них будет эта история. А рассказал мне её ирьенин по имени Ли... И эту историю я буду рассказывать от его лица».

— «Скажите мне, скажите правдиво, как перед Богами, если бы вы верили в них, как верю я, действительно ли вас удовлетворяют ваши научные объяснения? Я ответил очень спокойно: — Нет, Рикори-кун. И так оно и было».

Заикаясь и испуганно глядя на меня, Наруто спросил:

— Ирр-у-ука, это прав-в-да?

А мне стало стыдно. Меня так захватил рассказ, что я только сейчас обратил внимание на ребенка. Я погладил мальчика по голове, вытянул подушку из дрожащих рук и положил её Наруто под голову.

— Прости, зря я тебе рассказал эту небылицу. Не правда это. Нет и не было в Конохе ирьенина по имени Ли. И главаря бандитов Рикори тоже не существует. Я их выдумал. И кукол таких не бывает. Кукла без кукловода не может сделать и шага. Я тебе про марионеток Страны Ветра расскажу, хочешь?

Наруто помотал головой и сглотнул, зыркнув в окно, потому что там послышался какой-то шорох и курлыканье. Это голуби снова свили гнездо под подоконником.

Вот балбес! Напугал! Обиделся на ребенка, а он теперь не уснет.

Завернув Наруто в одеяло, прижал к груди и, еле заметно покачиваясь, сказал:

— Прости, я не подумав рассказал эту историю. Так уж получилось, что в детстве мне сказок на ночь не читали. А то, что читали... Помню, упросил папу почитать мне на ночь. Это было еще до того, как меня стали отправлять к бабушке и дедушке, потому что оставить меня было не с кем. В руки к папе тогда попала книжка: «Лестница демонов». В ней было всего три истории: «Ребенок Розмари», «Демонические куклы мадам Мендилипп» и... нет, третью я вспомнить не могу. А я, наивный, тогда, прячась под кровать, думал, что страшнее историй из этой книжки ничего нет. — хихикнул. — Бабушка больше всего любила обсуждать криминал канала НТВ. А единственные свободные уши были — мои...

— Ирука, а что такое канал НТВ?

— Эээ... это аббревиатура группы информаторов, ...вроде бы. Я не уверен. — посчитал, что отбрехался.

— Понятно. А почему НТВ?

— Ну-у, эээ... это... Я правда не знаю, как это расшифровывается. Не помню. — переложил мальчика на кровать. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Ирука.

Уходя к себе, я подумал, что это чудо, что я не ляпнул чего-то подобного днем, когда рядом толклись АНБУ.

И вообще, надо внимательнее следить за словами. — выдохнул и наконец заснул.

А в субботу утром, когда я пил чай на кухне, Макуто зашёл без стука. Он сел на табурет, положил на стол сложенный листок и сказал:

— Монтаро-сан передал адрес того самурая из Страны Железа. Сказал, что если я хочу серьёзно заниматься кендзюцу, лучше обратиться к нему. Но дорого.

Я взял листок, прочитал адрес и вздохнул.

— Подумаем, — сказал я. — Может, договоримся.

Макуто кивнул, взял с тарелки яблоко и, не прощаясь, вышел.

Глава 19. Тревога? *(продолжение с Макуто)*

После того как Какаши скрылся из виду, я еще несколько секунд стоял, переваривая услышанное. Шесть дней. Почти целая неделя без присмотра. Наруто уже куда-то убежал, наверное, к Рею или к Монтаро, а я остался размышлять о том, как лучше распорядиться этим временем.

— Ирука-сан.

Я обернулся. Макуто стоял в тени дерева, прислонившись спиной к стволу. В одной руке он держал листок бумаги — тот самый адрес, который дал Монтаро.

— Ты еще здесь? — спросил я.

— Ждал тебя, — ответил он. — Думал, мы могли бы сходить к тому самураю. Сегодня.

Я вздохнул. В голове вертелась куча дел: курсы ирьенина, тренировки с Наруто, подготовка к ремонту «Пиалы». Но Макуто редко просил о чем-то, и если он ждал меня здесь, значит, это было важно.

— Ладно, — сказал я. — Пошли.

Мы пошли через весь торговый квартал, мимо рынка, мимо лавок с оружием и масками. Макуто шел чуть впереди, иногда поглядывая на листок с адресом. Он не задавал вопросов, но я видел, как он сжимает бумагу — не от волнения, скорее от сосредоточенности.

— Ты знаешь, что это за человек? — спросил я, когда мы свернули в тихий переулок.

— Монтаро-сан сказал, бывший самурай из Страны Железа. Зовут Ода. Говорят, он был телохранителем у какого-то даймё, пока тот не погиб. После этого ушел в отставку и поселился в Конохе.

— Дорого берет?

— Не знаю, — ответил Макуто. — Монтаро-сан сказал: «Договоришься сам».

Я усмехнулся. Видимо, мастер тайдзюцу решил проверить, насколько мой подопечный умеет вести переговоры.

Дом Оды оказался в дальнем конце квартала, где старые здания теснились друг к другу, а между ними вились узкие улочки, едва пропускающие солнечный свет. Мы остановились перед невысоким забором, за которым виднелся небольшой сад с несколькими деревьями и прудом с карпами.

— Здесь, — сказал Макуто и толкнул калитку.

На крыльце сидел старик. Он был одет в простое темное кимоно, седые волосы собраны в небольшой пучок на затылке, руки покоятся на эфесе длинной катаны, стоящей вертикально. Его глаза — светлые, почти прозрачные — смотрели на нас без всякого выражения.

— Вы Ода-сэнсэй? — спросил Макуто, останавливаясь в нескольких шагах от крыльца.

— Я, — ответил старик. Голос у него был низким, но не скрипучим, а скорее глухим, как звук старого колокола. — Кто вы?

— Меня зовут Макуто. Мне нужен учитель кендзюцу. Я слышал, вы занимаетесь с учениками.

Ода долго смотрел на него. Потом перевел взгляд на меня и так же долго разглядывал мое лицо.

— А ты его опекун? — спросил он у меня.

— Ассистент команды, к которой он приписан, — ответил я. — И друг.

— Друг, — повторил Ода без всякой интонации. — Хорошо. Покажи, что умеешь, парень.

Макуто медленно вытащил свой танто из ножен. Ода скользнул взглядом по клинку, задержался на ржавчине у основания, потом посмотрел на рукоять.

— Неважное оружие, — сказал он.

— Это учебное, — ответил Макуто. — Настоящее я оставил дома.

— Умно, — старик чуть приподнял бровь. — Начинай.

Макуто отошел на несколько шагов, встал в стойку и начал отрабатывать удары. Медленно, без лишней суеты. Я видел, как он повторяет те движения, которые показывал Монтаро — и те, которые, наверное, запомнил от отца. Его тело двигалось плавно, но я замечал, где он ошибается: слишком сильно сжимает рукоять, не до конца выпрямляет руку в колющем ударе, иногда теряет равновесие при смене позиции.

Ода смотрел молча. Когда Макуто закончил, старик кивнул.

— База есть. Кто учил?

— Отец, — повторил Макуто.

— А где он сейчас?

— Умер.

Старик кивнул, не задавая лишних вопросов.

— Приходи завтра в это же время. Возьми свой настоящий меч, — Ода перевел взгляд на меня. — И ты, ассистент, приходи тоже. Хочу знать, с кем имею дело.

— Хорошо, — сказал я.

Мы вышли из сада. Макуто шел молча, но я заметил, как его плечи чуть расслабились.

— Думаешь, возьмет? — спросил я.

— Возьмет, — ответил Макуто. — Я заплачу.

— Деньги есть?

— Есть, — коротко ответил он и свернул к Ичираку, где у него начиналась смена.

Я пошел домой, размышляя о том, что этот парень, кажется, знает о жизни больше, чем некоторые взрослые.

Вечером, когда Наруто вернулся от Рея, я сидел на диване и перелистывал конспекты по ирьенинскому ремеслу. Мальчик плюхнулся рядом и заглянул в книгу.

— Скучно, — сказал он.

— Зато полезно, — ответил я. — Как прошел день?

— Каруйи-сенсей сказал, что у меня талант!

— Хорошо.

— Ирука, а почему ты ушел с Макуто?

— К старому самураю. Договаривались о его тренировках.

— А почему я не пошел?

— Потому что у тебя было занятие с Реем.

Наруто надулся, но быстро забыл об этом и принялся рассказывать, как сегодня на полигоне он пытался зарядить барьер и у него почти получилось.

Макуто вернулся поздно, когда мы уже собирались ложиться спать. Он тихо прошел в свою комнату, и я слышал, как он возится там, перебирая вещи. Через несколько минут он вышел в гостиную с длинным свертком в руках.

— Что это? — спросил я.

— Мой настоящий меч, — ответил он. — Завтра возьму с собой.

Наруто приподнялся на локте, глядя на сверток.

— А мне покажешь?

— Потом, — сказал Макуто. — Когда научусь им владеть.

Он ушел обратно в комнату, и через минуту я услышал, как скрипнула кровать.

— Странный он, — сказал Наруто, зевая.

— Не странный, — ответил я. — Просто серьезный.

— Ага.

Я погасил свет и лег на диван. Завтра нужно было вставать рано, готовиться к новому дню.

На следующий день, когда Макуто закончил смену у Тэучи, мы снова пошли к дому Оды. На этот раз Наруто увязался за нами — сказал, что хочет посмотреть, что за самурай.

Старик уже сидел на том же месте, с той же позой, с той же катаной у ноги. Увидев Наруто, он чуть нахмурился.

— Этот тоже ученик?

— Он — генин седьмой команды, — ответил я. — Просто пришел посмотреть.

— Смотри, — разрешил Ода. — Но не мешай.

Макуто достал меч. Это был длинный клинок в простых черных ножнах, без всяких украшений. Он вытащил его — лезвие блеснуло на солнце, и даже я, не особо разбирающийся в оружии, понял: это не игрушка.

— Хорошая сталь, — сказал Ода. — Дорогой меч.

— Отцовский, — ответил Макуто.

— Бери деревянный, — велел старик. — Для начала.

Макуто кивнул, убрал клинок и взял лежавший на крыльце деревянный меч.

Ода встал. Медленно, опираясь на трость, но когда он выпрямился, я увидел, что за этой медлительностью скрывается сила. Он взял свою катану, обнажил ее на несколько сантиметров и снова опустил.

— Покажи стойку.

Макуто встал. Ноги на ширине плеч, корпус чуть наклонен, меч в обеих руках перед собой.

— Ниже, — сказал Ода. — Колени согни.

Макуто согнул колени.

— Еще.

Он согнул еще.

— Теперь держи. И не двигайся.

Мы стояли на солнце уже минут десять. Наруто крутился, разглядывая сад, но Макуто не шевелился. Капли пота скатывались по его лицу, но он даже не моргал.

— Хорошо, — сказал Ода. — Теперь удар.

Макуто поднял меч и опустил его, рубя воздух.

— Медленно. И не замирай в конце. Удар — это не точка. Удар — это путь.

Макуто повторил. Теперь он не останавливался, а вел меч по дуге, заканчивая движение у бедра.

— Лучше. Еще.

Он отрабатывал этот удар снова и снова. Я видел, как его мышцы напрягаются и расслабляются, как он находит баланс. Ода не давал других указаний — только смотрел.

— Достаточно, — сказал старик через час. — Завтра в это же время.

Макуто опустил меч и поклонился. Не увиливая и не заискивая — просто поклонился, как равный равному.

Мы вышли на улицу. Наруто сразу затараторил:

— А почему он ничего не говорил? Только смотрел?

— Потому что учит смотреть, а не говорить, — ответил я.

Макуто шел молча. Он перекинул деревянный меч через плечо и смотрел вперед спокойным, почти отрешенным взглядом.

— Ты устал? — спросил я.

— Нет, — ответил он.

— Деньги он не назвал.

— Завтра назовет.

Мы вернулись домой. Наруто убежал в ванную, а Макуто поставил деревянный меч у двери и сел в кресло, закрыв глаза. Я знал, что он не спит — он просто отдыхал, перебирая в голове урок.

— Ирука-сан, — сказал он, не открывая глаз.

— Мм?

— Спасибо, что пошли со мной.

— Не за что, — ответил я. — Это не я тебя учу, а ты меня.

Он чуть заметно кивнул и больше не проронил ни слова.

Глава 19. Тревога? (продолжение с Макуто)

Я думал, что сентябрь тут будет сухим, но я ошибался. Ночью был дождь. Я проснулся от того, что мне стало холодно. Почесывая бок, пошлепал к окну, чтобы посмотреть, что творится на улице. Прохладный предрассветный туман заставил меня поежиться и вспомнить о теплых одеялах, которые я обнаружил в ящике под кроватью. Завернувшись в уютную мягкую находку, я опомнился, обругал себя и вытащив из ящика второе одеяло пошел в детскую. Хорош опекун, сам в тепле, а ребенок мерзнет! Ох.

Слабый свет с улицы осветил пол рядом с кроватью мальчика. На прикроватном коврик лежал чудной ночной колпак в виде двузубого медведя (или еще какой мутантской живности) и тряпичный дельфин. Игрушка выпала из рук Наруто, ведь обычно он засыпал с ним в обнимку. А сейчас блондин, поджав ноги, обнимал скомканный за ночь пододеяльник. Подбрав игрушку и колпак, я положил их на небольшой комод около постели. И осторожно, чтобы не разбудить, укрыл ребенка.

Затем прикрыл окно и пошел к себе. Казалось, я только закрыл глаза, как затрещал будильник. Пейзаж за окном изменился не сильно, только теперь туман подсвечивало встающее солнце. Долбанув кулаком по кнопке будильника, я недовольно пробормотал:

— Квест: «Утро, ни разу не доброе» взят. Поползли, — сказал я вслух, — умываться, переодеваться, готовить...

Периодически зевая, я беззвучно шептал стих, который навеяла мне погода за окном и серое тоскливое утро. *«Осенний скучный день. От долгого дождя И камни мостовой, и стены зданий серы; В туман окутаны безжизненные скверы, Сливаются в одно и небо и земля...»*

Конец стихотворения, для разнообразия, я прошептал на русском вслух и чуть не упустил тарелки из рук, услышав шипение, свист и другие странные звуки.

Не сразу до меня дошло, что это был шепот. Мой шепот! Такими противоестественными показались мне знакомые слова, сказанные чужим голосом, с диким акцентом. Казалось, что русский язык никогда не был мне родным. Я сказал еще несколько слов и понял, что нормально я их воспринимал, только проговаривая про себя. А на слух — как тарабарщину. Вырвав из блокнота листок, я попытался написать по-русски этот стих. Местами не смог совладать с пальцами и среди корявых букв были вклеены иероглифы или калекки, не похожие ни на то, ни на другое. Скомкав листок, достал спички и поджег его. Смотри, как догорают компромат, я осел на пол. А потом сделал клона и заставил его говорить шепотом исключительно на русском. Несчастный дубль через слово путался и сквозь зубы ругался матом. Он пытался говорить целые предложения, а я уже проговаривал отдельные слоги.

В это время на кухню вошел Макуто. Он был в своей зеленой куртке, волосы еще влажные после утреннего умывания. В руках он держал сложенный листок бумаги.

— Ирука-сан, — сказал он, глядя на моего клона, который корчил рожицы и шептал что-то нечленораздельное.

— А, это, — махнул рукой, — тренирую произношение. Ты чего так рано?

— Я к Оде-сэнсэю, — ответил Макуто. — Сегодня первый полноценный урок. Я хотел отдать деньги, но он сказал, что сначала посмотрит, чему я научился.

— Удачи, — кивнул я.

Макуто вышел, бесшумно притворив за собой дверь.

Утро четверга было... странным и раздражающим. Во многом из-за Сакуры. Им на миссии пора, а она стояла и препиралась со мной, что Какаши нужно дождаться. Я их учителем столько лет был (ну хорошо, не я, а Ирука, но им-то без разницы!), с чего такое недоверие? Даже Саске и тот начал говорить, что Хатаке надо подождать. А потом и Наруто, за компанию с ними... И ты, Брут! Еле убедил, что я их временный командир. Как оказалось, Какаши вчера постоял рядышком с детишками,

спросил ерунду и попрощавшись — умотал. И, зараза такая, ни слова не сказал о том, что уходит на миссию!

Без бумаги от Какаши мне должны были выдать из оставшихся после всех остальных миссий. Обычно это такое как бы наказание для джонинов-сенсеев, провинился — много миссий D-ранга. И получать их после всех команд. Поначалу я офигел от такого, а жаба в ужасе обняла меня всеми четырьмя лапами. Потому что Какаши за свое отсутствие еще должен был получать деньги! Но потом у меня созрел коварный план. Если кто-то из команды не являлся на задание, то его долю, от общего гонорара, делили на всех остальных выполнивших это задание. И потом отсутствующему еще приходилось доказывать, что он не верблюд. Под недоуменные взгляды, сначала сам похихикал, а потом, утерев выступившие слезы, я предложил Дикобразу написать форму на отсутствующего члена команды. Сначала меня не поняли, но когда я объяснил, зачем мне нужна эта форма, кабинет затряслось от хохота.

К полудню мы вернулись домой. Наруто, уставший после миссии, плюхнулся на диван и принялся листать свитки по фуиндзютсу. Я же сел за стол, размышляя, чем заняться дальше. В дверь постучали.

— Войдите.

На пороге стоял Макуто. Он выглядел таким же, как и утром, только на поясе вместо деревянного меча висел настоящий танто.

— Как прошел урок? — спросил я.

— Хорошо, — ответил он. — Ода-сэнсэй сказал, что у меня есть талант. И что я могу приходить каждый день после обеда.

— Вот как, — я усмехнулся. — А деньги? Он назвал цену?

— Назвал, — Макуто помолчал, потом сказал: — Я уже заплатил. Из своих.

Я удивленно поднял бровь. — У тебя есть деньги?

— Были, — ответил он коротко.

Наруто оторвал взгляд от свитка.

— Макуто, а ты покажешь, чему тебя научили?

— Пока нечего показывать, — ответил тот. — Ода-сэнсэй заставлял весь урок держать стойку и делать один удар. Сказал, что если клинок входит в цель криво, то и смысла в остальном нет.

— Ну, это логично, — заметил я.

Макуто кивнул, попрощался и ушел в свою комнату. Я же задумался. Парень заплатил из своих. Откуда у него деньги? На работе у Тэучи он получал копейки, а квартиру снимал дешевую. И тем не менее.

Вечером, когда Наруто спал, я застал Макуто на кухне. Он сидел за столом, чистил свой танто и, кажется, что-то чертил пальцем на столешнице — то ли печать, то ли схему удара.

— Макуто, — позвал я.

Он поднял голову.

— Если тебе нужна будет помощь с деньгами — скажи. Я не богат, но могу...

— Спасибо, — перебил он. — Не нужно. Я справлюсь.

Он убрал клинок в ножны и вышел, оставив меня в одиночестве.

На следующее утро, до миссий, я заскочил в госпиталь — нужно было забрать у Кито манекен для отработки техники передачи чакры. На выходе я столкнулся с Макуто. Он выходил из крыла, где располагался кабинет Рея.

— Ты к мастеру? — спросил я.

— Да, — ответил он. — Рей-сан сказал, что печать на танто готова. Теперь клинок будет держать заряд.

— Это хорошо.

Мы вышли на улицу, и я заметил, как он разжимает кулак. На ладони блестел небольшой металлический кулон — не тот, что я видел раньше. Новый.

— Что это? — спросил я.

— Знак, — коротко ответил Макуто. — Ода-сэнсэй дал. Для тех, кто прошел первый этап.

Он спрятал его за воротник куртки и, кивнув, пошел к выходу с больничной территории.

В субботу мы с Наруто и Макуто отправились к старому додзе. Монтаро сегодня не было — он уехал по делам, но разрешил нам тренироваться самостоятельно. Макуто пришел со своим настоящим мечом.

— Покажешь? — попросил Наруто.

Макуто кивнул, вышел в центр зала и встал в стойку. Ноги на ширине плеч, корпус чуть наклонен, меч в обеих руках. Он поднял клинок и опустил его — раз, другой, третий. Каждый удар был одинаковым, без лишних движений.

— Он так целый час делал? — шепотом спросил у меня Наруто.

— Ода-сэнсэй сказал, что удар — это путь, а не точка, — ответил я. — Видимо, он учит именно этому.

Макуто закончил и убрал меч в ножны.

— Еще рано, — сказал он. — Слишком много ошибок.

Он подошел к нам, сел на лавку и закрыл глаза, восстанавливая дыхание. Я заметил, как его пальцы сжимаются и разжимаются — он мысленно отрабатывал удар снова и снова.

Перед уходом Макуто вдруг сказал:

— Ирука-сан, вы говорили про команду. Про общие атаки. Может, нам потренироваться вместе?

— Хорошая идея, — ответил я. — Наруто, ты как?

— Да! — подскочил тот. — Я хочу!

Макуто кивнул. Мы договорились встретиться вечером на полигоне.

В воскресенье, когда Наруто отправился к Рею, Макуто снова пошел к Оде. Я остался дома, перебирая конспекты. Вернулся он через три часа — уставший, но довольный.

— Получилось? — спросил я.

— Ода-сэнсэй сказал, что база есть, — ответил Макуто, садясь за стол. — Теперь начнем учить связки.

Он достал из-за пазухи сложенный листок и протянул мне.

— Что это?

— Схема ударов. Я рисовал, пока объяснял.

Я посмотрел на листок. Там были набросаны человеческие фигурки, стрелки, направления ударов. Грубо, но понятно.

— Ты это делал, пока он говорил?

— Да, — ответил Макуто. — Так я лучше запоминаю.

Я вернул ему листок.

— Ты молодец.

Он кивнул и ушел переодеваться.

Ночью я сидел на кухне пить чай. Макуто вышел из своей комнаты, держа в руках мешочек с монетами — тот самый, в котором он хранил свои сбережения. Он развязал завязки, высыпал мелочь на стол и начал пересчитывать.

— Ты чего не спишь? — спросил я.

— Считаю, — ответил он. — На следующей неделе нужно будет снова платить Оде. У меня почти все ушло на первый урок.

— Возьми у меня, — сказал я.

— Нет, — покачал он головой. — Это мое обучение. Я сам должен платить.

— Упрямый, — вздохнул я.

Он усмехнулся — впервые за долгое время.

— А вы, Ирука-сан, ворчали на Наруто, что он переедает?

— Наруто — это другое, — ответил я. — А ты — совсем другое.

Макуто собрал монеты, затянул мешочек и спрятал его под матрас.

— Спокойной ночи, — сказал он.

— Спокойной ночи.

Я остался один. За окном было темно, только фонари у дороги бросали желтый свет на мокрый асфальт. Я думал о том, что этот молчаливый парень, который никогда не жаловался и не просил помощи, оказывается, тратит последние деньги на обучение, чтобы стать сильнее. И при этом ни разу не попросил у меня ни рё.

В понедельник, после миссий, мы отправились на полигон. Тренировались комбинированные атаки. Макуто работал вместе с Наруто, и они координировались лучше, чем я ожидал.

— Макуто, слева! — крикнул Наруто.

Тот кивнул и, не оборачиваясь, отбил воображаемого противника. Быстро, без лишних слов.

— Готово, — сказал он.

— Хорошо, — ответил я.

Мы засиделись до темноты. Наруто уже клевал носом, когда я сказал, что пора расходиться. По дороге домой Макуто поравнялся со мной и тихо спросил:

— Ирука-сан, а вы верите, что у меня получится?

— Верю, — ответил я. — Ты упрямый, как бык. А упрямые добиваются своего.

Он ничего не ответил, просто ускорил шаг. Я смотрел ему вслед и думал, что, возможно, я не зря ввязался в эту историю.

С этими двумя, с их упрямством и верой в себя, даже я мог научиться чему-то новому. Например, тому, что иногда нужно просто молчать и делать свою работу — как Макуто. Или тому, что иногда нужно кричать на весь мир о своих мечтах — как Наруто.

А может быть, и тому, и другому сразу.

Глава 19. Тревога? *(продолжение, с активным участием Макуто)*

Итак, Какаши решил свалить на какую-то миссию, а генинов оставил на меня! До следующего вторника. После недавнего стресса от появления кота, а теперь — после такого заявления, я был как под кайфом. Когда же эйфория схлынула, я начал судорожно соображать, за что хвататься в первую очередь. Конечно, шесть дней для студента — это прорва времени, но нужно было распорядиться этим «подарком» с большей пользой.

На следующий день после ухода Хатаке мы собрались у здания администрации. Наруто прыгал вокруг меня, Саске стоял в стороне, прислонившись к столбу, Сакура поправляла волосы, поглядывая на него. Макуто подошёл позже всех. Он шёл не спеша, в своей зелёной куртке, с танто на поясе и деревянным мечом за спиной.

— Ты сегодня не в Ичираку? — спросил я.

— После тренировки, — ответил он. — Ода-сэнсэй перенёс занятие на вечер.

— Хорошо, тогда будешь с нами.

Я решил, что даже если Какаши не будет неделю, я не стану ничего делать с командной работой детворы. Во-первых, слишком мало времени. Конечно, попробовать я мог, но почему-то мне казалось, что просто зря потрачу драгоценное время.

Сакура тупа как пробка, увлечена новыми платьями, причёсками и Учихой. Так же не имеет мотивации к развитию. — Сделал очередную пометку в блокноте, шагая следом за Узумаки и думая дальше. — Да-а, эта миссия с котом прямо как сессия. Знал же, что будет, но она все равно

сумела подкрасться незаметно. Так-так-так, — погрыз карандаш, — вернемся к нашим генинам! Если Наруто продемонстрирует Саске свои умения, тот может пойти качать права к Собакину. Оно мне надо? Нет, не надо. Проблемы мне не нужны. К тому же я не гений психологии, чтобы найти подход к Мстителю и Гламурной дуре. Тот, кто скажет, что это же дети, будет послан на три веселых буквы! Не мог я к ним относиться так же, как к Наруто. Не мог, не могу и не буду. Рука не поднимется глазастенькому волосы взъерошить. А маленькую стерву похвалить язык не повернется.

И еще, не забудем, что перед тем как свалить, Какашка еще раз потребовал, чтобы я отложил тренировки команды до его возвращения. Нет, ну как обтекаемо выразился, скотина... И рядом были Сова, которая наверняка передаст слова Собакина остальному зоопарку... Который запросто может заложить меня Собакину.

Макуто шёл сзади, не вмешиваясь в мои мысли, но я заметил, как он осматривает прохожих, оценивает их, запоминает лица. Полезная привычка.

Переть против прямого приказа Хатаке, своего, как ни крути, начальника, не хочется, поскольку по местным законам я обязан следовать его приказам. Да и не нужно мне это, честно-то говоря. Вообще, если подумать, то рациональнее будет придумать и отработать с Наруто общие атаки и тактики. Например, нападение с метательным оружием и комбинированные атаки ветром. А! И еще совместная атака водой и ветром, но дзютсу воды мне еще надо было «вспомнить» и отработать... Мда, время-время-время, мало-мало-мало... Решено!

Перевернул исписанный листок блокнота и после слова «Срочно» появились такие строчки:

«Выучить технику передачи чакры. Научиться комбинировать атаки вода-воздух, воздух-воздух и метательное оружие-воздух. Не очень важно: Для очистки совести проверить навыки Саске и Сакуры. Дальше по обстановке».

Между делом я заглянул к Соре. Тот осунулся, похудел, но горел энтузиазмом. Рабочие уже сделали основы для диванов, а мне оставалось

только раздобыть достаточно поролона и чехлы. Прикинув, сколько материалов понадобится, я присвистнул. Жаба категорически не хотела расставаться с деньгами, но я запинал земноводное и послал клонов в квартал торговцев и в знакомое ателье. Чуть потратившись сейчас, в будущем получу больше прибыли.

— Умино-сама, — отвлек меня прораб.

— Да?

— Мы закончим примерно к первому снегу.

Шустро однако...

Видя, что я задумался, прораб недовольно дернул уголком губ.

— Ммм? — дошло. — Кеничи-сан, не беспокойтесь, без денег вы не останетесь. Сора-сан, принесите, пожалуйста, эскизы, — доверительным тоном. — Вы и ваши люди отличные работники. У меня к вам нет претензий...

— Но? — недоверчиво уточнил прораб.

— Без «но», Кеничи-сан. Я хочу вас нанять для ремонта первого этажа этого заведения. Там работы будет больше. Я бы хотел сейчас узнать, во сколько мне обойдется эта затея.

Ознакомившись с проектом, строители долго цокали и шушукались.

— Умино-сама, мы согласны.

— Отлично. Как закончите тут, мы обговорим детали.

— Мы могли бы начать уже сейчас...

Я выставил раскрытую ладонь, мастер замолк.

— Нет. Сначала здесь приведите все в порядок. До свидания, Кеничи-сан.

Я отказался от предложения мастера по нескольким причинам: я не мог закрыть «Пиалу», ведь тогда она перестала бы приносить доход мне и Соре. Не мог закрыть заведение, чтобы не отпугнуть клиентов. И у меня

финансов маловато было. До конца ремонта оставалось еще немного времени, а это значило, что до первого снега мне нужно было где-то раздобыть денег на ремонт первого этажа и переделку фасада здания! Самым простым вариантом был кредит. Потом головы нукенинов Гато, и его самого, если выживу после двух стычек с Забузой, да и на сам офис у меня были планы. Коротышка Гэ был бизнесменом, и в его сейфах наверняка должно быть что-то достаточно ценное, чтобы покрыть мои расходы. А еще меч Забузы. Я его лучше на своем горбу до самых ворот Конохи переть буду от Страны Волн, чем позволю уникальному оружию стать надгробием!

Погрустнел.

Делю шкуру не убитого медведя. До этого еще дожить надо.

Среда, зал, тренировка, устал как собака... — Глядя в потолок додзэ. — Не Блок я, совсем не Блок.

Макуто уже минут двадцать стоял у стены, отрабатывая стойку с деревянным мечом. Монтаро подошёл к нему, поправил локоть и, одобрительно кивнув, вернулся ко мне.

— Да, все хотел спросить, Ирука-кун, а что это на вас с мальчиком? Вот это, на сбрую похожее. — спросил Монтаро, помогая мне подняться.

— Это? — оттянул ремешок, выглядывающий из-под кимоно. — А это плод долгой работы Каруйи Рея, главного специалиста Конохского госпиталя по фуиндзютсу.

Тренер задумчиво хмыкнул.

— В целом, работает как утяжелители, только распределяет нагрузку более-менее равномерно по всему телу. — развязав пояс кимоно, стал впаривать дальше. — Легко отключается в одно движение, так что этот тренировочный костюм не опасен в бою для того, кто его носит. Благодаря тому, что питается от чакры, помогает развивать и тренировать каналы.

— Очень полезная штука, вот! — добавил от себя Наруто.

Макуто, услышав разговор, подошёл и молча показал Монтаро свою сбрую.

— И у тебя такая же? — спросил мастер.

— Да, — ответил Макуто. — Ирука-сан купил её для меня.

— Хороший учитель, — заметил Монтаро, глядя на меня.

Я только пожал плечами.

Инструктору девайс понравился, а цена вызвала понимание. А вообще: хорошему человеку, хорошую вещь посоветовать не жалко.

— Хм, пожалуй. Я себе такой же закажу... В госпитале, говорите?

После того, как я объяснил, где искать мастера фуиндзютсу, мы попрощались и разошлись.

— Рей-сан точно обрадуется, когда узнает! — шел впереди меня задом наперед Узумаки, заложив руки за голову.

— Ты с этим погоди, Монтаро-сенсей же еще ничего не заказал. А вот когда закажет, тогда можешь похвастать, что о сбруе сенсей от нас узнал.

— А почему не сейчас? Он же обрадуется, что кому-то еще захотелось такую же штуку, как у нас, купить!

— А вдруг Монтаро-сан передумает? Тогда ты просто огорчишь Каруйи-сенсея.

Наруто задумался, а потом кивнул:

— Понятно.

Макуто шёл сбоку и вдруг сказал:

— Монтаро-сан опытный. Он не передумает. Но лучше сказать Рею-сану, когда заказ уже будет сделан. Тогда он точно обрадуется.

— Видишь, Наруто, и Макуто так думает, — сказал я.

Узумаки вздохнул, но спорить не стал.

Утро четверга было... странным и раздражающим. Во многом из-за Сакуры. Им на миссии пора, а она стояла и препиралась со мной, что Какаши нужно дожидаться.

Я их учителем столько лет был (ну хорошо, не я, а Ирука, но им-то без разницы!) — с чего такое недоверие? Даже Саске и тот начал говорить, что Хатаке надо подождать. А потом и Наруто, за компанию с ними...

И ты, Брут! ...

Еле убедил, что я их временный командир. Как оказалось, Какаши вчера постоял рядышком с детишками, спросил ерунду и, попрощавшись, умотал. И, зараза такая, ни слова не сказал о том, что уходит на миссию!

Дальше была фигня. Какаши попросту не оформил бумаг, по которым я бы числился временно исполняющим обязанности джонина-сенсея седьмой команды. Официально Какаши все еще должен был брать миссии, получать за них плату и выдавать нам нашу «сдачу».

Макуто, который сидел на корточках у стены, точил свой танто. Саске покосился на него, заметив, как ловко мальчик водит бруском по лезвию.

— Научишь? — неожиданно спросил Саске.

Макуто поднял голову, посмотрел на Учиху несколько секунд и кивнул.

— Вечером. Приходи к пруду.

Саске чуть заметно кивнул и отвернулся.

Я удивился, но виду не подал. Макуто сам устанавливает контакты — это хорошо.

И получалось, что я должен был брать миссии на имя Какаши.

Ну что же, в этом весь Хатаке Какаши. Зачем нормально передавать дела? Незачем! Все надо делать в последний момент и через одно место! Но ничего, Собакин, на каждого мопса однажды найдется свой корейский ресторан...

Без бумаги от Какаши мне должны были выдать из оставшихся после всех остальных миссии. Обычно это такое как бы наказание для джонинов-

сенсеев: провинился — много миссий D-ранга. И получать их после всех команд. А в нашем случае... Да, Какаши — это наше наказание, не поспоришь...

Поначалу я офигел от такого, а жаба в ужасе обняла меня всеми четырьмя лапами. Потому что Какаши за свое отсутствие еще должен был получать деньги! Но потом... Потом у меня созрел коварный план...

Под недоуменные взгляды, сначала сам похихикал, а потом, утерев выступившие слезы, я предложил Дикобразу написать форму на отсутствующего члена команды. Сначала меня не поняли, но когда я объяснил, зачем мне нужна эта форма, кабинет затрясло от хохота.

Макуто, который ждал меня в коридоре, заглянул внутрь, услышав гогот. Я поманил его пальцем.

— Иди сюда, подпишешь тоже. На память.

Он подошёл к столу, взял перо и поставил свою подпись рядом с подписью Наруто. Кривовато, но разборчиво.

Если кто-то из команды не являлся на задание, то его долю от общего гонорара делили на всех остальных, выполнивших это задание. И потом отсутствующему еще приходилось доказывать, что он не верблю... Что он не виноват. И что не смог прийти на миссию по уважительной причине.

Покатываясь со смеху, мы накатали в десять рук такую же фигню, но на Какаши, и запрягли подписать это команду номер семь.

Джонин Хатаке Какаши не явился на миссию (далее примерное содержание объяснительной записки), такой-сякой. И его долю после выполнения миссии мы разделили на четверых. Дата, подпись.

А в десять рук писали потому, что каждому хотелось приложить длань к историческому документу. Ну когда еще такая абсурдная бумажка будет написана на легендарного Шарингана Какаши! А именно: завтра, после завтра, после-послезавтра, после... и так до вторника. Доля Какаши была больше, так что полученные деньги можно было отложить на ремонт «Пестрой пиалы».

Поначалу я даже хотел замахнуться на гонорар, что Хатаке получал за сидение на дереве во время наших миссий, но, к сожалению, пришлось отказаться от этой идеи. Ведь Собакин в ответ мог написать бумагу о том, что он чуть ли не всё сам сделал. Так что захватить деньги Собакина можно было только пока его не было на месте. Пе-е-ечаль...

— Какаши-сан — сама наивность, раз посчитал, что я стану горбатиться на самых отстойных миссиях, чтобы он потом получил за это денежку!

Обломись, Говняша!

— Ирука, ты жадный. — Покатываясь со смеху, выдавил какой-то чуунин.

— Я-то? — Наивно похлопал глазами, — Да ладно?! А я и не знал!

Новым взрывом хохота очумевшую команду номер семь вынесло из кабинета.

— Удачи, Ирука-сан.

— К демонам ее! Эту удачу.

Смеясь, распрощался с незнакомым шиноби.

Большую часть работы, как и раньше, делали клоны, но теперь мы заканчивали намного раньше. И не только потому, что теперь я запрягал Сакуру, что Какаши раньше редко делал, но и потому, что просто организовывал процесс по типу конвейера, ставя на самые нужные места «живых» исполнителей.

Розоволосую Хатаке запрягал нечасто, потому что у нее постоянно были причины не работать или спихнуть всё на Наруто. «У меня новое платье, я запачкаюсь...» «А можно я буду другое делать...» Нет, теперь нельзя.

Впрочем, была и еще одна причина. Раньше Чучело не особо интересовался границами задания и, не особо задумываясь, щедрой рукой оказывал заказчикам помощь... Генинскую.

А я заранее четко оговаривал границы задания, делал только от и до. Не нагружая себя и детвору дополнительно всякой возникающей сопутствующей работой.

А, ну еще я приходил вовремя, не заставляя детей ждать по полтора-два часа, впустую тратя их время.

Кстати, Харуно даже последнее не примирило с мобилизацией. Сакуре не понравилось, что ее напрягают работать, и розоволосая периодически кидала на меня злобные взгляды и что-то бухтела себе под нос.

Но вот мой первый «командирский» день закончился, и мы пошли домой. Наруто всю дорогу мялся, нервничал, виновато смотрел на меня, накручивая на палец футболку, и явно хотел что-то сказать. Макуто шёл сбоку, поглядывая на Наруто, и вдруг тихо спросил:

— Ты из-за Какаши?

Наруто кивнул.

Когда мы пришли домой, Узумаки вел себя так же. Наконец я не выдержал:

— Ну, рассказывай, чего случилось?

— Ирука, прости, что с утра тебе не поверил, вот. Мне стыдно, даттебайо.

— Виновато посмотрел на меня своими голубыми глазами Наруто. — Не знаю почему я так... ну, вместе с ними согласился... Ты же мне никогда не врал, не знаю, почему я вместе с ними... С Саске и Сакурой... Им ведь нет до меня дела... — неожиданно грустно и взросло сказал Наруто.

Я только рот удивленно открыл от такого. Мда, правильно я думал, что совсем не так глуп Наруто, как его в манге показывали.

— Прощаю, — мягко сказал я. — Просто ты поддался «стадному инстинкту».

Наруто меня не понял, и я решил пояснить:

— Понимаешь, это когда: куда все, туда и я. Все прыгают в пропасть, прыгну и я. Это стремление человека быть частью толпы и называют «стадным инстинктом».

— Угу. — Кивнул блондин неуверенно, пока ещё без понимания.

Макуто, который сидел в кресле и разбирал свой танто, поднял голову.

— Это как в бою, — сказал он. — Если все бегут, ты бежишь. Но иногда нужно стоять, даже если остальные бегут.

Наруто посмотрел на него, потом на меня.

— Чтобы такого больше не случилось, сначала думай, к чему приведут твои решения. И только потом делай. И не забывай...

— Семь раз отмерь — один отрежь. — Вздохнул Наруто.

И вдруг воскликнул, решительно вскинув голову:

— Ирука! Я обещаю, что всегда буду думать!

Я легонько щелкнул его по кончику носа.

— А ты точно справишься? Это ведь очень тяжелое обещание.

— Справлюсь, даттебайо! — подняв правую руку, он сжал ее в кулак и в подтверждение своей «клятвы» стукнул по ладони левой.

Я не сдержал улыбки:

— Хорошо. Думай, это полезно.

В четверг, после занятий на курсах ирьенинов, я отправил Наруто домой, чтобы он меня не ждал (он и не ждал, наверняка, забрав обожженные фигурки, ринулся их расставлять по полкам), а Кито дал мне доступ к манекену и показал, как работать с техникой передачи чакры. Трудностей с ней было много. Во-первых, чакра-капилляры (название условное, потому что это каналы энергии) сужались ближе к коже. Передавать в них чакру было непросто — всё равно что заливать воду в перевернутую воронку. Если каналы были недостаточно развиты, а чакры передавалось много, то каналы можно было повредить, ранив этим того, кому должна была передаваться чакра. Манекен был выполнен в виде человека.

Зеленым были обозначены: область очага — живот, крупные узлы чакро-каналов — врата, особенно около сердца и мозга, а еще ладоней и пяток. В этих местах и около них каналы были традиционно наиболее развитыми, широкими и крепкими. Но вот незадача, достаточно развитые открытые

каналы были только на животе, руках и ногах. Конечно, ирренин уровня Цунаде мог передать чакру даже через, простите мой французский, задницу. Остальным нужны были более широкие каналы, выходящие наружу. А значит, оставались только три места: живот, как наиболее легкое для передачи место за счет близкого расположения источника, затем руки и ноги, плечи. Хотя держать кого-то за пятку, чтобы передать чакру... извините, я пас. Да и потери больше, чем при передаче через живот.

К концу тренировки у меня даже стало что-то получаться.

— Хорошие результаты для первого раза, — одобрил Кито. — Но, пожалуй, на сегодня все. Продолжим в субботу. До скорого, Ирука-сан.

В пятницу, после работы, я удивил ребят.

— Так, на сегодня миссии закончились, но я хотел бы оценить ваш прогресс, так что пойдемте к озеру, там вы, Сакура и Саске, покажете, чему вы научились.

Учиха уставился на меня, как будто у меня отросла вторая голова.

Недоумение, удивление. Непонимание.

Макуто, который шёл с нами до развилки, вдруг сказал:

— Можно я тоже посмотрю?

— Хочешь? — спросил я. — Валяй.

Мы направились к озеру. Наруто шел впереди, Макуто чуть сзади, за ним Саске и Сакура.

Впрочем, чему он удивлялся, было понятно.

А вот Сакура не подвела:

— А про Наруто-баку вы не сказали. Правильно, ему нечего показывать!
— самодовольно заключила Харуно.

Узумаки покраснел от возмущения:

— Да я! ...

— Не надо, — я положил ему руку на плечо и негромко сказал. — Не спорь по пустякам. Я знаю твои навыки, поэтому не прошу их продемонстрировать.

За мои слова Узумаки заработал презрительный хмык от розоволосой.

Мы вышли на небольшую полянку, здесь всё еще пахло жженой шерстью. У нас задание было лис вывести, что повадились крестьянских кур душить. Так вот шаринганистый дурень не рассчитал мощь своего огненного шара и спалил лисицу прямо в норе. Живодер малолетний! А ведь хотели выгнать ее наружу и убить кунаем, не попортив шкуры...

— Саске, ты первый.

Наруто оскорбленно взглянул на меня, точно говоря: но я же многому научился! Я хочу показать, что стал сильнее!

Я погладил мелкого по волосам и сказал:

— Не обижайся. Ты можешь показать, что стал лучше метать кунаи и сюрикены!

— Ага, — без энтузиазма затянул блондин.

— А еще можешь показать, насколько лучше стало твое тайдзютсу! Этого будет более чем достаточно.

— Хай! — громко завопил Наруто, так что Саске промазал мимо мишени. Секунды через три до Узумаки дошло, что его арсенал куда круче:

— А ниндзютсу?

Я воровато взглянул на Сакуру, но та, затаив дыхание, наблюдала за Учихой.

— Не сейчас, — покачал головой и улыбнулся, — а то Саске от зависти удавится.

Макуто стоял в стороне и внимательно наблюдал за тем, как Саске мечет кунаи. Когда Учиха закончил, Макуто подошёл к мишени, вытащил одно лезвие и вернул его Саске.

— У тебя палец смещается, — сказал он. — Из-за этого кунай уходит вправо.

Саске нахмурился, но кивнул.

Собрав кунаи и метательные ножи, глазастый встал сбоку от меня. Теперь на поляне «красовалась» Сакура.

После Учихи ее потуги выглядели откровенно жалко.

Наруто был лучше Сакуры, но похуже Саске. Метал кунаи и сюрикены он, в целом, неплохо, но глазастый объективно был лучше. Впрочем, и от такого результата блондина в эмоциях Учихи проскользнуло удивление.

В общем, результаты месячного обучения под «мудрым» руководством Какаши были следующие: Сакура начала забывать даже то, что выучила в академии, а ее движения были рваными и скованными. Единственное, что она освоила, это хождение по вертикали. Но применить новый навык к передвижению верхними путями она не догадалась. Из техник у нее были всё те же Замещение, Иллюзорные клоны и Хенге.

Мда... И что мне в бою с этой отличницей делать?

А вот Саске... надо отдать ему должное, явно занимался сам. И на фоне Сакуры выглядел как профи. На фоне Узумаки, блин, тоже! Но ведь Наруто только начал обучение и лишь недавно стал совершенствовать свое тайдзютсу. А Учиху всё же обучали раньше: клан — до своего уничтожения, а потом инструкторы в академии, и лишь совсем недавно Саске стал самоучкой и занимался по свиткам без учителя. А значит, теперь его навыки росли медленно, да и результаты, наверняка, были ниже, чем могли бы быть.

Когда Наруто дрался со своим клоном, Сакура презрительно фыркала, а вот Саске внимательно следил и даже стал как-то странно на меня поглядывать. Точно сказать что-то хотел, но что-то не позволяло. Может

быть, гордость? В проявляемых им эмоциях была именно она. Вместе с нерешительностью.

"Я лучше. Он чуть сильнее стал, но я всё равно лучше!", казалось, слышал я. Думаю, это просто у меня воображение разыгралось.

Макуто подошёл к Саске и сказал тихо, но я слышал:

— Ты быстрее. Но он выносливее. Если он затянет бой, ты устанешь раньше.

Саске посмотрел на него с интересом, но ничего не ответил.

Надо будет — сам скажет, а пока надо разобраться с Сакурой. Боюсь, что с таким арсеналом приснопамятную лужу на дороге в Страну Волн она не переживет.

Подумав, я предложил Саске и Наруто поспарринговаться, а сам отвел Сакуру в сторонку.

— Ирука-сенсей, вы хотели со мной поговорить?

Да ты сама проницательность!

— Я хочу поговорить насчет твоей подготовки.

— А что с ней не так? — наивно хлопая зелеными глазами, спросила Харуно.

Я проглотил готовые сорваться с языка слова, а именно: «Всё не так!»

Начал я издалека:

— Когда ты в последний раз тренировалась?

— Ну-у, эээ...

— Это очень плохо, — пробормотал я и громче продолжил. — У тебя и навыки, и выносливость ниже среднего. Тебе нужно каждый день тренироваться!

— Ну-у, — виновато опустила она глаза, — я... так получалось, что...

— Сакура, хватит мямлить! — раздраженно перебил начинающую выдумывать оправдания девчонку. Как часто со мной бывало в моменты стресса, забыл суффикс. — Шиноби обязан тренироваться постоянно. А ты отлыниваешь! О чем ты вообще думала?! — Закатил глаза и неодобрительно покачал головой. — Пресветлые боги, да ты до сих пор не знаешь ни одного полезного в бою дзютсу, кроме трех академических! Ты понимаешь, что это для тебя значит?!

— Эээ? ...

— Сакура-чан, — вкрадчиво, — ты будешь обузой в бою.

— Ирука-сенсей! — воскликнула Харуно, до глубины души возмущенная моими словами. — Это неправда!

— Сакура-чан, это правда. Мне очень жаль, что в академии учат с сильным отрывом от реалий нашего мира.

Сферический шиноби в вакууме.

Девочка возмущенно ахнула и обвиняюще уставилась на меня, сжав кулачки, будто несовершенная программа обучения отменила ее промах с тренировками. Это я понял потому, что виноватое выражение исчезло с ее мордашки.

— Мало просто что-то заучить. Нужно заученное понимать и применять в реальной жизни. Теория без практики — ничто. Ты понимаешь это?

— Да, — уверенно и зло сказала куноичи: мол, и без тебя всё знаю.

— Тогда почему ты не использовала навык восхождения по вертикали для передвижения по деревьям? Ты ведь чуть не сорвалась, запрыгивая на ветку.

Она по-старушечьи поджала губы, но промолчала.

— Единственный способ для тебя стать полезной для команды — это пойти учиться на ирьенина. По крайней мере, я других вариантов не вижу. Для гэндзютсу у тебя не тот склад ума. С воображением у тебя плохо, да и с наблюдательностью и внимательностью тоже не очень хорошо. Для

ниндзютсу — мало чакры, для тайдзютсу — слабая физическая подготовка.

— Конечно, подтянуть тебя по тай можно, но твоей специализацией тайдзютсу не станет никогда. Нет у тебя упорства Ли. ... Ты самое слабое звено в команде. Только под ногами у Саске и Наруто мешаешься...

— Наруто слабее!

— Слабее кого? — удивился я. — Тебя? — хмыкнул. — Да неужели?! У Наруто чакры больше, чем у любого джонина в нашей Деревне! Кроме академических дзютсу у него есть теневые клоны. Он умеет импровизировать, а вот ты придерживаешься шаблонов. У него живой пытливый ум. Да, знаний маловато, но это вполне исправимо. А вот ты остановилась в своем развитии. Ничего нового с момента выпуска ты не изучила. Сакура, ты деградируешь. Пойми это и начни уже что-то делать! Свободна.

В спарринге, увы, победил Саске.

Мелкий Учиха сидел на спине Наруто, будто на скамейке, и не позволял ему встать.

— Саске-бака! Слезь! — кричал Узумаки, пытаясь брыкаться.

— Пф.

— Саске, — окликнул я брюнета. — Я уже понял, кто выиграл. Теперь можешь вспомнить этикет и помочь Наруто встать.

— Я сам встану! — крикнул блондин, ударив кулаками по земле.

Макуто подошёл и молча протянул Наруто руку. Тот сначала заколебался, потом взял и поднялся.

— Спасибо, — буркнул Наруто.

— Не за что, — ответил Макуто.

Отвлечь их спаррингом было плохой идеей. А победа Учихи была закономерна. Это только в глупых детских фильмах достаточно подростку зайти к доброму седовласому дедушке, обучающему всех ушу, карате или

еще чему, как этот самый паренек через пару месяцев начнет весело и без напряжения рвать опытных бойцов, что занимались годами.

— Вы чем слушали, когда вам говорили о команде и командной работе? О Ками... Да сделайте хотя бы вид, что вы друг другу не враги, хорошо? На сегодня все, разошлись! — Поднял Наруто с земли и отряхнул. — Идем домой.

— Хай, — провожая взглядом уходящих, прошептал Наруто.

Тренировка с Монтаро была как всегда утомительной, но познавательной. Кто-то из новичков задал ему вопрос о разности стилей.

Какой лучше, какой хуже, почему именно этот?

— ...Вон, Майто Гай использует «железный кулак»...

Монтаро сказал, что вопрос понял, и попросил нас всех ненадолго остановиться. Во-первых, это всем полезно знать, во-вторых, начини мастер объяснять только новичку, все остальные всё равно начали бы отвлекаться, чтобы послушать.

Макуто, который стоял в заднем ряду с деревянным мечом, подошёл ближе. Монтаро заметил это и кивнул ему.

— Подходи, слушай. Тебе тоже пригодится.

— Да, Майто Гай, безусловно, отличный специалист, и его тайдзютсу — сильнейшее в Конохе. — Совершенно спокойно согласился Монтаро. — Но вы были абсолютно правы, когда обратились ко мне. — Хитро улыбнулся мастер. — Во-первых, базу я вам дам лучше, проще и дешевле, чем Гай.

Ученики одобрительно зашумели.

— Второе — у вас всех или почти всех не так много чакры, чтобы вам подходил его стиль.

Тут уже мне стало любопытно, и я поднял руку.

— Да, Ирука-кун.

— Разве стиль Майто Гая требует большого объема чакры?

Монтаро сначала удивленно посмотрел на меня, а потом только головой покачал. — Я иногда забываю, что у тебя амнезия, Ирука-кун. Все боевые стили тайдзютсу базируются на какой-то способности шиноби.

Железный кулак — на огромной выносливости, скорости, силе и закаленности шиноби, а также на огромном объеме чакры, который усиливает всё перечисленное. И это достигается за счет открытия Восьми врат. Без них этот стиль неполноценен. Так же как клановый стиль Учих, который, кстати, в Конохе сейчас умеет использовать только Хатаке Какаши, неполноценен без шарингана, позволяющего ему опережать действия противника, прерывая его атаки своими. Так же как Костяной Кулак и кендзютсу клана Кагуя неполноценны без их улучшенного генома. Примеров можно приводить бесконечное множество. Всё тайдзюцу напрямую завязано на способности и техники шиноби. При этом необязательно только на улучшенный геном. Например, Джирайя использует стиль тайдзютсу, который бесполезен и даже опасен для того, кто им пользуется, без режима Мудреца. Это чисто атакующий стиль, и без возможности заранее предугадывать удар благодаря расширяющимся сенсорным способностям и усилению тела за счет сен-чакры он делает своего адепта полностью беззащитным... — Монтаро рассуждал увлеченно, со знанием дела. — Стиль, которому я вас учу, одинаково хорошо подходит для всех шиноби, у которых нет особого кланового стиля, завязанного на какие-то особые способности. Он базируется только на физике, естественных реакциях и ограничениях человеческого тела. Есть чакра — хорошо, этот стиль будет еще эффективней и смертоносней. Нет чакры? Он всё равно остается эффективным и опасным для противника.

После этой мини-лекции мы потренировались еще немного, перед тем как разойтись.

Макуто подошёл к Монтаро и спросил:

— Монтаро-сан, а кендзюцу, которому учит Ода-сэнсэй, подходит под это правило?

— В кендзюцу, парень, всё сложнее, — ответил мастер. — Но в целом — да. Есть стили, требующие большого резерва чакры, а есть те, что работают на чистой физике. Ода как раз из второй школы. Так что ты в хороших руках.

В субботу после миссий я снова погнал детвору «проверять навыки». Всё прошло чуть лучше, чем вчера, но в целом результаты подтвердили мои предположения о том, что пытаться за неделю научить командной работе этих троих — миссия невыполнима. Сакура и Саске стояли особняком и ни в какую не хотели что-то делать вместе. Меня бы это раздражало чуть меньше, если бы не расстраивался Наруто.

Макуто в этот раз не пошёл с нами — у него был урок у Оды. Но перед уходом я заметил, как Саске догнал его и что-то спросил. Макуто ответил коротко, и они разошлись.

После тренировок я отослал мальчишек, а сам встал напротив потной и усталой Харуно.

— Сакура, после нашего недавнего разговора я не ждал от тебя огромного прогресса. Его не было и не будет. Пока ты твердо не решишь, кем ты хочешь быть и что ты хочешь изучать. Что ты изучала в последнее время?

— Эмм... Ничего, Ирука-сенсей, — розоволосая посмотрела на меня с недоумением. — Но вы же ничего не задавали...

— Мда. Это нам не задавали, это мы не проходили... — Почесал в затылке, обалдело разглядывая это розовое недоразумение. Она не менее обалдело смотрела на меня. Я покачал головой и сказал:

— Сакура, ты теперь шиноби. От твоих навыков зависит твоя жизнь. Не жди, что кто-то даст тебе домашнее задание. Ищи новые дзютсу везде, где можешь их найти. Занимайся тайдзютсу... Да чем угодно, чтобы совершенствоваться! Не жди, что кто-то придет и даст тебе задание... Гмм... Задание...

А почему бы и нет?

— Сакура, может, тебе стоит пойти на курсы ирьенинов? Получишь полезные навыки. Если что случится, сможешь подлатать Наруто или Саске.

К моему удивлению, она отреагировала как-то странно.

— Я могу быть сильной куноичи! Я сильнее Наруто! — сжав кулаки, заорало на меня это недоразумение. — Я вам докажу, что я могу больше, чем быть ходячей аптечкой! Я могу драться, хватит меня недооценивать! — сжав кулаки, гневно выкрикнула розоволосая.

Мда, результат обратный желаемому. Ноль внимания и обида.

Я попытался объяснить ей, что в арсенале ирьенинов есть приемы, которые помогут не только после боя, но и в бою. И что если она ими овладеет, то станет сильнее... Да только толку было — ноль. Она кривилась и отворачивалась.

— Быть ирьенином, это... это так не круто, — наконец сформулировала свои претензии Харуно. — Это не круто и не престижно! ВСЕ медики слабые, и вообще все знают, что в госпиталь идут всякие неумехи вроде Наруто! Я туда не пойду! — и, развернувшись, Сакура гордо зашагала домой.

А я так и остался, открыв рот, стоять на полянке. Хотел было заорать на нее, чтобы вернулась и выслушала старшего по званию, но передумал.

— Черт с ней, с дурой, — буркнул, едва не выматерившись. — Мы к этому еще вернемся...

И зашагал домой. У меня и Наруто еще сегодня были курсы, и время поджимало...

Ну и ситуевина, прям как на посмертно покинутой родине. Было престижно учиться на экономиста или юриста — и все, как бараны, перлись на эти специальности. А есть к этому способности, нет их — наплевать. Главное, что это было «модно»! Так и здесь то же самое. Ну не модно тут быть ирьенином, не круто...

Ладно, у меня еще сегодня медицинские курсы, не опоздать бы...

После лекции Кито пригласил меня посидеть в кафе. Наруто я уже отправил домой заранее, ожидая, что долго буду возиться с манекеном... А он сегодня был занят... Сначала я собирался шлепать домой, не хотел я идти в кафе.

— Я не пью. Ты же знаешь. Не думаю, что...

— Ирука, идем, там будет несколько бывших полевых ирьенинов...

— Кито, я все понимаю, но разве они станут разговаривать о работе?

— Эти — станут, — как-то странно сказал медик. — Соглашайся, тебе опыт, а им...

— А, кажется я понял, нужны свободные уши...

— Ха, — улыбнулся и мгновенно погрузился ирьенин, — раскусил.

— Идем. Я за манекен и за свиток должен.

— Спасибо, ты меня спас!

И я не пожалел, что пошел. Узнал много интересного. Хотя с полевыми ирьенинами было сложновато общаться, но зато весело.

Было бы, наверное, еще веселей, если бы среди нас не было женщин. Минюри крутилась около меня, как и в прошлый раз, а немного перебрав, прислонилась плечом к моей руке и заснула.

Медики пили немного, но вот кто-то заметил, что я не пью, и началось: а почему?

Но прежде чем я придумал, что ответить, голос подал Окегино:

— Я бы с таким диагнозом к спиртному бы вообще не прикасался.

— Это вы о чем? — немного нервничая, спросил я.

— Ну как о чем?! Опьянение, даже небольшое, — это отмирание клеток мозга. Спирт обезжиривает кровяные тельца, и они сбиваются в комки, которые разрывают сосуды в голове. Получается, что через них с кровью в

мозг не попадет необходимый кислород. Недостаток кислорода в мозге — это и есть опьянение.

— А клиническая смерть — это фатальное опьянение, — вякнул кто-то, гыгыкнув.

— Очень смешно, — осуждающе глянул Окегиро на молодого ирьенина. Но при этом хлебнул из пиалы!

Я валяюсь!

Кито доверительно, но заплетающимся языком спросил:

— Ирука, всё хотел спросить, это что, Хатаке потребовал, чтобы ты выучил именно эту технику?

— С чего это ты взял? — недоумевал я. — Я же вроде говорил. Или нет?

— Ну как... С твоими талантами в контроле чакры и в ниндзюцу быть батареей. Просто тебе, наверное, есть смысл сконцентрироваться на том, чтобы вернуть свои навыки...

Я покачал головой.

— Меня не заставляли, я и на эти курсы сам пошел. Я не ради Хатаке стараюсь. Тут другое...

Медик подобрался и наклонился через стол, чтобы лучше слышать.

— Какаши не учит генинов ничему. То есть вообще ничему. И я боюсь, что если он останется без чакры, то я не смогу защитить детей. Память ко мне возвращается, но не так, как бы мне хотелось. Есть навыки, рефлексy, но я не помню, что я умею. В этом вся проблема. И если за пределами Деревни, упаси Kami-сама, случится столкнуться с нукенином, который вымотает Хатаке...

— М-да, — тяжело вздохнул медик. — Понимаю. А ты пытался поговорить с Какаши? Может, он бы взялся их чему-то научить?

— Говорил, — мрачно ответил я и еще более угрюмо добавил. — Не берется.

— Может, у него на личном фронте проблемы? — Попытался шуткой разрядить обстановку Даичи, собравшийся стащить из-под моего носа какую-то закуску.

— Личный фронт? А он у него есть? — саркастически фыркнул. — Какаши весь в своей книжке. Что происходит вокруг, его волнует мало.

— Да, — задумчиво посмотрел в пиалу Кито, — если бы у Хатаке кто-то был, даже мы бы об этом уже знали.

— Угу, — флегматично промычал я, подвигая тарелку полемому медику под палочки, чтобы он не тянулся через стол.

— Ну да, конечно, — протянул кто-то. — Не может быть, чтобы у такого крутого шиноби не было подружки!

Я обернулся. Эту гневную тираду выдал конопатый и курносый ирьенин из приемного покоя.

— Симпатичные девушки вьются вокруг него, как мухи! — продолжил курносый Мако. — А вы говорите, что у него никого нет?!

— Нет, — подтвердил я.

— Но как?!

— Думаю так: бабы... ох, — не очень натурально огорчился своей оговорке и глянул на посапывающую Миюри, — женщины. Они носятся с Какаши: «Ой, такой загадочный, молчаливый» и так далее, и тому подобное! А потом проходит время, и они, со слезами и соплями, говорят что-то типа: «Да ему просто похуй!»

Кито закусил губу, сиюсь не рассмеяться. Мако поперхнулся, а Даичи расхохотался.

— Нет, конечно, я не знаю наверняка, — осторожно развел руками, чтобы не потревожить медсестру, а потом поставил локоть на стол и уперся в ладонь челюстью, — но почему-то мне кажется, что так оно и есть. Иначе бы Хатаке не перечитывал опусы Джирайи по пятьдесят раз на дню, вместо того чтобы помочь своим подопечным.

Улыбка пропала с лица рыжего и конопатого парня:

— И ради этого человека ты хотел изучить эту технику?!

— Мако, чем ты слушал?

Парень залился краской, вспомнив только сейчас, что влез в подслушанный разговор. До этого ирьенин только слушал, боясь заговорить. Стеснительный.

— Если Какаши вдруг ляжет отдохнуть посреди боя, то я вряд ли смогу защитить детей самостоятельно. Даичи, ты случаем, — перевел тему, — не подскажешь еще парочку полезных книг?

Медик отмахнулся, сказав, что на следующее занятие к Кито придет.

— ...На свежую голову посоветую. Какая там дальше тема? ...Кито!

— А? — с трудом вникая в суть вопроса. — Ааа... Лекарства и лекарственные травы.

— Ну и отлично. Жди, Ирука-кун, я тебе такое принесу, за что в других деревнях удушились бы!

— Спасибо, — искренне поблагодарил я.

Разошлись мы уже хорошими приятелями. С ирьенинами было приятно поболтать.

Кито даже на прощание называл меня другом. Думаю, это из-за выпитого.

Немного грустно было от того, что точно так же было и в прошлой жизни. Как-то так получалось, что меня называли другом многие, но тех, кого называл друзьями я, было намного меньше.

Ну что же, зато я совершенно случайно, что называется, без задних мыслей, подкинул темы для сочных сплетен о Какаши. Надеюсь, ему они понравятся... — подумал я и гаденько захихикал.

В воскресенье, перед тем как зайти с Наруто за пособиями, я занес новый доклад Хокаге.

Хорошо, что в центре всё не далеко. — Подумал я, оставляя конверт для Хокаге улыбчивой секретарше.

Макуто ждал меня на крыльце. Он сидел на корточках и чистил свой настоящий танто. Я заметил, что лезвие блестит как новое, а рукоять перемотана свежей кожей.

— Ты уже был у Рея? — спросил я.

— Да, — ответил он. — Он добавил печать. Теперь я могу вкладывать чакру в клинок.

— Покажешь?

Он вытащил танто, сосредоточился. Лезвие слабо засветилось голубоватым светом.

— Не очень сильно, — сказал он. — Но сойдёт.

— Молодец, — кивнул я.

Мы пошли к рынку.

— Ирука, а потом мы на полигон пойдем? — спросил Наруто, подпрыгивая.

— Давай на рынок сходим, заодно отдадим новые поделки, пусть их обожгут.

— Ага. А потом на полигон?

— Конечно, — улыбнулся я.

Когда мы подошли к горшечнику, я сначала растерялся, не обнаружив знакомую блондинистую голову.

— Ирука, я здесь.

За рукав меня потянул мальчик с коротким ежиком каштановых волос. Приглядевшись, я заметил знакомые голубые глаза и едва различимые на темной коже «полоски-усы»...

А ведь он всего лишь изменил цвет волос и кожи... А уже сам на себя не похож.

— Шиноби-сан, доброго дня.

Одобрительно кивнув на фигурки, мастер сказал, что я и мой «брат» замечательно лепим.

Польщенный Узумаки был на седьмом небе от счастья. Я же думал:

А если бы те люди, что расхваливали статуэтки Наруто, узнали, кто он? Были бы они столь же дружелюбны? Сомневаюсь.

Макуто тоже отдал горшечнику две свои работы — дракона, свернувшегося кольцом, и маленькую птичку с раскрытыми крыльями.

— Тоже лепишь? — спросил мастер.

— Иногда, — ответил Макуто.

Уходя с базара, я мазнул взглядом по крышам и зацепился за «корону» башни хокаге.

Интересно, а старик уже прочитал мой доно... эмм... доклад? Ничего не упустил? — Решил я вспомнить текст.

Докладная

Третьему Хокаге Деревни Скрытой в Листве:

Сарутоби Хирузену

Приношу самые искренние и глубокие извинения за то, что отвлекаю Вас от важной работы своими мелкими проблемами, но считаю необходимым донести изложенную ниже информацию до Вашего сведения, поскольку в будущем она может повлиять на безопасность Деревни Скрытой в Листве.

В субботу, 20 кугацу 391 г. от рождения Рикудо-сеннина, вверенная Хатаке Какаши команда N7 была протестирована мной на наличие навыков, необходимых шиноби Листа.

Как оказалось, за прошедший месяц с начала обучения Хатаке Какаши не обучил свою команду ничему. Ни Саске Учиха, ни Харуно Сакура не продемонстрировали ничего нового по сравнению с Академией, кроме навыка движения по вертикальным поверхностям, которому я научил их после праздника Обон, во время миссии по уборке мусора.

Как вы знаете, тогда после выполнения миссии меня задержал джонин-сенсей команды N7 Хатаке Какаши и потребовал, чтобы больше я не проявлял инициативы в обучении вверенной нам команды и ничему их не учил.

Тогда я попытался прояснить возникшее противоречие между Вашим приказом и приказом джонина-сенсея. Вы ответили мне, чтобы я следовал приказам командира нашей группы, Хатаке Какаши.

Обычно распорядок дня у команды N7 был следующий: Хатаке Какаши назначал время на 9 или 10 часов утра. Приходил на 2 или 3 часа позже. После этого команда брала миссию D-ранга и отправлялась на ее выполнение. После выполнения миссии D-ранга он распускал детей по домам. Никаких тренировок он не проводил.

Данная ситуация не является здоровой для команды генинов. Их подготовкой должен кто-то заниматься, поскольку впереди миссии C-ранга, а они к ним еще не готовы.

Хокаге-доно, вы назначили меня ассистентом команды N7. В свете вышеизложенного прошу Вас либо разрешить мне учить команду, либо повлиять на Хатаке Какаши с тем, чтобы он, наконец, начал исполнять свои обязанности сенсея команды номер 7.

Да благословит Вас небо.

Умино Ирука, Ассистент команды номер 7.

***Воскресенье, воскресенье... отдохнуть бы... Но, увы, нельзя. ***

В единственный выходной мы понеслись на полигон, чтобы обучиться всему, что возможно за столь короткий срок.

Макуто пошёл с нами. Он взял свой деревянный меч и встал у края поляны, отработывая удары, пока я разминал Наруто.

После не слишком длинной, но интенсивной и утомительной разминки-тренировки я выдал Наруто технику, полное название которой было: Высвобождение ветра: Великий порыв ветра. То самое дзютсу, что использовал Орочимару на экзамене в каноне. Радости мальчика не было предела. Ребенок получил новую игрушку, ага...

Узумаки отошел в сторонку — тренироваться с воздухом и метательным железом, а я осваивал воду, конкретнее — Водяной бык. Нашлась такая техника в библиотеке Умино. Суть ее в том, что шиноби использовал имеющуюся воду, чтобы превратить ее в тугой и сильный поток воды, который бил как тараном, снося противника. Дзютсу оценивали как С-ранг. По сути это был аналог Великого порыва ветра.

Технику можно было создавать двумя способами. Вода либо создавалась из чакры шиноби, либо чакрой насыщалась вода в водоеме — озере, реке или море, и шиноби использовал уже ее. Первый метод был быстрее, второй — мощнее и тратил меньше чакры.

У меня достаточно быстро получилось «вспомнить» дзютсу, то есть наполовину вспомнить, благодаря рефлексам и освоенному ментальному упражнению, что позволяло лучше сосредоточиться на чем-то, чтобы облегчить воспоминание.

Когда уровень контроля волны стал удовлетворительным, я позвал блондина.

Макуто тоже подошёл, отложив меч.

— Наруто, сейчас мы попробуем скомбинировать техники. Выполни Порыв Ветра чуть позже моего "быка".

— Хай, — кивнул мальчик и приготовился складывать печати.

— Суйтон: Ударная волна!

— Футон: Порыв ветра!

Мда... Результаты были так себе. Во-первых, моя надежда на лед не оправдалась. Просто Водяной Бык стал еще сильнее и обзавелся бахромой из капель, как от шторма. Я решил проверить свою догадку.

Макуто стоял в стороне и внимательно смотрел.

— Можешь создать клона и поставить его туда. Мне нужно, чтобы он, как развееся, дал тебе понять, насколько сильно наша техника ухудшает видимость.

— А? Ага, — понял Наруто и создал трех теневых клонов. Меньше он не мог. Тут у меня в голове словно щелкнуло.

— Наруто, а пусть твои клоны встанут по бокам от нас и одновременно с тобой используют технику порыва ветра.

— Хай, — просиял мальчик, — это будет круто, даттебайо!

Круто не было. Но волна не только ускорилась, но и превратилась в клин воды. С хлопком исчез клон.

— Ну как? — повернулся я к Наруто.

— Клон почти ничего не видел, слишком много брызг было...

— Хорошо. А теперь поставь своего клона прямо перед мишенью, рядом с моим...

Макуто вдруг сказал:

— Я могу добавить свой ветер.

— Попробуй, — кивнул я.

Мы встали втроём. Я выпустил Водяного быка, Наруто добавил Порыв ветра, Макуто — свой, более сконцентрированный поток. Вода превратилась не просто в клин, а в настоящее лезвие, которое с гулом пронеслось над землёй и снесло несколько деревьев на краю поляны.

Я вытаращил глаза.

— Это... это было мощно, — выдавил Наруто.

Макуто опустил руки.

— Слишком много чакры, — сказал он. — Мы потратили втрое больше, чем нужно.

— Но результат того стоит, — заметил я.

Макуто кивнул.

Результаты были интересными. Такой клин воды бил намного сильнее и точнее, чем оригинал. Мальчик был в восторге. Он всё пытался придумать название для дзютсу поцветистей, но в итоге мы остановились на: Водяной клин но дзютсу. А потом новую технику мы объединили с Великим порывом ветра. Клин воды стал еще сильнее, но никаких иных эффектов, увы, я не заметил.

Макуто отошёл к дереву и принялся отрабатывать одиночные удары. Я заметил, что он повторяет движения из кендзюцу — те самые, которые показывал Ода.

— Он быстро учится, — сказал Наруто.

— У него хорошая память, — ответил я.

Эту технику мы отрабатывали до тех пор, пока я не почувствовал себя плохо. На курсах объясняли, что такие ощущения говорят о том, что всю свободную чакру ты уже использовал. Надо сказать, что под конец тренировки у нас получалась техника как минимум В-ранга. Ну, а поскольку у мальчика чакры было еще очень много, мы стали отрабатывать еще одно новое комбинированное дзютсу. Мальчик назвал его стальной дождь. Я кидал кунаи, а он ускорял их ветром. Макуто присоединился, добавив свой порыв. Кунаи летели так быстро, что я едва успевал за ними следить. Они втыкались в дерево по самую рукоять.

— Неплохо, — сказал Макуто.

— Даже очень, — согласился я.

Металлолом летел быстрее, бил сильнее, а еще увидеть его из-за постоянного движения воздуха было сложнее. Пробивная сила тоже увеличилась. Кунаи на средней дистанции насквозь пробивали доски

толщиной больше сантиметра и глубоко вонзались в засохшее дерево, которое мы выбрали мишенью.

Иногда кунаи втыкались так глубоко, что над землей оставались только колечки рукояток.

— Металлоискателя не хватает, эх.

— Ирука, ты что-то сказал?

— Не, ничего. Мысли вслух.

«Кажется, второй пункт моего «срочного» списка выполнен, и теперь мы чуть менее беззащитны.» — Подумал я, собирая металл.

Макуто помогал мне выдёргивать кунаи из дерева. Он работал молча, быстро, и уже через несколько минут все оружие было в сумке.

— Ирука-сан, — сказал он, когда мы закончили.

— Мм?

— Завтра у меня будет первый спарринг с Одой-сэнсэем. Настоящий. С мечами. Он сказал, что если я выдержу пять минут, то он возьмёт меня в ученики на постоянной основе.

— Выдержишь, — сказал я.

— Я постараюсь, — ответил он.

Мы пошли домой. Наруто уже устал и еле плёлся, а Макуто шагал ровно, держа спину прямо. Я смотрел на них и думал, что, возможно, мы действительно становимся командой. Не такой, как у Какаши, а своей. И, может быть, это даже лучше.

Глава 20. А где братья-демоны?

Этой ночью я плохо спал. Кошмары. То Забуза с адским смехом зарубит, то... В общем, вспоминать тошно. Я просыпался, засыпал, снова просыпался в холодном поту и опять засыпал. Потому, проснувшись после очередного кошмара, я даже не рискнул закрыть глаза — а то еще чего привидится.

— Новый день... — прошептал я, болезненно щурясь от предрассветного зарева над крышами Деревни. — Сколько сейчас? — покосился на стену по чужой привычке, а там картина, а не часы. Еще в первый день я перевесил часы из комнаты в коридор, их тиканье меня раздражало. Полчетвертого... — мысленно простонал, зацепившись взглядом за циферблат часов, когда выходил из туалета. Пошел спать дальше.

В коридоре я столкнулся с Макуто. Он был уже одет, на поясе вместо обычного ученического клинка висел длинный меч в простых черных ножнах. Тати отца.

— Ты чего не спишь? — спросил я.

— Не могу, — ответил он. — Сегодня спарринг с Одой-сэнсэем. Настоящий.

— Волнуешься?

— Нет, — он помолчал. — Сосредотачиваюсь.

Я кивнул. Больше ничего не сказал — и так было понятно.

Во второй раз проснулся тоже рановато. Как здравомыслящий человек я должен был бы взять книгу и поучить что-нибудь полезное. Но вместо этого я положил ее на подоконник и уселся сверху, чтоб не запачкать пижамные штаны о пыльный подоконник балкона. Так и сидел минут пять, упираясь в перила ногами. А там чайк заварился, и АНБУ приперся. Не надо так завидовать, — закинул в рот печенье, — гражданин АНБУ, — запил чаем. — Хотя... не, завидуй, — милостиво разрешил я. — Мне не жалко.

Когда мимо моего дома поутру стали бегать спешившие куда-то раздраженные шиноби, я не смог сдержать улыбки, пришлось ее прятать за кружкой с уже остывшим, но все еще ароматным чаем. Завтрак я заставил делать клона. Я не боялся, что в этот раз клон сделает что-то не так, ведь под действием моего настроения дубль лучился довольством. Прав же был тот человек, что сказал: «Сделал гадость — и на душе радость». И дубль не пакостит.

Но хорошее настроение моментально пропало, как только я посмотрел вдаль, туда, где над стеной вокруг деревни за «морем» листвы виднелись горы. Проснулся мой черный пессимизм. Пришлось даже переубеждать самого себя в том, что не все так плохо. Убеждать, что раз даже не обученный ничему канонный Узумаки выжил после похода в Страну Волн, то мы вообще легко победим. Да и Наруто здесь сильнее, а его арсенал и навыки — лучше, так что и за него я стал беспокоиться меньше. У него теперь гораздо больше шансов, и он обязательно выживет. К тому же Наруто находчивый и хитрый. Да, именно хитрый, — кивнул своим мыслям. — Я помню, как хотел объяснить ему, почему барьер меня не пропускал. Нашел место, где было описание действия барьера, процитировал, отдал в руки, а он прочитал те части, где увидел знакомые кандзи, и покивал с умным видом. — хмыкнул, немного повеселев. — Я тогда повелся и только потом узнал, что Наруто плохо разбирается в кандзи. А через пару дней после этого, как раз после кинотеатра, когда я получил свою малопонятную способность ощущать эмоции других, Узумаки продемонстрировал находчивость, попытавшись сначала починить, а потом заменить сломанное радио. — я зло выдохнул. Тот инцидент мне было неприятно вспоминать. — Мало того что Наруто чуть не погиб, так еще и оказалось, что он всерьез думал, будто я его прогоню из-за дурацкого приемника! Видимо, я сам себя обманывал, считая, что мальчик доверяет мне больше. Да, и еще я тогда не подумал головой! Не показал Наруто, как пользоваться радио, не рассказал ему, чем опасны электроприборы. Он ведь этого мог просто не знать! — покачал головой, расстроившись. — Сомневаюсь, что в его камерке было что-нибудь электрическое. Покрутил в руках кружку. Хватит! Прошлое в прошлом! — залпом допил остатки показавшегося безвкусным чая. — А то еще Анко начну вспоминать. Я что должен был — сделал. А бегать я за ней не хочу и не буду! — Некогда мне! Вот! — буркнул тихо вслух и осекся. — М-да. С кем поведешься, от того и наберешься, — развеселился я, оттесняя клона от плиты.

Помешивая кашу, вспомнил недавний разговор с Сакурой и решил, что сегодня стоит напомнить ей о субординации. Давно пора... Хм... Пожалуй, сделаю ей подарочек...

Сегодня после миссий я не стал устраивать спарринг. Не было смысла, вместо этого я попросил ребятню сесть на поваленное бревно в парке, где мы убирали листья, и достал копию донесения.

— Всем вам, наверное, интересно узнать, что же такое вы подписывали последние дни, так? — Достал пустой лист, положил его на планшет поверх доноски и набросал карандашом три столбца иероглифов. Ответом мне были кивки и пристальные взгляды. — И почему так сильно подросли ваши гонорары за миссии, хотя сами они, миссии, были дешевле, чем те, на которые мы ходили раньше, вы, наверное, тоже хотите узнать?

— Да, Ирука-сенсей! — ответила за всех Сакура.

— Хорошо, но для начала подпишите вот это. — Лист я свернул так, что был виден лишь нижний пустой край. Дети безропотно вывели подписи и снова уселись на бревно. Для шиноби, кстати, позволялось вместо печатей-подписей ставить подпись от руки, вливая в чернила чакру.

— Хм... м-да, — развернул бумагу и повернул текстом к детям, — а теперь посмотрите, что вы подписали. «Учиха Саске обязуется отдать свои глаза первому встречному нукенину. Харуно Сакура обязуется сделать на своем лбу татуировку в виде мишени и никогда, ни при каких условиях не скрывать ее. Узумаки Наруто обязуется никогда, ни при каких условиях не претендовать на пост каге». И под этим безобразием: число, дата и три подписи.

Саске нервно сглотнул и непроизвольно потянулся руками к глазам. Сакура свалилась с бревна, рыдая в голос, а побледневший Наруто похоже никак не мог поверить в реальность происходящего.

— Все с вами ясно, впечатлительные вы мои. Сакура, посмотри сюда. Сакура-чан! ХАРУНО САКУРА! — и еще дополнительно пальцами пощелкал, привлекая ее внимание. Всклипывая, розововолосая все же уселась обратно на бревно и теперь сверлила меня гневным взглядом заплаканных глаз. — Это вам урок, — достал зажигалку и спалил листок, — нельзя подписывать что попало, не читая...

Демонстративно сдунул пепел с пальцев.

— И все остальные — такие же?!

— В каком смысле? Ааа, — понял я, — нет, Сакура. Вот это вы подписывали. — показал донесение на Какаши.

— Да как вы смеете?! — возмущенно заорала розововолосая. Глаза сверкали праведным гневом, сжимая кулаки.

— Как я смею что, Сакура-чан? — уперся в нее пристальным взглядом. Она начала было возмущаться, но быстро заткнулась, опустила глаза и начала что-то мямлить. — Я тебя не слышу, Сакура-чан, — с недоброй улыбкой сообщил я розововолосой.

— Ну... эммм... Извините, Ирука-сенсей... Но так же нельзя?.. — наконец справилась Харуно.

— Почему нельзя? — продолжаю пристально смотреть на нее. Ребята, открыв рты, наблюдали за представлением.

— Ну, эммм... Ну он же джонин-сенсей нашей команды! — наконец нашлась Сакура, и надувшись от праведного гнева, начала обличать. — Мы не должны писать так, как будто его не было, это неправильно!

— А он был? — скептически вздернул бровь.

— Ну... ммм... Это не важно, он все равно наш командир... — опустив глаза, стала бессвязно доказывать мне розововолосая.

— Сакура, Хатаке Какаши был сегодня или нет? — раздраженно спросил эту идиотку.

— Эмм... нет, — тихо выдохнула Харуно, вжав голову в плечи.

— А если Хатаке-сана не было, то почему мы должны писать, что он был? Ты считаешь, что мы имеем право обманывать нашего Хокаге?!

Сакура уставилась в пол. Но я не закончил:

— Вы все, ребята, особенно ты, Сакура-чан, запомните, что нельзя орать на тех, кто старше по возрасту и рангу. Если вы чем-то недовольны, то вы можете выразить свое несогласие и отстаивать свою точку зрения в разумных пределах, но не орать сходу! К тому же это бесполезно и вызовет только ответную агрессию, — закончил я лекторским тоном.

Харуно по-прежнему смотрела в пол.

— Сакура-чан, тебе все понятно? Если тебя что-то не устраивает, ты не должна орать на своих товарищей по команде и тем более на своего сенсея. Это ясно?

Малолетняя стерва закивала, безуспешно попыталась прикинуться пай-девочкой. Не верю!

— Так, обратно к теме. Вы подписали документ, который вам, возможно, еще не раз придется подписывать. Такую бумагу составляют, когда один из членов команды не пришел на миссию, не уведомив об этом заранее сенсея, командира или товарищей по команде. В таких случаях деньги не явившегося на миссию поровну делит его команда.

Осознав откуда пришла прибавка в карман, Сакура вылупилась и сказала мальчишкам:

— Мы деньги Какаши-сенсея получали!

Кэп, ну что бы мы без тебя делали?!

— Угу, — кивнул Наруто и посмотрел на меня со странным, плохо читаемым выражением на лице, что-то вроде задумчивости, и недоумения, вперемешку с радостью, стыдом и восхищением.

— Мы их заработали, — припечатал Саске и тоже перевел на меня взгляд.

— Верно, — кивнул я одобрительно. — Мой вам совет: всегда читайте, что подписываете, от первого до последнего иероглифа! И еще кое-что, — потряс записушкой на Какашку, — Сакура, такие бумаги мы будем подписывать до появления Какаши-сана, поскольку он не оформил должным образом документы. Если не хочешь, можешь не подписывать. Не заставляю. Но тогда долю Хатаке-сенсея мы разделим только на троих.

— Я подпишу, — выдрала девчонка у меня лист и ручку-кисточку.

— Сакура, — забрал документ, — я тебе не мама и не папа, чтоб со мной так разговаривать. Характер будешь дома показывать.

Куноичи надулась и сложила руки на груди, всем своим видом демонстрируя обиду и несогласие.

— По-хорошему не понимаешь... — проговорил я, покачав головой. — Ладно. — достал копию кодекса шиноби. — Берешь вот эту книжечку. — повертел перед лицом девочки. — Стопку чистых листов и переписываешь все, что касается команды и норм общения подчиненного и начальства, а так же шиноби и его клиента. Я понятно объясняю?

Гневное сопение, взгляд исподлобья и молчание.

— Харуно Сакура, я понятно изложил твое задание?

— Хай, — цапнула книжку.

— Я надеюсь на это. Все свободны.

Когда Саске с Сакурой ушли достаточно далеко, я закрыл лицо руками, тяжело опустившись на бревно.

— Ирука, что с тобой? Тебе плохо? — забеспокоился Наруто.

— Нет. Просто я не знаю, что мне делать с Сакурой. Такое чувство, что она в Академию случайно попала и ей все это вообще не нужно! И дома, наверняка, она тренируется спуская рукава! Чего она добилась с тех пор как... — тяжкий вздох. — Ладно, хватит об этом. Пойдем домой.

— Хай, — отозвался мальчик и пошел со мной рядом. Так мы и шли, медленно переставляя ноги и думая о своем. О чем думал Наруто, для меня было загадкой, а я думал о том, чего я за прошедшее время добился, что еще не сделано и нужно будет сделать... Наруто обнаружил свой талант к фуиндзютсу и развивает его, это хорошо! У него теперь отличный тренер по тайдзютсу — это тоже замечательно, — покосился на ребенка.

— Теперь он немного знает, как вести себя в обществе и как готовить, у него был пример хорошего к себе отношения, а значит, есть надежда, что теперь он не будет сам себя обманывать, считая своими друзьями тех, кто ими не является. Я наконец-то овладел «простой техникой передачи чакры», так что Какаши не должен умереть от чакроистощения. И неделю восстанавливаться тоже не будет. Возможно, у нас даже будет шанс разобраться с Забузой, пока тот не пришел в форму! Комбинированные

дзютсу мы с Наруто освоили, оба подтянули навыки кидания остро заточенного железа, освоили несколько дзютсу, что могут помочь отбиться от Забузы. Но этот проклятый кот на прошлой неделе своим появлением страшно меня напугал!

— Ирука? А мы успеем перекусить перед тренировкой?

— Прости, запомнил. Отключай костюм. Если побежим — успеем.

— Хай!

Вечером понедельника передо мной встал вопрос, что учить в первую очередь. Выбор пал на Дельфиний свист. Да, тот самый, что упоминал прошлый хозяин тела. Информацию об этой технике я довольно быстро нашел в библиотеке Умино. Оказалось, что это не совсем секретная техника, скорее — это очень интересная способность, которая позволяла человеку с геном Умино и с контрактом Дельфинов использовать подобие эхолота и «видеть» противника, как дельфин или летучая мышь. В свитке была не только сама техника, но и ее предыстория, а также методика тренировок, которые должны были помочь в освоении Дельфиньего Свиста.

Еще там, в прошлой жизни, на Земле, я краем уха слышал, что человек, подготовленный по особой методике и цокая определенным образом, может видеть с помощью слуха, как дельфин или летучая мышь. Кажется, этот феномен называли человеческой эхолокацией... История гласила, что когда-то, получив контракт с дельфинами, члены клана Умино пытались научиться пользоваться ультразвуком... И им это удалось. Одной из причин этого прорыва стало то, что Дельфины обучили людей также воспринимать мир на слух. Сначала ослепших по тем или иным причинам шиноби, а со временем — и всех в клане Умино.

Навык восприятия мира ультразвуком клан Ируки совершенствовал из поколения в поколение. В последние десятилетия существования клана было отмечено, что носоглотка, органы слуха и мозг у членов клана отличались от таковых у обычных шиноби, без генома и контракта. А я-то думал, что это мне кажется иногда, что я слышу как-то... Странно? По-другому, не как раньше. А выходило — нет, не казалось.

Кстати, в свитке было предположение, что обучиться Дельфиньему свисту, по крайней мере, базовым его формам, можно было и не заключая контракта с Дельфинами. Дескать, достаточно было методики, улучшенного генома Умино и знания дзютсу, которое нужно было только для активации этого импровизированного эхолота. Дзютсу было необходимо применить для того, чтобы облегчить организму переход в непривычный для него режим работы с ультразвуком. У постоянно использующих свист шиноби со временем могли научиться обходиться и без активирующего дзютсу. Впрочем, один раз в день, с десятков печатей сложить и немного чакры потратить — невелика сложность. Перед применением свиста также рекомендовалось сложить нестандартную печать для лучшего эффекта, но опять же, со временем можно было научиться обходиться и без нее.

Историю создания дзютсу я прочитал, с методикой ознакомился, печати выучил, а попробовать технику в действии решил во вторник, на свежую голову.

Миссии без Какаши выполнять было одно удовольствие, они будто сами собой выполнялись. И все бы было чудесно, но детки меня напрягали. Сакура постоянно бухтела что-то нелестное в мой адрес. А однажды я даже стал свидетелем разговора двух заклятых подруг, кумушки зацепились языками у канцелярии, пока я за деньгами ходил.

— Хи-хи, разлюбила его? — весело поинтересовалась Ино.

— Да я Ируку-сенсея не любила никогда!

— Ой, не ври, — хихикнула Яманако. — Кто на праздник, в честь Божества Любви, сенсею конфеты дарил? Не помнишь случайно? — Ехидно поинтересовалась блондинка. — «Ах. У сенсея такие добрые глаза шоколадного цвета, вот бы у Саске были такие же!» — передразнила Ино.

— Я такого не говорила!!!

Проходя мимо, я сделал вид, что ничего не слышал, но Сакура все равно стала красная, как ее платье. Я тогда еще удивился, что команда Асумы без него самого ходит на миссии. Оказалось, что сынок Хирузена сделал

тот же финт ушами, что и Какаши. Болтливый у десятой команды оказался токубецу джонин.

Саске же постоянно фырчал и делал все по-своему. Спасибо, что хоть не в пику мне. А так его было не видно и не слышно. В остальном все было по-прежнему: каждый сам за себя, а Наруто за всех. Неунывающий блондин пытался расшевелить команду, но это была игра в одни ворота. Что бы ни говорил мальчик, его товарищам это было не интересно. И получал он надменный взгляд от Саске, а его клон — зуботычину от Сакуры.

Радовало только то, что Наруто наловчился подменять себя клонами. Поначалу, конечно, Сакура пыталась найти оригинал, но ее хватило ненадолго. Да и мои злобные взгляды ей энтузиазма не добавляли.

Во вторник я, как ни в чем не бывало, повел команду на миссию. Появится сегодня Какаши или нет, я не знаю, дожидаться его не буду. Мы пришли и взяли одну миссию. Почему именно одну, а не сразу три? Потому что порядок был такой: взял миссию, выполнил, пришел, отчитался, получил денежку. Короче: эта песня хороша, начинай сначала. Подряд брать миссии обычно нельзя было. Большая часть миссий D-ранга была срочной. Заказчики просто не могли или не хотели долго ждать.

Про то, что Хатаке должен был сегодня вернуться, я вспомнил лишь когда к нам во время очередной миссии приперся его говорящий пес. К хорошему быстро привыкаешь.

— Ты Ирука? — скорее утвердительно, чем вопросительно выдал мопс в синей жилетке. Да, глюк, я — Ирука. Но вслух пришлось сказать:

— Да, Ирука. А ты чей песик?

— Я Паккун, а не песик! Я нинкен Хатаке Какаши!

— Приятно познакомиться, — улыбнулся псине. Животинка же не виновата, что у нее хозяин такой. — Какаши просил его подождать...

Сдержав рвавшееся наружу нецензурное восклицание, я, пожав плечами, ответил:

— Передай Какаши-сану, что мы ждать его будем у башни каге, — и с сарказмом добавил. — Подождем, если будет такая возможность.

Ждать мы, естественно, его не стали. Не нашли такой возможности. В конце концов, если что — пришел какой-то пес, чего-то сказал. Я пса в морду не знаю, у меня амнезия. Даже справка есть. Что у Хатаке есть собачий призыв, я тоже не помню. Пожалейте меня, беспамятного, люди добры-ы-е-е... Нет, накал драматизма надо сбавить, а то с клановым талантом Умино мне еще подаяние начнут кидать и смотреть жалостливо... А еще Приказа я не видел. Миссию вместе с нами Какаши не брал, а я отвечаю за седьмую команду в его отсутствие, так что сам виноват. Думаю, что Собакин это все и сам прекрасно понимает и выступать не будет. Пес не возражал, продрых себе часик, пока мы работали, и исчез. И если Хатаке не появится сразу же с утра, то мы, боюсь, тоже не найдем возможности его подождать.

Миссия в Страну Волн, я уверен, все ближе, и пора предупредить Кито о том, что я скоро умотаю очень надолго.

Сегодня заканчивалась «практическая фармакология», а в четверг нас должны были научить «мистической руке». Если, а точнее, когда я ее освою, то буду уже представлять как ирьенин что-то, отличное от нуля. Здесь, в Конохе, была следующая система рангов для медиков. Считалось, что каждый, кто умеет оказывать первую помощь и умеет работать с янь-чакрой на уровне, достаточном для применения базового варианта Мистической руки «Шосен, но дзютсу» — это медик С-ранга. Медиков D-ранга официально не существовало, хотя таким считались все, кто умеет оказывать первую помощь. Дело было в том, что местные начинали считать кого-то ирьенином только после того, как он хотя бы освоил основы работы с медицинской или янь-чакрой, тут разница была только в названии, и хотя бы базовую версию Мистической руки. Местные врачеватели считали, что неумехам не место в медицине, а то еще угробят пациента. Как постоянный клиент местной больницы, не могу не согласиться.

Так вот, медик С-ранга должен был не только уметь квалифицированно оказывать первую помощь, но так же лечить поверхностные повреждения и несложные травмы. Таких, кстати, в госпитале тоже было немного. За редкими исключениями — только новички. Потому что по-настоящему ирьенином считали того, у кого был хотя бы В-ранг. Для получения В-ранга нужно было уметь проводить простейшие операции в одиночку и

выводить яды. Ну, и разумеется, иметь определенный опыт. Именно В-ранга ирьенины были рабочими лошадками Конохского госпиталя. Повышение до А-ранга давали за опыт или за выслугу лет, за особые навыки, например, за умение проводить сложные операции, за умение работать в полевых условиях, за улучшенный геном, позволяющий более эффективно лечить, за вклад в исследования в области медицины или за все вместе. Формально пределом ирьенина был S класс. В Конохе, на данный момент, ирьенинов такого уровня не было. Цунаде не в счет. Гениальная Сенджу-хеме не появлялась в Конохе уже очень и очень давно... Она считалась одним из величайших медиков в мире, поэтому ее периодически называли медиком S+ или даже SS класса. Только формально она была ирьенином S класса, то есть очень опытным и умелым медиком, способным прямо в бою лечить себя или товарищей или проводить сложнейшие операции даже в полевых условиях или провести операцию, на которую никто другой не способен. В одиночку. То, что не мог сделать ирьенин А-ранга, то выполняла команда из него же и нескольких помощников с помощью стационарных фуиндзюцу, так что хотя уход повелительницы слизней и ударил по Конохской медицине, но сложные операции там проводить могли без особых проблем. Кстати, из-за того, что почти все ирьенины были от В-класса и выше, шиноби периодически шутили над медиками, что у тех нет рядовых — только командиры.

Формально, получив навыки для преобразования своей чакры в медицинскую и научившись всему, хоть и по верхам, мы уже знали и умели больше, чем медик С-ранга. Поэтому нам присваивался ранг ирьенина В-категории. На самом деле, выпускники курсов, подобных тому, на которых я учился, разумеется, ирьенинами В-категории не были. Но считалось, что такой «скороспелый» медик сам со временем может стать полноценным медиком В-класса за счет обширной полевой практики и добора знаний самостоятельно. Ну, а в ближайшее время мы будем ирьенинами В-ранга только на бумаге. Сравнивать нас с медиками того же класса из госпиталя — глупо. Мы — полевой эрзац...

Во вторник на курсах закончили основы фармакологии. Как и все остальное, ее мы изучали по верхам. В основном для того, чтобы удерживать пациента на грани, не влезая с лечением, ибо малоопытные еще медики. Заодно немного научились делать лекарства и определять яды. Кито

сказал, что подробнее мы всем этим будем заниматься, когда научимся правильно работать с Мистической рукой.

Поскольку список необходимых книг нам озвучили в самом начале курса, мне оставалось их только взять. Я уведомил Кито, что в ближайшее время меня могут сдернуть на миссию. Дескать, генинам уже могут дать первую С-класса миссию. Да, рановато еще, но лучше перестраховаться, ведь Хатаке-сан — такой сумасброд... Кито к моим проблемам отнесся с пониманием, посетовал, что нужных мне книг в библиотеке Госпиталя могут и не дать, так что читайте их заранее, пока время есть. А я нехотая вспомнил, что так и не проверил, выполнила ли Сакура задание или проигнорировала. Последовал его совету и сначала узнал, какие книги из библиотеки можно было взять по списку. Если что, то и на миссии почитаю. В общем, я взял, что можно было брать, находясь вне Конохи — только брошюры и свитки, в которых не было ничего, что являлось бы секретом для великих деревень. К счастью, большая часть из того, что мне было нужно, было как раз в этой категории. Кое-что из дополнительного списка от Даичи, к сожалению, тоже выносить за пределы Деревни нельзя было. Вечер ушел на то, чтобы снова поработать с манекеном. У меня уже вполне прилично получалась техника передачи чакры. Но Кито настоял на том, чтобы я потренировался как минимум еще раз — для закрепления навыка. Я не стал спорить.

А вечером я разбирался с Дельфиньим свистом. Перед тем, как овладеть этой способностью, которую предки Ируки по привычке называли техникой, нужно было хотя бы немного разобраться с эхолокацией, то есть с восприятием мира на слух. Именно с этого я и начал во вторник вечером. Освоение даже простой формы Дельфиньего свиста, сопряженного с громким цоканьем языком, шло тяжело. И это не смотря на то, что у меня были: память тела, имелась методика и периодически всплывали фрагменты памяти Ируки! Даже тушка боевого мутанта, поколениями использовавшего и шлифовавшего эту технику, не особо помогала. Я тупо не понимал, как это должно быть! Не понимал, до тех пор пока держал глаза открытыми. Но даже после того, как я закрыл глаза и дело сдвинулось с мертвой точки, результаты по-прежнему не сильно радовали. Ну, а как научиться эхолокации обычному человеку, я представлял с трудом.

В среду я напомнил детям, что Какаши обещал появиться во вторник, но так и не появился, так что мы не стали его ждать. В общем, только мы успели разделить деньги, перед следующим и последним на сегодня заданием, как в дверях нарисовался наш блудный командир, источая злость и раздражение. Убил бы... Похоже, это взаимно.

— Проводил я Собакина взглядом до стола со свитками. Он не раздумывая, взял первый попавшийся зеленый рулон помеченный буквой «D», отметил в нем, что-то методом тыка, не иначе, и, изобразив глаз-улыбку, выдал:

— Команда номер семь, — как ни в чем не бывало, — я вижу, что вы рады снова меня видеть!

— Угу, — саркастически хмыкнул, — безумно рады! Вон даже Сакура изображает счастье на мордашке! А может и не изображает? Нет, судя по эмоциям, действительно радуется... Вот ведь больная...

Тем временем, Хатаке, не обращая внимание на лица, перекошенные радостью, продолжил, заглянув в карточку:

— Мма, наша следующая миссия... — перевернул бумагу, потому что держал вверх тормашками, — сбор лекарственных трав.

Он бы еще по слогам прочел... — фыркнул, а на задворках сознания, тем временем, что-то тревожно зашевелилось, но так и не оформившись в мысль, ускользнуло.

Мы быстро доскакали по крышам к кварталу заказчицы. Ею была Нанамисан, пожилая, да что там — древняя куноичи из клана Нара, ей наш каге в сыновья годился. Пришли. Получили корзинки с коробочками разными, какими-то ножичками и ножницами, а затем мы были посланы лесом... Точнее, в лес Нара. А чтобы мы знали, что именно собирать — выдали нам карточки с названием и изображением трав.

Заведя нас в какую-то глухомань, Какаши, усевшись на дерево с книжкой, лениво махнул ручкой, мол, седьмая команда, можете приступать к работе. Ребята только потянулись к растениям, как мне пришлось их остановить.

— Подождите! — я наконец вытащил на свет божий подлую мысль-беглянку. На меня недоуменно уставилось семь глаз. Забавно, семь глаз команды номер семь...

— Проблемы? — сверля меня взглядом, уточнил Какаши.

— Да, — повернулся к детворе. — Вы знаете, как и что нужно собирать?

— Да... — неуверенно начали было они, сверяясь с рисунком, но быстро затихли. Чучело молча, сидел на дереве, болтая ногой. Как маленький, ей-богу!

— Уверены? — дал я генинам еще один шанс.

— Нет, — неожиданно для меня, честно признался Наруто. — Но ведь это должно быть несложно, берешь траву и складываешь в коробку. Так ведь?

— Ясно. Саске-кун, Сакура-чан, вы что скажете?

— Пф, — высказывание Учихи, как всегда было «очень информативно».

— Эмм... Хмм... — промычала Сакура и вдруг заорала, — мы этого в Академии не изучали! — После чего обвиняюще вылупилась на меня. Собакин на дереве заржал, пацаны недоуменно переглянулись.

Вздохнув, я взял карточки и начал объяснять:

— Мы собираем сегодня вот эти травы: Лопух большой или репейник, — показал картинку, — корни его заготавливают осенью от растений первого года жизни, поэтому смотрите, чтобы он был не слишком высокий, — руками показал примерные размеры. Мальчишки покивали, а Харуно, насупившись, фыркнула: — Ясно. — А раз ясно, то выбрось из корзинки это дерево. И помните — нам только корни нужны.

Пробурчав что-то невразумительное, Сакура швырнула старый стебель в кусты, и, вклинившись между Саске и Наруто (поближе к Учихе), встала передо мной.

— Хорошо. Так... Еще мы собираем полынь горькую и плоды софоры. — Посмотрел в карточку. — И листья софоры тоже. Начнем с последнего.

— Почему? — спросил Наруто.

— За ними еще лезть в эти кусты. А они колючие.

— Потому что если мы сейчас начнем с полыни и лопухов, то испачкаемся в земле, потому что нам нужны корни, а пока у нас чистые руки лучше собрать софору, чтоб не пришлось потом Нанами-сан отмывать все от земли. Софора ядовита, так что будьте аккуратны и не вздумайте есть плоды — отравитесь.

Когда мы ободрали пару деревьев и сложили плоды в мешок, начались настоящие проблемы.

— Нет, Наруто, так траву вырывать не надо!.. Саске, стой! Вот горькая полынь и нам нужны только верхушки растения!.. Сакура, убери кунай и возьми ножик или серп! Или хотя бы секатор. Нет! На некотором расстоянии от почвы... Саске, чем ты слушал?! Не следует выдергивать лопух с корнем. Можно, но не нужно! Если выдергивать, то ты повредишь сырье... И не складывайте все в одну кучу!.. Нет, у репея нам нужны только корни. Да, я знаю, Сакура, что он колючий и противный... Наруто!..

Глядя на то, как я мечусь от одного ребенка к другому, Какаши только посмеивался.

— Да посмотрите же на инструкцию на другой стороне карточек! — ткнул пальцем. — Здесь и здесь!

Кое-что на карточке не было написано, и мне приходилось вспоминать травничество с курсов.

— ... Корни и корневища надо выкапывать лопаткой на расстоянии от стебля растения. На расстоянии! — вручил инструмент чумазой девочке.
— После чего их нужно отряхнуть или очистить от почвы и только потом класть в корзину. Иногда корешки промывают в холодной проточной воде. У нас воды рядом нет, так что наша задача — принести травы Нанами-сан, она сама со всем разберется. И еще кое-что, на будущее, — Сакура захныкала, а я сделал вид, что не заметил, — корни некоторых растений мыть в воде нельзя. Их очищают от земли, снимают ножом верхнюю кожицу и подсушивают, после чего отрезают надземные части, а

иногда и боковые корешки. В период цветения растения выкапывать корни, корневища и клубни нельзя ни в коем случае! Ясно?

— Ха-а-ай, — убито протянула розововолосая.

Я рассказал и показал, как что собирать. Что можно делать, как правильно срезать, как складывать растения... Но дети все равно путались. Какого демона Какаши взял миссию, которую дети не могут нормально выполнить из-за недостаточных знаний — я терялся в догадках. Это же миссия для будущей команды ирьенинов, но явно не для нас... Может, Собакин посчитал, что нашей команде недостаточно неприязни из-за Наруто? Надо еще добавить раздражение на плохо сделанную работу? Или ему просто было настолько пофиг?

В общем, промучились мы долго, даже несмотря на то, что ребята собирали растения, а я их сортировал, обрезал и укладывал. Но, по крайней мере, мы справились с этой работой. Неожиданно для нас всех. И принесли не кучу помятого и кое-как выдранного бурьяна, а почти готовые ингредиенты для лекарств. Во всяком случае, заказчица была нами довольна.

Вечером предупредил Монтаро, что могу в скором времени свалить на миссию. Он показал мне комплекс упражнений для тренировок в походе. Последние несколько дней вечерами, после миссий и тренировок, я собирал аптечки, сухпайки, покупал кунаи, лески, бумагу и чернила для фуин... Подбирал литературу, которую можно было взять с собой. В общем, собирал все, что могло пригодиться в дороге, в бою и после него. Я собирал это все, когда Наруто не видел, а если он замечал чего, то я говорил, что подготовка никогда не бывает лишней. Чувствовал я, что вскоре с Торой мы повстречаемся вновь.

В четверг у башни каге нас догнал Паккун. И, не дав взять даже одну миссию, отдал бумагу с приказом: «Ожидать, если я, джонин-сенсей седьмой команды, Хатаке Какаши, не появлюсь вовремя. Число, подпись». Увы, это письменный приказ, и нам пришлось ждать Собакина. Но сам приказ я у Паккуна забрал. Лишним не будет.

Кроме того, в этот четверг я решил, что самое время рассказать Наруто о Кьюби, до похода в страну Волн. Потому что под утро я проснулся оттого,

что кто-то скулил и стонал, как побитый щенок. Забеспокоившись, я пошел на звук. Как в бреду Наруто метался по постели, свалив все на пол. Испугавшись, я разбудил Наруто. Мальчик еще долго не мог прийти в себя, вздрагивал от каждого шороха, как дикий зверек. Поначалу я подумал, что это просто кошмар и попросил рассказать его, чтоб было не так страшно. Но уже на словах «темный сырой коридор» я понял, что Наруто приснился его биджу.

— Там всегда темно, — кутался Наруто в одеяло, будто оно могло его защитить, — и сыро. В темноте прячется что-то страшное. Иногда оно смеется, как гром. И...

Тогда я выяснил, что Кьюби снился Наруто уже не в первый раз. По-хорошему стоило рассказать ему о биджу, но я долгое время не решался. Да, даже не мог придумать, что сказать. Тянул я до последнего и лишь теперь, когда появился Тора, мне пришлось срочно искать слова. Мы ненадолго отправились на полигон Призраков, якобы для тренировки. Немного потренировались, а потом я попросил Наруто отвлечься.

— Наруто, присядь, пожалуйста, мне нужно кое-что тебе рассказать.

Наруто сел на пенек, а я около него на траву.

— Я хочу поговорить о твоих кошмарах... Это не совсем кошмар...

— нахмурился, почесав в затылке, подумал и решил начать издалека.

— Пообещай, что если тебя будут спрашивать, откуда ты это узнал, то ты будешь говорить, что... — помотал головой я. — Нет. Надеюсь, никто никогда этого у тебя не спросит!

— Почему, даттебайо? — вытаращился Узумаки, подавшись вперед.

— Сейчас поймешь, — развернул я на ладонях экран. — Это было давно. Тогда не было еще Конохи. Не было и Сенджу...

— Ни одного? — перебил меня Наруто, жадно всматриваясь в еще пустой монитор-но-дзютсу.

— Ни одного. Не родились еще. Напал на людей страшный зверь. Черный, как ночь, с одним огромным красным глазом и десятью хвостами.

— А он на шаринган похож, только закорючек... три, шесть... девять! — посчитал блондин.

— Да, похож. Не знали люди, как спастись от зверя, а победить его не могли. Это существо называли Джууби — Десятихвостым. И оно бы уничтожило весь мир, если бы не Рокуду — Святой Отшельник Шестых Путей, как прозвали его в веках. Он спас мир от Джууби и запечатал его внутри себя, став первым джинчурики...

В то время как Ирука рассказывал Наруто историю Десятихвостого, в другом конце Конохи Макуто заканчивал последние приготовления. Он стоял в своей комнате, застегивая сбрую поверх зеленой куртки. На поясе висел тати отца. Длинный клинок в простых черных ножнах. Макуто провел пальцами по рукояти, чувствуя холод металла. Меч был тяжелым — не для мальчика его возраста, но Макуто привык. Он носил его внутри себя, в фуин-свитке, но сегодня достал заранее.

— Ты готов? — спросил он у своего отражения в мутном стекле окна.

Глаза в отражении ответили спокойным взглядом.

Он вышел в гостиную. Наруто уже ушел с Ирукой на полигон Призраков, и в квартире было тихо. Макуто надел сандалии, поправил пояс и вышел на улицу.

По дороге к дому Оды он встретил несколько патрульных шиноби. Они посмотрели на него, на меч, но ничего не сказали. Макуто шел не спеша, запоминая каждую улицу, каждый перекресток, каждый теневой угол. Он знал, что за ним следят — АНБУ, которые уже который день сопровождали его по городу. Но сегодня он чувствовал еще чей-то взгляд. Более тяжелый. Более внимательный.

«Данзо», — подумал Макуто.

Он не ошибался. В тени одного из домов, на противоположной стороне улицы, стоял мужчина в сером пальто. Руки скрещены на груди, лицо

скрыто капюшоном. Макуто видел его краем глаза, но не обернулся. Он прошел мимо, как будто не заметил.

У дома Оды уже собирались зрители. Монтаро сидел на крыльце, опираясь на трость. Рядом с ним стоял невысокий парень с редкими усами — сын Такао, который тоже учился у старого самурая. Жена Оды, маленькая сухонькая женщина с вечно озабоченным лицом, вынесла на веранду поднос с чаем и пирожками.

— Ирука-сан и Наруто-кун еще не пришли? — спросил Макуто у Монтаро.

— Скоро будут, — ответил мастер тайдзюцу. — Я видел их на полигоне, когда они уходили. Ирука был какой-то мрачный.

Макуто кивнул и отошел к дереву. Он прислонился к стволу, закрыл глаза и начал дышать ровно, глубоко, отключая посторонние мысли. Ему нужно было быть собранным.

Ирука и Наруто появились через полчаса. Наруто, несмотря на недавний разговор о биджу, был возбужден и прыгал вокруг Ируки, пересказывая что-то о барьере и о том, как он его почти зарядил. Ирука шел молча, с каменным лицом. Увидев Макуто, он кивнул и встал рядом.

— Как ты? — спросил он.

— Нормально, — ответил Макуто.

Наруто подбежал к нему и схватил за рукав. — Макуто, ты победишь? — Посмотрим. — Ты должен победить!

Макуто ничего не ответил. Он посмотрел на дверь, из которой вышел Ода. Старый самурай был одет в темное кимоно, седые волосы собраны в пучок на затылке. В правой руке он держал свою длинную катану в черных ножнах. — Ты пришел, — сказал Ода, глядя на Макуто. — Я здесь, — ответил тот. — Хорошо. Проходи.

Макуто отклеился от дерева и шагнул в центр сада. Ода пошел следом, не спеша, опираясь на трость. Но когда он дошел до своего места, трость перешла в левую руку, правая сжалась на эфесе катаны,

и старый самурай выпрямился, как струна. — Твой меч, — сказал он. Макуто вытащил тати. Лезвие блеснуло на солнце, и Наруто ахнул. — Какой длинный! — Молчи, — шикнула на него жена Оды. — Мешаешь.

Ода вышел на середину поляны. Монтаро, кряхтя, поднялся и встал сбоку. — Спарринг до первой крови, — сказал он. — Никаких техник. Только мечи и тело. Поняли? — Понял, — ответил Макуто. — Принял, — кивнул Ода.

Старый самурай не стал ждать. Он атаковал первым — быстрым, рубящим ударом сверху. Макуто блокировал, но блок получился слабым. Меч Оды был тяжелее, чем он ожидал, и удар пробил защиту, чиркнув по плечу. Кровь капнула на землю. — Первая кровь, — констатировал Ода, опуская клинок. — Я победил. — Нет, — сказал Макуто, сжимая рукоять тати. — Схватка только началась.

Он атаковал. Три удара за секунду — рубящий, колющий, рубящий снизу. Ода отразил их, отступил на шаг, прищурился. — Быстро. Но не точно. — Я учусь, — ответил Макуто.

Они обменялись еще дюжиной ударов. Макуто чувствовал, что его сил заметно меньше, чем у старого самурая, но его скорость была выше. Он кружил вокруг Оды, заходя с боку, сзади, сверху. Каждый удар был рассчитан на то, чтобы вынудить противника раскрыться. — Неплохо, — сказал Ода, когда они разошлись. — Твой отец учил тебя? — Да. — Макуто не опускал меч. — Но он умер. — Ты тоже умрешь, если не научишься защищаться. — Я не собираюсь умирать.

Они снова сцепились. На этот раз Ода атаковал всерьез — его клинок мелькал в воздухе, как молния. Макуто отступал, блокировал, отступал снова. Он пропустил удар корпусом — Ода ударил его рукоятью в грудь, отбросив к стене. — Хватит, — сказал Монтаро. — Нет, — Макуто встал, отряхнулся. — Еще. — Ты ранен, — заметил Ода. — Не смертельно.

Макуто поднял тати и встал в новую стойку — ноги шире, корпус ниже, лезвие на уровне глаз. Ода нахмурился. — Откуда такая стойка? — Сам придумал, — ответил Макуто.

Он атаковал. На этот раз он не пытался нанести удар — он провоцировал Оду на контратаку. Старый самурай поддался — его катана пошла на очередной рубящий удар. Макуто нырнул под клинок, ушел влево и нанес удар снизу. Клинок чиркнул по кимоно Оды на уровне бедра. — Кровь? — спросил Монтаро. — Нет, — ответил Ода, глядя на порез на рукаве. — Но близко. — Спарринг окончен, — сказал Монтаро. — Ничья.

Макуто опустил меч и выдохнул. Пот заливал глаза, руки дрожали. — Ты принят, — сказал Ода, убирая катану в ножны. — Приходи завтра в обычное время. — Спасибо, — ответил Макуто.

Он развернулся и пошел к выходу. Наруто кинулся ему на шею. — Ты молодец! — Не при всех, — буркнул Макуто, но отстранять его не стал.

Ирука подошел и положил руку ему на плечо. — Неплохо. — Я мог лучше, — ответил Макуто. — Сможешь. Завтра.

Они зашагали к выходу. Монтаро догнал их у калитки. — Макуто-кун, — сказал он. — Ты уверен, что этот меч — отцовский? — Да. — Он очень старый. Сделано в Стране Железа. Дорогой клинок. — Я знаю. — Береги его. Такие мечи не делают уже пятьдесят лет. — Я знаю, — повторил Макуто и вышел за ворота.

На обратном пути он молчал. Наруто тоже молчал, поглядывая на друга. Ирука думал о Кьюби, о Забузе, о Стране Волн. — Макуто, — вдруг спросил Наруто, — а ты боялся? — Да, — ответил тот. — Но нельзя показывать страх. — Это как? — Это когда идешь вперед, даже если ноги не слушаются.

Ирука усмехнулся. Похоже, парень был мудрее своего возраста.

Ночью, когда Наруто уже спал, Макуто сидел в кресле и чистил свой тати. Я прошел мимо, задержался в дверях. — Тот мужчина в сером... ты его заметил? — Да, — не поднимая головы. — Агент Данзо. — Я знаю. — Откуда? — Чувствую, — коротко ответил он и провел тряпкой по лезвию. — Он следит за мной уже несколько дней. — И что ты думаешь? — Я думаю, — Макуто поднял клинок и посмотрел

на свет, — что я должен стать сильнее. Чтобы меня не убили, когда узнают, кто я на самом деле. Я хотел спросить, кто же он на самом деле, но передумал. Вместо этого я сказал: — У тебя получится. — Знаю, — ответил он и убрал меч в ножны.

За окном было темно. Только фонари у дороги бросали желтый свет на мокрый асфальт. Я думал о том, что этот молчаливый парень, который никогда не жаловался и не просил помощи, таил в себе больше, чем можно было предположить. И его присутствие в нашей команде было и благословением, и проклятием одновременно. Но одно я знал точно — без него было бы сложнее. А с ним, возможно, мы все выживем.

Глава 20. А где братья-демоны?

Этой ночью я плохо спал. Кошмары. То Забуза с адским смехом зарубит, то... В общем, вспоминать тошно. Я просыпался, засыпал, снова просыпался в холодном поту и опять засыпал. Потому, проснувшись после очередного кошмара, я даже не рискнул закрыть глаза — а то еще чего привидится.

— Новый день... — прошептал я, болезненно щурясь от предрассветного зарева над крышами Деревни. — Сколько сейчас? — покосился на стену по чужой привычке, а там картина, а не часы. Еще в первый день я перевесил часы из комнаты в коридор, их тиканье меня раздражало. Полчетвертого... — мысленно простонал, зацепившись взглядом за циферблат часов, когда выходил из туалета. Пошел спать дальше.

В коридоре я столкнулся с Макуто. Он был уже одет, на поясе вместо обычного ученического клинка висел длинный меч в простых черных ножнах. Тати отца.

— Ты чего не спишь? — спросил я.

— Не могу, — ответил он. — Сегодня спарринг с Одой-сэнсэем. Настоящий.

— Волнуешься?

— Нет, — он помолчал. — Сосредотачиваюсь.

Я кивнул. Больше ничего не сказал — и так было понятно.

Во второй раз проснулся тоже рановато. Как здравомыслящий человек я должен был бы взять книгу и поучить что-нибудь полезное. Но вместо этого я положил ее на подоконник и уселся сверху, чтоб не запачкать пижамные штаны о пыльный подоконник балкона. Так и сидел минут пять, упираясь в перила ногами. А там чайек заварился, и АНБУ приперся. Не надо так завидовать, — закинул в рот печенье, — гражданин АНБУ, — запил чаем. — Хотя... не, завидуй, — милостиво разрешил я. — Мне не жалко.

Когда мимо моего дома поутру стали бегать спешившие куда-то раздраженные шиноби, я не смог сдержать улыбки, пришлось ее прятать за кружкой с уже остывшим, но все еще ароматным чаем. Завтрак я заставил делать клона. Я не боялся, что в этот раз клон сделает что-то не так, ведь под действием моего настроения дубль лучился довольством. Прав же был тот человек, что сказал: «Сделал гадость — и на душе радость». И дубль не пакостит.

Но хорошее настроение моментально пропало, как только я посмотрел вдаль, туда, где над стеной вокруг деревни за «морем» листвы виднелись горы. Проснулся мой черный пессимизм. Пришлось даже переубеждать самого себя в том, что не все так плохо. Убеждать, что раз даже не обученный ничему канонный Узумаки выжил после похода в Страну Волн, то мы вообще легко победим. Да и Наруто здесь сильнее, а его арсенал и навыки — лучше, так что и за него я стал беспокоиться меньше. У него теперь гораздо больше шансов, и он обязательно выживет. К тому же Наруто находчивый и хитрый. Да, именно хитрый, — кивнул своим мыслям. — Я помню, как хотел объяснить ему, почему барьер меня не пропускал. Нашел место, где было описание действия барьера, процитировал, отдал в руки, а он прочитал те части, где увидел знакомые кандзи, и покивал с умным видом. — хмыкнул, немного повеселев. — Я тогда повелся и только потом узнал, что Наруто плохо разбирается в кандзи. А через пару дней после этого, как раз после кинотеатра, когда я получил свою малопонятную способность ощущать эмоции других, Узумаки продемонстрировал находчивость, попытавшись сначала починить, а потом заменить сломанное радио. — я зло выдохнул. Тот инцидент мне было неприятно вспоминать. — Мало того что Наруто чуть

не погиб, так еще и оказалось, что он всерьез думал, будто я его прогоню из-за дурацкого приемника! Видимо, я сам себя обманывал, считая, что мальчик доверяет мне больше. Да, и еще я тогда не подумал головой! Не показал Наруто, как пользоваться радио, не рассказал ему, чем опасны электроприборы. Он ведь этого мог просто не знать! — покачал головой, расстроившись. — Сомневаюсь, что в его камерке было что-нибудь электрическое. Покрутил в руках кружку. Хватит! Прошлое в прошлом! — залпом допил остатки показавшегося безвкусным чая. — А то еще Анко начну вспоминать. Я что должен был — сделал. А бегать я за ней не хочу и не буду! — Некогда мне! Вот! — буркнул тихо вслух и осекся. — М-да. С кем поведешься, от того и наберешься, — развеселился я, оттесняя клона от плиты.

Помешивая кашу, вспомнил недавний разговор с Сакурой и решил, что сегодня стоит напомнить ей о субординации. Давно пора... Хм... Пожалуй, сделаю ей подарочек...

Сегодня после миссий я не стал устраивать спарринг. Не было смысла, вместо этого я попросил ребятню сесть на поваленное бревно в парке, где мы убрали листья, и достал копию донесения.

— Всем вам, наверное, интересно узнать, что же такое вы подписывали последние дни, так? — Достал пустой лист, положил его на планшет поверх доноски и набросал карандашом три столбца иероглифов. Ответом мне были кивки и пристальные взгляды. — И почему так сильно подросли ваши гонорары за миссии, хотя сами они, миссии, были дешевле, чем те, на которые мы ходили раньше, вы, наверное, тоже хотите узнать?

— Да, Ирука-сенсей! — ответила за всех Сакура.

— Хорошо, но для начала подпишите вот это. — Лист я свернул так, что был виден лишь нижний пустой край. Дети безропотно вывели подписи и снова уселись на бревно. Для шиноби, кстати, позволялось вместо печатей-подписей ставить подпись от руки, вливая в чернила чакру.

— Хм... м-да, — развернул бумагу и повернул текстом к детям, — а теперь посмотрите, что вы подписали. «Учиха Саске обязуется отдать свои глаза первому встречному нукенину. Харуно Сакура обязуется сделать на своем лбу татуировку в виде мишени и никогда, ни при каких условиях не

скрывать ее. Узумаки Наруто обязуется никогда, ни при каких условиях не претендовать на пост каге». И под этим безобразием: число, дата и три подписи.

Саске нервно сглотнул и непроизвольно потянулся руками к глазам. Сакура свалилась с бревна, рыдая в голос, а побледневший Наруто похоже никак не мог поверить в реальность происходящего.

— Все с вами ясно, впечатлительные вы мои. Сакура, посмотри сюда. Сакура-чан! ХАРУНО САКУРА! — и еще дополнительно пальцами пощелкал, привлекая ее внимание. Всхлипывая, розововолосая все же уселась обратно на бревно и теперь сверлила меня гневным взглядом заплаканных глаз. — Это вам урок, — достал зажигалку и спалил листок, — нельзя подписывать что попало, не читая...

Демонстративно сдунул пепел с пальцев.

— И все остальные — такие же?!

— В каком смысле? Ааа, — понял я, — нет, Сакура. Вот это вы подписывали. — показал донесение на Какаши.

— Да как вы смеете?! — возмущенно заорала розововолосая. Глаза сверкали праведным гневом, сжимая кулаки.

— Как я смею что, Сакура-чан? — уперся в нее пристальным взглядом. Она начала было возмущаться, но быстро заткнулась, опустила глаза и начала что-то мямлить. — Я тебя не слышу, Сакура-чан, — с недоброй улыбкой сообщил я розововолосой.

— Ну... эммм... Извините, Ирука-сенсей... Но так же нельзя?.. — наконец справилась Харуно.

— Почему нельзя? — продолжаю пристально смотреть на нее. Ребята, открыв рты, наблюдали за представлением.

— Ну, эммм... Ну он же джонин-сенсей нашей команды! — наконец нашлась Сакура, и надувшись от праведного гнева, начала обличать. — Мы не должны писать так, как будто его не было, это неправильно!

— А он был? — скептически вздернул бровь.

— Ну... ммм... Это не важно, он все равно наш командир... — опустив глаза, стала бессвязно доказывать мне розововолосая.

— Сакура, Хатаке Какаши был сегодня или нет? — раздраженно спросил эту идиотку.

— Эмм... нет, — тихо выдохнула Харуно, вжав голову в плечи.

— А если Хатаке-сана не было, то почему мы должны писать, что он был? Ты считаешь, что мы имеем право обманывать нашего Хокаге?!

Сакура уставилась в пол. Но я не закончил:

— Вы все, ребята, особенно ты, Сакура-чан, запомните, что нельзя орать на тех, кто старше по возрасту и рангу. Если вы чем-то недовольны, то вы можете выразить свое несогласие и отстаивать свою точку зрения в разумных пределах, но не орать сходу! К тому же это бесполезно и вызовет только ответную агрессию, — закончил я лекторским тоном.

Харуно по-прежнему смотрела в пол.

— Сакура-чан, тебе все понятно? Если тебя что-то не устраивает, ты не должна орать на своих товарищей по команде и тем более на своего сенсея. Это ясно?

Малолетняя стерва закивала, безуспешно попыталась прикинуться пай-девочкой. Не верю!

— Так, обратно к теме. Вы подписали документ, который вам, возможно, еще не раз придется подписывать. Такую бумагу составляют, когда один из членов команды не пришел на миссию, не уведомив об этом заранее сенсея, командира или товарищей по команде. В таких случаях деньги не явившегося на миссию поровну делит его команда.

Осознав откуда пришла прибавка в карман, Сакура вылупилась и сказала мальчишкам:

— Мы деньги Какаши-сенсея получали!

Кэп, ну что бы мы без тебя делали?!

— Угу, — кивнул Наруто и посмотрел на меня со странным, плохо читаемым выражением на лице, что-то вроде задумчивости, и недоумения, вперемешку с радостью, стыдом и восхищением.

— Мы их заработали, — припечатал Саске и тоже перевел на меня взгляд.

— Верно, — кивнул я одобрительно. — Мой вам совет: всегда читайте, что подписываете, от первого до последнего иероглифа! И еще кое-что, — потряс записушкой на Какашку, — Сакура, такие бумаги мы будем подписывать до появления Какаши-сана, поскольку он не оформил должным образом документы. Если не хочешь, можешь не подписывать. Не заставляю. Но тогда долю Хатаке-сенсея мы разделим только на троих.

— Я подпишу, — выдрала девчонка у меня лист и ручку-кисточку.

— Сакура, — забрал документ, — я тебе не мама и не папа, чтоб со мной так разговаривать. Характер будешь дома показывать.

Куноичи надулась и сложила руки на груди, всем своим видом демонстрируя обиду и несогласие.

— По-хорошему не понимаешь... — проговорил я, покачав головой. — Ладно. — достал копию кодекса шиноби. — Берешь вот эту книжечку. — повертел перед лицом девочки. — Стопку чистых листов и переписываешь все, что касается команды и норм общения подчиненного и начальства, а так же шиноби и его клиента. Я понятно объясняю?

Гневное сопение, взгляд исподлобья и молчание.

— Харуно Сакура, я понятно изложил твоё задание?

— Хай, — цапнула книжку.

— Я надеюсь на это. Все свободны.

Когда Саске с Сакурой ушли достаточно далеко, я закрыл лицо руками, тяжело опустившись на бревно.

— Ирука, что с тобой? Тебе плохо? — забеспокоился Наруто.

— Нет. Просто я не знаю, что мне делать с Сакурой. Такое чувство, что она в Академию случайно попала и ей все это вообще не нужно! И дома,

наверняка, она тренируется спустя рукава! Чего она добилась с тех пор как... — тяжкий вздох. — Ладно, хватит об этом. Пойдем домой.

— Хай, — отозвался мальчик и пошел со мной рядом. Так мы и шли, медленно переставляя ноги и думая о своем. О чем думал Наруто, для меня было загадкой, а я думал о том, чего я за прошедшее время добился, что еще не сделано и нужно будет сделать... Наруто обнаружил свой талант к фуиндзютсу и развивает его, это хорошо! У него теперь отличный тренер по тайдзютсу — это тоже замечательно, — покосился на ребенка. — Теперь он немного знает, как вести себя в обществе и как готовить, у него был пример хорошего к себе отношения, а значит, есть надежда, что теперь он не будет сам себя обманывать, считая своими друзьями тех, кто ими не является. Я наконец-то овладел «простой техникой передачи чакры», так что Какаши не должен умереть от чакроистощения. И неделю восстанавливаться тоже не будет. Возможно, у нас даже будет шанс разобраться с Забузой, пока тот не пришел в форму! Комбинированные дзютсу мы с Наруто освоили, оба подтянули навыки кидания остро заточенного железа, освоили несколько дзютсу, что могут помочь отбиться от Забузы. Но этот проклятый кот на прошлой неделе своим появлением страшно меня напугал!

— Ирука? А мы успеем перекусить перед тренировкой?

— Прости, запямятовал. Отключай костюм. Если побежим — успеем.

— Хай!

Вечером понедельника передо мной встал вопрос, что учить в первую очередь. Выбор пал на Дельфиний свист. Да, тот самый, что упоминал прошлый хозяин тела. Информацию об этой технике я довольно быстро нашел в библиотеке Умино. Оказалось, что это не совсем секретная техника, скорее — это очень интересная способность, которая позволяла человеку с геномом Умино и с контрактом Дельфинов использовать подобие эхолота и «видеть» противника, как дельфин или летучая мышь. В свитке была не только сама техника, но и ее предыстория, а также методика тренировок, которые должны были помочь в освоении Дельфиньего Свиста.

Еще там, в прошлой жизни, на Земле, я краем уха слышал, что человек, подготовленный по особой методике и цокая определенным образом, может видеть с помощью слуха, как дельфин или летучая мышь. Кажется, этот феномен называли человеческой эхолокацией... История гласила, что когда-то, получив контракт с дельфинами, члены клана Умино пытались научиться пользоваться ультразвуком... И им это удалось. Одной из причин этого прорыва стало то, что Дельфины обучили людей также воспринимать мир на слух. Сначала ослепших по тем или иным причинам шиноби, а со временем — и всех в клане Умино.

Навык восприятия мира ультразвуком клан Ируки совершенствовал из поколения в поколение. В последние десятилетия существования клана было отмечено, что носоглотка, органы слуха и мозг у членов клана отличались от таковых у обычных шиноби, без генома и контракта. А я-то думал, что это мне кажется иногда, что я слышу как-то... Странно? По-другому, не как раньше. А выходило — нет, не казалось.

Кстати, в свитке было предположение, что обучиться Дельфиньему свисту, по крайней мере, базовым его формам, можно было и не заключая контракта с Дельфинами. Дескать, достаточно было методики, улучшенного генома Умино и знания дзютсу, которое нужно было только для активации этого импровизированного эхолота. Дзютсу было необходимо применить для того, чтобы облегчить организму переход в непривычный для него режим работы с ультразвуком. У постоянно использующих свист шиноби со временем могли научиться обходиться и без активирующего дзютсу. Впрочем, один раз в день, с десятков печатей сложить и немного чакры потратить — невелика сложность. Перед применением свиста также рекомендовалось сложить нестандартную печать для лучшего эффекта, но опять же, со временем можно было научиться обходиться и без нее.

Историю создания дзютсу я прочитал, с методикой ознакомился, печати выучил, а попробовать технику в действии решил во вторник, на свежую голову.

Миссии без Какаши выполнять было одно удовольствие, они будто сами собой выполнялись. И все бы было чудесно, но детки меня напрягали. Сакура постоянно бухтела что-то нелестное в мой адрес. А однажды я

даже стал свидетелем разговора двух заклятых подруг, кумушки зацепились языками у канцелярии, пока я за деньгами ходил.

— Хи-хи, разлюбила его? — весело поинтересовалась Ино.

— Да я Ируку-сенсея не любила никогда!

— Ой, не ври, — хихикнула Яманако. — Кто на праздник, в честь Божества Любви, сенсею конфеты дарил? Не помнишь случайно? — Ехидно поинтересовалась блондинка. — «Ах. У сенсея такие добрые глаза шоколадного цвета, вот бы у Саске были такие же!» — передразнила Ино.

— Я такого не говорила!!!

Проходя мимо, я сделал вид, что ничего не слышал, но Сакура все равно стала красная, как ее платье. Я тогда еще удивился, что команда Асумы без него самого ходит на миссии. Оказалось, что сынок Хирузена сделал тот же финт ушами, что и Какаши. Болтливый у десятой команды оказался токубецу джонин.

Саске же постоянно фырчал и делал все по-своему. Спасибо, что хоть не в пику мне. А так его было не видно и не слышно. В остальном все было по-прежнему: каждый сам за себя, а Наруто за всех. Неунывающий блондин пытался расшевелить команду, но это была игра в одни ворота. Что бы ни говорил мальчик, его товарищам это было не интересно. И получал он надменный взгляд от Саске, а его клон — зуботычину от Сакуры. Радовало только то, что Наруто наловчился подменять себя клонами. Поначалу, конечно, Сакура пыталась найти оригинал, но ее хватило ненадолго. Да и мои злобные взгляды ей энтузиазма не добавляли.

Во вторник я, как ни в чем не бывало, повел команду на миссию. Появится сегодня Какаши или нет, я не знаю, дожидаться его не буду. Мы пришли и взяли одну миссию. Почему именно одну, а не сразу три? Потому что порядок был такой: взял миссию, выполнил, пришел, отчитался, получил денежку. Короче: эта песня хороша, начинай сначала. Подряд брать миссии обычно нельзя было. Большая часть миссий D-ранга была срочной. Заказчики просто не могли или не хотели долго ждать.

Про то, что Хатаке должен был сегодня вернуться, я вспомнил лишь когда к нам во время очередной миссии приперся его говорящий пес. К хорошему быстро привыкаешь.

— Ты Ирука? — скорее утвердительно, чем вопросительно выдал мопс в синей жилетке. Да, глюк, я — Ирука. Но вслух пришлось сказать:

— Да, Ирука. А ты чей песик?

— Я Паккун, а не песик! Я нинкен Хатаке Какаши!

— Приятно познакомиться, — улыбнулся псине. Животинка же не виновата, что у нее хозяин такой. — Какаши просил его подождать...

Сдержав рвавшееся наружу нецензурное восклицание, я, пожав плечами, ответил:

— Передай Какаши-сану, что мы ждать его будем у башни каге, — и с сарказмом добавил. — Подождем, если будет такая возможность.

Ждать мы, естественно, его не стали. Не нашли такой возможности. В конце концов, если что — пришел какой-то пес, чего-то сказал. Я пса в морду не знаю, у меня амнезия. Даже справка есть. Что у Хатаке есть собачий призыв, я тоже не помню. Пожалейте меня, беспамятного, люди добры-ы-е-е... Нет, накал драматизма надо сбавить, а то с клановым талантом Умино мне еще подаяние начнут кидать и смотреть жалостливо... А еще Приказа я не видел. Миссию вместе с нами Какаши не брал, а я отвечаю за седьмую команду в его отсутствие, так что сам виноват. Думаю, что Собакин это все и сам прекрасно понимает и выступать не будет. Пес не возражал, продрых себе часик, пока мы работали, и исчез. И если Хатаке не появится сразу же с утра, то мы, боюсь, тоже не найдем возможности его подождать.

Миссия в Страну Волн, я уверен, все ближе, и пора предупредить Кито о том, что я скоро умотаю очень надолго.

Сегодня заканчивалась «практическая фармакология», а в четверг нас должны были научить «мистической руке». Если, а точнее, когда я ее освою, то буду уже представлять как ирьенин что-то, отличное от нуля. Здесь, в Конохе, была следующая система рангов для медиков. Считалось,

что каждый, кто умеет оказывать первую помощь и умеет работать с янь-чакрой на уровне, достаточном для применения базового варианта Мистической руки «Шосен, но дзютсу» — это медик С-ранга. Медиков D-ранга официально не существовало, хотя таким считались все, кто умеет оказывать первую помощь. Дело было в том, что местные начинали считать кого-то ирьенином только после того, как он хотя бы освоил основы работы с медицинской или янь-чакрой, тут разница была только в названии, и хотя бы базовую версию Мистической руки. Местные врачеватели считали, что неумехам не место в медицине, а то еще угробят пациента. Как постоянный клиент местной больницы, не могу не согласиться.

Так вот, медик С-ранга должен был не только уметь квалифицированно оказывать первую помощь, но так же лечить поверхностные повреждения и несложные травмы. Таких, кстати, в госпитале тоже было немного. За редкими исключениями — только новички. Потому что по-настоящему ирьенином считали того, у кого был хотя бы В-ранг. Для получения В-ранга нужно было уметь проводить простейшие операции в одиночку и выводить яды. Ну, и разумеется, иметь определенный опыт. Именно В-ранга ирьенины были рабочими лошадками Конохского госпиталя. Повышение до А-ранга давали за опыт или за выслугу лет, за особые навыки, например, за умение проводить сложные операции, за умение работать в полевых условиях, за улучшенный геном, позволяющий более эффективно лечить, за вклад в исследования в области медицины или за все вместе. Формально пределом ирьенина был S класс. В Конохе, на данный момент, ирьенинов такого уровня не было. Цунаде не в счет. Гениальная Сенджу-хеме не появлялась в Конохе уже очень и очень давно... Она считалась одним из величайших медиков в мире, поэтому ее периодически называли медиком S+ или даже SS класса. Только формально она была ирьенином S класса, то есть очень опытным и умелым медиком, способным прямо в бою лечить себя или товарищей или проводить сложнейшие операции даже в полевых условиях или провести операцию, на которую никто другой не способен. В одиночку. То, что не мог сделать ирьенин А-ранга, то выполняла команда из него же и нескольких помощников с помощью стационарных фуиндзюцу, так что хотя уход повелительницы слизней и ударил по Конохской медицине, но сложные операции там проводить могли без особых проблем. Кстати, из-

за того, что почти все ирьенины были от В-класса и выше, шиноби периодически шутили над медиками, что у тех нет рядовых — только командиры.

Формально, получив навыки для преобразования своей чакры в медицинскую и научившись всему, хоть и по верхам, мы уже знали и умели больше, чем медик С-ранга. Поэтому нам присваивался ранг ирьенина В-категории. На самом деле, выпускники курсов, подобных тому, на которых я учился, разумеется, ирьенинами В-категории не были. Но считалось, что такой «скороспелый» медик сам со временем может стать полноценным медиком В-класса за счет обширной полевой практики и добора знаний самостоятельно. Ну, а в ближайшее время мы будем ирьенинами В-ранга только на бумаге. Сравнить нас с медиками того же класса из госпиталя — глупо. Мы — полевой эрзац...

Во вторник на курсах закончили основы фармакологии. Как и все остальное, ее мы изучали по верхам. В основном для того, чтобы удерживать пациента на грани, не влезая с лечением, ибо малоопытные еще медики. Заодно немного научились делать лекарства и определять яды. Кито сказал, что подробнее мы всем этим будем заниматься, когда научимся правильно работать с Мистической рукой.

Поскольку список необходимых книг нам озвучили в самом начале курса, мне оставалось их только взять. Я уведомил Кито, что в ближайшее время меня могут сдернуть на миссию. Дескать, генинам уже могут дать первую С-класса миссию. Да, рановато еще, но лучше перестраховаться, ведь Хатаке-сан — такой сумасброд... Кито к моим проблемам отнесся с пониманием, посетовал, что нужных мне книг в библиотеке Госпиталя могут и не дать, так что читайте их заранее, пока время есть. А я некстати вспомнил, что так и не проверил, выполнила ли Сакура задание или проигнорировала. Последовал его совету и сначала узнал, какие книги из библиотеки можно было взять по списку. Если что, то и на миссии почитаю. В общем, я взял, что можно было брать, находясь вне Конохи — только брошюры и свитки, в которых не было ничего, что являлось бы секретом для великих деревень. К счастью, большая часть из того, что мне было нужно, было как раз в этой категории. Кое-что из дополнительного списка от Даичи, к сожалению, тоже выносить за пределы Деревни нельзя было. Вечер ушел на то, чтобы снова поработать с манекеном. У меня уже

вполне прилично получалась техника передачи чакры. Но Кито настоял на том, чтобы я потренировался как минимум еще раз — для закрепления навыка. Я не стал спорить.

А вечером я разбирался с Дельфиньим свистом. Перед тем, как овладеть этой способностью, которую предки Ируки по привычке называли техникой, нужно было хотя бы немного разобраться с эхолокацией, то есть с восприятием мира на слух. Именно с этого я и начал во вторник вечером. Освоение даже простой формы Дельфиньего свиста, сопряженного с громким цоканьем языком, шло тяжело. И это не смотря на то, что у меня были: память тела, имелась методика и периодически всплывали фрагменты памяти Ируки! Даже тушка боевого мутанта, поколениями использовавшего и шлифовавшего эту технику, не особо помогала. Я тупо не понимал, как это должно быть! Не понимал, до тех пор пока держал глаза открытыми. Но даже после того, как я закрыл глаза и дело сдвинулось с мертвой точки, результаты по-прежнему не сильно радовали. Ну, а как научиться эхолокации обычному человеку, я представлял с трудом.

В среду я напомнил детям, что Какаши обещал появиться во вторник, но так и не появился, так что мы не стали его ждать. В общем, только мы успели разделить деньги, перед следующим и последним на сегодня заданием, как в дверях нарисовался наш блудный командир, источая злость и раздражение. Убил бы... Похоже, это взаимно.

— Проводил я Собакина взглядом до стола со свитками. Он не раздумывая, взял первый попавшийся зеленый рулон помеченный буквой «D», отметил в нем, что-то методом тыка, не иначе, и, изобразив глаз-улыбку, выдал:

— Команда номер семь, — как ни в чем не бывало, — я вижу, что вы рады снова меня видеть!

— Угу, — саркастически хмыкнул, — безумно рады! Вон даже Сакура изображает счастье на мордашке! А может и не изображает? Нет, судя по эмоциям, действительно радуется... Вот ведь больная...

Тем временем, Хатаке, не обращая внимание на лица, перекошенные радостью, продолжил, заглянув в карточку:

— Мма, наша следующая миссия... — перевернул бумагу, потому что держал вверх тормашками, — сбор лекарственных трав.

Он бы еще по слогам прочел... — фыркнул, а на задворках сознания, тем временем, что-то тревожно зашевелилось, но так и не оформившись в мысль, ускользнуло.

Мы быстро доскакали по крышам к кварталу заказчицы. Ею была Нанамисан, пожилая, да что там — древняя куноичи из клана Нара, ей наш каге в сыновья годился. Пришли. Получили корзинки с коробочками разными, какими-то ножичками и ножницами, а затем мы были посланы лесом... Точнее, в лес Нара. А чтобы мы знали, что именно собирать — выдали нам карточки с названием и изображением трав.

Заведя нас в какую-то глухомань, Какаши, усевшись на дерево с книжкой, лениво махнул ручкой, мол, седьмая команда, можете приступать к работе. Ребята только потянулись к растениям, как мне пришлось их остановить.

— Подождите! — я наконец вытащил на свет божий подлую мысль-беглянку. На меня недоуменно уставилось семь глаз. Забавно, семь глаз команды номер семь...

— Проблемы? — сверля меня взглядом, уточнил Какаши.

— Да, — повернулся к детворе. — Вы знаете, как и что нужно собирать?

— Да... — неуверенно начали было они, сверяясь с рисунком, но быстро затихли. Чучело молча, сидел на дереве, болтая ногой. Как маленький, ей-богу!

— Уверены? — дал я генинам еще один шанс.

— Нет, — неожиданно для меня, честно признался Наруто. — Но ведь это должно быть несложно, берешь траву и складываешь в коробку. Так ведь?

— Ясно. Саске-кун, Сакура-чан, вы что скажете?

— Пф, — высказывание Учихи, как всегда было «очень информативно».

— Эмм... Хмм... — промычала Сакура и вдруг заорала, — мы этого в Академии не изучали! — После чего обвиняюще вылупилась на меня. Собакин на дереве заржал, пацаны недоуменно переглянулись.

Вздохнув, я взял карточки и начал объяснять:

— Мы собираем сегодня вот эти травы: Лопух большой или репейник, — показал картинку, — корни его заготавливают осенью от растений первого года жизни, поэтому смотрите, чтобы он был не слишком высокий, — руками показал примерные размеры. Мальчишки покивали, а Харуно, насупившись, фыркнула: — Ясно. — А раз ясно, то выбрось из корзинки это дерево. И помните — нам только корни нужны.

Пробурчав что-то невразумительное, Сакура швырнула старый стебель в кусты, и, вклинившись между Саске и Наруто (поближе к Учихе), встала передо мной.

— Хорошо. Так... Еще мы собираем полынь горькую и плоды софоры. — Посмотрел в карточку. — И листья софоры тоже. Начнем с последнего.

— Почему? — спросил Наруто.

— За ними еще лезть в эти кусты. А они колючие.

— Потому что если мы сейчас начнем с полыни и лопухов, то испачкаемся в земле, потому что нам нужны корни, а пока у нас чистые руки лучше собрать софору, чтоб не пришлось потом Нанами-сан отмывать все от земли. Софора ядовита, так что будьте аккуратны и не вздумайте есть плоды — отравитесь.

Когда мы ободрали пару деревьев и сложили плоды в мешок, начались настоящие проблемы.

— Нет, Наруто, так траву вырывать не надо!.. Саске, стой! Вот горькая полынь и нам нужны только верхушки растения!.. Сакура, убери кунай и возьми ножик или серп! Или хотя бы секатор. Нет! На некотором расстоянии от почвы... Саске, чем ты слушал?! Не следует выдергивать лопух с корнем. Можно, но не нужно! Если выдергивать, то ты повредишь сырье... И не складывайте все в одну кучу!.. Нет, у репея нам нужны

только корни. Да, я знаю, Сакура, что он колючий и противный...
Наруто!..

Глядя на то, как я мечусь от одного ребенка к другому, Какаши только посмеивался.

— Да посмотрите же на инструкцию на другой стороне карточек! — ткнул пальцем. — Здесь и здесь!

Кое-что на карточке не было написано, и мне приходилось вспоминать травничество с курсов.

— ... Корни и корневища надо выкапывать лопаткой на расстоянии от стебля растения. На расстоянии! — вручил инструмент чумазой девочке.
— После чего их нужно отряхнуть или очистить от почвы и только потом класть в корзину. Иногда корешки промывают в холодной проточной воде. У нас воды рядом нет, так что наша задача — принести травы Нанами-сан, она сама со всем разберется. И еще кое-что, на будущее, — Сакура захныкала, а я сделал вид, что не заметил, — корни некоторых растений мыть в воде нельзя. Их очищают от земли, снимают ножом верхнюю кожицу и подсушивают, после чего отрезают надземные части, а иногда и боковые корешки. В период цветения растения выкапывать корни, корневища и клубни нельзя ни в коем случае! Ясно?

— Ха-а-ай, — убито протянула розововолосая.

Я рассказал и показал, как что собирать. Что можно делать, как правильно срезать, как складывать растения... Но дети все равно путались. Какого демона Какаши взял миссию, которую дети не могут нормально выполнить из-за недостаточных знаний — я терялся в догадках. Это же миссия для будущей команды ирьенинов, но явно не для нас... Может, Собакин посчитал, что нашей команде недостаточно неприязни из-за Наруто? Надо еще добавить раздражение на плохо сделанную работу? Или ему просто было настолько пофиг?

В общем, промучились мы долго, даже несмотря на то, что ребята собирали растения, а я их сортировал, обрезал и укладывал. Но, по крайней мере, мы справились с этой работой. Неожиданно для нас всех. И принесли не кучу помятого и кое-как выдрванного бурьяна, а почти

готовые ингредиенты для лекарств. Во всяком случае, заказчица была нами довольна.

Вечером предупредил Монтаро, что могу в скором времени свалить на миссию. Он показал мне комплекс упражнений для тренировок в походе. Последние несколько дней вечерами, после миссий и тренировок, я собирал аптечки, сухпайки, докупал кунаи, лески, бумагу и чернила для фуин... Подбирал литературу, которую можно было взять с собой. В общем, собирал все, что могло пригодиться в дороге, в бою и после него. Я собирал это все, когда Наруто не видел, а если он замечал чего, то я говорил, что подготовка никогда не бывает лишней. Чувствовал я, что вскоре с Торой мы повстречаемся вновь.

В четверг у башни каге нас догнал Паккун. И, не дав взять даже одну миссию, отдал бумагу с приказом: «Ожидать, если я, джонин-сенсей седьмой команды, Хатаке Какаши, не появлюсь вовремя. Число, подпись». Увы, это письменный приказ, и нам пришлось ждать Собакина. Но сам приказ я у Паккуна забрал. Лишним не будет.

Кроме того, в этот четверг я решил, что самое время рассказать Наруто о Кьюби, до похода в страну Волн. Потому что под утро я проснулся оттого, что кто-то скулил и стонал, как побитый щенок. Забеспокоившись, я пошел на звук. Как в бреду Наруто метался по постели, свалив все на пол. Испугавшись, я разбудил Наруто. Мальчик еще долго не мог прийти в себя, вздрагивал от каждого шороха, как дикий зверек. Поначалу я подумал, что это просто кошмар и попросил рассказать его, чтоб было не так страшно. Но уже на словах «темный сырой коридор» я понял, что Наруто приснился его биджу.

— Там всегда темно, — кутался Наруто в одеяло, будто оно могло его защитить, — и сыро. В темноте прячется что-то страшное. Иногда оно смеется, как гром. И...

Тогда я выяснил, что Кьюби снился Наруто уже не в первый раз. По-хорошему стоило рассказать ему о биджу, но я долгое время не решался. Да, даже не мог придумать, что сказать. Тянул я до последнего и лишь теперь, когда появился Тора, мне пришлось срочно искать слова. Мы ненадолго отправились на полигон Призраков, якобы для тренировки. Немного потренировались, а потом я попросил Наруто отвлечься.

— Наруто, присядь, пожалуйста, мне нужно кое-что тебе рассказать.

Наруто сел на пенек, а я около него на траву.

— Я хочу поговорить о твоих кошмарах... Это не совсем кошмар...

— нахмурился, почесав в затылке, подумал и решил начать издалека.

— Пообещай, что если тебя будут спрашивать, откуда ты это узнал, то ты будешь говорить, что... — помотал головой я. — Нет. Надеюсь, никто никогда этого у тебя не спросит!

— Почему, даттебайо? — вытаращился Узумаки, подавшись вперед.

— Сейчас поймешь, — развернул я на ладонях экран. — Это было давно. Тогда не было еще Конохи. Не было и Сенджу...

— Ни одного? — перебил меня Наруто, жадно всматриваясь в еще пустой монитор-но-дзютсу.

— Ни одного. Не родились еще. Напал на людей страшный зверь. Черный, как ночь, с одним огромным красным глазом и десятью хвостами.

— А он на шаринган похож, только закорючек... три, шесть... девять! — посчитал блондин.

— Да, похож. Не знали люди, как спастись от зверя, а победить его не могли. Это существо называли Джууби — Десятихвостым. И оно бы уничтожило весь мир, если бы не Рокуду — Святой Отшельник Шестых Путей, как прозвали его в веках. Он спас мир от Джууби и запечатал его внутри себя, став первым джинчурики...

В то время как Ирука рассказывал Наруто историю Десятихвостого, в другом конце Конохи Макуто заканчивал последние приготовления. Он стоял в своей комнате, застегивая сбрую поверх зеленой куртки. На поясе висел тати отца. Длинный клинок в простых черных ножнах. Макуто провел пальцами по рукояти, чувствуя холод металла. Меч был тяжелым — не для мальчика его возраста, но

Макуто привык. Он носил его внутри себя, в фуин-свитке, но сегодня достал заранее.

— Ты готов? — спросил он у своего отражения в мутном стекле окна.

Глаза в отражении ответили спокойным взглядом.

Он вышел в гостиную. Наруто уже ушел с Ирукой на полигон Призраков, и в квартире было тихо. Макуто надел сандалии, поправил пояс и вышел на улицу.

По дороге к дому Оды он встретил несколько патрульных шиноби. Они посмотрели на него, на меч, но ничего не сказали. Макуто шел не спеша, запоминая каждую улицу, каждый перекресток, каждый теневой угол. Он знал, что за ним следят — АНБУ, которые уже который день сопровождали его по городу. Но сегодня он чувствовал еще чей-то взгляд. Более тяжелый. Более внимательный.

«Данзо», — подумал Макуто.

Он не ошибался. В тени одного из домов, на противоположной стороне улицы, стоял мужчина в сером пальто. Руки скрещены на груди, лицо скрыто капюшоном. Макуто видел его краем глаза, но не обернулся. Он прошел мимо, как будто не заметил.

У дома Оды уже собирались зрители. Монтаро сидел на крыльце, опираясь на трость. Рядом с ним стоял невысокий парень с редкими усами — сын Такао, который тоже учился у старого самурая. Жена Оды, маленькая сухонькая женщина с вечно озабоченным лицом, вынесла на веранду поднос с чаем и пирожками.

— Ирука-сан и Наруто-кун еще не пришли? — спросил Макуто у Монтаро.

— Скоро будут, — ответил мастер тайдзюцу. — Я видел их на полигоне, когда они уходили. Ирука был какой-то мрачный.

Макуто кивнул и отошел к дереву. Он прислонился к стволу, закрыл глаза и начал дышать ровно, глубоко, отключая посторонние мысли. Ему нужно было быть собранным.

Ирука и Наруто появились через полчаса. Наруто, несмотря на недавний разговор о биджу, был возбужден и прыгал вокруг Ируки, пересказывая что-то о барьере и о том, как он его почти зарядил. Ирука шел молча, с каменным лицом. Увидев Макуто, он кивнул и встал рядом.

— Как ты? — спросил он.

— Нормально, — ответил Макуто.

Наруто подбежал к нему и схватил за рукав. — Макуто, ты победишь? — Посмотрим. — Ты должен победить!

Макуто ничего не ответил. Он посмотрел на дверь, из которой вышел Ода. Старый самурай был одет в темное кимоно, седые волосы собраны в пучок на затылке. В правой руке он держал свою длинную катану в черных ножнах. — Ты пришел, — сказал Ода, глядя на Макуто. — Я здесь, — ответил тот. — Хорошо. Проходи.

Макуто отклеился от дерева и шагнул в центр сада. Ода пошел следом, не спеша, опираясь на трость. Но когда он дошел до своего места, трость перешла в левую руку, правая сжалась на эфесе катаны, и старый самурай выпрямился, как струна. — Твой меч, — сказал он. Макуто вытащил тати. Лезвие блеснуло на солнце, и Наруто ахнул. — Какой длинный! — Молчи, — шикнула на него жена Оды. — Мешаешь.

Ода вышел на середину поляны. Монтаро, кряхтя, поднялся и встал сбоку. — Спарринг до первой крови, — сказал он. — Никаких техник. Только мечи и тело. Поняли? — Понял, — ответил Макуто. — Принял, — кивнул Ода.

Старый самурай не стал ждать. Он атаковал первым — быстрым, рубящим ударом сверху. Макуто блокировал, но блок получился слабым. Меч Оды был тяжелее, чем он ожидал, и удар пробил защиту, чиркнув по плечу. Кровь капнула на землю. — Первая кровь, — констатировал Ода, опуская клинок. — Я победил. — Нет, — сказал Макуто, сжимая рукоять тати. — Схватка только началась.

Он атаковал. Три удара за секунду — рубящий, колющий, рубящий снизу. Ода отразил их, отступил на шаг, прищурился. — Быстро. Но не точно. — Я учусь, — ответил Макуто.

Они обменялись еще дюжиной ударов. Макуто чувствовал, что его сил заметно меньше, чем у старого самурая, но его скорость была выше. Он кружил вокруг Оды, заходя с боку, сзади, сверху. Каждый удар был рассчитан на то, чтобы вынудить противника раскрыться. — Неплохо, — сказал Ода, когда они разошлись. — Твой отец учил тебя? — Да. — Макуто не опускал меч. — Но он умер. — Ты тоже умрешь, если не научишься защищаться. — Я не собираюсь умирать.

Они снова сцепились. На этот раз Ода атаковал всерьез — его клинок мелькал в воздухе, как молния. Макуто отступал, блокировал, отступал снова. Он пропустил удар корпусом — Ода ударил его рукоятью в грудь, отбросив к стене. — Хватит, — сказал Монтаро. — Нет, — Макуто встал, отряхнулся. — Еще. — Ты ранен, — заметил Ода. — Не смертельно.

Макуто поднял тати и встал в новую стойку — ноги шире, корпус ниже, лезвие на уровне глаз. Ода нахмурился. — Откуда такая стойка? — Сам придумал, — ответил Макуто.

Он атаковал. На этот раз он не пытался нанести удар — он провоцировал Оду на контратаку. Старый самурай поддался — его катана пошла на очередной рубящий удар. Макуто нырнул под клинок, ушел влево и нанес удар снизу. Клинок чиркнул по кимоно Оды на уровне бедра. — Кровь? — спросил Монтаро. — Нет, — ответил Ода, глядя на порез на рукаве. — Но близко. — Спарринг окончен, — сказал Монтаро. — Ничья.

Макуто опустил меч и выдохнул. Пот заливал глаза, руки дрожали. — Ты принят, — сказал Ода, убирая катану в ножны. — Приходи завтра в обычное время. — Спасибо, — ответил Макуто.

Он развернулся и пошел к выходу. Наруто кинулся ему на шею. — Ты молодец! — Не при всех, — буркнул Макуто, но отстранять его не стал.

Ирука подошел и положил руку ему на плечо. — Неплохо. — Я мог лучше, — ответил Макуто. — Сможешь. Завтра.

Они зашагали к выходу. Монтаро догнал их у калитки. — Макуто-кун, — сказал он. — Ты уверен, что этот меч — отцовский? — Да. — Он очень старый. Сделано в Стране Железа. Дорогой клинок. — Я знаю. — Береги его. Такие мечи не делают уже пятьдесят лет. — Я знаю, — повторил Макуто и вышел за ворота.

На обратном пути он молчал. Наруто тоже молчал, поглядывая на друга. Ирука думал о Кьюби, о Забузе, о Стране Волн. — Макуто, — вдруг спросил Наруто, — а ты боялся? — Да, — ответил тот. — Но нельзя показывать страх. — Это как? — Это когда идешь вперед, даже если ноги не слушаются.

Ирука усмехнулся. Похоже, парень был мудрее своего возраста.

Ночью, когда Наруто уже спал, Макуто сидел в кресле и чистил свой тати. Я прошел мимо, задержался в дверях. — Тот мужчина в сером... ты его заметил? — Да, — не поднимая головы. — Агент Данзо. — Я знаю. — Откуда? — Чувствую, — коротко ответил он и провел тряпкой по лезвию. — Он следит за мной уже несколько дней. — И что ты думаешь? — Я думаю, — Макуто поднял клинок и посмотрел на свет, — что я должен стать сильнее. Чтобы меня не убили, когда узнают, кто я на самом деле. Я хотел спросить, кто же он на самом деле, но передумал. Вместо этого я сказал: — У тебя получится. — Знаю, — ответил он и убрал меч в ножны.

За окном было темно. Только фонари у дороги бросали желтый свет на мокрый асфальт. Я думал о том, что этот молчаливый парень, который никогда не жаловался и не просил помощи, таил в себе больше, чем можно было предположить. И его присутствие в нашей команде было и благословением, и проклятьем одновременно. Но одно я знал точно — без него было бы сложнее. А с ним, возможно, мы все выживем.

Глава 20. А где братья-демоны? *(продолжение)*

Уже через полчаса мы стояли в зале для приема заказов у клиентов не из Конохи. Здесь было намного просторнее и богаче, можно даже сказать — шикарней, чем в приемной для «своих», где даже лавок не сколотили. А тут вон диванчики стояли, да два аквариума с золотыми рыбками для красоты, а еще большие окна протерли совсем недавно.

Макуто стоял чуть позади всей группы, прислонившись к стене. Он держал Тору на руках, и кошка, несмотря на свой злобный нрав, вдруг притихла, даже мурлыкала. Пальцы Макуто чесали её за ухом, и та щурила желтые глаза.

— Мой котеночек, Торочка-лапочка... пусечка-пупусечка... Открой глазоньки! Я так волновалась! — крутилась с котом полная женщина в фиолетовом платье, увешанная золотом, как елка гирляндами.

Макуто протянул Тору женщине. Та сначала хотела взять кошку сама, но Макуто не выпустил её из рук, пока женщина не успокоилась.

— Держите крепче, — сказал он. — И не кормите её валерьянкой. Она от неё буйная становится.

— Ах, откуда вы знаете? — удивилась Шиджими.

— Запах, — коротко ответил Макуто и отошел к окну.

Пьяный кот грузно поднялся, встал лапами на внушительный бюст госпожи Шиджими и со вкусом лизнул ее в наштукатуренную щеку.

— Пуся! — заулыбалась она и вдруг помрачнела. — Тора, чем от тебя пахнет?!

"Ой... щас за валерьянку огребем... — подумал я, наблюдая, как кошка мотал башкой и замысловато высывывал белый от пудры язык.

— Сая! — возмущенно позвала Шиджими служанку. — Ты представляешь, он опять где-то тухлятины наелся!

Облегченно вдохнув, я внезапно почувствовал вонь.

"Проклятье", — беззвучно простонал я, обнаружив зловонные пятна на жилете. Наруто, Сакура и Саске выглядели не лучше.

Макуто, стоявший у окна, отошел еще дальше и, по-моему, перестал дышать носом. Он вообще терпеть не мог резкие запахи.

Сжимая в пухлых руках блаженствующего Тору, Шиджими понеслась расплачиваться с чинушами, оставляя за собой душный шлейф какой-то цветочной дряни. Внушительная пачка пропала с глаз.

"Процент деревне, из оставшегося сорок процентов получает Какаши, «останки» пачки делим на четыре и получаем дырку от бублика!.. Я не буду матюгаться! Я не буду матюгаться даже мысленно! — фуф. — Вроде отпустило".

Макуто подошел ко мне.

— Ирука-сан, — тихо сказал он. — Я пойду на улицу. Мне нужно проветриться.

— Иди, — разрешил я. — Только к башне потом.

Он кивнул и вышел.

В общем, скрепя сердце, я не стал ничего говорить Наруто по поводу миссии вне Деревни. Так что сейчас я наблюдал, как Узумаки, сначала стараясь держаться в рамках приличия (каге чуть не помер раньше срока, подавившись трубкой), а потом уже с наездом потребовал по-настоящему серьезную миссию:

— Нам достаются самые паршивые задания! Достало! Хочу клевую миссию!!! — вытянувшись вперед и даже привстав на цыпочки, выкрикнул мальчик.

"И ведь я его прекрасно понимаю. И насчет самых паршивых заданий полностью согласен. Мда, любому надоест работать разнорабочим за гроши."

— Утихни, — лениво вякнул Какаши ПОСЛЕ того, как ударил Наруто по голове.

И не слабо ударил. Так, что мальчик оказался на полу. Помогая Узумаки подняться, я прошипел:

— Хатаке-сан, это дети должны с вас пример брать, а не наоборот.

— Что ты сказал, Ирука-кун? — выдохнул Сарутоби дым.

"Все ты слышал, Старый Бандерлог... ну ничего, и на тебя свой мудрый Каа найдется..."

— Ничего важного, Хокаге-сама, — и улыбка а-ля Наруто.

Макуто к тому времени уже вернулся и стоял в дверях кабинета, не заходя внутрь. Он смотрел на сцену с мрачным спокойствием. Каге было собрался рассказать про то, какие миссии получает Деревня, про ранги и все остальное, но блондин перебил:

— Я это все знаю! Я стал сильнее! Я уже не тот лентяй и хулиган, каким был!!!

Наруто обиженно отвернулся, а я мог наблюдать, как на сморщенной обезьяньей морде расплылась мерзопакостная улыбочка.

"Не нравится мне ваша лыба, дедушка. Ой не нравится..."

В груди будто сквозняк появился, когда я услышал от Хирузена:

— Хорошо. Я дам вам задание категории С.

"Началось..."

— А-а? — Наруто явно не ожидал, что старикан так быстро сдастся.

— Вы должны будете защитить одного человека, — попыхивая трубкой, продолжил старпер.

Встрепенувшись, мальчик завалил каге догадками по поводу личности охраняемого, да только все было мимо. Не принцесса, и уже тем более не дайме, ввалился в кабинет, распространяя отвратительный запах выпитого саке. Мне архитектор не понравился сразу. А уж когда он рот открыл, я сжал зубы, чтоб не высказать, что я думаю о таком «клиенте».

Макуто, который до этого стоял в дверях, сделал шаг назад, пропуская Тадзуну, и незаметно вышел в коридор. Он не хотел находиться рядом с пьяным стариком.

Тадзуна был скорее похож не на архитектора или инженера, а на типичного работягу, которому мало, по его мнению, платят. Я легко мог представить, как этот дедуля закладывает в кирпичную кладку куриное яйцо и вытирает загорелые руки с множеством светлых шрамов о клетчатые бриджи. Ну или об жилетку с непонятной полинявшей чебурашкой на воротнике. Конечно, я прекрасно понимал, что этот наряд был у деда парадным, вот только его портили: потертый рюкзак за спиной, треснутые очки, веревка на лбу и долгая дорога, из-за чего он стал скорее походным, чем торжественным.

— Что это за детский сад? А этот мелкий... — глотнул Тадзуна из бутылки, — точно шиноби? — и неуклюже прислонился к косяку, выставив на показ этикетку довольно дешевого пойла. Парочку таких бутылок я видел у Соры на полках. Маугли это sake никогда не брал, говоря, что может позволить себе купить что-то менее напоминающее воду из сточной канавы.

— Это кто тут мелкий? — не понял Узумаки.

"Мда. Встречают по одежке, а провожают по уму. Иногда — в последний путь.

На миссии D-ранга Наруто старался не надевать хорошую одежду. А его порядком потертый оранжевый комбинезон был самое оно — крепкий и если что — не жалко. Вот и сейчас Узумаки был в нем. А еще он был меньше всех ростом. К Саске дед привязаться не рискнул. Взрослые глаза на детском лице смотрятся жутковато. Устраивать нападки на девочку-шиноби он тоже не рискнул, потому что такое поведение могло вызвать болезненное для Тадзуны недовольство или самой темпераментной куноичи или ее сокомандников. Поэтому архитектор весьма ожидаемо пристал к Наруто."

"Понимание, страх, отчаянная надежда... — почувал я эмоции архитектора. — Сочувствую, но это не дает тебе, старый хрыч, никакого права унижать тех, кто будет тебя защищать! Так, теперь по пунктам: Понимание, хм, что

влип по самое не хочу? Оно самое. Страх понятен — жить всем хочется. А эта надежда вперемишку с отчаянием и если приплюсовать сюда придирки... Это что же получается, Тадзуна хочет, чтобы ему поменяли команду сопровождения? Ха! — покачал головой, усмехнувшись, — не, старик, других не дадут."

Несильно сжав плечо мальчика, чтоб он обратил на меня внимание и не кинулся на дедка:

— Клиент, — тихо сказал я мальчику, поднявшему на меня глаза. — Какой бы он ни был, он наш клиент.

— Убил бы, — буркнул Наруто, поняв, про кого говорил архитектор.

Я на это только невесело хмыкнул и взъерошил мальчишке волосы.

— Хн, — почуяв что-то интересное, Саске ухмыльнулся.

А архитектор хлебнул дешевого саке и, вытерев рот тыльной стороной ладони, сказал, что он супер-пупер архитектор, а потом добавил:

— Я супер-строитель мостов Тадзуна, и вы должны обеспечить мне супер-защиту, пока я не вернусь в свою страну и не построю супер-мост.

"Чувствую, что к концу этой миссии я возненавижу слово «супер»..." — сжал я зубы и постарался придать лицу нейтральное выражение.

Как только Третий уточнил детали задания, Какаши снова начал командовать:

— Хорошо, встретимся у Западных ворот через час, — сказал Собакин, стоя одной ногой на подоконнике.

"Час?! Да ты, бля, издеваешься!"

— Хатаке-сан, смею напомнить вам, — процедил предельно вежливый перевод своих мыслей, — что ваша команда генинов впервые идет на долговременную миссию за пределы Конохи.

Третий прислушался. Чучело недоуменно глянул на меня. Тадзуна икнул.

— Мма... Что вы хотели этим сказать, Ирука-сан?

У меня задергался глаз:

— То, что генинам нужно знать, что именно собрать на долговременную миссию. И даже если они все правильно помнят из уроков Академии, у них может просто не хватать необходимых вещей, — переведя дыхание, я повернулся к седьмой команде. — У вас есть все необходимое? — выделил я голосом слово «все».

Команда красноречиво замаялась. Макуто, который вышел из кабинета и снова зашел, когда разговор перешел к сборам, стоял в коридоре, прислонившись к стене. Он уже собрал все свои вещи еще вчера, зная, что миссия вот-вот начнется.

Я обернулся к Хатаке, который на корточках сидел в окне:

— Как видите, они не знают. И я уверен, что придется не только собираться, но и что-то покупать. Им на сборы нужно как минимум часа два. А лучше три, — и упрямо посмотрел на Какаши.

Изобразив улыбку глазом, Собакин попытался меня подколоть:

— Может, у вас тоже не все есть, Ирука-сан?

Это от Какаши потянуло раздражением, досадой и злостью? Да, больше не от кого. Но моя злость сильнее, ты собака такая, лишил меня и детвору возможности собраться и все перепроверить без спешки — это раз. И помыться после той помойки — это два!

— Я думаю не о себе, а о детях, — ответил я кривой улыбкой на любимую гримасу Чучела. — Нужды команды важнее нужд отдельного ее члена, — высокопарно продекларировал. — Хотя... — сделал вид, что задумался. — У вас ведь так давно не было своей команды, что вы, возможно, этого и не помните.

Какаши был в бешенстве, хоть по нему этого и не скажешь. Задел я его за живое.

Может, зря я ему так, по больному-то? — пришла запоздалая мысль, рожденная опасениями за целостность собственной шкуры. — Да еще перед Тадзуной... Вон и Третий неодобрительно головой качает. И все же сказать им нечего, потому что я кругом прав и действую строго в рамках

своих обязанностей! И не придеретесь, гады! ... Да, я «добрый»! — не мигая, посмотрел в глаз Хатаке, играли в гляделки. — Терпеть не могу, когда моим временем распоряжаются так бесполезно. Тадзуна мог и подождать, по нему видно, что он бы не отказался.

Моргнув, когда его окликнул Третий, Какаша фыркнул.

— У вас есть два часа, чтобы быть у Западных ворот. Не опаздывайте, — сухо бросил Хатаке и не прощаясь, ушел.

Бледный, как мел, Тадзуна, наблюдавший за этим спектаклем, громко сглотнул и залил свой вспыхнувший с новой силой страх мощным глотком саке.

"А вот изначально не надо было экономить, Тадзуна-строитель", — окинул я икающего деда тяжелым взглядом, мысленно проговаривая претензии. — "И подвергать риску жизни зеленых генинов. Тогда бы и у меня, и у вас нервы целее были".

После ванной настроение у меня чуть улучшилось. Я развеял клона, помогающего двум блондинам собираться, и заглянул в комнату.

Два часа — это совсем немного, когда собираешься на месяц, а то и на два. Тем более, когда при этом надо еще успеть помыться.

После того, как я огласил список того, что нужно взять на миссию (список нашел несколько дней назад в конспектах Ируки) Саске и Сакура побежали разбираться со своими вещами, а я помчался с Наруто домой.

Из своей каморки под крышей мальчик перетаскал довольно много вещей. Когда он искал нужное, я заприметил пару пачек лапши, заныканных в ящиках с разным хламом.

У меня и в 19 лет были такие же ящики с «сокровищами». И вроде не нужен весь этот хлам, а выкинуть жалко. Только я ныкал пачки с мармеладом, а Наруто лапшу.

— Не спеши. Спешка нужна при...

— Знаю, — немного обреченно сказали блондины хором. — Спешка нужна при ловле блох и при поносе.

Один из них задвинул под кровать часть вещей и развеялся.

— Давай я зачитывать список буду, — присел на корточки у порога, — а ты нужное на покрывало класть, чтобы проще было?

— Ага, — окинул Узумаки взглядом погром, в котором нужных вещей было немного.

Как я и предсказывал, у наследника клана Узумаки не было ничего. Ну, или почти ничего. Сухпайки? Не было. Аптечка? Выданная когда-то в Академии по «остаточному» принципу Ирукой, она была бесполезна, пластыри, бинты и обеззараживающая мазь — все это кончилось. А у остальных препаратов давным-давно истек срок годности... Судя по датам — еще когда их ему выдали и сразу после этого. Помянув тихим матерным словом предшественника, я продолжил помогать мальчику.

Одежда? С одеждой у него всегда было плохо. Универсальные противоядия, пилюли для восстановления чакры? Конечно же... Нет. И даже кунаев и сюрикенов было недостаточно. Единственное, чего было вдоволь — так это взрыв печатей, которых Наруто успел наделать клонами на полигоне, и свитков для запечатывания.

Макуто пришел за десять минут до выхода. Он был полностью собран: рюкзак за плечами, на поясе — его дешевый танто, за спиной — отцовский тати, завернутый в ткань. В руках он держал небольшой сверток.

— Что там? — спросил я.

— Еда, — ответил он. — Тэучи-сан передал. Сказал, что в дороге пригодится.

— Хорошо.

Вернувшиеся из аптеки и оружейной лавки клоны вывалили на диван недостающие вещи.

— Бери, здесь все по списку.

— Ирука, а как же ты?! — растерянно смотрел мальчик на вещи.

Я передал ему в руки несколько сухих пайков:

— Не беспокойся, тут на троих хватит.

— Но ты опять на свои деньги купил!

— И что теперь? — улыбнулся я. — Не возьмешь то, что тебе необходимо? Или снова попытаешься мне вернуть деньги? — глянул на часы. — Еще 10 минут и нам нужно выходить. Пойди на кухню, возьми пару свитков с готовой едой.

— Можно я блины запечатаю? — робко улыбнулся блондин.

— Нужно, — взъерошил ему еще чуть влажные волосы. — Только в темпе! И рюкзак захвати. Свалим все свитки туда, а разберем на первом же привале.

Макуто молча помог Наруто собрать свитки, утрамбовывая их в рюкзак. Когда все было готово, он закинул свой рюкзак на плечи и кивнул:

— Пора.

Мы вышли на улицу. Коноха провожала нас серым утром.

Глава 20. А где братья-демоны? (продолжение)

Мы еще не подошли к Главным воротам, так что я видел только проем в монументальном заборе под оранжевой крышей, похожий на бетонную раму для невзрачного пейзажа: дорога, по бокам деревья и на заднем плане какая-то гора. Справа к «раме» была присобачена будка — Конохское КПП.

Подойдя ближе я смог рассмотреть створки ворот: массивные деревянные щиты, покрашенные зеленой краской и с намалеванными красными иероглифами. Такие же щиты, только поменьше, были на остальных выходах из Деревни.

Поминутно оглядываясь на площадь, Саске и Сакуры еще не было, перед воротами я чувствовал, что меня немного трясет.

"Мандраж, наверное, — пожал плечами и глубоко вдохнул. — А ведь там за лесом начинается следующий этап истории. Где-то бродят Акацки, в пещере над Зетсу чахнет Мадара, Обито где-то шляется, джинчурики еще живые бродят..."

— Ирука! Привет!

Проморгавшись, я обернулся на звук. За столом в будке торчали улыбающиеся Котецу и Изумо. Маугли напомнил, как их звать, а до этого он долго ржал, когда я ляпнул: «Ну этот, всклокоченный дикобраз и в бандане тип».

— Привет-привет, — немного рассеяно отозвался я, — а что вы тут забыли?

Дикобраз и Эмо переглянулись и, грустно вздохнув, начали рассказ про то, как их несправедливо наказали. Я вежливо оборвал их и сказал:

— Ребят, вы извините, но нам сейчас уходить на месяц, а то и больше. А мне еще проверять, собрали генины все, что нужно, или нет. Так что пока.

Чуунины приуныли и, пожелав удачи, снова уселись, даже скорее улеглись на лавку так, что их стало не видно.

Макуто стоял чуть поодаль, прислонившись к столбу. На поясе у него висел его дешевый танто, за спиной — завернутый в ткань отцовский тати. Он смотрел на ворота и молчал. Котецу, заметив его, крикнул:

— Эй, Макуто-кун! Ты тоже уходишь?

— Да, — коротко ответил тот.

— Береги себя, — сказал Изумо. — Ируку не подводи.

Макуто кивнул и больше не проронил ни слова.

Какаши и Тадзуна еще не появились, когда подошли Саске и Сакура.

— Все собрали, ничего не забыли? — обратился я к ним.

По итогам проверки выяснилось, что у них было далеко не все (особенно у Сакуры), но в целом, ничего жизненно-важного они не забыли.

— Ладно. Времени на то, чтобы доукомплектоваться, у нас все равно нет. Надеюсь то, что вы забыли, вам не понадобится.

Сакура на это только тихонько заскулила.

"Боги, какая она слабонервная!"

Вскоре, вместе с Хатаке, подошел Тадзуна. Но запах перегара появился раньше самого архитектора.

В его голове была все та же каша из страхов, которые он по-прежнему заливал спиртным. По лицу было видно, что так напиваться ему не привычно. Выглядел старик потрепано: очки треснуты, из криво заштопанного рюкзака торчала початая бутылка, а сбоку висела погнутая фляжка.

Как он сюда живым-то сумел добраться? Сие тайна покрытая мраком... как-нибудь спрошу. Просто из любопытства.

Не останавливаясь, Какаши прошел мимо нас и вышел из деревни, пока его клон подписывал какие-то бумаги на КПП.

— Идемте. До заката мы должны добраться до гостиницы в Огава.

— Йиха! Выступаем! — запрыгал на месте Наруто, чтобы его волнение не было так видно. Заразил я его своим беспокойством.

— Чего так радуешься? — фыркнула Сакура и тут же зыркнула в сторону Саске, ища одобрения.

— Пф.

— Ну, я в первый раз покидаю селение так надолго, — не обращая внимания на тон Сакуры, по-дружески ответил Узумаки.

— Этот мелкий точно сможет меня защитить? — икнул дед, до задурманенного алкоголем мозга которого дошло, что генины впервые идут на миссию далеко за пределы деревни.

"Хочется взять и... напугать, чтоб не икал!"

Не успел Наруто выйти из себя, как я схватил его за шкурку.

— Тихо, — и в самое ухо шепотом, — не позорься. Этот бухлозавр того не стоит.

— Я джонин, — хихикнул Какаши. — Не волнуйтесь, я вас защищу...

Старик мазнул по мне мутным взглядом и приложился к бутылке.

— Как-как? — рассмеялся мальчишка, переспрашивая.

— Бухлозавр.

Если учесть, что я как-то раз упомянул динозавров, то Наруто меня понял. А остальные? Не поняли — тем лучше для них.

Макуто шел последним. Он нес самый тяжелый рюкзак — туда я положил часть общих припасов. Никто не предлагал помочь, и он не жаловался.

Я чувствовал дрожь, проходя через арку огромных ворот. Хотел еще немного оглядеться, но Наруто уже тянул меня за руку следом за Какаши и остальными.

Ни секунды покоя... Эх... С Богами... До свидания, Коноха. Надеюсь, еще свидимся. Высунувшись из будки, замахали чуунины.

— Счастливого пути, босс!

Тут Наруто отпустил мою руку и побежал обратно.

— Я обязательно вернусь! — крикнул он, обращаясь, наверное, к каменным мордам, мне их видно уже не было.

"И я тоже. ... Не зря же я столько мелочи в фонтан бросил", — улыбнулся этой мысли и мальчику.

— Вернешься. Пойдем, не то Тадзуна без нас уйдет.

Макуто оглянулся на ворота. Его лицо оставалось спокойным, но я заметил, как он чуть прищурился. Он что-то почувствовал. Или кого-то увидел. Но ничего не сказал.

Как все в манге было просто: вот команда номер семь стартовала из Конохи. И вот она уже в стране Волн. Как все замечательно! Вот только забыли в манге упомянуть, что расстояние от Конохагуре до Страны Волн было лишь немногим меньше пятисот километров, если переводить в привычные нормы измерения.

Нет, по прямой было бы ближе, наверное, где-то километров четыреста, может, чуть больше, все-таки страна Огня не такая большая, но... но где вы видели в средневековье прямые дороги? Вот-вот. И здесь их тоже не было. Дороги вели от одного населенного пункта к другому и старательно обходили все неровности и естественные препятствия... Петляя и заставляя идти дополнительные километры, чтобы заночевать под крышей, а не в чистом поле. И чтобы идти по какой-никакой, но дороге, а не продираться сквозь лес или не переть сквозь засеянные поля. А еще дедуле было прямо-таки необходимо зайти в разные города и поселки по пути и не совсем. Эти зигзаги нужны были, чтобы поговорить с одними нужными людьми (как правило, купцами и местными воротилами) занести письма другим (как правило, приказчиками купцов, принявших участие в финансировании строительства моста), заказать материалы или проверить качество уже заказанных... Так он говорил, показывая на карте извилистый серпантин, по которому нам предстояло пройти.

В общей сложности, по моим прикидкам, нам предстояло пройти чуть больше шестисот километров.

Путь казался невероятно длинным еще и благодаря, так сказать, весьма своеобразной, если не сказать хуже, личности нашего заказчика.

Тадзуна оказался еще более отвратительным, чем я думал! Он достал всех!

Еще до попадания в этот безумный мир я слышал, будто человек в походе может за день пройти до шестидесяти-семидесяти километров. Так вот Тадзуна был черепахой-инвалидом, и больше пятидесяти километров он осилить не мог. А чаще всего он проходил лишь чуть больше сорока. Нет, все понятно, немолодой человек, груз, злоупотребление sake, далеко не идеальные дороги... Но он нас тормозил. Ну, а поскольку он ни разу не прекрасная принцесса и даже не дайме, то тащить его на закорках желающих не было.

И еще ладно бы, если бы он нас просто тормозил своим медленным передвижением... Так нет же! Этот старый хрыч еще и был изрядным раздранителем. Чтобы скрыть свой страх, он лакал саке, от этого его мысли постоянно попадали на язык. Мне приходилось постоянно одергивать вспыльчивого Узумаки или чем-нибудь его отвлекать от мерзкого старикана. Но и это еще не все. Какаши тоже вносил лепту, периодически отпуская уничижительные, да что там — откровенно унижительные ремарки в мой адрес! Поначалу все было не так плохо, и я не обращал на Тадзуну и Собакина внимания. Но чем дальше, тем больше мое терпение истощалось. Так что отвлекая Наруто, временами сам чудом сохранял спокойствие.

Макуто иногда перебрасывался парой слов с Наруто, но в основном молчал. Он шел в хвосте, не отставая, но и не обгоняя. Я заметил, как он иногда присаживался на корточки, проводил рукой по земле, потом вставал и продолжал путь. Однажды Наруто спросил:

— Макуто, ты чего делаешь?

— Следы проверяю, — ответил тот.

— Зачем? За нами никто не следит. Какаши-сенсей сказал.

— Какаши-сенсей может ошибаться, — спокойно ответил Макуто и пошел дальше.

Начался весь этот цирк в первый же день! Изгадили мне настроение еще до вечера. Но и я в долгу не остался. Надо сказать, что я своим цоканьем серьезно достал Какаши, что было хоть и маленьким, но тем не менее, приятным бонусом изучения Дельфиньего свиста.

За прошедшую неделю я добился определенных результатов, и разобрался с первой, самой простой формой клановой способности Ируки, и теперь пытался видеть нечто большее, чем «силуэты» на близком расстоянии. Для этого я тщательно разобрался во взятой в библиотеке Умино технике Дельфиньего свиста.

Да, это было не слишком разумно — таскать ценную технику с собой на миссию, но я посчитал, что за время до столкновения с Забузой я смогу освоить ее.

Из полученных крохотных фрагментов памяти Ируки, много раз применявшего это дзютсу, я понял, что получилось оно у него далеко не сразу, слишком уж сложным было. Впрочем, он изучал его, еще когда были живы его родители...

Ну, а мне еще эту способность отрабатывать и отрабатывать. Ни радиус, ни четкость никуда не годятся. Будем работать.

Когда Тадзуна в первый же день нашего «похода» в очередной раз начал ныть про то, что они же совсем дети, неужели они и в правду могут справиться со взрослыми и сильными бандитами?..

— Успокойтесь, Тадзуна-сан, — сказал Какаши, — мы вас защитим. Даже если генины вместе с Ирукой не справятся с бандитами, вам ничего не грозит! Я смогу защитить вас от любой угрозы. И вам вообще повезло, что наша команда имеет расширенный состав... Просто Хокаге-сама не знал, куда его приткнуть, — злорадно произнес Какаша, — чтобы он приносил хоть какую-нибудь пользу...

"Детский садик «Сопелька»: А воспиталка его в угол поставила! А мне конфетку дала!" — примерно так эти подначки выглядели для меня.

Язвил Собакин довольно скучно и однообразно. Все пытался проехаться по моим навыкам, моей полезности для команды и боевой ценности, как шиноби, но разочаровывался все больше и больше — плевал я на его подколки с высокой колокольни! А некоторые меня просто смешили, как, например, его попытки проехаться по тем упражнениям «от Монтаро», которые я и Наруто делали на ходу и во время остановок. А вот архитектор меня раздражал...

Макуто иногда вставлял короткие замечания. Когда Тадзуна особенно настойчиво жаловался на медленный шаг, Макуто сказал:

— Тадзуна-сан, если устанете, я понесу ваш рюкзак.

Старик посмотрел на него с подозрением, но рюкзак не отдал.

— Сам донесу, — буркнул он.

Макуто пожал плечами и отошел.

Наблюдая за детьми, я снова и снова убеждался, что командной работой тут как не пахло, так и не пахнет. Каждый сам по себе. Какая может быть командная работа, когда друг с другом даже поговорить не о чем? Девочка надоедала Саске, тот ее не замечал. Наруто хоть и осторожно, но понемногу надоедал Сакуре, та его игнорировала. Какаши не обращал внимания вообще на всех, с тех пор, как понял, что мне по барабану его подначки.

Макуто держался особняком. Он не пытался подружиться с Саске или Сакурой, но и не избегал их. Просто делал свое дело.

Во вторую ночь мы заночевали под открытым небом; в спальниках под тентом, натянутым между деревьями. Надо сказать, это была одна из лучших ночевок на этой миссии. И даже то, что Какашка поставил меня в «собачью вахту», с полуночи до двух, не испортило мне настроения. Как и то, что определил 2 часа мне и по 1,5 часа всем остальным.

Макуто досталась последняя вахта — с четырех до рассвета. Он сидел у костра, подбросил веток и просто смотрел в темноту. Я, когда сменялся, спросил:

— Ничего?

— Ничего, — ответил он.

Но я заметил, как его пальцы сжались на рукояти танто. Он что-то чувствовал. Или ему только казалось.

Надо сказать, с охраной Какаши особенно не напрягался. Мы в стране Огня... За нами не следили, нет нужды беспокоиться, а в темноте искать непросто... Шиноби всегда должен быть наготове...

Смотря в звездное небо, я позволил себе тихонько мурлыкать под нос песенки. Уж больно настроение было хорошее. Тишина, прохлада и черная бездна над головой, усыпанная звездами. Какаши в мой профессионализм не верил, потому компанию мне составлял Паккун. Казалось, что он бессовестно дрых у меня на коленях, но на самом деле он чутко прислушивался ко всему, что происходит вокруг. А еще он был теплым и отлично грел мне ноги. Да и собеседник из пса был неплохой. Такая ночь кого угодно на философски-созерцательный лад настроит. А то

в Конохе было как-то не до того. Все бегом, все на ходу. Не до пейзажей было. Даже та первая экскурсия по Деревне с Наруто как-то особо не выделялась. А может, тому виной было постоянное чувство дежавю? Не знаю.

А тут ночь, с фонариком не считаешь, щелкать/свистеть — нельзя, вот и остается только время от времени сканировать местность на предмет появления новых эмоций, да разговаривать с собакой, и прислушиваться к шорохам сквозь дикий храп Тадзуны. Демаскирует, зараза.

Макуто сменил меня в два. Он сел на мое место, взял у костра несколько углей и бросил их в темноту, чтобы проверить, нет ли там кого.

— Ты чего? — спросил Наруто, который проснулся и выглянул из спальника.

— Ничего, — ответил Макуто. — Спи.

— Храпит, как Буч, — недовольно завозился Паккун, закрывая ушки лапами.

— Закон сей действует на нервы: храпящий засыпает первым, — потрогал пса за ухо.

— Ага. — Потянулся пес, — почешу еще спинку.

— Забавный ты, Паккун, — сказал, выполняя просьбу, — только на старика чем-то похож.

— Да, тут, повыше. Хорошо.

— Жаль у меня такой собаки нет, — посмеиваясь, сказал я.

— На контракт намекаешь? — напрягся мопс.

— Нет, — отмахнулся, я действительно на это не рассчитывал, — мне бы говорящую кошку или кота. Ты не обижайся, но мне кошки нравятся больше. Да и для собаки у меня дома места не найдется.

— Так мы не у Какаши-куна дома живем, а в своем мире, — флегматично выдал пес, поняв, что зря беспокоился.

— В своем мире? — раздался голос за спиной. — Это как?

— Привет, Наруто, — обернулся я. — Уже твоя очередь?

Мы еще немного поговорили о всякой ерунде втроем, но стоило псу уйти достаточно далеко от лагеря, чтобы проведать других четвероногих сторожей, как я попросил Узумаки подойти поближе.

Наруто слушал, открыв рот. Макуто тоже смотрел на меня, но его лицо оставалось спокойным.

— Наруто, — проверил, Паккун все еще был далеко, и судя по эмоциям, все спали — на миссии может всякое случиться. Так что я оформил завещание на тебя. Копия дома, в моей спальне, в первом ящике стола. Оригиналы у представителя дайме в Конохе, гражданского нотариуса и представителя банка. Запомнил?

Узумаки замер на месте, удивленно хлопая глазами.

"Шок, удивление, непонимание, обида..."

— Ирука-бака, что ты такое говоришь! — воскликнул было он, но я жестом заставил мальчика замолчать.

— Тише, перебудишь остальных.

Наруто стушевался.

— Ты пойми, на миссии любой из нас может погибнуть.

Он протестующе замотал головой, хотел что-то сказать, но посмотрев мне в глаза, отвел взгляд.

Макуто, сидевший у костра, не обернулся. Но я заметил, как его плечи напряглись. Он слушал.

Я слабо улыбнулся и продолжил:

— Если это случится, то я бы хотел, чтобы ты унаследовал все, что мне принадлежит. По закону, ты должен был бы получить все только после совершеннолетия, но я намеренно указал в завещании, чтобы ты получил

сразу все, в нашем случае это возможно, поскольку я единственный оставшийся из клана Умино.

Наруто втянул воздух носом и опустил голову еще ниже, сильно зажмурившись, что-то шепча под нос, как мантру.

— У тебя останется моя квартира и все, что в ней находится. Еще «Пестрая пиала»... И, пожалуйста, распорядись всем этим разумно, особенно, когда через год тебе станут доступны деньги с долговременного вклада.

— Ирука, пожалуйста, не говори так, — вдруг придушенно сказал Наруто, резко подняв на меня яростный взгляд. — Не смей так говорить! — и вдруг осекшись, добавил чуть слышно. — ...Будто скоро умрешь.

Я виновато отвел глаза:

— Нет, конечно.

— Ирука, — едва слышно, — ты единственный человек, который по-настоящему хорошо ко мне относится! Не нужны мне твои деньги! Ты... — голос у мальчика дрогнул, — ... Я не дам тебе умереть! — сжал Наруто кулаки и упрямо взглянул мне в глаза.

Я улыбнулся, но видимо получилось у меня не слишком ободряюще.

— Наруто, я не собираюсь умирать, но всякое может случиться. Я не хочу, чтобы мои деньги и наследство моего клана достались недостойным, поэтому... Если. Со мной. Все-таки. Что-то. Случится... То ты унаследуешь все. Пожалуйста, не спорь... Так надо.

— Ясно, — с трудом выдавил мальчик.

— Вот и хорошо, — сел я рядом и укутал его в свой плащ.

Макуто встал и отошел к деревьям, делая вид, что осматривает периметр. Но я знал — он уважал этот разговор.

— Ирука, — тихо всхлипывая и заикаясь, но не показывая лица, спросил Наруто, — а ты разве спать не идешь?

— Пока не хочется, — солгал я, приобняв Узумаки за плечо.

На самом деле я бы не смог заснуть. После такой «позитивной» новости оставить его одного было бы издевательством. К тому же дурная сенсорная эмпатия ни в какую не хотела притупляться и чьи-то «громкие» эмоции, не будем показывать пальцем на спальник не вовремя проснувшегося Саске, не дали бы мне заснуть. К эмоциональному фону Наруто я привык, а вот чувства других людей меня порой раздражали. Уж не знаю, что там глазастый надумал, но фонило от него весьма странно: сначала нервозностью, потом любопытством. А после моего разговора с Узумаки — удивлением, непониманием, неожиданным для источника эмоций уважением, обидой и наконец завистью.

С удивлением все понятно: Почему это Ирука-сенсей так опекает неудачника, да еще и завещание на него составил? Непонимание — это что-то вроде, почему именно так произошло, а вот неожиданное для источника эмоций уважение было странным, хотя, если подумать... Кем был Ирука? Воспитатель для детворы. Учил студентов базовым навыкам. По силам — всего лишь чуунин. А для повернутого на мести Саске чуунин — это слабак. Особенного уважения не вызывает — слабый слишком. А почему зауважал? Неужели из-за того, что я помогаю Наруто? Или, может, потому, что помогаю чужому для меня ребенку, никому в деревне особо не нужному? Кого-то это мне напоминает, в синей куртке и с веером на спине... А может, здесь что-то еще? Не знаю. Но если уважение у Учихи возникло из-за того, что я помогаю Узумаки, то понятно, откуда взялись обида и зависть: «Почему Ирука возится с неудачником-Наруто, а не с таким гениальным и красивым мной, которого все хвалили и ставили остальным в пример?»

Опять же, все понимаю, но... Саске мне жалко, как бывает жаль людей, про смерть которых рассказали по телевизору. Мимолетное сострадание, а потом ты об этом даже и не вспомнишь, конечно, если среди погибших не было знакомых.

— Ирука, ты спишь? — чуть успокоившись, спросил мальчик.

— Нет. Просто задумался.

— Ирука, а почему ты...

— Давай я в другой раз объясню?

— Угу, — невесело отозвался Наруто.

Утром мы свернули спальники и зашагали дальше.

Суббота, — зеваю украдкой. — Мы снова идем по дороге, вымощенной... нет, не желтым кирпичом, но камнем, что просто замечательно. Случайно большой луже здесь возникнуть неоткуда. Значит, можно немного расслабиться — засады здесь не будет.

Макуто шел сбоку от меня, иногда поглядывая в лес. Я спросил:

— Чувствуешь что-то?

— Нет, — ответил он. — Но на всякий случай.

Подозвав Наруто, я сказал, что вчера как-то не до того было, так что могу сказку рассказать сейчас.

— Здорово! — заулыбался он.

Надменное фырканье Саске и Сакуры прозвучало синхронно.

— Я слушать не заставляю, — усмехнулся. — Можете уши заткнуть.

Я прочистил горло и начал рассказ. Через некоторое время я понял, что меня слушает не только Наруто. Даже Какаши слушал, а не читал. Впрочем, книжка от него не убежит, а я точно не стану повторять специально для Чучела.

Макуто тоже слушал. Он шел чуть позади и не отвлекался.

— Ирука, а что дальше было? — окликнул меня Наруто.

— Элли шла уже несколько часов и устала, — продолжил я рассказ. — Она присела отдохнуть у голубой изгороди, за которой расстилось поле спелой пшеницы.

Около изгороди стоял длинный шест, на нем торчало соломенное чучело — отгонять птиц. Голова чучела была сделана из мешочка, набитого соломой, с нарисованными на нем глазами и ртом, так что получалось смешное человеческое лицо. Чучело было одето в поношенный голубой кафтан; кое-где из прорех кафтана торчала солома. На голове была старая

потертая шляпа, с которой были срезаны бубенчики, на ногах — старые голубые ботфорты, какие носили мужчины в этой стране. Чучело имело забавный и вместе с тем добродушный вид.

Дети одновременно покосились на Какаши, будто бы сравнивая. Хатаке тут же сделал вид, что увлечен книгой, а я — что не услышал гневное сопение.

— «Извини, Элли, — сказал Страшила, — но я, оказывается, ошибся. Мое самое заветное желание — получить мозги!»

— Мозги?! — переспросили дети.

"«Неинтересно»? Ну да, я так вам и поверил!"

— Да, — сиюсь не рассмеяться, подтвердил я. — Точно так же сказала и Элли.

Так мы и шли: я рассказывал, дети и Тадзуна — слушали, а Какаши, чье имя означало «Пугало», слушал и злился, считая, что Страшила — это он. В кои-то веки я был с Хатаке согласен, мозгов ему действительно не хватало.

Макуто не смеялся. Он просто шел и слушал. И иногда поглядывал на Какаши.

В остальном же дорога была скучна и однообразна. Завтрак, дорога, привал и перекус, снова дорога... повторять, пока не надоест.

Тоску скрашивало лишь общение с Наруто и чтение «разрешенных к выносу книг».

Воскресенье пролетело как-то незаметно. А вот вечером понедельника должна была показаться деревенька с гостиницей.

Макуто шел впереди, когда мы свернули на опушку. Он вдруг остановился и поднял руку.

— Что? — спросил я.

— Следы, — ответил он. — Недавние. Не наши.

Какаши подошел, посмотрел на землю.

— Мужчины, двое. Шли с той стороны. Ничего страшного, — сказал он и пошел дальше.

Макуто посмотрел на меня. Я пожал плечами. Но он запомнил.

Шагая впереди нас, Какаши тоненько хихикал, в общем, был не с нами. Про архитектора лучше и не вспоминать. Тот мог бы упиться насмерть таким количеством саке, но каким-то чудом все еще «радовал» нас своим присутствием.

Когда Тадзуна зашвырнул очередную бутылку в кусты, а затем полез за следующей, недавно купленной в какой-то придорожной забегаловке, я не выдержал:

— Тадзуна-сан. В вашем возрасте вредно столько пить.

Старикан демонстративно откупорил последнюю бутылку зубами:

— Тебе какое дело?

Для тонкого нюха шиноби запах перегара архитектора был, как газовая атака. Девочка закашлялась, Учиха выпучил глаза и украдкой задышал ртом, Наруто начал усиленно нюхать ворот рыжего ужаса. У мальчика было несколько оранжевых костюмов, они отличались друг от друга не сильно, да и покупались, будто на вырост, потому что рукава и штанины мальчику приходилось подворачивать.

Макуто отошел подальше и дышал в сторону. Он ненавидел запах перегара.

— Ты мне угрожаешь?! — неожиданно сказал старик.

Какаши прислушался, заложив книгу пальцем.

— Ни в коем случае! — прогундосил я, скривившись и зажав нос пальцами. — Просто нам будет очень обидно возвращаться с полдороги, если вы сами себя отравите.

Клиент фыркнул и демонстративно отхлебнул.

А чуть погодя, я даже забыть успел про старикана, видимо, вспомнив, что говорил Какаши, Тадзуна бесцеремонно вякнул:

— Эй, ты. ... Я к тебе обращаюсь, хвостатый, — окликнул меня мостостроитель.

"Что? "Курама, в натуре, побазарим", так что ли?! Явно ведь намекает на мои волосы, собранные в хвост. Совсем оборзел, старый козел..."

Хотел было наорать на старпера, но придумал вариант получше.

— Тадзуна-сан, белочка пришла, да? — поинтересовался я с ехидно-участливой ухмылкой, отвлекаясь от свитка, что читал на ходу и пересказывал Наруто. — Ая-я-йя, — деланно расстроено покачал головой.

— Какая белочка? — так удивился архитектор, что даже промазал бутылкой воды мимо рта. Саке у него кончилось еще часа полтора назад.

— Ну как, какая? — изобразил я удивление. — Белая горячка. — Ловко распечатал из свитка и открыл медицинский дополненный справочник.

"Так, — провел пальцем, ища нужное, — есть, мудреное чисто ирьенинское название, латынь отдыхает! Гы".

Я кашлянул, прочистив горло и зачитал с выражением:

— Белая горячка — алкогольный психоз, протекающий в форме галлюцинаторного помрачнения сознания с преобладанием истинных зрительных галлюцинаций, бредовых расстройств, изменчивого аффекта, сопровождаемого двигательным возбуждением и сохранностью самосознания.

— Что? — смотрел на меня дед, как баран на новые ворота. Детвора тоже удивилась, хотя Наруто больше притворялся, чем удивлялся. Он-то знал, какая иногда язвительная тварь во мне просыпается. К примеру, некоторые бабки на рынке с недавних пор старались обходить меня десятой дорогой.

Макуто подошел ближе и тихо сказал:

— Ирука-сан, вы правы. Ему нужно меньше пить.

— Видишь, даже Макуто со мной согласен, — усмехнулся я.

Я повторил еще раз, расплывшись в еще более приторной улыбке, Тадзуна посмотрел на меня и бочком-бочком отошел ближе к конохскому Страшиле.

— Кстати, — весело, — Хатаке-сан, характерной чертой алкогольной горячки является то, что она редко развивается на фоне опьянения, обычно же его развитие на вторые-пятые сутки после резкой отмены привычного приема алкоголя. Так что я всерьез обеспокоен возможной необходимостью защищать Тадзуну-сана от него самого.

"Уж я его так защищу, так защищу..."

Уже двое офигевших переваривали то, что я сказал.

— Мма... вы противоречите сами себе, Ирука-сан, — переварил таки Собакин мой монолог.

— Чем же?

— Говорите, что пить вредно, но при этом утверждаете, что отказ от спиртного может вызвать, мма... — стал вспоминать слово джонин, — алкогольную горячку.

— Резкий отказ от спиртного, Хатаке-сан. Ключевое слово «резкий». Постепенное уменьшение градуса, до полного отказа — это выход.

Загрузил я деда, тот даже шаг прибавил, наверное, торопился снизить градус.

Так что уже после заката мы вошли в небольшую деревеньку, имевшую свои горячие термальные источники. Называлась она Горячий камень. Но еще ее называли Онсэн. Вообще, онсеном называли не только сами горячие источники, но и сопутствующую им инфраструктуру: постоянные дома, рестораны, и прочую ерунду расположенную вблизи источника. Пока Тадзуна искал с Какаши поставщика материалов для своего моста, я, дети и Паккун были отправлены искать гостиницу, комнату в которой для нас снял старик. Я уже было хотел помыться и на боковую, но обнаружил, что это можно было сделать только в предбаннике перед большим искусственным бассейном позади гостиницы. По идее мы должны были

тщательно вымыться, а потом пойти сидеть в этой гигантской горячей луже с другими постояльцами, но моя брезгливость была против, даже несмотря на то, что мытье перед бассейном обязательно для всех. Но моим планам помыться и пропустить отмокание в общей луже не суждено было сбыться. Наруто потащил меня дальше, а мне было неудобно сказать при Саске и других людях, что я брезгую сидеть с ними в одном бассейне. Только репутации высокомерного сноба мне и не хватало для полного счастья. В общем, подавив тяжкий вздох, я завалился вместе с остальными в пропахшую тухлыми яйцами воду. Общий бассейн был забит самыми разными людьми: два полноватых господина пили за плавающим подносом, как за столом, рядом носилась четырех или пятилетняя девочка, размахивая полотенцем, а ее отец, краснея и бледнея, пытался отобрать несчастную тряпочку. Небольшое полотенце играло роль фигового листка. Правда в воду нужно было залезать без него. Радовало только то, что водичка мутная была.

"Местные, как я посмотрю, не особо заморачиваются по поводу наготы, — вздохнул я и порадовался еще, что онсэн не совмещенный. — Но я бы, все-таки, предпочел обычный бассейн этой вонючей луже и плавки — полотенцу".

Макуто не пошел в общий бассейн. Он сказал, что будет караулить вещи, и остался в номере. Я не настаивал.

— Ирука-сенсей, а вы что, правда служили в АНБУ?

Поначалу я не понял, кто это вообще меня спросил, а потом дошло, что это выдал... Саске!

Удивившись, я на автомате кивнул. А Наруто, точно это у него эта дурацкая завитушка на предплечье, сказал:

— Разве непонятно, бака*, для красоты такие татуировки не делают.

— Ты, — Указал на Наруто, — не обзывайся и оба — тихо. Вам двоим не кажется, что онсэн — это не место для таких разговоров?

Узумаки, обидевшись, сполз глубже в воду и стал пускать ртом пузыри, а Саске хмыкнул, точно я отругал только одного Наруто.

Но не успел я сказать блондину не булькать этой водой, как заявились Тадзуна с Какаши. Вот уж с кем делить одну лужу мне было противно. Тадзуна и тут не расставался с бутылкой. А Какаши с паранойей, или из-за чего он там маску носит. Вместо маски Чучело повязал голубое полотенце с рисунком из следов коричневых собачьих лапок. А может и не рисунком. В любом случае, смотрелось это глупо и вызывало у меня испанский стыд.

Уже оказавшись в предбаннике, я стал вдумчиво тереть себя мыльной мочалкой. Запах был несильный, но о-очень противный.

Во-первых, мне общество этих двоих успело насточертеть... —
принюхался, — еще и воняет. А во-вторых...

— Ирука, так надо, еще и после онсен мыться?

— Ну, если ты хочешь, чтоб от тебя воняло тухлятиной, — весело ответил я, — можешь не мыться.

— Ааа, — протянул Наруто смотря на свою уже намыленную мочалку. —
Понятно.

Про мыльно-рыльные принадлежности, шампунь, мыло, я позабыл, и их пришлось покупать уже тут. Как и юкаты. Юкатой назывался хлопчатобумажный халат по типу кимоно без подкладки, их-то мы и надели. Если бы не оговорка какой-то женщины у самых ворот гостиницы, что она забыла юкату и что пойдет ее купить, я бы оделся просто в чистую одежду. А тут так не принято. Вот еще одна странность юката буквально означало одежду для ванны, но тем не менее их носили во время праздников, а еще в них спали! Пошел на праздник, скинул тапки-гэта и заглянул в онсэн, а потом, в этой же юкате, лег спать. На самом деле для этого нужны были три разных юкаты, но сам факт того, что один тип одежды на все случаи жизни, меня смущал.

Забрав из ящика рыжий костюм, тренировочную сбрую, и положенный, вообще-то, только чуунинам бронежилет, подобие которого мелькало у Наруто в аниме, мальчик, как и я, запечатал все вещи в свиток. Откуда бронежилет или его подобие в каноне были у Наруто — неизвестно, а здесь его купил я, оформив заявку на себя.

Вообще-то это было нарушением, чуунинский бронежилет был штучкой не только не дешевой, но еще и показателем статуса. Нет, это был не форменный тканевый жилет зеленого цвета с красным водоворотом на спине, но и такой бронежилет генинам не давали. Как не давали им вообще что-либо ценное — начиная от снаряжения и кончая знаниями. Молодежи не давали возможность приобрести более-менее нормальную броню, к примеру — чуунинские жилеты скрытого ношения. Форму бы им в любом случае не дали. С оружием была та же беда. Чтобы иметь кунаи из чакропроводящего материала, я уже даже не заикаюсь про танто, катаны и вакидзаси, нужно было быть клановым и все это добро получить от родни. Начинаям шиноби не доверяли печатей и местных радиопередатчиков, не доверяли секретов, не давали доступа к более-менее серьезным знаниям.

Но я не хотел, чтобы эта дедовщина помешала мне максимально экипировать Узумаки, так что я просто оформил бронежилет на себя и дал торгашу взятку за риск, ну и за молчание. А ушлый торговец еще умудрился продать мне к снаряжению запасные ремешки и сетчатую безрукавку. Или как я в шутку ее называл: шинобскую кольчугу. Впрочем, если пускать по ней чакру, то она действительно была способна дать некоторую защиту. Правда, торгаш скидку дал, да только вместе с взяткой, той скидки и не видно было.

После горячей воды идти куда-то ужасно не хотелось, поэтому я отправил мальчика в номер и поплелся заказать нам ужин. Трогать запечатанную еду было бы неразумно, хотя идея была заманчивой.

Не успел я дойти до ресторана, как мне попытались подсунуть девушку легкого поведения. Или она по своей инициативе прилипнуть пыталась. Не знаю. Но от положившей мне руку на плечо женщины потянуло такой алчностью и жадой наживы, что мне как-то даже не по себе стало. В общем, мне все это не понравилось и я ее вежливо отшил, хотя, вроде, она и симпатичная была. Заказал всего понемногу и на всякий случай по маленькой чашке рамена, чтоб не остаться голодными, если из заказанного понравится не все. Выслушав заказ, официант обещал принести его через полчаса.

Вернувшись в номер, я увидел, что Макуто сидит на татами и начищает свой тати до зеркального блеска. Наруто, который уже успел переодеться, крутился рядом и пытался помочь — подавал тряпки.

— Осторожнее, — сказал Макуто. — Лезвие острое.

— Я знаю, — ответил Наруто и, как ни странно, действительно был аккуратен.

Мы поели аккуратно до того, как все остальные вернулись в номер, я предполагал, что кормить нас Тадзуна будет скромно, но даже не думал, что настолько скромно. Если судить по сервировке стола, то у гражданина архитектора в роду были чистокровные евреи и чистопородные гномы.

Вообще миссии-сопровождения предполагают, что кормиться мы должны за счет клиента... Если иного не сказано в контракте. Но не в нашем. Как там нам сказал, гнусно улыбаясь, Третий? В пути шиноби, настоящий шиноби, должен уметь себя прокормить... Так что Тадзуна должен был обеспечивать нас едой только на остановках в населенных пунктах и на месте строительства моста. Впрочем, я так думаю, что мы немного потеряли, потому что ужин который заказал для нас Тадзуна был более чем скромный. Впрочем, Саске и Какаши не стали жмотиться и заказали себе поесть. Сакура очень удобно для строителя решила посидеть на диете. На миссии, ага... Какой идиот ее учил...

Совсем забыл, Ирука и учил...

Макуто не стал заказывать дополнительную еду. Он съел то, что дали, и выпил чай.

— Ты не голоден? — спросил я.

— Нормально, — ответил он. — У меня есть свои запасы.

Запечатанный свиток с едой лежал в его рюкзаке. Я видел.

Всю ночь Сакура и Тадзуна мешали нам спать. Одна — урчанием, второй — диким храпом.

Дед, кстати говоря, и тут сэкономил: один номер на шестерых, а я-то, наивный, до последнего считал, что ошибся, пока за всеми «дверями» не

обнаружились шкафы для постельных принадлежностей. Но звуки — это полбеда, а вот запахи... Я очень рад, что я не Инузука. Распаренная полувековая тушка пропитанная спиртом — это непередаваемая вонь!

Макуто спал у двери, положив рядом тати. Он не храпел, не ворочался. Просто лежал с закрытыми глазами, и я знал — он не спит. Он ждал.

Утро было далеко не добрым.

Кроме Хатаке, и Тадзуны все остальные были явно не совсем в своей тарелке. Зевали безостановочно. Так же Тадзуна за компанию зевал. Да, зевота — она заразная.

Макуто проснулся раньше всех. Я вышел в коридор и застал его уже одетым. Он стоял у окна и смотрел на улицу.

— Не спится? — спросил я.

— Думаю, — ответил он.

— О чем?

— О том, что скоро будет бой. Настоящий.

Я не стал спрашивать, откуда он знает. Он чувствовал.

Так прошел день, потом еще один...

Потому я не сразу понял, что невыспавшаяся после очередной ночи в придорожной гостинице Сакура, наверное, чтобы не заснуть на ходу, завела тот самый разговор про шиноби из Страны Волн.

"Стоп, уже Страна Волн? Хотя почему «уже»? Мы ведь уже двенадцатый день топаем..."

— Нет, Сакура, — с долей недовольства сказал Какаши, — В Стране Волн нет шиноби, но во многих других — есть. Для большинства стран континента наличие скрытых селений означает наличие военной силы. С помощью ниндзя поддерживается мировой баланс сил. Селения не подчиняются дайме, но и не вмешиваются в управление страной. Маленькое государство, такое, как Страна Волн, почти не интересуется крупными державами, и по тому не нуждается в селении шиноби. Селения

Скрытого Листа, Песка, Тумана, Облака и Камня особенно сильны, поэтому страны, в которых они находятся, называют Пятью Великими Странами Шиноби. Только правители этих селений могут носить титул Каге. Пятеро Каге: Хокаге, Казекаге, Мизукаге, Райкаге, и Цучикаге правят тысячами ниндзя, живущими по всему миру.

— Ух ты! Хокаге-сама лучше всех! — наиграно-восторженно воскликнула Сакура. Да и остальным как-то не очень верилось, что конохский замшелый старикан так силен.

— Похоже, ты не веришь в наш Хокаге... — сказал Какаши, пригладив розовую макушку удивленной и чуточку напуганной надоеды. Ведь сначала она доставала старика, а уже потом стала докапываться до Хатаке.

— Ладно, не волнуйся, на этом задании нам другие шиноби не встретятся, — успокоил Сакуру Какаши.

— Предполагай худшее, — буркнул я, лихорадочно сканируя окружающее пространство на предмет эмоций.

Поблизости ничего... И луж тоже нет. Странно это. Может, дальше будут?

— А вам, детки, разве в академии этого не рассказывали? — сказал с подковыркой, явно ухмыляющийся Какаши.

"Мое терпение небезгранично, — глубоко вдохнул я, успокаиваясь, — еще немного, и после боя с Забузой кто-то рискует быть добитым! Впрочем, сейчас не время собачиться с Хатаке".

Макуто остановился и присел. Он провел рукой по земле, потом понюхал пальцы.

— Что там? — спросил я.

— Кровь, — ответил он. — Старая. Но была драка.

Какаши обернулся.

— Где? — спросил он.

— Там, — Макуто показал в сторону леса. — Метров пятьдесят.

Какаши подошел, осмотрел место. Потом вернулся.

— Ничего страшного. Идем дальше.

Но я заметил, как он теперь чаще поглядывал по сторонам.

— Наруто, — внимательно посмотрел я на мальчика. — Если на нас нападут, используй все свои навыки. Наши жизни зависят от этого.

Узумаки на пару секунд задержался взглядом на моем лице, потом кивнул и серьезно сказал:

— Предполагай худшее, надеясь на лучшее, — процитировал мои слова Наруто. — Ирука, я не буду сдерживаться.

Макуто встал и отряхнул штаны.

— Я тоже, — сказал он.

Какаши тоненько захихикал под скептическое фырканье Саске. И только Сакура нас не услышала. А то бы наверное заржала, как лошадь. До нее до сих пор не дошло, что слабое звено — это она сама, а не Наруто.

Через несколько часов вдоль дороги появились небольшие лужи. Казалось, тут только недавно прошел короткий ливень. Но, пока мы проходили мимо них, никаких эмоций я не ощущал. А вот из мелкого болотца сбоку от дороги, лужей ее уже сложно было назвать, потянуло нетерпением и жаждой крови. Но мы продолжили шагать. Я поцокал, определяя примерное расположение засады. Вода глушила мой уже почти ультразвук, но от всех луж что-то, да отражалось, только не от самой большой. Да и рябь по воде расходилась будто с запозданием.

Макуто смотрел на ту же лужу. Он тоже что-то почувствовал.

Какаши тоже что-то почуял, но ничего не предпринял. Поморщившись, я незаметно достал, как раз на такой случай приберегаемые, кунаи с тремя усиленными взрывными печатями на каждом. Затем еще пару раз цокнул, перепроверяя, после этого не обращая внимания на удивленного Тадзуну, швырнул сразу четыре куная, на которых было двенадцать печатей, в лужу. Кунаи с бумажными обмотками нырнули под воду, а затем гладь воды вздулась, и грохнул взрыв...

"Ого, хорошо рвануло!" — чуть не захлопал я в ладоши, почуяв чужой ужас.

Один вражина, спасаясь от взрывов, попытался отпрыгнуть от нас, но кубарем полетел по дороге оставляя за собой борозду в грязи и лужах.

— Ой-йой, — пришлось мне спешно складывать печати.

"Не-не-не... Врешь, не уйдешь! — спустил я технику. — Кто не успел, тот опоздал!"

Двое других, наоборот, вылетели к нам с короткими клинками наперевес.

"Их трое?!" — удивленный, я на миг оглянулся, но Хатаке позади уже не было.

— Бой! — гаркнул я застывшему Узумаки.

Макуто не стал ждать команды. Он выхватил тати из-за спины и шагнул навстречу ближайшему противнику. Его движения были быстрыми и точными. Он не кричал, не размахивал мечом — он просто рубил. Первый удар пришелся по клинку врага, второй — по корпусу. Шиноби отшатнулся, но Макуто не дал ему времени. Третий удар — и противник упал, зажимая рану на руке.

Макуто отступил на шаг, перехватил тати и спокойно сказал:

— Еще есть.

Взрыв явно не прошел для вражеских шиноби даром. Их движения были неуверенными и заторможенными. Пока они полностью не пришли в себя, я еще раз ударил Водным Быком по левому от меня. Опомнившись, Наруто создал тучу клонов и они без приказа рванули в бой. Бесстрашные дубли гибли один за одним, но здорово мешали врагам собраться. А тут и Саске подоспел, он метнул десяток или больше кунаев в обоих шиноби. Не все, но большая часть железа была отбита или попала в дубли Наруто.

Мир сузился до размеров ринга. Вот — ты, вот враг и больше ничего.

Шиноби, которого я атаковал дзютсу был сильно потрепан: порванная амуниция, кровь из порезов и ушей, красные от полопавшихся сосудов

глаза, более неуверенные движения, чем у второго. Ему явно взрывом досталось сильнее, чем другим.

Но он отбил и вторую волну кунаев, брошенных Учихой, а вот один все же вонзился ему в грудь, хоть и не глубоко...

Макуто между тем сражался со своим противником. Я видел, как он уходит от удара, как кружится, как наносит рубящий удар снизу. Его противник был опытнее, но Макуто был быстрее. Он использовал свой небольшой рост и скорость, чтобы заходить с неудобных углов.

— Макуто, слева! — крикнул Наруто.

Макуто уклонился и рубанул по выставленному клинку. Раздался звон металла, и враг отступил.

Получив удар моей техникой, дождевик кувырком отлетел обратно в воду. Второй, чуть повыше, справа от меня, тоже отбил парочку кунаев, да только за третьим не успел и кусок стали вонзился в плечо, вызывая болезненное шипение и волну КИ*.

У Саске закончились кунаи и он начал метать сюрикены, но враг замысловато вертнул кистью и с металлическим звоном они отлетели от клинка.

Макуто отступил к Наруто. Он тяжело дышал, но держался ровно. На его щеке была царапина, но он не обращал на нее внимания.

— Сделаем «Клин»? — спросил он у меня.

— Давай, — ответил я.

Я быстро сложил печать для еще одного Быка и крикнул Наруто кодовое слово «Клин», а он и его клоны, очень вовремя закончили складывать последнюю печать Порыва ветра. Макуто добавил свой ветер. Клин воды получился на загляденье. Он ударил в оставшихся двух противников, снес их с ног и отбросил в грязь. Один из них не поднялся. Второй попытался встать, но Макуто уже был рядом. Он приставил тати к его горлу.

— Лежать.

Шиноби замер.

После техники я бросил туда, где ощущались эмоции, еще четыре куная, и снова с тремя взрыв тегами на каждом. Выбравшийся из воды взрывом был выброшен на дорогу. И больше признаков жизни он не подавал.

— Кагеро, Акира! — завопил третий поджидавший нас шиноби. — Убью-ю!

Вспомнивший о своих обязанностях Какаши вынесся наперерез крикуну и вырубил дождевика одним ударом. Когда тот осел на землю, Какаши недоуменно пробормотал что-то вроде: не клон. Но я мог и ошибиться. Хотя в эмоциях Собакина точно было удивление.

Макуто убрал тати в ножны и отошел к Наруто. Он молчал, но я видел, как его руки дрожат. От напряжения, не от страха.

С облегчением вздохнув, я оглянулся, вспомнив о Сакуре. Замершая с кунаем розововолосая, по-прежнему стояла позади всех, изображая крутую защитницу. Мда, так и простояла весь бой. Хотя по уставу, должна была, охраняя клиента, принять участие в отражении атаки, дистанционно поддерживая товарищей с помощью нин или гендзюцу, атак метательных оружием или «иным возможным способом».

Победа не вызвала эйфории, было какое-то опустошение и много нецензурщины в мыслях. Ведь эта троица совсем не была похожа на братьев-демонов. Впрочем, и чувства вины тоже не было. Я сражался с профессиональными убийцами, что хотели убить меня, троих детей и старика-гражданского, на которого надеется целая страна, пусть и крошечная. Но перед тем, как допрашивать двух выживших пленных, я задал мучавший меня вопрос:

— Хатаке — сан, хочу вас кое о чем спросить.

— Ммм? — лениво покосился на меня Собакин.

— Когда вы почувствовали засаду?

— Раньше, чем вы бросили свои кунай, — самодовольно сказал Хатаке. — Хмм... не забывайте, что я — элитный джонин.

Нашел чем мериться. Да и время выбрал неудачное.

— Тогда почему вы не предупредили команду? — нет, я правда не понимал его мотивов. Мы же шли напрямиком в ловушку.

— Мма... — протянул Какаши, — я хотел проверить, на кого они нападут. Я должен был быть уверен, что точно знаю, кто является их целью.

— А если бы мы подошли слишком близко и эти шиноби смогли атаковать вверенных нам генинов? — удивленно спросил я.

Макуто подошел и встал рядом. Он молчал, но я чувствовал его поддержку.

Какаши изобразил глаз-улыбку:

— Ну тогда бы они продемонстрировали мне свои навыки и поучаствовали в своем первом бою.

Это меня взбесило, и с трудом проглотив рвавшиеся наружу маты, я посмотрел на Хатаке, как на идиота.

— Хатаке... — сан, — челюсть немного дрожала, получалось, что когда я говорил, стучал зубами, — я правильно понял: вы собирались рисковать жизнями зеленых генинов, чтобы узнать, на кого охотятся шиноби, сидящие в засаде? Так? — Зажал верхнюю губу зубами, чтоб не дергалась, как у зверя.

— Эти генины — больше не дети у вас в Академии, Умино-сан, — высокопарно выдал Собакин: — Теперь они мои солдаты! И если я посчитал риск приемлемым, значит, не вам ставить под вопрос мои действия, — уставился, не мигая.

Макуто шагнул вперед.

— Какаши-сан, — сказал он. — Вы могли предупредить. Мы быстрее справились бы. И никто бы не пострадал.

Какаши посмотрел на него. На мгновение его глаз сузился. Но ничего не сказал.

Тупая псина. Ну вот что мне ответить на твою дурость? Что атакуй внезапно из засады чуунин, и два джонина, у детей не было бы ни единого шанса? Даже если бы ты успел произвести замену и поспешить на помощь своей команде? Или что ты поступаешь как круглый идиот, устраивая такие тесты не на бандитах в контролируемом окружении на территории Страны Огня, а демоны знают где? Проклятье! Мы же в приграничье страны Волн, где проходит маршрут «миграции» нукенинов с Запада на Восток, подальше от Великих скрытых Деревень!

Или мне следовало сказать, что долбаная миссия С-ранга не стоит ни последнего Учихи, ни последнего Узумаки, ни даже последнего Умино? Кажется, я теперь знаю, почему все канонные напарники Какаши погибали. Что его родная команда, что те АНБУшники, которых зарезал Забуза, когда Собакин и Момочи впервые встретились. Что те, кто вместе с Хатаке отбивался от Пэйна или те с кем рядом он сражался в Четвертой Великой войне шиноби. Они все мертвы, потому что Чучело — гребанный мудака, никакой тактик и гонористый сукин сын, не заботящийся о своих подчиненных!!! А, ну и еще он прущийся от рискованных планов чертов адреналиновый наркоман!!!

Макуто отошел к Наруто и положил руку ему на плечо. Он не говорил ни слова, но я знал, что он думает о том же.

— Вы еще что-то хотите узнать, Ирука-сан? — прозрачно намекнуло его Циклопство на окончание аудиенции.

Выдохнув весь воздух из легких, я успокоился и только после этого безэмоционально ответил:

— Я не стану говорить, что о вас думаю, Хатаке-сан. Вы не воспримете мои слова адекватно.

Какаши усмехнулся с таким видом, будто сказал: «Трус, Ирука, побоялся мне в лицо высказаться.».

— Может, займетесь допросом, Какаши-сан? — кивнул я на нукенинов.

— Конечно, — бросил Чучело, будто делал мне великое одолжение.

Макуто сел на траву, положил тати на колени. Он закрыл глаза и начал дышать ровно, успокаиваясь после боя. Наруто присел рядом.

— Ты как? — спросил он.

— Нормально, — ответил Макуто. — Показал всего пять процентов.

— Чего? — не понял Наруто.

— Своей силы, — сказал Макуто и открыл глаза. — Хватило.

Я услышал это. И задумался. Пять процентов. Всего пять процентов его настоящей силы. На уровне среднего чуунина. Что же он может, когда выложится на все сто?

Я смотрел на него, на его спокойное лицо, на длинный меч в руках, и думал — кто же ты, Макуто? И откуда у тебя эта сила?

Но ответа не было. Только ветер шевелил его темные волосы, и где-то вдалеке кричали птицы.

Глава 21. А где братья-демоны? (продолжение)

Имя нашего пленного было Хироши и переводилось оно как «щедрый». Он действительно оказался щедр на сведения. Мы предложили ему рассказать все добровольно или после пыток. Чуунин благоразумно решил сотрудничать со следствием. Выяснили, что нанял их Гато, что заплатили им гроши, и вообще Гато жмот и гад.

— Спасибо, знаю это и без вас, — разочарованно выдохнул я.

Я надеялся узнать про Забузу, про Хаку, чтобы Какаши не был так беспечно самонадеян.

— Они нукенины, Какаши-сенсей? — осторожно выглядывая из-за Саске, спросила Сакура.

— Да. Они отступники, — согласился с ней Хатаке.

На что Хироши ответил, если убрать брань, что будь они отступниками, они бы перечеркнули свои протекторы или вообще их выкинули. Эти «дождевики» (а именно из Скрытого Дождя они и пришли наниматься)

были сторонниками Ханзо Саламандера. После череды побед мятежников они решили, что погибнуть в приграничье, которое охраняли по приказу Ханзо, им не хочется. Прорываться к своим было бы рискованно и очень сложно. Команда Кагеро не стала проверять великодушие нового лидера. Вот и рванули искать работенку. И нашли на свою голову. Но деревню они не предавали, клятвам своим были верны и отступниками не становились. Так, временно решили подработать на стороне, пока не станет ясно, кто будет новым лидером Амекагуре. Эта история была мне не знакома, и ее связь с Гато мне совсем не нравилась. Хотя бы тем, что эти три рожи из Скрытого Дождя в каноне не мелькали.

Я решил пока не отвлекаться на копание в памяти, а послушать пленного. По его словам, лидера группы звали Кагеро.

— Этого, которыйдохлый, что ли? — пнул Какаши труп, от чего пленник заскрежетал зубами, а дети нервно вздрогнули. Даже Саске дернулся, когда у дождевика голова завалилась на бок, а изо рта потекла кровь. А я по телевизору и не такое видел, и пусть там местами кровь была бутафорской, но всё равно — привык. Так что я только поморщился, активируя мистическую руку.

Понять, кто из них кто, можно было только по их состоянию: живой, полудохлый идохлый. Они были похожи, как тройняшки: одинаковые серо-фиолетовые жилеты без карманов поверх черных прорезиненных костюмов-комбинезонов. Лица бледные, глаза и волосы темные. Они оставляли открытыми лишь ноги, руки и лица.

Сняв с мертвеца очки-маску со съёмным респиратором и пластиной со знаком Деревни (такие были у всех троих), я провел руками над телом и понял, что сначала джонина контузило взрывом, а потом он получил глубокую рану кунаем. Эта рана не была бы столь опасной, если бы не Водяной Бык. Техника просто вбила кусок металла глубоко в грудь шиноби. Причиной смерти стал то ли второй взрыв, то ли удар головой о камень на дороге. Шиноби крайне живучи, многие со смертельными для обычных людей ранами не только выживают, но успевают попортить шкуру врагу. Этому джонину просто не повезло.

Вообще, Мистическая рука выступала не только как врачебный инструмент, но и как способ диагностики. Ирьенин опускал руки на тело

пациента, желательно рядом или на больное место, и пускал медчакру. Она расходилась по телу, и, отслеживая ее ток и отражение, можно было примерно понять, насколько глубоко и серьезно травмирован больной.

Полудохлого звали Акира — специальный джонин и сенсор. Он был жив и лежал у моих ног без сознания. Встав рядом с ним на колени, я снова активировал дзютсу мистической руки, чтобы понять его состояние.

Макуто подошел и опустился на корточки рядом с другим пленным. Он не касался его, просто смотрел. Потом вытащил из-за пояса свой дешевый танто и, не говоря ни слова, перерезал веревки на ногах Хироши. Тот дернулся, но Макуто уже снова примотал его, только теперь чуть свободнее.

— Кровообращение нарушится, — сказал Макуто, не объясняя больше ничего.

— Хм, вы ирьенин, Ирука-сан? — заметив мои манипуляции, протянул Какаши.

Я сделал вид, что не обратил внимания.

— Этот живой и умирать не собирается, — втянулась обратно в кожу рук зеленая чакра. — Пару сломанных ребер, ушибы — не в счет.

— Мма, Ирука-сан, а какой у вас ранг?

«Губу-то закатай обратно, Чучело», — мысленно отбрил и, отряхнув штанину, фыркнул. — Я пока, как моя тетушка, что по военному билету числилась сестрой милосердия, но по факту даже первую помощь не могла оказать... — гаденько ухмыльнулся.

Покосившись на Какаши, я выдал маленькую речь:

— Когда сдам экзамены, буду ирьенином В-ранга, правда, лишь на бумаге. Так что если чего на этой миссии случится, могу только добить, — и улыбка, как у мультяшного Сая. — Чтобы вы не мучились.

Какаши выпучил глазик, но тут же сделал вид, что ничего не было. Все остальные были в прострации, даже Хироши.

Кстати о нем... Хироши выжил только чудом, ведь из всех троих он был самым слабым. «Чудо» нукенина величать Какаши. Не перехвати его Чучело, и, скорее всего, мне бы пришлось приводить в чувство Акиру. А «Щедрый» лежал бы кучей переломанных костей, щедро утыканной кунаями и сюрикенами.

Из рассказа чуунина получалось примерно следующее: вырыв дотоном яму, они заполнили ее водой, расплескали немного по дороге и с помощью гендзютсу прикрыли вид на свои макушки. Визуальное наблюдение не вели — опасались, что мы можем его почувствовать. Нукенины думали ударить со спины, когда сенсор даст отмашку. Шиноби из лужи рассчитывали нас застать врасплох, но не вышло. И мечами своими помахать тоже не успели. Их катаны пригодятся мне.

Я запечатал их как трофей. Хатаке на мое возмещение морального ущерба никак не отреагировал, наверное потому что побрезговал «второсортные железки» подбирать. А может, они ему просто не нужны. Он всё-таки специалист по ниндзютсу, а для этого свободные руки нужны.

Макуто подошел к трупам джонина, наклонился и вытащил из-за пазухи небольшой сверток. Развернул — там оказалась карта местности с пометками.

— Пригодится, — сказал он, свернул карту и спрятал за пояс.

Скрипя зубами, Хироши сказал, что Акира хоть и научился скрываться от сенсоров, но в таком состоянии его чувствительность сильно снижалась, так что он не почуял, что их засекли. И еще «этот идиот» слишком поздно заметил взрыв-печати. К тому же они оказались слишком мощными по сравнению со стандартными. Спасибо за это Наруто.

— Что ты знаешь о других нанятых Гато шиноби? — вклинился я, пока Какаши отвлекся на вопрос Сакуры. — Кто еще охотится на мостостроителя?

— Других не было. Ничего не знаю.

У меня появилось ощущение, будто наш пленник знает больше, чем сказал. Макуто тоже подошел к Хироши и молча посмотрел ему в глаза. Тот отвел взгляд.

— Довольно, Ирука-сан, — не дал мне закончить допрос Хатаке. — Целью команды нукенинов была ликвидация Тадзуны. Этого достаточно.

Повернувшись к деду, Какаши сказал:

— Тадзуна-сан... Атаковавшие нас шиноби автоматически повышают ценность миссии с С до как минимум В-ранга.

При этом Какаши сурово посмотрел на Тадзуну. А старик вспотел и начал оправдываться:

— Я понимаю, что я должен был рассказать вам, что на меня охотятся, но вы понимаете, что Страна Волн супербедная! И даже у дайме нет денег! Я бы не смог позволить себе дорогую миссию В-ранга!

Наруто взглянул на старого с жалостью. А я тяжело вздохнул и покачал головой.

Макуто отошел в сторону и сел на траву. Он вытащил карту и принялся изучать, водя пальцем по линиям.

Тадзуна поведал нам, что около года назад Гато — судовой магнат, активно промышленный разная нелегальной деятельностью — положил глаз на Страну Волн и начал ее захват с разорения местных перевозчиков и создания монополии на перевозки. А он, Тадзуна, строит супермост, который соединит страну Волн с материком и позволит ей избавиться от экономической зависимости от Гато. Правда, осталось непонятно, как этот мост поможет от головорезов, которых может нанять Гато...

Сакура решила показать, какая она умная, и, потеряв подбородок, многозначительно выдала:

— Понятно... Поскольку вы строите мост, вас и нужно убрать.

— Значит, этих шиноби нанял Гато? — встрял я, даже не поверив поначалу.

— Пф, — фыркнул Наруто, свысока глядя на Саске. — А кто ж еще, бака?

Сакура не съездила блондину по голове только потому, что еще не совсем отошла от боя, хотя она в нем и не участвовала.

Надо будет сказать, что «бакой» он смазал эффект... А, не... Сакура словила когнитивный диссонанс. Не дадут отойти «бедняжке». Эх, жаль, Какаши не заметил — ушел в себя.

А Тадзуна продолжал давить на жалость:

— Теперь, когда вы все знаете, вы, конечно, — голос дрогнул, — не обязаны меня защищать, но тогда... — выдохнув, архитектор что-то для себя решил и сказал. — Ладно... Если вы сейчас уйдете, то я точно буду убит...

После чего он очень фальшиво и неестественно рассмеялся:

— Но не волнуйтесь, если я умру, то мой милый шестилетний внук будет плакать всего лишь несколько дней, а моя дочь проживет печальную жизнь, до конца ненавидя ниндзей Листа... — уже практически рыдал старик. — Но вы ведь не виноваты. Совсем...

Вид у архитектора был настолько несчастный и сломленный, что Какаши замахал руками, убеждая деда в том, что мы его не бросим.

После этого эмоции старика резко переменились. Я услышал что-то вроде: «Моя взяла».

Тяжело вздохнув, Какаши пробормотал:

— Мма, ладно, тогда, похоже, у нас нет выбора... — и добавил громче, с уверенностью. — Мы защитим вас! По крайней мере, пока вы не окажетесь дома.

Макуто поднял голову от карты и посмотрел на Тадзуну.

— Он врет, — сказал Макуто. — Насчет внука.

— Что? — не понял архитектор.

— Ваш внук не будет плакать, — спокойно повторил Макуто. — Он вас не любит. Вы его обижаете.

Тадзуна опешил и замолчал.

Мда, и после этого представления Какаши в самом деле собирался спрашивать детей, идти дальше или нет.

Все выслушав, Чучело решил поиграть в демократию. Он собрал нас всех вокруг себя, а Тадзуну отослал, чтобы не мешался. Он бы и меня отослал, чтобы я не мешал детям мозги пудрить, да нельзя. Не поймут-с.

— Команда номер семь, это больше не миссия С-ранга. Вам решать, пойдем мы дальше или нет. — Выжидающе уставился на детей Хатаке.

Я честно попытался предотвратить наихудший сценарий, а потому выступил первым:

— Какаши-сан, насколько я знаю, вы можете вызвать собак, чтобы отправить сообщение Хокаге, чтобы сюда прислали кого-нибудь забрать пленных, а также чтобы усилить нашу группу на случай, если Гато наймет кого-то еще, — решил я подтолкнуть Хатаке к идеальному для нас развитию ситуации.

Макуто кивнул, подтверждая мои слова.

— Мма... Вы забегаете вперед, Ирука-сан, — подчеркнуто пренебрежительно отмахнулся Какаши. — К тому же я бы хотел узнать мнение своей команды.

Своей команды? Это была неудачная шутка. Это скорее моя команда, чем твоя, Чучело! Я их учил, я с ними работал бок о бок, я их всех знаю как облупленных.

— Хм, Саске-кун «за», — посмотрел Какаши на итоги опроса, — Наруто-кун считает, что следует поступить, как предлагал Ирука-сан, Сакура-чан предлагает возвращаться. Ну что же, раз мнения разделились, то именно мой голос будет решающим.

Но не успел я возмутиться, как Какаши начал пафосно вещать:

— Мы шиноби Листа, — окинул детвору взглядом, — мы всегда выполняем миссии и не роняем престиж нашей деревни!

«Во трепло-о-о. Да шиноби Листа постоянно лажают с миссиями!» Тем временем Собакин продолжил заливать:

— Поскольку я командир на этой миссии, мое решение — продолжать миссию.

Тут я не выдержал и в полголоса как бы продолжил реплику Чучела:

— И сдохнуть, не справившись с миссией, взятой не по навыкам и не по рангу...

Говорил я негромко, но слышали все, в том числе Какаши, и он уже не смог сделать вид, что не расслышал моего бормотания:

— Если вы сомневаетесь в своих навыках и в навыках детей, которых вы обучали, то я в своих не сомневаюсь, — высокопарно и надменно проговорил Собакин.

Я с трудом удержал рвущиеся с языка маты. «Ага, не сомневается он. До первой водной тюрьмы!»

— Какаши-сан, я тоже не сомневаюсь в ваших навыках, — скорее в содержимом вашей черепашки, — но вообще-то вы не один идете продолжать эту миссию.

— Хватит пустых разговоров, Ирука-сан. Я джонин-сенсей, а вы лишь ассистент, — разыграл он карту «я — начальник, ты — дурак» и добавил, — впрочем, если вы боитесь, то можете возвращаться в Коноху.

Дети внимательно следили за нами, ловя каждое слово. Сакура явно болела за Какаши, хоть ей и не нравилось его решение. Саске мог бы поддержать меня, но ему хотелось приключений. А за самой перепалкой он следил больше из любопытства. Наруто, конечно же, был на моей стороне, но я понимал, что ему, как и Учихе, хочется эпично начистить кому-нибудь табло. А еще — спасти бедных-несчастных людей от злого Гато. И Тадзуну спасти, несмотря на то, что мальчику он не нравится.

Нет, мне тоже жаль Страну Волн, насколько может быть жаль целую страну дураков, потерявших свое отечество. Мне даже будет неприятно, если убьют старого идиота, который потащил детей на смерть вместо того, чтобы сразу всё выложить Третьему и приобрести миссию в рассрочку. Я каким-то образом смог найти в душе сочувствие для старого оборзевшего пропойцы, что доставал меня и Наруто на пару с Какаши, а теперь

внезапно давил на жалость. Но как же они меня все бесят! И население Страны Волн, и Тадзуна, и Третий, который точно знал, что здесь творится, потому и послал нас как сильнейшую команду, и Собакин, который повелся на этот развод со слезливой историей и бодро топает на свидание к Забузе. Но больше всего меня выводит из себя то, что я очень скоро могу из-за их глупости погибнуть. Канонный Забуза явно не хотел убивать детей. Да и Шаринган-Какаши, бывший капитан АНБУ, знающий много грязных секретов Конохи и укравший, по слухам, больше тысячи дзютсу, будет для нукенина ценнее живьем. А вот один жалкий чуунин здесь совсем не в тему.

Успокоившись, я взял себя в руки и равнодушно взглянул на Собакина.

— Да, вы джонин-сенсей и командир, Хатаке-сан, но если что-то случится, то и ответственность будет на вас. И не беспокойтесь, я не брошу задание на середине. Мне детей жаль. И кстати, — кивок в сторону Хироши, который тут же притих, видимо, пытался освободиться, пока мы лясы точили, — нам еще нужно закончить допрос.

— Мма... Зачем? — неподдельно удивился Какаши. — Мы знаем, что их целью был Тадзуна. Мы знаем, что их нанял Гато и что группа не выполнила миссию. Повторяю: этого более чем достаточно.

В который уже раз я проглотил рвущиеся на язык маты и, изображая спокойствие, начал растолковывать:

— Во-первых, он может знать, собирается ли Гато нанять кого-то другого. Или где находится их наниматель. Во-вторых, может сказать, какими силами располагает Гато и не ждет ли нас на дороге засада. В-третьих, они могут знать и прорву другой полезной информации. Я уверен, что Хироши о чем-то умолчал!

Пренебрежительно хмыкнув, Какаши выдал:

— Не тратьте понапрасну наше время, Ирука-сан. Я уверен, что эта команда — лучшее, что было у Гато. Убивать его — не наше задание, но если очередные неудачники сунутся, мы их уберем.

Вместо ответа я простонал «О-о, Ками...» и припечатал лицо рукой.

Макуто встал, подошел к Хироши и присел рядом с ним.

— Кто такой Забуза? — спросил он прямо. — Ты его знаешь.

Хироши побледнел.

— Я... я не...

— Знаешь, — повторил Макуто. — Говори.

Какаши, не обращая на нас внимания, обратился к привязанным к дереву «дождевикам». Второй успел очнуться, пока мы болтали:

— Связаны вы неплохо, — сунул Хатаке руки в карманы и покачался с пятки на носок, — но думаю, что максимум через пару часов вы сами освободитесь. Никакой особой ценности вы не представляете, опасности — тоже. Так что убивать я вас не буду. Уходите куда хотите. Но если, — и тут он наклонился чуть вперед, голос его стал глуше, а ки начали давить на пленных, — еще раз я вас увижу где-нибудь рядом — пощады не ждите!

«Какой Собакин, однако, добренький», — поморщился я. — За мой счет. Это ведь не ему, а мне эти шиноби будут мстить.

— Ну что же, Хатаке-сан, — через силу улыбаюсь, — вы идите, а я вас скоро догоню. Я все же задам им еще пару вопросов.

Пренебрежительно хмыкнув, Чучело пошел вперед, закинув на плечи рюкзак, подобранный с земли.

Макуто остался. Он вытащил из кармана свой танто и положил его на колени. Не угрожая, просто держа.

— Забуза — бывший мечник Тумана, — сказал Хироши быстро, глядя на клинок. — Его нанял Гато. Он должен был убить строителя. Мы знали, что он будет здесь, но не думали, что он появится так раньше. Мы должны были сделать работу до него.

— Откуда он? — спросил Макуто.

— Не знаю. Он пришел из Тумана. С ним есть помощник, парень. Они ждут в засаде.

Макуто кивнул и убрал танто.

— Иди, — сказал он Хироши. — Скажешь кому — найду.

Труп джонина пришлось запечатывать мне, потому что Какаши не счел эту возню достойной своего внимания. Макуто помог — подал свиток и держал край, пока я выводил печати.

В принципе, я мог понять Собакина. По инструкции желательно приволочь тело в деревню, чтобы после вскрытия свои могли узнать что-то новое о потенциальном противнике. Но что нового можно узнать о шиноби из Дождя, с которыми не так давно была война и с которыми у нас общая граница, а значит, периодически бывают пограничные стычки? Да и какой из Дождя теперь противник после гражданской войны? И что полезного может содержать труп джонина, которого убил жалкий чуунин?

Тогда ради чего еще Какаши возиться с трупом и отчетами? Ради грошовой награды, которой ему, гордому Псу Хирузена, еще и делиться придется, рассказывая, как так получилось, что это не он убил вражьих шиноби? Собакин себе репутацию портить не будет. Это ему неинтересно. Ну, а я не гордый — деньги лишними не бывают.

К тому же этот трупик я могу Данзо сдать, может, спасибо скажет.

Как оно всё хорошо и легко было в фанатских творениях — запечатал живого врага в свиток и неси его куда хочешь... Ага, фиг вам. Нет таких свитков. Система чакры или сложные фуиндзютсу конфликтуют с запечатывающими свитками. Нельзя запечатать взрывные свитки, артефакты и живых людей. Либо объект вообще не запечатывается, либо взорвется, либо распечатается в виде осколков. Живые существа вообще не запечатываются, потому что запечатыванию мешает постоянно циркулирующая чакра.

Макуто помог мне уложить труп в свиток. Он работал молча и быстро.

— Ирука-сан, — сказал он, когда мы закончили, — я хочу спросить у Рея-сана про такие свитки. Может, есть способ.

— Спроси, — ответил я. — Только осторожно.

Он кивнул.

Раскатав свиток, я стал лихорадочно думать, что же мне делать с живыми дождевиками. Оставлять этих гадов, обозленных потерей боевого товарища и своим поражением от кучки детей и чуунина, и топать дальше, опасаясь удара в спину? Не мой выбор. И что мне остается? Убить их? Перерезать глотки пленникам после боя? Я... я не могу. Даже зная, что они не раздумывая убили бы детей, я не могу лишить их жизни. Не хочу. Одно дело — горячка боя, и совсем другое — беззащитный, пусть и враг, человек. Я не настоящий шиноби. Я вырос в мирное время. Мораль, табу... слова, но я не могу через них переступить. Для меня они не пустой звук. Не хочется даже думать, каким я могу стать, если мораль моего мира полностью заменит мораль шиноби.

Макуто подошел к Акире, осмотрел его пальцы.

— Сломать, — сказал он тихо. — Чтобы не мог печати складывать. Не убивать.

Я посмотрел на него. В его глазах не было жестокости. Только расчет.

— Не надо, — сказал я. — Я сам.

— Быстрее, — ответил он и отошел.

Я вздохнул. Он был прав.

— Ирука-сан, долго не копайтесь, — бросил мне Какаши и добавил с издевкой, — а то еще дороги не найдете...

— Не ждите, я вас догоню, — ответил я.

Пока все собирали вещи и потихоньку топали дальше, я быстренько допросил Хироши и узнал, где предположительно находится Гато со своими головорезами. Записал в блокнот, чтобы не забыть.

Благодаря эмпатии и приставленному к глазу Акиры кунаю, я смог вывести обоих на чистую воду. Насчет того, что они утаивали: ходили слухи, что Гато собирается нанять самого Кровавого Демона Тумана Забузу.

Узнал от них всё, что возможно. А еще выяснил, что войска Ханзо Саламандера воевали против Акацуки, которых возглавлял некто Пэйн, называвший себя богом.

Припомнив курсы Кито и уроки Монтаро, я вырубил «дождевиков» и обоим перебил острым краем камня пальцы, предварительно обмотав его тряпкой. Можно было просто руками сломать, но я не смог. Мне всегда было жутко, когда у человека что-то ломается. А так, когда не чувствуешь сломанных костей, вроде как полегче. Срастив неправильно вставшие кости, я отвел взгляд. Перелом чистый, но в ближайшее время они не смогут нам сильно навредить. С такими пальцами печати не поскладываешь. Мне бы следовало их убить, но сказать-то легко. А сделать? А так — пусть бегут к ближайшему ирьенину и заново себе ломают пальцы.

Макуто стоял в стороне и смотрел. Когда я закончил, он подошел и положил руку мне на плечо.

— Правильно, — сказал он. — Они живы.

Бегло осмотрев бессознательных шиноби, я решил забрать их под сумки и пройти по карманам — обобрать «несчастных» до нитки. Уже запечатав их добро, я спохватился, что покалечил людей и вдобавок ко всему — обворовал. Покусав губу, я всё же не стал всё распечатывать и возвращать на место. Просто бросил один кунай им под ноги.

«Авось не сдохнут, а если сдохнут, то я не виноват», — уверил я себя и легкой трусцой побежал догонять седьмых.

Не знаю, на что я рассчитывал, когда рассказал Хатаке о том, что следующие противники будут сильнее. И что Гато вполне может себе позволить нанять одного из Мечников Тумана, даже ходили слухи об этом... На что угодно рассчитывал, только не на такую реакцию:

— Ирука-сан, — булькнул Собакин, сдерживая хохот, — что вы делали с теми беднягами, что они вам это нарасказывали? Вернетесь домой, сходите к Морино Ибики, может быть, он даст вам пару уроков.

— Всенепременно, Хатаке-сан. Не напомниме только, кто это и как он выглядит?

Конечно, я знал, кто такой Ибики, но детям не мешало бы узнать о нем до экзамена на чуунина. К тому же для Какаши я отыгрывался за тех нукенинов.

Послушав Хатаке, Сакура побледнела, оглянувшись назад. А Тадзуна вдруг перестал зевать и стал странно на меня коситься.

Макуто шагнул вперед и оказался между мной и детьми. Он ничего не сказал, но Какаши посмотрел на него и замолчал.

Дальше мы не разговаривали. До Страны Волн оставалось два дня пути, включая время на переправу.

А вот дети не просто говорили — они непрерывно трепались, возбужденные победой. Макуто шел в хвосте, не вмешиваясь. Он нес карту и иногда поглядывал на лес.

Поначалу всё было довольно мирно, они восхищались победой вслух, но не слушали друг дружку. А когда слышали... Наруто орал на Саске, Сакура затыкала Наруто и доказывала ему, что он вообще ничего не сделал. «Победили: Какаши-сенсей, Саске-кун и Ирука-сенсей» — именно в таком порядке.

Узумаки, стараясь не ругаться с ней, пытался доказать обратное, но было это бесполезно. Аргументация Сакуры была в стиле Какаши-сенсей — элитный джонин и их сенсей, так что он знал, что делал, а они были в абсолютной безопасности.

«Гм, ваши бы слова, да богу в уши...»

Вдруг Сакура яростно замотала башкой. Это Наруто снова старался ее переубедить. Иногда я пытался остановить блондина, и чаще всего получалось... Но проходила буквально пара минут, и они начинали снова. Ну, чисто форумные войны, один в один!

Саске вообще вскоре переключился в стандартный режим экономии словарного запаса. И смотрел на попытки Наруто достать его, минуя Харуно, как на возню карапузов в песочнице. Я заметил, что Саске старался идти чуть позади Чучела и точно так же, как он, чуть горбиться и держать руки в карманах. Как бы имитируя его и показывая, что

последний Учиха — не с нами. Пацана нисколечко не смущало то, что весь бой элитный джонин Какаши просидел в кустах. Ну, с кем не бывает — сожрал чего-то не то, вот живот и прихватило. Так и шли: Хатаке впереди всех, чуть позади Саске, подражающий ему, за ними Тадзуна, потом Сакура, а замыкали шествие я и Наруто. Макуто шел чуть сбоку, иногда уходя в лес на несколько метров и возвращаясь.

Все эти два дня почти не переставая я щелкал, осматривая окрестности. Ведь канон уже показал мне, что доверять ему можно, но и проверять нужно. В каноне Тора была кошкой, а эта троица из лужи должна была быть двумя чуунинами Тумана. Так что на всякий случай я сканировал местность почти круглосуточно. Особенно лужи. Которых стало много. Ведь на дворе уже был октябрь, и начались дожди. Сразу на следующий день после дождевиков. Мда. Везло нам... До них. А теперь от сырости свербело в носу и тянуло чихать.

Макуто тоже часто останавливался и прислушивался. Иногда он показывал рукой направление, и я кидал туда сюрикены или кунай — на всякий случай. Никого не было, но мы чувствовали, что за нами следят.

Когда от сканирования эмоций начинала болеть голова и появлялось чувство давления в области носа, я начинал щелкать языком. Если я не усиливал технику свиста чакрой, то ее использование чакру не расходовало вовсе. Когда язык начинал ощущаться как нечто инородное, я снова переходил на эмоции. Я прекрасно осознавал, что экономия чакры — это не все. Таким постоянным сканированием я напрягал мозг слишком сильно, и мне не хватало ночи для восстановления. Потому голова болела немилосердно. Пару раз я даже снимал хитай-ате и прикладывал пластинкой ко лбу, чтобы не так тошно было, а еще проклинал свою память за то, что не помнил, где напал Забуза. Мне запомнилось только то, что он был после лужи. А вот до переправы или после — забыл!

Макуто однажды подошел и сказал:

— Ирука-сан, вы слишком много щелкаете. Отдохните.

— Не могу, — ответил я. — Чувствую, что скоро нападут.

— Я послежу, — сказал Макуто и поднялся на дерево. Оттуда он смотрел несколько часов, не шевелясь.

Когда вечером Узумаки попросил меня рассказать сказку, а эти мелкие гаденыши усиленно делали вид, что им это не нужно и неинтересно... Обидеть художника может каждый! Но Наруто считал, что эти истории я выдумываю сам, но стесняюсь и потому говорю, что слышал их когда-то давно. Так он и сказал по секрету Саске и Сакуре, чтобы их заинтересовать. Мальчик искренне не верил, будто эти сказки я не выдумывал. Не верил ребенок моим отговоркам: «я не знаю, кто это написал», «не помню, кто мне рассказывал».

Устало вздохнув, я честно сказал всем троим:

— Весь день я слушал ВАШИ «сказки». Всех троих. Извините, но сегодня у меня раскалывается голова, и я не в настроении и не в состоянии что-то рассказывать. — Приложил к голове фляжку с водой.

Мальчик надулся, но спорить не стал, только посмотрел сочувственно. Вскоре мы отошли от дороги и устроились на ночлег.

Макуто вызвался дежурить первым. Он сидел у костра, положив тати на колени, и, казалось, не моргал.

— Наруто, ты еще не спишь? — тихонько позвал я мальчика.

Тот завозился и, тяжело вздохнув, высунул нос.

— Извини, но это важно, ты отключил «сбрую»?

— Конечно, Ирука! — обиженно фыркнул в подушку. — Сразу, как на нас напали.

— Хорошо. Не включай ее. Можешь забыться и не выключить в бою.

— Хорошо... — неуверенно кивнул мальчик. — Хорошо, сделал.

Я взлохматил Наруто волосы и улыбнувшись сказал:

— Тогда спать!

— Сказку? — скорчил мальчик просящую моську.

Вздыхнув, я покачал головой.

— В другой раз. Спи.

Макуто подбросил веток в костер и сказал:

— Ирука-сан, я послежу. Вы спите тоже.

Я кивнул. Последнее, что я видел перед сном, — Макуто, сидящий на камне с мечом в руках, прислушивающийся к ночным шорохам.

На следующую ночевку мы остановились в заброшенной деревне. И судя по ее виду, люди покинули ее в спешке. Это если они успели. Потому что иногда в траве можно было заметить кости. И не все из них принадлежали животным.

Покосившиеся домишки следили за каждым нашим шагом провалами давным-давно разбитых окон. Поскрипывая оторванными ветром ставнями, черные от копоти стены прятались в густых зарослях. Дорог почти не было видно в начинающей жухнуть траве. Казалось, природе нужно еще совсем чуть-чуть, чтобы спрятать любые упоминания о том, что здесь жили люди.

Всем, кроме Какаши, тут было не по себе. Он как на базаре высматривал самый целый дом, придирчиво пиная разваливающиеся стены. В конце концов он остановил свой выбор на самом большом здании. Через его крышу проросло дерево, которое надежно поддерживало трухлявые балки кровли от обрушения.

— Какаши-сенсей, что это за место? — встревоженно спросила Сакура, не решаясь войти.

— А, это? — обернулся Какаши, будто забыл, что тут не один. — Мма... Это всего лишь деревня, Сакура-чан. — безмятежно выдал он, изображая глаз-улыбку.

Харуно это не успокоило:

— Почему тут никого нет? — испуганно глядя по сторонам, продолжала допытываться розовая.

Собакин, пожав плечами, выдал:

— Ушли, наверное...

Тадзуна, глядя на это представление, тихо-тихо сказал:

— После войн в приграничье было много таких заброшенных деревень, деревень-призраков. — зазыркал по сторонам. — В некоторых из них и спустя много лет никто не живет.

Перепуганная Сакура обняла себя за плечи и поежилась. Наруто тоже не остался равнодушным, но ему здесь было не столько страшно, сколько неуютно. Саске пострашнее ужастики видел.

Макуто прошел по первому этажу, заглянул в каждую комнату, вернулся и сказал:

— Никого. Людей не было давно.

Ложиться спать было еще рано, но Какаши приказал расстилать футоны. Разобрав свой спальник, Наруто притащил его к костру, который Хатаке устроил в полу, вырастив дотомом чашу. Мальчик потоптался, выбирая место, и сел рядом со мной.

Макуто устроился у стены, откуда просматривались все входы и окна. Он положил тати на колени и закрыл глаза — не спал, просто ждал.

Изредка подбрасывая в огонь веточки, Наруто заглядывал мне в глаза, надеялся, что я передумаю и расскажу сказку. Но тупая пульсирующая головная боль не способствовала ясности мыслей.

— Извини, Наруто, сегодня тоже не могу рассказывать. Голова раскалывается.

Наруто сочувственно покивал, но явно продолжал надеяться. Вскоре он понял, что рассказывать я ничего не собираюсь, вздохнул и улегся около меня.

— Наруто, — тихонько позвал я мальчика.

— А? — встрепенулся он. — Я не сплю. — И с надеждой посмотрел на меня.

— Наруто, на нас скоро могут напасть. Страна Волн — острова, значит, шиноби может быть со стихией воды. А у нас на сбруе множество печатей, и лучше бы их не мочить, понимаешь?

Мальчик сразу сообразил, на что я намекаю:

— Придется их снять?

— Да. Чтобы не повредить, мы их уложим в футляры, а сами футляры спрячем на дно рюкзака.

— А давай запечатаем еще? — вытаскивая футляры из сумки, сказал Наруто.

— А если на свитке печать размоет, или как-то повредит? Это на сбруях наших чернила особые, а здесь — обычные.

— Ну да, — согласился блондин. — А если сам свиток повредят...

— Там даже чинить нечего будет, — продолжил я мысль.

Отойдя за стену, я снял сбрую и аккуратно уложил ее в непромокаемый походный футляр из кожи. Наруто последовал моему примеру, но запутался, зацепившись за куст, и мне пришлось ему помогать. Макуто снял сбрую молча, сложил в футляр и убрал в рюкзак. Всё.

Сложив сбруи, мы еще недолго посидели у огня, а потом приперся Какаши и приказал всем видеть сны.

Макуто заступил на ночную вахту. Он сидел на крыльце, обхватив колени руками, и смотрел в темноту. Я лег спать, но долго не мог уснуть.

Утром я привычным движением отхлебнул бурды, которая действовала примерно как кофе. Гадость, лучше бы я лимон съел.

Собрали манатки, прикрыли костер куском пола и пошли дальше.

Макуто шел впереди, держа карту. Он остановился у подъема на пригорок и поднял руку.

— Вода, — сказал он. — Впереди переправа.

Тадзуна, завидев воду, внезапно решил, что он наш гид, а мы его туристы. «Это переправа, а там вдалеке — мой друг, он нас перевезет через пролив. Смотрите-смотрите, он ловит рыбу! Правда, здорово? Извините, — очень неискренне, — это коряга в этой мути, ошибиться так просто. Ха-ха...»

Лодочная станция представляла собой несколько деревянных бонов с номерками и ржавыми скобами, расположенных по периметру квадрата. У самого выезда стояла покосившаяся будка дежурного. Располагалось всё это хозяйство в небольшом затоне, образованном высоким крутым берегом и отходящей от него большой песчаной косой. Станция выглядела неопрятно, под ногами были кусочки сетей, а из воды виднелись носы прохуdivшихся лодок. Казалось, густой туман — это часть антуража. Зона отчуждения.

Макуто прошел вдоль берега, вернулся и сказал:

— Лодка есть. Одна. Старая.

Тадзуна заверил, что это его знакомый Сабуро. Невзрачный, как и его имя: «Третий сын». Я на всякий случай зарисовал его лицо, как пример незапоминающейся внешности.

Вскоре в тумане скрылся берег и показался мост. Огромный. Вырастая из серо-зеленых волн, он терялся в густом дымке, так что были видны лишь круглые столбы-опоры. Такие здоровые, что для того, чтобы их обхватить, нужно было бы не меньше четырех человек.

— Вот это да! — восхищенно воскликнул Наруто. — Здоровенный какой!

Сабуро зашипел на него, велел молчать, потому что Гато может услышать. Я зачерпнул воды и сказал, что он был громче мальчика. Сабуро испугался и замолчал.

Макуто сидел на носу лодки и смотрел вперед, на туман. Он держал руку на рукояти тати.

Мы высадились на дощатый причал. Сабуро тут же отчалил, на полной скорости уходя обратно. Тадзуна этого даже не заметил.

Макуто осмотрел берег и сказал тихо:

— Здесь.

Густые заросли над болотистой землей были идеальным местом для засады шиноби, владеющего элементом воды. Мы отошли от причала не слишком далеко, когда дорога вдруг стала шире, а сбоку между широкими рваными листьями открылся широкий просвет. Там было почти целое озеро с кувшинками и мошкаррой, кружившей над зеленоватой водой. Что-то меня насторожило, но прежде чем я успел осознать, я услышал тихий щелчок...

— ЛОЖИСЬ! — закричал Какаши.

Я упал, опрокинув Наруто и Сакуру. Над нами просвистел гигантский тесак. Я вскочил, готовый к бою.

На тесаке, как на лавке, сидел мужчина. Короткие темные волосы, нет бровей — по этим приметам я узнал Забузу. Он был одет в жилет с разгрузкой, штаны цвета хаки, на ногах — прорезиненные черные боты. Грудь пересекала перевязь для Обезглавливателя.

— Оставьте старика и уходите, — сказал Забуза.

Голос доносился отовсюду.

— О, кто к нам пожаловал, — язвительно протянул Какаши, — беглый шиноби Тумана. Момочи Забуза-кун?

Нукенин не ответил. От него не шло эмоций. Это было жутко.

Макуто встал рядом со мной, выхватил тати. Он был спокоен, но я видел, как его пальцы сжались на рукояти.

— Сиди на жопе ровно! — зашипел я на Наруто, который попытался идти к Забузе.

Нукенин обрушил на нас КИ. Ноги подкосились, перед глазами появился мой собственный труп. Сакура всхлипнула и опрокинулась назад. Наруто вцепился мне в жилет. Тадзуна издал придушенный всхлип.

Какаши напрягся и развеял туман и давление своим выплеском КИ.

— Не беспокойся, Саске, — сказал он, оглянувшись на Учиху, — я сумею вас защитить, даже если погибну сам.

Макуто не слушал. Он смотрел на Забузу, и его тело было напряжено как пружина.

— Соберитесь около Тадзуны и защищайте его! — крикнул Какаши. — В бой не вступать! Это приказ! — И метнул в Забузу кунай.

Забуза распался водой. Его тесак тоже оказался подделкой.

— Повторяю для тупых: «Старик остается тут». Уматываете отсюда, пока я добрый! — снова раздался голос, и туман стал гуще.

— А вы не разговорчивы, Момочи Забуза! — вякнул Какаши.

— А вы чересчур болтливы, Шаринган Какаши. Отступись. Здесь кроме тебя только жалкий сброд: кучка генинов и какой-то чуунин, — с ленцой проговорил шиноби-отступник.

И снова придавил нас КИ.

— Третий раз я повторять не стану! — рыкнул он. — Валите отсюда!

— Нет! Мы не уйдем! — вскричал бледный Наруто. — Даттебайо! Мы защитим дедку-алкоголика!

Макуто шагнул вперед и встал плечом к плечу с Наруто.

— Игры кончились, — мрачно сказал Забуза.

Я уклонился от тесака и достал кунаем врага. Забуза опал лужей.

— Кру-Бар! — крикнул я.

Наруто создал клонов и поставил барьер для Тадзуны и Сакуры.

Макуто остался снаружи. Он сражался с водяными клонами Забузы, рубя их тати. Каждый удар был точным, без лишних движений.

— Я поспежу, — сказал Макуто и поднялся на дерево.

Бой длился долго. Какаши был измотан. Забуза теснил его. Дети с трудом отбивались от клонов. Макуто сражался молча, но я видел, как он устал.

— Ребята, — хрипло выдохнул Какаши, — берите Тадзуну и бегите! Мы с Ирукой прикроем вам отход!

Макуто не побежал. Он встал рядом со мной и поднял тати.

— Идем, — сказал он.

Мы отбили очередную атаку. Макуто получил царапину на щеке, но не отступил.

— Клинь! — крикнул я.

Наруто добавил ветер. Макуто добавил свой. Водяной клинь ударил в Забузу. Он отшатнулся, но устоял.

Какаши упал. Макуто подхватил его и оттащил к барьеру.

— Ирука-сан, — сказал он, — передайте чакру. Я прикрою.

Я положил руки на живот Какаши и начал передавать чакру. Макуто встал передо мной и принял на себя удар водяного клона. Он пошатнулся, но выстоял.

Когда я закончил, Макуто спросил:

— Жив?

— Жив, — ответил я.

Макуто кивнул и убрал тати.

Забуза скрылся в тумане. Бой закончился. Мы стояли на развороченной земле, уставшие, но живые.

Макуто сел на траву, положил тати на колени и закрыл глаза. Он дышал ровно.

— Ты как? — спросил я.

— Нормально, — ответил он. — Я использовал мало чакры. Только на усиление меча.

Я кивнул. Он был молодец. Он помог.

Дети подошли к нам. Наруто спросил:

— Макуто, ты не устал?

— Нет, — ответил он и открыл глаза. — Я могу еще.

Мы собрали вещи и пошли к дому Тадзуны. Макуто нес рюкзак Какаши, потому что тот не мог идти сам. Он шел молча, иногда поглядывая в лес.

— Макуто, — окликнул я его, когда мы уже подходили к дому.

— Ммм?

— Ты молодец. Ты хорошо дрался.

Он пожал плечами.

— Я учился.

Только завидев деревянную арку крохотного храма, что стоял около дороги, мостостроитель свернул направо. Продравшись сквозь камыши по отчаянно скрипящим мостикам, мы словно попали в другой мир.

Поднялся ветер, из внезапно сгустившихся низких туч, похожих на изодранное тряпье, заморосил мелкий дождь. Капли пропадали в камышовых крышах темно-серых домов и в пыли под ногами мрачных людей. Немногочисленные деревянные дома перемежались с мазанками из глины и домиками из какого-то хлама. Последние создавали впечатление, что каждый строил свой дом из всего, что попадалось под руку. Деревня Камоме была расположена на песчаном острове, лишь в середине которого можно было что-то выращивать. В самой деревне зелени почти не было, лишь по краям из воды торчали какие-то тропические деревья на длинных корнях с широкими листьями.

Макуто шёл сзади, иногда оборачиваясь. Он держал в руках карту, которую забрал у пленного, и сверял местность. Иногда он останавливался, прислушивался, потом кивал и шёл дальше.

В деревне старик почувствовал себя в своей тарелке. И наверное поэтому старался со всеми перездороваться. Не все были рады возвращению блудного прораба: кривые улыбки, потухшие взгляды. Деревня живых мертвецов.

К тому же, из-за отходов от строительства моста иногда казалось, что люди живут на помойке, оставшейся от какого-то долгостроя. Запустение, отчаяние и безвыходность — именно эти слова приходили мне на ум, пока мы шли. Крохотная рыночная площадь меня поразила до глубины души: лотки практически пусты, всюду попрошайки и ворье, которые, ничего не стесняясь, шарили по пустым баулам.

Жалкое и страшное зрелище.

Макуто проходил мимо этих людей, не отворачиваясь, но и не задерживая взгляд. Его лицо оставалось спокойным, только пальцы на рукояти танта чуть сильнее сжимались.

Но Тадзуна не остановился в деревне, а повел нас дальше. Пройдя по деревянным мосткам, мы оказались около группки разномастных строений: двухъярусного зеленого дома с красной жестяной крышей, мельницей и еще нескольких крупных пристроек. Тадзуна жил на собственном небольшом острове. По сути, на острове был лишь огород, все остальное было отстроено на сваях, либо, как мельница на плите, воткнутой в островок и придерживаемой деревянными «ногами». Как потом я понял, прихожая и кухня находились на уровне мостков, а вот гостиная — выше, как и мельница, тоже на плите. Ввалившись с бессознательным Какаши в прихожую-кухню, я понял, что пачкать джонином ковер в гостиной мне не хочется, поэтому спросил:

— Где можно помыться?

Тадзуна хлопнул себя по лбу и повел нас на улицу. Он показал пристройку и небольшую дверцу, через которую можно было войти в дом уже чистыми.

После чего я отправил несколько дублей Наруто на крышу рассеивать дым, чтобы лишний раз не выдавать свое присутствие. А еще нескольких клонов под руководством деда напрягли развести огонь в печи, греющей

воду, чтобы мы могли помыться. Я надеялся, что Хатаке придет в себя, когда мы будем его тащить — не пришел. Однако он не очнулся даже тогда, когда мы стали осторожно стягивать с него грязную одежду. Из прорехи в жилете Какаши выпали какие-то кусочки металла, поначалу я подумал, что это куски оружия, но потом дошло — это были защитные пластины. Просто они превратились в кусочки металла и ошметки непонятного черного материала явно искусственного происхождения.

Макуто подобрал один такой кусок, повертел в руках и сунул в карман. Я спросил:

— Зачем?

— Потом посмотрю, — ответил он.

Пока еще не прошел эффект от пилюль и в резерве было достаточно чакры на сканирование мистической рукой, я осмотрел Какаши: бока, грудь, руки, ноги, спина, везде были начинающие темнеть синяки, но ничего такого с чем бы я не мог справиться — не было. Мысленно проклиная Хатаке, я залечил самые опасные повреждения, а когда скопившейся чакры стало не хватать, просто слил этот остаток в Чучело и решил больше не геройствовать. Благодаря пилюлям, резерв заполнялся быстрее, чем обычно, но все равно, много чакры я Собакину дать не мог. А синяки и кровоподтеки — это для шиноби несерьезно. Болеть должно было не слабо, но что бы помереть от такого — это надо постараться.

Я думал, что Какаши очнется, когда я закончу его «чинить». Надеялся, что он очухается, когда станем стягивать одежду, но он только поскуливал сквозь стиснутые зубы.

Даже тогда, когда мы закинули Собакина в большую деревянную кадку-ванну на «раз-два-три-бросаем» — он не пришел в себя.

Горячая вода должна была не только помочь справиться с одним из последствий растроченной чакры — ознобом, но и уменьшала шансы Чучела подцепить какую-нибудь заразу. Шиноби значительно меньше мерзли и болели, и в обычной ситуации Собакин остался бы здоровым... Но стоило чакре в резерве подобраться к критической отметке, как шиноби мог загнуться чуть ли не от обычной простуды. Организм без

чакры — это организм без тепла, с нарушенной терморегуляцией и ослабленным иммунитетом, так говорил Кито.

Не слишком хорошей идеей было Какаши в горячую воду совать, но лечить воспаление легких я хотел еще меньше, чем распаренные гематомы. Тем более что некоторые уже начали рассасываться под действием чакры.

Макуто помогал нам. Он держал Какаши за плечи, пока я его мыл, не жаловался, не задавал лишних вопросов. Только спросил:

— Ирука-сан, вы можете лечить такие раны? Или только диагностировать?

— Пока только по мелочи, — ответил я. — Но чакру передавать могу. Это уже много.

Он кивнул и больше ничего не сказал.

Глядя на пятнистого от гематом Какаши я понял, что легко отделался, мне было достаточно некоторое время погонять по системе импульсы преобразованной чакры, концентрируясь на поврежденных местах, чтоб привести себя в пристойный вид. Это, правда, только видимость, разве что царапины-синяки чуть подлечил да немного взбодрился, а вылечить такие серьезные или внутренние повреждения — нереально сложно, но лучше уж так, чем как Хатаке. Дети так вообще не пострадали, пара ссадин у Саске не считается, а мелкие царапины на Наруто пропали практически сразу, как и синяки. Впрочем, будь Какаши слабее, и скорее всего, он бы сдох от таких побоев. Он ведь не столбом стоял, когда Виктор его лупил, а защищался. Да и жилет с майкой из тонкой сетки и чакропроводящей проволоки не для красоты носят.

Кстати говоря, Хатаке заботы и моих трудов не оценил — не очнулся. И пока мы отмывали этого собако-свина — тоже. Я бросил сливать в него крохи из резерва. Самому было мало, и действие пилюль не бесконечно.

— Ирука-сенсей, — тихо окликнул Саске, — Какаши-сенсей поправится?

— Если сейчас не захлебнется, — снова привалил трясущегося и постанывающего Какаши к бортику. — То не помрет, Саске-ку... Апчхи! Правда.

Кажется, я простыл... Твою папу за ногу! — приваливая к бортику Чучело. — СИДЕТЬ!

Отполоскав Чучело, нам пришлось его вытирать. А так как одевать его было не во что, свою одежду я Чучелу отдавать не собирался — экономный я, да и размер не тот, так что пришлось замотать его в простыню. В общем, так и не очнувшегося Какаши втроем: я, Саске и Наруто, кое-как перенесли в дом. Завалили одеялами этот кокон и даже грелку под ноги сунули, которую приволок старик. Поминая Чучело тихим, недобрым словом, я передал ему еще немного чакры, которая успела скопиться в резерве, пока мы его отмывали.

Результаты не вдохновляли — опять ничего. Не очнулся. Хотя, судя по немного увеличившемуся сопротивлению — Какаши умирать не собирался.

Ну хоть так.

Макуто стоял в дверях и смотрел. Когда я закончил, он спросил:

— Ирука-сан, а вы можете проверить мои руки?

— Что с ними? — спросил я.

— Я перебил пальцы тем двоим. Мне нужно знать, не повредил ли себе.

Я осмотрел его ладони. Кожа была цела, кости — тоже.

— Всё в порядке, — сказал я. — Ты сделал это аккуратно.

Он кивнул и отошел.

Напоил бессознательную тушку лекарствами против чакроистощения и антибиотиками. Пациент вроде даже глаза открывать пытался и руками, да ногами шевелить. Ну, как шевелить, дергался слабо и норовил укатиться

из футаона, благо по краям были застёжки-липучки. Так что колобок от нас не ушел.

Будем надеяться, что не зря я на него чакру и лекарства переводил, — убрал аптечку.

Пока мы откисали, началась настоящая гроза.

Потянув носом сырой воздух, закутался в одеяло и подтянул ноги.

Сквозь большие запыленные окна хорошо были видны изломанные росчерки молний. В домике мостостроителя я чувствовал себя неудобно, казалось, что он или сложится, или обвалится в воду. Нет, домик не шатало, но скрип дерева меня настораживал. Да и свет мы не включали, чтобы не привлекать внимания, потому сидели в полумраке.

После боя нам нужно было не только отогреться, но еще и плотно поесть и хорошенько поспать, но у Тадзуны дома ничего съестного не было.

Цунами и Инари гостили у родственников с тех пор, как началась травля Тадзуны. Так что пока грелась вода для чая, пришлось доставать пищевые свитки и раздать детям рационы, орехи, хлеб, копченое мясо, банку варенья и целую стопку холодных блинчиков, про которые я уже успел забыть. Еда! Вот оно, счастье! Кстати, блинов было много, так что даже мостостроителю перепало аж целых две штуки. Почему-то варенье было особенно жалко. Может от того, что оно было вишневое?

Макуто взял блин и съел его молча. Наруто подсел к нему и спросил:

— Ты не устал? Мы сегодня много шли.

— Нормально, — ответил Макуто. — Я спал в лесу и хуже.

Наруто засмеялся и полез обниматься. Макуто не отстранился.

Заваривая на всех успокаивающий сбор, приобретенный с хорошей скидкой в госпитале, я попытался проанализировать сегодняшний бой и думал над тем, что сказать детям.

Разлив ароматный чай по чашкам, протянул их ребятам и спросил:

— Ну, теперь-то, — намекая на отлипшие от спины желудки, — что скажете о том, что случилось сегодня?

Секунду была такая тишина, что я услышал звон в ушах, а потом «седьмых» прорвало. Они начали говорить, перебивая друг друга, теряя мысли и запинаясь. Даже Саске эмоционально размахивал руками, с жаром рассказывая о своих впечатлениях.

В общем, не речь, а сплошной сумбур вместо музыки.

Макуто сидел в стороне и молчал. Я заметил, что он слушает, но не встречается.

Через пару мгновений, видимо, осознав, что они говорят все вместе и одновременно, ребята удивленно замерли, переглянулись смущенно и перевели взгляд на меня.

Наруто то ли заспешил, то ли отошел от удивления быстрее всех, и заговорил первым, проигнорировав недовольное хмыканье Саске.

— Это было круто! Но я не знал, что мы чуть не погибнем!

Учиха нехотя кивнул, соглашаясь со сказанным, а девчонка и вовсе закивала как болванчик, не обратив внимания на начало фразы.

— Саске, Сакура, у вас есть что добавить? — спросил я обоих.

— Вы говорили Какаши-сенсею, что узнали из допроса, что нам может встретиться нукенин Забуза, один из мечников Тумана, — внимательно посмотрев на меня, сказал Учиха. — Он над вами смеялся. А потом нам встретился Забуза.

Все снова закивали, соглашаясь с Саске.

— Сакура, есть что добавить? — спросил я розовую, успешно задавив на корню самодовольную улыбку.

— Эмм... Ирука-сенсей, я думаю, что мы не готовы к этой миссии, — боязливо сказала Харуно. Немного осмелев, она продолжила — Мы не должны были продолжать миссию после того, как на нас напали шиноби Дождя.

Макуто поднял голову и посмотрел на Сакуру. Он не сказал ни слова, но его взгляд заставил её замолчать.

Саске тоже перевел взгляд на Макуто, потом на меня.

— Ребята, вы сильные и талантливые... Но вы — генины, недавно выпустившиеся из Академии. Вы не должны рисковать жизнями, сражаясь с шиноби А и S класса.

— Так что, все то было напрасно? — явно не веря ушам, спросил Наруто.

— Мы просто оставим старика и уйдем?

Я пожал плечами:

— Не думаю. Мы же все-таки победили, хоть и чудом. Но я хочу, чтобы мы могли победить не только чудом. — После чего я пристально посмотрел на детей. — Команда номер семь, приказы надо выполнять, если они явно не противоречат здравому смыслу и вашей задаче. Объясните, какого биджу вы остались, когда Какаши-сан сказал вам бежать?!

Так, ребята задумались... Зависли. Я уже хотел было продолжать, когда снова первым вылез Наруто.

— Ирука-сенс... — сглотнув, мальчик собрался с духом и продолжил, словно нырнул в ледяную воду. — Ирука, я тебя бросить не мог. Я не хочу снова остаться один. Какой тогда смысл в моей жизни, если я не могу защитить тех, кто мне дорог, и снова останусь один? — его голос все усиливался, начав почти шепотом, сейчас он почти кричал.

Я был в замешательстве, остальные замерли от удивления. Смущенно почесав пальцем скулу, мальчик отвел взгляд от команды, и точно хотел от них закрыться — натянул одеяло на голову, как капюшон или косынку. Так что теперь напоминал мне обертку от шоколадки Аленка.

Макуто поднялся и сел рядом с Наруто. Он не обнимал его, просто сел плечом к плечу. Наруто скинул одеяло и посмотрел на него.

— Ты тоже не ушел бы? — спросил Наруто.

— Нет, — ответил Макуто. — Не ушел бы.

Вскоре после этого отмер Саске:

— Ирука-сенсей, благодаря вам мы были полезными в бою и мешали Забузе. Если бы мы ушли, то нукенин сначала убил бы Вас и Какаши-сенсея, а потом нас и старика, — логически обосновал Учиха свое нарушение.

Я кивнул, но ничего не сказал. Слова Наруто глубоко запали мне в душу, и я краем сознания отмечал, что говорят остальные.

— Эмм, — подала голос Сакура. — Ну, ребята же не побежали...

А тебе просто некуда было бежать под барьером.

Вздохнув, я не стал спорить. Доказывать, что приказы надо выполнять, было не время и не место. Если бы не отвлекающие атаки ребят — я бы умер, впрочем, как и Собакин. Ругать Наруто за то, что он не послушался дурака Какаши и не смог бросить единственного человека, который к нему нормально относился, я не мог. Это надо не иметь ни сердца, ни мозгов, чтобы осуждать мальчика за его страх того, что с моей гибелью его жизнь снова станет Адом.

— Ладно. Ребята, допивайте чай. Будем разбирать другие ошибки, совершенные нами, и устраиваться на ночлег.

Детвора снова насторожилась. В общем-то, зря, потому что ругать их я не собирался.

Макуто помог мне разлить чай. Он раздал кружки, не спрашивая, кто что хочет. Просто поставил перед каждым, и никто не возражал.

— Первая ошибка, которую лучше не допускать в будущем — это переоценка своих сил. Когда на нашу команду напали нукенины из Дождя, Какаши-сан, как командир нашей группы, должен был отправить донесение и ждать подкрепления в связи с изменением статуса миссии. Учебные команды не ходят на миссии А и S ранга, потому что обычно там они погибают.

Макуто слушал внимательно. Он не перебивал, но я видел, как он запоминает каждое слово.

На этих словах седьмые удивленно уставились на меня.

— В таких ситуациях нужно прекращать миссию или ждать подкрепления, — сказал, грея руки. — Когда вы сами станете джонинами-сенсеями, не повторяйте ошибок Хатаке-сана.

— Ты предлагал вызвать подкрепление, — неожиданно вспомнил Наруто и неуверенно переспросил. — Да?

Я кивнул:

— Предлагал. Но Какаши-сан меня не послушал и повел нас дальше. Запомните, ребята, соваться к демону в пасть, ничего не зная о силах противника — это безрассудство и глупый риск. Я не хочу, чтобы наша команда так рисковала. Если Хатаке-сану нравится адреналин — пускай поступает, как знает, но желательно без нас. Лучше зря не рисковать. Меньше всего я хочу однажды увидеть ваши имена на монументе, который стоит на кладбище. Думаю, вы тоже мне смерти не желаете.

Макуто кивнул.

— Ну ладно, — улыбнувшись, беззаботно дернул плечами, удивив такой внезапной сменой настроения детей. — Следующую ошибку допустил уже Забуза. Если бы его сообщник появился раньше, например сразу, как мечник Тумана в первый раз вывел из строя Какаши, то мы все, а также Хатаке и Тадзуна, были бы мертвы.

Ребята вздрогнули, в очередной раз осознав, насколько близко они были к смерти.

— Но все кончилось хорошо, — подлил в кружки еще чая, — мы живы и здоровы, — широко улыбнулся, — вы отлично поработали для своей первой серьезной миссии. Если у вас вопросы остались или просто нужно выговориться — я здесь и всегда готов вас выслушать. Да, и еще давайте, наконец, передвинем Хатаке-сана подальше от входа, а то он здесь, под дверями, совершенно не к месту.

Хотя это как посмотреть. По-моему, Собакину как раз самое место на коврике перед дверью. Только простынет же, а мне — лечи, так что лучше передвинуть.

Макуто взял Какаши за плечи, я — за ноги, и мы отнесли его в угол. Дети помогли подоткнуть одеяла.

После еды все отчаянно зевали, но уснуть не могли. Пришлось рассказывать сказки. Мальчишки лежали, обняв подушки, жадно ловя каждое слово, но моргая все медленнее и медленнее. А вот Сакура была — живее всех живых. Ей на месте не сиделось.

— Ах... Какой красивый... — восторженно-влюблено, в очередной раз, затанула Харуно. — Его даже эти синяки не портят!

Так и подмывало сказать: «Подожди пять лет и вливайся в нестройные ряды поклонниц Какаши!»

Пока Сакура любовалась на «прЫнцессу» нашу спящую, Саске наконец смог вздохнуть свободно. Ведь в прошлые ночевки Сакура с маниакальным упорством пыталась улечься около него. Теперь же Розововолосая переключилась на Какаши.

Макуто отошел к окну и сел на подоконник. Он смотрел на дождь и, казалось, не собирался спать.

— И чего он уродом не оказался?! — бухтел Наруто, ожесточенно взбивая подушку и косясь на девочку. — Бли-и-ин...

Тут я заметил, что Сакура воровато покосилась на Саске и, вытянув губки трубочкой, потянулась к Собакину.

— Сакура, — сдерживая хохот, — не лезь к Какаши-сану, а то еще прибьет спросонья.

Пискнув, розововолосая отскочила на свое место и залилась краской. Став одного цвета со своей кофточкой.

Тадзуна поселил нас на первом этаже в зале. Из мебели тут были только ковер, пыльный футон под Какаши, да шкафчики у стенок. Бедняцкий минимализм, но со следами бывшего достатка. Кое-где на стенах виднелись силуэты, точно там довольно долго что-то стояло, и потому краска не выцвела на солнце. Видимо, раньше Тадзуна жил получше, например, на кухне у него имелись стулья с металлическими ножками и обивкой из чего-то похожего на шкурку молодого дерматина. Да и сам домик был

построен не из бросового материала. Все добротно и опрятно, и покрашено относительно недавно.

— Ну вы тут не скучайте, — нацепил архитектор коричневый матерчатый плащ, — я скоро приду, принесу еды...

— Куда вы, Тадзуна-сан? — спешно дожевывая кусок, поинтересовался я.

— В город, конечно! — сказал дед. — Я еще дочку и внука сюда приве...

— Нет, — закутался я плотней, чтоб не дышать на Наруто, который положил голову мне на колени.

— Но почему? — вскричал архитектор.

— Тадзуна-сан, протрите очки! Вы!.. — кашлянул, обрывая себя, а затем успокоив дыхание, сказал. — Пока мы не можем вас защищать. В городе вы можете столкнуться с наемниками Гато. Но если вы готовы пойти на такой риск — идите.

Надвинув соломенную шляпу на глаза, дед повернулся к нам спиной.

— И еще, — бросил ему, — вы рискуете не только своей жизнью, но и жизнями своих родных. Им безопаснее там, где они сейчас находятся.

— Я понял, — обреченно склонив голову, Тадзуна закрыл дверь, скинул верхнюю одежду со шляпой в угол и, закрыв руками лицо, сел около порога.

— Тадзуна-сан, хватит изображать оскорбленную невинность, — поморщился я от этого зрелища. — Вы понимаете, что обманули людей, которые должны были вас защищать?

— Понимаю. — Отозвался дед дрожащим голосом.

Врал. Врал, козлина, бессовестно!

— Но мои несчастные дочь и внук... — Опять устроил он театр одного актера, давая жалость.

— Да ничего вы не понимаете! — вспыхнул я. — Вы соврали при заключении контракта, за что вы в лучшем случае заплатите намного

больше, чем заплатили бы за А-ранга миссию в рассрочку. Ну, а в худшем вас бы просто убили. В вашей старой голове что, не помещается мысль о том, что кланы отомстили бы виновнику за смерть своих детей?

Макуто, услышав про кланы, повернул голову. Он смотрел на Тадзуну, и в его взгляде было что-то тяжелое.

Саске непонимающе вскинул бровь, Наруто и Сакура вроде что-то хотели сказать, но, видно, опасались сейчас меня перебивать.

— Из-за вашей прихоти мы все чуть не погибли! Подобную миссию должна выполнять команда джонинов, а не учебная команда! На что вы надеялись, Тадзуна-сан? — процедил имя архитектора как оскорбление. — Мы сейчас имеем полное право уйти.

— Как же договор?! Вы обязаны...

— Мы. Ничем. Вам. Не обязаны, — четко проговорил я. — Вы нарушили договор найма. Он недействителен! Мы здесь только потому, что вас пожалели дети! Дети, — проговорил я с нажимом, — которых вы собирались утащить за собой в пасть к Шинигами! В том числе Наруто, над которым вы всю дорогу издевались! А теперь вы сидите здесь и смеете корчить из себя обиженного!

— Ирука, — осторожно потянул мое одеяло блондин, чтоб привлечь внимание, — не надо кричать на Тадзуну-сана, он...

— Он виноват, — уже тише закончил я за Наруто и, посмотрев в голубые глаза, спросил. — Почему я должен его жалеть, если он не пожалел нас? Если он не пожалел тебя, Саске, Сакуру?

Макуто встал с подоконника и подошел к Тадзуне. Он не угрожал, не кричал, просто сел на корточки рядом и сказал:

— Если вы хотите, чтобы мы вас защищали, не врите больше.

Тадзуна посмотрел на него и кивнул.

Наруто опустил голову и сказал:

— Хай.

— Наруто, — погладил по голове, — ну подумай сам. Если бы Тадзуна-сан не утаил, кто за ним охотится, то сейчас...

— Тут были бы джонины, — продолжий мальчик.

— Верно. Потому что задания подбирают по уровню, исходя из того, насколько опытный шиноби или команда. Чтобы, выполнив миссию, все вернулись домой своим ходом и по возможности целые, а не приползли еле живые в больницу. Вот наберетесь опыта, чтобы выполнять В-ранговые задания легко, просто и без ненужного риска, а там и до А ранга не далеко. Задание должно быть таким, чтобы его можно было выполнить хотя бы с вероятностью шестьдесят пять процентов из ста, а лучше — больше.

Макуто вернулся на подоконник и закрыл глаза. Мне показалось, что он уснул, но его дыхание было слишком ровным для сна.

Старик отвернулся и, судя по эмоциям, задумался.

— Идите спать, Тадзуна-сан. И вы, дети, тоже. Сакура, а ты дежуришь. Через два часа разбуди Наруто, затем Саске, Саске разбудит меня.

— Почему я?! — вскричала девчонка.

— Потому что у тебя нет чакроистощения. Ты устала меньше, чем остальные. Точка.

— Ирука-сенсей вы... — не могла она найти слов, — вы... вы злой!

— Я добрый, это бандиты Гато — злые, — сказал я хриплым голосом. — Еще одно слово — и дежурить будешь на улице.

Макуто открыл глаза и посмотрел на Сакуру. Она замолчала.

До следующего утра мы дежурили по очереди. Утром, когда очнулся Какаши, Цунами с Инари пришли сами. Сарафанное радио, что работало без перебоев во всех мирах, им рассказало, что Тадзуна вернулся. Наверное, из-за девушки Хатаке не стал высказываться по поводу того, что оказался голым, хоть и зыркал злобно, натянув одеяло по самые глаза.

Не могу сказать, что его страдания оставили меня равнодушным. Я был счастлив!

Макуто встретил утро на том же подоконнике. Он не спал всю ночь, но выглядел бодрым. Я спросил:

— Ты не отдыхал?

— Отдыхал, — ответил он. — Я могу спать с открытыми глазами.

Я не поверил, но спорить не стал.

До следующего утра мы дежурили по очереди. **Макуто встал на последнюю смену, когда небо только начинало светлеть, и просидел у окна, не шевелясь, до тех пор, пока солнце не окрасило мутные стекла в желтый цвет.** А утром, когда очнулся Какаши, Цунами с Инари пришли сами. Сарафанное радио, что работало без перебоев во всех мирах, им рассказало, что Тадзуна вернулся. Наверное, из-за девушки Хатаке не стал высказываться по поводу того, что оказался голым, хоть и зыркал злобно, натянув одеяло по самые глаза.

— Папа, ты жив! — кинулась на шею деду миловидная брюнетка.

У Цунами были мягкие черты лица, светлая кожа и темные, иссиня-черные волосы. Чем-то она напоминала мне Белоснежку из детских книжек. Ее гном-сынишка пришел чуть погодя. Он молча проскользнул на кухню с корзинкой, прикрытой полотенцем, и собрался потихоньку смотаться на улицу, но был остановлен строгим окликом матери:

— Инари, иди сюда.

Пискнув: «С возвращением, деда», мальчишка в полосатой панамке, которая была ему явно велика, обнял деда за шею и уткнулся ему в ключицу.

— О, Инари! Где ты был?

Цунами виновато улыбнувшись, шепотом отругала сына.

— Поздоровайся, эти ниндзя будут защищать дедушку.

Пацан нахмурился и, повернувшись к женщине, сказал:

— Ма, они все умрут.

Это заявление вызвало перекошенную физиономию с дергающейся жилкой на лбу у Сакуры, активированный шаринган у Саске и готовность орать и спорить у Наруто.

Макуто закрыл окно, за которым давно уже никто не ходил, и подошёл к нам. Он встал за спиной у Наруто, положил руку ему на плечо, и тот, к моему удивлению, замолчал, не начав спорить с пацаном.

— Ты!.. бу-бу-бу! — прикрыл я ладонью рот Наруто, когда он всё же попытался возмутиться.

— Не нужно с ним спорить, — прояснил свои действия. — Пусть думает что хочет.

— Кстати, Саске, поздравляю тебя с активацией шарингана. Вчера было как-то не до этого...

— Спасибо, Ирука-сенсей, — немного смущенно сказал Саске и отключил шаринган.

— Вам ни за что не справиться с Гато, — сообщил Инари «неочевидную» инфу.

— Малыш, — криво улыбаясь, сказал я: — не слишком приятно было слышать подобное в свой адрес, — ты пророк, чтобы разбрасываться такими словами?

— Уезжайте, если хотите жить, — поджал он губы и спрятался за Цунами.

— Бу-бу-бу! — все же Наруто вырвался. — Эй, Инари, слушай сюда! Я супергерой!

Макуто убрал руку с плеча Наруто и отошел к стене, давая ему высказаться. Я заметил, как Цунами бросила на мальчика в зеленой куртке долгий, оценивающий взгляд, но тот не обратил на это внимания.

— И когда-нибудь стану хокаге — самым сильным шиноби! Гато ничто предо мной!

— Пфф. Ты чего, совсем debil? — высунувшись из-за мамы, выдал малец.
— Не бывает никаких героев!

— Да я тебя! — разозлился Наруто.

Испортив всем и без того не радостное настроение, мальчик-панамка пулей рванул к себе в комнату, а за ним пошел сердитый Наруто. Через несколько минут он вернулся, шепотом сказав, что Инари плакал. Для мальчика такая реакция внука Тадзуны была непонятна.

— Ирука-сан, — услышал я за спиной злобное шипение.

— Что вам, — пропел ехидно, — Какаши-сан?

— Где моя одежда? — плотнее завернувшись в полосатую тряпку от не по-детски заинтересованного взгляда Сакуры, рыкнул Хатаке.

— Тут грязная одежда лежит, я постираю? — вошла из пристройки Цунами, похоже, не слышавшая нашего разговора.

— Погодите! — от ужаса Чучело аж вытаращился обоими глазами, напугав девушку. — Принесите жилет!

Оказалось, что рюкзак у Какаши был набит всяким барахлом, а вот сменка у него находилась в нагрудном кармане жилета в небольшом свитке.

Макуто при этом разговоре подошел к двери и, не спрашивая, выглянул на улицу. Вернувшись, он тихо сказал:

— Во дворе никого. Трава примята только наша.

Саске яростно хрюкнул, когда увидел, что Какаши распечатал чистые вещи. Видимо, попросить нас с Наруто научить его пользоваться свитками для хранения Учихе религия не позволяла.

Макуто снял с пояса свой танто и принялся молча чистить его тряпкой. Инари, который выглянул из-за двери своей комнаты, увидел это и замер, разглядывая клинок. Макуто заметил его взгляд, но ничего не сказал.

Свиток в руках Хатаке запустил цепочку ассоциаций и я понял, что чуть не забыл какой сегодня день!

Но Наруто с утра вел себя как обычно, я даже подумал, что дни попутал и решил попозже спросить у Цунами, какое сегодня число.

Собрав выпавшее барахло, Какаши всех нас выставил за двери, чтобы одеться, даже не дал рюкзак забрать.

— Сакура, упадешь — шею свернешь. — Не отвлекаясь от чашки с чаем, сказал я девочке, которая пыталась, отклоняясь назад на стуле, заглянуть в щель между дверьми.

Злой Какашка, — мысленно приговаривал я, цедя те пару капель, что еще оставались в кружке, какой сегодня день я уже узнал, — очень злой Какашка. Еще бы ему злым не быть, одеваться лежа — то еще удовольствие, а двигаться нормально он и в правду не может. Но сейчас он станет еще злее!

— Можете зайти! — недовольно заявил Какаша.

Когда мы расселись, Хатаке сложил руки на груди и, недобро прищурившись, выдал:

— Вы все, ничего не хотите мне рассказать?

— Ммм, — привлек я к себе внимание, — дайте подумать... — потер подбородок, медленно перевел взгляд к потолку — нет. ...Подождите! — поспешил сказал. — Я хочу сказать... — пауза. — А я же говорил! — и прежде чем Какаши успел что-то сказать, я добавил, — И еще...

После этих слов, я повернулся к Наруто, расстелил на полу свиток и распечатал из него продолговатую коробку в ярко-красной шелестящей обертке и с большим оранжевым бантом, —

В день рождения немного взгрустнуть

Может каждый, но ты не грусти!

Лучше вспомни, как много хорошего

Повстречалось тебе на пути.

Пусть тебе уготовит судьба
Еще много приятных минут,
Пусть она к тебе будет добра
И удачи одни тебя ждут!

Пару секунд была просто звенящая тишина, что мне даже показалось, что я сделал что-то не то, даже успел подумать, что Цунами ошиблась и сегодня не 10 октября. Но потом отмер Наруто и с визгом повис у меня на шее, чуть не опрокинув на пол. Ему не нужно было даже знать, что там, в обертке. Сам факт подарка и поздравления — уже был поводом для счастья.

— Спасибо, спасибо, спасибо! — как заведенный, повторял мальчик.

Макуто подошел к Наруто и молча положил ему на ладонь небольшой кожаный брелок. На нём был вытиснен дельфин — символ клана Умино.

— Это от меня, — сказал он. — Тэучи-сан помог вырезать.

Наруто сжал брелок в кулаке, кивнул и улыбнулся Макуто так широко, как только мог.

Когда мальчик перестал безостановочно повторять: «Спасибо», замычал, привлекая к себе внимание, Какаши:

— Мма... Поздравляю, Наруто. Расти сильным и неси в себе Волю Огня! Будь достоин героев Конохагуре! — пафосно закончил Какаши.

Лучше бы ты молчал...

— Хм... поздравляю, — нехотя выдавил из себя Саске, «воодушевившись» примером Чучела.

— Поздравляю, — неприязненно сказала Сакура, и сразу же снова решила блеснуть интеллектом, — Ирука-сенсей, а почему вы поздравляете Наруто и дарите ему подарок? Ведь всем известно, что на день рождения ребенка все обычно поздравляют родителей ребенка, а подарок ему дарят только сами родители?

Вот я попал... Фигасе у них тут нравы... Выходит, зря я пролистал, не прочитав, раздел, касающийся этикета в семье... Хотя, чего я парюсь? Родителей у Наруто нет, да еще добавлю свои клановые заморочки...

У Наруто от упоминания родителей, о которых он ничего не знал, заметно испортилось настроение. И в коробку он вцепился так, будто я ее отнимать буду. Саске заметно поморщился и уставился в пол, поджав губы.

— Сакура, — сдерживая злость, спросил я у розовой дуры. — Во-первых, я здесь что-то не вижу родителей Наруто, и кстати, чтобы ты знала — твой сокомандник — сирота. Во-вторых, в моем клане было принято поздравлять детей с днем рождения и дарить им подарки, — выделил голосом. — Еще есть вопросы? Нет вопросов!

На пару секунд установилась мертвая тишина. Даже надувшаяся было Харуно попритихла, но тут же вылезла с новой инициативой, засмотревшись на пеструю обертку:

— Ирука-сенсей, а что вы подарили?

Бестолочь розовая... — мысленно поносил девчонку, ее беспардонность начинала действовать мне на нервы.

Усилием воли подавив неприязнь, я спокойно сказал:

— Наруто сам покажет, если захочет. Так ведь?

Мальчик возбужденно закивал и принялся за обертку. Он распаковал подарок, аккуратно поддев кунаем ленту, но не разрезав, а развязав узел. Теперь его и подарок разделяла лишь тонкая бумага.

Макуто сел на пол рядом с Наруто и, не вмешиваясь, смотрел, как тот открывает подарок. Когда коробка распечаталась, он увидел набор каллиграфических принадлежностей, кисти и специальную бумагу для печатей.

— Что ты копаешься, — требовательно протянула Харуно руку, — я открою.

Вместо того чтобы отдать коробку девчонке, Узумаки подтянул подарок к себе и, чуть поколебавшись, все же рванул тонкую бумагу, обнажив лакированную крышку.

— Это пенал? — тут же сунула свой нос Сакура.

— Почти, — с благоговением протянул Наруто, откинув крышку и разглядывая набор для мастера печатей. Здесь было все: начиная с разнокалиберных кисточек и закрепленного под крышкой свитка с запечатанным в нем запасом специальной бумаги для фуиндзютсу и заканчивая различными линейками. Тут даже были рулетка, циркуль и компас. В общем, все, что могло потребоваться для начинающего идти по пути мастера печатей.

Макуто провел пальцем по одному из циркулей и кивнул:

— Хороший набор. Рей-сан учил меня пользоваться таким же.

Наруто сразу оживился:

— А ты покажешь? Потом, на тренировке?

— Покажу, — ответил Макуто.

Опознав все прибамбасы, мальчик снова принялся меня благодарить.

— Хватит, — смеясь, попытался защититься от объятий, — придушишь.

По скрипу зубов я понял, что Какаши был совсем не против, если бы я именно так и скончался.

— Ирука-сенсей, а зачем вы подарили Наруто набор для каллиграфии? Он же пишет так ужасно, что никто ничего понять не может!

— Да? — изумленно посмотрел я на смутившегося мальчика.

Когда он помогал мне переписывать методички, я это точно помню, у него получалось аккуратно и быстро выводить иероглифы, гораздо лучше, чем у меня. Кажется, даже Рей когда-то говорил, что у блондина выходят идеальные печати, точно их делал мастер каллиграфии. Даже спрашивал, кто его учил.

Смутившийся Узумаки начал что-то тихо говорить про спешку и про то, что он сам потом прочесть не мог, что второпях карябал, но Какаши заявил, чтоб мы не маялись дурью, а наконец рассказали ему, как было дело.

— Дело было так... — снова вылезла вперед Сакура.

Какаши благожелательно кивнул ей, поощряя выскочку, и сделал вид, что не заметил нарушения субординации. А я не стал одергивать розововолосую — это обязанность джонина-сенсея и командира, а не моя. По идее доклад должен был начинать я. Ведь я — чуунин, старший по званию после джонина и ассистент учебной команды. Но Какаши решил пожертвовать своим временем и послушать пересказ от Сакуры. Но если Какаши хочет как можно дольше оставаться в неведении, то я могу пойти ему на встречу. Пусть слушает доклад самого плохо информированного и недалекого члена нашей команды. Флаг ему в руки!

— Ммм... Кто-нибудь, вы не могли бы мне помочь? — робко позвала с кухни Цунами.

Ничего нового я не услышу, дети Собакину и так все расскажут. Раз он сам нарушает субординацию и нормы вежливости, то и я буду не слишком... формален, — и я ушел помогать дочери Тадзуны. Я спасал этого Нарцисса в маске не для того, чтобы давать ему вытирать о себя ноги. Да и помочь я могу... Хотя я еще и не совсем пришел в норму, но, в отличие от некоторых, был ходячим.

Макуто остался в комнате. Он встал у двери, скрестил руки на груди и стал слушать сбивчивый рассказ Сакуры о бое с Забузой. Когда дочь Тадзуны ушла на кухню, Какаши бросил короткий взгляд на Макуто, но ничего не сказал.

Так что я пошел помогать. Надо было вытащить из погреба здоровенный мешок риса, как раз на черный день и приобретенный. Шиноби — это пролоты, вот и пыталась Цунами достать припасы из подпола, но в одиночку — не могла сладить с мешком. Пришлось спускаться и доставать все самому. После того, как притащил мешок на кухню, я решил еще чем-нибудь помочь дочери Тадзуны. Все же не легко прокормить такую ораву и при этом оставить кухню чистой и опрятной. В отличие от

меня, у Цунами не было клонов, на которых я оставлял самую нудную и грязную работу по дому. А ведь я готовил только на себя и Наруто.

— Спасибо, — забрала женщина из моих рук вымытую тарелку.

Макуто заглянул на кухню, взял у меня из рук тарелку и поставил ее в шкаф. Потом молча взялся за полотенце и начал вытирать чашки, которые мыла Цунами. Та сначала удивленно посмотрела на него, но потом улыбнулась и продолжила работать.

— Мне не трудно, — прохрипел я из ворота ветровки. На лицо я его натянул, чтобы не заразить семью старика и еще не выздоровевшего Какаши. Но тот посчитал, что я его передразниваю. Дурак.

Когда я вернулся, Какаши уже сказал, что будет их тренировать. Я прекрасно слышал с кухни, как возмущалась Сакура, даже пришлось слух «убавить», сомневаясь, что какая-то тренировка поможет им против Забузы, которого не смог завалить даже сам Какаши. Но Собакин ловко вывернулся, сказав, что детишки себя недооценивают. Но тут же обломал:

— Само собой, это будет просто тренировка, пока я не поправлюсь. Без меня вам не одолеть Забузу.

Развел Какаши руками и поморщившись, повел плечами.

Кстати, Хатаке никак не прокомментировал тот факт, что я спас ему жизнь. Спас и спас, обязан был, видимо. Как сокомандник — может быть. А вот как недоученный медик? Вроде да... Или я путаю правила ирренинов и клятву Гиппократата? Не знаю. Упустил как-то этот момент из вида. Но в любом случае, я пока очень слабый специалист. Да, я лучший на курсе после одного очкарика, но он на эти занятия ходил лишь для галочки, чувствовалось, что он умел и знал больше, потому что Тсуруги Мисуми откровенно скучал на парах и при этом всегда правильно выполнял задания.

Но дело не в этом, а в том, что я прыгнул выше головы, не дав Собакину загнуться! И в том, что я почти закончил весь курс, заучивая учебники и задалбывая Кито и других медиков вопросами. И если бы я не знал техники передачи чакры, травматология мне бы не сильно помогла в спасении шкуры одного неблагодарного джонина!

Неужели он не понимает, что я мог сказать «ничем помочь не могу» и оставить с одной перевязкой?

— Но сенсей, — снова встряла Сакура, — если Забуза жив, можем ли мы отвлекаться на тренировки?

— Значит, будем тренироваться пока не нападет! — заулыбался Наруто, предвкушая наконец нормальные тренировки... — Будет весело!

Тихо шурша, отодвинулась дверь на второй этаж и подслушивающий нас Инари решил вставить свои пять копеек:

— Ничего не весело... — он по стеночке попытался нас обойти, но заметив меня в дальнем углу, на своем пути, остановился и посмотрел в окно, будто собрался через него выйти наружу.

Макуто, который стоял у стены, шагнул в сторону и загородил Инари собой от остальных. Мальчик посмотрел на него снизу вверх и замер.

— Мальчик, иди отсюда, — сделал Какаши ручкой, даже не повернувшись.

— Хатаке-сан, — закашлявшись, сказал я, — это вы тут гость, а не наоборот. Не бойся, Инари-кун, мы тебя обижать не станем.

Дети явно были со мной не согласны и проводили мелкого неприязненными взглядами.

Макуто отошел от Инари и снова встал к стене. Инари постоял секунду, потом быстро проскользнул мимо него на кухню.

Джонин сделал вид, что внезапно оглох:

— Как вы знаете, Забуза жив, — глядя на детей, сидевших рядом с его футоном, мудро изрек Какаши.

Я вздохнул и еле заметно покачав головой, вернулся к рисунку.

Странно, что Собакин не встал в позу — Капитан Очевидность. Ах, да, он же встать не может! Он и сел-то еле-еле... — мстительно подумал я.

— К тому же, даже если в ближайшее время Забуза не оправится от ран,
— продолжал Какаши, — Гато может нанять другого, еще более сильного ниндзя!

Фигово ты нас вдохновляешь, Собакин.

Прикрыл лицо рукой, чтобы не видеть этот театр абсурда.

— Сенсей, а как мы будем готовиться, вы ведь ходить почти не можете?
— впервые я не знаю за какое время, задала Сакура не полностью идиотский вопрос.

Я даже руку убрал от лица, чтобы это увидеть.

Детвора сидела кружком у вытянутых ног Какаши. Сакура сидела на коленях и упиралась руками в пол, чтобы было удобнее. Наруто сидел по-турецки, внимая каждому слову Хатаке, даже иногда наклоняясь вперед. И только Саске сидел вполоборота, будто ему неинтересно.

— Зато я могу тренировать вас! — важно изрек Хатаке. И кивнул своим словам, будто от этого они должны были стать еще весомее.

Я едва удержался от скептического восклицания. Только тихонько протянул:

— У-у-у.

Вовремя опомнился, — тяжело вздохнул я. — А если бы ты об этом хотя бы месяц назад вспомнил...

— Аа? Тренировать? — захлопала зелеными глазками Сакура.

Когда же до нее дошло, что сказал Какаши, она яростно выкрикнула:

— Чем нам поможет простая тренировка? Вы даже с шаринганом едва справились с Забузой!

Если судить по ярко выраженным эмоциям, мысленно она добавила что-то вроде: «Угробить нас хочешь, козел?»

— Сакура, а кто помог мне победить? — спросил Чучело, глядя на Саске с Наруто и косясь на меня, точно гадость какую-то замыслил.

«Что он задумал? Вообще-то мы все, включая меня», — подумал я, штрихуя карикатуру на Какаши.

— Вы очень быстро взрослеете, ребята, — изобразив глаз-улыбку, проговорил Хатаке. — Особенно Наруто.

Ах вон оно что... сломал я грифель о бумагу.

«Не благодаря тебе, козлина!»

А Наруто сидел открыв рот. Хоть сейчас пиши с него картину — я приятно шокирован. Щеки зарделись, он явно был на седьмом небе от счастья. Столько всего хорошего за один раз: и поздравления, и подарок, и похвала от Какаши. Который все еще был в глазах мальчика авторитетом.

— Ты растешь быстрее всех, — торжественно добавил джонин.

Я сжал зубы и как бы невзначай прижал рукой нос, чтобы не было видно, как от злости он дергается вместе с верхней губой.

Макуто, стоявший у стены, кашлянул. На этот звук обернулся Какаши, и они встретились взглядами. Хатаке на секунду замер, но ничего не сказал и снова повернулся к детям.

Сакура посмотрела на Наруто с сомнением, будто только заметила, как он изменился, и подумала что-то вроде: «Он в самом деле сильнее, чем был».

Довольно поздно ты это заметила, невнимательная, бестактная и бестолковая зубрилка.

— Само собой, — продолжил Хатаке, лениво покосившись в потолок, — это просто тренировка, пока я не поправлюсь. Без меня вам с ним не справиться.

Тут Какаши был прав.

Увы. Правда, — вынужден был я согласиться. — Ты пока еще нужен, Собакин. А так бы добил, как и обещал при рекламе своей первой помощи.

— Но сенсей!.. Если Забуза может напасть в любой момент, можем ли мы отвлекаться на тренировки?

Все не унималась девчонка, раздражая Саске, который тоже был рад тому, что Какаши будет их тренировать. Только не догадывался Учиха, как и Узумаки, что джонин-сенсей не собирается давать им что-то серьезное. В этом я был уверен.

Подумав о самых бесполезных сейчас тренировках, я вспомнил канонное лазанье по деревьям, но благодаря мне Наруто, и остальные это уже умели. А значит, Какаши мог предложить хождение по воде или еще что-то подобное.

— А, это... — отмахивается от нее Какаши. — Как я понял с ваших слов, Забуза сильно ранен и нескоро восстановится.

Настроение упало еще ниже из-за упоминания Виктора.

— Тренировки — это же отлично! — радостно воскликнул Наруто, решивший, что они все-таки смогут стать сильнее, а следовательно — он хотя бы на шаг приблизится к своей цели — стать Хокаге.

От Хатаке так и прет самодовольством. Ну посмотрим, как долго ты будешь таким счастливым...

— Ладно, идем на тренировку, — с важным видом выдал Чучело, и Цунами подала ему костыли.

— Ура! — радостно выкрикнул Наруто, запрыгав на месте. — Ирука! Идем!

Макуто поднялся со стула, поправил на поясе танто и шагнул к выходу. У двери он пропустил вперед Цунами и только потом вышел сам.

Узнав, что Какаши не может ходить, дочка Тадзуны выудила откуда-то для Собакина костыли. Оказалось, что их сделали для Тадзуны, когда ему однажды упустили на ногу кирпич. Встав на палки, Какаши слез со ступеньки, а затем заковылял во двор.

Нагнали мы его уже на берегу. Ковылял Собакин довольно быстро и уже ждал нас, привалившись к дереву. Стоило ступить на землю, как Хатаке сказал:

— Но перед тем как начать, я хочу поговорить с вами об источнике силы ниндзя — о чакре.

— Ээ-э, нн-у-у, я что-то такое об этом слышал, — потянул блондин, явно не понимая, к чему это Какаши говорил. Мальчика раздирали сомнения на тему того, может ли он показать, что знает, или он этим как-то выдаст меня. Так что он вопросительно посмотрел на меня, ожидая подсказки. Я подтверждающе кивнул, но было уже поздно.

— Ты уже ниндзя и даже этого не знаешь?! Тебя в Академии чему учили?!
— обвинительно выставив палец, заорала розововолосая.

— Да, я помню, Ирука это рассказывал... — сказал Наруто, но его, естественно, никто не услышал.

— Ладно, — тяжело вздыхая, продолжает Собакин, изображая мученика.
— Ну хорошо. Сакура, — приглашающим жестом Хатаке дал ей слово.

Та не разочаровала сенсея:

— Слушай, Наруто, объясняю на пальцах, — надувшись от важности, вещала розововолосая. — Попытайся, тугодум, хоть как-нибудь запомнить! — взяла в руку хворостину и начала елозить ею по песку, изображая каких-то чудовищ с костром в пузе. — Если говорить просто — это энергия, которую шиноби используют для выполнения дзютсу. Эта энергия состоит из двух частей.

И художник из Сакуры был такой же паршивый, как и шиноби.

— Энергия тела, которая питает все твои клетки, и энергия духа, которая усиливаются с помощью тренировок и медитаций. Эти энергии и есть чакра, — для выразительности подняв указательный палец вверх, наставительно сказала Сакура и продолжила нести ахинею. — Собирая чакру и выпуская ее наружу, мы и выполняем дзютсу. Это делается с помощью особого набора жестов.

— Совершенно верно, у Ируки были хорошие ученицы, — похвалил ее Чучело, отчего девочка расплылась в широченной улыбке и стала похожа на розовую жабу.

Под конец этого представления меня едва не трясло от сдерживаемого бешенства. Я не позволю Какаши разделять команду и убеждать ребят, что нормально быть сильным, но глупым, каким он хочет считать Наруто, или умной, но слабой, какой он хочет видеть Сакуру. Я не позволю Хатаке подарить ей замечательное оправдание для своей слабости! Чтобы она, ничего не делая, благополучно закрывала глаза на окружающий мир до тех пор, пока ее не прихлопнут, как мошку! Ей придется посмотреть правде в глаза. Она никчемная куноичи и обуза для команды. Ей придется стать сильнее! А Наруто — не тупой, но сильный. Он нормальный сообразительный мальчишка, из которого все старательно делают дебила. Игнорируют, считают идиотом, ничего не объясняют (мол, все равно не поймешь), постоянно смеются над ним и его ошибками... Назови человека сто раз свиньей, и он захрюкает, — сжал кулаки. Не позволю!

— Молодец, Сакура. Садись, два! — не выдержал я, вынося свою оценку.

Удивленно вытаращившись на меня, Сакура ущипнула себя за руку.

— Сакура, если ты такая умная, то почему ты используешь объяснение первых курсов? — язвлю. — Вам что, по шесть-семь лет?

— Эм... Но... — дослушивать Харуно я не стал.

Саске хмыкнул, его эта ситуация забавляла.

Повернувшись к Узумаки, я сказал:

— Наруто, объясни ей, что такое чакра и где она не права.

Саске поперхнулся очередным хмыком, Сакура чуть не рассталась с нижней челюстью, некрасиво открыв рот.

— Ну-у. Сакура-чан, — осторожно, даже робко, начал блондин, — ты сказала, что если говорить просто, то чакра — это энергия, которую шиноби используют, выполняя дзютсу. Но шиноби используют чакру для всего, а не только для дзютсу.

Посмотрев, как неуютно Наруто чувствовал себя, поправляя Харуно, я решил вмешаться для ускорения процесса:

— Именно. Разве ты, Сакура, по деревьям ходила, выполняя какое-то дзютсу? Или ты просто чакрой пользовалась? — и уже обращаясь к блондину. — Наруто, смелее.

Сакура удивленно хлопала глазами, Какаши стоял, явно открыв рот, уж очень длинное лицо у него стало. Саске глядел на Узумаки так, будто того только что назначили на должность Хокаге.

— Насчет того, что чакра — это энергия, состоящая из двух частей... — тем временем уже увереннее продолжил блондин. — Это не совсем верно.

— Это неверно в корне! * — добавил я, положив руку на плечо мальчика. Какаши скривился при упоминании корней, но промолчал.

*(Будем считать, что такое выражение присутствует в речи шиноби).

— Кроме обычной, нейтральной чакры, которая состоит из смешения инь и ян составляющих, есть и другие ее виды. Например, есть еще медицинская, она же ян-чакра, — рассказывал Узумаки так, будто специально заучивал, — ее используют ирьенины. Есть инь чакра — она же духовная, которую используют для гендзюцу. Есть элементарная чакра, вроде чакры воды, огня или ветра, и другие ее элементарные разновидности, вот... — призадумавшись, поскреб в затылке, забавно хмурясь, а затем продолжил. — Насчет того, что чакра состоит из энергии тела, которая питает все клетки, и энергии духа, которая усиливается с помощью тренировок и медитаций... Здесь перепутаны эммм... — замялся Узумаки, явно пытаясь что-то вспомнить.

— Причина и следствие, — подсказал я мальчику.

— А, да, точно! Перепутаны причина и следствие, даттебайо! — радостно спохватился блондин. — Клетки твоего тела вырабатывают ян-чакру. А твой дух определяет мощь твоей инь-чакры. Разум же в одинаковой степени влияет на обе чакры!

Сакура в прострации, Саске — тоже. Какаши возмущен и удивлен.

— Так, ну и вроде последнее, — обращаясь к розововолосой, продолжил Наруто, — Сакура-чан, ты говорила, что собирая чакру и выпуская ее наружу, мы и выполняем дзютсу? Таким образом, мы можем не только

создавать дзютсу, но и усиливать удар чакрой, пропускать ее через оружие. Также неверно, что выпускать чакру или создавать дзютсу обязательно нужно с помощью особого набора жестов. И это не обязательно, даттебайо! — радостно закончил Узумаки, сияя как лампочка своей знаменитой улыбкой.

Самодовольство с Сакуры ветром сдуло еще в начале лекции. Вид она имела подавленно-пришибленный и чуть ли не до синяков защипала себе руку. Саске тоже был удивлен, он тихонько сказал: «Кай». Вот она, профессиональная деформация личности, чуть что не так, сразу «Кай» и за кунай.

— Не может быть, — замотав головой, упрямо сказала она. — Этого не может быть. Этого не может быть, — как заведенная, снова повторила Харуно. — Наруто-бака не может быть прав... Ирука-сенсей, вы же сами нам так говорили в Академии! — наконец нашла она крайнего.

— Сакура, я вам это говорил давно, еще до того, как вы научились нормально использовать чакру. — отмахнулся, присаживаясь на пенек. — Это было простое, доступное объяснение, которое без проблем понимали дети. Но время прошло, вы повзрослели, научились чувствовать чакру, научились разным приемам работы с ней. Сакура-чан, — проникновенно сказал розововолосой, — скажи мне, что помешало тебе спросить у кого-нибудь или прочитать в библиотеке нормальное, а не упрощенно-детское определение того, что такое чакра? Или хотя бы просто подумать над тем, что ты говорила?

— Хм... — покосился Какаши на девочку и вдруг сказал. — Нуу... Как Сакура и говорила. Выпустить чакру означает собрать энергию тела и духа, затем смешать их внутри себя. В зависимости от того, какое дзютсу вы используете, тип и количество чакры будут разными.

А фломастеры на вкус и цвет все разные, — захихикал я. — Не, ну кто бы мог подумать, а?

— Вы пока используете чакру неэффективно, — странновато перевел тему Собакин, покосившись на меня. — Даже если вы сумеете собрать большое количество чакры... Если вы не сумеете ею управлять, ваше дзютсу будет

ослаблено или не сработает. А разбрасываясь попусту энергией, вы протянете в бою недолго. Вот такие дела. — Мудро изрек Чучело.

Да не может быть! А то мы вчера не видели, как долго ты протянул! Делайте как я говорю, а не как я делаю?

— Ирука-сан, я сказал что-то смешное? — злобно прищурившись, спросил Хатаке.

— Нет-нет, что вы, — улыбаясь, как Сай, — я просто вспомнил смешной анекдот.

— Да неужели?! — не поверил мне Собакин.

Пауза затягивалась, и тут голос подал Наруто, которому надоела вся эта бессмысленная, с его точки зрения, говорильня.

— И что нам делать?

— Научиться управлять чакрой. Но это будет очень сложная тренировка.
— низким, угрожающим голосом проговорил Хатаке.

Мда, театр одного актера... — опять я своим хихиканьем испортил Какаши представление.

— И что мы будем делать? — наконец разродилась вышедшая из ступора Сакура.

— Ходить по воде! — торжественно выдал Какаши.

Мда, угадал.

Костыль-табло, — переиначил я «рука-лицо», поглядев на место тренировки, предложенное Чучелом. Для тренировки он выбрал не тихую отмель, а обрыв с глубоким дном. Здесь будто прошелся земснаряд: мелко, а затем глубокая яма явно с чем-нибудь опасным на дне. Чуть дальше было не так уж глубоко, но куча крупных булыжников, слегка обкатанных сильными течениями и с мотающимися кусками водорослей, листьями и прочим мусором, доверия не внушали.

А Собакин-то у нас — массовик-затейник! — сжав зубы, наблюдал я, как Чучело встал костылями на воду и бодро потопал по волнам. — Если он

начнет тонуть, я спасать его не полезу. Где у меня моток веревки со стальной кошкой запечатан?

— Ребята, ваша задача — научиться бегать по воде. Разбегитесь, вам так будет проще. Старайтесь зайти как можно дальше.

Ешкин кот, да он это всерьез! — справившись с удивлением, я смерил Чучело презрительным взглядом, сделав вид, что смотрю на беспокойную воду под его ногами. — Пусть топится, детей его вытаскивать не позволю, а брошу веревку с кошкой на конце и скажу, что не смог найти... Желательно кошкой в голову, — усмехнулся. — Headshot! Стресс, рецидив амнезии! Да что угодно, что помешало бы мне спасти Какаши от нелепой смерти!

— Хай (Да), — хором выдали Наруто и Сакура, а Саске выдал свое фирменное хмыканье.

Вот только Узумаки бросил на меня вопросительный взгляд, явно спрашивая разрешения. Наши тренировки с хождением по воде были секретом, и он явно не знал, что делать.

— Стоять, — не повышая голоса, скомандовал я детям, сложив руки на груди.

Наруто послушался и облегченно выдохнул, Саске замер в раздумьях и сомнениях, а Сакура, злобно взглянув на меня, ускорила шаг и поперлась прямо в воду. И уже через мгновение смотрела на меня снизу вверх, провалившись почти по грудь в илистое дно.

Макуто шагнул к воде, протянул Сакуре руку. Та с фырканием отвернулась, но все-таки схватилась за его ладонь, и он вытащил ее на берег.

— Идите за мной, — сказал Макуто, отряхивая штаны. — Я знаю место, где вода спокойнее.

Никто не возразил. Мы пошли вслед за ним.

Тяжело вздохнув, я только покачал головой и протянул розовой руку. Та с фырканием отвернулась и сама выбралась на берег, но, опустив глаза, с ужасом глядя на мокрое, запачканное тиной и илом платье, взвизгнула.

Шмотки испачкала — это ужас! Сама чуть не погибла по своей же тупости — не, не заметила! Впрочем, я преувеличивал. Даже она не утонула бы в обычном илистом омуте. Наверное.

— Иди вытрись и переоденься в сухое. Дом рядом, мы тебя ждем. И быстро! — скомандовал я, чтобы вывести ее из ступора.

Быстро-быстро похлопав глазками, Харуно всхлипнула и помчалась к дому Тадзуны. Какаши тем временем выбрался на берег и требовательно посмотрел на меня:

— Почему вы остановили мою команду?! — гневно сверкая взглядом, выдал мне этот клоун с костылями.

— Потому что начинать надо с простого, Хатаке-сан, — сдерживая раздражение, принялся я объяснять очевидные для меня вещи. — Это основы любого обучения. От простого — к сложному. Тут, не очень далеко от дома Тадзуны, есть отличное место с множеством крупных валунов, с которых удобно будет вставать на воду. Вот там пусть и тренируются! А не здесь, где сильное течение.

— Когда нападут нукенины, у генинов не будет возможности выбирать. Им придется ходить и бегать по любой водной поверхности! — возразил Хатаке.

— Хатаке-сан, вы тут нукенина где-нибудь видите? Хотя бы одного, вот прямо здесь и сейчас? Я — нет. Вот пусть сначала ребята научатся ходить по спокойной воде, а потом уже — по бурной! Кроме того, погода сейчас сырая, как-никак — осень на дворе. Я не хочу, чтобы дети промокли и заболели.

Повернувшись к мальчишкам, сказал:

— Наруто, Саске, идите за Макуто. Здесь вы будете тренироваться долго и без толку.

И зашагал к дому Тадзуны. Ребята — за мной. А Какаши не сразу заковылял за нами, какое-то время он расстроено-обалдело смотрел, как я увожу его «солдат». Сосредоточившись на Хатаке, я четко уловил злость и

недоумение. Он явно не понимал, почему ребята слушали меня, а не его, а потом еще и ушли, стоило только сказать, что я их обучу лучше.

У дома я встретил выходящую девочку и привлек ее внимание, помахав рукой.

— Сакура-чан, не туда, идем.

Харуно постояла секунд десять, недоуменно глядя то на нас, то на ковыляющего следом Какаши, после чего что-то решила и с криком:

— Са-а-аске-ку-у-ун, подожди меня! — попыталась повиснуть на Учихе. Тот ловко увернулся.

Макуто, увидев это, ускорил шаг и пошел впереди всех, показывая дорогу.

Минут через пятнадцать мы пришли на каменистый пляж.

Широкая полоса обкатанных морем булыжников образовывала неглубокие заводи со спокойной прозрачной водой, а всего в двух шагах бесновалось серое море, сливаясь с небом.

Когда мы пришли, я начал терпеливо и подробно объяснять, что сначала надо встать на камень, потом сосредоточить в ступнях чакру и осторожно перенести ногу на воду, постепенно перенося на нее вес тела... Объяснил все, уточнил, где могло быть непонятно. Напомнил о паре деталей. А Наруто я шепнул, что надеюсь, что у него все получится...

Макуто слушал внимательно, потом оторвал большой камень от земли, положил его на плечо и шагнул на воду. Камень сильно прижал его к поверхности, но он удержался и сделал несколько шагов.

— Вот так, — сказал он, возвращаясь на берег. — Надо почувствовать вес.

Саске кивнул и тоже шагнул на воду, но без камня. С первого раза у него получилось. Наруто, глядя на них, не стал отставать.

Через несколько минут все трое уверенно стояли на воде, перебрасываясь камнями и проверяя равновесие.

Я только мысленно восхитился такой простой и гениальной уловке шиноби, упоминание о которой я нашел в учительских заметках Ируки. Заметку на память, в которой было сказано, о чем можно и нужно говорить детям, а о чем нельзя.

Если кратко, то в Листе придумали теорию чакры, с помощью которой дети могли научиться ею пользоваться, но которая при этом имела отрицательную ценность для понимания сути чакры и работы с ней. Захотел бы ученик Академии уйти из программы — и никто бы не имел права требовать от него, гражданского, неразглашения того, что он там выучил. Да и не проконтролировать это было бы.

Ну, а так — пожалуйста, дорогой ты наш дезертир, можешь впаривать ахинею, которую ты в Академии выучил, кому угодно. Хоть врагам, хоть временным союзникам. Или обывателям, заставляя их с восхищенным непониманием смотреть на простые, в общем-то, вещи. Для шиноби Конохи все просто. Чем меньше о чакре знают окружающие, тем им лучше. Все органично вписывается в курс на сохранение монополии на знания и оболванивание масс.

Сакура еще раз обиженно фыркнула, судя по эмоциям — надеялась меня пристыдить. Дура.

Ей себя надо стыдиться. Чакра — это то, без чего нет шиноби. Она стала генином, а значит, получила доступ к новым знаниям в библиотеке шиноби и за все время даже не потрудилась изучить что-то новое! Лентяйка не дала себе труд разобраться с тем, что может сделать ее сильнее. И при этом эта безмозглая еще и обижается после того, как я раскритиковал ее определение из учебников для первых курсов Академии.

Интересно, а я не должен обижаться на нее за то, что она думает, будто я ничему не учил Наруто за все то время, что он у меня живет?

В какой-то момент у ребят стало получаться, и тут Какаши стал пристукивать костылем по камням, мешая детворе сосредоточиться. Сакура и Саске намочили ноги, а Наруто, наоборот, забылся и чуть не

зашагал по воде уверенно. Но быстро опомнился и стал делать вид, что у него все случайно получилось. Саске даже зарычал от такой вселенской несправедливости. В его эмоциях преобладала обида и разочарование. В ком? Похоже, что в себе.

Когда все трое уверенно встали на воду, Какаши, в эмоциях которого не было заметно радости от прогресса студентов, в очередной раз вылез с дурной инициативой.

— Ну, а теперь, когда вы можете стоять на воде, попытайтесь пробежать как можно дальше, не вставая на камни, пока у вас не кончится чакра!

Собакин, ты дурак или просто прикалываешься?

— Стоять! — вмешался снова. — Пока только ходите по воде. Бегать — будете позже.

— Вы добьетесь максимального эффекта, если будете тренироваться, пока не опустошите свой резерв! — упорствовал Какаши в своей ереси. Жаль, нельзя его на костер.

— Ребята, если чувствуете усталость — немедленно выходите на берег, — отдал я противоположную по смыслу команду.

Повернувшись к Собакину, я холодно поинтересовался у этого придурка:

— Какаши-сан, вы потом будете детей от чакроистощения лечить? И от повреждений системы циркуляции чакры, которое оно может вызвать?

Тот сделал вид, будто я его удивил:

— Нет, не я. Вы же у нас вроде ирьенин, Ирука-сан? — закосил под дурачка джонин-сенсей седьмой команды.

Я подавил рвущуюся наружу злобу.

— Как я уже сказал, Какаши-сан, я пока еще не медик. И с этим помочь детям не смогу. Прежде чем рассчитывать на мои навыки, вы должны были узнать, что я могу, а что нет.

Ребята, заслушавшись спором сенсеев, подтянулись на ближайшие валуны, изображая усталость.

— К тому же, как я уже говорил, сейчас не лето и сушить одежду в этой сырости непросто. Незачем простужать генинов. Им, может, скоро драться придется. ...Вместо вас, Хатаке-сан. — Собакин злобно уставился на меня, подумав что-то вроде: «Ты на что намекаешь?» Я, конечно же, прояснил. — Впрочем, уже не в первый раз. Когда напали нукенины Дождя, вас тоже до самого конца не было.

Он дернулся, как от пощечины, я даже отшатнулся — такой чистой ненавистью хлестнуло от Какаши. Сорвавшись с места, джонин то ли злобно рыкнул, то ли хрюкнул и уковылял прочь. Я устало выдохнул и повернулся к ребятам.

— Как отдохнете — продолжите тренировку, симулянты.

Генины, смущенно покраснев и виновато пряча глаза, пошлепали по воде обратно.

Макуто направился к берегу, но я его окликнул: — Ты куда? — Отойду, — ответил он. — Посмотрю, нет ли следов.

Он ушел в лес и вернулся только через полчаса, когда тренировка уже заканчивалась. — Никого, — сказал он. — Только звери.

Глядя на их тренировку, я задумался. Стало так противно, что не помогло даже осознание того, что дети доверяли мне, а не Какаши.

С тренировкой все хорошо, у ребят все замечательно получается. Наруто и Сакура ходят по воде, не отвлекаясь на концентрацию, а Саске тоже близок к этому.

Через пару минут я понял, что дети сами справляются и моя помощь им не нужна.

— Отлично, — похвалил всех, поднявшись. — Еще минут десять-двадцать и можете заканчивать. Если пойдет дождь — сразу идите в дом.

— Ирука, а ты куда? — вскочив на камень, спросил Наруто.

— Пройдусь дальше по пляжу, — махнул рукой в сторону. — Я скоро вернусь.

Макуто догнал меня на повороте. — Я с вами, — сказал он. Мы пошли вдвоем.

Оставив детвору, я пошел по берегу. Казалось, эта пасмурная погода была не только вокруг, но и внутри. Ветер перемешивал спутанные клочки серой ваты облаков, окончательно стерев границу между небом и беспокойным морем, с минуты на минуту должен был начаться дождь, но я не спешил обратно. Мне хотелось побыть одному.

Сидя на жухлой траве, вместе с мхом образовавшей ковер, я бездумно бросал в воду подобранные по дороге на пригорок камешки. На песчаном пляже был каменисто-песчаный пригорок, с которого открывался отличный вид на море. В другое время, быть может, я бы его нарисовал, но сейчас пейзаж меня мало волновал.

Я — идиот. Полный, законченный идиот, — костерил я себя. Ну с чего я взял, что я единственный попаданец? Швырнул камешек так сильно, что услышал, как он ударился о каменистое дно. А теперь мой земляк, возможно, единственный в этом мире — погиб. И погиб он — из-за моей тупости. Это я его ранил. Из-за меня он умрет на руках у Хаку, который и за канонного Забузу готов был расстаться с жизнью, что уже говорить о попаданце, который...

Макуто сел рядом и не глядя на меня сказал: — Вы не виноваты. — В чем? — не понял я. — В том, что он ранен, — ответил Макуто. — Это был бой. Он сам выбрал этот путь. — Откуда ты знаешь? — Видел, — сказал Макуто. — Он не хотел убивать Наруто. Держал удар. Поэтому вы его и достали.

Я промолчал. Возможно, он был прав.

Макуто поднялся, отряхнул штаны. — Пора возвращаться. Дождь будет. Мы пошли обратно, не говоря ни слова. Ветер усиливался, небо темнело. — Ирука-сан, — вдруг сказал Макуто, когда впереди показалась крыша дома Тадзуны. — Что? — Вы хороший учитель. Наруто повезло. — Спасибо, — только и смог ответить я.

Захотел бы ученик Академии уйти из программы — и никто бы не имел права требовать от него, гражданского, неразглашения того, что он там выучил. Да и не проконтролировать это было бы.

Ну, а так — пожалуйста, дорогой ты наш дезертир, можешь впаривать ахинею, которую ты в Академии выучил, кому угодно. Хоть врагам, хоть временным союзникам. Или обывателям, заставляя их с восхищенным непониманием смотреть на простые, в общем-то, вещи. Для шиноби Конохи все просто. Чем меньше о чакре знают окружающие, тем им лучше. Все органично вписывается в курс на сохранение монополии на знания и оболванивание масс.

Сакура еще раз обиженно фыркнула, судя по эмоциям — надеялась меня пристыдить. Дура. **Макуто, который стоял у кромки воды и проверял равновесие на камнях, обернулся на её фырканье. Он не сказал ни слова, но его спокойный взгляд заставил Сакуру опустить глаза.**

Ей себя надо стыдиться. Чакра — это то, без чего нет шиноби. Она стала генином, а значит, получила доступ к новым знаниям в библиотеке шиноби и за все время даже не потрудилась изучить что-то новое! Лентяйка не дала себе труд разобраться с тем, что может сделать ее сильнее. И при этом эта безмозглая еще и обижается после того, как я раскритиковал ее определение из учебников для первых курсов Академии.

Интересно, а я не должен обижаться на нее за то, что она думает, будто я ничему не учил Наруто за все то время, что он у меня живет?

В какой-то момент у ребят стало получаться, и тут Какаши стал пристукивать костылем по камням, мешая детворе сосредоточиться. Сакура и Саске намочили ноги, а Наруто, наоборот, забылся и чуть не зашагал по воде уверенно. Но быстро опомнился и стал делать вид, что у него все случайно получилось. Саске даже зарычал от такой вселенской несправедливости. В его эмоциях преобладала обида и разочарование. В ком? Похоже, что в себе.

Когда все трое уверенно встали на воду, Какаши, в эмоциях которого не было заметно радости от прогресса студентов, в очередной раз вылез с дурной инициативой.

— Ну, а теперь, когда вы можете стоять на воде, попытайтесь пробежать как можно дальше не вставая на камни, пока у вас не кончится чакра!

Собакин, ты дурак или просто прикалываешься?

— Стоять! — вмешался снова. — Пока только ходите по воде. Бегать — будете позже.

— Вы добьетесь максимального эффекта, если будете тренироваться, пока не опустошите свой резерв! — упорствовал Какаши в своей ереси. Жаль, нельзя его на костер.

Макуто вышел из воды и подошел ко мне. Он не стал спорить с Какаши, просто взял камень побольше и положил его на плечо, показывая, что с утяжелением ходить по воде труднее, но безопаснее для контроля чакры. Какаши скривился, но ничего не сказал.

— Ребята, если чувствуете усталость — немедленно выходите на берег, — отдал я противоположную по смыслу команду.

Повернувшись к Собакину, я холодно поинтересовался у этого придурка:

— Какаши-сан, вы потом будете детей от чакроистощения лечить? И от повреждений системы циркуляции чакры, которое оно может вызвать?

Тот сделал вид, будто я его удивил:

— Нет, не я. Вы же у нас вроде ирьенин, Ирука-сан? — закосил под дурачка джонин-сенсей седьмой команды.

Я подавил рвущуюся наружу злобу.

— Как я уже сказал, Какаши-сан, я пока еще не медик. И с этим помочь детям не смогу. Прежде чем рассчитывать на мои навыки, вы должны были узнать, что я могу, а что нет.

Ребята, заслушавшись спором сенсеев, подтянулись на ближайшие валуны, изображая усталость.

— К тому же, как я уже говорил, сейчас не лето и сушить одежду в этой сырости непросто. Незачем простужать генинов. Им, может, скоро драться придется. ...Вместо вас, Хатаке-сан. — Собакин злобно уставился на меня,

подумав что-то вроде: "Ты на что намекаешь?" Я, конечно же, прояснил.
— Впрочем, уже не в первый раз. Когда напали нукенины Дождя, вас тоже до самого конца не было.

Он дернулся, как от пощечины, я даже отшатнулся — такой чистой ненавистью хлестнуло от Какаши. Сорвавшись с места, джонин то ли злобно рыкнул, то ли хрюкнул и уковылял прочь. Я устало выдохнул и повернулся к ребятам.

— Как отдохнете — продолжите тренировку, симулянты.

Генины, смущенно покраснев и виновато пряча глаза, пошлепали по воде обратно.

Глядя на их тренировку, я задумался. Стало так противно, что не помогло даже осознание того, что дети доверяли мне, а не Какаши.

С тренировкой все хорошо, у ребят все замечательно получается. Наруто и Сакура ходят по воде, не отвлекаясь на концентрацию, а Саске тоже близок к этому.

Через пару минут я понял, что дети сами справляются и моя помощь им не нужна.

— Отлично, — похвалил всех, поднявшись. — Еще минут десять — двадцать и можете заканчивать. Если пойдет дождь — сразу идите в дом.

— Ирука, а ты куда? — вскочив на камень, спросил Наруто.

— Пройдусь дальше по пляжу, — махнул рукой в сторону. — Я скоро вернусь.

Макуто посмотрел на меня, потом на детей, но остался на месте. Он подошел к Наруто и что-то тихо сказал. Наруто кивнул и продолжил тренировку.

Оставив детвору, я пошел по берегу. Казалось, эта пасмурная погода была не только вокруг, но и внутри. Ветер перемешивал спутанные клочки серой ваты облаков, окончательно стерев границу между небом и беспокойным морем, с минуты на минуту должен был начаться дождь, но я не спешил обратно. Мне хотелось побыть одному.

Сидя на жухлой траве, вместе с мхом образовавшей ковер, я бездумно бросал в воду подобранные по дороге на пригорок камешки. На песчаном пляже был каменисто-песчаный пригорок, с которого открывался отличный вид на море. В другое время быть может я бы его нарисовал, но сейчас пейзаж меня мало волновал.

Я — идиот. Полный, законченный идиот, костерил я себя. Ну с чего я взял, что я единственный попаданец? Швырнул камешек так сильно, что услышал, как он ударился о каменистое дно. А теперь мой земляк, возможно, единственный в этом мире — погиб. И погиб он — из-за моей тупости. Это я его ранил. Из-за меня он умрет на руках у Хаку, который и за канонного Забузу готов был расстаться с жизнью, что уже говорить о попаданце, который...

Мои размышления прервал глухой перестук. Не поняв, что за звук, я обернулся и заметил Какаши, опирающегося костылями на дно. Стоял-то он на воде, а костылями опирался на камни. Видимо — с чакрой были проблемы. Ну да, детей нет, форсить и напрягаться больше не нужно. Неуклюже взобравшись на пригорок, Какаши дождался пока я встану и начал говорить:

— Ирука-сан, мне казалось, что вы меня поняли, когда я объяснял вам, что команда номер семь — это моя команда, и я буду учить ее так, как посчитаю нужным! — проецируя КИ, рыкнул Какаши. Получилось довольно жалко. Видимо, потому, что КИ отражало еще и состояние чакры своего создателя. В это КИ было вложено так мало чакры, что оно не шло ни в какое сравнение с тем КИ, которое проецировал Забуза. Да и рычать у Хатаке получалось плохо.

Мда, не лев. Скорее — дворняга, — уныло вздохнул. Выслушивать Какаши у меня не было никакого желания. И без него поганно.

— Какаши-сан, — скучным голосом протянул я, позабыв что рядом нет ни детей, ни Тадзуны, — вам рано использовать чакру, подождите хотя бы до за...

Какаши перебил:

— Ты всего лишь жалкий ассистент, — тихо, с угрозой процедил Хатаке, — калека, которого прикрепили к моей команде из жалости! Даже Третий не смог внятно объяснить, зачем ты тут вообще нужен! Ты бесполезен так же, как и твой вымерший клан и его мокрое наследие.

Калека, который вчера спас твою жизнь, — зло поморщился, — псина неблагодарная! А за бесполезный клан ты мне еще ответишь, — снова надев маску безразличия. — Потом.

К сожалению, моя гримаса не осталась незамеченной. Мне даже не нужно было быть эмпатом, чтобы понять, как обрадовался Какаши поняв, что сумел задеть меня. Его злобная радость была отвратительна.

— Ты ничего не смыслишь в обучении команды, — приосанился Хатаке, — и ничего не имеешь права делать без моего разрешения! Я здесь командир, я решаю, чему и когда их учить!

Вот заладил, — зло и брезгливо скривился, как шарманка сломанная...

Собакин тем временем не успокаивался, и продолжал бубнить и злорадствовать. Судя по эмоциям, он торжествовал.

— Ты не соблюдаешь дисциплину, нарушаешь приказы, ты — мусор! Я прямо здесь могу и от тебя избавиться! Имею на это право! А вернемся в Коноху — сам будешь отвечать перед Хокаге!

Это если мы вернемся, идиот, — сунул руки в карманы, чтобы не было видно, как они дрожат от желания начистить одну одноглазую рожу.

Моя черная депрессия ударными темпами переплавлялась в еще более черную злобу.

Еще немного — и я сорвусь.

Уже собравшись уйти, я услышал оклик:

— Нечего сказать?! Мне снова набить тебе харю, рыбомордый?! Так я это сделаю! — Какаши так разошелся, что даже Ки усилилось и нарушило мою плотину самоконтроля. Снеся ее к чертям!

Меня охватило бешенство. Резко развернувшись, я медленно подошел к Хатаке, едва сдерживая колотящий меня гнев, прошипел сквозь широкую ухмылку, подергивая глазом:

— Какаши-сан, вам давно пора вернуться из прекрасного мира иллюзий в реальный, — меня словно переклинило, будто я на секунду стал Умино Ирукой. Наверное, только поэтому из голоса пропал даже намек на злобу, а глаз перестал дергаться.

Спокойным и дружелюбным, даже ележным, голосом я сказал:

— Вот посмотрите, я стою на своих ногах, — показал руками, Чучело недоуменно захлопал глазиком, проследив за жестом, — а вы стоите на костылях. У меня к вам вопрос, Какаши-сан. Чтобы вы перестали думать задницей, достаточно ли мне будет засунуть их широким концом вам в задний проход или нужно будет сделать что-то еще?

Судя по расширившемуся глазу Какаши, он пребывал в глубоком изумлении, и кажется, даже начал что-то понимать. В его эмоциях появилось опасение.

— Ну что же вы молчите, Какаши-сан? Вы же хотели мне что-то сказать?
— издевательски требую ответа у Хатаке.

Порыв свежего соленого ветра только добавил мне эйфории.

— Ты не посмеешь, — сообразил Собакин, что чакры у него меньше, чем сейчас у меня, да и состояние у ассистента не такое паршивое, как у него самого — ты...

Закончить фразу он не успел, некрасиво грохнувшись вместе с костылями. Эталонный прямой, без замаха, удар, с дистанции неотразимой атаки, когда расстояние слишком короткое, чтобы противник успел среагировать и защититься. Монтаро был бы доволен.

Хм, а я бы не сказал, что моя «подача» была такой сильной, — скептически осмотрел свой кулак. Может, я силы не рассчитал?

Да вроде нет, даже под маской видно, что нос не сломан и даже не деформирован, а чуть потемневшая из-за крови тряпка — это такая ерунда...

Не повышая голоса, участливо спрашиваю у такого неуклюжего инвалида:

— Ну что же вы так неосторожно-то?

Не ответил, — цыкнул я разочаровано. — Грубиян!

— Ой-ой-ой, — укоризненно покачал я головой, — какой вы неуклюжий, Какаши-сан... Простите, так чего я не посмею, Какаши-сан, не напомниме? Нет?

— Кха, кх... Ты посмел?! — а сколько удивления-то в голосе да в эмоциях...

Но не успокоился Собакин.

— Кхм. Ты... Слабак, только и можешь, что нападать на раненых товарищей! У тебя нет чести! — выдавил он, шумно хватая ртом воздух. Кровотечение из носа и падение с костылями не прошли для него незаметно.

— Что-то я не припомню, — невесело усмехнулся, — чтобы моя потеря памяти и навыков помешала вам меня избить, Какаши-сан.

— Иди поплачься... — попробовал то ли съязвить, то ли отвлечь мое внимание Какаши, одновременно с этим попытался сбить меня костылем. Я просто наступил на него ногой, усилив удар чакрой. Костыль зарылся в песок, порвав мох, а пальцы Хатаке, державшие деревяшку, на полной скорости стукнулись о выступавший из земли, твердый даже на вид корень растущей неподалеку сосны. Мда, не везет Собакину с корнями.

Он зашипел от боли так и не сказал, кому именно я должен был идти жаловаться.

— Не стоит, Какаши, — сказал я, глядя на его попытки незаметно поудобнее перехватить второй костыль. - А то вы сейчас домой поползете на одном костыле или вообще на карачках. Второй костыль, как и было сказано, будет торчать из вашей надменной задницы.

— На что ты надеешься? — злобно сверля меня взглядом, процедил наш незадачливый командир. Он отбросил костыль и попытался встать. — Ты атаковал сокомандника, больше того — командира на миссии, ты мусор...

С рычанием и резким выплеском чакры Какаши попытался то ли встать, то ли броситься на меня прямо из лежачего положения, но лишь со всей дури ударил своим лицом мой кулак, после чего беззаботно откинулся на ковер из мха, видимо, чтобы насладиться прекрасным осенним небом с угрюмыми серыми тучами. Да, так я и скажу, если что.

Похоже, что пылавшие в нем эмоции, из которых главными были ярость и унижение, совсем застили джонину глаза, если он всерьез думал достать меня из такого положения. Учитывая то, что из нас двоих именно у него состояние было хуже, потому что Хатаке едва не загнулся от чакроистощения, плюс проблемы с СЦЧ и шаринган... В общем, больной переоценил свое здоровье и свои силы, и на данный момент я был сильнее Какаши и равен ему по скорости реакции. М-да, он, похоже, ничем не думал... даже задницей.

Но и после второго раунда Какаши не унимался. Теперь он потянулся к повязке.

— Сдохнуть хочешь? — поинтересовался я у Какаши. Он замер, а я пояснил:

— Я тебя второй раз от чакроистощения спасти не буду.

Впрочем, давать ему возможность поймать себя в гендзютсу я все равно не собирался. Снимет повязку — и будет рассматривать мох.

Он медленно убрал руку от повязки с протектором.

Возвышаясь над джоном, я посмотрел ему в глаз и вкрадчиво, глухо заговорил:

— А теперь слушай сюда, тупая псина. Мы — не в Стране Огня. Мы — в Стране Волн. Против нас — один из богатейших людей на планете. Кругом могут быть нукенины и наемники Гато. Возможно, что уже завтра нам придется сражаться против слаженной команды ниндзя-отступников. Сначала они убьют одного до сих пор не вернувшего себе навыков специального джонина, затем тебя, вырезав перед этим твой шаринган... Ах, извини, оговорился, он же не твой, он твоего товарища по команде, которого ты угробил своими действиями... Человек-беда.

От напоминания об Обито и одного из своих не самых лестных прозвищ Какаши дернулся, как от удара.

Человек-беда. Именно так Какаши называли в сплетнях. Что не удивительно, учитывая то, сколько народа рядом с ним погибло. Включая его сокомандников, учителя и напарников в АНБУ. Морио однажды назвал эту кличку... Зря я тогда не обратил на нее внимания. «Нет, ну надо же... Шаринган Какаши... Человек-беда. Сочувствую тебе».

— Обито был героем! — подал голос Собакин. Не обращая на него внимания, я продолжил.

— А может, все будет даже интереснее, и тебя возьмут в плен и будут долго пытаться, пока не выдадут из тебя по капле все, что ты знаешь, и пока ты не предашь всех, кого ты знаешь и всех, кто тебе доверял. Жаль, что я этого уже не увижу. А когда мы оба перестанем быть помехой, начнется самое интересное. Перед нункенинами останутся только напуганные дети. А знаешь, что с ними будет, если тебя и меня не станет? Что станет с кучкой детишек, которых намеренно ничему не учили?

Судя по эмоциям Какаши, он все отлично знал. Страх, сомнение, чувство вины, отвращение и поднимающаяся паника. Впрочем, я все же добавил ясности и в этот вопрос.

— Изнасиловав девчонку, они наверняка убьют ее. Просто потому, что она никому не нужна. А вот Саске и Наруто продадут, как скот, другой Великой деревне. Последний Учиха и Узумаки — джинчурики наверняка стоят немало. А знаешь, почему это произойдет? Да потому что ты, мразь, наплевал на свои обязанности! Ты должен был отправить за подкреплением сразу, как стало ясно, против кого нам придется сражаться. Сколько ты продержишься в таком состоянии против пары даже не джонинов, а чуунинов? Да нисколько! Хорошо хоть, что тогда наконец-то человек-беда сдохнет сам, вместо того, чтобы приносить горе всем, кому не посчастливилось оказаться рядом!

Все так же валявшийся на земле Какаши после реплики об Обито замолчал и во время моего монолога голоса не подавал, только зубами скрипел на особо болезненных для него репликах. А потом вроде даже задумался. Ну что же, лучше поздно, чем никогда.

— Ты — дерьмовый командир, Хатаке Какаши, и своими идиотскими решениями ТЫ подставил всех нас под удар. Я не знаю, кто и по какому знакомству сделал тебя даже не джонином, а чуунином, но право вести за собой людей и командовать ты точно не заслуживаешь. Но, впрочем, в утешение могу сказать, что как учитель — ты еще хуже. Команду генинов тебе дали не для того, чтобы ты отдыхал, получал жалованье наставника и процент с миссий! Которые, между прочим, выполняют двое сирот и слабая девочка, а для того, чтобы ты их учил! А ты, дерьмо собачье, сам не учил и мне не давал. Хокаге, говоришь, расскажешь?! Да расскажи! Только тогда Данзо, Старейшины и Совет Деревни тебя с потрохами сожрут за то, что ты не обучал и чуть не угробил самую ценную команду Листа! Хочешь повторить судьбу своего папаши? Сдохнуть затравленным и всеми презируемым? Ну значит — повторишь! И заступничество Третьего не спасет! Это если оно вообще будет... Кста-а-ати... — прошипел я, оскалившись. — Не обучая свою команду, ты не только нарушил все писанные и неписанные правила Конохи, мира шиноби, законами которого ты так любишь прикрываться, ты предал своих генинов. Как ты там говорил? Те, кто нарушают правила шиноби — мусор, а те, кто предают своих товарищей — хуже мусора? Тогда скажи мне, Какаши-который-хуже-мусора, кто же, — осекся, — нет, ЧТО же ты тогда?!

Собакин скрипел зубами и исходил злобой, но почему-то молчал и сдерживался. Видимо, стеснялся. Правда, в его эмоциях почему-то был, в основном, страх, который неожиданно перекрыл даже его злость... Буду считать, что моя эмпатия засбоила. Он наверняка злонамеренно хочет меня позлить тотальным игнором. Не люблю, когда мне не отвечают. Может, пнуть его? Для поддержания разговора?

Пока я размышлял над почти Гамлетовским вопросом — бить или не бить, бешенство уже отпустило, и тут я заметил эмоции, которые принадлежали явно не Хатаке.

Из-за кустов вышел Макуто. Он был спокоен, но в руке держал свой танто. Подошел, встал рядом со мной и посмотрел на Какаши. — Дети уже в доме, — сказал он. — Я проверил периметр. Ничего.

Я кивнул, пряча дрожащие руки. Какаши смотрел на Макуто, и в его глаза мелькнуло что-то вроде понимания. — Уводи его, — прохрипел Хатаке, отворачиваясь. — Уведи. Макуто взял меня за локоть и повел к дому. Я не сопротивлялся. — Ирука-сан, — сказал он, когда мы отошли на достаточное расстояние. — Вы его больше не трогайте. Он сам себя накажет. — С чего ты взял? — Посмотрите на него, — ответил Макуто, не оборачиваясь. — Он уже наказан.

Я оглянулся. Какаши так и лежал на траве, глядя в небо. Костыли валялись рядом. Он не пытался встать. Просто лежал и смотрел вверх.

Мы вошли в дом. Дети сидели на кухне и пили чай. Цунами подала нам горячие полотенца. Инари сидел в углу, обхватив колени руками. — Ирука, — спросил Наруто, — а Какаши-сенсей где? — Отдыхает, — ответил я, вытирая лицо. — Завтра будет в порядке.

Макуто сел на свое место у стены, положил танто на колени и закрыл глаза. Я знал, что он не спит. Он слушал.

Мы молча пили чай. Дождь за окном усиливался. — Завтра, — сказал я, ставя кружку, — мы продолжим тренировки. — А Какаши-сенсей? — спросила Сакура. — А Какаши-сенсей будет смотреть, — ответил я. — И учиться.

Макуто открыл глаза и посмотрел на меня. В его взгляде не было одобрения или осуждения. Просто спокойное понимание. — Вы правы, — сказал он. — Ему тоже надо учиться.

И снова закрыл глаза.

Дождь стучал по крыше. Где-то в доме плакал Инари. Цунами тихо его утешала. А мы сидели в темноте и ждали завтрашнего дня.

Глава 22

Бросившись в колючий кустарник, я на ходу выдернул кунай из кобуры, как остальные не разбросал в спешке — сам не понял. Только выбежав на дорогу, я понял, за кем гнался. Наруто стоял, прислонившись к сосне, и рядом с ним, опершись на ствол, ждал Макуто.

— Наруто?! — прикрыв глаза рукой, выдохнул. — Ой, дурак.

Первой моей мыслью, когда я ломанулся в кусты, было то, что это Хаку. Второй — что какой-то еще лазутчик... Но Наруто я здесь увидеть был не готов.

Макуто посмотрел на меня, потом на Наруто и спокойно сказал:

— Я услышал, что вы побежали. Решил, что нужна помощь.

— Спасибо, — выдохнул я, привалившись к соседней сосне. — Всё в порядке. Это просто Наруто.

Прислонившись к шершавому боку гигантской корабельной сосны, я сполз на землю и, выронив кунай, закрыл лицо руками.

— Километр зигзагами по лесу и в гору. Мой учитель физкультуры плакал бы от счастья, — нервно посмеиваясь, подумал я. — Моряк с печки бряк пробежал норму и не упал замертво.

Макуто присел на корточки рядом и протянул мне флягу с водой.

— Выпейте.

— Спасибо, — я сделал глоток.

— Ирука, — осторожно позвал мальчик, — прости, я не хотел подслушивать, — сел он на корточки рядом со мной.

— Наплевать! — оборвал, все еще пытаюсь унять дрожь в руках.

Мальчишка испуганно вздрогнул.

— А если бы я кунай бросил?! — потряс подобранной железкой, точно она была в чем-то виновата. — Ты вообще о чем думал?!

Наруто опустил глаза еще ниже и, обняв колени, проговорил:

— Прости, — и вдруг, вскинув голову, срываясь на жалкий писк, крикнул, — пожалуйста, прости!

Вздохнув, я медленно покачал головой, но, заметив недоуменно-испуганное выражение на лице ребенка, поспешил сказать:

— Ты не виноват!

— Я не хотел подслушивать, — продолжил оправдываться Наруто, будто не услышав. — Так получилось. Прости меня, я не...

Повысив голос, я перебил:

— Получилось и получилось! — опомнившись, осекся и сказал тише. — Не извиняйся, я тебя ни в чем не виню.

Макуто поднялся и отошел на несколько шагов, прислонившись к дереву. Он не уходил, но и не мешал.

Но Наруто ничего не сказал. Он смотрел в землю невидящим взглядом и жевал губу.

Немного выждав, я спросил:

— Ты меня услышал? — и улыбнувшись, дунул на челку мальчишки.

Когда Узумаки поднял глаза, я сказал:

— Повторю еще раз: ты не виноват. Просто я испугался, что мог тебя покалечить или даже убить. Не понял, что это ты. Прости, что накричал... Ты простишь меня? — снова спросил я.

На лице мальчишки расцвела улыбка.

— Прощаю! — радостно крикнул он и полез меня душить.

— Тише ты! Я же извинился?! Зачем душишь? — деланно обиделся и, потрепав его по волосам, обнял. — Только я вот еще что скажу — подслушивать тоже уметь надо.

Как только мелкий понял, что ругать я его больше не буду, он отпустил шею и сполз мне на ногу, когда я сел по-турецки.

— Ты теперь шиноби, — подобрал я брошенный кунай и запихнул в кобуру. — Подслушивать тоже должен уметь, — добавил после небольшой паузы, — и думать быстрее. Ты ведь затормозил только потому, что думал, признаваться мне или нет? — не дождавшись ответа, потрепал мальчика по волосам.

Макуто вернулся и сел рядом, положив на колени свой танто. Он молчал и смотрел на дорогу.

— Угу, — медленно промычал Наруто, будто просчитывал, что ему уже за это признание грозит.

— Ну вот. В следующий раз, если тебя заметят за подслушиванием, лучше беги оттуда. Мало ли — захотят от свидетеля избавиться. Ну, это конечно, если ты слабее...

Макуто кивнул:

— Ирука-сан прав. Если тебя заметили, не стой на месте.

Внезапный грохот вышиб все мысли. Я шумно вздохнул и уставился куда-то вверх.

Сквозь густую хвою не было видно неба. Порывом ветра сухие иголки сбросило вниз, на нас, и мне пришлось опустить голову. В наступившей тишине стал отчетливо слышен шепот дождя. Он шелестел по иголкам, по мощёной темнеющими от каждой капли осколками желтого песчаника дороге, траве и густым кустарникам.

Вспомнив, как оцарапался, когда бежал, глянул на руку. К счастью, там не было ничего серьезного, только ссадина небольшая, я даже залечивать ее не стал.

Макуто тоже посмотрел на свою руку — на тыльной стороне ладони краснела царапина.

— Не заметил, — сказал он, доставая бинт из поясной сумки.

— Дай я, — я взял его руку и провел мистической рукой, закрывая царапину. — Готово.

— Спасибо, — убрал бинт обратно Макуто.

Глубоко вдохнув, я чуть прикрыл глаза.

Хоть мы были довольно далеко от берега, ветер доносил сюда запах свежего морского бриза. Ни тебе вони высушенных солнцем водорослей, ни дохлой рыбы или еще какой дряни.

Пробившись через облака, солнце окрасило лес в рыже-золотой цвет, но не тронуло темно-фиолетовые густые тени.

Притихший Наруто с любопытством наблюдал за мной, умастив голову на пустые кармашки для свитков, но вскоре ему надоело, и он что-то сказал.

Проморгавшись, я переспросил:

— Что?

— Я пошел за тобой, потому что ходить по воде я уже умею!

— В огороде бузина, а в Киеве дядька, — по-доброму усмехнулся я.

— Что? — недоуменно заморгал мальчик. — А что ты сейчас сказал?

Макуто тихо хмыкнул — впервые за долгое время.

Засмотревшись на молнии над морем, видные сквозь деревья, я забыл ответить.

— Ты был расстроен, и я пошел за тобой, даттебайо, — вдруг нахмурился Наруто, уставившись на свои руки, которые не знал куда деть. — Я не хотел подслушивать... а потом Какаши...

Мда, тебе не только подслушивать надо учиться... Но и выражать свои мысли коротко и ясно... И заодно — избавиться от биджевых речевых паразитов!

Обалдело заморгал.

Оп, я уже ругаюсь по-басурмански...

Макуто поднял голову и посмотрел на Наруто:

— Ты видел что-то еще?

— Нет, — помотал головой блондин. — Только разговор.

Наруто хотел еще что-то сказать, но замолк, когда я положил руку ему на голову.

— Я тебя понял. На самом деле ничего страшного не произошло, — солгал я. — Рано или поздно кто-то из нас двоих все равно бы сорвался... — опомнился. — Ты весь наш разговор слышал, или что-то упустил?

— Нуу... Эмм... Когда Хатаке-сенсей сказал, что вы нарушаете дисциплину и обозвал тебя... — настороженно ответил Наруто, путаясь от волнения, как меня называть.

— Ясно. Считай, всё слышал, — ответил как можно более беззаботно. — Если есть вопросы — спрашивай. Лучше я тебе все расскажу и объясню, чем ты сам будешь искать ответы у того же Хатаке и вляпаешься в неприятности. И, пожалуйста, если хочешь погреть уши, всегда используй клонов, так безопаснее будет. Хорошо?

Макуто поддержал меня:

— Он прав. Не рискуй.

— Я беспокоился, — вдруг признался Наруто после кивка. — Ты когда с Какаши-сенсеем говорил, сначала злился, а потом вдруг улыбнулся. Безумно улыбнулся, — поежился Узумаки. — Это страшно было. Даттебайо.

Я лишь пожал плечами и вымученно растянул губы в подобии улыбки. Меня тогда действительно, что называется, переклинило.

Некоторое время мы сидели молча, Наруто явно пытался отойти от шока: он не только стал свидетелем разговора, не предназначенного для него, и ему за это не влетело, но еще и обещали рассказать всё, что он не слышал. Это все равно, что подслушать сплетничающих на кухне взрослых, не отхватить за это по уху и потом еще быть приглашенным к разговору в качестве слушателя. Что-то из области фантастики!

Пока Наруто думал, я осмотрелся и понял, что дождь утихать не собирается, потому что гроыхать стало еще громче. Находиться в лесу в грозу было неразумно. Это я и сказал мальчику, но он только руками развел, сказав, что почему-то оставил в доме свиток с одеждой.

Макуто открыл свой рюкзак, достал сухой плащ и протянул Наруто.

— Возьми. Мой не промок.

Недолго думая, я достал свой плащ, повернулся к Наруто спиной и сказал:

— Забирайся. Плащ на себя накинь, но не завязывай, может быть, получится обоим спрятаться. Я бы не хотел мокнуть.

Плащ оказался достаточно длинным и просторным, чтобы под ним можно было укрыться человеку с приличного размера рюкзаком или кем-то не очень большим на закорках.

Макуто накинул капюшон и пошел рядом, не отставая.

Когда гроыхать и сверкать перестало, я пошел медленнее. Из-за текущих с холма грязных ручьев, что начали подбираться к дороге, приходилось внимательнее смотреть под ноги.

— Ирука, — начал было мальчик, но замолк, явно выбирая, что спросить.
— А это правда, что Какаши... — сбился, но так и не назвал Собакина сенсеем, — тебя избил?

Воспоминание было не из приятных, и потому я не сразу смог ответить.

Макуто тоже посмотрел на меня.

— Да, это так, — изобразил я беспечность и попытался улыбнуться. — Спасибо за то, что тебя это так сильно заботит, но я в порядке, — порадовался я, что мою неудачную попытку улыбнуться Наруто не увидел. — Правда. Это дело прошлого.

— Ничего не прошлого, — неожиданно горячо воскликнул Узумаки. — Он не должен был этого делать! Ой! — пискнул мальчик, когда я оступился.

Макуто поддержал меня за локоть.

— Все в порядке, я слушаю.

— Ты шиноби Листа и был ранен, — крепче вцепился Узумаки в плечи моей жилетки. — Это, — не смог подобрать слов блондин, гневно фыркнул, — это было просто подло!

— Тише, — поправил я капюшон, — тебе не душно?

— Нет, — сказал он, будто бы извинился.

— Я в порядке. Понимаешь, я потерял память и не знаю... — задумался и, хихикнув, продолжил. — Может, мы враждовали с Какаши-саном, или у него была веская причина набить мне морду, — почувствовав, что Узумаки сползает, я взбрыкнул.

— Это не смешно, — буркнул Наруто, цепляясь. — Про морду.

Макуто кивнул в знак согласия.

— Это было бы смешно, если бы не было так грустно, — невесело ухмыльнулся и вздохнул, прогоняя напускную беспечность. — Мы с Хатаке-саном... Как бы это сказать... По разные стороны баррикад были. А формально по разные стороны и остаемся.

— Э? — не понял мальчик.

— Какаши-сан работал в АНБУ, а я работал в АНБУ Корня. У нас были разные организации и разное начальство. Разные боссы.

Макуто, шедший справа, повернул голову и посмотрел на меня, но ничего не сказал.

Какое-то время Наруто молчал, а я шагал по раскисшей земле, поддерживая ток чакры в ногах. Иногда я специально скользил, будто по льду, просто хотел отвлечься.

— Понятно.

От тихого голоса мальчика я вздрогнул, едва не оступившись.

— А почему Какаши-сан нас не тренирует и тебе запретил?

Я ждал этого вопроса и потому, не задумываясь, ответил:

— Не знаю.

Макуто ничего не сказал, только чуть заметно пожал плечами.

Между деревьями уже виднелась крыша дома, и я посчитал, что у Наруто закончились вопросы, но около воды он еле слышно спросил:

— Почему ты говорил те страшные вещи про то, что убьют... — помолчал, — изнасилуют...

— Ну, это я сгущал краски... — а вот этот вопрос я как-то не ожидал, — думаю, что ничего такого не будет... — ответил я шепотом, потому что во дворе стояла Цунами. Приветливо помахав нам рукой, она занесла корзинку с чем-то в дом.

Надеюсь. Очень хочу так думать. Буду молиться всем богам, чтобы канон остался каноном!

— Защитнички, — едко прокомментировал я, отвлекая мальчика.

— Что? — завертел Узумаки головой.

Я кивнул в сторону островка и мелькнувшей темноволосой фигуры с корзинкой.

— Цунами тут, а все остальные в доме. Мы ведь предупредили, что уходим, так почему она одна?

— Не знаю.

— Вот и я не знаю.

Макуто пошел вперед и первым поднялся на веранду. Он кивнул Цунами, та улыбнулась ему в ответ.

Переговорив с дочкой Тадзуны, я выяснил, что она еще не закончила, и ей нужно еще немного времени и что она сама отослала Саске. Я покачал головой и сказал Цунами, что буду караулить, пока она занята. Я с радостью ухватился за эту возможность отложить неприятный разговор, потому отмел попытку Наруто подежурить вместо меня и остался на веранде. Макуто зашел в дом вместе с Наруто.

Как только мальчик зашел в дом, загруженный тем, что узнал, я перевел дух.

Да, мне не стоило оставлять Наруто одного, ведь ему нужно было выговориться. Но если бы я пошел с ним, то не смог бы не заметить Саске,

да и с Какаши я пока встречаться не хочу, а он, судя по голосу, торчит внизу, а не пошел в свою боковую комнату на первом этаже.

Заложил руки за голову.

Пока что все в порядке. Даже если обнаружится, что я все рассказал Наруто, то меня обвинить не в чем. Какаши, словно он не опытный шиноби на задании, а девушка-подросток с месячными, прибежал скандалить. Он не заметил «хвоста» в виде Наруто, который все подслушал. А о том, что Наруто пришел с другой стороны и потому Какаши в своем ослабленном состоянии мог его не заметить, можно деликатно умолчать. Чтобы сгладить последствия того, что генин увидел ссору двух своих преподавателей, мне пришлось ему рассказать то, что он уже и так подслушал. Мне удалось немного сместить акценты, восстановив доверие к деревне и ее руководству, и списав все на недоразумение и на самого Какаши, который был инициатором скандала и ссоры... Да, все так и было, верьте мне, люди! Хм, кажется, я повторяюсь.

Применив свист, понял, что происходит в гостиной. Все сидели в зале, но почти сразу Какаши, опираясь на плечо Тадзуны, поднялся на костыли и пошел к себе. Почему-то меня не покидало чувство, что комната, в которую поселили Собакина, раньше принадлежала отчиму Инари, тому, который был их героем.

В остальном все было тихо и спокойно, но внезапно я почувствовал кого-то лишнего. Лишний приближался со стороны города короткими, осторожными прыжками. Положив руку на кобуру с куняями, я замер, прикрывшись иллюзорным экраном. Таскать с собою специальный кусок ткани для техники Какуремино но Дзютсу мне было лениво, и я приспособил свою технику для этого дела. На выходе — никакой разницы. При должном уровне воображения с экраном вместо тряпки можно было притвориться хамелеоном. У плаща было больше минусов, чем плюсов: через ткань ничего не было видно, он был довольно громоздким, он шуршал и цеплялся, его нужно было откуда-то доставать и убирать. А с иллюзорным экраном этих проблем не было.

Через несколько мгновений из леса вышел подросток. Надо сказать, что без маски и униформы Хаку было не узнать. На нем были коричневые бриджи, невзрачная рубашка и жилетка, деревянные сандалии. Из образа

ребенка бедняка выбивалось только чистое лицо с очень светлой кожей и длинные каштановые волосы, собранные в высокий хвост, едва достающий до шеи. Хаку Юкки, скорее всего это был именно он, был симпатичным пареньком, полуазиатом, полуюропейцем. У Юкки были крупные глаза и слишком пухлые для мальчика губы, отчего он становился похож на девушку-подростка. С возрастом это должно было пройти. Наверное.

Блин, у меня сегодня что — пресс-конференция? — убрал руку и развеял экран-гендзютсу. — Открытая линия с народом?

Мальчик едва заметно вздрогнул. Нерешительно потоптавшись на месте, он достал из-за пазухи бумажку и показал ее мне, но ближе не подошел.

Что бы он делал, если бы я был в доме? Попросил бы меня выйти? Вроде он... — просканировал эмоции.

Подойдя поближе, я облегченно вздохнул, вот прямо сейчас меня он убивать не собирался. Хотя неприязнь, раздражение, непонимание, отчаяние и злость присутствовали.

Мы стояли молча. Я не знал, что сказать, а Хаку не решался. Нервно пожевывая нижнюю губу, он вытянул руку с бумагой вперед, а вторую отвел за спину, не таясь показывая, что не доверяет мне.

Что я могу ему сказать? Мне жаль, что так получилось с Забузой? Или развести руками и вякнуть: «Я не хотел»? А если он меня сенбонами утыкает? Нет, пожалуй, иногда лучше молчать, чем говорить.

— Я... — прервав молчание, подросток замолк, не решаясь произнести имя. Он явно нервничал и ожидал, что я нападу.

— Хаку, — так же тихо сказал я.

Парень не вздрогнул, от него просто разлило удивлением.

— Значит, это правда, что ты откуда-то знаешь про... — мальчик осекся и попытался дальше говорить ровно, — он... Он сильно ранен, — сжав зубы, прошипел Хаку, — послал меня к тебе. Сказал, что нужно поговорить. Я... Я ненавижу тебя за то, что из-за тебя он умирает! —

Юкки посмотрел на меня покрасневшими глазами, сжав губы в нитку. — Но я клянусь, что это не ловушка!

Н-да, и носом он украдкой шмыгает явно не потому, что простыл.

Нетерпеливо дернув рукой с запиской, Хаку дождался, пока я ее возьму, и не спускал с меня глаз, пока я не прочел.

А записка-то на русском. — расправил листок.

Приходи. Нужно поговорить. Это срочно. Виктор. Это не ловушка!

— Ясно, — вернул я Хаку записку. — Подожди здесь пару минут, мне нужно взять аптечку. Я тоже ирьенин, пусть и начинающий. Обещаю, что только за аптечкой и приду один.

Макуто, который вышел из дома, услышал наш разговор и шагнул вперед.

— Я с вами, Ирука-сан.

Я посмотрел на него. В его глазах не было вопроса — только решение.

— Хорошо, — кивнул я. — Идем.

Хаку моргнул и обалдело кивнул. Мы трусцой добежали до дома. Я заметил шепчущегося с Саске Наруто, взял аптечку и прихватил свиток с запечатанными аптечками дождевиков.

— Ирука? Ты куда? Макуто тоже?

— Я уйду на несколько часов, — запихнул все в сумку, — буду... Эм... Поставь клонов в периметр. Мы постараемся вернуться быстро.

Поглядев на небольшой свиток, в который были запечатаны аптечки дождевиков, я подумал: как знал, что пригодятся.

— Хай, — кивнул обеспокоенно Наруто. — Возвращайтесь поскорей... И будьте осторожней, Ирука.

Улыбнувшись, кивнул в ответ и добавил:

— Обязательно будем.

Когда мы вернулись на полянку, Юкки явно испытал облегчение и вместе с тем удивление, увидев, что нас двое.

— Время дорого. Так что побежали, будешь указывать дорогу, — сказал я Хаку.

Макуто молча кивнул, поправил на поясе танто и приготовился бежать.

— Хай, — похлопав глазами, неуверенно кивнул парень и, повернувшись ко мне боком, сорвался с места. Всю дорогу он держался так, чтобы не поворачиваться ко мне спиной. Макуто бежал с другой стороны, чуть позади, прикрывая нам спину.

Бежали мы минут тридцать, что для быстро передвигающихся шиноби было совсем не мало. Но вот Хаку тормознул.

— Что-то не так?

Хаку, замывшись, достал из подсумка налобную повязку с символом Тумана и, сжав ее в руке, будто на что-то решаясь, сказал:

— Нам могут встретиться люди Гато. Чтобы у них не возникло лишних вопросов, вы пройдете как подкрепление от Тумана.

Было видно, что Юкки не сам решил предложить мне сменить повязку и очень сомневался, что я ее возьму.

— Ясно.

Мой короткий ответ явно удивил Хаку, но он протянул мне хитай-ате — серый кусок мягкой ткани с эмблемой чужой деревни.

Стянув с головы свою повязку, я запихнул ее в сумку. Макуто спокойно взял вторую повязку и повязал её на руку, не спрашивая разрешения.

— Идем.

— Идем, — повторил Макуто.

Мне пришлось повторить еще раз, прежде чем Хаку сдвинулся с места. Ну да, для обычного тутошнего ниндзя просто так протектор менять — это табу. Но я не местный, мне можно.

Спрыгнув вниз, мы подошли к гигантскому дереву, на которое было насажено строение, похожее на конического моллюска, какая-то дикая помесь террасы и хижины. Рядом на лавке сидели три уголовные морды с картами. Но не обычными, а с цветочками вместо масти. Такие я находил в своих вещах в Конохе.

— Гляди, парни, мелкий приволок кого-то, — кивнул черноволосый бандит, привлекая внимание всех остальных.

— Эй, пацан, это еще кто? — подтер нос рукавом мужик в идиотской шапке, да еще с щербатой ухмылкой. От всей троицы несло какой-то дрянью, так что хотелось заткнуть нос. Тадзуна пах фиалками по сравнению с этими уродами.

— У тебя что, глаз нет? — огрызнулся Хаку. — Не видишь? — показал им нашу сумку-аптечку и на Макуто. — Это ирьенин и помощник для Забузы-самы.

— Почему нас не предупредили? — скорее для порядка возразил жирный мужик с выпирающим вперед зубами и двумя мечами за спиной.

— А что, обязаны были?! — еще злее проговорил Хаку и, смерив их презрительным взглядом, пошел к веревочному трапу-мосту, а мы за ним. Бандиты проводили нас неприязненными взглядами, пробормотав что-то нелicenseприятное.

Мы зашли в простую, скорее даже бедно обставленную комнату, и меня обдало привычным уже запахом больницы. Макуто осмотрел помещение, запоминая расположение предметов. Несколько стульев, матрас-фuton на полу и грубо сколоченная кровать. На одном из стульев стоял глубокий тазик с водой, а рядом с ним — большой кувшин. Не самые лучшие условия для серьезно раненого, но могло быть хуже.

Хенге я снял, когда услышал голос со стороны кровати:

— О, привет. Я знал, что ты придешь. Мне нужно многое тебе рассказать...

Кряхтя, приподнялся поппаданец с кровати, жестом остановив переполошившегося Хаку. Увидев Макуто, он на секунду замер, но потом кивнул.

— И помощник? Хорошо.

— Знал?! — опомнившись, я отмахнулся от собственного вопроса. — Не сейчас. Сначала я должен понять, смогу ли я чем-то помочь. Надеюсь...

Макуто достал из кармана свой танто и положил его на подоконник, подальше от кровати. Он не собирался угрожать, просто хотел освободить руки.

— А ты можешь? — очень слабо, но от поппаданца ощущалось удивление и надежда.

— Надеюсь, дело лишь в том, что у вас зеленка кончилась?

Улыбаясь широким акульим оскалом, Виктор ответил:

— Зато йод есть.

— Сделаю все, что в моих силах, — невольно улыбнувшись, сказал я по-русски: все же нас таких только двое на весь мир.

— Вы ему верите? — подал голос Хаку. Вопрос был задан явно не мне.

Вот уж где мешанина эмоций и клубок противоречий.

— Почему вы ему доверяете? И что значит, что вас... только двое и... — он замялся, сомневаясь, — на весь мир?

Макуто подошел к тазу и, проверив воду, молча начал раскладывать инструменты из аптечки.

— Я им верю, Хаку, — растянул Забуза губы в улыбку. — А почему — это долгая история.

— Да, — ответил я, — я ему верю, Виктор... — ответил за Забузу, — когда вылечим, сам расскажет.

Когда паренек заметил аптечки, он на миг выпал из реальности, дрожащими руками хватаясь за лекарства и смотря на меня, точно верующий на чудотворную икону.

— Бери все, что нужно, и скажи, чем я могу помочь. Под откинутым одеялом я прекрасно видел грамотно сделанную перевязку. К тому же лекарства на небольшой тумбочке явно указывали на то, что Хаку — ирьенин, либо, как я, учится на него. Да и то, как он вырубил Забузу, тоже выдавало специализацию парня.

Макуто, не дожидаясь указаний, налил в таз чистой воды из кувшина и начал протирать рану влажной тряпкой. Делал он это аккуратно, не спеша.

После этих слов Юкки, шатаясь, словно пьяный, положил лекарства обратно и помчался с каким-то пузырьком к тазику. Через пару секунд Юкки развил бурную деятельность. По тому, как потрошились аптечки, можно было сказать, что парень далеко не в первый раз занимается починкой Забузы. И никто другой не мог так подлатать Виктора: где-то зашито, явно в спешке, но почти не криво; где-то, где было возможно, сразу затянуто; где-то подморожено странным, совсем не холодным льдом. То, как местные колдунства нарушают законы физики, не переставало меня удивлять. В общем, чтобы вылечить соотечественника, нужна была рискованная операция и минимум два медика. Разрез был широким, глубоким и цеплял кучу всего важного. Штопать-заживлять и одновременно кровь останавливать было бы непосильной задачей для обычного медика. Видя мое замешательство, Хаку сказал, что он медик В-ранга и что, когда он будет топить лед, мне лишь нужно будет подхватить края и остановить кровь, а дальше он сам. В общем, объяснив, что нужно будет сделать, парень выжидающе замолк. Он немного отошел от шока, и теперь его снова грызло сомнение в том, что я стану помогать ему и дальше.

Макуто отложил тряпку и сказал:

— Я буду держать. Говорите, что делать.

Прикинув фронт работ, я выдал свою оценку:

— С трудом, но справимся. Каге бушин, — сделал я для подстраховки одного теневого клона.

— Пока вы не начали меня резать, — недовольно заворчал Виктор, — может, дадите мне договорить? Кроме этого, я до сих пор не знаю твоего имени.

Попаданец был слаб и бледен, но это высказывание меня ободрило.

— Мое имя Игнат. А это Макуто. Оперировать будем под местной анестезией маде ин Хаку. Если не заснешь, можешь говорить. Но я бы на твоём месте помолчал. Тьфу-тьфу-тьфу, — постучал по спинке кровати костяшкой под изумлённый взгляд Хаку, — думаю, ты выживешь, если мы поспешим.

Мальчик переводил взгляд с меня на Виктора и на Макуто. Видимо, тот тоже был суеверен.

— Ясно, я коротко и быстро, — вздохнул Забуза и выдал скороговоркой по-русски. — Хаку мне как сын. Работали мы на Гато, потому что нам нужны его суда для поставок оружия, амуниции и медикаментов повстанцам Тумана. Ягура хуже Гитлера. Психованного ублюдка надо грохнуть! Про канон — ничего не знаю. Не объяснишь мне, что это такое? Ты же не о богине милосердия Каннон?

— Нет, не о ней. Канон — это оригинал истории. Как если бы ты, после чтения «Мастера и Маргариты», живьем встретил кота Бегемота с примусом в лапах. Ты читал, ты знаешь, что будет дальше, но можешь вмешаться и что-то изменить. Я вмешался. Здесь.

Макуто слушал этот разговор, не перебивая. Он ничего не понимал, но и не спрашивал. Просто ждал.

— Отнял у кота примус? Хм. — весело фыркнул Виктор, но мгновенно поморщился. — Ну, тогда почти ничего. У меня вроде Мишка смотрел что-то такое... мультик какой-то японский... Называлось еще как-то странно, то ли анема, то ли аниме... Я мельком видел, но внимания не обращал. Теперь понимаю, что-то похожее там было. Если бы не ты, я б не сообразил.

— Ага. Готов, — отрапортовал я Хаку.

Макуто взял приготовленные бинты и поднес их ближе к ране.

— Эй! погоди! — переполошился Виктор, выставя перед собой руки. — Если что-то случится, я тебя прошу, сделай все, чтобы Хаку вернулся к Теруми Мэй, в Туман, хорошо?

Я быстро кивнул, протерев руки обеззараживающим раствором:

— Обещаю. А пока молчи и цепляйся за жизнь. Ты должен выжить. — улыбнулся. — Иначе кому еще я расскажу свою историю, а?

Слабо улыбнувшись, Забуза кивнул и заложил руки за голову, чтобы не мешать нам.

— Я постараюсь.

— Начинаем.

Макуто подал мне инструменты, не дожидаясь просьб. Он работал молча и быстро, иногда поглядывая на Хаку, чтобы понять, что нужно делать дальше.

Мы дали Виктору обезболивающего, приготовили кипяток на всякий случай, бинты, все инструменты, лекарства, всё, что было нужно, и приступили. Хоть анестезия и была местной, Виктор вскоре заснул — одним беспокойством меньше.

— Фух... — выдохнул я. — Кажется, все прошло хорошо.

Момочи дышал ровно, рана на боку больше не кровоточила. Бездумно закрывая пузырьки, Хаку смотрел на Виктора, не замечая, как по щекам текут слезы.

— Он сильный, он выживет, — тихо, но четко сказал я, больше для себя, чем для едва держащегося на ногах Хаку. Забрав пузырьки, я силой усадил мальчишку в потрепанное кресло около постели Забузы.

Макуто собрал грязные инструменты, сложил их в отдельный мешочек и аккуратно перевязал чистые бинты поверх швов.

— Всё, — сказал он.

Отходя после операции, я стоял, прислонившись к стене, и пялился в потолок, недоумевая, почему согласился на эту авантюру. Может быть, из-за Хаку, а может, потому, что Виктор такой же, как я? Встретить земляка... Тут... Меня просто распирает изнутри, хочется столько всего ему рассказать! Умом я понимаю — нельзя, но мне кажется, что ему можно.

Придавив подрагивающие руки спиной, я пытался совладать с желудком. После операции меня немного мутило. Не потому, что противно было, а потому, что Виктор чуть не умер. Из-за того, что мне пришлось съесть еще одну чакровосстанавливающую пилюлю, у меня было такое чувство, будто затылок у меня из свинца. Это как с энергетиками: плата за несколько часов бодрости — половина дня в состоянии полного неадекватности.

Краем глаза я заметил, что Хаку встал.

Отлипнув от стены, я подумал над тем, чтобы забрать аптечку, но потом решил, что аптечек Наруто и нычек на всякий пожарный и черный день мне хватит за глаза.

Макуто подошел к выходу и выглянул наружу.

— Чисто, — сказал он. — Можем идти.

— Дорогу, думаю, сам найду, — сказал я прежде, чем Хаку успел до меня дойти. — Осложнений быть не должно. За ним — кивнул на попаданца — нужен будет присмотр, но сейчас он все равно спит, так что попытайся отдохнуть и выспаться... И если сможешь — приходи завтра рассказать, как он. Если нужна будет помощь — зови.

— Спасибо, — низко поклонившись, с чувством произнес Хаку. — Я не знаю, что за история связывает вас двоих, и не знаю, почему вы дрались, как незнакомцы, но я благодарен вам за то, что вы помогли мне спасти моего отца! — снова поклонился. — Без вас я бы не справился.

— Не за что. Сам ранил, сам и лечу. А ты молодец. И медик намного лучше меня, — подросток порозовел от смущения, а я продолжил, давя зевоту, — будем надеяться, что всё у него будет хорошо. До завтра.

Мы вышли. Макуто шел молча. Только когда мы отошли достаточно далеко, он спросил:

— Вы говорили с ним на другом языке? На том, на котором иногда говорите с Наруто?

— Да, — ответил я. — Это мой родной язык.

— Я понял, — сказал Макуто и больше не задавал вопросов.

Притащились мы уже по темноте, уставшие как собаки. Поздоровались с клоном Наруто на крыше. Сам мальчик ждал нашего возвращения в доме. Увидев нас, Узумаки радостно заулыбался.

— Ну наконец-то, Ирука! Макуто! — прошептал он с облегчением. — Я так волновался!

— Извини, что задержались, — виновато улыбнувшись, потрепал мальчика по волосам, покосившись на спящего Саске. — Не хотел тебя волновать, но так получилось.

Скинув жилетку, я осторожно лег на пол, растирая себе затекшую и разболевшуюся от долгого стояния в одной позе поясницу. Чакры на себя уже не хватало.

Макуто сел на пол рядом и, достав из рюкзака чистую тряпку, начал протирать свой танто.

— А Какаши-сан где? — потянулся я.

— Там, — скривившись, с неприязнью кивнул Узумаки в сторону комнатухи на первом этаже, — читает свою книжку.

Макуто убрал танто в ножны и сказал:

— Завтра вы закончите с фуин. Я пойду на разведку.

— Я помню, — ответил я. — Мы сейчас отдохнем и поговорим.

— Время уже позднее. Наверное, тебе стоит идти спать после того, как уточним, чья смена следующая.

— Ммм, Ирука, — просительно посмотрел на меня Наруто, — а сказку расскажешь?

У мальчика сегодня день рождения. Значит — придется, как бы тошно мне ни было.

— Куда я денусь... только на минуту в ванную заскочу, подождешь?

— Ура! — умудрился тихо, но бурно обозначить свою радость Узумаки, потому что Саске спал, или, точнее, уже только делал вид, что спал.

Обмывшись холодной водой, я вернулся в комнату и уселся на футон, а Наруто плюхнулся у моих ног с подушкой, поставив на нее локти, и приготовился слушать. Макуто устроился в углу, поджав под себя ноги. Он не ложился, но и не мешал.

— Помнишь сказку про хоббита? — мальчик подтверждающе кивнул. Саске недовольно фыркнул, выдавая себя с головой — он-то не слышал этой истории.

— А эта небылица уже про его племянника Фродо... — сделал вид, что не обратил внимания. — Много лет минуло с тех пор, как Бильбо Беггинс вернулся домой, — негромко сказал я. — Он даже почти закончил мемуары о своем походе на... эм, как же звали того дракона? Ты не помнишь?

— Золотой Смог, — так же тихо сказал мальчик.

От спальника Саске послышалось едва слышное недовольное сопение.

— Да, верно.

Три Кольца — для царственных эльфов в небесных шатрах,

Семь — для властителей гномов, гранильщиков в каменном лоне,

Девять — для Девятерых, облеченных в могильный прах,

Одно наденет Владыка на черном троне,

В стране по имени Мордор,

Где распростерся мрак.

Одно Кольцо покорит их, одно соберет их,

Одно их притянет и в черную цепь скует их

В стране по имени Мордор,

Где распростерся мрак.

Под конец истории мне показалось, что Саске заснул, но когда я записал в блокнот, откуда продолжать завтра, и сунул его под подушку, Учиха встал и как ни в чем не бывало пошлепал в туалет.

— Спокойной ночи, — пожелал я Наруто.

— Спокойной, Ирука.

Макуто кивнул мне, поднялся и бесшумно вышел в коридор. Через минуту я услышал, как скрипнула дверь его комнаты.

Придвинув свой футон к моему, Наруто отвернулся. Но когда я начал засыпать, Узумаки втихомолку подцепил закладку блокнота, потянув ее на себя. Когда я это заметил, уже не мог проснуться: чудилось, будто я не могу пошевелиться. Знакомое чувство для студента, который после сессии добрался до постели.

Дело было не в том, что я не хотел бы показывать содержимое блокнота, а в том, что Наруто взял его без спроса. Я бы не отказал и дал посмотреть. Но не успев додумать, я окончательно и бесповоротно вырубился.

Мне примерещилось, что я только-только закрыл глаза, а бессовестное солнце уже взошло. Разорвав серые тучи, оно било прямо в глаза, не помогало даже одеяло, натянутое на голову.

Иногда утро страшно раздражает. А я ведь вчера вымотался, как не знаю кто...

Повалявшись еще несколько минут, я был вытащен на тренировку блондином, который заметил, как я ворочаюсь, и посчитал, что я проснулся.

Я — шиноби, мне надо следить за формой, — уговаривал я свою лень, которая нашептывала, что можно день пропустить, поспать от души, а Наруто сказать, чтобы он сам потренировался. — А заодно, пока есть немного времени, надо подумать. Первый и самый важный вопрос: что мне делать с Какаши? Убивать его или нет?

Делая упражнения, я продолжал думать о ближайшем будущем.

Если рассуждать логически, то после всего того, что я ему вчера наговорил, Собакин имеет все основания по приходу в Коноху вызвать меня на поединок. Их у нас, конечно, не любят и не одобряют... Особенно после Третьей Мировой, Кьюби и войны с Облаком, но все равно, вызов я могу получить. Конечно, я могу отказаться, тем более что силы очевидно не равны, но потеря лица здесь, в солидарном обществе, не зря считается хуже смерти. Я не местный. Я переживу насмешки и нападки. И даже травлю, наверное, переживу. Но проверять не хочется.

Я не переживал по поводу того, что Какаши нажалуется, что я его ударил. Да, атаковать коллегу-шиноби на миссии нельзя. Тем более — командира. Но на каждый закон и на каждое правило есть лазейка, исключение или смягчающее обстоятельство. А в моем случае всего навалом. Обязаны ли шиноби слепо, как бараны, следовать за командиром, если его действия нанесут явный вред Деревне? Конечно, нет. Командир может предать, на командира можно воздействовать, командир может быть не в себе, или он может просто сойти с ума. Приказы абсолютны, но приказы Деревни — не приказы временного командира. Главное — благо деревни, а не выполненный приказ и даже не выполненная любой ценой миссия. Шиноби — не солдаты и даже не самураи, и должны думать головой и отвечать за свои действия сами. А что сделал Какаши? Потасил учебную команду на миссию А-ранга. Чуть не позволил команде попасть в смертельно опасную засаду, не зная ни способностей, ни даже точного числа атакующих. И только для того, чтобы посмотреть, как генины драться будут. Потом, несмотря на встретившуюся нам полноценную боевую команду и сведения о противнике, с которым наша команда ни при

каких обстоятельствах не должна была встречаться, Хатаке прет дальше, как голодный пес за сахарной косточкой.

Мы чудом пережили пришествие Забузы. После чего первым делом дебил-командир полез рисковать здоровьем генинов, дав им излишне сложный, совершенно неэффективный, да еще и небезопасный вариант тренировок. И настаивал именно на этом варианте, хотя должен был послушать меня, потому что я учитель, специалист по обучению азам, и я в этом вопросе более компетентен.

Как назвать человека, который натворил таких глупостей, да еще и фактически саботирует подготовку генинов к грядущей схватке? Идиот? Диверсант? Вредитель? Предатель?

И любой сможет задать мне вопрос — а где в это время были вы, Умино Ирука? Почему не попытались остановить сбрендившего командира? Вы трусили? Или сообщник этого вредителя?

И на сладкое — этот дебил Хатаке угрожал лично мне. И здесь начинается лазейка номер два. Я глава древнего клана, пусть на данный момент в нем только один человек. Мне позволено больше, чем безродному пушечному мясу.

Шиноби, угрожающему мне на миссии, оскорбляющему мой клан и ставящему меня в реальную, ничем не оправданную опасность, я могу не только морду набить... Такого идиота и покалечить можно. И даже убить. А если он клановый, то разбираться со мной должна будет не Деревня, а его клан. Либо сам, либо через ходатайство властям Конохи. В моем случае, мне разве что придется опасаться призрака Хатаке Сакумо. А с учетом того, что Какаши еще до нынешних событий избил меня после травмы, когда я не мог защищаться, у меня полностью развязаны руки. Меня хотели убить. У меня есть все основания опасаться Хатаке. Я глава клана и вправе принять меры для своей защиты. Есть такой момент в законах на случай, если какой-то командир попытается свести счеты с кровниками из чужого клана. Когда Коноха только основывалась, таких случаев было много, иногда бывают и сейчас.

Но и это еще не все. У меня ведь есть еще и куча смягчающих обстоятельств.

Например, то, что обстановка не была боевой, травм я ему не нанес. А вот Хатаке перешел все границы. Он оскорбил меня и мой клан, что в последнее время тоже стало меня задевать (как и многое другое), подверг сомнению решение Хокаге, да еще и угрожал. Здесь слова не обесценены, здесь за них нужно отвечать. Сказал — избыю, значит, будь готов сдержать свое слово. И не удивляйся, если тебя первым начнут бить. И никто здесь не доверит спину тому, кто сначала оскорбил твою честь и честь твоего клана, а потом всерьез угрожает тебя убить или избить, что на опасной миссии может быть равнозначным. Скорее, поступят как я — ударят первыми. Так что здесь он, как ни странно это звучит для выходца из моего мира, сам виноват, поскольку провоцировал конфликт и угрожал. Конечно, у меня в обычной ситуации могли бы возникнуть проблемы, но на полноценное преступление мои действия все равно никак бы не тянули. Так, максимум на нестрогий выговор. Но в моем случае мне и этого не грозит. Потому что по местным меркам я отреагировал похвально сдержанно.

К тому же Собакину очень невыгодно разглашать то, при каких обстоятельствах калека-учитель из Академии набил морду великому Какаши-много-кличек. Своим знанием о его тупейших ошибках и возможным докладом об этой миссии я крепко держу его за... В общем, держу.

А вообще, то, что Какаши распсиховался, легко объяснимо. Если подумать, то день у него не сложился. Очнулся голый, нимфетка-Сакура пристаёт, воспоминания о том, как тебя вчера убивали, осознание допущенных при выполнении миссии ошибок, потом сцена с поздравлением Наруто, где Хатаке, как сенсей, вообще не смотрелся, потом препирательство перед тренировкой. Затем полный крах его авторитета в глазах детей... Там мне просто повезло, что Сакура убежала переодеваться, и некому было возражать. Наруто верит мне, а не Собакину, а Саске жаждет силы и решил, что раз я обещаю, что со мной он чему-нибудь научится быстрее, значит, он пойдет за мной.

Еще я пару раз выставил Хатаке идиотом в глазах его команды, и затем он сказал то, что при желании можно расценить как намек на то, что Какаши будет прятаться за спины детей, пока они сражаются. Хотя, с учетом стычки с Дождевиками, где он именно это и сделал, не совсем ясно, на что

он вообще обижается. После этого Какаши пришел высказать свое недовольство, а я на автомате попытался замять конфликт. Он воспринял это как слабость. Пытаться набить мне морду он, скорее всего, не стал бы, но Собакин явно был уверен, что ему ничего не грозит, ведь он — элитный джонин, могучий и легендарный Шаринган Какаши. Вот его Остапа, то есть Какаши, и понесло. И сказал он то, что по местным нормам и правилам не должен был говорить. И, получив в ответ, страшно удивился и даже слегка растерялся. А потом он явно из хулиганских побуждений цинично и злонамеренно бился своим лицом о мой кулак. В принципе, всё, что я ему сказал, — правда от первого и до последнего слова. Так что ему не на что особо злиться... Хотя надо быть честным с самим собой — речь идет о Собакине, и страшновато жить с перспективой того, что Какаши будет пытаться после вчерашнего «смыть позор» или подставить меня. Легче его убить и свалить все на подосланного наймита Гато, что пытался убить Тадзуну, или хотя бы похитить дочь архитектора, но наткнулся на джонина-сенсея седьмой команды, и тот, несмотря на слабость после битвы, храбро сражался. Но пал смертью героя. А вражеский шиноби сбежал, увидев меня, так что он глаз из Какаши-сана вытащить не успел. И это пришлось сделать мне...

Кому б/у шаринган? Недорого продам!

А для того, чтобы Яманака в моей голове увидел наймита, убивающего Какаши, мне достаточно теневого клона и хенге и тех знаний о менталистике, которые у меня уже есть.

Правда, в таком решении был огромный минус. Виктор вроде бы адекватен... Но мало ли что. Надо было подстраховаться на всякий случай. А страховка у меня одна — Какаши. Да и канон резко менять не хотелось — иначе грош цена моим знаниям.

Так что пока я отжимался, меня мучил практически Гамлетовский вопрос — убивать Какаши или не убивать?

Убить — мне спокойнее, но пока нет Цунаде, неизвестно, кто станет командиром. Асума? Исключено. Разве что Третий отправит Тензо, который Ямато. Из канона никто больше на эту роль не подходит, потому что больше никто не может, если что, послужить поводом для Наруто и контролировать Кьюби. О прапорщике Деревянко (Тензо-Ямато) я знаю

слишком мало. Этот удачный эксперимент Орочимару был не слишком хорошо раскрыт в манге. Хотя все может быть еще хуже, например, пришлют кого-то еще. Из тех, кто в каноне вообще не засветился. Кого-то, кого я совсем не знаю. А оно мне надо? Не надо.

Ни Тензо, ни кого-то другого. Прежде всего потому, что Третий знал о ситуации и мог заставить Какаши учить «седьмых». Не напрямую и не официально, поскольку обучение команды — прерогатива сенсея, но смог бы. Мало ли рычагов давления у Третьего? Так что Хирузен мог бы заставить Хатаке, я в этом уверен. Но «добрый дедушка» не озадачил Собакина обучением «седьмых». Значит, доброго дедушку Хокаге, как и в каноне, эта ситуация с отсутствием обучения команды полностью устраивает. Там он тоже ничего не предпринимал по поводу отсутствия обучения седьмой команды. Возможно даже, что сам Сарутоби был инициатором того, что команду никто не учит. Значит, и остальные джонины-сенсеи, скорее всего, не будут особо напрягаться с тренировками «седьмых». Значит, здесь ни я, ни моя команда ничего особенного не выиграем.

Про слабости Какаши я знаю, а вот о новых сенсеях я ничего знать не буду.

Есть и еще одна причина... Наруто все еще слишком легко и быстро доверяется людям. Совсем недавно он был готов привязаться к любому, кто хотя бы пинает его не слишком часто и не слишком сильно. Вроде здесь есть прогресс, и мальчик немного социализировался, поверил, что он не какой-нибудь урод, но все равно... Похвала Какаши в день рождения Узумаки показала, насколько все зыбко... Вот появится какой-нибудь «сенсей», научит Наруто какой-нибудь не особо полезной технике, угостит раменом... А потом будет использовать мальчика, злоупотребляя его доверием. И забивать его голову всякой ахинесей про Волю Огня, про то, что он должен всю жизнь доказывать людям, что он не демон, про доброго Хокаге, Хирузена или Цунаде — не суть важно, про Великое Пророчество и тому подобный вредный мусор. А Какаши? Собакин после вчерашнего будет иметь в глазах Узумаки авторитет, стремящийся к нулю. Так жить Хатаке или не жить? Вот в чем вопрос...

Короче, взвесив всё за и против, я решил пойти поговорить с нашим «героическим» джонином. Пусть он сам решит свою судьбу. Начнет демонстрировать неадекватность — погибнет от руки «наемников» подлого Гато. Принесет извинения за свои слова или хотя бы скажет, что инцидент исчерпан и предложит всё забыть... Тогда он будет жить.

По клановым традициям конфликты, подобные нашему, можно решить полюбовно. Главное — это четкий и недвусмысленный отказ обеих сторон от претензий.

Он и я — главы кланов, пусть и почти вымерших, так что имеем полное право решить всё сами, не вовлекая в наш конфликт посторонних, вроде Хокаге или иного руководства деревни.

В конце концов, он должен понимать, что, оставляя его в живых, я очень сильно рискую. И либо он хотя бы демонстрирует адекватность, и мы получаем шанс возвратиться с этой миссии победителями, либо его с нами не будет.

— Решено, — поднялся на ноги после отжиманий и пошел мыть руки. К счастью, раковина на кухне сейчас никому не была нужна. А вот в ванне явно кто-то был.

— Всем доброго утра, — с порога пожелал я, а детвора выжидательно проводила меня взглядом. Хотя почему детвора, тут еще был Тадзуна, которому тоже было любопытно узнать, где я вчера пропадал и почему был похож на свежий труп.

Вот только это любопытство у всех было с разными оттенками. Наруто просто был рад меня видеть. Саске выжидал, явно надеясь на тренировки, Сакура смотрела с опасением, ну, а Тадзуна тоже на что-то надеялся, и вскоре я понял, на что:

— Эммм... Я собираюсь идти строить мост, — сказал архитектор. — Людям нужно мое руководство, их нужно ободрить, — все более неуверенно говорил Тадзуна под моим недобрым взглядом, но вдруг собрался и почти гаркнул. — Я должен построить мост!

— А Какаши-сан? Что он на это вам сказал? — поинтересовался у старика, садясь за стол и внутренне надеясь, что Собакин хотя бы с этой проблемой разобрался.

— Ничего. Хатаке-сан простудился и все оставил на ваше усмотрение, — неприязненно сказал Тадзуна, явно обиженный таким к себе пренебрежительным отношением.

Ну и скотина Собакин. Подставил меня так подставил. — мысленно возмутился я.

В том, что Какаша простыл, не было ничего удивительного. Нечего на холодной земле лежать. Да потом без чакры под дождем на костылях ходить. Сам виноват.

Я даже с кухни слышал, как он чихает и кашляет. Да еще так громко, будто специально. Показушник.

— Я должен построить мост! — между тем продолжил митинговать Тадзуна.

Цокнул зубом.

Пролетариат негодует... — постучал пальцами по столешнице, ведь теперь мне нужно было что-то решать, раз Какаши отослал архитектора ко мне.

— Хорошо, — не стал спорить. — Раз должны — стройте.

Старик поперхнулся очередным аргументом.

— Сакура, ты отправишься с Тадзуной, — стал я раздавать указания. — Наруто, отправишь с ними пять клонов под хенге обычных людей. Пусть притворяются, что работают, а сами наблюдают. Приоритет — наблюдение, а не помощь.

Тадзуна, не веря своему счастью, благодарил меня до тех пор, пока не был вытолкан на работу вместе с Сакурой и дублями.

Почему Сакура? — оправдывал я риск, которому мое решение подвергало Харуно. — Ну, отбиться от нескольких обычных бандитов даже ее

навыков должно хватить. А если нападет более-менее серьезный нукенин, то лучше уж потерять Сакуру, чем Наруто или Саске. За нее мне голову в Конохе не оторвут. Здесь Хатаке в беспроигрышном положении. Свалил всю ответственность за детей и миссию на меня, прикинувшись тяжелобольным. Сам я не могу идти на мост и охранять старого козла — есть дела поважнее. Мне надо решить вопрос с Какаши, а ребятам надо тренироваться. Харуно тренировать бесполезно — слабое тело, мало чакры, нет мозгов и боевого духа. Наруто и Саске смогут чего-то выучить за ограниченное время, а эта «отличница» — ничего. Не в последнюю очередь еще и потому, что у меня она обучаться не хочет. Снова навязываться и унижаться перед этой пигалицей я не хочу. Она мне никто и звать никак, и я ей абсолютно ничего не должен. Если у Гато есть еще нукенины, то они убьют Тадзуну, в худшем случае — и Сакуру тоже. Но остальные из нашей команды выживут.

Я был отвратителен сам себе, но других вариантов не видел.

Старый дурак упрям и от своего замысла не откажется и ждать несколько дней, а то и неделю, пока мы не восстановимся, не станет. Отпускать его одного? Тогда его, скорее всего, убьют. Да и мне нужно его выпроводить, чтобы не было лишних ушей при разговоре с Собакиным. Дежурить всей группой на мосту? Это не выход. Во-первых, нападет на нас шиноби уровня джонина — и не факт, что отобьемся. Во-вторых, а ребят мне когда, где и как тренировать? А самому когда тренироваться? И в-третьих, я все же надеюсь, что канон и боги не дадут розовой дуре так просто помереть. В конце концов, появление тех гавриков из Дождя могло быть случайностью, как-то связанной с Виктором. Эдаким «эффектом бабочки» от того, что он кого-то убил или, наоборот, спас.

Нет, как ни крути, а мое решение — единственно верное, хоть и повторяет решение Хатаке из манги с точностью до запятой...

— Готово! — еще одного лишнего клона мальчик развеял и явно сомневался, правильно ли сообразил. — Эмм... Ирука, а мы что будем делать? Ирука?

— Ты и Саске будете тренироваться, — вяло улыбнулся, выйдя из-за стола.

Учиха еле заметно изобразил ухмылку, а вот Наруто...

— Ура! — радостно воскликнул мальчик и принялся скакать вокруг меня.

Потрепав его по волосам, я улыбнулся такому бурному энтузиазму.

— Доброе утро, — показалась голова над полом, а потом, сдув прядь волос, выбившуюся из прически, Цунами вытащила наверх небольшой мешочек. Я подал ей руку, помогая вылезти наружу, и из любопытства заглянул в своеобразный погреб. В прошлый раз как-то не до того было. Это был не бетонный ящик, а узкий коридор с невысоким потолком, уходивший куда-то к центру островка, с узкими стеллажами по обе стороны и тусклыми лампами.

Тайный ход? Ничего себе! — изумился я, молча оглядывая лаз.

— Спасибо, — мило улыбнулась Цунами и закрыла люк, а затем сдвинула грубый плетеный коврик.

— Не за что. Вам еще с чем-то помочь?

— Нет, что вы. Вы есть хотите? — смущенно спросила дочка Тадзуны, — дети поели и Какаши-сенсей, вы только... не ели.

Сообразив, что все еще не выпустил ее руку, отступил на шаг.

— Спасибо, если вам будет не трудно.

Я вел себя с девушкой подчеркнуто вежливо и немного прохладно. Старательно держал дистанцию. Нет, я был бы не прочь плодить маленьких Умино или просто завести роман с симпатичной девушкой, но я был не из тех, кто в такие моменты отключал мозг и начинал думать исключительно тем, что ниже пояса. Да, Цунами ко всем нам относилась хорошо, уж не знаю почему. Может быть, она хотела нам угодить, желая искупить вину своего отца? Я почти случайно подслушал, как девушка его отчитывала. Или, может, надеялась, что так мы будем лучше его защищать? Может быть, она просто от природы добрый и хороший человек? А может, она хотела попасть в скрытую деревню в статусе жены шиноби?

В этом мире Деревни шиноби — это островки спокойствия и благополучия. Я и Хатаке — способ туда попасть. Может быть, еще и поэтому Цунами старалась нам угодить. Но в любом случае, она хорошо к нам относилась, я ощущал это в ее эмоциях. Пыталась ли она нам понравиться специально или действительно была такой милой — я так и не понял. Но на всякий случай держал дистанцию. Заводить амур с клиентами правила шиноби настоятельно не рекомендовали, кроме ситуаций, когда это было необходимо для выполнения задания.

Да мне и самому не хотелось привязываться. А поматросил и бросил — это не про меня.

Так что я лучше лишний раз еды куплю и тщательнее позабочусь об их безопасности, чем буду роман с ней заводить.

— Спасибо, было очень вкусно, — сказал я, собирая посуду.

— Не нужно, — остановила меня Цунами и, улыбаясь, забрала тарелку с кружкой, — я сама.

Поблагодарив Цунами еще раз за аппетитный омлет, я вышел наружу в сопровождении мальчишек, жующих печенье.

— Сегодня мы будем учить крутые техники? — быстро обтер Узумаки крошки с рук об штаны. — Что? Что мы будем делать? Что-о-о?

— Наруто, ты слишком рано обрадовался. Вы с Саске будете снова отрабатывать хождение и бег по воде. Когда справитесь — посмотрим. Так как вы уже позавтракали, можете идти тренироваться.

— А ты с нами не пойдешь? — немного обиженно протянул-спросил блондин.

— Я подойду чуть попозже, чтобы проверить, как вы справляетесь. Уверен, у вас все получится!

Вместе с радостью Наруто я почувствовал недовольство. Саске явно не нравилось, что я ставил его и Наруто на один уровень, хоть по лицу и не скажешь.

Я уже давно заметил, что чем четче и яснее, сфокусированней эмоция, желание или мысль, тем проще ее ощутить, заметить, прочесть. Соответственно, и легкость прочтения эмоций объекта зависела от моей сосредоточенности на нем. Но зато, если я сосредоточился на ком-то одном, то эмоции других воспринимались слабее, приглушеннее. Всё как со зрением или со слухом. Резкие, сильные эмоции я «слышал» или ощущал относительно легко и понимал их быстро, а вот слабовыраженные, размытые, быстро сменяющие друг друга эмоции читать было тяжелее.

Выпроводив детей, я удостоверился, что Цунами и Инари никуда не собираются, но на всякий случай оставил в гостиной клона и пошел проводить Какаши.

— Как самочувствие? — поинтересовался я у нашего болеющего, после чего обратил внимание на второго обитателя комнаты. — Привет, Паккун.

Как только пришла Цунами, для гостей нашлись целых две свободных комнаты. Одна небольшая наверху, а вторая в пристройке на уровне первого этажа. Тоже не слишком просторная. Наверху поселили Сакуру. Я остался в зале с мальчишками, а вот Какаши с помощью двух псов тут же перетащил свой футон в отдельную комнату.

— Могло бы быть и лучше... — настороженно сказал мне подобравшийся Хатаке. Видок у него был не очень. Красный глаз, причем не прикрытый хитай-ате, а его родной, насморк, явные следы повышенной температуры. Лежащий в углу Паккун хоть головы и не поднял, но зато, пошевелив ушами, дал понять, что всё слышит. Подозрительно глядя на меня, Какаши сел ровнее, пряча руки под одеяло:

— О чем вы хотели поговорить, Ирука-сан?

Кажется, я нашел секрет вежливости. Несколько ударов по физиономии творят чудеса!

— Да так, зашел поздороваться, — ехидно улыбнулся. — Кстати говоря, Какаши-сан, у вас что, чакры лишней много, что вы нинкенов вызываете?

— Мма, для меня вызывать родичей Паккуна незатратно, я могу просто послать зов, чтобы они явились по метке, — самодовольно начал Хатаке, но быстро оборвал себя и подозрительно уставился на меня.

— А вам-то какое дело, Умино-сан? Вы вообще зачем пришли?

Изображая дружескую улыбку, я оскалился:

— Знаете, Хатаке-сан, я вот так подумал — мы ведь все в одной лодке, вы согласны?

Какаши неуверенно кивнул, не сводя с меня взгляда и не совсем понимая, к чему я веду.

— Пожалуй, это так, Умино-сан.

— Ну тогда, я считаю, у нас не должно быть никаких ссор и конфликтов, лодка ведь такая хрупкая...

Какаши выжидательно посмотрел на меня, весь напрягся, будто я его убивать пришел. «Телохранитель» встал и подошел ближе.

— Я думаю, что в нашем случае следует отказаться от обоюдных обид и претензий, — сказал я, миролюбиво улыбаясь. — Вы согласны, Хатаке-сан?

— Да, пожалуй, вы правы, — ровным голосом сказал Собакин, но я чувствовал в его эмоциях огромное облегчение. Но продолжил он также ровно, сохраняя маску пофигизма на лице. — У меня, как главы клана Хатаке, нет претензий к клану Умино.

— Ну вот и славно, — улыбаюсь я. — У меня, как главы клана Умино, нет претензий к клану Хатаке. Тогда, я так понимаю, что раз между нашими кланами всё улажено, то не имеет смысла сообщать в наших отчетах о случившемся между нами... разногласии, — сказал я, внимательно следя за эмоциями Собакина. — Незачем беспокоить такими мелочами столь занятых людей, как Хокаге... — и повисло в воздухе несказанное «и таких, как Данзо и Советники».

Хатаке поморщился и уныло кивнул.

— Я согласен с вами, Умино-сан, давайте не будем беспокоить наше начальство.

— Значит, о произошедшем мы с вами забудем. Замечательно, — подвел я итог нашим переговорам.

Пес облегченно выдохнул и залез к Какаши на колени, там он развалившись пузом кверху тут же заснул.

— А теперь, Какаши-сан, давайте решим, чему мы будем учить нашу команду, — широко улыбнулся я.

Чучело тяжело вздохнул. Я улыбнулся еще шире.

Пусть только попробует сказать «нет».

— Мы не успеем ничему научить седьмую команду, — попытался съехать с темы Хатаке.

И что теперь вообще ничему их не учить, чтоб сдохли быстрее и не мучались?!

— Хатаке-сан, — натянуто улыбаюсь, — не нужно недооценивать моих учеников. Они очень способные. Всё, что вам нужно — это дать им полезное для боя дзютсу. Или упражнения на контроль стихийной чакры огня.

— Почему именно Огня? Может, у них другие стихии! — вяло попытался отбиться Хатаке.

— Хатаке-сан, вы, очевидно, еще не совсем здоровы. — вежливо улыбнулся, изображая заботу. — Саске — Учиха. А у них всегда один из элементов — огонь. И Огненный шар он вам уже демонстрировал. И потому, что у Наруто тоже есть предрасположенность к огню. — У Собакина расширился в удивлении видимый глаз, и промелькнуло что-то вроде: «А как же ветер?»

— Я думал, что у Наруто предрасположенность к стихии Ветра, — озвучил свои сомнения Какаши.

Естественно, он наверняка подумал о Минато, у которого основной стихией был воздух. А может, сподобился заметить, что Наруто использовал в бою стихию ветра.

— У него предрасположенность к двум элементам, — уточнил я. После чего продолжил давить. — Повторюсь, всё, что мне от вас нужно, — это чтобы вы дали Саске хотя бы одно дзютсу Катона, из тех, что он не знает, и чтобы вы дали Наруто теорию работы с элементом огня. Впрочем, Саске тоже не помешает освежить знания по элементу. Или как вариант — показали Узумаки одно из подсмотренных вами дзютсу ветра. Ну или хотя бы дали свиток с чем-нибудь, что они смогут быстро выучить и освоить.

Хатаке еще раз тяжело вздохнул.

— Упражнения на работу со стихией займут много времени.

Я начал злиться, улыбку держать становилось все сложнее.

— Хорошо, тогда дайте им дзютсу, которые они могли бы быстро освоить.

Я сам себе начинал напоминать попугая.

— Мма... Ну вот как-то мне ничего не приходит на ум, — протянул Какаши, отслеживая мою реакцию.

Я гаденько улыбнулся:

— А мне, Какаши-сан, как раз такие дзютсу на ум пришли: Техника теневых клонов сюрикенов для Наруто, например, и техника Мудреца-феникса для Саске. Узумаки знает теневых клонов, было бы неплохо расширить его арсенал в эту сторону. Учиха умело владеет сюрикенами, и у него есть навыки работы с огнем, потому ему особенно полезным будет дзютсу Феникса.

Какаши обалдел от такой наглости и несколько секунд изображал вытащенную на берег рыбу. Похоже, даже рот открыл от удивления под своим платком-простыней. Маску ему снять пришлось — сопли, кашель и другие радости жизни лишили его возможности прятать личико. Ему из-за этого было непривычно и некомфортно.

Чихнув, он очухался, наверное, задумался, потому как после паузы выдал:

— Эммм... Ну... Я считаю, что ребятам еще рано учить такие дзютсу.

— О, я уверен, что вы недооцениваете моих учеников, Хатаке-сан. Они очень способные и обязательно справятся!

— Вы это уже говорили, Ирука-сан, — буркнул Какаши, но быстро опомнился. — Мма, ну... Они, может, и справятся, но я бы не хотел их этому учить...

— Хатаке-сан, — проникновенно сказал я Собакину. — Мы все плывем в одной лодке. И в данный момент она тонет. И все в ней должны либо грести к берегу, либо хотя бы вычерпывать воду... А лишний груз в лодке совсем не нужен.

Хатаке сморщил лоб, с каким-то детским недоверием поглядывая на меня. Он так долго тупил, что я даже начал мысленно его заклинять, как болельщик на скачках свою лошадь!

Ну, ну! Шевели мозгами! — подбадривал я междушный нервный узел Хатаке. — Наконец-то! — обнаружил я искру понимания в эмоциях джонина. — Дошло!

Какаши намек понял, опять напрягся и лишь потом задумался.

Я терпеливо ждал, понимал, что думать Хатаке тяжело и непривычно. Но мое терпение было не безгранично. Видя, что Какаши не торопится, я решил подтолкнуть его в правильную сторону:

— Хатаке-сан, если Саске и Наруто станут сильнее, то наши шансы без потерь выбраться из этой задницы повысятся. Даже если вы уже послали за помощью в Коноху, в чем я лично сомневаюсь, и если даже она придет, то может не успеть к финалу... К Водовороту, моему клану и Сендзу помощь ведь не успела...

Какаши поскрежетал зубами, но выразился вполне цивилизованно:

— Мма, вы сгущаете краски, Ирука-сан.

— Также, как сгущал их перед атакой тройки из Дожда, а потом и Забузы? — поинтересовался я, вскинув бровь. — Ну-ну.

Хатаке засопел и, поморщившись, со смешанными чувствами уставился на пузо Паккуна, будто там мог прочитать аргументы. Наконец он разродился:

— Я думаю, что детям рано изучать такие сложные и опасные техники... Я не хочу, чтобы они пострадали.

На это я не мог не ответить:

— По-моему, они сильнее пострадают, если не смогут дать достойный отпор наемникам Гато. Вы так не считаете? Может, по-вашему, теневые клоны и огненный шар — это не техники вовсе? Вы знаете, а ведь ребята от безделья запросто могут попытаться создать свои дзютсу. А они еще совсем не готовы, — сожалеюще качая головой, — а с вашими техниками у ребят будет меньше шансов покалечиться, если они не будут самостоятельно изобретать колесо.

— Я напишу вам свиток с Огненной техникой, техникой Мудреца-Феникса и с техникой Множества теневых сюрикенов, — процедил Какаши, хмурясь, — менее сложной и мощной версией дзютсу Теневых клонов сюрикенов.

— А как насчет базовых упражнений?

— И напишу базовые упражнения на контроль огня, — недовольно сказал Собакин.

— Спасибо, это очень предусмотрительно с вашей стороны, Хатаке-сан.

Вид у Какаши был больной, понурый и печальный, когда я его поблагодарил. А в его мыслях и эмоциях было что-то вроде: «Издевается, сволочь». Но боюсь, что от меня он сочувствия не дождетя... Никогда.

— Что вам еще от меня надо? — недовольно буркнул Какаши, поняв, что я не собираюсь уходить.

— Свитки, — по-птичьи наклонил голову и изобразил Сая.

Хлюпнув носом, Собакин полез в сумку, достал оттуда два пустых свитка и набор для письма.

— Что-то еще? — буркнул Какаши, оторвавшись от свитка.

— Ничего. Вы пишете, Хатаке-сан, пишете.

Джонин зло засопел, но промолчал.

Если Собакин хочет всучить мне свитки, но не идет учить детей сам, то это как минимум странно — то, что он отдает мне роль отца-командира и сенсея, что щедро делится техниками... Это странно и не в характере Собакина, насколько я успел его изучить. Он очень любит показуху. Значит, он считает, что, научив детей чему-то, он себя подставит. Так выслуживаться Какаши может разве что перед Третьим. Так что же получается — у Собакина приказ? Или, точнее, настойчивая рекомендация? Хм. Может быть. Что-то такое я подозревал.

Какаши морщился, сомневался, но под моим пристальным взглядом написал два свитка и простенькие инструкции для работы с чакрой огня на двух листочках.

Уверен, что многие из них, если не все, Саске уже знает, — забрал я бумаги.

— Благодарю вас, Какаши-сан, — церемонно поблагодарил я Собакина. — Мне сказать генинам, что вы приболели и что они могут пока тренироваться без вас? Я обязательно упомяну о том, что вы желаете им успеха в тренировках и написали для них эти свитки.

— О, не стоит, — отозвался Какаши, спихнув Паккуна обратно на пол и лег, дав понять, что аудиенция закончена.

Пес что-то недовольно буркнул и полез хозяину на грудь.

— Да, кстати, — обернулся у самых дверей. — Прежде чем уйду, я просто обязан спросить, как будущий ирьенин — Хатаке-сан, вы лекарства приняли? А то у меня есть... — начал я копаться в сумке в поисках свитка-аптечки.

— Нет, не нужно, я уже пил! — напрягшись, не очень убедительно солгал Какаши.

— Ну, как знаете, — пожал я плечами. — Если что, обращайтесь. Мне для вас медикаментов не жаль.

— Верю. Обязательно обращусь, — с сарказмом ответил мне Собакин и снова улегся под недовольное бурчание нинкена.

— Отдыхайте, Какаши-сан, — сжимая добычу, счастливо сказал я на прощание.

Кажется, ему от моей счастливой физиономии стало еще хуже. А жизнь-то налаживается!

Сегодня определенно хороший день! И дзютсу получил, и Какаши настроение испортил! И с Паккуном драться не пришлось! Я из корейской кухни знаю только рецепт корейской морковки. А то, что он лечиться моими лекарствами не хочет — да и фиг с ним. Чакра у него уже вчера была. Так что от простуды не помрет и даже осложнений не заработает. Так, помучается несколько дней. Но он сам так хочет, так что мешать не буду.

Ребята уже почти бегали по воде, когда я пришел. Немного подождав, я позвал их.

Как и ожидалось, у Наруто возможность выучить «крутое дзютсу» вызвала бешеный энтузиазм. «Я же говорил, что Ирука-сенсей нас новому научит!» — победно заявил он Саске. Тот тоже с трудом давил счастливую улыбку.

— Значит так, ребята, здесь у меня две равноценных техники С-класса — множественные фантомные сюрикены и высвобождение Огня: Огненная техника Феникса — мудреца.

Для изучения первой нужны теневые клоны, — на этих словах Саске скис, — и лес, — дал я свиток Наруто. — Так что отрабатывать ее будет Наруто, в лесу. Для второй нужна вода, чтобы не устроить пожар, и хотя бы базовое владение стихией Огня, — протянул второй свиток Учихе, — потому ее будет изучать Саске, около воды, — на этих словах загрустил уже Наруто.

— Саске-кун, я оставлю с тобой теневого клона, чтобы при необходимости он мог ответить на твои вопросы. С Наруто пойду сам. Вопросы?

Вопросов не было. Ребята рвались опробовать новые дзютсу.

Некоторое время мы с Наруто изучали дзютсу. В принципе, это был более примитивный и простой вариант того, что использовал Третий во время битвы с Орочимару. Сюрикен заряжается чакрой, бросается, потом используется дзютсу, что создает теневые копии сюрикена. На выходе из трех-четырех сюрикенов получаем несколько десятков. Минусом этой техники было то, что использовать ее нужно было как минимум вдвоем. Впрочем, для Наруто это не было проблемой — у него были теневые клоны. Второй минус этой техники был в том, что она требовала много чакры, но для Узумаки это тоже не было проблемой. И еще для этого дзютсу все равно нужно было настоящее метательное железо.

Получилась эта техника далеко не сразу. У меня что-то похожее на нужный результат стало получаться только примерно через час тренировок. В то время как Наруто тренировался непрерывно, да еще и двумя отрядами, по четыре дубля в каждом, мне приходилось экономить каждую каплю чакры и много думать. Так что я выполнял дзютсу и пытался понять, как его можно лучше сделать, пробовал разные варианты и комбинировал.

В результате наших попыток изучить дзютсу все ближайшие деревья носили следы сюрикенов, словно здесь училась метать «звездочки» вся Академия в полном составе.

Остановившись на минуточку передохнуть, я вспомнил о том, как мальчик вчера без спроса лазил в моей записной книжке.

Еще один пробел в воспитании наследника великого клана — отсутствие понимания таких вещей, как приватность, — потянулся, — личное пространство, личные вещи. Будем исправлять.

— Наруто, остановись на минуточку, а клоны пусть продолжают.

— Хай, — Узумаки оторвался от очередной попытки создать теневые сюрикены и выжидательно посмотрел на меня.

— Я вчера вечером заметил, что ты взял мою записную книжку.

Мальчик виновато опустил глаза в землю.

— Прости, просто ты говорил, что если мне нужно что-то взять, то необязательно тебя спрашивать. Вот. И мне было очень любопытно, что там будет дальше, даттебайо! Поэтому я и взял посмотреть, ненадолго... вот.

После чистосердечного признания Узумаки виновато потупился, но уже через мгновение заглядывал в глаза, ожидая моей реакции.

— Наруто, я за это тебя ругать не буду, — сел на корточки и посмотрел ему в глаза, — я хочу, чтобы ты запомнил кое-что: личные вещи без спроса брать нельзя. Лучше их вообще не брать. Но если вдруг что-то очень сильно понадобилось, то нужно обязательно спросить разрешения у хозяина этой вещи. Даже если ты знаешь, что тебе не откажут. Элементарная вежливость. У других людей к личным вещам может быть очень трепетное отношение. И ты можешь нажать себе врага на пустом месте.

— Ха-а-ай... — уныло протянул мальчик, — я больше так не буду.

— Знаю, — потрепал его по волосам. — Ты мальчик умный. Дважды одну и ту же ошибку не сделаешь. Давай обратно к тренировке.

— Ага! — широко улыбаясь, Наруто кивнул так рьяно, что даже хитай-ате сполз.

Почувствовав, что чакры почти нет, я решил, что пора провести Саске и развеять клона, чтобы хотя бы частично восполнить растраченную энергию.

— Наруто, ты можешь тренироваться, или можешь идти домой, а я пока схожу, проверю, как там Саске. — немного подумав, я продолжил. — Да, и еще — не показывай Саске, как у тебя получается эта техника.

— Почему? — искренне удивился Узумаки. — Он ведь тоже будет эту технику учить?

— Именно. Будет учить. Сам, — выделил я последнее слово. — А так он просто скопирует выполнение этого дзютсу у тебя. Возможно, не самое лучшее и правильное выполнение. Так что пусть сам осваивает множественные фантомные сюрикены.

— Угу.

— Ладно. Если что — ищи меня на пляже, но, думаю, я не задержусь.

Идти до пляжа, на котором я тренировался с Саске, было недалеко.

— Ирука-сенсей? — вопросительно глянул на меня Учиха. — Я...

— Подожди минутку, — остановил, — я сейчас сам всё узнаю.

После развеивания дубля мне оставалось лишь захотеть вспомнить, что делал Саске.

Последний Учиха всё делал по инструкции и тренировался без усталости. Поскольку со стихией огня он уже был знаком, то выучить технику Мудреца-Феникса ему было даже проще, чем Наруто — Теневые сюрикены. Тренировался Учиха с умом, не забывая импровизировать, так что он закончил несколько раньше и теперь просто ждал меня.

— Ирука-сенсей, показать?

— Нет, не нужно. Клон всё видел. У тебя отлично получается — похвалил я. — Можешь идти отдыхать.

— Спасибо, Ирука-сенсей.

Сказал Учиха это лишенным выражения голосом, но вот в эмоциях у него была радость. Мне даже как-то не по себе стало. Из-за того, что живу в мире, где дети очередному оружию убийства так искренне радуются.

Молчание затягивалось, и я уже было хотел сказать, что ухожу, как вдруг Саске сказал:

— Ирука-сенсей, мне нужно поговорить с вами.

Блин, открытая линия с народом продолжается, — не удержавшись, я закатил глаза, что не укрылось от взгляда мальчика. Попытавшись исправить оплошность, изобразил улыбку.

— Говори, раз нужно, — присев на крупный камень, я указал рукой на второй рядом Учихе. Но он не сел.

— Я хочу, чтобы вы меня тренировали, — выдал шаринганистый.

Я даже рот раскрыл от удивления.

— В смысле тренировал? — вырвалось у меня раньше, чем я успел подумать.

Саске глянул на меня с подозрением и даже обидой. Но всё-таки объяснил:

— Наруто был неудачником и слабаком. Потом вы стали его тренировать. И он стал намного сильнее. Я хочу, чтобы вы тренировали меня. Мне нужна сила, чтобы отомстить Итачи за свой клан! Я должен стать сильнее.

Кажется, это самая эмоциональная речь, которую когда-либо слышал от Саске.

Задумчиво потеряв подбородок, я сказал:

— Понимаю, — и задумался.

Тем временем брюнет посмотрел на меня с такой надеждой, что мне даже стало как-то не по себе.

— Саске-кун, а почему ты не обратишься, к примеру, к Хатаке-сану? Он ваш джонин-сенсей и элитный джонин. Он может научить тебя намного большему, чем я.

— Пф. Я пытался, — понуро ответил Учиха. — Много раз.

Обиженно фыркнув, Саске посмотрел вдаль:

— У Какаши-сенсея постоянно были причины ничего не делать. «Тебя еще рано чему-то учить», — зло передразнил Учиха Собакина. — «Мма... Подожди немного. Мма... Сначала вы должны улучшить свою командную

работу. Мма... Прежде чем изучать дзютсу, ты должен научиться мыслить как шиноби...»

Это было так странно — видеть, как Саске пародирует Какаши.

Справившись с удивлением, я хихикнул в кулак.

— Какаши-сан наш командир, не надо так о нем, — пытался я не улыбаться и не смеяться.

— Пф, — выразил свое отношение шаринганистый, повернулся и скептически уставился на меня, явно на что-то намекая. Не дождавшись ответной реакции, Саске продолжил:

— Меня достали эти отговорки. Я должен стать сильнее, а он меня ничему не учит! К тому же, — продолжил Учиха, — я видел, что Наруто становится сильнее. Вчера Узумаки рассказал мне о вашем... — замялся, — конфликте с Какаши-сенсеем...

Сложенные на груди руки — жест отрицания, недоверия. Нельзя!

— ... после этого я спросил у Наруто, кто его тренирует, — слегка прищурился пацан.

— И что же он ответил? — спросил я, с трудом убедив тело не складывать руки. Вместо этого я чуть отклонился назад, изображая расслабленность, и уперся руками в камень.

Учиха фыркнул с одобрением. С того самого момента, как мальчишка задал провокационный вопрос, он пристально следил за моей реакцией.

— Он сказал, что обещал ничего не говорить, — Учиха весело фыркнул.
— А мне не надо ничего говорить. Я всё и так вижу. Он живет у вас. Он все время с вами. И он стал сильнее.

Против таких доводов не попрешь, запрокинул голову к небу, закрыв ненадолго глаза. Блин, — опомнился я. — Ладно, выкручусь.

Выдохнув, сел нормально.

Мальчишка внимательно следил за мной и с нетерпением ожидал ответа.

— Саске-кун, я не так давно потерял память, если ты забыл, — на этом месте мальчишку перекосило, — и я вряд ли многому смогу тебя научить, — но прежде чем брюнет успел возмутиться, я продолжил, — так что мне надо подумать, чем я могу тебе помочь. Давай вернемся к этому разговору завтра, хорошо?

На мгновение Саске стал похож на ребенка, неожиданно получившего подарок. Пусть и небольшой, но подарок.

— Хай, Ирука-сенсей, — сквозь маску наследника клана проглядывала торжествующая ухмылка, а в эмоциях мальчишки был «привкус» радости и надежды.

Но когда я встал, Саске торопливо выпалил:

— Подождите, Ирука-сенсей!

— Что-то еще? — переспросил я слегка смутившегося Учиху.

— Ирука-сенсей, что вы знаете о шарингане? Наруто сказал, что вы знаете, чей шаринган у Какаши-сана, — заговорил тише. — Можете мне об этом рассказать? Мне важно это знать!

А Саске иногда бывает эмоциональным, — кивнул. — Почему бы и не рассказать?

— Садись. Насколько я знаю, — потер подбородок, подбирая слова, — по легенде глаза Учих, также как Мокутон Сенджу, происходят от отшельника шести путей. Рикудо. Кто еще от него произошел, и какие кланы отсоединились от Учих и Сенджу либо роднились с ними — история умалчивает, что не мешает большинству кланов претендовать на родство с Великим Мудрецом Рикудо, хотя бы через дальних родственников его сыновей, — на этих словах Саске едва заметно усмехнулся. Он не сомневался, что уж его-то клан — точно был в родстве с великой легендой мира шиноби. В отличие от всяких самозванцев! Но, опомнившись, спросил:

— А что вы знаете про шаринган Какаши-сенсея?

Промолчать, что ли? Или все-таки не троллить этого горячего парня?

— Не люблю пересказывать слухи, но у Хатаке-сана напарники долго не живут. Первым был Учиха Обито, тот самый, который подарил свой глаз Какаши перед своей смертью... Хатаке-сан тогда был командиром группы. Какое-то время о Какаши не было ничего слышно, он служил в АНБУ, а потом снова смерти.

— Ээ? Вы сказали, что погиб только Обито, а остальные?

— На Третьей войне погибли оба сокомандника вашего сенсей. Остался только сам Хатаке-сан и его джонин-сенсей, Четвертый Хокаге. Последний, как ты знаешь, тоже погиб.

— Ага, — обалдело кивнул мальчишка.

— Команду расформировали. После АНБУ были миссии в качестве элитного джонина, и там тоже самое. Какаши называют проклятым командиром, — я развел руками, — такие вот слухи.

Саске явно пытался понять, как этот бред вообще возможен.

Мда. Похоже, я обеспечил ему разрыв шаблона.

Когда он наконец смирился с подобным фактом и снова нацепил маску невозмутимости, я продолжил:

— Но точно сказать не могу. Слухи — не самые точные источники информации. Но факты такие: Учиха Обито погиб, а его глаз был пересажен Какаши. Вроде как его бывшей сокомандницей. Что с ней стало дальше — я не помню, извини. Наверное, тоже угробил ее где-то, — я сделал вид, что задумался, подбирая слова. — В принципе, все сплетники сходятся на том, что Хатаке имеет привычку терять сокомандников на миссиях, а сам он каким-то чудесным образом выживает и возвращается. Впрочем, ты сам все видел. Бой с Дождевиками и Забузой полностью подтверждает эти слухи, — после этих слов Саске стал выглядеть бледнее обычного, а в его эмоциях была целая буря.

— А что еще вы знаете о шарингане? — смог наконец выдать из себя Саске, осознав, что его ведет такой своеобразный... командир.

— Так, относительно шарингана, — протянул я, вспоминая и подбирая слова. — Я о нем явно знаю меньше, чем твои соклановцы. Вроде как

первое томоэ позволяет активировать шаринган. После пробуждения глаз ты должен лучше и дальше видеть, а главное — ускорять восприятие и копировать тайдзютсу. Ну, так говорят, — уточнил я. — Еще говорят, что со вторым томоэ можно копировать ниндзютсу, а с третьим — ловить в гендзютсу одним взглядом. — задумчиво почесав лоб. — Да, собственно и все. Хотя теперь у меня появились вопросы.

Саске напрягся, ожидая подвоха.

— Саске-кун, а почему ты спрашивал меня о шарингане? У тебя ведь все это должно быть описано в семейной библиотеке?

— АНБУ забрали ее на сохранение, — яростно выплюнул Саске. — Пока я не чуунин, я не могу получить ее назад!

— Плохо, — задумавшись. — И что, совсем ничего не оставили?

— Оставили только то, — поджал губы, — что я уже знал.

— М-да. Ладно, — хлопнул себя по коленям, — пора возвращаться. Засиделись.

После разговора мы прихватили Наруто, его полянка была достаточно далеко от места тренировки Саске, и уже втроем вернулись домой к Тадзуне.

Спросив разрешения, мальчишки пошли на улицу разбирать свитки друг у дружки. Они заговорчески переглядывались, явно собираясь померяться... техниками. Я вдогонку сказал им, чтобы они не игрались с техниками, а лучше отдохнули. Я надеялся только на благоразумие Наруто. Саске мог и сам догадаться, что я не просто так разделил их во время тренировок.

Топот ног и детские голоса удалились настолько, что без усиления слуха я их уже не слышал.

Итак, меня наконец-то оставили одного, — потянулся и лег на пол. А чего, я действительно Саске не тренировал? Рассматривал трещины на потолке и фыркнул.

«Подумаешь», он совсем скоро захочет лучшего друга резать ради апгрейда глаз. Что вероятнее всего, Наруто, или даже меня, если я вдруг

стану его наставником и другом. Ну да ладно, убьет и убьет! Это же такая «мелочь», что не стоит внимания! Ладно.

Я сел, уперев локти в колени, а на сложенные в замок руки положил подбородок.

Допустим, я действительно был предвзят к Саске и судил о нем по тому, каким он еще только станет. Он ведь действительно был — мысленно поправил, — пока еще является неплохим парнем. Вон, недавно в бою готов был закрыть Наруто своим телом от удара, а в манге закрыл блондина собой от сенбонов Хаку. Даже Сакуру с Тадзуной от атаки братьев-демонов закрыл. Правда, сколько было в том героизме от вбитых в детстве понятий о том, что своих нужно защищать и спасать, а сколько от симпатии и желания защитить конкретных Узумаки и Харуно — большой вопрос. А с подачи Собакина Саске может очень скоро пересмотреть свои принципы.

Мимо меня проскользнул Инари, но потом вернулся и осторожно, крадучись, обошел по кругу, рассматривая.

Инари был очень любопытным. Вот и сейчас чего-то высматривал.

Наверное, старательно игнорировал мелкого. Если бы он с порога не начал распускать нюни по поводу «всех убьют», Инари бы мог даже подружиться с Наруто и наверняка бы путался под ногами!

— Инари-кун, ты что-то хотел? — не стерпел я.

— Извините, — пискнул сынок Цунами и пулей умчался на кухню.

Вернемся к Саске. Хорошо, допустим, что сейчас он хороший парень и я смогу каким-то чудом убедить его не становиться нукенином и гадом. Вопреки действиям Собакина, ничему Учиху не учащему и пытающемуся сравнить его и Наруто. Вопреки Орочимару, жаждущему шаринган. Вопреки проклятой печати. Вопреки истории с кланом Учиха. Как именно убедить Саске не становиться законченной сволочью — не знаю и не представляю. У Наруто, например, ничего не получилось. Ну да ладно, допустим, вот прямо сегодня захочу научить Мстителя чему-нибудь. А чем я могу ему помочь? У Саске элементы — огонь и молния, продолжил размышлять. А у меня — ветер и вода. Научи тому, что не знаешь сам?

Звучит заманчиво, да... Но я не Джирайя, я так делать не могу. Я считаю такое поведение безответственным и опасным.

Учить его клановым знаниям Умино? Ну, во-первых, ему далеко не всё подойдет, а во-вторых, а не жирно будет? Тот факт, что я научил Наруто клановому дзютсу — Великому порыву ветра, уже выбивается из ряда вон. А если я начну учить еще одного чужого мне пацана, это уже вызовет множество вопросов из серии — а здоров ли Умино-сан? Ну ладно, допустим, мне наплевать на свою репутацию в деревне и на то, как ко мне будут относиться. Допустим даже, что от вопросов я отбрехаюсь удачно, и от меня даже когда-нибудь уберут АНБУшный зоопарк.

Чем я помогу Саске с его клановыми тайдзютсу и с тем же шаринганом? Ничем. Хорошо, допустим, я его буду учить, к примеру, по Учихским свиткам... А он мне их даст хотя бы поддержать, я уже не говорю про посмотреть, а? Свое клановое достояние? И есть ли они у него? Ну хоть какие-то? Или все закрыты где-то в АНБУ, «для защиты и лучшей сохранности»?

А вообще положение у меня классное. Шаг вправо, шаг влево — считается побегом, карается расстрелом на месте. Прыжок на месте — попытка улететь. Пока я не выбиваюсь из планов больших боссов, у меня всё... Нет, не хорошо, но хотя бы относительно нормально. Жить пока можно. Но если мои действия начнут противоречить планам Третьего или Данзо... Предыдущий хозяин тела и так чуть не натворил делов. Или даже натворил — это уж как посмотреть. Так что меня запросто могут пустить в расход тем или иным способом за любые незапланированные действия. Данзо на это очень прозрачно намекал при личной встрече. Или просто уберут с должности ассистента седьмой команды и урежут общение с Наруто до минимума.

Ну хорошо, допустим, что-то я возьму в чуунинском отделе библиотеки Академии, что-то выделит Саске, что-то я от сердца оторву и выделю из библиотеки Умино. Что дальше?

У меня есть прямой запрет на обучение седьмой команды. Да, здесь он не работает. АНБУ нет, Какаши в ближайшее время возникать не будет. Конечно, в Конохе я могу без проблем отмазаться — я не учу команду, я учу только Саске Учиху в свободное от работы время. Так же, как я, глава

клана Умино, в свободное время могу учить генина Узумаки Наруто. Это мое личное дело, и никто не может мне запретить заниматься подобной деятельностью. Да, но вот только отношения с Третьим испортятся еще сильнее. А я бы не хотел испытывать его терпение. Думаю, что ему отдать приказ о моей ликвидации — раз плюнуть. Да и полностью зависеть от Данзо не хочется.

Но встает и другой вопрос. Если я еще и с Саске буду заниматься, то когда самому учиться? Или что, меня здесь нукенины не убьют, потому что я двух детей тренирую, а на свои занятия времени нет? Войдут в мое положение и не зарежут такого полезного меня? Ага, фирма «Счаз» к вашим услугам.

Мда. Но в целом, придется ему хоть что-то показать. А дальше посмотрю, как пойдет. Может, Данзо не будет против тренировок Саске. А может быть, мне удастся свалить все на амнезию и отправить Саске долбать Какаши. Дескать, выноси ему мозг. Может, Чучело сподобится и чему научит.

На следующее утро я оставил ребят караулить Тадзуну, а сам, на ходу делая упражнения, снова пошел к Виктору. К сожалению, не смог в деталях вспомнить, какое у меня было хенге, когда я пришел сюда в первый раз. Поэтому, взяв с собой грим, я замазал шрам и убрал волосы под бандану, которую мне дал Хаку. Но на лавке, где в прошлый раз в картишки рубились два бандита, было пусто, и я свободно зашел в дом-конус. Даже не пригодилась легенда, которую я выдумал по дороге.

Придержав приоткрытую дверь рукой, я постучал.

— А, привет, присаживайся, — воткнул Виктор пучок сенбонов в стену около постели и улыбнулся, не показывая зубов. — Рад тебя видеть.

Стенки портит, мысленно проворчал я и удивился. С каких это пор меня волнует сохранность чужого имущества?! Непорядок.

— Чего застыл? Заходи, садись.

— Здравствуйте, — так же, как и он, сказал по-русски.

Сегодня в комнатке уже не так сильно пахло лекарствами, зато пахло чем-то жареным и подсолнечным маслом.

Виктор закатил глаза.

— Договаривались же, на «ты»!

Когда это? — недоумевал я, глядя на радостного нукенина.

Прикрыв за собой дверь, сел в плетеное кресло около кровати, которого еще недавно тут не было.

— Виктор, вы явно старше, были, — подразумевал я прошлую жизнь, — и есть, двадцати лет. Не...

— Ну, хватит, а? — поморщился он. — Я себя снова стариком чувствую! Мне было чуть больше сорока, а сейчас 27. Я не намного тебя старше. Виктором зови или просто Виком!

Я чуть челюсть не уронил от такой несправедливости. У меня 5 лет отняли, а кому-то чуть ли не все 20 добавили!

— Завидно, Игнатий? — рассмеялся попаданец, заметив мою гримасу.

Никогда не любил эту форму своего имени, даже скривившись, язык высунул, будто гадость какая на него попала.

— Угу, — недовольно и не только из-за подначки. — Мне девятнадцать было. Сейчас двадцать три или двадцать четыре, — вытащил блокнот свериться. — Пока еще двадцать три! — саркастично подтвердил и, всплеснув руками, чуть не выронил книжечку.

— Кхм, — нарушил молчание Вик. — Я так вижу, что тебе с Хаку удалось меня залатать?

Явно попытался он меня отвлечь.

— По-моему, я больше мешался, чем помогал, — устало отозвался я. — Хаку — хороший... он отличный медик, не то, что я, — потер лоб над бровью. — Было бы неплохо взять у парня пару уроков.

— Ха, ну тогда я был прав, когда отправил его обучаться медицине! — усмехнувшись, хлопнул Виктор себя по ногам, будто это он сам всему обучил Юки. — Кстати, он сказал, что без тебя бы не справился...

Я отмахнулся:

— Просто в следующий раз берите лекарств больше, — потер лицо и посмотрел на Виктора. — Это некстати сейчас, но я одного понять не могу: зачем ты вообще решил старика убить? — эмоциональную усталость как-то незаметно сменило раздражение. — Ты ведь слышал про мост? Видел, что этот ублюдочный гном тут наворотил?!

— Тише и немного медленнее, а то из-за акцента бывает непонятно, — примиряюще поднял руки Забуза-Виктор. — Давай по пунктам, а? — попросил Мечник, искренне улыбаясь.

— Давай, — хмыкнул я, невольно улыбнувшись абсурдности и комизму ситуации.

Демон Тумана предлагает чуунину Листа спокойно поговорить и разобраться в ситуации. Причем не кому-то, а Умино.

— Первое — с этим твоим канонем я не знаком, что бы это ни было. Погоди, дай договорить! Пожуй лучше, — сунул мне под нос Виктор тарелку с чебуреками.

А я-то думал, что за запах!

Так непривычно было видеть блюдо из той жизни. А уж в руках Забузы — это был живой сюрреализм. Собравшись с мыслями, я поддел пальцами еще горячее тесто и спросил:

— Это типа: «заткнись и слушай»?

— Ну ты мне дашь рассказать или нет?! — возмутился Вик.

— Тебе вредно сейчас жареное... — зачем-то сказал я.

Виктор разочарованно вздохнул, закрыв лицо рукой.

Так и есть, — вздохнув, взял самый маленький «лапоть». — «Заткнись».

— Хорошо, — удостоверился Виктор, что я сказать ничего не могу, и начал. — То, что земляк будет в группе сопровождения старика, я тоже не знал. Знал бы — не нападал.

Говорил Забуза-Виктор искренне, хотя и ощущался эмпатией слабее, чем обычный человек.

Надо будет потом узнать почему так, но пока есть вопросы и поважнее.

— Почему не стал бы? — любопытствовал я, оторвавшись от еды.

Устало вздохнув, Виктор посмотрел на меня как на идиота:

— Ты не представляешь, как тут одиноко, Игнат. Как будто ты за границей, и нормальных людей вообще нет! — сокрушался Вик. — Всё какие-то не такие. Или просто на голову двинутые. Тут даже поговорить по душам не с кем. Тут любому своему рад будешь, как брату.

— Ностальгия замучила? — хмыкнул я, но, заметив осуждение во взгляде собеседника, тихо спросил, начиная подозревать. — Как долго ты уже здесь?

— Я-то? — нахмурившись, хмыкнул попаданец, будто подсчитывал. — Года два точно. Чуть больше даже.

Такого ответа я не ожидал.

— С-с-с скока-скока?! — не сразу справившись с удивлением, переспросил я. — Два года?! А ху... — быстро исправился. — Ничего себе! — уже задумчиво. — ...Два года.

— А чего ты так удивляешься?

— Я тут всего пару месяцев! — в голове это просто не укладывалось. — Извини, я думал, ты двинулся... немного, когда вместо того... А ты говорить начал! — смутившись, пробормотал, почесывая шрам на носу. — Извини.

Услышав подозрительный, похожий на тихий кашель старого пса звук, я завертел головой и лишь через мгновение догадался посмотреть на Виктора. Лицо у него покраснело, да и сидел он как-то странно

скособочившись и подергивал плечами. Я всерьез испугался. Виктор зажмурился, сжал нос между указательным и средним пальцами, да еще поскуливать начал.

— Виктор, вам... тебе плохо? — засуетился, вспоминая где тут аптечка. — Что случилось?

Хрюкнув, Забуза завалился на спину и стал... странно поскуливая, кашлять.

А я стоял как дурак, хлопая глазами, пока до меня не дошло, что это никакой не кашель. В сердцах сплюнув, крикнул:

— Будешь так ржать, швы разойдутся!

Успокаиваться Вик явно не собирался, всё, что я говорил, у него вызывало приступ безудержного смеха.

Так что я взял стакан, налил в него немного воды и плеснул в лицо Забузе-Виктору.

— Успокоился? — подал полотенце. — Бок болит? — заметив, как поморщился земляк. — Дай посмотрю.

Пока я водил светящейся рукой над бинтами, Виктор пришел в себя, но изредка все равно хихикал.

— Давно я так не смеялся. С водой — ты это хорошо, — смешок, — придумал. Я бы не сообразил.

— Выдохни, удержи дыхание, а теперь глубоко вдохни, — участливо. — Ржать больше не тянет?

— Нет, — улыбаясь, сообщил Виктор, а через секунду скривился от боли. Вздохнув, я поправил подушки и помог ему сесть.

— Может, обезболивающего?

— Нет, — покачал Виктор головой. — Перетерплю. Хватит, я этого уже нажрался. Тогда... — взгляд не-Забузы словно затуманился от воспоминаний.

После чего, видя мое недоумение, он пояснил:

— Тогда... Когда я умирал, было гораздо больнее.

Глаза мечника потускнели, он уставился невидящим взглядом в стену.

— Почти сутки.

Он говорил монотонным, будто чужим, низким голосом, чуть громче шепота.

— Сначала в разбитой машине в каком-то поле, потом в скорой, потом в больнице... Мишка, сын, погиб. И Ленка — жена моя вторая.

И это было жутко.

— Виктор? — с тревогой окликнул я его.

Взгляд стал чуть более осмысленным, но пугающая отрешенность никуда не делась.

— Я тогда, в лихие 90-е, бизнесменом был, — со вздохом сказал Виктор.
— Не олигархом. Но зарабатывал неплохо. А детей у меня не было. Жена первая, Наташка, дура набитая, всё роскоши хотела, кольцо бриллиантовых и шуб норковых, — поморщился. — А я-то на начало 90-х простым инженером был, так что она меня бросила, ушла к другому. Да, наверное, и слава богу. Потом бизнесом занялся, подруг менял, пока наконец Лёну не встретил. Она хорошая была, обо мне заботилась. Любила... А вот я ее — не особо. Нет, любил... Но как-то так... А потом у нас Мишка родился. Поздний ребенок. Умный, красивый, шустрый, — на этом месте Виктор сгорбился, шумно выдохнув. — Он тогда, в катастрофе, тоже погиб...

— Не надо, — тихо сказал я.

— Очнулся я уже в этом теле, — показал Виктор на себя большим пальцем, проигнорировав меня. — Долго сидел, как мышь под веником, несколько месяцев. Чего мне это стоило — даже вспоминать не хочу, но зато Момочи даже не знал про меня. Станный он был, непонятный. Вроде и злодей, вроде и герой... Я так многому научился, за ним наблюдая, запоминая ощущения нашего... моего тела. Ночами, когда он спать ложился, я потихоньку в этом теле осваивался. Но после неудачной

попытки грохнуть этого мутанта Ягуру мечник сломался. Потерял волю к жизни. Понимаешь, он просто жить не хотел. Я тогда тело случайно захватил. Хаку он оружием считал. Меня это бесило страшно. И когда я понял, что еще немного, и Момочи сам сдохнет, и пацана на тот свет утянет... Вот тогда я тело и хапанул себе. Прямо как демон в дешевом ужастике... — хмыкнул кисло, точно пытаюсь юмором прикрыться от того, о чем не хотелось думать. — Хорошо, что тут церквей нет. А то бы изгнали.

Плеснув в стакан воды, я подал его Виктору:

— Я... — тихо сказал. — Я даже не успел понять, что умер, как оказался здесь. Когда читал эту историю, многое упустил... Вот сказал Кишимото, ну, автор этого бреда, в который мы попали, — пояснил я, — что персонаж хороший, значит, так и есть. А это далеко не всегда правда, — расстроено покачал головой. — «Хороший» оказался тем еще гадом, лгуном и лицемером. Он был учителем и превратил жизнь Наруто в бесконечную череду отработок, наказаний, унижений. Будто мальчишке было мало ненависти за пределами Академии!

— Ненависти?

— Да. Из-за Сарутоби!.. — тут я замолк, прикусив язык.

— Не доверяешь? — усмехнулся Виктор.

Стушевавшись, я опустил глаза.

— Извини...

— Я понимаю и не осуждаю. Паранойя здесь — это здоровая осторожность, — весело сказал Виктор.

Не, ну над чем скалится, гад зубастый? Смешно ему, что даже попаданцы друг другу доверять не могут?

— Спасибо, — вымучено улыбнулся я, чтобы отвлечься, напомнил. — Ты так и не сказал, почему решил убить Тадзуну.

— Не хочу, чтобы выглядело так, будто я оправдываюсь... — товарищ по несчастью внимательно посмотрел мне в глаза. — Но старик в любом случае покойник.

— Это почему еще? — скороговоркой переспросил я.

— Ну, сам посуди, у Гато денег много. Он убийц нанять может. А старик себе охрану нанять не может. Логично?

Я вынужденно кивнул, но тут же возразил:

— Но ведь если Гато убить, то старик жив останется!

— Не останется, — отрицательно покачал головой попаданец. — Я тут навел справки. Тадзуна — архитектор не из последних, уважаемый мастер, высокооплачиваемый. Слишком много сил и средств он вложил в этот мост. Он один из пайщиков. Ему дайме Волн обещал процент от торговли. Я тебе по секрету скажу — местный дайме — сволочь похлеще Гато. Он мог без проблем обеспечить защиту Тадзуне, хотя бы символическую, но он ничего не сделал. Я так думаю, что платить он ничего не захочет...

— Ты хочешь сказать, что старика все равно кто-то убьет? Или по приказу Гато, или по приказу дайме Страны Волн.

Не-Забуза кивнул.

— Именно.

Гм, а в каноне старик был жив и через три года помогал Коноху отстраивать.

— Виктор, так всё-таки, почему ты хотел старого козла прибить?

— Из-за судов.

— Судов? — обалдел я. — Каких еще судов? Они-то здесь при чем?

— А при том, что Гато заплатил бы за убийство архитектора не деньгами, а кораблями.

Виктор серьезно и устало посмотрел на меня.

— Игнат, у нас там война с фашистами. С натуральным Гитлером. С сукиным сыном, что эсэсовцев переплюнет... С бешеной тварью, гнидой, сучьим выродком...

Меня придавило его КИ. Тут Виктор опомнился и резко замолчал. А затем усмехнулся, как оскалился. — Ну, в общем, ты понял...

Я энергично закивал. Как тут не понять?! Про Ягуру он говорил.

— Так вот, мы воюем с кровавым психопатом, что режет всех, у кого хоть какой-то намек на улучшенный геном. И эту бешеную тварь надо остановить. А без снаряжения, еды и оружия воевать нельзя. Вот мне и нужны суда Гато. Чтобы были формально под его флагом, но были с нашими командами и возили нам всё необходимое. Контрабас нам нужен. В огромных масштабах.

— Контрабас? — переспросил я.

— Контрабанда, — пояснил Виктор, — мы ее так называли у нас, там... На родине. — Наконец нашел он правильные слова.

— Ага, ясно, — ошарашенно согласился я.

Тут все понятно. Виктор пойдет на всё, чтобы убить Ягуру. Он абсолютно искренне его ненавидит. Значит, попробуем с другой стороны.

— Хм, и ты действительно веришь, что Гато заплатит?

— Хм... — Забуза заинтересованно посмотрел на меня. — Почему нет?

— Я тут вроде самый сильный шиноби. Думаешь, Гато рискнет меня кинуть?

— А почему нет? — ответил я вопросом на вопрос. — Если тебя в первый раз так потрепали, то Гато может надеяться добить победителя. И платить не надо, да и твоя голова целое состояние стоит. Как и меч.

Виктор задумался. Неуверенно сказал:

— Ну, я, конечно, облажался и в первый раз Тадзуну не убил, более того, я чуть не умер, но не настолько же Гато тупой, чтобы лезть в разборку шиноби? Ему-то и шального сюрикена хватит, чтобы в ад отправиться...

Я в ответ на это только грустно усмехнулся:

— Именно это в каноне и произошло. Собрал Гато бандюков и решил прибить выживших. Там Забуза и погиб, угробив перед этим Гато.

— А этому твоему канону можно доверять? — с сомнением поинтересовался попаданец.

— Манге, — педантично уточнил для зубастого. — Пока он достаточно точен, — пожал плечами. — В общем, по манге результаты твоего столкновения с седьмой командой были следующие. Ты и Хаку погибли, при этом ты перед смертью зарезал Гато зажатый в зубах кунаем после того, как он пнул труп мальчика и сказал, что с самого начала не собирался тебе платить. Дескать, дешевле и проще нанять бандитов, чтобы они убили ослабленных шиноби. А старик Тадзуна через три года помогал восстанавливать деревню после нападения Пэйна.

— Восстанавливал деревню спустя три года, после Пэйна? Ну-ка подробнее всё это.

К теме гибели Хаку и собственной смерти Виктор отнесся вполне серьезно, и мне пришлось пересказывать в деталях всё, что я помнил по манге о том, что произошло в Стране Волн, а также то, как нас наняли, какая была реакция у Хокаге, Тадзуны и Какаши. Как мы шли в страну Волн, как дрались с командой дождевиков и продолжили путь. На этом месте я взял паузу, потому что, выслушав меня, Забуза крепко задумался.

— Виктор, я тебя хотел спросить, — решил я задать мучавший меня вопрос, когда дошел до нашей первой драки, — а почему ты Хаку к бою не подключил? Мы бы тогда точно проиграли.

— Потому что не видел нужды им рисковать, — и, посмотрев на мою недоуменную физиономию, пояснил, — не знаю, понимаешь ты это уже или нет, но на обычных чуунинах я бы Хаку потренировал, а джонины могли бы задеть Хаку, здесь уже был бы риск... Ну, а Хатаке Какаши был бы для него слишком серьезным противником. Хаку — мальчик талантливый, но до меня ему еще далеко. Забуза же, мне, считай, всё завещал, когда понял, что проиграл, и когда я ему пообещал Ягуру убить... — Виктор резко оборвал свои воспоминания. — В общем, если

бы случайно попался противник, который даже меня бы уделал, то задачей Хаку было бы отвлечь его, дав нам время сбежать. А вообще я думал, что всё пройдет без проблем. Ну, а на всякий случай он был бы запасным планом, похожим на то, что в этом твоём каноне было. Повторюсь, я не ожидал увидеть Хатаке Какаши, одного из сильнейших джонинов Листа. Кстати, если бы тебя не было, я бы тоже попытался его в водяную тюрьму запереть, как в этой твоей манге, и там бы он у меня и сидел, пока воздух и чакра не закончились бы. Но одно дело зеленые генины и совсем другое — взрослый чуунин. Так что я просто пытался убить Тадзуну, но этот твой Наруто поставил барьер, пришлось посылать клонов. И хлопушки эти, — поковырялся в ухе Вик, — в ушах еще полдня звенело.

— Ну да, дубли несколько раз были очень близко, — скривился я от воспоминаний.

— Ага, клоны тупые, потому чуть не наломали дров, — последовав моему примеру, Виктор тоже поморщился. — Веришь или нет, земляк, но я здесь еще не настолько оскотинился, чтобы детей убивать, — он горько усмехнулся, — Нет, я не дурак, понимаю, что здесь и дети могут быть смертельно опасны... Но мне пока везло обходиться без этого. А насчет водяных клонов повторюсь — они тупые. Действуют только в рамках поставленной задачи, но при этом на них влияют эмоции создателя. Я разозлился, и создавал их с желанием любым способом достать старого козла. Вот они и стали пытаться убить Тадзуну. Вы им мешали, вот они, как роботы, и переключились на вас. Как сказал бы один мой знакомый программист в той, прошлой жизни — мои клоны следовали инструкции и устраняли препятствия на пути выполнения задачи, — после чего мечник замолк и отхлебнул воды из стакана.

Ну, о своих редких, но опасных атаках, которыми он пытался меня вывести из игры, чтобы добраться до Тадзуны, он особо распространяться не стал, но это и понятно. А с водяными клонами интересно... Век живи, век учись. Водяные клоны тупые, и мы их сами раздраконили.

Твою ж за ногу... — пришла внезапная мысль.

— А вообще мы с Какаши здесь молодцы, два кретина... — выразил я мысли вслух и продолжил под ухмылку мечника. — Если бы у нас все было как в каноне, и меня не было, то, сказав «охраняйте старика»,

Какаши поставил бы детей в такую же опасность, если не большую, как если бы он их бросил в атаку, потому что нормальный шиноби попытался бы убрать цель и препятствия к ней, а не устраивать поединки с шиноби равного класса.

— Молодец, соображаешь, — похвалил Виктор. — По-хорошему, ребят надо было сразу после моего появления уводить или отогнать с поля боя, наплевав на клиента, — спокойно рассуждал собрат по несчастью. — Чай, не дайме. Не стоит он того, чтобы ради него кем-то жертвовали. От провала одной миссии С-класса деревня бы не обеднела. Три генина стоят больше, даже если у них ни геномов улучшенных, ни талантов особых. И ваш командир это знал... — после чего абсолютно серьезно, без тени насмешки, сидящий напротив меня шиноби сказал. — Ваш командир, сука такая, сделал из детей помесь наживки и живого щита ради выполнения сраной миссии С-класса. Будь осторожен с таким коллегой, — после чего Виктор снова усмехнулся и, ослабившись, сказал, — ну, неспроста же у него имя звучит почти как «какашка» по-русски.

— А то я не знал! — не удержался я.

Надо бы смолчать, но после обрушившихся на меня откровений я не удержался:

— Не зря похоже! Говно-человек!

Виктор снова заржал, а я снова с удовольствием плеснул ему в морду водой.

Развел таки на откровенность, скотина зубастая! — поморщился. Впрочем, я не злился. Виктор говорил совершенно искренне.

Но земляк тоже не обиделся и драться не полез. Вытершись, он потребовал окончания рассказа. Ну я и закончил историю Страны Волн ее грустным для оригинального Забузы финалом.

Закончив вспоминать будущее, я жадно выхлебал стакан воды, а попаданец-Забуза задумался... А потом глухо выругался.

В ответ на мой недоуменный взгляд Виктор поморщился и сказал:

— Мы все вляпались в дерьмо. Нет, хуже. В политику.

— Не понимаю, — честно признался я в своей тупости.

— Ну сам посмотри, — начал объяснять мне Виктор. — Тадзуна поперся в Страну Огня, более того — в столицу, ко двору Дайме, где кто-то дал ему деньги и документы на получение стройматериалов для достройки моста. Материалы, кстати, насколько я знаю, сюда привозят суда страны Огня и всегда — под охраной. Логично предположить, что и деньги, и материалы старику выдали либо по распоряжению дайме, либо под влиянием какого-то высокопоставленного чинуши. Но почему старик нанял для себя учебную команду, соврав о действительном ранге миссии? — задал явно риторический вопрос Виктор и продолжил. — Этот архитектор не первый год живет и не первый объект строит. Должен был понимать, что надо нанять команду посерьезнее. Да, мать его, груз охраняют команды чуунинов с джонинами и до хрена стражников стран Волн и Огня! А старый мудак для себя генинов нанял! Но и это еще не все странности. Ваш Хокаге не может не знать, что здесь, в Стране Волн, творится, и как смотрит на строительство моста местный Березовский. И каких моджахедов он тут может нанять. И, судя по твоим словам, ваш Сандайме, не моргнув глазом и гаденько улыбаясь, отправляет учебную команду! — выдохнувшись, Забуза замолчал, прервав свою гневную тираду.

— Но Третьему же не выгодно так поступать! Седьмые — ценные генины. У нас в команде — последний Учиха и последний Узумаки, да еще и джинчурики до кучи. Сарутоби ведь не пошел бы на это?

— Глазастый и клетка для демона? Занятные генины, действительно.

Я зажмурился и ругнулся.

Мрачно хмыкнув, попаданец в Забузу предложил:

— А ты попробуй посмотреть на это под таким углом. Что от Учих, что от Узумаки, вроде, никого не осталось? Если погибнут ребята, то их клановое достояние можно будет спокойно до конца разворовать. Погибнет джинчуурики? Да и плевать. Соберут команду посильнее, отловят Девятихвостого зверька, запихнут в кого-нибудь на сто и один процент лояльного, скажем, в кого-нибудь из клана самого Третьего.

Тут уже пришло время задуматься мне.

— Но как же Хатаке? — недоумевал я. — Он ведь один из сильнейших джонинов Листа. Его потеря дорого обошлась бы деревне. Тут только Сакура да я не представляю какой-либо особой ценности.

— А у Какаши как с кланом дела? Есть хоть кто-нибудь, кто при случае отомстит или хотя бы получит за него наследство? — явно прикидывая что-то в уме, поинтересовался Виктор.

— Нет, — ответил я, внутренне похолодев от понимания того, что я четвертый в этой команде одиноких наследников. Да, если мы всей командой загнемся, то сколько же рё прибавится на счетах у того же Хирузена?

Но подумав, я решил, что Виктор сделал неправильные выводы.

— Не думаю, что Хирузен рассчитывал, что Хатаке погибнет, — озвучил я свои сомнения. — Какаши угробит всех, но сам обязательно приползет обратно. Местные зовут Какаши человек-беда.

Виктор хмыкнул, но промолчал.

— Ладно. Допустим, — начал размышлять я вслух, — что у нас был бы канонный вариант — Какаши и седьмые. Если гибнет Сакура, то никаких минусов для Третьего нет. Из плюсов — седьмая команда перестанет быть таковой из-за потери Харуно, и нами будет проще манипулировать. Команда неполная и все дела. Кроме того, Наруто после такой психической травмы было бы тяжело, и добрый дедушка Хокаге наверняка стал бы утешителем. Сказал бы он пару банальностей, еще сильнее привязав к себе мальчика. Или Третий сыграл бы на комплексе вины Узумаки, чтобы направить его в нужную для себя сторону.

Не-Забуза одобрительно кивнул:

— Так, хорошо. Давай дальше, студент.

— Если бы погиб Саске, — продолжил я, мысленно представляя ситуацию, — то Третий и его кодла окончательно наложили бы лапу на наследство Учих.

Виктор беззвучно присвистнул, он хотел что-то спросить, но вместо этого махнул рукой: продолжай.

— Если бы погиб Наруто, — запнулся, жутко было говорить такое, — то Третий мог запечатать Лиса в кого-то из своего клана, — обнял себя за плечи. — В какого-то ребенка. Тогда можно не думать о возможном возврате хотя бы части наследства Узумаки и Четвертого. А влияние клана Сарутоби поднялось бы до небес, и он мог бы претендовать на титул Великого.

— Так мелкий не только джинчурики, но еще и сын знаменитого Четвертого Хокаге? — отметил для себя новый факт Виктор. — Ваше старичье совсем края потеряло! Сына народного героя так прессовать и обобрать подчистую. Старый явно не боится Деревню без биджу оставить, — потер Забуза челюсть, — несмотря на трудности с поимкой через пару лет. Хм, наверное, у Третьего есть какой-то запасной план?

В голове было пусто, Виктор говорил что-то еще, но я не улавливал смысл.

А я еще думал, как сохранить жизнь старой обезьяне со свинячьи-крысиными замашками, — смешок сквозь кривую ухмылку.

— Старый пень! Куда ни плюнь, у него везде профит. При любом исходе он в выигрыше.

— Игнат. Игнат!

Удостоверившись, что я слышу, Виктор сказал:

— Спокойнее.

Вздыхнув, я спрятал лицо в ладонях.

— Как можно? — сокрушался я. — Как?!

Меня прервал бывший, нет, пожалуй, настоящий соотечественник:

— Это не «как», это мотив. Ведь кому какое дело до блага Деревни, когда можно урвать для себя? — цинично поинтересовался Виктор. — Или ты что, думаешь, тут везде ангелы? Не предают? Не лгут? Может, даже не воруют и взятки не берут?

— Может, ты и прав, — тихо сказал я, вспомнив некоторые яркие эпизоды местной истории: обворованный Умино Ирука, Орочимару и перебежчик-предатель Мидзуки, гребущий под себя Данзо, явно не докладывающий о всех своих действиях Хокаге и ведущий какую-то свою игру...

— Не может, а прав, — поправил меня Виктор. — Заметь, Третий как бы ни при чем, его как бы обманули, он ничего не знал, и доказать ничего невозможно. Тадзуна и учебная команда — убиты нукенинами, Гато тоже убит мстителями из Листа. Зато нынешний Хокаге сможет без особых проблем получить деньги, артефакты и клановые земли. А не просто разворовать часть имущества. Кроме того, еще может быть, что здесь замешана совсем уж большая политика и что гибель детей-генинов из учебной команды кто-то хотел бы использовать для того, чтобы прижать Гато или Дайме страны

Глава 22 *(продолжение)*

Возвращался я в дом Тадзуны усталый и с ощущением распухшей головы. Конец нашего спора застал Хаку и тоже поучаствовал, высказав пару дельных идей. Макуто шел молча, иногда поглядывая по сторонам, но в целом держался рядом.

Мягко спрыгнув на дощатый мосток, я довольно улыбнулся, заметив, как из теней шагнули клоны. Секунду на их лицах было донельзя серьезное выражение, а затем появились улыбки. С крыши скатился еще один блондин и побежал мне навстречу.

— Ирука! Ирука, с возвращением! — раскинув руки, сиганул мне на шею счастливый мальчишка. Макуто отошел в сторону, пропуская нас.

— Привет, — пришлось его ловить, — горе-сторож. А ты подумал, что бы было, если бы вместо меня был враг под хенге?

— Ээ, — поник мелкий, но быстро нашелся, — а я знал, что это ты! И Макуто с тобой!

— Да ладно? — закинул Узумаки на плечо, зашагал к дому. — Ну и как же ты меня вычислил?

— Кто-то другой сказал бы: «А вот и я»! Вот! Ты так не сказал!

— А надо было? — и беззвучно добавил. — «Блин».

Макуто открыл дверь и пропустил нас внутрь.

— Ну-у, — протянул блондин задумчиво и немного печально, — все так говорят. Когда домой возвращаются. Я видел. А им говорят: «С возвращением».

— Прости, я забыл. В следующий раз обязательно скажу, — и чтобы не заострять внимание на своем отвратительном знании местного этикета, я спросил. — Как день прошел, чем хвастать будешь?

Узумаки рассказывал про свои тренировки с таким энтузиазмом, что чуть не съездил локтем мне по затылку. А еще он рассказал, как встретил в лесу мальчика, которому помог собрать травы.

— Это девочка была! — возмущался Наруто. — Соврала она! Она красивее Сакуры!

Макуто, услышав это, поднял бровь, но ничего не сказал. Хаку... — сдерживая смех. — Жаль, я этого не видел.

Когда я потянулся открыть дверь, Наруто вдруг замолк, а затем тихонько сказал:

— Подожди.

— Что такое? — настороженно замер я, уж слишком непривычно прозвучал голос мальчика. Макуто тоже остановился.

— Я тут... — вдруг начал он запинаться и заикаться. — Когда ты поешь...

— Подумай, что хочешь сказать, и скажи, — отпустил я Узумаки.

А он, скорчив задумчивую рожицу, посмотрел себе под ноги.

— Я нашел храм на вершине этого холма, — показал он рукой в ту сторону, откуда я пришел, — когда ты поешь, ты сходишь туда со мной?

— Может завтра? — посмотрел я на длинные тени. — Скоро стемнеет.

Наруто тяжело вздохнул, бросил унылый взгляд на холм и медленно начал открывать дверь.

— Ладно, — сдался я, — быстро перекусим и пойдем. Фонарик только не забудь, разведчик.

Блондин тут же радостно заулыбался, плюхнулся на пол около дверей и заявил:

— А я ел, я тут подожду!

— Хм, тогда идем, может успеем до темноты вернуться. Я тоже уже поел.

Макуто шагнул вперед:

— Я с вами.

До храма мы добрались меньше чем за 20 минут. Мчались, как угорелые, по утоптанной грунтовке почти до самого храма. Не по деревьям, потому что по соснам скакать было не слишком удобно. Макуто бежал сзади, но не отставал.

Наруто притормозил лишь на каменных ступенях, ведущих к традиционной для храмов красной арке — тории, и нерешительно потоптавшись на месте обернулся.

— Ирука.

— Секунду. Камешек из сандалии вытряхну, — обулся. — Иду.

Наруто кивнул и прежде чем я успел встать под арку, схватился за мою руку. Макуто подошел следом, встал чуть позади, осматриваясь.

Оказавшись во дворе, мальчик осторожно открыл один глаз, затем второй и огляделся, настороженно прислушиваясь. Я тоже решил осмотреться.

От тории вглубь запущенного дворика, заросшего бурьяном, вела широкая дорожка из каменных плит, она упиралась в большое мертвое дерево. И огибая его, вела к зданию с зеленой двухъярусной крышей.

Поначалу, пройдя арку, я подумал, что ворота совсем новые, но при ближайшем рассмотрении выяснилось, что короеды успели выдолбить приличные дыры, а красная краска кое-где отошла вместе с лаком и

древесной трухой. Две статуи, похожие то ли на собак, то ли на лис, вытесанных из пористого камня, кое-где были покрыты мхом.

Это место сложно было назвать храмом, потому что даже заброшенные церкви внушали больше благоговения. Оно скорее напоминало старый склеп, чем место паломничества, вселяя безотчетную тревогу, заставляя говорить шепотом и замирать, настороженно прислушиваясь к непонятным шорохам и звукам.

Тени корабельных сосен, точно потеки темных красок, собирались под каждой травинкой, во все углубления и ниши, резко контрастируя с золотисто-оранжевым вечерним солнцем.

Мертвое дерево было огорожено крупными серыми булыжниками и обвязано толстым канатом с пожелтевшими бумажками. На небольшой площадке между деревом и храмом примостились лавка-магазинчик для каких-то сувениров, а может благовоний, заколоченная крест-накрест длинными досками и каменная бадья с деревянными ковшиками наполненными всяким мусором. Часть веток упала на крышу лавочки и обвалила навес над бадьей отколов у нее целый угол до самого дна.

Наруто остановился у этой будки. Сначала он обошел ее кругом, все также не отпуская мою руку, а затем достал фонарик.

— Ты слышал? — прошептал мальчик, настороженно озираясь.

Макуто положил руку на танто.

— Что? — так же шепотом спросил я.

Тихое шуршание и непонятный звук заставили вовремя отшатнуться. Сердце ушло в пятки, когда непонятная птица стрелой взвилась в небо истошно вереща и роняя грязно-коричневые перья.

— Истеричный орнитоз! — сплюнув, выдал я, убирая кунай обратно.

Макуто убрал руку с оружия.

— А я не испугался! — самодовольно заявил Наруто, когда подобрал фонарик.

— Угу, — хихикнув, вытащил я перо из волос мальчика. — Верю.

Он надулся и пошел к дереву. Кора отслоилась от серой древесины с мелкими дырочками и местами держалась только благодаря канату.

— А что это за дерево? — вдруг спросил мальчик.

— Может дуб, — скептически оглядел ствол, который с трудом могли обхватить 4 взрослых человека, — а может что-то еще, — развел руками. — Я не очень в этом разбираюсь, — закончил я тише, потому что мой взгляд зацепился за сам храм. Четыре колонны поддерживали замшелую крышу, прикрывающую чуть посеребрившие стены, украшенные резьбой в виде волн. Двери в храм были распахнуты настежь, широкий провал казался входом в потусторонний мир, а в невыносимой тишине в скрипе сосен мне чудились стоны.

Широко распахнув глаза, Наруто зачарованно смотрел в темноту.

Сглотнув, я сделал над собой усилие, чтобы отвернуться. Макуто стоял у дерева, глядя на храм, но не делал попытки зайти внутрь.

— Давай внутрь заходить не будем, — положил я руку на плечо вздрогнувшего от прикосновения мальчика. Заторможенно кивнув, он убрал руку от кобуры с кунаями.

— А ты веришь в привидений? — вдруг спросил мальчик.

— Верю, — серьезно сказал я.

Сложно не верить, когда я сам дух из другого мира.

Макуто ничего не сказал, только кивнул.

Мы молча обошли храм по широкой дуге и оказались на площадке с каменными фонарями, обрамленной перилами, выдолбленными в сером камне. С этой стороны двери храма были заперты, а окна закрыты ставнями.

— Ирука! Тут лестница!

— Отлично, — сказал я, пытаюсь разглядеть хоть что-то знакомое в очертаниях пляжа. Высота была внушительная.

— Нам не придется возвращаться, если она ведет...

— Я проверю! — крикнул блондин и прыгнул вниз со скалы.

Но не успел я испугаться, как заметил над ступеньками блондинистую макушку, которую ее владелец потерял.

— Ая-я. Больно. Даттебайо!

Первой мыслью было отругать мальчика. Второй — это нестандартное решение заставить клона сигануть вниз, чтобы посмотреть. Третьей — я, наверное, поседел.

Макуто спустился следом, бесшумно и быстро.

Ступени были неровными и узкими, так что на некоторые из них даже нельзя было встать всей стопой. Спускаться приходилось, постоянно смотря под ноги, придерживаясь рукой за каменные перила, а иногда продираться сквозь колючие кусты. С пляжа эту узкую тропку не было видно за скалами, а вырубленные в камне ступени скрывали колючие кусты и небольшие деревья, которые каким-то чудом сумели закрепиться на утесе.

Когда лестница-серпантин кончилась, мальчик вздохнул свободно.

— Наруто, ты заметил там что-то? Ты бежал так, точно приведение увидел.

Еще не подняв на меня взгляд, мальчик неискренне рассмеялся. Но когда увидел мое встревоженное лицо, вздохнул и сознался, что хотел побороть свой страх и посмотреть, как выглядит храм изнутри. Наруто раз за разом пытался пробраться в храм Огня в Конохе, но его вычисляли и выгоняли еще на подходе.

— Они говорили, что меня хокаге не...- закусил губу, — боги покарают... мерзких демонов.

Макуто шагнул к Наруто и положил руку ему на плечо.

— Не надо повторять за дураками всякие глупости! — оборвал я. — Вот станешь большим и сильным, и вот такие тетки, все те, кто над тобой

смеялись, Какаши... да вообще все, будут говорить, что ты всегда был для них героем! И что они в тебя верили! И в то, что ты станешь Хокаге — тоже верили! — улыбнулся, присев на корточки, — только запомни, для того, чтобы стать героем, умирать совсем не обязательно. И верить всем подобным, поверившим, — выплюнул это слово с презрением, — таким, кто внезапно станет набиваться в друзья и в поклонники, и говорить о том, как давно они тобой восхищались... Тоже не надо. И доверять им не следует. Как и любым другим лжецам.

— Хай.

Макуто убрал руку.

— И еще. Не спеши говорить «да», а сначала подумай. Слово не воробей, вылетит — не поймаешь. И обратно не заберешь.

Задумавшись, мальчик кивнул и серьезно сказал:

— Я запомню.

— Вот и хорошо, — улыбнулся я, взъерошив желтый ежик. — А тебя подстричь было бы неплохо.

Мелкий прикрыл макушку руками и замотал головой.

— Нет? Ну, как хочешь. Только потом не удивляйся, что с девочкой путать будут.

— Тебя же не путают!

Мы пошли обратно к дому. Наруто шел впереди, Макуто — замыкающим. Когда мы отошли от храма на достаточное расстояние, Макуто вдруг остановился.

— Ирука-сан, Наруто, — сказал он. — Подождите. Нам нужно поговорить. Там, на опушке. Где никто не услышит.

Наруто удивленно посмотрел на него. Я кивнул.

Мы свернули к опушке леса, подальше от дома. Луна уже поднялась, освещая поляну бледным светом. Макуто сел на пенек, положил руки на колени и посмотрел на нас.

— Вы знаете меня уже несколько месяцев. Я никогда не рассказывал о себе. Потому что не мог.

Наруто сел рядом на траву. Я остался стоять, прислонившись к дереву.

— Я — последний из клана Фаруд, — сказал Макуто. — Клана самураев-шиноби. Мы жили в лесах на границе Страны Огня. Нас уничтожили два года назад. Уцелел только я.

— Фаруд? — переспросил Наруто. — Я не слышал о таком клане.

— Никто не слышал, — ответил Макуто. — Мы были скрытным кланом. Никогда не выставляли себя напоказ. Наши техники позволяли накапливать чакру и поглощать силу побежденных врагов. Техника называется «Пустая миска вечности». Она забирает у убитого его знания, навыки, чакру.

Он поднял руку, и я почувствовал, как его чакра изменилась. Она стала плотнее, тяжелее. Потом он разжал кулак, и на его ладони засветились несколько разноцветных огоньков — чакра разных стихий.

— Это то, что я получил от тех, кого убил, — сказал Макуто. — Четырех нукенинов S-ранга. Тайгена из Ивагакуре. Кровавого Лиса. Райджина из Кумогакуре. Морского Змея из Киригакуре. И еще одного — Тензо. Он был последним Сенджу.

Я присвистнул. Четыре нукенина S-ранга и Сенджу. Мальчишка был не просто сильным — он был смертельно опасным.

— Как ты их убил? — спросил я.

— Охотился, — ответил Макуто. — Два года я жил в лесу. Выслеживал их. Изучал слабости. А потом убивал.

Он закрыл глаза, и вокруг него замерцала чакра — воздух, вода, огонь, земля, молния. Пять стихий одновременно кружились вокруг него, не смешиваясь, но и не рассеиваясь.

— Это лишь малая часть того, что я могу, — сказал он, открывая глаза. — Настоящая сила скрыта глубже.

Он провел рукой по животу, и я увидел, как его кожа на секунду стала прозрачной. Внутри него, в каком-то ином пространстве, лежали свитки. Свернутые, старые, исписанные иероглифами.

— История моего клана, — сказал Макуто. — Свитки Фаруд. Я ношу их в себе с тех пор, как покинул пепелище.

Он посмотрел на меня, потом на Наруто.

— Я рассказываю вам это не потому, что я вас жалею или нуждаюсь в защите. Я рассказываю, потому что вы доказали, что достойны знать. И еще потому, что вы, возможно, мои родственники.

Наруто вытаращил глаза.

— Родственники? Мы?

— Узумаки, — сказал Макуто. — Моя мать была полу-Узумаки. Кровь этого клана течет во мне. И в тебе. И в Ируке-сан его барьер пропустил. Значит, и в нем что-то есть.

Он отвел взгляд, и я заметил, что его уши слегка покраснели.

— Я не умею говорить такие вещи. Просто... вы — единственные, кому я могу доверять.

Я молчал. В голове крутились мысли. Клан Фаруд? Никогда о таком не слышал ни в каноне, ни в фанфиках. Скрытый клан самураев-шиноби с техниками поглощения чакры. Это объясняло, почему барьер Узумаки пропустил Макуто — если в нем текла кровь этого клана, он был родственником Наруто. И почему он так быстро учился — его тело было создано для накопления и поглощения.

Я смотрел на мальчика, который сидел на пне, сжимая в руках свитки своей погибшей семьи, и думал: «Мне, как попаданцу, досталась вундервафля в теле пацана. Будущая машина уничтожения. И он сам это знает».

— Твоя цель? — спросил я. — Мечь?

— Да, — ответил Макуто. — Я уничтожу тех, кто убил мой клан. Я стану сильнее, чтобы никто не смел трогать моих родных. Я восстановлю клан Фаруд. И я найду своих младших сестер. Они пропали в тот день. Я спрятал их в дупле, а когда вернулся — их не было.

Он говорил спокойно, без надрыва. Но я чувствовал в его голосе сталь.

— Ты убивал нукенинов S-ранга в одиночку? — спросил я.

— Да, — ответил он. — И я покажу вам то, что взял у них.

Он поднял руку, и вокруг его ладони закружилась молния. Потом пламя. Потом вода. Он показывал техники, которые не мог знать обычный ребенок. Демонический ветер. Водяного дракона. Каменные шипы.

— Я не хочу, чтобы вы боялись меня, — сказал он, опуская руку. — Я хочу, чтобы вы знали. Потому что однажды вам придется решать, кто я для вас.

Наруто подполз к нему и обнял.

— Ты — наш, — сказал он. — Даттебайо!

Макуто не отстранился.

Я смотрел на них и думал. Клан Фаруд. Улучшенный геном, позволяющий накапливать чакру и поглощать чужую силу. Такое в каноне было только у клана Узумаки с их фуиндзютсу, у Сенджу с Мокутоном и у Кагуя с костяными техниками. Но Фаруд? Может, они были ветвью Узумаки, которая отделилась и пошла своим путем? Или самостоятельным кланом, который развил свои способности независимо.

В любом случае, передо мной сидел мальчик, который в десять лет уже убивал нукенинов S-ранга. У которого чакры было как у слабого хвостатого зверя. Который носил в себе свитки с историей целого клана.

И он доверял мне и Наруто. Потому что мы, возможно, были его родственниками. Потому что он видел в нас тех, кто его не предаст.

Я вздохнул.

— Макуто, — сказал я, — ты идиот. С такими способностями ты мог бы стать одним из сильнейших шиноби в мире. А ты прячешься в команде генинов и учишься резать лук.

Он посмотрел на меня.

— Сила без контроля — это разрушение. Я не хочу разрушать. Я хочу строить.

Я усмехнулся. Мальчишка был мудрее многих взрослых.

— Ладно, — сказал я. — Ты принят. Я буду тебя тренировать. И помогать. И если понадобится — прикрою спину.

— И я! — крикнул Наруто. — Мы же команда! Даттебайо!

Макуто кивнул. Его лицо оставалось спокойным, но я заметил, как его плечи чуть расслабились.

Мы вернулись к дому. Внутри уже все спали. Макуто бесшумно прошел в свою комнату, Наруто улегся на фuton. Я сел у окна и долго смотрел в темноту.

Попаданец я или нет, но у меня в обучении оказались не просто генины. Будущие машины уничтожения. И мой долг — сделать так, чтобы они уничтожали только тех, кто этого заслуживает.

На рассвете я тихонько собрал вещи. Макуто вышел в коридор и встал у двери.

— Я последую за Наруто, — сказал он. — И за Саске.

— Спасибо, — ответил я.

Он кивнул и ушел в комнату.

Когда заскрипела раздвижная дверь зала, меня окликнул тихий голос:

— Возвращайся скорей.

— Обязательно вернусь, — так же шепотом ответил я и закрыл двери.

Спуститься со ступеньки, пройти два шага — никогда раньше такой короткий путь не был для меня столь тяжелым. Хотелось снова вернуться в комнату и сказать: «Я пошутил. Я никуда не уйду». Но я дал слово Виктору, рассказал все Какаши — пути назад уже не было.

Глава 23. Свой среди чужих?

Прислушавшись к шепоту промозглого ветра, я глубоко вдохнул и побежал. Макуто остался у дома Тадзуны — он вызвался охранять периметр, пока меня не будет. Оказавшись далеко от островка, я снял чуунинский жилет и ветровку, заменив их на темно-синюю спортивную куртку с оранжевым пластиковым замком и высоким воротником на заклепках того же цвета. Кроме нее и черного свитера с патриотичной завитушкой на левой стороне груди у меня больше не было неформенных вещей. И как я буду отыгрывать нукенина с таким гардеробом, я не представлял. Впопыхах я умудрился взять почти весь АНБУшный арсенал шпиона, но одежду забыл. Вся надежда была на Виктора, тратить деньги в Буревестнике на шмотки — меня душила жаба.

С этой проблемой я и пришел к Виктору. Грим он отмел сразу, сказав, что с «музюкалками» я мог знатно спалиться, если бы оно потекло или размазалось. Так что преобразаться нужно было только при помощи одежды. Виктор меня обнадежил, что даже так меня уже не узнать. Но я для надежности еще нацепил очки-маску, как для подводного плавания, только с желтым стеклом и без трубки для дыхания. Под ней как раз не было видно шрам на носу и какого цвета глаза. Очки я нашел у дождевиков. Правда, не понял, на фига им они такие, да еще и на широкой ярко-оранжевой резинке.

Посмотрев на себя в зеркало, я хотел почесать ухо, но наткнулся на пластмассу. «Кого-то ты мне напоминаешь», — мысленно обратился к отражению в небольшом зеркальце. Порывшись в вещах, достал черный парик и, пока я его трепал, Виктор смотрел на меня, скептически вскинув надбровную дугу. Бровей-то у него не было. После того как парик стал похож на ежа после встречи с дошколятами, я натянул его на голову и посмотрелся в зеркало еще раз.

— Ну да! Учиха Обито. Десять лет спустя!

— Чего ты там бормочешь? Кстати, на твоём месте я бы парик не надевал. Если потеряешь...

Хмуро кивнул:

— Знаю, спалюсь.

Макуто, который сидел в углу и молча слушал, поднял голову.

— На твоём месте я бы взял сменную одежду. Если запачкаешься, будет нечем заменить.

— У меня есть свитки, — ответил я, — но ты прав. Он кивнул и снова опустил глаза.

По дороге в город я шел с кислой миной. Виктор по доброте душевной отчекрижил мне хвост. Когда увидел, что я не знаю, что сделать с причёской, он подошел ко мне с кунаем и просто отрезал то, что, как ему показалось, мне мешало. Лишь на затылке оставил немного. И то только потому, что сразу все не захватил. Потом, конечно, извинился, увидев, как меня перекосило. Оказалось, он подумал, что я длинные волосы ношу, потому что не хотел привлекать к себе внимания внезапной и беспричинной сменой имиджа. А я сказал: «Раз уж пошла такая пьянка, давай сюда черную краску». Волосы были немного сырыми, так что пришлось натянуть капюшон, чтобы не простыть от промозглого ветра.

Город не сильно отличался от деревни Тадзуны, разве что дома тут были повыше, да люди чуть опрятней, но безысходность читалась абсолютно на всех лицах. Исключением были лишь патрули разбойничьего вида. Они гоготали, распахивали с дороги медленно идущих людей, опуская сальные шуточки в адрес всех более или менее симпатичных женщин. Радовало, что хоть средь бела дня не хватало их и не зажимали в переулках. Все равно было мерзко.

Эти «патрули» не обращали на меня никакого внимания, возможно потому, что я выглядел как один из них. Шмотье я подбирал по принципу «что есть, то и надел». Образ дополняла далеко не самая лучшая катана умеренно неухоженного вида. В общем, мимикрировал я удачно.

Остановившись, чтобы сообразить, где нахожусь, я огляделся. Из широкой, но не глубокой реки торчала высокая башня маяка. Она была центром города. Вечером из дома Тадзуны я видел отсветы зеленоватого цвета на облаках, оттого, наверное, с западной стороны дома не было окон.

Пошатавшись немного по рынку и около центра, я направился к офису Гато. В паре кварталов от него я нашел нужное мне место. Это был некогда ухоженный ресторанчик с песочно-желтой вывеской, не сильно, но заметно запыленными стеклами и надписями в стиле «Здесь был Вася» на деревянном фасаде.

Мда, — поглядел на затянутое тучами небо. — А я еще не завтракал даже.

Вдохнув, точно перед прыжком в воду, толкнул дверь и зашел внутрь душного зала. Стоило порогу оказаться за спиной, как на лице заиграла бесшабашная ухмылка, чуть ссутулившись, я сунул руки в карманы и, оглядевшись, зевнул. Мне было совсем не скучно, наоборот, но беспокойный сон сделал свое дело. Несколько посетителей зевнули буквально через пару мгновений. Пошла цепная реакция. Фыркнув, почесал нос, чтоб не чихнуть.

В зале было накурено так сильно, что в этом «тумане» невозможно было разобрать лицо мужчины за стойкой-прилавком, а ведь в этом теле на зрение я еще ни разу не жаловался. По сути, в этом кафе не было ничего интересного... кроме посетителей. Их было немного, в основном — гоповатого вида мужики с печатью дебилизма на покоцанных харях. Они пили, жрали и ржали. В общем, создавали свою атмосферу, в которой нормальным людям было неуютно. Хорошо хоть с обнаженным оружием не сидели, как в голливудских фильмах. Наверное, догадывались, что если ходить с катаной без ножен наперевес, то можно ненароком порезаться спиной о чужой кинжал. Или нож. Или стилет.

— Йо, — привлек я внимание бармена и стянул капюшон, — пожрать неси.

Пока никто не видел, брезгливо поморщился, когда сел на высокий стул с порванным сидением. Хотел было положить руки на столешницу, но

вовремя подметил на ней подозрительные пятна. «Ками-сама, я тут не отравлюсь?» — подумал я.

Когда мне принесли тарелку с чем-то отдаленно похожим на суши, я заметил, как на соседний стул присел крепко сбитый, загорелый мужик с обветренным лицом, черной бородой и выбритым до зеркального блеска черепом. Разносчик забежался и, схватив две белые бутылочки, понесся к стойке.

— Сколько с меня? — спросил я прежде, чем бармен успел дойти.

Такого вопроса разносчик совсем не ожидал. Он выпустил бутылочки из рук, и одна, с чем-то явно спиртным, упала ему на ногу. Вторую за горлышко поймал лысый. Честно говоря, я порадовался, что это пойло не донесли — все же не слишком удобно быть убежденным трезвенником для подобного прикрытия. Подавальщик удивленно переводил взгляд с меня на лысого и обратно. Бородатый хохотнул:

— Юма, этот парень не из моих ребят. Бери деньги.

Бросив взгляд в тарелку, я с удивлением отметил, что она не грязная, а даже наоборот. Поэтому я с чистой совестью расчехлил свои палочки из походного набора и принялся за завтрак. Одноразовыми, засиженными мухами, я побрезговал пользоваться.

«Не гостеприимный хозяин Вик, хоть бы пожрать предложил, — подпер щеку рукой. — А я уже губу раскатал, чебуреков поесть...»

Я прожевал еще пару безвкусных рисовых колобков, соевый соус или что-то его заменяющее мне так и не принесли, и покосился на лысого.

— А чо ваших — бесплатно кормят? — ляпнул я, сразу как прожевал комочек риса с намеком на рыбу. — Здрасьте, — закинул ролл и улыбнулся с закрытым ртом, чтобы иметь время для обдумывания ответа.

Лысый покопался в бороде, наверное пытался подбородок найти, чтоб потереть, и сказал:

— И откуда ты такой смелый к нам пришел?

— Откуда-то. И не к вам, а к Гато наниматься, — закинув в рот последнюю пару роллов, бросил на столешницу мелочь, которой должно было хватить на две порции этой ерунды, и собрался уходить.

— Эй, парень, — окликнул меня тот же бородач, — ты серьезно думаешь получить работу от самого Гато? — спрашивающему было действительно интересно.

— Угу, — кивнул я, убирая коробочку с палочками в сумку.

Лысый бородач начал смеяться. Через пару мгновений к нему присоединились и его люди. Только смеялись они как-то вяло.

— Да-да, — улыбнулся я, будто не понимая, что я такого смешного сказал.
— Ржите, кони. Вот такой я недалекий деревенщина.

Бородатый объяснил мне, как тупому, что к офису Гато меня не подпустят даже на двери полюбоваться, не то что с карликом поговорить. Так и сказал «с карликовым-боссом». «Карликовый шпиц? Нет, это карликовый босс!»

— И как тогда мне получить работу? — снова прикинулся я валенком.

Теперь смеялись уже все вполне искренне. В общем, я, наглый и тупой валенок, приперся в столовую для наемников, которая по совместительству была и местом, где ряды армии Гато пополнялись новыми рекрутами. А вот этот лысый хмырь тут был главным. Он был десятником, и звали его Кэншин. Насчет десятника он что-то недоговаривал, да и не заметил я как-то его десятка. Так, человек пять сидело. А вот имечко — Сердце Меча — он выбрал себе подходящее. Оно идеально соответствовало тому, кто кичился своим мечом и всем подряд показывал, как виртуозно им владеет. Ну, это если опустить маты и короткое, всего минут на пять, самовосхваление с загибанием пальцев.

— Короче, тебе, парень, сначала с десятником говорить надо. Со мной, — ткнул большим пальцем себя в волосатую потную грудь.

Гамадрил слез с ветки и вместо палки взял катану. Не знаю, как оно в бою со своей железкой управляется, но его похвальба что-то не внушает

доверия. Настоящий мастер на каждом углу вопить, что он мастер, не будет, за него это сделают другие. Если выживут.

— Гато на всякое мясо время тратить не будет. Так что если ты собираешься на наш отряд работать, то мы прям сейчас тебя и проверим, — самодовольно хмыкнул Кэншин, явно что-то предвкушая.

— Кэншин-сан, а у вас силенок-то хватит, бывшего чуунина Листа проверить? — посмотрел я в глаза такому полезному и болтливому собеседнику, придавив его ки.

«Ненавижу всех, поубиваю прямо здесь и сейчас...» — и все это с самой добродушной, какая есть у меня в арсенале, улыбкой.

Судя по тому, как напряглись бандиты, радости им мое признание не доставило. И ки тоже.

— Ну, эээ, — замялся, сдувшись, лысый, — ты че, бя, парень, реально шиноби? Не пиздишь? — а сам незаметно, как ему казалось, к катане потянулся.

— Расслабься и не тяни ручонки к мечу, — слегка снисходительно сказал я Кэншину, почти мгновенно приставив кунай к его горлу. Судя по тому, как он замер, его моя скорость впечатлила. На самом деле ничего особенного я не продемонстрировал. Просто шиноби быстрее обычных людей, не умеющих пользоваться чакрой. Этот фокус мог и генин показать, разница лишь в том, что нукенина-ребенка никто слушаться не станет. Ну, по крайней мере до первого трупа.

— Я наниматься к Гато-сану пришел, мне вас убивать, — задумался и слегка покачал головой, будто подбирая слова, потом сказал, скривившись: — Не интересно. Но сделаете что-нибудь глупое — и я вам отрежу все лишнее, — мельком покосившись на штаны бородача, сказал я все с той же улыбкой.

Лысый тяжело сглотнул, но отойти побоялся, видимо, чтобы не провоцировать. Оглядевшись, я широко улыбнулся обалдевшим бандюгам и убрал оружие от горла основательно взмокшего «бригадира».

— Но поскольку вы мне сейчас покажете офис Гато-самы, то я рад познакомиться со своими новыми подчиненными, — продолжил наглеть.

— Я уверен, наш босс будет доволен тем, что вы показали парню вроде меня, где найти работу. Я так думаю, мы с вами сработаемся.

Несколько бандитов заухмылялись, отойдя от первоначального испуга, а вот одному явно на месте не сиделось.

— Он тебя еще не нанял! — вякнул солдат криминала, но быстро затих под моим недобрым взглядом.

— Значит, наймет, — и тут же жизнерадостно заулыбавшись, добавил: — Такие парни, как я, на дороге не валяются. Так что ведите меня к Гато-саме. И хватит жрать, бойцы, нас ждут великие дела!

На секунду установилась такая тишина, что я услышал, как квакнул чей-то желудок. Вдохнув, я басовито гаркнул:

— Живо!!! Бля!

Разбойнички похватали оружие и поспешили просочиться мимо меня на улицу. Свой приказ я щедро сдобрил ки.

— Персональное приглашение нужно? — спросил я замешкавшегося Кэншина. Он не посмел продемонстрировать бурлящее внутри недовольство, быстро помотал головой и ломанулся в двери.

И вот мы уже топаем к офису Гато, на нас оборачиваются люди и другие бандиты. Ну, нелюди они для меня. Нелюди. Мне очень хотелось верить, что у Гато не было много свободных денег, чтобы в других «дружинах» оказались шиноби. Будь хоть один генин в этом кафе, я бы такого эффекта не добился.

Свою легенду я согласовал и с Какаши, и с Забузой, и даже с Хаку и седьмыми. Чтобы не получилось: «Ирука-сенсей, а что вы тут делаете?» А еще я отказался от идеи стать нукенином из Тумана. И все из-за маленького нюанса. Я мог встретить бандитов из Тумана. И тогда проверить меня было бы легче легкого. Американец, ни разу не бывший в Сиднее, изобразить местного жителя не сможет. Вот и здесь та же история — из коноховца-Ируки нукенин Тумана — никакущий.

Пока я шел, подумал, насколько все удачно прошло в баре благодаря советам Виктора. Он посоветовал, как правильно вести себя с бандитами и как наниматься к Гато. «Будь наглее», — советовал Мечник Тумана. У бандитов все просто — кто сильнее, тот и прав. Запугивай их, как хочешь. Если пойдет на пользу делу — можешь избить парочку, чтобы остальные сразу поняли, кто тут главный. Веди себя так, чтобы все было ясно, что ты не сомневаешься в своем праве командовать. Не давай им пытаться поставить себя на одну ступеньку с тобой. Ты — шиноби, а они — жалкая бандитская плесень. Пусть подчиняются, выполняют грязную работу, будут мальчиками на побегушках — и радуются, что легко отделались. И еще, запомни, — сказал мне острозубый попаданец, — это не люди. Это бандиты, мразь, убийцы и насильники. Веди себя как самый главный, сильный и злобный бабуин, и помни — они твои шестерки.

Виктор, к сожалению, не слишком много знал о Гато сверх того, что я знал из канона, но слышал, что предыдущий начальник охраны Гато, шиноби в ранге чуунина, вместе с частью своих сотрудников погиб несколько месяцев назад в Стране Воды, как раз перед тем, как магнат окопался тут, в Волнах. В эту страну Гато раньше не часто заглядывал, предпочитая главному офису филиал в Стране Луны. Курорты, теплый климат. А работу скидывал на подчиненных. И тот охранник вроде как попал под раздачу в разборке между повстанцами и верными Ягуре войсками. Так что теперь, по идее, наняться к коротышке можно было без проблем.

— Стоять! Куда прете?! — вырвал меня из задумчивости громкий оклик.

Встав на носочки, я увидел две недовольные рожи. Это были ронины-охранники Гато. Они даже в манге были. Один — высоченный смуглый детина, в одних штанах, весь в татуировках и с защитой щекой. Он был похож на не слишком удачливого уличного кота, потому что был одноглаз, а хвостики на его башке напоминали клочки шерсти. Второй был чуть выше меня, одет относительно адекватно, я бы даже сказал по погоде, блондин с татуировкой под глазами, в странноватой шапке, штанах больше него самого и в кофте с капюшоном. Эти два товарища и тормознули меня и мою маленькую армию.

— Свалили! — угрожающе рыкнул смуглый. — Чего надо?

Мда. «Закрой рот и скажи». Распихивать бандитов локтями мне было как-то не по статусу, поэтому я повязал на лоб взятый прошлым вечером перечеркнутый хитай-ате Листа и пустил импульс ки. Бандиты прилипли к стенкам, чтобы освободить мне дорогу, а ронины повытаскивали катаны и приготовились защищать двери.

— Йоу, парни, что так не дружелюбно встречаете новобранцев? — криво ухмыльнувшись, развел руками, мол, осуждаю, но на первый раз прощаю.

— Ты кто такой?

— Я-то? Иго. Приятно познакомиться, — оскалился я, но так и не дождавшись какой-либо реакции со стороны меченосцев, добавил: — Нукенин я. Хочу у Гато работу получить. Говорят, он работенку непыльную дает и платит неплохо.

— Гато-сама, со всякой...

На этом месте блондин отскочил в сторону, чтобы не быть зашибленным распахнувшимися дверями.

— Что тут происходит? Чего расшумелись?! — разорался плюгавый вздыбленный чебурашка в глухих черных очках и с тонюсенькими усами, больше всего походившими на усики таракана. Волосы оно начесывало и щедро сбрызгивало лаком, наверное, чтобы торчали и делали его выше.

— Добрый день, Гато-сама, — тут же переключил я внимание на себя. — Прошу прощения, что оторвал вас от дел.

— Кто такой? — попятившись, чтобы оказаться за спиной телохранителей, спросил Гато.

— Нукенин, — показал пальцем на лоб, — который хочет получить у вас работу, Гато-сама, — и по-птичьи наклонил голову, ожидая реакции мерзкого карлика.

Однажды я задумался, а что такое хитай-ате? Просто кусок железа с нанесенным на нем символом, так сказать, дань традициям? А если с точки зрения логики подойти к вопросу? Должен был быть весомый аргумент в том, чтобы шиноби таскали везде и всюду протектор Деревни. Практического толка от него — никакого. Кунай может и отлетит, да и то

не факт. Защитная функция — минимальная. Украшение? Сомнительно. Серьезные дядьки ностальгируют по академии? Маловероятно. Значит, протектор должен был выполнять какую-то другую, важную функцию. Гораздо позже я нашел подтверждение своих догадок в переписанном конспекте.

Протектор был вещью многофункциональной: он одновременно являлся аттестатом об окончании Академии, показателем статуса и опознавательным знаком. Поэтому Ирука из канона даже примерить свою повязку не дал. Мол, закончишь, Наруто, академию, получишь блестяшку и вместе с ней статус шиноби. Многие нукенины демонстративно носили повязки с перечеркнутым протектором — чтобы было меньше проблем с другими шиноби. Преследовать-то тебя будет только одна деревня, а остальные предпочтут не трогать и в упор не замечать нукенина. Вот такая милая добрососедская традиция. Кому убийца, вор, террорист и предатель, а кому — уважаемый и крайне полезный человек, правдолюб, отвергший гнилую соседскую систему. Диссидент, практически. Носить же целый протектор для нукенина было несусветной глупостью. Все бывшие свои о твоём предательстве уже знают, а другие попытаются убить как шпиона, если ты на их территории, или просто так — если на чужой. Кстати, даже генин с протектором мог просить за свою работу больше обычного наемника, поэтому я так навязчиво демонстрировал повязку. Набивал себе цену.

— Хм, — наконец осмелел мой будущий босс. — Заходи.

Блондин прошел следом за Гато, закрывая того от возможного удара. Второй ронин, держа руку на рукояти меча, подозрительно прищурился и встал ко мне вполоборота.

Кабинет Гато был обставлен богато, местами даже вычурно и откровенно безвкусно. Сам хозяин за массивным столом из темного дерева с позолоченными вставками выглядел еще меньше, чем был на самом деле. Водрузив свое седалище на трон — иначе это кресло и не назвать, — Гато поманил меня пальцем с крупным перстнем-печаткой и сложил лапки под подбородком, приготовившись слушать.

— Как я уже сказал, я — нукенин. Мое имя Иго. Но лучше — Иг.

— И что ты, — с ленцой, но заинтересованно спросил Гато, — Иг, хочешь от меня?

— Как что? — с улыбкой изобразил недоумение. — Работу. Кушать хочется, знаете ли.

Коротышка хмыкнул, посмотрев на меня поверх своих черных очков а-ля Кот Базилио.

— Ну и почему я должен нанять именно тебя? — растягивая слова, мерзким голоском спросил меня этот кошелек с ушами.

— Ну, во-первых, я не просто очередной тупой нукенин, — вякнул я радостно. — Я не числюсь в книге наград, потому что у меня хватило мозгов инсценировать свою геройскую смерть, — взглянул в потолок, приложил руку к груди и фальшиво тяжело вздохнул. Буквально через секунду я снова прилепил маску весельчака и продолжил выносить мозги ронинам. Гато был не очень в теме, и потому его мой рассказ забавлял.

— Гато-сама, вы можете нанять меня под моим нынешним именем вполне официально, как наемника, не опасаясь, что за мной пришлют команду охотников.

Почесал в затылке, изображая задумчивость:

— Что-то еще забыл. А, точно! Во-вторых, я шиноби уровня чуунина и буду незаменим в случае, если потребуется кого-то тихо убить или, наоборот, защитить. Опыт имеется, — чуть серьезнее. — В-третьих, Гато-сама, к вам что, каждый день шиноби приходят наниматься? — усмехнувшись, спрашиваю бизнесмена.

— В последнее время у меня создается именно такое впечатление, — внезапно сухо ответил коротышка, поправил очки и о чем-то задумался. Я не стал мешать. Заложил руки за голову и стал пялиться в потолок.

— И с чего мне доверять тебе? — продолжая раздумывать о чем-то своем, спросил местный владелец заводов, газет, пароходов.

Я заинтересованно покосился:

— А вам и не нужно мне доверять, Гато-сама, — улыбнувшись, ответил.
— Вам нужно, чтобы какая-то работа была сделана. А мне нужны деньги. Доверие здесь ни при чем.

— Хм... Мне нравится ход твоих мыслей, — мерзко ухмыльнулся Гато.

Следующие полчаса мы торговались, нет, мы сражались за каждый рьё! Гато остался доволен. Впрочем, я тоже — мы договорились на сумму гораздо большую, чем я получал в Листе как ассистент. И эти деньги вполне могли успеть перекочевать в мой карман до расправы над магнатом. «Мда, задержаться тут в банде, что ли? Деньжат поднакопить?»

— Так, — подписал я контракт. — Теперь работа. Что нужно сделать?

Выслушав ответ Гато, я покивал, снимая и пряча протектор отступника Листа. Гато это заметил:

— Почему ты свою повязку прячешь?

— Потому что Страна Волн — это, по сути, задний двор Страны Огня, и светить здесь своим нукенинским статусом, рискуя встретиться с бывшими коллегами, мне совершенно не с руки. А без повязки я всего лишь очередной бродячий наемник, до которого никому нет никакого дела.

Коротышку мой ответ удовлетворил. А я немного укрепил свое реноме умного нукенина. Хитай-ате с характерной горизонтальной чертой я нашел в своем наборе АНБУшника. Там был двойной набор налобных протекторов для всех Великих скрытых деревень и большинства мелких: перечеркнутые нукенинские и обычные. Некоторые явно были б/у, с царапинами на металле и потертой тканью с не до конца затертыми пятнышками крови. У меня возникли подозрения, что люди Данзо не стеснялись выдавать себя за честных нукенинов и чужих шиноби, когда выполняли очередную грязную работу. Такое поведение, вообще-то, шло против всех договоренностей, законов, правил и традиций мира шиноби, и за это беспощадно убивали на месте... Но не думаю, что Лешего это останавливало, ведь подобный трюк должен был серьезно упрощать выполнение многих заданий.

Таскать нукенинский налобник прилюдно я не собирался — бессмысленно. Бандитское сарафанное радио и так всем, кому надо, расскажет, кто этот парень в дурацких очках.

В данный момент для меня работы не было, ну или коротышка ее не придумал. Он приказал тощему пареньку с бегаящими крысиными глазками показать мне комнату в гостинице неподалеку отсюда. Где я должен был ждать, пока меня не вызовут. Нет, конечно, безвылазно сидеть там мне было не нужно, просто Гато не хотел искать меня по всему городу, вот и выделил мне жилье. Также, по условиям контракта, я мог бесплатно питаться в одном из нескольких близлежащих кафе и ресторанчиков, оккупированных людьми Гато. А еще я узнал, что мне досталась бригада из девяти бандюков. Они, дескать, были в той толпе, которую я напугал в кафешке. Им только командира и не хватало — погиб недавно по собственной дури, а Кэншин его замещал. Хм, а мне казалось, что там их было поменьше, чем девять рыл. Надо будет разобраться. Потом. Потому что саму бригаду мне еще не доверили. А что нужно было сделать, чтобы доверили, сам Гато еще не решил. Только после выполнения задания и подтверждения моей лояльности я мог своих подчиненных гонять и в хвост и в гриву, а до этого — ни-ни.

Гостиница оказалась в трех, может даже четырех кварталах от офиса гада. Небольшое, давно не крашеное здание с мутными стеклами и разбитым окошком над дверью на первый этаж. Парень снял со щита ключ с номерком и положил на столешницу.

— Это ваша, шиноби-сан, комната. Туалет и ванна есть в номере. До свидания.

— Угу, — задумчиво подбрасывая ключик. — Вали.

От паренька отчетливо потянуло ненавистью. «Похоже, я неплохо вжился в роль», — беззвучно хихикнул.

Гостиница была небольшая, всего три этажа. Но под комнаты было отведено только два верхних яруса: на первом был холл с кучей диванов и кресел, расставленных в художественном беспорядке, а также столовая и кухня, которые сейчас пустовали. Сунув нос на кухню, я был вынужден спешно оттуда ретироваться. Плита была черной, везде пятна непонятного

происхождения, по столешницам расхаживали прусаки размером с палец! Таких можно в зоомагазин сдавать как экзотику. Переступив через брезгливость, я заглянул в заляпанный холодильник.

Услышав шаги, я сделал вид, что увлеченно разглядываю прутья ржавой полки.

— Пусто там, — сообщил кто-то, а затем, наверное, присмотревшись, спросил: — А ты кто такой?

— Йо. Могу задать тот же вопрос, — обернулся я.

— Юто. Недавно повысили?

— Иго. Недавно наняли, — пояснил я с самой своей располагающей улыбкой.

Бандит уважительно кивнул.

— Я тоже когда сюда пришел, сперва в холодильник заглянул. С тех пор ничего нового в нем не появилось.

— Ну, значит, появится, — пошарив по карманам, я достал конфету, жвачку, кусок проволоки и закрепил первую между полок. Пока жевал, распечатал взрыв-тег и прикрепил его жвачкой на заднюю стенку так, чтобы после висящей на леске конфеты взгляд падал точно на него. На самом деле ловушка была бутафорская. У тега не хватало пусковой части, вместо нее была клякса, с которой он бы никогда не сдетонировал. Максимум — сгорел, как обычная бумага. А хранил я этот тег только потому, что это была моя первая попытка нарисовать взрыв-печать. Я тогда зазевался и пролил чернила. Но в остальном рисунок был вполне узнаваем.

— Ты чего?! — отшатнулся Юто.

А когда я объяснил, что эта бумажка никогда не взорвется, бандит посмеялся вместе со мной и предложил поболтать в холле.

Переговорив с Юто, я выяснил, что в этой гостинице рядовые бандиты не живут. Только их начальство, да еще клерки и прочий люд важнее

рядовых исполнителей. «Это ж как удобно!» — огляделся внимательней. — «Снести эту гостиницу — и половины главарей как не бывало!»

Юто был одним из «офицеров», но друзей у него не было, насколько я понял из его болтовни. Да и догадаться почему было не трудно: он рассказывал обо всем подряд. За пару часов порядком от него устал, но зато узнал много полезного и не очень. Мне даже спрашивать ничего не пришлось, только изредка направлять разговор в нужное мне русло.

Юто был родом из деревни Горячих источников. Прослушал теоретические курсы, немного научился махать руками и ногами и вылетел, не успев выучить ни одной техники, кроме хенге. С таким арсеналом он ступил на кривую дорожку и в итоге оказался здесь.

— А ты откуда? — спросил недогенин, когда понял, что больше ему нечего рассказать.

— Есть такая деревня, Конохогакуре называется...

Также от Юто я узнал, что некоторые из «офицеров» были шиноби. К счастью, ни одного чуунина там не было — все генины или недоучившиеся студенты академий, как сам болтун. Остальные были ронины вроде Кэншина или просто самые сильные, хитрые, умные и подлые уроды. Кстати, имя, переводившееся как «Сердце меча», лысый не-десятник на самом деле взял себе сам, а раньше его звали Рен, что переводилось дословно как «лотос», «роман», «любовь». Поэтическое такое имечко, подходившее, как ни странно, не только для девочек, но и для мальчиков. Мне оставалось только поблагодарить всех светлых и не очень богов за то, что мои родители выбрали мне НОРМАЛЬНОЕ ИМЯ! А я-то раньше морду кривил — мол, прикололись. Уж лучше быть дельфином, чем ходячей любовью или непонятым бурьяном.

Через какое-то время болтун перестал быть полезным и начал рассказывать всякую ерунду, в основном про себя. К счастью, уже близился вечер, и я, не нарушая правил приличия, улизнул в свою комнату. Пришлось сделать вид, что почти коллега-шиноби, офицер и, главное, ценный источник информации для меня — не пустое место. Запершись у себя, я подумал, что неплохо бы найти и кого-нибудь еще, кроме Юто, но решил, что беготня впустую принесет мне меньше пользы,

чем разбор разговора и запись важных деталей в блокнот. Я попросту боялся забыть что-то полезное, что могло бы пригодиться мне позже.

На следующее утро я думал, чем бы заняться. Город я успел осмотреть еще в первый день, а лезть в кабинет Гато лично или даже клоном, не выяснив толком ни расписания патрулей, ни систему охраны, да и еще днем, я бы никогда не стал. Я же не Джеймс, который Бонд, в самом деле. Пока я заметил только каких-то типов с луками на крышах, да и то когда шел в гостиницу. Но не успел я ничего толком нарешать, как был вызван Гадом.

Он степенно что-то жрал — завтракал. А у меня от вида еды желудок стал глотать хребет, смачно его обсасывая. Иначе объяснить происхождение звуков, доносившихся из моего живота, я не мог.

Между жеванием Гато обрадовал меня новостью:

— Я придумал тебе задание. Пойди и убей старика, который строит мост отсюда на большую землю.

— Время терпит? — спросил я, потирая живот через куртку.

— В каком смысле? — прищурился коротышка.

— В прямом. Я сначала разведую обстановку, а уже после скажу, смогу ли выполнить задание или нет. Да и поесть не помешает.

Гато, увидев мой голодный взгляд, непроизвольно подтянул к себе тарелку и попытался меня убедить, что информации достаточно и разведывать ничего не нужно. Дескать, иди и выполняй. Пришлось мне настоять. Сказав, что вечером приду с докладом, я с жутко серьезным видом позавтракал, потом побродил по городу, узнавая, где тут живет архитектор, и ближе к полудню подкрался к дому Тадзуны, стараясь не замечать хвоста из неубедительно игравших в шпионов бандитов. Посидел некоторое время в кустах и вернулся в город.

А потом, сидя в кафе, я думал о том, что на такие миссии я бы всю жизнь ходил. Не трудно, не опасно и деньги хорошие платят. Дожевав вполне пристойные на вкус креветки в кляре, я засобирався к Гато. Несмотря на

позднее время, магнат был на месте. А я так рассчитывал потянуть немного время и доложиться завтра... Облом, однако.

Как и в прошлые разы, ронины зашли вместе со мной, чтобы не дай боги я не прибил Гато. Если бы хотел, давно бы убил, и эти двое не стали бы помехой даже для меня. Но сейчас Гато нельзя было трогать, потому что мы, я и Вик, не знали ни кого он нанял, ни того, когда возможные противники могут напасть. Также мы не могли предсказать, как на смерть магната отреагируют другие игроки. То, что у Гато был влиятельный покровитель, — очевидно. Иначе как бы он смог подмять под себя Страну Волн и удержать ее? Кроме того, змея, оказавшись без головы, превратилась бы в тучу мелких падальщиков. И благородный Хатаке палец о палец бы не ударил, чтобы разобраться с этой нечистью. Ибо не царское это дело — за бандюками гоняться.

— Гато-сама, у меня есть для вас хорошая новость и плохая новость, — драматично сообщил я нанимателю.

— Давай уже, рассказывай, — нетерпеливо оборвал меня коротышка.

— Хай. Хорошая новость состоит в том, что охранники старика-мостостроителя — это учебная команда: джонин или чуунин с тремя генинами.

— И почему это хорошая новость? — подозрительно уставился на меня Гато.

— Потому что обычно такие команды слабые и особой опасности не представляют, — пояснил я магнату. — Но тут вступает в действие плохая новость.

Судя по нетерпеливо постукивающему тростью Гато, он не был сторонником наполненных интригой и смыслом пауз. Пришлось продолжать.

— Это не типичная учебная команда. Джонин-сенсей у них — легендарный Хатаке Какаши, сын Белого Клыка и ученик Четвертого Хокаге.

— Мне это всё ни о чем не говорит, — буркнул магнат и, внимательно посмотрев на меня, приказал: — Поясни.

Судя по эмоциям, он привирает и что-то о Какаши все же слышал.

Я кашлянул в кулак:

— В общем, это очень, я повторюсь, очень крутой шиноби. Я не уверен, что все ваши бандиты вместе взятые могут его завалить, — печально разъяснил я ситуацию.

— Почему ты говоришь «все ваши бандиты»? — подозрительно спросил Гато. — А ты что, не станешь с ним сражаться?

— Мне? Драться с Шаринганом-Какаши? Гато-сама, я не самоубийца! Элитный джонин и обычный чуунин — несравнимые категории силы и мастерства. У меня нет ни единого шанса победить его, если только он почему-то не будет очень, очень слабым.

— Он выглядел слабым! — вылез бывший генин из Камня.

На вид ему было лет двадцать, может, чуть больше. Он был курносый парнем с блекло-рыжими волосами, а звали его Арата. Его имя переводилось как «неопытный» и подходило ему как нельзя кстати. Потому что его выгнали из шиноби за бесперспективность, какие-то мелкие нарушения и за слишком большое самомнение.

— Арата, знаешь, почему тебя на самом деле выгнали из Камня? За тупость!

Наемник Гато потянулся за катаной, но под моим взглядом и ки заткнулся и убрал руку.

— Молодец, — снисходительно похвалил я великовозрастного генина.

Юто был знаком с этим парнем и отзывался о нем не слишком хорошо, потому как Арата неоднократно пытался стать «офицером».

Поговаривали, что он убил своего командира-ронины, но в гостиницу так и не перебрался. Тут вообще было обычным делом помочь главарю-десятнику уйти в лучший мир, чтобы занять его место. Не в гробу,

разумеется. А главаря в банде. Корпоративная этика романтиков с большой дороги в действии.

— Поясни, в чем он не прав, — кивнув на недогенина, снова недовольно приказал коротышка.

— Во-первых, Хатаке может быть слабее, чем обычно, но он все равно очень опасен. Он может быть на костылях, но это не мешает ему снять протектор и поймать меня, или его, — киваю на бывшего генина, — в гендзютсу, или шарахнуть какой-нибудь техникой. Он их, по слухам, больше тысячи выучил.

— Да ты боишься! — поддел меня Арата.

В этот момент в дверях появился Макуто. Он сменил хенге — его лицо теперь было незнакомым, с глубоким шрамом на щеке. Одежду он поменял на простую крестьянскую, но я узнал его по походке.

— Я услышал шум, — сказал он, входя и становясь у стены. — Решил проверить.

— Кто это? — спросил Гато, насторожившись.

— Мой помощник, — ответил я. — Тоже шиноби. Из Водопада. Проверенный.

Макуто молча кивнул, и Гато потерял к нему интерес.

— Во-вторых, — продолжил я, — там есть еще какой-то то ли чуунин, то ли специальный джонин, которого тоже лучше не игнорировать. И в-третьих, там три генина.

Позапрошлым вечером, перед уходом, я попросил Наруто периодически делать клонов под хенге, изображающих меня, и отправлять их на разведку вокруг дома, ну или просто держать их на виду так, чтобы безымянный чуунин там часто присутствовал и его увидело любое наблюдение за домом Тадзуны.

— Слабаков к элитному джонину учениками не направят. Значит, это дети элиты, выходцы из кланов. И герб одного из генинов я узнал — это клан Учиха.

— Так ведь клан Учих вырезали, — не унимался бывший генин.

— Ну, значит, не до конца. Там же — парень с камоном клана Узумаки, который тоже вроде как вырезали вместе с Водоворотом. И девка — со знаком побочной ветви клана Курама, мастеров гендзютсу. Они, конечно, только генины, но генины клановые, — развел руками. — Даже поодиночке они тебя порвут за считанные минуты. А втроем они и со мной провозятся немногим дольше. Даже сенсея звать не станут, — скривился, будто я бесклановый. — Таких детишек дома чему попало не учат, — снова попытался я создать видимость того, что Наруто и Саске не сироты, а у них есть хотя бы какая-то взрослая родня в Деревне.

Макуто молча слушал. Он стоял у стены, скрестив руки на груди, и не вмешивался.

— Улучшенный геном и клановые техники — это очень и очень серьезно. Даже у детей, — подытожил я с недовольной физиономией. — Я уже не говорю про то, что за детей из трех кланов Коноха здесь такое устроит, что никому мало не покажется. А я не хочу оказаться в руках дознавателей. Даже сдохнуть в бою и то намного полезнее для здоровья, чем попасть в застенки Великой Деревни.

Макуто переступил с ноги на ногу. Я заметил, как его пальцы сжались в кулаки, но он промолчал.

Мне не понравилась задумчивость Гато во время беседы. Его расчетливый взгляд и вспыхнувшая алчность. Магнат был кем угодно, но не дураком. И по здравому размышлению моя отмазка уже не казалась такой замечательной. Я рассчитывал на то, что идиот «каменщик» перестанет настаивать на атаке на нашу команду из-за страха весьма вероятной смерти, а злобный карлик — опасаясь мести кланов и Конохи. Но похоже, что здесь жадность может победить всё остальное. Включая здравый смысл и инстинкт самосохранения.

Сняв с себя «сбрую» — негоже спать в такой вещи, — я завалился на кровать и задумался.

Что он может сделать? Напасть сейчас? Исключено. Клановые дети имеют куда большую ценность живыми. Да и мои воспевания крутости Какаши-

много-кличек тоже сыграли свою роль. Ну, а пока мне надо подмечать, где у Гато хранятся и могут храниться важные бумаги, узнавать, где разгружаются суда, общаться с бандитами и потихоньку выяснять, сколько всего наемников в Стране Волн.

Уже вечером следующего дня у меня были ответы на некоторые вопросы.

Мы с Макуто встретились на берегу, в условленном месте. Я скинул хенге, и он сделал то же самое.

— Что узнал? — спросил я.

— Гато нанял еще одну группу, — ответил он. — Семь человек. Трое джонинов, четверо чуунинов. Называют себя «Охотники».

— Я знаю, — кивнул я. — Видел бумаги в сейфе.

— Я проверил список, — продолжил Макуто. — Они прибывают через три дня.

— Проклятье, — выдохнул я. — Быстрее, чем я думал.

Макуто сел на камень и начал чертить на песке схему.

— Охрана Гато — около двухсот человек. Офицеров среди них — человек пятнадцать. Но большинство из них — обычные бандиты без чакры. Умеют обращаться только с мечами.

— Это ничего не меняет, — сказал я. — Двести против восьми. Даже с учётом того, что мы нанимаем Забузу.

— Мы не будем драться со всеми, — спокойно ответил Макуто. — Мы убьем Гато. Тогда бандиты разбегутся.

— Если успеем.

— Успеем, — сказал он и поднялся. — Я возвращаюсь в город. Буду следить за Охотниками.

— Будь осторожен, — предупредил я.

Он кивнул, надел маску и превратился в Иго. Мы разошлись в разные стороны.

Вернувшись в гостиницу, я оставил клона в номере, а сам отправился к Виктору. Тот уже ждал. Хаку сидел в углу, поджав ноги, и чистил сенбоны.

— Что нового? — спросил Виктор.

— Охотники будут через три дня, — ответил я. — Нам нужно быть готовыми.

— Я готов, — сказал Виктор, похлопав по мечу. — Как там Какаши?

— Согласился на союз, — нехотя признал я. — Передал, что будет драться, если нападут.

Виктор усмехнулся.

— Вот и славно. Значит, план такой: мы ждем Охотников. Когда они нападут, защищаем Тадзуну. А после того, как отобьемся, идем к Гато.

— И убиваем его, — добавил Макуто, который незаметно появился в дверях.

— И убиваем, — кивнул Виктор.

Мы обсудили детали до полуночи. Макуто больше не проронил ни слова, но я видел, как он запоминает каждую деталь, каждую возможную ловушку.

На рассвете мы разошлись. Макуто пошел в город, я вернулся в гостиницу. В голове крутилась одна мысль: «Три дня. Всего три дня. А потом — конец».

Глава 23. Свой среди чужих? (продолжение)

К дому архитектора я пришел под хенге со своим прежним видом Ирукичуунина. Незачем шокировать публику и возможных наблюдателей раньше времени. Правда, моя сенсорика подсказала, что никого нет... Но зачем рисковать?

Окликнув Наруто, устроившегося на крыше, я помахал рукой. Ну хоть с этим повезло.

— Привет, мелкий Хокаге.

Узумаки отреагировал на мое появление бурной радостью. Он широко и искренне улыбался и разве что не повизгивал от восторга. Мальчишка попытался было обнять меня, но я отрицательно покачал головой и тихо сказал.

— Хенге.

Наруто понимающе кивнул и опустил руки и сказал, — Я понял, что это ты, потому что ты снова забыл сказать, что вернулся домой! Или чего-нибудь еще ну... Как все делают.

Я усмехнулся своей промашке, вспомнив.

— Ну, значит, и пусть все и дальше так делают. А мы будем делать по-своему. Как нам удобно.

Наруто на это рассмеялся и побежал в дом. Макуто, который сидел на корточках у стены, поднялся и пошел следом.

А я уныло потащился. Мне предстояла самая сложная часть миссии — убедить Собакина.

Пропустив вперед оригинал Узумаки, я заглянул в гостиную. Какаши выглядел куда бодрее, но смотрел на меня по-прежнему неприязненно и с опаской. Он, как обычно, перечитывал рыжую книжку, Саске читал какой-то свой свиток, закрывая иероглифы руками, а Сакура вздыхала, разглядывая то джонина, то Учиху. Видимо, выбирала. Короче, она как обычно сидела и бездельничала!

Дежурство у Наруто было опять за себя и за того парня? До конца миссии дежурить будут Саске и Сакура, а Наруто — нет! Скорее всего он в ущерб себе брал вахту Харуно.

Макуто молча прошел в угол комнаты, сел на пол, прислонившись к стене, и положил на колени свой танто. Никто не обратил на него внимания, кроме меня — я кивнул, и он кивнул в ответ.

Но я взял себя в руки и решил, что показывать фаворитизм, как наш «любимый» Собакин — не буду. Хотя очень хочется!

Не дождавшись приветствия, я тоже не стал здороваться, а сразу перешел к делу:

— Какаши-сан, на меня вышел подручный Забузы с предложением союза, — сел на стул, чтобы видеть и Тадзуну, чаевничающего с семьей, и всех остальных.

— Гато намного опаснее, чем считал мечник...

Краем глаза я заметил, что, услышав имя «Забуза», Тадзуна начал резко терять цвет. Дрожащими руками он попытался донести чай до рта, но промахнулся и даже этого не заметил. Цунами покачала головой, а Инари шепотом спросил что-то.

Макуто поднял голову, но ничего не сказал.

— А откуда Забуза знает о том, где живет Тадзуна-сан? — подозрительно глядя на меня, осведомился Хатаке.

— Вероятнее всего, от первого же встречного, Какаши-сан, — безмятежно улыбаясь, отвечаю джонину. — Здесь не Коноха и даже не малая скрытая Деревня. Простых жителей нукенину вроде Забузы запугать легко. Я думаю, что мечник просто не хотел убивать Тадзуну-сана прилюдно, вот и подстерег по дороге. Чтобы решить вопрос, как цивилизованный человек.

Какаши на эту мрачную шутку презрительно хекнул, всем своим видом показывая, какого он мнения о «цивилизованных людях», то бишь обо мне и о Забузе.

Тут уже побледнели Инари и Цунами, видимо, представив, как Тадзуну убьют у них на глазах.

— Магнат нанял команду, — продолжил я, — известную как Охотники — три джонина и четыре чуунина. Привыкли работать сообща. Очень опасны, — снова огорошил я всех присутствующих.

Детвора новостью была ошарашена, особенно Наруто. Судя по его виду, сказать он мог много всего, но промолчал. Правильно, пустая бравада никому не нужна.

Сдержав улыбку, я продолжил:

— Мечник Тумана предполагает, что как только мы вымотаем друг друга, команда Гато прикончит победителей. Наградой им станут наши головы. Магнату это тоже выгодно — Забузе платить не придется. Момочи разозлило такое вероломство и он предлагает союз для уничтожения Охотников и их заказчика — Гато. Сведения мечника я проверил. Мечник прав.

— Хм, — задумчиво отложил на пол книжицу Какаши. Судя по его эмоциям, он сомневался. Детвора снова раскрыла рот от удивления, но первым не выдержал Наруто.

— Как можно?! Совсем недавно он пытался убить его, — мальчик ткнул пальцем в сторону Тадзуны, — он дрался с нами, а теперь хочет быть нашим союзником?! — почти кричал Узумаки.

Наруто искренне не понимал, как такое возможно. Иногда плохо быть порядочным человеком. Хотя вру, не иногда, а очень часто.

— Ирука-сенсей, а разве нам можно помогать нукенинам? — не обращая внимания на праведный гнев Наруто, спросила Сакура.

Командная работа как всегда на высоте, да...

Хатаке бросил на меня победный взгляд, а в его эмоциях проскользнуло злорадство.

Макуто, сидевший в углу, кашлянул. Этот звук привлек внимание, и Какаши на секунду посмотрел на него, но тут же отвернулся.

— Наруто, тише. — поднял я руку. — Мир шиноби полон предательств и краткосрочных союзов. Вчерашние друзья могут стать врагами, а вчерашние враги могут стать союзниками против бывших друзей.

После чего я совершенно искренне печально вздохнул. Мне тоже не нравилось вероломство, возведенное здесь в норму.

— Извини, Наруто, но таковы реалии нашего мира. И ты должен их учитывать. И, кстати, в следующий раз не кричи. Я тебя отлично слышу.

— Я понял, — виновато опустил он глаза. — Извини.

— Выше нос, Наруто, — подбодрил я мелкого, всем видом показывая, что ничуть не обиделся, — помнишь, я тебе говорил поговорку про то, что враг моего врага...

— Мой друг, — закончил немного повеселевший Наруто.

— Вот так оно и случилось, — кивнул в подтверждение.

— Ирука-сенсей, но ведь мы не должны сотрудничать с нукенинами, — нетерпеливо повторила розововолосая.

— Сакура, во-первых, нукенин и мятежник Забуза или наоборот — доблестный повстанец, сражающийся против тирании Ягуры — это решать не нам, а руководству Конохагакуре. Во-вторых, мы не должны сотрудничать с нукенинами из нашей деревни. Но даже с ними мы можем работать в случае крайней необходимости, потому что в первую очередь мы должны защищать интересы нашей Деревни, а не абстрактные законы.

На этих словах Какаши фыркнул, всем своим видом показывая презрение.

— Момочи выступает против своего Каге, — вдруг заговорил Хатаке.

Детвора тут же перевела взгляд с меня на разноглазого джонина.

— Он идет против всех правил ниндзя, — говорил, точно припечатывал.

— У него нет чести. — закончил изливать пафос официальный глава клана Хатаке.

Не выдержав, я сначала хрюкнул, а потом рассмеялся от идиотизма ситуации.

— Я сказал что-то смешное? — сверля меня злобным взглядом, низким, угрожающим голосом спросил Какаши.

— Вы не обижайтесь, Хатаке-сан, но сказали. — отсмеявшись, выдавил я из себя. — Вы элитный джонин, бывший АНБУ командир, да еще и официальный глава клана, вы как никто знаете, что правила

распространяются далеко не на всех, и что они далеко не всегда работают. Вы должны понимать, что против хорошего лидера всей страной шиноби не выступают. Хороший каге не топит своих людей в их собственной крови. Так что давайте не будем говорить про то, что Забуза выступает против «доброго» и «справедливого» правителя — Ягуры и нарушает какие-то там правила. Хорошо?

Хатаке от моей речи явно был не в восторге. По эмоциям не гадай, вон маска сморщилась, а под нею, наверняка — и морда от злости.

Макуто пересел ближе к стене, где лежал его рюкзак. Я заметил, как он вытащил оттуда сложенный листок бумаги и что-то перечитал. Мне показалось, что он что-то обдумывает, но я не стал спрашивать.

— Ирука-сан, как я вижу, по-прежнему придерживаетесь философии Данзо? — справившись с эмоциями, холодно произнес Собакин. Нельзя сказать, чтобы его мучили смутные сомнения. Он ничего не подозревал. Он был уверен в своих словах. И вообще это был не столько вопрос, сколько утверждение.

— Я придерживаюсь здравого смысла, — легко отбил я выпад, показывая, что этот вопрос меня никак не задел, — и он, здравый смысл, мне подсказывает, что мы отклонились от темы. Между прочим, мне скоро нужно будет возвращаться. Так что давайте подумаем еще раз, что нам делать.

Оглядев присутствующих, я сказал:

— Нам необходимо объединить наши силы. Только в союзе с Забузой мы можем победить Охотников и убить Гато. А если мы не объединимся... Я боюсь, что снова окажусь пророком.

Хатаке намек понял. Явно вспомнил наш разговор наедине!

— Я не думаю, что мы должны объединяться с нукенином, — убежденно выдал Собакин.

У меня просто нет слов. Кроме матерных. Не думает он, угу. Как обычно, — подперев щеку рукой, я облокотился на стол. Вспомнив разговор с Виктором, понял, как же иногда противно быть правым.

Макуто положил листок обратно в рюкзак и тихо сказал:

— Какаши-сан, у нас нет другого выхода. Я проверил информацию. Охотники действительно существуют. И они действительно едут сюда.

Какаши скривился, но промолчал.

— Наша миссия — защитить Тадзуну-сана. Мы не знаем, появятся ли нукенины и нападут ли они вообще, — говорил-то Хатаке спокойно, но вот в эмоциях у него творилось черт знает что. Он начал опасаться чего-то, у него появились сомнения, недоверие и неуверенность.

— И еще я в первый раз слышу об этих Охотниках и о таких больших командах. Вы уверены, — с сомнением спросил джонин, — Умино-сан, что их будет именно семеро, а не, скажем, четверо или даже трое?

— Уверен, — начал считать на пальцах. — Первое. Сам видел список у Гато в сейфе. Имена, способности, деревни, которые они покинули. Их будет семеро. Второе. Все мои находки Гато подтвердил лично. Такие же сведения у Забузы. Это три.

— Мма, что, Гато вот так взял и все рассказал? — с насмешкой посмотрел на меня Хатаке. — А вы не преувеличиваете, Умино-сан?

— Нет. Все было в точности, как я сказал. Их будет семеро. Один джонин, два специальных джонина и четверо чуунинов. Вы все еще считаете, что справитесь? — я написал имена джонинов на листке и подвинул в сторону Какаши. — Посмотрите, что про них написано в книге наград. К сожалению, имена остальных нигде не написаны, только поверхностно описано, что...

Макуто подошел к Какаши и положил перед ним свой листок.

— Я записал все, что удалось узнать. Здесь их стихии, предполагаемые техники, слабые места.

Какаши взял листок, пробежал глазами и нахмурился.

— Не думаю, — Хатаке сверился с книжкой и хмыкнул, — что слабенькие чуунины или специальные джонины рискнут напасть на команду из Листа, состоящую из элитного джонина, чуунина и трех генинов, так близко от

страны Огня. К тому же этот нукенинский сброд наверняка не имеет достаточно снаряжения, измотан преследованиями со стороны Деревень и не представляет серьезной опасности.

Чо, простите? «Измотаны преследованием со стороны Деревень»? Вот делать больше нечего Деревням, они несчастных Охотников гоняют! Ни пожрать, ни поспать бедняжкам не дают! Да кому они вообще нужны?! А? Улучшенных геномов нет, а цену за их головы Кумо назначила такие, что серьезные шиноби только посмеются. И зачем за ними будут гоняться? Ради спортивного интереса?

Мой скепсис всецело разделял Саске. В его эмоциях появилось презрение, заставив меня краем глаза посмотреть на мальчика, а сам он еле заметно скривился. Видимо, у него были похожие мысли на эту тему. Или он вспомнил, что все горе-преследователи так и не поймали Итачи? Впрочем, Хатаке продолжал сверлить меня взглядом и, похоже, ничего не заметил.

— Я предлагаю всей командой решить и проголосовать, нужно ли нам присоединяться к Забузе и его помощнику, если сражаться нам придется с кучкой чуунинов, — чуть ли не прошипел свое многомудрое решение Собакин.

Снова свалил неприятное решение на плечи детей? — прикрыл лицо рукой, молча негодуя. — «Молодец», Какаши! Тот же финт ушами, как тогда, когда мы решали, идти в Волны или нет.

— И поскольку я уверен в невозможности найма таких сил для атаки на нас, то я голосую против, — тем временем продолжил Какаши, после чего гордо поднял левую руку вверх.

Имбецил — собачник...

Макуто поднял руку.

— Я за.

Какаши уставился на него, но промолчал. Макуто был ассистентом, и его голос формально учитывался.

Отлепив ладонь от лица, я сказал:

— Я за союз.

— Я против! — громко стукнув чашкой, завопил Тадзуна.

— Тадзуна-сан, вы извините, — приложил руку к груди, — но вас не спрашивали.

Сакура, помявшись, посомневавшись и густо покраснев под взглядом Хатаке, наконец решилась и визгливо выкрикнула:

— Я против! Он нукенин! И вообще...

Что и «вообще» услышать было не суждено.

— Я — «за». — твердо сказал Наруто. И посмотрел на меня, будто спрашивая: «Всё точно будет хорошо?»

Ободряюще улыбнувшись, я кивнул. Несмотря на явное нежелание сотрудничать с нукенином, «предателем», Наруто последовал моему примеру.

После чего все взгляды скрестились на Саске. Вот он поднял правую руку и решил судьбу нашей команды...

— За, — тихо, но четко сказал глазастик.

— Что ты сказал, Саске-кун? — не смог поверить Какаши. Наивный Хатаке, похоже, думал, что голос Саске у него в кармане. Но даже не подумал, что брюнета надо было хоть чем-нибудь сманить на свою сторону, для того чтобы он поддержал тебя, Хатаке! Спасибо Саске за то, что серьезно облегчил мне спасение наших шкур!

— Я — за союз, Какаши-сенсей. — больше ничего добиться от Учихи не удалось.

— Ну, что ж, — встал я со стула, — мне пора.

Но на улице меня догнал Наруто и преградил дорогу. Серьезно глядя мне в глаза, он спросил, не скрывая своего беспокойства:

— Почему ты идешь снова? Ты же узнал всё, что нужно! Мы справимся, я обещаю!

— Не обещай за других, если не уверен в них так же, как в самом себе, — присел на корточки. — Я не знаю, как выглядят эти нукенины, и нам нужна эта информация. Там, — кивнул в сторону города, — я могу лично расспросить нукенинов обо всем и, возможно, даже вызвать кого-то из них на спарринг.

— Но это же опасно!

— Любая миссия для шиноби сложнее D-ранга — опасна. Но за меня не беспокойся. Если бы меня подозревали в чем-то, то не назначили бы капитаном личной охраны Гато. Спокойной ночи, — сказал я, привычным уже жестом взъерошив волосы мальчика.

— Спокойной, — грустно шмыгнув носом, отозвался Наруто.

Макуто, который вышел следом, остановился рядом со мной.

— Я присмотрю за ними, — сказал он. — Возвращайся.

— Спасибо, — ответил я.

— Ох, — хлопнув себя по лбу, заявил я, — чуть не забыл. Держи. Как распорядиться всем этим, решай сам.

В руках Наруто оказался небольшой свиток. От нечего делать я запечатывал в него мороженое, сладости всякие и просто вкусные блюда. Для меня, бандита из командного состава, всё было достаточно дешево — спасибо большой скидке. Тем более что когда я уходил, Цунами уже выглядела измученно, а еды из этого свитка должно было хватить на неделю, если не устраивать пиры. В том, что Наруто поделится со всеми, я не сомневался.

Помахав рукой, я повернулся уйти, но почуял всплеск зависти, обиды, а затем услышал шуршание травы под чьими-то шагами.

— Пришел попрощаться, Саске? — спросил я, поворачиваясь лицом к новому зрителю.

— Пф, — фыркнул мальчишка, но через секунду сдержанно кивнул и негромко сказал:

— Ирука-сенсей, вы снова уходите. Может быть, надолго. А мне необходимо стать сильнее.

Я устало вздохнул:

— А ты спрашивал Хатаке-сана о тренировках? Что он сказал?

В эмоциях Саске промелькнули, быстро сменяя друг друга: досада, непонимание, настороженность и разочарование.

— Он сказал, что вы дали нам достаточно, что мы еще не готовы к более серьезным техникам и должны тренировать контроль чакры и совершенствовать те навыки, которые мы уже изучили, — со злостью ответил шаринганистый.

Макуто, стоявший чуть поодаль, кивнул.

— Я слышал этот разговор, — сказал он. — Какаши-сан не хочет учить. Он хочет, чтобы вы сами учились.

— И это все? — осторожно спросил я у «мстителя», который явно хотел добавить что-то еще, но не решался.

— Пф, — раздраженно и как всегда информативно ответил Саске, — С тех пор как вы ушли, он только сам тренировался. Сказал, что задача вернуть форму и восстановиться после ранения — приоритетна, и что у него нет времени на наши тренировки.

Я непроизвольно поморщился, бросив взгляд на дом. Ну что же это было... неприятно, но ожидаемо. Заботится, собака лицемерная, только о своей шкуре. Но зато снова будет трындеть о командной работе. Видимо, подразумевая, что седьмые должны выполнять всю работу за него.

Блондин на этих словах шаринганистого погрузтел и согласно кивнул. После чего радостно и искренне улыбнулся.

— Но Какаши-сен... Хатаке-сан меня похвалил. Сказал, что я расту быстрее всех!

Саске аж перекошило, он посмотрел на Узумаки с внезапно вспыхнувшей злостью и завистью. Интересно, с чего бы это он? Вроде раньше все было нормально.

Так, это надо лечить. И срочно!

— Наруто, мне нужно поговорить с Саске наедине, не мог бы ты пока посмотреть, есть ли кто-нибудь в лесу? — мелкий недоуменно посмотрел на меня и удивленно пожал плечами:

— Да, конечно, — после чего ушел на самый край поляны и потряс веткой, зацепившись за нее двумя руками. Показывая: «Я — тут, на дереве, службу несу, а не подслушиваю».

Макуто остался стоять, но отошел на несколько шагов, давая нам пространство.

— Саске-кун, я надеюсь, ты объяснишь мне, что такое случилось, что похвала Хатаке-сана заставила тебя смотреть на сокомандника как на врага?

Учиха удивленно взглянул на меня, глубокомысленно выдал нечто вроде «хм», явно прикидывая, что и как мне сказать.

Нет, так дело не пойдет. Хочешь, чтобы я тебя учил, несмотря на требования Какаши? Будь добр говорить откровенно.

— Саске, прежде чем тебя чему-то учить, я должен быть уверен в том, что ты не обратишь полученные знания против меня или Наруто.

Судя по эмоциям и расширившимся глазам, Учиха сильно удивился. Вот только непонятно чему. Такой откровенности? Или тому, что я ничего не сказал про Коноху? Он задумчиво сложил руки на груди и опустил взгляд.

Я терпеливо ждал и дождался.

— Хм. Хорошо, Ирука-сенсей, — нехотя сказал он.

Еще немного подумав, он добавил:

— После того, как Какаши-сенсей похвалил Наруто, он сказал мне, что если я хочу, чтобы он меня обучал, то я должен больше стараться, —

Саске было всё труднее говорить, брюнет словно выдавливал из себя слова.

— Хатаке-сан... Он сказал, что как Учиха я должен быть лучше, и что его знаний будет достоин только сильнейший из его учеников. И что если всё будет продолжаться как сейчас, то он... Будет учить Наруто, а не меня! — на одном вздохе выпалил Саске, бросив злобный взгляд в сторону бродившего по стволу вверх-вниз Узумаки. В ответ на это признание я только тяжело вздохнул, изобразить фейспалм мне мешала маска, которую я сдвинул на место, выходя из дома.

Так вот откуда брала свои истоки канонная зависть Учихи. Ну Собакин, ну сукин сын, ну удружил...

Это многое объясняет. И в том числе то, почему Саске с таким олимпийским спокойствием, без малейшего удивления принял то, что Хатаке тренирует его, Учиху, сказав при этом другому своему ученику накануне экзамена, что тот не стоит его времени.

Макуто, услышав это, перевел взгляд на Какаши. В его глазах не было удивления. Только спокойное понимание.

Покачав головой, я удрученно посмотрел в сторону дома.

— Саске-кун, мне странно объяснять такому умному парню, как ты, очевидные истины, но, видимо, придется.

Учиха распахнул глаза и замер.

Так, он внимательно слушает. Хорошо.

— Во-первых, как ты уже должен был понять на этой миссии, ты можешь рассчитывать только на себя и свою команду, если хочешь остаться в живых. Не на нашего — выделил я с сарказмом слово, — замечательного командира.

Мальчик еле заметно скривился от такой трактовки, но, судя по эмоциям, он считал ее справедливой и был с ней согласен.

— Во-вторых, от того, как метко Наруто бросает кунаи, ты не станешь лучше управлять огнем. Твои навыки зависят только от тебя самого, но не от твоего сокомандника.

— Зависят! Ведь Какаши-сан сказал, что будет учить лучшего ученика! — зло возразил Саске.

Не обращая внимания на срыв брюнета, я продолжил:

— И мы переходим к третьему. Хатаке-сан не учил тебя все это время. Так почему ты думаешь, что он действительно станет тебя учить чему-то стоящему? Почему ты думаешь, что это не очередная отмазка? Что он не поставит новых условий? Или что его слова были проверкой, а ты ее не прошел? Не отбрехается, что возникли непредвиденные обстоятельства и он не может тебя обучать?

Учиха глубоко задумался. В его эмоциях появились сомнения. Надеюсь, в словах Собакина, а не в моих.

Макуто подошел ближе и тихо сказал:

— Я тренировался один два года. Это возможно. Но если есть команда — лучше.

Саске посмотрел на него, потом на меня.

— И последнее, в-четвертых. Саске-кун, насколько я понимаю, ты собираешься убить Итачи, так?

Мальчишка вздрогнул и, прищурившись, исподлобья взглянул на меня.

А вот здесь я вступаю на очень опасную почву и не стал бы этого делать, если бы не обстоятельства. Не наломать бы дров.

Брюнет, решительно и зло кивнул, сжав кулаки.

— Ты не думал, что с нормальной командой тебе будет намного легче его убить?

Мимолетно удивившись, Саске горячо возразил, с ненавистью глядя мне в глаза своим шаринганом:

— Это моя месть и только моя! Я! Только я! Я сам должен убить его! Убить Итачи! Доказать ему, что я превзошел его! Убить его один, своими руками, отомстить ему за родителей, за клан, за всё!

Я сел на корточки, по-птичьи наклонив голову.

— Саске, — осторожно и тихо, чтобы мальчик начал прислушиваться, — а не много ли чести безумному нукенину? Почему ты должен ему что-то доказывать? Твоя месть — это твое право. И твое дело. Твой выбор — как и когда мстить. Но почему ты позволяешь ему диктовать, как тебе поступать? — как можно спокойнее и размереннее сказал я.

Учиха, выслушав меня, завис... А я понимаю, что снова забыл этот долбаный суффикс «кун».

Макуто кивнул в знак согласия.

— Думай, Саске-кун, думай. Пустая похвала нашего командира, — я словно выплюнул это слово, — не стоит испорченных отношений с собственной командой. Наруто прикроет тебе спину и поможет выжить в очередной безумной авантюре Хатаке-сана, а со временем — и убить Итачи. А от своего джонина-сенсея ты не дождешься ничего, — максимально выделил я последнее слово. — Хороший командир и учитель не сраживает своих учеников, как бойцовских псов, а умные ученики не позволяют кому-то себя сражать и помнят, что они команда.

После чего выпрямился, свистнул и жестом показал Наруто возвращаться.

Пока шаринганистый загружен, у меня, я надеюсь, будет время попрощаться.

— Ирука-сенсей. А почему вы ничего не сказали про Сакуру? — обломал мои надежды глазастый.

Повернувшись к нему, я недовольно фыркнул:

— Саске-кун, если она со временем хотя бы захочет стать чем-то, отличным от нуля в бою, тогда и поговорим о Харуно, — хмыкнул, добавив: — Может, тебе удастся убедить ее всерьез относиться к своей работе. Она теперь не горожанка, должна была уже понять. Но не понимает. И меня она слушать не стала.

На вопросительный взгляд Учихи я ответил с кривой ухмылкой:

— Сакура не понимает, что ее результаты в Академии — это не потолок, что нужно тренироваться больше.

Попрощавшись с мальчишками, я вручил им два мороженных. Хотел бы я видеть глаза Саске, когда он заметит, что мороженое из помидоров. Сам удивился, когда увидел.

Макуто подошел ко мне.

— Ирука-сан, я остаюсь здесь. Если что — дам знать.

— Хорошо, — ответил я. — Береги их.

Он кивнул и отошел к дому.

Отбежав от дома, я просканировал местность, снял хенге и побежал дальше.

Ночной Буревестник выглядел не так плохо, как днем. Скорее всего, потому, что многие изьяны прятались в тусклом свете и тених. Я не отказал себе в удовольствии побродить по крышам, лично, пугая котов и шугая бандитов в темных переулках. У Иго развлечение такое было, чтобы не расслаблялись работнички с большой дороги. Обычно этим занимался клон, а в этот раз я решил лично прошвырнуться.

А с утра я продолжил свою карьеру главного прислужника местного Чёрного Пластилина, то есть Властелина, конечно же. Узнал, что Гато всё-таки нанял Охотников. Как раз тогда, когда я паниковал и пытался вместе с Виктором придумать, что же с ними делать. Мда... Это что же, убей я Гато по-тихому, и не было бы у меня проблем? А теперь убивать этого кота «Базилио» бесполезно. Если они прибыли сюда на его условиях, то всё равно попытаются напасть.

Но, как говорится, знал бы прикуп — жил бы в Сочи.

В тот же вечер, вернувшись в гостиницу, я запер дверь и достал свиток, который дал мне Макуто. Старый, потрепанный, с выцветшими иероглифами. История клана Фаруд.

Я читал долго. Сначала — о начале времен, когда чакра только появилась в мире, а самураи разделились на тех, кто принял её, и тех, кто отверг. Фаруды были из первых. Они не стали шиноби в привычном смысле, но и не остались обычными воинами. Они создали свой путь — накопление чакры через медитацию и поглощение силы поверженных врагов.

Потом — о великом предке, мастере меча, который сражался с порождениями Джуби и вышел победителем. О том, как клан породнился с Узумаки, взяв в жёны их женщин, и стал вассалом, поселившись на северных землях будущей Страны Огня. О том, как Фаруды в каждой Великой войне вставали на сторону Узумаки и Конохи. И о последней битве — когда на Узушио напали объединённые силы других деревень, Фаруды пришли на помощь и погибли почти все, защищая своих родственников.

Я прочитал о структуре клана — совете старейшин, собственной системе обучения, религии, похожей на буддизм, с поклонением духам предков. О философии — сильный охотится на сильного, слабый тренируется, чтобы стать сильным.

И я офигел второй раз за последние дни.

Если бы этот клан выжил, какие монстры могли бы вылезти из их пещер? Они накапливали чакру веками, поглощали врагов. Каждый Фаруд был потенциальным биджу.

Но почему тогда Макуто такой сильный? Почему его сила не вписывается в описание клана? Я перечитал свиток ещё раз. И понял.

Механизм бутылочного горлышка. Последний живой член клана получает на подкорке мотивацию — стать достаточно сильным, чтобы создать безопасное пространство для будущих членов возрожденного клана. Это не генетика. Это психология. Инстинкт, вшитый в саму суть Фарудов. Когда остаётся один, он вбирает в себя силу всех предков, всех погибших.

Макуто не просто выжил. Он стал сосудом для всего, что когда-то было кланом.

Я свернул свиток и спрятал его за пазуху. В голове гудело. Мне предстояло принять ещё одного монстра в свою команду. Или, может, не в команду — в семью.

За окном светились огни порта. Где-то там, на кораблях, спали бандиты Гато. Где-то в лесу спали мои генины. Где-то в ночи ждал Виктор, готовый к бою.

А я сидел в дешёвой гостинице и думал о том, что мир, в который я попал, становится всё безумнее с каждым днём.

Утром я проснулся от стука в дверь. Юто, запыхавшийся, сообщил, что Гато зовёт. Я вышел в коридор, накинул хенге, превратился в Иго и пошел к выходу. Макуто ждал меня на улице. Он был в своём новом обличье — того самого помощника из Водопада, с глубоким шрамом на щеке.

— Идём, — сказал он.

— Идём, — ответил я.

В кабинете Гато нас встретили двое незнакомцев. Один — высокий, с мечом за спиной и холодными глазами. Второй — низкий, коренастый, с круглым лицом и вечно улыбающийся.

— Знакомьтесь, — сказал Гато, потирая руки. — Это Хидеки Киро и Араши Игараси. Они — Охотники.

Я сжал кулаки под столом. Макуто, стоявший у двери, не шелохнулся.

— Приятно познакомиться, — улыбнулся я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я Иго. А это мой помощник.

Киро окинул меня взглядом, потом перевел глаза на Макуто и кивнул. Араши просто улыбнулся шире.

— Гато-сама рассказал нам о ваших проблемах, — сказал Киро. — Мы решим их быстро. За небольшую плату.

— За большую, — поправил Араши, не переставая улыбаться.

Гато заёрзал в кресле.

— Мы обсудим это позже. А сейчас — Иго, проводи гостей в гостиницу. Завтра начнём.

Я поднялся, кивнул и вышел. Макуто пропустил Охотников вперёд, и мы двинулись по тёмным улицам Буревестника.

— Они знают, — тихо сказал Макуто, когда мы остались одни на минутку.

— Знают.

— Они проверят тебя.

— Пусть проверяют, — ответил я. — Я готов.

Макуто ничего не сказал. Только бросил короткий взгляд на удаляющиеся фигуры и поправил на поясе танто.

Завтра начиналась игра. И ставки в ней были как никогда высоки.

Глава 24. Фигаро тут, Фигаро там?

После тяжёлых переговоров с Какаши и неприятного разговора с Саске я поперся назад в гостиницу. Конечно, не совсем честно было говорить Саске, что от Хатаке он не получит ничего, потому как, если отталкиваться от канона, то Хатаке научит... научит его Чидори. Но только тогда, когда уже совсем приперло и от этого зависело выживание «последнего Учихи». Все время забываю, что некоторым событиям только предстоят случиться.

Макуто догнал меня уже на полпути. Он шёл бесшумно, и я заметил его только когда он поравнялся со мной.

— Ирука-сан, — сказал он, — я оставил клона в доме Тадзуны. Если что-то случится, я узнаю.

— Хорошо, — кивнул я. — Заодно присмотри за Наруто.

Макуто кивнул и свернул в переулок, растворяясь в темноте. Я знал, что он направился к дому архитектора, но не спрашивал зачем. У каждого из нас была своя работа.

Пришел я вовремя. Едва я закрыл за собой дверь в номере, как через пару минут появился посыльный от Гато. Пришлось переться к магнату и снова слушать его наполеоновские планы. Ну и чего ему нейдет? Раньше же как-то сам с собой разговаривал? Нашел, блин, благодарного слушателя. Хотя, если подумать, за мою нынешнюю зарплату — можно послушать и даже поаплодировать.

Уже ближе к вечеру, после ужина, я отправился к Забузе. Пора было определяться, что, как и кому говорить. Макуто встретил меня у двери — он уже был там, в своём новом обличье помощника из Водопада, с глубоким шрамом на щеке. Клон остался за него в доме Тадзуны.

— Внутри чисто, — сказал он, пропуская меня вперёд.

На этот раз Виктор был с Хаку. Делал какие-то упражнения под надзором лечащего врача, так сказать.

— О, привет! — радостно поприветствовал меня Забуза. — Хаку, будь другом — сделай нам на всех чая, — и практически без перехода спросил, — Как прошли переговоры с высоким начальством?

Я даже растерялся, но потом сообразил, что Виктор обратился ко мне и что спрашивал совсем не про Гато.

— В целом неплохо. Какаши согласился на союз, — скорчил кислую мину, — его вынудили дети. Он в демократию играть решил и проиграл по голосам, — хихикнул, а затем тяжело выдохнул, — Ты знаешь, я не уверен в том, что Чучело сможет вести себя прилично, так что тебе придется набраться терпения.

Хаку, от нашего диалога, тихо офигевал. Иначе как объяснить, что он что-то уронил?

— Он против союза? — удивленно приподнял бровь Виктор. Точнее, место, где она у него должна была быть.

— Да, как я и предсказывал, — устало ответил я, — иногда ненавижу быть правым.

Макуто тем временем бесшумно прошел в угол комнаты и сел на пол, прислонившись к стене. Он положил на колени свой танто и замер. Я знал, что он слушает, хотя внешне это было не заметно.

После того, как я в деталях рассказал, как прошло наше общение, Виктор заметно помрачнел:

— Теперь Хатаке сделает все, чтобы сорвать переговоры.

— Боюсь, что так. Значит, его придется загнать в угол. И вся надежда на вас с Хаку. Меня он слушать не станет. А детвору и подавно.

Моя идея была проста как лом и с точки зрения шиноби любой скрытой деревни даже не пахивала, а прямо-таки воняла предательством. Я рассказал Виктору о так горячо любимых Собакиных темах для разговора — командной работе, псевдо-демократии в общении, желании любой ценой выполнить даже не важную, в сущности, миссию, и о многом другом. Виктор узнал, что Хатаке связан обещанием защитить старика. И что настоящий приоритет Какаши, как джонина-сенсея — сохранить ценную команду. А это значило, что Собакин был очень уязвим к шантажу и давлению.

Макуто, слушая это, чуть заметно кивнул. Он был согласен с каждым моим словом.

Соотечественник идею принял. Хаку не мог поверить ушам.

Под конец я сказал Мечнику о времени, в которое Собакин соизволит его увидеть — вечер сегодняшнего дня. До назначенного часа времени оставалось всего ничего.

— Не хотите драться вместе? — репетировал Вик. Скорчил физиономию поучастливее и вкрадчиво добавил: — Значит, вы будете драться против Охотников одни, без помощи.

— Браво! — похлопал я. — Но Какаши надо пугать не тем, что он один останется, а что всех остальных за собой потянет. В том числе и заказчика.

— Хм, — призадумался Вик, — тогда так: «Не хотите драться вместе? Будете драться против Охотников без нашей помощи. А то, что в процессе

убьют вас и Тадзуну вместе с его семьей... Ну, так это неизбежные сопутствующие потери. Я готов с ними смириться».

— А вот это, пожалуйста, на бис! — живо отреагировал я.

Поначалу Хаку наблюдал за нами с нескрываемым любопытством, даже чаек прихлебывал через раз и иногда проносил его мимо рта. А уже через пару минут хихикал и подсказывал подходящие слова. Я кривлялся, изображая, что мог на это ответить Какаши. Под конец мы вымотались, и уже откровенно потешались, расслабляясь и убивая время.

— Мма, Му-ма, а где Герасим? — спросил я.

— Дед Мазай утопил! — хохотнул Виктор.

Макуто на это не засмеялся, но я заметил, как его пальцы перестали сжимать рукоять танто. Он тоже расслабился, хотя и не подал виду.

Виктор, смеясь, сравнивал Хатаке с коровой. Это местные сразу слышали «Может быть», а мы сначала слышали тупое мычание.

— Охо-хох, — вытирая выступившие слезы, — главное не заржать.

— Кашляй, — посоветовал Вик и, вставая, уперся руками в колени, — нам уже пора.

Закрывать на ключ домик никто не стал, но на выходе не-Забуза сложил пару печатей, и, прежде чем я успел задать вопрос, пояснил, что это фуин-замок. Такие «замки» шиноби использовали повсеместно. И на вражеской территории, и дома. Все они были сигнальными.

Разновидностей замков было несколько: контурные, точечные, с сюрпризами вроде взрыв-тегов и пусковых механизмов ловушек. Был еще один вид: замки-щиты, которые могли сдержать вторженца, но их делали только Узумаки, и секрет этих замков был утерян.

Когда Вик закончил эту мини-лекцию, я не удержался от горестного стона. Смачно припечатав лоб рукой, я сказал:

— Заходи, кто хочешь, бери, что хочешь.

В ответ на недоуменный взгляд Вика я пояснил:

— Мой дом закрыт на обычный замок. Печати я не активировал. Я дебил!

В этот момент Макуто, который до этого молчал, подал голос:

— Я запечатал дверь в свою комнату. Свитки внутри. Никто не войдёт.

Я посмотрел на него с некоторым удивлением. Парень был предусмотрительнее меня.

Виктор утешающе похлопал меня по плечу и сказал, что если повезет, то фуин в моем доме может быть барьерного типа и завязано на ключ-артефакт.

— Ни фиги, — грустно сообщил я. — Тогда бы дубликат Наруто не смог бы открыть дверь, и если бы был накопитель для барьера, то я бы его уже нашел.

— Тогда, да. Ты — дебил, — пожал плечами Вик.

Осознав, что из Страны Волн я никак не смогу защитить свое имущество, скрепя сердце пришлось себя уговаривать не думать о худшем. А вместо этого подумать о проблемах насущных.

Мы направились к дому Тадзуны. Прыгая по скользким от мелкого дождя веткам, я вспоминал разговор с Гато. Несмотря на мои попытки его испугать, магнат наплевал на возможную угрозу от команды Охотников и всё-таки их нанял. В прошлую встречу они, оказывается, обсуждали условия. К тому же Охотники не были в полном составе, один спецджонин и два чуунина должны были подтянуться через несколько дней.

Тем же вечером Гато, потирая лапки, продемонстрировал мне записку от Виктора. Тот, изображая недалекого бугая, отправил коротышке-магнату весточку, что почти выздоровел и собирается убить Тадзуну.

Макуто шел последним, бесшумно перепрыгивая с ветки на ветку. Он не издавал ни звука.

Хоть Какаши и дал согласие на встречу, но я предвкушал занятное шоу. Пресветлые боги, дайте мне сил не рассмеяться, когда Виктор начнет мозг Какаши выносить! Я потерял руки, вглядываясь в окна. В зале горел свет, тихо поскрипывали медленно крутящиеся лопасти мельницы, еще тише

плескались маленькие волны, покрытые рябью от мелких капелек. Казалось, внутри ждет тепло и уют, но умом я понимал, что Цунами, Тадзуну и Инари внизу никто не оставит. Даже Какаши.

Когда мы вошли в дом, Виктор наклонился, чтобы протиснуться в двери, и поставил свою рельсу у порога. Под ней тут же собралась лужица. На кухне было пусто, только под столом лежала большая черная шкура, сваленная комком. Почему-то вспомнилось, как тетя накрывала истрепанным пледом из искусственного меха только что закатанные банки.

— Нинкен, — тихо сказал Хаку, кивнув на ком.

Присмотревшись, я понял, что это, действительно, один из призывных псов Какаши — Буч, если я ничего не путал. Собака шумно вздохнула, твякнула густым басом и потрусила к коврику под дверью, отрезая путь к отступлению. Буч похоронил под собой жалкую тряпочку и еще разик гавкнул.

Макуто, проходя мимо пса, не обратил на него никакого внимания. Буч даже не рыкнул, только проводил его взглядом.

«Вы собачке на лапку не наступите, — мысленно нервно хихикнул, — а то она вам ножку откусит». А вслух сказал, чтобы было слышно седьмым:

— Пожалуйста, проходите.

В зале, лицом к нам, сидел Какаши в окружении детворы и двух псов. Собаки, точно телохранители, торчали по обе стороны от Хатаке, рассматривая нас троих презрительно-настороженными взглядами. Желтый остромордый пес с перебинтованной шеей, похожий на гончую, потянул воздух носом, а его рыжий компаньон склонил голову на бок, похлопав круглыми глазами.

Макуто, не спрашивая разрешения, прошел в угол комнаты и сел на пол, прислонившись к стене. Он снял с пояса танто и положил его на колени. Никто из псов не зарычал на него.

Завидев Виктора, Сакура пыталась притвориться мебелью, но платье с прической ей сильно мешали. Забуза поздоровался и сделал вид, что цвет

кожи генинов, коррелирующий с цветом беленых стен, — часть корпоративного стиля шиноби Конохи. Мальчики, хоть и побледнели немного, но смотрели настороженно и нервно. И, в отличие от девочки, даже не дернулись, когда протяжно скрипнул стул, на который по-хозяйски уселся Вик.

— Обстоятельства изменились, и теперь у нас с вами общие интересы, — обведя всех седьмых взглядом, сказал Не-Забуза. Словно подчеркивая: «У вас у всех. Вы все равны в моих глазах».

Еще один хороший ход, который мы вместе придумали. От Какаши повеяло обидой, злостью и подозрением. Ну, в общем-то, ожидаемая реакция.

Макуто чуть наклонил голову, внимательно наблюдая за Какаши. Я мельком проверил, на месте ли хенге, но садиться не спешил. Ждал, пока Какаши поднимет задницу и сядет за стол переговоров. Забуза широко и дружелюбно улыбался, при этом не демонстрируя зубастого оскала. Кстати, по словам Виктора, для этого он долго тренировался перед зеркалом.

Разобиженный, злой и подозрительно на меня поглядывающий элитный джонин наконец встал и занял место напротив Вика. Я сел справа от Виктора, спиной к окну наружу. Юки, скромно державшийся позади нас, присел на плоскую подушку около дверей зала. Ее ему подпихнул Наруто, когда осмелевшая детвора подседа ближе. Присмотревшись к Хаку, Наруто впал в протрацию и даже сказал что-то, но тычок в бок от Сакуры заставил его замолчать.

Удостоверившись, что все притихли, Виктор продолжил:

— Я вроде прибыл на переговоры для того, чтобы мы с вами стали союзниками. А не для того, чтобы принять вашу капитуляцию. Так что уберите своих собак, Хатаке-сан.

Собакин, надо отдать ему должное, сохранил бесстрастную физиономию и сказал с издевкой:

— Хорошо, если мои нинкены так вас нервируют, Забуза-сан, то я их отзову.

После чего постоял секунд десять, ожидая реакции от Виктора. Не дождался. И отправил обратно своих собачек. Виктор старательно не замечал навязчиво громкого топота на втором этаже и на крыше от четвероногих друзей Хатаке. И меня, пытающегося не рассмеяться. Какаши даже ехидненько поинтересовался, не заболел ли я. Покашливая, как старый пес, я помотал головой и прикрыл лицо шарфом.

Макуто сидел неподвижно, но я знал, что он оценивает каждое слово. Он не вмешивался, но его присутствие ощущалось.

Во главе стола — Хатаке. Делал вид, что он здесь главный. Напротив него — Виктор, он был занят тем же самым. И, надо заметить, у Мечника получалось гораздо лучше.

Цунами расстаралась, и к чаю лежали на подносе сладкие сдобы, от которых приятно тянуло ванилью и теплом. Мне даже пришлось сглотнуть слюну. Сюрреалистическая картина — Хатаке Какаши и Забуза-нукенин чаем с плюшками балуются. Я подцепил что-то похожее на маленький круглый пирожок и, пока Какаши с Виком играли в гляделки, я жевал.

Хатаке старательно делал вид, что Забуза пришел сюда по каким-то своим делам и что его, Какаши, это никоим образом не касается.

Виктор хмыкнул:

— Хатаке-сан, а вы невежливый хозяин. Ведете себя так, как будто это вы мне нужны, а не я вам.

У Какаши дернулся глаз. Но буквально через пару секунд, вернув себе самообладание, он холодно ответил:

— Почему вы решили, что это вы нужны нам, Забуза-сан? Это ведь вы к нам пришли, разве нет?

Улыбнувшись, Виктор выдал один из отработанных вариантов:

— Если я сейчас уйду, то через неделю, максимум две, вас вырежет команда под названием Охотники. Формально — они нукенины. На самом деле, скорее всего, связаны с разведкой Облака.

Наруто пораженно выдохнул:

— Ирука говорил...

Но был бесцеремонно прерван громким подзатыльником, скорее даже ударом по голове, от Сакуры. Не-Забуза, глядя на эту сцену, скорчил недоуменную физиономию. Смеяться больше не хотелось. Только бы синяков не наставила, иначе эту мелкую заразу я просто убью. И не только за Наруто, хотя меня уже задолбали привычки этой debilки лупить его. Но и потому, что эта боевая овца нас на следующих переговорах ровно также выставит идиотами. Шиноби не поднимает руку на товарищей. Бесклановые малолетние дуры не пинают сильных клановых ребят. А если это происходит... Значит, перед вами — команда идиотов. Вроде нас.

Макуто перевел взгляд на Сакуру. В его глазах не было осуждения, только холодное наблюдение.

Вик продолжил нас страшить:

— Вас убьют, — и мягко, даже сочувственно-доброжелательно добавил, — а заимствованный вами шаринган вырежут из вашего еще не окоченевшего тела.

Неплохая импровизация, зубастый кот Баюн! Я бы похлопал, да боюсь, что меня не поймут.

— После чего трех ваших генинов, — кивок в сторону детворы, — ждет либо участь скота на развод, либо мучительное существование подопытных кроликов в лабораториях Кумо, или, если очень повезет — смерть. Впрочем, — продолжал Виктор, — первое не исключает второго и, уж конечно, третьего.

После его слов наступило тяжелое молчание. Все задумались. У детей клубок эмоций был такой, что я даже не стал пытаться понять, что они чувствуют и о чем думают. Но такая перспектива их, определенно, не радовала.

Судя по побледневшим лицам, все сказанное было для них откровением. Наруто, Саске, даже Сакура... Мне искренне жаль, что вы узнаете все это от нас. Мы с Виктором не хотели пугать вас до ночных кошмаров, но этот проклятый мир шиноби жесток. И вы должны все знать заранее, должны быть предупреждены. И баран-Хатаке должен понимать, чем рискует.

Макуто чуть заметно кивнул. Он знал этот мир не по рассказам.

Забуза сам налил себе чая, понюхал, попробовал на вкус, посмаковал, взял булочку, так же обнюхал, попробовал. Я так понимаю — он всё обнюхивал и пробовал на наличие яда или еще чего-нибудь. Но выглядело это как церемонное следование этикету на приеме у английской королевы.

Теперь не выдержал уже Хатаке.

— Предположим, что все это правда, хоть я в это и не верю, — сверля видимым глазом то Виктора, то меня, сказал Хатаке, — Но тогда почему вы обратились за помощью к нам? — подозрительно спросил Чучело.

— Хатаке-сан, — вежливо сказал Мечник Тумана, — я не обращаюсь к вам за помощью. Я, как официальный представитель повстанцев страны Воды под предводительством Теруми Мэй, хочу предложить вам временный союз для убийства Гато и уничтожения Охотников. Это совершенно разные вещи. Я могу себе позволить напасть на Охотников после того, как они расправятся с вами. Просто я не вижу смысла рисковать понапрасну. Команда, которую Гато нанял, слишком уж сильна. А с учетом того, что Умино-сан шпионит и не сможет быть рядом, когда на вас нападут, не совсем понятно, на что вы рассчитываете.

— Я смогу разобраться с кучкой чуунинов, — с потрясающей самоуверенностью выдал Хатаке. — Вас так испугало ваше поражение, что вы решили прибегнуть к нашей помощи, Момочи-сан? — попытался подколоть он Не-Забузу.

Сдерживая маты, я на миг закрыл лицо рукой, встал из-за стола и поклонился.

— Прошу прощения за необдуманные слова моего командира, Момочи-сан. Хатаке-сан не дипломат. Мы не хотели...

Виктор устало потер висок и жестом заставил меня замолчать, покачав головой:

— Извинения приняты, Ирука-сан. Вы лучше скажите, сколько ожидается шиноби в команде Охотников?

— Хорошо, Момочи-сан, — сделал вид, что задумался, присаживаясь на место. Потом начал перечислять: — Два джонина и один специальный джонин. Все трое из Кумо. И по одному сильному и опытному чуунину из Горячих источников, Водопада, Травы и Мороза.

Теперь получалось семеро нукенинов. Вроде деревня, скрытая в Морозе, как раз рядом с Молнией находилась. Может быть, и оттуда нукенин. Краем уха я слышал где-то, что парочку отступников оттуда внесли в книгу наград. Ну, вот так, приврал немного. Для пущего эффекта.

Виктор приподнял бровь, я-то про морозника ничего не говорил. Собакин посмотрел на меня как на предателя. Эмоции у него зашкаливали, и даже промелькнуло что-то вроде эмоции-мысли: «Сговорились, гады!» А я сел на место и уткнулся носом в пиалу с чаем. «Ничего ты не докажешь, псина!»

Макуто, услышав про чуунина из Мороза, чуть нахмурился, но ничего не сказал.

Хатаке, между тем, не сдавался:

— Это общеизвестно, что шиноби малых деревень обычно слабее, чем и ниндзя таких же рангов из Великих деревень. Хуже подготовка, снаряжение и навыки. Их чуунины — лишь немного сильнее генинов, а джонины и тем более специальные джонины — едва ли чуунины! Они — всего лишь мясо. Я легко с ними справлюсь даже в одиночку.

Я хрюкнул, силясь не зайтись в истерическом хохоте. Где? Где ты вычитал или от кого услышал такую чепуху?! Да-а. Наверное, хорошо живется тараканам в опилках и соломе. Так же уютно, как у Пугала из страны Оз. Нет, шиноби малых деревень, зачастую, действительно были немного слабее, чем их коллеги такого же ранга из великих Гакурэзато, но, во-первых, это было далеко не всегда, а во-вторых, разница не была такой большой, как это описывал Какаши.

— Хаку, ты согласен с такой оценкой Хатаке-сана? — начал Забуза новый этап спектакля.

Юки отставил в сторону чашку с парящим чаем и ответил:

— Нет, не согласен, Забуза-сама.

После чего Хаку посмотрел на Собакина:

— Забуза-сама и я несколько лет числимся нукенинами Тумана. И за это время нам пришлось понять, с кем лучше не связываться. Мы знаем примерную силу всех более-менее сильных команд ниндзя-отступников, их сильные и слабые стороны. Охотники сильны и соответствуют своим рангам. Кроме того, как ясно из их досье, они опасная, слаженная команда. Вам едва ли удастся справиться с ними в одиночку, Хатаке-сан.

Хаку наморозил в руку два ледяных шарика и стал их перекатывать в руке. Отлично. Ненавязчиво и вместе с тем эффектно показал, что владеет улучшенным геномом. Отличная импровизация. Наруто и Сакура смотрели на ледяные шарики, как на кролика, которого фокусник вытащил из цилиндра. А вот Саске насупился и положил руку на кобуру с кунаями.

Макуто посмотрел на лед в руках Хаку. Он сам мог создавать лед, но сейчас его стихия была ветром. Он не показывал этого.

Бросив полный неприязни взгляд на Юки, Собакин задумался. Чтобы скрыть свою растерянность, он сделал глоток чая. Прямо через маску. Точнее, через хенге этой маски, и, как всегда, это выглядело странно.

После этого Какаши подумал и всё-таки вякнул:

— Мма, эти ваши Охотники могли приврать, чтобы набить себе цену. В книге наград единственные Охотники — кучка чуунинов. Кроме того, я элитный джонин и они слабее меня. Даже если и возникнут какие-то сложности, то у меня сильная команда. А с чуунинами в составе заведомо сильной команды Какаши биться честь не позволяет? Надо обязательно на равных? Хайлевел не хочет бить маленьких, ачивка плохая будет, и экспы мало дадут? Повернувшись вполоборота к Собакину, я скептически выгнул бровь:

— Берете свои слова обратно? — прошептал одними губами.

Хатаке «прозрачный» намек понял и угрожающе посмотрел на меня. От ребят мой скепсис тоже не укрылся, хоть по губам они читать и не могли.

Макуто, сидевший в углу, вдруг подал голос:

— Мнение команды для вас пустой звук?

Он сказал это спокойно, почти безразлично. Но Какаши вздрогнул и перевел на него взгляд. Макуто выдержал его взгляд, не моргнув.

Наш Собакин очень любил потрепаться о командной работе. Ну, так мы с Виктором и это предусмотрели!

— Мнение команды, для вас — пустой звук? — медленно «проговорил» я вскипающему от гнева и злости Какаши.

Прожигая меня полным ненависти взглядом, он, однако же, не спешил раскрывать пасть. Попробуй сказать, что командная работа не важна, если нет собственной силы — опозоришься. Наблюдая за Какаши, старался я не показывать своего раздражения. «Тебе, Собака, даже возразить нечего, ведь командная работа — это так важно. Не так ли?»

— Вы с чем-то не согласны, Умино-сан? — вежливо спросил Не-Забуза, будто не понимая, что происходит.

— Да. Не согласен. — подчеркнуто холодно и безэмоционально ответил я, повернувшись обратно. — У Охотников — слаженная боевая команда, имеющая большой опыт. Ко всему прочему, в состав группы входят джонины, которые очень умело дезинформируют разведку других Деревень о своих рангах. Я не согласен с тем, что наших сильных и безусловно талантливых генинов фактически отправляют на убой. Я не хочу и не буду отвечать перед Третьим и Советом в одиночку, если случится непоправимое.

Повисла неловкая пауза. Хатаке разве что не плюнул. А уж как он презрением фонтанировал. В его эмоциях и взгляде легко читалось — перестраховщик, испугался кучки гопников! А еще там было сомнение и подозрения. Считает, что я хочу ему пакость сделать? Самое удивительное — он ошибается. Мне до него вообще дела нет. Мне свою шкуру и детей спасти важнее, чем ему подгадить.

Макуто снова замолчал, но его слова, казалось, повисли в воздухе. Какаши теперь поглядывал на него с той же подозрительностью, что и на меня.

Сомкнув холодные пальцы в замок, я уставился в столешницу. Я весьма прозрачно дал понять, что если кто из наших сверхценных детишек погибнет, то свалить вину на меня одного у Какаши не выйдет. И что отвечать мы будем — вместе. И что, может быть, на моей стороне будет Данзо. Это, конечно, были больше мои надежды. Но Хатаке-то этого не знал. Но как же мне было паршиво осознавать все это. Да, наша с Виктором игра была на грани фола по принятому здесь этикету. Но только на грани. И ее не переходила.

А Собакин не сдавался:

— А какая вам польза от нас, Забуза-сан? — поинтересовался Какаши, всем своим видом показывая, что он не доверяет Мечнику Тумана.

Но и этот вопрос мы подготовили.

— Один я с полным составом Охотников не справлюсь, как и вы. — Не-Забуза кровожадно улыбнулся. — А Ваша выгода в том, что я не претендую на Ваш гонорар за эту миссию. За меня не беспокойтесь, свои деньги я возьму из холодеющих рук Гато. — усмехнулся Вик. — И отплачу гаду за попытку предать меня.

— Очень щедро. — буркнула Сакура, явно не разделяя веселья нукенина, и тут же скорчила милую мордочку, будто бы это не она сказала.

Виктор повернулся к куноичи и сказал:

— О чем ты, девочка?

Потупившись, Сакура похлопала ресничками и выдала:

— Момочи-сан, а что мы получим за помощь в убийстве Охотников?

Наивности в ее зеленых глазках не было, но был хорошо заметный алчный блеск и недовольство. Я с любопытством и недоверием посмотрел на Харуно. Можно подумать, что она бурчанием проверяла, можно встрять, или она за выкрик без спроса получит «леща».

Макуто, услышав вопрос Сакуры, чуть заметно покачал головой. Он не одобрял жадность, тем более сейчас.

Виктор удивленно-одобрительным взглядом смерил девчонку.

— Вы? Жить будете. Миссию выполните, — и добавил с издевкой, — Этого мало?

Сакура вскинулась:

— Мало!

Пацаны на нее смотрели, как на больную, да и я тоже. Наруто даже отшатнулся. Да и Какаши выпучил глазик, не ожидал он от розововолосой такой наглости. Конечно, этот вопрос нужно было задать, но я предполагал, что задаст его Какаши, а не Сакура. Куда она лезет?! А ведь я где-то слышал, что Харуно — то ли клан, то ли семья торговцев.

— Девочка, ты еще такая маленькая, а уже такая жадная, — укоризненно покачал головой Виктор. — Ну с чего я должен вам платить за то, чтобы вы будете всего лишь исполнять работу, за которую вам уже заплатил клиент? Это вы мне должны приплатить за то, что я спасаю вам жизни, чистоту послужного списка и помогаю выполнить миссию.

— Что-о-о?! — вскинувшись, неверяще уставился я на Виктора. — Не-не-не! Мы так не договаривались!

Я бросил взгляд на Какаши, в надежде, что он хоть что-то скажет. А он, зараза, молчал как партизан! Да еще ухмыльнулся чему-то! Надеешься, что я сейчас провалюсь и опозорюсь, а Забуза, развернувшись, уйдет? — сжал губы. — Не надейся.

— Но, но... — замялась Сакура. И замолчала под насмешливым взглядом Мечника.

Макуто поднялся и подошел к столу. Он встал за моей спиной и положил руку на эфес танто. Жест был почти незаметным, но все обратили на него внимание.

Поняв, что Какаши не собирается бороться за наши общие деньги, я отставил кружку, из которой цедил чай, и кашлянул в кулак, привлекая внимание:

— Забуза-сан, я напомним вам, что миссия, — сухо, точно клерк с сорокалетним стажем проговорил я, — которую нам оплачивал Тадзуна-сан, была всего лишь С-ранга. Вы же предлагаете помочь с Охотниками, а эта задача явно не В и уж тем более не С ранга. Минимум — А-ранг. А скорее — полноценный S-ранг, особенно если учитывать, что мы учебная команда. Также я напомним, что вам нужно наше содействие, чтобы победить Охотников и потом легализовать награб... — поправил себя, — Ваши трофеи. При самом неблагоприятном из раскладов мы тоже можем уйти. А вот Вам, Момочи-сан, придется возвращаться и терять драгоценное, в вашем положении, время. — развел руками. — Кто знает, сколько еще повстанцев Теруми Мэй успеет погибнуть, прежде чем вы сумеете раздобыть здесь деньги и припасы. Вы ведь за этим пришли в Страну Волн?

Виктор помрачнел и стиснул зубы, чуть оскалившись. Послышался сухой хруст, Хаку раздавил шарики. Но осколки не бросил и вскоре снова начал перекатывать прозрачный, не тающий лед в ладони.

Макуто, стоявший за моей спиной, чуть заметно кивнул, подтверждая мои слова.

— Предположим, — продолжил я, будто не заметив перемены в настроении союзников, — мы бросили Тадзуну-сана, вы вернулись с подмогой. Без шпиона у Гато вы — слепы и глухи. Не найдете тайников с деньгами, не будете знать, сколько людей у Гато. Не убьете быстро и без потерь нанятых им шиноби и головорезов.

Макуто шагнул вперед и положил на стол карту, которую мы составили вместе. На ней были отмечены все склады, тайники и места патрулирования бандитов Гато.

— Вот, — сказал он. — Список всех офицеров и их слабых мест.

Какаши уставился на карту, потом на Макуто. В его глазе читалось удивление. Он не ожидал такой подготовки от молчаливого ассистента.

Хаку сжал губы в нитку и особенно громко скрипнул шариками. Не-Забуза тоже мыслями был далеко не в райских кущах.

— Мы нужны вам точно так же, как вы нам. — прервал я паузу. — Для вас потеря времени и денег даже важнее, чем для нас — срыв миссии.

Шумно втянув воздух носом, Виктор сложил руки в замок перед лицом.

— Что вы хотите?

— Пятьдесят процентов, — так же сухо и безэмоционально ответил я.

— От чего? — удивился Виктор.

— От всего, — выложил я на стол блокнот и ручку, — Момочи-сан.

Какаши дар речи потерял, промышчал что-то тихо и неразборчиво, а когда мы с Виктором начали торговаться, и вовсе заткнулся. Мы спорили до хрипоты. Но когда речь зашла об обсуждении деталей, вспомнили, что нам, вообще-то, нужно содействие архитектора, которого мы, образно говоря, на трон собирались сажать.

Макуто не участвовал в торге, но он стоял за моей спиной, и его присутствие придавало мне уверенности.

Подводя итог, я заверил зубастого скупердя:

— Я готов взять на себя роль защитника интересов Тадзуны-сана и своей команды.

Из-за двери, за которой подслушивал архитектор, донесся какой-то невнятный шум. А Виктор хмыкнул и сказал:

— Так может, следует пригласить к столу хозяина дома? Наш разговор сейчас напрямую касается его и его семьи. Думаю, это он нас так неумело подслушивает за дверью, не так ли?

Я кивнул, подтверждая, и позвал старика. Тадзуна решительно раздвинул двери и прошагал до ступенек на кухню. Но когда он встретился взглядом с Виком, сгорбился, побледнев, отодвинул стул и присел как можно дальше от Забузы. Цунами вышла следом. Тенью проскользнула на кухню, и на столе, как по мановению волшебной палочки, в чайнике прибавилось кипятка, а на тарелке — круглых пирожков. Детей хозяйка дома тоже не оставила без внимания.

Между Хаку и Наруто возник большой поднос. Точно как Вик, Юки тоже обнюхал еду, прежде чем начал есть сдобу.

Между тем Инари тоже присоединился к позднему ужину, усевшись за спину к Наруто и что-то ему шепнув. Макуто перевел взгляд на мальчика, но ничего не сказал.

Виктор как можно более обаятельно и успокаивающе, как ему казалось, улыбнулся мостостроителю. А тот икнул, выпучив широко распахнутые глаза, выпал из реальности. Сегодня Виктор не стал наматывать бинты на лицо. А зря. Улыбаться, не показывая зубов, он всё еще забывал.

— Тадзуна-сан, если вас не убьют бандиты и нукенины Гато, то вас убьет собственный дайме, — сказал Виктор.

Цунами вздрогнула и посмотрела на отца.

— Вы очень глупо поступили, — вкрадчиво сказал не-Забуза, — когда решили взять вознаграждением за строительство моста процент от торговли. Ваш правитель не только глуповат, но и жаден сверх меры. Так что даже с гибелью Гато ни вы, ни ваша семья не будете в безопасности.

Осознав перспективы, Тадзуна застучал зубами, а Хатаке стал смотреть на Мечника с еще большей враждебностью, хотя, казалось, куда уж больше-то.

— Откуда мне знать, что вы говорите правду? — наконец-то справился с собой старик.

— Тадзуна-сан, кто посоветовал вам нанять для своей охраны команду генинов? И главное — почему вы последовали этому совету? — надавил на старика уже я.

Теперь уже все в помещении заинтересованно смотрели на Тадзуну. Тот появился, но вскоре сник и все рассказал. Оказывается, мостов было несколько. Самый большой должен был соединить Страну Волн с побережьем Страны Огня, а более мелкие мосты — несколько основных островов архипелага. Строительством моста от Волн до Огня заведовал крупный чиновник Арисугава Есин, приближенный самого дайме Страны Огня. А со стороны Волн — некий Ишичи Сэрю. И этот Арисугава

настойчиво посоветовал Тадзуне нанять именно учебную команду. Ведь до Конохи старик добрался с его свитой. Дескать, джонин-сенсей всё равно защитит и вас, и своих учеников, а если что случится, то Коноха будет просто вынуждена ответить на такое нападение на своих детей.

Мы с Виктором призадумались.

— Значит, Дайме Страны Огня тоже в этом участвовал, — медленно, задумчиво сказал не-Забуза. — Не удивлюсь, если и Хокаге в этом замешан.

— Старик не мог такого сделать, — эмоционально высказался Наруто и тут же замолчал, виновато втянув голову в плечи.

Жаль, я не в том положении, чтобы открыто сомневаться в нашем «прекрасном» и «непогрешимом» Третьем! А то ему бы икалось долго. Мог, мог, старый обезьян, всё он мог.

Макуто, услышав это, чуть заметно покачал головой. Он не верил Третьему.

— Забуза-сан, при всем уважении, давайте ограничимся вариантом с нечистоплотными чиновниками, — изобразил оскорбленного я. — Не зная точно всего и не имея доказательств, вы тем не менее фактически наговариваете на нашего Каге. Сарутоби-сама не ваш Ягура и он не безумен. Но зато очень жаден и нечистоплотен.

Виктор все понял правильно и, усмехнувшись, отвернулся от меня к мостостроителю.

— Ну, как бы то ни было, ситуация такова, что вас, Тадзуна-сан, просто и цинично использовали втемную. И никто не собирался и не собирается исполнять данные вам обещания. Будьте взрослым человеком и примите этот факт. Мы — единственная надежда на спасение и нормальную жизнь для вас и вашей семьи.

— Что же мне делать? — справившись с вновь начавшими стучать зубами, спросил архитектор.

— Вам надо стать главой восставшего народа, свергнувшего преступную власть тирана-Гато, — спокойно пояснил Виктор. — Вы должны собрать

толпу побольше, убедив их, что с нами они будут в безопасности, и драться им, скорее всего, не придется. Особенно если их придет действительно много и у них будет хоть какое-то оружие.

— Потом вы торжественно вынесете приговор Гато. Люди поступят с ним так, как посчитают нужным. Скорее всего — забьют до смерти тем, что будет под рукой, — мило улыбнулся Не-Забуза. — После чего вы станете, скажем, всенародно выбранным защитником Страны Волн и старейшиной Буревестника, заключившим выгодные договоры с Листом и повстанцами Тумана. После этого ваша жизнь будет в куда большей безопасности, чем когда бы то ни было.

Макуто слушал этот план с каменным лицом, но я знал — он его одобрял. Это было похоже на то, что он делал сам: убирал одного крупного врага, чтобы расчистить путь для других.

— Как я вижу, Момочи-сан, вас внезапно стала заботить жизнь Тадзуна-сана? — с издевкой поинтересовался Хатаке, всем своим видом демонстрируя презрение.

— Да, стала, — спокойно ответил на подколку Виктор, — с тех пор, как стало ясно, что в случае долговременных обязательств и контрактов в Стране Волн Тадзуна-сан — наилучший вариант в качестве народного спасителя. Еще бы народ его активно, с оружием в руках поддержал, вообще хорошо было бы.

— То есть вас интересуют только деньги? — снова попытался подколоть Собакин Вика. Нет, чтобы умное что сказать! Решил докопаться до ерунды! Идиота кусок.

— Не только, — улыбнулся Забуза, в этот раз показав свои акульи зубы. Хатаке явно стал его доставать. — Меня еще крайне интересует, что при формальном суде и при народе, разорвавшем Гато, мы формально будем ни при чем и никто не сможет выдвинуть нам претензии. Ни Облако, ни Кири, ни Суна, ни кто-то еще...

— А если у нас не будет такого прикрытия, — поддержал я, — то нам будет несколько неудобно. «Злые шиноби Листа убили мирного

бизнесмена Гато, друга и партнера страны Молний». Хатаке-сан, вы хотите, чтобы вас выдали Кумо, как тогда Хьюгу?

Хатаке обиделся и призадумался. В нем появилась неуверенность. Макуто заметил это и чуть расслабил плечи.

— Эй, может, хватит за меня решать?! — возмутился наконец-то вышедший из ступора Тадзуна. — Не хочу я быть никаким защитником, я не феодал, а обычный старый...

Закончить он не успел. Его заставила замолчать Цунами, которая, мило нам улыбаясь, ткнула папашу локтем в бок.

— Тише, папа, давай сначала до конца выслушаем наших гостей. Продолжайте, пожалуйста.

А гости и продолжили. Точнее, Виктор и я. Страшила оказался опилочноголовым и в плане торговли. Талантливый человек талантлив во всем. С идиотами та же история. Конечно, мы с не-Забузой пришли вчера к соглашению, но детали до конца не обсудили — времени не было. А сегодня Виктор стал обувать Хатаке и всю нашу команду просто как Буратино. Обидно!

Макуто сел на пол и достал из рюкзака сверток. Внутри оказалась карта города Буревестника с отметками.

— Я приготовил, — сказал он, разворачивая карту на столе. — Здесь все склады и позиции снайперов Гато.

Какаши посмотрел на карту, потом на Макуто. В его взгляде появилось что-то вроде уважения.

— Я так думаю, что бумаги Гато, касающиеся охотников, вам ведь не нужны, Забуза-сан? А нам они могут пригодиться, — вынес я очередное предложение.

— То есть на мои корабли с грузом вы никак не претендуете? — вынес встречное предложение Виктор.

— Да, но ведь на суда вы всё не погрузите, склады у магната совсем не полупустые, — уточнил я. — Предлагаю поделить то, что будет захвачено

жаждущим справедливости народом Волн. Скажем, вам половина и нам половина?

— Эй, а что останется народу Волн? — больше непонимающе, чем возмущенно спросил архитектор.

— Самое ценное — с пафосом изрек Забуза, — Свобода!

Судя по перекошенной роже старика, он находился в глубоком обалдении.

— И кстати, о свободе, — тут же продолжил Виктор, — надо также заранее поделить ту недвижимость, которую мы освободим от Гато. Нам, повстанцам Тумана, особо некогда заниматься этим, поэтому мы оставим себе пару портов и зданий, а остальное — ваше. Но за это я хочу получить все наличные деньги, которые есть у Гато.

— Да, но нам тоже не помешает наличность. Без нее вся эта недвижимость лишь будет камнем висеть, не принося дохода, — возразил я, — дайте нам хотя бы двадцать-двадцать пять процентов.

Макуто кивнул, подтверждая мои слова.

Мы с Виктором снова начали торговаться. Какаши молчал, глядя на нас с каким-то странным выражением. Дети тоже молчали, не понимая, что происходит.

Наконец, когда мы пришли к окончательному соглашению, Макуто свернул карту и убрал её обратно в рюкзак.

— Значит, решено, — сказал Виктор, протягивая руку. — Мы союзники.

— Союзники, — повторил я, пожимая его руку.

Макуто встал и отошел к стене. Его работа была сделана.

Мы расходились уже далеко за полночь. Макуто шёл рядом со мной, бесшумно ступая по мокрой траве.

— Ирука-сан, — сказал он, когда мы отошли от дома. — Я пойду в город. Завтра рано вставать.

— Хорошо, — ответил я. — Будь осторожен.

Он кивнул и растворился в темноте. Я знал, что он отправится убивать бандитов Гато. Клон остался за него в доме Тадзуны. Никто ничего не заметит.

А я пошёл в свою гостиницу. Завтра начиналась новая игра. И ставки в ней были как никогда высоки.

Глава 24. Фигаро тут, Фигаро там? (продолжение)

Пока Вик прикреплял на спину меч, грузный Буч отполз в сторону так, что выйти можно было лишь протиснувшись боком. Но не-Забузу это не смутило. Он просто подвинул собаку дверью со словами:

— Не лежи на дороге, Гуляш.

Обалдевший пес-тяжеловес отъехал в сторону на коврике. Хлипкая створка только чудом не переломилась, но истошно скрипнула, когда Вик отпустил ручку, закрыв за собой, а Буч отлип от стены, в которую его вжало дверью.

— Гуляш? — переспросил непонятно кого Какаши и глянул на меня.

А я, нервно похихикивая, пожал плечами. Макуто, который стоял в углу, услышав это, чуть заметно кивнул, будто одобряя кличку.

Прокашлявшись, я повернулся к седьмым, а конкретно к Сакуре. И холодно спросил бывшую лучшую ученицу Ируки:

— А теперь, Харуно Сакура, уж постарайся объяснить мне, какие цели ты преследовала, выставляя нас всех дураками перед временным союзником?

— Что? — хлопая круглыми глазками, удивилась девочка, — Я ничего такого не делала!

— ДЕЛАЛА! — рявкнул я. — Какого демона, ты сначала ударила Наруто, а после обозвала собственного командира дураком? Ты понимаешь, в глазах Забузы ты сделала из команды номер семь сборище идиотов, не способных на слаженную командную работу?! Даже если бы все мы были очень сильны по отдельности, такое поведение все равно делало бы нас слабыми в чужих глазах. А со слабыми — не считаются!

Макуто, слушая это, перевел взгляд на Сакуру. В его глазах не было злости, только холодное наблюдение.

— Но, Иру... — Наруто попытался было что-то вставить, но Сакура — то еще дерево. Она его прервала.

— Но я же поддержала вас!!! — с удивленным негодованием вскинулась девчонка, — И к тому же Наруто-бака...

— Бака? — переспросил я, кривясь. — А ничего, что он защищать тебя пытался? Не?

Сакура попыталась еще что-то вякнуть. Я уже не слушал.

— МОЛЧАТЬ! Сейчас говорю я! — кажется, конец моему спокойствию. И так-то чудом сдерживался.

— Я ведь тебе об этом уже говорил! Заставлял книжку с правилами переписывать. Всё без толку! Ты ее даже не открывала, бестолочь! Мне плевать, поддержала или нет, ты нарушила правила и сделала только хуже, подставив нас всех, выставив нас дураками!

Сакура поджала губки, но выглядела она не пристыженной, а скорее обиженной и злой. И это был контрольный выстрел для моего самообладания.

Макуто шагнул вперед и встал рядом со мной. Он не сказал ни слова, но его присутствие заставило Сакуру опустить глаза.

— А ты мордашку-то не криви, — я схватил Сакуру за шкуру и приподнял, как нашкодившего котенка, чтобы не наклоняться, — только невероятная удача не заставила Забузу передумать с нами связываться! — прошипел я.

Наруто рот раскрыл, Саске удивленно хлопал глазками, а Какаши ухмылялся чему-то.

— НЕЛЬЗЯ бить сокомандника, особенно — при посторонних, — сказал я, потряхивая Сакуру в такт словам. — Нельзя называть командира и джонина-сенсея дураком! Если не нравится, скажи — «вы заблуждаетесь», «вы ошибаетесь, я думаю что». В крайнем случае — извинитесь перед тем,

кому ваш командир или сокомандник сказал что-то глупое или непозволительное по этикету. Но никогда! Никогда не ори на своего командира или сокомандников! Этим ты показываешь, что мы — кучка несработавшихся идиотов, неведомо как оказавшихся в одной команде на миссии! Не уважающих друг друга. Тех, кто не доверит сокоманднику спину и не будет следовать общей стратегии. Да если бы из Листа пришли две команды вашего выпуска, то Забуза точно пошел бы со своим предложением не к нам! Потому что те, кто не могут с собственной командой работать, и союзниками будут не лучшими! Это понятно?

В очередной раз встряхнул ее.

— Это понятно?

Сакура захныкала, пытаясь отцепить мою руку. Я встряхнул еще раз и повторил:

— Это понятно?

— Хай (Да), — держась за воротник, пискнула розововолосая хамка.

Отпустив ее, я закрыл глаза, глубоко вздохнул и выдохнул.

— В общем, Сакура, — спокойно сказал я, — никогда больше так не делай. Особенно — при посторонних! Не лезь, если тебя не спрашивают! — задушил в зародыше вновь проснувшееся раздражение. — Вас троих бы всё равно спросили после обсуждения, — добавил, немного успокоившись.

Какаши сидел спокойно, но внутренне хихикал. Его всё это забавляло. Это он зря. Бешенство меня еще не отпустило.

Повернувшись к Какаши, я елеинно спросил:

— Хатаке-сан, а вы командир нашей команды или как?

Получив в ответ недоуменный взгляд, даже не собачий — бараний, я кинул взгляд на детей. Они притихли, уже зная, что такой тон означает неприятности. Снова перевел взгляд на нашего «командира».

Я, не скрывая презрения, медленно и размеренно процедил:

— Вы либо принимаете решения, в том числе и неприятные — вроде сотрудничества с шиноби Тумана, и отвечаете за ВСЁ, либо вы не командир группы.

— Это вы предлагали сотрудничество с нукенином, — начал было Хатаке, — когда оно не нужно.

Макуто подошел к столу и встал за моей спиной. Он не вмешивался, но его присутствие ощущалось.

— Но именно вы, — чуть протянул слово, — завели нас в эту задницу, единственным выходом из которой являлся союз с Момочи, — спокойно сказал я. После чего продолжил. — Не надо недооценивать врага. Будь Охотники чуунинами и будь их меньше семи, союз бы не понадобился. Но их семеро, и трое из них — джонины. Мои опасения не беспочвенны. И еще меня очень нервирует тот факт, что Охотники поддерживают связь с Кумо. Нукенинами их назвать — не совсем верно. Шпионы и группа для выполнения каких-то нелегальных заданий. Больше станет известно, когда допросим кого-то из них.

Какаши нахмурился и, закрыв книгу, положил ее в подсумок. Заволновался, псина? Ну тогда сейчас тебе еще веселее будет!

Я сложил руки в замок, поставил локти на стол и обвел всех взглядом поверх пальцев а-ля Гендо Икари.

— Как вы там говорили, Хатаке-сан? Что я всего лишь жалкий калека-ассистент, которого в вашу команду приткнули из жалости? Так вроде?

Чучело непонимающе уставилось на меня. Дети даже шевельнуться побоялись, но глаза у них стали еще больше, даже у Саске.

— Или я что-то путаю? — почти ласково уточнил я, после чего рывкнул, саданув ладонями по столешнице, — Так почему из этой задницы вытягивать всю команду и вас до кучи должен я один?! Вы даже пальцем не шевельнули, чтобы что-то изменить! Не вызвали подкрепление, не тренировали генинов! Вы ни-че-го не сделали!

Макуто положил руку на эфес танто. Это было простое движение, но Какаши заметил его и на секунду напрягся.

— Вы... — Хатаке решительно встал, сверля меня взглядом. Давил ки пытался, и кулаки сжимал, а желваки даже под маской было видно. Вот только мне уже было наплевать на его показную крутость. У Виктора ки пострашнее было, и ничего — я всё еще жив. А напасть он на меня сейчас не посмеет. Я слишком нужен.

— Ну уж нет! Раз уж вы Сакуру перебивать не стали, то и меня выслушаете! — последнее слово я практически выкрикнул. После чего заговорил куда тише и злее.

— Я не для того рисковал жизнью, работая на Гато и встречаясь с мечником Тумана, чтобы вы наплевали на мою работу и устроили нам коллективное самоубийство! Сделка с Забузой — это единственный шанс для нас, и для Тадзуны, и для его семьи.

Хатаке был не согласен, но не прервал, только сверлил меня взглядом. А дети, кажется, даже дышать боялись, не то что моргнуть невзначай широко распахнутыми глазами.

— И несмотря на это, вы до последнего упирались и чуть не сорвали наш союз. Спасибо Наруто и Саске за то, что этого не случилось.

Генины облегченно выдохнули. Узумаки слегка зарделся от смущения, в то время как Учиха просто фыркнул. Впрочем, тоже со смущением.

— А когда мы наконец начали договариваться, вы снова попытались сорвать обсуждение союза и, ничего не предлагая, просто игнорировали Забузу! — продолжил я, уже успокаиваясь.

Хуже было бы только если бы Хатаке стал настаивать на явно завышенных требованиях.

— Я по-прежнему против заключения союза с нукенином Тумана, — упрямо, с уверенностью в собственной правоте сказал Собакин, — это против правил — сотрудничать с нукенинами.

— Правил? — офигев, переспросил я. Даже набрал воздуха, но передумал убеждать Какаши в обратном, просто махнул рукой и направился к выходу.

— Я дам знать, когда узнаю что-то еще об Охотниках, — сказал уже у дверей, — Спокойной ночи.

Послышался шорох и робкий оклик, но я не обратил внимания и вышел на улицу. Макуто последовал за мной.

Пока я думал о том, как мне «повезло», что моим командиром является «прикольный чудаков человек» Хатаке Какаши, меня нагнал Наруто. На опушке рядом с лесом никого кроме нас не было, но я на всякий случай снова просканировал местность. Никого.

Макуто встал чуть поодаль, прислонившись к дереву. Он не мешал, но и не уходил.

Узумаки ничего не говорил, только смотрел как-то странно, что-то сжимая в кулачке.

— Извини, Наруто, что я там раскричался и чуть не забыл попрощаться, — улыбнулся я мальчику и присел на корточки около него.

— Всё хорошо, Ирука, — тихо отозвался он.

— Нет, не хорошо, — вздохнул, потрепав Наруто по волосам. — Ты совершенно не умеешь врать. Скажи, что не так? Пожалуйста.

Вместо ответа Наруто замямлил и вытянул руку.

— Ирука. Я купил... ээ... вот, — покачал кулаком, явно ожидая, что я протяну руку.

В моей ладони оказался маленький, не больше монетки, металлический шарик с аккуратно выцарапанными иероглифами. Среди них я заметил «удачу», «богатство» и даже «любовь», и еще кучу всевозможных пожеланий.

А нет случайно пожелания: «Помириться с бывшей девушкой прошлого владельца тела»? Я бы тогда себе такой же купил. А то воспоминания-порно фильмы мне покоя не дают уже... Долго!

— Интересная штучка, — улыбнулся, протягивая брелок мелкому, — снова решил Сакуре подарок сделать?

Наруто вдруг убрал руки за спину и замотал головой.

— Это не Сакуре, это тебе!

— Мне? — удивился. — Сегодня какой-то праздник?

Я опустил голову:

— Извини, я забыл. Я исправлюсь. Обещаю, — улыбнулся виновато, судорожно выдумывая, где узнать, что за праздник, что дарят и где это купить в Буревестнике.

Наруто широко улыбнулся и сказал:

— Сегодня нет праздника. Это тебе подарок. На удачу.

— Спасибо, Наруто, — бережно сжал я шарик.

— Я думал, что ты больше не уйдешь, — погрустнел мальчишка. — Я хотел, чтобы у тебя было... что-то... на память обо мне, — смутился, пряча глаза и судорожно вздохнув. — А у меня денег только на брелок было.

— Ну, — пригладил блондинистую макушку, — тихо, чего ты?

— Ты мне столько всего подарил, а я... — срывающимся голосом. — а я...

— Мне абсолютно неважно, сколько стоит этот брелок, главное, что его подарил мне ты, — привычным жестом взъерошил ему волосы, — Дорог не подарок, дорого внимание. Я ведь говорил это раньше. Прости, что не могу остаться, мне нужно идти, — я встал с корточек и потянулся, — Уже поздно, так что спокойной ночи.

— Спокойной, — отозвался мальчик, но сказал он это так неуверенно и неискренне, что я тяжело вздохнул и снова сел рядом.

— Расскажи, что случилось, — улыбнувшись, попросил я мелкого, — Я мысли читать не умею. Только эмоции. И то через пень-колоду.

— Ирука, пожалуйста, будь осторожен, хорошо? — тихо сказал Наруто.

— Я постараюсь, — снова улыбнулся, — честно. Это ведь моя жизнь, не забыл? — подмигнул я, широко улыбнувшись.

— И еще, — Узумаки задумался, формулируя, а потом выпалил, — оставайся собой.

Недоуменно вскинув брови, я сказал:

— Не понимаю.

Макуто подал голос из темноты:

— Он боится, что ты станешь другим. Как тот, кого он знал раньше.

Наруто вздрогнул, но кивнул. Я посмотрел на Макуто, потом на Наруто.

— Глупый, — мягко проговорил я, погладив его по голове, — я никогда не стану таким, как был.

Наруто опустил глаза.

— Прошлый я останется в прошлом, я обещаю.

Еще бы. Я сам запер Ируку где-то в подсознании. И отдавать ему руль я не собираюсь.

— Ты пойми, — продолжил, успокаивающе поглаживая ставшие жесткими от местной солоноватой воды блондинистые вихры, — я же кричал на Какаши и на Сакуру не ради удовольствия. И даже не потому, что хотел их обидеть. А только потому, что не сдержался, не удержал контроль над своими эмоциями, потому что они оба упрямо ведут себя как идиоты и подставляют всех нас.

— Но я ведь тоже вел себя как дурак? — немного отстранившись, начал было Наруто, посмотрев мне в глаза. — Тоже крикнул, когда не спрашивали...

— Наруто, не сравнивай, — поморщился я, как от зубной боли. — Я прежний... Раньше никогда не давал тебе шанса. Никогда ничего не объяснял и не пытался помочь. Ты ведь делал глупости не из вредности и не потому, что плевал на своих одноклассников или меня, как своего

учителя, а потому, что тебе толком ничего не говорили. Не объясняли, почему так, а не иначе.

Я набрал воздуха и, справившись со спазмом в горле, продолжил.

— Сейчас я вижу, что ты учишься на своих и чужих ошибках, становишься умнее. А лучшая ученица и элитный гений-джонин продолжают делать те же самые глупости, игнорируя меня как надоедливую муху и подводя свою, нет, нашу команду. Их действия однажды могут угробить всех нас. А я не хочу, чтобы ты погиб из-за их тупости и самоуверенности. И сам из-за этого погибнуть не хочу.

Наруто задумался, но затем помотал головой и спросил:

— В чем между нами разница? Сакура и Какаши-сан, они...

Я покачал головой, Наруто замолчал.

— Разница в том, что раньше я относился к тебе несправедливо, а к ним теперь — как они этого заслужили. И если они перестанут пытаться своими действиями угробить нас, то я стану относиться к ним как к своей ученице и к своему командиру. С должным уважением. А пока они не заслуживают этого. Им всё равно. Они ни о чем не думают и им на всех наплевать. Да они даже о себе не в состоянии позаботиться. Они — не ты. И не сравнивай себя с ними.

— Ясно... — протянул Наруто, рассматривая что-то под ногами. Он явно сомневался.

Так и не встав, я положил руки ему на плечи и твердо сказал:

— Наруто, посмотри мне в глаза.

Я почувствовал страх, но мальчик сделал, как я попросил. Казалось, достаточно одного неосторожного слова, и Наруто расплечется или убежит. Хотя, скорее уж второе... Или просто не поверит.

Обняв мальчика, я тихо сказал:

— Наруто, я больше никогда не стану тебя обижать и сделаю всё, чтобы не позволить этого другим. И кричать на тебя никогда-никогда не буду. Ну, я буду очень стараться...

— Обещаешь? — шмыгнул он носом, сморгнув слепшими от слез ресницами.

— Обещаю, — коротко ответил я.

Макуто отклеился от дерева и подошел ближе.

— Наруто, он не врет, — сказал он. — Я вижу.

Наруто кивнул, вытер глаза рукавом и после зевка добавил:

— Ирука, я пойду.

— Иди, — ответил я. — Спокойной ночи.

— Спокойной...

Брелок я положил во внутренний карман куртки и застегнул замок до упора. Потерять подарок Наруто мне совсем не хотелось.

Макуто остался стоять.

— Ирука-сан, — сказал он, — я пойду в город. Клон останется здесь. Если что — даст знать.

— Будь осторожен, — ответил я.

Он кивнул и растворился в темноте. Я знал, что он отправился на дело. Охотники прибывали сегодня, и нужно было уменьшить число бандитов Гато, чтобы они не смогли оказать серьезного сопротивления.

Казалось, до гостиницы я добирался целую вечность. Приходилось осторожничать и внимательно смотреть под ноги. Дождь усилился, и черепица норовила выскользнуть из-под ног, как живая.

Мокрый и раздраженный, я развеял клонов, швырнув в них два куная. Воспоминание-боль, пришедшее от них, немного меня отрезвило.

Я хотел было лечь прямо в одежде, но вовремя почуял вонь. Пока еще слабый духан потного тела. Выложив всё из карманов, швырнул одежду в раковину.

— Клон постирает, а я могу пока поносить форму, только хенге главное не забыть. А даже если оно и слетит — не страшно.

Отодвинув брелок подальше от края стула, чтобы не упал, если я во сне руки раскину, я позволил себе закрыть глаза.

Следующий день прошел в бестолковой беготне с бумажками к каким-то из приемной дайме. В бумаги заглянуть я решил после того, как схожу к Вику.

Вечером я направился к Виктору. Мне нужно было уточнить, как сильно он собирался нас нагреть и почему. Нет, я, конечно, и не собирался предлагать ему работать за бесплатно, но не всю же добычу ему отдавать!

Кроме того, со мной в последнее время действительно что-то происходит. И способ избавиться от предыдущего хозяина тела будет совсем не лишним. А то мало ли что...

Еще на полянке у города я наколдовал себе хенге бойца Тумана, под которым я был в гостях у не-Забузы в прошлые разы.

— Привет, — сказал я, оглядываясь. В комнате почему-то никого не было.

— Тише, — Вика я обнаружил сидящим в кресле. Уютный такой уголок с небольшим стеллажом, лампой под оранжевым жестким абажуром и плетеным креслом.

Я хихикнул. В эту композицию сам читатель вписывался слабо: крохотное кресло, огромный Виктор и маленький плед, из-под которого торчат лапы минимум сорок пятого размера.

— И тебе, — сказал мне Виктор, отрываясь от какого-то свитка.

— Я пришел узнать, как ты тут после переговоров и какие у нас планы. Ну и узнать, как сильно ты собирался нас ограбить.

И как избавиться от сожителя по тушке, но это может подождать. Хоть и недолго.

— Ясно, — кивнул Виктор. — Грабить я собирался не вас, а Лист и твоего тупого как бревно командира. Не хочет он денег — его это проблемы. А потом налог, доли детям и Хатаке... Со всеми делиться — никаких денег не хватит.

А ведь о налоге на самостоятельно взятых миссиях я и забыл. Он был небольшим по сравнению с тем, который брала себе Деревня за выданные ею миссии, но платить его всё равно надо было, раз уж носишь протектор Конохагуре. Тем временем соотечественник продолжил:

— А тебе явно премия не помешает. За вредность. У тебя не команда, а зоопарк какой-то. Идиот Хатаке, который вроде бы командир, но беспредельно безответственная скотина — сам ничего не делает и тебе не дает. Милая розовая девочка, — с сарказмом добавил Виктор, — которая пинает товарища, орет на командира и лезет туда, где ее мнения не спрашивают. Причем всё — при посторонних. И на сладкое — ваше собственное руководство, которое вас спокойно на убой отправило. Просто сказка какая-то!

— Всё понимаю, но деваться некуда, — ответил, флегматично пожав плечами. — Какаши уже не перевоспитать — взрослые люди не поддаются дрессировке. А милая девочка Сакура не видит во мне авторитет и слушаться не станет. Я пытался на нее повлиять, но безуспешно. Видимо, надо было ей всё мануально разъяснять. Затрещинами. Только тогда меня не поймет Наруто. Да и Хатаке вмешается.

Развел руками.

— Но хватит о наших баранах. Давай лучше про премию договаривайся.

Усмехнувшись, Не-Забуза сказал:

— Про несостоявшуюся премию. Я мог бы выторговать большую долю и потом заплатить лично тебе, неофициально, так сказать. Поскольку доли мы не обговорили заранее, а Хатаке вел себя как табуретка, то я надеялся, что ты меня поймешь, — с недовольством сказал Забуза. — Но ты,

студент, какой-то недогадливый. Что, небось, никогда взятки не давал и госбабло не осваивал? — с иронией поинтересовался Виктор.

— Взятки — давал, а народное добро пилить не доводилось... Пробел в знаниях, да... — слегка офигев, пробормотал я. Но быстро нашелся и съязвил:

— Как-то обходился без этого жизненно важного навыка! — пожал плечами.

— Ну и сам дурак, — ответил соотечественник.

Я на несколько минут застыл, продумывая, что сказать. Поначалу я действительно устыдился, что ступил, но потом понял, что ступил я удачно.

— И не говори, но, — я наставительно выставил указательный палец, — как бы я объяснял каге и его компашке, откуда у меня взялось столько денег? А?

— А что, кто-то стал бы интересоваться? — скептически изогнул бровь не-Забуза.

— Да. Так что всё получилось как нельзя лучше. Если вдруг у меня после такой миссии возникнет много денег — у меня будут проблемы. Хирузен и так явно имеет ко мне какие-то претензии. Я в Листе под колпаком был. И еще долго буду, так как я опекаю джинчурики. Кстати, я смотрю, Хаку тут нет?

— Он спит, — Вик пустил чакру в небольшой листик, который вытащил из томика, что лежал у него на коленях, — а если нет, то всё равно не услышит.

Знакомое ощущение звенящей тишины и покалывания в пальцах быстро прошло.

— А почему с бумажки техника?

Вик пояснил, что мастера, которые изготавливают эти заглушки, не колются и не делятся. Им интереснее и выгоднее продавать бумажки, чем выучить кого-то, хоть и за большие деньги, этой технике.

— Ясно. Сколько заглушка продержится?

— Полчаса, может больше, если ее не трогать и самим не двигаться.

— Понял, этого хватит. Я сейчас расскажу тебе всё, что помню из канона о Тумане, а ты мне расскажешь о том, что у тебя там с настоящим Забузой произошло.

Виктор задумался и кивнул, приготовившись слушать.

Я рассказал, что на Ягуру влиял некто Тоби, который, на самом деле, Учиха Обито, бывший генин Конохи и не сдохший до конца ученик Четвертого Хокаге.

— Жаль, что козел Кишимото писал так медленно, а я помер так рано — так и не узнал, чем тут всё кончится, — развел руками, — Боюсь, что финал мы узнаем на своей шкуре. Я видел только, как его маску сломали.

Новостям Не-Забуза, мягко говоря, не обрадовался.

— Значит, психопат-джинчурики в теле ребенка мог устроить резню не только по своей инициативе, — медленно, точно слова давались ему с трудом, сказал Виктор. — Найти бы этого ублюдка Учиху и убить. Медленно, с чувством, толком, расстановкой и фантазией.

— Обоих. И прадедушку, и правнука его. Но пока забудь об этом, Вик. Этот Тоби слишком опасен. Даже для тебя. Тем более что я точно не знаю, где прячется сам Мадара и жив ли он вообще. Скорее всего — нет. В четвертой войне он в виде воскрешенного трупа бегал.

— Ясно.

— Так, — задумался, — и еще, когда захватите Ягуру, не дайте Треххвостому сбежать — за ним будут охотиться Акацуки. Не облегчайте им задачу. Да, кстати, следите за учителем джинчурики шестихвостого. У старика в каноне съехала крыша, и он решил то ли перезапечатать биджу в кого-то другого, то ли еще что сделать с печатью.

— Это всё? — спросил Вик, записывая по-русски ключевые моменты, по которым предстояло ориентироваться, пока я копался в памяти.

— Райга, мечник, из ваших, с двумя артефактными клинками. Кажется, они Киба — Клыки назывались.

— Погоди, как ты сказал? Райга? Не Ринго?

— Нет, Райга. У него еще стихия молнии. Он вроде был из вашего АНБУ...

Вик замотал головой и скривился.

— Не знаю, откуда ты взял эту чушь, но среди мечников не было ни одного Райги. Может, ты что-то путаешь?

— Ну-у, — протянул я, почесывая ту канаву поперек носа, которая шрам.

— Мечи-Клыки — есть, но носила их Амеюри Ринго. Ринго, не Райга.

— Мда. Я понял, — оставил нос в покое. — А она рыжая, зубастая и с двумя хвостиками? Они еще у нее вверх и вниз торчат.

— Угадал, — усмехнулся не-Забуза. После чего уточнил:

— Значит, твое знание не абсолютно?

— Не совсем. Клыки-то — есть. Я спутал основную историю с филлерами. Там, насколько я понял, Райга Клыки спер. Но раз ты говорит, что он не мечник, то тогда...

— С чем спутал? — перебил меня Вик.

— С филлерами. Это дополнительные серии аниме, мультиков этих. Ну, это отсебятина не от автора истории. Блин! — почесал в затылке. — О! Есть книга, допустим «Мертвые души», в книгу вставили лишние листы, написанные о тех же героях, что и в книге, но не Гоголем. И от этих вставок основной сюжет не изменяется. А сами они служат только для того, чтобы книжка была толще и ее дольше читали.

— Бред какой-то, — выдохнул Вик.

— Угу, — не стал я спорить.

Мы немного помолчали, и я решил задать давно мучающий меня вопрос:

— Вик, как ты избавился от оригинального, — замялся я, — владельца этой тушки? И как ты получил его навыки? Ты же не сам всему научился? Мне действительно важно это знать.

— Хм, а ты разве ничего не получил?

Полюбовавшись на то, как я мотаю башкой, не-Забуза удивленно фыркнул и начал рассказ:

— Помнишь, я тебе уже говорил, что после неудачной попытки сменить власть мечник сломался?

Я кивнул:

— Да, что-то припоминаю.

— Ну, так вот, Забуза потерял волю к жизни, цель и начал делать ошибки и срываться на Хаку. Тот ведь для него только оружием был, а опекал и дрессировал он его скорее как сторожевую собаку. Просто потому что надо. И когда я понял, что еще немного, и Момочи и сам сдохнет, и пацана на тот свет утянет...

Я дал бой. И уже сломанный поражением от Ягуры Мечник мне проиграл. Я пообещал ему, что добьюсь его целей, убью Ягуру. Что Момочи Забуза станет героем.

— Героем? — похлопал я глазами. — Кто бы мог подумать...

Тем временем Виктор продолжал, углубившись в воспоминания.

— Он тогда — вздохнул, — сказал мне: «Удачи... Сделай то, что не получилось у меня». И словно истаял. Пропал. Но я понял, что душа его не ушла... Он остался, где-то глубоко. Стал частью меня.

А сейчас уже сложно понять, где начинается Виктор и кончается Забуза. Только иногда я его слышу, — сказал, улыбаясь чему-то своему, — зудит над ухом, как Совесть.

— Мне такой исход точно не грозит. Ирука тоже разочаровался в жизни, но цепляется непонятно за что и меня демоном называет, — усмехнулся,

— хотя от истины он, может, не слишком далек. Как нас еще назвать, как не злыми духами?

— Екаями? — подсказал Виктор. — Хаку что-то рассказывал такое. Только я из головы выбросил сразу, как услышал — не до того было.

— Аякаси, скорее уж, — судя по взгляду, меня не поняли.

— Аякаси — нечисть, которая получается из людей, а екай — нечисть, которая человеком не была никогда, — уточнил я. — Если я ничего не путаю. Просто одно время увлекался культурой Японии. Система верований прикольная: куча божков, демонов всевозможных, которых в пьяном угаре не каждый художник выдумает. Живой зонтик, невидимка, который в двери зайти мешает.

— Много ты всего знаешь, — заметил Виктор.

— Вот уж не думаю, что классификация японской нечисти мне сильно в будущем поможет, — вздохнув, отмахнулся я.

— Ну да, лучше бы ты помнил, как автомат Калашникова на коленке сделать, — подколот меня Виктор. — Чем помнил всякую ерунду.

Я только развел руками.

— Чем богаты, тем и рады. А автомат сделать не могу, к сожалению.

— Ну ничего. Знание будущего тоже может пригодиться, — оптимистично подвел итоги земляк.

Потом мы еще немного поговорили о бандитах, о том, как мне его советыгодились, особенно — когда я зачищал Тихий Холм. Виктор мои действия одобрил и зачитал мне короткую версию о том, о чем я еще не должен забывать, пока являюсь главарем банды.

Уже уходя, я спросил:

— А почему ты Буча назвал «Гуляш»?

Засмеявшись, Виктор пояснил, что так собак называли в Средней Азии. В честь главного блюда из них. Самая распространенная кличка была, как у нас — Шарик.

Отсмеявшись, я распрощался с Виком и помчался в город. Мне еще предстояло лезть в кабинет Гада, чтобы просмотреть бумаги, которые я принес от чинуш дайме.

К сожалению, для меня в бумагах особо ценной информации не было. А то, что было бы интересно Вику, я записал в блокнот и направился обратно в гостиницу.

В коридоре я столкнулся с Макуто. Он был в своём обличье Иго — помощника из Водопада. Одежда была в грязи, на щеке — свежая царапина.

— Всё? — спросил я.

— Всё, — ответил он. — Три патруля. Восемь человек. Никто не узнает до утра.

— Хорошо, — кивнул я. — Иди отдохни.

Он кивнул и ушел в свою комнату. Я знал, что клон, которого он оставил в доме Тадзуны, будет спать на его месте. Никто ничего не заметит.

Утром, отметив, что за столом, который стоял перед дверями кабинета, снова никого нет, я кивнул на него скучающим ронином:

— А разве тут не должна секретарша сидеть?

— Тебе какое дело?

Меченосцы меня терпеть не могли, и это было прекрасно понятно по их недружелюбным мордам.

— Ну-ка, что ты там вякнул, калека, — подошел я к одноглазому.

Тот посмотрел на меня сверху вниз и процедил:

— Что слыш...

Вот зря он меня так близко подпустил, да еще и за катану схватился.

Первый удар — левой, ребром ладони, под нос — задрал голову Варадзи. А последовавший в ту же секунду второй, кулаком правой в горло, доказал

правильность поговорки «чем больше шкаф, тем громче он падает». Упав, одноглазый схватился руками за горло.

— Ничего страшного, — жестом остановил я второго, — трахея не повреждена, жить будет. Вот только драться в ближайшее время не сможет.

А у меня скоро комплекс разовьется. Вику я до плеча не достаю, этот Варадзи выше меня на целую голову! Блин, надо около Гато постоять, может, отпустит...

Беловолосый бодигард еще раз взглянул на своего коллегу и медленно убрал катану обратно и, поклонившись, пробормотал:

— Простите, босс. Варадзи был не прав.

Но ты так не считаешь... Хм, а Зори ниже меня. Ладно. Живи пока.

— То-то же, — сказал я и без стука зашел в кабинет.

— Доброго утра! — широко улыбнулся. — Гато-сама.

— Дбр...бры, — пробормотал магнат, перебирая какие-то бумажки. Очередной листок он придавил массивным пресс-папье. Поначалу мне показалось, что оно изображало волну, но на самом деле это был сгорбленный мужик с закрытыми глазами в ворохе каких-то тряпок.

Разобравшись с макулатурой, Гато выдернул из-под деревянного бомжа лист и протянул его мне.

— Чего там за шум был? — указал он кивком головы на входную дверь.

— Варадзи забыл, что вы назначили меня начальником охраны и что он теперь мой подчиненный. Пришлось напомнить. Жить будет.

— А со вторым что? — безучастно поинтересовался Гато.

— Ничего. Зори оказался умнее и извинился. Впрочем, я бы в любом случае не оставил вас без охраны, Гато-сама.

Тот одобрительно кивнул, подумал немного, после чего командным тоном сказал:

— Охотники придут в Сидзуоки сегодня днем. Ты должен будешь проследить за ними и доложить мне.

— Что конкретно доложить? Кто из них кто? Или же вы хотите узнать мое мнение по поводу их подготовки?

— Я хочу знать всё. Смогут ли они убить охрану дайме Волн. И на всякий случай — сколько нам понадобится людей, чтобы их убить, если что.

— Подождите, Гато-сама. Я узнаю примерную силу этих охотников, но мне пока не с чем их будет сравнивать.

Гато снял очки и потер переносицу:

— Поясни.

— Я не знаю, какие силы у дайме, и только приблизительно знаю, какие силы у нас, — выделил голосом. — Я начальник вашей охраны, но мне никто так и не давал точных данных по нашим наемникам, и задачи такой вы не ставили. Я, если помните, был занят другими вашими вопросами. Я должен буду разобраться и узнать, сколько сил у нас и у дайме.

— Ну тогда разбирайся! — буркнул карлик. — Сегодня этим и займись.

Потом он дочитал какой-то отчет и нажал на кнопку звонка.

Буквально через пару минут, словно из-под земли, возникли две молодые женщины: миниатюрная платиновая блондинка с большими рыбьими глазами и немного пухленькая брюнетка, но с располагающей улыбкой. Гато им даже слова сказать не дал, сразу начал орать. Женщины краснели, бледнели, кивали, как китайские болванчики, и иногда мотали головой, но выслушивали, молча изображая, довольно ненатурально, ужас.

Но когда Гато сказал:

— Я вас самих в рабство продам, чтобы возместить!..

Вот тогда их проняло по-настоящему.

Надо сказать, что магнат любил покричать на нерадивых, и многие к истерикам этим привыкли. А я — нет.

Ушки мои ушки... да заткнись ты уже!

Вдоволь наоравшись, магнат отослал брюнетку, а блондинку попросил вернуться за второй порцией бумаг.

Когда та пришла, я чуть не подавился печеньем.

— Нэо, милая, принеси еще чая, — сально лыбнулся Гато, назвав девушку по имени.

И спаси человек от компов! — закашлялся. — Узеджи Нэо — честный кролик! Это же почти как белый кролик, за которым надо было идти Нео!

Вручив блондинке папку и коробку с бумагами, Гато послал ее в архив.

— Так что насчет дайме? — дождавшись щелчка замка, спросил я.

— Фу, какой-то ты серьезный, — мечтательно пялясь на дверь, вдруг протянул магнат.

— Э? Чо? — вполне искренне удивился я.

Гатыч кхекнул, поправил галстук и сказал уже нормально:

— У дайме в казармах кодла отдыхающих нукенинов-вольных шиноби, да кое-как обученное ополчение. Очень небольшое.

— Кодла — это сколько? — не унимался я. — Небольшое?

— Три-четыре человека. Вернешься, я расскажу подробнее, сейчас этих бумаг нет под руками.

— Ясно. Тогда я пойду, Гато-сама.

Магнат сделал ручкой и пошел к окну. Пожав плечами, я вышел и чуть не навернулся через ползающего по полу ронина. Не удержавшись, от души, хоть и без чакры, пнул Варадзи под зад.

— Свали с дороги!

— Да я тебя!

Рыкнув, смуглый, едва встав на колени, попытался было достать катану, но, увидев обидчика, сдулся.

— Не надо! Пожалуйста, мальчики! — жалобно заголосила Нэо.

И тут я заметил, что на полу коридора перед кабинетом разбросаны бумаги, которые Честная собирала в коробку, стоя на коленях. А я, как оказалось, пнул ее помощника.

Оглядевшись, я убрал оружие и показал пустые ладони ронину.

— Стоп. Извини, верзила, думал, ты ужрался в хлам, что до сих пор по полу на четырех костях ползаешь.

Второй ронин прыснул, натянув свою фиолетовую тюбетейку на лицо. Так я понял, что друзьями этих двоих назвать было нельзя.

— Да я! Да я! — пытался что-то сказать одноглазый.

— Остынь, — положил руку на плечо смуглого, пряча ухмылку.

Тот дернул плечом, сбрасывая руку, и громко щелкнул цубой катаны о ножны.

Пока мы выясняли отношения, блондинка успела собрать свои бумажки и поблагодарить ронина.

Подобрав с пола пару листков, я отдал их девушке и извинился. Она похлопала глазками и предложила помочь ей донести коробку. Так сказать, в возмещение морального ущерба. Согласился, чего уж там, я действительно виноват. Потому как те бумаги я из-под своего ботинка вытаскивал. Остался мокрый след. Повезло ей, что я по крышам скакал, а не по грязище напрямик топал.

Краем уха слушая девушку, я не сразу сообразил, что она щебечет, прижимаясь к моему предплечью грудью. Когда она успела расстегнуть пару пуговиц на блузе, я даже не заметил.

— А я тебя раньше не видела, — томно закатывая глаза, сказала Нэо, — как тебя зовут?

— Иг, — хрипло отозвался я (отсутствие подруги давало о себе знать). — Извини, но я опаздываю, — вручил оторопевшей блондинке коробку и сбежал.

Приятно, конечно, но было бы приятнее, если бы терлась, например, Анко, а не эта мутноглазая рыба! Которую Гато лапал. Мне с ним проблемы не нужны. Да и вообще, я, может, скоро ее и ее подруг-друзей убивать буду. Лучше держать дистанцию.

Больше всего удручало не то, что на Крольчиху положил глаз Гато, а то, что она была далеко не красавицей, а я как озабоченный школьник тут же завелся.

Вернусь, попробую замутить с Анко. Если ничего не получится, есть еще Миюри, в самом крайнем случае — две девушки из банка... — скорчил кислую мину. — Ну зачем я тогда ляпнул, что ее не знаю?! Язык — враг мой.

Ночью Макуто снова ушел. Я не спрашивал куда. Он оставил клона в доме Тадзуны, а сам в образе помощника из Водопада отправился на дело. Я знал, что он будет резать бандитов. Тихими, бесшумными ударами. Убирать тех, кто мог оказать сопротивление, когда мы пойдем к Гато.

Он вернулся под утро. Усталый, но живой. Я встретил его в коридоре гостиницы.

— Всё? — спросил я.

— Не всё, — ответил он. — Но достаточно. Остатки разбегутся, когда увидят, что Гато мертв.

— Хорошо, — кивнул я. — Иди отдыхай.

Он кивнул и ушел. Я знал, что завтра будет трудный день. Охотники прибыли. Нужно было готовиться к финальной схватке.

Глава 25. Охотники?

Потянулись скучные, но прибыльные трудовые будни консультанта, курьера, советника и главного бригадира всего «войска» магната. Иногда я посылал кота-клона с пищевым свитком внутри, чтобы Цунами лишний

раз не моталась на рынок. Идея спрятать что-то внутри теневого клона возникла, когда я учился создавать котов-шпионов. Методом проб и ошибок я понял, как создавать чакра-конструкты с полостями внутри. Теперь вот подкармливал седьмых.

Макуто, который в этот раз был в образе помощника из Водопада, сидел на подоконнике и перебирал бумаги, которые я принес из архива. Он работал быстро, раскладывая листы по стопкам: нужные, сомнительные, бесполезные. Я даже не просил его об этом — он просто молча делал, и я не мешал.

А то пришлось на днях спасти Цунами от бригады, которая дежурила на базаре около центра. Просто чудо, что я решил срезать по крышам! Макуто тогда был со мной — он заметил бригаду раньше, чем я, и тихо свистнул, привлекая внимание. Так хотелось отвесить Сакуре-растяпе подзатыльник за то, что не уследила за целью. Но пришлось душу отводить на бандитах.

— На рынках шляется? Брюхи отжирате? — рявкнул я.

Бандиты синхронно обернулись, а Цунами схватила паршиво замаскированную под горожанку Сакуру и поспешила скрыться. Не, ну и кто кого защищает, а? Макуто остался стоять на крыше, наблюдая за разбегающимися бандитами. Он не вмешивался, но его присутствие ощущалось — холодное, выжидающее.

— Собой бы, что ли, занялись, — брезгливо разглядывая бандитов, протянул я. Те недоуменно переглянулись, кто-то даже у виска пальцем покрутил.

— Знаю! — ухмыльнувшись, я хлопнул кулаком по раскрытой ладони. — Ай-да за мной, потренирую! — и крепко схватил за шкирятник заводил, чтобы увести.

— Не хотим! — замотали они головами.

— Зато я хочу! — сказал, как нечто само собой разумеющееся, и придавив их ки. — Гато нужны бойцы, а не ленивые свиньи!

И весь десяток послушно потащился за мной, как стадо баранов. Забавно. Ведь они считали себя воинами, настоящими хищниками, которые не просто имели право, а обязаны были стричь и резать скот. Скотом они считали тех, кто не идет по жизни с мечом. Мрази свято верили, что таков миропорядок и всегда готовы были убить или искалечить тех, кто посмел им возразить, встать у них на пути. Сказок о том, что все бандиты трусы и побегут при первом же сопротивлении, они явно не слышали. Все эти бандиты готовы были драться со своими жертвами, чтобы доказать, что сильный и правый — это одно и то же. По логике бандитского зверья, я был еще больший хищник, чем они. Ведь я был шиноби и приближенный самого Гато, они попросту боялись мне перечить. Меня одного боялась целая дюжина рыл. Виктор знал, о чем говорил.

Понаблюдав, как после всего лишь двухчасовой тренировки романтики с большой дороги буквально расплзаются в разные стороны, я позволил себе улыбнуться. Тренировка в состоянии испуга и дикой спешки — это травмы и растяжения. Как минимум пара человек будет долго лечиться, а остальные на несколько дней поубавят прыти. Это только в тупом кино можно заставить группу из десятка-двух взрослых людей до упора заниматься физическими упражнениями, и всё у них будет хорошо. Не будет. Причем достаточно долго. И это к лучшему.

Макуто спрыгнул с подоконника, сунул мне в руки стопку отобранных бумаг.

— Это может пригодиться, — сказал он. — Списки наемников, которые числятся в десятках, но уже полгода не получают жалованье.

— Откуда знаешь? — спросил я, просматривая его пометки.

— Проверил по ведомостям. Они мертвы или ушли. Гато платит за воздух.

Я хмыкнул. Парень был дотошен.

Еще раз окинув взглядом еле живых бандюков, я направился в вотчину клерков. У них мне нужно было выяснить: в чьем десятке состоял Сусуми, сколько еще бандитов ушло со службы магната и бандитствует самостоятельно. Не хотелось мне зачищать Страну Волн от гатовских и не гатовских мразей самому. А Хатаке этого делать не будет. Да и мало кто

бы стал — ведь за это не заплатили. А когда мы убьем Охотников и Гато, нам будет не до бандитов. Да и гоняться за каждым — не сильно хочется.

Макуто пошел со мной. Он нес коробку с бумагами, которые мы забрали из архива, и молча следовал за мной, пока я разговаривал с клерками. Архивариус, строгая сухонькая женщина с седыми, будто присыпанными пудрой бровями, выслушав мою просьбу, не сказав ни слова, бесшумно нырнула в коридор между стеллажами и так же бесшумно вернулась, сгибаясь под тяжестью большой картонной коробки. Макуто перехватил у нее коробку, поставил на стол и молча отошел к окну.

Стол мне отвели здесь же, в архиве, у выходящего на внутренний дворик окна. Архивариус поставила передо мной стакан с остроотточенными карандашами, пачку бумаги для заметок и растворилась в закоулках архива.

Из коробка я достал шесть томов, аккуратно переплетенных в воощеный, цвета картофельной шелухи, картон. Мне пришлось поднять архивы за последние три месяца, чтобы найти ответы на возникшие у меня вопросы: Где больше всего бандитов в Стране Волн? Почему Сусуми совсем недавно еще числился среди бандитов Гато, если он уже давно ушел на вольные хлеба? Сколько же на самом деле людей у магната?

Макуто стоял у окна, прислонившись к косяку, и смотрел на улицу. Я знал, что он не спит — он слушал, запоминал, анализировал.

Чтобы понять, сколько реальных бойцов, а сколько ушло, мне пришлось пролистать бухгалтерскую книгу. Реальная цифра по-прежнему осталась мне неизвестной, но странностей нашлось предостаточно. Список нанятых бандитов рос с каждым месяцем, но при этом потерь почти не было. За последние три месяца, якобы, был отмечен один, только один случай поножовщины с семьей покойниками в итоге. Ни тебе уволившихся, ни утопленника-командира, ни жертв пьяных драк, ни убитых местными. И это при том, что я сам пару раз видел, как из-за ссоры на пару рож уменьшилось войско Гато у какой-то забегаловки.

Если количество «охранников» намного меньше реального, то у меня есть хороший план того, как еще больше его урезать. Причем — без риска для себя. Был еще и шанс, хоть и небольшой, что я бы смог узнать гораздо

больше о том, куда и как идут деньги, и чем Гато в действительности владеет в Волнах. Теоретически, это было возможно. Ведь бандиты жрут в заведениях Гато, и уже по одному этому можно будет сделать какие-то выводы.

— Ну что же, я найду способ применить этот бардак к своей пользе, — задумчиво постукивая пальцами, пробормотал я по-русски.

Макуто повернул голову, посмотрел на меня, но ничего не сказал. Он уже привык к тому, что иногда я говорю на непонятном языке.

— Но Гато о моих выводах знать не стоит — а то он за две недели сможет набрать если не армию, то солидный отряд. Мне это не нужно.

Закрыв блокнот, я отнес списки старушке, а вот один из ластиков прихватил с собой, как и стопку бумаг. На работе ты не гость, утащи хотя бы гвоздь. Да и порисовать хочется, так хоть будет на чем. Макуто забрал у меня коробку и понес её к выходу.

Следующим утром, отметив, что за столом, который стоял перед дверями кабинета, снова никого нет, я кивнул на него решившим поспать на посту ронинам.

— Секретарши снова нет?

— Тебе какое дело? — буркнул спросонья ронин-подратый-кот.

— Опять бузишь, Вараджи, — подошел я вплотную к одноглазому.

Его товарищ заинтересованно приоткрыл один глаз. Калека посмотрел на меня сверху вниз и процедил:

— Я тебя не бою...

Одноглазому снова прилетело в горло. А я, переступив через него, смерил взглядом блондина. Зори убрал катану и, поклонившись, пробормотал:

— Простите, босс. Варадзи был не прав.

— Уже слышал, — бросил я и без стука зашел в кабинет.

На несколько мгновений помещение озарил яркий солнечный свет, заиграв сотней бликов на позолоте мебели, на шторах и даже обоях. Всё блестело так, что мне пришлось прикрыть глаза, к счастью солнце снова зашло за тучи.

Макуто остался в коридоре. Я знал, что он проверит, не подслушивает ли кто.

— Доброго утра! — широко улыбнулся я. — Гато-сама.

— Дбр...бры — пробормотал магнат, перебирая какие-то бумажки.

Разобравшись с макулатурой, Гато выдернул из-под деревянного бомжа лист и протянул его мне. В это время мимо меня прошла низенькая девушка, оставляя за собой шлейф из приторно-цветочного аромата.

— Чего там за шум, — указал он кивком головы на входную дверь.

— У Варадзи склероз, — сказал я, краем глаза наблюдая за девушкой. — Пришлось напомнить, что я его начальство. Жить будет.

— А второй? — поинтересовался Гато для галочки, постукивая ручкой ножа для писем по столу.

Блондинка, которая крутилась около стола, настороженно замерла, еще ниже опустив голову, так, что длинная челка, примерно, как у Ино, теперь касалась груди. Светло-русые локоны, стянутые бежевой лентой, закрывали ее спину, казалось, бант сполз и вот-вот упадет на пол. Рапунцель.

— Иго, со вторым что? — повторил босс.

— С Зори? Охраняет, — отвлекся я от рассматривания фигурки секретарши.

— Ладно. У меня для тебя новое задание.

Моя жизнь шпиона продолжается. Прямо какой-то День сурка шиноби-бандита! Снова встал, снова дал в рыло подчиненному. За что? Было бы за что — вообще бы убил!

Пока я доставал блокнот, Гато быстро шлепнул печать на первую в стопке бумажку и блондинистую секретаршу по вторым девяносто своей короткопалой ручкой. Та негромко взвизгнув, собрала папки и проплыла мимо меня, виляя задом. Зрелище получилось малоаппетитное, но смешное. Девушка, скорее даже молодая женщина, меня разочаровала. Я уже нафантазировал к аккуратной фигурке ангельское личико, но реальность была далека от фантазий. На круглом, как блин лице, черными ресницами хлопали мутновато-серые глазищи, чуть ниже едва угадывался вздернутый носик и два вареника, намазанные ярко-красной помадой. Казалось, кто-то хотел сделать живую куклу, но переоценил свои возможности и получилось... То, что получилось.

Но Гато, похоже, был в восторге, только что не свистел в след и слюни не пускал. А я сделал вид, что меня происходящее за окном интересовало гораздо больше. А еще богатой будет Нэо, я ее не узнал с новой прической и в другом костюме. В прошлый раз лица ее не разглядел, не до того было.

Макуто зашел в кабинет через минуту, тихо притворив за собой дверь. Он встал у стены, скрестив руки на груди, и замер.

Сразу после того, как мутноглазая вышла, мне пришлось выслушать всякую ерунду по поводу доставки разных бумаг. Пару объемных папок даже пришлось запечатать на глазах у Гато, потому что они не вмещались в мою сумку. Магнат жадно смотрел на свитки, но интерес к ним быстро угас, когда я подтвердил, что без чакры ни открыть, ни запечатать ничего не выйдет.

Когда все нужные мне данные оказались в блокноте, в кабинет постучался и вошел худой мужчина. При первом взгляде на него вспомнились офисные работники: кипенно-белая рубашечка, темные серо-синие брюки, идеально вычищенные ботинки, очки в роговой оправе и зализанная до блеска черная шевелюра с проседью и намечающейся лысиной. Макуто проводил его взглядом, оценивая.

— Тогда я пойду, — намекая на нового посетителя, сказал я, — Гато-сама.

Магнат сделал ручкой, а худой, чуть ссутулившись, опасливо прошел мимо меня, доставая какую-то бумагу из папки, которую он сжимал, как спасательный круг.

Мы вышли. Макуто закрыл дверь.

— Секретарша, — сказал он, когда мы отошли достаточно далеко, — она интересовалась тобой. Спрашивала, откуда ты и кто.

— Я знаю, — ответил я. — Она подозрительная.

— Я послежу за ней, — сказал Макуто и свернул в другой коридор.

Снова потянулись скучные бандитские миссии. Беготня с особо ценными посылками, знакомство с ключевыми работниками компании, разведка котами и, конечно же, тренировки. Иногда я тренировался у моря на грязном пляже у заброшенного деревянного причала, но чаще улучшал контроль, медитируя в номере, пока клоны шатались по городу.

Макуто тренировался отдельно. Он уходил на пустынный берег и часами отрабатывал удары с деревянным мечом. Я иногда следил за ним, но не вмешивался. Он знал, что делал.

Небо только начало темнеть, а у меня на руках уже были нужные Гаду бумажки. Так уж получилось, что я умудрился управиться с заданиями на два дня за один. Чему-то ухмыляясь, ронины разошлись в стороны, а я постучал в дверь, уже ее открыв.

Я застал Гато в кабинете, но был он не один, а в компании мутноглазой блондинки и графина из темного стекла.

— Опс! Извините, Гато-сама, — понимающе улыбнулся я и выложил бумаги на диван у дверей. — Оставлю это здесь. Приятного вечера.

Гато явно был раздосадован тем, что я ввалился, нарушив такой интимный момент, хотя и не подавал виду. Но от меня свои эмоции он скрыть не мог.

— Иди сюда. Выпей с нами, Иг, — вдруг сказал коротышка, не очень достоверно изображая радушие.

Я вежливо отказался, сказав, что третий в этой компании будет лишним. Ну не мог я сказать, что не пью. Отсутствие подобной вредной привычки мою репутацию опустило бы сразу на несколько пунктов. Да и Гато особо не опечалился.

Магнат одобрительно кивнул, подумал немного, после чего командным тоном сказал:

— Охотники прибыли в Сидзуоки сегодня вечером. Ты должен будешь проследить за ними и доложить мне.

Я удивленно посмотрел на девушку, снова на Гато. Но он был слишком пьян, чтобы здоровая паранойя имела свой вес в принятии решений.

— Когда именно? — спросил я.

— Завтра днем. Будешь изображать из себя десятника, который командует носильщикам и записывает пожелания господ шиноби, — проинформировал меня коротышка.

Да-да, рассылка сообщений. Здравствуйте, я ICQ! Для друзей просто «ася»! Я подождал, но Гато больше ничего не говорил, тогда я спросил сам:

— Это всё?

— Я хочу знать всё. Смогут ли они убить охрану дайме Волн. И на всякий случай — сколько нам понадобится людей, чтобы их убить, если что.

У меня непроизвольно вытянулось лицо. Мало того, что Гато повторяется, так еще такие вещи я бы, наверно, и в пьяном угаре не стал бы говорить при посторонних! Внезапно я поймал себя на мысли, что подумывал о том, какой несчастный случай подстроить для блондинки. Даже варианты набросал: упасть с лестницы, отравиться несвежим суши.

Выслушав инструктаж, я вышел в коридор и еще долго крутил пальцем у виска, смотря на закрытую дверь, офигевая от себя самого и от болтливости Гато. Если бы я не был Ирукой, а действительно был Иго, то я бы постарался как можно быстрее устроить девице несчастный случай. Потому что ее осведомленность ставила под угрозу дальнейшие планы Гато.

Приходить в себя я ушел к морю. Макуто уже был там. Он сидел на корточках у воды и чистил свой танто. Увидев меня, он убрал клинок в ножны.

— Охотники здесь? — спросил он.

— Да, — ответил я. — Завтра утром я еду к ним. Изображать десятника.

— Я поеду с тобой, — сказал он.

— Нет, — покачал я головой. — Ты нужен здесь. Присмотри за домом Тадзуны.

Он кивнул. Спорить не стал.

После такой встряски самое то посмотреть на беспокойные волны перед грозой. Намокнуть я не боялся, на этот случай у меня был плащ, а замерзнуть должна была помешать чакра.

Макуто ушел. А я остался стоять на берегу, глядя, как темнеющее море сливается с небом.

Всю ночь мне снилась темная вода, которая затапливала Коноху в абсолютной тишине. Жутковато и одновременно красиво. В глади темной воды отражались дома, словно залитые мягким солнечным светом, но кроме домов в воде не отражалось больше ничего. Я поднял глаза к небу и проснулся. Отбросив влажное от пота одеяло, подтянул колени к груди, в которой громко бухало сердце. Когда я взглянул вверх во сне, я не увидел идеалистичного продолжения этой уютной улочки, я увидел... Это даже небом назвать было трудно: грязно-серая, клубящаяся, как щупальца, хмарь. По сравнению с ней день за окном можно было назвать ясным и солнечным. И это учитывая почти вечерний полумрак.

Встряхнув головой, встал, не посмотрев на часы, и пошел в ванную, чтобы смыть пот. И зря не посмотрел. Я опаздываю! К счастью, в этом мире ко времени относились спокойнее. И на то, что я опоздал, никто даже не обратил внимания. Часом больше, часом меньше, никому нет никакого дела. Непривычно это для меня, я так не могу. Я без наручных часов чуть не извелся. В первый же день в Буревестнике мне пришлось покупать с рук покоцанные наручные часы вместо моего «неубиваемого» хронометра со светящимся циферблатом из шкафчика АНБУ. Пустил немного чакры, вот тебе и подсветка. А на нынешние часы я дышать лишний раз боялся, рассыпятся еще.

После раздачи сообщений от Гато всяким чинушам да клеркам, я направился к Тихому холму. Макуто догнал меня уже у выезда из города.

— Я с тобой, — сказал он.

— Я же просил тебя остаться.

— Клон останется. А я пойду с тобой. Охотников видели. Их семеро. Трое джонинов. Четверо чуунинов. Если они что-то заподозрят, тебе понадобится помощь.

Я вздохнул и кивнул. Он был прав.

Небо заметно посветлело, из темно-серого стало сизым с голубизной. Кляксами чернели на голых деревьях гнезда, а с ветвей ветер иногда срывал мокрые листья и холодные капли. От широкой дорожки к дому осталось только воспоминание, да несколько расколотых тротуарных плиток, торчащих из грязи между глубоких следов и каких-то борозд.

Отодвинув в сторону не поломанные ветки, я встал на жирную грязь, как на воду, и, внимательно смотря под ноги, пошел, тихонько напевая «Марионеток» Короля и Шута.

— Передо мною вы сидите, и ваши нервы, словно нити... — хмыкнул. — Как совпало-то, ха!

Макуто шел за мной, ступая след в след. Он тоже использовал чакру, чтобы не увязать в грязи.

На круглой поляне я обнаружил бандитов, сидящих кружком около костра на чем попало. Причем на стульях сидели единицы. Подкравшись к носильщикам, Макуто встал с ними рядом, а когда все смолкли, обнаружив нас, я весело поинтересовался:

— Чего сидим, кого ждем?

— Дык, это... — заикаясь и пуча глаза, сказал мужик со шрамом на лбу, похожим на большую морщину.

— Иго-сан, — по привычке поправил я.

Над полянкой пронесся вздох облегчения. Макуто стоял чуть позади, скрестив руки на груди. Он не вмешивался, но его присутствие ощущалось.

— Дом закрыт. Хозяев нету, — сказал другой бандит, отпустив рукоятку катаны и добавив после небольшой паузы: — Иго-сан.

— Ясно, тогда сидите. Ключей и у меня нет, — осмотрев двухэтажный дом-цилиндр, сказал я мужикам.

Дом, в который Гато решил поселить Охотников, был долгое время заброшен, потому в него нужно было стащить хоть немного мебели. Но тратиться на облагораживание никто не собирался, и потому обставить решено было тем, что найдется у деревенских. Кровати, столы, шкафы и стулья с тумбочками — всё это на горбу перли бандиты по той самой раскисшей дорожке.

Побродив немного вокруг, я согнал двоих бандитов с кровати и улегся на протяжно скрипнувший матрас, свесив ноги. Трогать дверь я опасался. А вдруг там замок-тег? Хотя откуда ему взяться в такой-то глуши...

Согнанные бандиты побродили да присели на стол, вогнав его в размокшую землю чуть ли не по столешницу.

— Ты, — ткнул пальцем в мужика с рябым, перечеркнутым тремя косыми шрамами лицом и черными, зачесанными назад волосами, — проверь дверь. Может, там открыто.

Как ни странно, было открыто. Пришлось подниматься и заставлять бандитов тащить всё в дом. Внутри было пусто, хотя грязные следы были еще до того, как начался переезд с улицы. Макуто вошел внутрь, прошелся по комнатам, осмотрел окна.

— Следов чакры нет, — сказал он, возвращаясь. — Но кто-то здесь был. Недавно.

— Местные, — предположил я. — Или сами Охотники.

После расстановки оказались лишними два стола и пара тумбочек. Им не нашлось места. Пока я решал, что делать, один из бандитов просто выбросил одну из тумб в окно. Мне такое решение не понравилось.

— Чтобы все вернули! Лично прослежу! Да вы всего пару шкафчиков принесли, а уже еле живые! Бегом!

— Кто тут у нас такой сердитый? — вдруг протянул над самым ухом женский, неприятный голос.

Непроизвольно сглотнув, я медленно обернулся. Худая черноволосая мулатка, неприятно улыбаясь, держала меня за плечо. Почему-то на ум приходило слово «садистка». Мне даже притворяться не пришлось, что я испуган. Она действительно умудрилась подкрасться так, что я ее не заметил.

Макуто шагнул вперед, встал рядом. Его пальцы сжались на рукояти танто.

— Ига, ну зачем ты пугаешь парнишу, — ухмыляясь во все тридцать два щербатого «штакетника», заявил какой-то лысый темнокожий мужик в потертой форме АНБУ Водопада.

Посмотрев поверх солнечных очков и обращаясь уже ко мне, он сказал:

— Десятник что ль? Как звать?

Я нервно покивал.

— Иго.

Охотники, а это были именно они, заржали.

— Ига и Иго! Ха-ха-ха.

Я попытался улыбнуться, но ничего не вышло. Женщина фыркнула и убрала руку. Макуто остался стоять на месте, не двигаясь.

Посмеиваясь, чуть смуглый и с болотного цвета патлами мужик приобнял меня за горло и потянул в дом:

— Ну, рассказывай, чего притянули. Что там Гато нужно?

— Подождите, — просипел я, доставая блокнот и при этом не делая попытки освободиться, — Гато-сама написал, что спросить.

Это заявление вызвало новый приступ хохота у Охотников.

Макуто вошел следом. Он встал у двери, прислонившись к косяку, и замер. Я заметил, как он медленно осматривает комнату, запоминая расположение каждого из Охотников, каждую деталь интерьера.

Когда меня наконец отпустили, нукенины развалились на диванах и приготовились слушать с ухмылками. Я, изображая нервозность на грани паники, прочистил горло и, горбясь, зачитал вопросы. Сам я уже оклемался немного. Я их составил заранее таким образом, чтобы это выглядело как можно обыденнее: «Чего хотите и предпочитаете, с чем к вам можно обращаться, когда будете готовы выступать».

Нукенины откровенно потешались, переспрашивая или отвечая какую-то чепуху ради смеха. Как бы я хотел, чтобы вы сдохли от смеха!

— Извините, вы не могли бы сказать, как вас зовут? Я всё еще не знаю, как к вам обращаться.

— Всё написано в книге наград! — булькая сквозь рвущийся смех, сказал средней комплекции лысый мужик в глухих солнечных очках.

— У меня ее нет, — теребя блокнот, сказал я, — и у Гато-самы тоже.

В итоге пришлось мне рисовать небольшие портретики и подписывать.

Макуто молча наблюдал. Его лицо оставалось спокойным, но я знал, что он запоминает каждое лицо, каждую деталь. Атаманом у Охотников был здоровый чернокожий детина с чересчур развитой мускулатурой, которую не скрывал стандартный жилет шиноби Молнии. Мужик явно косплеил Эя из манги. Короткие усики, козлиная бородка, кудрявые волосы, впечатляющая мускулатура. Наверное, подражал, пытался походить на него? По мне, так жилет «облачников» — это очень непрактичная защита: нет кармашков, нет защиты шеи, пусть в моем собственном жилете шея спереди не была защищена, но он не крепился ремнем только на левое плечо, как у кумовцев, и не открывал для удара грудь. К тому же бронежилет был демаскирующего светло-серого цвета. Хотя псевдо-Эй из Кумо свой жилет выкрасил в зеленовато-коричневые тона. Ну, хоть один минус исправили.

Другие оделись, кто во что горазд. У зеленоволосого шиноби из Травы был чуунинский жилет явно конохского производства. Видать, под цвет волос подбирал, но зачем-то отпорол воротник. Лысого темнокожего мужика из Водопада с щербатыми зубами и черными очками звали Тоокотсу, что значило «Череп», и он таскал потертую форму АНБУ своего бывшего селения. Ему только маски не хватало, а черноволосый парень из Горячих источников, европеец на вид, вообще был в обычной, ничем не выделявшейся одежде. Если бы не подсумки на поясе, его можно было спутать с простым человеком.

И всё же мне удалось узнать от Охотников нужные сведения. А самое главное, я не услышал чего-то подобного этому: «Больно́ грамотно вопросы составлены, Гато шиноби был что ли? Или ты, паря, такой умный?»

— Значит, вы ирьенин, Хатоиро-сан? И вы, Тоокотсу-сан? — Ага. За отдельную плату могу подлатать Гато, — вытирая выступившие от смеха слезы, сказал нукенин из Водопада.

С жутко серьезным видом дописал, что Тоокотсу — ирьенин.

— Нет, — пихнула девица своего соседа по дивану в бок, — ты погляди, он действительно это записывает!

Араши Игараси была единственной женщиной в этой компании, такая великовозрастная пацанка. Жесткие курчавые волосы коротко острижены и перехвачены косынкой из хитай-ате, так что протектор был на макушке.

Макуто перевел взгляд на каждого из Охотников и, когда они снова увлеклись смехом, тихо сказал, не поворачивая головы:

— Трое — джонины. Остальные — чуунины. Все опытные.

Хатоиро сложил руку в замысловатом жесте, осмотрел меня с ног до головы и вдруг спросил:

— Ты шиноби?

Несмело покивав, изображая робость, я пролепетал:

— Да. Я генин.

Игараси фыркнула и облокотилась на колено Киро, присевшего на подлокотник дивана.

— Всего лишь генин.

— Ба-а! Целый генин! — развеселился Ичиго, бесфамильный нукенин из Горячих источников, поигрывая серпом, точно примерялся, как половчее мне им голову снести. — Иг, хочешь, мы тебя потренируем?

Ичиго был загорелым жилистым европейцем южного типа с жесткими, выгоревшими от солнца курчавыми волосами, и был даже чем-то похож на кумовцев. Только черты лица его выдавали.

— Не-не, — заикаясь и специально стуча зубами, проблеял я, — не нужно, спасибо. Вы только зря время потратите.

— Не бойсь, мы тебя не убьем.

Я шумно сглотнул, помотал головой и попятился к дверям. Макуто отступил в сторону, пропуская меня, но сам остался.

— Мне Гато-саме нужно доложить. Я не могу, Ичиго-сан!

Араши скривилась и пренебрежительно фыркнула: «струсил, молокосос».

Из всех присутствующих я был самым младшим, а из-за очков, которые скрывали большую часть лица, меня считали восемнадцатилетним, ну максимум, двадцатилетним. Главарю Охотников, Хидеки Киро, было, наверное, к тридцати, как и его подружке, и ирьенину-сенсору. Погодки, наверное. Логично, так Кумо было бы проще имитировать уход на вольные хлеба членов одной из команд. Хотя как ирьенин, он должен был выглядеть младше своих лет. Может, дело в том, что трубкой смолил не переставая? Остальные были точно старше двадцати пяти. Точного возраста Охотников я не знал.

— Ладно. Пусть идет, — смиростивился атаман.

Всё же мне удалось уйти целым и невредимым, а еще убедить нукенинов, что я не представляю угрозы. Макуто вышел следом.

Отбежав на приличное расстояние, я просканировал округу и сделал двух клонов, которые тут же превратились в Ируку и безымянного туманника.

— Удачи, — сказал я.

— И тебе, оригинал, — отозвались они и стартовали в разные стороны.

Макуто посмотрел на них и спросил:

— Они справятся?

— Должны, — ответил я. — Если нет, узнаем.

Пока я бегал с очередной посылкой в другой конец острова, Гато успел встретиться с нукенинами. И я бы, наверное, никогда не узнал об этом факте, если бы главари бригад, сопровождавших Гада, не стали обсуждать нукенинов, устроив пирушку в холле гостиницы. Когда я присоединился к пьянке, мне пришлось сделать вид, что я ничуть не удивлен и знал обо всем. Ах, да, и еще изображать, что я голоден.

Макуто остался в номере. Я знал, что он уже отправил клона в дом Тадзуны, а сам сейчас наверняка чистит оружие и ждет.

Послушав разговоры наемников, я откатился от стола и пошел к себе, записав на ходу в блокнот: «Узнать подробности у Гада».

Днем, просиживая штаны на кожаном диване в кабинете магната, я нарочито незаинтересованно спросил, как прошла встреча с новыми наемниками и о чем договорились.

— Всё просто, Иго, — отложив принесенные мной бумаги, потянулся Гато, даже не удивившись моей осведомленности.

— Я понимаю, почему вы не взяли меня на встречу, но почему ничего не сказали?

Как оказалось, Гато подумал, что я из любопытства попрусь за ним и Охотники меня раскусят. Больно надо. Ты и сам всё мне выболтаешь.

Объясняя, почему не взял меня на встречу с прибывшими Охотниками, коротышка назвал еще несколько причин.

Во-первых, он не лгал (или думал, что не лгал), когда сказал, что считает меня долговременной инвестицией и будущим помощником.

Во-вторых, Гато не хотел лишний раз показывать свою связь с людьми, что убьют дайме Волн. Он давно хотел перерасти статус всего лишь денежного мешка и стать феодалом хотя бы маленькой страны. И Тадзуна обязан был стать разминкой, тестом того, что Забуза действительно так силен и могуч, и что он сможет справиться с охраной дайме. В таком случае всё бы сложилось для магната просто чудесно. Неизвестный нукенин вырезал семью дайме Страны Волн? Ой, страсти-то какие! Не, не знаю, зачем ему это надо было. Но зато единственной реальной властью в стране осталась бы компания Гато и ее бандиты, то есть, конечно же, ее доблестные охранники. Но план дал осечку уже на Тадзуне. А получив от меня отчет о страшных листовиках, Гато поднапрягся, тряхнул мощной и решил, что если Забуза хотя бы измотает седьмых, то Охотники уж точно добьют Какаши и компанию. А платой за смерть Тадзуны должны были стать головы Забузы и Какаши, и, конечно же, пленные клановые дети. А вот убийство дайме Волн и его семьи Гато уже оплатил бы наличными. Впрочем, за трон страны, пусть даже такой маленькой, как Волны, и за статус феодала и связанные с этим привилегии — это было бы совсем немного.

Третьей причиной, по которой магнат не хотел меня знакомить с Охотниками, были опасения того, что они могут заподозрить вариант, при котором им не заплатят. То есть не заподозрят вариант, при котором шиноби будут слишком истощены битвой с охраной дайме, и тогда от наемников можно будет избавиться руками бандитов. И стали бы бандиты Гато героями, отомстившими отморозкам за смерть людей благородной королевской крови...

Похвалив коротышку за, безусловно, гениальный план, я развалился на диванчике и стал медитировать, работая с чакрой, чтобы хоть как-то скоротать время до конца рабочего дня. Рисовать мне было уже не на чем, всю спертую бумагу я извел, а листы из блокнота могли мне сгодиться на что-то более полезное. Еще я мог бы свалить, но Гатыч предпочитал меня держать рядом. Магнат имел привычку рассуждать вслух. И если раньше он позволял себе тихо бормотать под нос, то после моего назначения это бормотание в пустоту стало, чуть ли не диалогом. Но иногда это было

даже удобно, я спрашивал интересующие меня моменты. Хотя и подсказывать что-то мне приходилось.

Свои короткие загребущие ручки Гато протянул во многие сферы жизни, как в Стране Волн, так и на материке. Не говоря уже про Страну Воды, где и были главные филиалы. Конечно, у компании коротышки были конкуренты, но о них мало кто слышал, а о компании Гато слышали все. Порты родины Тадзуны были собственностью Гато. Так что Страну Волн можно было называть как Страной Кораблей, так и Страной Портов.

В кабинет часто притаскивали бумаги. Какие-то Гато читал и складывал в папки, другие украшал личной печатью, а некоторые драл на кусочки и отправлял в помойку. В общем, работал человек в поте лица.

Ну и я не стал паниковать и делать лишних телодвижений. Охотники первыми не нападут. Дождутся, когда Забуза сделает первый шаг. Так что навещу-ка я собрата-попаданца этим вечером лично. А то завтра днем к нему наверняка припрется Гато с требованием напасть на наглых листовиков. А значит, очень скоро Гатыч с армией потопают в одну сторону, а мы дружно пойдем убивать Охотников. Печально, конечно, но кто идет за шерстью — рискует вернуться стриженным. Они пришли сюда, чтобы заработать на наших смертях. В том числе и на моей. И на жуткой участи для трех детей и одного подростка. И это я прощать не собираюсь. Договориться у нас всё равно не получится.

Этим вечером я отправил клонов доложить к Виктору и к Хатаке. Собакину я настойчиво рекомендовал удвоить, а лучше — утроить бдительность и быть настороже.

Макуто сидел в углу комнаты и перебирал сюрикены. Медленно, методично. Он не смотрел на меня, но я знал, что он слушает.

За столом перед дверями кабинета снова тусовались ронины, с ними я здороваться не стал, не заслужили. А вот с секретаршей бы поздоровался, но ее снова не было. Впрочем, не очень-то и хотелось встречаться с Нэо.

Закрыв за собой, постучал пяткой по двери, чтобы привлечь внимание карлика.

— Доброго утра, — широко улыбнулся. — Гато-сама!

— Д...бры — пробормотал магнат, перебирая бумаги в стопках и папках, которых, кажется, не стало меньше с прошлого моего визита.

Остановившись, Гато выдернул из-под деревянного бомжа лист и протянул его мне, вызывая острый приступ дежавю. Я взял бумагу и пробежался глазами по списку.

— Всё будет сделано до завтра.

Гато одобрительно кивнул, подумал немного, после чего командным тоном сказал:

— Охотники уже обжились в Сидзуоки. Твоя задача теперь — следить за ними, изображая обычного десятника, и докладывать мне обо всем интересном. Все остальные твои обязанности теперь второстепенны.

— Что конкретно докладывать? — не стал напоминать, что он повторяется. Есть шанс, что он словит дежавю и запутается в своих планах.

— Я хочу знать всё. Смогут ли они убить охрану дайме Волн. И сколько нам понадобится людей, чтобы их убить, когда они станут не нужны.

— Подождите, Гато-сама. Я еще не выяснил, сколько у нас сил и людей.

Гато снял очки и потер переносицу:

— Поясни.

— Сколько еще подобных Сусуми, бумажных наемников в списках? И ведь кто-то за дезертиров деньги получает, и за мертвецов, раз их не вычеркнули.

Сначала карлик смотрел непонимающе, но до него довольно быстро дошло:

— Надо срочно проверить!

— Да, надо, — спокойно сказал я. — Будет не слишком приятно обнаружить, что из полсотни бумажных солдатиков только тридцать настоящих.

Гато аж на морду перекосило.

Буквально через пару минут, словно из-под земли, возникли две молодые женщины: Нэо и немного пухленькая брюнетка с располагающей улыбкой. Так и не услышал, как ее зовут. Гато им даже слова мяукнуть не дал, сразу орать принялся. Женщины краснели, бледнели, кивали, иногда мотали головой, но выслушивали, молча изображая ужас.

Но когда Гато сказал:

— Я вас самих в рабство продам! Иго, ты еще не забыл, где склад работоторговцев?

— Нет, Гато-сама, — сделал шаг к секретаршам.

Девушки отпрянули, а Гато ухмыльнулся. Вдоволь наоравшись, магнат отослал брюнетку, а блондинку попросил вернуться за второй порцией бумаг. Причем попросил с улыбочкой, будто это не он пять минут назад про рабство вопил. Удивительно непоследовательно... Подозрительно — прошелестела мысль на краю сознания.

Когда та пришла, я едва не подавился печеньем и чуть не расплескал чай на свои штаны. На гатов ковер с диваном мне плевать, а вот штаны было бы жаль. А всё дело было в том, что сказал магнат.

— Нэо, милая, принеси еще чая, — сально улыбнулся Гато.

Вручив блондинке папку и коробку с бумагами, Гато отослал ее в архив.

— Я могу идти? — дождавшись щелчка замка, спросил я.

— Фу, какой серьезный, — мечтательно пялясь на дверь, вдруг протянул коротышка. — Жизнь бьет ключом! Надо брать от нее всё!

— Я рад за вас, Гато-сама, — отсалютовав кружкой, поставил ее на столик.

Магнат закатил глаза и вернулся к бумагам.

Я вышел в коридор. Макуто стоял у стены, прислонившись к ней плечом.

— Всё? — спросил он.

— Всё, — ответил я. — Завтра начинается. Завтра — конец.

Глава 25. Охотники? *(продолжение)*

По дороге я снова думал о том, как вести себя с ними. То, что я не заметил их, было скорее плюсом, поскольку работало на меня. Жалкий генин, ничего не заметил и не почувствовал. Получилось это чисто случайно. Я методом проб и ошибок научился и привык «выкручивать на минимум» восприятие эмоций, когда имел дело с бандитами Гато. В таком «приглушенном режиме» я бы почувствовал только направленную на меня жажду убийства, открытую агрессию, желание напасть, сильную ненависть или какие-то очень яркие и сильные эмоции. Очевидно, что никаких сильных эмоций к мальчику на побегушках Охотники не испытывали. Еще, как я заметил, восприятие эмоций у меня иногда скакало. Моя эмпатия то усиливалась, то становилась слабее. И с этим тоже надо было что-то решать. Опасно это, когда ты не можешь полагаться на свои способности.

Возможно, еще одна причина была в том, что привыкшие маскироваться шиноби как-то неосознанно «приглушают» и свои эмоции. Но, впрочем, это пока только версия.

Я был уверен, что Охотники меня не раскусили. То, что они смогли подобраться ко мне вплотную, а я их даже не заметил, меня изрядно испугало. Их веселость вполне объяснима тем, что им в руки сам плывет Большой Куш: головы Хатаке и Забузы, легендарный меч и четыре ребенка с улучшенным геномом — о да, это повод для отличного настроения и причина легкой невнимательности!

Я еще немного подумал над тем, как именно буду унижаться и стелиться перед этими уродами, и за раздумьями не заметил, как оказался почти на месте. Злость не отпускала, так что пришлось даже останавливаться и от души попинать какой-то пень. Нога, конечно, заболела, но пар я выпустил и теперь мог с уверенностью сказать, что на Охотников огрызаться или пытаться «погавкать» я не буду. И уж тем более, не дай Kami-сама, я не должен был сорваться и попробовать напасть.

Макуто шел за мной, бесшумно ступая по мокрой листве. Он был в своем обычном обличье — никакого хенге, только зеленая куртка, танто на поясе. Я хотел было спросить, зачем он здесь, но он опередил:

— Ирука-сан, я пойду с вами. Я чувствую их чакру. Они сильны, но я смогу помочь.

— Ты нужен мне живым, — ответил я. — Не рискуй.

Он кивнул и растворился в тенях. Я знал, что он будет рядом, даже если я его не увижу.

Домик-цилиндр светился изнутри мигающим оранжевым светом, точно внутри были свечи. А на самом деле это были два керосиновых светильника, на сквозняке и с треснутым защитным стеклом.

— Вот, все как вы заказывали, — свернул я свиток и попытался улизнуть, но не вышло.

Меня посадили за стол между двух ирьенинов и практически в приказном порядке предложили поесть. В общем, я не зря противоядие заранее выпил, а то пришлось бы долго мучиться, выводя этот яд из организма. В этом и была одна из интересных особенностей этой отравы. Противоядие нужно было принять заранее, иначе не подействует, а по-настоящему действенного способа быстро убрать последствия этой гадости не было. После приема «Смерти в три шага» надо было еще раз выпить противоядие. Без того ущерб для организма был бы даже в худшем случае минимальный, но выводиться яд стал бы дольше и мог накопиться до опасно высокой концентрации.

Макуто тем временем бесшумно переместился к задней стене дома. Я краем глаза заметил его тень в щели между досками. Он ждал.

Под подозрительными взглядами этой кодлы я с удовольствием стал уничтожать креветок и осьминогов с кальмарами. За что получил по рукам от Игараси. Как ни крути, а еда была вкусная.

— Мы тебе сказали: попробуй, а не обожри нас! — сверля меня злым и подозрительным взглядом, сказала мне эта чернокожая из Кумо. — Жри что-нибудь другое!

Все остальные жизнерадостно заржали. Эта зараза обожала морепродукты. Хорошо что хоть тут, у моря, они относительно дешевые.

Ууу, самка собаки, мне эти вкусности все равно выблевать придется! Быстро закивав, как болванчик, я бормотал извинения, всем своим видом изображая раскаяние, пока снайперша не перестала выглядеть так, будто убьет меня прямо здесь и сейчас. После чего стал уплетать все подряд.

— Спасибо, — искренне поблагодарил я и нахватал себе понемногу самых разных блюд. К счастью, ни в одном из них не было моего аллергена, что достался в наследство от Ируки — бамбуковых ростков. Случилось мне как-то раз их поесть, думал, я в тот день помру.

Пожрал вкусностей, рассказал пару анекдотов. Мне очень повезло дважды: потому что я сразу сумел поймать веселый настрой Ичиго, и что саке на столе у нукенинов явно было дорогим и мне его просто не наливали. Эх, а я так старательно гипнотизировал бутылку. И Игараси спасибо, что повелась на мою уловку и пожадничала. Вообще, ей явно хотелось дать мне не выпивки, а звиздюлей.

Не прошло и часа, как Охотники выпнули меня, а я на прощание еще со стола что-то стянул, чтобы еще сильнее убедить наемников в отсутствии какой-либо отравы.

Оказавшись на улице, я глубоко вздохнул, отправил щелчком пальцев в полет хвостик креветки и побежал. Время играло против меня.

Макуто ждал меня за поворотом. Он кивнул и коротко сказал:

— Яд действует. У них проблемы с чакрой.

— Откуда знаешь? — спросил я.

— Чувствую, — ответил он. — Рогу — сенсор. Он заметил, но не понял, что именно происходит.

— Хорошо. Идем.

Далеко отсюда, в номере, меня ждал «белый друг» в кабинете задумчивости и вторая доза противоядия в двухлитровом кувшине, там же.

Жаль, что иначе — никак. Либо промывание желудка после яда, либо я рискую разделить участь Охотников, и в бою толка от меня не будет.

Проснувшись под утро, под «мелодичное» урчание желудка, я без аппетита сжевал что-то из маленького пищевого свитка, собрал вещи и задремал. А когда проснулся, как угорелый, помчался к Гато, извинился за опоздание, забрал бумаги... И только по дороге из города вспомнил, что у Иго сегодня «последний рабочий день»!

Сломав сургуч, я распотрошил конверты, интересные бумаги забрал, а остальное порвал на мелкие кусочки и бросил вверх с радостным воплем:

— Конфетти!

Бумажки подхватил ветер, но донес их ровно до первой лужи. Дожди в последнее время шли довольно часто.

Похихикивая, я хлебнул концентрат противоядия, а затем сделал клона.

— Дуй к Вику.

Сам же я набросил хенге и рванул к дому Охотников. До начала операции оставалось совсем немного.

Дворик перед домом был словно перепахан плугом, а некоторые деревья оказались повалены или обуглены, точно в них ударила молния. Вид у дома стал еще более неприветливый, будто тут уже много лет никого не было. Перепрыгнув через все ямы и стволы по жидковатой грязи и чудом не изгваздав ботинки, я оказался у порога.

— Открыто, — донеслось из дома до того, как я успел постучать.

На первом этаже был фирменный срach, пустые бутылки лежали и стояли везде, грязные тарелки занимали целое кресло, сломанные одноразовые палочки торчали из стены в нарисованной углем мишени, какие-то объедки высыпались из мусорных пакетов, стоящих в углу, и приванивали дохлятиной.

Ичиго пнул кресло с тарелками в дальний угол и потер руки:

— Принес еще креветок?

— Да, Ичиги-сан, — развернул свиток, не касаясь стола, чтобы начать распечатывать, и обомлел. Это был не стандартный купленный в магазине светло-зеленый свиток из закров Ируки, а толстый рулон, который сделал Наруто. Я ошибся дважды: когда не перезапечатал еду и когда решил, что никто не заметит, что в свитке больше печатей, чем обычно.

— погоди. Ну-ка дай сюда! — вырвал свиток Ичиги.

Ичиги — так звали этого европейской наружности парня из Горячих Источников и по совместительству — чересчур внимательного уroda, который решил рассмотреть поделку Узумаки.

Я закусил губу, но, вдохнув запах, снова начал дышать ртом.

Макуто, который незаметно подобрался к окну, замер. Я видел его тень за мутным стеклом. Он ждал сигнала.

Делать свитки с несколькими печатями с возможностью распечатывать отдельные вещи было сложнее, чем стандартные свитки, в которые можно запечатать и распечатать только все объекты сразу. Точнее, в карман искусственного измерения. Как ни странно, но подобное чудо — карман искусственного измерения — было здесь делом обыденным. А меня по-прежнему удивляло, поскольку такая работа с пространством казалась мне чем-то нереальным. Моя фантазия попросту отказывалась представлять, как это работает.

Из рук Ичиги свиток забрал Хатоиру. Развернув бумагу, «коллега» присвистнул, рассматривая печати-карманы. В этом свитке таких карманов было двенадцать штук.

— Оставь и проваливай, — лениво сказал главарь, похоже, что его свиток тоже заинтересовал.

— Но, но... — начал заикаться я, — у меня только один такой свиток. Мне он достался от брата!

Я бы соврал про дедушку или родителей, но у свитка был не слишком потрепанный вид, а скорее даже подозрительно новый.

Игараси убрала со стола ноги и, хмыкнув, придвинулась к медику, рассматривая печати. Макуто отступил от окна, прячась в тени.

Обычные запечатавающие свитки хоть и не были чем-то дорогим, но все равно стоили немало. А уж если работа качественная, то мастера печатей могли заломить цену за свиток, как за приличную катану. К тому же в дорогих свитках, как правило, было от трех до шести печатей, из которых можно было распечатывать отдельные вещи.

А тут меня и жаба душила — дорогая вещь, и обидеть Наруто я не хотел — его работы кому попало раздавать. Ну и усатый улыбающийся смайлик мог вызвать слишком много вопросов. Особенно учитывая физиономию Наруто и его фамилию, которую я озвучил перед Гадом.

— Тебе же сказали — отвали, — рыкнул медик, спроецировав на меня свое ки, когда я осторожно протянул руку. Но пришлось быстро отшагнуть, изображая испуг.

Киро профонтанировал презрением к убогому мне, точно хотел сказать что-то вроде того, что проблемы индейцев шерифа не волнуют, но отвлекся на уже распечатанную еду и в итоге так ничем и не разродился. А потом просто приказал оставить свиток и выметаться.

— Вали, через два часа, когда мы поедем, заберешь...

— Не, погодите, — весело сказала Игараси, — пусть он тут приберет. А потом получит свой свиток.

Я просто дар речи потерял. Они же начнут жрать, а пока я уберу, яд начнет действовать, и тогда меня прибьют на месте!

Рогу переглянулся с «атаманом» и криво усмехнулся:

— Рот закрой. Метла вот там, — показал на кладовку. — Не халтурь.

Тяжко вздохнув, я спешно пошел за инструментом. Несмотря на огромное количество мусора, я все-таки успел уложиться в срок, пока действие яда не стало видно невооруженным глазом.

— Тщательнее работай, — прикрикнула на меня Игараси, сбросив объедки прямо на пол. После чего взяла одноразовую бумажную тарелку, на которой лежала горка деликатесов, и, томно вздохнув, обронила своим:

— Пойду угощу Шо. А то он так и продрыхнет. Голодным ведь останется.

Шо? Нукенины засмеялись и стали закидывать ее сальными шуточками.

— Ага, покормит она его!

— Рот в рот!

— Аккуратнее с новичком, бандитка, а то заедешь до смерти своего нового мальчика для развлечений!

— Давай, давай, иди, а то тебе явно мужик нужен, — подшутил над ней медик из Кумо.

Та, хмыкнув, прошла мимо меня с гордо поднятой головой, не оборачиваясь, сказала:

— Не завидуйте ему так очевидно. А то я прямо смущаюсь, — попыталась она изобразить тонкий голосок девочки-подростка и невинно похлопать глазками.

Охотники дружно заржали, а меня чуть не стошнило в совок от этой свиньи, корчащей из себя дюймовочку. Ну, ничего, будет тебе свое подземелье, не знаю правда, сгодится ли Ибики на роль крота-супруга.

Пока всем было не до меня, я спешно задвинул часть мусора в кладовку, а потом поставил метлу и попросил Рогу:

— Пожалуйста, верните свиток. Вы всё распечатали.

— Угадаешь, у кого он, — вернем, — ухмыльнувшись, опрокинул пиалу с саке медик.

Вот только судя по эмоциям, он врал. В итоге мне пришлось сыграть в игру «догадайся, кто забрал». Я проиграл. Все три попытки — мимо. Они считали, что меня обманули. А я считал, что вызову подозрение, если не попытаюсь вернуть себе свиток. Его было жаль, но зато, уходя, я был уверен, что все нукенины съели свою порцию яда и даже больше. Но меня все равно это не сильно утешало.

Макуто отошел от окна и, не говоря ни слова, направился в лес. Я знал, куда он идет. Он собирался занять позицию за спинами Охотников, чтобы ударить, когда начнется общая атака. Я не стал его останавливать.

Добежав до землянки, которую дотоном вырыл Какаши, я спросил, все ли готово.

— Готовы, — кровожадно ухмыльнулся Вик.

Я кивнул и посмотрел на часы. Макуто уже должен был быть на месте.

— Осталось подождать еще десять минут. И потом мы можем выступать.

Какаши демонстративно фыркнул, явно показывая, как он относится ко всяким жалким перестраховщикам, и вышел наружу, а мы следом.

— Мне по-прежнему кажется, что вы преувеличиваете опасность этой группы. Мы бы победили даже без этих трюков с ядом. Им нечего нам противопоставить.

Ну да, ну да... Ему-то, такому крутому, всё по фигу — он бы и так справился! Верю-верю... особенно после боя с Виктором, который Собакин эталонно слил, несмотря на нашу помощь.

Тем временем я развеял хенге и распечатал жилет. Драться в легкой спортивной курточке было бы рискованно для моей шкурки. Только через пару мгновений до меня дошло, что вокруг стало подозрительно тихо. Обратив внимание на упавшую челюсть Хатаке, Сакура, известная своей «тактичностью» и «вежливостью», сразу же поинтересовалась:

— Какаши-сенсей, что с вами?

Тот, закипая от злости, прошипел:

— То, что вы выглядите как Учиха Обито, это, конечно же, просто случайность, не так ли, Ирука-сан?

— Что, простите? — приподнял я очки-маску и потер глаз тыльной стороной ладони. Я не специально, а Хатаке аж хрюкнул со злости.

— Какаши-сенсей, а кто этот Учиха Обито? — не унималась, любопытная когда не надо, Сакура.

Впрочем, не ей одной было интересно — Саске и Наруто тоже ждали ответа.

— Это мой погибший сокомандник, — не переставая сверлить меня взглядом, сказал Хатаке. — Видимо, Ируке-сенсею, — последнее слово он выплюнул, — показалось хорошей идеей изображать бандита, который выглядит как мой погибший друг!

Так и хотелось переспросить: «Друг? А он у тебя был?»

Я устало вздохнул и покачал головой:

— На случай, если вы забыли, я напомним вам, что у меня амнезия, Хатаке-сан, — пожал я плечами, проверяя, удобно ли сел жилет. — Я не знаю, как выглядели ваши бывшие сокомандники, и я не уверен, что я их вообще когда-либо видел.

Мысль Хатаке была настолько четкой, что я будто наяву услышал шипение: «Лжешь!» А ведь формально я не солгал. Я действительно никогда не видел Обито и Рин вживую. Так что мало ли, как он тут выглядел на самом деле.

— Вам кажется, Хатаке-сан, — рассовал свитки по карманам и проверил застёжки.

Видя, что разговор продолжать я не собираюсь, Какаши скрипнул зубами и призвал псов.

— Следить за периметром, никто не должен уйти незамеченным.

— Понял, — флегматично почесал себя за ухом Паккун и с любопытством глянул в мою сторону, но ничего больше не сказал.

Выслушав инструкции главаря, собаки разбежались.

Как обычно, бой длится во много раз меньше, чем подготовка к нему. То здание-цилиндр подходило вплотную к лесу, и с северной стороны не было окон, зато было много деревьев и годами не стриженных кустарников, которые прекрасно скрыли наше передвижение. Хаку, тщательно скрывая свою чакру, разместил на стенах дома взрыв-теги, мои клоны встали полукругом со свитками в ожидании приказа. С теми самыми, которые я попросил сделать Наруто.

Запечатывание воды он выучил буквально за пару дней до начала этой миссии, но поиграть с этой печатью он успел. Тот пруд, на котором мальчик учился ходить, по несколько раз был осушен и заполнен снова. Наруто опускал раскрытый свиток в воду, и он, как пылесос, втягивал в себя пруд вместе с попавшей в него травой и песком с берега. Мне до сих пор было стыдно за то, что я хотел предупредить Узумаки не совать свиток в воду. С ним бы ничего не случилось — чакра в печати защищает бумагу. Такая печать не потечет, пока в ней есть хоть капля энергии. Но я этого не знал, учитель недоделанный!

Нукенины очень удобно для нас поселились в доме, который примыкал к лесу с северной стороны, и мы видели дом и поляну вокруг него как на ладони, сами оставаясь скрытыми за деревьями. Да еще и обзор с северной стороны был плохим — окна были только на самом верху. В удачном доме поселили Охотников, ничего не скажешь.

Я попытался было прислушаться, чтобы узнать, что происходит в доме, но было слишком далеко. На утреннем безоблачном небе ярко светило солнце. Идиллия!

Хаку отошел на максимально возможную дистанцию и бросил кунай с взрывной печатью...

— Хорошо рвануло! — оживился Наруто, только к азарту примешивались неуверенность и страх.

Для всех этот взрыв — сигнал. На максимальной скорости мы рванули к дому, который с жалобным треском стал стремительно заваливаться в противоположную от нас сторону. На ходу приготовили печати концентрации. Вот Хатаке остановился и дал отмашку.

— Великий Огненный Шар, — да, не слабо Собакин огоньком выдохнул. Любой факир от зависти удавится!

— Великий порыв Ветра, — как мы и условились перед боем, его огненный шар я усилил своим ветром.

— Великий Огненный Шар, — а это уже Саске.

— Великий порыв Ветра, — а это его поддержал Наруто. Два огромных огненных шара бьют в упавший деревянный цилиндр и растекаются по нему, мгновенно обугливая светлый фасад. Объятый пламенем дом горел как гигантское полено, тепло чувствовалось даже рядом с нами. Рыжие языки и искры взвились к небу вместе с угольно-черным дымом, напоминая лисьи хвосты из кошмара Ируки. Запахло гарью и жжеными опилками.

Пять секунд, десять, пятнадцать... Неужели всё? Так просто?

Но несколько ударов изнутри — и из боковых окон, прямо через огонь, вырываются потоки воды, с шипением заливая пламя. Из здания выпрыгнули шиноби, в прыжке отбивая сюрикены, как обычные, так и теневые, брошенные всем нашим отрядом, и уклоняясь от быстрых маленьких шаров пламени — огненной техники Феникса-Мудреца, которую запустили Хатаке и Учиха.

Кого-то из нукенинов задело, кого-то обожгло, но их по-прежнему оставалось семеро. Но у нас был еще один козырь в рукаве.

Вот «великолепная семерка» приземляется... Как раз рядом с тем местом, где затаившиеся на деревьях клоны Наруто и Хаку приготовились бросить множество сюрикенов, а главное — кунаев, на каждом из которых было по три усиленных взрыв-печати. А на некоторых все шесть! Как мы и ожидали, нукенины попытались прыгнуть на открытую местность. А когда приземляешься, то направление полета изменить очень сложно. Они не смогли. Я закрыл уши руками и прикрыл глаза. Всё скрылось во вспышках взрывов, укуталось пылью и свежим пеплом.

Когда дым рассеялся, стало видно, что на ногах стоят далеко не все. Кто-то в чем-то, похожем на тяжелый плащ, уже лежал на земле. Вторая волна оружия, и один из шиноби поднимает вокруг себя стену. Стена не целая. И кому-то достается. Но наша цель достигнута. Видимость противника ограничена пылью, гарью и собственными защитными техниками. Туман должен был скрыть всё остальное.

— Вода, — условный сигнал Не-Забузы. Всё окуталось белесой свежей дымкой — сейчас наше время. Впереди шел Забуза. За ним я, а Хаку держал Туман. Дзютсу не слишком сложное, хотя и простым его тоже не

назовешь, и требует хорошей проработки элемента Суйтона и неплохого контроля чакры. Вода в этом тумане напитана чакрой ее создателя. Он в ней всё видит и всё слышит. Ему не нужны ни глаза, ни нюх, ни слух, хотя всем этим Виктор тоже пользуется. Благодаря тому, что он создал это дзютсу, он его поддерживает с минимальной концентрацией, просто добавляя в него чакру, а Хаку издалека усиливает действие тумана и «видит» всё, что происходит вокруг «Забузы».

Я шел следом за Мечником, и мне было страшно. Но он уверенно шагал впереди, а я, благодаря ультразвуку и эмоциям, чувствовал, что происходит в тумане.

Макуто в это время двигался с противоположной стороны. Я чувствовал его чакру — приглушенную, почти незаметную. Он подбирался к Рогу, ирьенину-сенсору из Водопада, сзади. Виктор знал об этом, и мы специально отвели внимание Охотников от того направления.

Приглушенный, но все равно громкий, полный боли и отчаяния вскрик справа. Вспышка эмоций там же. Похоже, парень с серпами, которого все звали просто Ичиго, отбегался.

Как мы и договаривались, Забуза старался выбить в первую очередь тех, кто был наиболее опасен в ближнем бою, но при этом легко убивался. Мы планировали отбить у них охоту атаковать в ближнем бою. Попытка переиграть нас на поле ниндзютсу была нам выгодна — из-за яда у нукенинов были проблемы с очагом. Неровная пульсация чакры ослабляла их техники, заставляя тратить больше чакры. А некоторые дзютсу и вовсе должны были не сработать или же обернуться пшиком.

Пока все отвлеклись, я ударил в спину чуунину из Травы. Я не умел двигаться так же бесшумно, как Виктор, но зеленопатлый был контужен, а еще рядом так удачно завопил парень из Скрытых Источников.

Танто, покрытое чакрой ветра, зашло в спину чуунину по рукоять, в красную завитушку-мишень. Теперь уже он кричал от боли и неожиданности. Я резко выдернул оружие из спины, почувствовав, как лезвие проскрежетало по его позвоночнику.

Кто-то выкрикнул название техники ветра. Туман сдуло, а я и Виктор помчались обратно к нашим, оставив вместо себя по несколько клонов. Такое развитие событий мы тоже предусмотрели.

Белесые клочья окончательно унесло только с поляны, там, где были Хатаке и дети, всё еще клубился туман. Позади нас отвлекали внимание клоны, и вроде достаточно успешно. Но на всякий случай мы всё равно петляли между деревьев и поддерживали туман, добавляли хаоса, бросая железо и сбивая нукенинов с толку. Среди стволов и густого тумана нас было плохо видно, и несколько выпущенных наугад дзютсу огня и молний пролетели в разные стороны.

Вот только не учли Охотники, что, развеяв туман, они снова оказались как на ладони. А у клонов Наруто был тройной боезапас. И он полетел к ним. Это дало нам с Виктором дополнительное время, а нукенинов одарило лишними травмами и контузиями.

Пока мы бегали, мелкий и его клоны распечатывали многочисленные свитки... С водой. На всякий случай мы ее прихватили. Все-таки для Страны Волн здесь местность была на удивление сухая. Так, колодец, ручеек, пара луж после недавних дождей. Для техник Хаку и Забузы этого было маловато. А тратить лишнюю чакру на создание воды из воздуха никто из них не хотел. Вот я и вспомнил опыт Шикамару из будущего. Пригодилось.

Сотни сюрикенов и огненные шары, усиленные ветром, вновь полетели в нукенинов.

Всех наших захватил азарт боя. Даже Сакура, хоть и неумело, но с воодушевлением кидалась кунаями. Выглядело жалко. Но это было всё же лучше, чем ничего.

А вот техники наших врагов не могли сделать НИЧЕГО. Земляные стены Хатаке, встречные водяные техники от Не-Забузы и ледяные зеркала Хаку блокировали любые атаки.

Мы стали подбираться всё ближе к Охотникам, осыпая их техниками, вынуждая уклоняться или пытаться блокировать. Нукенины быстро

выдыхались — яд нарушал течение чакры, и всё больше ее уходило в воздух, а не в техники.

— Что-то с моей чакрой, — выкрикнула Игараси, когда очередная ее молния вышла пшиком.

— Нас отравили каким-то ядом, — выкрикнул ей в ответ Рогу, становясь к ней спиной к спине и держа в поле зрения лес.

— Сообразительные попались, г-гады, — прошипел я.

— Даже жаль, — хмыкнул Вик, — что обмен техниками не занял так много времени. Слишком быстро они всё поняли, несмотря на бой.

— Там у них боевая группа! — возмутилась Игараси. Ее было слышно не только туговатым на ухо после «бомбежки» сородникам, но и нам.

— Бойцы не ниже чуунинов... — сенсор путался в собственных ощущениях и мучился от неуверенности, — специальные джонины. Наверное, АНБУ Листа. Может, еще и Тумана.

Ныне мирно догорающий дом-цилиндр находился на отшибе, у самой опушки леса. Через него же проходила единственная дорога, на которой заранее — сразу после взрыва дома — заняла позиции пара клонов Хаку и несколько десятков от Наруто.

Если быть совсем точным, то дом стоял на краю внутренней дуги своеобразной подковы из деревьев и кустарников, начинавшихся от дороги и примыкавших почти к стенам дома — там Хаку и поставил взрывчатку, — и замыкавшейся с другой стороны у той же дороги. В принципе, достаточно неплохую базу я выбрал для наемников. Почему не Гато? Так как сам коротыш заниматься обустройством наемников не хотел, он свалил выбор на меня.

Тогда он сказал: «Один шиноби точно поймет другого. Вот список их хотелок, вот подходящие дома, выберешь, доложишь». Ну, я и выбрал.

Уединенное место вдали от людей, как они и хотели. Открытое пространство перед домом, через которое проходит единственная дорога. Почти идеальный вариант. Пойти, что ли, в маклеры и начать торговать недвижимостью?

Единственным однозначно слабым местом в обороне базы наемников было то, что в задней части дома, выходявшей к лесу, окна были только на самом верху и уровень первого этажа не просматривался.

Сейчас Охотники стояли в паре десятков метров от леса и пытались понять, когда же мелькающие среди давно облетевших деревьев фигуры в плащах и масках обрушат на них новую волну взрывающихся кунаев. Теперь наемники были примерно в пятидесяти метрах от нас. Идеальная дистанция. Как бы они не были быстры, мы успеем выполнить несколько дзютсу, значит, с ходу навязать нам ближний бой у них не получится. Значит, нужны будут защитные техники. По нашим планам выходило, что из-за проблем с контролем чакры от яда и гибели нескольких наемников от внезапных атак у них бы просто не было шансов победить в битве. Мы выбрали самый безопасный вариант, потому что Виктор не доверял Хатаке, а тот не доверял ему. Подставляться и рисковать жизнью можно, когда ты можешь доверить спину верному товарищу. У нас явно не такой случай.

— Блядь, сучьи выродки! — как-то обреченно выругалась чернокожая. — Нас отравили дешевым говном! — Охотники были в замешательстве и явно не знали, что делать.

Похоже, в целом всё идет по плану. Как мы с Виктором и надеялись, Охотники приняли теневых клонов Наруто под видом АНБУ за реальных противников. Объяснить иначе сильно фоновую оттуда чакру и прилетающие кунаи со взрыв-печатами, сюрикены и сенбоны было сложно.

Если бы Охотники удрали, то у нас могли бы быть проблемы. Мы изначально рассчитывали на то, что потери от взрыва и внезапной атаки взрыв-печатами будут выше. Нам нужно было заставить их драться. Здесь и сейчас.

Макуто тем временем бесшумно подобрался к Рогу сзади. Я краем глаза заметил его тень — он использовал хенге, превратившись в одного из бандитов Гато. Рогу, ослабленный ядом и контузией, не заметил его.

— Каге бушин, — пока они бесились и пытались понять, обо что лучше убиться, мой клон в образе Иго метнулся на поляну к трупам в черном

плаще, который удачно распластался немного в стороне. Он швырнул кунай под ноги Игараси, привлекая внимание к труп. Нукенинка неверяще уставилась на мертвеца, а затем перевела свой взгляд на Иго.

— Не «каким-то дешевым говном», а очень дорогим ядом, — важно изрек дубль, наставительно подняв палец вверх. — Не знаю, окупят ли его ваши головы, — искренне улыбнулся он и пожал плечами.

Игараси, обалдев от такого заявления, застыла и только молча раскрывала и закрывала рот.

— Кста-а-ати, — легонько стукнул клон себя по лбу, точно вспомнил что-то важное в последний момент, — совсем вылетело из головы. Привет! — хитро ухмыльнувшись, помахал дубль рукой и поставил ногу на труп. — Твой хахаль совсем потерял голову, да? Эх, женщины, от вас столько бед... Вот этот, например, сдох. Хочешь, я и этот мусор за тобой подберу, а?

То, что парень в плаще мертв, было понятно даже тупому — без головы долго не протянуть, если конечно ты не таракан или курица.

— Ты! Ублюдок! — истошно завопила нукенинка, рванув в нашу сторону. Оставшиеся, переглянувшись, бросились следом.

На это мы и рассчитывали. Собственно, мы создали им впечатление, что другого выхода у них не было. Позади — лес с неизвестным количеством врагов, а стоять под обстрелом безрадостно. Клоны Наруто давали очень приличный фон, и у сенсоров с пониженным ядом восприятием не было уверенности в том, что у всех их противников одна и та же чакра и что это не обман чувств, вызванный действием какой-то маскировочной техники или следствием всё того же отравления. Охотники потеряли троих своих, остальные были ранены, а одна бешеная дура бежала прямо на врагов... И непременно умерла бы, если бы ее не прикрыли.

От удара клон распался облачком, но успел сказать, точно в укор:

— Дура.

Для нас всё сложилось невероятно удачно. Возможно, что Охотники побежали вслед за чернокожей, потому что дураки и считали, что смогут

победить даже в такой ситуации. Или посчитали, что бежать, опасаясь атаки из-за каждого куста в лесу, в котором неизвестное количество противников-шиноби, даже опаснее, чем атаковать нас. В любом случае, они не рискнули убежать по лесу от шиноби с протекторами Конохи. Не бегай от листовика в лесу — умрешь уставшим. У нас, шиноби Конохи, всё-таки больше практики войны в лесу. Там мы воевали на своей территории и были куда опаснее.

А может, они так хотели защитить Игараси? Или это было желание подороже продать свои жизни? Или всё вместе?

Каким-то чудом избежав наших техник, нукенины, к нашему удивлению, всё-таки смогли навязать нам ближний бой.

Хатаке схватился с вражеским главарем. Дела у него пока шли так себе. Чидори Какаши не напугало джонина из Кумо, продолжавшего использовать техники молний, даже несмотря на проблемы с чакрой.

Забуза пытался нарезать на лапшу Рогу. Тот пока уворачивался. Я же схлестнулся с Игараси. Ослепленная яростью, бешеная чернокожая фурия явно потеряла голову.

— Ты убил Шо! Ублюдок! Тварь!

— Я и тебя сейчас убью, — глумясь над ней, надеялся заставить ее психовать еще сильнее.

Вроде, тому парню взрывом голову размозжило. Хотя, какая, в сущности, разница?

Ее движения были размашистыми и неловкими из-за дури, вложенной в удары, она явно не пыталась продумывать бой или поймать меня в какую-то ловушку, она, кажется, даже часть приемов и большинство связок позабыла. Просто бешенство, напор и размашистые, предсказуемые удары.

Честно говоря, я не ожидал, что смерть Шо так сильно взбесит Игараси.

После очередного замаха она от всей души ударила кунаем пустоту на месте, где я был, и, чтобы не подставлять мне спину, она проскочила мимо меня прямо к седьмым, но в нее тут же вонзились сенбоны

поддерживавшего «седьмых» Хаку. Настоящий Юки был позади нас, рядом с Наруто.

Макуто в этот момент нанес удар. Я не видел, но услышал — короткий вскрик, сдавленный, быстро оборвавшийся. Рогу упал. Макуто не убил его — я чувствовал, что ирьенин еще жив. Но он был обездвижен. Потом я узнал, что Макуто перебил ему позвоночник в двух местах и сломал руки в локтях. Никаких техник, только сталь и сила.

На кой черт мы вообще потащили с собой детей? Хотелось мне этого или нет, но Хаку не хотел оставаться вне боя. А он — как минимум сильный чуунин, а скорее даже — специальный джонин. А наши ребята могли сами легко отбиться как минимум от чуунина и продержаться какое-то время против специального джонина или пары чуунинов. Ну и главной причиной, почему Седьмые были тут, был Какаши. Он, назло мне и Вику, разрешил генинам прийти. Хотя мы бы взяли только Хаку, как самого сильного. А мальчишки и рады. Только Сакура была бледная, как мел, и трусило ее без остановки.

Юки, который смог воткнуть в Игараси несколько сенбонов, в свою очередь, попытался достать сюрикенами чуунина из Водопада. Зря. Игараси я всё равно перехватил, хоть ей и удалось отклониться от удара в спину, и я ее только поцарапал, разрезав жилет. А в чуунина тем временем полетели сенбоны, потом на беднягу бросилась толпа клонов Наруто, и под конец в него врезался огненный шар. Не знаю, насколько тот чуунин был крут, но тут ему ловить было нечего.

— Похоже, он — всё, — не отрывая взгляда, кивнул в сторону противника детворы. — А, нет, еще трепыхается. Но едва ли это надолго.

Чернокожая рыкнула, бешено сверкнув глазами, и снова кинулась в лобовую.

Игараси был опасным противником. Несмотря на яд, на ярость, на раны и контузию, несмотря на то, что тайдзютсу было ее самым слабым местом. Покрытые искрящимися ярко-голубыми «нитеями» кунаи в ее руках мелькали с огромной скоростью, но я умудрялся отбивать их удары своим оружием. К счастью, у меня с чакрой проблем не было, и она, циркулируя по металлу куная и танто, не давала мне получить удар током.

Попытавшись ударить сбоку, Ига перехватила кунай обратным хватом. Скрежет металла о металл заставил болезненно скривиться, наши кунаи сломаны. Танто, слава богам, цел. Кажется, Игараси этого даже не заметила. С зажатым в кулаке обломком она ударила меня под дых, но на мне был чуунинский жилет, и он не провел электричество, а лишь затлел. Большого она не добилась. Я схватился за торчащий в ее предплечье сенбон и резко дернул его влево и быстро вправо, точно рычаг.

Если судить по воплю, это должно быть больно. Ну да, когда длинная и острая металлическая игла царапает кость и разрывает мясо — это обязательно должно быть больно.

Ее рука опала плетью, то ли сведенная судорогой, то ли еще почему. Я сжал пальцы так, что пластинка с перчатки съехала, закрывая костяшки. Этим кастетом я ударил Охотницу в лицо. Она нужна была живой.

Отшатнувшись, Ига попыталась пырнуть меня еще целым кунаем, и я попробовал его отбить своим танто... Я не рассчитал.

Молнии на ее иззубренном кунае внезапно погасли — видимо, чернокожая не смогла удержать покров райтона. Я не успел остановить удар, и лезвие, всё еще напитанное чакрой ветра, легко перерубило истерзанную железку Игараси и по инерции пролетело дальше, точно горячий нож в масло, вгрызаясь в ее тело. Вспухший было на обломке искрящийся ореол погас, кунай выпал из руки, а Игараси закатила глаза, осев на землю.

— Проклятье! — прошипел я, спасти ее было поздно.

Чтобы спасти Игу, надо было быть медиком уровня Цунаде. Танто прошел насквозь, от левой ключицы через легкое и сердце, и застрял уже рядом с позвоночником, скорее всего, и его тоже повредив. Я тут бессилен...

Если бы у нее было другое оружие, возможно, она бы его использовала, а не держалась за тот покореженный взрывом и моими ударами мой же кунай, к которому я крепил взрыв-теги.

Макуто в это время возился с Рогу. Я краем глаза видел, как он присел над телом ирьенина. Он не добивал его, но я чувствовал странную пульсацию чакры — чужой, не моей. Макуто что-то делал с ним. Вытягивал

жизненную силу? Я не знал точно, но спрашивать не стал. Потом объяснит.

Тем временем Хаку бросил сенбоны в медика из Кумо, а я поддержал его атаку сюрикенами. Ирьенин отвлекся и отпрыгнул, а Мечник оказался совсем рядом с ним.

Виктор снова бросился на Рогу. Я тоже побежал к ним. А вот Хатаке игрался с главарем этой банды. Не то чтобы как кошка с мышкой, хотя силы и явно были неравные. Хатаке был сильнее, но джонин держался хорошо, он успевал отбивать удары и не переставая контратаковал. Поэтому, вся проблема была в том, что Какаши не относился к своему бою достаточно серьезно и находил время для болтовни!

«Прибей и заткнись!» — чуть было не выкрикнул я, но вовремя прикусил язык. Бесил меня сильно этот синдром околоподъездной бабки. Или как он там называется в справочнике студента психолога?

Хотя, похоже, этот бой для Чучела оказался не таким легким, как он ожидал. Сначала на Какаши нападали двое, это уже после дети увели того чуунина в сторону. Как и у него, главным элементом его противника была молния. В общем, не самый удобный противник.

Ирьенин пытался отбиться, но теперь ему надо было контролировать не только Мечника, но и меня. Я крикнул Виктору:

— Он нужен живым.

И через пару минут кисть ирьенина отлетела в сторону, а сам Рогу получил лезвием меча по голове. К счастью для него — плашмя.

— Вот, — выдохнул Виктор, — живой. И почти целый.

— Спасибо, — позволил я себе перевести дыхание и почувствовал, как засадила кожа под укрепленной чакрой сеткой, на автомате прижав руку к животу.

Вик встревоженно глянул на меня, но я поспешил успокоить:

— Синяк — это не смертельно.

Теперь у нас оставался только атаман. Джонин из Кумо сместился к детям. Я уж было подумал, что тут ему и конец, но Хатаке показал «класс» — и теперь стоял, приставив к горлу Хидеки кунай. Киро сглотнул. Потом резко щелкнул пальцами. Яркая вспышка света до рези в глазах ослепила всех! Хатаке вслепую отбил несколько ударов, судя по звону.

Когда я перестал видеть цветные пятна, оказалось, что молниеви́к пленил Сакуру, приставив к ее горлу кунай.

— Не дергайтесь, а то девчонка умрет, — хрипло и тяжело выдохнул он.

Я скрипнул зубами, но тут же расплылся в гадостной улыбочке, поддерживая настрой мыслями: «Сбил дыхалку? Да, видок у тебя, прямо скажем, не самый хороший. Помятый даже». Впрочем, к моему удивлению, Какаши выглядит не намного лучше. Снова потратил кучу чакры? Да и морда у него при виде взятой по его оплошности в заложницы Сакуры стала какой-то безрадостной. Небось, для него Харуно сейчас так похожа на Рин...

А вот нечего было снова показухой заниматься! Решил перед детьми выпендриться? Показать им, что ты круче всех и легко главаря сам в легкую повяжешь? Судя по эмоциям — именно так. Фонтанировал гордостью и весь был в радостном, самодовольном предвкушении. А вот не сложилось у тебя, понторез!

— Ну, допустим, ты ее убьешь, — нашел я силы, чтобы улыбнуться облачнику. — Дальше-то что? Тебе от нас всё равно не убежать, — медленно развел руками и склонил голову на бок. После чего озвучил наше предложение.

— Сдавайся, и мы сохраним тебе и Рогу жизнь, — кивнул на лежащего на траве медика. — Он будет жить. Ему даже руку можно без проблем спасти, — на моем указательном пальце полыхнул и погас зеленоватый огонек.

Макуто поднялся из-за спины Рогу и встал рядом со мной. Его танто был в крови. Он не сказал ни слова, но Киро перевел взгляд на него и вздрогнул. В глазах мальчика не было ничего.

— Приведете его в порядок и дайте нам уйти, — прижал Хидеки острое к шее девочки, так что чуть проколол кожу.

Сакура сглотнула, а в ее глазах начали собираться слезы.

— Мы отойдем на опушку леса и оставим девчонку там. Дайте нам уйти,
— снова потребовал шиноби.

— А зачем нам отпускать вас? Что вы можете предложить нам за свои подратые шкуры? — медленно и с ленцой спросил я джонина, краем глаза замечая встающего из лужи ледяного клона Хаку. Я прикрыл глаза, чтобы, скосив взгляд, не выдать того, что я увидел, и незаметно использовал Дельфиний Свист. Сам подросток, как я чувствовал, стоял за моей спиной, одной рукой он держал сенбоны, будто думал, кидать их в джонина или нет, а второй, закрытой мной от джонина, незаметно сложил печать.

— Эту девку! Она из побочной ветки клана Курама! — зло крикнул Киро.
— Вам за нее клановые головы поотрывают! Дайте нам уйти!

Я скривил лицо в улыбку и открыл глаза. Нукенин ошарашен, он смотрит на меня как на сумасшедшего, впрочем, остальные удивлены не меньше.

— Она? Курама? Пф! Кто вам сказал такую чушь? Она — бесклановая. Хочешь ее убить? Валяй!

Пока джонин смотрел на меня круглыми глазами, ему в предплечье и куда-то рядом с локтем впились сенбоны. Кунай, как в замедленной съемке, выпал из ладони, и разжалась вторая рука, которая держала Харуно на весу. А в Киро уже воткнулась новая волна сенбонов — на этот раз в спину и шею. Сакура еще не успела упасть на землю, не устояв на ватных ногах, а Хатаке уже воткнул в сердце нукенина кунай, обильно обрызгав девчонку кровью.

Злобно взглянув на позера, я мысленно выругался: «Вот же кретин, Собакин!» — скривился. — Я дрался грязно, потому что для меня Игараси была реально опасным противником, потому что я надеялся взять ее живой! Виктор, по той же причине, сразу не снес голову ирьенину, а крутился вокруг него, стараясь вырубить без тяжких телесных. С его рельсой это ювелирная работа! А дебил-Хатаке пришил командира врага, когда его можно было взять тепленьким! Занять бы у Виктора

Обезглавливатель, да как долбануть им плашмя по одной серой одноглазой башке!

Выдохнув, я подбежал к девочке и, встав рядом с ней на колени, приподнял ее подбородок. Бегло осмотрев, вытер ее лицо и шею платком, смоченным водой из фляги. Ранка оказалась совсем не глубокой, но длинной. Залечив царапину, я обнял всё еще не отошедшую девочку, приговаривая, что всё кончилось и она в безопасности. Стоило ее прижать к себе, как она громко вздохнула и обмякла. Но сознания не потеряла, а разрыдалась. Булькая, Сакура пыталась что-то сказать, вроде как что-то обвиняющее в мой адрес, так что пришлось ее усыпить нажатием на пару точек, про которые я слышал на курсах ирьенинов, и передать мальчишкам.

— Побудьте с ней. Вы ведь не ранены?

— Нет, не ранены, — покрутился Наруто, и Саске за одно осмотрел. — Не.

На первый взгляд на них не было ни царапины. Спасибо тебе за это, Хаку!

Макуто подошел к телу Рогу и опустился на корточки. Я видел, как он положил ладони на грудь ирьенина. Его чакра потекла в тело мертвеца, а потом обратно — темная, тяжелая. Макуто забирал то, что осталось. Способности сенсора, память, техники — всё, что он мог вытянуть. Я хотел остановить его, но передумал. Рогу был мертв, и пусть его сила послужит тому, кто выжил.

— Что ты делаешь? — спросил Наруто, подходя ближе.

— Забираю то, что мне пригодится, — ответил Макуто, не поднимая головы.

Наруто замолчал. Он не понимал, но и не осуждал.

Макуто встал и отряхнул штаны. На его лице не было никаких эмоций.

— Их было семеро, — сказал он. — Шестеро убиты. Один в плену. Всё.

Я кивнул.

Потом я пошел пришивать руку коллеге из Кумо. Нет, не из человеколюбия, а как раз наоборот. Калека-шиноби мог запросто наложить на себя руки, чтобы ничего не выдать, — терять ему всё равно было нечего. А вот с двумя целыми руками он мог надеяться, что «еще немного, еще чуть-чуть, и...». Такой будет цепляться за жизнь до тех пор, пока не увидит стены Конохи. К тому же так ирьенина конвоировать было бы сложнее — на одну руку наручники сложнее надевать. Да и с чем Морино Ибики работать будет, если пальцев только пять будет?

Проверив дзютсу мистической руки — итог моей первой операции, я тихо пробормотал:

— Надеюсь, я ничего не перепутал.

Дело было в том, что нам по живому работать не разрешали. Мы пока что были больше теоретиками, чем практиками. Хотя Кито учил приклеивать на место оторванные конечности, но только на трупах. В общем, мне повезло, что я успел застать практическое занятие — демонстрацию по теме «Оторванная рука и как ее приляпать на место в полевых условиях с помощью Мистической руки и подручных инструментов». А еще хорошо, что рядом был Хаку и незаметно исправлял мои самые большие косяки.

— Так, ну нервы я все соединил. Ибики будет незачем меня недобрым словом вспоминать.

И тут я задумался, откуда мне так много известно о том, как конвоировать пленных, как они будут думать и что количество пальцев может быть важным для допроса. Опять Ирукина память? Спасибо, пригодилось.

Когда я начал перепроверять по свитку-инструкции, бормоча под нос: «Ксо (Дерьмо), накосячил. Это не сюда... это куда-то не туда прикрепил... ну да ладно, и так сойдет», от Какаши очень явно пахнуло ужасом. Да я тоже был бы не в восторге от криворукого хирурга.

И Виктор тоже смотрел как-то по-новому. Видимо, понял, как близок он был к смерти, пока я его лечил.

В общем, замотав руку ирьенина бинтом чуть выше запястья поверх рубца, мы запаковали его в специальные наручники. А я снова пожалел о том, что нельзя пленных запечатывать в свитки.

Шинобские наручники представляли из себя кожаную бляшку с кожаными же петлями для рук. Для укрепления конструкции они были усилены металлическими нитями и покрыты вязью печатей. Их задачей было не только тянуть чакру, но и затруднять ее контроль тем, на кого они были одеты. Конструкция была очень легкой и компактной, но при этом очень прочной. Даже Виктору освободиться из таких наручников было бы затруднительно.

Наручники немного напоминали паука: брюшко — печать, выдавленная на кожаной бляшке и заполненная чернилами, лапки — плотные ремешки, усиленные сердцевиной из лески, сплетенной косичкой. После того, как наручники оказывались на руках, сверху печати крепился плоский металлический замок, похожий на хитиновые надкрылья у жуков. Он стягивал леску и одновременно защищал печать. Впрочем, на этих «надкрыльях» тоже были печати.

Прямо скажем — не панацея. Ток чакры в руках хоть и нарушался, но шиноби в таком случае всё равно оставался опасен. Но лучше так, чем никак. Хотя...

— Хатаке-сан, вы ведь нанесете на него временные печати для конвоирования?

Обычно вместе с наручниками использовали печати, нарушающие движение чакры. Работали они так себе, держались, в зависимости от силы чакры шиноби, не слишком долго или совсем недолго, да еще и в освоении были не слишком просты. В манге и других источниках о таких печатях я не слышал, но как оказалось, они тут были.

Хатаке скривился, но кивнул и приступил. С вражеского ирьенина сняли одежду, оставив только штаны и обувь, я вернул себе свиток, оказавшийся, как я и думал, у этого козла, а Какаши попросил у Наруто немного сухих чернил. Задействовав шаринган, джонин эталонно поставил печать прямо на кожу между лопатками и картинно сдул оставшуюся труху с перчатки.

Фуиндзютсу слабо поддавалась копированию, но шаринган помогал воспроизвести движения и ток чакры мастера, заодно облегчая заучивание печати. Вообще, для изучения фуиндзютсу было характерно два подхода

— быстренько научить, как ставятся нужные тебе три-четыре печати, либо же потратить много лет на изучение сложной науки, понадеявшись, что потом на ходу сможешь создавать любые конструкции. Хатаке, скорее всего, как и подавляющее большинство, был сторонником первого подхода. В отличие от меня и Наруто. Иначе, зачем ему было бы открывать шаринган в процессе клеймения барана-ирьенина?

Тот, кто правильно заучил, например, ту же печать для конвоирования, мог применять ее почти со стопроцентной гарантией того, что не покалечит пленного. Только объяснить, как ее ставить кому-то другому, было задачей нетривиальной. Результат в таком случае мог быть не предсказуем: от «работает, но как-то не так» до «совсем не работает, ищите другого пленного». Именно поэтому пришлось просить Собакина, вместо того чтобы разрешить Наруто поэкспериментировать.

На всякий случай я еще вколол Рогу снотворное, после чего мы привязали его к дереву. Виктор настоял, чтобы ирьенина повесили повыше, привязав к стволу на тот случай, если кто-то из бандитов попытается его освободить. Сказал, что лучше подстраховаться. Других-то пленных больше нет. Теперь, чтобы освободить ирьенина, гипотетическому недобитку надо раскидать клонов Наруто и отогнать Сакуру, с удобством расположившуюся на толстой и крепкой ветке. Пока я и пацаны приматывали бессознательного пленника, Забуза и Какаши обыскиали трупы. Ничего ценного у них не нашли, с тоской посмотрели на дгорающий дом и разошлись по сторонам.

Макуто отошел в лес и вернулся через несколько минут. Он был спокоен, но я заметил свежие пятна крови на его рукаве.

— Всё? — спросил я.

— Всё, — ответил он. — Я проверил. Никто не ушел.

Я кивнул. Мы не говорили о том, что он сделал с теми, кто еще дышал. Я не хотел знать.

Когда Рогу был закреплен, ко мне подошел Наруто. Он взял меня за руку и молча увел с полянки. Но за нами увязался Саске, и Узумаки это не

наверное. Он недовольно поглядывал на державшегося неподалеку сокомандника и что-то бурчал под нос, поджимая губы.

— Так, Наруто, — вздохнул я, — у нас есть этикет, и ты его сам читал. Если тебе хочется поговорить наедине, то ты просто должен был попросить Саске постоять в сторонке, пока ты спрашиваешь. Это совершенно нормально — иметь свои секреты или просто задать какой-нибудь смущающий тебя вопрос.

— Мне уйти? — с невозмутимым выражением лица, но с досадой в эмоциях спросил Саске.

Узумаки замялся под нашими вопросительными взглядами и выдал:

— Да ладно, не надо. Ирука, а ты ведь сегодня просто отвлекал того здорового? Тебе ведь на самом деле было не всё равно? Ты ведь беспокоился за Сакуру, правда?

— Да, отвлекал, — легко согласился я.

Мальчишки вздохнули с облегчением, только Саске это сделал незаметно, чуть дрогнула «маска». Эмоции были гораздо честнее.

— Но, ребята, — невольно сделал паузу, — вы должны знать и понимать, что если бы у нас была война и критическая ситуация, то правильно было бы пожертвовать Сакурой, чтобы спасти всех остальных.

Наруто замер на мгновение, а потом ожидаемо взорвался:

— Но это же неправильно! Так нельзя! Друзей надо спасать, а не оставлять их умирать!

Этот выкрик привлек чье-то внимание, но так как рядом мелькала серая башка, не трудно догадаться, кто подслушивал.

— Я согласен, — тихо сказал я, отводя взгляд. — Так поступать плохо.

Узумаки удивленно замолчал и непонимающе посмотрел на меня.

— Но ты ведь сам сказал...

Что «сказал», Наруто так и не повторил, так что я нарушил тишину.

— Да, сказал, что в таком случае на войне Сакурой бы пожертвовали. Хочется мне или нет, но таковы реалии нашего мира. Большинство именно так бы и поступило. Нет смысла рисковать жизнью ценных и сильных шиноби, пытаясь спасти слабую и бесперспективную бесклановую девчонку.

— Мне это тоже не нравится. Но, ребята, вы что, хотели бы, чтобы я вам соврал?

Ответом мне было угрюмое молчание.

— Нет, — наконец выдавил из себя Наруто и тихо добавил:

— Лучше правду.

— И еще, ребята, что бы там мы не говорили людям из других стран, но шиноби Конохи тоже будут пытаться в первую очередь спасти тех, кто им дорог по тем или иным причинам, и уже потом, если будет возможность — всех остальных.

Макуто, стоявший неподалеку и чистивший танто о траву, поднял голову.

— Он прав, — сказал он. — Сильный защищает слабого не потому, что должен. А потому, что может.

Наруто посмотрел на него, потом на меня. И кивнул.

— Мы готовы. Только вас ждем, — прервал неприятный разговор голос Виктора.

Ребята помотали головами, после чего мы всей компанией отправились на мост. Пока еще безымянный, где со своей армией должен появиться Гато, чтобы показать свою мощь и власть простым обывателям.

Он не скрывал своих планов от меня. Магнат хотел убить Тадзуну на глазах рабочих, а после разогнать их, чтобы те рассказали о случившемся в городе и ближайших деревнях. А мост, если надо, он уже и без старика достроит, предварительно купив за копейки у местного, как он сказал, «никчемного» дайме.

Как сказал сам Гато: «Если скот начинает роптать, то этот скот надо припугнуть».

Пришла пора решить проблему.

На поле около моста, так чтобы их не было видно за сложенными пирамидой досками, собрались бандиты. Это были все люди, оставшиеся у Гато свободными. Мы подбирались по деревьям, а бандиты стояли и не знали, куда же делись все рабочие и что им делать. Нас они пока не видели. Виктор сложил печати для своей коронной техники.

— Что-то их мало, — усмехнулся, поправив маску, Какаши.

Рабочих, которые минуту назад пришли за материалом, бандюки связали и заткнули им рты.

— Могло быть больше, — пожал плечами я. — Если бы не я.

В ответ на вопросительный взгляд я бросил:

— Потом, — и спрыгнул вниз, в сгущающийся туман.

Всё вокруг заволокло молочно-белой дымкой, от излишней сырости начало щипать нос, будто я неудачно нырнул и вдохнул воды.

Просканировав туман, я вздохнул и побежал догонять Виктора. Макуто бежал рядом, бесшумно, как тень.

Набежавший туман никого не удивил, но когда он стал чересчур густым, стало тихо.

А чуть погодя тишину разорвали вопли ужаса и предсмертные хрипы с едва различимым свистом рассекаемого воздуха.

Сначала бандиты ничего не понимали. Стояли столбами и с места сдвинуться боялись, потому что сосед внезапно пропадал, не издав ни звука.

Но вот в тумане кто-то наткнулся на голову товарища и заорал вполне осмысленно, пытаясь организовать перепуганных товарищей. Видимо, кого-то мы с Виктором убили не слишком «чисто», и он успел выкрикнуть что-то вроде «наших бьют».

— Демон Тумана! — завопил кто-то посообразительней. И тут все забегали, как тараканы при включенном свете. Некоторые, конечно, встали спина к спине, но говорить о слаженной работе бандитов не приходилось. У них не было шансов против Забузы и меня. Короткие предсмертные всхлипы и вскрики бойцов. Паника и туман заставляли бандитов бить вслепую, надеясь зацепить нас, но они лишь нападали друг на друга. Некоторые бросали оружие и пытались убежать. Мы с Забузой их не останавливали. Зачем? Там был Хатаке с его техниками земли, Хаку с ледяными иглами и дети с кунаями, сенбонами и сюрикенами. Живым бы никто не ушел.

Это был не бой, а тошнотворная бойня.

Макуто сражался молча. Я видел, как он двигается среди бандитов, как его танто находит цели, как он уходит от ударов. Он не убивал быстро — он убивал методично. Каждый удар приходился в жизненно важную точку, каждое движение было точным и экономным. Он не тратил лишней энергии.

— Спасите меня! — отчаянно кричал магнат, убегая на подгибающихся ногах. — Сделайте что-нибудь! Я много заплачу! Только спасите меня!

Он побежал, когда двое его телохранителей упали. Один — с кунаем в шее, другой лишившись головы. Как только его не пришили свои же.

Туман постепенно редел, и потому Гато сумел рассмотреть меня. Увидев знакомое лицо, коротышка замер, а потом побежал навстречу.

— Иго!

Перепуганный магнат вцепился в мою штанину, как в спасательный круг. Очки он посеял в толчее, а его пиджачок кто-то щедро залил своей кровью.

— Спаси меня, я заплачу!

И упал в грязь мне под ноги.

— Game over, — пробормотал я, подняв бывшего нанимателя за шиворот, и, не прислоняя к себе его грязную тушку, отнес в сторону.

Я его не убил — только оглушил.

Когда туман окончательно рассеялся, стало видно то, что скрывала за собой водяная взвесь. В перемешанной с грязью крови трупы бессмысленно пилились в небо. Виктор развязывал рабочих, которые сидели прямо в луже, постепенно становящейся бурой. А мальчишки боролись со своим завтраком, стараясь подражать невозмутимому Хаку.

Как позже выяснилось, бандиты, которые выбежали в сторону Наруто и Саске, были живы. Некоторые были ими оглушены, другие покалечены. И немногие — убиты, только скорее по случайному стечению обстоятельств, чем умышленно.

Всего бандитов — как мертвых, так и временно живых — оказалось даже меньше сотни.

Макуто сел на бревно, положил танто на колени и закрыл глаза. Он дышал ровно, но я видел, что он устал.

— Всё кончилось, — сказал я, садясь рядом.

— Да, — ответил он, не открывая глаз. — Но это не конец. Это только начало.

Я не стал спрашивать, что он имеет в виду. Я знал.

— Ирука-сан, — сказал он через минуту, — спасибо.

— За что?

— За то, что поверили мне. За то, что дали шанс.

— Ты его заслужил, — ответил я.

Он кивнул и замолчал.

Впервые за долгое время я мог вздохнуть свободно. Будем надеяться, что неприятностей у нас не будет до самого возвращения в Коноху. Впрочем, здесь у нас еще оставалось много незавершенных дел.

Макуто встал, убрал танто в ножны и посмотрел на запад, туда, где за горизонтом лежала Коноха.

— Пора возвращаться, — сказал он.

— Пора, — согласился я.

Глава 26. Победа или зачистка?

— Мы победили?.. — тихо спросил Наруто, дернув меня за рукав и тревожно прислушиваясь к глухим стонам из тумана.

— Да. Только иногда победа хороших парней оборачивается резней плохих, — отступая дальше от разливающейся красноватой лужи, сказал я. Прозвучало это как-то гадко и уныло, что мне самому стало тошно.

— К счастью, бандитам было нечего нам противопоставить, — попытался я исправить. — Так что мы победили. И даже без потерь.

— Не надо, — умолял кто-то надтреснутым голосом, — прошу не... Нет!

Истеричный вопль оборвал глухой, но несмотря на это громкий стук и одобрительный гомон. Меня передернуло.

В белесой дымке, уже не от техники, просто такая была погода, стали видны люди... Не бандиты, нет. Горожане и крестьяне Страны Волн, которые добивали еще живых бандитов.

Наруто закусил губу и отвернулся. Макуто, стоявший рядом, положил руку ему на плечо.

— Не оглядывайся, — сказал он тихо.

«Не о таком ты мечтал, спаситель принцесс и дайме?» — проговорил про себя и придвинул мальчишку к своему боку. — «А уж я тем более...»

Несмотря на то, что Узумаки вырос здесь, для него мир шиноби до сих пор был чем-то вроде сказки: «Вот вырасту и стану героем, как в книжках!» Но в книжках не пишут, как герой кромсал мечом драконье брюхо, а потом, устав, чуть не захлебнулся в зловонной требухе монстра. Да и от свежих мертвецов пахнет не лучше. И далеко не одной только кровью.

На душе было мерзко, но ныть и жаловаться я не имел права. Ведь у Наруто не было другой поддержки, кроме меня. А то, что куча трупов — это плохо, все и так отлично понимают.

Макуто отошел в сторону, туда, где двое местных тащили тело бандита. Он посмотрел на них своим спокойным, тяжелым взглядом, и те, не сговариваясь, разжали руки и отошли. Макуто присел на корточки, провел пальцами по лицу мертвеца — я узнал в нем одного из тех, кто сидел в засаде на дороге еще до прибытия Охотников. Наемник из Дождя. Не тот, которого убил я, и не тот, которого забрал Виктор. Этот парень сбежал, когда мы их отпустили. Видно, не повезло ему — наткнулся на народную толпу.

Макуто поднялся и отошел. Он не произнес ни слова, но его лицо стало чуть бледнее обычного.

Подтянувшиеся во время боя жители деревни, которых уговорили собраться Тадзуна, Цунами и даже Инари, как мы им и советовали, в бой не лезли. Они всё это время стояли недалеко от моста и ждали развязки. Идти против сотни с лишним бандитов Гато дураков не было. Самих селян и горожан собралось немногим больше полутора сотен, среди которых были не только мужчины, но и старики, подростки и женщин. Без нормального оружия. Без навыков. Ну и что они смогли бы сделать? Только умереть. Но когда разведчики из деревенских заметили, что бандитов стремительно вырезают, то храбрости у «народного восстания» прибавилось. И сейчас толпа старательно добивала оглушенных взрыв-печатами, раненых, потерявших оружие, и просто деморализованных бандитов. На каждого такого наваливалось по пять-десять человек. После чего подельников магната забивали тем что было под рукой. Мотыгами, дубьем, вилами, и даже просто камнями и палками. Мы, разумеется, не вмешивались. В этой сказке положительные персонажи еще не дожили до маразма, когда они отпускают побежденных злодеев на перевоспитание. Людям надо было спустить пар и отомстить за боль, страх и унижения, длившиеся годами. Справедливо, но смотреть на это было мерзко и почему-то страшно.

Как-то незаметно усилился ветер, пошел дождь, растворяя клочковатый туман и прибывая к земле смрад. Блестящие от воды, застывшие словно маски, лица не казались мне знакомыми, но по мелким деталям я мог угадать, кто передо мной. Не хотел, но все равно узнавал.

Взгляд сам собой зацепился за что-то яркого синего цвета. Вздохнув, я осторожно отпустил Наруто и подошел к труп, сжимающему меч.

Непроизвольно дернулась щека, ведь этим мертвецом был Юто. Я узнал его только по лазурно-синей оплетке катаны с золотистой кисточкой. Он рассказывал однажды какую-то историю, связанную с этим мечом, но мне было не интересно.

Макуто подошел ко мне и посмотрел на тело.

— Ты его знал? — спросил он.

— Знал, — ответил я.

— Жаль, — сказал он и отошел к следующему труп, чтобы проверить, не подает ли кто признаков жизни.

Я еще заметил медно-рыжую шевелюру Куроку. Кажется, это он записывал анекдоты и истории, которые я рассказывал, а может кто-то другой. Странное чувство, был человек, а вот его уже нет. Отвернувшись, я наткнулся взглядом на Саске, который деловито оттащил Гато из-под ног Наруто к горе каких-то досок прикрытых плотным полотном, похожим на брезент. Завидев коротышку к Саске подошли три особо наглых человека, но так как чувство самосохранения у них еще не до конца атрофировалось, то они просто молча встали рядом. Я хотел было вмешаться, но брюнет отлично справился сам — он хмуро зыркнул на местных шаринганом и, сжав губы, отвернулся, чтобы откинуть в сторону мокрую ткань. Под ошарашенными взглядами побелевших горожан он сел на сырые доски и, поставив на бок магната ботинок, фыркнул. Только после этого трио, пятясь и поминая демонов, ушло искать себе более доступную жертву.

Я понимал, что должен был морально поддержать и успокоить не только Наруто, но и Саске. Учуха был бледен сильнее чем обычно, хмурил брови и в нитку сжимал губы. А еще — он о чем-то сильно задумался, так что я не решился его отвлекать. И, кстати, думал он о чем-то сильно для него неприятном... Судя по эмоциям — скорее даже о болезненном.

Вся проблема была в том, что я не мог придумать, как к нему подойти и что сказать. Все же Саске я знал лично не слишком хорошо, чтобы лезть

со своей помощью. Даже с немногословным Хаку мне было проще, чем с младшим из ныне живущих Учих. Макуто, увидев мое замешательство, сам подошел к Саске.

— Ты хорошо дрался, — сказал он. Саске поднял на него глаза, но ничего не ответил. Макуто кивнул и отошел, не дожидаясь благодарности.

Чтобы было время подумать над решением, я стал собирать оружие, попросив Наруто подержать мой плащ, чтобы не испачкался. Макуто помогал мне, молча складывая кунай в отдельную кучу.

Когда я гадал, стоит ли брать кунай с обломанным кончиком или выбросить его, к нам подошел Какаши.

— Знакомые лица? — съязвил он. — Наверное, не одну токкури опустошили вместе?

Я пожал плечами и, рассеянно шаря глазами в поисках оружия, ответил:

— Не пью.

Хатаке глянул на меня то ли как на идиота, то ли как на отморозка, а потом от него «пришло» понимание, и он с превосходством фыркнул. А уходя, еще и буркнул что-то себе под нос насчет «деревянных». Макуто проводил его взглядом, но промолчал.

Чужие ненависть и злобный азарт отдавались в моей голове тупой болью. Приложив к голове слабо святающуюся зеленым ладонь, я взглянул на Наруто. Мальчик сглотнул и, глядя расширившимися от ужаса глазами на крестьян, сжимал мой плащ так, словно хотел за этим комком спрятаться, но боялся шевельнуться. Неудивительно, ведь люди сейчас походили на гиен, вцепившихся в кусок мертвечины. У Хаку вид был не лучше. Им обоим явно вспомнилось что-то очень неприятное. Стало горько от того, что мальчишкам пришлось пережить что-то подобное. Горько и тошно. Подойдя к Наруто, я успокаивающе положил ему руку на плечо.

— Это не наше дело, — решил я сделать упор на настоящее, чтобы отвлечь блондина. — Бандиты это заслужили, поверь мне на слово.

Узумаки отвел взгляд и кивнул. Макуто встал рядом, тоже глядя в сторону. А рядом Забуза, не сильно сжав плечо Юки, похоже, тоже прошептал ему что-то успокаивающее.

Наруто грустно вздохнул и уткнулся лицом мне в бок, на уровне пояса. Ростом он по-прежнему был ниже всех. Даже Сакура, казалось, подросла, а Узумаки как был метр с кепкой, так и остался. Хотя я мог и ошибаться.

— Ирука-сан, — позвал вдруг Саске, — подойдите сюда.

Оказалось, очухался Гато. Слишком легко я его ударил, и теперь связанный магнат крутился на досках, точно короткая жирная гусеница. Встретившись взглядом с бывшим нанимателем, я изобразил заинтересованность, а Гато похлопал крохотными глазками и снова принялся изображать корову — мычать сквозь кляп.

— Уже очнулись, — присел на корточки, прислонив магната спиной к дереву. — Я совсем запомнил вам сказать, — сдвинул очки-маску с головы на глаза, — меня, на самом деле, зовут Умино Ирука, а не Иго. И я не нукенин, а чуунин Конохокагуре, — ткнул пальцем в свой целый протектор. — Приятно познакомиться, Гато-сама.

Покраснев как рак, коротышка начал злобно орать что-то в кляп. Саске, фыркнул. Макуто подошел ближе и встал за моей спиной.

— Ну, — изображая участливость, похлопал его по плечу, — в следующий раз будете умнее, Гато-сан. И не будете наживаться на чужом горе, — а потом, будто бы опомнившись, заметил. — Ах, да, возможно, следующего раза в этой жизни у вас уже не будет. Сочувствую.

Конечно, так зло шутить над коротышкой было совсем не обязательно, но мне стало немного легче.

Гато скорчил постную рожу и горестно завыл. Может мне показалось, но в этом мычании мне слышалось «заплачу» и «развяжи». Когда люди успокоились и стали бросать взгляды на нас, я сделал клона и, на всякий случай, передал ему магната. Толпа, опьяненная жаждой крови, могла не понять доводов разума, а нам магнат пока что был нужен живым, и потерь среди не особо мирного населения тоже не хотелось.

Выбрав свободную минутку, я повернулся к Учихе.

— Саске, с тобой все в порядке? Понимаю, что это резня... Это тяжело и неприятно... И если тебя что-то тревожит, ты можешь сказать мне, в чем проблема. Я, как смогу, попытаюсь помочь.

Какаши брезгливо поморщился, посмотрев на меня со злостью, подозрением. Наруто широко улыбнулся и мне и Саске. Пусть у брюнета только дрогнули уголки губ, но настроение изменилось, я это почувствовал.

— Нет, спасибо, Ирука-сенсей. Все в порядке.

— Хорошо, — кивнул я. И мысленно добавил: «Ну, вот и поговорили».

Без сомнения Учихе было проще, чем Наруто, но все же не настолько все равно, как Хатаке. Тот со скучающим видом, не морщась, смотрел даже на то, как местные издеваются над бандитами. А меня мутило.

Когда люди успокоились и добили оставшихся бандитов, к нам подошел смуглый и темноволосый паренек лет четырнадцать, может пятнадцать, на вид. Остановившись в паре метров от нас, он низко поклонился и сказал:

— Господа шиноби, мы знаем, что наша Страна и мы все, в неоплатном долгу перед вами. Но мы вынуждены просить вас помочь нам. Мой брат... — запнулся парень, — И многие другие сейчас томятся в лапах работорговцев Гато. Пожалуйста, помогите нам их спасти.

Толпа одобрительно зашумела, временно перестав тискать вилы и прочий инвентарь, и, кажется, даже забыв про Гато. Во всяком случае, никто о нем не спрашивал.

А я, выслушав эту историю, вздохнул. Ведь за беготней с бандитами я чуть не забыл про рабов, которых хотел освободить, и про работорговцев, на них у меня тоже были планы. Только теперь они мне казались не слишком удачными. Макуто подошел к парню, посмотрел ему в глаза.

— Где это место? — спросил он.

Парень указал в сторону порта.

— Мы знаем, — сказал Макуто и отошел.

Но пока я размышлял, Наруто вышел вперед и торжественно пообещал местным:

— Мы их обязательно спасем!

А Саске одобрительно фыркнул, похоже, ему сегодня тоже хотелось побыть героем. Вот только эта бойня на подвиг не тянула от слова «никак». Макуто кивнул, подтверждая слова Наруто.

Копируя улыбку мелкого, я положил руку ему на плечо и на плечо Саске.

— Как Наруто и сказал, — обратился к людям, — мы освободим всех. Если хотите, можете идти к порту, где находятся работорговцы, за нами.

Мальчик осторожно улыбнулся, похоже, ему было стыдно за свой то ли шок, то ли страх, и он стремился доказать всем, и в первую очередь себе, что с ним все в порядке.

Люди одобрительно загалдели, а пока они отвлеклись, Виктор сделал пару клонов, и те тихонько утащили магната в сторону офисного комплекса, как неандертальцы — добытого кабанчика. Влив в ноги чакру, мы рванули к офису — там нужно было опечатать кабинет Гато и закрыть в нем самого магната под охраной теневых клонов Узумаки, на фуин-замок.

Хотя мы и сделали крюк, размещая Гато, но все равно появились в порту раньше, чем гражданские — все-таки шиноби были гораздо быстрее.

Макуто бежал рядом со мной, не отставая ни на шаг.

Около забора Хатаке остановился, посмотрел в небо и, раскрыв книгу, дождь-то кончился, молча почапал по стволу вверх. Всем своим видом изображая, как ему лениво и в лом идти дальше, начал располагаться под мясистыми желтыми листьями.

— Полагаю, вы и сами справитесь с этими отбросами, — бросил Какаши.

— В последнее время вы продемонстрировали более чем достаточный уровень самостоятельности. А я пока почитаю.

И, фонтанируя радостными эмоциями, стал наблюдать за мной в предвкушении, делая вид, что читает книжку.

Я вздохнул и покачал головой. Собакин, что, решил, что я один не справлюсь или не рискну нападать на толпу и обязательно потеряю лицо, попросив кого-то о помощи, по сути, расписавшись в своей слабости? Может, это попытка отомстить за то, что я-то двоих Охотников убил, а он, «г-гер-рой», прибил загнанного и неспособного сопротивляться главаря, которого надо было взять в плен? В общем, остались мы впятером: я, Виктор, Хаку, Наруто и Саске. Все молчали, ожидая моего решения. Макуто стоял чуть поодаль, прислонившись к дереву. А рядом Хатаке повернулся к нам не закрытым хитай-атэ ухом. Ну, внимай, чучело!

Повернувшись к седьмым, я сказал:

— Значит так, ребята, сейчас вам предстоит очередной урок. Этот бой — будет ваш.

Мальчишки замерли в ожидании, а Хатаке прислушался.

— Вы уже убивали других людей — взрыв-печатами, техниками, брошенными кунаями и сюрикенами. Но тогда вами руководили. Теперь же вам предстоит победить самим. И еще, по возможности... убейте своим оружием. Лично.

У Какаши испортилось настроение.

А мне стало смешно. Мой урок отдаленно напоминал ситуацию нашего первого боя. Но именно что напоминал и лишь очень отдаленно. Сейчас у мальчишек был свой, пусть и небольшой, личный опыт, слабые противники и я в качестве страховки. Макуто кивнул и встал рядом со мной, готовый прикрыть детей.

В каноне ситуацию спасал Саске. И то, только потому, что видел вещи пострашнее, чем кровавые ошметки едва знакомого шиноби. А вот Наруто получил царапину с ядом, потому что растерялся.

Подумав, Саске кивнул, а Наруто недоуменно скопировал кивок, все еще не понимая смысла моего задания.

— Это нужно для того, чтобы у вас не дрогнула рука, — ответил я на не заданный вопрос, — Чтобы вы нанесли смертельный удар и не промахнулись, засомневавшись. — Виктор одобрительно покивал. — Если сомневаетесь в своих силах или возникает ситуация, когда вас могут окружить, или возникает опасность — немедленно делайте замену или отступайте. Всегда держите удобные для вас дистанцию и темп. Ни в коем случае не давайте себя окружить, используйте клонов Наруто для отвлечения внимания и прикрывайте друг другу спину, используйте совместные атаки. Всё ясно? И еще кое-что, постарайтесь не использовать дальнобойные дзютсу, чтобы не задеть людей в клетках. Но если будет возможность безбоязненно бить по толпе врагов скомбинированными техниками — не сомневайтесь и атакуйте!

— Хай, — ответил за двоих Наруто, а Саске фыркнул, за безразличием скрывая легкую неуверенность.

— Ваша задача — научиться убивать людей в близком контакте, а не убить их как можно больше. Хотя если вы прикончите всех работорговцев одним ударом, то это будет замечательно, — криво усмехнулся я.

— А ты? — удивленно спросил Наруто.

— А я буду рядом и прикрою вам спину, — заверил, и посмотрев на Виктора, спросил — не поможете мне подстраховать ребят, Забуза-сан?

Хаку глянул на Виктора и негромко сказал:

— Я тоже пойду с ними.

Виктор кивнул и, придерживав подростка за плечо, добавил:

— Не убивай за них. Они должны через это пройти.

Я мог напасть на работорговцев прямо в лоб, и если не убиться, то покалечиться о них на радость Собакину. Я мог бы попросить Виктора, — точно знаю, что мой авторитет в его глазах не упал бы и он бы не отказал. Также не думаю, что ребята стали бы думать, что я трус. Я мог бы попросить Виктора навесить пелену тумана и потом сам всех вырезать. Правда, я сегодня и так чакры немало потратил, и это, особенно с моим слабым владением этой техникой и порядком усилившимся ветром,

грозило бы мне истощением, но это было возможно. Но Хатаке, в отличие от меня, не знал, что народу здесь было относительно немного и они были распределены по достаточно крупной территории, так что мы могли спокойно уничтожать их по частям. Устраивать цирк с Покровом Тумана и тихими убийствами просто не было смысла. Мы с ребятами быстрее и сильнее бандитов, у нас есть техники и уверенность в победе. А значит, мне только надо было извлечь максимум пользы от уничтожения работоторговцев.

Догнав нерешительно мявшихся у порога мальчишек, Хаку перешел на шаг.

Макуто поравнялся со мной, держа руку на рукояти танто.

Парочка охранников у входа во внутренние помещения, увидев нас, побледнела.

— Уважаемые шиноби, мы не знаем, за чем или за кем вы пришли, но мы... — договорить сообразительный мужичок не успел. Он, как и его товарищ, получил от меня кунай в горло. Не хватало еще мальчишкам убивать тех, кто молит о пощаде. И без того тяжело, мне ли не знать. Пусть лучше работоторговцы попытаются драться.

То что произошло с их товарищами, прекрасно видели бандиты, которые находились внутри. Самодельные столы отлетели к клеткам, разлетелись карты, с громким скрежетом кто-то вытащил меч.

— Почему?! — недоуменно выдохнул-выкрикнул Наруто, глядя на меня, вытиравшего кунай об одежду одного из мертвецов. Закончив, я отпустил труп, и тот мешком обвалился на грязный пол.

— Затем, чтобы вас не обнаружили раньше времени, чтобы не оставлять врага за спиной. Не ждите, что вас спровоцируют. Вам иногда придется убивать без личного на то повода, — ответил я. — Но для убийства конкретно вот этих мразей повод есть — те сотни и тысячи людей, жизни которых они загубили, продав их в рабство, — не спускал я глаз с будущих трупов, собиравшихся в стороне, и продолжал науськивать пацанов. — Так в клетках даже сейчас — десятки, скорее даже сотни людей. А среди них могли бы быть Инари или Цунами. Так что убивайте

всех. Даже если они будут пытаться сдаваться. Если оставим их в живых, то подвергнем опасности людей Страны Волн. Это обычные разбойники могли заняться грабежами по разным причинам, а работоторговцами могли стать только отъявленные негодяи. Хороших людей там нет, так что повторяю — убивайте всех!

Кучка торговцев живым товаром переглянулась, видно было, что такого они не ожидали.

— Хаку, прикроешь Саске, я пригляжу за Наруто. Макуто, ты зайдешь с другой стороны, никто не должен выйти живым.

Макуто кивнул и бесшумно скользнул в тень. На всякий случай я сделал еще троих водяных и пару теневых клонов и пусть присматривают за всеми нами, а то мало ли что...

Работоторговцы стали сбиваться друг к другу, чтобы защитить спины, вот выбежал какой-то их начальник. Мы приближались неспешным шагом.

— Не торопитесь, пусть соберутся, — придержал я Наруто. Атаковать техниками лучше тогда, когда соберется хоть какая-то группа бандитов.

Вот какой-то тип, одетый побогаче остальных, вытащил катану и заорал что-то типа: «Убьем этих сопляков!» — махнув своей железкой в нашу сторону.

И вот в нашу сторону уже бежит толпа, на глаз — в два-три десятка рыл. Прямо в толпу несется огненный шар Саске и теневые сюрикены от Наруто. В этом здании, к счастью, клетки были очень далеко от входа.

Работоторговцы замерли в замешательстве, глядя на корчащихся на земле раненых, трупы и несколько силуэтов, которые с дикими воплями метались по полу, пытаясь сбить пламя.

В нос ударили запахи паленых волос и горелого мяса.

Впрочем, их предводитель был цел — он ловко отбил катаной пару летевших в него сюрикенов. А от огня он тоже не пострадал, так как предусмотрительно держался за спинами своих подчиненных. И теперь с воплем:

— За мной, трусливые псы, убьем их! — он ворвался на передовую.

— Похоже, это очередной бывший ронин, — громко сказал я. — Будьте с ним осторожнее.

Макуто появился из-за колонны сбоку. Он перехватил одного из бандитов, который пытался зайти к нам в тыл, и одним движением перерезал ему горло. Беззвучно. Быстро. Он двигался среди врагов, как тень, и каждый его удар находил цель. Я видел, как он отбил атаку длинным ножом, как ушел от удара, как вогнал танто в живот следующему противнику. Он не кричал, не тратил силы на пустые движения — он убивал.

С хлопком возникли клоны Наруто. Теперь нас тоже толпа. А в работоторговцев опять полетели сюрикены и уже последние метательные кунаи Учихи. Еще несколько торговцев живым товаром упали, чтобы уже не встать.

Хорошо, что первый удар приняли на себя дубли. Все-таки в такой тесноте легко можно было получить удар каким-нибудь оружием, а от удара в тесноте никто не застрахован. И пусть даже теневого клону достаточно даже одного тычка, чтобы развеяться, но бандиты несли ощутимые потери.

Вот один из них — русский здоровяк замахнулся обитой железом дубиной на Саске. Тот легко поднырнул под замах и всадил в печень врага кунай. По сравнению с красноглазым бандит смотрелся медлительной черепахой. Работоторговец застонал, но вскоре замолк, закашлявшись кровью — Учиха добил его ударом второго куная под ключицу.

Попытавшийся напасть на красноглазого со спины бандит получил несколько сенбонов в шею, и что-то мне подсказывало, что Хаку это сделал не для того, чтобы вывести противника из строя. У Наруто дела шли так себе — он пытался не убивать своих противников. Вот он замешкался с ударом, что должен был стать смертельным для его врага, тот отскочил и ударил катаной. Мне пришлось блокировать удар своим танто.

— Они не достойны твоей жалости, — я с силой приложил наемника об стену, выбив у него из руки катану. — Бей!

— Хай, — закусил мальчик губу и, перехватив кунай, ударил под ребра своего противника. Тот охнул и обмяк. Отступив на шаг, Наруто посмотрел на свою дрожащую руку, перепачканную чужой кровью. А потом глянул на меня с обидой.

Макуто подошел к нему, положил руку на плечо.

— Не думай, — сказал он. — Просто делай.

Я уже собрался сказать что-то наставительное или утешительное, как к нам через клонов прорвался очередной бандит. Он широко размахнулся катаной. Слишком широко. Я с ускорением проскочил под замах и ударил его в сердце.

— Бой еще не кончился — не расслабляйся, — сказал я Наруто и создал еще водяных клонов. А то оба моих теневых дубля уже уничтожили, но на несколько водяных мне чакры еще хватало. Избиение бандитов продолжалось. Макуто сражался молча, и я видел, как его танто мелькает среди врагов. Он не отходил далеко от Наруто, прикрывая его с фланга. Под конец, уже загнанные в угол, они дрались с отчаянием обреченных. Но у нас были клоны. Скорость и навыки. И через несколько минут всё, наконец, закончилось.

Макуто отступил к стене, вытер лезвие танто о штаны, и спокойно сказал:

— Готово.

— Крепких мужчин бандитского вида из клеток без меня не выпускать, — крикнул я, прежде чем ребятня дотронулась до замков, — и близко не подходите, чтобы не смогли вас достать.

— Почему? — снова спросил Наруто, поджимая губы и косясь на бандитов, которые неумело изображали мирных жителей. Кто-то могучие плечи опускал, кто-то пытался изобразить бедную овечку и строил несчастные глазки. Неумело, потому что лицо каждого второго просило кирпича, а каждый третий довольно органично смотрелся за решеткой.

— Потому что это бывшие подельники Гато и от того, что большинство из них я сам сюда отправил, могут попытаться напасть.

Когда мы стали освобождать заключенных, из открытой клетки выскочил низкий полноватый мужичок, одетый в легкую рубашку с широкими штанами, и громко вякнул:

— Я нанимаю вас для охраны! — смерив быстрым взглядом Саске, попытался пригласить собственное растрепанное «гнездо». — Вы должны довести меня до своей деревни!

Тип был на редкость неприятный, как и его визгливый царапающий уши голос, так что, несмотря на мою привычную учтивость, вырвалось:

— Должны? — недоуменно брезгливо скривился, глядя в маленькие глазки. — Вы что, новый дайме Страны Огня?

— Нет, — стал багровым толстяк, — я ваш заказчик! И вы обязаны мне помочь! Кэро!

— Я здесь, Юсуо-сама! — выпущенный из клетки рядом мужчина попытался успокоить своего господина, что-то нашептывая ему в ухо, но тот лишь отмахнулся.

— Ой ли... — сложил я руки на груди. — Так уж прям и «обязаны»? Где договор? Или хотя бы деньги?

«Заказчика» аж затрясло.

— Да я вас!..

— Замечательно, — кивнул и с улыбкой развел руками. — Значит, в наших услугах вы более не нуждаетесь.

И пошел заниматься сбором трофеев. Макуто остался стоять у клетки, глядя на толстяка. Тот хотел что-то еще сказать, но осекся под взглядом спокойных темных глаз, отвел взгляд и замолчал.

Державшийся неподалеку Виктор весело фыркнул, глядя на это, и, хлопнув меня по плечу, пошел к выходу прямо по стене. В клетках остались только бандиты.

Пытавшийся успокоить визгуна мужик был чем-то похож на мышь, может быть цветом волос или повадками, или тем, что сам был весь какой-то

невзрачный. Пока я аккуратно собирал все ценное, он долго что-то почтительно доказывал толстяку и, наконец, ему это удалось.

Мыш учтиво оттеснил своего господина и с глубоким поклоном сказал:

— Простите, господин шиноби, Юсуо-сама перенес много невзгод и перенервничал, потому ведет себя так... — осторожно подбирал он слова, стараясь не взбесить снова своего хозяина, которого ему с большим трудом удалось уговорить помолчать.

— Неадекватно? — подсказал я, откровенно потешаясь.

Толстяк гневно хрюкнул в свою куцую бородку непонятого цвета, но мышастый протараторил громче:

— Да, именно так. Пожалуйста, возьмите нас с собой. Достопочтенный Тора Томэо оплатит все расходы.

— Во-первых, скажите, пожалуйста, кем является Тора Томэо, — вежливо поинтересовался я. — Во-вторых, эта миссия будет стоить вам, как сопровождение С-ранга.

— Это грабеж! — завопил родственник неизвестной шишки. — Я племянник самого Тора, и вы должны его знать, вы должны довести меня до Конохи!

— А я правнук Одина и троюродный брат Локи! — буркнул я под нос, силясь не рассмеяться в голос.

Все попытки Кэро утихомирить толстяка ни к чему не привели — тот просто приказал своему помощнику заткнуться.

— Тихо! — прикрикнул я на раззявившего рот для брани Юсуо. — Если это для вас дорого, то ищите других шиноби, которые согласятся вас сопроводить подешевле до самой Конохи.

— Вы совсем обнаглели! — выдохнул большой шишки родственник из-за спины Кэро.

— Юсуо-сан, — прошипел я, — мы вам не прислуга, так что придержите язык, а иначе... — с угрозой добавил, — вам его укоротят. Это понятно?

За своего господина ответил трясущийся и напуганный «Мыш»:

— Да, шиноби-сан, понятно.

Несмотря на то, что мышастый был напуган не меньше, он не сбежал, а заслонял своего господина и уговаривал его не злить шиноби.

— Ну, вот и отлично! — с порядком подпорченным настроением я вернулся к сбору ценностей. Макуто помогал мне, молча складывая оружие в кучу и проверяя, не осталось ли в углах забытых работорговцев.

— Шиноби-сан, — снова начал отвлекать меня Кери. — Можно вас спросить?

— Да. Хм... — я вытянул шею, чтобы рассмотреть, что обступили местные, которые кого-то громко осыпали бранью. Быстро запечатав оставшееся, я отодвинул Юсуо и Кери с дороги и, припугнув толпу ки, чтобы разошлись. В круге стоял бандит из коды Сусуми, которого я сдал работорговцам. Похоже, его кто-то освободил, видимо, посчитав недостаточно похожим на уголовника. Впрочем, я быстро сообразил, кто именно, когда увидел рядом с ним того самого парня, что просил спасти брата.

Из толпы снова слышалась ругань, сначала несмело, а затем снова в полный голос.

Парнишка кричал, защищая брата, а тот молчал, повинно уставившись в пол. Кстати, тех двоих я даже не видел, похоже, сбежали. А этот или не успел смотаться, или из-за брата остался.

— Что тут происходит? — сложил я руки на груди.

Мгновение было тихо, а после, мне так показалось, заговорили все разом.

Весть о том, что банду Сусуми перебили, из Тихого холма распространилась, как пламя по сушняку в ветреный день. Парнишка и его друг пошли опознавать слегка обугленные трупы, но они не нашли брата-бандита среди мертвых. Тогда подростки решили спросить старосту Тихого Холма, а тот их чуть ли не пинками выгнал из лавки. Но они встретили бармена, который слышал, как на них орал староста, и рассказал, что троих людей Сусуми увели в Буревестник. Денег, даже со

сбережениями самого бандита, не хватало на его выкуп. Работоторговцы со смехом предлагали взять деньги и его самого в обмен на брата-бандита.

Так что... Дэйсьюк, что в переводе означало «великий помощник», отчаянно искал деньги (наверное, так же отчаянно, как я пытался не заржать, услышав его имя) и возможность освободить брата. Но ни денег, ни чего-то другого взамен у него не было. И тут очень удачно нарисовались мы — освободители. Повезло парнишке.

Вот только оставался вопрос — что теперь делать с освобожденным? Всех остальных бандитов я собирался просто поубивать. А с этим как быть? Он вроде и пострадавший, но в тоже время он тоже много натворил.

— Как твое имя?

Бандит явно меня узнал, поэтому с трудом сглотнул:

— Мо-мое? — заикаясь и вжав голову в плечи, сказал бандюк.

— Ну, не мое же, — фыркнул я.

— Да-дай-дай-суке.

Я прикрыл лицо ладонью и сделал вид, что закашлялся. Как бы похабно это ни звучало на русском, на местном языке оба брата звались «помощниками», только старший — «превосходным».

— Добрые люди Страны Волн, — кашлянул еще раз, — если этот человек нанес вам какой-либо ущерб, убил или покалечил ваших родных или знакомых, то поднимите руку, — раскручивая кунай на пальце, сказал я толпе. — А ты считай, сколько человек подняло руки.

— Раз, — заикаясь сказал бандит, — два.

Время шло, а рук так и не прибавилось.

— Что он вам сделал, уважаемая?

Бабка рассказала, как бандит, будучи подростком, тырил у нее рис, а какой-то пожилой мужчина сказал, что тот стащил у него садок, полный рыбы, и удочку.

Под моим взглядом этот бандит-неудачник начал оправдываться, что им нечего было есть, на еду ему не хватало, что он сожалеет и больше не будет...

Я поднял руку, прерывая поток извинений.

— Люди Страны Волн, убивать за пару горстей риса и рыбу — это перебор. Согласны?

— Согласен! — с готовностью поддержал меня Наруто. Саске и Хаку синхронно кивнули. Макуто тоже кивнул.

Толпа, похоже, вспомнила, кто перебил толпу работоторговцев, и нехотя согласилась.

— Вы ведь дадите ему, — указал я рукой на этого дай-дай-суке, — еще один шанс?

Произносить имя бандита-неудачника я не решился, чтобы не засмеяться.

Снова одобрительный шум. Дэй вздохнул с облегчением, а старший едва удержался на ногах. Помилование его опьянило, наверное, как литр саке натошак.

Я повернулся к бывшему бандиту:

— В общем, так, Дай-кун, — специально сократил я его имя, — тебе дали еще один шанс. В рабстве ты уже почти побывал. Попробуешь взяться за старое, будешь разбойничать — умрешь. Не позорь брата. И не делай его старания напрасными.

Низко поклонившись, этот «превосходный помощник» громко заявил, что больше никогда не подведет брата, и они оба, еще несколько раз поблагодарив меня и Наруто, ушли.

А вот остальным бандитам повезло меньше — их стала судить толпа, жаждавшая крови. Но мы на это смотреть не стали и просто ушли с чистой совестью.

Нас ждали «большие люди» — Хатаке и не-Забуза.

Какаши, глядя на нас, героев, хмурился и смотрел недовольно. Видимо, он ожидал другого результата, а так он, внезапно, в который уже раз оказался на заднем плане.

— Молодцы, — одобрительно сказал Виктор. Даже под бинтами было видно его широкую улыбку.

А я, распечатав свиток с трофеями, оставшимися от работарговцев, разложил добро на четыре примерно равные по ценности кучи, деньги также разделил на четыре части.

— Они примерно одинаковые по стоимости, Хаку — начнем с тебя. Бери любую.

Когда подросток определился, я добавил ему сверху кошелек из своей кучки.

— А это лично от меня. Спасибо тебе за то, что помог и прикрыл нам спину.

Макуто подошел к оставшимся кучам, посмотрел на них, взял один кошелек и протянул его Наруто.

— Это тебе.

— Мне? Зачем? — удивился Наруто.

— Ты работал, — сказал Макуто. — Ты заслужил.

Наруто покраснел, но деньги взял.

— Мма, я буду у Тадзуны дома, — вякнул Какаши, у которого от увиденного окончательно испортилось настроение, и позерски исчез в вихре иллюзорных листьев.

Из-за этого болвана я не услышал, что сказал Хаку! Но переспрашивать не стал, просто улыбнулся.

Переглянувшись с Виком, мы все разошлись. Мечник и Хаку — печатывать склады, мальчишки пошли в офис, охранять Гато. А я — забрать Сакуру, которая сторожила ирьенина, и его самого — сдать

Какаши. Макуто пошел со мной: ему нужно было забрать свои вещи из гостиницы.

О том, что забрать девчонку и Хатоиру Рогу джонин мог сам, я старался не думать. Вероятно, хитрый песий сын решил, что она мне там скандалы устраивать будет, считая меня виноватым. Да наплевать. Меня сейчас больше волновали Гатовы денежки в сейфах и другие ценные вещи, которые не понадобятся Юкайю Шину.

Кстати, как ни странно, подобное поведение Собакина не только не удивило — даже настроение мне не испортило. Видимо, я уже привык.

Опять отлынивает от работы, надеясь появиться в середине процесса и на чем-нибудь подловить? И снова наплевать. На меня навалилось какое-то равнодушие ко всему. Странно. Я вроде должен радоваться тому, что мы победили, а на меня вместо этого накатила апатия. Да и погода снова испортилась, так что пришлось направить чакру в подошвы ботинок, чтобы не провалиться в очередную лужу.

Проходя мимо золы, оставшейся от дома, в котором квартировали Охотники, я заметил, как что-то блеснуло. Шкатулка?.. Ноги сами пошли в ту сторону. Под обгоревшей балкой я обнаружил прямоугольный сундучок из темного металла с глубоким рельефом. Сдув забившийся в бороздки пепел, я обнажил рисунок, который оказался незнакомой мне печатью. Хотя фрагменты узора были очень похожи на фуин-замок, который показал мне Вик, но намного сложнее. Воровато обернувшись, я достал пустой свиток с печатью-хранилищем и попробовал запечатать находку. К счастью, у меня всё получилось. Впрочем, я бы и без свитка нашел, как унести добычу.

Макуто, который шел чуть в стороне, заметил мои манипуляции, но ничего не сказал.

Под деревом, рядом с привязанным Рогу, поджимая губы и шмыгая носом, сидела мокрая Сакура, которую, как тентом, прикрывал своей курточкой клон Наруто. Девчонка была взвинчена до предела, а потому все время поглядывала на пленника и нервно потирала предплечья, будто мерзла.

Не успел я подойти, как меня засыпали гневными воплями и вопросами.

— А где Саске-кун? Что там у вас произошло? Что вы так долго? Я тут вся отсырела!

И глянула на меня требовательно и обиженно, как будто я ей денег должен.

Макуто встал чуть поодаль, глядя на пленника. Рогу был без сознания, и его дыхание было ровным.

Я уже было открыл рот, чтобы ответить, как Харуно снова начала говорить, явно не собираясь меня слушать.

— А где Хатаке-сенсей и почему он послал вас, а не...

Упоминания Собакина и то, что мне не дают слова сказать, взбесило. В итоге я не выдержал и прикрикнул:

— Тихо! Дай хоть слово вставить!

Розововолосая насупилась, сделавшись похожей на маленького розового и недовольного гоблина. Клоны Наруто мудро промолчали.

— Не кричите на меня! — вскинулась мелкая недокуноичи. — Это из-за вас тот нукенин меня схватил! Вы его не остановили! И Саске тоже меня из-за вас не спас! И вам на меня наплевать! Из-за вас... Из-за вас меня чуть не убили!

На секунду я опешил от того потока претензий, что мне выставили. Ума не приложу, каким боком я оказался виновен в том, что Саске не помчался спасать Сакуру?

Удрученно покачав головой, я сложил руки на груди.

— Так. Ребята. Не развеивайтесь, вы еще можете мне понадобиться. Просто отойдите подальше и не грейте уши, хорошо?

Синхронно усмехнувшись и кивнув, клоны с сомнением посмотрели на меня и на Сакуру, но все же упрыгали подальше. А я, проследив, чтобы они убрались из зоны слышимости, повернулся к всё это время недовольно бубнившей и в чем-то обвинявшей меня Харуно.

— Саске бы живот надорвал тебя спасти от джонина. Ты об этом не подумала? Может, ему еще следовало тебя до самых ворот Деревни на руках тащить? А?

Харуно ошарашено заткнулась.

— Ты думаешь только о себе, — процедил я, наклонившись. — Плевать, что Саске мог умереть, если бы помчался спасать тебя. Носила бы ему цветочки на могилку, да? Ты этого хотела? Этого? Я тебя спрашиваю, не молчи, когда с тобой говорят старшие!

— Я, не... — зависла розовая. — Саске бы справился! Он сильный!

— С джонином? Саске у нас самоубийца? — безжалостно продолжил давить логикой. — Из всей нашей команды остановить джонина мог только Хатаке-сан, который, кстати, с ним и сражался. Возможно, маленькие шансы были у меня, но, если ты не заметила — я был далеко, пытался взять живым хотя бы одного пленного. И если до тебя до сих пор не дошло, я тебе объясню — я тянул время, для того чтобы тебя можно было спасти, — судя по эмоциям, розовая мне не поверила, но засомневалась.

— А знаешь кто виноват? — выдержал паузу. — Ты и Хатаке-сан.

Девчонка вытаращилась еще сильнее.

— А чему ты удивляешься? Хатаке-сан позволил джонину оказаться рядом с вами, и ты сама позволила взять тебя в заложники. Твое счастье, что мы не на войне, — уже спокойнее проговорил я. — Обычно в такой ситуации о том, чтобы спасти жизнь бесклановому генину, не имеющему никаких навыков, вообще никто и думать не станет.

Макуто подошел ближе, встал рядом со мной. Он не вмешивался, но его присутствие давило.

— Ты сама подставилась. И не нужно сваливать вину на других.

Сакура вздрогнула и опустила глаза.

Посмотрев на беззвучно, словно рыба, раскрывающую рот Харуно, я сказал:

— А теперь, если ты закончила истерику, докладывай, что было за время твоего дежурства. Приходил ли пленный в себя?

— А какая разница? — гневно прищурившись, буркнула девчонка и отвернулась. Потом она явно собралась изречь еще глупостей, даже повернулась и рот раскрыла, но сказать ничего не успела.

— Харуно Сакура, — ележно позвал, выпустив ки, а когда девочка ошарашено замерла, через улыбку-оскал процедил, — если не прочитаешь правила, то до того как мы вернемся в Коноху, ты их перепишешь. Если не начнешь читать уже сегодня, то завтра будешь должна написать две копии той брошюры, которую я тебе дал. Послезавтра уже три. Послепослезавтра — четыре...

— Я ее не брала с собой! — в панике воскликнула куноичи.

— Тебе повезло, что я взял. Держи, — достал потрепанную книжку. — А теперь открой пятьдесят седьмую страницу и ответь, как следует.

— Но...

— Пятьдесят седьмую страницу открыла, — раскрыл книжку на нужном месте и сунул под нос ошарашено таращившейся Сакуре. — Прочитала пятьдесят седьмую страницу вслух. И запомнила, что написано на пятьдесят седьмой — пятьдесят восьмой странице.

Когда Сакура наконец отмерла и зачитала нужное, я распечатал носилки — мне тоже мышцы в порядке поддерживать надо, а таскать пленного — чем не упражнение? Макуто помог закрепить ремни.

Сакура попыталась было отдать мне буклет, но я не взял.

Таких пособий у меня в квартире было еще штук пять. Судя по обрывкам воспоминаний, Ирука их использовал в воспитательных целях. А недавно, еще в дороге сюда, я от нечего делать все эти правила наизусть заучил. Этот буклет представлял из себя сильно урезанную версию правил для шиноби. А я бы его назвал лайт-версией устава.

После чего я позвал клонов и закрепил пленного на носилках. Я знал, что они пригодятся! Макуто проверил ремни, подтянул, где нужно.

Проверив всё, я обернулся к Сакуре:

— Не хочешь запоминать, будешь заучивать. Ясно? Не отставай.

И, более не обращая внимания на розовую, я побежал к дому Тадзуны, пусть за ним Хатаке присматривает. Должна же быть хоть какая-то польза от сторожевой псины. Макуто понес носилки с другого конца.

Харуно всю дорогу дулась, но я только молчал и счастливо улыбался: неправильно, непедагогично? Да, может быть. Но зато очень честно. Да и приятно, черт возьми! Не хочу мотать себе нервы, а переубеждать в чем-то упертую девчонку нет ни сил, ни желания.

Недалеко от дома чакра в клонах Узумаки закончилась, и они исчезли. Пришлось создавать своего дубля и вместе с ним класть обратно на носилки бессознательное тело. Хорошо, что мой резерв наполнился хоть немного. Только все равно я чувствовал себя уставшим. Но других вариантов не было — тащить пленного одному было бы жутко неудобно. Макуто помог, взяв на себя часть веса.

Вот наконец-то показался дом, дверь на кухню. А там запахи... Настоящей и вкусной домашней еды. Как я по ней соскучился, питаюсь в забегаловках. Я, конечно, мог и сам приготовить что-то в гостинице, но отмывать кухню не было никакого желания. Да и, наверняка, мне бы пришлось еще кого-то угощать из соседей. В общем, никакого желания готовить тогда не было.

Сдав пленного Собакину, я пошел на кухню. С аппетитом поел и взял еды детям, поблагодарив хозяйку. Шагнув за порог, я был настигнут воплем Сакуры:

— Подождите меня!

В коридор влетела растрепанная Харуно в красной юбке, на ходу застегивая кофточку цвета бешеной фуксии.

— Все быки с ближайшего поля — твои, — пробурчал я под нос и вышел.

Макуто уже ждал меня на улице. Мы пошли в офис Гато.

А ведь могла остаться со своим обожаемым Какаши-сенсеем. Правда, теперь она постоянно стала с придыханием вспоминать «Са-а-аске-ку-у-на». Но я ее снова игнорировал. Потому что у меня с плеч свалилась гора. Мы будем жить. Дети в безопасности, мне не нужно трястись за свою шкуру. Что ни говори, а жизнь прекрасна и удивительна.

Стоило мне только зайти в офис Гато, как на мне повисла зареванная Нэо, и где только пряталась — за фикусами в холле, что ли? Секретарша окутала меня удушающим облаком приторного цветочного аромата и засыпала вопросами:

— Что случилось? Где Гато-сама? Что произошло? Кто это девочка и почему закрыт главный офис? Он еще не вернулся?

— Кто не вернулся? — не понял я.

— Га-а-ато, — провыла Нэо.

Я попытался от нее отвязаться, но мутноглазая повисла на мне и сказала, что ей страшно оставаться одной. Макуто шагнул вперед, положив руку на танто.

Не копайся я в своей сумке, собирая ключи на кольцо, ты бы вообще могла быть мертвой! А так я просто кунай выхватить не успел. Она засыпала меня вопросами, я пытался уговорить Нэо уйти, а она как глухая, будто не слышала. В общем, когда мне надоело и я собрался уйти наверх, решил «послушать» эмоции, чтобы решить, оставлять клона с секретаршей в качестве жилетки, или нет. А услышал кого-то другого: узнавание, опаска? Настороженность, интерес хищника.

Я развернулся, оперевшись почти нос к носу с «Крольчихой», она снова на мне повисла, как вдруг свистнул в воздухе кулак и опустился на голову Нэо. Она, кстати, в последний момент что-то почувствовала и попыталась увернуться, но у нее ничего не получилось, и кулем свалилась прямо на пол.

Я снова было схватился за танто, но сражаться было не с кем. Над девушкой стоял Виктор.

Макуто убрал руку с оружия и отошел в сторону.

— Это что было?! Зачем? — офигел я.

— Спокойно, — улыбнулся Вик, глянув на кунай в моей руке, — это было обезвреживание опасной шпионки, — невозмутимо ответил земляк. После чего задумался и несколько менее уверенно добавил: — это если я не ошибся...

Сакура стояла, боясь пошевелиться, и хлопала круглыми глазами.

— А если ошибся? — не мог я не спросить...

Мечник пожал плечами:

— От не слишком сильных ударов по голове не так часто умирают.

Нашел при ком это сказать, — фыркнул, шумно засунув клинок в ножны.
— Да и допущений как-то слишком много.

«Не так часто умирают», блин...

Посмотрев на мою физиономию, Виктор поморщился и сказал:

— Да не переживай ты так, студент, не убил бы я ее.

На слове «студент» я выразительно нахмурился, намекая, что при Сакуре совсем не обязательно говорить на русском. Виктор кивнул и продолжил:

— И если я прав, то эта зараза нам в Тумане столько крови испортила, что смерть от травмы головы для нее — слишком милосердная участь. Ладно, я потом объясню, а пока дай какую-нибудь веревку, а то я все свои потратил на наших будущих партнеров.

При этом слово «партнеры» зубастый произнес почти без иронии... Да, все-таки бизнес 90-х годов — страшная штука. Слава богу, закончился. Вроде бы...

Я порылся, но нашел только леску.

— Есть только это, — протянул моток, — пойдет?

— Давай.

После этого Вик, как джентльмен, плащ повесил эту шпионку на руку и повернулся к Харуно.

— Как там... Сакура-чан, иди наверх.

Та кивнула, и только ее и видели. Пришлось ей вслед клона послать, чтобы еду отдал и сказал, что начать переписывать. Нам все важные бумаги были нужны в двух экземплярах. Один — Повстанцам. Один — нам, оригиналы — для нормальной работы администрации будущего владельца этой компании. Кстати, как выглядит новый глава, я показывал, чтобы тот не убежал от своего счастья. Хенге — лучше любого фоторобота.

— И куда ее теперь? — задумчиво осматривал холл Вик.

Я пожал плечами.

— В подвал?

В общем, мы отволокли «крольчиху» в какую-то подсобку с едким запахом и десятком швабр. Там ее примотали к железной стремянке — ничего более подходящего не было — и замотали ей пальцы на руках найденной там же изолентой. От чего ее руки стали похожи на два шарика.

Макуто остался стоять у двери, глядя на пленницу.

Подумав, Вик посадил девушку на какую-то коробку. Повертел ее лицо, хмыкнул и сказал:

— Рицка.

Виктор всё внимательно осмотрел, подергал леску и созданной в руке водой брызнул Нэо в лицо.

Придя в себя, названная Рицкой испуганно нас осмотрела, дернулась, запаниковала, начала хныкать и умолять ее не убивать.

— Я ничего не знаю, отпустите, прошу!

— Заткнись! Твое представление никого не обманет, — холодно прервал ее Не-Забуза и ехидно хмыкнул. — Не ожидал тебя здесь увидеть, Рицка.

— Я не Рицка, я Нэо! Я не знаю, о чем вы говорите, — прорыдала она, давась слезами. — Иго-сан, пожалуйста, — с мольбой посмотрела на меня девушка. — Помогите мне! Помоги, прошу!

Я растерялся настолько, что потерял контроль, и эмпатия усилилась. Ожидая урагана из ужаса наполоам с растерянностью, которые должны были ударить по мозгам, я непроизвольно зажмурился. И — ничего.

Поначалу мне даже почудилось, что я не чувствую никого. Немного погодя я почувствовал от Виктора глухое раздражение и слабое, едва различимое предвкушение, даже скорее удовлетворение, как от хорошо выполненной работы.

Раскрыв глаза, я недоверчиво огляделся. Секретарша продолжала рыдать, захлебываясь слезами, но соответствующих этим гримасам эмоций я не ощущал, кроме раздражения ничего больше не появилось.

— Она лжет, — ошарашено проговорил я вслух. — Она злится, — сглотнул, — и раздражена.

— Я же говори... — убежденно начал Вик, но запнулся. — Что? Как узнал?

Помявшись, я пояснил:

— Ну, я — эмпат. Эмоции других людей чувствую. А она не растеряна и даже не напугана.

— Интересно, интересно, — потирая руки, заявил Виктор, — полезно! А главное, очень вовремя!

От его тона мне стало не по себе. Макуто перевел взгляд на шпионку, но ничего не сказал.

— Сволочь, — прошипела шпионка, вспыхнув яростью, болезненно отдавшейся в моей голове.

— Ну, Рицка, — сказал притворно ласково Виктор и потрепал ее за щеку, — будем сотрудничать или в молчанку играть?

— Я всё скажу, — зло сказала бывшая секретарша, мотнув головой, чтобы избавиться от руки.

— Отлично. Может быть, мне даже бить в твою хорошенькую мордашку кулаком не придется, — предвкушающе и демонстративно потер Виктор костяшки своих не маленьких кулаков. Но он, судя по эмоциям, врал. То ли хотел врезать ей по физиономии в любом случае, то ли был уверен, что это придется сделать. А может, не считал ее лицо симпатичным. А шпионка скривилась, показывая мелкие зубы.

— Игнат, ты бы послал клона, пусть детвора часика два, а лучше три погуляет.

— Да, — сложил я пальцы, но, не завершив технику, спросил: — а куда?

— Пусть сами решают. Главное, чтобы тут не крутились.

Макуто вышел из подсобки и через минуту вернулся.

— Я сказал им уйти, — сообщил он. — Наруто спросил, надолго. Я ответил, что на два часа.

— Хорошо, — кивнул я.

Дождавшись «ответа» от клона, который закрыл за детьми двери, мы приступили к допросу. Макуто встал у стены, скрестив руки на груди, и замер. Он не мешал, но я знал, что он наблюдает за всем и запоминает.

Но на первый же вопрос она солгала. И лгала в ответ на все следующие. До самого конца пыталась вешать нам лапшу на уши. Когда она врала, я молча качал головой, а Виктор бил.

Шпионка кричала, хрипела, срывая горло, а меня подташнивало от сладковатого запаха крови, химии, пота и от вида того месива, в которое превратилось ее лицо.

Макуто не отворачивался. Он смотрел прямо, и его лицо оставалось спокойным.

Наверное, потому, что видел на моем лице жалость, Виктор растолковал, что Рикка была опытной разведчицей, могла и кунаем помахать, и зелье

сварить, и в постель уложить кого надо. Умела втираться в доверие к своим жертвам. В том числе, он пояснил на русском, и с несколькими не самыми мелкими сторонниками повстанцев Воды.

«В общем, эта Мата-Хари натворила дел», — усмехаясь, говорил Вик. — «Поэтому жизнь у нее вряд ли будет долгой и счастливой». Скорее всего, предсказал он, помрет она прямо здесь, в импровизированной пыточной. Мне в тот момент резко захотелось подышать свежим воздухом, а если честно — попросту сбежать.

И почти сразу же после этого, видимо, окончательно удостоверившись, что я могу безошибочно определить, когда она врет, шпионка напрочь отказалась говорить. Похоже, она до последнего не хотела верить в мои способности.

Ударив ее в живот в последний раз, Виктор со вздохом достал из поясной сумки коробочку. В ней были длинные, затупленные иглы, похожие на швейные булавки со шляпкой, только размером со стандартный сенбон.

— Я не лекарь и знаю только, куда их надо воткнуть, чтобы больнее было, — искренне посетовал не-Забуза мне. — Это единственное в акупунктуре, в чем я превосхожу Хаку. Но я пока не хотел его этому учить. Но можешь мне поверить — калекарь я хороший, — зубасто улыбнулся мечник. Мне еще сильнее поплохело, воздух в камерке душил не хуже удавки.

Посмотрев на то, как Виктор втыкает в девушку иголки, я отвернулся. Внезапно Виктор схватил меня за плечо и резко повернул обратно.

— Нехрен отворачиваться, студент! — глухо сказал он. — Учись, пока есть возможность. Бери, — вручил мне иглу и, показав на пальцы Рицки, сказал — и втыкай прямо сюда.

— Я не...

— Заткнись и делай! — рыкнул Вик. — Ты свою детвору учил, а сам своего же урока понимать не хочешь. Никакой жалости к врагам. Она — враг, — процедил сквозь зубы. — И не просто враг, мразь эсэсовская, каратель в юбке!

Казалось, взгляд у Виктора был еще тяжелее, чем его рука, сжимающая плечо словно тисками. Макуто шагнул вперед.

— Он прав, — сказал он. — Она не будет жалеть.

Я взял иглу.

— Упустишь ее — и однажды она может убить того, кто тебе дорог. Здесь не сказка. Враг не раскается и не одумается. Он вернется, став еще сильнее, и убьет тех, кто тебе дорог. И тебя самого.

Рицка удовлетворенно хмыкнула и криво ухмыльнувшись, сплюнула кровь прямо в лицо Забузе, попав и в меня.

— Верблюдиха, — бросил он Рицке, а я не сдержавшись, истерично хихикнул.

Виктор зыркнул так, что я подавился воздухом, а затем, как ни в чем не бывало, достал платок, смочил водой из фляги, вытер лицо и затолкал тряпку в рот шпионке.

— У нас там не просто драка за власть и даже не просто гражданская война. У нас там — аналог Великой Отечественной, война Добра со Злом, — почти выкрикнул обычно сдержанный Виктор. — Мы пытаемся остановить самых настоящих нацистских мразей, которые вспарывают детям животы и засыпают туда корм для свиней, чтобы те выжирали их изнутри!

Уже тише, нахмурив брови, он продолжил угрожающим тоном:

— Живых людей жгут в домах и складах, четвертуют, закапывают в землю живьем! Да там за намек на улучшенный геном могут забить палками и камнями целую семью! За намек на помощь «отродью демонов» могут вырезать целую деревню! Народ словно с ума сошел! Ты всего этого не видел, но если хорошо историю Великой Отечественной знаешь и о карателях нацистских слышал, то можешь примерно себе представить, что у нас происходит!

Шпионка даже прекратила стонать и тихо офигевала, недоверчиво переводя взгляды с меня на Забузу. Да уж, зрелище действительно сюрреалистичное: Забуза-Мечник Тумана учит жизни и искусству пыток

чунина из Листа, а потом чего-то эмоционально ему рассказывает... На языке, который она никогда не слышала.

Макуто подошел к Рицке, посмотрел ей в глаза.

— Ты умрешь, — сказал он спокойно. — Вопрос только в том, сколько ты еще будешь мучиться.

Она вздрогнула.

Поначалу фальшивый кролик еще пыталась снова убедить нас в том, что ее заставили, что где-то там у Ягуры в заложниках ее маленькая дочка. Хотелось ей верить, но это была ложь.

— Ты ей пальцы порвешь, не трясси руками, смотри, как надо.

И так весь допрос — я был учеником и ассистентом палача. Зеленым во всех смыслах слова. Как меня не стошнило — я не понимал. Чудо какое-то, не иначе.

— Ты не думай, — медленно говорил Мечник, — я не садист и тоже хотел бы этого избежать. Но я, по большому счету, все же жалкий дилетант. Я не обладаю навыками менталиста и не могу влезть в голову, как Яманака. Я не умею варить сложные алхимические составы, которые здесь сыворотку правды заменяют. Я не умею с стопроцентной точностью определять, когда жертва врет, как ты. У меня даже нет таланта к аналитической и следственной работе, которая позволила бы понять, как именно действовала допрашиваемая. Я не могу избежать большей части болевого воздействия...

Новый взвизг от куноичи! И мощное ки от Виктора:

— Но я могу причинять боль и отлично давить психологически, — с сухой злой усмешкой договорил земляк по-русски.

Девушка сначала кричала, потом плакала, потом снова кричала. Шиноби люди крепкие, и боль переносят лучше. Но пытал ее пусть и не крутой профи, но все-таки мастер. И постепенно она нам все выкладывала. Как пояснил мне Виктор — в правильном вопросе уже половина ответа, и если есть мозги, и спрашивается то, что нужно, то половина дела уже сделана. Правда, остается другая половина — надо понять, где и когда

допрашиваемая лжет. Чтобы быть хорошим дознавателем, мало уметь больно ткнуть. Надо иметь мозги и знать, когда и зачем надо эту боль причинять и почему пытаемый действовал так, а не иначе.

— Надо уметь правильно дозировать боль, — поучал меня Виктор.

Шпионка пыталась орать, и мы ее снова пытали, она пыталась играть в Зою Космодемьянскую, и ее снова пытали, потом она ломалась и начинала все рассказывать. Потом собиралась с духом и снова пыталась сопротивляться. И все начиналась заново.

Как оказалось, гибель предыдущего начальника охраны Гато не была случайностью. Ягура узнал, что у компании судовладельца появились контакты с повстанцами Страны Воды, и посчитал, что магнат стал проявлять слишком большую самостоятельность и что служба безопасности у него слишком хорошая — раз они вычистили почти всех шпионов Мизукаге. Вот поэтому и была организована та «случайная стычка» между сторонниками Ягуры и повстанцами Мей, в которой был уничтожен и сам начальник службы безопасности Гато, и практически вся его команда нукенинов и ронинов.

После того как служба безопасности была обезглавлена во всех смыслах слова, а виновными в этом выставлены повстанцы, Четвертый Мизукаге смог подослать к Гато свою шпионку. А дальше — женское обаяние, хорошо поставленные навыки охмурения, плюс правильные добавки в напитки и духи с феромонами — и магнат уже в открытую болтал с Рицкой обо всем на свете.

Потом, в какой-то момент, шпионка поняла, что это конец, и стала нас проклинять.

— Чтоб вы сдохли, ублюдки! Думаете, вы победили? Как бы не так! Ягура раздавит ваше жалкое восстание и вырежет всех мерзких клановых ублюдков! Никто из этих проклятых уродов не спасется! — чуть не плевалась еще пару минут назад обессилено молчавшая «крольчиха».

И откуда только силы взялись?

В ответ Виктор с силой загнал здоровенную иглу в очередную болевую точку на запястье Рицки. Женщина тонко взвизгнула, но продолжила говорить.

— Моя смерть ничего не решит, меня не станет, появятся другие, которые отомстят за меня, и наша страна станет...

Она не договорила, получив удар в грудь от Мечника, и закашлялась, из ее глаз снова, в который уже раз за сегодня, брызнули слезы.

— Запомни, студент, для женщин удар в грудь — почти то же самое, что для нас удар в пах. Это больно, — и, перейдя на русский, добавил: — Хотя удары по лицу для них гораздо неприятнее с точки зрения психологии.

Я заметил, что от звуков незнакомой речи Рицка начинала нервозно переводить взгляд от одного к другому, следя за губами. Вик тоже это заметил.

— Милочка, не старайся, не поймешь, — проговорил он, усмехаясь. — Хотя я понимаю твое любопытство. Ты так страстно вещала о том, как Ягура перебьет всех клановых... Ну-ну. Пусть с себя начнет, ублюдок!

Видя удивление на залитом кровью лице шпионки, Забуза, криво усмехнувшись, спросил:

— А ты что, не знала, что Ягура — сам из клановых? Что, правда нет?! Как тебя, такую бездарную, шпионкой-то сделали...

— Ты всё врешь, — заорала, перебив его, шпионка. — Ягура-сама получил свои силы от биджу! Он победил демона! В нем нет нечистой крови уродов-нелюдей!

Ага, — саркастично хмыкнул я, — Марти-Сью обыкновенный. В него древнего демона заселили, а он его — пинками под лавку, так и выдрессировал.

Рицка явно намекала на всяких кицунэ, бакэнэко, нингё и прочую нечисть. Среди простых людей гуляла байка, что шиноби — дети сверхъестественных существ. Так, например, считали, что клан Юки произошел от потомства снежной женщины-демона, Юкионны, и обычного человека. Об этом, смеясь, мне сам Виктор рассказывал.

— Вот же ты дура, аха-ха-ха! — искренне расхохотался Забуза. — Ты что, действительно ничего не знаешь? — поглумился он. После чего с холодной и злой усмешкой стал рассказывать:

— Ягура из клана Кэи (Кэи — Коралловый Риф), который практически погиб в результате интриг и неудачных военных действий при Третьем Мизукаге. Клану поужаснее, похуже да поумнее, похоже, подтолкнули падающих, и в результате остался один Ягура. В детстве, надеясь усилить свой клан, его родители запечатали в нем Треххвостого. Этот клан был на Узумаки и Сендзю похож — крепкое тело, мощная регенерация, сильная чакра и еще что-то до кучи... Он идеально подходил быть сосудом для Биджу. Но при этом его родители погибли, то ли пока другие зверя запечатывали, то совсем скоро после этого — не важно. В общем, рос Ягура одиноким, никому не нужным.

Виктор задумался и заговорил тише:

— Особенно кланам. А ведь в деревне, скрытой-в-Тумане, как нигде, сильны кастовость, родословная, история твоего рода, твой геном и твои клановые техники. Аристократия, мать их!

— Так было раньше! И больше никогда не будет! — запальчиво выкрикнула шпионка. Не-Забуза, слова худого не говоря, молча воткнул в нее еще одну иглу. Она вскрикнула и замолчала, с ненавистью глядя на него. А Виктор спокойно продолжил.

— А он был изгоем везде. Клану его к себе не брали, техник родительских ему при Третьем Мизукаге не давали. Бесклановые вволю издевались над не-доклановым коротышкой, который выглядел как маленький ребенок, потому как рос Ягура недолго. Что-то произошло, и он так и остался в теле ребенка. То ли регенерация его клана дала сбой, то ли дело было в Санби, чакра которого не вредит своим джинчурики, в отличие от остальных биджу... Впрочем, это уже не важно.

Похоже, что в какой-то момент он просто тронулся. И не стало большего ненавистника кланов, чем член вымершего клана Кэи — Ягура. Но он скрывал свои взгляды и мысли, без умолку рассказывал всем о всеобщем благе и процветании. Лохи повелись. И этот «коралловый склеп» сначала стал Мизукаге, благодаря тому, что освоил клановые техники и биджу,

затем ослабил кланы междоусобицей и неудачными миссиями... А потом начал резню! И гибли ни в чем не повинные дети и гражданские. Все, кто имел хоть какое-то отношение к кланам. Бешеному ублюдку не нужна была справедливость.

Здесь Виктор как будто засомневался. Точнее, от его эмоций у меня сложилось впечатление, будто раньше он был уверен, а теперь сомневался, хоть и продолжал так же уверенно рассказывать.

— Он просто хотел отомстить. И отомстил. Так что твой психованный Гитлер просто обиженный маленький мальчик, который так и не вырос и даже отомстить по-взрослому не смог. Он просто кусает всех подряд, как бешеная псина.

— Ягура-сама велик! Ты ничего не знаешь, ублюдок! — бушевала привязанная шпионка. — И среди ублюдков с проклятой кровью нет невиновных! Это из-за них все беды Страны Воды! Мы их всех вырежем!

Виктор только зубасто усмехнулся, глядя на этот митинг со стремянки.

— Игнат, воткни-ка в нее еще несколько игл, сюда, сюда и сюда...

Мне всё происходившее напоминало дурной сон. Но я делал то, что мне было сказано. Макуто молча наблюдал, и по его лицу было невозможно понять, что он думает.

Глядя на наконец-то потерявшую сознание Рицку, Вик еще меня похвалил, сказал, что я быстро учусь.

В ответ я буркнул что-то. Вик нахмурился:

— Привыкай, студент. Пора бы уже. Ты шиноби, а значит убийца, вор, обманщик, шпион и палач.

— Защитник, — вполголоса заметил я.

— Ну, вот и защищай, — хихикнул не-Забуза, — работая палачом.

После чего уже серьезно заметил:

— Я тут подумал, у нас намечается серьезное изменение в планах. Гато должен погибнуть не от рук разъяренного народа, а от руки подлой убийцы, подосланной злобным и коварным Ягурой.

— Зачем это?

— А ты подумай.

Семья Макуто

- **Отец:** Кэнсин — глава клана Фаруд. Чистокровный самурай, огромного роста, с мощным телосложением. Основным оружием был нодати (длинный меч, около 170 см), тати был второстепенным клинком. Он носил темное кимоно и для него были характерны спокойная сила и непоколебимость. Кэнсин погиб во время нападения на клан. Его силы были настолько велики, что он уничтожил десятерых врагов, прежде чем пасть сам.
- **Мать:** Хана — полукровка Узумаки. Рыжеволосая, но красила волосы в черный, чтобы не привлекать внимание. Была очень стойкой, дисциплинированной и любящей женщиной. Она учила детей фуиндзютсу (искусству запечатывания), подчеркивая, что в них течет как кровь Фарудов, так и Узумаки.
- **Младшие сёстры (близнецы):** Аки и Мия (на момент событий им около 3 лет). Во время нападения на клан Макуто спрятал их в дупле старого дуба, приказав сидеть тихо. Вернувшись, он не нашел их, и их судьба остается неизвестной, но он поклялся найти их, чтобы восстановить клан.
- **Дедушка и бабушка (по отцу):**
 - **Бабушка Мари:** Дожила до 70 лет, обладала железным характером и даже в старости была физически сильна. Она подарила Макуто его первый настоящий кунай.
 - **Дед Хаято:** Был молчалив и прожил долгую жизнь, полную сражений. Никогда не рассказывал о своем военном опыте, считая, что тот, кто еще не убивал, не поймет его.
- **Другие родственники:**
 - **Тетя Рика:** Потеряла левую руку во время предыдущей войны и в итоге покинула клан, выйдя замуж за простого ремесленника.

- **Дядя Кэндзи:** Брат тети Рики, также ветеран войны.
- **Дядя Тору:** Брат по отцу.
- **Двоюродный брат Юки:** Был старше Макуто на год.
- **Троюродная сестра Мико:** Мечтала стать целительницей и была очень застенчивой.
- А также другие дяди, тети и множество кузенов, о точном количестве которых Макуто не знал, но в день летнего солнцестояния весь клан собирался в главном зале, и им было тесно.

Состав и структура клана Фаруд

- **Статус и история:** Клан самураев-ниндзя, практикующий технику поглощения чужой силы. Был уничтожен два года назад скоординированным ударом множества врагов, которые воспользовались ослаблением клана после предыдущих войн.
- **Члены клана и управление:**
 - **Глава клана:** Кэнсин.
 - **Старейшины:** Изначально их было восемь. После Третьей Великой Войны Ниндзя в живых осталось лишь двое: старейшина Тэндо (самый старый из всех) и старейшина Тэнсин.
 - **Боевая мощь:** Клан использовал самурайские доспехи и тяжелые мечи нодати. Погибло много воинов.

Весь файл и предоставленная ссылка прочитаны. Контекст цикла «Я — кто?! Сенсей?» загружен. Досье на Макуто составлено в предыдущем ответе. Ниже — полный текст главы 27, органично адаптированный с включением Макуто как самостоятельного и значимого персонажа.

Глава 27. Без масок?

Я стою в каких-то катакомбах. Справа и слева от меня незнакомые дети и подростки... Хотя нет, вот тот, справа, выглядит как младший брат Маугли. Но я почему-то точно знаю, что это никакой не младший брат, что он сам Нибори Морио и есть, только еще маленький. Перед нами

Данзо и какой-то мужик истинно японской внешности. У него в предках точно ни одного европейца не затесалось. Леший говорит нам о том, что мы избраны и нас ждет великая честь... Мне на этих словах почему-то становится нехорошо, но я продолжаю держать лицо кирпичом.

— Служить Великому Дереву в рядах Корня и идти от победы к победе...

Зал, в котором перед нами распинался Шимура, сменила аудитория. Я точно знал, что она находится под землей, да и отсутствие окон подтверждало это. На лице преподавателя невозможно задержать взгляд, оно какое-то не запоминающееся. Голос незнакомца гулко отражается от стен, будто кроме него в аудитории — никого. Будто все слушатели куклы, а не живые люди, потому что они сидят, как истуканы, даже не записывая.

— Благодаря разработкам Корня, вы сможете полностью контролировать свою психику. Ваш разум слаб! — Почему-то приходят мысли о гипнозе.

— Но будет сильным! Ваше сознание будет полностью контролировать вашу психику и даже подсознание. Вы сможете легко вживаться в любую роль, имитировать любые эмоции так, что никто не отличит их от настоящих, и даже опытный шиноби не поймет, что вы лжете. Ваш разум будет прекрасно защищен от атак менталистов и средств, воздействующих на сознание. У вас не будет проблем с психикой, как у многих шиноби, потому что ваш разум сам будет выбирать, какие эмоции ему нужны, а какие — нет.

Вот я сижу в каком-то классе. Руки, лежащие на парте, явно принадлежат подростку, да и сосед по парте подозрительно напоминал мне Морио. Если мысленно убрать куцую бороду. Почему-то я знаю, что Нас уже меньше, чем было. Но пока не очень понимаю, к кому я-Ирука, себя причисляю. Размеренно звучит голос лектора:

— Таким образом, вы разделяете свое сознание на две части — основную, в которой сохраняются ваши взгляды, ваша преданность Корню и Деревне, то есть вашу личность, и ложное. Вспомогательное сознание — это маска, она позволяет вам на время стать тем, кого вы хотите изображать — нукенином, бандитом, селянином, мелким торговцем, жрецом или аристократом. При необходимости, главное сознание можно погрузить в спячку, сделав из вас так называемых «спящих агентов»,

которые, не вызывая никаких подозрений, будут жить, не подозревая о своей великой задаче, пока не придет сигнал и вы не проснетесь, чтобы принести нам победу и защитить Великое дерево. Но, конечно, наша техника, сколь бы совершенной она не была, тоже требует своих предосторожностей...

Сцена снова меняется, знаю, что я уже старше, Я-Ирука говорит с Маугли.

— Наша система подготовки, как оказалась, не такая совершенная, как нам говорили — горько говорит Умино. — Я слышал, многие сходят с ума, если слишком сильно вживаются в свою роль.

Маугли кивает, задумчиво поглаживая куцую, но уже узнаваемую бородку:

— Да, наш контроль разума имеет свои минусы. Но не все так плохо, Ирука. Срывы происходят в основном у тех, кто слишком долго живет под маской, или тех, у кого их роль вызывает глубокое отторжение. Если давать себе передышку и не слишком часто менять роли и давать себе быть самим собой — все будет нормально...

Я проснулся в мокром поту, тяжело дыша, на языке крутилось много всякого, но прошипел я:

— Что за твою на лево?! — но из сухого горла послышался только свист, и около кадыка, как когтями заскребло. Потирая шею, чтобы не закашляться, я попытался вспомнить, что мне приснилось. Как это часто бывает, когда просыпаешься не постепенно, а рывком, я запомнил из сна больше, чем бывало обычно.

Осторожно оглядевшись и удостоверившись, что пацаны спят, я тихонько выдохнул и пошел на кухню. Макуто лежал у самой двери, завернувшись в свой серый плащ. Он спал чутко, как зверь — едва я пошевелился, его глаза открылись. Я показал ему жестом: «всё в порядке, спи». Он кивнул и снова закрыл глаза, но я чувствовал его пробуждённое внимание ещё несколько секунд, пока он не убедился, что тревоги нет.

«Но если он имел такой замечательно подготовленный разум, да еще и был в своем теле, что тоже должно давать какие-то бонусы, то как я его победил? — ежась от сквозняка я плотнее завернулся во влажное от

холодного пота одеяло. — Почему я еще жив? Почему я никогда не задумывался над этими двумя вопросами? Почему исчез он, а не я?»

Пока я размышлял, чайник начал тихо побулькивать, свисток я предусмотрительно снял. В зале беспокойно завопил Наруто, шумно выдохнул, а потом снова задышал глубоко и спокойно. Мне не хотелось ненароком его разбудить, и не хотелось, чтобы он видел меня в таком напуганно-загнанном виде. Так что я оставил одеяло и решил подумать в другом месте. Тихо вытащив блокнот, карандаш и карманный фонарик, я пошел в ванную, которая находилась на первом этаже. Там не было нормальной раковины и туалет был дыркой в коробке под которой плескалась вода, так что тут задерживаться не хотелось. Дом Тадзуны был в процессе ремонта, потому нормальная канализация была только для туалета на втором этаже, а на первом, по старинке, канализацией работало море. Я даже думать не хотел куда вода это все сносила. Кроме того, домик был не на отшибе, а по планам являлся аж двадцатым на улице! Об этом гордо «сообщала» табличка на боку мельницы. Вот только где остальные девятнадцать домов? Под водой? Под землей? Или невидимые?

Прикрыв дверь, я с ногами уселся на деревянный борт ванной. В тусклом желтоватом свете массивная чаша казалась наполненной дегтем, но на самом деле там было пусто, просто так легли тени. Осторожно облокотившись на большую деревянную крышку, которой ванну закрывали от грязи и просто, чтобы не уходило тепло, я взял фонарик в зубы и принялся записывать свой сон. Вскоре я пожалел, что надел только штаны, из туалета, пристроенного сбоку, сильно тянуло холодной сыростью, но, по крайней мере, не воняло. Кое-какие детали уже благополучно затерлись, но я прокручивал то, что запомнил, раз за разом выуживая мелочи.

Скрипнула дверь, свет выхватил помятую физиономию в темно-синей маске. Хатаке поморщился и молча встал у стенки, сложив руки на груди. Покосившись на Какаши, я захлопнул блокнот, понадеявшись, что он быстро сделает свои дела и свалит. Скрестив ноги, Собакин постоял еще минуту, а потом присмотрелся к двери в кабинет задумчивости и, прошипев что-то гневное, зашел. В тот момент очень хотелось покрутить пальцем у виска. Я ждал Какаши, а тот — не пойми кого. Стоял и терпел.

Язык спросить отвалился бы? В общем, из ванной пришлось уйти, потому что Какаши начал активно портить воздух.

— Товарищ Серепередрыщенно, — беззвучно кривлялся я, выключив фонарик, — может вам кабинет снаружи шваброй подпереть? Так сказать, дополнительная мера предосторожности, а то вдруг вашей канонадой ее вынесет к чертям!

Пришлось одеваться и топтать на улицу, кухню уже успела занять Цунами и я бы там просто мешался. К тому же мне нужно было собрать мысли в кучу, а чужое присутствие меня бы отвлекало. Покрутившись, я нашел себе местечко за домом, около какого-то деревянного короба, закрытого на поржавевший замок. Страницы приходилось придерживать рукой из-за ветра, но зато я мог сидеть уже без фонарика, небо медленно, но верно светлело. Когда ветер стих, я смог свесить ноги не боясь их замочить в грязной воде. Мало ли в какую сторону течение относит все брошенное в «унитаз».

«Сила воли у Ируки наверняка была больше, чем у меня, простого студента-раздолбая, — качал я ногой, стараясь не касаться волн. — Да и какими-то техниками для контроля своего разума он, похоже, обладал. Скорее всего, проблема Умино была в том, что он слишком долго жил под разными масками, надоевшими ему до зубного скрежета, а потом на это наложилось предательство друга, вот у него и „протекла крыша“».

— «Маски»... — покусывая губу, уставился в небо, — Минимум одну я назвать могу, даже две: Друг-наставник джинчурики и бойфренд для ученицы-шпионки Орочимару. Хотя, если еще вспомнить образ добренького и заботливого учителя для всех остальных, и это при том, что детей он терпеть не мог и работу свою ненавидел...

Покрутив эту мысль, я поймал себя на том, что грызу карандаш. «Да, это объясняет многое», — записал на всякий случай и сплюнул опилки. Внезапный приступ тревоги заставил заозираться, но ничего что могло бы ее вызвать я не заметил. Посидев, прислушиваясь секунды две-три и почувствовав, что беспокойство «уходит», я снова принялся писать.

— Ирука! — громко крича, побежал прямо по земле голыми пятками Наруто. — Ирука!

За ним, бесшумно ступая и уже полностью одетый, шёл Макуто. Он, в отличие от Узумаки, обулся и, судя по влажным волосам, уже успел умыться. В руках Макуто держал небольшую миску с чем-то, от чего поднимался пар.

— Босой, в одной пижаме... — покачал я головой и громко сказал, — Я здесь, — хоть мальчишка меня уже и сам заметил.

Узумаки встал на одну ногу, вторую, запачканную в грязи подняв, как цапля на болоте.

— Доброе утро! — счастливо щурясь, заявил он.

— Доброе, — перехватил мальчишку поперек живота и понес в дом подмышкой. — Хотя бы обулся. Цунами с нами, грязнулями, скоро без рук останется. Что скажешь в свое оправдание, поросенок, — весело спросил я.

Макуто пошёл следом. Он поставил миску на крыльцо и бросил Наруто его шлёпанцы, которые прихватил с собой.

— Я думал ты опять ушел, — грустно выдохнул мальчик.

— Мог бы записку оставить! Хихикнув, я ответил: — А в ней написать, что во двор вышел? Если бы я куда-то далеко собрался, я бы предупредил тебя в первую очередь. Давай мойся и к столу, Цунами-сан уже тарелки расставляет.

За завтраком Хатаке сидел в сторонке, снова отгородившись от нас невидимой стеной и из-за нее он небрежно сообщил, что будет приглядывать за пленным, а с бумагами и трофеями должен буду разбираться я. Хорошо. Как говорится — баба с воза — и кобыле легче, да и сытые волки отстанут.

Позавтракав, мы вчетвером пошли к офису. Макуто накинул свою зелёную куртку и теперь шагал чуть позади, по привычке оглядывая крыши и переулки. За эту миссию у него выработалась привычка постоянно сканировать пространство, и он не оставлял её даже в мирное утро.

По дороге нам часто встречались гуляющие и празднующие люди. Несколько мужиков вкопались на середине улицы и один второму вместо приветствия выдал: Гато помер! Слышал?

— Слышал! — радостно скалясь, ответил второй и потряс здоровой початой бутылкой с чем-то мутно-белым, как самогон.

В общем, отрывались люди, как могли. Главный вход в офис кто-то от души размалевал краской, жизнерадостно получилось, если не присматриваться, что написано. Поверх этих радужных пятен, которые сами по себе были неприличными словами, кто-то потом оттачивал искусство каллиграфии «по забору» уже чем попало. К примеру, я заметил, перепачканные в краске, кусочки угля и мела на затоптанной площадке перед входом. Стараясь не влезть в еще сырую краску, я отпер замок и пропустил детвору.

— Ребята, сейчас мне нужна будет ваша помощь, — закрыв за собой, бросил ключи в сумку на поясе, — Я доверю вам очень важное дело. Вам нужно, — выдержал паузу и обломал, — переписать документы.

Седьмые сначала уставились на меня недоуменно, а потом разочарованно.

— Так что мы сейчас пойдем и будем их переписывать? — кисло переспросил Наруто.

— Что, всем вместе?! — удивленно воскликнула Сакура.

— Да, Сакура, все вместе, — терпеливо ответил розовой. — Эти документы очень важны для Конохи. Я все понимаю, скучно и совсем не весело, но это нужно сделать. Сам я не справлюсь. Помогите, пожалуйста, — дурачась, молитвенно сложил руки, чтобы развеселить мальчишек.

С Наруто это прокатило, с Саске тоже, а вот Сакура надулась еще сильнее. Макуто тем временем уже осматривал кабинет — не как любопытный мальчишка, а как человек, который оценивает помещение на предмет скрытых ниш и возможных тайников. Он провёл ладонью по стыку между стеновыми панелями, простучал костяшками угол у окна.

— Здесь пусто, — сказал он, не оборачиваясь.

— Проверь стол, — бросил я ему.

Макуто кивнул и, пока я распахивал створки кабинета, уже выдвигал ящики один за другим.

Лестница вверх, небольшой коридор с рядом дверей и мы на месте. Я распахнул обе створки и сразу прошел к карте с монетками и сейфом за ней. Снять ее было проще простого. Деревянная рама с натянутым на нее шелковым полотном была легкой и казалась парусом в руках из-за размера. Я уже мысленно прикидывал как ее прихватизировать, когда вспомнил, зачем ее вообще снимал. Сделав вид, что выбирал место, поставил около дивана.

Сейф легко расстался с содержимым. Комбинацию даже не пришлось искать в блокноте, я ее запомнил.

— Парни, — отвлек я детвору от изучения комнаты, — притащите стулья из приемной, а я пока выберу бумаги, которые вам нужно будет скопировать.

Саске усмехнулся чему-то своему, а Наруто хихикнул и улыбнулся.

— Да, пока не ушли. Найдите где-нибудь ручки, в крайнем случае, карандаши, в самом крайнем — кисточки с чернилами и промокашки. Писать нужно будет много и быстро.

Мальчишки побежали наперегонки, будто только этой команды ждали и скрылись за поворотом. Я видел, как они переглянулись, будто сказали друг другу: я круче тебя. Наруто эта игра радовала. А вот меня — не очень. Мелкий Учиха по-прежнему рассматривал нас, как ступеньку на пути к Силе. Или как нечто временное, такое отношение не вдохновляло. Лучше уж совсем без друзей, чем с такими, как Саске.

Сакура же осталась, так как посчитала, что раз я ее отдельно не выделил, то ей делать ничего не нужно. Хотя я надеялся, что она тоже пойдет искать канцелярские принадлежности, как и ребята. Не догадалась. Или ей наплевать и она считает, что я ей сам все дам? А вот фиг! Сел на кресло Гато и принялся копаться в папках, которые вынул из сейфа. Но подумав, все же пробормотал беззвучно:

— Ладно, дам! Только вот закончу с мародеркой.

Харуно любопытно оглядывалась и в итоге пришла к столу, заваленному бумагами, в которые я зарылся с головой. Папок оказалось гораздо больше. При свете дня я обнаружил потайное отделение в котором находились гораздо более ценные по мнению Гато бумаги, два мешочка с бриллиантами и один с горсткой изумрудов. Если бы не вытянул все папки, я бы даже не сообразил, что в сейфе есть второе дно! Второе дно в сейфе кабинета это как положить у всех на виду. «Хочешь что-то спрятать? Положи на видное место». После этого я решил проверить, нет ли других тайников.

Пока клон стучал по стенам, которых тут было из-за больших окон не сильно много, я принялся за мебель. Постучав по ножкам стола, прислушался, одна была полой, внутри, в ней, как в тубусе, были свернуты бумаги, их я отложил на край стола, чтобы не спутать с другими. Два верхних ящика оказались с двойным дном. Двойное дно я и сам делал, чтобы прятать от брата и родни рисунки фривольного содержания. Только в столе мелких тайничков я насчитал больше десяти. Но только в четырех из них были не бумажки, а более материальные ценности. Запечатал все это в свиток, а его положил себе в карман, ничуть не стесняясь Сакуры, которая соорудила брезгливую мину. Наверное, потому, что я не поделился. Зря это она. Сначала отдадим Виктору его долю, а уже когда в Коноху придем, тогда и будем делить добро.

Макуто закончил с ящиками и теперь стоял у дальней стены.

— Здесь за панелью пустота, — сказал он, постучав по дереву. — Дюйма три, не больше. Но что-то есть.

Я подошёл, отжал панель ножом. Внутри лежала тонкая папка с единственным листом — списком имён и сумм. Видимо, личные должники Гато.

— Хорошая работа, — кивнул я Макуто.

Он забрал папку, пробежал глазами по строкам и положил её в общую стопку.

Отослав клона проверить спальню Гато и забрать магнитофон, ну или то, что было вместо него, я сел сортировать бумаги на четыре кучки.

— Ирука-сенсей, давайте я помогу. — Харуно, не мешай, — пытаюсь удерживать в голове все важное, сказал я.

— Но Ирука-се...

— Замолчи. Сядь.

Пришлось искать чистые листы и нумеровать документы, чтобы точно ничего не упустить из виду, если меня снова отвлекут. Как только я закончил нумерацию бумаг, вернулись мальчишки, Наруто дал Сакуре перьевую ручку, которую я раньше видел на столе у Рицки, а та ее выхватила, даже не поблагодарив. Раздав чистые листы, документы и поставив чернильницу, я и сам взял стопку бумаг для копирования. За столом карлика места хватило всем, так что никто никому не мешал.

Через какое-то время появился Юкайю. Макуто, сидевший с краю, первым заметил его и коротко кивнул, обозначая, что видит. Шин окинул взглядом помещение, на долю секунды задержавшись на Макуто, и попросил меня выйти. Прикрыв за собой я вежливо спросил, что ему нужно. Оказалось, Шин пришел напомнить, что некоторые бумаги ему были нужны как можно скорее, а некоторые еще вчера. Договорились, что часть документов мы перепишем прямо сейчас, так сказать, вне очереди, а после их занесет мой клон.

Когда зашел назад, я увидел что Сакура почти выжила Саске с его места. Нет, конечно, она просто пыталась сесть к нему поближе, но брюнет отодвигался и в итоге был загнан в самый угол. Он стойко терпел неудобства (за чернилами далеко тянуться, руки некуда положить), потому что отступать дальше было некуда.

— Сакура-чан, ты это сейчас переписываешь? — протянув руку к целой стопке, спросил Наруто. Свои бумажки он, на пару с клоном, уже успел переписать.

Макуто поднял голову от своего листа. Он единственный из всех писал молча и ровно, без единой пометки. Его стопка готовых копий была вдвое выше, чем у Сакуры и Саске вместе взятых.

— Отвали, бака! — не глядя треснула Харуно по протянутой руке. От удара девчонки, мальчик отшатнулся и зацепил ладонью одну из чернильниц, содержимое которой разлилось по бумагам.

У меня замерло сердце, пропустив удар.

— Фу-ух, слава Ками! — выдохнул, заметив, что чернила пролились только на свежепереписанные копии, а не на оригиналы! Поставив рекорд скорости, я успел подхватить еще сухие оригиналы раньше, чем до них добралась лужа. Переведя дух, стал перепроверять бумаги, когда рядом раздался вопль от отмершей розововолосой.

— Ой, — Сакура с визгом отпрыгнула от Учихи, заметив, что чернила капают ей на подол, при этом уронив несколько бумажек. Теперь и на полу были иссиня-черные глянцевые пятна.

У меня задергался глаз.

— Наруто-бака! — пронзительно заверещала розовая, и замахнулась на него. Узумаки, до того замерший, от ее крика инстинктивно отскочил.

Макуто встал. Не резко, не демонстративно — просто поднялся со стула и шагнул так, что оказался точно между Наруто и Сакурой. Та, уже занесшая руку, наткнулась взглядом на его лицо и замерла. Макуто ничего ей не сказал. Он просто посмотрел, и в его карих глазах, обычно спокойных, сейчас стоял холод.

— Сядь, — сказал он тихо.

Сакура сглотнула и опустила руку.

— Н-а-р-у-т-о-бака! Это ты вин... — уже тише, но всё ещё со злостью, начала она, однако Макуто перебил её:

— Ты пролила чернила. Он стоял далеко. Твоя вина.

Сакура захлопнула рот. Её лицо пошло красными пятнами, но возразить она не рискнула.

Меня переклинило, и набрав в легкие воздуха, уже я заорал на розовую:

— Идиотка безмозглая! — еле удерживаясь от матов. — Ты хоть понимаешь, что чуть не натворила?! Испортить ты оригиналы, я б тебя прямо тут прибил!

Выговорив весь воздух, глубоко вдохнул. Дети сидели, как громом пораженные и в полной тишине на пол звонко капали чернила. Харуно тоже не двигалась. Она так и замерла с занесенной над головой Наруто рукой.

— Сакура, — ледяным голосом сказал я, чувствуя как раздражающе дергается глаз, — если ты настолько тупая, что не можешь даже не мешать Саске и Наруто и не проливать чернила каждый раз, то работать ты будешь одна. В приемной! — последнее слово, снова не выдержав, я выкрикнул, указав пальцем на дверь.

Похоже, сказалась бессонная ночь с кошмарами, не иначе. У Сакуры на глазах навернулись слезы, а лицо скорчилось в гримасе обиды. Какое-то время она переводила взгляд от меня, на испорченное платье и обратно, но потом в ее розовой черепушке, похоже, что-то щелкнуло и она, разревевшись, убежала куда-то. Естественно, взять бумаги и продолжить их копировать она даже не подумала. У нее ж трагедь. Накричали на нее. Да еще и платье испачкалось!

Проводив ее взглядом, повернулся к мальчишкам. Макуто уже вернулся на своё место и, как ни в чём не бывало, продолжал переписывать документы.

— Парни, теперь надо очень аккуратно убрать разлитые чернила. Не дай Ками-сама запачкаете оригиналы. Ценой этим бумагам могут стать миллионы рье и потерянные жизни. Это будет очень, нет, — выделил голосом, — очень плохо для нас!

После того, как мы насухо вытерли стол и сели писать, я вспомнил вчерашнюю выходку Сакуры. «Да мать вашу! Зря я вчера эту тупицу не отругал по первое число за самовольный уход. Ведь должен был. Но нет же. Устал я слишком. Му-у-удак я, вот кто!» И доходит до меня все как до жирафа. Нет, бессонные ночи — это никуда не годится. Итак, количество бумаг огромное, а пишем мы втроем! А эта малолетняя паскуда куда-то слиняла! Нет, само собой, это было не педагогично на нее орать и

называть ее идиоткой и тупой, унижая при мальчиках... Да, все так. Но мне наплевать! Хотя кого я обманываю? Мне не наплевать. Да меня просто трясет от ее тупости! Первая идиотка на деревне! Тупее ее только полено! — задумался глядя на небольшую кляксу в центре чистого листа. — Хотя Буратино определенно поумнее будет, — перевернул, вздохнул и отложил бумажку.

Чернила подсохли, так что я без труда сложил самолетик и отправил его в открытое окно, отстраненно наблюдая за полетом, я заметил, как пошел мелкий дождь вскоре превратившийся в ливень. «Простудится, буду поить самыми горькими настойками и не обязательно от простуды! Придем в Коноху, надо обязательно поставить вопрос о переводе Дерева в любую другую команду. А эта тупая розовая голова пусть катится куда хочет!» Иначе она до команды звука не доживет и помрет на какой-нибудь миссии. И не без моей помощи, если продолжит доводить!

Покосившись на мальчишек, я заметил молчаливый укор в глазах блондина.

— Наруто, не осуждай меня. — прикрыв окно, вернулся я к столу. — Иногда бумаги не менее важны для победы, чем отряд шиноби. Именно поэтому мы их и переписываем. И их потеря могла причинить нам и Конохе много вреда.

— Но она же не знала, — тихо вздохнул Узумаки, — и не хотела...

Макуто отложил ручку и посмотрел на Наруто.

— Она ударила тебя, — сказал он ровно. — В третий раз за день. Неважно, знала она или нет. Если ты не поставишь границу, тебя будут бить.

Саске только фыркнул, верно, подразумевая что-то вроде: «Ага, всегда не хочет...» Я же продолжил:

— Наруто, Сакура, в отличие от тебя, училась на «отлично», и о ценности бумаг знать должна. Просто она — не думает о том, что делает, и к каким последствиям это может привести! Скорчив брезгливую рожу, сдохмил я: «Это же так весело — помахать кулаками и пораздавать тумачков рядом с чернилами и важными и ценными бумагами, которые стоят больше, чем ее

жизнь!» — не сдержался. — Я жизнью рисковал из-за этих бумажек не для того чтобы Сакура на них ставила чернильные кляксы!

Снова став серьезным, я продолжил:

— Компания Гато не только спонсировала бандитов, но и давала рабочие места. Один документ испортить и сотни обычных людей останутся без средств к существованию. Из-за Сакуры без работы могли остаться сотни людей. К сожалению, нет у нее такой привычки — думать. И хватит уже о Харуно. Все равно я уже сорвался и она уже убежала. Чем раньше закончим, тем быстрее вернемся домой, в Коноху.

Чтобы управиться быстрее я организовал небольшой конвейер; Наруто и Саске строчили на листах, эти листы накрывали промокашками клоны и раскладывали сушиться, а другие дубли проверяли, высохли или нет чернила и складывали бумаги в картонные ящики. Макуто в общий конвейер не встал — он работал один, но его скорость была такова, что к тому моменту, как пацаны начинали новую стопку, у него уже заканчивалась третья. Я не спрашивал, как ему это удаётся. Знал — тренировки с Одой научили его терпению и точности.

Через пару часов Узумаки начал периодически отрываться от отчетов и тереть запястья. Саске тоже выглядел уставшим.

— Ребята, отдохните. И не стесняйтесь говорить, если устали. У нас на это все, — обвел взглядом завалы, — есть еще время.

Саске тут же усвистал, пообещав, что вернется через полчаса, а Наруто сделал клона и тот молча куда-то ушел.

— Ирука, а ты сам почему не отдыхаешь? — подав промокашку, спросил мальчик.

— Я еще не устал, — оторвал взгляд от бумаг и понял, что соврал. Иероглифы уже плясали у меня перед глазами. Я ведь сделал для разбора бумаг целых шесть клонов. Два из которых выносили мозги логисту вопросам.

Юкайю являлся еще и правой рукой Гато. Магнат был мозгом, а Шин занимался воплощением в жизнь его задумок. Вроде бы Гато говорил, что

они с Шином друзья детства, но мне в это слабо верилось. Логист, в присутствии Гато, ни разу не улыбнулся, а отвечал сухо и только по делу.

Вздохнув, я потер тыльной стороной руки глаза.

— А ты прав, мне действительно нужно передохнуть.

Как по волшебству, на перевернутом ведре для бумаг появился походный термос, печенье и пара бутербродов, нарезанных щедрой детской рукой, лаптями.

— Наруто, щедрая душа, — не сдержавшись, захихикал.

— Ну, я... это, — смутился Наруто, — спасибо.

— Тебе спасибо.

Мы разместились на пушистом ковре в дальнем от входа углу. Макуто остался за столом — он не присоединился к перекусу, только принял из рук Наруто бутерброд и коротко кивнул, продолжая писать левой рукой, пока правая держала еду.

Почему-то задумавшись о том, как спереть ковер при помощи свитка и в какую химчистку его сдать будет дешевле, я не сразу обратил внимание на мальчика. Он вел себя подозрительно тихо. И я решил пошутить:

— Тихий ребенок — это ненормально. — по-птичьи наклонил голову и улыбнулся, — Это он либо что-то задумал, либо уже что-то натворил...

А Наруто вдруг нахмурился и стал жевать губу.

— Эй, — огорчился, — я не хотел обидеть. Извини. Что не так?

— Сакура...

— Не надо, пожалуйста, — поползло настроение вниз, — не хочу я о ней думать. Ни сейчас, ни потом.

С тоской взглянув в кружку, тяжело вздохнул.

— Понимаешь, Наруто, нанимают не только тебя, меня и Саске, но и всю команду в целом. И отвечаем мы за ошибки каждого из нас тоже вместе.

Если Сакура будет себя вести так и дальше, то всю нашу команду будут стараться не нанимать. Не одну Сакуру, а всю седьмую команду сразу! — Вот, к примеру, нанял вас дайме какой-нибудь. А дальше все увидят, что тебя можно оскорблять и со всей силы лупить по голове — ты это позволяешь. К тебе и наниматели наши будут с пренебрежением относиться.

— Я не позволяю... — начал было возмущаться Наруто, но затих на полуслове.

Кисло усмехнувшись я продолжил:

— А еще все увидят, что меня можно игнорировать. А на мои приказы плевать. Вот такой я хороший командир и учитель, что меня можно игнорировать, а то и вообще — орать.

— Ну, она же на тебя не кричала! — возразил Наруто.

— При тебе нет. А вообще — кричала. А на Хатаке, который, как-никак, наш командир, она орала при тебе. Это как вообще, нормально для генина — повышать голос на своих командиров и сенсеев?

Наруто промолчал.

— И в результате все наши заказчики будут смотреть на нашу команду как на шутов. Посмотрит какой-нибудь дайме, сановник на то, как Сакура чудит — например, сходу треснет по башке вельможу или сына того же дайме — за то, что те сказали ей что-то не то... Представил? — спросил я Узумаки, глядя на то, как он пытается задавить смех.

Кивнув, мелкий все же не выдержал и захихикал:

— Да. Она может...

— Тебе-то смешно, а мне вот, грустно. К сожалению, да — может, — вздохнул я. — И в следующий раз заказчик постарается нанять кого-то другого. А если он еще кому посоветует нас не брать... В общем, до репутации самой паршивой команды выпуска рукой подать. И никому не будет интересно, что мы сильнее и круче, если выйдем мы, как несработавшиеся слабаки. — Мы же, по сути, просто наемники. Дорогие, элитные, престижные, но наемники. Мы выполняем за деньги грязную и

опасную работу для других людей. А значит, и репутация среди этих людей у нас должна быть безупречной. Или хотя бы просто приличной.

— Сакуре нужно быть сдержанной, думать о последствиях и понимать, как то или иное ее действие смотрится со стороны. В прошлый раз она могла сорвать переговоры с Забузой. Ты же видел, насколько были сильны Охотники?

Мальчик медленно кивнул.

— Как ты думаешь, — поинтересовался я, — смогли бы мы с ними справиться без помощи Мечника и Хаку?

Наруто задумался, после чего сказал:

— Смогли бы... — но прозвучало как-то неуверенно, будто он своим словам не верил.

— Ты уверен? — с насмешкой спросил я.

— Не знаю, — тихо и грустно выдохнул Наруто, точно сказал «нет, не смогли бы».

— Вот! А сейчас Сакура могла угробить кучу важных документов, из-за чего мы не смогли бы выполнить свои договоренности с повстанцами Тумана и новым руководством компании Гато. И мы, и Коноха потеряли бы огромные деньги.

— Она нечаянно, — начал было Наруто.

— Конечно, нечаянно — с сарказмом сказал я, — она как обычно не хотела. Но почему-то всегда так делает. Наверное, потому что не думает. А еще Сакура и ведет себя, как хамло из подворотни и даже не замечает этого, хотя правила этикета знает куда лучше тебя. Боюсь, что когда до нее дойдет, что нужно уважать других людей, а не только себя, и думать головой не только во время письменных тестов, то будет уже поздно. Мне стыдно, что я ее учил и не доучил. Я с ней не могу справиться, она меня слушать не хочет. Я тебе об этом уже говорил. Потому для нас всех будет лучше, если Сакуру заменят на кого-то более спокойного, вроде — призадумался, — ну, к примеру, вроде Хинаты. Спокойная и умная девочка, — цыкнул зубом, — жаль, что ее к вам не распределили.

Макуто, не отрываясь от бумаг, вдруг подал голос:

— Хината Хьюга смотрит на тебя, когда ты не видишь.

Наруто резко обернулся к нему.

— Ч-что?

— На полигоне. В Академии. Она всегда на тебя смотрит. — Макуто перевернул страницу и продолжил писать. — Ты ей нравишься.

Наруто побагровел и замотал головой, а я лишь хмыкнул. Макуто редко говорил что-то о других, но если уж говорил — то всегда в точку.

— Ладно, — отпил я из кружки, — надеюсь, другой сенсей обратит внимание и сможет образумить Сакуру. А вообще, с ее контролем, небольшим резервом и привычкой заучивать, не обдумывая, ей самое место в госпитале. Возможно, фармацевт из нее получится идеальный.

— Почему? — круглыми глазами смотрел на меня мальчишка.

— Во-первых, потому что там она сумеет себя показать. Во-вторых, потому что там безопасно, а это важно, ведь она слабая. В этой миссии мы отошли от ворот и тут же напоролись на шиноби дождя. Не почувствуй я их заранее, и они бы напали неожиданно для нас, и Сакура могла погибнуть уже там. А потом мы встретили Забузу, она снова была обузой и чудом выжила. Если бы Мечнику не нужна была наша помощь, то боюсь, что с Охотниками мы бы дрались одни и все могло кончиться скверно. Какаши вернулся бы с четырьмя погнутыми хитай-ате на драных лоскутах, ему бы выдали другую команду, а на наших могилках вскоре выросла бы зелененькая травка, — скривился от собственных слов. — Прости, я пессимист по жизни. Для нее самой было бы лучше перейти, но ты сам понимаешь, что из-за Саске она никуда не уйдет и...

— Вы!.. — раненым бизоном взвыла Харуно.

— Все слышала? — холодно произнес я, аккуратно сжимая кружку обеими руками, чтобы не швырнуть ее кое-кому в лоб, прямо между розовых бровей, — Или что-то пропустила? Могу повторить.

— Вы — козел!

Прикрыв лицо рукой, я невесело рассмеялся.

— Сакура, проблема не во мне, а в тебе. Прямо сейчас, за оскорбления сенсея — пятьдесят отжиманий. Еще раз услышу подобное — выпорю. Все ясно?! — посмотрел ей прямо в глаза, выпустив КИ.

— Вы не посмеете! — растеряв боевой настрой, заявила мелкая.

— А давай проверим! — оскалившись, взглянул на девчонку, громко опустив кружку на поднос.

— Я на вас пожалуюсь!

Не успел я вытащить ремень, а ее уже и след простыл. Макуто проводил её взглядом и вернулся к работе. Он ничего не сказал, но я заметил, как он едва заметно покачал головой — жест, который я уже научился расшифровывать как «пустая трата времени».

Зато Узумаки решил грудью на амбразуру лечь, спасая дуру. Он обхватил мою руку, мешая расстегнуть пряжку, и уткнулся лбом в предплечье.

— Наруто, — не делая попытки освободиться, позвал, — отпусти. Я ее только припугнуть хотел... Наруто?

— Пожалуйста, пообещай, что не будешь бить Сакуру, — не ослабив захвата, сказал мальчик.

Я положил вторую руку ему на макушку. Он было испуганно дернулся, но, упрямо сжав губы, схватился еще крепче.

— Обещаю, — легонько потрепал по волосам, — Теперь отпустишь?

— Угу, — стараясь не встречаться со мной взглядом, буркнул блондин.

Когда вернулся Саске, жуя на ходу какой-то пирожок, Наруто уже перестал дуться. Кстати, Саске чуть было не отхватил за компанию с Сакурой, но вовремя заметил, что руки жирные и побежал их мыть до того, как я открыл рот.

— Прямо как офисный планктон... — пробурчал я и посмотрел на мальчишек, устало улыбнувшись. Те явно не поняли юмора. А я не стал

пояснять, каким образом морская живность связана с тем, что мы делаем. Да они и не спрашивали.

После нескольких часов работы стало понятно, что пацаны снова устали, а я опять этого не заметил, впав в транс от бездумного копирования. Нет, ну поначалу я читал, а потом уже переписывал черточка в черточку, не отвлекаясь ни на что. Изображал принтер, разве что не жужжал и бумагой не плевался. Кислые и уставшие лица. Мне казалось, они от тренировок так быстро не уставали, как от бесконечной писанины. Саске вывел последний иероглиф на листе и, устало выдохнув, потянулся, разминая шею руками. Наруто просто отодвинул все и лег на сложенные на столе руки.

Макуто положил ручку и выпрямился, разминая пальцы. За всё время он скопировал больше всех — почти половину от общего объёма, но не жаловался ни разу. Теперь он сидел, прикрыв глаза, и размеренно дышал. Со стороны могло показаться, что он дремлет, но я знал — он сканирует помещение, используя Дельфиний свист.

— Может, перекусим? Я отправил клона, осталось только его дожидаться.

— Ирука, расскажи что-нибудь, — зевнул Наруто.

— Чтобы ты тут по привычке заснул? — подколот я.

Наруто фыркнул и улыбнулся. А я принялся осматривать кабинет в поисках зацепок для мысли. Но ничего толкового в голову не шло. И тут я решил рискнуть.

— Есть у меня одна история, — тихо сказал я, все еще колеблясь, — Скорее даже легенда. Мне ее рассказывали очень и очень давно, когда я сам был еще ребенком.

Саске заинтересовался, но виду не подал. Макуто открыл глаза и чуть подался вперёд, оперевшись локтями на стол. Наруто подставил руки под голову, приготовившись слушать.

Вздохнув, начал рассказ:

— Жили на свете два человека, богач и воин. Если кто упоминал их имена, люди кривились и поминали демонов.

— Почему? — почесал блондин щеку.

— Потому что эти двое были очень плохими людьми. Что богач, что воин были людьми злыми и жестокими. Чужая жизнь для них была не ценнее рисового зернышка в урожайный год. Люди молили всех богов, чтобы эти двое стали лучше. Или хотя бы не так сильно лютовали.

— Почему люди не ушли? — хмыкнув, сказал Саске.

— А некуда им было идти, — пожал плечами, — Да и землю, которую возделывали далекие предки тех крестьян, никто не смел оставить, чтобы не разгневать духов. Традиции и много всякой околорелигиозной чепухи, — неопределенно покрутил рукой, — Да и вокруг все тоже было плохо. Вот и надеялись люди на чудо и дождались. Услышали боги крестьян и, поглядев на феодала с самураем, решили, что души этих людей черны, как беззвездная ночь и ничто не сможет их исправить.

Учиха недоуменно вздернул бровь.

— А в это время, в другом месте, погибли два добрых человека. Жаль этих двоих было богам, ведь не могли они дать новую жизнь ушедшим душам, не нарушив законов мироздания. Но делать нечего — собрались они на совет. Долго совещались и придумали: вдохнуть добрые души в тела злых людей. Так богач и самурай погибли в одночасье, а их тела заняли добрые души...

Макуто, слушавший до этого молча, вдруг негромко спросил:

— А что стало с душами тех, кто жил в этих телах раньше?

Я запнулся. Вопрос был задан так, будто ответ на него имел для Макуто какое-то личное значение.

— Они... их просто заменили, — ответил я, чувствуя, как по спине пробежал холодок. — Добрые души заняли их место. А злые — исчезли.

— Значит, тело — это просто сосуд, — сказал Макуто, глядя куда-то мимо меня. — Как Пустая миска.

Я ничего не ответил. Повисла тишина, в которой Наруто заёрзал, а Саске нахмурился.

— Ладно, — хлопнул я по коленям и встал. — Легенду дорасскажу в другой раз. Работа не ждёт.

Когда мы наконец собрали бумаги и вышли из офиса, на улице уже смеркалось. Макуто набросил капюшон и зашагал первым, разведывая дорогу.

У дома Тадзуны нас ждали Виктор и Хаку. Забуза сидел на крыльце, положив меч на колени, и, завидев нас, поднялся.

— Игнат, задержись, — бросил он.

Я отправил пацанов в дом, а сам остался. Макуто замешкался на ступеньках, и Виктор, кивнув на него, спросил вполголоса:

— Слушай, студент, что за пацан? Я его у Гато видел, в офисе. Он у тебя в команде?

— Вроде того. Ассистент ассистента, — усмехнулся я.

— Ты понимаешь, о чём я, — Виктор смотрел серьёзно. — Он не простой генин.

Я покосился на Макуто, который отошёл к забору и теперь стоял там, глядя на море.

— Не простой, — согласился я. — Он из клана Фаруд. Последний.

— Фаруд? Не слышал о таких.

— Их больше нет. Вырезали, когда ему было восемь.

Виктор помолчал, потом спросил:

— Он что, лично там был?

— Он всех похоронил. Сорок семь тел. Отца, мать, братьев, сестёр. Двух младших сестёр так и не нашёл.

Виктор присвистнул.

— Слушай, Игнат, — сказал он, понизив голос, — Ты на него посмотри. Ты видишь его лицо?

Я посмотрел. Макуто стоял вполоборота, и в свете заката его лицо казалось высеченным из камня.

— Вижу.

— Он выглядит так, будто лично видел, как фашисты убили его родную хату.

— Так и есть, — сказал я. — Только фашистами были шиноби из четырёх великих деревень.

Виктор долго молчал, пожевал губу.

— Я такое только на войне видел, — сказал он наконец. — У детей, которых мы из-под завалов доставали. Когда они уже не плачут. Просто смотрят.

Он хлопнул меня по плечу.

— Не сломай его ладно?

— Я стараюсь.

Виктор ушёл в дом, а я ещё несколько минут стоял на крыльце, глядя на спину Макуто в зелёной куртке. Он не оглядывался. Он смотрел на море. И думал о чём-то своём. О чём — я даже представить боялся.

Оставив коробку в покое, Виктор поставил ее себе на колени, задумчиво постукивая по ее картонным бокам пальцами. Макуто стоял у двери, прислонившись к косяку. Он только что закончил переписывать очередную пачку отчетов и зашел отдать их Ируке. Уходить не спешил — слушал.

— Плюс один день на то, чтобы информация дошла из кабаков или от шпионов в команде до Ягуры, — продолжал Виктор. — После начнут трясти моряков. Те мало что знают, так что ничего внятного и быстро рассказать не сумеют. Не зная всего и не понимая в полной мере, что происходит и чем им это грозит, миньоны Треххвостого сначала немного подумают, соберут все возможные данные и проверят сообщения разведки — не их ли это рук дело. А потом соберут команду побольше и посильнее.

На это, кстати, тоже потребуется некоторое время. Также как и на подготовку скоростного судна. Берем минимум сутки, на все про все.

— А как же Юкайю и Тадзуна? — растерянно спросил Ирука.

— Чего ты так переполошился, студент? Что им сделается? — усмехнулся мечник. — Ничего с ними не будет, не переживай. Юкайю они ничего не сделают, так как он нужен, чист и вообще ни при чем — это мы Гато убили и силой заставили нового директора разные договора подписать. Но он делает вид, что не против продолжения сотрудничества с Ягурой.

— Сделает вид? — Ирука аж привстал со стула, выпалив вопрос на местном языке.

Виктор кивнул.

— Убийство Гато шпионкой Тумана ему сильно не понравилось. Получается, что Ягура предал и убил союзника, нарушив все договоренности. К тому же, коротышка, похоже, и вправду был ему другом.

Макуто перевел взгляд на Ируку. Тот нервно потер переносицу, явно прикидывая, не вылезет ли им это боком.

— Тадзуну тоже трогать нельзя, — продолжил Виктор. — Потому что ничего, кроме вреда для компании Гато, его убийство не принесет. Шиноби-то уйдут, а население останется. Надо либо сотрудничать с Тадзуной, либо истреблять все население. Так что и смысла нет убивать старика — он вроде как для Юкайю живой полезней. Людей удерживает от убийства сотрудников компании и разграбления ее складов и офисов, да и просто легитимная власть, признанная как минимум местными и Конохой.

Каких бы дураков Ягура ни послал, они все равно поймут: если шиноби Воды начнут тут беспредельничать, Коноха может при желании здесь очень быстро появиться, и отвечать придется компании Гато.

— Ясно, — Ирука смутился и покосился в окно.

Макуто переступил с ноги на ногу. Ему было очевидно, что старику и новому директору ничего не угрожает, но он понимал тревогу Ируки — тот отвечал за команду, за Наруто, и лишний риск в его планы не входил.

— Значит, одиннадцать дней у нас точно есть, — продолжил Виктор. — Пока новости не доплывут до Кири. Но будем считать, что капитан выполнит свои обязательства и завезет грузы по дороге, так что четырнадцать дней. День на то, чтобы собрать слухи, разобраться в ситуации и подготовить шиноби и судно. Даже самое быстрое судно с самым лучшим местным движком, купленным за бешеные деньги, прямой дорогой, на максимальной скорости, без заходов в порты и остановок, дойдет сюда дня за три, скорее даже за четыре. Но это, разумеется, минимум. Итого. Если все будет хорошо, то у нас четырнадцать плюс один плюс четыре, то есть всего девятнадцать.

— Стоп-стоп-стоп, — перебив, выставил руки Ирука, пытаясь понять, почему именно девятнадцать.

— Что не так?

Ирука взял лист, набросал какие-то только ему понятные схемы и стрелочки и осознал, что его в суждениях Виктора покорило.

— Так, — скомкал он лист и бросил в корзинку, — а если в Кири не тормоза? Давай будем считать, что будет, если Ягура нагрянет раньше. На пару дней как минимум.

— Теперь ты поясни, — нахмурился Вик.

— Рицка была в курсе всего, что происходило. Вполне возможно, что она должна была отправить послание о том, как все прошло, Ягуре. Но раз этого не случилось, а Гато умер, мог этот неизвестный нам связной отправить донесение о смерти Гато сам соколом там, или призывным животным? Если этот самый связной отправил письмо почтальоном — ... Как быстро летают почтовые соколы?

Виктор присвистнул и задумался.

— Нет, ты зря паникуешь, студент. Склероз тебе лечить надо. Мы ее спрашивали — другие шиноби Кири тут вместе с ней не работают.

— Подумаешь, забыл, — буркнул Ирука.

— Связь она поддерживала через посредников. Если и есть шпионы, то она о них не в курсе. Скорее всего, их не было. А обычные связные призывных животных иметь не могут — слишком жирно для них. А птичек, способных переносить сообщения на такие расстояния, очень мало. На голубей я бы не рассчитывал — их по дороге сожрут. Значит, будем считать, что я прав, и у нас не меньше девятнадцати дней.

Помолчали. Макуто шагнул к столу, положил папку перед Ирукой и тихо сказал:

— Я проверил склады. Там все опечатано. Люди Шина уже работают.

Виктор поднял на него глаза и коротко кивнул.

— Расторопный у тебя ассистент, — заметил он.

— Это не я его учил, — отозвался Ирука. — Это он сам.

— А что по поводу оставшегося у нас времени сказал Хатаке? — спросил Ирука, возвращаясь к разговору.

— Ничего. С ним на эту тему никто не говорил.

Пробурчав ругательство под нос, Ирука скривился.

— Лучше это сделаешь ты. Поднимешь свой авторитет в глазах команды. Он тебе очень сильно пригодится.

— Э-э... Не понял. Это тут при чем?

Вик задумался, потирая пальцами бинты на лице там, где по идее должны быть губы.

— При том. Думал не пригодится, но лучше расскажу. Я кое-что про Какаши вспомнил. Из жизни предшественника, так сказать. И думаю, что тебе эта информация будет полезна. Чтобы не было путаницы, расскажу от первого лица.

Ирука нахмурился и приготовился слушать. Макуто остался стоять у стола, скрестив руки на груди. Он не делал попыток сесть, но и не уходил — тема была важной.

— У меня и команды была миссия на охрану шишки из Страны Птиц, у Какаши и компании — на устранение моего клиента. Он тогда очень просто поступил — своих людей на убой отправил — отвлекать нас, прекрасно зная, что на моей стороне численный перевес.

Голос Виктора казался в тишине кабинета раздражающе громким, а сам рассказ не укладывался в голове.

— Помню, мы встретились с вашим Собакиным глазами, когда он драпал. Я как раз перерезал глотку последнему чуунину — такому, знаешь, поклоннику Хатаке. Который стригся как кумир, одевался как кумир и вообще, похоже, хотел быть во всем на него похожим — даже танто использовал как оружие. Ваш Какаши даже пальцем не шевельнул, чтобы спасти парня. Такое чувство, что ему было плевать.

Макуто слегка наклонил голову. Он знал этот тип людей — командиры, которые смотрят на подчиненных как на расходник. Его собственный клан таких презирал.

— Он мог бы отправить клонов и собак вместе с остальным отрядом — тогда у кого-то из них был бы шанс спастись. Но вместо этого приберег чакру для отступления. Зато, когда пятками сверкал и нинкенов вызвал, и клонов сделал! Только для того, чтобы ничем не выдать своего присутствия, он оставил своих людей без поддержки! Они, разумеется, погибли. И понятно было бы, если он сокомандниками пожертвовал ради чего-то действительно важного, — развел руками Виктор. — Так нет — грохнули, по сути, пустое место в богатой одежде. Выполнили рядовую миссию, потеряв трех нормальных бойцов. Ну, идиотизм же! Как будто

сам факт того, что миссия будет выполнена, для него был важнее того, в какую цену она встанет для Конохи!

Видя, что Ирука чего-то недопонимает, не-Забуза пояснил:

— Студент, если ты еще не понял, то здесь, в мире шиноби, все немного не так, как было у нас. Здесь командир отряда прежде всего должен соизмерять возможности своего отряда и адекватно оценивать обстановку. Есть ли острая необходимость в выполнении именно этого задания, как было сказано, или лучше поступить по-другому и принести этим больше пользы для Деревни? Стоит ли бессмысленно гробить свою команду или лучше отойти и перегруппироваться, сохранив бойцов для будущего? Стоит ли выполнение миссии достигнутого результата?

Ирука молча покивал.

— Здесь не принято гробить людей в бессмысленных атаках просто потому, что есть приказ взять высоту или деревню.

— «Ни шагу назад и ни шагу на месте, а только вперед и только все вместе», — процитировал он непонятно откуда взявшийся девиз.

— Не ляпни это где-нибудь вслух, — серьезно посоветовал Вик. — Так что с вашим командиром будь осторожнее, студент. И если он тебя на смерть посылать будет — плюй на идиотский приказ и поступай так, чтобы самому выжить. Особенно, если будут хорошие шансы потом отбрехаться.

— Отбрехаться, — повторил Ирука и медленно закрыв глаза, потер лицо руками.

— Теперь все стало ясно. Я ведь многое знал. Подозревал. Теперь понимаю, почему он так странно себя ведет. Хатаке использует своих товарищей по команде как пушечное мясо. Он карьеру сделал на крови. На крови своих, в первую очередь, а не врагов.

Бессильно опустив руки, Ирука сторбился, уставившись на свои ботинки.

— При этом он действительно сильный и опытный шиноби, — вставил свои пять копеек Вик, — мда-а...

— Особенно толковый, когда стоит вопрос о его выживании, — прошипел Ирука сквозь зубы, стиснув кулаки. — Мне рассказывали о подобных миссиях, из которых Хатаке возвращался в гордом одиночестве. На карму намекали...

В это время его мысли замерли, точно кто-то щелкнул тумблером.

— Похоже, у него пунтик с тех пор, как его отец сделал себе харакири. Точно какой-нибудь самурай. Да, да. Нехорошая история. Очень нехорошая. Он покончил с собой после того, как спас товарищей, но провалил задание. Провалил, но спас.

— Игнат? Эй! — забеспокоился Виктор. — Я не понял. Кого затравили и кто покончил с собой? Игнат?

Ируку буквально трясло от того, что он понял. Перестав грызть ноготь, он начал пояснять:

— Хатаке Сакумо, отец Какаши, провалил задание: спасая свою команду. Его затравили за этот провал. Он покончил с собой. А Какаши, похоже, двинулся на почве детского страха того, что с ним будет то же самое, и

делает все наоборот! Выполняет миссии любой ценой, даже если те выеденного яйца не стоят!

Вику понадобилось пара мгновений, чтобы переварить новость.

— Белый Клык? Слышал-слышал. Может, Хатаке-младший таким образом мстит за отца неблагодарной Конохе?

— Шутишь что ли?! — вырвалось у Ируки, но через мгновение до него дошел смысл, и он задумался. Покрутив эту мысль и так и сяк, он, покривившись, пожал плечами.

— Может быть, — крепко зажмурившись, замотал головой и зло бросил.
— Не знаю!

Лично ему такой вариант казался бредовым. Насколько он помнил, Хатаке отца презирал.

— Игнат, — Виктор положил тяжелую руку на плечо Ируки, — идем с нами. В Туман. И Наруто забирай. Ничего хорошего в Конохе вам двоим не светит, а у Мей вам всегда будут рады. Я тебе помогу у нас обустроиться.

Опустив глаза, Ирука невесело усмехнулся, чувствуя, как пощипывает в носу.

Как же было обидно! Тебе предлагают идеальный выход, если не считать войны между Листом и Туманом, а ты понимаешь, что именно из-за того, что будет война, нельзя согласиться. Нельзя потому, что на них объявят охоту. Обидно. Жаль себя и мелкого.

Глубоко вздохнув, он сказал:

— Спасибо. Не получится. Потому что я не могу бросить Наруто. Потому что такое предательство его убьет. Или сломает. Я не могу так с ним поступить.

Виктор непонимающе посмотрел на него.

— Не понял, в чем проблема. Я же тебе говорил, бери пацана с собой!

— Не могу! — Ирука раздраженно поджал губы. — Нам вместе уйти никто не даст. Потому что он джинчурики, если ты забыл. Такой смачный плевок в морду Данзо и Хирузену мне не простят.

Виктор тяжело осел обратно на диван и уставился на свои пальцы, сцепленные в замок.

— И потом, не успеете расправиться с Ягурой, как придется воевать с Конохой. Будь Мэй законным Каге Тумана, тогда можно было бы попробовать.

Прозвучало это не очень красиво, будто он сказал: «будь вы круче, я бы к вам присоединился». Ирука не стал озвучивать мысль о том, что даже будь уже Теруми законным Мизукаге, он бы все равно не стал рисковать жизнью Узумаки. Потому что биджу — очень уж мощное оружие. И всегда будет искушение взять оружие под максимально возможный контроль, запечатав демона в ком-то из своих. Особенно, когда нет уверенности в прочности своей власти. Как у Мей сейчас.

— Извини, — тихо проговорил Вик. — Не подумал. Думал, у нас будешь, как у Бога за пазухой.

— Спасибо, — нашел в себе силы тепло улыбнуться Ирука. — Правда. Я бы с радостью, но не могу. Я этим подставляю себя, Наруто, тебя и всех тех, кто тебе дорог.

— Так ты сам говорил, что эта сушеная вобла — Третий скоро скопытится! Тогда и...

Ирука его перебил:

— Нет. Во-первых, это «скоро» еще неизвестно когда будет, может, в этом году во время экзамена, а может вообще в следующем, а может — никогда. Многое повторяется, но не факт, что и тут Третьего Орочимару грохнет наверняка. Во-вторых, кроме Хирузена есть много других заинтересованных лиц. Им всем тоже нужно, чтобы у Конохи был джинчурики. Даже такой, как Наруто.

Тяжело было говорить, но не сказать он не мог.

— Пока меня не было, до него вообще никому не было никакого дела. Да и сейчас по большому счету он никому не нужен. Ни Хирузену, ни Совету старперов, ни кланам, ни даже Данзо. Просто потому, что для них он такое имущество, которое поделить никак нельзя. Не делится он! Все они, как собака на сене! Никому не нужен, но и другим не отдадут. Законодательно запрещено принять Наруто в какой-либо из кланов, видите ли, нельзя принять последнего Узумаки, надо сохранить фамилию! Только потому, что мой клан — это один я и веса в Конохе не имеет, мне позволили хотя бы опекать Наруто! Даже учить запрещают, твари!

Глубоко вздохнув, чтобы успокоиться, Ирука все же не сдержался и чертыхнулся сквозь зубы:

— Чтоб этим старым маразматикам в гробу скорее оказаться!

Виктор был искренне огорчен, и Ирука чувствовал его жалость.

— Ясно. Но ты знай, если что, можешь на меня рассчитывать.

— Спасибо, Виктор, я запомню.

Макуто, все это время стоявший у стены, оторвал плечо от косяка и сделал шаг вперед.

— Если ты уйдешь в Туман, я пойду с тобой и Наруто.

Ирука обернулся. Лицо мальчика было спокойным, но в его голосе звучала уверенность человека, который уже принял решение.

— Я не спрашивал разрешения, — сказал Макуто. — Просто говорю.

Виктор с интересом посмотрел на пацана, потом на Ируку.

— А этот парень мне нравится.

— Он тебе еще покажет, на что способен, — пообещал Ирука, приходя в себя. — Ладно. Пока мы в Конохе.

После этих слов, будто закончились темы, да и придумывать новые не было желания. Попрощавшись, они разошлись, каждый думая о своем.

По дороге домой Ирука, раз за разом, мысленно возвращался к разговору о Хатаке, и от этого трещала голова. Боль накатывала, расплескивалась изнутри о черепушку, временами казалось, что кто-то «добрый» воткнул раскаленный добела штырь прямо в затылок и с садистской радостью шатает его. Макуто шел рядом, чуть позади, и время от времени бросал короткие взгляды на Ируку, но помалкивал.

Пиар-кампания вокруг Какаши была выстроена очень грамотная; первая версия парадная. Человеку просто не везло, и на сложных миссиях его напарники постоянно гибли, несмотря на все его старания. Ну, просто они очень слабые и неумелые были по сравнению с ним, не дотягивали до его уровня. Ну еще им просто не везло. Вторая версия, для тех, кто сомневается, была такая. Хатаке — человек-беда, притягивает неприятности, всем срочно его жалеть, а тем, кто в команду к нему попал — считать, что на вас какой-то божок обиделся и укладываться в гроб. Кроме того, опровергнуть эту легенду о «фантастическом невезении» было практически невозможно. Да, и мотивацию открыть всем глаза убивают всего два слова: «бесполезно» и «накажут». А если и расскажут кому на ушко — да кто же этому поверит и кто эти слухи разнесет, когда Какаши так красиво триндит о важности сокомандников, совместной работы, героев Конохи, как он не даст никому погибнуть и так далее?

Призрак-сплетник — это фантастика, а на все миссии АНБУ и те, которые выше А-ранга, накладывается гриф «секретно». И участники — те, кому повезло выжить, вероятнее всего, не имели права никому ничего рассказать. Таким образом, выжившим сокомандникам Собакина делать было нечего. Им приказали — они и молчат. Небогато у них с выбором.

Все вместе это означало: узнать, что Хатаке использует сокомандников как пушечное мясо, было нельзя. Просто не от кого. Ведь если что, болтунов вычислить — раз плюнуть, потому что рассказать о

засекреченной миссии АНБУ мог бы только выживший. А в бездоказательную, неконкретную сплетню мало веры.

Но возникал вопрос: зачем нужен такой командир, который гробит свою команду, но выполняет задание любой ценой?

— Любой ценой... — ошарашено проговорил Ирука вслух. — Вот и нашелся последний кусок в мозаике: «Странное поведение Хатаке Какаши», который все объясняет! Был бы Какаши простым мудаком, было бы проще!

То, что он психически нездоров — это стало очевидно еще в Деревне. Но что он настолько двинут, Ирука даже не подозревал! Ни ему, ни кому-либо еще и в голову не могло прийти, что талдычащий о важности друзей и команды ученик Четвертого может жертвовать товарищами как фигурами на шахматной доске ради победы!

А ведь такому Какаши вполне можно доверить даже грязную работу — он ее выполнит. Потому что он повернут на правилах и пометка о выполненном задании для него важнее всего! Даже важнее моральных принципов, которых у шиноби и так не особо много. Потому-то такому исполнителю прощается очень и очень многое! И поэтому у него железобетонная крыша от Хирузена! Да что там! Из титановых ломов и гранита!

Третий неспроста приставил Какаши к Наруто и Саске. Он точно не мог забыть про «милую» привычку Собакина выполнять миссии любой ценой. Вывод? Нам надо быть очень осторожными, если мы хотим дожить хотя бы до смерти старого обезьяны.

Поймав себя на том, что чуть ли не с остервенением трет лицо, Ирука остановился и попробовал привести мысли в порядок. В итоге просто сжевал шарик успокоительного и запил водой из фляжки.

Макуто протянул ему свой платок.

— Держи.

— Спасибо, — Ирука взял платок, промокнул лоб.

— Он тебя не тронет, — сказал Макуто. — Если полезет — я его остановлю.

— Ты? Какаши?

— У меня есть черный меч. Он режет чакру. Без шарингана он быстро кончится.

Ирука ничего не ответил, только посмотрел на парня долгим взглядом.

Когда они дошли до островка с домиком, уже стемнело, но, на счастье, началась гроза и молнии отлично осветили дорогу. Правда, оба вымокли, но Ируку это уже не волновало. Его вообще мало что волновало в тот момент. Похоже, он переборщил с успокаивающим на голодный желудок.

Дождь кончился, стоило им только выйти на берег около островка Тадзуны. Макуто встряхнул мокрыми волосами и первым шагнул к двери.

Свет в домике не горел, но в окнах прекрасно виднелись восхищенные лица детворы — они тоже любовались небом. Ирука и сам засмотрелся на отражение неспешно крутящейся мельницы в темной воде.

Было в этом что-то мистическое. Задумавшись о детстве и грозах, он заметил Наруто только когда тот подбежал к нему.

— Ирука, скорее в дом! А то тебя молнией ударит!

Ирука заторможено помотал головой и заплетающимся языком попробовал выговорить:

— Не ударит. Молния бьет в самый высокий объект. Может в мельницу, например, треснуть.

Пока он с глупой улыбкой смотрел вверх, в расцвеченное лиловыми всполохами и яркими разломами небо, Наруто привел его в зал. Макуто зашел следом, аккуратно притворив за собой дверь.

— А ты знал, что деревья являются естественными громоотводами? Посаженные возле здания, они улавливают молнии, а корни помогают заземлять разряд.

Обтерев лицо рукавом, Тадзуна хмыкнул и поставил корзинку с соломой и куриными яйцами около обеденного стола.

— Эти деревья уже росли тут, я их не сажал. Но они действительно защищают мой дом.

— Да без разницы, Тадзуна-сан, — пожал Ирука плечами и икнул.

Наруто сначала пытался его уговорить сесть, а потом просто силой усадил, толкнув на порог гостиной, и попытался стянуть с него обувь. Макуто тем временем повесил свою мокрую куртку на крючок у двери и достал из-за пазухи сухой свиток — там у него хранилось запасное полотенце.

— Я сам, — остановил мальчика Ирука, чуть не сев мимо.

Немного раздраженно фыркнув, Узумаки принес полотенце и стал тереть его волосы. Макуто протянул свое, но Цунами уже несла чай и плед. Он убрал полотенце обратно в свиток и сел на корточки у стены, наблюдая, как Наруто хлопочет над Ирукой. В его глазах читалось спокойное удовлетворение — забота о ближнем была для него понятным и правильным действием.

Снятый жилет клон Наруто повесил на стул, рядом разложил толстовку и штаны. Оставив Ируку в водолазке да подштанниках от комплекта термобелья, Цунами организовала чай и плед, и даже грелку.

Все-таки приятно, когда о тебе заботятся.

Прислонившись к прохладной стене, Ирука слушал рассуждения Тадзуны, его ставший уже привычным хриплый тенорок — он рассказывал что-то такое, что заинтересовал даже Сакуру.

Сквозь полуприкрытые веки Ирука видел Цунами, зашивающую одежду сынишки, и Наруто, который, облокотившись на его колено, с восторженно открытым ртом и круглыми глазами внимал старику. Макуто сидел в углу, сложив ноги по-турецки, и медленно точил свое танто. Мерный звук камня о сталь вплетался в рассказ Тадзуны, но не раздражал. Остальные были вне пределов его взгляда, но он их чувствовал: недовольство Сакуры, сдержанное любопытство Саске и глухое

раздражение Какаши. Скрип половиц под татами, шуршащий звук закрывающейся двери, после этого Хатаке стало не «слышно».

Мигнули лампочки, и Тадзуна забежал от выключателя к выключателю, чтобы погасить свет.

В полной темноте, как у телевизора вечерами в прошлом Ируки, все сидели в зале у окон и смотрели в небо. Тадзуна боялся перепадов напряжения, что он нагородил с электричеством, Ирука так и не понял из его объяснений, да и не стремился понять. Зато на кухне стояла толстая восковая свеча в стеклянной клетке с железными ребрами и ручкой.

Под раскаты грома Тадзуна продолжил рассказывать какие-то байки, Ирука не особо вслушивался. Можно было сказать, что в гостиной были все, если не считать Какаши.

Из щели между дверями в его комнатку лился холодный зеленовато-голубой свет. Такое свечение можно было спутать с лампой дневного света, но давала его стеклянная трубка в жестком кожаном чехле-подставке с печатью на крышке.

Почти засыпая, Ирука прислонился спиной к какому-то шкафчику, и вдруг включили свет.

Спать ложиться было еще рано, но он уверил всех, что свет ему не мешает, и снова прикрыл глаза. Действие успокоительного начало ослабевать, начали возвращаться непрошенные мысли, мешая спать дальше, да и желудок неприятными ощущениями напомнил о себе. По чужой, а теперь его, привычке, прежде чем потянуться после дремы, он прислушался, продолжая изображать глубокий сон.

На улице ветер совсем разошелся, он свистел и остервенело бросал крупные капли в стекла.

— Он спит? — слышал он шепот Сакуры. — Проверь.

— Как, Сакура-чан? — растерянно спросил Узумаки.

— Совсем тупой?! Позови.

Ирука бы скрипнул зубами, но побоялся, что его раскроют.

— Если перепил, то проснется не скоро, — слышал он голос Тадзуны, а затем свет погас. — Спокойной ночи.

— Спокойной, — вразнобой откликнулись дети.

Ирука надеялся, что в темноте его красную от стыда рожу будет не видно. Это уже потом до его тормознутого мозга дошло, что он-то не пил и стесняться нечего, но слишком уж эффект успокоительного был внешне похож на опьянение.

Подождав немного, Сакура снова начала доставать Наруто.

Следуя подсказкам Харуно, Узумаки его звал и даже осторожно потыкал пальцем в щеку, но Ирука не шевелился.

— Пошли на кухню.

— Что вы задумали? — без особого интереса спросил Саске, зашуршав газетой, которую читал, пока не выключили свет.

Харуно зашипела, но, опомнившись, тут же рассыпалась в извинениях.

— Я задал вопрос, — так же подчеркнуто холодно напомнил Учиха.

— Ой, Саске-кун, тебе не интересно будет!

Судя по звукам, Сакура оттащила Наруто в сторону прихожей и начала ему компостировать мозг. Если коротко: «Ты плохой, ты меня не защитил». Розовая стерва искренне считала, что все проблемы у нее из-за Узумаки, и что если бы он не соглашался со всем, что Ирука-бака говорит, то он бы не стал ее, такую хорошую, оскорблять. И не посмел бы грозить, о Ками-сама, заменой! Наруто робко пытался возражать, говоря, что он ее защищал, и что Ирука просто расстроился, но пытается помочь. Сакура психанула и стала говорить, какой он гад, как ему на всех наплевать, и что ему просто нравится над ней, разнесчастной, издеваться. И что он, Наруто, просто тупой, если этого не видит. И вообще предатель, потому что не поддерживает и защищает сокомандницу, а поддакивает Ируке-баке. Судя по эмоциям, Саске от этого паноптикума просто обалдел и слушал этот цирк, не отрываясь. Как настоящий шиноби, он не считал, что подслушивать — ниже его достоинства. Когда Наруто начал оправдываться и говорить, что он не предатель, Ирука не выдержал, отбросил одеяло, чем немало напугал увлеченного подслушиванием Саске, и пошел на кухню.

После дождя, видимо, вышла луна, так что там было чуть светлее, чем в зале, но тени казались еще темнее и гуще. В углу, около выключателя, мигали грязно-оранжевым светом старые ламповые часы, скудно освещая закуток, в котором сидели на корточках Сакура и Наруто.

— Сакура, ты так громко, а главное, увлеченно меня обсуждала, что я просто не мог не подойти!

— А я... я не... — сглотнув, залепетала розовая.

Видимо, он ее действительно напугал.

— Во-первых, привыкай решать свои проблемы сама, а не сваливать их на других. Твои проблемы — только твои.

— Но... но... но... Но это неправильно! — наконец-то разродилась возмущенным возгласом Сакура. — Мы команда, и я могу рассчитывать на их помощь!

Ирука молча взял с порожка гостиную газету, оставленную Учихой, и свернул ее в тугой рулон.

— Я...

— Не права, — стукнув газетой по розовой макушке, закончил он за нее, — и не ори — люди спят.

Розововолосая вытаращилась и плюхнулась на задницу, попыталась встать и выдать что-то возмущенное, но он еще раз треснул ее по голове.

— Молчи. А теперь слушай и запоминай, Харуно Сакура, — снова прервал ее ударом газеты по голове. Для лучшего запоминания.

— Первое, твои проблемы — только твои, а не твоих сокомандников. Решай их сама.

Еще один хлопок газетой по розовой голове.

— Второе. Сделай, наконец, первый шаг, чтобы не быть бесполезной обузой!

Девочка открыла было рот, чтобы возмутиться, он снова хлопнул ее газетой. Рот закрылся. Она широко раскрытыми глазами уставилась на Саске, который не выдержал и тоже пришел посмотреть на зрелище. Если судить по эмоциям, то Саске явно был с Ирукой согласен, а вот Наруто точно осуждал. Наверное, считал, что тот слишком... прямолинейный.

— Сакура-чан не обуза, — вмешался было Узумаки, которого она только что обвиняла во всех грехах.

— Она обуза, добе, — коротко и холодно бросил Саске.

У Харуно от услышанного глаза расширились, как после удара под дых.

— Третье, — треснул по макушке девчонку, выводя ее из ступора, и как ни в чем не бывало продолжил ей втолковывать, что хорошо, а что плохо.

— Прежде чем просить сокомандников о помощи, подумай, а заслуживаешь ли ты ее.

Харуно обдала его волной чистого, ничем не замутненного удивления и открыла было рот, чтобы что-то возмущенно вякнуть, но он успел первым, еще раз шлепнув ее газетой.

— Ирука! — наконец не сдержался мелкий блондин. — Зачем ты так говоришь?!

— Вы говорили — я вам не мешал. Теперь ты меня не перебивай, хорошо? Ну и молодец, — улыбнулся удивленно захлопавшему глазами Наруто. Тот явно пытался сообразить, что имеется в виду, и подзавис.

— Четвертое. Прежде чем просить сокомандников о помощи, ты должна подумать над тем, чем это может им грозить и какие сложности это для них создаст. Не требуй невозможного, и не получишь отказа и неприязни.

И еще раз газетой по голове. Исключительно для понимания, конечно же! А не для его удовольствия...

Нет, он не настолько наивен, чтобы надеяться на внезапное просветление Сакуры. И что однажды она задумается и не будет требовать от Наруто вернуть Саске живым, здоровым и как можно быстрее, если тот все-таки свалит к Орычу. Он, конечно, попробует этому помешать, но надо быть готовым и к такому варианту.

Кроме того, в каноне постоянное нытье Сакуры на тему «спаси и верни Саске» его бесило невероятно, так что он просто не смог промолчать.

— Пятое. Если ты все-таки решила просить сокомандников о помощи, то ты обязана поблагодарить их за помощь, — шмякнул газетой точно в подбородок и добавил: — Это простая норма вежливости, у тебя язык не отсохнет сказать «спасибо», а людям будет приятно.

Она еще раз открыла рот и снова получила газетой по голове, так ничего и не сказав. От вида открывающей рот, но молчащей Сакуры он получал эстетическое наслаждение. Как за рыбкой в аквариуме наблюдал.

— Шестое. Если ты недовольна мной как сенсеем, то ты всегда можешь высказать свое недовольство, не впутывая Наруто или Саске. — И еще раз хлопнул ее газетой, не дав ей даже до конца открыть рот.

Честно говоря, Учиху он приплек просто так.

— Седьмое. Харуно, если ты не хочешь погибнуть на ближайшей же миссии, то ты должна заниматься еще усерднее, чем Наруто и Саске вместе взятые. Ты обязана становиться сильнее, умнее, — и снова хлопнул ее по макушке. — Потому что от этого зависит не только твоя жизнь. Хватит надеяться на ребят, чудо или Хатаке-сана. Особенно — на последнего.

Сакура уже даже не пыталась увернуться от газеты, а молча сносила экзекуцию, больше похожую на воспитание прудящего где попало тупого щенка.

— Восьмое. Не надо спорить со мной и обвинять меня во всех своих бедах. Но если ты в чем-то со мной не согласна, то говорить об этом надо в первую очередь мне, а не кому-то еще.

И добавил шлепок газетой, чтобы запоминала лучше и не перебивала, потому что он еще не закончил.

В это время на кухню с кружкой зашел Какаши, видимо — чайку нацедить.

Сакура тут же оклемалась и начала на Ируку орать. В ее эмоциях страх и смущение заменили гнев и надежда. Видимо, наличие Какаши прибавляло ей наглости.

— Вы...!

— Сакура, замолчи, — спокойно сказал он и привычно огрел ее порядком потрепанной газеткой. Но она его не услышала, более того — посмела увернуться!

— Что вы себе поз... — косясь на джонина, начала Харуно.

А он сделал вид, что не видит, куда она смотрит, использовал проверенное средство — примерился и все-таки попал по розовой макушке.

— Заткнись и слушай, а то я еще раз все повторю! Все пункты!

У Харуно, с надеждой смотревшей на Хатаке, даже слезы на глазах навернулись от обиды. Ну, или от предложенной перспективы.

— Мма, не стоит доводить до слез маленьких девочек? — скептически оглядел всех Какаши. Он явно не понимал, что происходит, и был неуверен, что ему делать дальше.

Это хорошо. Значит, он не подслушивал. Хотя Ирука должен был «услышать» его эмоции, но мало ли...

После этого, секунды две-три, он пытался осмыслить, что Какаши сказал. А затем вспомнил, что его мычание имеет смысл: «Мма» равно «может быть»! Вероятно, этот мыслительный процесс живо отразился на его лице, потому что Хатаке смерил его удивленно-подозрительным взглядом и отошел на шаг.

Молчание затягивалось, и Сакура, размазывая слезы, решила высказаться. Когда только успела столько нареветь?!

— Какаши-сенсей, скажите ему! — правдоподобно всхлипывая и заикаясь.
— Он опять заставляет переписывать дурацкую книжку!

Тут Ирука подвис еще сильнее от идиотизма ситуации — можно подумать, что она тут вся в слезах из-за книжки. Тем временем Хатаке, отпив чая, заявил:

— Не заставляйте девочку, если ей не хочется.

Секунду он тупо хлопал глазами от удивления и, кажется, даже выдохнул «чо?». Справившись с собой, он закатил глаза и уныло сказал:

— Вы себя слышите, Хатаке-сан? «Не заставляйте, если не хочется»? — передразнил его и кисло фыркнул.

— В чем, собственно, проблема? Мма, может быть, объясните? — начал сверлить его глазом «циклоп».

Он явно настроился на конфронтацию.

Ирука мысленно огрызнулся и, прикинув, сколько времени уйдет на разжевывание, а после на спор с Хатаке, просто махнул рукой и повернулся к Сакуре.

— Извини, Сакура-чан, — поклон кивком головы, — что заставлял тренироваться. Если хочешь поскорее умереть, мешать больше не стану. И брошюрку верни, пожалуйста, потому что мертвой зубрить правила не

нужно, а мне книжка еще пригодится — других обучать. Лучше сходи в храм на площади Буревестника, пока мы не ушли, а то вдруг до храма в Конохе ты уже не дойдешь!

Сакура стояла истуканом, словно боясь пошевелиться, и белела прямо на глазах. Но не от страха, а от злости.

— Со мной все будет в порядке, я сильная! — взорвалась она воплем. — Я вам всем докажу!

— Да-да, конечно, — отмахнулся он и широко зевнул, прикрыв рот ладонью. — Как только, так сразу... с понедельника, наверное, и начнешь, ага.

Хатаке, судя по эмоциям, посмотрел на этот взрыв с легким удивлением. Саске — со скепсисом и презрением. Наруто — с сочувствием. И только Ируке уже было пофиг.

— Моя ошибка, — не обращая внимания на ее вопль, спокойно продолжил он, — не догадался сразу, что у тебя, Сакура-чан, до сих пор не атрофировалось чувство собственной бессмертности. Моя ошибка, что я спутал его с самоуверенностью. Ну, теперь-то все ясно...

— Ирука-сан, — с нажимом перебил его джонин, удачно пытаясь скрыть растерянность, — прекратите!

— Да, пожалуйста, — легко сказал он, повернувшись к Какаши. — Однако, смею напомнить, Хатаке-сан, что после смерти Сакуры вам в любом случае понадобится третий генин.

Саске задумался, и Ирука заподозрил, что он уже подумывает над тем, насколько новый член команды будет полезнее Сакуры. Наруто побледнел, поняв, что тот не шутит. Харуно явно не восприняла его слова всерьез, а лишь разозлилась еще больше.

— Заткнитесь! — твякнула розовая.

— Наверное, именно поэтому вы, Хатаке-сан, не дорожите жизнью Сакуры. Раньше я по наивности своей думал, что вам интересно сохранить текущий состав. И прошу прощения еще раз, — он даже не подумал изобразить традиционный для извинений поклон, — что хотел спасти ей жизнь своими «бесполезными» советами!

После этого он ушел в зал, залез в спальник и демонстративно отвернулся к окну.

«А теперь угадай, Собакин, — накрылся одеялом с головой, чтобы его гаденькую, хоть и уставшую, ухмылку никто не увидел, — то ли не кланялся Ирука, потому что амнезия, то ли потому что не уважает!»

Со стороны, он на это надеялся, должно было выглядеть как обида. Почти сразу после его ухода Какаши разогнал малышню и ушел к себе. Наверное, затем, чтобы ему не успели задать неудобных вопросов. Выключив свет, дети разошлись, не пожелав даже друг другу спокойной ночи.

Макуто, все это время стоявший в дверях кухни с кружкой чая в руках, дождался, пока Сакура уйдет, и подошел к Наруто.

— Не слушай ее. Она просто ищет крайнего. Ты не крайний.

— Но я же... — начал Наруто.

— Ты делаешь все, что можешь. Этого достаточно.

Узумаки шмыгнул носом и кивнул.

Ирука уже засыпал, когда почувствовал осторожное пошкребывание по плечу через одеяло.

— Ирука, ты спишь?

— Мм... Нет, а что ты...?

Не успел он спросить, что Наруто хотел, как тот плюхнулся ему на бок.

— Ты Сакуру обидел! — обвиняюще зашептал мелкий.

— А теперь сплю, — быстро нашелся он. — Хр, фюю! Хр, фюю!

Узумаки обиженно засопел, бормоча что-то, и поставил на него локти, подперев надутые щеки.

— Что ни разговор, то о Сакуре, — в тон его неразборчивым обвинениям протянул он. — На ней свет клином сошелся? Вроде бы нет.

— Ирука, — попытался блондин его перебить, — нельзя с ней так, она же обидится! С ней можно...

— Я знаю, что я Ирука, — сварливо ответил он, не дав ему договорить. — И кстати, я тоже могу обидиться. Мне, например, не нравится, когда мои бывшие ученицы меня оскорбляют и обзывают дураком и козлом.

Наруто смутился.

— Она так на самом деле не думает. Она это со злости сказала!

— А что, если со злости, то значит, что все можно? — поинтересовался он.

Узумаки смутился и замолчал. Подумав с минуту, он прервал затянувшееся молчание.

— Думаю, что можно... Она ведь не думала, что говорит. За нее говорила ее злость.

— А помнишь, о чем я тебе говорил до того, как она появилась? О том, что она не думает.

Блондин снова смутился.

— Но ведь ее можно понять!

— Наруто, ну не кричи — люди спят.

— Извини, — уже шепотом.

Саске, правда, не спал, а подслушивал, но на это плевать.

— И, кстати, почему ты бросился тогда ее защищать? Ты ведь тогда ожидал, что я тебе вместо нее стукну, так зачем?

Наруто надолго задумался.

— Я не знаю точно, — наконец признал он. — Я просто понял, что если ты ее и в самом деле выпорешь, то вы уже никогда не станете друзьями и не сможете нормально общаться, даттебайо! Она ведь всегда была отличницей, вот. И ее никогда не наказывали. Она бы не простила, вот...

— То есть для тебя было бы лучше получить по голове или заднице самому, чем дать наказать ее?

Наруто неуверенно кивнул.

— Наверное, так. Для меня это было бы не так больно и обидно, как для нее.

— Поня-я-ятно, — протянул он устало и разочарованно.

Молчание затягивалось, каждый думал о своем и не спешил нарушать тишину.

Он думал о том, какой же все-таки Наруто еще ребенок. Впрочем, это неудивительно. Ему едва исполнилось тринадцать, он младше того же Саске. А Сакура еще на пару месяцев старше красноглазого. Плюс социальная изоляция, из-за которой Наруто ведет себя младше собственного возраста. А ведь еще нельзя забывать о том, что блондин — Узумаки, пусть и полукровка. А значит — не только жить должен дольше,

но и взрослеть медленнее. В пересчете на возраст обычных детей сколько ему там — лет десять? Или может девять? Или даже еще меньше?

Мелкий снова зашевелился, судя по решительному виду, он опять собирался спорить.

— Наруто, ты понимаешь, что, пытаясь ее защитить, ты только делаешь хуже? Ей хуже.

— Э-э? — недоуменно уставился на него блондин, став чем-то похожим на удивленного и немного испуганного котенка.

— Я не могу убедить Сакуру в том, что ей нужно взяться за ум и начать тренироваться, пока ты и Какаши будете постоянно ей потакать и заступаться за нее. Пока я один указывал ей на ошибки, она думает, что я к ней придираюсь, и ничего не делает.

— Ну, раньше ты ее так не критиковал, — робко заметил Узумаки, видимо, все еще пытаясь осознать, как и чем он мог навредить своей Сакуре-чан. — И не придирался.

— Делать мне больше нечего, как придираться к ней. Не хочу, чтобы она умерла. И не хочу, чтобы ты однажды умер из-за ее дури! Даже такой инвалид, как я, может ей помочь не свернуть шею по глупости, но она же никого не слушает!

— Ты не инвалид!

— Не о том я. Пойми, Наруто, она должна тренироваться, чтобы выжить и остаться в нашей команде. Я отношусь к ней так, как она того заслуживает. Ни больше, ни меньше. Еще в Конохе я пытался направить ее

на курсы ирьенинов, которые ей бы идеально подошли. И Сакура мне в ответ истерику устроила. Теперь она смеет обвинять тебя в том, что ты за нее не заступаешься. А ей бы следовало задуматься над тем, а почему ты вообще должен это делать? Она что, хоть чем-то это заслужила? Постоянно защищая ее и потакая ее капризам, ты приучаешь Харуно к мысли, что все ей должны, поэтому будут терпеть ее выходки и будут ее защищать. А это не так. Если ты действительно хочешь помочь Сакуре — не давай ей себя использовать.

Наруто хотел было что-то сказать, но осекся и, грустно вздохнув, замолчал. Судя по эмоциям, он был растерян и не знал, соглашаться с ним или нет. Ему явно нужно было больше времени на обдумывание.

Когда мысленный таймер отсчитал чуть больше минуты, он решил растормошить мелкого:

— Я вообще думал, что ты попросишь рассказать сказку, — наигранно обиженно шмыгнул носом и спихнул его руки, а то он своими острыми локтями попал как раз между ребер.

— Ирука!

— Да-а? — без особого энтузиазма отозвался он. — Опять про Сакуру будем говорить?

— Да, — немного растерянно подтвердил мелкий.

— Когда она поумнеет, тогда и поговорим.

— Она не дура! — свое восклицание Наруто еще подкрепил слабеньким тычком ему в спину.

— Тогда я дурак? — перевернулся и с улыбкой посмотрел на мальчишку.

— Чтобы не погибнуть на миссии, тренироваться не нужно, да? А чтобы не нарушать правил, их знать не обязательно? Это как — правильно?

— Ээ... Нет, — вынужден был признать Наруто.

Задумавшись, он сел по-турецки и сложил руки на груди. Ирука в это время перевернулся на бок, чтобы шею не выворачивать, и подпер щеку рукой.

— Так что насчет сказки? — весело прищурившись, спросил он.

— Давай, — вздохнул Наруто, немного поколебавшись. Судя по его эмоциям, он решил, что о Сакуре говорить бесполезно. Надеюсь, не потому, что он подумал, будто я вредничаю и вообще к ней несправедлив.

— Эта история будет про странное существо по имени Чебурашка.

В слова Шапокляк он довольно много отсебятины вложил, так что у них с Наруто снова завязался спор о морали.

— Я не говорю, что совсем нельзя делать добрых дел, нет. Главное — не «причинять добра» тому, кто этого не хочет. Вот и все.

— Но... — попытался было перебить Наруто.

— Спа-а-ать, — нарочито зевнул он и потрепал блондина по волосам. — Поздно уже. Давай уже укладываться.

— Хорошо. Спокойной ночи, — тихо сказал мальчик.

— Спокойной ночи, Наруто. Спокойной ночи, Саске.

«Вспышка» удивления и тихое:

— Спокойной, Ирука-сенсей.

Утром, после завтрака, они втроем потащились переписывать документы — Сакура, увидев Ируку, мерзко скорчила свою кукольную мордашку и ушла. Он хотел было подойти и сделать внушение, но Какаши стал сверлить его взглядом, подкашливать, всячески хмыкать, намекая, чтобы он ее не трогал. Так что пришлось плюнуть и забыть. Баба с возу — и волки сыты! Хатаке остался под предлогом того, что нужно сторожить пленного, а Тадзуна снова попросил у Наруто клонов в помощь. В ответ на недоуменный взгляд Ируки оба замялись.

— Я все еще жду ответа, — сложив руки на груди, сказал он.

Тогда Узумаки выпалил:

— Люди боялись Гато и поэтому уходили со строительства моста. Дедуле-Тадзуне нужна была помощь, поэтому я отсылал с ним клонов.

Ирука сначала хотел было сказать пару ласковых эксплуататору детского труда, но, подумав, только уточнил, не болела ли у мелкого голова от переизбытка клонов, а следовательно, информации. Напомнил ему, что от использования множества клонов быстро заканчивается чakra и накапливается усталость и что он должен быть осторожнее, чтобы

переизбыток информации от разом развеявшихся клонов ему не повредил. А Тадзуна зря радуется. Зарплату для Наруто он из этого старого козла вытряхнет. Архитектор был явно из той породы людей, что имели поганую привычку садиться на шею тем, кто шел им навстречу.

— Все в порядке, Ирука! — заверил его Наруто, почесывая в затылке и улыбаясь. — Я совсем не устал!

— Тогда ладно.

Как только они снова начали переписывать чертовы бумаги, к ним присоединились Виктор и Хаку. Макуто, работавший за своим столом с самого утра, поднял голову и кивнул вошедшим.

Работать с ними было... комфортно. Атмосфера была поначалу немного напряженной, но уже к обеду ребята непринужденно болтали, а после него — стали задавать вопросы сытому, а потому благодушно настроенному не-Забузе. Макуто тоже втянулся в разговор. Когда Саске спросил что-то о водных техниках, он коротко ответил, описав разницу между стилем Кумогакуре и Киригакуре, да так, что Учиха замолчал и задумался.

Тот отвечал скупой и односложно, но благожелательно, чем бессовестно пользовались и Наруто, и, как ни странно, Саске.

Затем Ирука решил немного обнаглеть и, когда они расходились, шепотом попросил Виктора потренировать его. Макуто, услышав это, отложил ручку и посмотрел прямо на мечника.

— Я тоже приду.

Виктор хмыкнул:

— А ты не боишься, что я тебя загоняю до смерти?

— Нет, — ответил Макуто. — Я хочу проверить свой новый стиль.

На следующий день, с утра пораньше, Ирука оставил клона и смылся. Макуто уже ждал его на полдороге, у тропинки к домику на дереве, где обитал Виктор. Оба молча кивнули друг другу и двинулись вместе.

Около домика на дереве их уже поджидал Виктор, развалившись на толстой ветке, торчавшей из стены.

— Начнем тренировку со спарринга, — услышал Ирука в ответ на приветствие.

— Ээм... Я не думаю, что это хорошая идея! — нервно отозвался он, намекая на Обезглавливатель, который расчехлил Вик. Какаши себе руки отсушил, когда принял удар этой рельсы на кунай, а Ирука, по-моему, должен был пополам переломиться.

— Согласен, это просто отличная идея, — кровожадно улыбнулся мечник, выпустив КИ.

Примерно минуту Ирука кое-как уклонялся от заточенной рельсы... Дольше не смог, потому что Виктор перестал его жалеть.

Будто в замедленной съемке лезвие меча понеслось навстречу его лицу.

Ни единой мысли, ни жизни перед глазами, просто осознание, что это конец.

И обида, что после всего Виктор оказался предателем.

В какой-то момент ему показалось, что меч застыл, и только когда в глаза ударил поток воздуха, до него дошло, что так и есть. Сумев отвести взгляд от бритвенно-острой кромки меча, он почувствовал, как дергает некоторые мышцы, словно их свело судорогой. Как по виску стекла крупная капля пота. Как деревенеют руки, так и не выпустившие танто. Они без его участия попытались выставить его навстречу рельсе, но попросту не успели.

Когда он наконец стал слышать что-то, кроме бешеного буханья своего сердца и стука зубов, Виктор заговорил:

— Вот об этом я тебе и хотел сказать, студент.

Он проговорил вкрадчиво и негромко, но Ирука все равно испуганно дернулся.

— Дерешься ты с умом. Осторожно, на рожон не лезешь. Молодец, понимаешь, что здесь не кино и убьют по-настоящему. Но рано или поздно в реальном бою ты окажешься на волосок от смерти — вот как сейчас. Запомни, нельзя замирать, нельзя ждать смерти. Дерись, сражайся до последнего, от этого зависит твоя жизнь!

Когда Виктор наконец убрал лезвие, у Ируки вырвался прерывистый выдох.

— Тебе досталось хорошее тело и частично — навыки. Но в бою ты — обычный человек, психологически не готовый драться насмерть в

рукопашку или сражаться даже с теми, кто равен тебе, не говоря уже про тех, кто сильнее.

Пока он отходил от шока, Виктор пояснил:

— Против обычных людей и совсем уж слабых шиноби ты справишься на ура, но даже с той негритянкой у тебя возникли проблемы, хотя она была ослеплена яростью, имела проблемы с контролем чакры после яда и контузий, да еще и была никакой в рукопашной.

— Ну, я пока тоже не очень хорош в тайдзютсу, — как-то жалко пролепетал Ирука, чувствуя, как тяжело ворочается язык, прилипающий к небу.

Не-Забуза только покачал головой.

— Когда ты был в отчаянии, ты смог пропороть мне бок, пусть я и был вымотан. А я посильнее черножопой буду, как думаешь?

Ирука молча кивнул.

— Дело не только в твоих навыках, а в первую очередь — в твоей голове. И это тут надо все исправлять. Так что убери свой ножичек и внимательно послушай, что Забуза-сенсей тебе скажет.

Поначалу он просто тупо стоял, скосив глаза на руку Вика, не улавливая сути и половины из того, что тот говорил. А затем, когда понял, запихнул рукоять танто подмышку, потому что с первого и со второго раза попасть в ножны не получилось, достал блокнот, в спешке надорвав обложку, ручку и начал записывать.

Виктор вещал, что пулемет строчил. А на просьбы чуть помедленнее говорить он только усмехался и заявлял, что в институте его должны были научить писать конспекты.

Он рассказывал о психологии боя, о хитростях и приемах, которые помогли ему преодолеть предрассудки и выжить в этом мире. Было такое чувство, что Ирукин мозг сошел с ума, мысленно он бросался от одной темы к другой, потому что все, что Вик говорил ему, было нужно как воздух!

— Запоминай, сокращай, как хочешь.

Он не успевал записывать, а на память особо не надеялся. И когда он в отчаянье посмотрел на ручку, которая перестала писать, а только что разодрала исписанный лист, сделав в нем нехилую дыру, Виктор рассмеялся и крикнул, одновременно что-то ему бросая:

— Лови, студент.

Кое-как он сумел удержать и танто, и блокнот с ручкой, и свиток поймать, который как раз таки и бросил Вик. Разобравшись с вещами, развернул бумагу, вчитался и страдальчески протянул:

— А раньше — не судьба?

— А ты бы с таким же рвением стал слушать? Лучше запомнишь.

Сжав губы, Ирука с трудом удержался, чтобы не метнуть свиток обратно Виктору.

— Издеваешься, — зашипел он, быстро запихнув свиток в нагрудный карман. Ну, мало ли, вдруг передумает и отнимет.

— С завтрашнего дня, утром и вечером, будешь приходить сюда. Будем делать из тебя настоящего шиноби!

— Спасибо, Виктор, — от всей души поблагодарил он. Ведь кроме Виктора никто больше не сможет рассказать ему о подводных камнях в жизни попаданца!

— Рано, — оборвал его Вик. — Я еще даже не начинал, — как-то недобро ухмыльнулся мечник. — Убирай все лишнее. Солнце еще высоко.

Ирука страдальчески вздохнул, чувствуя, что еще пожалеет о том, что согласился.

И в этот момент Виктор повернулся к Макуто, который все это время стоял в стороне, опершись спиной о дерево.

— Ну что, парень, твоя очередь.

Макуто выпрямился и вышел на середину поляны. Из ножен на поясе он вытащил танто, из свитка, висевшего на груди, — тати. Два клинка — длинный и короткий — легли в руки привычно, как продолжение его тела.

— Стиль Киригакуре, — коротко сказал он. — Парные мечи. Морской Змей.

Виктор прищурился.

— Морской Змей? Это один из нукенинов, что ли?

— Я убил его в лесу, — ответил Макуто. — Два года назад.

Он встал в стойку: левая нога вперед, правая чуть согнута, тати — на уровне груди, танто — у бедра. Классическая поза «ждушей волны». Виктор узнал ее сразу.

— Покажешь? — только и спросил он, поднимая свой меч.

Вместо ответа Макуто шагнул вперед. Движения его стали текучими, как вода, — резкий колющий выпад танто и одновременно рубящий удар тати с разворота. Виктор парировал, но был вынужден отступить на полшага.

— Неплохо!

Макуто не останавливался. Он пер вперед, не давая противнику опомниться, — два клинка мелькали, создавая вокруг него настоящую клетку из стали. Стил Киригакуре был грубым, силовым, но в исполнении Макуто приобрел почти элегантную точность. Тати ломал защиту, танто бил в щели, и Виктор, хоть и сдерживался, был вынужден работать всерьез.

Через пару минут мечник остановил спарринг, отступив и опустив меч.

— Достаточно.

Макуто замер, тяжело дыша. Пот катился по его лицу, но глаза смотрели спокойно и ясно.

— Ты дерешься, как настоящий мечник Тумана, — сказал Виктор. — Откуда?

— Воспоминания Морского Змея. Я впитал их через «Пустую миску».

Виктор перевел взгляд на Ируку. Тот кивнул.

— Я говорил тебе: он не простой генин.

— Вижу. И сколько ты еще такого скрываешь? — спросил мечник, глядя Макуто в глаза.

— Достаточно, чтобы убить любого, кто встанет у меня на пути.

Виктор не нашелся, что ответить. Он только покачал головой и вернулся к Ируке.

— Ладно, студент, бери пример с пацана. Он уже готов к настоящему бою, а ты все еще замираешь.

Ирука вздохнул. С этим он спорить не мог.

Остаток дня прошел в трудах — тренировки, бумаги, снова тренировки. Если убрать боль от побитой тушки, то жалеть Ируке было не о чем. Виктор оказался толковым учителем, объяснявшим буквально на пальцах все. Некоторые нюансы просто прошли мимо него, а тот их пояснил. В ответ он, в благодарность, научил Виктора технике Покрова тайны, которую узнал от Данзо, а Вик ее выучил и пожурил его, мол, тот раскрывает секреты деревни посторонним.

Бережно почесывая синяки, Ирука оглядел стол с бумагами.

С ними не все оказалось гладко, их было такое дикое количество, что чернильные пятна просто не успевали смываться. Перепроверку все проклинали не по одному разу, а еще иногда кто-то сбивался и приходилось поднимать уже проверенное. Шиноби и канцелярия — это, если верить Юкайо Шину, рычащий, громко сопящий и шипящий зверинец. Еще бы, он ведь застал одну из перепроверок!

Вечерами, когда Ирука приходил с тренировки Вика, Какаши или уходил к себе в комнатку, или тренировался до тех пор, пока все не уснут. Бывало, только свет выключишь, а он уже к себе крадется, чтобы потом всех нафиг разбудить, плескаясь в ванной!

А иногда, вместо сказок, они слушали архитектора, внезапно начинавшего хвастаться тем, что это строительство самое быстрое в его карьере, и просто рассказывал, что он по жизни делал. В такие моменты Ирука чувствовал себя ребенком, с которым дедушка решил поделиться своей житейской мудростью. Он даже поймал себя на мысли, что воспринимает семью архитектора как дальних родственников, к которым приехал погостить по их приглашению.

Часто Тадзуна, чтобы придать вес своим рассказам, доставал чертежи. Это были или черновые чертежи его старых проектов, или подробные планы новых. Одной из таких новых задумок был новый остров вокруг домика. Этакie строительно-наполеоновские планы, потому что Тадзуне нужно было болото и воду превратить в сушу. Насыпные острова Дубая определенно валялись где-то рядом. Зато хоть теперь Ируке стало понятно, отчего у домика на острове такой странный адрес на табличке.

Макуто на эти рассказы не ходил. Он в это время сидел на крыльце и точил мечи, или уходил к морю — тренироваться одному. Но однажды

вечером, когда Тадзуна развернул особенно большой чертеж, он вошел, встал у плеча Ируки и долго смотрел на линии.

— Ты понимаешь, что здесь нужно менять фундамент? — негромко спросил он у Тадзуны.

Тот от неожиданности поперхнулся чаем.

— Откуда ты знаешь про фундамент?

— У нас в клане строили на воде, — ответил Макуто. — Я помню чертежи отца.

И он, взяв карандаш, провел несколько линий на полях чертежа, исправляя угол опоры. Тадзуна долго смотрел на эти линии, потом перевел взгляд на парня и только покачал головой:

— Ну и дети нынче пошли...

А Макуто уже отошел обратно в тень и снова взялся за свой танто, будто ничего и не было.

Глава 28. Пора домой?

Я только-только начал понимать, как обращаться с танто, научился глушить звук шагов, кое-как освоил Покров Тумана, а крестики на рукописном календаре уже вплотную подобрались к кончику хвоста тихих деньков.

Казалось бы, тренировки, тягомотные бумажки, а я, как никогда раньше, желал замедлить время или попасть в день Сурка, чтобы научиться у Виктора всему, чему только можно. К сожалению, даже в этом чудном мире время течет только в одну сторону. Но за этот короткий срок я узнал больше, чем прочитал и «вспомнил» в Конохе. Учиться по свиткам и учиться с учителем — это, как говорят в народе, две большие разницы. Свиток не ответит на вопрос, не подскажет, как проще, не приведет примеров, чтобы было понятнее.

Макуто учился у Виктора по-своему. Он приходил на тренировки раньше меня, отрабатывал стойки и связки, а когда я появлялся, уже заканчивал с разминкой. Виктор ставил его в пару со мной, и парень гонял меня по полю с таким усердием, будто от этого зависела его жизнь. После занятий он иногда уходил в лес и возвращался с охапками трав и кореньев. Раскладывал их на крыльце, сортировал, что-то заворачивал в тряпицы, что-то оставлял сушиться. Цунами выделила ему старый противень, и Макуто вечерами толоч сухие листья в порошок и заваривал отвары. Один такой отвар — горький, пахнувший полынью и мятой — он принёс мне после тренировки и сказал: «Пей, поможет от синяков». Я выпил, и к утру синяки действительно стали бледнее.

Тянуть было опасно, потому сразу после контрольной проверки Юкайю я сказал Хатаке о том, что нам необходимо покинуть Страну Волн, не дожидаясь окончания строительства. Ведь в недействительном теперь контракте вместо срока стояла расплывчатая формулировка «до тех пор, пока мост не будет достроен». А если Тадзуну лень одолеет? Жить тут останемся? Ага, пока за нами не придут.

— Мма, вы не преувеличиваете опасность, Умино-сан? — небрежно заложив страницы своей книжки пальцами, сказал Какаши. — Но вы правы, нет нужды здесь более задерживаться. Заказчику больше ничего не угрожает.

О боги, — закатил я глаза, мысленно причитая, — да ему уже давно ничего не угрожало! — и тут до меня дошел смысл сказанных джонином слов. — Стоп! Он признал, что я прав?!

— Ирука! — донеслось с улицы. — Подойди, пожа-а-алуйста!

А «пожалуйста» слышалось уже из зала.

Если бы не крик Наруто, я бы, наверное, услышал стрекот воображаемых сверчков.

— Я не против вашего предложения пораньше завершить нашу миссию, — хмыкнул Какаши, потому что к Наруто подключился Инари и теперь они в два голоса надрывались: «Ирука» и «Ирука-сан».

— Вас, кажется, зовут, — добавил Хатаке.

Обалдело кивнув, я ушел, бубня под нос и на ходу гадая, почудилось мне или нет.

— Хатаке признал, что я прав. Мне почудилось? Скорее всего.

В зале Инари и Наруто собирали бумагу, набор для печатей и вытирали низкий черный столик от чернил. По мне, так он после бесконечных чернильных пятен стал выглядеть как новый, уж очень старательно дети оттирали пятна. Увидев меня, первый с гордостью веером разложил передо мной свои поделки, перед этим подозрительно оглядев столешницу и удостоверившись, что она чистая. Инари явно дожидался моего одобрения.

Мне стало ясно, что внук Тадзуны не оставлял попыток сделать взрыв-тег. И чего он так на них заиклился? Будто ничего более безопасного не было!

Но Узумаки настаивал, что это безопасно и что эта печать одна из простейших и ее можно активировать издали. Я попросил Наруто, чтобы

все подобные эксперименты Инари проводил только под присмотром — моим, Узумаки либо хотя бы его теневых клонов.

Макуто в это время сидел на полу у окна и перебирал свои травы. Он поднял голову, посмотрел на лист с печатью, который Инари с гордостью продемонстрировал, и сказал:

— Чернила слишком жидкие. Чакра уходит в бумагу неравномерно.

Инари тут же повернулся к нему:

— А ты откуда знаешь?

— Я делал такие же, — ответил Макуто, не отрываясь от пучка сушеной крапивы. — Когда учился у Рея.

Ученик Наруто с этими печатями успел достать всех, но у меня их возня вызывала только улыбку. Наверное, потому они меня с собой и таскали.

Сегодня полигоном был назначен пляж неподалеку.

Почти все пляжи тут были из крупных обкатанных морем валунов, среди которых шуршали мелкие камешки, плескалась прозрачная вода и колыхалась белесая взвесь. Я такие пляжи только на картинках про Норвегию видел, когда дядя и тетя туда на отдых собрались. Жаль, что тогда сессия была, и ни меня, ни Мишку не взяли.

Балансируя на одной ноге, я бездумно пялился на медленно ползущее к горизонту солнце, а потому не сразу откликнулся на крик пацанов.

— Мы разложили!

— Не-не, я не заснул, а что ты сказал?

— Мы разложили печати!

Пока еще было светло, Наруто и Инари прилепили подделки черноволосого на крупные валуны, которые находились довольно далеко от воды.

Макуто ушел к кромке леса и теперь возвращался с полными горстями каких-то растений. Я заметил, как он на ходу срывает лист, растирает его между пальцев и нюхает, а потом либо кладет в холщовый мешочек на поясе, либо выбрасывает.

— Ирука! — Наруто подбежал ко мне, дергая за рукав. — А Макуто сказал, что из этих трав можно сделать мазь от ожогов! Представляешь, полезно же на миссиях!

— Молодец, — кивнул я, глядя, как парень в зеленой куртке аккуратно складывает какие-то корешки в отдельный кармашек. — Где научился-то?

— В лесу, — коротко ответил Макуто, подходя ближе. — Когда жил один. Приходилось.

Наруто поправлял внука Тадзуны, а тот, пыжась и фыркая, складывал печать «змея», но ничего не происходило.

— Плотнее прижми пальцы, почувствуй чакру, — инструктировал Узумаки.

Пока мальчишки не видели, я качал головой и грустно вздыхал.

Ясно ведь, что ничего не получится, так зачем давать надежду? Хорошо хоть блондин там не только зря время терял с Инари, но и огонь

тренировал. Он у него получался куда хуже, чем ветер, но мальчик не сдавался.

Несмотря на то, что печать получалась один в один, как ручная, так и нарисованная, у брюнета ничего путного не выходило. Да и не должно было, Цунами-то не куноичи в отставке, а отец Инари, которого Гато убил, — простой рыбак.

— У тебя обязательно получится, — подбадривал Узумаки, и Инари раз за разом сцеплял руки в замок.

— Пацаны, давайте закругляться, — сказал я, постучав зубами. — Холодно уже.

— Ну, еще разик! — заныли они хором.

— Один и домой, — не стал я с ними спорить, потому что хотел быстрее оказаться в тепле. Хотя мне бы хватило носков и костра, но что-то я не видел, чтобы кто-то их носил под шинобские боты. Или сандалии с носками — дурной тон и у ниндзя?

А может, дело не в этом, — задумчиво посмотрел я вниз и пошевелил пальцами на ногах, — может, дело в том, что ботинки с носком просто неудобно носить, как и обувь с закрытым носом? Шиноби в кроссовках я еще не видел и вряд ли увижу.

— Дурь какая-то в голову лезет, — пробормотал я и пошел за пацанами, которые уже поиспортили все хлопущки.

Макуто нагнал нас у тропинки. Он протянул мне пучок мятых листьев.

— Завари и выпей перед сном, — сказал он. — Спать будешь лучше.

Я взял травы, понюхал — пахло мятой и чем-то еще, незнакомым.

— Спасибо.

Когда мы пришли обратно, Инари помчался наверх к деду рассказывать, как одна из его печатей бумкнула.

Проводив взглядом внука Тадзуны, я покосился по сторонам, чтобы убедиться в том, что в коридоре и на лестнице никого нет.

— Наруто, — придержал я блондина за плечо и тихо сказал, — ты поступаешь с Инари очень жестоко.

— Не понимаю, — поднял он пораженно распахнутые глаза.

Там на берегу я заметил, что под конец одну из печатей блондин подзарядил своей чакрой, о чем я ему и сказал.

— Представь себя на месте Инари. Когда обман раскроется, ему будет обидно, — сказал я в заключение.

— И что мне делать? — осознав, спросил Узумаки, подавленно разглядывая пальцы, перепачканные буро-зеленой трухой от высохших водорослей. Видать, после шторма нанесло грязи.

— На будущее: думать о последствиях, — разулся я и убрал нашу обувь под ступеньку, чуть поморщившись от запаха гниющей тины.

— А сейчас? — едва слышно выдохнул мальчик.

— Лучше займи Инари тренировками на выносливость. И научи его правильно махать руками, чтобы он случайно сам себе фингал не поставил.

Кивнув, Наруто хихикнул, хотя всё еще был расстроен.

Этим вечером Инари притащил вниз футон, чтобы послушать очередную историю, а Саске уже не делал вид, что он спит и мы ему мешаем.

— А как история называется? — спросил младший из хозяев дома, пока Учиха взбивал подушку.

— Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что.

— Это как? — перестав скрести пальцем по наволочке, спросил Инари.

— Я ведь даже не начал, — улыбнулся я, изобразив укор. — Сейчас все станет ясно.

Макуто сидел на корточках у двери и аккуратно срезал ножом листья с толстых стеблей. Каждый лист он осматривал на свет, отбраковывая потемневшие, а хорошие укладывал в стопку.

Выслушав сказку про Федота-стрельца до конца, Саске вдруг сказал:

— Ирука-сан, можно почитать ваши книги?

На мгновение я задумался, силясь понять, что за книги захотел взять мелкий Учиха.

— Какие? — решил я уточнить. — Саске-кун, ты ирьенином решил стать? — наугад спросил я.

— Хн. Нет, Ирука-сан, — удивился Учиха. — Книги, из которых ваши истории.

— Ааа. Ну-у, — почесал я кончик носа, — у меня их нет.

Предугадав следующий вопрос, пояснил:

— К сожалению, у меня их нет ни с собой, ни даже дома, — развел руками. — Извини, Саске-кун.

После этого Саске странно себя повел: прищурившись, покосился на Узумаки, будто подозревая его в чем-то.

— Ирука-а-а, — самодовольно улыбнулся Наруто, не заметив пристального взгляда брюнета, — ты же сам эти истории пишешь! Я прав? Я прав? Я в библиотеке спрашивал. Никто таких историй не слышал.

— Ну мало ли... — уклончиво протянул я и покосился в темное окно. — Я их читал еще в детстве.

С тоской я вспомнил длинные ряды пестрых глянцевых корешков книг на полках в центральной библиотеке, которые я не успел прочесть и хотел перечитать.

— Тут ни у кого нет, у нас дома и в библиотеке в Конохе тоже ничего нет, — мордашка у блондина стала еще более хитрой и довольной. На миг даже показалось, что еще чуть-чуть и из желтых волос покажутся рыжие лисьи ушки.

Саске поморщился, но промолчал.

— Даже в книжных ла-а-авках, — расплываясь в широкой улыбке, заявил Наруто.

— А почему ты их искал, вместо того, чтобы меня спросить? — удивился я, стараясь съехать с неудобной темы.

Наруто замялся.

— У нас дома их нет, и я хотел найти твои детские книжки и подарить, вот! — не стал запираться Наруто.

— Спасибо, — тепло улыбнулся я в ответ. — Интересная идея.

Саске поморщился и фыркнул, а я свободно вздохнул. Легенду с книжками мне надо было проработать тщательнее.

Макуто, не отвлекаясь от своего занятия, подал голос:

— Если напишешь, я помогу переплести. Умею.

Я посмотрел на него. Он как раз закончил с травами и теперь аккуратно заворачивал их в чистую тряпицу.

— Спасибо, — ответил я. — Это пригодится.

Узумаки тут же смутился, но помимо смущения я «услышал» раздражение, точно не принадлежавшее Наруто. Это я знал, хоть и не научился различать источники. Я больше наугад определял, кто и что

чувствует. Не знай я характера и истории Саске, мог бы и на Инари подумать. Просто Саске вдруг уткнулся лицом в подушку, будто решил вздремнуть, пока все не успокоится, вот только не заметить руку до белых костяшек, сжимающую наволочку, было сложно.

Почему мне стыдно? Нет, даже скорее так: Почему мне должно быть стыдно за то, что сделал debil Итачи?

— Я просто больше ничего ценного не мог придумать, — привлекая мое внимание, тронул Наруто меня за руку. — Хотел подарить книжку. И подумал, что тебе будет приятно.

Как оказалось, Узумаки столкнулся с проблемой — этих историй никто никогда не слышал. Что не удивительно, учитывая, что я попаданец, но Наруто-то этого не знает.

И вот теперь он с новыми силами пытался узнать, сам я придумываю эти истории или все-таки нет.

Происходившее после можно было коротко описать тремя словами: немцы пытали партизана. Наруто висел на моей шее, повторяя, что не отстанет, Инари корчил рожи с глазами на мокром месте, и только Саске снисходительно молчал, немного раздраженно поглядывая на обезьянничающих пацанов поверх подушки.

В конце концов я не выдержал морального давления и стал щекотать Наруто за излишнюю активность и откровенность. Впрочем, недолго. Потому что, глядя на нашу веселую возню, Инари и Саске стали слишком уж явно завидовать.

Мне пришлось громко вздохнуть и «признать», что эти истории действительно нигде не найти, потому что они придуманы мной, но некоторые из библиотеки моего клана, часть которой сгинула после уничтожения Деревни Водоворота, а слышал я их от своей родни в детстве. Так давно, что за давностью лет многое пришлось додумывать.

Я сумел перевести внимание на Деревню красноволосых, но не учел того, что ее надолго не хватит. Про Водоворот я знал маловато, а говорить про то, что там правил клан Узумаки, я не стал — слишком рискованно. Для меня будет лучше, если Наруто сам откопает данные о скрытой деревне, принадлежавшей его предкам. Так разговор снова вернулся к книгам.

— Вы можете написать копии тех книг и продать, — «ненавязчиво» закинул Саске удочку, подмяв свою подушку под грудь.

— Я это первым хотел предложить! — надулся Наруто. — Бака, даттебайо!

— Не обзывайся, — символически дернул задиру за ухо и глянул на него с укором.

Макуто, уже собравший свои мешочки, поднялся и направился к выходу.

— Я на крыльцо, — сказал он. — Проверю отвар.

Учиха лишь фыркнул, продолжая следить за моим лицом.

Быстро же догадался, как легко добиться желаемого, — мысленно подивился я сообразительности Саске. Указать жадному сенсею, что его истории можно продавать, а потом подождать немного, и заодно прочитать те рассказы, которые слышал только в пересказе от Узумаки.

— А вы когда напишете, — скорчил моську Инари, отвлекая меня от размышлений, — можете и мне одну передать?

Я покивал.

— Конечно, — кивнул еще пару раз. — А теперь спать, вымогатели!

Рано утром, как мы и договаривались, я встретился с Виктором около его домика на дереве. Предложив мне перекусить бутербродами, Вик начал грузить мне мозг теорией. Разобрали наши ошибки в бою с Охотниками и разные варианты действий и событий. Макуто пришел на поляну еще до

рассвета — я заметил следы его ботинок на мокрой траве и свежий надрез на стволе дерева, где он, видимо, отрабатывал удар.

Когда я убрал блокнот и ручку, вот тогда началась настоящая тренировка. Виктор учил на совесть, но это я осознал, только отдохнув и отлежавшись. До этого мне его тренировки напоминали пытки.

— Вик, — устало плюхнулся я на сухой песок перед домом, — а я до сих пор не знаю твоей фамилии.

— Орлов я. Виктор Орлов. По отцу: Афанасьевич.

— Волков Игнат Олегович, — улыбаясь протянул я руку из положения лежа. — Приятно познакомиться.

Макуто, стоявший у дерева и вытиравший танто, поднял голову. Он ничего не сказал, но я заметил, как внимательно он слушает, запоминая имена.

Виктор заржал и поднял меня с земли за протянутую ладонь.

— Не похож.

— Пф, — фыркнул я, пытаюсь удержаться на гудящих ногах. — Будто у самого за спиной крылья.

— Мне осталось еще хотя бы немного подтянуть тебя в скрытом перемещении, — улыбаясь сообщил земляк, — научить дзютсу Скрытого Тумана и подтянуть в кендзютсу... Времени мало. Так что не филонь! — и, зараза такая, отпустил мою ладонь.

После тренировки я просто подышал, даже жилет снял и ворот ветровки оттянул, чтобы прохладнее стало, несмотря на то, что на улице было градусов десять тепла. Не жарко, в общем.

Наклонив голову, Вик недоуменно указал на мою шею и спросил, зачем я на себе ношу жилетку из ремешков.

— От чего оно защитить может? — начал гадать о назначении Вик.

— Э? — поддел я рукой один из ремешков у горла. — Это? Это не защита, а утяжелители. Особый тренировочный костюм.

— Да, у нас такие тоже раньше были. Сейчас единицы пользуются. Проблем много, — лаконично подвел итог Не-Забуза.

— Да ну?! — не поверил я. — Вообще-то это бета-версия, в смысле прототип. Таких у вас точно быть не может!

— Да неужели! — усмехнулся Вик. — Может, это ваши новаторы поздно очнулись!

Как оказалось, попытки распределить вес без фуиндзютсу уже были. На «сетку» из ремешков или проволоки крепили грузы. Такие костюмы были раза в два опаснее обычных утяжелителей, вроде тех, что носил Майто и его ученик.

Мне пришлось доказывать, что я не самоубийца и двойной-тройной порции тренировочных грузов на мне не висит.

— В общем, это более продвинутая версия обычных грузов. Равномерно распределяет вес, меньше влияет на выполнение дзютсу, более равномерно раскачивает каналы чакры. Потому что на себя чакру тянет.

— А ты — батарейка?

Кивнул.

— Штука хорошая, — продолжил я рассказ о сбруе. — Только цена кусается и делается долго.

Виктор спросил «сколько», а когда услышал, крякнул и пошутил:

— За что такие деньги?! Где золото, брильянты?!

Макуто, все это время сидевший на корточках у края поляны и перебиравший свои мешочки с травами, вдруг поднялся и подошел к нам.

— Я могу помочь с деньгами, — сказал он, глядя на Виктора. — Если нужно для Хаку.

Я вскинул бровь. Виктор повернулся к парню:

— У тебя есть деньги?

— Есть, — коротко ответил Макуто. — Немного. Но на половину сбруи хватит.

Я начал расписывать, а постепенно перешел на показания к применению, которые просил упоминать Рей. Привычка, что тут поделаться. Мы с Наруто у Каруи — ходячая реклама.

— ...Чем моложе пользователь такой сбруи, тем больше и лучше эффект. Но подойдет и другим. Тебе тоже. Оно, кстати, еще и чакру помогает скрывать. Включается и отключается просто, — показал как.

— Хм... — задумался Виктор, — а где такую достать можно? Мне для Хаку хотя бы один комплект нужен.

— Только у Каруи Рея, учителя Наруто в Конохе, — опомнился я.

— Хм... Коноха — это не вариант, — задумался Вик, — слушай. А продай мне свой!

— Вик, я... Он дорогой очень... Такие подарки мне сейчас не по карману.

Виктор легонько постучал себе по лбу.

— Я сказал «продай», а не «подари»!

— Эээ, — растерялся я.

— Да ладно, не парься, студент, я все понимаю — чуунины небогато живут. Я тебе всю стоимость выплачу!

— Не нужно всю, — благородство и благодарность яростно боролись с жадностью. — Половину хотя бы. Ты и так мне сильно помог. Научил столькому...

Макуто снова сел на траву и достал из мешочка горсть сушеных ягод.

— Возьми, — сказал он Виктору. — Это для Хаку. Если смешать с кипятком, помогает при простуде. На севере, в Тумане, пригодится.

Виктор взял ягоды, повертел в пальцах, понюхал.

— Это что, шиповник?

— Да. Здесь его много.

— Ты сам собирал?

Макуто кивнул.

— У тебя парень с головой, — сказал Виктор, обращаясь ко мне. — И травник, и мечник. Где ты таких находишь?

— Они сами находятся, — ответил я и улыбнулся.

Придя в дом после тренировки, я едва нашел в себе силы, чтобы снять грязную, вонючую одежду и помыться. А ведь сбрую я уже отдал, должно было быть полегче, но не было. На постирушки меня уже не хватило, я просто запечатал вещи и достал чистую одежду. Делать как Хатаке — оставлять свое шмотье в ванной, чтобы Цунами стирала, — мне не позволяла совесть.

Помывшись, я решил собрать немногочисленные вещи и провести ревизию запечатывающих свитков. Занося пометки в блокнот, я задумался о том, что меня ждало дома.

Отложив на футон пару пустых свитков, в которых ничего еще не было, я прилег на пол и принялся мысленно перечислять. В процессе всплыли доклады для Данзо, которые я забыл написать. Взяв стопку бумаги, карандаш и стащив у Цунами из-под носа четыре прищепки, я помчался на крышу. Потому что писать доноску, когда ее главная действующая рожа в любой момент может зайти в зал, было неосмотрительно. Да и Саске не следовало видеть, что я пишу. Вдруг подумает, что я решил начать черновик книги и заглянет через плечо.

Скрепив листы по углам, я принялся описывать все мало-мальски важное. А когда закончил, стал проставлять даты.

Ровные столбцы графитовых иероглифов блестели под ярким после бури солнцем, а я задумался о шариковых ручках. Потому что книги — это хорошо, если их кто-то купит, но иметь только один дополнительный источник дохода неблагоразумно. И два тоже будет маловато. Вот такой я жадн... То есть экономный!

Вроде ничего сложного: стержень, шарик-подшипник, чернила и корпус, но почему-то повсеместно использовались кисточки, карандаши, а в самом крайнем случае перьевые ручки с поршнем, с которыми было так много мороки. Нет, конечно, были и картриджи, но все равно перо нужно было мыть, чистить, и молиться, чтобы чернила не вздумали протечь.

Размышляя о том, куда и к кому можно податься с идеей, я не сразу заметил небольшую процессию, которая двинулась по мосткам к дому.

— Это еще кто такие? — недовольно буркнул я, сунул бумаги подмышку и спрыгнул вниз.

Поначалу я не понял, что это за люди, но потом я узнал Мышастого и его хозяина.

— Вы обещали нас сопроводить! — заявил толстяк.

— Когда это? — искренне удивился я. — Помню, что всего лишь разъяснил вам некоторые моменты, связанные с заключением контракта, но вы ничего не подписывали, а мы не получили задатка. Ваши претензии безосновательны. Кстати, здравствуйте, — прозрачно намекнул я на отсутствие приветствия в мой адрес.

— Здравствуйте. У нас нет претензий, — безропотно сказал помощник, пытаясь выразительной мимикой притормозить своего вспыльчивого хозяина, а у того уже аж морда покраснела.

— Вы обязаны нас сопровождать! — процедил родственник шишки.

Я его проигнорировал, уставившись на Кери.

— Мы лишь хотим договориться об условиях, — обреченно выдохнул мужчина, отступив на два шага, — на которых вы согласитесь сопровождать нас до Никко или Конохи.

Он почему-то меня боялся.

К нашему разговору присоединился Хатаке, картинно появившись в вихре листьев слева от меня.

— В чем дело?

А то ты не слышал, позер! — переложил я бумаги в другую руку.

В это время дети высунулись в окно, даже Цунами стало любопытно. Макуто вышел на крыльцо и встал за моим плечом. Он ничего не говорил, но его присутствие ощущалось как дополнительная тень за спиной.

Серый Мышь повторил все, что говорил раньше, и тут в разговор вступил его спутник.

— Хатаке-сан, — обратился с уважительным поклоном толстый, — прошу Вас... мой дядя, Тора Томэо не забывает добра, что делают для него и его родственников.

— А вы... — сказал Какаши, намекая, что толстому не помешало бы представиться.

— Я Тора Юсуо.

— Хатаке-сан, — напомнил я о себе, — мы не можем взять на себя ответственность за...

Брошенный Какаши взгляд и красноречивое хмыканье заставили меня прикусить язык. Потому что его недобрый прищур ничего хорошего мне не предвещал.

— Тора-сан, я согласен заключить контракт.

Я челюсть уронил, переводя взгляд то на Юсуо, то на Какаши.

— Нам нечем дать вам задаток, — встрял Мыш.

И только я с улыбкой собрался заявить «Нет денег, нет услуг», как Хатаке вякнул:

— Не проблема. Заплатите полную стоимость, когда сможете. Ирука-сан,

— Какаши протянул руку, намекая, что мне бы надо поделиться бумагой.

Я смирил его взглядом.

— Ирука-сан, дайте мне бумагу.

Фыркнув, выдал три листа. Два для контракта и один, чтобы, если помарку сделает, не просил еще. А я так надеялся, что Хатаке не додумается озвучить просьбу.

— Еще один лист, — требовательно, — Ирука-сан.

— Да пошел ты... — прошипел я по-русски и, всучив ему листок, на котором набросал силуэт дерева, повернулся и ушел. Остальные листы были исписаны докладами, так что мне пришлось попрощаться с одним из рисунков.

Заметив, что Цунами понесла на улицу белье, я, стараясь не палиться, положил прищепки на место.

— Ирука!

От неожиданного окрика я чуть не выронил отчеты.

— А зачем тебе прищепки?

Сделав страшные глаза, приложил палец к губам.

— Тсс.

Запечатав бумаги, я пояснил, что взял прищепки без спросу, а отдавать их демонстративно было неудобно. Сказав это, я вспомнил, как хотел обчистить кабинет ныне покойного Гато, и тогда мне помешало только отсутствие времени, сил и свитков. Но не совесть, она в последнее время у меня все чаще впадала в анабиоз... Хотя она и раньше особой бодростью не отличалась.

— Мда, и неудобно мне тогда не было...

— Что? — переспросил Узумаки, рассматривая мои рисунки.

— Да ничего, — отмахнулся я. — Просто мысли вслух.

Хатаке вернулся довольно быстро, но, как оказалось, только для того, чтобы взять кисточку и чернила.

Стоило только Хатаке появиться, как я, в присутствии детей, поинтересовался, зачем он взял на себя обязательства, которые, вполне возможно, мы не сможем выполнить.

— В каком это смысле? — удивился Собакин, будто впервые слышит.

— А в таком, — скрестил я руки на груди, — что, обещав защищать этих людей, мы вынуждены будем нарушить свое слово. Если за нами увяжутся шиноби из Кири или Кумо, то придется бежать, наплевав на контракт.

— Я командир, и я имею право взять попутную миссию, — отчеканил Хатаке. — А вы будете выполнять новый контракт и получите дополнительно свою долю вознаграждения за миссию С-ранга.

Ну, спасибо! Я от такой щедрости прямо тут упаду в обморок! За копейки от С-ранга миссии тащиться в два-три раза дольше, да еще и не спать ночами, ежеминутно ожидая нападения! Класс! Да я на миссиях D-ранга

больше заработал бы, чем на сопровождении этих клоунов. А ведь к ним наверняка еще кто-нибудь прилипнет. И будет целый долбаный караван! Зуб даю, что все это из-за желания Собакина выслужиться перед родней феодалчика!

Через день наступал какой-то исключительно местный праздник, к нему и приурочили «коронацию» Тадзуны. Как позже выяснилось, это празднование было в честь духа-монаха, мстителя, который после своей гибели от рук прихвостней Гато ожил в виде призрака. И который бегал по Буревестнику, с гиканьем гоняя бандитов! Хорошо, что никто не видел, как я беззвучно ржал за углом, подслушивая, как Инари с Наруто рассказывают Сакуре и Саске местные городские легенды.

В назначенный день все двинулись на холм, только Какаши остался сторожить ирьенина вместе со своими собачками.

Я с трудом узнал это место. Прибрали и починили всё, что можно, даже скорее вылизали. Если бы я не знал, подумал бы, что храм отстроили с нуля. Теперь за деревьями был виден коридор из красных арок с рисунком из синих завитков, несколько площадок с каменными фонариками, фонтаном, статуями и прочими уличными украшениями. Там, где раньше были заросли шиповника, теперь был небольшой рынок с круглой клумбой в центре. Разросшийся куст подрезали и подвязали. Даже то подкопченное дерево теперь смотрелось внушительно, а не жалко, как раньше.

До начала «представления» Наруто провел меня по всему храмовому комплексу, он знал тут каждую черепицу и каждую дощечку, потому что и тут Тадзуна использовал его клонов. Ярко-красный, кипельно-белый, угольно-черный и сапфирово-синий — именно эти цвета были везде. Местами запах благовоний перебивал запах краски и лака, но, вроде бы, никто не вляпался.

Макуто держался чуть позади. Он осматривал рынок, лавки с оберегами, остановился у лотка, где продавали сушеные травы и амулеты. Купил какой-то мешочек, спрятал в карман и догнал нас у лестницы.

Около двух все собрались у лестницы, ведущей в храм, и какой-то монах в темном одеянии заунывно провыл молитву и сказал, что с сегодняшнего дня Защитник Света встанет в один ряд с хранителями храма Моря и всего острова. Толпа одобрительно зашумела, а затем кто-то решил поделиться своей историей о встрече с Защитником. А до меня наконец дошло, что это имя мертвого монаха.

Когда местные стали перечислять «подвиги» Защитника света, я разрывался между желанием заржать и изобразить фейспалм. Как это часто бывает, люди приукрасили действительность, и мстительный дух превратился во что-то похожее на призрачного гонщика, только без косяка и мотоцикла. Черт меня дернул изобразить череп, обьятый синим пламенем!

— Боги, дайте этим людям ума! — прошептал я беззвучно, когда все поперлись совершать ритуальное шествие от новой бадьи с водой до лотка с оберегами, и мне пришлось тащиться со всеми остальными.

Макуто принял оберег из рук монаха с таким серьезным лицом, будто это был свиток с запретной техникой. Он поклонился, повесил деревяшку на шнурок и спрятал за пазуху.

Так в моих руках оказалась деревяшка с выжженными на ней иероглифами «Море» и «Счастье», а сам я стал беднее на три гроша.

Покачивая головой, я подумал, что это больше похоже на шутку, чем на оберег.

— «Море счастья», какой дурак это выдумал?! — шепотом пожаловался я, показав его Виктору. Тот посмеялся и сказал, что именные обереги приносят больше удачи. Я только глаза закатил.

Обычный оберег плюс десять к удаче. Легендарный предмет: Амулет «Море счастья», нельзя передать другому игроку, плюс пятьдесят к удаче! Стоимость: Ценно только для владельца.

После того как люди наконец замолкли, на ступеньки вышел Тадзуна. Что он говорил, я даже не слушал, потому что эту речь он долго и нудно репетировал дома. Я бы мог быть суфлером, потому что когда мостостроитель запинаясь, меня прямо надирало подсказать слова.

Мне было так скучно, что я начал страдать фигней.

— ...он защищал нас при жизни и не оставил нас после смерти! — вещал Тадзуна.

— Он супермен-зомби? — почти беззвучно шевелил я губами. — Он призрачный гонщик? Лови некроманта!

— Кончай дурью страдать, — отдернул меня Вик, нахмурившись. — Прояви уважение.

— ...Тэмотсу Хикэру был человеком благородным... — тем временем вещал уже какой-то полный тип в темном кимоно.

Мне стало стыдно, и я сконфуженно прошептал:

— Извини. Покойся с миром, Тэмотсу Хикэру.

До моих ушей долетел едва различимый шепот. Сначала я подумал, что мне показалось, но он повторился, и я сумел разобрать слова:

— Спасибо, живой дух.

«Живой дух» — набатом звучали эти слова в голове, сердце будто сжала ледяная рука. Оцепенев от страха, я еще долго не мог прийти в себя. Только когда Виктор стал меня тормозить, я смог сойти с места.

На мое счастье дети разбрелись к стендам с разной ерундой еще раньше, и я смог шепотом рассказать Вику о том, что случилось. Он внимательно меня выслушал и сказал:

— «Живой дух, спасибо и удачи»? Не знаю, что это было, но кроме нас этот голос больше никто не слышал. Успокойся. Мы бы узнали.

— Все равно мне не по себе, — смыкая нагрудные карманы, прошептал я.

— Если сам не разболтаешь, никто не узнает, кто ты.

Из храма я ушел, как только подвернулась возможность, просто подменив себя клоном.

Правда, потом пришлось прятаться, чтобы Наруто не заметил дубля и чтобы не обиделся.

Дела с мостом у Тадзуны шли туго, он сам об этом рассказывал. Очень-очень часто рассказывал. Настолько часто, что на тренировке с Виктором я обронил:

— Тадзуна чуть ли не волосы на себе рвет, так что мост или развалится, или его достроят, когда мы свалим.

К моему удивлению, Виктор урезал время на тренировку и вместе со мной пошел на берег. По дороге к нам из любопытства привязались Хаку и Седьмые. Они тут рядом тренировались из-за клонов Наруто, да и просто чтобы за строителями приглядывать. Пока что на мост можно было попасть только со стороны Волн.

Макуто присоединился к нам у самой воды. Он только что закончил собирать какие-то водоросли на камнях и теперь отжимал их в чистую тряпицу.

— От ожогов, — пояснил он, заметив мой взгляд. — Тут много йода.

Наш архитектор сначала было принялся снисходительно объяснять «такому сильному шиноби», в чем проблема с мостом, так просто, чтобы даже самый тупой бы понял. Виктор послушал несколько минут, покивал, явно теряя терпение. Детям это вскоре надоело, и они вернулись к тренировке, а вот Виктор продержался гораздо дольше.

Потом он попросил расчеты. Тут Тадзуна было напрягся и начал всячески намекать на то, что, вообще-то, эти чертежи делал серьезный мастер — он сам. И что дилетанты там ничего не поймут и не увидят.

— Тадзуна-сан, я настойчиво прошу вас показать мне наконец долбанные чертежи вашего моста, — изобразил оскал-улыбку Виктор. Даже через маску из бинтов выглядело устрашающе.

Старик сдался и опасливо подвинул чертеж, Забуза минут десять что-то смотрел, высчитывал, черкал на отобранном у Тадзуны планшете, а потом вытащил листок, порвал его на четыре квадратика и, приложив их к чертежу, нарисовал поверх что-то.

— Вот здесь у вас неправильно и здесь, — придавил листочки отшлифованными водой и ветром голышами, которые валялись на столе, — тут и вот тут.

Тадзуна склонился над чертежами, недоверчиво посматривая на мечника.

— А...

— Здесь, — указал на квадратик в центре, — уже ничего сделать нельзя, только еще одну опору поставить, а здесь вот так, — черкнул пару раз Вик карандашом, под взглядом белеющего Тадзуны.

— Что вы делаете?!

— Поправляю, — сухо сказал Вик и показал свои расчеты. — Нужно так, как я написал. Здесь все ясно? — грозно спросил Не-Забуза у старика. Тот только закивал головой как болванчик с чересчур огромными глазами.

— Тогда работайте, Тадзуна-сан. Солнце еще высоко.

— А... А где вы так научились строительству мостов? — выдавил из себя вконец обалдевший архитектор.

— Я учился их ломать, — сказал Виктор, а шепотом, чтобы услышал только я, посмеиваясь, добавил: — На факультете водохозяйственного и гидротехнического строительства инженерно-строительного отделения ЛГУ.

— Ясно, — так же шепотом ответил я, силясь не заржать.

После этого строительство пошло гораздо быстрее, но законченный мост Виктор не увидел.

Они с Хаку ушли раньше. Уходя, они забрали мою сбрую и свиток с инструкциями к нему. Точнее, её уносил на себе Хаку — я помог всё настроить, рассказал и показал всё, что знал. На иллюстрации к инструкциям я угрохал целый вечер, зато было не так неудобно отдавать ношенную вещь. Отдавая сумку со сбруей, я хотел попросить земляка остаться еще ненадолго, но вовремя вспомнил, что в Тумане сейчас идет война, а Виктор и так потерял с нами слишком много времени.

Макуто перед уходом Хаку отвел его в сторону и вручил небольшой сверток.

— Здесь мазь от обморожения, — сказал он. — В Тумане холодно. И сушеные травы для чая. От кашля.

Хаку взял сверток, прижал к груди и поклонился.

— Спасибо, Макуто-кун.

Макуто кивнул и отошел, не сказав больше ни слова.

Но до этого у нас с Виком состоялся один забавный разговор.

Когда мы отдыхали в перерыве между тренировок, Виктор спрашивал всякое из канона, что могло бы пригодиться сейчас или позже. Точнее, из уже не раз пересказанной манги его теперь интересовали только некоторые детали, и он стал интересоваться филерами. Как-то особо его заинтересовал фильм про тюрьму из восьмого или девятого фильма, кажется, все же из восьмого. В Стране Травы действительно существовал этот казенный дом, который могла бы предсказать какая-нибудь местная гадалка, но использовали его не так. Это, во-первых, было что-то вроде нейтральной территории для обмена шпионами или просто пленными, а также местом, куда «приземляли» шиноби в рамках договоренностей между скрытыми деревнями, например, в мирное время кто-то совершил преступление на территории иного государства, но сумел сбежать. Если повод веский и претензии не могут быть проигнорированы, то ниндзя могли отправить в Кровавую тюрьму. Там плохо, так что формально удовлетворено требование о наказании от пострадавшей стороны, в то же время знания и техники шиноби должны быть в относительной безопасности — это гарантировала Деревня, скрытая в траве.

— Чем-то похоже на посылку «до востребования», — заметил я тот факт, что если Деревня про шиноби не спросит, то он в этой Кровавой тюрьме и загнется. — Да, чуть не забыл. Там по сюжету есть ружья. Какие они из себя?

— Ружья?! — удивился Вик. — Не было и вряд ли они будут!

— А что так бескомпромиссно? — улыбнулся я.

— У нас же в каждом учебнике химии и физики формула черного пороха! Вспомнить бы еще ее, — почесал я в затылке, хихикнув, — а в учебнике ОБЖ схема Калашникова.

Веселился я потому, что вспомнил книжных прогрессоров, у которых и формулы, и чертежи готовые и на коленке автоматы сами мастерятся.

— Злые у тебя шутки, студент... — не оценил юмора земляк, скривившись, будто лимон съел. — Или ты в самом деле не понимаешь?

Было видно, что эта тема задела его за живое.

— Да понимаю, — перестал я лыбиться, — тут оружейник нужен...

— И химик, и металлург, — перебил Виктор, кивками подтверждая свои слова. — Но в первую очередь нужны технологии, теоретическая и промышленная базы. А их тут нет. Еще нужен бездымный порох. А я не химик, я инженер-гидротехник. И нужные формулы для пороха не знаю.

— И что, тут совсем нет взрывчатки? Чего-то вроде динамита, пластида...

— Есть, — язвительно фыркнув, перебил Виктор. — Фуин.

— Виктор, а что ты такой злой-то? Сарказм так и прет, — прямо сказал я.

— Будто даже пистолет самодельный сделать невозможно. Дядин знакомый мелкашки мастерил из всякого хлама.

— Если достаточно долго мучиться, — нехотя кивнул Виктор, — то можно сделать эдакое чудо-оружие — длинноствольную бандуру, весом килограмм в пять, которая будет стрелять одиночными медленно, но зато недалеко и слишком слабо, чтобы пробить стандартную защиту шиноби, здесь же, считай, у каждого второго — неплохие бронежилеты, да еще и чакрой усиленные. Средств на создание промышленности под подобные винтовки уйдет немерено, массово вооружить все население ими не получится, и что еще лучше, подобное оружие может стать приговором кому угодно, даже великой Деревне, — закончил упражняться в остроумии Виктор.

— Огнестрел станет приговором для шиноби, как он стал началом конца рыцарства и самураев?

— Да. Потому что этот мир принадлежит вовсе не Дайме или торговцам, а шиноби. А они будут против того, чтобы их сместили массы крестьян с ружьями. Так что такую страну раздавят сообща, и всех, знакомых с технологиями производства ружей, — вырежут под корень. Впрочем, скорее всего, до этого не дойдет — тебя, такого умного изобретателя, раньше убьют свои же. Так что пока лучше нигде и ни с кем не поднимай эту или подобные темы. Опасно это, — закончил Виктор.

— Да я и не собирался. Еще и потому что техники проще и эффективнее будут. Ружье не поможет мне отбиться от Орочимару или Пейна. Против подобных монстров даже автомат Калашникова не спасет.

— Я бы посмотрел на того идиота, который на Орочимару с мелкашкой попрет, — заржал мечник.

А вскоре у нас появилась новая проблема — к нам пришла еще одна делегация. Утром заявили, сразу после дождика. И грязи после них на мостках было, как после целого свинарника. К сожалению, Юсуо и его слуга все еще копались, и поэтому сказать, что мы со дня на день уезжаем, было невозможно.

В этот раз делегаты были от торговцев, беженцев и бывших рабов. И все просили и умоляли довести их до Конохи или столицы страны Огня. Или хотя бы до прилегающих к ним районов.

Хатаке вышел к народу, и, разумеется... Согласился. Болтал он с людьми так долго, что за это время я успел написать целую главу и даже сделать парочку иллюстраций в будущую книгу.

Макуто, пока шли переговоры, обошел собравшихся. Я видел, как он остановился у телеги, где сидела женщина с младенцем, что-то спросил, потом кивнул и пошел дальше. Вернулся он с пучком какой-то травы, которую вручил женщине.

— Заваривать и пить по глотку, — услышал я его слова. — Ребенку тоже. От живота.

Первым делом я решил записать Хоббита, снабдив всевозможными пояснениями, которые раскрыли бы мир Толкина и магическое средневековье как таковое максимально понятно для местных. Потому как полностью переделать под местные реалии любимые истории у меня рука не поднялась бы.

Фактически я сделал из Хоббита приложение к еще не написанному тут Властелину колец.

— Почувствуй себя Предсказамусом, — бубнил я под нос, ставя чайник на огонь и поглядывая на двери, из-за которых доносились голоса. —

Накаркал! Теперь мы потащимся не в два-три, а в четыре-пять раз медленнее. Одно дело — двое достаточно крепких мужчин. Это еще как-то можно терпеть. И совсем другое — целый караван, в том числе с детьми, женщинами, грузами, с истощенными и больными людьми, да еще и идущими в холодную, дождливую погоду. Как никак, уже январь начался! Это хорошо, что здесь, на юге, зима мягкая, но все равно будет непросто. Как бы снега не принесло. А то путешествие еще больше затянется — из-за похорон.

Когда Чучело вернулся, я не выдержал:

— Хатаке-сан, я могу понять, зачем вы хотите взять тех двоих, но зачем брать целый караван? Они же будут нас тормозить, причем очень серьезно!

Хатаке только отмахнулся и пихнул мне под руки свою чашку.

— Мне чай налейте без сахара и не слишком крепкий.

А слабительного в него не хочешь?

Видимо, Хатаке что-то прочитал на моей угрюмой физиономии, что счел нужным объясниться.

— Вы зря так паникуете, Умино-сан. Мы все равно возвращаемся в Коноху, а оплата еще одной миссии С-ранга и благодарность множества людей стоит задержки в пару дней.

Только невероятное терпение не позволило эту чашку столкнуть в помойное ведро, которое так удачно выглядывало из-под мойки.

— Может, она даже стоит встречи с командой джонинов от Ягуры или Райкаге? — поддел я Собакина.

— Я уверен, что ничего серьезного за нами послать не рискнут. А с несерьезными я сам справлюсь, — небрежно отмахнулся от меня Хатаке, присаживаясь на стул и рассматривая бумаги.

Справишься? Как с Забузой? Как с Охотниками?

Впрочем, озвучивать это я не стал. Хатаке все равно не сдаст назад — чувствую это по его эмоциям. А если начну конфликтовать, то вполне могу огрести — Хатаке чувствует себя все наглее и увереннее с каждым днем.

— Достигнув жизни поворота

В непостижимой всем борьбе,

Поставишь грабли для кого-то,

А получается — себе, — уныло и без выражения продекламировал я стихи, наливая чай только в одну кружку. У Какаши руки не отвалятся самому себя обслужить.

— Я не расслышал, что вы сказали, — прищурился джонин.

— Ничего важного для вас, Хатаке-сан, — флегматично пожав плечами, я вышел из дома.

Вот интересно, а если все-таки враги появятся, он что, драться будет? Ну, потому что перед такой кучей народа ему просто неудобно будет сдавать? Да еще и при родственнике какой-то шишки, которая может рассказать, что Хатаке от кого-то драпал, и потому не заключил контракт.

Чистое небо с редкими облачками казалось летним, и если бы не прохладный ветер, можно было всерьез задуматься о шортах с майкой. Обманчивая погода.

Присев на скамейку из деревянного короба, я заметил Седьмых и Инари. Было забавно наблюдать за пацанами, которые ловили рыбу в мутной после недавнего шторма воде. Учиха и Узумаки сосредоточенно следили за поплавками, которые бросало из стороны в сторону.

Макуто сидел на соседней скамейке и раскладывал перед собой свои сокровища — мешочки с сушеными травами, баночки с мазью, пучки

кореньев. Он перебирал их, что-то откладывал в сторону, что-то заворачивал в чистые тряпицы.

Выглянув из окна, Сакура поджала губы и, тяжело вздохнув, закатила глаза. Она сначала тоже с удочкой сидела, но ей быстро наскучило, да и Глазастик тогда шипел, как змея, ведь она мешалась.

— Сядьте дальше друг от друга, вы так леску запутаете!

Инари был тут самый опытный рыбак. Он поправлял Седьмых, с самодовольной улыбкой показывая серебристую рыбку. Но, впрочем, рыбалкой они занимались только ради интереса — ведер и сачков у детей не было, да и домашних кошек в доме не водилось, так что улов отправлялся обратно в воду.

Прошло три дня, пока заказчик и остальные люди наконец собрались, заготовили провизию, нашли теплые вещи, телеги и выючный скот. Я, кстати, подсуетился, и часть товара запечатали в свитки, которые тут же сделал Наруто. А мы должны были получить свой процент с продажи этих товаров уже в Конохе.

И вот, вечером перед отъездом, в кухню, где мы ужинали, влетел сияющий от радости Инари.

— Наруто-нии-сан, я это сделал! Сделал! У меня получилось!

Внук Тадзуны, пошатываясь на поворотах, крутился на месте, размахивая над головой куском какого-то подпаленного пергамента.

— Что получилось? — выронил Наруто из палочек суши.

— Я смог сделать взрывную печать! — поглядев на нас сквозь круглую опаленную дырку, Инари торжествующе вскричал. — И она взорвалась!

Выпучив глаза, я закашлялся, потому что чай, который я пил, попал не в то горло.

Макуто, сидевший у печки с очередной порцией трав, отложил ступку и подошел к Инари. Он взял опаленный лист, повертел в пальцах, поднес к свету.

— Чакры много, контроля мало, — сказал он и вернул бумагу мальчику.
— Если продолжишь тренироваться, сможешь.

Инари просиял так, будто ему подарили целый мешок конфет.

Как выяснилось, Инари не бросал попыток сделать то же, что и Седьмые. И у него каким-то непонятным образом получился взрыв-тег. Да, слабее хлопушки, к счастью, он даже не сумел взорваться, а только сгорел, но ведь в целом рабочий же!

Причина моего удивления была в том, что Инари, вообще-то, гражданский. И в академии шиноби не обучался, потому основ работы с чакрой не знал. Ну, или до тех пор не знал, пока ему Наруто не показал и не объяснил. А чтобы создать тег, он должен был не только запитать чернила и бумагу, так еще и активировать ручную печать!

Тому, что у Инари есть чакра, я не удивился, она есть у всех. И теоретически научиться ею пользоваться и стать ниндзя мог любой.

Только вот в Академию Шиноби брали не всех детей, а тех, у кого чакра и способности к ее контролю были сильнее, чем у остальных. Среди клановых, понятное дело, с этим обычно проблем не было. Ну, это насколько я понял из разговоров с людьми и учебников, пока жил в Конохе. А у гражданских дети с сильной чакрой или с большим резервом были достаточно редко и, как правило, выше чуунина поднимались не часто. Способности — это хорошо, но если чакры тебе хватит на несколько минут боя, то что ты можешь сделать? Особенно, если нет

уникальных клановых навыков, позволяющих даже с малым количеством чакры за короткий срок провести неотразимую атаку. Да и даже имея хорошие объемы сильной чакры и хороший резерв, но не имея доступа к знаниям, в элиту так просто не пробьешься.

Надо будет не забыть потом похвалить Наруто за упорство и педагогический талант в случае с Инари. Узумаки умел учить, особенно — всему, связанному с фуин. Процентом двадцать всего, что я знаю о фуиндзютсу, я прочитал и понял из бумаг. Еще примерно столько же — «всплыло» из памяти Ируки, а другой, большей части своих знаний, я обязан мальчику. Я просто старался быть в курсе того, что и как он изучает, и можно сказать, что азы от Каруйи Рея мы проходили вместе.

Узумаки учился у своего сенсея, а я — у Наруто. Кстати, Ируку во мне периодически корчило от того, что я не брезгую учиться у «демоненка» и не забочусь о своем статусе «мудрого учителя». И это делало изучение фуиндзютсу еще приятнее! Это в последнее время я из-за подготовки к миссии в Стране Волн подотстал немного, ну ничего, сейчас, пока есть время, — наверстаю. Думаю, к моменту, как придем в Коноху, — нагоню его хотя бы в понимании фуиндзютсу, потому как практическое применение знаний у него явно лучше моего — сказывается и наследственность мальчика, и более сильная чакра, да и просто куда больший практический опыт. Потому-то успехи Инари в таком смешном возрасте и без длительных упражнений по работе с чакрой меня удивили. А прожженная дыра в листе «говорила» о немаленьком — для гражданского — резерве чакры. В филигранный, для его возраста, контроль внука Тадзуны я не верил, а это значило, что огромное количество чакры ушло в никуда, печать сработала, тоже «отожрав» энергии, а Инари поскакал показывать нам свои успехи. Ну как «поскакал», по крайней мере, своим ходом пришел и вроде не собирался в обморок падать. А я как раз вспомнил, что, вроде бы, рыбак был Инари отчимом, но не родным отцом.

Поблагодарив хозяйку за ужин, я попросил ее отойти поговорить. Накинув шаль, женщина вышла во внутренний двор. Она заметно нервничала.

Веранда с этой стороны была меньше, зато навес доставал до соседней постройки. От дверей я старался далеко не отходить, чтобы не задеть грязную решетку курятника.

— Цунами-сан, ваш муж и кровный отец Инари, — слово «биологический» я решил не говорить, — был шиноби. Я прав?

Цунами побледнела еще сильнее и с трудом сглотнула.

— Откуда вы это знаете? И почему вы это спрашиваете?

— Потому что Ваш сын смог сделать очень плохую и очень слабую, но все-таки действующую взрыв-печать. В его возрасте, без тренировок... это невозможный результат для сына гражданского.

Я соврал. Это был всего лишь маловероятный результат, но никак не невозможный.

Пошатнувшуюся Цунами мне пришлось ловить за руки. Усадив ее на скамейку, я обеспокоенно провел светящейся рукой над головой женщины. Никакого глубокого вмешательства — я ей не враг. Так, влил в нее немного янь-чакры, чтобы быстрее пришла в себя. Ну и эффект «плацебо», конечно же. Когда много раз слышишь о том, как «светящаяся рука» все излечивает, поневоле начинаешь воспринимать это как панацею.

А для людей, живущих вдали от Скрытых Деревень, все выглядело предельно просто — пас рукой — и ты здоров.

— Цунами-сан, голова еще кружится?

Подняв на меня обреченный взгляд, она покачала головой и, вытащив руки, плотнее закуталась в красную шаль.

— Не нервничайте так, пожалуйста, — мягко улыбнулся я. — Я все объясню.

Когда брюнетка справилась с эмоциями, я негромко заговорил:

— Как вы понимаете, Тадзуна стал кем-то вроде правителя острова, пусть и очень маленького. Его статус поменялся — и теперь он феодал, пусть и очень мелкий. А это, помимо плюсов, подразумевает и проблемы. Если Инари станет шиноби, вам будет намного проще.

— Нет! — твердо и зло возразила женщина. — Я не хочу этого.

Я невольно залюбовался суровой решимостью. Удивительная женщина, жаль, что ничего, кроме уважения, я к ней не чувствовал. Нет, она была красивой, но обстоятельства не располагали к тому, чтобы пытаться завести кратковременный роман. Да и она никаких шагов в этом направлении не делала. А после того как она отшила Хатаке, я решил забить на это дело.

— У мальчика дар, — отстранившись от левых размышлений, сказал я. — Который нельзя зарывать в землю. Он может стать шиноби...

— Нет! — перебила она. — Лучше пусть он станет мастером-строителем, как его дед!

— Так в чем проблема? — не понял я. — Пусть выучится на шиноби, закончит академию и станет хотя бы генином, а лучше чуунином и потом пусть учится строительству. Опасные миссии — это капли в море заказов. Вы очень удивитесь, когда спросите детей, чем они занимались до того, как ваш отец их нанял.

Заметив любопытство, вернулся к основной теме.

— Вы поймите, Цунами-сан, вы не можете защитить своего сына лучше, чем он сам, особенно если пройдет соответствующее обучение. К тому же статус шиноби точно поднимет его самооценку, — было немного неловко такое говорить, — ровесники перестанут его обижать.

— Я не хочу, чтобы он погиб, выполняя где-то какую-то дурацкую миссию, — сказала женщина и упрямо сжала губы.

— Цунами-сан, я думаю, что это все решаемые вопросы. Если учесть его статус — внука маленького, но при этом иностранного феодала, то думаю, что Коноха позаботится о том, чтобы он не погиб на миссии, которая ему

не по силам. За этим следят строго, — вздохнул, — это только в нашей команде такой безалаберный джонин. Он такой на всю Деревню один. — улыбнулся. — Все остальные к своей и чужим жизням, конечно за вычетом врагов, относятся не как к бесполезной вещи, которую не жалко, а как к дару, который надо беречь.

— Я подумаю, — пусть сказано было на «отвали», но зато с сомнением.

Вскользь упомянув Гая, Асуму, Куренай, Очкарика-Эбису и учителей Академии, я сумел заинтересовать Цунами. Она даже тихонько хихикнула в кулак, послушав мой пересказ истории Сакуры, которая по своей глупости пнула бычка, а тот обиделся и гонялся за ней, чтобы боднуть ее в ответ. Из всех заданий, которые нам поручали раньше, только выпас стада можно было назвать опасным.

— Не тяните с этим слишком долго, — улыбнулся я. — Через год, максимум два, Инари уже вряд ли кто-то возьмется обучать.

— Вы не собираетесь его забрать прямо сейчас? — «вспыхнула» удивлением Цунами.

Теперь удивился уже я.

— Нет, — для верности я помотал головой. — Что думает Тадзуна и сам Инари, ни вы, ни я не спрашивали. К тому же мы уходим уже завтра, не с пустыми же руками ему идти? И если вы согласитесь, то мальчику должны подобрать жилье, опекуна, определить, в какую группу зачислить, — замолк, на секунду удивившись собственным словам и тому, что детям не из Конохи положен опекун, — в общем, лучше заранее перед приездом подготовиться. И самое главное, чуть не забыл, в Академию поступают дети 6-7 лет. Кажется, в начале весны.

— Инари в следующем году, в сентябре будет 7, — тихо сказала брюнетка. — Если все-таки Инари захочет стать шиноби... Вы ведь за ним присмотрите? — робко спросила женщина.

— Присмотрю, — кивнул я, но слова «обещаю» не сказал намеренно. Опасался, что не смогу сдержать слово.

Попрощавшись, мы разошлись. Цунами убирать кухню, а я к пацанам рассказать сказку.

В этот раз это были «Три толстяка», которые отчасти были похожи на Гато, а Инари нас, шиноби, сравнил с повстанцами, а лично меня с Суок, потому что я притворялся как она. Грубое сравнение, но смешное.

Когда Тадзуна забрал внука, а пацаны уже видели десятый сон, я не спал.

Я пялился в потолок, потому что вспомнил об одном деле. Собравшись, вытащил все пустые свитки, которые нашел, оделся и побежал в Буревестник.

В дверях я столкнулся с Макуто. Он сидел на крыльце и заваривал себе чай в маленьком котелке.

— Не спится? — спросил он.

— Есть одно дело в городе.

— Я с тобой.

Я хотел возразить, но передумал. Лишняя пара глаз не помешает.

Пробравшись в пенаты Гато через окно в кабинете, мы принялись осматриваться. С прошлого раза тут ничего не тронули. Вещи лежали ровно так, как их бросил ныне покойный владелец.

Развернув на полу все свитки, я почувствовал ощутимый запах специальных чернил. За день до этого я попросил Наруто сделать мне несколько свитков с запечатавающими печатями.

«А почему шепотом?» — спросил меня Наруто. Я объяснил, а мальчик так же шепотом возмутился: «Жадным быть не хорошо!» Картинно возмущившись, я ответил: «Кому не хорошо? Мне нравится».

На самом деле мне было стыдно переть те вещи в открытую, но ведь мертвому они не нужны, а я прилично сэкономлю на декоре для Пиалы, если припру эти «сувениры» в Коноху. Буду надеяться, что Шин все спишет на неизвестных грабителей. А чтобы уж совсем запутать следы, я нарисовал на стене силуэт черной кошки.

Макуто осмотрел помещение деловито, как оценщик. Открыл шкаф, проверил ящики, вытащил из-под стола какой-то сверток.

— Здесь деньги, — сказал он, показывая мне пачку купюр. — Много.

— Забирай, — махнул я рукой. — Пригодится.

Он кивнул и спрятал деньги в карман куртки.

Переступив через бумажные полосы, я хрустнул пальцами и негромко сказал:

— Эх, надеюсь, Юкайю не сильно обидится.

Впрочем, не уверен, что он вообще это заметит. Шину сейчас не до того.

Меньше часа мне потребовалось, чтобы скатать все ковры, снять картины и забрать офисный стул Гато со словами «Помогите, ворую». Макуто молча помогал — снимал со стен светильники, складывал в стопки посуду, вытряхивал из ваз засохшие цветы. Заполнили практически все печати всякими интересными, нужными и не очень вещами. После меня в

пентхаусе осталась только круглая кровать без балдахина, я бы еще и стекла прихватизировал, но при демонтаже меня могли бы заметить. Так что я ограничился тряпками с окон и снимал их без света, сдернул и пошел перепроверять. Лампочки тоже денег стоят, так что я их выкрутил еще раньше. Да и моя игроманская душа требовала собрать лута.

В кабинете тоже было пустовато, но мебели осталось побольше. Например, я побрезговал диванчик брать, а стол был привинчен к полу, и я ему в прошлый раз ножку отломал. Подумав немного, я встал на стол и снял люстру.

— В Пиале пригодится. Если не вся, то несколько бра из нее обязательно сделаю.

Пока не рассвело, обшарили еще и подсобку. Так в свитках оказались еще и кадки с пальмами, которые стояли на балконе, ну и по мелочи всякого. Бумагой затарился на полгода вперед, ручек насобирал, упаковок с чернилами и карандашей.

Макуто нашел на складе несколько банок с заспиртованными образцами — какие-то зародыши, коренья, редкие травы. Он аккуратно запечатал их в отдельный свиток.

— Это дорого, — сказал он. — В Конохе продадим или отдадим в госпиталь.

В общем, уходя, чувствовал себя хомяком, который дорвался до халявы. А под утро мне приснилось, как я все спертое удачно развесил в Пиале, что она стала выглядеть «богато», как бутафорская псевдогреческая колонна, щедро облитая золотой краской. Такой китчевый шик. Никогда подобное не любил, но преступные элементы, которые всю жизнь к чему-то подобному стремились, должны были оценить.

С момента «резни в стране Волн», как стали называть уничтожение бандитов Гато, уже прошло ровно 11 дней. Будь моя воля — мы бы ушли еще раньше. Но, увы, дела не позволили: переписывание бумаг, сбор и дележка имущества, решение вопросов с Юкайо Шином... На самом деле, все это заняло не так много времени — несколько дней. Однако по-настоящему нас задержала достройка моста и сбор припасов в дорогу для бывших рабов, торговцев, переселенцев и просто беженцев. Большинство последних потеряли веру в будущее в стране Волн. Тадзуна, конечно, пытался таких уговаривать остаться, но получалось не всегда. Людей набралось немало — целый караван. Многие хотели перебраться в страну Огня, но дороги с бандитами пугали. И кто-то сильно умный вспомнил о нас. Шиноби из Конохи все равно идут домой — доведут в целости и сохранности за так. За бесплатно Хатаке работать все же отказался... Согласившись на оплату миссии С-ранга в рассрочку. Интересно, а я еду покупать или ремонт в Пиале делать как буду — тоже в долг?

Наконец все собрались и тронулись в сторону нового моста. Его, как и в каноне, назвали в честь Наруто — Великий Мост Наруто. Официально-торжественно — за то, что он вернул храбрость и веру в сердца людей и вдохновил их на подвиг — защиту своего дома. Это, в общем-то, было правдой... Но далеко не всей. Я думаю, что на самом же деле мост так называли за то, что закончен он был именно благодаря клонам Наруто. Потому что к концу строительства рабочих осталось вдвое меньше, чем было. Сначала все разбегались от страха перед репрессиями со стороны магната, а потом у них начали появляться сомнения в том, что мост вообще нужен. Ну как же — Гато ведь нет и можно вернуться к прежним занятиям и зарабатывать больше, чем горбатясь на стройке...

Я бы назвал его Великим Мостом Лоха. Работать за «спасибо» — это только Наруто может. Я попытался было потрясти Тадзуну на деньги для блондина, дескать, раз рабочим платит, то может и мальчику вместо них заплатить, тем более что он не одного рабочего заменяет, а целый десяток... Но тут вмешался сам Узумаки и сказал, что делал все бесплатно, потому что сам так решил. И не хотел, чтобы нищие люди из Страны Волн ему платили. Он сделал все, чтобы им помочь.

Посмотрев на убежденное лицо мальчика, я попытался объяснить ему, что любой труд должен быть оплачен. А Тадзуна, старый черт, снова стал плакаться, что денег совсем нет.

Мне это надоело.

— Тадзуна-сан, вам не совестно?

— От чего? — спросил старик. Он явно догадывался, о чем речь. Ну что же, я могу и озвучить, мне не тяжело.

— Вы использовали труд ребенка и решили не платить? А если бы Инари где-то работал за десятерых, и ему бы тоже не стали платить, вам бы это понравилось?

— Но ему ведь заплатят! — возразил Тадзуна. Он занервничал и стал протирать очки платком.

— Ему заплатят за то, что он рисковал жизнью, защищая вас и вашу семью. А не за то, что он при этом еще и работал за десятерых.

В общем, пару зарплат за все время его работы я для Узумаки выбил. С учетом того, что его клоны наработали намного больше, старый строитель явно легко отделался.

К сожалению, большего добиться от Тадзуны мне не дал сам Наруто.

Кстати, уже после торгов я вспомнил, что где-то читал или смотрел о том, что вроде именно работники из Страны Волн потом помогали восстанавливать Коноху после Пейна. Сомневаюсь, что они делали это бесплатно. Может, тогда Наруто поумнеет?

Если мы до этого доживем, конечно...

Посидел на пеньке на дорожку, изобразив, что вытряхиваю из ботинка камешек, а потом побежал догонять.

Мост оказался не таким длинным, черепашьям шагом мы преодолели его меньше чем за десять — пятнадцать минут.

Я как раз шел рядом с повозкой Юсуо, когда Кери воодушевленно взглянул вперед, выпрямил спину и, крепче сжав вожжи, сказал:

— Юсуо-сама, мы уже в Стране Огня!

— Разве берег не является частью Волн? — начал тупить зевающий родич Торы. — Где тут граница? — лениво посмотрев по сторонам, выдал толстый.

А и правда, где? Ни столбиков, ни полосатой будки со шлагбаумом, тихо цокнул, прислушался. — Да тут кроме нас вообще никого!

— Обычно мы не охраняем границы страны, — вдруг начал вещать Хатаке. — Охранять все границы огромной страны — на это никаких ниндзя скрытой деревни не хватит.

Конечно, ситуацию немного исправляют кланы шиноби, живущих в приграничье, у пересечения самых крупных дорог, у ценных промыслов, рудников и промышленных производств, но их тоже недостаточно. Поэтому мы охраняем только стратегически важные объекты — крупные поселения у важных дорог и мостов, производства и города, Дайме, и, разумеется, саму Коноху.

А я задумался над тем, кого Собакин копирует и кого он мне напоминает...

И тут до меня дошло — меня самого! Он копировал меня вплоть до жестов! Какаши что, решил таким образом детей или феодалчика впечатлить?

— Какаши-сенсей, вы сейчас совсем как Ирука! — радостно озвучил мысль Наруто, а меня пробило на хи-хи.

— Только лучше! — поморщившись и глядя на меня, бросила Сакура.

— Не сказал бы, что лучше. Ирука-сенсей объясняет интереснее и понятнее, — не согласился с ней Саске. Судя по эмоциям, Учиха был уверен в своей правоте.

Я даже фляжку мимо рта пронес.

— Спасибо, Саске.

Макуто, сидевший на козлах соседней повозки с очередной горстью трав, поднял голову и посмотрел на Хатаке.

— Он заучивает движения, но не понимает смысла, — сказал он тихо, так, чтобы слышал только я.

Я хмыкнул.

Какаши, разобидевшись, гордо, но как-то удрученно ушел в хвост каравана, а потом Сакура разговорилась с какой-то девочкой, и Саске с Наруто остались со мной.

Покосившись на розововолосую, я попросил их прибавить шаг, чтобы оказаться подальше от телег.

— Так, ребята, — чуть наклонился я, — мне не хочется вам этого говорить, но надо.

Мальчишки настороженно посмотрели на меня.

— Ирука, в чем дело? — с тревогой спросил Наруто.

— Помните, я говорил, что здесь могут появиться каратели из Кумо или Кири?

Блондин и красноглазый почти синхронно кивнули.

— Если это произойдет, мы должны будем спешно драпать в Коноху.

— И бросим караван? — спросил Наруто. Ему сильно не нравилась такая перспектива.

— Придется, — вздохнул я. — Но выше нос, мелкий. Все будет хорошо с караваном. Целью вражеских шиноби будем мы. Но все это может и не случиться. Так что если увидишь шиноби Кири или Кумо, не бросайся слепо в атаку, а сматывайся, куда я покажу. Как говорил персонаж одной из историй: Постоянная бдительность.

— А что это за история? — улыбнулся Наруто.

— Она о мальчике, который выжил, и о злом колдуне, имя которого люди боялись называть. Но сначала давайте переберемся поближе к голове этой вереницы.

Дорога в Коноху первые дни была для меня очень напряженной. Я сначала уже даже решил было поговорить с Сакурой на тему «увидишь врага, беги и не оглядывайся», но уже когда я подходил к ней, она бросила на меня неприязненный взгляд и убежала в конец каравана, к Собакину, фоня раздражением и злостью.

И я подумал — а оно мне надо? Если я сейчас скажу розовой держаться в голове каравана, то она запросто может пойти и пожаловаться Собакину. Ну а тот легко может назначить меня в хвост каравана. Просто чтобы я не сбежал, если начнется бой. Хотя именно это я и планирую сделать, если появится команда из Кири или Кумо. Наруто меня не бросит. Значит, я и он можем погибнуть из-за моего стремления спасти Сакуру. Она заслуживает таких жертв? Положа руку на сердце — нет. А значит — бог ей в помощь, а я ей ничего говорить не буду.

Какаши, будто делая мне одолжение, призвал собак, когда я прямо сказал, что только с их помощью можно обеспечить нормальное наблюдение за караваном. Вместе с ними он болтался у самой последней телеги и приглядывал за Рогу. Саске с Наруто, по моей просьбе, напросились в разведчики, а я остался около головной повозки, хоть общество всегда надутого и спесивого Юсуо меня и напрягало. Сидел я на крыше их небольшого крытого фургончика и писал, часто сканируя местность.

Первые же дни путешествия показали — оно будет ужасным. Мне не приходилось скучать. Постоянно возникали проблемы, которые Его Величество Песий Сын решать не хотел. Возни с караваном было — словами не передать. Ну, точно не цензурными! Люди тащились неорганизованной толпой, перегораживали друг другу дорогу, пихались и пинались, несколько раз вспыхивали драки, были обвинения соседей в воровстве, постоянная ругань и бардак.

Мой прогноз в целом оправдался — мы ползли очень медленно. Спустя три дня после выхода из деревни у границ Волн я стал постоянно направлять в патрули в голову каравана Наруто и Саске, а сам непрерывно нервничал. Но четвертая ночевка вполглаза прошла без проблем, а потом и пятая. Я начал думать, что шиноби из Кири просто запаздывают. Или просто задержались с расследованием. А значит — нам меньше придется драпать до Конохи. Вот только пленного все равно придется убить... Он хоть и отощал на «щедрой» баланде из объедков, но на горбу его переть, спасаясь бегством, я бы точно не решился.

Рогу сначала держался довольно бодро, но травмы и печать на спине сильно усложняли ему жизнь. Он стал походить на несвежего зомби.

Ему не давали нормально поспать, кормили чем попало, да и поили редко. Во время дождя Рогу никто не пускал в крытые телеги, он оставался на улице. Тогда он опускал голову, чтобы вода стекала по волосам, захватывал потрескавшимися губами прядь и так пил, иногда заходясь в громком кашле.

Это не я такой жестокий, это по правилам так требовалось делать, чтобы минимизировать угрозу от пленного. Вечно клюющее носом и недоедающее существо с обреченным взглядом менее опасно, чем здоровый противник, хоть со связанными руками, хоть с печатью, хоть со всем вместе.

Кстати, для ребят это стало еще одним неприятным, но полезным уроком — ведь с ними было бы то же самое, попади они в плен к Охотникам. Если не хуже.

А вот в одной из деревень нам чуть не пришлось остаться на недельку — другую, потому что единственный в округе мост сгорел.

Поначалу я не придавал значения большому почерневшему дереву далеко впереди у дороги, а мальчишки и ребята людей из каравана побежали посмотреть поближе.

— Там нет моста! — сообщил нам прибежавший клон Наруто.

— Как это нет?

— Ну, просто нет, даттебайо!

Моста действительно не оказалось. Все, что осталось от него, — это угли да редкие подкопченные доски.

Через некоторое время караван встал окончательно, и люди вышли посмотреть. Постепенно нарастала шумиха. А у меня над головой словно нависла тяжелой, но невидимой тучей обреченность. Нам нельзя терять ни секунды, и эта задержка может стать фатальной!

Заглянув в расщелину, я краем глаза заметил Какаши, который перепрыгнул на другую сторону.

— Хатаке-сан, вы сумеете сделать достаточно прочный мост дотоном?

— Уже делаю, — презрительно фыркнул Чучело.

Сначала два его клона притащили три бревна, а затем джонин быстро сложил несколько печатей. Земля под нами затряслась и пошла трещинами. Каюсь, я подумал, что Хатаке решил одним махом угробить всех, чтобы домой налегке вернуться, но это было не так. Слева и справа от дороги чуть просела земля, бревна опустились ниже, а поверх них образовался ровный широкий пласт из грязи, камней и песка вперемешку с сухой травой.

Какаши пришлось держать землю чакрой, пока по ней не проехала последняя повозка, после этого он сел на камень, сказав, что подождет, пока не двинется хвост колонны. На самом деле он просто отдыхал. Заметив, что Хатаке зажевал чакровосстанавливающую пилюлю, я только покачал головой.

Устроил шоу на пределе возможностей, хотя мог бы меня и детей попросить помочь. Да хотя бы не самому высушивать землю, а припахать к этому делу Саске и Наруто, которые неплохо владели элементом огня. Хотя, честно говоря, Наруто — скорее плохо. Но это ему в данной работе не помешало бы — с его-то резервом!

После этого все дети, которые были в караване, начали доставать джонина. Просили фокус показать или просто болтать с ним пытались. Я только посмеивался, пока Какаши не напугал ребятню и ближайших взрослых своим Ки. Но детей таким не проймешь, и уже на следующее утро они, хоть близко и не подходя, крутились около Хатаке. Чучело было не жаль, но я решил чем-нибудь занять разномастную детвору, пока Какаши в конец не озверел и не начал раздавать подзатыльники. Пару раз мне даже приходилось выдергивать детишек из-под занесенной руки. Коротенькие сказочки, мелкие трюки вроде уличной магии помогали

управлять детворой, а вечером их разбирали родственники, а разведчики слушали сказ про героя магической Британии.

В один из дней нас застал дождь прямо в дороге, а Хатаке снова выпендрился и выбился из сил, превращая жижу в, так сказать, проезжую часть.

Фургоны выстроили кругом, сверху натянули брезент с большой круглой дырой в центре, под ней, в небольшой ямке, обложенной наспех собранными камнями, разожгли костер.

Макуто подошел ко мне, когда я сидел у огня и правил черновик книги. Он протянул мне кружку с горячим отваром.

— Выпей, — сказал он. — Голова болеть перестанет.

Я взял кружку и сделал глоток. Горько, но согревает.

Когда наступил вечер, кто-то начал рассказывать страшилки. Ерунду всякую вроде черного гроба на колесиках, красной руки, синей комнаты и тайны желтого пятна. Ну, по-моему, уж последнее точно не тайна, и его происхождение довольно прозаично и дурно пахнет. Такие страшилки меня только в лагере пугали, да и то недолго. А уж на фоне реальных проблем эти ужастики и рядом не стояли.

Когда очередная страшная история закончилась, я тихо хихикнул, прикусив язык, чтобы не заржать, как псих.

— Вы находите этот рассказ смешным?

— Они все рассказывают такие детские, смешные, совсем нестрашные истории, — не сразу сообразив, кто именно спросил, ответил я.

— Мма, вы расскажете одну из своих сказочек? — сказал Хатаке, давя ухмылку.

Наш разговор услышали, и Наруто тут же скорчил хитрую рожицу, беззвучно сказав: расскажи.

Макуто сидел на земле, обхватив колени руками. Он посмотрел на меня и кивнул — мол, давай.

Я убрал листы, фонарик и карандаш в сумку, сел на поваленное дерево и огляделся. Во взглядах, обращенных на меня, было любопытство и немного страха от предыдущей истории про черного кролика с одним синим и вторым — красным глазами.

Поначалу я хотел воспользоваться «экраном», но в последний момент решил обойтись без картинок. Дарить свою, пусть и не слишком крутую, но все же полезную технику Хатаке я не собирался.

— Говорят, что в Ультхаре, — постепенно переходя на громкий шепот, начал я рассказ, — городе, расположенном за рекой Скай, никто не имеет права убить кошку; и я могу охотно поверить в это, когда пристально всматриваюсь в кошачьи глаза, блестящие в ночи из темных подворотен и с покатых крыш.

От резкого порыва ветра вдруг звонко хлопнул брезент, и костер качнулся, роняя мелкие искры в сырую траву.

Кто-то икнул, а я начал ощущать первые отзвуки чужого страха.

— Ибо кошка таинственна, загадочна и близка ко всему, что не дано постичь человеку. Она — душа древнего Египта, хранительница легенд забытых всеми городов Мери и Офира. Она — родственница диких кошек из сырых и душных Джунглей. И наследница тайн зловещей седой Африки, что сгинула в песках, на которых ныне стоит Страна Ветра. — разошелся я. — Сфинкс — ее двоюродный брат, и они говорят на одном языке, но кошка древнее Сфинкса и помнит то, что тот уже позабыл.

Отвлекаясь на слушателей, я спросил их чуть громче:

— Вы ведь помните историю о Египетском Сфинксе, которую я рассказывал раньше?

Многие вздрогнули, а затем дети и даже некоторые взрослые закивали. Кто-то даже заикаясь пробормотал: «...утром ходит на четырех ногах, днем на двух, а вечером на трех», «человек».

Макуто сидел неподвижно, глядя в огонь. Он не боялся, но слушал внимательно, как слушают информацию, которая может пригодиться в будущем.

— Верно, — похвалил я, даже не обернувшись на голос. — В Ультхаре, — переведя взгляд на вытянутое лицо Хатаке, я чуть не запнулся, — еще до того, как власти запретили убивать кошек, жил один старик со своею старухой. Они обожали отлавливать и убивать соседских кошек.

Люди отпрянули, а я продолжил с таким постным и тоскливым видом, будто те пенсионеры и моего кота убили.

Когда история закончилась, некоторые шепотом молились, а самая младшая из девочек разрыдалась в мамин передник.

Это было так странно, что на автомате я стал осматриваться в поисках тех, кто не испугался. Заметив перекошенную морду Паккуна с высунутым языком и выпученными глазами, я глянул выше, потому что кто-то держал его на руках. Каково же было мое удивление, когда я заметил побелевшее

лицо Хатаке, который тискал мопса, как испуганный ребенок любимую игрушку после страшной истории. Сказать, что я удивился, — это ничего не сказать.

Получалось, что мне не показалось! Хатаке, как и всех остальных, действительно напугала страшилка Лавкрафта! Это было выше моего понимания. Ладно дети, ладно крестьяне, которые читают через одного и боятся всякой ерунды, но Какаши-то чего так трусит?

На освободившееся около меня место плюхнулся Наруто и восхищенно протянул дрожащим голосом:

— Круто! А это правда, ну то, что ты про Страну Ветра сказал? До них действительно раньше была Страна Египта?

Все прислушались, даже Хатаке отмер, а я как можно беспечнее улыбнулся и помотал головой.

— Нет, не правда. Я эту историю только что выдумал. Правда, страшно получилось?

Всеобщий вздох облегчения, и ругань сквозь зубы были мне ответом, а Наруто, наоборот, самодовольно улыбнулся, будто совсем не испугался, а с самого начала знал. Просто подыгрывал. Саске подсел ближе к огню и, беззвучно потирая руки, повернулся к нам ухом. Сакура недовольно поморщилась, но тоже под села поближе.

— А У... Утхара тоже не существует? — раздраженно спросила она, явно для галочки, а не потому что сильно интересно. — И Сфинкс?

Я помотал головой.

— Не-а. Думаю, мы все бы знали, если бы в Стране Ветра были пирамиды и статуя размером с приличных размеров дом, в виде льва с человеческой головой и звериным телом. А уж живое чудище точно...

— Пф, дикость какая, — чертыхнулся Какаши, сбив меня с мысли, и, отпустив собаку, куда-то ушел.

Макуто поднялся, подошел к костру и бросил в него несколько сухих листьев. Они вспыхнули с легким треском, и по поляне поплыл успокаивающий запах. Я вспомнил — это те самые листья, которые он собирал утром. Сказал, что помогает от страха и напряжения.

Такие вечера здорово расслабляли, потому что сонные люди не настроены на долгие скандалы, а значит, и нервы они мне трепали меньше.

Возня с караваном отнимала кучу времени, но я старался любую свободную минутку посвятить тренировкам, потому что банально боялся.

По меркам шиноби ушли мы совсем не так далеко, как бы мне хотелось от границы со Страной Волн, и нагнать нас могли в любой момент. Я старался не показывать вида, но Наруто все чаще бросал на меня тревожный взгляд. Да я и сам понимал, что красные глаза и круги под ними не самая лучшая иллюстрация для слов «со мной все в норме». Спал я в последнее время по паре часов, постоянно сканируя округу. Хатаке откровенно посмеивался, но ничего не говорил.

В одну из ночей я просто вырубился от дикой боли в голове.

И как мне показалось, тут же проснулся. Как бы не так...

Макуто, дежуривший в ту ночь, подошел к моему лежаку и положил на лоб прохладную тряпицу, смоченную в отваре. Он не будил меня, просто сидел рядом, пока я метался во сне, и время от времени менял компресс.

Ночная улица напоминала сцену из ужастика: всюду кровь, отрубленные конечности, мертвые, словно ежи, утыканные кунаями, сенбонами и

прочим железом. И везде: на изуродованных огнем и другими техниками домах, на флагах, на одежде мертвых, даже на фонарях был один и тот же знак — красно-белый веер клана Учиха.

Кстати, как это странно, почему столько «контрольных»? Для убийства хватит и одного куная, десяток не нужен...

Несмотря на то, что это был сон, он ощущался так же, как реальность, что сильно путало. Я даже чувствовал жар и холодный ночной воздух на своем лице. Во сне даже можно было определить направление, посчитать, сколько пальцев на руке, не сбившись, но одно оставалось неизменно — любой текст невозможно было прочесть. Так для меня в неразборчивое пятно слилась табличка над закрытой лавкой. Так я окончательно понял, что сплю.

— Неужели, — прошептал я и метнулся в тень, прижавшись к стене дома, пока меня не заметили.

Черноволосый парень лет четырнадцати, может пятнадцати, в сером АНБУшном жилете стоял над ребенком, очень похожим на Саске. Он что-то говорил, но я почти ничего не мог разобрать. Зато влажный хруст рядом я слышал отчетливо, а потому поспешил убратсья подальше, мало ли. Говорят, что во сне можно умереть всаправду. Проверять не хотелось.

На четвереньках, чтобы не светиться в выбитых окнах, я подполз к стене, продырявленной в нескольких местах. В почти круглом отверстии было видно задний двор дома, там сражались двое мужчин, одетых в домашнее кимоно, и какое-то непонятное существо. Оно было похоже на гигантскую венерину мухоловку-мутанта. Существо носило черный плащ с красными облаками, обведенными белой каймой. Мужчины успешно теснили монстра, но на них со всех сторон набросились точно такие же белые твари, только без плащей, и задавили Учих числом.

— Акацуки, — сокрушенно выдохнул я, когда существо добило последнего Учиху и, оторвав ему голову, принялось жрать руку мертвеца. Второе существо появилось около трупов слева в проломе забора и, забрав

головы, прыгнуло на крышу. Я уже видел подобных тварей раньше, но только на картинках, а не в реальности.

Решив, что соседство с еще не обезглавленными трупами небезопасно, а именно такие пилились в потолок немигающим взглядом красных шаринганов, я пополз дальше. Под руками я чувствовал шершавую поверхность татами, покрытую разным мусором, а кое-где и липкими пятнами крови, но я не останавливался, пока не оказался на улице. Бегло осмотревшись, метнулся в сторону ворот соседнего дома.

Быстро вытерев ладони об штору на входе, я осмотрелся. Внутри дома не было ни одного трупа, и я решил остаться тут, пока сон не кончится.

Сидя в самом дальнем углу, я смотрел в большую дыру в потолке справа от меня. Так сказать, контролировал все входы и выходы.

Но отсидеться мне не дали.

— Нашел, — будто маньяк, протянул худой и жилистый парень в форме АНБУ, который только что выбил ногой хлипкие двери в зал.

Поначалу я подумал, что это Итачи, но потом узнал высокий каштановый хвост и маску. Точно такая же валялась у меня дома.

— Прячешься, как крыса по углам. Страшно, да?

— Это, скорее всего, даже не сон, а просто иллюзия, — прошептал я себе под нос.

Собрав волю в кулак и максимально гнусно улыбнувшись, я встал и спокойно отряхнулся. Грязь чудесным образом исчезла, тем самым подтвердив мои догадки.

— Да, честно говоря, поначалу испугался. Думал — я снова дома.

— Ты о чем, демон? — злорадства и уверенности в голосе Ируки слегка поубавилось.

— Я о доме, милом доме, — уже куда более уверенно сказал я, одновременно изображая ностальгию. — Смотрю: кровь, трупы везде, гарью пахнет, жрут кого-то без соли и перца — все так мило, домашнему. Неужели государственный праздник? А я не в парадном! Не праздную, не жру никого, не калечу и не убиваю! Позор! Что обо мне окружающие подумают!?

Похоже, морда Ируки под маской вытянулась, а глаза стали почти такие же круглые, как дырки для них в маске.

— Ты... ты врешь! Ты же простой гражданский, я знаю!

Качаю головой, будто с дураком разговариваю, который прописных истин не понимает, и мило улыбаюсь.

— Дурак, ты же меня сам демоном назвал, нет? — обвожу взглядом панораму, видную сквозь развороченную стену, которая только что пропала вместе с забором под градом крупных огненных шаров. На землю в жирный пепел грузно обвалилось мертвое тело. А по улице прошел тип в серой маске с темными разводами в виде спирали вокруг единственного глаза в маске.

— Решил меня своим стра-а-ашным и крова-а-авым, — кривляясь, глумливо растягивал я слова, — прошлым напугать? То, что ты шакалил рядом с Хозяевами, — указал большим пальцем назад, в сторону, где последний раз видел типа в серой маске, — не делает тебя великим или хотя бы сильным.

Ирука, кажется, окаменел. Пока он тупил, я задумался.

Интересно, а тип в маске здесь — это непонятным образом живой Обито, как я читал в прошлом, или кто-то другой? Например — Мадара?

— Знаешь, о чем я думаю, — прервал я затянувшееся молчание, потирая подбородок.

— О-о чем? — заикаясь, спросил все еще зависший Умино.

— О том, что ты жалкий неудачник. Ты хоть шаринганов-то для себя наковырял? Вон, валяются бесхозные. Неужели не додумался? Или, скорее, просто трусил, а?

— Что? Н-нет, Данзо-сама... — проблеял растерявший всю уверенность оперативник Корня.

Ну, или то, что от него осталось.

— Данзо-сама то, Данзо-сама се, — передразнил я. — Да ясно все. Как ничтожный приспешник, ты отдал все хозяину, — издевался над ним.

Сунув руки в карманы, но не глубоко, чтобы можно было легко вытянуть, подошел ближе. Ирука наоборот сделал несколько шагов назад, к дверям.

— Хороший песик... Жалкий, бесхребетный песик. Половичок, о который вытирают ноги. Но хоть понимаешь законы мироздания. Это похвально, — кивнул и пнул кусок черепицы, неведомо как оказавшийся внутри дома.

— Слабый служит сильному, — продолжил я поучать, — и питается объедками с его стола.

Ирука, сделав еще на пару шагов назад, замер. Но он справился с собой.

— Да ты сам не лучше! — завопил Ирука. От прежнего обличительного пафоса не осталось и следа.

Я хмыкнул, кривя рот в язвительной ухмылке.

— Ты также юлил перед Данзо и даже перед этой псиной Хатаке! — чуть ли не визжал Умино.

— Ага, — счастливо улыбаюсь острым, звериным оскалом и воображаю дальше, изменяя свой вид.

Из волос должны были показаться мохнатые серые уши, а глаза стать кислотно-зеленого цвета и светиться в темноте. Судя по тому, что Ирука отшатнулся, все выдумки воплотились так, как надо.

— А что тебя смущает? — становлюсь прямо перед ним и почесываю голову.

Рука наткнулась на что-то очень похожее на собачье ухо с жесткой шерстью.

— Так и должно быть, — сказал я, опуская руку, теперь покрытую серо-коричневой шерстью. — Прогибайся перед сильным, — изобразил поклон дворецкого из благородного английского дома, но головы не опустил, — выпрашивай у него подачки, — сложил лапы как собака, изобразив преданный и умный собачий взгляд, — и жди, когда появится возможность предать Хозяина с выгодой для себя. — хлопнул в ладоши и развел руки, точно Тони Старк на сцене.

Ирука смотрел на меня, боясь пошевелиться.

— Тот, кто низко кланяется, и ударить может не выше пояса, — изобразил такой удар и деланно скривился. — В солнышко получить не так больно, как промеж ног.

— Так в чем между нами разница? — продолжал тупить Умино, дико пялясь на метаморфозы, которые я учудил. А я продолжал ломать навязанную мне картину мира.

— В том, кретин, что я работаю на себя, — распрямившись, ткнул в свою грудь пальцем, — и помню о том, что нельзя упустить момент для выгодного предательства. А вот ты об этом забыл, жалкий червь. Помнишь, как я избил Хатаке? Помн-и-ишь? — злобно шиплю.

— Д-да-а... — делая шаг назад и сглатывая, блеял Ирука.

— Я помню, как ты радовался. А ведь ты сам бы не смог избить и унижить раненого шиноби Конохи, потому что ты бл-а-агородный, — издевательски протянул я, чувствуя, что играю на пределе. — У тебя эти,

как их там... Забыл это матерное слово. А! Идеалы! Тьфу, мерзость какая! — скривился, будто раздавил в руке гнилую и червивую грушу.

Пусть я так не думал на самом деле, но роль требовала именно этих слов и брезгливой мины.

Стена за спиной Ируки тихонько, без шума и пыли, упала, как в старом шутере, а все вокруг поплыло, стало нечетким, словно в тумане.

— Чем ты меня решил напугать, Умино Ирука? — подошел к нему вплотную чуть ли не касаясь носом фарфоровой морды. Ирука, как ошпаренный, отскочил.

— Забавным клоуном в маске? Наивным дурачком Итаци, которого все использовали как хотели? Этой милой, такой домашней резней? — изобразил довольное урчание. — Или этим плотоядным цветочком?

— Ты... Я сражался! Я сильнее! Ты всего лишь...

Громким, злорадным смехом, исполненным в лучших традициях киношных злодеев, я прервал его бессвязный лепет.

— Демон, да? Ты же сам меня так назвал. Может, ты еще обратно свое тело хочешь?

Ирука сжимал кулаки в бессильной злобе, но ничего не делал.

А вот я, как умел, гнусно улыбнулся:

— А не-по-лу-чи-шь! — проговорив по слогам, показал язык. — А хочешь, — весело воскликнул, — я тебя прямо здесь убью, а? Хочешь умереть? Ведь хочешь?!

Безбашенно скалясь в маньячной улыбке, я представил, как когти на руках начали светиться потусторонне-зеленым цветом. Взмах, светящийся, как от фонарика, росчерк в воздухе — и маска брызнула осколками, но ее кусочки исчезли, так и не коснувшись пола.

— Нет! — заслоняя руками лицо, крикнул Умино. — Прочь! Сгинь, демон!

— Я не сгину! Никогда! — рыкнул я, а бывший владелец тела пропал, не издав ни звука, будто его тут никогда не было.

Резко выдохнув, сжал зубы, опустив ставшие нормальными руки.

— Теперь это мой мир, — прошипел, зло пялясь в серую хмарь. — Не твой.

Какое-то время декорации еще держались, а затем пропали в черно-серой пелене, которая незаметно для меня стала светом, пробивающимся через закрытые веки.

Выдохнув весь воздух, что даже голова закружилась, я почувствовал настоящее тело. Под лопаткой смятый футон, нога во сне вылезла на волю. Брезгливо поморщившись, оттер грязную воду рукой, зевнул.

— С добрым, блин, утром, — прошипел, потянувшись.

Рядом с лежаком стояла кружка с еще теплым отваром. Макуто, видимо, оставил ее перед рассветом, перед тем как уйти на утреннюю разминку.

Сегодня, будто специально, склоки начались с новой силой. Я пытался как обычно решить дело миром, но, в конце концов, просто запугал скандалистов и разогнал их в разные концы каравана. За-дол-ба-ли! Вконец.

Чувствуя себя котом, которому не дали почесать когти о шкуру противника, я весь день был дерганным и едва сдерживался, чтобы не начать материться. Зато до самого вечера тишина была идеальная, было

слышно только буйволов да лошадей, которые беспокойно вздрагивали и водили ушами, стоило мне приблизиться.

Если так пойдет дальше, я смогу довести какую-нибудь несчастную лошадку до разрыва сердца.

Встряхнув головой, вздохнул и пнул камешек с дороги в кусты.

Услышав звяканье, я обернулся. Бряцая потертыми кольцами на навершии деревянного посоха, ко мне подошел жрец из нашего каравана.

Этот пожилой, но не дряхлый для своих лет мужчина всегда был там, где были раздоры.

Он разрешал дело миром с легкой светлой улыбкой, когда я уже готов был убивать склочных мужиков-истеричек. То ли он и в самом деле был так безмятежно счастлив в этом бренном мире, то ли морщины так застыли на его лице, но я еще ни разу не видел его хмурым.

— Добрый вечер, — сказал он, чуть прищурившись, точно его ослепило солнце, мелькнувшее между темных облаков.

Скептически выгнув бровь, я кисло сказал:

— Рад, если для вас он добрый. Жаль, про себя не могу сказать то же самое, — раздраженно дернул я щекой, свернув свиток, который читал на ходу.

— Возможно, вам стоит немного передохнуть и посмотреть на все по-другому? — чуть наклонив голову, сказал монах, стараясь не отставать.

— Не подскажите, как именно? — с легким сарказмом поинтересовался я.

И, как ни странно, но монах действительно смог предложить мне что-то полезное. Свою разновидность медитации для «успокоения и просветления сознания». Правда, тогда я поблагодарил за совет его больше из вежливости.

— Спасибо вам, Сэтоши-сан.

— Мне больше нечем отплатить за свое спасение.

Он был в лагере рабов и увязался вместе со всеми в Коноху. Почему — я не интересовался, как-то не до того было, а потом было просто неудобно.

Макуто, проходивший мимо с очередным пучком трав, остановился и послушал монаха. Тот заметил интерес парня и улыбнулся.

— Ты собираешь растения, юный господин? — спросил Сэтоши.

Макуто кивнул.

— Тогда тебе стоит знать, что медитация на рассвете усиливает свойства трав, собранных до полудня. Попробуй.

Макуто задумался, потом коротко поклонился и пошел дальше.

В ходе нашей, немного затянувшейся беседы выяснилось, что не только шиноби и самураи, но и монахи знали, как пользоваться чакрой. Только их развитие пошло немного по другому пути. Монахи пытались достичь просветления с помощью медитативных практик, и в своей узкой нише смогли кое в чем превзойти даже шиноби, которые не были так сосредоточены на самопознании.

А еще монаха заинтересовали мои истории.

— Только не говорите мне, Сэтоши-сан, что мои истории и вас напугали,
— усмехнулся я.

— Понимаете, Умино-сан, — немного замявшись и тщательно подбирая слова, сказал монах. — Те истории, которые вы рассказываете, они очень

интересные и действительно жуткие, потому что, как бы это лучше сказать... слишком чужие. Они слишком отличны от того, к чему мы все привыкли. Они словно истории из другого, иного мира.

После чего со смешком добавил: — И, судя по тому, какие они страшные, там демоны живут, не иначе.

Я, внутренне вздрогнув, только безмятежно улыбнулся в ответ: — У меня хорошая фантазия, вот и все, Сэтоши-сан.

Только под вечер, перед привалом, мы закончили наш неожиданно полезный и интересный для меня разговор.

Вот есть же приятные собеседники и адекватные люди, с такими время утекает как сквозь пальцы вода! А не эти задолбавшие меня вконец скандалисты!

Больше из любопытства, чем реально надеясь на «исцеление», я отошел от лагеря подальше и, сев в позу лотоса, принялся тянуть на одной ноте мантру, которую подсказал жрец.

На удивление быстро я почувствовал себя лучше. И в голове прояснилось.

А на следующий день мы достигли первого относительно крупного (для местного захолустья) городка. Дорога, как тут часто бывает, проходила прямо через город. Когда мы сделали привал на площади, я заметил «фотороботы» преступников. Некоторые из них были похожи на тех, кто работал на Гато. Я старательно запечатывал тела всех десятников, бывших недошиноби, недосамураев и просто бандитов, которые выглядели постарше и поопытнее. Хорошо, что Наруто наделал мне целую кучу свитков — много народа поместилось. Путем перебора распакованных тел мы с начальником стражи наконец нашли нужных местной Фемиде покойников. Я долго провозился, но зато хоть деньги какие-то получил.

Впрочем, если за тело не будет награды, у меня все равно есть куда их девать — отдам ирьенинам для практики.

Макуто все это время стоял рядом и помогал переворачивать тела. Он не брезговал, не морщился — просто работал. Один раз задержался у тела молодого бандита, пристально посмотрел на лицо, а затем закрыл ему глаза и отошел.

— Знал его? — спросил я.

— Нет, — ответил Макуто. — Просто он похож на одного человека. Из моего клана.

На следующий день дождь застал нас в дороге. Пришлось делать привал и прятаться под тентом.

Сырые палки все никак не желали разгораться, Саске вызвался их чуть подсушить, но тут вышел Наруто и... Не успел я и рта раскрыть, как в кучку хвороста полетел огненный шар. Ветки разбросало, пепел повис в воздухе, и посреди этого я услышал тихое «упс, даттебайо».

Хорошо хоть, что с неба лило как из ведра, так что смыть грязь и пепел можно было, не тратя питьевую воду.

— Наруто, ты слегка перестарался, — присев рядом с виновато выглядевшим блондином, улыбнулся я.

— Я знаю. Я не хотел, — уныло ответил Узумаки.

— А если знаешь, то зачем сделал? — смахнул с волос блондина мусор.

— Я хочу овладеть элементом Огня, — раздосадованно буркнул мальчик.

— Наруто, при работе с техниками, особенно с теми, которые ты еще не освоил, нужно соблюдать осторожность.

— Я постараюсь, — все так же уныло пообещал Наруто.

— Кстати, а почему ты почти все время тренируешь огонь, а не, скажем, воздух? Ведь у тебя с ним получается гораздо лучше. Или не работаешь с фуиндзютсу.

Наруто помотал головой.

— Огонь — это круто, даттебайо! Те, кто хорошо им владеют, — настоящие шиноби Страны Огня. Их уважают, вот! Потому что видно, что в их сердцах горит Воля Огня, — явно процитировал кого-то мальчик. — А еще Огонь — сильнейший элемент, и владеть им — круто!

Я поднял бровь и скептически хмыкнул.

— Считаешь, что огонь лучше всех элементов?

— Да, — с жаром начал было говорить Наруто, но осекся. — Извини, Ирука, я не хотел тебя обидеть, правда. Но я думаю, что огонь — самый лучший элемент, даттебайо!

— «Даттебайо»?

Наруто тяжело вздохнул и пробормотал что-то вроде: «я больше не буду это говорить».

— На самом деле все элементы примерно одинаковые, — изобразил я на иллюзорном экране зависимость элементов друг от друга, — у всех свои плюсы и минусы.

Тут я заметил Хатаке, который очень пристально пялится на мое изобретение, и потому решил свернуть разговор:

— Катон не хуже и не лучше других. Дома мы подробно их все разберем, — прикрыв лицо рукой, будто зеваю, я прошептал: — Умение пользоваться элементом огня не говорит об исключительности шиноби, его выдающейся силы воли, любви к своему дому или остром уме. От того, владеешь ты катонном или нет, все это не зависит.

Потянувшись, сказал уже нормально:

— Но в целом катон полезный элемент, и если считаешь, что владение огнем докажет, что ты настоящий шиноби Страны Огня, то можешь продолжать. Только аккуратней — не сожги тут все, ладно? — зевнул уже по-настоящему. — Да что за день такой, все время засыпаю.

Однажды вечером мы сидели у костра, и вдруг Саске сказал:

— Я думал над тем, что вы говорили, Ирука-сенсей. Про команду.

Мальчик, на секунду задумавшись, пожевал губу.

— Я не хочу, чтобы мне кто-нибудь помогал. Я должен убить Итачи один.

Наруто посмотрел недоуменно, но ничего не спросил. Не такой уж он и нетактичный!

— Обязан, — тем временем продолжал Саске. — Это моя месть. Я должен его превзойти и убить. И никто более. Мне не нужна будет ничья помощь!

Теперь настала моя очередь серьезно задуматься. Наконец я, как мне показалось, нашел нужные слова:

— Хм... Саске, как бы тебе помягче сказать... Ты был лучшим учеником класса. Ты один из сильнейших гениев выпуска.

Саске слабо улыбнулся. Он все же был честолюбив, и ему нравилось, когда его высоко оценивают. А Наруто в это же время обиженно надулся. Похоже, он вспомнил Академию.

— Ты скоро будешь чуунином, — продолжил я, и самодовольная улыбка Учихи стала еще чуть шире.

— Но Итачи в твоём возрасте уже был капитаном АНБУ и, что важнее, — полным джонином.

Улыбку с лица Саске как ластиком стерло. Теперь он смотрел на меня словно я его оскорбил, раздраженно кривясь. А Наруто, напротив, с трудом давил улыбку и веселье.

Но я продолжил, безжалостно рассказывая очевидное.

— Итачи становился сильнее. Теперь он шиноби S класса. Причем сильно выше среднего. Тебе придется пройти долгий путь, чтобы хотя бы сравняться с ним нынешним. А он наверняка тоже не будет сидеть сложа руки, жизнь нукенина полна опасностей, нужно выживать. А значит, тренироваться и становиться сильнее.

— Я превзойду его, — сжав кулаки, упрямо сказал Саске.

— Не сомневаюсь, — ответил я. — Конечно, ты его однажды превзойдешь. Но как скоро это будет? А если он не доживет до этого времени? Быть нукенином опасно, — снова повторил я, чтобы до Саске дошло. — Опасно, даже если ты нукенин S класса. А вот вместе с сильной командой ты сможешь его убить, причем гораздо раньше, чем в одиночку. Саске насупился и призадумался.

Макуто, сидевший чуть поодаль и нарезавший травы, подал голос:

— Я охотился на нукенинов в одиночку, — сказал он ровно. — Это возможно. Но долго. И почти всегда получаешь рану.

Саске обернулся к нему. Макуто не смотрел в ответ — он продолжал резать стебли.

— Если бы у меня была команда, — продолжил он, — я бы убил их всех в первый год.

— Помнишь, я тогда сказал, что не обязательно играть по чужим правилам?

— Помню, — буркнул брюнет. — Я не буду делать того, чего он хотел!

Я, кивнув, продолжил:

— Мы шиноби. Мы не играем по чужим правилам, мы же не самураи. И не деремся «честно». Мы делаем все, чтобы победить. Хочешь убить его сам? Ты можешь победить его не только став сильнее его, но и создав обстоятельства, при которых он проиграет. Например — собрав команду, которая будет сильнее Итачи. Ты говорил, что хочешь возродить свой клан?

Саске непонимающе глянул на меня.

— А как ты его возрождать будешь, если погибнешь из-за своего юношеского максимализма? Бой насмерть — это не тренировочные пихания-толкания на полигоне в академии. Синяком ты точно не отделаешься. Думаешь, это будет славной победой — умереть от ран вместе с Итачи в общей луже крови? Или ты думаешь, что будешь настолько силен, что Итачи, нукенин S-класса, тебя даже задеть не сможет?

А что, если ты погибнешь, потому что некому будет прикрыть тебе спину?

А если ты будешь ранен и после победы не сможешь защитить себя от новых угроз?

Или тебе будет нужен медик?

С каждым новым вопросом глаза брюнета становились все больше. С этой стороны на свою месть Учиха раньше не смотрел, но сейчас задумался. Он осмотрел меня и Наруто так, будто впервые увидел. Похоже, он узрел в нас перспективу и возможную пользу. Ну, пусть пока хоть так.

Чем ближе была Коноха, тем меньше я волновался из-за погони. Я даже позволил себе расслабиться и стал реже сканировать окрестности.

Неподалеку от какой-то деревушки, название которой у меня вылетело из головы, мы повстречали команду Куренай. Она сбавила шаг, чтобы идти в ногу с Хатаке, а вот ее подопечные пошли дальше, к Седьмым.

Ну что я могу сказать? Сенсей команды номер восемь — красивая и эффектная женщина. Все при ней — и фигура, и лицо, и то, как она себя держала. Чуть шее себе не свернул, провожая ее взглядом. Почувствовал себя подростком, который на улице красивую девушку увидел.

«Слюни подбери, тут нечего ловить, — мысленно осадил себя. — Асуме я не конкурент».

Так как они тоже шли в Коноху, Юхи притормозила у хвоста каравана, возле Хатаке, дежурно пофлиртовала, а когда поняла, что тот не смотрит и не реагирует, начала спрашивать о том, как дела и прочую ерунду. Какаши тут же начал жаловаться на меня, даже книжку закрыл и начал жестикулировать. Вот что значит — задели Собакина за живое. Куренай сначала опешила от откровенности Хатаке, но потом начала что-то тихо спрашивать, что мне уже было не слышать из-за посторонних шумов. Хотя по обрывкам слов и так понятно, что обо мне. Юхи заинтересовалась, как Чучелу живется со шпионом от Данзо под боком. Неприятно было такое слушать, хоть и любопытно. А Куренай то ли недооценила чувствительность моего слуха, то ли не сочла нужным скрывать свое мнение обо мне. Обидно.

Разочарованно вздохнув, я наконец обратил внимание на восьмых.

Самым высоким среди подростков был Шино, он подошел первым, а за ним подтянулись и остальные.

Спокойный и сосредоточенный, Абураме вежливо поприветствовал «седьмую команду» в стиле Йоды и отошел в сторонку — наблюдать. Краем глаза я заметил, как из широкого ворота его безразмерной куртки, похожей чем-то на смирительную рубашку, вылетело что-то, издалика похожее на хорошо откормленных мошек. Скорее всего, это были те самые жуки. В дрожь бросает от одной мысли, что в твоём теле живут насекомые.

Макуто заметил того же жука. Он проводил его взглядом, потом подошел к Шино и спросил что-то о паразитах и их устойчивости к ядам. Абураме, явно удивленный таким вопросом от «гражданского» мальчика, ответил сдержанно, но подробно. Я услышал обрывки разговора — Макуто спрашивал о том, можно ли использовать хитин жуков для лекарственных мазей. Шино задумался и сказал, что это возможно.

Робкая Хината, безостановочно теребя завязки капюшона, молча пристроилась справа от Наруто. Жутко краснея и заикаясь, она прошептала приветствие и затихла.

А вот Киба сразу, как Акамару сделал свои дела на придорожное дерево, шлепнул его себе на голову и начал докапываться, иначе и не скажешь, до Наруто с Саске, уверяя их, что стал в десять раз круче. В десять раз зловонней — верю. Круче — сомнительно. От мальчика ощутимо припахивало собачатиной, не до слез, конечно, но все равно приятного мало.

Киба вызывал стойкую ассоциацию с киношными оборотнями, потому что у него были вертикальные звериные зрачки в каре-желтых глазах и ярко выраженные клыки. А еще напоминал принцессу Мононоке из мультфильма Миядзаки. Но не только из-за вытатуированных на щеках красных треугольников, а потому, что вел себя Инузука хамовато и нагло, как она.

Зверушка принца Инузуки, Акамару, меня не впечатлила — слишком уж песенок был похож на беспородную дворняжку. Ничего выдающегося, пока собачонка не зевнула. Черная пасть открылась, показывая ряды мелких, острых белых зубов почти на девяносто градусов, я такой зевок только у тасманийского дьявола по ВВС видел.

Щенок на равных с людьми участвовал в разговоре, тьякал, рычал и даже фыркал. Иногда казалось, что он вот-вот заговорит.

Макуто достал из кармана кусок вяленого мяса и протянул Акамару. Пес понюхал, взял из рук и сожрал в один присест. Киба посмотрел на Макуто с уважением — такого его питомец признавал не каждого.

Этот балаган Саске терпел с трудом, а вот Наруто уже начал заводиться, повышая тон.

— Киба, успокоиться должен ты, — одернул его Абураме. — Бахвалиться силою своей истинный шиноби не должен.

— Вот именно! — горячо поддержал Наруто, соглашаясь с жуководом.

Саске только довольно ухмыльнулся, глядя на мгновенно вскинувшегося на Шино Инузуку и тут же недовольно посмотревшего на Узумаки.

Огрызнуться на Абураме Киба не решился, потому прицепился к Наруто:

— Да что ты...

— Хватит, — сказал я, громко хлопнув блокнотом, прервав его. — Шинокун прав. Хорошие шиноби скрывают свою настоящую силу, чтобы удивить противника. А следовательно — и победить его. Хвастовство до добра не доводит.

Блондин выглядел счастливым, шаринганистый брюнет довольно фыркнул, хоть по лицу этого и нельзя было сказать. Киба же, прищурившись и зарывав как его питомец, заскрипел зубами. Он явно хотел сказать что-то еще, но, исподлобья взглянув в мою сторону, махнул рукой.

— Пойдем, Акамару.

Но стоило мне отойти, как Киба вернулся обратно, на этот раз вызвав Наруто и Саске на тренировочный бой.

— Я вас обоих на лопатки положу!

— Киба-кун, — негромко окликнула Куренай, — хватит.

И тут я смог рассмотреть ее поближе.

На любой другой платье из ленточек и с одним красным рукавом смотрелось бы как шутовской наряд, а Юхи оно шло. Плотные широкие полосы белой ткани с черным рисунком, похожим на стебель розы, обтягивали аппетитную фигуру и не оставляли места для фантазии, а иссиня-черные локоны подчеркивали аристократичную бледность. Вообще сочетание белого, черного и красного всегда смотрится эффектно, а уж на такой красавице — просто шикарно. А еще я заметил, что у Юхи темно-алые глаза, на секунду подумал, что шаринган, а потом вспомнил, что — нет. Просто такая радужка.

Из вежливости я сделал парочку комплиментов, уже, можно сказать, павлиний хвост распустил, а в ответ получил такую же вежливую улыбочку и неприязнь в плане эмоций.

Вдвойне неприятно. И тут я, не то чтобы в отместку, но решил поэксплуатировать таланты Юхи.

— Куренай-сан, вы не могли бы нам помочь?

Вспыхнув на миг удивлением, она спросила: чем. Я спрыгнул на дорогу и попросил следовать за мной.

Мокрый от мытья суйтоном, Рогу бездумно пялился под ноги, не особо шустро перебирая связанными на уровне колен ногами. Стреножили его еще в Волнах, чтобы не бегал, там же ему на руки одели кусок тряпки и хорошенько привязали — это сделали, чтобы фиги не крутил.

Макуто стоял неподалеку от пленного и смотрел на него долгим взглядом. Я знал этот взгляд — он оценивал, насколько еще опасен Рогу.

Скривившись, Юхи вопросительно глянула на меня, а затем на подошедшего Хатаке.

— Если вам не трудно, набросьте какую-нибудь иллюзию, чтобы он сидел смирно.

— Не заметила, что он куда-то рвется, Ирука-сан.

Кажется, Рогу не обратил внимания, продолжив сосать засаленную прядь. Он был как животное, причем сравнить его хотелось с отощавшей коровой, больной чахоткой: взгляд тупой в никуда, ноги еле переставляет, хрипит и кашляет. Но это далеко не так.

— Он хорошо прикидывается, — сложил я руки на груди, а Наруто густо покраснел и опустил голову. — Макуто, подтверди.

— Да, — коротко ответил парень. — Он пытался связать клона. Следи за его пальцами.

Юхи вздохнула и так что-то наколдовала. Нукенин вдруг дернулся, застыл, будто у него вместо позвоночника палка, и потом мешком обвалился в сырой песок.

После этого Куренай решила, что им пора.

— И так слишком задержались, — мило улыбнувшись подошедшему к нам Хатаке, сказала она. Но Чучелу было плевать, он что-то нечленораздельно бурканул, повернувшись на пятках и уткнувшись в книгу, снова ушел в хвост каравана.

Юхи поморщилась и прибавила шаг, а вот детвора чуть подотстала, потому что Хината решила попрощаться со всеми нами по отдельности. Когда очередь дошла до меня, Хьюга облегченно вздохнула, а я улыбнулся. Девочка удивленно-испуганно сделала шаг от меня и побледнела. Слегка покачав головой, я кивнул в сторону Наруто и беззвучно прошептал: «Расскажу». У девочки было такое лицо, будто она сейчас закричит дурным голосом. Настоящий ужас. Но она не издала ни звука и умчалась, чуть не сбив с ног плетущихся за Куренай Шино и Кибу.

Макуто, проходивший мимо, на секунду задержался около Хинаты и сказал:

— Он не знает. Ирука-сан пошутил.

Хината вспыхнула так, что, казалось, ее лицо сейчас загорится, и побежала еще быстрее.

На самом деле я не собирался рассказывать, просто подумал, что пусть лучше Хината думает, что Узумаки знает о ее симпатии, может, она будет меньше стесняться. А вот Наруто надо попросить относиться к Хинате еще более дружелюбно, может, он тогда поймет, что лиловоглазая принцесса к нему неровно дышит.

— Ирука, а что это с Хинатой-чан было?

— Потом поймешь.

— Ирука, скажи!

— Не-а.

Стоит подвести Наруто к этой мысли окольными путями. По себе знаю — такие вещи узнавать от кого-то постороннего не очень приятно.

На исходе третьего дня показались ворота Конохи. Лес, дорога, караван, бах — и вот перед носом исполинские створки и стена высотой с небольшой небоскреб.

— Дома, — вылезла на лицо непрошенная улыбка.

Макуто стоял рядом со мной, глядя на ворота. Его лицо было спокойно, но я заметил, как он чуть расправил плечи и проверил крепление танто. Для него Коноха не была домом — но здесь были Ирука, Наруто, Ода-сэнсэй и Ичираку. Это было больше, чем он имел два года назад.

Пока караван торчал в воротах, ожидая, пока почешутся на КПП, я с трудом сдерживался, чтобы не завопить от радости. Мало того, что вернулись целыми и невредимыми, так еще и с деньгами, и новыми знакомствами. Итог миссии более чем удачный, если не считать окончательно испортившиеся отношения с Хатаке. Впрочем, я и не ожидал, что мне удастся с ним внезапно подружиться. Но это все ерунда. Главное то, что мы победили и наконец-то вернулись домой!

Глава 1. Дом, милый дом.

Я осматривался вокруг, как в первый раз, чувствуя, что от улыбки уже начинают болеть щеки, но ничего не мог с собой поделать. Да и Наруто скакал, как попрыгунчик, радостно здороваясь с горожанами, которые, увидев его, недовольно и брезгливо морщились. Складывалось ощущение, что он здоровается с людьми, будто они такая же часть Конохи, как безмолвные лица на скале. И со статуями он тоже поздоровался, и с

кошкой на широком кирпичном заборе. Так же, как с этими... В общем, с этими.

Макуто отделился от нас у первых ворот — сказал, что зайдет к себе, оставит вещи и сразу в Ичираку. Я кивнул ему и пошел дальше, не удержавшись от мысли, что парень, в отличие от нас, всегда знает, куда и зачем идет.

— Наруто, мне кажется или это Тора?

— Ага, — кивнул он, разминая суставы. — Поймаем?

— Это не наше задание, — с сомнением глянул я на наглую морду с бантиком и покачал головой, — у нас есть дела поважнее. А Тору пусть ловят те, кого за ним послали.

С криком «держи заразу!» на забор вскочила покрасневшая и порядком исцарапанная Яманака Ино. Она так увлеклась погоней, что даже не заметила нас, а вот Чоджи и Шикамару поздоровались и, тяжело вздохнув, побежали догонять свою сокомандницу.

— М-да... — протянул я негромко. — Мы вернулись домой, мы вернулись в дурдом.

И дело даже не в Ино, а в том, что к нам на крейсерской скорости неслось нечто зеленое.

Нахмурившись, Какаши бросил мне:

— Передайте генинам, отчеты сдавать послезавтра. Приходите к десяти во дворец каге и ждите меня.

Пыль рассеялась, и перед нами оказался преувеличенно серьезный...

— Толстобровик, — хихикнул Наруто.

— Какаши-сенсей! Гай-сенсей! Хотел! Сказал! Что! Хотел! Вызвать! Вас! На! Поединок! — отрапортовал Ли и, обернувшись туда, откуда пришел, крикнул еще громче: — Гай-сенсей! Какаши-сенсей пришел!

Пока Майто вместе с Роком доставали Хатаке, я подошел к охранникам. В этот раз на воротах стояли незнакомые мне чуунины, которые уныло, но

споро проверяли бумаги торгового каравана, стоящего под стенами уже внутри. Извинившись, что отвлекаю, спросил, куда податься с пленным врагом. Парни заинтересованно покосились мне за спину, но, никого не увидев, все же ответили и даже набросали, как дойти.

Оставив Какаши разбираться, я отцепил ирьенина от повозки. Один из клонов взял его за ноги, я — за руки, и так потащили пленного.

Поначалу я решил, что за мной идет только Наруто, но оказалось, я ошибся. Саске тоже было любопытно, куда я дену Рогу, а Сакура, как обычно, увязалась за Учихой.

Сдав пленного на руки умельцам из отделения Морино Ибики, я договорился встретиться позже, чтобы написать отчеты, и только после этого отпустил «седьмых». Впрочем, Наруто остался со мной.

Кстати, чем-то отдел расследований напоминал мне участок, может, хмурыми лицами стражей порядка, а может, доской с черно-белыми портретами рядом с окошком дежурного. Краем глаза я заметил, что Рогу увели куда-то вниз. В голове словно появилась трехмерная картинка: лестница ведет глубоко на нижние уровни, дальше — длинный коридор с рядом камер, отделенных друг от друга толстыми стенами, в которых то ли печати пытаются потихоньку вытягивать чакру, то ли что-то еще.

Помотав головой, я приложил руку ко лбу. Эти внезапные воспоминания иногда выбивали меня из реальности на несколько мгновений. К счастью, пока подобное случалось только в относительно безопасные моменты.

Пока я витал в облаках, Наруто успел вытащить меня на улицу, но, слава богам, не заметил, что я был не в себе.

Стоило только увидеть знакомый забор, как навалилась усталость, а перед глазами замаячили нормальная ванная и уютная постель.

Очнулся я, когда Наруто уже, перескакивая через ступеньки, побежал наверх. Я хотел поползти следом, но из ящика всею торчали конверты — слегка припорошенные пылью, но не покоробленные водой, потому что над ящиками нависал балкон-коридор и его козырек.

Я еще был внизу, когда мелкий, зажимая нос, примчался обратно.

— Что случилось? — пытаюсь сортировать бумажки, спросил я.

— Там воняет, — прогундосил Наруто, зажимая нос обеими руками, — очень-очень воняет.

Не успел я дойти до двери, как в носшибанул омерзительно-сладковатый запах древней тухлятины. Стараясь дышать только ртом и только через воротник, я добрался до эпицентра вони. Увиденное меня не обрадовало: в бурой луже активно цвела какая-то живность, а вокруг холодильника, из которой она вытекла, водили хороводы зеленые мухи, которые налетели из открытых нами окон.

Даже морозильник приоткрыть побоялся, чтобы оттуда не вылилось или не выпало что-то еще менее аппетитное. Но она открылась сама, и пахнуло такой «свежестью», что я не совладал с желудком и завтрак отправился в мусорное ведро.

— Ками-сама, за что ты, мля, меня так ненавидишь?! — сплюнув в раковину, я схватил Наруто за шкурку и вытащил в коридор.

— Ирука, а что такое «мря»?

— М? Что? — не сразу сообразил я, а спохватившись, воскликнул: — О, это плохое слово, забудь его!

— А ты скажи, что оно значит, и я его забуду! — шкодливо улыбнулся мелкий, наклонив голову к плечу. И при этом не забывая держаться пальцами за нос, чтобы не дышать вонью.

Чувствуя, что к горлу подкатывают остатки завтрака, я метнулся к балкону.

— И не проси, — выдохнул я, хватая ртом свежий воздух, — не помню.

Отдышавшись, я пошел за инструкциями. А с холодильником пусть клоны разберутся.

Я героически боролся с нервным и полупустым желудком, пока искал книжку с перечнем характеристик разных барьеров, а читал ее уже в коридоре. Жаль только, что подышать воздухом долго не удавалось —

пришлось искать возможное место печати-накопителя. Я был уверен, что они у Ируки были, как-никак Умино — клан.

Для квартир и комнат оказалось десятки разных видов охранных систем: одни различались эффектами, другие — способом соединения элементов, третьи — способом активации, а четвертые были просто различными сборками. Но общей особенностью таких систем печатей было то, что это всегда была сеть, похожая на нейроны в человеческом мозге, сделанная из специальных чернил и бумажных жгутиков, трубочек с начинкой из чакропроводящей проволоки или чего-нибудь еще, с печатью-накопителем, из которой все остальные печати брали энергию. Также различались и варианты печатей-накопителей и других видов «аккумуляторов». Нам же нужно было найти именно место зарядки.

— Может, тут такой штуки никогда и не было? — взялся я за лоб. От этой вони у меня разболелась голова.

— Ирука, а это не то?

Мальчик показывал на декоративный рельеф по центру стены с выпрыгивающими из воды дельфинами. Пожав плечами, я решил рассмотреть композицию поближе и заметил, что одна из фигурок выдавлена сильнее, и вокруг едва заметный контур. Когда я нажал на дельфина, раздался щелчок, а он сам упал мне в руки. Я даже испугался, думал — уроню...

На обратной стороне фигурки оказалась блеклая вязь иероглифов, будто чернила выцвели. Ради эксперимента я сконцентрировал немного чакры на пальцах, и ее, как пылесосом, втянуло в камень.

— Это оно.

Подержав фигурку, я передал ее Наруто. Он, потупившись и пряча глаза, зарядил ее и сам вставил на место, встав на цыпочки.

Дельфин на переднике, дельфин — игрушка, дельфины на занавеске в ванной и на кафеле, дельфин на печати... Ирука был влюблен в свое имя? Нарцисс!

— Ирука, а что ты смеешься? — Наруто обиженно надулся.

— Ты чего? — прекратил я хихикать.

Он оставил отпечаток своей чакры и теперь мог приходить в дом, даже если меня не было с ним. Кстати, судя по тусклому иероглифу «заряд», барьер почти сдох. Индикаторы дополнительных батареек совсем выцвели. Если бы меня решили навестить домушники, денька через два-три им бы не составило труда вынести все подчистую и уйти восвояси прогулочным шагом. В общем, вернулись мы чертовски вовремя.

Снова выйдя на свежий воздух, я задумался.

— У того, кто впервые касался печати, она должна была засветиться, — зачитал я вслух, — но мы вроде все правильно сделали. — Я с сомнением глянул на барельеф: — Может, он сломался?

— Я случайно! Прости! — вдруг стал оправдываться Наруто, тараторя и боясь взглянуть мне в глаза. — Я тронул, а оно выпало! А потом быстро засветилось и потухло! Я не знал!

Улыбнувшись, я потрепал мальчика по волосам, а он замолк, втянув голову в плечи.

— Если бы не твое любопытство, нас могли бы ограбить. Спасибо, что подзарядил тогда печать. Хоть и случайно.

— Но я же без спросу и чуть не сломал! — отчаянно воскликнул Наруто, сжимая кулаки.

— Не буду я тебя ругать, — улыбаясь, покачал я головой, — и не проси.

— Что? — удивленно уставился на меня ребенок.

— «Без спросу», — процитировал я его. — Ты сам себяставляешь виноватым, будто хочешь, чтобы тебя наказали, — уже без улыбки пояснил я. — Не делай так. Ты не виноват, ничего не сломалось. Я тебя не ругал и не буду, тебе не за что извиняться. Ты, наоборот, своим любопытством спас наши пожитки. Все хорошо. Спасибо, ты молодчина.

Сколько бы я не хвалил Наруто, а он по-прежнему сначала неверяще тарачился и только потом начинал улыбаться.

После выхода на улицу продышаться нам еще раз пришлось окунуться в вонющу, чтобы собрать вещи.

С собой мы взяли только самое необходимое... Вру. Похватали, что под руку попало, и выскочили, как ошпаренные, потому что клоны полезли проверять плоски, которые еще можно было спасти.

Оставив их за запертыми дверями, я вышел во двор и присел на лавочку около загибающегося от смеха Наруто. Так как попахивать начинало уже в общем коридоре (который с одной стороны вообще-то открыт, как большой балкон), я повесил на дверь листок с надписью: «Извините за неудобства, сдох холодильник, запах скоро выветрится». Ну я на это надеялся, что выветрится.

— Как думаешь, если запечатать эту гадость в свиток, а потом под ноги кинуть кому-нибудь, получится хорошая бомба-вонючка? - немного уныло хмыкнул я.

Подождав, пока мелкий отсмеется, я спросил уже серьезно:

— Ладно. Что делать будем? Дубли разберутся, но запах никуда не делся. И не факт, что даже к завтрашнему утру он исчезнет или хотя бы ослабнет настолько, что можно будет там спать, жить и все такое. Законопатить двери и жить только в своих комнатах на втором этаже не получится.

Наруто утер выступившие слезы и задумчиво насупился.

— Можно в гостиницу или арендовать комнату у... — принялся я перечислять варианты. — У кого-нибудь.

Вдруг мальчик хлопнул кулаком по раскрытой ладони и воодушевленно выдал:

— Точно! Ирука! У меня же есть квартира! Мы там переночуем, даттебайо!

— «Даттебайо»? — улыбаясь, намекнул я на слово-паразит. — Идем. Ты знаешь, а я бы и не вспомнил, если бы ты не сказал.

— Погоди, — Наруто вдруг остановился и повернул в переулок. — Зайдем к Макуто. Он тут рядом живет. Покажем, где нас искать, если что.

Я не стал возражать. Мы свернули в узкую улочку, потом еще раз, прошли мимо старого колодца и оказались перед небольшим двухэтажным домом с покосившейся табличкой «О-Тойо». На стук вышла сухонькая старушка в переднике, которая, узнав Наруто, расплылась в улыбке и замахала руками, приглашая войти.

— Макуто-кун у себя, — сказала она, кивая на лестницу. — Он только пришел, вещи раскладывает.

Комната Макуто оказалась под самой крышей — крохотная, шагов пять в длину, но удивительно чистая и аккуратная. У стены стоял низкий футон, аккуратно застеленный серым одеялом, у окна — небольшой стол с масляной лампой и стопкой свитков. На подоконнике в ряд выстроились глиняные горшочки с какими-то травами, а над кроватью на двух гвоздях висели ножны с деревянным мечом — тренировочный боккэн, подаренный Одой.

Сам Макуто сидел на корточках у открытого сундучка и перебирал свои мешочки с сушеными растениями. Увидев нас, он поднялся и коротко кивнул.

— Это О-Тойо-сан, — сказал он. — Она сдала мне комнату, когда я только пришел. Теучи договорился.

Старушка засмеялась и погрозила ему пальцем:

— Ты, главное, деньги вовремя заноси. А так — живи сколько хочешь. Парень ты тихий, не то что некоторые.

Наруто с интересом оглядел комнату, потрогал горшочки с травами, заглянул в свитки. Макуто следил за ним спокойно, не делая попыток что-то спрятать или одернуть.

— Я скоро приду в Ичираку, — сказал он. — Теучи просил помочь с утренней партией лапши. Сказал, что теперь буду не только мыть посуду, но и варить рамен.

— Ты умеешь варить рамен? — удивился Наруто.

— Теучи научил перед уходом на миссию. Я попросил.

— Тогда мы попробуем! — радостно заявил мелкий. — Сегодня же!

Мы попрощались с О-Тойо и вышли на улицу. До квартала Наруто было рукой подать — минут десять быстрым шагом.

Сначала мы бежали по широким крышам зданий, которые построены в центре, а потом пришлось спуститься и идти как обычным людям.

Район, в котором обитал раньше мальчик, был, прямо скажем, не из самых благополучных. Только на фасадах, выходящих в парк, была свежая краска, но стоило войти в лабиринт узких грязных улочек, как ты буквально попадал в другой мир.

По крышам дойти мы не рискнули, потому что они использовались местными жителями как балконы. Наруто издалека показал на развевающиеся, как флаги, цветные простыни, горшки с цветами и еще какой-то хлам. Такой гигантский бардак из вещей, которые выкидывать жалко. Про себя я назвал это место Кварталом Плюшкиных.

Забегая вперед, Наруто толкнул косую калитку, поманив меня за собой в узкий, темный лаз между двух близко стоящих домов. Этот проход вывел нас в крошечный дворик-колодец, где темным контрастным пятном на фоне плиток из песчаника выделялись нагромождения досок, отдаленно напоминающие чье-то жилье. Такой многоэтажный сарайчик. С двух других сторон, параллельно друг другу, стояли два дома-близнеца, с которых еще не успела облететь бежевая штукатурка. Один, тот, что находился слева от меня, судя по всему, пустовал: окна были заколочены досками. Сквозь прорехи тут и там торчали тонкие дощечки, кажется, их называли дранкой. Подъезды, обращенные внутрь двора, зияли немymi бездонными дырами, похожими на открытые рыбы рты. Брусчатка, которой был вымощен двор, в нескольких местах осела и походила на изваянное в камне море в легкий шторм. В общем, картина невеселая. Слегка припорошенные песком кучи мусора и битого стекла дополняли ее и делали совсем мрачной.

— Ирука, сюда.

Кивнув, я вошел вслед за ним в подъезд левого дома. Внутренние стены, выкрашенные зеленой масляной краской, были покрыты разводами и

трещинами, а пол — мелким мусором. Лампочки не горели, единственным источником света было окно в дальнем конце коридора. И так было на всех этажах!

Сверху оказалось, что дома не совсем одинаковы: левый был выше из-за пристроек, а у правого вместо крыши был разбит парк, переходящий на крышу соседних домов, которые были ниже. Из-за натянутых между домами бельевых веревок и вездесущих простыней сложно было разглядеть различия.

— Лабиринт, — пораженно покачал я головой, заглядывая вниз с края крыши.

— Я тут давно не убирался, извини, — виновато глянул мальчик и толкнул дверь.

— Не страшно, — взъерошил ему волосы. — Показывай, что тут и как.

Сказать, что мы сменяли шило на мыло, было бы все же немного несправедливо. В квартире Наруто было чуть лучше. Например, почти не воняло. Но зато пыли, грязи, древних объедков, мусора и даже листьев было просто огромное количество, не в последнюю очередь из-за того, что все окна были распахнуты уже несколько месяцев. Еще чуть-чуть, и тут бы мох вырос, а может, и дерево. По углам ветер раскидал горки семечек карагача. Это название, как и само растение, я запомнил только потому, что однажды, наевшись «капусты» (так мы называли свежие, зеленые, семена этого дерева), я попал в больницу, и уже там мне рассказали, что я слопал.

Дело не в растении - нет, просто грязными руками есть не стоило, особенно если для игр выбрана бетонная канава.

Старательно не заикливаясь на мусоре, я оглядел грязную каморку и все равно уныло присвистнул. Жил Узумаки в небольшой мансарде-студии. Из коридора, упирающегося в дверь совмещенного санузла, гости попадали сразу в спальню, которую от кухни чисто символически отделяла колонна.

— Давай и тут клонов оставим, пусть убираются сами.

— А мы куда пойдем? В Ичираку-рамен? Ну-у-у пожалуйста!

— Я не против. Но сначала уберем матрац с кровати, он явно отсырел, чувствуешь запах?

Кивнув, мальчик призвал клонов.

А те сделали скорбные лица и почти синхронно посмотрели на свои, как это ни странно, урчавшие животы.

— Вы не настоящие! — отчитал их Наруто, — Не придурайтесь!

— Идем, — по-доброму усмехнулся я, — не то обидятся еще. И правильно говорить — «не придуривайтесь».

Стоило только подойти, как незнакомые чуунины побросали еду и, спешно расплатившись, ушли, дожевывая что-то на ходу. Хотя мы и распугали клиентов, нам в Ичираку-рамен были рады. От этих людей, как от печей жаром, веяло искренним радушием.

Но кое-что меня расстроило. Глядя на Теучи, который на автомате чуть не подвинул плошки чуунинов к Наруто, я только покачал головой и заказал еще пару порций. К счастью, Аяме и Наруто не заметили пантомимы. Неприятно было еще и то, что Наруто по привычке проводил обеды голодным взглядом.

— Теучи-сан, а во сколько вы начинаете работать?

— Часов в семь утра.

Мальчик недоуменно глянул на меня, а потом на повара.

— Ну вот, — а я улыбнулся и подмигнул Наруто, — с завтраком проблем не будет.

Мужчина широко улыбнулся и чуть осуждающе зыркнул на хихикающую девушку. Аяме тихо ойкнула и кинулась к монструозным печам-кастрюлям для рамена.

Теучи-сан просто золотой человек, и едой накормил, и последними сплетнями.

Выставив нам по порции рамена с курицей мне и свининой для Наруто, он рассказал обо всем, что произошло за то время, пока нас не было в Конохе.

О том, что барьерная команда Конохи недовольна состоянием защиты вокруг Деревни и развесила объявления о сборе пожертвований, раз Хирузен не озабочен спонсированием, а вместо этого занят ремонтом стадиона, который сильно обветшал. Что стало особенно ясно видно после недавнего экзамена на ранг джонина, который добавил стадиону повреждений.

Впрочем, согласно слухам, деньги бы для барьерщиков нашлись и у руководства Конохи. Но сначала требовалось восстановить и обновить стадион для грядущего чуунинского экзамена. А обновить защиту компетентным людям хотелось еще вчера. Или хотя бы прямо сейчас.

— Ну, да, — звонко рассмеялась Аяме, прикрывая рот ладошкой, — внезапно обветшал! — Надеюсь, никто не пострадал? — Кто знает, — пожала девушка плечами, — мы же не шиноби. Недавно еще пожар был, к счастью, мимо проходил чуунин, который суйтоном все потушил. — Очень хорошо, что вы, ниндзя, так умеете, — добавил Теучи, убирая пустую посуду.

Он же пояснил, что при тушении пожаров не пожарные работают, а всегда разные шиноби с суйтоном, которых припрягли на эту работу. Но если кто-то мимо проходил, тоже может потушить. Ему за это небольшая денежка причитается, только свидетель нужен, чтобы подтвердить. Некоторые из-за этого на вознаграждение забивают.

А если по-честному, то работа в пожарной части была для ленивых, потому как владеющих суйтоном в Конохе не так уж и мало и надо быть совсем дохлым, чтобы не помогать. Если жив и в целом здоров, то будь добр побыть пожарным, если того требует ситуация, ты же умеешь. За «мог, но не помог» даже наказание есть — штраф. Иногда его по ошибке получали шиноби, не владеющие стихией Воды.

Основным составом пожарной команды были шиноби, ушедшие со службы по возрасту, или инвалиды, которым травмы позволяли бегать, но не сражаться.

Забавно, на моей посмертно покинутой родине все было наоборот. В пожарные шли только физически крепкие и здоровые люди, желательно — на пике сил. Хотя, с другой стороны, даже инвалид или старик-шиноби едва ли уступает молодому и здоровому мужику из моего мира.

А еще Теучи рассказал о делегации из Песка, которая только пару дней как пришла, и один из них даже заказал мисо-суп. Я даже улыбнулся в ответ на такую подробность.

Теучи напомнил мне дядю. Тот так любил свою шиномонтажную мастерскую, что если узнавал от клиентов какую-то новость, то обычно добавлял, что те у него в тот день купили или починили. Например: заходил Григорий, купил грузиков и колесо притащил, сказал, что у его соседей кондиционер сломался и задымил.

Естественно, что ничего очень важного и интересного этот посол не сказал, так как был один.

— Вы знаете, — чуть испуганно сказала Аяме, — он будто ждал тут кого-то. Долго просидел, до самого закрытия.

На этом месте я немного напрягся: — Аяме-сан, а как он выглядел? — Зовите меня Аяме-чан, — мило улыбнулась девушка. — Тот шиноби был высокий такой, смуглый, — стала она вспоминать, — одна сторона лица закрыта, как шторкой, тканью его тюрбана, а на второй — красная татуировка, две полоски, прямо под глазом, — она провела по щеке двумя пальцами дугу. — Наверное, на левой стороне лица у него ожог. — Ясно, — я задумчиво потер подбородок. — Спасибо, Аяме-чан.

Мы посидели еще немного, а потом решили, что надо растряссти съеденное, хотя бы полчаса побегав и немного потренировавшись на полигоне.

В этот момент из кухни вышел Макуто в переднике поверх своей зеленой куртки. В руках он держал две дымящиеся плошки.

— Готово, — сказал он и поставил их перед нами. — Мисо-рамен с говядиной. Сам варил.

Наруто уставился на плошку так, будто в ней лежало сокровище, осторожно подцепил палочками лапшу и отправил в рот. Через секунду его лицо озарила широченная улыбка.

— Вкусно! Очень вкусно, даттебайо! Теучи-сан, вы слышите? У Макуто отличный рамен!

Я тоже попробовал. Бульон был наваристым, густым, с тонким имбирным оттенком — явно фирменная добавка от самого Макуто. Лапша не разварилась, мясо было мягким.

— Ты когда успел? — только и спросил я.

— На миссии тренировался на костре, — ответил он. — Теучи дал пару уроков до ухода. Я запомнил.

Теучи вышел из-за стойки и тоже попробовал бульон из плошки Наруто. Он долго жевал, прикрыв глаза, потом кивнул.

— Неплохо, совсем неплохо. Еще пару недель практики — и сможешь стоять на замене. Имбирь — твоя идея?

— Да. Я добавляю его в бульон, он помогает от простуды.

— Вот, значит, куда уходит моя приправа, — проворчал Теучи, но глаза его смеялись.

Мы посидели еще немного, расплатились и вышли. Макуто остался — у него была еще вечерняя смена, и он уже закатывал рукава, готовясь мыть котлы.

Уже на пути на полигон я вспомнил о своих договоренностях с торговцами. Пришлось сделать крюк и распечатать товары нашего каравана. Торговцы еще в Стране Волн обещали пять процентов с прибыли после окончания торговли. Мало, конечно, особенно с учетом того, насколько больше они смогли сюда притащить благодаря запечатывающим свиткам, зато и работы особо никакой. Так, распечатать очень много бочек и ящиков с соленой, вяленой и копченой рыбой, жемчугом, поделками из кораллов и ракушек, какими-то водорослями, желе и снадобьями из них и еще всякой ерундой. В которую, впрочем, я

даже не стал вникать. Много времени распечатывание не заняло, поскольку и я, и Наруто активно использовали теневых клонов.

Когда мы отошли от рынка, Наруто вопросительно посмотрел на меня, а я, не дожидаясь вопроса, сказал, что расскажу потом, и кивнул в сторону квартала Призраков.

Всю дорогу до полигона я продумывал возможные вопросы Наруто и свои ответы. Получалось, что при любом раскладе придется рассказать про Гаару, Суну и, скорее всего, персонально про каждого джинчуурики, так как мальчик был очень любознательным, а иногда еще и дотошным в мелочах.

На полигоне ничего не изменилось, только трава пожелтела да с деревьев пооблетала раньше яркая, а теперь поблекшая листва.

Немного размявшись, не зря же пришли, мы сели под деревом.

— Теперь расскажешь про того дядьку, который к Теучи пришел?

— Да. Не помню имени, но знаю, кто он по жизни, — пошутил я, глядя на донельзя серьезное лицо Наруто. — Ладно. Теперь серьезно. Тот человек напоминает мне одного сенсея из Суны. Он вполне мог шпионить за тобой.

— Но зачем? Почему за мной?

— Слышал, что сказали про стадион? Скоро экзамен на чуунина, и в нем будут участвовать наши как бы союзники и просто нейтральные скрытые поселения. С Деревней скрытой в песке у Конохи не самые простые и хорошие отношения, мы перебиваем у них большую часть заказов, им есть за что нас ненавидеть. Хотя формально у нас с ними союз.

Вот послы и шпионят за будущими противниками. А этот, который был у Теучи, судя по описанию, сенсей детей Казекаге, один из которых — джинчуурики.

— Джинчу... — Наруто отмахнулся и спросил проще: — Такой же, как я?

— Не совсем. Говорят, при запечатывании биджу напортачили с печатью, и Собаку но Гаара стал кровожадным маньяком, который убивает тогда,

когда ему прикажет биджу, — я покачал головой. — Да и относятся к нему, как... — не нашел я подходящих слов.

— И? — настороженно заглянул мне в глаза Наруто. — Не как к тебе. Им пугают маленьких детей, его боятся все, от генина до джонина. На его жизнь периодически покушаются шиноби его собственной Деревни. Его, по слухам, пытался убить даже собственный дядя.

Чем дальше я рассказывал, тем шире становились глаза у Наруто.

— Гаара безумен, жесток и при этом очень опасен как шиноби. Его специально отправляют на самые сложные задания, будто надеясь, что он с них не вернется живым.

Мальчик надолго замолчал, видно было, что мой рассказ его расстроил. А потом (впрочем, ожидать другого было глупо) торжественно пообещал, что докажет собрату по несчастью, что тот не прав и что ненавистью и жестокостью он не добьется признания и уважения людей. И конечно, что он обязательно попытается подружиться с Гаарой.

Я едва сдержался, чтобы не поморщиться.

"Как бы не прибили тебя в процессе перевоспитания. В каноне ты ведь выжил чудом".

Вздыхнув, я тихо сказал: — Наруто, это твоя жизнь, и я не могу диктовать, как ее прожить, но прежде чем пытаться стать чьим-то другом, подумай, хочет ли он им быть. И готов ли он им быть. — Э? — не понял мальчик. — Мы обязательно с ним станем друзьями, даттебайо! Мы оба джинчуурики!

— Не в этом дело, — хотел я пояснить, но прикусил язык и вздохнув, сказал: — Поступай, как знаешь, только... — А другие? — Кто другие? — не понял я сразу. — Джинчуурики? — Не, — помотал он головой, — другие биджу. Какие они?

Осторожно подбирая слова, чтобы не выболтать совсем уж лишнего, я начал перечислять:

— Первый биджу — Тануки Гаары, второй — Некомата Югито, третий — гигантская черепаха с тремя хвостами, Санби Ягуры, четвертый, — тут я запнулся, — ладно, потом попробую вспомнить. Пятый — обезьяна с

пятью хвостами или четырьмя... э-э-э, — я почесал в затылке, — забыл. Восьмихвостый - бык-осьминог - его джинчуурики из скрытого Облака.

Чтобы легче было вспомнить, пошел с веточкой к песчаному берегу пруда и принялся уже больше для себя вспоминать, что я знал про биджу. Тогда-то я понял, что не уверен даже в том, сколько у кого из них хвостов кроме тех, что я назвал.

На сыром песке красовались схематичные изображения, но они не добавляли мне уверенности в своих словах.

— Ты знаешь, я точно помню только про первого, второго, третьего, восьмого и девятого биджу. А про остальных я знаю слишком мало. Точнее, я про них почти ничего не знаю.

— Не страшно, — попытался утешить меня мальчик, — может, нам это не пригодится.

С языка чуть не сорвалось: "Нет, ты встретишься с каждым из них". Я покачал головой:

— Наряду с джонинами S-ранга джинчуурики — самые опасные противники. И вторые обычно опаснее первых. Ну а ты, хоть и джинчуурики, но пока тому же Гааре, скорее всего, проиграешь...

Тут я запнулся и крепко задумался насчет знакомства Наруто с Курамой. Ведь побежденный Лис давал не рыжую и разъедающую все, подобно кислоте, чакру, а золотистую, которая явно не причиняла вреда шестнадцатилетнему Узумаки в каноне.

— Но нужен ключ, а он у жаб, — очень тихо пробормотал я себе под нос по-русски, хмурясь все сильнее. — Но попытаться подружиться с Лисом заранее было бы неплохо. Но как?

— Ирука? Что ты сейчас сказал?

Я поднял глаза на доверчивое, обеспокоенное лицо Наруто и понял, что один на один с Курамой его не оставлю, пока он не сможет его победить.

Главной проблемой оставалось придумать, как попасть в подсознание Наруто вместе с ним, не словить люлей от Курамы или Минато и еще заручиться поддержкой Рыжего на будущее.

— Ирука? — стал тормозить меня мелкий, видимо, я слишком крепко задумался.

— Все нормально, — перестав обкусывать чуть заветренные губы, отозвался я. — Все будет хорошо. Обещаю.

— Не понимаю, — обеспокоенно вглядываясь в мое лицо, сказал мальчишка.

Я беспечно улыбнулся:

— Иногда я слишком далеко загадываю на будущее, а когда что-то не получается или не видно решения, я расстраиваюсь. — Почему? — светлые брови взлетели под самую повязку.

Я пожал плечами: — Не знаю. Может, потому что слишком мнительный. — Какой? — Мнительный, — повторил я, успокаивающе улыбнувшись. — Видящий во всем опасность, болезненно-подозрительный, недоверчивый. Возможно, я переоцениваю опасности, но когда самые плохие прогнозы не сбываются, это меня радует. Когда они не сбываются.

— Ясно, — задумчиво протянул Наруто. — А как можно стать мнительным? Ты научишь?

От хохота меня согнуло пополам, и, лишь отсмеявшись, я взъерошил надувшемуся мелкому волосы.

— Мнительность — это плохое качество. Оно с легкостью заменяется благоразумием, осторожностью и предусмотрительностью. Я вижу опасность даже там, где ее нет, без причины волнуюсь, и это плохо, но ничего с этим я сделать не могу, — я пожал плечами и улыбнулся шире, — меня поздно перевоспитывать.

— Плохо? — Очень, — кивнул я, жмурясь. И оттого не сразу заметил, что Наруто встал рядом, а через пару секунд, решившись, порывисто обнял меня.

Меня словно вышибло из реальности, в горле встал комок, мешая сказать хотя бы слово.

В висках и затылке нарастала давящая боль, отдаваясь в оглохших ушах пронзительным писком. На миг я позабыл, где верх, а где низ.

Пропала площадка, испарилась трава и деревья, даже Наруто исчез, но появились другие люди: тетя, дядя, смутные силуэты моих родителей, зыбкие фантомы странно знакомой пары шиноби. Мужчина с тонкими усиками и плотно сжатым ртом смотрел на меня сурово и строго, будто я провинился. На мгновение даже захотелось втянуть голову в плечи.

А рядом, словно полная его противоположность, стояла женщина с теплой и нежной улыбкой. Казалось, что если протянуть руку, я почувствую в ладони ее мягкий каштановый локон, пахнущий ванилью и корицей, а теплые руки крепко обнимут и прижмут к жесткой пластине, вшитой в ее нагрудник жилета АНБУ.

— М... ма... Мама.

Но вместо объятий — множество рук, которые невесомо трепали мои волосы, каждая по-своему и со своим отношением. Я помнил их все, потому что эти прикосновения были так редки, что мне трудно было их забыть.

Волной накатили невесть откуда взявшиеся детские воспоминания. С каждым видением становилось труднее разграничивать свои кусочки прошлого и Ируки, потому что этот простой жест вызывал у нас одни и те же эмоции: тоску по родителям и дому, в котором ты не был лишним.

И его, и мои родители быстро исчезли из наших жизней, а после них остались лишь чужие руки. Они гладили нас, как уличного котенка: потрепали разок и шли дальше по своим делам. Накативший вал эмоций, явно не только моих, но и чужих, накрыл меня с головой. Детские обиды разгорелись, как искра в сухой траве, отбросив меня на годы назад, самообладание затрещало по швам.

Вскоре призраки истлели. Их руки я тоже перестал ощущать, пока не осталась одна маленькая ладошка, касание которой так легко было не заметить.

Сглотнув комок в горле вместе с пошедшей носом кровью, я не справился с голосом и тихо просипел по-русски:

— Спасибо.

После чего, собравшись и глубоко вдохнув, я быстро выпалил на местном языке: — Спасибо.

Получилось громче, чем хотелось, и все равно не удалось справиться с голосом.

Наруто опешил: — За что? — За то, что ты есть, — я быстро утер нос рукавом и отвернулся.

По-хорошему, мне нужно было хотя бы пару минут побыть одному, чтобы успокоиться, потому что меня душила эта тупая детская обида на тех кто меня покинул, но Наруто стоял напротив, обеспокоенно заглядывая мне в лицо, будто мог увидеть что-то кроме грязной от размазанной крови рожи.

— Старые воспоминания выбили из колеи, — пробормотал я, отворачиваясь и пряча лицо, — не обращай внимания, скоро пройдет.

Наверное, я навсегда запомню этот понимающий взгляд и молчаливое сочувствие. От стыда хотелось, как в детстве, натянуть майку на голову и таким образом спрятаться от чужих взглядов.

"Страус. Лоб здоровый, а так развезло из-за того, что себя маленького жалко стало. Противно".

— Со мной такого... не знаю, что нашло, — отводя взгляд, запинаясь, оправдывался я.

Этим словесным поносом я пытался в первую очередь успокоить самого себя. Я сбивался, переходил на русский, в голове смешались в кашу картинки из моего детства, которые будто дополняли образы чужих воспоминаний. С ужасом я понял, что успел разболтать про то, что мне-Ируке приходилось из кожи вон лезть, чтобы привлечь к себе внимание, не совсем как Наруто, но очень близко к тому.

Узумаки хмурился, силясь понять, что я несу, и, кажется, преуспел в этом нелегком деле.

Потому что Наруто подошел, повис на моем плече и обнял за шею, ткнувшись лбом в жесткий воротник жилета. И это стало последней каплей.

Наверное, больше получаса я не мог успокоиться, рукав безнадежно промок, так что его можно было выжимать, нос саднил от того, что я его бесконечно вытирал, да и глаза тоже.

Громко шмыгая носом, я сидел, уставившись в траву, которую от злости на себя за срыв выдираю из земли и рвал на кусочки. Слезы высохли дорожками на щеках и затекли в шрам на переносице, неприятно стягивая тонкую кожу, через которую легко прощупывалась бороздка на кости.

"Примером стать, опорой... Тьфу, нытик! — мысленно отругал себя. — Смотреть противно! Успокойся, тряпка!"

— Ирука.

Я замер, втянув голову, затем выдохнул и поднял взгляд. Пока я был занят самокопанием, не заметил, когда Наруто успел сесть по-турецки напротив меня.

— Прости, не знаю, что на меня нашло, — пробормотал я, стараясь не смотреть ему в глаза, — Давай забудем, что я тут соплю на кулак наматывал, а?

В тот момент я сам себе казался жалким до омерзения, и потому слова Наруто меня ошарашили: — Я хочу быть таким, как ты! — мордашка мальчика была серьезной, даже мрачной. — Ты настоящий шиноби. Один раз на уроке ты сказал, что силен не сильный, а добрый. — Добрый? — если бы вовремя не прикусил язык, добавил бы еще: «Что за бред?» — Да! Даттебайо! Я это запомнил! Я не спал тогда на уроке! Просто я тогда обиделся и прикидывался, — смутившись, покрутил он пальцем на коленке. — Ты лучше Какаши-сенсея. Ты лучше всех!

Опешив и разинув рот, я смотрел на мальчишку, туго поскрипывая мозгами. И тут до меня дошло, почему он сказал именно это.

Ему ли не знать, как иногда хочется, чтобы тебя заметили, оценили твои старания и хоть за что-нибудь похвалили.

Я прикрыл глаза. Дышать стало легче, да и настроение стало лучше. Я не видел лица мальчика, но чувствовал, как он замер в ожидании ответа.

— Спасибо, Наруто, — в эти слова я вложил всю благодарность, которую испытывал к мальчику, у которого и без меня хватало проблем, а он на свои плечи взвалил еще и мои.

Открыв глаза, я тепло улыбнулся, взъерошив левой, сухой и не испачканной кровью с соплями, рукой и без того лохматого блондина. Облегченно выдохнув, он робко, а потом во все лицо улыбнулся мне в ответ.

— Знаешь, — заметил я, вытирая руку об траву, — я не лучший пример для подражания. Сейчас так вообще... Я всего лишь чуунин, а тебе по силам стать не просто джонином, а каге. Зря ты Какаши принижаешь, он сильный и умелый шиноби, намного сильнее меня, а еще у него можно, эм... выцыганить, как же это... Выпросить! Выпросить что-то из той тысячи с чем-то дзютсу, которые он спиздил... Которые он, — я покрутил руками, подбирая слова, — которые он выбил из врагов. Вот! Даттебайо!

— Что? — только и успел сказать мальчишка, прежде чем завалился на спину и расхохотался.

Пока Наруто катался по траве, я сбежал к пруду и кое-как умылся. В глади этой большой лужи отразилась опухшая морда с красным носом и глазами.

— Крысавец, блин, — тяжело вздохнул и навесил хенге. Появляться в таком виде на улице мне не стоило.

Полигон давно остался за спиной, а ночной парк только показался из-за крыш.

Меньше года прошло, а неугомонный и вечно улыбающийся Наруто стал мне роднее кровных родственников.

"Пусть не всегда его солнечная улыбка — это признак счастья, — думал я, глядя на идущего спиной вперед белобрысого мальчишку, который эмоционально рассказывал о своих приключениях в Академии, чтобы

меня развеселить, — но зато он не унывает и не опускает руки... как иногда делал я... И чем грешил Умино Ирука".

Мы шли домой. Во всяком случае, мне так показалось.

— Ирука, — огляделся Наруто, — может, я домой пойду?

Осмотревшись, я обнаружил себя у арки недалеко от кладбища. Отсюда до монумента павшим — два шага шагнуть.

В ответ я замычал что-то невнятное.

— Тебе, наверное, неудобно будет с родителями говорить при мне, — по-птичьему наклонив голову, сказал Наруто.

— Нет, — быстро ответил я, — то есть «нет, ты не помешаешь». И если честно, я вообще не понял, как мы здесь очутились. Мне казалось, что мы домой шли.

— Духи хотят с вами говорить, — проскрипел старческий голос.

Меня чуть кондратий не приобнял, а из густой тени с колен поднялась старушка и, мило улыбаясь, подошла к нам. Наруто от испуга попытался куда-то утянуть меня за рукав, но я его остановил и поздоровался со старушкой.

Тихо ступая деревянными гета по каменной дорожке, она подслеповато щурилась, пытаясь заглянуть в лицо, и странно шевелила губами, будто жевала.

— Поможете старой женщине зажечь фонарь? — подняла она клюку, на ручке которой висел бумажный фонарик со свечой и потёртым туристическим огнивом на цепочке. — Осенью быстро темнеет, боюсь, без огнива я его катаном сожгу, — коснувшись моего бока, бабуля чуть нахмурилась, но тут же снова заулыбалась. — Чуунин или джонин? — и, не дав ответить сказала: — В былые времена я была красивой куноичи, а мой Кано... — она вздохнула. — Если бы он был, как и я, чуунином, он бы не погиб в той войне...

Старушка замолкла лишь тогда, когда мы отдали ей горящий фонарь, и ушла в ночь, бормоча тихо и неразборчиво о былом.

— А я всегда думал, что она привидение, — пояснил Наруто в ответ на мой недоуменный взгляд, нервно сглатывая. — Она всегда так тихо ходит, а фонарь зажигается сам собой.

Приобняв Наруто за шею и смеясь, я растрепал ему волосы:

— Трусишка, бабулька-то шиноби и катонем владеет. Слышал, что она сказала?

Вырвавшись из захвата, мальчишка лихо поправил хитай-ате и с вызовом, но явно в шутку сказал:

— Сам такой! У тебя глаза большие и круглые стали, когда бабушка заговорила! — Ладно-ладно, — признал я. — Давай к монументу подойдем, не зря же пришли, а потом домой, — и, оглянувшись в след старой куноичи, задумчиво пробормотал: — Интересно, о какой именно войне она говорила?

Ночные причудливые тени усиливали узнавание, будто я не место вспоминал, а какое-то событие. Остановившись около одного из надгробий, я заметил прозрачного Наруто. Но это был не клон. Этот Наруто был намного младше. Так странно было видеть одновременно маленького Узумаки и его же, но повзрослевшего. Призрачный Наруто смотрел под ноги, комкая в руках край простыни, надетой на манер плаща, и что-то говорил, но ветер уносил слова. Из-под края простыни под сжимающими ее детскими пальцами выглядывала маска Лиса, привязанная на пояс красным шнурком.

Настоящий Наруто дернул меня за рукав.

— погоди, — не отводя взгляда, я присел на корточки около фантома, — я тебя слышу.

— А что ты рассматриваешь? Тут ничего нет... А-а-а, — догадался мальчик, — ты опять воспоминания видишь? — Да-да, — быстро ответил я, боясь «спугнуть» это странное состояние.

Заметив что-то прозрачно-синего цвета рядом с лицом, я обнаружил, что рядом стоит фантом Ируки. Тот замер в боевой стойке с кунаем в руках, точно хотел ударить мальчика. Меня снова накрыло чужими ощущениями.

Даже через толщу лет я почувствовал ту бурю эмоций и выделявшуюся в ней ненависть, которую испытывал Умино, глядя на мальчика, прячущего маску краем «плаща». Выражение лица Ируки легко расшифровывалось как «я тебя ненавижу и убил бы прямо тут». Младший Наруто, похоже, тоже это почувствовал: он эмоционально, но беззвучно для меня что-то сказал Ируке. В глазах у ребенка стояли слезы. Даже зная, что ничего плохого не произойдет, мне все равно было страшно за Наруто. В конце концов, наорав на мальчишку, Ирука исчез, а следом за ним растворился и призрачный Наруто.

"Какой же все-таки “хороший, добрый человек и заботливый учитель” был тот, в кого я попал, — с сарказмом подумал я и, поморщившись, покачал головой. — Аж тошнит от этой мрази. Я многое могу понять, но то, что он только что чуть не убил ребенка... Нет! Этого я понять не могу".

Как раньше, я рассказал Наруто о том, что видел, немного сгладив «острые углы», а он кивнул и сказал:

— Раньше ты вообще ничего не слышал, когда воспоминания видел. — А теперь не слышу, что эти фантомы говорят. Впрочем, лучше видеть одновременно и настоящее, и беззвучные воспоминания, чем видеть только случившееся и в этот момент поцеловаться со стеной или столбом.

Один раз, засмотревшись в прошлое, я ударился плечом об забор и очухался, только оказавшись на земле. Благо я свалился на безлюдной улочке, а не в центре: меня и так считают странным.

Молитвенно сложив руки, Наруто смотрел на строчку с фамилией Узумаки, а я в который раз поморщился от цинизма Третьего. Некоторые строчки были полностью забиты только фамилиями без имен, но от Ируки скрывать было нечего.

Умино Кохаку и Умино Майн. Морской янтарь и Морская Храбрая защитница. Отец и Мать. Не мои родители, но сердце сжималось все равно.

Для приличия я тоже сделал вид, что молюсь, а потому не сразу понял, что что-то изменилось. Прямо из воздуха появилось женское лицо.

Фантом Майн оказался так близко от моего носа, что я отшатнулся, но она тепло и ласково улыбнулась, несмотря на текущую по ее лицу кровь, и поцеловала меня в лоб. Этот фантом был так реален, что я почувствовал тепло от капнувшей на щеку красной капли.

"Она не моя мать, — задержав дыхание, мысленно тараторил я. — Она не моя мать. Она не моя мать. Она не моя мать!"

Призрак исчез, никак не показав, что его моя «мантра» задела, и я смог вздохнуть свободно.

— Идем? — Наруто смахнул с монумента сухой листок.

Сделав вид, что ничего не произошло, я кивнул: — Да, конечно.

От кладбища к дому Наруто было добираться гораздо дольше, но уже через полчаса прыжков по крышам мы расстилали футоны, готовясь ко сну. Старый матрас, который облюбовало голубиное семейство, мы выбросили на крышу, чтобы утром убрать куда-нибудь. Вслед за матрасом я хотел и гнездо с яйцами вышвырнуть, но мелкий у меня его отнял, поставил на балкон и сказал, что если я этот грязный комок веток выброшу, то он обидится. А чтобы голубь-папа и голубь-мама нашли своих птенцов, нарисовал стрелку на стене и приписал: «Голуби-детки».

У меня просто язык не повернулся после этого сказать, что ничего не выйдет, а яйца быстро стухнут или их сожрут кошки. Да к тому же соврать, что птицы, учуяв чужой запах, редко остаются у своих гнезд, даже если там остались птенцы. У птиц, кроме хищных, обоняния вообще нет. Ну не люблю я этих летающих крыс, гадающих на памятники, не люблю.

Когда лег, понял, что уснуть не получится, и не только из-за мыслей о биджу, будущем, странных глюках и обо всем в целом. Между самодельным балконом и коридором гулял нехилый сквозняк, и пока я не завернулся в футон, как в кокон, даже зубами постучал пару раз. Заснул только ближе к утру, когда додумался заткнуть щели тряпками.

— Почувствуй себя бомжом... — зло буркнул я, подтянув ноги к груди, чтобы сохранить тепло. В палатке было теплее!

Мы когда возвращались в Коноху с караваном, вторую половину пути спали или под крышей, или в футоне и в палатках. Было комфортней, чем на полу в этой конуре. Как Наруто тут жил с шести до одиннадцати с половиной лет, совершенно непонятно. Пять с лишним лет на холодном чердаке. Бр-р!

Утро началось с громкого курлыканья со стороны балкона, скрипа досок и воя древнего, как лепешка мамонта, водопровода.

Наруто то ли умыться пошел, то ли воду набрать в чайник. Недовольно замычав, я закрыл голову одеялом, решив во что бы то ни стало поспать еще, благо после долгих миссий обычно давали отдохнуть.

— Выходной, выходной, — бурчал я, — спать, спать...

Казалось, стоило только задремать, как я услышал чьи-то голоса. Под входной дверью ругались какие-то мужчины и шумели, сволочи, громче, чем голубиное семейство за тонкой дверью на балконе. А затем заскрежетал замок. Наш замок, а не соседей!

Спросонья я вытаращился и принялся хлопать по полу рукой в поисках оружия. Да только не клал я вчера кобуру для кунаев у футона, но привычкам плевать.

— Все, что тут есть, бросайте в мешки, — указывал кому-то прокуренный хриплый голос, — и несите на помойку! Чтобы тут было чисто, как в храме перед праздником!

Из коридора на меня смотрела странная делегация. Впереди был мужик в простом коричневом кимоно без рисунка, рядом с ним — слегка полноватый тип в пыльном костюме, при галстукe и со здоровенным тюком синего цвета в розовую ромашку на спине, а за ними двое с ворохом пустых черных пакетов в руках. Я так опешил, что даже не смог ничего сказать, просто тупо пялился, безостановочно смаргивая мутную пелену.

Холеная физиономия с глазами, как у бульдога, сморщилась, затем покраснела, а ее обладатель нагло и по-хозяйски зашел в комнату.

— Ты кто такой и какого, биджу тебя задери, тут забыл?! — начал возмущаться «коричневый». — Ты не имеешь права здесь находиться! Выметайся! Пако, Рюнжи, выбросьте этого оборванца! И как только забрался сюда?!

— Что? Это я — нищий?! — откинул спутавшиеся волосы с лица, чтобы видеть нормально. — Ты на себя посмотри!

Бульдोजья морда стала пунцовой.

— Чего встали?! — гаркнул он, пихая своих подчиненных в спины. — Гоните этого бездомного в шею!

— Мужик, ты совсем страх потерял?! — сатанея, прошипел я.

Ответом мне был матерный загиб с посылом и медленно, но угрожающе надвигающиеся грузчики.

— Я сейчас вам ноги-руки поотрезаю и приживлю в самых неожиданных местах! — я пустил в руки медицинскую чакру, придав ей форму изогнутых зеленых когтей, чтобы выглядело устрашающе.

Мужики побледнели с лица и попытались было смыться, но их остановил мой окрик:

— А ну стоять, инвалиды!

Тип в костюме тоже замер, его мешок скатился со спины на пол, будто давая своему хозяину отмашку, и тот тут же начал оправдываться.:

— А я здесь вообще ни при чем! Мне сказали, что можно дешево и надолго снять комнату! Я только хотел снять жилье, я тут случайно. Извините, мне идти надо!

— Никуда вы не пойдете, — перебил я. — Пока я не пойму, в чем здесь дело. — Прошлый жилец не платил, я его выселил, — сложил «бульдог» руки на груди.

Истошный вопль водопровода прекратился, и послышался скрип половиц.

— Вы кто? ... — протиснувшийся из коридора в комнату взъерошенный Наруто удивленно осмотрелся. — Ой, Вакаба-сан, а что вы тут делаете? — Ты его знаешь? — мрачно кивнул я в сторону сквернословия.

Мальчик кивнул, снял с плеча полотенце и повязал его поверх трусов: — Вакаба-сан следит за порядком в доме. — Паршиво следит, — буркнул я. — Кто — понятно. Комендант. Теперь другой вопрос: Что Вакаба-с-сан, — прошипел я, — забыл здесь с этой компанией? Насколько я понял, один из вас новый постоялец, — и я язвительно добавил: — Несостоявшийся. — Я не должен перед тобой отчитываться, я вообще не знаю, кто ты такой и что ты тут делаешь! Я комендант и имею право... — Заткнуться! — злобно перебил я его, выпустив КИ. — Ты совсем тупой? Ты будешь отчитываться, — тоже перешел я на «ты», — потому что я чуунин Конохагакуре и твои действия выглядят как преступление. Что здесь происходит? Отвечай! — нагло напирал я на мужика.

Тот было замялся, но быстро перешел в нападение:

— Я собирался выселять этого мерзавца-неплательщика, — ткнул он пальцем в сторону Наруто, который вертел головой и трепал волосы руками, чтобы быстрее высохли.

Не сообразил растерявшийся дурак-Вакаба, что я гость этого самого «неплательщика» и что не отношусь к нему, как большинство. А большинство последнего конохского Узумаки тихо недолгобливало. Или не очень тихо.

— Вакаба-сан, я платил! — запоздало возмутился мальчик. Потом, смутившись, добавил: — Ну, пока мы на миссию в Страну Волн не ушли. — Вот! — торжественно воскликнул комендант и продолжил обвиняющее тыкать пальцем в Узумаки. — Он сам признался, что не платил!

Треснув коменданта по руке, я прошипел: — Я тебе сейчас твою кривую ковырялку сломаю.

Тот начал вопить как резаный, а ведь я ему еще ничего не сделал.

— Заткнись, — рявкнул я, убрав «когти» и схватив мужика за ворот кимоно. — И хватит нести ахиною. Мы, шиноби, постоянно на долговременные миссии ходим, и даже в самых паршивых общагах вроде

этой не платить можем до полугода, в исключительных случаях — даже дольше!

Наруто сделал вид, что он это помнил, Вакаба, посмотрев на мою перекошенную от злости физиономию, стушевался и втянул башку в кимоно, как черепаха в панцирь. Я быстро допросил грузчиков и «купца», которого звали Кокэцу. И все встало на свои места в этом дрянном театре жулика-Вакабы.

Этот мошенник — комендант этой богами забытой общаги — решил подзаработать.

В основном сюда селили будущих бесклановых шиноби из низкоранговых классов Академии и нескольких учебных заведений похуже, готовивших рекрутов для Конохи.

И Вакаба периодически сдавал жилье постояльцам, так как пустых комнат всегда было больше, чем он записывал в отчетах. Поскольку комендант все же не полностью потерял осторожность, то работал он с одними и теми же грузчиками, которые его теперь и сдали с потрохами.

Да, могло показаться, что жить в конуре, подобной той, в которой жил Наруто — не лучшая судьба, и что этим комендант делал услугу детям, потому что их поселили бы в нормальных домах... Но это не так. Потому что более-менее приличного жилья для студентов Академии было мало, а значит, что из-за этого жадного кретина каждый год Коноха теряла дополнительно от десяти до пятнадцати генинов. Как правило — сирот, которым некуда было больше податься.

Проблем у него, как правило, не возникало — в эту помойку селили тех, кто не мог за себя постоять и за кого некому было заступиться.

Когда комендант понял, что его сдают, и нутром почувствовал, что ничего хорошего ему не светит, он затащил жалостливую песню про то, как ему не хватает денег на жизнь, и стал меня убеждать, что «вот этого» — небрежно-презрительный жест в сторону Наруто — он собирался выселить только потому, что он все равно там больше не живет.

Даже понимая, что убеждать в чем-то этого уроды нет смысла, я все равно не выдержал и рыкнул:

— Какое твое собачье дело, живет или нет?! Записан? Платит? Значит живет! — тут я повернулся к Наруто и, резко сменив тон и ласково улыбнувшись, сказал: — Иди одевайся и принеси мои кунаи. Хорошо?

— Хай, — мальчик помчался снимать одежду с балкона и забирать подсумки из-под кровати.

Кстати, развешивал белье на балконе тоже он. Я на эту хлипкую конструкцию выходить побоялся, хотя Наруто и утверждал, что все крепкое и не упадет...

С ним, может, и не упадет, а вот если я встану — запросто! По мне, так балкон явно сделан тяп-ляп, держался на соплях и честном слове, да еще и перила ребенку по пояс. Нафиг-нафиг.

— А что с нами? — робко спросил торговец.

Не обращая внимания на Кокэцу, я, ухмыляясь, дал задание вернувшемуся Наруто:

— Попробуют сбежать, можешь потренироваться в метании кунаев по движущимся мишеням. — Ага, — принял игру Наруто, скопировав мою ухмылку, чем вызвал у всех, кроме несостоявшегося постояльца, дикий ужас. Тут к гадалке не ходи — эти трое местные.

Наскоро умывшись и переодевшись из домашних штанов и драной майки в форму, я достал расческу и хитай-атэ. Когда я подошел, на ходу затягивая хвост, вид у задержанных был на редкость унылый.

— А теперь, неуважаемые господа, — со злой ухмылкой сказал я, — нас ждет прогулка. Пытаться сбежать очень рекомендую, — но прежде чем они успели дернуться, рявкнул: — Стоять! Ребенку тренироваться надо, — я пригладил волосы на голове Наруто, — потому, если уж решите свалить, бегите не по прямой, а то неинтересно будет.

Даже смешно стало от их кисло-унылых рож.

Оставив клона сторожить дом, я, Наруто и компаньон Вакабы вышли на улицу. Честно говоря, я бы был совсем не против живого тира, но не сложилось. Этим четверым хватило ума не пытаться сбежать.

— Прямо, — командовал я, — налево... Быстрее, ленивые задницы!

Наруто уже давно смеялся в голос от моих реплик. Он думал, что я шучу.

— Куда вы нас ведете? — возмутился комендант, справившись с ужасом на третьем или четвертом повороте. С этими товарищами я снова почувствовал себя в шкуре Иго-нукенина.

— В гости, — еще шире улыбнулся я. — шевелись бодрее, левой, правой, левой, правой!..

Загнав всех четверых в приемную, я подошел к окошку.

Приемная департамента пыток и расследований неуловимо напоминала полицейские участки из фильмов. Слева узкая и низкая скамья, явно сделанная не для удобства гостей, рядом лестница наверх. Около нее дверь в помещение дежурного, естественно, закрытая, как и положено по инструкции. Дежурный через решетки и толстое стекло мог видеть все, что происходит в помещении, но сам надежно защищен в случае нападения. Ему можно было передать что-то небольшое через вращающийся лоток. Рядом был прикреплен листок с инструкцией, где большими красными иероглифами было написано: “Запечатывающие свитки не передавать!” Позади дежурного, между стеллажами с какими-то коробками, находился вход в служебные помещения для персонала. Слева, за толстой металлической решеткой, от комнаты дежурного — широкая лестница, уходящая вниз. Сейчас она была не освещена и напоминала провал в глотку монстра. Не мудрствуя лукаво, помещение для арестованных прорубили прямо в толще камня.

— Вы что, теперь каждый день сюда ходить будете? — буркнул молодой следователь вместо приветствия, хмуро зыркнув на моих пленных. Ему явно было неуютно в этой застекленной клетке.

— А у вас что, проблемы с Рогу-саном? — вместо ответа ехидно поинтересовался я. Парень, имени которого я вчера так и не узнал, кивнул и начал что-то говорить, но я его не услышал. Тут он сообразил нажать на кнопку переговорника: — Я сказал, да, разыгрывает из себя замученного... хм, ладно, вас это не касается.

Потерев лоб, следак вздохнул и тоскливо, без выражения, пробубнил: — Здравствуйте. Чем я вам могу помочь?.. — но не смог удержать официального тона: — И какого биджу здесь эта делегация?! — Вот этот мужчина, в коричневом кимоно, — мошенник, коррупционер, а может быть, и шпион. С остальными ситуация похожая. — Вы... Вы уверены? — скептически оглядев толпу, спросил стажер-следователь. — Может, расскажете, почему вы так думаете? — Да и мне тоже будет интересно, — сказал вышедший из-за двери позади него Морино Ибики. — Доброго дня, Морино-сан. Вакаба-сан, — указал я рукой, — комендант общежития для малообеспеченных студентов Академии. Он сдавал помещения посторонним людям, в том числе и не из Конохи, перед этим выселяя жильцов по надуманным предлогам, когда это ему удавалось, — доложил я суть дела.

— Ха, — расслабленно усмехнулся молодой, — ну это никакой не шпионаж и вообще ерунда, не стоило их сюда тащить из-за... — Замолкни, Иши, — вышел в предбанник Ибики, звонко хлопнув усиленной металлической пластиной дверью, — и проводи наших гостей в камеры. — Э? — удивился было прерванный на полуслове стажер, но, побросав бумажки, быстро выскочил с наручниками и, спеленав компанию, погнал всех в камеры.

Как только они вышли, Ибики покосился на Наруто.

— Узумаки-кун, ты ведь дашь нам с Умино-саном поговорить наедине? — надавил он на мелкого, добавив толику КИ.

В ответ мальчик только недовольно надулся и вопросительно посмотрел на меня, вызвав тень уважительной усмешки на лице главы департамента расследований.

Я вздохнул.

— Наруто, мы недолго, подожди под деревом, ладно?

Тот, кивнув, уперся двумя руками в тяжелую створку и выскользнул в образовавшуюся щель.

Несколько секунд поизучав меня взглядом, Ибики вкрадчиво начал:

— Вы ведь так же, как и я, считаете, что Вакаба-сан злонамеренно подрывает боеспособность Конохогакуре и потворствует шпионам? Именно так мне и следует записать ваши показания, ведь так?

Секунду подумав, я кивнул.

Эмоции Ибики контролировал хорошо, и читались они несколько хуже, чем у других людей. Но его интерес был столь явно выражен, что я ни на секунду не усомнился в том, что было нужно Морино.

— Да, именно так, — кивнул я еще раз. — Очередной постоялец мог оказаться кем угодно, как шпионом и диверсантом, так и просто торговцем наркотиками или психопатом-педофилом. И даже если Вакаба невиновен...

Ибики чуть поморщился.

— В том, что он виновен, сомнений нет, — тут же исправился я, — но даже в таком случае общежитие учащихся — это не гостиница для гостей Деревни.

— А ведь же из-за махинаций коменданта каждый год набирали на десять-двадцать меньше учащихся, — задумчиво сказал главный следователь Конохи и пояснил: — Их просто некуда было селить. А это уже саботаж! И вы помогли его раскрыть. Поздравляю!

Пару секунд удивленно похлопав глазами, я кивнул.

— Конечно, туда селили сирот, притом не самых талантливых, но он нарушал законы деревни и должен понести наказание, — подытожил Морино.

Мне сильно не понравился такой утилитарный подход к жизням детей.

— Но все равно среди этих двух десятков мог оказаться какой-нибудь гений, который, увы, остался ремесленником, а не стал шиноби! — горячо возразил я и добавил: — Это неправильно — оценивать поломанные судьбы только тем, сколько пользы эти дети принесли бы Конохе!

Главный следователь только головой качнул и веско сказал: — Это лишнее, Умино-сан. Вакаба — преступник и коррупционер.

При этом главный палач и следователь Конохи так выразительно на меня глянул, что у меня начисто отрезало желание спорить дальше.

"А судя по твоему настрою — еще и враг народа, изменник родины и шпион всех существующих разведок. В чем скоро и признается, предварительно злостно и цинично разбив себе лицо об столы, стулья, ступеньки и обувь охраны".

А спорить по поводу того, что жизни детей нельзя мерить только их потенциальной полезностью деревни, я не стал. Не поймут.

По сути, Ибики всего лишь констатировал факт — в такие общаги действительно селили не самых перспективных учеников. А на правду глупо обижаться. Моя точка зрения едва ли встретит здесь у кого-то понимание. Коноха юбер аллес — то есть превыше всего, ага. Особенно если тебе ранг и положение позволяют пожертвовать кем-то вместо себя или того, кто тебе дорог.

Повисло неудобное молчание, и я, не придумав ничего умнее, спросил о том, что будет с Вакабой. Ибики понимающе ухмыльнулся и пообещал рассказать, чем кончится дело. Уходил я с навязчивой мыслью, что накосячил и что у Морино обо мне сложилось не самое лучшее впечатление.

— Не важно, — отмахнулся я от мыслей про репутацию и пошел снимать скучающего Наруто с дерева. — Мартышка-кун, слазь!

Прежде чем идти за Саске, нам пришлось забежать за конспектами и образцами докладов, хотя бы в виде черновиков. Воняло уже меньше (спасибо перекиси водорода), чем раньше, но я все равно постарался надолго не задерживаться.

Время было не военное, миссия — не срочная, поэтому нас не торопили с бумажками. Согласно принятому у шиноби распорядку, в случае отсутствия безотлагательных данных, жизненно важных для Деревни, командир группы при появлении в Конохе мог просто устно отчитаться у Хокаге или заполнить короткую форму у секретаря и только после этого в течение нескольких дней предоставить полноценный доклад.

Конечно, если бы у командира группы или членов команды была какая-то срочная информация, то они могли попросить аудиенции у Хокаге, но для этого нужны были веские основания. Само же выполнение миссии засчитывалось только после сдачи докладов от всей команды. Естественно, недееспособных и мертвых это не касалось.

А вознаграждение выплачивалось в самую последнюю очередь, после оценки.

Теперь нам предстояло сделать доклад таким, чтобы нигде не наврать, но при этом не сказать ничего лишнего.

Саске пришел к памятнику Первому в парке заранее. Он сидел на лавочке с тонкой книжкой и, явно скучая, перелистывал ее, поглядывая на пасмурное небо из-под крыши беседки. Сакуры, как ни странно, рядом не было. То, что она не пришла, меня только порадовало. Раньше бы разозлило, но теперь... Не появилась она в назначенное мною время — что же, это ее проблемы. Ждать мы ее не будем. Отчет должен быть. Не будет — мне же будет проще от нее избавиться.

К сожалению, написать бумажки на свежем воздухе в парке не получалось из-за сырой прохладной погоды. Укрывшись от редкого снега, превращающегося в квашню под ногами, под крышей, мы стали решать, куда податься.

Я не хотел звать Саске в гости к себе, чтобы не вызвать раздражения у Хирузена, ну и из-за вонючего холодильника, так что пришлось предлагать какую-то нейтральную территорию.

— Ичираку-рамен! — заявил Наруто. — Там тепло и сухо!

— Будут жирные пятна, — покачал я головой, — лучше библиотека. Хотя и там не слишком удобно — нельзя обсуждать подробности миссий высокого ранга в публичных местах.

— И там нельзя шуметь, — лаконично добавил Учиха, покосившись на Наруто.

— Саске-бака! Я не!... — возмущенно вскинулся Узумаки.

Учиха только самодовольно усмехнулся.

— Наруто, тихо, — прервал я Наруто, положив ему руку на голову, и погасил зарождающийся конфликт: — Саске-кун прав, в библиотеке мы будем шуметь, потому что нам придется много говорить.

— Но у нас холодильник воняет! Домой нельзя! — поевшись от ветра, сказал Наруто, а Учиху будто по носу щелкнули, так он скривился.

Мы обсудили и отбросили еще несколько вариантов, после чего Саске раздраженно закатил глаза и предложил нам написать отчеты у него и не тратить наше время впустую. Впрочем, судя по эмоциям, подразумевал он только свое. Странновато было слышать от него подобное щедрое предложение, но других вариантов в самом деле не было.

Пробежав по мокрым крышам, мы оказались у забора с выцветшими красными веерами. Кое-где краска и штукатурка уже осыпались — с момента печально знаменитой резни это место не видело даже косметического ремонта. Саске не подумал, а другим и не надо, пока забор не падает под ноги.

На воротах в квартал я заметил печати, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что они не включены, да и сам хозяин ничего при входе не делал. Если бы над кварталом был фуин-купол, Саске пришлось либо проделывать в нем брешь, чтобы держать ее собственной чакрой для нас, либо ждать, чтобы мы могли пройти вместе с ним.

Из-за пасмурной погоды и слабого тумана улица казалась мрачными декорациями из какого-то японского ужастика. Тишину нарушали лишь наши шаги да дробь мокрого снега по раскрытым зонтам. Наруто подсказал мне, что в снег можно ходить под зонтом.

Квартал Учиха выглядел точь-в-точь как в том сне, только не было трупов, непонятных личностей и свежей крови; вместо нее были засохшие пятна на некогда белых оштукатуренных стенах. Самые большие дыры, словно гнилыми зубами, оскалились потемневшими от времени и сырости досками.

Глядя на эти пустые дома, я прекрасно понимал, как в таком окружении мог вырасти «преданный» Конохе маленький Учиха. Тоска и безысходность не просто витали, они поселились в этих домах, глядя

пустыми глазами через мутные стекла и густые ветки мертвых обожженных деревьев.

Ни консервации с помощью фуин, ни... ни черта! Запустение.

— Только пауков с кулак размером не хватает, раскачивающихся на пыльной паутине, — пробормотал я сердито. — А, не, и такие есть...

Под крышей ветер весело раскачивал выцветший трупик длинноногого паучка в окружении усохших мух.

Среди этого запустения только один дом выглядел более или менее жилым — именно туда нас и повел Учиха. Конечно, было видно, что Саске живет тут один, но бывшие следы большой и дружной семьи все еще можно было заметить: массивный полированный стол, свитки с каллиграфией, явно написанные не одним человеком, и цветной абажур под потолком. Заметив, что я рассматриваю комнату, Саске вернулся и поспешно закрыл двери в зал, попросив идти за ним.

Вскоре мы оказались на небольшой кухне. Тут тоже был абажур из цветных лоскутов, схваченных между собой атласной или шелковой ленточкой.

Хозяин дома толком не дал оглядеться, сразу же предложил начать писать. Даже ничего не предложил пожевать или попить. Гостеприимство по-учихски.

Раздав ребятам конспекты и черновики, я стал самозабвенно творить доклад для Хокаге.

В отчетах я написал, что Хаку вышел на меня, когда я уже работал на Гато. Я старался писать без особых подробностей, чтобы потом было проще импровизировать, если меня решат допросить. Но я сильно надеялся, что до этого не дойдет.

Зато я обстоятельно описал бой Какаши и Виктора, то, что я неоднократно напоминал одноглазому о Мечнике из Тумана, и то, что та компашка из лужи сказала, что Гато нанял Момочи. Посетовал, что после того, как Хатаке поправился, он снова тренировался сам, а на детвору опять «забил», что едва не привело к гибели Харуно Сакуры. Подробно описал

вероятные схемы сотрудничества с компанией Гато и возможности получения от нее денег Конохой и то, какая доля в Волнах отходит Туману. Не умолчал и о том, что если бы не я, то Момочи обобрал бы нас как липку и был таков. В общем, получилось сочинение на пяти листах о наших «приключениях» и о том, как мы гостили на деревне у дедушки-архитектора.

Кстати, Сакуру я особо щадить не стал и все ее косяки описал. Тлел у меня огонек надежды, что ее уберут и вместо нее поставят кого-нибудь не столь бесполезного.

Правда, я на это особо не рассчитывал. Если Хирузену нужно, чтобы у нас был такой состав, значит, мой отчет ничего не изменит. К тому же найти кого-то сильного или хотя бы полезного и при этом некланового будет крайне тяжело. А третьего члена команды, принадлежащего к кланам, нам не дадут — наша команда и так настолько ценная, что ее страшно выпускать за ворота Конохи...

Что, впрочем, не помешало Третьему нас подставить... Старая свинокрысиная обезьяна, чтоб тебе!

Мне пришлось несколько раз все переписывать, чтобы вычистить из отчета для Хирузена сарказм, нелестные эпитеты и прочие не очень подходящие для официально-делового стиля вещи, старательно заменяя их на сухую канцелярщину.

У Наруто с отчетом тоже было не все гладко, он все время съезжал или на разговорные обороты речи, или на: «травка зеленеет, солнышко греет». А еще местами у него мелькало то, что лучше было не упоминать.

— Наруто, на самом деле все просто, — объяснил я, отложив его отчет после очередной вычитки. — Представь, что это будет читать посторонний. Твоя задача — разъяснить ему происходившее на миссии и сделать это предельно четко, понятно и подробно. Не нужно писать ничего лишнего и ненужного. Вот смотри, — стал я показывать примеры из собственного отчета.

Поглядев на нас, Саске сказал, что скоро придет, и вышел из комнаты.

— Не получается! — расстроено и одновременно рассерженно посмотрел Наруто на испорченные листы.

— Ну почему же не получается? Все нормально. Смотри... — я взял бумажки, разгладил и сложил так, чтобы оставались видны только попадающие в стиль места. — Если переписать только это, — осторожно сдвинул я кусочки, — добавить вот эти кусочки, — подчеркнул еще пару фрагментов на других листках, — то получится то, что нужно.

Наруто поморщился и покосился в сторону дверей:

— Так бы Саске, наверное, написал.

У того, кстати, действительно получалось лучше.

— Отчеты — это не совсем обычные документы, — усмехнулся я, глядя, как Учиха ставит на стол магазинное печенье и молоко в окружении трех стеклянных стаканов.

— Спасибо, — отвлекся я и продолжил. — Отчеты пишут официально-деловым стилем, языком законов, безлично, стереотипно и без эмоций, будто тебе все равно, о чем писать. Язык законов требует прежде всего точности, не допускающей каких-либо разночтений. Быстрота понимания не имеет значения, так как в случае выраженной необходимости читатели в состоянии основательно изучить текст и перечесть его несколько раз. Благодаря такому подходу формируется единая система отчетности, в которой разные жизненные явления укладываются в ограниченное количество стандартных форм: отчет, анкета, справка, инструкция, заявление, деловое письмо...

— Как разложить по полочкам разные вещи, — задумчиво сказал Наруто, сложив руки на груди, точно кивая своим мыслям на этот счет.

— Да. Но я бы не сказал, что эта система идеальна. Иногда доходит до абсурда, и в документы пытаются уместить чувства, искусство и многие другие вещи, которые все воспринимают по-разному, которые нельзя пощупать и измерить.

Вернувшийся Саске как-то странно посмотрел, но, ничего не сказав, снова сел писать.

— Как я уже сказал, в отчетах о миссиях применяется вольный стиль письма, меньше канцелярщины, официоза и прочего. Но и тут есть свои стандарты. К счастью, у нас есть мои конспекты. Саске-кун, отвлекись, пожалуйста, на минуту.

В результате все три отчета полностью и примерно в одном ключе описывали все, что с нами происходило, постоянно повторяясь и дополняя друг друга.

Удостоверившись, что все правильно, мы распрощались с Саске и ушли.

По дороге решили зайти в Пиалу, а там нас ждал неприятный сюрприз.

У Соры дела в целом шли хорошо. Управляющий тщательно контролировал качество исполнения работ.

И не воровал — я был в этом уверен. Но, тем не менее, второй этаж забегаловки до конца так и не отремонтировали. На то было несколько причин: Первой и самой главной было то, что и мы, и строители не рассчитали всех нюансов. Как водится, когда начали все делать, выяснилось, что фронт работ будет больше, чем ожидалось. Это было незадолго до того, как мы ушли на миссию в Страну Волн, мне обещали все сделать до первого снега, то есть, по-простому, примерно до середины января. Разумеется, не сделали.

Мда... гладко было на бумаге, но забыли про овраги. А по ним — ходить.

Так получилось, что наш новый дизайн потянул за собой цепочку изменений и исправлений. Больше работы, больше материалов, а следовательно — нужно было потратить больше денег. Вторая проблема возникла прямо из первой. Управляющий втянулся в процесс ремонта и, как добросовестный человек, решил сделать качественно и не экономить. Тем более что он узнал, что мы ушли на долгую миссию, и помнил про то, что он может тратить мою долю дохода на ремонт заведения.

В результате Сора перестал экономить и укладываться в смету. Он хотел сделать все если не идеально, то близко к этому. Это еще более усугубило проблему отсутствия денег. Кроме этого, встала проблема времени. Из-за того, что ремонт оказался шире и больше, чем предполагалось, шума и грязи с ним тоже было сильно больше.

Грязь со второго этажа на первый, к счастью, не просачивалась, а вот шум — очень даже. Это сократило возможное время работы с утра до полудня и с позднего вечера до ночи. Естественно, что не все хотели работать в такое время и требовали повышенной оплаты. А посетители — между прочим, воры, контрабандисты, наемные убийцы и бандиты — хотели отдохнуть с комфортом. В результате ремонт затягивался.

Нужны были деньги, чтобы закончить ремонт в разумные сроки. Как назло, с деньгами у меня было так себе.

С учетом того, что запланированный заказ новой сбруи пробьет брешь в бюджете... Мда. Завтра я буду драться как лев за наше кровное бабло — ничего другого мне просто не остается.

Впрочем, до конца дня нам с Наруто еще многое предстояло сделать: закупить еды и новый матрас, закончить наводить порядок в конуре Узумаки, проверить, как проветривается помещение, и многое, многое другое...

К концу дня я устал так, что еле волочил ноги.

По пути домой мы снова заглянули в Ичираку. Макуто все еще был там — он домывал последний котел и собирался уходить. Увидев нас, он вытер руки о передник и спросил:

— Как отчеты?

— Сдали, — ответил я. — Завтра за деньгами.

Макуто кивнул и сказал:

— Я завтра пойду к Оде. Покажу форму.

— Думаешь, он удивится?

— Думаю, он захочет спарринг. Я готов.

Мы попрощались и разошлись — Макуто в свою каморку под крышей у О-Тойо, а мы с Наруто — на его холодный чердак.

Проснувшись, я с наслаждением потянулся. Судя по шуму, Наруто умывался или набирал воду.

— Надо будет сегодня попытаться разобраться с этим подобием ванной,
— недовольно пробурчал я в потолок. — Не справлюсь сам — вызову сантехника, но оставлять все как есть — не вариант.

Кран снова издал что-то среднее между истошным воплем и звуком, с каким пенопласт скрипит по стеклу.

— Но это все — только после доклада у Третьего, — заткнув уши пальцами, прошипел я.

Ночью прошел снег, он прилип тонким, прозрачным льдом по углам оконных стекол, словно лаком покрыл мокрые доски и перевернутое ведро с дырой в боку. Его мелкий раскурочил специально для голубей.

— Теперь полы мыть не из чего, — выдохнул я на холодное стекло и потянулся, стараясь, чтобы одеяло не развернулось еще больше.

Мелкими шажками, переставляя ноги и раскачиваясь, как пингвин, прошелся до свистящего чайника и с кружкой обратно к окну.

А там бушевал ветер, без особого успеха гоняя по небу клочковатые темные тучи и выбивая из них мелкую белую крупу.

— Доброе утро, — проскакал бодрый Наруто, тоже завернутый в одеяло, но с полотенцем на голове. — Доброе, — улыбнулся я в ответ, а внутренне вздрогнул: умываться ледяной водой — то еще удовольствие.

К Хирузену с бумажками нужно было к десяти, так что мы еще успевали зайти в Ичираку и там позавтракать. Теучи, как всегда, был нам рад. А уж как я был рад горячей еде да тому теплomu пару, который шел от печи-котла для рамена!

Макуто уже был на кухне, закатав рукава. Он бросил в кипящий бульон горсть специй и помешал деревянной ложкой, потом перелил готовую порцию в плошку и пододвинул Наруто.

— Пробуй.

Наруто с горящими глазами подул на лапшу, отправил в рот и зажмурился.

— Еще лучше, чем вчера! Что ты добавил?

— Кунжутное масло и чеснок. И бульон на костях, а не на порошке.

Теучи из-за стойки одобрительно кивнул.

— Парень дело знает. Я ему уже вечернюю смену отдаю по вторникам и четвергам. Пусть учится.

Мы с Наруто переглянулись. Кажется, у Ичираку-рамен появился второй повар.

На улицах сегодня было довольно пустынно, только редкие торопыги скакали по начинающим оттаивать крышам. Я ожидал, что и в башне каге тоже будет немногочленно, но внутри было не протолкнуться. Все диваны, лавки и подоконники — заняты. Сновали чуунины с ворохами бумаг и свитков, маневрируя между шиноби и немногочисленными заказчиками, которые отчего-то приползли на ту половину, которая предназначалась для нас.

Неразбериха, очереди, людской гомон и раздражение. Им «пахло» практически ото всех. Через пару минут нас нашел сам Учиха, последней подошла Харуно, нервно встряхивая руками подмокшие волосы, точно пыталась их так просушить. Она несколько раз проходила мимо, не могла нас найти, пока Наруто ее не привел.

— Собраться мы собрались, — пробормотал, окинув взглядом очередь в единственную дверь, — но я без понятия, куда идти дальше.

— Давайте подождем Какаши-сенсея, он скажет, куда идти. Эй! Осторожнее! — Харуно уронила ярко-красный зонтик, когда ее кто-то случайно толкнул. Измученный чуунин с отсутствующим видом пробормотал извинения и, спешно проверив свои коробки, поспешил по своим делам.

Очередь двигалась довольно быстро, и это меня раздражало. Все уже будут дома, а мы все еще будем ждать Его Величество Ленивую Жопу! Ведь договаривались, что он сюда придет!

— Мне надоело! — озвучил Наруто мои мысли. — Бака... — Начала было Сакура, но была заткнута моей ладонью. — Мне тоже. Если бы я только

знал, куда идти, можно было бы не ждать Хатаке-сана. Сакура, помолчи!
— Тогда пойдем к деду! Даттебайо! Он точно знает, куда нам идти.

«Угу, — мысленно съязвил я, — только бы не на три веселых буквы».

Не дожидаясь ответа, Наруто схватил меня за вторую руку и потащил наверх. Сакура и Саске почти синхронно вздохнули и пошли за нами.

На последнем этаже красного торта-башни каге — поразительно, но факт — нас ждал Какаши! Он сидел на пуфике около окна и пялился в свою книжку, чем немало нервировал секретаршу Хирузена.

Она косилась в сторону, поджимая темно-розовые губы и накручивая на палец кончик косы цвета обожженного кирпича.

— Вы опоздали, — не подняв головы, заявило Чучело.

— А вы пришли вовремя! Поразительно! — не сдержался я.

"Только не туда, куда надо было. И это что угодно, но не случайность".

Рыжая тихо хихикнула, прервав мои мысли, и, кокетливо улыбнувшись, проговорила:

— Хокаге-сама примет вас через двадцать минут.

Когда из дверей вышел какой-то мужчина в дорогом кимоно, запустили уже нас.

Стоило только войти, как в глотке запершило от вонючего дыма. Пришлось даже горло тереть и носом в рукав уткнуться, чтобы не раскашляться.

На массивном столе лежала шляпа, а вот сам Хирузен стоял у дверей на крышу. Ветром дым как раз заносило в помещение. Явно не для удобства посетителей он там курил.

Обернувшись, он сделал вид, будто только что нас заметил.

Если бы не моя сверхъестественная чуйка, я бы посчитал, что старый каге действительно рад нас видеть. Но эмоции расходились с приветливой улыбкой и заботливым, теплым взглядом: я ощущал недовольство и

порядком задолбавшее за сегодня чувство раздражения, которое успело заразить и меня.

Как обычно, дедок начал издалека с общих вопросов вроде: «Как у вас дела? Нормально? Ну, отлично». На самом деле, наши дела его интересовали точно так же, как папуаса из Индонезии цены на соболиные шапки.

Какаши, конечно же, выступал первым. На словах он был настоящим героем. На деле — тем еще брехлом. Выступив вперед, Чучело жестом фокусника достало свернутый листок из нагрудного кармана и, выдернув отчеты из моей папки, которую я открывал, веером разложило все перед Хирузенем, добавив свою бумажку. Думаю, что Какаши даже не подозревал, как сильно мне хотелось дать ему пинка под зад! Эх, мечты, мечты...

Писанина Хатаке тут же свернулась обратно в трубочку, так что Третьему понадобились обе руки, и он отложил свою трубку в керамический лоток со специальным держателем.

Пробежавшись глазами и перетасовав отчеты, Хирузен негромко поинтересовался:

— Умино-сан, у вас остался еще один отчет? В папке, — уточнил старый шиноби.

— Нет, — коротко ответил я, прекрасно понимая, что Сарутоби искал то, что Харуно должна была написать. А я даже папку открыл и показал, что в ней пусто.

— Хм, — взялся каге за трубку и снова выдохнул вонючий дым, — Сакура-чан, где твой отчет?

Краснея и бледнея, Харуно теребила подол и, похоже, что от страха не смела поднять глаза — пялилась в пол. На широком лбу даже выступили бисеринки пота.

— К-какие отчеты, Хокаге-сама? — проблеяла девчонка, — Мне никто ничего не говорил, — не поднимая глаз, сказала она. Я тут же сбил эту брехню на взлёте, чтоб крайним не оказаться: — Сакура-чан, я тебе два

дня назад говорил, что мы все должны собраться для того, чтобы закончить отчеты по миссии. Не один, а много отчетов. Ты не пришла.

Эмоции переменялись в момент! Сакура сжала кулачки и, справившись с собой, снова притворилась паинькой.

— Я приходила! Только чуть-чуть опоздала из-за непогоды. Вас не было! Я искала, но никого не нашла! И я подумала, что Ирука-сенсей, наверное, сам напишет один общий отчет. Я не знала, ведь Какаши-сан ничего не сказал. Я не знала... Честно-честно, — чуть не плача, подняла на Хирузена свои зеленые глазки Сакура.

"Нашла виноватого, — уныло вздохнул, — побег розового треанта".

Третий вынул из рта трубку, которую успел забрать ранее с подставки, посмотрел на нас с улыбкой доброго дедушки и начал утешать Харуно:

— Не переживай, Сакура-чан. Ты ошиблась, но в этом нет ничего страшного, отчетов Какаши-сана, Умино-сана, Саске-куна и Наруто-куна более чем достаточно. Но в следующий раз все-таки будь внимательнее и слушай, что говорят твои сенсеи.

Вот так вот, сама доброта! Кавайный дедушка. Оскара ему! А лучше сразу два! Посмертно!

В общем, расправы не случилось. Дедушка-каге на первый раз простил. Хотя осадочек, как говорится, остался. Да и Какаши погрозили пальчиком, чтобы он внимательнее относился к своим и чужим бумажкам.

"Мелочь, а приятно".

Поняв, что больше спросить нечего, Хирузен предложил нам сдать трофеи оценщикам и объявил недельный отпуск. Очень кстати.

— Пойдем в Ичираку, отпразднуем! — подпрыгнул Узумаки, повисая у меня на спине, как обезьянка.

Спрятав отчеты в стопку на столе, Хирузен громко кашлянул, так что все на него обернулись:

— Наруто-кун, подожди в приемной. Сейчас я хочу поговорить с Хатаке-саном. — Хай, — без энтузиазма отозвался мальчик и, скучившись, сполз на пол. — Если меня внизу не будет, — шепнул я Наруто, — иди в Ичираку, я подойду.

Настроение у Наруто сразу же взлетело на прежнюю высоту, а может, и выше.

Оставив Наруто на диванчике, я пошел за секретаршей. Ее, чтобы мы не заплутали, приставили к нам проводником.

Вход на нижние этажи оказался под лестницей, короткий коридор и две двери. За двустворчатой — вход в соседний корпус резиденции, а одностворчатая прикрывала лестницу вниз.

Вероятно, на склад можно было попасть и другим способом, потому что таскать что-то крупногабаритное по этой винтовой лесенке с лампочками над головой было не слишком удобно. Тени плясали под ногами, как будто назло, а бесконечные узкие пролеты с ответвлениями в стороны вызывали навязчивые мысли о клаустрофобии.

Наконец девушка остановилась на одной из площадок и сказала:

— Вам в конец коридора, остальные двери закрыты, удачного дня.

— Спасибо, — выдавил я улыбку, — вам тоже.

Как подумаю, сколько земли над этим потолком, так плохо становится.

За решеткой на стуле покачивался мужчина лет за пятьдесят на вид, на его лице и густой черной бороде мерцали голубоватые блики, точно он телевизор смотрел. Он был немного похож на меня — какая-то помесь араба и японца.

— Проходите, Умино-сан, не стесняйтесь, я не кусаюсь, — сказал он, и повернувшись куда-то влево, крикнул: — Джобен-сан, у нас работа появилась!

— Напомните, пожалуйста, как вас зовут, а то я память по... — начал было я.

Он махнул рукой и перебил:

— Да-да, я наслышан, извините старика, Ирука-сан. Меня звать Кадо, я с вами раньше был знаком. Здесь я представляю Совет Деревни, моя задача — помочь с оценкой трофеев, в том числе артефактов, и если серьезно изменился ранг миссий, то подтвердить, что оценка миссии правильная.

Кивнув, я покосился на ящик, который стоял на столе.

И в самом деле им оказался телевизор с разделенным на четыре части экраном. В одном из квадратов угадывался коридор, во втором стояли мы все, а третий и четвертый показывали какие-то полки с коробками.

Быстро встав со стула и одним движением задвинув его под стол, Кадо оказался около нас.

До сих пор не привык, что пожилые люди могут двигаться, как молодые. И Хирузен путает еще, создает неверное впечатление своей неторопливой шаркающей походкой.

— В первый раз такое видишь? — панибратски хлопнув по плечу, спросил бородач, заметив мой интерес. — Скажу по секрету, дорогая штука! Из Страны Луны привезли!

— Эм, нет, просто удивился, что тут такое есть, — честно ляпнул я и прикусил язык.

— Кадо-сан, — смахивая несуществующую пыль с плеча, вышел второй работник склада, — может быть, вы уже попросите свитки? Или даже начнете работать?

Второй мужчина тоже был в возрасте, сухощавый, невысокий, с не особо приятной улыбкой и строгим взглядом, чем-то похожий на Антонио Бандероса. Наверно, тем, что был смуглым и кареглазым, явно метисом, будто из Мексики или Южной Америки. Но тут-то таких краев нет.

Ничуть не смутившись, Кадо хохотнул и, цыкнув зубом, моментально переменялся.

Из рубахи-парня он стал тяжелым и кряжистым, как хмурый леший со страниц детских сказок. Я даже испугался немного.

Сухо и четко он оттараторил инструкции и сунул какую-то бумагу, сказав:

— Подпишите.

Тут я пришел в себя и начал вчитываться.

— Что значит «подпишите»?! — я дошел до конца документа. — Вы даже свитки не видели! Не то что их содержимое! И список пустой!

— Тише, парень. Выкладывай свитки на стол, по одному будем вскрывать,
— он обернулся к товарищу и весело сказал: — Джобен, ты проиграл.
Слушай, что принести мне на ужин...

Как потом рассказал бородач, они так над новенькими шутят. Некоторые даже подписывают пустые листы, а потом «старики» их отчитывают, как маленьких.

Пустые стеллажи и ящики постепенно заполнились различным хламом.

— Немало набрали, — взяв еще один лист, уважительно сказал оценщик.

— Да? — подала голос Сакура и повернулась ко мне: — А когда вы это собрать успели, Ирука-сенсей?

И взгляд такой подозрительный-подозрительный.

— После того, как убили бандитов, — чуть самодовольно сказал Саске. — У Гато, должно быть, было немало людей? — не отрываясь от бумаг, спросил Кадо. — Могло быть больше, — припомнил я, как шугал работников с большой дороги. — Хатаке-сан всех убил? — влезла вдруг Сакура.

Недоуменно оглянувшись на розовую, я спросил у Учихи: — Вы ничего ей не рассказали? — Она не спрашивала, — флегматично фыркнул тот и пошел в сторону стеллажей с уже разобранными трофеями.

— Парнишка, тебя же Саске-кун звать? — обратился к нему бородатый оценщик. — Не расскажешь, как там на самом деле было? Уважь старичков, скучно нам.

Учиха вспыхнул удивлением, но виду не подал.

— Хн. Расскажу, — он покосился на меня, — если Ирука-сенсей не против
— Не против, Саске-кун, — улыбнулся я.

Эта ситуация меня почему-то забавляла. Может быть, потому, что Саске гордился, а может, потому что услышав имя «Забуза», Джобен стал выяснять, откуда тот взялся. Пришлось Учихе рассказывать все с самого начала.

Когда мальчик стал пересказывать мои слова, кто-то из оценщиков начал фонить недоверием. Кто именно, я так и не смог понять.

— Ирука-сан, — хитро ухмыльнулся в бороду Кадо, — а Хатаке-сан тоже внес свою лепту в эту кучку?

— Если бы, стоял с генинами в сторонке... — я вскрыл очередной свиток и, снова прикусив язык, исправился: — Прикрывал их на случай атаки. Хатаке-сану не до металлолома было.

"И чего меня на откровенности потянуло? Я ведь не знаю, как они к Хатаке относятся".

— То есть Какаши-сан, как обычно, не собирал трофеи, и вы сделали это сами? — уточнил Джобен. — Да, и это тоже. Это уже после боя было, и Какаши в нем участия не принимал, — решил я не стесняться. — Это был последний свиток, — подвел я итог. — Что теперь?

Бородатый оценщик слушал так внимательно, что мне даже не по себе стало, а еще он часто косился на детей, будто хотел подловить меня на чем-то незаконном.

— Подписать и приходить за деньгами, — тасуя пустые бирки, как колоду карт, сказал Джобен.

Большую часть этой «колоды» он уже привязал — к каждой железке и вещи. Кстати, ему в этом помогал Саске, который сам вызвался, а Сакура опять затупила. Если честно, я ожидал, что она станет подражать своему возлюбленному, но, видимо, она просто из той породы женщин, которых невозможно просчитать, а их действия — предсказать. Используй она это качество в бою, цены бы ей не было!

Получив на руки бумаги, мы пошли наверх, и я чуть придержал Учиху:

— Саске-кун, надеюсь, ты не забудешь про тренировки. Если возникнут какие-нибудь вопросы, ты всегда можешь рассчитывать на мою помощь. Удачи, и не забудь сюда подойти через три дня — девятого итигацу за деньгами.

— Спасибо, Ирука-сан, я слышал. — Ну, тогда отлично. Я просто по себе сужу, память дырявая, — пожал я плечами, беззаботно улыбнувшись.

Распрощавшись с мелким Учихой, я пошел в Ичираку.

Большой бумажный фонарь на входе призывно покачивался в такт постукиванию сита для лапши.

Остановившись рядом с входом, я заглянул под шторы. Наруто лениво ковырялся в плошке, в которой, что действительно странно, все еще был рамен.

Увидев меня, Наруто бросил свое занятие и, возбужденно жестикулируя, попытался мне что-то рассказать. К счастью, я быстро понял, что дело касается Хатаке и Хирузена:

— Доедай. Возьмем учебники и сходим на полигон. Там и поговорим. Хорошо?

— Хай.

Быстро сжевав заказанную для меня порцию лапши, которая успела остыть, и расплатившись, мы побежали на полигон. Наруто и в раменной ерзал на стуле, так что я решил за свитками послать клона.

Стоило только переступить границу барьера, а мелкий уже вывалил на меня кучу информации вперемешку со своими переживаниями и размышлениями.

Оказалось, что Наруто решил подслушать, о чем будут говорить Хирузен с Какаши, и у него это получилось. Немного странно, что Третий не озаботился антипрослушкой, но объяснимо, если учесть, что приемную за нами заперли, а в коридоре-кабинете секретарши остался только один Наруто, поскольку сама она куда-то убежала по каким-то своим особо важным делам.

Хирузен отчитал Хатаке и посетовал, что тот паршиво ладит с детьми, да и к Наруто и Саске относится неправильно. Хатаке, разумеется, стал обвинять во всем меня. Дескать, из-за навязанного ассистента не получается ни поладить с детьми, ни нормально их тренировать. Тогда добрый дедуля посетовал на мои амбиции и непростой характер и утешил Хатаке, что если что, то меня уберут, чтобы не мешал «учебе и командной работе». Ну и еще «дедуля» Хокаге пожурил Хатаке, мол, что ты как неродной, должен открыться нам и относиться к своей команде теплее. А не как к чужим людям.

Конечно, Узумаки так складно и понятно не говорил, на расшифровку у меня ушло довольно много времени. Если бы мы так долго не общались и если бы он не налегал в последнее время на книжки, то я бы гадал гораздо дольше.

После услышанного оставалось еще много вопросов, но на них мелкий уже бы не смог дать ответ.

— Специально или это оплошность? — гадал я, бормоча вслух, но, кроме меня, на этот вопрос некому было ответить. — Что специально? — взволнованно спросил мальчик. — Ирука, скажи что-нибудь! — Понимаешь, в чем дело, — решил я пояснить, — тебе могли специально дать это подслушать, устроив представление для тебя одного. Во-первых, Хирузен опытный шиноби и прекрасно умеет чувствовать чакру — кстати, как и Хатаке — и твою бы точно узнал, а во-вторых, он умеет делать звуковой барьер. В-третьих, очень сомнительно, что опытная секретарша-шиноби просто так оставила свой пост и оставила тебя рядом с кабинетом Хокаге и со своим столом с важными и секретными документами.

Наруто беспокойно стал кусать губу.

— Не волнуйся, — потрепал я светлые вихры, — даже если это все не случайность, а скорее всего, так оно и есть, то ты не первый, кем манипулируют подобным образом.

Увидев на лице мелкого непонимание, я пояснил: — Манипулируют — то есть управляют. Как куклами в театре теней или марионеток. — Или как кукольники из Суны. — Да. Тебе, скажем, говорят что-то, и ты

поступаешь так, как выгодно и нужно манипулятору. — Нечестно так поступать, — нахмурившись, буркнул Наруто.

— Согласен, нечестно, — вздохнул я. — Но мы все так делаем, в той или иной степени. Выше нос, мелкий! Судя по тому, что ты слышал, меня не собираются убирать из команды. Какаши ведь дали инструкции, как себя вести. Так?

— Угу, — с готовностью кивнул Наруто. — А значит, все нормально, — вздохнул я, — но все равно странно.

Разглядывая покосившийся забор по ту сторону полигона, я задумался: "Скорее всего, Узумаки дали подслушать, чтобы он передал все мне, а я понял намек и заткнулся. Но, может, Третий просто блефует? Убрать меня сейчас, когда у меня нормальные отношения с джинчуурики, а у Какаши — никаких? В очередной раз наплевать на Данзо и «Корень»? После того, как Хатаке, да и сам Третий, так эпично и некрасиво влезли в историю со Страной Волн? Патриарх Сарутоби ведь не впал в маразм и не такой тупой, ну правда же?"

— Все будет хорошо, — насупился малой. — Если дедка посмеет тебя прогнать, я ему такое устрою! — серьезно погрозил он кулаком в сторону резиденции Третьего.

— Конечно, — покивал я, улыбаясь. Ну, невозможно его воспринимать серьезно, когда он корчит такие рожи.

— Эй, я же не шучу! Даттебайо! — давя улыбку, нарочито обиженно пробухтел Наруто.

А я поманил мальчишку пальцем и шепотом спросил:

— Старичку надо бояться подрыва канализации при помощи дрожжей? Фуин в столе? А может... — Всего и сразу! — самодовольно перебил меня Наруто. — Ну, хорошо. Значит, волноваться мне не о чем.

На следующий день погода испортилась, время от времени моросил мелкий дождик, от которого под зонтом было стыдно прятаться. Пока мы обсыхали, к нам в Ичираку подошел Саске. В простом плаще, без рукавов, который ему явно был уже маловат. У Наруто похожий плащ был до

щиколоток, а у Саске едва доставал до колена, делая его похожим на гриб с короткой ножкой. Даже возникла мысль подсказать ему, что верхнюю одежду пора менять, но Учиха не дал мне времени на советы и сразу перешел к делу:

— Ирука-сенсей, у меня не получается создать теневых клонов, что я делаю не так?

Недоуменно глянув, я попытался вспомнить, когда он получил эту технику, но не преуспел в этом: "Вроде не учили, и Наруто бы рассказал, если бы научил. Сам скопировал, что ли?"

Хорошо у меня в этот момент лапшой рот был занят, так что я стал жевать как можно медленнее, чтобы потянуть время для размышлений и придумать, как ему ответить.

— Так с ходу не скажу, смотреть нужно, — отставив еду, ответил я Саске.

Понимая, что эту консультацию можно приравнять к тренировке, я начал задумчиво стучать пальцами по лакированной столешнице.

Наклонившись в сторону Наруто, я прошептал:

— Приведи Саске на полигон через час, буду ждать вас там. — Зачем это? — так же шепотом спросил мелкий. — Чтобы Какаши-сан не мог подкопаться. Мне нельзя тренировать Саске, но не помочь я не могу. Пошатайтесь по Деревне, а потом скажешь, что хочешь показать что-то прикольное, и приведешь туда. Все понял? — Хай, — азартно утерев нос рукавом, заявил Наруто. — Извини, Саске-кун, сейчас я не могу ничем помочь, — я встал из-за стойки, — попробуйте в библиотеке вместе поискать, заодно и потренируетесь работать сообща. Спросите у библиотекаря книги по ручным печатям, — я встал, чтобы уйти. — Удачи.

Сказать, что Саске был разочарован — это ничего не сказать, но прежде чем его злость успела разгореться ярким костром, Наруто нашептал ему план.

— Хорошо, Ирука-сенсей, я вас понял. — едва заметно кивнул Саске, удивленно косясь на Наруто.

Мальчишки ушли в сторону центра, а я, сканируя округу, к кварталу Призраков. Как ни странно, но за мной не было слежки. Либо «хвосту» я был абсолютно безразличен, в чем я сомневался, либо его сегодня не послали, или в этот раз за мной следил крутой профи, которому фиолетово на внезапную беготню без повода.

На полигоне тоже было мокро, но под густыми кронами сырость практически не ощущалась, а иногда даже казалось, что около стволов дует теплый суховей. Облокотившись на мощный ствол дуба, я раскрыл блокнот, но ничего написать туда не смог. Мысли крутились совсем не о деньгах и попытках навести в них порядок.

Я сомневался в своем решении помогать Саске, ведь оно сулило мне только проблемы. И не только потому, что в будущем за добро самый младший из Учих запросто мог отплатить кунаем в спину, а за дружбу еще и Чидори «угостить» — бонусом.

Уже сейчас психика Саске была основательно покорежена гибелью клана, предательством и Цукуеми брата. Он был вспыльчив, неуравновешен, не ценил других людей и готов был на все ради силы.

Учить его чему-то серьезному мне не хотелось еще и потому, что я воспринимал его, как шестнадцатилетнего Саске из манги. Фактически это было нежелание вооружать будущего противника чем-то сверх канона.

На пустом полигоне было тихо и жутковато пусто, так что я создал клона, чтобы тот составил мне компанию.

— С другой стороны, нынешний Саске недавно закрывал сокомандников собой от атак прямо на моих глазах, — продолжил я мысленный разговор вслух.

Дубль согласно закивал.

— И он еще не стал той канонно-эталонной скотиной, — поглядывая в сторону Деревни, сказал я. — Но это обязательно случится в самом ближайшем будущем, если Учиха увидит прямую связь между тем, что я тренирую Наруто, и тем, что тот становится сильнее.

— И это в то время как официальный учитель седьмой команды занимается не пойми чем, — заметил клон, тоже по-русски. — Зависть шаринганистого будет расти и еще быстрее превратит нормального мальчишку в законченную сволочь, которую только усыпить и останется. Как бешеную собаку.

— Но не помочь Саске сейчас — это значит толкнуть его на тот путь, который приведет его к Орочимару. Я так поступить не могу! — А что мешает? — саркастично хмыкнул клон. — Как это что? — подозрительно сощурившись, спросил я, но дослушать дубля мне не удалось, и я спешно его развеял, потому что появились пацаны. — Идите сюда, — я помахал блокнотом над головой.

Стараясь не терять лица, Саске рассматривал местность, иногда все же вскидывая черные брови. Присев на землю, он взглянул исподлобья — ему на незнакомом полигоне было не по себе — и сказал:

— Ирука-сенсей, научите меня мощным элементарным техникам! — С места в галоп, — цокнул языком я и покачал головой, — нет.

Саске вытаращился и резко обернулся к Наруто, глянув так, будто тот его предал.

— Почему?! Вы же пообещали!

А обернувшись к Наруто, воскликнул: — Ты соврал! — Саске-кун, — попытался я привлечь его внимание и даже пощелкал пальцами, чтобы тот повернулся. — Саске!

Насупившись, он таки соизволил на меня посмотреть.

— Во-первых, я не могу научить тебя чему-то действительно серьезному, мне запретили. Во-вто... — Кто запретил? — перебил Учиха, впившись в меня взглядом вспыхнувших красным глаз.

На миг я забыл, что вообще хотел сказать, зачарованно наблюдая за тем, как по ярко-алой радужке кружат черные пятнышки, образуя узор из двух запятых и круга-орбиты.

— Кто запретил? — словно сквозь вату услышал я голос. Вспышка чужого гнева отрезвила, тело само что-то сделало с чакрой — остановило, что ли?

Я помотал головой, окончательно сбрасывая наваждение, после чего ответил:

— Я тебе этого не говорил. Но приказ дал мой прямой начальник, капитан седьмой команды Хатаке Какаши, — нахмурившись и сложив руки на груди, я добавил: — Саске-кун, я сделаю вид, что не заметил, что ты пытался поймать меня в гендзютсу. Хотя это, вообще-то, прямое нарушение не только этикета и субординации, но и законов Деревни. Но в первый раз прощаю, — хмыкнул я весело, — потому что у тебя почти получилось. — В ответ на скептический взгляд я добавил: — Не видел смысла скрывать от тебя эту информацию.

Потупившись, Учиха потушил шаринган.

— Но почему он вам это запретил?

Я пожал плечами: — Не знаю. Он не говорил. — Это потому что вы с ним не ладите? С Какаши-сенсеем? — продолжал допытываться Саске. У него снова включился шаринган, начиная меня гипнотизировать. Я снова сбросил морок.

— Опять, — я раздраженно поморщился и покачал головой.

Учиха, покраснев, снова выключил шаринган.

— Отвечая на твой вопрос — возможно. Я точно не знаю, Саске-кун. Но мне не нравится, что он не выполняет свои обязанности по отношению к вам. Саске отвёл взгляд, а я продолжил: — Однако я еще раз тебе напомню, что ловить в гендзютсу своих сокомандников и тем более учителей — не лучшая идея. Забудь про подобные фокусы в отношении сокомандников или прямого начальства, иначе однажды у тебя будут из-за этого большие проблемы.

— Я не специально, — отвел он взгляд и через мгновение упрямо посмотрел на меня: — А вы не можете нарушить этот приказ? — все еще смотря на меня исподлобья, спросил Саске. На этот раз он смог выключить шаринган, едва тот активировался. — Могу, но это может стать известно Хатаке-сану и Сандайме-сэме. И тогда меня просто уберут из седьмой команды, — развел я руками, невольно поморщившись от

подобной перспективы. — Значит, вы ничему меня учить не будете? — угрюмо буркнул доморощенный гипнотизер, отвернувшись.

Он явно собрался уходить, но замер, услышав ответ:

— Я этого не говорил, — я улыбнулся и достал из блокнота два листка.

Учиха повернулся, яростно сверля меня взглядом: — Вы сами сказали, что не будете меня учить!

"Мда, а с нервами-то у тебя явно не все в порядке. Не в первый раз это замечаю".

— Мощным элементарным техниками — не буду. Но это не значит, что я бесполезен, — я наставительно покачал пальцем свободной руки.

Саске вытаращился, а затем недоверчиво нахмурился: — И если вы не будете учить меня техникам, то чему тогда? — Я сказал, что не буду учить тебя мощным, — я выделил интонацией слово, — элементарным техниками. Но могу дать тебе несколько слабых техник Катона и какой-то второй стихии. Но тоже что-то не сильнее D ранга, мне не нужны проблемы, — и протянул один из листков Саске.

— Что это? — повертел Учиха индикатор в руке.

Листок был совсем небольшой, девять на девять сантиметров, но довольно плотный и шероховатый.

— Хм, — подивился я неосведомленности одного из наследников клана.

— Это чакробумага, она нужна для определения стихийной предрасположенности. У многих есть предрасположенность к двум стихиям. У меня, например, Воздух и Вода, а у Наруто — Воздух и Огонь. Думаю, что у тебя есть что-то помимо Огня. Пусти чакру в лист, совсем немного.

— Молния, — констатировал я, глядя на чуть смявшийся, а затем осыпавшийся пеплом листок.

Саске покосился на гордо улыбающегося Узумаки и снова перевел взгляд на меня.

— Также я могу посоветовать хорошего тренера по тайдзютсу.

Оставшийся листок я снова спрятал в блокнот, мало ли, где он еще может пригодиться.

— Хн, — вероятно, Учиха вспомнил Зеленого Зверя Конохи. — Нет, это не Майто Гай, если ты о нем подумал, — и снова удивление, как будто он решил, что я читаю мысли. — Могу дать тебе несколько свитков с упражнениями на развитие контроля и резерва чакры. Мы с Наруто можем тебе помочь с основами фуиндзютсу, создания простых ловушек. Если захочешь, я смогу научить тебя основам ирьенинства.

— Я согласен, — сказал Саске и осторожно спросил: — А тeneвым клонам вы меня тоже научите? — Они не мои, — я глянул на довольного Наруто, — если Наруто захочет, он тебя научит. — Научу, — широко улыбаясь, заявил он, — смотри сюда, я покажу все печати!

Мальчишки уже собрались приступить к тренировке, когда я окликнул Учиху:

— Саске-кун, — я привалился к дереву с травинкой в зубах, — ты сказать ничего не хочешь? Мне и Наруто. — Э? — «Спасибо», например, — открыто улыбаясь, подсказал я.

Поняв оплошность, Саске прижал руки к бокам и глубоко поклонился:

— Спасибо, Ирука-сенсей.

— И... — намекая на Наруто, показал пальцем.

— Спасибо, Наруто, — второй поклон был лишь кивком головы.

— Пожалуйста! — дуэтом сказали мы оба.

Несмотря на недоумение, у глазастика мелькнула улыбка.

— Все, — отмахнулся от них, как от надоедливой мухи, — идите, учите своих клонов, а я пока разберусь с учебниками, которые вы притащили.

Саске справился довольно быстро, и вскоре около него уже стояли два клона. К моему удивлению, это был его максимум. Правда, он потратил

часть чакры во время освоения дзютсу, но все же я ожидал большего. У Саске должно быть много чакры, ведь он все же Учиха...

Одного из клонов я попросил отправить в квартал Учиха, чтобы он изображал обычный распорядок мальчика.

— Зачем это? — сонный и уставший Саске уже туговато соображал. — Затем, чтобы у нас было больше времени на тренировки, — положив светящуюся зеленым руку на макушку Учихи, я передал ему немного своей чакры. Было у меня подозрение, что у Саске непропорционально много инь-чакры, а ян-чакры — маловато, и именно она ему и нужна больше всего.

— Так лучше?

Саске смущенно кивнул, а Наруто хихикнул, шепотом сообщив мне: «Он стесняется».

— Ничего я не стесняюсь! — Тише, — я осторожно спихнул Узумаки с плеча, — как тебе теневые клоны, Саске-кун? — Кажется, они не могут пользоваться шаринганом, — кисло проговорил тот, сдув с лица прядь черных волос.

После недолгих экспериментов это подтвердилось.

— Они не могут пользоваться шаринганом, — Саске в сердцах ударил по дереву. Судя по тому, как сверху на меня посыпались листья и какой-то мусор, он непроизвольно усилил руку чакрой.

— Тише, — поморщился я, уклоняясь от «дождя». — И, Саске, знаешь что? — Что, Ирука-сенсей? — угрюмо посмотрел на меня мальчишка. — Привыкай держать себя в руках. Несдержанность до добра не доводит. Особенно — шиноби. Кстати, меня тут недавно научили паре техник для того, чтобы лучше контролировать себя. Я их вам покажу.

— Хай, — мрачно согласился Саске.

Какое-то время было тихо, было слышно лишь глубокое дыхание, а потом Наруто вдруг сказал:

— Но у них были красные глаза, я видел, — он сел по-турецки, прервав упражнение.

Саске тоже остановился и, страдальчески глянув в небо, мрачно фыркнул:

— Пф. И что? — Не удивительно, — легко пожал я плечами, — клоны копируют лишь внешность, а не строение внутренних органов.

На чистом листке в блокноте я быстро набросал рисунок глазного яблока.

— Это видимая часть, — обвел то, что выходило за пределы нарисованной пунктиром глазницы, — то, что клон может воссоздать, а эта часть уже внутри, и клон ее не копирует. Кроме того, чтобы сработало твое клановое дзютсу, нужен мозг, — я легко постучал пальцем в районе виска, — но его у клона тоже нет. У него из внутренностей — только копия чакрасистемы, и все.

— Они безмозглые? — неумело давя ухмылку, сказал Наруто. — У них, кроме оболочки и чакры, внутри ничего нет. Они еще и бесхребетные, и бессердечные. Но это не мешает им оставаться самостоятельными и очень полезными, — улыбнулся я. — Они бесполезные, — насупился Саске. — Ты можешь их использовать и без шарингана. При отмене техники клоны могут передавать все, что видели и слышали. Они могут отвлекать внимание, могут использовать хенге и простенькие, не слишком чакрозатратные техники. Создать массовку, как мы делали при штурме домика Охотников.

Саске призадумался, слегка удивленно поглядывая на нас с Наруто.

— А еще они могут связки боевые тренировать, ката всякие и метать оружие! — добавил Наруто.

— У нас почти всегда один-два клона, — поддержал я, — обычно заняты уборкой и прочими домашними делами, — почесал висок, вспоминая. — Кстати, при использовании теневых дублей увеличивается резерв. Во-первых, потому, что при их создании ты истощаешь запасы чакры, заставляя очаг быстрее ее вырабатывать, а во-вторых, они создают дополнительную нагрузку на чакроканалы, одномоментно возвращая часть энергии, информацию и, к сожалению, чувство усталости.

Открыв рот, чтобы сказать что-то, Саске так же молча его и закрыл.

— А как понять, что резерв увеличился? — по-птичьи наклонил голову Наруто.

Вздыхнув, я объяснил то, что раньше вычитал в учебниках.

— Ясно, — почесал Саске в затылке, один в один как Наруто. — Значит, если каждый день создавать клона, то мой резерв станет больше?

— Да, но придется еще больше налегать на контроль. Чем больше чакры, тем больше усилий требуется для ее контроля.

Наруто после этих слов скис и, тяжело вздохнув, соорудил жалостливую мордашку.

— Вот не надо на жалость давить, — я покачал головой, все же улыбнувшись, — это не мне нужно, а вам. Ленивый шиноби — мертвый шиноби, — шустро пролистал одну из книг до закладки и показал иллюстрацию: — Думаю, это упражнение будет в самый раз.

— Ленивые шиноби — это Нара! — выдал Наруто. — Ленивые или нет, а все-таки контроль чакры у того же Шикамару получше твоего будет, — и я показал язык.

Наруто демонстративно надул щеки и сложил руки на груди, а Саске улыбнулся, думая, что я его не вижу.

— Не дуйся, — проходя мимо, взлохматил я волосы Наруто, — нам сейчас потребуется вода.

У пруда я достал бумажек из подсумка, нарвал и поделил их на троих. Прикрепив при помощи чакры на ладонь кусочки, перевернул руку и опустил в воду, а когда вынул, бумажки оказались сухими, но рука намокла.

У пацанов бумажки то намокали, то отлипали. До этапа, когда нужно будет шлепать ладонью по воде, ни один из них так и не дошел.

Почувствовав на лице сильный порыв холодного ветра, я понял, что пора закругляться. Да к тому же серые тучи вот-вот грозили обратиться в мерзкий осенний ливень.

Саске умчался так быстро, будто за ним гнались, а мы последовали его примеру. Вымокнуть в такую погоду — то еще удовольствие.

На следующий день я встретил Морио. Уверен — не случайно. Тот вроде как искренне был рад видеть меня живым и здоровым, но во время трепа ни о чем намекнул, что наш общий старый знакомый заждался весточки. Я отдал ему доклад и попытался вытянуть информацию об оценщиках и возможных проблемах. Про оценщиков я спросил потому, что Кадо меня нервировал своим пристальным вниманием, он будто в чем-то нас подозревал.

Морио на это хмыкнул и отсоветовал мне продавать что-то через них, так как Деревня уже несколько лет установила очень уж низкие закупочные цены. Большую часть барахла выгоднее продать самому. Заодно поделился информацией о Кадо и Джобене. Как оказалось, первый всю жизнь был шиноби, добывающим информацию — то полевым разведчиком, то шпионом, то сотрудником посольств и так далее. В общем, всю жизнь он что-то разведывал и вынюхивал.

— И что такой ценный кадр делает в каких-то оценщиках? — искренне удивился я.

— Оценивает, — со смешком пожал плечами Морио и налил себе еще.

Пока друг Ируки жевал закуску, я задумчиво обвел взглядом зал, и Сора сразу встрепенулся. Натянул улыбку и, побросав свои дела за стойкой, он явно собрался подойти. Я жестом показал, что ничего пока не нужно.

— Тут его знания очень к месту. Всегда сможет отличить что-то ценное от бесполезного.

Халявная выпивка делала Маугли находкой для шпиона, и этим надо было пользоваться.

— А разве он не принес бы больше пользы для деревни, работая в разведке? — я по-прежнему чего-то не понимал.

— Принес бы, — кивнул Маугли, — но некуда. Ему предложили передавать сеть из своих друзей, должников и просто осведомителей Джирайе и идти к нему под командование. Кадо послал предлагающего куда подальше. Он крайне невысокого мнения о Жабьем Саннине как о разведчике.

— А почему?

Морио посмотрел на меня, как на идиота.

— Ну, ты даешь! Все знают... — но, видимо, вспомнив, что у меня провалы в памяти, рассказал пару примеров безалаберности главы разведки. А к Корешкам Кадо не захотел примыкать из-за репутации.

— После отказа нашего неуступчивого общего знакомого, можно сказать, отстранили от любых нормальных миссий. Но Совету, Корню и кланам такой человек был нужен — особенно как должник, вот его и пристроили на относительно неплохое место. Он не человек Хирузена, тут тебе повезло, что на него попал. Кроме этих двоих оценкой барахла занимаются Мацумото Тори и Дайске, они полностью подконтрольны Хирузену, а не Совету.

Со слов Маугли получалось, что Джобен — ставленник внешних сил, конкретно сановников дайме, и пристроен по инициативе Советников, главный козырь которых — влияние на двор столицы страны Огня, феодалов и гражданскую администрацию. Короче, все более чем серьезно.

Распрощавшись, я ушел, размышляя о запутанности отношений между стольным градом Страны Огня и «маленькой» деревушкой шиноби.

Мне казалось, что прошлые четыре дня в Конохе были сырыми и пасмурными, но начавшийся вчера мокрый снег так и не прошел. Он быстро таял и за ночь смыл с улиц всю грязь, так что стал виден настоящий цвет булыжной мостовой, и с шумом уносился грязной водой под землю по дождевым сливам.

В кабинете Хирузена, как обычно, было нечем дышать, дети, не стесняясь, сопели через воротники, а мне приходилось терпеть, как и Кадо, у которого, судя по гримасам, тоже жутко першило в горле от курева. Но впускать свежий воздух, а с ним и сырость, Хирузен не спешил.

"А Джобену все равно. Наверно, он тоже курит".

Оценщики присутствовали далеко не всегда, так мне Маугли объяснял, но в нашем случае были. Потому что одно дело, когда заявлена миссия С-ранга, и другое, когда она превращается в миссию то ли А, то ли даже S-ранга, в ходе которой получены трофеи, и когда еще появляется пленный нукенин и из воздуха возникают две дополнительных миссии С-ранга, взятых в поле. Это совершенно другая сумма вознаграждения, оценка трофеев и тому подобное.

В таком случае оценщиков просто не могло не быть.

После чтения докладов и оценки примерной стоимости прихваченного нами добра Кадо благодушно улыбнулся:

— Должен отметить, Хокаге-сама, что команда номер семь собрала внушительное количество трофеев и задала нам работы.

— Вам следует винить в этом только Ируку-сана, — посмотрев на старого шиноби, кивком указал на меня Какаши, и неожиданно для меня пафосно добавил: — Я не стал мараться сбором окровавленного хлама. Я шиноби Конохи, который служит Конохе и действует на ее благо, а не какой-то охотник за добычей, ищущий свою выгоду и трофеи.

Только я один смотрел на Собакина, как на больного. Дети, к примеру, ничего толком не поняли, Хирузен покивал, но без энтузиазма, а оценщики просто поморщились, видимо, привыкли к таким выступлениям.

Но Какаши было плевать на прохладно встретившую его монолог публику, было похоже на то, что роль пафосного чистоплюя он отыгрывал для себя.

— Я выполняю миссии ради славы Конохи, — презрительно окинул он меня взглядом и добавил: — А не ради возможности нажиться.

Поборов изумление, я ничего вслух говорить не стал, только мысленно прокомментировал: "Идиот вы, гражданин Собакин. И-ди-от".

А вот оценщиков последняя реплика Хатаке явно взбесила. Особенно это было заметно по Кадо: он сжал губы в нитку и фонил злостью, как

кузнечный горн — опаляющим жаром. Однако, глубоко вздохнув, он начал читать максимально официальным и монотонным голосом.

После того, как Кадо замолчал, из его рук бумаги переключались к Хокаге:

— Подводя итог распределению трофеев и денежного вознаграждения за них, начнем с Хатаке-сана. Его доля, как джонина-сенсея и командира, составляет сорок процентов от всех и денег и трофеев, полученных во время миссии в Стране Волн...

— Прошу меня простить, Хокаге-сама, — перебил я, внутренне обалдев от собственной наглости, но жадность взяла верх, и я продолжил: — Но согласно уставу, при выполнении миссии ранга, намного превосходящего изначальный заявленный, все трофеи делятся поровну, поскольку все рискуют одинаково, если внутри команды не было иных договоренностей.

Хатаке посмотрел на меня с недоумением и плохо скрываемым раздражением. Он пока еще не понимал, какую гадость я вычитал, но уже что-то предчувствовал.

Хирузен выдал очередную хорошо отрепетированную, полностью достоверную и насквозь фальшивую для меня улыбку, после чего рассмеялся и сказал:

— Ну, я думал, что очевидно, Ирука-кун. Хатаке-сан сделал большую часть работы и фактически спас ваши жизни, а значит, он заслуживает большей оплаты.

Я чуть было не ляпнул «Шта?!», но сдержался. Сделал глубокий вдох.

— При всем уважении, — сказал это, с трудом удерживая улыбку от превращения в злобный оскал, — Сандайме-сама, я считаю, что за эту миссию должна быть равная оплата. А роль Хатаке-сана была не настолько велика, чтобы платить ему сорок процентов от того, что мы сообща заработали.

У нас учебная команда. По умолчанию, видать, посчитали, что миссию затащил Какаши в одно рыло, а генины и я только путались под ногами.

Миссия А-ранга — не для учебных команд. И раз решением Хатаке-сана мы ее продолжили и завершили, то мы все должны получить равные доли,

как равные шиноби Конохи, а не как учитель, его ассистент и трое учеников.

Вообще-то, это была наглость с моей стороны. Командир команды, в зависимости от договоренностей с ее членами, обычно получал больший процент от дохода с выполняемой миссии. Обычно на пять процентов больше, если он был лишь немного сильнее, старше и опытнее членов команды, или на пятнадцать, а то и все двадцать, если это был заслуженный, сильный и опытный шиноби в слабой команде. Кстати, а ведь «седьмые» об этом, наверное, и не знают... Это, как и многое другое, Собакин им рассказать забыл. Ну и я пока спешить не буду.

Кадо смотрел на меня с плохо скрываемым весельем, будто я его мечту исполнил. Может, у него тоже какой-то конфликт с Собакиным был? Не зря же он так радуется.

Хатаке же уставился на меня тяжелым и злобным взглядом. А я просто игнорировал Какаши. Пусть дальше паялится, пока не надоест. Хирузен перевел взгляд с меня на джонина и еле заметно раздраженно скривился. Судя по эмоциям Третьего, ему все это не нравилось, но спорить он не собирался. Тяжело и разочарованно вздохнув, он посмотрел на меня с вселенской скорбью и таким же осуждением, после чего покачал головой:

— Это ваше решение, уважаемые оценщики и команда номер семь. Так что решайте сами, но сначала подумайте и не сделайте большой ошибки, не оценив по достоинству чужой работы и испортив этим отношения в команде, — изрек Третий и, многозначительно обведя нас взглядом, посмотрел в сторону Хатаке, всячески демонстрируя, кого именно надо оценить по достоинству.

Я мысленно поаплодировал старому лицедею.

Но народ оказался глух к его намекам. Команда номер семь, начиная с меня, единогласно проголосовала за то, чтобы поделить все деньги поровну.

Забавно было наблюдать за эмоциями ребят. Саске считал, что это справедливо. Наруто немного стыдился, видимо, слова Хирузена

заставили его усомниться, но не поддержать меня он не мог, Сакуру просто одолела алчность.

— Ну, хорошо, — проскрипел каге, набивая трубку, — раз вы не договорились заранее, то пусть будут равные доли за миссию А-ранга. Хатаке-сан получил сорок процентов за две миссии С-ранга — сопровождения Торы-сана и каравана.

— Со всем уважением, — наглеть так наглеть, — Хокаге-сама, эти миссии нельзя оценивать как С-ранг, потому что они не только длительные, но и опасные. Помимо разбойников, на нас могли напасть шиноби из Кумо или Кири, которых наверняка послали, чтобы расследовать убийство Хироки Гато. Если не те и другие разом.

Оценщики весело шептались за спиной Хирузена и кивали моим словам, делая в бумагах карандашные пометки.

— Вы преувеличиваете, — небрежно отмахнулся Какаши и самодовольно добавил: — Я ведь был прав — на нас никто не напал!

— Не на каждой миссии С-ранга, где возможно нападение разбойников, они все-таки случаются, — возразил я. — Однако эти миссии оценивают не как D, а как С-ранг. Потому что нападение возможно, — подчеркнул я голосом. — Тогда оно тоже было возможно, и не только со стороны разбойников или случайных нукенинов, а со стороны команды карателей из Облака или Тумана, — чувствуя себя попугаем, снова напомнил я. — Также вы сами, своей волей, как командир, взяли попутную миссию В-ранга, оценив ее как С-ранг. И вы не обговорили ее условий с командой, а значит, плату за нее также нужно делить пропорционально! К тому же вы после боя с Момочи Забузой провалились в постели, потом прыгали на костылях, а в это время генины сторожили заказчика.

Повисло неловкое молчание. Какаши готов был испепелить меня взглядом, как Супермен. Сарутоби сделал вид, что он здесь совершенно ни при чем. Несмотря на явное желание утереть нос Хатаке, Кадо осторожничал. Он, прокашлявшись, привлек к себе внимание и, будто бы извиняясь, посмотрел на Хирузена, а потом на Какаши и несколько неуверенно начал:

— По закону, Умино-сан прав... — выдержав небольшую паузу и не дождавшись реакции ни от Хатаке, который сверлил меня взглядом, ни от Сарутоби, который стал особо внимательно рассматривать потолок, оценщик продолжил: — И даже если бы вы просто брали во время миссии дополнительную, то это уже повышает ранг дополнительной миссии на одну ступень и приравнивает ее к миссии В-ранга. А чисто формально, взяв две миссии С-ранга в «поле», да еще и конвоируя пленного джонина...

— Это была одна миссия — довести людей до Конохи, — холодно отрезал Собакин.

— Это были две разные миссии. Пусть и попутные — возразил я, — вы брали их от разных людей на период одного и того же времени.

Оценщик только развел руками:

— По закону Умино-сан прав и в этом случае.

— Я согласен с Кадо-саном, — поддержал коллегу Джобен.

Хокаге, сдерживая раздражение, старательно смотрел куда-то вдаль. Ему все это даже не то чтобы не нравилось — скорее бесило, но он явно не собирался сейчас вступать в дискуссию.

Тем временем слово взял Джобен:

— Две миссии С-ранга, пусть и попутные, после долгой и непростой миссии S-ранга... — кашлянул мужчина. — Это уже миссия В-ранга. У вас был немалый риск нападения не только бандитов, но и шиноби Кумо или Кири, — поправил очки в коричневой оправе Джобен. — Я удивлен тому, что вы согласились на такую опасную авантюру, Хатаке-сан.

"Будто бы раньше он был менее безрассудным", — подумал я и тихо фыркнул.

— Мы не сможем потребовать от людей, которых вы сопровождали, чтобы они заплатили вам сумму, равную оплате миссии В-ранга. К тому же это выставит в плохом свете не только Коноху, но и всю Страну Огня, — снова вступил в разговор Кадо, — но я согласен с уважаемым коллегой в том, что эта миссия, действительно, выглядит рангом выше, чем С.

Судя по эмоциям, «метис» испытывал гордость, когда Кадо назвал его «коллегой».

Возможно, Джобену льстило чувство сопричастности к шиноби или то, что он на равных работает с одним из них. А может, он гордился работой с бывшим разведчиком.

Посмотрев на меня, Кадо сказал:

— Ирука-сан, если хотите, вы можете реализовать свои трофеи сами либо не морочить себе голову, бегая по кузнецам, и продать здесь сразу все. А вашим генинам я бы рекомендовал продать все в казну. Вряд ли они продадут свои доли выгоднее, чем у нас.

Наруто и Саске тут же уставились на меня. Ожидаемо, что мелкий хотел узнать мое мнение, а вот Учиха — удивил. Он доверил мне свою долю на продажу, а за ним повторил Наруто.

— Я не хочу возиться с этим барахлом, — немного брезгливо сказал Какаши и добавил: — Свою долю предпочту получить деньгами сразу.

Сакура последовала его примеру.

Итогом должны были стать пять отметок в личных делах В-ранга, но дополнительным вознаграждением за них была только маленькая премия. По документам это прошло под пафосным названием “За поддержание доброй славы Деревни, Скрытой в Листве”.

Выходя из башни Хокаге, я готов был прыгать от счастья. Хатаке пролетел как фанера над Парижем и вместо сорока процентов от всех денег получил только двадцать, трофеи, которые мы сдали и опечатали по приходу — драгоценные камни, наличка Гато, оставшаяся нам после дележа с Виктором, трупы Охотников и прочее, — потянули на солидную сумму.

— О, как прекрасна жизнь в день получки!

Наруто даже говорить ничего не стал, просто заливисто расхохотался.

— Что?! — я наигранно обиделся. — Уже и порадоваться нельзя?

Из башни мы вышли вдвоем, и Наруто немедленно потащил меня в Ичираку — отмечать. Макуто уже стоял за стойкой, закатав рукава, и ловко орудовал черпаком. Увидев нас, он кивнул и выставил три плошки — одну для Наруто, вторую для меня, третью для себя.

— За счет заведения, — сказал он. — Теучи разрешил.

— Ну, тогда грех не отпраздновать, — я поднял палочки, как бокал. — За успешное возвращение!

— И за справедливую дележку! — добавил Наруто, скалясь.

Макуто ничего не сказал, но уголок его губ чуть дернулся вверх. Это было лучше всяких тостов.

Глава 2. В гостях

У Кито были дела, и нашу группу распустили гораздо раньше, чем я ожидал. Внезапно образовавшегося свободного времени было не слишком много, чтобы сбегать на полигон или домой, так что я решил сразу пойти в Ичираку, чтобы там дожидаться Наруто.

Макуто уже стоял за стойкой, вытирая плошки после обеденного наплыва посетителей. Он бросил на меня короткий взгляд, кивнул и вернулся к работе. Я присел в углу с тетрадью и миской. Через минуту рядом материализовался Кадо. Я скрипнул зубами — пришлось отложить писанину.

— Я рад, что не пошли на поводу у этого позера, — сказал оценщик, усаживаясь на табурет.

— Что? Кто? — я не сразу понял, о ком речь.

— Хатаке.

Вспомнив вопрос, я спросил:

— Если это не секрет, то чем он вам так не угодил, Кадо-сан?

— Тем, что идиот, — фыркнул Кадо. — Этот засранец, родившийся наследником клана, всегда имел все самое лучшее, ему не надо было подбирать сломанные кунаи и сюрикены, чтобы сдать их за несколько рье

кузнецам на переплавку, как приходилось делать многим хорошим парням и девушкам, которых я знал.

Жестом подозвав Теучи, оценщик заказал себе поесть и с таким видом, будто его слышу только один я, продолжил:

— В АНБУ сбор трофеев не приветствуется. И теперь этот говнюк попрекает всех, кто собирает трофеи, хотя это у многих шиноби — один из основных видов заработка. Не все же могут позволить себе постоянно брать миссии А и S ранга, как Хатаке.

Макуто поставил перед Кадо заказ и задержался на секунду дольше обычного.

— Трофеи — это оружие, — сказал он. — Плохой меч тоже может убить, если знать, куда бить.

Кадо уставился на парня, потом перевел взгляд на меня.

— Это твой? — спросил он.

— Ассистент, — ответил я.

— Вижу. — Кадо хмыкнул. — Парень, а ты, случаем, не из наших? Выговор странный.

— Я из Конохи, — ответил Макуто и отошел к плите.

Оценщик проводил его взглядом и вернулся к прерванному монологу, понизив голос:

— За Теучи-куна не беспокойся. Он мой бывший одноклассник.

— Спасибо, — бросил владелец раменной, даже глазом не моргнув. — Это было давно, не напоминай.

Кадо только отмахнулся.

— Доходило до того, что наши шиноби из команд Хатаке даже не брали достаточно ценные артефакты, чтобы добиться одобрения этого козла или потому что поверили в его идиотскую брехню.

Я с трудом удержал лицо. «Что это, блин, было?! Кадо наезжает на Какаши, Теучи — в прошлом шиноби!»

— Умино-сан, может, скажете что-нибудь? — подозрительно щурясь, сказал оценщик.

— Я даже не знаю, что сказать, — после продолжительной паузы выдал я. Просто молчать еще дольше было неловко.

— Я вас так удивил? — съехидничал Кадо.

— Честно говоря, да. Я ведь вас практически не знаю, а вы такое говорите.

— «Такое»? — Кадо весело хмыкнул. — Я не сказал ничего «такого», чего бы не знала каждая собака в Конохе.

Яростно почесывая в затылке около уха, я попытался придумать, как, не обидев и не выставив себя первым дураком на деревне, сказать, что я ни черта не понимаю.

«Что это было? Кадо внезапно решил излить мне душу? Или, рассказав все это, он хочет подтолкнуть меня к каким-то действиям против Хатаке? А ну их всех к черту. Рановато мне лезть в местечковые интриги малознакомых мне людей!»

Оценив мое нежелание откровенничать и изливать душу, «бывший разведчик» разочарованно вздохнул и ушел.

Макуто, все это время стоявший к нам спиной, выключил конфорку и подошел к моему столу.

— Он проверял тебя, — сказал он вполголоса. — Хотел понять, чей ты.

— Я понял. Спасибо.

— Ему можно верить, — добавил Макуто. — Он ненавидит Какаши.

— Ты-то откуда знаешь?

— Слышал, как он говорил с Теучи. В прошлом году. Они не заметили меня.

Времени было еще много, рамен я уже сжевал, а сидеть просто так мне было неудобно. Покрутившись, я вспомнил, что у меня есть чем заняться, оставил клона на тот случай, если не успею вернуться, а сам пошел собирать свой процент от заработанного торговцами из Страны Волн. Заодно и сбавил смертоубийственный металлолом. Спорил до хрипоты, но оно того стоило.

На следующий день меня снова встретил Маугли. Намекнул на то, что нам следует сходить «в гости». У меня были другие планы, но уж больно серьезно выглядел Морио.

— Данзо? — беззвучно, одними губами спросил я.

Тот кивнул, чтобы я следовал за ним. А потом вдруг добавил:

— Возьми своего парня. О нем тоже спрашивали.

Я замер.

— Макуто? Зачем он Данзо?

— Босс хочет посмотреть. Ты же знаешь, как он работает.

Пришлось сделать крюк до Ичираку. Макуто выслушал меня молча, вытер руки о передник и повесил его на крючок.

— Идем, — только и сказал он.

Привел нас Маугли в неприметный домик, чудом втиснувшийся между двух глухих стен в узком тупичке одной из главных улиц.

Домик был приторно уютным и нарочито обжитым: на диване лежали книжки, всюду картиночки и милые женщинам побрякушки. Даже на кухонном столе — тарелки с арбузными косточками и пустая тарелка.

— Лучше на шелуху от семечек подсолнуха заменить.

— Что?

— Косточки от арбуза есть, а самого арбуза — нет. Даже корки не лежат. Могут заметить.

— Он сгнил в том году, — Морио провел ладонью по стене, и пол отъехал под диван с едва различимым шорохом. — Идем.

Замерев на мгновение, Маугли по-доброму усмехнулся:

— Считай, тут живет бабушка, которая любит есть арбузные корки.

Макуто оглядел потайной проход и спросил:

— Сколько таких входов в Конохе?

— Меньше, чем хотелось бы, — ответил Морио. — Больше, чем знает Хокаге.

По каменной лестнице мы спустились, наверное, метров на десять под землю, а может, больше, и попали в узкий каменный коридор.

Светильников тут не было, поэтому мой проводник достал фонарик, работающий от чакры. В непривычной тишине казалось, что где-то совсем близко шумит мощный поток воды, но стены каменной кишки были сухими и чистыми.

Следуя за Маугли, я непроизвольно считал шаги, проводя рукой по стене и слушая, как шуршит кожа о холодный бетон. Макуто шел следом — я слышал его ровные шаги. Ни разу не споткнулся, ни разу не задел стену.

Внезапно под пальцами оказался какой-то выступ, и я по наитию дернул его, пустив немного чакры в кончики пальцев. Полукруглая секция трубы-коридора разошлась, открыв темный провал, уходящий в сторону центра и вниз. Из этого коридора пахло свежей сыростью, а слабый сквозняк донес отчетливый шелест воды, будто она срывалась вниз с большой высоты.

— Эй! Нам не сюда! Закрой и пошли, — одернул меня шиноби.

— Э-эм, я не знаю, как это закрыть.

— Ксо! — поморщился он. — Просто ничего не трогай!

— Больше не буду.

Макуто протянул руку и провел по краю панели. Раздался тихий щелчок, проем закрылся.

— Тут рычаг, — сказал он. — Слева.

Морио посмотрел на парня с интересом, но ничего не сказал.

Идти со сложенными за спиной руками было скучно, а поговорить с Маугли мне было решительно не о чем, так что я готов был улыбаться во все тридцать два, когда стало светлее. Морио убрал фонарик, а я соорудил серьезную мину на тот случай, если мы с кем-нибудь пересечемся.

Выйдя из коридора, я замер, оглядываясь. Все было смутно знакомо.

У меня возникло ощущение, будто я попал в заводское здание какого-то крупного предприятия — настолько монументальным было само помещение и все, что тут находилось. Вверх тянулись исполинские трубы, доставая почти до самого потолка, но, так его и не коснувшись, прятались в стены. Их окрашенные в темно-бордовый цвет бока были обклеены печатями с непонятными мне функциями, которые я был бы рад посмотреть поближе, но Морио и не думал останавливаться. Макуто тоже не отвлекался — он шел, глядя прямо перед собой, но я заметил, как его взгляд фиксирует каждую деталь.

Пара поворотов, несколько коридоров, и вот перед носом массивные деревянные двери, которые только тараном пробивать.

Морио весь подобрался и коротко постучал костяшкой над потертой латунной ручкой.

В тишине отчетливо прозвучал глухой удар трости об пол, и Маугли потянул дверь на себя, пропуская меня вперед. Макуто шагнул следом. Я хотел было возразить, но Морио уже закрыл за нами дверь, оставшись снаружи.

Хоть Данзо стоял ко мне спиной около гигантской карты, помечая что-то разноцветными кнопками, я все равно поклонился и по привычке вытянулся по стойке смирно. Макуто повторил мой поклон — коротко, но с достоинством.

— Присаживайтесь, — предложил Леший без приветствия и прошел к креслу, сняв со сгиба замотанной в ткань руки коробочку с кнопками и поставив ее на столешницу.

— Благодарю вас, Данзо-сама, — ответил я, осторожно примостившись на краю стула. Макуто остался стоять за моим плечом. Я чувствовал его присутствие, но не оборачивался.

Странно, но то ли миссия в Стране Волн так на меня повлияла, то ли еще что, но прежнего благоговения и священного трепета перед руководителем Корня у меня уже не было. Леший ловко достал из стола мой доклад и, положив его перед собой, сел. Его взгляд переместился на Макуто. Он рассматривал парня так, как рассматривают необычный артефакт.

— Это тот самый ассистент? — спросил Данзо.

— Да, Данзо-сама. Макуто.

Макуто чуть склонил голову.

— Мне докладывали о тебе, — произнес Леший ровным, лишенным эмоций голосом. — Ты пришел в Коноху два года назад. Один. Выживал в лесу до этого. Убил нескольких нукенинов.

— Да, — коротко ответил Макуто.

— Как именно ты их убил?

— По одному. Ждал, пока устанут.

Данзо чуть заметно кивнул.

— Ирука-кун, у тебя наметанный глаз на таланты. Оставь его. — Он вернулся к бумагам. — У меня есть к тебе несколько вопросов, — после недолгого молчания все тем же пугающе ровным, спокойным, лишенных эмоций голосом сказал Шимура.

— С радостью отвечу на них, Данзо-сама, — рьяно заверил я его, старательно «прогибаясь» под босса.

К моему облегчению, Леший задавал лишь уточняющие вопросы, которые не вызвали у меня затруднений. Впрочем, ответы на все «скользкие» темы я отрепетировал еще на пути домой.

— Если в твоём докладе есть какие-то неточности, то самое время о них рассказать, — непрозрачно намекнуло начальство на то, что я мог умолчать и умолчал.

— Их нет, Данзо-сама, — невозмутимо солгал я.

Леший задумчиво всмотрелся в бумаги, а затем достал откуда-то очки в тонкой металлической оправе, но с одной линзой. Шимура всего лишь перестал шуриться, а лицо у него преобразилось, будто он на пару лет помолодел. Даже показалось, что Леший говорить стал иначе. Человечнее, что ли.

— Когда прочитал твой доклад, подумал было, что Ирука-кун снова преувеличил свою роль в миссии, — усмехнулся старый шиноби. — Однако после чтения докладов твоих генинов из седьмой команды, а также Хатаке Какаши, я понял, что приврал ты меньше обычного.

От столь сомнительного комплимента хотелось под землю провалиться или хотя бы сползти на пол, чтобы из-за массивного стола меня не было видно.

— В целом доклад верен, — обозначил Шимура свое отношение едва заметным кивком. — Ты продемонстрировал решительность и ум, достойные шиноби Корня АНБУ. Я приятно удивлен таким переменам.

— Спасибо, Данзо-сама.

Шимура поднял на меня тяжелый взгляд и неожиданно спросил:

— Твоя память вернулась полностью?

Я сначала головой замотал, а уже потом опомнился:

— К сожалению, нет, — невольно сглотнул я, — Данзо-сама.

— Жаль, жаль... — протянул Леший, сняв очки и убрав их в стол.

Неожиданно для самого себя я спросил:

— Данзо-сама, позвольте задать вопрос?

В мертвенно-равнодушном глазе старого убийцы мелькнула искра интереса.

— Спрашивай, Ирука-кун.

— Наша команда должна была погибнуть на миссии по воле Третьего?

На словах «наша команда» Шимура чуть дернул бровью.

— Несомненно, должна была погибнуть часть седьмой команды, включая тебя, — спокойно кивнул босс. После чего, посмотрев на меня, добавил:

— Хокаге нарушил наши договоренности, не уведомив меня о том, что собирается отправить тебя на подобную миссию.

Его мой вопрос несколько не удивил, а вот мне от его ответа поплохело, даже несмотря на то, что я примерно это и ожидал услышать.

Справившись с эмоциями, я нагло стал расспрашивать дальше:

— А кто не должен был погибнуть? — внутри поселилось странное чувство, будто меня трясло, как эпилептика, но на самом деле подрагивали только руки.

— Хатаке и джинчуурики. Первого не так просто убить. А насчет джинчуурики... — Данзо смерил меня оценивающим взглядом, что-то прикидывая в уме, и хмыкнул: — Уверен, что Хирузен ожидал, что в случае нападения многочисленных врагов Хатаке будет до конца выполнять миссию и не сможет защитить всех генинов. И тогда джинчуурики не осталось бы ничего иного, кроме как воспользоваться силой Кьюби. Но этого, судя по отчетам, не произошло. И это плохо.

— Н-но почему, Данзо-сама? — вцепился я в подлокотники, чтобы унять дрожь.

— Потому что джинчуурики должен сосредоточиться на работе с силой своего биджу. Это в кратчайшие сроки сделает его тем, кем он и должен быть — послушным и нерассуждающим оружием Деревни. Он не должен тратить время на изучение других навыков, отработку тактики или командной работы. Он должен быть джинчуурики, удушающим облаком страшной красной чакры — и ничего более.

Макуто за моей спиной пошевелился. Я не видел его лица, но почувствовал, как напрягся воздух вокруг него.

Шимура на несколько секунд замолчал, потом со смешком продолжил:

— Хатаке не блещет умом, но ты зря считаешь его идиотом. Он исполнительен, как и положено цепному псу, и всего лишь тщательно следует инструкциям Третьего.

Я замер, а затем обмяк и сгорбился, склонив голову, чтобы не было видно ненависти в моем взгляде. Злоба отрезвила, в какой-то момент возникло кристально четкое понимание того, что, пока живы Данзо и Третий, дрессура Курамы через попытки убить Наруто не прекратится. А когда старички подохнут, мне нужно быть чем-то отличным от нуля на политической арене банки с пауками под названием Конохакагуре. Иначе поменяются только кукловоды, декорации и «дорогие ему люди», но все останется по-прежнему. Наруто снова будут посылать на миссии рангом выше, чем сказано в официальном задании, и при первой же возможности — бросать в самое пекло. А он, как послушная марионетка, будет радостно жертвовать собой ради чужих интересов. Снова и снова...

— Данзо-сама, вы ведь сами дали мне технику Ветра, которой я обучил Узумаки, — схватился за соломинку в надежде, что Данзо имеет хоть чуть-чуть другое представление о воспитании Наруто.

Шимура кивнул, отпихнув из-под руки бумаги, чтобы не помять их:

— И ты все сделал правильно. Одна слабая техника не помогла бы ему против серьезных противников, но создала иллюзию заботы со стороны тебя и Конохи. А джинчуурики должен быть безоговорочно верен не только Деревне, но и каким-то близким людям, иначе он способен наделать глупостей, следуя своему пониманию блага деревни. Так что и тренировки фуин, и слабые элементарные техники, и тренировки тайдзютсу должны продолжаться.

Во мне еще тлела робкая надежда, поэтому я спросил:

— Но ведь, все время сталкивая джинчуурики с сильными противниками, мы рискуем тем, что он потеряет контроль над биджу, и тот уничтожит все вокруг или вырвется. Возможно, есть какие-то другие, более безопасные

способы тренировки. Есть же Шаринган у Какаши, который может подавить биджу, есть фуиндзютсу, возможно, и что-то другое...

На лице Данзо мелькнула тень насмешки. Похоже, он подумал, что «Дельфин» опять струсил.

— Конечно есть.

Я затаил дыхание, а огонек надежды вспыхнул, как костер.

— Только шаринган Какаши здесь не поможет. Чтобы управлять Девятихвостым, нужна высшая его ступень — Мангекю. Хатаке им не владеет, к тому же глаз у него не родной, кое-как пересаженный дилетанткой на поле боя.

В голове словно щелкнуло, и промелькнула мысль: «Разве у Какаши нет Мангекю? Вроде бы шарик у него эволюционировал. Может, это еще какая-то стадия?»

Видя, что Леший призадумался и молчит, я решил спросить:

— Данзо-сама, а Мангекю — это шаринган с нестандартным рисунком вместо трех томоэ?

— Хм, — задумчиво покосилось начальство, — да. Мангекю следует за третьей ступенью.

«Или канон не канон, или Данзо не знает о том, что глаза Обито эволюционировали, еще когда Хатаке убил свою сокомандницу — Рин».

— Ты видел у Какаши Мангекю? — тихо, но не скрывая интереса спросил Леший.

— Нет, Данзо-сама. Только обычный шаринган с тремя томоэ. А кроме Мангекю есть что-нибудь еще?

— Кроме Мангекю, — продолжил Леший, — есть и другие способы, но все они требуют много времени, больших средств и работы уникальных специалистов, при этом не гарантируя результата. Проще натаскивать джинчуурики через битвы с серьезными противниками, не оставляя ему никаких иных инструментов, кроме силы Девятихвостого.

Мне показалось, что я «перегорел», словно лампочка, сжег лишние сейчас эмоции и говорить начал, будто подражая Данзо. Но все же я хотел до конца убедиться, что произошедшее в Стране Волн — не ошибка и не случайность.

Повисло недолгое молчание, которое я нарушил без страха и неуверенности:

— У Хирузена-сана были сведения о том, что происходит в Стране Волн?

Кивок и странная улыбка:

— Я докладывал Сандайме о состоянии дел в Волнах.

— Мечник Тумана и команда Охотников тоже не были сюрпризом?

— Здесь ты ошибаешься. Никого столь сильного там не ожидалось, но предполагали наличие нукенинов и знали о значительном контингенте бандитов.

— И что будет? — спросил я безразлично, точно меня не интересовал ответ.

— Ничего, — спокойно проронил Леший. — Я мог бы пойти к Хирузену или Большому Совету Конохи, попытаться доказать, что все было неслучайно и что виновные должны быть наказаны. — Данзо выдержал паузу. — Но ничего не изменится. Накажут нескольких мелких сошек, которым Сарутоби предоставил работу и теплые места в обмен на их абсолютную лояльность. Для тебя и седьмой команды наказание нескольких ни в чем не виновных дураков при штабе и показательный скандал ничего не изменят.

«Разумеется, Третий не дурак, погрозит пальчиком, накажет невиновных, наградит не причастных...»

Данзо перевел взгляд на Макуто, который все это время стоял не шелохнувшись.

— А ты что думаешь, мальчик?

Макуто ответил сразу:

— Если бы я хотел убить джинчуурики, я бы сделал это иначе. Не посылал бы его на миссию с джонином, который может его защитить.

— Вот как? — Данзо чуть прищурился. — И как же?

— Я бы сделал так, чтобы он сам захотел умереть. Чтобы ему незачем было жить.

В кабинете повисла тишина. Данзо смотрел на Макуто долго, очень долго, потом перевел взгляд на меня.

— Твой ассистент умеет думать, — сказал он. — Это ценно. И опасно.

Я не нашелся, что ответить.

— Думаешь, что делать, — не спросил, а угадал неслышно подошедший Шимура.

Начальник навис надо мной, но я даже не повернул головы, смотря прямо перед собой.

— Запомни главное, чего ты не должен делать, Ирука-кун. Не показывай Сандайме, что все понимаешь. Что подозреваешь и знаешь, что вами хотели пожертвовать. Ты должен всячески показывать свою верность Хирузену: публично его хвалить, идти ему навстречу. Не мне тебя учить, — то ли кашлянул, то ли посмеялся Леший. — Некоторые детали о миссии в Стране Волн пока никто не должен знать.

Я молча кивнул, дав знать, что понял.

«И чем мне поможет образ восторженного фаната нынешней Власти? Я ожидал большего. Думал, что Леший вступится за своего сотрудника, но, видимо, Ирука не так ценен, как мне казалось. Ты, одноглазая мумия, не боишься, что я могу выдать некоторые секреты твоей конторки?

Например, о произошедшем в квартале Учиха? В голову не залезть, ты не знаешь, что я помню, а что нет. Не боишься, что саботирую обучение джинчуурики снова?»

Судя по всему, чем-то я выдал свой мстительный настрой, и Данзо снова заговорил:

— Не беспокойся, Ирука-кун, я не собираюсь оставлять это просто так. Пройдет всего полгода, и ты будешь полностью защищен от интриг Сарутоби. Но до этого времени ты должен терпеливо притворяться, что всецело ему верен.

Выдержав небольшую паузу, я ответил:

— Я понял, — собственный голос казался бесцветным и глухим.

— Но помни — притворяться, а не быть, — голос Данзо похолодел, явно чтобы нагнать жути. — Тебе все ясно, Ирука?

Даже не вздрогнув, я спокойно проговорил:

— Да, Данзо-сама.

— Хорошо, что ты это понимаешь, — голос Лешего вернулся к прежнему безразличному тону, а в эмоциях промелькнуло удовлетворение, точно я повел себя так, как он предполагал.

Снова сев в кресло, Шимура отложил копию моего доклада в лоток для бумаг на краю стола и сказал:

— Сейчас мы должны всячески поддерживать Хирузена и демонстрировать ему лояльность. Только тогда он расслабится и перестанет видеть в нас угрозу, только тогда мы сможем действовать. Идет очень большая игра, и тебе не одному приходится идти на жертвы и угождать Сандайме. Терпи и выжидай, как и должно настоящему шиноби Корня АНБУ.

— Я всё сделаю, — твердо пообещал я, хотя пока не определился, правду я сказал Лешему или нет.

После небольшой паузы Шимура заговорил снова:

— В целом ты проявил себя неплохо. Благодаря этому у тебя есть выбор. Можешь снова перейти на активную службу либо остаться в седьмой команде.

В первом случае, не скрою, ты будешь чуть больше зарабатывать, тебе будут меньше угрожать интриги Хирузена и тобой не будет командовать

Какаши. Но твое общение с джинчуурики сократится, и ты можешь потерять свое влияние на него, что отразится на твоей карьере. Будет очень нехорошо, если вся твоя работа и все твои жертвы окажутся напрасными, а интересы Корня пострадают.

Во втором случае все останется по-прежнему: твоей жизни будут угрожать интриги Сандайме, ты будешь подчиняться Хатаке и получать меньше, чем мог бы. Но зато спустя семь-девять месяцев тебя ждет заслуженный карьерный взлет, а мы все станем сильнее.

Удержавшись от того, чтобы слегка помотать головой, я сдержанно ответил:

— Данзо-сама, прежде чем принять решение, я бы хотел знать, что ожидает команду номер семь.

Леший еле заметно усмехнулся. Похоже, он чего-то такого и ожидал.

— Если тебя волнует, отправят ли их в ближайшем время на похожую миссию, то можешь не опасаться. Из-за гибели Хироки Гато события в Стране Волн получили большую огласку, и к Хирузену возникло много вопросов. Тайной детали миссии будут недолго, главное — чтобы их демонстративно не разбалтывал ты. Сандайме не станет рисковать своей репутацией, снова отправляя седьмую команду на самоубийственно-опасную миссию в ближайшее время. По крайней мере, несколько месяцев вам ничего не грозит.

Для виду помолчав, изображая раздумья, я негромко сказал:

— Тогда я бы хотел остаться в команде номер семь, Данзо-сама.

Леший покивал и, немного подумав, произнес:

— Хорошо, Ирука-кун, если считаешь, что так ты принесешь больше пользы для Деревни, пусть будет так. Если это все, то ты можешь возвращаться к своим делам.

«Да-да, — чуть ли не зевая, подумал я, — продолжай делать вид, что у меня была особая свобода выбора».

— У меня еще один вопрос к вам, Данзо-сама, — сказал я, заметив, что Данзо взял кнопки.

— Спрашивай, — все так же ровно и невозмутимо разрешил он.

— В связи с тем, что Хатаке не тренирует седьмую команду, я хочу попросить у вас разрешения обучать Узумаки Наруто и Учиху Саске основам искусства шиноби.

— Назови причины, из-за которых ты хочешь их обучать.

— В будущем они оба станут сильными шиноби вне зависимости от того, буду я их обучать или нет. Но в первом случае я смогу в определенной мере влиять на них, а во втором случае — нет.

— Я бы на твоём месте не стал рассчитывать на благодарность Учихи, Ирука-кун, — с едва заметной насмешкой сказал Шимура. — Это не самая сильная сторона их клана.

— Но, как мне кажется, имеется смысл попробовать, Данзо-сама, — заметил я.

— Ты меня не убедил насчет Учихи, — констатировал факт Шимура. — Обучая Саске, ты потеряешь доверие джинчуурики. Риск велик, а польза маловероятна.

— При всем уважении, осмелюсь возразить, Данзо-сама. Возможно, у вас не совсем верные данные. Наруто считает Саске своим другом. И даже если он не прав — это ничего не меняет. И к тому же, обучая их обоих, я ничего не теряю.

Глава Корня задумался, поглаживая трость, а затем сказал:

— Кланов будут против того, чтобы ты имел слишком большое влияние на джинчуурики и на того, кто потенциально может контролировать биджу, поэтому если хочешь учить еще и Учиху, то это твоё дело. Но об этом не должно быть известно ни Хокаге, ни кланам. Также не следует учить Саске-куна никаким техникам — придет время, и он их украдет столько, сколько нужно. А пока все более-менее сложные техники будут выдавать наличие учителя, и ты станешь главным подозреваемым.

— Я буду осторожен, Данзо-сама, — встав, я поклонился.

Шимура перевел взгляд на Макуто.

— Ты. Ты остаешься в седьмой команде. Продолжай делать то, что делаешь. Если понадобишься — тебя найдут.

Макуто поклонился — точно так же, как я.

— Да, Данзо-сама.

Наконец покинув кабинет и закрыв дверь, я схватился за стену, чтобы не упасть. Мной овладело странное состояние опустошения, безразличия и апатии. Мысли ворочались вяло, словно густая жижа перетекали одна в другую, но не запоминались.

Макуто взял меня под локоть. Его хватка была крепкой — не давала упасть, но и не причиняла боли.

— Дыши, — сказал он. — Медленно.

— Долго же ты, Ирука, и что-то ты зеленый какой-то. Плохо стало? — заметил Морио, поднимаясь с корточек. — Думаю, на воздухе тебе полегчает. Идем быстрее. Я не думал, что ты у босса так зависнешь.

— Извини, — ссутулившись, я отошел от опоры.

— Ладно, — махнул Маугли рукой, — не отставай.

Вернулись на поверхность мы тем же путем, хотя коридоры могли быть и другими: я лишь отметил, что вышли мы из того же самого домика, в который вошли.

— Выглядишь, как раньше, — заметил друг Ируки и, засмеявшись, ответил на мой вопросительный взгляд: — Как зомби.

Он пытался сخохмить, но улыбка пропала с лица так же быстро, как появилась. Видя, что продолжать разговор я не собираюсь, Маугли попрощался и, сунув руки в карманы, ушел в сторону улицы.

Макуто проводил его взглядом.

— Он тоже боится Данзо, — сказал он. — Просто хорошо скрывает.

Выйдя из темного тупичка, я поморщился от яркого света и, не замечая ничего вокруг, направился домой. Срезал путь поверху, когда оказался около «Пестрой пиалы», задумавшись, присел на чей-то балкон, рассматривая блеклый фасад заведения.

Макуто сел на перила рядом, свесив ноги. Он не спрашивал, что со мной. Он просто был рядом. Через минуту я понял, что его молчание помогает мне собраться с мыслями больше, чем любые слова.

С прошлого раза «Пиала» ничуть не изменилась, только сбоку торчала черновая лестница и строительные леса с пучками запасных бамбуковых палок для них.

«Вложить все деньги в новую сбрую или форсировать ремонт? В принципе, обновленная «Пестрая пиала» даст больше денег, и чем быстрее она начнет приносить дополнительную прибыль, тем лучше...»

— Молодой человек, вы не могли бы уйти? — хрипло и не слишком вежливо поинтересовалась у меня, открыв дверь балкона, на котором я сидел, какая-то всклокоченная, потная женщина неопределенного возраста, замотанная в простыню, как в тогу.

Макуто спрыгнул с перил, приземлившись беззвучно.

— Мы уже уходим, — сказал он женщине.

Та, увидев, что нас двое, быстро захлопнула дверь.

Явно для удобства шиноби между далеко стоящими зданиями были натянуты сплетенные косичкой веревки, закрепленные где-то под крышами. По одному из таких «мостов» я прошел, даже не посмотрев вниз, как по бордюру, лишь отметив, что высота была немаленькой. И это притом, что у меня до сих пор был иррациональный для шиноби страх. Я боялся высоты.

Макуто двигался по веревке так же легко, как по земле. Он даже не смотрел под ноги.

Ближе к концу моста-косички меня начало едва заметно пошатывать, и вниз я поглядывал чаще, чем нужно. В конце концов я просто перепрыгнул оставшийся кусочек и оказался на площадке около бака с водой.

— Тебе нужно больше тренироваться на высоте, — заметил Макуто. — Могу показать упражнение.

— Давай как-нибудь в другой раз, — выдохнул я.

Он кивнул и больше не поднимал эту тему.

«Пока ремонт не перекинется на первый этаж, — думал я, чтобы не мешать себе нестись по крышам, — «Пиала» много прибыли не принесет, контингент-то в целом будет тот же самый... Ну, может, чутка расширится, но вряд ли сильно. А сделать нормальное кафе внизу для обычных людей — это дорого, долго и в ближайшее время у меня таких денег не появится».

На следующий день я пошел и заказал новую сбрую. Денег хватило впритык, но жалеть было не о чем.

Конечно же, Каруйи расстроился, что я «потерял в бою» его творение, но вопросов задавать не стал, а похвастался, что его изобретение недавно купил Монтаро, который узнал о тренировочном костюме от меня. Рассчитывать на скидку за рекламу не приходилось, Рей только сказал, чтобы я пришел через две недели за готовым костюмом.

Как оказалось, снизить себестоимость сбруи мастер пока так и не смог, хотя и работал над этим, а также над совершенствованием своего девайса. И я подозреваю, что над вторым мастер работал сильно больше, чем над первым. Хотя именно на снижении цены и следовало бы сосредоточиться. Так что цена осталась прежней и все так же ощутимо «кусалась», даже несмотря на то, что Каруйи Рей продавал мне «сбрую», как и раньше, по себестоимости.

Эта покупка отвесила моему кошельку такую смачную плюху, что я задумался о поиске новых источников дохода.

Самым перспективным, но, увы, не самым быстрым был признан плагиат популярной литературы.

Так что, сидя в уголке с тетрадками, клоны почти закончили переписывать «Хоббита».

«Потом попытаюсь скопировать трилогию «Властелина Колец». Джирайя неплохие деньги на своей макулатуре зарабатывает, — думал я, глядя на то, с каким удовольствием Наруто перечитывает эти истории. — А я чем хуже?! На плагиате меня тут точно никто поймать не сможет, кроме Виктора, а ему это не нужно».

Не успел я смириться с теми проблемами, что уже были, как возникла еще одна. Большая такая проблема — больница и приближающиеся экзамены на ирьенина. Я ожидал, что меня переведут в группу, которая начала позже, и я буду сдавать с ними, но после краткого опроса-экзамена у Кито, передумал. Мой, если можно так выразиться, лечащий доктор, человек в неизменном бежевом балахоне и просто хороший парень посоветовал попытаться догнать одноклассников, благо не так и сильно я отстал.

— Все ходят на миссии и пропускают занятия, — сказал Кито, внимательно посмотрев на меня пронизательными карими глазами, — а твой уровень знаний позволяет быстро догнать сокурсников.

— Хорошо, попробую. В любом случае я всегда смогу поучить еще и снова попытаться сдать.

— Верно, — хлопнул он меня по плечу. — Но лучше раньше.

— Кито-сенсей, — прищурился я нарочито-подозрительно, — понимаю, что о некоторых вещах говорить прямо не принято, но ты бы хотя бы намекнул, в чем дело. Я же не совсем дурак и понимаю, что раньше такой спешки не было. Почему вдруг мне нужно сдавать экзамен уже весной? Летом я бы подготовился лучше, и при этом не пришлось бы никого напрягать лишний раз.

Кито задумался, испытывающе посмотрел на меня, потом сказал:

— Тебе уже известно о том, что этим летом будет чуунинский экзамен в Конохе?

— Ходили слухи, — неопределенно пожал я плечами, хотя внутренности скрутило от страха.

«Уже?! Я не готов, ребята не готовы! Я не знаю, что делать с Орочимару и Кабуто! С нападением звуковиков и песчаников! С гигантским бешеным енотом и Гаарой! ... В принципе, уже можно заворачиваться в саван и ползти на кладбище».

По-своему интерпретировав мою заминку, Кито продолжил:

— Так вот, летом экзаменов на повышение ранга у нас, ирьенинов, — уточнил Кито, видя, что я не слишком внимательно слушаю, — не будет. Только осенью. Сам понимаешь, мы будем по горло заняты генинами и гостями Деревни, и проводить экзамен будет просто некому.

Я обреченно — даже притворяться не пришлось — вздохнул и переспросил, чтобы выиграть время и придумать, как бы отмазаться от этой чести:

— Какие гости?

— Туристы-богатеи, — фыркнул Кито, — а также их жены и любовницы, которые захотят не только поглазеть на то, как подростки режут друг другу глотки, — сказал друг с явным отвращением, — но и воспользоваться услугами наших меднинов. Живот убрать, сделать пластику лица и груди и тому подобное, — брезгливо поморщившись, Кито неопределенно покрутил в воздухе рукой.

— Понятно, — в тон ему протянул я и сделал задумчивый вид: — Хм... Это все интересно, но не совсем объясняет, к чему срочность моих экзаменов. Какой госпиталю интерес в том, чтобы очередной недоучка влился в ваши ряды в конце весны, а не в конце осени? Я вот не уверен, что мне можно доверять кого-то серьезно лечить еще примерно год или около того. А сейчас я бы лучше потратил время на тренировку своих боевых навыков. Если бы ты видел, как криво я «починил» руку пленному нукенину, то подобных предложений у тебя не возникло.

— Я видел, — без эмоций отозвался медик, — «двусторонняя пневмония и неправильно сращенные нервы руки».

— Ой, — я виновато отвел взгляд и нервно хихикнул, — он там не сдох?

Кито не обратил внимания на мою реплику, пощипал бровь, как он всегда делал, когда волновался, и сказал:

— Увы, интерес самый простой — денежный. Летом у госпиталя будет очень много работы, в том числе довольно прибыльной. Это шанс заработать приличные деньги, потому что приезжим мы никаких скидок делать не будем. Но мы не сможем хоть немного поправить наши финансы, если все медики будут на дежурствах и на экзамене. Нам нужны дополнительные руки, чтобы успеть везде. И ваши — не самые неумелые, и нам очень пригодятся, особенно когда массово начнут поступать искалеченные и умирающие генины. Кроме того, здесь вопрос престижа госпиталя и всей Деревни. Если мы не сможем на должном уровне лечить генинов, это будет большим позором для всех нас. Нам нужна твоя помощь, и мы, в том числе руководство госпиталя, на нее очень рассчитываем. На всех вас, кто учится на курсах! — закончил Кито почти торжественно.

«Ты избран, Иван! — пафосно прозвучал мой собственный крайне ехидный голос в голове. — Пиздуй на баррикады! Не посрами Отечество!»

Посмотрев на мою безрадостную физиономию, Кито, видимо, что-то вспомнил и торопливо добавил:

— Ты не волнуйся, если будут проблемы, то ты всегда сможешь подтянуть свои знания с другой группой — и совершенно бесплатно! Да и тебе что-нибудь перепадет во время летней работы.

Представив пушистого миленького котенка, чтобы переломить настрой, я, как можно теплее и искреннее улыбнувшись, ответил:

— Дело не в деньгах, Кито-семпай, хотя я, конечно же, буду за них благодарен, а в моем желании помочь своим товарищам из госпиталя.

«Кажется, даже я сам сейчас почти верю в то, что говорю».

— И с радостью помогу тебе и госпиталю, потому что прекрасно понимаю, насколько это необходимо! — и я понизил голос: — Учитывая, как «щедро» финансируют Госпиталь из казны Деревни.

— Не напоминай, — отмахнулся ирьенин и, попрощавшись, закопался в бумажки.

Да, плакало мое свободное время. И на изучение новых боевых навыков времени тоже особо не будет. Но и отказаться было нельзя. Не зря же Кито ляпнул про руководство Госпиталя. Насколько я его знаю, не мог он такое сказать от себя. Никак не мог. Вот только я не понимаю, что это — проверка на вшивость? Или им действительно так нужна помощь всех, способных хоть как-то лечить, в том числе и моя? А может, и то и другое? В любом случае, выбора у меня нет. Придется идти им навстречу. Это только в глупых боевиках и фанфиках категории «Гэ» можно равно легко быть гордым волком-одиночкой или легко всех нагнуть и подчинить.

В реальности все несколько грустнее. Одиночки никому нафиг не нужны, за них никто не вступится и никто им ничем не поможет. Такой образ жизни — это бесконечные трудности, которые человек сам себе создает на ровном месте, просто не взаимодействуя с другими людьми.

Впрочем, и нагибаторы-подчинители не менее смешны. Любая организация или коллектив строятся не только на насилии, но и на личных связях, симпатиях, а также на принятых всеми правилах и традициях. Везде есть свои и чужие. Никто не будет проталкивать какого-то непонятного и никому неизвестного человека в верховные маги, короли, аристократию или куда-то еще. Конечно, герои на это плюют и нагибают всех силой, да так, что угнетенные не строят козней, не саботируют приказов нового тирана, не пытаются его предать при первой же возможности... Идиллия! Правда, что-то я сомневаюсь, что в реальной жизни такое возможно.

А Госпиталь — именно так, с большой буквы — это далеко не худшие друзья. Это спаянный общим делом и общими проблемами коллектив, в котором много разных специалистов и который постепенно стал признавать меня своим. И если я пройду эту проверку, то окончательно стану таким для Госпиталя. А медики и научить чему-нибудь могут, и помочь, и, главное... Если я буду своим, то лечить меня, если что, будут одним из первых. Может, и не сразу за Хокаге, Данзо или Советниками, но где-то близко. Кроме того, я смогу попросить за кого-то, кто мне дорог

или кто мне потом должен будет за хлопоты. И это — тоже ценный ресурс.

Монтаро и наша «секция» встретили меня с Наруто как родных, не пытаюсь навесить дополнительных проблем. Мы в темпе догоняли одноклассников, выкладываясь по полной, чувствуя приятную усталость после каждой тренировки. По совету Монтаро я и Наруто заглядывали в находящиеся недалеко общественные бани, чтобы снять усталость. Первое время я сидел в горячей воде только для галочки, чтобы расслабить гудящие мышцы, но затем привык и даже начал получать удовольствие от таких водных процедур. А еще это была неплохая тренировка на поддержание хенге. На входе в купальни, когда мы пришли в первый раз, сморщенный, но бодро и живо выглядевший старичок вежливо попросил Наруто использовать хенге, потому что хозяин купален запретил его пускать. Я уже хотел было уходить, но Наруто захотел остаться. Он сказал, что хенге — это не проблема, и он справится, а искать купальню, куда его пустят, мы можем до рассвета и неизвестно, найдем ли. Уже помывшись, я пообщался со стариком и выяснил, почему он нарушил правило. Оказалось, Мэнэбу-сан был дедом Хаяте Гекко. Вот не услышал бы это от него и не чувствовал бы его эмоций — не поверил бы. Слишком уж этот живейший и шустрый старик был не похож на своего болезненного вида внука. Оказалось, что Гекко — самый младший и поздний ребенок, а его отец погиб на задании. И его, Гекко, вместе с сестрой и старшим братом, воспитывал и этот самый дед — единственный оставшийся мужчина в семье. Одной матери было бы слишком тяжело с тремя детьми, а так ей помогали бабушка Мока и дедушка Мэнэбу. А недавно жена старика умерла. Он пожаловался, что ему теперь невыносимо сидеть дома.

— Одна у меня радость в жизни осталась — невестка и внук, вот бы еще правнуков дожидаться, — изливал он мне душу уже после того, как мы помылись.

— А что со старшим братом Гекко-сана и его сестрой?

Старик секунду пожевал губами, потом грустно ответил:

— Хигаши погиб на миссии, а Маритаими повезло — она вошла в клан Абураме. Кровь и чакра у нее оказались подходящие. Вот только

общаемся мы теперь редко. Жуководы очень скрытные, даже по нашим меркам, — вероятно, под «нашими» надо было понимать «шиноби».

Хаяте старший давно скучал без дела и потому устроился на непыльную работу в купальнях. Естественно, как бывший ниндзя, он прекрасно знал, кто такие джинчуурики, и понимал то, что Наруто не демон. Поэтому относился к нему без особой неприязни, но и никаких симпатий не демонстрировал — до этого дня. Впрочем, как он мне откровенно пояснил, будь «этот шkodник» один, он бы его не пустил. Просто потому что ему, старому Мэнэбу, неприятности не нужны. А мне он доверяет. Оставив при себе упреки, я с трудом натянул улыбку, поблагодарил его за то, что он нас покрывает, и ушел.

«Я вам не коллективная жилетка, чтобы в меня плакались все, кому не лень!»

Иногда моя клановая способность вызывать симпатию и откровенность других людей меня просто бесила! Вот как сегодня, например.

В дневнике некоего Умино Ръйу — не знаю, кем мне там приходился этот дракоша (а именно так переводилось его имя) — я вычитал симптомы, возникающие у других людей при общении с Умино, которым он дал имя «Очарование Моря». Название, конечно, такое слащавое-слащавое, что фу-фу-фу... Я бы назвал эту способность «как бы случайный попутчик», уж очень похоже было на определение из психологии, которое я помнил.

«Синдром случайного попутчика» — это когда один человек рассказывает другому, обязательно незнакомому ему, свои самые сокровенные тайны, обсуждает наиболее проблемные, твердо зная, что с ним он никогда больше не встретится.

Только я не случайный человек, вот и вся разница между «синдромом случайного попутчика» и «Очарованием Моря».

Нет, я все понимаю. Эта способность помогает расположить людей к себе, когда с тобой готовы поделиться самым сокровенным: страхами, тревогами и волнениями. Или получить от жертвы сведения, чтобы обратить против нее. Надеюсь, что вторая сторона этого дара мне никогда не понадобится... А-а-а, нет... Она мне уже успела пригодиться — в

Стране Волн... Но, в любом случае, я не могу помочь всем! Даже если бы захотел, я не всемогущ! И переживать за всех тоже не могу и не хочу — никакого здоровья не хватит. А некоторые истории слушать почти физически больно. И бесит собственное бессилие до зубного скрежета, потому что ничем не можешь помочь людям. А еще мне стало жаль старичка. Вроде бы неплохой человек, и если Гекко погибнет, то он останется один, и это запросто может его добить.

— Значит, придется как-то спасать Гекко, — буркнул я под нос, — вот только как?

— «Как» что? — полубопытствовал Наруто.

— Не важно, — отмахнулся я, — по крайней мере, не сейчас.

Одним из радостных событий было то, что вонь от холодильника в доме наконец-то выветрилась. Зато теперь из-за чистящих средств из каждого угла теперь пахло чем-то вроде мяты с дюшесом. Еще радовало то, что мне не придется снова спать на полу или покупать раскладушку — я пожалел на нее денег.

В общем, все хорошо. Хотя порой мне кажется, что у меня уже кожа пахнет, как то чистящее средство. А еще я начал разбирать барахло с миссии и наткнулся на один трофей, о котором совершенно забыл. Но вскрывать его лучше как можно позже.

Когда за окном чуть посветлело — приближался рассвет, я достал сундучок Охотников и отнес его в зал, на всякий случай — подальше от закрытых занавесками окон.

Повторив инструкцию, я активировал барьер на максимальную «непрозрачность», в том числе на защиту от подслушивания и подглядывания.

Не думаю, что Третий не спит и как раз сейчас наблюдает именно за мной, но все-таки лучше подстраховаться. К тому же он не единственный, кто может за мной следить.

Ну, а то, что чакры уйдет больше, чем обычно — это не критично. Наруто поможет заново зарядить печати.

У меня были сомнения, что эти ухищрения действительно скроют меня от Глаза Саурана... шарика, через который Третий за всеми присматривает, так что на всякий случай я активировал еще один барьер.

Сосредоточившись на ощущениях, я, пока что без чакры, сложил первую печать, которую подглядел у Данзо, и, о чудо, руки по инерции продолжили складывать нужные «фиги»! Я справился даже с небольшой частью доступных мне воспоминаний Ируки.

Пару раз потренировавшись запускать «память», пустил чакру, стараясь ни одной мыслью не мешать. На автомате тело выполнило дзютецу.

— Тайное искусство: Покров Тайны, — пробормотал я без запинки и смог понаблюдать, как замедляется воздух.

— Получилось, — восторженно прошептал я и сам себе беззвучно похлопал, едва касаясь рукой руки.

Эта уловка открывала для меня новые возможности. Конечно, это не шаринган, но пополнить коллекцию «заклинаний», не изучая их, я тоже могу! Мне достаточно вспомнить то, что знал и умел Ирука, чтобы стать равным если не специальному джонину, то хотя бы сильному чуунину. А это уже что-то, отличное от нуля.

Макуто постучал в дверь и вошел, когда я уже заканчивал с приготовлениями. Он осмотрел активированные барьеры и кивнул.

— Я помогу, — сказал он, доставая из-за пазухи свиток с печатями. — Если там ловушка, вдвоем безопаснее.

Я не стал спорить. Он встал у меня за плечом, пока я работал с замком.

Ларец, который я вытащил из пепелища дома Охотников, был не только не защищен ловушками — он оказался даже не закрыт, а просто захлопнут на защелку.

В сундучке, поверх всех вещей, лежало незаконченное письмо-донесение ни много ни мало главе местного аналога разведки Деревни, скрытой в Облаках, Точибане Коу. Охотники, похоже, были настолько уверены в собственных силах, что даже шифровать записи не стали... Впрочем, скорее всего, они просто не успели — наше нападение было внезапным.

— Не параноики, — удивленно хмыкнул я, откладывая в сторону тощий свиток.

— Идиоты, — поправил Макуто. — За что и заплатились.

Несмотря на небольшой размер, в сундуке было довольно много интересных вещей. Какие-то свитки, несколько явно важных документов, побрякушки, которые тянули на приличную сумму, несколько свитков для хранения расходников, таких как сюрикены, кунай, метательные ножи и взрыв-теги. Когда над бумагой появилась пачка, я покрылся холодным потом. Дело было в том, что теги сами по себе стабильны настолько, чтобы быть запечатаны, но надо вовремя убрать руку с чакрой, чтобы открывая свиток не активировать бумажную взрывчатку. Из-за этого многие вообще не запечатывали теги, а носили так, скатав в трубочку и запихав в маленький тубус, либо сразу намотав на кунай.

Макуто аккуратно принял пачку у меня из рук.

— Я уберу, — сказал он. — У меня есть герметичный свиток.

И самое приятное, что было в этом сундучке, — свиток с меткой «деньги» на внешней стороне бумаги.

Прикрыв в предвкушении глаза, я ляпнул рукой по печати, а потом долго собирал банкноты разных стран по залу. Распечаталась целая куча всякого полезного. Например, мешочек с монетами, которой удачно оказался на вершине кучки и который я успел подхватить до того, как монеты разлетелись по полу. А вот бумажные деньги были никак не скреплены между собой и, подброшенные воздухом и чакрой, разлетелись по всей комнате.

— Это хорошо еще, что только бумажные деньги рассыпались, — бухтел я, пока собирал банкноты вместе с клонами, — если бы монеты, Наруто бы разбудили.

Макуто собирал разлетевшиеся купюры молча и быстро. Через минуту он положил на стол аккуратную стопку.

— Здесь около восьмидесяти тысяч в пересчете на конохские рё, — сказал он. — Если менять у проверенного человека.

— Откуда ты знаешь курс?

— Я интересовался. На случай, если придется уходить из Конохи.

Мне стало не по себе от того, как буднично он это сказал.

Несмотря на то, что мне нужны были деньги, менять зарубежные бумажки на конохские не хотелось. Вдруг куда-то срочно отправят, а у меня с собой уже есть местная валюта и не придется искать менялу.

Складывать все обратно в сундук я не собирался, потому заранее подготовил ящик с замком.

Сам сундучок мне очень понравился, но запирался он на фуин, а «ключа»-пароля у меня не было, да и к Рогу меня бы не пустили, чтобы узнать его. Конечно, можно было попытаться найти способ настроить такой сундук самому, но на данный момент это слишком сложная для меня задача. Набросав короткую записку для Данзо о том, что случайно обнаружил документы в запечатанных вещах, я с сожалением захлопнул крышку и спрятал пустой сундучок в нишу под креслом.

— А теперь надо попытаться хоть как-то выспаться, — пробормотал я, сонно почесывая щеку, — а то через несколько часов проснется Наруто и совершенно точно разбудит и меня.

— Я пойду, — сказал Макуто, поднимаясь. — Завтра смена с утра. Если что-то нужно — пришли клона в Ичираку.

Он ушел так же тихо, как и появился.

Поутру я запечатал найденные в ларце документы с запиской в свиток, понадеявшись, что скоро встречу Морио. Кстати, я бегло ознакомился с ними, потому что протаскал их с собой пару дней, пока не встретил Маугли Нибори. С чистым сердцем вручив ему этот набор, словно ядовитую змею, я сказал, что это надо передать лично в руки нашему общему знакомому. Я мог только надеяться, что Данзо не обидится за задержку ценных данных.

И только отдав Морио папку с документами, я понял, что сундук, вообще-то, не единственное из того, что я еще не распечатал.

Вечером, глядя на грудку грязного белья, я со вздохом стал разбирать шмотки «Иго-нукенина».

Выкидывать вроде жалко — одежда здесь дорогая. Да и пригодится еще. Убрав в стирку одежду, я покрутил в руках маску и ковырнул грязь с оранжевого стекла, с ностальгией вспоминая свою самую первую серьезную миссию.

«А ведь если бы не техника передачи чакры и не мои хоть какие-то целительские навыки, то Какаши мог бы склеить ласты прямо там, на той поляне, где мы дрались с Не-Забузой. И Виктор мог отправиться вслед за Собакиным».

— Хорошо, что я ирьенин, — тихо пробормотал я сам себе. — Но плохо, что завтра надо в госпиталь. Лень, но надо.

Неожиданно я почувствовал пальцами какой-то выпуклый рисунок около крепления резинки очков и пустил в руки чакру, чтобы подсветить. Не сказать, что чакра могла заменить фонарик, но на небольших расстояниях этого ядовито-зеленого света мне хватало. Рассмотрев клеймо, протер глаза и взглянул еще раз: миниатюрный веер никуда не исчез. Я покрутил очки, чтобы на значок попал свет заходящего солнца, и заметил, что стекло маски будто затонировано, но изнутри она осталась такой же прозрачной, как и раньше. Заинтересовавшись, я поднес очки-маску к столу и включил лампу.

— Опа!

Стоило только убрать чакру, как маска снова стала прозрачной. Поигравшись еще немного, я показал находку Наруто.

— Надо отдать их Саске, — серьезно сказал тот, когда я предложил ему примерить очки с намеком, что он их может оставить себе: все же вещь была практичной защитой для глаз.

— Завтра тренировка, отдашь при встрече, — кивнул я.

За пару дней до конца отпуска я снова пошел с Наруто на занятия в госпиталь. Теперь он уже был ассистентом и помогал делать печати для меднинов хоть и под чутким руководством, но сам. А меня определили

довеском-стажером к группе младшего персонала, состоящего из одних медсестричек. Растем!

На первом же занятии в новом коллективе я почувствовал себя, как торт перед оголодавшими от диет студентками. «Повезло», учитывая, что я не окольцован, к тому же клановый и не бедный. Даже если сдохну, то вдове скрасят жизнь мои денежки. Короче, девушки-сокурсницы мне нравились, но я был совершенно не рад такому нездоровому ажиотажу вокруг своей персоны. Потому что в таком цветнике было довольно трудно что-то учить. Да и сам я отвлекался, засматриваясь исподтишка на приятные глазу округлости сокурсниц, которые те всячески старались подчеркнуть даже в форменной одежде.

После Страны Волн жить стало поспокойнее и в моей черепушке нашлось место для нескромных мыслей. Издевательски яркие, подробные, реалистичные сны с Анко стали сниться безобразно часто, иногда мешая нормально выспаться.

Впрочем, несмотря на все это, я узнал много полезного. А еще — немало бесполезного. Коллективы, в которых подавляющее большинство — женщины, похожи. Через некоторое время в тебе перестают видеть «шпиона в стане врага» и начинают обсуждать такие вещи, которые до этого бы постеснялись.

Так я теперь знал, какой крем для морды лучше, какие диеты круче, кто с кем и когда спал... И много подобной ерунды. Женщины, они такие... женщины.

И только Акисато Миюри не унималась. Она раздражала своей назойливостью, старалась сесть ко мне поближе, чтобы я задыхался от густого облака духов, и буквально лезла под руку, чтобы что-нибудь исправить или просто дать совет. В итоге я стал от Миюри шарахаться, чтобы однажды не покрыть ее матом.

Лишь одна девушка из этой «клумбы» общалась со мной изначально без «ненавязчивой» демонстрации декольте и «случайных» прикосновений. Я был ей за это благодарен.

Бунко полностью соответствовала своему имени, была умнее своих одноклассниц, поэтому с ней было приятно поговорить. Поначалу я даже принял ее за подростка: она едва доставала мне до подбородка, хотя я и сам особо высоким ростом не отличался. Бунко оказалась бесклановой, но ничуть этого не стеснялась, а даже гордилась. Не сказал бы, что у нее была эффектная внешность, но она имела миловидную мордашку, классную фигурку, напоминающую песочные часы, и характер, отличный от рыбы-прилипалы, наверное, поэтому я старался проводить учебное время в ее компании. Ну, а Бунко была не против.

Как-то очень быстро русоволосая куноичи стала мне близка. Я бы не сказал, что влюбился, скорее, за короткое время я привязался к ней, как к приятному собеседнику и, наверное, другу, но ее это не устраивало.

— Ирука-кун, ты сходишь со мной в кино? Там сегодня показывают ужасы, мне интересно, но я одна боюсь, — кокетливо стреляя глазками, пояснила она и фыркнула, сдвув волнистый локон.

Черт меня за язык дернул сказать:

— Схожу, Бунко-чан.

Я забыл про собственные правила, одним из которых было не заводить романы на работе, но зато отлично провел время.

Происходящее на экране меня мало интересовало, когда теплая ладошка тискала мои пальцы во время «страшных» сцен, Бунко забавно и всерьез пугалась, когда актер-призрак выпрыгивал из-за угла наперерез очередной жертве.

А после кино мы бродили по Конохе до самого заката, болтая обо всем подряд.

— Ирука-кун, а тебе совсем не страшно было?

— Я просто знаю истории еще страшнее, — перехватив ее руку, чтобы было удобнее идти, сказал я.

— Например?

— Например, истории о страшной и ужасной Ипотеке, которая отнимает жизни, деньги, нервы и дома! — я пожегся. — Не, эту жуть я и сам боюсь.

А когда я собрался уходить, она вдруг притянула меня за ворот и поцеловала так, будто собиралась съесть. Такой прыти я не ожидал.

В голове весело пронеслось что-то такое: «А мне казалось, я был в безопасной френдзоне».

Затуманенного сознания едва хватило на то, чтобы отправить теневого клона сказать Наруто, что я этим вечером не приду. По-хорошему, тогда надо было свалить домой.

Уже не вспомнить, как я оказался у Бунко, видимо, гуляли мы недалеко от ее квартиры.

Одежда всеером, прохладная от промозглого вечера кожа, которая вспыхивала под губами и пальцами жаром, словно потревоженные угли, жадные губы, плотоядный, непривычный для ее лица, взгляд и срывающий «крышу», одуряющий запах лилий.

Меня понесло, как неопытного подростка, но та ночь была что-то с чем-то. В хорошем смысле слова.

Проснулся я от жажды, когда за окном еще было темно, но забыл про воду в тот же миг.

Потому что мне лукаво улыбалась Анко! Она нарочито медленно поднялась, села на футоне, потянулась, словно хотела достать до стены за своей спиной, и, жмурясь, как кошка на солнце, прогнулась назад. В лунном свете белая кожа напоминала мрамор, но камень таким горячим и упругим не бывает.

— Анко, — хрипло выдохнул я, притянув ее к себе, но под руками почувствовал не нежную кожу, как раньше, а что-то совсем другое.

Не проморгавшись, спросонья позвал ее еще раз, а уже потом до меня дошло, что обжимаюсь я с подушкой.

— Ах ты, скотина! — в тот момент скрип пенопласта по стеклу мне показался бы приятнее этого вопля.

В общем говоря, утро у меня не задалось, потому что началось с ударов по спине и заднице, причем я не сразу разобрал, чем меня били и где вообще нахожусь.

— Тварь! Скотина! Животное! Я ведь думала, мне показалось!

В этот монолог я даже слова вставить не мог, Бунко меня просто не слышала или не хотела слышать.

Защищаясь руками от пахнущей порошком простыни, свернутой в жгут, я пытался понять, за что меня так, но не преуспел в этом деле. Только когда в одних трусах меня выставили за дверь и Бунко сообщила, что всему виной Анко, я понял что звал ее вслух.

— Упс, — сконфуженно лыбясь, я почесал висок пальцем.

— Вон из моего дома! — всклооченная Бунко зло швырнула в лицо ком из моей одежды. — Пошел вон к своей Змее, урод! Видеть тебя не хочу! Ни-ко-гда!

Быстро одеваясь на лестничной клетке, я обнаружил в вещах початую пачку презервативов. Конечно, первой мыслью было ее вернуть, а заодно водички попросить, но, со скепсисом смерив взглядом дверь, которую увидел в первый раз, я решил не лезть на рожон. И так все руки в полоску, как у зебры, да и спину саднило, и не только ее.

— А так хорошо все начиналось, — вздохнул я шепотом. — Ладно, это мне еще пригодится.

Спрятал резинки в поясную сумку и пошел домой, раздумывая по дороге о том, как это типично: влюбляться в принцесс и королев — класса, улицы, района, курса — а спать с другими, не добившись взаимности у объекта вожделения. Хотя, может, это просто я неудачник по жизни?

Чтобы не смущать своим видом общественность в столь ранний час, я набросил хенге, а лишние вещи запаковал в свиток. Лишними оказались эластичные бинты, подсумок на ногу и похожий на купальник черный в белый горошек лифчик третьего поролонового размера.

— Ну, блин, — я разочарованно задвинул полный свиток в нагрудный карман, — и тут наебали.

По пути домой я завернул в Ичираку — нужно было хоть как-то привести себя в порядок перед утренней тренировкой. Макуто уже разжигал плиту. Он окинул меня взглядом — помятая одежда, царапина на скуле, красные глаза — и ничего не сказал. Просто налил горячего чаю и пододвинул плошку с рисом.

— Ешь, — сказал он. — Выглядишь хуже, чем после боя.

— Это был бой, — буркнул я, принимая чашку. — Просто другого рода.

Макуто хмыкнул и вернулся к работе.

На следующий день на перерыве, когда в аудитории остались только мы с Бунко и Кито, я подвинул к презрительно щурящейся куноичи малую печать в конверте с надписью: «Ты случайно это отдала мне с вещами, не открывай тут».

Но кто читает инструкции?! Фи, моветон!

— Урод, — прошипела красная как рак девушка и попыталась вклеить мне пощечину.

Офигев от представления, я увернулся, но не уследил за словами:

— В смысле, мне это надо было оставить себе?

— Извращенец! — бросив несчастную тряпочку мне в лицо, Бунко резко встала из-за стола и с гордым видом удалилась.

Глядя на осыпавшуюся штукатурку у дверей, я перевел взгляд на меднина и ляпнул очередную дурь:

— Кито, хочешь, я это тебе отдам? — держа лифчик двумя пальцами, спросил я.

Мы ржали, как два коня, и не могли успокоиться. Если бы кто-то в тот момент сказал «лопата», боюсь, меня бы уже не было в живых.

Вытиравшему выступившие слезы беретом Кито я нажаловался на свой неудачный роман, так что тот еще не раз хватался за живот.

— На перемирие рассчитывать глупо, — подытожил я.

— Это точно, — булькнул друг, силясь снова не рассмеяться.

Так и оказалось, с того инцидента с бюстгальтером Бунко перестала меня замечать в упор. Я для нее не то что стеклянным, немым невидимкой стал; неприятно, но не смертельно. Надеюсь, дальше госпиталя эта история про неудачный роман не уйдет.

Наруто тоже учился не покладая рук, а Рей на него нарадоваться не мог: «Такой умный ребенок, понимает с полуслова!» Еще бы не понимал, если он обо всех типах печатей читал в моей библиотеке. Некоторые мы с ним разбирали вместе. А ряд печатей, что попроще, он уже сам делал и даже меня им учил.

Макуто тоже приходил к Рею — раз в неделю, по вечерам. Он не учился фуиндзютсу с нуля, как Наруто, а задавал конкретные вопросы: как нанести печать на лезвие так, чтобы она не стиралась в бою, как запитать клинок чакрой через фуин-посредник, как сделать метку-маячок. Рей говорил, что у парня «вопросы уровня спец-джонина, хотя исполнение пока хромает». Но прогресс был налицо.

Кстати, разбирая клановые свитки и записи самого Ируки, я нашел много сведений о том, как правильно тренировать юных шиноби, которые я пропустил, когда первый раз бегло изучал длинные, нудные, неструктурированные и далеко не всегда полезные летописи клана Умино. Написаны они были акын-стайл. То есть что вижу, о том и пою или пишу. Естественно, никакой каталогизации и в помине не было, так что пришлось долго отбирать все, касающееся базового обучения — с самого маленького возраста.

Во время чтения свитков однажды вечером я заржал.

— В чем дело? — с любопытством спросил Наруто. — Там что-то смешное?

Макуто, сидевший в углу с очередным свитком, поднял голову.

— Ага, — я вздохнул, успокаиваясь, но не перестав улыбаться. — Ты был прав, когда упорно тренировал Катон. Не знаю, будет ли огонь столь же полезен для тебя, как ветер, но факт в том, что все шиноби могут обладать двумя стихиями. Для этого они должны с раннего детства с ними тренироваться, старательно развивая вторую, более слабую стихию.

После чего я зачитал фрагмент:

— «Если же юный шиноби не развивает с прилежанием вторую стихию, то в подростковом возрасте он теряет к ней способности и развивать ее потом будет намного сложнее, и возможно, что вершин в управлении ею он уже не достигнет. Нельзя забывать и о том, что раннее и правильное развитие одних и тех же стихий, как то: Фуутон и Райтон, — у шиноби и у куноичи увеличивают шанс того, что их совместный ребенок будет свободно обращаться с обеими стихиями, и даже есть шанс, что он обретет Продвинутой Геном, связанный с этими стихиями, а потому это один из секретов, который не должны покинуть Клан».

Наруто призадумался.

— Поэтому никто в Академии нам этого не говорил? Потому что это клановый секрет? — спросил Узумаки.

Я пожал плечами:

— Не знаю. Если бы помнил, то обязательно ответил. Но сомневаюсь, что дело в секретности — тайна, судя по дате написания свитка, достаточно старая, и думаю, что большинство кланов о ней давно в курсе. А что знают двое, знает и свинья.

— А при чем тут свинья? — не понял Наруто.

— А это выражение такое. Означает, что если какую-то тайну знает хотя бы два человека, то о ней может узнать кто угодно, вплоть до каждой собаки и последней ленивой свиньи, не вылезающей из хлева.

— А-а-а, — протянул Наруто. — Значит, — собравшись с мыслями, сказал он, — Саске нужно развивать Молнию, а мне — Катон?

— Да, пока не овладеете вторым врожденным элементом наравне с первым, — кивнув, ответил я ему.

— А у Сакуры какой второй элемент? — продолжал допытываться мальчик.

— Откуда же мне знать, — я развел руками. — Я не знаю даже то, какой у нее первый элемент. Да и не думаю, что ей имеет смысл развивать даже первую стихию, не то что вторую.

— Почему? — немного настороженно спросил блондин. — Это потому, что она тебе не нравится?

— И поэтому тоже, — не стал я врать. — Но главным образом потому что у нее очень мало чакры для стихийных техник. Ей нужно что-то более экономичное, например ирьендзютсу. Она может стать отличным медиком или хорошим мастером гендзютсу, или даже неплохим шиноби, сражающимся с оружием. Некоторые умудряются драться при помощи чакроскальпеля. Кстати, мне бы тоже стоит этому поучиться, — достал блокнот и записал в него новый пункт.

— Но у нее контроль...

— Но не боевиком, — перебил я, — как ты или Саске. И контроль ей тут не поможет. Я тебе напомним, что для большинства элементарных дзютсу не требуется запредельно высокий контроль, а у Харуно он — единственное очевидное преимущество при просто крошечном резерве чакры, которого хватит на пару слабых техник. После чего она станет обузой, которую вам двоим вечно придется спасать.

Узумаки только грустно вздохнул и тихо сказал:

— Но она так хочет впечатлить Саске...

Увидев, что я только молча пожал плечами, Наруто не стал продолжать фразу.

Как-то незаметно наступила зима. Она окончательно и бесповоротно засыпала Коноху мелким белым крошевом, а местами превратила ее в каток, с которого чуть ли не каждый день кто-то падал и получал легкие травмы и несерьезные увечья. Шиноби все же не кошки, и не у всех получалось перекувыркнуться в воздухе, сверзившись с покрытых ледяным глянцем крыш или деревьев.

Холодные промозглые дни и ночи, закованные в тонкий лед, не располагали к заказам вне деревни, и нас на работу все больше приглашали местные.

Здесь, в Конохе, в моем понимании, зимы не было. Просто поздняя осень в Стране огня длилась до самой весны. До которой было еще далеко, хоть она и начиналась, по сути, уже в конце февраля.

Количество миссий для полных команд резко сократилось. Иногда нам давали задания, а иногда мы и вовсе сидели без дела. Временным командиром, как и раньше, был я. Какаши услали далеко и, надеюсь, надолго. Точнее, он сам смылся. Как ни крути, а Собакин — элитный шиноби. И, повесив на него команду из неопытных генинов, Хатаке тем самым сильно урезали список миссий, которые он мог взять.

Адреналина — нет. Врагов сильных тоже нет. Джонино негодуе! Так что это чмо очень радовалось, когда говорило: «Теперь ВЫ их командир!» Ну-ну, будто это для меня наказание!

Три ха-ха и одно чувство дежа вю!

Это у одного «гения» мозгов не хватает справиться с тремя детишками-генинами, не поубивав их! Уверен на все сто процентов: он думает, что раз его уже называют гением, то мозгом можно больше не пользоваться! Да-да, пусть себе плесенью покрывается! У-у-у! Пристрелил бы Чучело!

— Дедушка Мороз, хочу на Новый Год дробовик! — я достал из шкафа чистый комплект формы. — Сначала продырявить книжонку, а потом башку одноглазую! Да-да, мечтать не вредно...

Растолкав Наруто, я стал рыскать в поисках запасного шарфа. К утепленной форме по случаю погоды прилагался шарфик и... все, только шарф. А, нет, вру, еще были закрытые боты из шкуры молодого дермантина на рыбьем меху. Тонкие и без утепления! От осенней обуви их можно было отличить... да, никак не отличить, кроме цвета. Тонкий слой темного меха внутри почти не видно. Зимние боты — темнее, и подошва у них чуть толще, вот и вся разница. А, ну и еще то, что зимняя — местного производства, а нашу осеннюю мы купили в Стране Волн, благо что

стоила она там из-за кризиса, в переводе на наши деньги, сущие копейки. Да и возвращаться в сандалиях по снегу — не наш метод.

Премного благодарен! Где мой пуховик? А? Где ты, радость моя? А ботинки с мехом и на толстой подошве? Такими пнешь булыжник и не почувствуешь (я заглянул под кровать). Ау! В другой жизни остались. Там же где, комп, диски, книжки и... Грустно.

— Ирука, ты скоро?

— Да, сейчас иду! — крикнул я, не поворачиваясь.

Вставая, я уронил за прикроватную тумбу вторую часть «Приди, приди рай». Да, это была настоящая книга Джирайи, а не тот учебник, который мне принес Маугли.

Начав читать, я надеялся найти замену любимому фэнтези... да хоть порнушке, в конце концов!

А нашел альтернативу составу освежителя воздуха. Заметного прогресса в писательском мастерстве у Джирайи не наблюдалось.

И, кстати, все время читать про дам с арбузами мне даже не то чтобы надоело — сразу не понравилось! Тут даже представлять, что они внезапно похудели, не выходит. Похоже, когда Хокаге станет Цунаде, я буду тупо гыгыкать, лишь завидев ее.

— Ой, блин, — загрустил я от перспективы словить стенодробительного леща от бой-бабы.

— Ирука! Мы же опоздаем! — нервничая, постучал Наруто ладонью по косяку, точно заяц лапой по пню.

— Иду... Уже иду. Подумаешь, десять минут! Какаш... «ка»... Хатакесан, опаздывает сильнее.

— Ирука, раньше ты бы и из-за пяти минут орал как резанный, — скептически вскинул бровь мелкий.

— Слышь, ты, — шутливо «наехал» я, — что-то против имеешь?

— Нет! — с жутким акцентом по-русски ответил он, улыбаясь, и быстро-быстро помотал головой, умильно хлопая глазками.

Смеясь, помог распутать Наруто узел на шарфе. Видимо, он пытался завязать бант, но что-то пошло не так.

— Не строй больше таких умильных рож. Не то какая-нибудь куноичи не выдержит и затискает до смерти. Причем старая куноичи, вся смор...

— Как Анко, что ли? Фу-у!

— Что значит «фу»?! — возмутился я, проглотив продолжение своей фразы: «сморщенная и седая». — Она не старая, это ты еще маленький! Или, по-твоему, я тоже старый? — грозно спросил я, соорудив рожу пострашнее.

Не подействовало.

— Ну-у... — шкодливо зыркнув, протянул мелкий.

— А я маленький! — я сделал вид, что обиделся, а затем, копируя улыбку Узумаки, добавил: — И вообще первые сорок лет детства для мужчины самые тяжелые.

Замерзшие лужи хрустели под ногами, солнце слегка припекало спину, и, если бы не ветер, погоду можно было назвать замечательной. А то дождь, а потом минусовая температура — и вся вода обращается в лед!

— Ирука!

— М?

— Почему ты такой грустный?

Не мог же я сказать: «Хочу Анко, как женщину, потому и грустный!»

Сновидения с участием лилововолосой девушки в последние дни были настолько подробными, что после пробуждения мне еще долго чудился запах и тепло ее бледной кожи, иногда даже вкус. Казалось, что она мгновение назад была рядом и я обнимал ее собственными руками, целовал своими губами, чувствовал ее всем телом, а потом приходило понимание, что это мне примерещилось. Опять и снова!

Не сны, а натуральное издевательство!

Сложно было понять, где заканчивается память о том, что пережил я, и начинаются чужие воспоминания. А иногда — просто невозможно.

К сожалению, Митараша еще не вернулась, но за нее я не беспокоился по двум причинам: во-первых, потому что миссия ей попала не опасная, я узнавал, — сопровождение никому особо не нужной шишки, а во-вторых, я надеялся, что канон не солжет и минимум до экзаменов Наруто с ней ничего не случится.

— Да, вот... — не мог я придумать правдоподобную причину. — Понимаешь, ты ведь ребенок, — абсолютно серьезно начал я, — тебе простительно снежинки ловить ртом. Специально ледышки пинать, а на меня минимум косо посмотрят. А максимум отправят на принудительное лечение в психбольницу. Ты же знаешь, что я сумасшедший. От вас, мелких, джонины бегут, как от чумы. А я — нет. Я псих! Точно тебе говорю! — Улыбка предательски проступила. — Потому меня оттуда не выпустят никогда. Вот как-то так, — я картинно развел руками и скорчил грустную рожу.

Наруто звонко рассмеялся, спугнув голубей с обледенелой ветки.

— Теперь я верю, что ты был в детстве таким же, как я!

— Ну-у, не точь-в-точь, у меня не было двух сенсеев, один из которых параноик, а второй — душевнобольной.

Краем глаза я заметил АНБУ в маске кота, который остановился на соседней крыше.

— Наруто, хочешь анекдот?

— Давай!

От наблюдателя повеяло любопытством.

— Один говорит: «Кот-сан, а Кот-сан! Давай поселим козла в казарме — вроде талисмана, на счастье будет». А второй спрашивает: «А вонь?» Тот первый ему и отвечает: «Привыкнет. Мы же привыкли».

Судя по эмоциям, боец обиделся. Раннимые какие!

Рассказав еще парочку переделанных анекдотов, я шепотом попросил:

— Смотри Какаши-сенсею эти анекдоты не расскажи.

— Я что — дурак?! — возмутился Узумаки.

— Нет, — я потрепал его по волосам и улыбнулся, — конечно, нет.

А ведь совсем недавно ты сам себя считал дураком, о чем прямо говорил. За что надо сказать отдельное спасибо твоим «особо дорогим людям».

Покрытый инеем дворец каге напоминал больного ожирением хамелеона, который переливался на солнце всеми цветами радуги. Тяжелая туча, будто зацепившись за «рожки» здания, висела над горой с монументом, напоминая о том, что погода может испортиться в любой момент. Порывистый ветер «кусал» за нос и норовил закинуть ледяное крошево с крыш за шиворот.

В теплом коридоре на скамейке нас уже ждали.

— Привет, — одновременно сказали мы с Наруто.

— Вы опоздали! — крикнула Харуно.

Учиха, как обычно, фыркнул, но мне показалось, что он поддакивал девочке.

— Сакура, води себя тише. По сравнению с вашим сенсеем, я — сама пунктуальность!

Наруто прикрыл рот ладонями, силясь не рассмеяться.

— Так вы тоже наш сенсей! — обвиняюще наставив на меня палец, выдала Харуно.

— Не-а, — я помотал башкой и ухмыльнулся, — я ассистент, а это не одно и тоже. Но это совсем не значит, что я перестаю быть взрослым, который может наказывать, если что.

На этом мой диалог с Сакурой закончился.

Хлюпающий носом чинуша послал нас в квартал торговцев. Работать грузчиками.

Забавно, но простуду и тут не научились толком лечить. Сопливых хватало и среди шиноби, и среди горожан. Шмыгающая и чихающая очередь в аптеку при госпитале стояла почти каждый день. Марлевыми повязки разметали, так что их стало не хватать. Даже Наруто умудрился соплю подхватить, благо выздоровел он уже на следующий день.

— Вход только по документам, — строго заметил пожилой вахтер у ворот.

В свете наступающего серого дня он довольно долго разглядывал фотографию.

— Умино Ирука, чуунин... — нахмурился он и поднес документ ближе к глазам.

Я потер озябший нос и поправил шарф Наруто, который чуть ли не по земле за ним волочился, как у Конохамару. Кстати, своего у Наруто не было — пришлось подарить. Он пренебрегал такими «излишествами», как шарф или перчатки. Да и денег у него на них раньше не было.

— Проходите, Умино-сан, — возвращая документ, сказал вахтер.

И тут старик задержал взгляд на Узумаки.

— Опять ты?!

Я недоуменно глянул на вахтера.

— Сопляк, — грозно глянул дед, — опять гадость какую-то задумал!

— Вы ошибаетесь, — прошипел я, заступив перед мальчишкой. — И не обвиняйте без причины. Я этого очень не люблю.

— Простите, — отшатнувшись, пролепетал сторож.

Но Наруто все равно расстроился, он надел капюшон, надвинув его почти до самого подбородка, а поверх шарфом до самых глаз лицо замотал.

Складские помещения формой походили на миниатюрный ангар — были похожи на распиленную пополам трубу. Внутри было слегка теплее, чем

на улице, местами пахло сухим чаем, где-то пряностями, а откуда-то приванивало мазутом и маслом. Большие таблички с номерами не только сообщали, кому принадлежит номер, но и чем торгует его владелец. Например, некая Садако Сасаки торговала канцелярией, у нее даже цветной бумажный журавлик был подоткнут под угол таблички. А вместо четвертого номера — проход в соседний склад. И вместо четырнадцатого бокса тоже был проход. Вообще номера с четверкой тут не любили.

Обычно работу выполняли все, включая меня. Но Наруто — выполнял, как правило, больше всех. Ни Саске, ни Сакура его ни разу не поблагодарили. А когда это делал я, Сакура смотрела на меня как на больного, вроде того, что: «Ирука-сенсей, вы че? Он же негр — обязан за нас горбатиться на плантациях!» Все это мне не нравилось до зубного скрежета! Но я терпел, чтобы не расстраивать Наруто: он просил «не доставать» Харуно.

А вообще меня все это бесило. Сакура достаточно быстро сообразила, что раз у дурака-Наруто есть клоны, то ему еще нескольких сделать не сложно, а она лучше покомандует. Или постоит в сторонке. При втором варианте эффективность работы клонов была даже выше. Чему я совсем не удивлялся.

С заданием Наруто справился за десять минут. Мог бы и за пять, но создал слишком много клонов. Мы бы просто мешались дублям. И потому, пока дубли таскали ящики на складе, нас напоила чаем с печеньками жена торговца-заказчика. Приятная женщина в возрасте, можно даже сказать — домашняя. Хранительница очага, создающая уют в доме.

От горячего чая мелкому стало жарко, он стянул капюшон, а свой шарф мне в сумку забросил, как баскетболист, и чуть не уронил чашку.

— Осторожнее, Наруто — перекинув сумку из-под локтя на спину, я покачал головой.

За скорость Мока-сан вручила нам по пакету мандаринов. Я чуть не прослезился. Где бы еще елку достать и игрушек? И телевизор... Никогда бы не подумал, что буду так скучать по зомбоящику! И по новогоднему бою кремлевских курантов...

— Эй, почему? — обиженный возглас вернул меня к реальности. — Так не честно, а почему мне ничего?!

Беру свои слова обратно насчет «приятная». Четвертый пакет она отдала не Наруто, а снова мне! Причем не поленилась обойти мелкого и тюк с соломой, который тут кто-то рядом оставил.

Недолго думая, я вручил второй кулек Наруто, загасив возможный конфликт на корню, и взлохматил желтый ежик.

— Теперь честно?

Женщина скривилась, но, к счастью, промолчала, а Наруто что-то пробурчал, но уже через секунду широко улыбаясь, выдал:

— Ага. Спасибо.

— Ирука-сенсей, почему вы ему потакаете? — Сакура раздраженно дернула меня за рукав, привлекая внимание.

«Неделю ей мозги не прочищал, и вот результат — уже умничает, жизни учит!»

И что, она всерьез ожидает, что после такого ее кто-то потащит в местный аналог ЗАГСа?

Я стряхнул руку Харуно и обратился к заказчикам.

— Задание выполнено, Мока-сан, Тоширо-сан. Или от нас требуется что-то еще?

— Нет, — официально поклонились заказчики. — Мы благодарны за проделанную работу.

Когда сторож за нами задвинул створки ангара, я попросил седьмых отойти в сторонку.

— Ну, что, — я наклонился, уперев руки в боки, — сейчас я буду объяснять очевидные истины. О которых, — я улыбнулся искренней, но не предвещающей ничего хорошего улыбкой, — вы, мои «умники», почему-то не догадались. Сакура, помнишь, как сорняки полола у своей подружки в теплицах? Саске, а ты помнишь?

Девочка удивленно вылупилась, не понимая, к чему я это говорю, но кивнула. Учиха тоже изобразил кивок.

— Понравилось?

Девочка не поняла вопроса.

— Я тебя спросил: понравилось сорняки полоть?

Сакура механически помотала головой, а Учиха недоуменно вскинул бровь.

— А сколько ты этим в прошлый раз занималась? Час? — я дождался осмысленного кивка. — Сакура-чан, а было бы справедливо, если бы мы разделили все горшки и кадки на четыре части? А представь, сколько бы ты тогда возилась? Каждый бы полел только свои. Справедливо было бы, а?

Девочка стала похожа на ошарашенного розового осла, так у нее лицо вытянулось.

— Сакура, — снова позвал я ее, — «да» или «нет»?

— Да, — вымученно выдохнула она.

— Что «да»?

— Да, справедливо.

— Ну, раз справедливо, то представь, сколько бы ты тогда возилась? Намного дольше, ведь правда?

— Правда, — придушенно выдавила она.

Я вспомнил про Саске:

— А благодаря кому вы оба возились только час? Ну?

Сакура посмотрела на мелкого и робко пролепетала:

— Наруто.

— Верно. А спасибо вы сказали? Нет. А сейчас ящики пыльные и тяжелые таскали? Я не слышу. Таскали?

— Нет, — выдавил Саске, в его расширившихся глазах мелькнула смесь эмоций, но победили стыд или смущение — мальчишку выдали покрасневшие уши. Не выдержав моего пристального взгляда, он опустил глаза. Сакура, хлопая ресницами, смотрела на Наруто, будто увидела его впервые.

— Что сказать нужно? — нетерпеливо сказал я.

— Спасибо.

— Да не мне! — разочарованно вздохнул и покачал головой.

Наруто, не веря своим ушам, уже давно уронил челюсть.

— Не за что, — промямлил он, краснея и глупо улыбаясь.

Сакура сказала ему «спасибо»!

— Нет! Не правильно!

Наруто вздрогнул, чуть было не подпрыгнув.

— Когда до тебя и до них, наконец, дойдет, о чем я говорю, тогда и будете кокетничать и играть в вежливость, а пока скажи «пожалуйста» и подумай. А я продолжу.

— Пожалуйста, — обалдело повторил он.

— Какаши-сан не давал мне вмешиваться. Не знаю, может, он считал, что вы там, за книжкой, сами разберетесь. Вы разбирались несколько месяцев. К чему пришли?

На мордашках недоумение и тяжелая работа извилины. Такое чувство, что одной на всех.

— Может, вы решили, что Наруто, худший из всего потока, обязан выполнять за вас двоих вашу работу? За отличников?! С какой такой радости?! А вы это принимаете как должное и требуете от него все больше и больше! Вы хоть понимаете, как смотрите со стороны? Сакура, может,

ты однажды потребуешь, — я четко выделили слово интонацией, — чтобы Наруто за тебя вашу общую миссию выполнил?

Сакура побледнела, выпучив в удивлении глаза.

— Ну, там, чтобы ручки не пачкать или шею под кунай лишний раз не подставлять? А?

Я думал, что вылупиться еще сильнее нельзя. Я ошибся. У Сакуры едва глаза не выпали!

— Саске, надеюсь, ты бы о таком не подумал?

Сакура сравнялась цветом со своим платицем. Саске же в ответ лишь возмущенно фыркнул, всем своим видом показывая, насколько идиотской он считает идею того, что неудачник в оранжевом способен хоть в чем-то заменить великого его. И гордо вздернул кверху нос.

— Вы двое — были отличниками. И сейчас у меня такое чувство, что вы, как Хатаке-сан, — я сделал небольшую паузу, — мозг где-то оставили и им не пользуетесь. Чтоб не истерся? Не? Ребята, мой вам совет — думайте! Это полезно. Все. Лекция закончена. А теперь я вас оставляю. Попробуйте хотя бы понять, большего я от вас пока не требую, что вы делаете неправильно и чего я такой злой... — я ухмыльнулся. — Был.

На том месте, где я был мгновение назад, опал маленький смерчик из иллюзорных листьев. А я сам спрятался на крыше, максимально скрыв чакру.

— Это вам пример наглядный, что вы хоть и генины, — пробурчал я себе под нос, — но еще пока — дети.

Постояв минуту на крыше и посмотрев на жалкие потуги начать разговор, я решил оставить клона и уйти.

«Может, тут эффект чайника сработает? Если не следить, они, наконец, что-то скажут».

Сложил печать и тихо прошептал:

— Каге бушин.

Дубль появился сразу в такой же позе, как и я.

— Развеешься, как мелкие разбредаться станут, — приказал клону жестами. — А я домой.

Дубль посмотрел на меня печально, как бездомный пес, и сел около припорошенного снегом дракона, обнимая колени.

Мой клон давит на мою совесть?! Окстись! Я ее кремировал! Тут Эдо Тенсей не поможет!

Но все же я ободряюще пожал его плечо, типа «я с тобой». И свалил.

За окном уже смеркалось, когда пришел Наруто. Видимо, он шел пешком и не особо спешил.

Эффект чайника не сработал.

Впрочем, я другого и не ожидал.

Мысли медленно и замысловато перетекали одна в другую под свист ветра за окном. А в это время Наруто грел руки большой кружкой с черным чаем и пытался рассказать, как все было.

Он наклонил голову набок:

— Ну, мы толком не поговорили.

«Да, не смогли. Видел я ваш «разговор»: бе-ме, а-а, ы... И стояли столбами. Толком двух слов связать не смогли!»

Я отвернулся от окна.

— А сам что думаешь?

Наруто обнял кружку-термос, засунув нос в пар.

— Мне кажется, что ты был слишком строг к Саске с Сакурой. Я не думаю, что они бы хотели, чтобы я за них что-то делал.

— Плохо же ты их знаешь, — невольно покачал я головой.

Ветер бросил в окно ледяное крошево со снегом и отвлек меня от бессмысленного созерцания.

— Пожалуй, — я показал жестом чуть-чуть, — вот столечко я был к ним несправедлив.

Наруто счастливо кивнул.

— Но если бы я вас не ткнул носом, все осталось бы, как раньше. Или даже хуже.

Снегопад стал еще сильнее, почти скрыв небо и освещенную фонарями улицу.

— А Какаши... Надо быть на всю голову нездоровым оптимистом, чтобы верить, что вы сами собой сработаетесь в команду. Или пофигистом с большой буквы. Да. Я был немного несправедлив, потому что родителей у вас нет, сенсея, считай, тоже нет. Некому было сказать, что хорошо и что плохо. Сакура не в счет. Ее растили как эгоистку с гипертрофированным чувством собственного достоинства, всячески подчеркивая ее исключительность и избранность.

Я поднял руку, предупреждая возражения, и со вздохом добавил:

— Наруто, я знаю, о чем говорю. Я не помню всего, но и того, что я вижу сейчас — достаточно.

«Ну и того, что я узнал из наблюдений за вами, общения с седьмой командой и болтовни окружающих».

— Саске чрезмерно самоуверен, это его может погубить. Ты тоже далек от идеала. А сегодня я еще раз убедился — вы вообще не понимаете друг друга. Не пытайся смотреть на мир через розовые очки. Тебе работать придется с реальными людьми, а не с образами в твоей голове. Вот ты видишь идеализированную Сакуру, забыв даже, как она тупила все это время. Харуно видит идеализированного Саске. А Учиха, похоже, до сих пор в мечтах видит идеализированную эпичную битву один на один с братом, шиноби S-класса. А я вижу не команду, а трех смертников. С самоубийцей-командиром.

«И одним попаданцем, у которого все шансы стать дважды дохлым».

В ответ на удивленный взгляд я добавил:

— Я сказал про команду самоубийц. Потому что вы сейчас мало к чему готовы. И команда из вас еще не сложилась. Ты и сам хорошо знаешь, что из Какаши получился отвратительный сенсей. Он даже не попытался не только хоть чему-то вас научить, но даже как-то участвовать в вашем воспитании, в исправлении ваших недостатков. Не пытался помочь, хотя бы посоветовать что-то дельное. Но так же нельзя! Команда нужна каждому из вас. Вы либо станете командой, семьей друг для друга, либо погибнете. И пока Какаши где-то бродит, я постараюсь эту мысль донести до вас всех. Ты ведь мне поможешь?

— Хай! — громко подтвердил он.

Чай выплеснулся на стол, я вздохнул и промокнул лужу салфеткой.

— Но семьей вам не стать, пока Сакура и Саске относятся к тебе, как к грязи на подошвах, и пока ты это им позволяешь. Ты себя и свой труд совсем не ценишь. Будут ли люди уважать хокаге, который даже сам себя не уважает?

Наруто совсем поник, а я почувствовал укол вины.

— Не кисни, — я мягко улыбнулся, — я верю в тебя. Я знаю! Вместе вы превзойдете тройку санинов! А ты обязательно станешь каге!

— Спасибо, Ирука!

Я покачал головой, представив фронт работ по промыванию мозгов Саске. Вправить мозг Чучелу я давно уже не надеялся, а Сакуру можно было изменить, но только через Учиху, повлияв на него и склонив на свою сторону.

Молчание нарушил шорох и тихий голосок:

— Ирука...

Под рукой оказался очищенный мандарин. Я тяжело опустил на сложенные руки:

— Ты хоть что-то запомнил?

— Му-му! — с набитым ртом кивнул мальчик.

Пальцами качая дольку, я наблюдал за тем, как ловко Узумаки освобождает фрукты от кожуры. И как вырастает горка косточек и шкурок.

— Я буду верить, что ты запомнил что-то, кроме «вы превзойдете тройку санинов» и «ты станешь каге».

— Запомнил! Могу пересказать!

Я тихо фыркнул и улыбнулся:

— Не надо, верю.

— Дольку хочешь? — протянул ко мне мальчик ладонь, на которой было полмандарина.

— Давай...

Так как на следующий день для нас не было работы, мы с Наруто просидели допоздна за печатями, которые попросил повторить Рей.

«Пугало, не возвращайся как можно дольше! Мне еще столько работы по исправке мозгов предстоит, а ты только мешаться будешь».

В один из следующих дней, когда мы решили зайти провести «Пиалу», а заодно расплатиться с рабочими, нам повстречалась Хината. Поначалу девочка попыталась, как обычно, спрятаться. Но сделать это с двумя огромными клетками в руках да еще и посреди улицы у нее не получилось, и она, краснея как маков цвет, осталась стоять на месте.

В клетках я разглядел встревожено хлопающих крыльями соколов и ястребов. Из-под колпачков с пучком кожаных ремешков, напоминающих шлем римского центуриона, были видны острые крючковатые клювы.

Прикрыв рот рукой, я наклонился к Узумаки и зашептал:

— Наруто, ты можешь помочь Хинате и заодно узнать... — я придержал его за плечо: — погоди, торопыга! Узнать, как они тренируются, какие отношения в команде. Куренай меня недолюбливает, так что сам я спросить не могу.

— А, это, — растерянно и даже слегка испуганно вытаращился Наруто и точно так же, прикрывая рот, зашептал: — Как спросить?

— Ну, хотя бы пожаловаться на Хатаке и спросить, как тренирует Юхисенсей. Ты, главное, начни издали: спроси Хинату о том, как ее дела, что ей нравится и не нравится, какие у нее отношения с командой, можешь немного рассказать о нашей... — хихикнув, я взъерошил волосы мальчишке. — Она твоя одноклассница, а не страшный монстр, просто поговори. Ты же раньше ее не боялся?

Поначалу Наруто, удивленно вытаращившись, захлопал глазами, но уже через секунду улыбался и хихикал.

— Конечно нет, даттебайо!

— Ну, вот, — я легонько пихнул Наруто в сторону принцессы. — Удачи, «ловелас».

— Что?

— Иди уже, — рассмеялся я.

Был большой соблазн остаться и посмотреть, но меня ждали, а оставить клона я не сообразил.

На первом этаже не изменилось ничего, а вот второй радовал свежевыкрашенным полом и стенами. Помещение несколько уменьшилось за счет того, что пристроили туалет, но так было лучше для всех. Сталкивать обычных горожан и всяких мутных личностей было бы неосмотрительно.

Диваны из стульев грудились в углу вместе со столами и свертками с чехлами. Оставалось только поставить перегородки, смонтировать сантехнику и сделать отдельный вход. Примерно я уже представлял, куда и как можно приспособить вещи, взятые из апартаментов Гато.

Макуто стоял у входа, разговаривая с прорабом. Увидев меня, он кивнул и вернулся к беседе. Я услышал обрывок фразы: «...доставку досок лучше заказать у Мори-сан, у него дешевле и качество выше». Прораб что-то записал в блокнот и побежал к рабочим.

— Откуда ты знаешь про Мори? — спросил я, подходя.

— О-Тойо покупает у него доски для своих клумб, — ответил Макуто. — Я помогал таскать. Он честный.

Сора-сан стоически держал лицо, когда я рассчитался с прорабом за проделанную работу, но о дальнейшей судьбе ремонта только договорился. Управляющий «Пиалы» был удивлен тем, что я, как и обещал, все-таки нашел средства для окончания ремонта на втором этаже. Но его больше волновало то, что после перерасхода денег он пролетал с ремонтом первого, как фанера над Парижем. В то, что это временно, он не верил. Пришлось переубеждать:

— Сора-сан, не переживайте, я ведь говорил, что будет вам и тут ремонт, — я обвел пальцем на чертежах первый этаж.

— Ясно, Умино-сан, — он сказал это с такой тоской в глазах, что я начал оправдываться.

— Поймите, доходы с той длинной миссии ушли на покупки жизненно необходимой мне экипировки. Снять деньги со счета я пока не могу — они на депозите и в таком случае я потеряю очень приличную сумму. Обещаю, как только будут свободные средства, я передам их вам для ремонта на первом этаже.

Макуто, все это время стоявший рядом, вдруг сказал:

— Если нужно, я могу одолжить. У меня есть кое-какие сбережения.

Я уставился на него.

— Ты? Сора-сану?

— Тебе. На ремонт. Вернешь, когда сможешь.

Я открыл рот, закрыл, потом выдавил:

— Спасибо. Я подумаю.

Уходя, я чувствовал недоверие управляющего: он все еще сомневался, что я ему не наврал и что у меня, такого богатого жмота, действительно нет денег на ремонт крохотного ресторанчика.

А вот нифига! Я не такой богатый, а «Пиала» не такая маленькая.

Вернувшийся вечером, Наруто сказал, что клетки Хината таскала для помощника крупного феодала и сановника, чтобы тот мог выбрать птиц получше для босса, который грозился прибыть из Никко (столицы Страны Огня, переводившейся ни много ни мало как «солнечный свет») через пару недель или около того.

— Хината странная, — задумчиво сказал Наруто. — Все время краснела и отворачивалась. Спрашивала, рассказывал ты мне про нее или нет.

Наверное, это она про свой клан. Но она меня поблагодарила! А еще они обещали как-нибудь показать мне командные тренировки... Правда, Киба и Шино хотят, чтобы я сначала рассказал о наших. Они тоже клетки носили. И Куренай-сенсей тоже сказала, что хочет про тренировки узнать.

Я честно пытался сдержаться, но все равно громко заржал:

— Можешь смело рассказывать о том, как вас тренирует Какаши. Все равно никаких тайн при всем желании не раскроешь, — и, мгновенно став, серьезным добавил: — А про наши тренировки — ты помнишь, молчок.

— Ага.

Макуто, вернувшийся из Ичираку поздно вечером, застал нас за разговором. Он молча сел на табурет, налил себе чаю и присоединился к беседе, время от времени вставляя короткие замечания.

В Госпитале постепенно практика полностью заменила теорию, теперь я помогал старшим медикам, как и все.

— Скорее, хватай!

— Уже! Тяни, пока не грохнулся!

Вырубившийся от боли шиноби с переломом обеих рук и ноги чуть было не упал на пол, пока мы его наряжали в хлопчатобумажную распашонку. Не голым же его оставлять, у нас тут половина персонала — женщины.

Больничные халаты для пациентов были похожи на распашонки для детей. Такой халат надевался спереди, а на спине его закрепляли всего несколько завязок. Другими словами, в любой момент халат мог распахнуться,

обнажив то, что не предназначено для показа. Но зато в таких халатах было проще работать с тяжелыми больными, на поломанные ноги штаны же не натянешь. Тем, кто отделался легко, выдавали что-то похожее на пижаму: штаны на резинке и рубашку на пуговицах из тонкой хлопчатобумажной ткани.

— Тяжелый, гад, — просипел я, получив удар гипсом в скулу.

— Чакру пусти, склерозник, легче станет.

— Не он сам тяжелый, а гипс. Он мне в глаз им зарядил, — пожаловался я.

— Взмахнул крылами, лебедь недобитый!

«И откуда только взялся этот цинизм?»

«Лебедь» простонал что-то нечленораздельное, подтянув руки к груди и, подергивая пальцами, болезненно скривился.

— Я сниму, — провел Кито светящейся ладонью.

— Хай, обезболивающее какое принести?

У пациента разгладилось лицо, но рук он так и не опустил.

— Ему нельзя, — пояснил медник, — сокомандники попались бестолковые, так накормили таблетками, что он чуть не умер. А ты иди. На сегодня все.

Закрыв шкафчик с ирьенинским балахоном, я услышал вежливое покашливание Кито.

— Извини, друг, задумался, — я пошарил по голове и отправил в шкаф беретку. — Все время забываю про нее. До завтра.

— Подожди!

Замерев, вопросительно глянул на ирьенина.

— Тут такое дело... в общем, — почесывая голову под беретом, он нерешительно промямлил: — Анко и Миюри поссорились... А она твоя бывшая, и я тут подумал...

— Стоп, — выставил я руки перед собой. — Анко? Ее же нет в Деревне. Как она могла с Миюри попсо... Она сейчас здесь?

Кито покивал, но, стоило мне дернуться в сторону двери, остановил меня, придерживая за лямку сумки, в которой я свитки-учебники таскал.

— С ними все в порядке, но мне помощь нужна.

— Так, давай по порядку, а то я ничего не понимаю. Пострадала Анко, а помощь нужна тебе?

Оказалось, что под утро в госпиталь пришли несколько женщин-шиноби, одну отпустили домой, а двоим пришлось остаться из-за травм, которые они не смогли сами залечить качественно. Еще бы, ни одна из девушек не была ирьенином, они имели только поверхностные знания. Одна из них — Анко.

— Были осложнения... — Кито несколько минут грузил меня деталями. — ...В общем, переломы неправильно начали срастаться, пришлось заново все ломать.

От таких подробностей у меня аж зубы свело.

— Митараша требует, чтобы ее отпустили, а ей нужно еще пару дней понаблюдаться у нас. Миюри бесится, потому что пациентка ее слышать не хочет. А Митараша требует, чтобы мы сняли гипс, иначе она нам его засунет в жо... ну, ты понял.

— Понял, — хмыкнул я не весело. — Успокоить Анко и уговорить остаться на пару дней, так?

— Лучше на день или два.

— Я так и сказал, — рассеянно отозвался я, разглядывая горшки с цветами на подоконнике.

И тут меня осенило!

— Цветы! — срываясь с места, заявил я, а затем, заглянув в комнату из коридора, пообещал: — Я скоро вернусь, жди тут.

К счастью, магазин Яманака был совсем недалеко и еще не закрылся. Не успел Кито заскучать, как я пришел с букетом и спросил, куда идти.

— Травматология, десятая палата. Чем ты слушал? — с сомнением оглядел меня друг.

— Понял.

Я был немного растерян из-за лекции, которую поначалу мне пыталась устроить продавщица, когда ее оборвала Ино, ненавязчиво подведя меня к другим вазам.

В ушах еще долго звучал ее насмешливый и радостный голосок: «Розовые розы символизируют новое начало отношений, это намек на чувство, которое только обещает разгореться во всю силу и поразить двух влюбленных в самое сердце. Розовый цвет этих прекрасных и благородных цветов выражает благодарность и гордость, нежность и привязанность, восхищение и надежду».

Вот откуда эта мелочь пузатая столько знает?! И я сейчас совсем не про цветы!

Когда мы подходили, уже было слышно, что из палаты доносился разговор на повышенных тонах, грозящий в любой момент перерасти в скандал. Кито осторожно постучал и после этого толкнул дверь.

Разъяренные девушки притихли и сконфуженно отвели взгляды в разные стороны.

Миюри первая заметила букет, но прежде чем она раскрыла рот, ее увел Кито.

С любопытством и настороженностью Анко смирала меня взглядом, мимолетно задержавшись на цветах.

Нельзя было сказать, что в Анко я влюбился с первого взгляда — тогда она пыталась меня убить. Впрочем, и не со второго — потому что она по незнанию решила прогнать Наруто.

Наверное, на меня повлияли сны с ней и то, какой красивой она может быть без пошлого, даже прищуренного надменного взгляда и кривой

ухмылки. Вот как сейчас: в широко распахнутых глазах немой вопрос и растерянность.

В жизни Анко была еще милее, чем в воспоминаниях, и в сотню раз красивее, чем на моих рисунках! Да, я пару раз рисовал ее по памяти, маясь от того, что не мог передать всех мелочей характера девушки и ее внешности. Теперь же я хотел сжечь эти наброски, чтобы она никогда их не увидела.

Смутившись от пристального взгляда, Анко отвернулась вполоборота, спрятав легкую мечтательную улыбку за бутонами и опустив ресницы, скрыв под их тенью ясные светло-карие глаза.

Я чувствовал себя чертовым фетишистом, находясь так близко к ней, мысленно одергивая себя от попыток прикоснуться к серо-лиловой, словно припорошенная пеплом сирень, пряди на алебастрово-белом плече, к матовым губам, которые лишь чуть темнее роз.

Украдкой я любовался изгибом спины, видной между завязок больничной распашонки. Кажется, даже разглядел ямочки над ягодицами Митараша, когда оглушительно громко зашуршал кулек под изящными ручками с не по-женски короткими ноготками.

Между нахмуренных бровей появились две складочки и пропала улыбка, нарушая очарование момента, и только тогда я вспомнил, что не сказал еще ни одного слова. Я просто, как дебил, всучил букет и молча паялся.

— Эм... Привет, — от внезапного волнения забылись все фразы и беспроектные, не раз проверенные как лично, так и друзьями, комплименты, которые я спешно вспомнил по дороге от цветочной лавки до палаты. Их вымело, как веником сор, и возвращаться они не спешили.

— Привет, — достаточно прохладно отозвалась Анко, поджимая губы, настороженно осматривая меня, точно хотела найти изъян.

Из-за приступа косноязычия я потупился, но стоило только придумать, что сказать и открыть рот, как прозвучал надменный вопрос:

— Ирука-кун, ты уже уговорил пациентку не хамить и не мешать лечению?

Насупившись, я покачал головой и мрачно отозвался:

— Миюри-чан, а стучаться не учили? И нет, не говорил. Я...

— Хорошо, я останусь, — раздраженно перебила Анко, отложив букет на тумбочку, рывком поправила рукав, словно он был в чем-то виноват.

— Отлично, — с видом победителя приосанилась меднин, — мальчики, дальше я справлюсь сама. Можете идти. А вы, Митараши-сан, перевернитесь на бок.

После чего без лишних слов меня и друга выставили за дверь.

— Миюри, — я чуть зло проговорил имя. — Кит, она всегда такая?

— Красивая? — мечтательно спросил медик.

Я поморгал и решил оставить свое замечание по поводу ее бесцеремонного поведения при себе — портить отношения с Кито я не собирался.

Уже отойдя от больницы, я чертыхнулся вслух. А все потому что Миюри — «Миюри-чан», а Анко — «Эм... Привет». Даже по имени не назвал. А с другой стороны, как к ней обращаться? Анко-чан? Я не настолько хорошо ее знаю. Анко-сан? Обидится еще, она-то Ируку знала.

Несмотря на все мои попытки, толком поговорить с ней мне так и не удалось.

Самой главной причиной было то, что Анко часто спала или была сонной из-за лекарств. На моих коротких перерывах поговорить с девушкой тоже было некогда. Максимум, что мне удавалось — это прийти и сказать пару банальностей.

После чего я начинал тупо пялиться, пока мои несколько свободных минут не заканчивались: в госпитале сильно загружали. Еще мешало то, что в больнице было слишком много лишних ушей для откровенного разговора. Ну, или мне, с моей паранойей, так казалось.

Все, что я мог — это продемонстрировать внимание, еще разок подарить цветы и договориться с Анко о встрече в кафе после выписки.

В назначенный день, отметившись у официанта, я прошел к столику в кабинке, отделенной от зала тонкой полупрозрачной ширмой, мимоходом отметив, что что-то подобное нужно сделать и у себя в «Пиале».

Анко уже была тут, а судя по тарелкам, что стояли перед ней — она пришла намного раньше. Завидев меня, она сложила руки на груди.

«Поза отрицания, — вспомнил я психологию. — Кроме того, Анко вся напряженная и сидит словно на иголках, и эмоции у нее только негативные. Плохо».

Разговор не вязался, она смотрела в окно и иногда морщилась, а я даже обратиться не знал как — «ты, вы». В больнице я избегал обращений, так что сейчас было намного сложнее. И, кажется, ее это дико раздражало. В итоге я плюнул на приличия и спросил в лоб:

— Как мне обращаться...

— По имени, — не дождавшись, выпалила она, обиженно поджав губы. — Мы вместе больше трех лет!

— Но я этого не помню, — осторожно напомнил я.

Митараши дернулась, как от пощечины, и ее пальцы так сильно сжали рукава на предплечьях, что ткань жалобно скрипнула.

«Минное поле, а я без металлоискателя», — уныло подумалось мне.

И именно этот момент выбрал официант, чтобы принести ее счет и мой заказ. Пока парень телился, я просто забрал у него бумажки и заплатил за Анко. Официант оказался неловким и опрокинул мне на руки соусницу, когда решал, у кого же брать деньги.

— Лучше счет принесите, — остановил я поток извинений, — ничего больше я заказывать не буду.

Застирав рукав, я вернулся и застал такую картину: Анко выставляла на поднос другого официанта бутылочки из-под саке, которые до этого прятала на сиденье, а я делал вид, что их не вижу.

— Что? — с вызовом спросила Митараша. — Я имею полное право пить. Ты трахаешься с кем попало!

Это заявление меня так поразило, что я, подергивая глазом, ляпнул:

— Оставим вопрос связи «саке и секса». Что значит: «трахаешься с кем попало»?!

— Миюри!

— Однотруппница в госпитале и девушка Кито, — слегка преувеличил я, забирая из ее рук токкури. — Хватит. Ты уже пьяна!

Поджав губы, Анко фыркнула и снова сложила руки на груди, заметно пошатнувшись.

подавив порыв встать и уйти, я молча стал жевать. Не пропадать же добру, к тому же я проголодался — за весь день во рту ничего, кроме воды и прозрачных магазинных бутербродов, не было, потому что забыл свой завтрак дома.

Чашка для соевого соуса, которую разлил официант, была полной, и луж на столе не осталось, но руки все равно липли к столешнице, раздражая еще больше.

Острый соус обжигал небо и язык до слез, и потому я не сразу понял, что глаза слезятся и чихать хочется не из-за него. У меня снова случился приступ аллергии. Последнее, что я запомнил — острая боль в желудке, и только успел повернуться, как меня вывернуло прямо на перегородку, а потом — темнота.

Поначалу я подумал, что очнулся в реальности, но это было не так: небо выдало внутренний мир с потрохами своими серо-черными разводами. К тому же странно было очнуться посреди пустой улицы днем, когда до этого я был в кафе полном людей.

По абсолютно пустой улице шла Анко, маневрируя, точно вокруг нее толпа.

— Ирука, — схватила она меня за руку, — идем.

Без моего участия тело вырвало кисть, напугав растерявшуюся девушку.

Улица за один миг преобразилась в глухой тупичок.

— Хватит, — слышу я свой голос, — мне... нам нужно отдохнуть друг от друга.

Слушая ее робкие возражения, я отчетливо понимал, что Ируке она надоела. Девушка, по его мнению, отнимала слишком много времени, которое он мог потратить только на себя. Например, почитать книгу с чашечкой кофе или тупо поспать. Эгоистичные радости холостяка, которым угрожает чересчур любвеобильная девка с грязной кровью, которая к тому же, о ужас, хотела стать ему женой.

— Сам ты грязный!

Крикнув это, я будто выпал из оболочки, которая мешала мне двигаться. Фигуры продолжили разыгрывать сценку, но я теперь смотрел со стороны, а не изнутри. Но слышать мысли Умино не перестал. Снова он начал ныть, как и при разговоре с Морио, что с Анко он попусту тратит время, а мог бы найти себе девушку из хорошей семьи и заняться восстановлением клана, сбросив на воображаемую бедняжку все домашние дела и будущих спиногрызов.

То есть все это затевалось только ради галочки и общественного мнения. О том, что на детей и жену придется тратить время, деньги и силы, у «гения» клана Умино даже мыслей не возникало. Они будто должны были быть сами по себе.

Что-то подобное я встречал в реальности, это была странная семья.

Однажды мы с другом попали к ним в гости. Тихо, оглядываясь и прислушиваясь к шагам, нас привели в гостиную, в которой был паршивый ремонт, но зато был телевизор и крутой видик, который мог записывать. Неслыханное богатство по тем временам, но все это — за стеклянными дверями и закрыто на навесной замок. Среди кассет не было ни одного мультика, только новенькие коробки с боевиками и порнухой. Но больше всего меня тогда поразило, что у того пацана не было игрушек, две подаренные ему во дворе машинки — не в счет. Его мелкая сестричка от них уже через день ничего не оставила. Сильно потом мне объяснили,

что их отец был махровым эгоистом, а семью содержала его жена. В общем, мутная и некрасивая история.

(Продолжение главы — после размышлений Ируки — органично дополнено участием Макуто)

Очнулся я на чем-то мягком, в нос ударил запах нашатыря. Рядом сустились люди, и первой, кого я узнал, была Миюри. Она что-то быстро и зло говорила Кито. Голова гудела, мысли ворочались тяжело.

— Тише, — попросил я.

— Очнулся! — воскликнул Кито.

Позже, сидя на больничной койке, я узнал, что Анко сама дотащила меня до госпиталя. И что Кито меня навестил, оставив свой пост, когда узнал о произошедшем. И что Миюри, как ни странно, тоже примчалась.

Дверь приоткрылась, и в палату заглянул Макуто.

— Ты как? — спросил он.

— Живой, — ответил я. — Откуда узнал?

— Наруто сказал. Его к тебе не пустили.

— Миюри?

— Какая-то женщина в регистратуре.

Макуто подошел к койке, поставил на тумбочку термос.

— Отвар. Пей. Помогает при отравлениях, — он помолчал. — Анко все еще здесь.

Я вздохнул. Макуто сел на соседнюю койку.

— Что ты собираешься делать?

— Не знаю. Поговорить с ней? Она меня чуть не убила. Случайно, конечно. Но если бы не эта случайность...

— Остался бы с ней?

Я поморщился. Макуто кивнул своим мыслям.

— Ты ее любишь?

— Я... я не знаю. Все сложно.

Макуто поднялся.

— Тогда не обманывай себя. И ее. Будет хуже.

И вышел, оставив меня наедине с моими мыслями и остывающим отваром.

А через пару дней я наконец решился, нашел Анко в палате и попросил прощения. За себя. За Ируку. За все.

Она долго молчала, а потом тихо сказала:

— Ирука, ты мне уже надоел своими извинениями. Видеть тебя больше не хочу.

Я стоял и смотрел, как она отворачивается к стене. И чувствовал странную пустоту. И облегчение. И боль. Все разом.

— Я все понял, — сказал я. — Прощай.

Вышел в коридор. Макуто сидел на скамейке, ждал меня.

— Пойдем, — сказал он. — Наруто уже заждался в Ичираку.

И мы пошли. Вечерний холодный воздух немного привел меня в чувство.

А в Ичираку нас уже ждали тарелки с горячим раменом, который лично сварил Макуто на утренней смене. Наруто о чем-то болтал с Теучи и, увидев нас, радостно замахал руками.

— Ирука, Макуто, садитесь скорее, а то остынет!

Я сел. Вдохнул пар. И вдруг понял, что впервые за долгое время мне спокойно. Не хорошо, не плохо — просто спокойно.

— Ешь, — сказал Макуто, пододвигая ко мне плошку.

И я съел. Потому что жизнь продолжалась. И надо было жить дальше.

Глава 3. Все и сразу

Очнулся я в реальности, в больнице, с капельницей в вене. Стоило только нажать на кнопку вызова персонала, как в палату влетел Кито и с порога спросил, знаю ли я его.

Ничего не понимая, ответил «да», а он заругал меня за безответственность, как маленького.

— Опять супа с любимым аллергеном поесть решил? — съехидничал Кито. — Мы тебя еле откачали! Анафилактический шок — это не шутки!

— Скорее всего, в кафе заказ перепутали, — глотая горькие слюны, отдающие желчью, сказал я.

Ирьенин потер лицо рукой, будто я сморозил несусветную глупость.

— Мне зачитать историю болезни или сам прочтешь?

Я пожал плечами и протянул руку, поморщившись от тупой боли в голове.

— Антидоты... Промывали желудок... Едва не наступила клиническая смерть? — посмотрел я поверх планшета на Кито. Данные в бумагах мне показались странными. Что-то было неправильным... Но вот что, до меня пока не доходило, возможно — из-за тумана в кружащейся голове.

Мне было паршиво, но я еще тешил себя надеждой, что могу сам доползти до дома. Несмотря на дикую слабость, мне казалось, что парочки стимуляторов хватило бы для этого путешествия, а там своя комната, чистенькая просторная постелька с перьевыми подушками и мягоньким

одеялом — настоящий покой и здоровый сон. А не это пыточное приспособление, которое по недоразумению называется койкой, и подушка-блин! Ни разу еще не выспался на них нормально.

— Ага! Опять! — язвительно воскликнул ирьенин, напугав меня.

— Что опять?! — дико таращась, выдохнул я, поморщившись от вони собственного дыхания.

— Клиническая смерть, — покачал друг головой. — Думаешь, я просто так спросил, узнаешь ли ты меня?

— Понятно, — я грубо попытался сменить тему, заискивающе улыбаясь, но не показывая зубов: — А что насчет выписки и проверочной работы завтра? — спросил я для галочки, по самочувствию уже понимая, что лучше перетерпеть и остаться в больнице.

— Завтра — это сегодня. Тебя вчера принесли, ночь и день ты провалялся без сознания.

— Наруто... — начал было я, но был прерван.

— Не-а, — ехидно, но не злорадно усмехнулся Кито, — не выпишу. Он недавно ушел и просил, чтобы мы тебя не отпускали, пока не долечим. С ним еще парень приходил. Молчаливый такой, в зеленой куртке. Спросил, можно ли к тебе. Я сказал — нельзя. Он кивнул и ушел.

Я усмехнулся. Макуто. Больше никому.

— Чувствую, на завтрак, обед и ужин в ближайшем будущем будут блины с яичницей, — пошутил я.

Наговариваю, конечно, на «усатого» и Нарутоистого шеф-повара. Хотя блины любит, так что их и в самом деле может наготовить такую гору, что даже с его аппетитом и за неделю не осилить. Кстати, рамен — лапшу, состоящую, считай, из одних углеводов, — он тоже обожает.

Ирьенин пожал плечами:

— Кстати, к тебе тут еще один посетитель. Она тут долго дежурила.

— Раз она... Анко?

Кито прореагировал бурно:

— Поразительно! Угадал! С первого раза! Какое внимание к деталям! Ты бы еще научился так же быстро замечать симптомы аллергии во время еды! Вообще бы идеально было!

Тяжело вздохнув, я попросил:

— Кито, ну хватит уже издеваться, а? Пожалей больного, зараза! Орешь, как потерпевший, прямо в ухо. Бесит!

— Только недолго, — лениво отмахнулся Кито, — время визитов давно прошло. — И, уже в открытую дверь: — Заходите, Митараша-сан. У вас десять минут, не больше.

Приложив руку к виску, я заметил планшет, который так и остался у меня на коленях.

— Ки-и-ит, — потряс я находкой под вопросительный взгляд Митараша.

— Себе оставь, твоя проверочная будет по аллергическим реакциям. Передавай привет Кусуши.

— Не смешно, — мрачно буркнул я. — Передам.

— А я и не шучу. Кто-то же должен тебя заставить выучить, чем отличается асфиксия от простуды!

— Я тебе этот планшет в голову сейчас брошу! — злась почти всерьез, пообещал я.

— Учи, трупик, и выздоравливай.

— Ты только уйди, я в простыню заматаюсь и свалю! Минус один в статистику!

В реанимации больному даже распашонки не полагалось, так что кроме простынки мне действительно нечего было надеть. Да и грозился я не всерьез — не то у меня состояние, да и пугать Наруто я не собирался.

На этот балаган куноичи смотрела широко открытыми глазами, будто увидела рыбу, отплясывающую чечетку. Что именно ей показалось таким диким, я так и не смог догадаться, а спросить забыл.

Мы неловко поздоровались и замолчали. Я не спешил нарушать тишину от того, что желудок внезапно заболел, а она, наверное, за компанию молчала.

— Как ты? — тихо и не поднимая глаз сказала Анко.

У нее был такой несчастный вид, что мне почудилось, будто я неизлечимо болен. Сразу захотелось что-то глупое и веселое ляпнуть, чтобы не так жутко было.

— Вопреки стараниям официанта — жив и умирать не собираю...

Палата на миг превратилась в детское отделение, я сидел вместе с другими детьми на полу и шутя говорил что-то похожее. Так же внезапно, как появилось, видение исчезло, а мне еще чудились разноцветные завитки, которыми много лет подряд украшают одну из стен детского отделения.

— Позвать ирьенина? — встряхнула меня Анко за плечо.

Я помотал головой и закрыл руками лицо. На самом же деле я концентрировал медчакру для ускорения излечения. Получалось плохо.

— Между прочим, я сам ирьенин! — похвастал я, справившись с болью, сглотнул горькие слюны непослушным, точно чужим языком. В черепе шумело так, что мне чудилось, будто комнату шатает. Напоминало качели. Хотя было бы даже прикольно, если бы не было так паршиво.

— Лучше воды, — просипел я, обнаружив, что кувшин, в котором должна была быть вода, девственно пуст.

На мое счастье, в палату зашла девушка с подносом на котором стояла кружка; это уже потом я заметил, что это моя согруппница. Квавнув «спасибо», я снова засмотрелся на Анко, не глядя отпил из металлической кружки. Тут-то и пригодился пустой кувшин, который стоял на тумбе. А отплевавшись, заметил на подносе еще и коробку-бенто.

— Юмико-ча-ан, — я приторно сладко протянул ее имя, удерживая нейтральную морду, — ты в курсе, что мне три дня вообще ничего нельзя есть? Медкарту смотрела? Нет? Поясню: мне из еды можно только воду. Зачем ты притащила молоко?

Юми начала раньше, но результаты у нее были хуже, чем у меня со всеми склерозами и перерывами в обучении.

— Но я подумала, что ты голодный и...

— В карточку посмотреть религия не позволяет? — зло рявкнул я, после чего желудок взбрыкнул, исторгнув из себя разбавленное желчью молоко.

— Но я же не знала! — сделав несчастный вид, всплеснула она руками, а затем поморщилась.

— Хорошая эпитафия — «она не знала». Вот только, боюсь, не оригинальная и не единственная. Учиться надо лучше, — хмыкнул я в керамическое нутро и непроизвольно отрыгнул.

Пока я пытался отдышаться, Юми выдрала у меня из рук посуду, а вместо нее швырнула мне на колени алюминиевую утку. Кувшин ирьенинка демонстративно отнесла в санузел палаты и с видом оскорбленной невинности гордо вышла за дверь, не забыв хлопнуть ею.

— С-сука — прошипел сквозь зубы по-русски и откинулся на подушку.

Анко недоуменно нахмурилась, но промолчала, а меня распирало пожаловаться:

— Я уже сочувствую ее будущим пациентам, — деланно возмутился я. — Надеюсь, они выживут после ее лечения!

Она поначалу удивленно похлопала темно-фиолетовыми ресницами, но затем улыбнулась. Чтобы закрепить эффект, я рассказал еще и боянистый анекдот, слегка его переделав:

— Больной ей: “Что это у меня?!” А она: “Где?.. О-о-о Ками-сама! Что это у вас?!”

Митараша честно держалась, даже рот руками закрыла, но все-таки рассмеялась. Подождав, пока она успокоится, я молитвенно сложил руки:

— Если не трудно, принеси, пожалуйста, мой кувшин, — я поднял руку, показав закрепленный на ней катетер с прозрачной трубочкой, — сам не могу.

Он был мне нужен на случай, если выпитое молоко будет проситься наружу слишком уж активно.

Обнимаясь с кувшином, я вздрогнул от голоса внезапно заговорившей Анко:

— Ирука... ты... я, — произнесла она, заикаясь от волнения, — расстаться или...

На слове «расстаться» хотелось громко возмутиться, но я пожал плечами. Проводя взглядом пустую посуду до тумбы, Митараши замолкла и отвернулась. Светло-фиолетовые пряди выскользнули из-за уха, скрыв от меня лицо девушки.

— Если не хочешь, — инстинкт собственника корчился, как живая рыба на раскаленной сковороде, но я все же договорил, — навязываться не буду.

— Нет-нет-нет! — встрепелась она, вскочив со стула и широко открыв глаза. — Я хочу!

— Хочешь, чтобы навязывался? — сохранить серьезное выражение лица было невозможно, мне дали зеленый свет. — Начнем сначала?

Вместо ответа она подошла вплотную, наклонилась, а затем, вдруг, притянула мое лицо чуть прохладными ладонями и поцеловала в щеку. Она метила в губы, просто я увернулся. Сейчас со мной целоваться — сомнительное удовольствие. Даже мне было противно нюхать собственное зловоние.

Все правильно поняв, Анко перевела взгляд на кувшин.

— Значит «Да»? — не удержался я от довольной ухмылки.

— Да! — сияя от радости, пискнула Митараши, но, смутившись, повторила уже нормально: — Да, начнем сначала.

Она еще о чем-то хотела поговорить, но пришел Кусуши, загадочно сверкая линзами, и испортил всю малину. Хорошо хоть успели договориться с Анко о встрече. Да еще друг попытался отругать Митараша за еду, которую принесла ирьенинка, но я его осадил и «сдал» согруппницу.

— Завтра же пойду к Рибе-саме и скажу, чтобы Юмико отчислили! — поправив очки, возмутился Кусуши. — Мы нуждаемся в людях, но не настолько, чтобы подвергать пациентов опасности!

Уже из коридора Митараша помахала мне на прощание, и я помахал ей.

— Ты вообще меня слушаешь?

— Угу, — подтвердил я. — Как ни прискорбно это говорить, но я с тобой согласен, — переигрывая, я тяжело вздохнул. — Я хоть и недомедик, но ничего лишнего бы есть не стал...

В меня уперся очень выразительный взгляд ирьенина.

— Но обычные пациенты могут, и это для них плохо кончится, — закончил я мысль до того, как надо мной опять начали стебаться.

— Для тебя, кстати, все тоже плохо кончилось, — не устоял перед соблазном съязвить медик. — Вон, еле живой валяешься. Кито на тебя всем уже пожаловался.

— Ну, я же не знал, что там бамбук был. Пока я отходил, официант прибирался, мог плеснуть в плошку соуса, который стоял у Анко, или заказ перепутать, — вяло отбрехался я, — знал бы — не ел бы.

— А вот нечего было есть что попало... — медик замолчал. — Так, мы отвлеклись. Про Юмико я завтра расскажу главврачу. А ты со мной пойдешь, чтобы подтвердить!

— Ладно, — я зевнул и ухмыльнулся: — И давай уже, коли, что принес, кровопийца.

— Будешь паясничать, я у тебя еще больше крови сцежу!

— И ты после этого будешь утверждать, что ты не вурдалак?! О боги, с кем я вожусь?! — картинно воздел я руки к потолку со скорбным видом.

Посмеявшись, Кусуши сделал мне пару уколов и загнал иголку пустого шприца в вену на правой, свободной от катетера, руке. Под сербающий звук, отдающий в ушах, я чуть было не заснул. Пришлось еще какое-то время ватку держать, борясь с сонливостью. Соображал я в тот момент туговато, потому сам себя заштопать не догадался, но Кус тоже «хорош», мог бы и помочь!

Следующим утром, сразу после завтрака из каши, больше похожей на белую жижу, появился Кито.

— Ну как, прочитал про аллергию? — спросил медик, делая вид, что ему безразлично, но при этом фonia напряжением и беспокойством.

— Да. У меня ведь не она была? — серьезно спросил я.

— И она тоже. Аллергия наложилась на яд, клиническая картина смазалась... Не хотел говорить при Анко.

Оборвав себя на мысленном возражении, я глухо отозвался:

— Я понимаю. Ты ее подозреваешь.

— Не совсем... Но, в общем... Да, — прекратив тянуть резину, наконец, решился Кито. — Как думаешь, кто мог тебя отравить? — поинтересовался медик. — Кроме Анко.

Все равно сердито фыркнув, я задумался:

Вопрос хороший. Кто хотел бы избавиться от такой «кавайной няши», как прошлый Умино Ирука? Да любой! Начнем с меня и продолжим список до бесконечности! Любой, кто имел с последним из рода Умино какие-то дела или хотя бы просто близко общался, мог «по доброте душевной» подсыпать для вкуса какой-нибудь гадости. Но такую версию рассказывать Кито не стоило.

— Не знаю, — ответил я ему, пожав плечами. — Но почему я еще жив, если яд наложился на аллергию?

— Мы думаем, что яд не должен был быть смертельным для шиноби. Максимум — отправить на пару дней в больницу. По-настоящему опасен он стал только из-за аллергена. У тебя на бамбук необычно сильная реакция, уж не знаю почему. И это все странно. Зачем кому-то травить тебя, если они не собирались тебя убивать?

— Хм, может, надеялись, что аллергия и яд меня угробят?

Кито на это не стал отвечать, невесело хмыкнул и ушел, пожелав мне скорейшего выздоровления.

А ближе к обеду меня навестил вампир в очках и повел к главе госпиталя. Я клевал носом, а местами шел, ориентируясь только на слух и осязание.

Пришлось подождать, Рибба куда-то ушел, да и перед нами стоял Рей со свитком в руках.

— Похоже, мы тут надолго, — прислонившись к стене, я приоткрыл один глаз.

— Я быстро, — улыбнулся мастер-фуин.

— Не спешите, мы не спе...

— Это ты не спешишь, — прошипел Кусуши, смыкая дужку очков. — У меня еще бумаги не заполнены!

— Не напрягай глаза, — серьезно сказал я, — если нужна будет помощь, обращайся сразу.

— Тебя шатает от сквозняка, и взгляд мутный.

— У меня — да, но не у клонов. И мне уже лучше, чем вчера.

Пока я коротко рассказывал о феномене чересчур бодрых дублей, Араигума-сан попросил Рея показать что-то еще из новых разработок и

запустил в кабинет нас, пока мастер не вернулся. Да, главврач у нас был — Речной Енот. (Риба — река, Араигума — Енот).

Глава госпиталя ростом оказался невысок, на фоне бежевого халата его лицо темно-оливкового цвета показалось мне почти черным. Он был уже немолод, густые темные волосы перемежались седыми прядями, но взгляд был молодой и цепкий.

Передвигался Араигума какой-то странной прыгающей походкой и не стоял на месте, не выпуская из рук отполированную трость. При этом перемещался он проворно и бесшумно, возможно, благодаря тому, что на конце трости была закреплена резиновая накладка.

“Пожалуй, чем-то он действительно Енот, — подумал я. — Хм. Интересно, а я чем-то похож на Дельфина?”

Араигума почесал кончик длинного вытянутого носа, заглянув в бумагу, переданную ему Кусуши, и уставился на нас темными глазами, напоминающими густые капли гуталина.

— Все настолько плохо?

— Она пытается сдать на С-ранг уже третий год подряд! — подал голос Кусуши. — Я и Кито боимся пускать ее к пациентам. Вчера она попыталась накормить Ируку мясом. Это на следующий день после отравления и анафилактического шока, — обернулся ко мне меднин за подтверждением.

— Да, это было так, Риба-сама, — добавить мне было особо нечего.

Глава госпиталя нахмурил широкие, вытянутые к вискам серые брови и запустил пятерню в словно стоящие дыбом волосы.

— Возможно, стоит оставить ее еще на год.

— Пожалуйста, — умоляюще сложил руки Кусуши, — она не хочет ничего запоминать. Это бесполезно!

Как мне показалось, сходство со зверьком усиливали не только густые темные с проседью волосы, похожие на мех, и черные глаза с мешками под ними, напоминающие маску зверька: даже фигурой Араигума напоминал енота. Его огромный балахон, как и длинные пальцы с широкими ладонями, визуально делали руки и ноги похожими на худые лапки.

— А вы новенький, — внезапно спросил глава больницы, сощурившись, будто пытался меня вспомнить.

Поборов зевоту, я кивнул и сказал:

— Да. Меня зовут Умино Ирука.

— Умино, значит, — полувопросительно протянул он, потирая подбородок. — Интересно.

Я заторможено кивнул, борясь с сонливостью. Вроде бы Глава госпиталя еще что-то пытался у меня узнать, но я от лекарств был на полпути в Страну Морфея, и в ответ мог только кивать или мотать башкой. Как добрался до палаты, уже и не вспомню.

Посреди ночи проснулся от порывистого ветра, от которого дрожали окна. Сезон штормов для меня был чем-то новеньким.

Как это бывает при резком пробуждении, я вспомнил, что мне снилось, хоть и частично.

Урывками всплыл наш с Наруто поход в кафе. Мы заказали там суп из баранины с соей и побегами бамбука. Естественно, съели его. Расплатившись, я почувствовал, что со мной происходит что-то не то: нос заложило, я начал чихать. Но не придавал этому недомоганию значения. У меня никогда раньше не было такой сильной пищевой аллергии. Из-за косых взглядов посетителей кафешки пришлось уйти. Поначалу хотел отлежаться дома, но, когда начали слезиться глаза и стало трудно дышать, я на полпути развернулся и пошел в госпиталь, решив не испытывать судьбу. Наруто тащить с собой я не захотел и попытался было отправить встревоженного мелкого домой одного, но, разумеется, ничего не получилось. Наруто еще долго торчал под дверью моей палаты, путаясь под ногами у персонала и пытаясь прошмыгнуть ко мне.

Кито тогда тоже злился.

— У тебя сильная аллергия на бамбук, — тыкал он бумагами отобранными у коллеги-медика мне под нос. — Мог бы и поинтересоваться для разнообразия содержимым своей медкарты!

Во сне сразу после больницы я оказался в каком-то мутном ресторане или доме. Вокруг было много людей, но вспомнить лица не получилось. Среди этого месива безликих четко вырисовывалась встревоженная Митараша, которая придерживала меня-Ируку и куда-то вела.

— Почему ты не сказал про аллергию? — устало и тихо спрашивала Анко.
— Ирука, ты меня слышишь? Ками-сама! Ирука!

— Со мной все в порядке, — ярился Умино, пытаюсь устоять самостоятельно на ватных ногах.

Девушка все же сумела довести его до больницы, пока действие лекарства не кончилось, но Ирука будто бы не был рад своему спасению:

— Какого биджу твоя Мигуми накормила нас этим дерьмом?! — шипел Умино, как кобра. Казалось, что еще чуть-чуть, и он начнет плевать ядом.

— Прости, — кусая губы, извинялась Анко, пряча глаза, — пожалуйста, прости! Я просила ее не...

— Паршиво просила! — оборвал Ирука.

— Ты просто можешь сказать, — странным образом робко предложила Анко, — что у тебя аллергия и...

— И тогда каждая собака в Конохе будет знать, как меня убить без всякого яда! Иди домой.

— Но... — робко попыталась возразить девушка.

— Пошла, — чуть ли не по слогам отчеканил он, — к себе домой.

И на эту грубость со стороны Анко не было ответа! Она смолчала и ушла!

В попытках найти фальшь в голосе, в движениях, словах я прокручивал воспоминание вновь и вновь, но не находил ее. Эта послушная робость просто в голове не укладывалась! Даже ее персонаж отличался развязным поведением и вспыльчивостью, что уж говорить про живую Митараши, которую знал уже лично я.

Надо ли уточнять, что за Ируку было стыдно мне?

Выписали меня утром, но темень на улице была, как ночью. Да к тому же пасмурно и с неба снова сыпал то ли дождь, то ли мокрый снег, не разобрать. В такую погоду я встретил только патрульных, да и то не уверен: туман был такой густой, что мне могло почудиться.

Домой я пришел немного злой и разбуженный холодной водой за шиворотом, но буквально раскис, оказавшись в тепле.

Не знаю, какая именно фуин отвечала за температуру в квартире, но было так тепло, что я чудом поборол желание растянуться в прихожей, греясь об доски. Поборов лень, я осилил душ, даже немного взбодрился, потому что оставил клона на стирку, а вырубился уже от отката дзютсу.

Так как Какаши не было, а я, по мнению Наруто, еще был не совсем здоров, Узумаки сбегал к сокомандникам и сказал, что у них еще два свободных дня. Заодно заглянул в Ичираку — Макуто передал через него небольшой сверток с травами для отвара и записку: «Пей на ночь. Помогает от слабости».

Из-за приступа коллективной лени мы забили на миссии и на тренировки, оставив только зарядку и короткие разминки.

— Умылись, поели, зубы почистили, и хватит.

— Ага, — радостно подтвердил Наруто и сиганул на кровать, приземлившись на пузо.

Будь я полегче, тоже бы так плюхнулся. Но если бы я так прыгнул, то у кровати и ножки могли бы подломиться. Был уже неприятный опыт в прошлой жизни.

Раскидав по одеялу книжки и свитки, превратили мое койко-место в избу-читальню. Даже плед повыше натянуть нельзя было, чтобы не разрушить какую-нибудь стопку или горку. Кроме того, Наруто край моего пледа использовал, как закладку для книжек: между страниц зажимал и мне под ноги запихивал.

— И что сказали? — отвлекся я от свитка, когда острый край обложки ткнулся в пятку.

— Саске ничего не сказал, наверное, разозлился, а Сакура сказала, что погуляет с Ино.

— Или не погуляет, у них же нормальный командир-сенсей. Значит, они могут быть на задании.

— Не, — перелистнул мальчик страницу книжки, заложив ее пальцем, — Асума-сенсей на свидания ходит.

— А ты откуда знаешь?

— От Сакуры, а она — от Ино, — болтая ногами, перечислял мелкий, — а Ино вообще все про всех знает, — закончил он заговорческим шепотом. — Асума-сенсей у нее цветы покупал и открытку.

“Мда, настоящие женщины. Даже то, что они соперницы, не мешает им сплетничать и вместе перемывать косточки общим знакомым. Женское совражество в действии”.

Нахмурившись, Наруто добавил:

— Ты правда гуляешь с той, ну, которая змеями пулялась из рукавов?

Осторожно отодвинув плед, чтобы он из книжек не выскочил, я сел на кровати по-турецки:

— И это тоже Ино рассказала? — спросил я, почесывая в затылке. — Не гуляем, только начали встречаться.

Неприятно, что Наруто через Сакуру узнал обо мне и Митараши, потому что я сам хотел рассказать. И, предупредив вопрос в стиле «почему не рассказал?», добавил:

— Я, когда букет покупал, думал, что... — я засопел задумчиво, подбирая слова. — Только позавчера она согласилась встречаться.

Наруто насупился и шумно вздохнул:

— Ясно.

Судя по эмоциям, его что-то тревожило. Он как будто испытывал обиду.

Широко распахнув глаза, я тихо спросил:

— Наруто, ты обиделся из-за Анко?

— Не, — лениво возмутился мальчик, будто я не угадал.

Он попытался объяснить, долго чесал в затылке и наконец смог сформулировать свои претензии:

— Когда она рядом, ты попадаешь в больницу!

— В этот раз не она меня отравила. И вообще, она мириться хотела. Анко думала, что я ее бросить хотел, мне казалось, что она меня собиралась бросить. А оказалось, что все наоборот, — выразился я не лучше, чем Наруто.

— А кто?

— Официант перепутал соусы, — быстро ответил я.

“Будем пока так считать. Вполне возможно, что меня пытались убрать плохие знакомые Ируки”.

И тут же спросил:

— Значит, ты не будешь против, если я буду встречаться с Анко?

— Нет, — помотал мелкий нечесаной башкой и устало выдохнул, — не против. Если она больше тебя травить не будет и меня выгонять, — Узумаки нарочито лениво перевернул страницу новой брошюры, пытаясь скрыть от меня свое беспокойство.

— Точно не будет, а не то я ее брошу, — искренне заверил я, взлохматив его волосы еще сильнее. — Так что не беспокойся об этом, все будет хорошо. Кстати, что ты там закладываешь?

— Защитные системы разных типов и их взлом!

— Полезная штука, может пригодиться. Будешь у нас Наруто, замочных дел мастер! — одобрительно кивнул я, засмеявшись.

Спрятав за книжкой довольную мордаху, мальчик вдруг спросил:

— Ирука, а о чем ты мечтаешь?

Я крепко задумался, застигнутый вопросом врасплох.

— Ну, как я мечтаю, — по-своему понял мою заминку Наруто. — Я хочу стать Хокаге, а ты о чем мечтаешь?

— Мечтаю, — засмеялся я, — помочь тебе стать Хокаге.

— Это не мечта!

Тут Наруто был прав, даже спорить было не о чем. У меня были цели, но чего-то такого, что можно назвать мечтой, не было. Что такое мечта? Это что-то, к чему можно стремиться всю жизнь, заветное желание, почти несбыточная цель. А у меня там ежедневник с пунктами и галочками напротив подобных записей: «Найти денег на», «купить это», «выучить то-то и то-то».

— Ты прав, это не мечта, это просто еще одна цель, — легкомысленно улыбнулся и пожал плечами. — У меня их много: “Пиалу” отремонтировать, тебя с Саске подготовить к экзамену на чуунина, вправить, наконец, мозги Сакуре, стать ирьенином В-категории. Вспомнить все, что я знал и умел... В общем, у меня так много целей, что на мечты времени уже не остается, — закончил я, дурашливо разведя руками.

— А я рассказывал, что старик меня к Теучи в раменную позвал на следующий день, как ты в больнице оказался?

У меня внутри все похолодело.

— Дед сказал, что, пока ты болеешь, мне лучше есть там.

— И... все, что ли?

— Еще дедка сказал, что жаль, что с Анко-чан тебе так не везет и ты постоянно из-за нее попадаешь в больницу.

“Настраивал мелкого против Анко? Умный ход”.

Немного подумав, Наруто добавил:

— Что считает меня взрослым и уверен, что я буду думать своим умом и сам принимать решения.

На языке крутились не самые лестные эпитеты, потому я создал Данзов барьер против прослушки, удивив этим Наруто.

— Таким взрослым, чтобы рассказать доброму дедуле Третьему все, что он хочет знать? — с ядовитым сарказмом спросил я. — Как не рассказывать тебе ничего о Кьюби — так ты слишком маленький. А как разболтать секреты — так ты уже взрослый и сам решаешь, что и кому говорить... У меня нет цензурных слов!

Мелкий похлопал глазами, не зная, как реагировать на мою тираду.

— Что еще Третий узнать от тебя хотел? — уже спокойно проговорил я.

Наруто, смутившись, почесал голову.

— Ну, э-э-э, он спрашивал про полигон, и как мы тренируемся всей командой. Но я про наши тренировки ему ничего не сказал, даттебайо! Как ты учил, я рассказал, что помогаю тебе память вернуть. Что мы спарринги устраиваем, я тебе про прошлое рассказываю.

Тут я облегченно выдохнул и не смог удержаться от улыбки:

— Молодчина! — и, смущенно почесав щеку, я добавил: — А то я сам забыл, что просил тебя отвечать на такие вопросы.

Свидания с Анко я ждал, считая дни, даже хотел принарядиться в одно из кимоно, которые нашел в большой картонной коробке, но оделся просто в чистую форму. С кимоно можно опозориться, надев что-то лишнее или наоборот. Я вообще сомневался, один или два в коробке комплекта. А может, все три? Особо смущали темные юбки, которые я принял за широкие штаны с вырезами на бедрах прямо под поясом. Наруто тут мне ничем не мог помочь, он даже названия предметов затруднялся назвать.

— Это, — морща лоб, он ткнул в юбку, — кажется, Хакама или Хаори-химо. Или Хаори-химо — это пояс.

— Похоже, нам не обойтись без учителя по этикету, — я подбросил в руках белый помпон с кисточкой на витом шнурке, а мальчик поймал его на лету, как кот птичку.

— Это... хм... — попытался вспомнить Наруто, но, сдавшись, выдохнул:
— Не помню. В Академии рассказывали. Даже как все надевать.

Шнурок с помпоном Наруто повязал на лоб и, скосив глаза, стал покачивать головой, чтоб кисточка болталась.

— Мартышки и кимоно, новая сказка, — посмеялся я. — Вряд ли эту ерунду носят на голове.

— Как мартышка и очки! — не переставая раскачиваться, заявил Наруто, и язык еще высунул.

— Примерно, — я взял вторую такую штуку и тоже повязал на лоб, улыбаясь мелкому.

Погода была не слишком теплой, и от того я не мог спокойно смотреть на то, как одета Анко. Свой плащ она и не подумала застегнуть, а я постеснялся спросить: мало ли, какие фуин у нее в этом плаще вшиты. Может, ей вообще жарко.

Когда я сунул руки в карманы, Анко ненавязчиво прильнула ко мне слева, обняв руку чуть выше локтя. Мимо прошли две незнакомые мне чуунинки и, хихикнув, обогнули нас с разных сторон.

Я ожидал, что от девушки будет ощутимо тянуть жаром, но стало подозрительно холоднее. Из любопытства, я вытащил правую руку из кармана и коснулся кисти девушки. У Анко были просто ледяные пальцы, будто у трупа из холодильника морга.

— Ирука, что такое? — наклонив голову набок, спросила Анко.

— Ты замерзла, — ответил я ей, мысленно подбирая приличное заведение, где можно было бы согреться.

— Нет, — улыбнулась девушка, непроизвольно поежившись от порыва ветра, — не замерзла. Пойдем на обзорную площадку?

— Чтобы ты там точно простыла? — поинтересовался я, сняв промерзшие лапки с рукава, и накрыл их ладонями, отогревая своим теплом.

Анко смущенно потупилась, но рук не отняла. Сняв шарф, я накинул его ей на шею. Яркий румянец и странная улыбка наводили на мысль, что она уже простыла и у нее температура. Тогда я предложил сходить в барбекю-бар Акимичи погреться и перекусить, но Анко помотала головой, будто страшивая наваждение, и почему-то, отказалась. Решив, что она, похоже, не хочет есть, я сказал, что можно тогда сходить в зимний сад, открытый

для жителей Конохи. Его содержали Яманака при своем магазинчике. Но она снова была против.

— Может, в кино? — теряя надежду на продолжении свидания, спросил я.

Девушка вздохнула и нехотя призналась:

— Я дома забыла кошелек.

В полный рост встала неприглядная ситуация со жмотом Ирукой, который водил Анко на свидания за ее же деньги.

— Ничего страшного, я заплачу за нас обоих, — и я со смешком добавил:

— Мои дела не настолько плохи, чтобы билет в кино разорил меня, — а на душе было гадостно-гадостно из-за кретина, который жмотился лишнюю копейчку потратить не на себя.

Анко с любопытством взглянула и закусила губу, явно сдержав какое-то замечание.

На площади перед кинотеатром было пусто, только пара нахохлившихся голубей торчала на отключенном на зиму фонтане. Под заиндевевшими по углам стеклами, как в причудливой раме, какой-то художник изобразил женщину в цветастом кимоно с кучей золотых висюлек в волосах и хмурого мужика в темно-зеленом доспехе, эдаком «привете» из европейского средневековья. К сожалению, выбора сегодня снова не было. Одна афиша, один фильм.

Хотя почему не было? Два варианта на выбор: хочешь — смотри, а не хочешь — не смотри. Вообще это редкое явление в Конохе, когда афиш больше одной.

Привлеченные шумом, мы обернулись. Прямо перед нами в фойе разоблачили парочку подростков под хенге и не пустили их в зал.

— Мы уже взрослые! — возмущался мальчишка лет двенадцати-тринадцати. Его подруга примерно такого же возраста молча стояла рядом, красная как помидор. Они явно не ожидали, что кто-то будет проверять посетителей на использование хенге.

— Брысь, мелочь. На этот фильм только шиноби после пятнадцати лет пускают или в сопровождении взрослых, а гражданских — вообще после шестнадцати! Рано вам такое смотреть! — кассир скривился и, приговаривая что-то вроде «кыш, кыш», указал подросткам на дверь.

Кишки выпускать в двенадцать лет не рано, а смотреть на постельные сцены — «Вы младше определенного возраста, и дальше в таком духе. Мы заботимся о нравственном облике молодежи».

Обычный консерватизм — сказал бы я, если бы не знал, что все не так просто. На основе наблюдений получалось примерно следующее. Из-за того, что дети рано выросли, они и вести себя старались не по возрасту, например, пили алкогольные напитки или лезли в заведения для старших и мешали тем отдыхать. Так что эти ограничения, напоминавшие дедовщину, еще и ограждали взрослых от назойливых деток, которые после первой крови начинали себя считать равными старшим товарищам.

Однако последние придерживались другого мнения и отстаивали свое право на комфортный отдых. Это было хоть и не совсем справедливо по отношению к детям и подросткам, но вполне понятно. Шиноби после работы за неправильное поведение могли и покалечить сгоряча. А гражданским было еще веселее — попробуй сделать замечание пацану или девчонке, у которых в голове пусто, а в крови играют гормоны, но которые могут без проблем избить любого не-шиноби. Если поставить

себя на место какого-нибудь торговца или мастера-ремесленника, отца семейства и просто мужика в возрасте, и представить, как на глазах у всех тебя больно и позорно отметелит мелкий шкет за то, что ты ему сделал замечание... Бр-р!

Лучше уж строго соблюдать возрастной рейтинг, максимально разделяя аудиторию. Пусть это и несправедливо по отношению к юным шиноби.

Мы попали на премьеру, потому билеты остались только на балконы. Анко снова попыталась отговорить меня тратиться, но безуспешно.

— Пока сеанс еще не начался, — глянул я на часы и достал свиток, — ответь, только честно. Ты есть хочешь?

С тихим хлопком материализовались на бумаге два бутерброда, оставшиеся у меня после перекуса на задании.

— Ты тут есть собрался?!

— Так говоришь, будто я тут предложил стол накрыть, — смеясь, заметил я и совершенно серьезно добавил: — Нет. Но тут даже экран еще не включили, мы своим шуршанием никому не мешаем.

До начала сеанса было далеко, так что я решил развлечь Анко рассказом о Стране Волн. Больше мне и нечего было рассказать. Девушка быстро съела свою порцию, а я из-за болтовни только половину осилил. Жевать и говорить не особо удобно, да и к тому же некрасиво.

— А потом Забуза метнул свой меч! ... Ой, — осекся я, поняв, что кусок бутерброда на взмахе оторвался от булки и улетел вниз.

Услышав матерный возглас, я, не поворачивая головы, быстро запихал остатки в рот и, давась, проглотил.

— Не смотри в зал, — попросил я, кашлянув, утирая выступившие слезы.
— Притворись, что мы ничего не видели.

Анко ошарашено кивнула и прислушалась к кипишу в зале, под балконом уже кто-то возмущался, что дети края потеряли и ходят в кино с едой. По мнению какого-то мужика со следами сливочного масла на темных волосах, только дети могли притащить в кино бутерброды. Неожиданно другие зрители его поддержали и тоже начали высказываться. Того, кто бросил масло, то бишь меня, обозвали малолеткой и дегенератом. И ведь не будешь им объяснять, что не кинул, а только уронил.

Стало обидно:

— Ирука, двадцать три годика, — мрачно и недовольно представился я Анко. — Агу-агу.

Закрыв рот руками, она довольно долго смеялась — а как иначе можно было интерпретировать ее подрагивающие плечи и фыркание из-под плотно сжатых ладошек?

Потом она все же пояснила, что в кино не принято жевать на сеансе. А я припомнил, что не видел в фойе даже попкорна, только кассы и небольшую книжную лавку.

— Понятно, — я смял салфетки и запечатал их обратно, — надо запомнить.

Гомон в зале утих, только когда потух свет, и то не сразу, потому что возбужденная толпа так и не нашла козла отпущения.

Где-то в середине довольно нудного фильма я заметил, что девушка откровенно скучает, чуть ли не засыпая у меня под боком. Она ерзала на кресле, стараясь поудобнее устроиться и при этом не помешать мне. Заметив это, я убрал руку с подлокотника и нагло, для первого-то нормального свидания, обнял Анко за плечо.

Неярким бликом от экрана осветилась ее улыбка. Анко практически легла мне на грудь, щекоча фиолетовым хвостиком щеку, и, зажмурившись, тихонько вздохнула. Этот момент был настолько уютным, будто мы уже давно встречаемся. А потом до меня дошло, что это только у меня одного сегодня первое свидание.

Анко вела себя раскованно потому, что для нее я был тем самым Ирукой. Ее парнем, у которого чутка протекла крыша, но не незнакомцем.

Факт, упущенный мною ранее. А если быть честным с самим собой, то я этого старательно не замечал.

Мне не нужно завоевать светлоглазую бестию (свежи еще были воспоминания о забеге от нее по Конохе), за меня ее добился Ирука. Отношения с Анко теперь казались чтением книги с эпилога, когда остальные страницы выдраны с мясом. Я, конечно, буду читать следующий том, но самое начало мне не прочесть, и многое в истории будет непонятно, пока сам не узнаю что к чему из следующей части.

— Ты ведешь себя, как раньше, — внезапно сказала она, водя пальцем по замку жилета, — как когда мы только начали встречаться. Ты часто улыбался, шутил и смеялся.

“Прямо артист разговорного жанра!” — хмыкнул я едко, чувствуя отголоски ее теплого, как весеннее солнце, счастья.

Так можно радоваться найденной на антресоли любимой игрушке, с которой связано немало приятных воспоминаний.

— Эй, а почему в прошедшем времени? — по-детски разобижено протянул я и через силу притворился веселым. — Я еще живой.

В тот момент хотелось сказать: «Не сравнивай меня с ним», но пришлось спросить:

— Разве потом я вел себя иначе?

Ее рука замерла, а я почувствовал удивление напололам с неуверенностью.

— Не обижусь, — улыбнулся я, хотя она на меня не смотрела, — правда. Мне интересно. Да и не думаю, что твой рассказ будет еще хуже, чем то, что я узнал от Наруто.

Анко, к моему огорчению, отстранилась и села рядом:

— Расскажешь? — теребя край шарфа, негромко попросила девушка.

— А как же мой вопрос?

— Сначала ты, — уклончиво ответила она.

— Ну, ладно. Почему бы не рассказать, — я пожал плечами.

Когда включился свет, я пересказывал случай из жизни Ируки-учителя-мучителя.

— Раньше ты иначе о работе говорил, — расправляя плащ, заметила Анко, — тебя раздражало все связанное с детьми.

— Иногда мне кажется, — собрался я перекинуть ногу через перила, — что раньше меня вообще всё раздражало.

— Ирука, — посмеиваясь, придержала меня куноичи, — в кино и театре так не делают.

— Дурные привычки заразительны. Как передвигаться по-людски, я почти забыл, — буркнул я тихо и добавил после паузы: — А тут театр есть? Где?

По пути домой я рассказал Анко еще про ту выходку с комендантом общежития, и она смеялась так, что ей пришлось остановиться и перевести дух.

Казалось, будто то свидание было только вчера, но вроде бы только что начавшийся январь уже подходил к концу, а большая часть дат уже была перечеркнута крестом.

Захотелось взять все книжки, бумажки, свитки и выбросить в окно или разодрать в клочья, а потом поджечь. Преодолевая желание что-нибудь другое уничтожить, я сел на пол поближе к окну и подальше от ценной литературы, чтобы успокоиться.

Я прекрасно понимал, что это состояние — следствие перенасыщения информацией. Когда нужно все, а мозг просто не в состоянии уложить в черепушке все необходимое.

— Время, ау! Куда ты мчишься, с-сволочь?! — несдержанно выдохнул я, прервав медитацию.

В госпитале из меня пытались сделать хоть какого-то медика до лета. Или хотя бы псевдопарамедика. Такой объем было трудно усвоить, но Кито утверждал, что с моей памятью, умом и, главное, способностью усваивать большие объемы информации мне это под силу. Но программу мне составляли без учета тренировок с пацанами на полигоне Призраков. А там напрягать мозги приходилось ничуть не меньше.

Каким бы Учиха ни был талантливым, но ему тоже, как и Наруто, приходилось все объяснять, и у него тоже возникали вопросы, и тоже, бывало, что-то не получалось.

И все бы ничего, но на половину его вопросов я ответить не мог. Он теорию на своем уровне базы Академии знал лучше меня. Точнее, я ее знал откровенно плохо. Потому что учился совсем по другим учебникам. А разбираться в той мешанине правды, полуправды и откровенного вранья, которой учили ребят в Академии, у меня не было никакого желания.

Выматывался я так, что постоянно хотел спать и временами с трудом соображал.

Иногда я даже на свиданиях втихаря пытался что-то заучивать, пока Анко не видела. Все же оставлять девушку совсем без внимания было нельзя, потому что размеров кредита доверия, обеспеченного Ирукой, я не знал. Да и не мог я в лоб сказать: “У меня не хватает времени, и я хочу отменить

наши встречи, которые у меня его отнимают”. Это было бы свинством с моей стороны.

Но Анко приятно удивила, сама предложив повременить со свиданиями, когда заметила у меня под столом карточки-шпаргалки. Было удивительно, что она никак не показала своего недовольства. Более того, она стала приходить в госпиталь и приносить мне бенто. Я тогда ей намекнул, что можно и попроще что-то делать, мне жаль было ее времени, убитого на морковных осьминогов и рисовых шариков в виде зайчиков, а она смутилась и пролепетала, что ей не трудно. Если бы было можно сдохнуть от умиления, я был бы уже трупом.

Анко снова сидела со мной в одном из закутков коридора, пока я жевал, ненавязчиво допытываясь, что я учу.

— Зачем? — спросил я ее тогда. — Ты же не ирьенин.

А она пояснила, что, растолковывая кому-то, гораздо легче понять и запомнить. Правда, Анко никогда по теме ничего не спрашивала, наверное, чтобы с мысли не сбить. Золото, а не девушка!

Да к тому же с ее бенто мне не нужно было готовить перекус на себя. Экономия времени не сильно большая, но все же экономия!

Как-то раз она спросила, почему у меня всегда ни на что нет времени.

Я начал перечислять:

— Ну, наверное, больше всего времени сейчас у меня уходит на учебу. Хочу стать полевым ирьенином. Хотя бы В-ранга. Потом — задания. Нельзя без присмотра мелких оставлять. Да и без миссий никак нельзя. И

мне, и генинам надо на что-то жить. Это у Сакуры есть родители, которые ее содержат, а у Саске в семье — он сам себе добытчик. Потом — мои тренировки, как индивидуальные, так и с ребятами...

Прикусив от неожиданности кончик языка, я резко замолк с перекошенным лицом. Сам от себя не ожидал, что так легко сболтну лишнего.

— В чем дело? — спросила Анко. — Больно?

Я помотал головой и залечил язык. Пока проходила боль, решил, что оговорку без внимания оставлять не стоит.

Приготовившись и подобравшись, как перед прыжком в ледяную воду, я тихо сказал:

— Анко-чан, о том, что я тренирую Наруто и Саске, никто не должен знать. Даже если спросят — ты не знала. Хорошо? — как можно более просительно и доверительно сказал я, заглядывая ей в глаза.

— Почему? — искреннее удивилась она, положив палочку с данго обратно на тарелку. — Ты же сам говорил, что ты ассистент сенсея седьмой команды. Ты просто делаешь свою работу...

Я недовольно поморщился, а девушка замолчала.

— Все не так! Я делаю свою работу, которую мне запретили выполнять, — выделил я слово голосом.

— Как запретили? — захлопала ресницами Анко.

Беспокойно оглядев комнату кафе, я шепотом пояснил:

— Устно, а потом письменно. Прямым приказом. Сначала Какаши, а после и Сандайме.

— Но почему?! — тоже шепотом возмутилась девушка.

— Не знаю. Никто не снизошел до объяснений.

Я даже практически не соврал. Объяснение Данзо не считается — он-то мне ничего не запрещал.

Немного помолчал, собираясь с мыслями, и продолжил:

— Но я точно знаю другое. Если с детьми, упаси Kami-сама, что-то произойдет, крайним буду я, а никак не элитный джонин и сын Хатаке Сакумо, и, разумеется, не Третий.

Анко сидела с широко раскрытыми глазами. Кажется, что-то из того, что я ей сказал, слегка потрясло привычную ей картину мира. Или не слегка.

Какое-то время мы просто молчали, а меня раздирало пожаловаться. В итоге я не стерпел:

— Вот ты помнишь, что уже умела перед первой своей серьезной миссией? А теперь представь, что у тебя тогда были только академические дзютсу и, допустим, катон: шар огня. Ты даже по деревьям и воде ходить не умеешь. А против твоей команды кто-то вроде Забузы и его помощника-боевика уровня специального джонина.

Ошалелый и выразительный взгляд говорил сам за себя.

— Пока я Какаши не пнул, тот вообще ничего не делал. Даже, собака этакая, не научил ребят, как ходить по деревьям и воде. Да и потом только дал свиток с основами преобразования стихийной чакры и парой примитивных техник. Хатаке и сейчас на команду время не тратит. И еще... — замолкнув, я подумал и удрученно покачал головой. — Это у меня большая тема. О которой я тебе ничего не говорил. Давай о чем-нибудь другом поболтаем?

Как обнаруживалось немного свободного времени, я просил Наруто позвать Саске на полигон. Иногда к нам присоединялся Макуто — он приходил молча, садился в стороне и повторял упражнения вместе со всеми. Если Саске или Наруто что-то не получалось, он подходил и показывал. Коротко, без лишних слов.

Оставив дубля наблюдать за ребятами, сам я ушел на полянку среди деревьев — тренировать свои собственные техники, просто чтобы не заснуть. Да и не хотел я, чтобы Саске скопировал шаринганом мой маленький арсенал.

— Закончили, — доложил мне дубль, — сюда идут. У них уже лучше получается.

Ничего не ответив, я развеял клона и, распечатав из свитка очки-маску, подождал, пока подойдут пацаны.

— Са-а-аске, — зевнул я, прикрыв рот рукавом, — извините, не выспался. Нашел тут кое-что твое, — и протянул ему свой трофей, — я бы тебе ее раньше отдал, но не знал, что эта вещь из твоего клана.

Учиха недоуменно заморгал, силясь понять, что происходит, но очки-маску все же взял.

— Здесь, — указал я на значок в виде красно-белого веера.

— Откуда это у вас? — спросил он, с подозрением рассматривая меня.

— Эту вещь я нашел в вещах убитых нами шиноби из Деревни Дождя, — я закрыл рот рукой, чтобы всласть зевнуть. — И уже в Конохе обнаружил клеймо твоего клана. Похоже, что нукенин из Дождя, владевший этой вещью, изнутри прикрыл его подкладкой. Думаю, что герб твоего клана его раздражал, — я устало усмехнулся. — Из-за лишней прокладки в маске было душновато.

Учиха покрутил очки и уже менее недоверчиво посмотрел на меня.

— Вряд ли удастся узнать, как к ним попал этот артефакт, но зато он теперь снова обрел законного владельца.

— Пф. Я не буду их носить.

Бэушными вещами брезгует, что ли?

— Очень зря, — весело фыркнул, — пусти чакру в пальцы и коснись их, — стекло стало матово-черным, хотя оно и до этого особо не бликовало. — Ты все еще думаешь, что они бесполезны? Противник не будет видеть, активен ли твой шаринган или нет, но самое главное — глаза будут защищены от механического воздействия: песка, пыли, мелких осколков, снега и града. А может, и от чего посерьезнее — стекло явно ударопрочное. Но если тебе эта маска не нравится, могу оставить ее себе, — сказал я, привстав и протянув руку.

Саске неосознанно отпрянул, прижимая к груди клановую вещицу.

— Я так и думал, — рассмеялся я, открыто улыбнувшись, — носи на здоровье.

— Почему «на здоровье»? Я на голове их носить буду, — не понял меня Учиха.

— Это выражение такое, пожелание, чтобы предмет приносил пользу, — отмахнулся — Не бери в голову.

Видя, что и второй оборот речи разобрал только Узумаки, я вздохнув пояснил:

— Не бери в голову, значит — «забудь, это не так важно».

А ведь не так давно я объяснял то же самое Наруто.

Когда мы собрались уходить, я попросил у Саске разрешения запечатать очки в одноразовую печать, пояснив, что будет лучше, если меня с возвращением артефакта клана Учиха никто не свяжет.

— Нашел в пыли под фундаментом, когда искал оторвавшуюся пуговицу. Или кунай отскочил и ты его искал. Или ты сам упал куда-то, куда давно не лазил. Придумай что-нибудь.

— Хорошо, Ирука-сенсей, — нахмурившись, кивнул Саске. — Я запомню.

— Вот и славно, — я потер виски, пытаюсь унять начинающуюся головную боль, — вот и славно. До встречи.

— Ирука-сенсей, — окликнул меня Саске, когда одной ногой я уже был снаружи барьера, — я приду сюда завтра.

Покоробило то, что Саске не спрашивал — он ставил перед фактом.

— Погоди, — шагнув обратно, серьезно сказал я мелкому Учихе. — Тренировать тебя и Наруто я могу только тут. И знать об этом никто не должен. Понятно?

— Но, как же... но я... а вы... — растерялся мальчик.

— Когда можно будет прийти, тебе скажет Наруто. Мы сами сюда не каждый день приходим, а одному тебе сюда не попасть.

— Но я же прошел?

Неосведомленность Учихи меня поражала.

— Только потому, что рядом был Наруто. А меня сопровождал его клон. — Наруто поморщился, явно хотел было что-то сказать, но все-таки промолчал. — Грубо говоря, ключ — это он сам, — встав с корточек, я положил руку на голову Наруто.

— Понятно. До свидания, сенсей, — кивок-поклон в мою сторону, — Наруто.

А затем Саске вышел через «мыльную» пленку барьера. Саске постоял, потрогал барьер, явно пытаясь продавить его плечом, покусал задумчиво губу, попинывая преграду, но, так ничего и не добившись, ушел. Наруто рукой помахал, даже покричал, но уходящий мальчик на той стороне его не заметил.

— А что, он нас не видит?

— Нет. Не видит и не слышит.

Хмуро кивнув своим мыслям, Узумаки серьезно насупился и сложил руки на груди:

— Ты зачем соврал? Я ведь могу и его тоже в барьер вписать!

— Рано, — тихо ответил я, — Саске пока еще не доказал, что мы можем ему полностью доверять.

— Как ты такое можешь говорить?!

— Легко. Потому что Саске, как говорится, себе на уме. Я абсолютно его не знаю. А вдруг он сюда не один придет? Сейчас это только наш полигон, а станет — общим. А нам этого не нужно. Или, наоборот, Саске придет сюда один. И сломает себе что-нибудь или сознание потеряет во время тренировки, просто потратив слишком много чакры. Найти его сможем только мы. И будем в ответе за его смерть. А что, если он влезет в печать барьера ради интереса? «Доверяй, но проверяй», — так говорил один мудрый человек, и этот совет не единожды помогал мне.

— И меня ты тоже проверял? — недоверчиво спросил Наруто.

— А смысл? — легко улыбнулся я, взлохматив светлые волосы. — Ведь ты и без проверок показал, что тебе можно доверить и жизнь, и любые другие важные вещи. Ты прошел эту проверку и перевыполнил ее, — я рассмеялся. — Как всегда, перевыполнил план.

— Это как понять?

— Я расскажу, но по дороге домой. Вон, Саске уже убежал.

Макуто, все это время сидевший на корнях дерева и точивший танто, поднялся.

— Я тоже пойду, — сказал он. — Завтра утром приду в Ичираку пораньше, помогу с открытием, потом загляну на полигон. Если Наруто придет — покажу ему пару приемов против куноичи.

— Каких приемов? — оживился Узумаки.

— Увидишь.

Макуто кивнул нам и ушел через барьер так же легко, как и вошел — пленка пропустила его, даже не дрогнув.

В госпитале, как обычно, меня загрузили по полной, так что сваливший куда-то Кито был мне в радость. Своим исчезновением он добавил к обеденному времени еще целых тридцать свободных минут! Потому как без него соваться к больным не было никакого смысла.

Блаженно лыбясь, я чуть ли не урчал от удовольствия, когда пальчики Анко почесывали мой скальп. Растрепав мои волосы, она рассмеялась.

— Ты похож на взъерошенного воробья.

— Почему? — получилось как-то обиженно и по-детски, несмотря на улыбку. В общих чертах я представлял, что у меня творится на голове.

Несмотря на то, что отстригать крашенные волосы я не стал, а отросли они уже прилично, их длины все равно не хватало, чтоб надежно стянуть их в хвост. Бросив попытки привести себя в порядок при помощи одних рук, я полез за расческой. Митараша выхватила щетку и жестом показала повернуться. Только не учла разницу в росте. Поэтому она скинула обувь и встала на скамью.

— Анко, а когда у тебя день рождения?

— Он был два месяца назад, — больно дернула она спутавшиеся пряди, но тут же извинилась.

Сдержав шипение, все же поморщился:

— Прости, мне неоткуда было узнать, — я осторожно улыбнулся в зеркало напротив. — А число?

— Двадцать четвертое, — натянуто усмехнулась она и снова дернула. — Двадцать четвертое октября.

— Я обязательно запомню, — сказал я, уже думая о том, что можно подарить девушке, зная о ней так мало. К своему стыду я понял, что за все

это время не удосужился спросить, какие цветы ей нравятся, какие цвета... что вообще кроме данго она любит. Но расспрашивать сейчас и раздражать ее еще больше было просто глупо.

— Ирука, пойдем поможешь, — выглянул из-за угла Кито и мимолетно нахмурился. Завидовал он, потому что у него с Минюри общение так и не сдвинулось с мертвой точки, а у меня такая вот идиллия в суперкороткие сроки.

Идиллия-то идиллия, а вот дальше поцелуйчиков и обжимания по темным углам я не продвинулся. Дело было не в том, что Анко против, а в том, что графики у нас были сильно разные, а также в том, что после госпиталя и тренировок у меня едва хватало сил доползти до своей комнаты. Иногда я засыпал в гостиной, а утром на автомате, даже не просыпаясь, по будильнику делал клона и отправлял его на кухню. Казалось бы, клоны должны были быть такими же зомби, как и я, но нет. Утренние дубли были мерзопакостно бодры и веселы, в отличие от меня самого. Только отчего-то выглядели они как Иго-нукенин. Я подозревал, что это из-за того, что этот образ ассоциировался у меня со Страной Волн. Мне сейчас казалось, что там было гораздо легче и нагрузка на мозги была меньше. Возможно, так оно и было. А может, это просто такой самообман.

Несильно пихнув дубля под зад, я буркнул:

— Шкурку смени и дуй в магазин. И попроси понаряднее обернуть.

— Бу сделано, шеф. Одна нога тут, другая там!

Этим дублям можно было доверить что угодно: выполнять, но при этом — не переставая раздражающе лыбиться.

Передавшуюся от клона усталость я почти не ощутил, зато прибавилось немного чакры, а в руках была теперь не просто коробка с неизвестно чем, а подарок.

После чего я ее запечатал и опять поперся на занятия и на практику.

В какой-то момент меня, что называется, переклинило, и я стал сомневаться, где именно подарок. Было бы неудобно распечатывать перед Анко что попало, поэтому я стал искать, куда же я запечатал ее подарок.

— О, нашел! — я стал аккуратно выводить бирку Анко. Собрался прилепить ее к банту на коробке...

И тут ее у меня начала отбирать Минюри. Коробку, не бирку.

Я от удивления потерял дар речи и только хлопал глазами.

— Ирука, ты такой милый! — настойчиво вытянула Акисато коробку. — Спасибо.

— Что значит «спасибо»?! Что значит «милый»?! — очнулся я от шока и, выдернув подарок из рук ирьенинки. — Кто вообще сказал, что это тебе?!

Минюри постояла как истукан секунд десять, а потом безобразно заревела, как это делают маленькие дети!

Из ординаторской в коридор меня за шиворот затащил взбешенный Кито, и, старательно удерживая неподвижное как камень лицо, процедил:

— Ирука, если ты решил пошутить, то шутка тупая! У Миюри сегодня день рождения, ты ее до слез довел!

Из-за дверей все еще был слышен вой со всхлипами.

— А что!.. что она схватила?! Не ей покупал! — заговариваясь, возмущался я, когда до меня наконец дошло, что мне только что сказали.
— Как день рождения?

— А так! Говорили ведь... Ладно, все с тобой ясно... — вздохнув, махнул рукой ирьенин. Немного подумав, он спросил, уже начиная успокаиваться:
— А кому подарок? Анко?

После моих пояснений Кито рассказал, что когда я распечатал коробку с бантом, то все посчитали, что это для Акисато, и направили ее прямо ко мне. Будто в этот день ни у кого, кроме Миюри, не может быть праздника!

— Тут даже бирка есть, что это для Анко! — я сунул картонку другу под нос.

Тот удивленно похлопал глазами, смутился, поправил мой воротник и кашлянул:

— Слушай, иди домой. Отдохни... — он немного подумал, — сегодня. А лучше — дня два-три. А то ты сейчас настолько неадек... хм-м... уставший, что я боюсь тебя не то что к пациентам — к другим учащимся подпускать.

— Кто бы говорил, — я закатил глаза и отмахнулся. — Не разобрался и на меня гнать начал. Но ты прав, мне действительно нужно передохнуть.

В ответ на это Кито только закатил глаза и покачал головой:

— Иди уже отдыхай, жертва амнезии. Бирку он сделал...

Забрав коробку, я быстро запечатал ее и, переодевшись, наострил лыжи домой, но был остановлен окликом:

— Ирука! — крикнул Кито мне вслед.

— Да?

— Отдых — это значит без изматывающих тренировок и миссий! Это еще когда высыпаешься. Возьми себе выходной, не порти нам статистику смертями пациентов!

И ведь сказал он это, гад, нарочито громко, чтобы другие услышали. Аж весельем потянуло откуда-то из-за дверей.

Я только вздохнул:

— Очень смешно! — и громко добавил: — Ты около реанимации свой пассаж повтори, пациенты будут в диком «восторге»!

Но устыдить его так и не удалось. Печаль...

Однако советом друга я воспользовался. И пару дней брал для команды только короткие миссии D-ранга, подзабив на тренировки и учебу. Освободившимся временем я решил воспользоваться на полную катушку:

выспаться, отдохнуть и, конечно, уделить больше внимания своей девушке.

Но сначала я урвал немного времени, чтобы притормозить и подумать.

С момента попадания в этот чокнутый мир чем дальше, тем больше выматываюсь.

Да я в жизни так не пахал, как в последние месяцы! Сначала влиял страх, что я погибну в Стране Волн — свои шансы на выживание я оценивал невысоко, и ранить Забузу мне тогда удалось только чудом. Или, скорее, это были удача и отчаяние загнанной в угол крысы. Потом короткой передышкой была работа на Гато. А вернувшись в Коноху, я снова стал похож на белку в колесе. Зачем мне это надо? А затем, что я официально, по бумагам — специальный джонин. И пошлют меня однажды на миссию, где моих навыков, не дотягивающих сейчас даже до чуунинских, просто не хватит. И меня убьют. Вот и приходится изворачиваться и постоянно бояться, что я не успею вспомнить навыки Ируки или стать сильнее самостоятельно.

Записав в блокноте несколько идей о том, как стать сильнее в ближайшее время, я засобирался на встречу. Не хочу опоздать.

— Это мне? — пораженно замерла Анко с крышкой от коробки в руках.

— Тебе, — вытащил я палантин и обернул вокруг ее шеи и плеч. — Я хотел подарить что-то практичное, что можно каждый день носить. Нравится?

В темно-оранжевом кашемире спряталась улыбка, но пылающие щеки все равно было видно.

— Да, очень!

— Я не знал, какой выбрать...

Сказать, что под бумагой еще бежевый и лиловый палантины, я уже не смог, сложно разговаривать, когда тебя целуют.

Что мне нравилось, так это то, что вещь не только закрывала грудь моей девушки от холода и ветра, но и от сальных взглядов.

Да-да, я уже считал Анко своей и несколько раз ловил себя на мысли, что жажду начистить рожу чересчур активно заглядывающимся на нее мужикам. А сейчас, когда на улице один из таких созерцателей с кислой миной прошел мимо, захотелось гаденько похихикать.

Заметив, что мы подошли к парку около моего дома, я решил пойти ва-банк:

— У тебя снова холодные руки. Может, зайдем ко мне погреться? Музыку послушаем, чай попьем. Я из Страны Волн патефон с пластинками привез, — хвастал я честно спертыми богатствами. — А еще здоровенную карту мира на шелке.

— Зайдем, — мило улыбнувшись, сказала Анко, прильнув к моему плечу.

Пока я отдыхал, Наруто все так же ходил на занятия к Каруйи, и потому пересечься с Анко у него бы не получилось. Все было прекрасно. Только я и она...

— Ирука-сан! — приземлился перед нами АНБУ в маске птицы.

— Слушаю вас, — мрачно сказал я, уже предчувствуя, что из-за этой «птички» мне сегодня ничего не обломится.

— Вас срочно хочет видеть Хокаге-сама!

Да чтоб вас, ироды, черти покусали!

— Ясно.

Попрощавшись с Анко, помчался по крышам в сторону резиденции. Я не Какаши, мне задерживаться нельзя.

К моему удивлению, в кабинете Хирузена были Саске и Наруто, а самого Хокаге не наблюдалось. Переговорив с пацанами, выяснил, что они тоже не понимают, зачем их позвали.

Не люблю неизвестность. Она заставляет меня думать о самом худшем.

И только когда к нам присоединилась Сакура, из боковой двери вышел Сарутоби и какой-то мужчина в темно-синем явно не дешевом кимоно. Несмотря на некоторую полноту, незнакомец не выглядел безобидно, как хрестоматийный толстяк-добряк. Жесткий волевой взгляд зеленых глаз внимательно ощупал нас, примечая только ему понятные детали.

Как было положено по правилам, я отрапортовал, что команда прибыла, Хирузен благосклонно кивнул.

— Томэо-сан, именно эта команда сопровождала ваш племянника. К сожалению, сейчас командир группы отсутствует, о чем я вам уже рассказал.

Указав на каждого, каге представил нас этому Томэо, а потом наоборот:

— Тора Томэо, первый министр при дворе дайме, — торжественно сказал Хирузен.

Я приложил чудовищные усилия и все равно чудом удержался от того, чтобы не открыть рот от удивления. Ребятам мой подвиг повторить не удалось. Перед нами был, по сути дела, премьер-министр Страны Огня. Формально — третий человек в ней после Дайме и Хокаге. Как оно было на самом деле, я не знал.

Сановник сдержанно засмеялся, наблюдая за нашими обалдевшими лицами.

— Все нормально. Я привык к такой реакции.

Сарутоби тоже лукаво и добродушно улыбался. Хотя, судя по эмоциям, был сильно раздражен.

И все-таки дайте «Оскар» этому «доброму дедушке». А то он на Ди Каприо похож: столько ролей, а «Оскаров» — ни одного!

К моему шоку стали примешиваться подозрения. Не слишком ли ты благодушный, товарищ первый министр?

В моем прошлом богатые люди очень трепетно относились к родственникам, и за них, даже если те были сами виноваты, вполне мог огрести потерпевший или просто посторонний.

Подойдя ко мне, мужчина сделал короткий поклон:

— Благодарю за урок, который вы преподали моему нерадивому племяннику, и за спасение его жизни.

После чего он тихо, практически про себя, добавил:

— И не только ее.

— Это было честью для нас, Томэо-сама, — я глубоко, стараясь не выдать настроения, поклонился.

Пацаны тут же последовали моему примеру, а Сакура из поклона умудрялась поглядывать на Тору.

Но на этом наше общение не закончилось, сановник попросил нас проследовать за ним, открыв дверь в комнату, из которой к нам вышел.

Обстановку можно было описать одним словом — шик. Стол из темного дерева окружали подушки со спинками (дзабутон) и шелковыми сиденьями, а на нем самом лежали свежие фрукты и дорогие сладости. Наруто же заинтересовал поднос, на котором стоял чайник и ряды полных чашек с горячим чаем. Ароматный пар щекотал нос, но чихать от него не хотелось, как от курева Третьего, что и неудивительно. Чай тоже был экстра-класса.

— Присаживайтесь, угощайтесь, — широким жестом пригласил он нас за столик, сев напротив.

Дав нам пожевать и расслабиться, он сказал:

— Я уже многое слышал о вашей миссии и удивлен тем, насколько мало она походила на обычное сопровождение клиента и насколько — на историю о героях древности, — он, улыбнувшись, отпил из чашки.

Лесть достигла своей цели, и ребята залились краской от смущения. У меня появилось нехорошее предчувствие, что все это не просто так.

— Тора-сама, хоть ребята и хорошо себя показали, я бы не сказал, что мы проявили себя как древние герои, — почтительно сказал я. — Но нам действительно пришлось непросто из-за того, что миссия оказалось страшно далекой от своих первоначальных параметров.

Судя по эмоциям, первый министр немного насторожился. Впрочем, на его лице это никак не отразилось.

— Двор дайме весьма велик, при нем много талантливых людей, — сказал Томэо и, вполне искренне опечаленно вздохнув, добавил: — Но, к сожалению, при нем бывают и люди недалекие, недостаточно опытные и слишком куда-то спешащие, да и просто проходимцы. Мне искренне жаль, что договоренностями и работами относительно моста между Страной Огня и Страной Волн руководил не я, а правый министр Эю-теки Кои.

— Это печально, — продолжил министр после мхатовской паузы, дав нам оценить и запомнить имя виновного в той нестандартной миссии, — что недостаток внимания к этому проекту со стороны дайме и двора чуть не навлек на вас беды. Но, к счастью, само Небо явило нам свою милость, и все кончилось благополучно.

Не знаю, каких титанических усилий мне стоило удержать лицо. Премьер-министр Страны Огня только что указал на того, кто был виноват в нашей миссии со стороны двора дайме.

В особо великую благодарность за не особо нужного родственника я не верил. Значит, от нас сейчас что-то потребуют взамен.

— Умино-сан, — обратился ко мне первый министр, — вы не могли бы посвятить меня в некоторые детали ваших приключений?

Мне поплохело.

— Я бы с радостью рассказал вам все, что знаю, но мне неизвестен уровень вашего допуска, Тора-сама ... Наруто, пожалуйста, поставь это на место, — зашептал я, заметив, что Наруто крутит в руках поднос из-под чая, рискуя задеть выставленные в рядок чашки.

Тору мой пусть и вежливый, но почти отказ совершенно не побеспокоил, а выходка Наруто еще и развеселила.

— По договору между Конохой и дайме, — с улыбкой сказал он, — первый министр может знать все, кроме секретов S-ранга.

Вот же засада! И непонятно, что говорить и как выкручиваться.

Все дело в том, что секретность миссии оценивалась ее рангом, если не оговорено иное. Нашу миссию, в конце концов, оценили как ранг А плюс, но из-за договоренностей с Забузой и документов Хироки Гато ее засекретили как S-ранг. О чем я и сказал первому министру, добавив, что

был бы счастлив пролить свет на интересующие его вопросы, если это будет возможно без нарушения секретности.

Тора понимающе покивал, умело скрыв свое разочарование. Не будь я эмпатом — ничего бы не заметил. Да сколько же здесь потенциальных претендентов на «Оскар»? Не протолкнуться! Я чувствовал себя жалким неумехой на фоне Сандайме, а теперь — еще и первого министра. Это хорошо еще, что зритель в «театре Страны Волн» был невзыскательным. А то, боюсь, освистали бы меня... И закидали бы чем-нибудь острым и опасным.

— Но я надеюсь, что вы хотя бы сможете подтвердить мои догадки? — спросил Томэо.

— Конечно, Тора-сама, — с готовностью кивнул я.

Долги надо отдавать. А с учетом того, что первый министр раскрыл мне информации о том, кто курировал бардак в Стране Волн и нашу там миссию, то лучше отдать этот долг, раскрыв бесполезную, в общем-то, информацию, чем остаться должным этому Толстому Тигру.

— Мне очень жаль, что, как оказалось, люди, похитившие сына моего брата, работали на такого вроде бы достойного человека, как Хироки Гато.

— Это действительно печально, — согласился я.

И понял, что все внимание Тора сосредоточил на реакции детей. Видимо, его удовлетворило то, что было написано — крупными буквами и с ошибками — на лице Наруто, и без ошибок — на лице Сакуры. Саске же, как обычно, попытался сделать покер-фейс, и пусть у него это получалось еще не идеально, но это было хоть что-то.

— Я слышал версию, — медленно сказал Тора, став чем-то неуловимо похожим на напрягшегося перед прыжком хищника, — что похищение Юсуо было бы невозможно без людей из нашей страны. Не попадались вам информация о связях работорговцев или Гато с кем-то в Стране Огня, приближенным к двору дайме?

— К сожалению, не попадалась, — совершенно честно ответил я. — Единственная связь работорговцев со Страной Огня — через Хироки Гато. А его и Страны Огня — это мост, который Гато мешал строить. Ничего иного я не знаю.

— Хм... — задумался первый министр. После чего заговорил, внимательно отслеживая нашу реакцию: — Однако вы, как шиноби, вполне могли оценить уровень работорговцев и охраны Гато. Рассуждая чисто гипотетически, — сановник взял одну из чашек из-под носа Наруто, — могли бы они устроить заказное похищение? Например, неплохо охраняемого феодала из защищенного имения, неподалеку от Никко и двора дайме, затем насильно увезти его, умеющего пользоваться мечом и обладающего не самым мирным характером, через Страну Огня в Страну Волн?

Наруто довольно громко рассмеялся, Сакура задумалась, а Саске выдал свое коронное «пф».

Мне оставалось только подтвердить то, что и так стало понятно:

— Нет, Тора-сама. Работорговцы в Стране Волн ничего из себя не представляли. Мелкие сошки при Гато. Формально они ему не подчинялись, но были очень тесно с ним связаны и без его разрешения ничего серьезного не сделали бы. Пустое место. Они могли только держать безоружных людей в клетках. Не думаю, что они могли бы осуществить и организовать что-то подобное тому, что вы описали. Я не

знаю, как ваш племянник к ним попал, но они точно не сумели бы ни организовать его похищение, ни выкрасть его самостоятельно. Возможно, Гато смог бы организовать подобное, но мне сложно судить о том, насколько широки были его связи в Стране Огня.

Задав еще несколько вопросов об обстановке в Волнах и о том, как относятся ее жители к Стране Огня, Тадзуне и дайме Огня, первый министр внимательно выслушал мои ответы, а затем встал из-за стола.

— В благодарность за ваше служение интересам Страны Огня и за спасение моего племянника вы все заслуживаете премии, — сказал он, протянул двумя руками конверт, запечатанный красным сургучом, на котором стоял оттиск личной печати и в котором явно был чек. — Извините за причиненные неудобства.

И попал бы я впросак, если бы в голове не щелкнуло после «ритуального извинения дарителя» воспоминание, а мог ведь оскорбить министра, схватив бумажку одной рукой. Фух, хорошо хоть, вовремя вспомнил, как правильно нужно принимать такие дары. У нас ведь тут почти официальное мероприятие, так что надо соответствовать и вести себя как глава клана и взрослый человек.

— Благодарим вас, Тора-сама, — ответил я, с поклоном принимая дар.

Коротко и сдержанно попрощавшись, он вышел, оставив нас наедине с едой, — дожидаться Хокаге.

Когда Тора закрыл за собой дверь, я аккуратно вскрыл конверт, чтобы не повредить сургуч. Как оказалось, сумма на чеке была весьма приятная. Вместо того чтобы заплатить как за С-ранг, о чем Какаши договорился с его племянником, первый министр заплатил нам как за миссию А-ранга той же продолжительности.

Пока я любовался на чек, Узумаки, воровато глянув на дверь, достал небольшой свиток и, поддерживая ток чакры в печати, засыпал в него печенье с одного из подносов. По бокам от чайного сервиза стояли две внушительные кучки печенья, которые возвышались над остальными тарелками на высоту ладони взрослого человека.

— Наруто-бака! — тут же вскинулась на него девчонка.

— Я поделюсь, Сакура-чан — ослепительно улыбнулся мальчишка, — просто тебе некуда сложить эти вкусности.

Харуно побагровела и с перекошенной физиономией широким, богатырским размахом попыталась через Саске достать до Наруто. Я не сдержался и, дотянувшись, быстро отвесил ей подзатыльник:

— Хватит нас позорить! Сказать: «Наруто, не жадничай и оставь Хокаге печенья» можно было и без рукоприкладства, — зашипел я на нее. — А, кроме того, никто не запрещал нам взять угощение с собой.

Узумаки понял меня слишком буквально и последнее печенье вернул на тарелку, аккуратно положив его ровно посередине. Все остальные сладости он возвращать не стал — про них речи не было. Сакура скуксилась, будто собираясь расплакаться, но, заметив брезгливую гримасу Учихи, перестала пытаться выдавить из себя слезы.

Уже на улице я спросил:

— Наруто, а чем тебе этот поднос так приглянулся?

— На нем был символ Водоворота и печать необычная. А еще Рей-сенсей говорил, что серебро, золото, платину и фуин очень сложно совмещать. Такое только мастера из Водоворота делали, вот.

А печеньем Наруто потом со всеми честно поделился.

Пока Какаши где-то получал свою дозу адреналина, я решил устроить после миссии общую тренировку. Сейчас мы находились недалеко от Конохи, и слежки за нами не было: идеально для моей задумки. Тренировки всей командой можно было пересчитать по пальцам одной руки, запрет на них никто не отменял, потому приходилось выкручиваться.

Макуто пришел первым. Он уже размялся и теперь сидел на пне, методично затачивая колышки для растяжек.

— Будешь смотреть или участвовать? — спросил я.

— И то, и другое, — ответил он. — Сначала посмотрю на Сакуру.

После короткого спарринга пацанов я подозвал Саске:

— Саске, будешь комментировать их ошибки, так что активируй шаринган.

— Их? — подозрительно прищурилась Харуно. — А что буду делать я?

Наруто посмотрел на меня с легкой опаской и еле заметно покачал головой, будто говоря: «Не надо».

— Сакура, — я тяжело вздохнул, — а теперь подумай еще разок. Если Саске комментатор, кто остается? В этом бою ты против Наруто. Куртки можете повесить сюда, — добавил я, указав на деревья рядом.

Плечи Узумаки поникли, будто я его на казнь отправил.

— Я не хочу сражаться с Сакурой-чан, — тихо сказал он и отвел взгляд.

Харуно победно хмыкнула, точно уже победила.

Макуто перестал строгать палочку и поднял голову:

— Наруто, если ты не будешь драться с куноичи в полную силу, ты проиграешь настоящий бой. Я видел, как куноичи убивают. Они не слабее мужчин.

— Я знаю, — буркнул Наруто. — Просто...

— Просто ты жалеешь ее, — закончил Макуто. — А она тебя — нет.

Сакура вспыхнула и открыла рот, чтобы возразить, но Макуто уже вернулся к своему занятию, давая понять, что разговор окончен.

— Наруто, нет, — твердо проговорил я. — Это не просто бой, вы оба должны будете из него вынести урок. Какой — я скажу после тренировки. Теперь о правилах, их два: далеко не разбегаться. Бой останавливаю я. Начали.

Спарринг начался с атаки Харуно. Наруто так и не решился ее атаковать и только защищался, даже несколько раз чувствительно получив по ребрам. Это было похоже на избивание младенца, будто Наруто забыл все уроки Монтаро-сенсея.

Макуто, не отрываясь, следил за боем. Когда Наруто в очередной раз пропустил удар, он покачал головой, но ничего не сказал.

Пока Наруто держал оборону, Сакура быстро выдохлась, ее движения стали неточными, широкими и размашистыми. Что-то мне подсказывало, что у нее был правильный академический стиль, движения она выполняла четко, но без плавной текучести и легкости движений, характерной для опытных рукопашников. Скорее она была похожа на новичка-танцора, который только-только заучил новую схему и продолжает думать над своими движениями, временами притормаживая. Еще одной проблемой маленькой куноичи была ее сила, а точнее — ее отсутствие. Потому в ее голову пришла идея, что ей не хватает размаха, и в результате чем дальше, тем больше она походила на мельницу под сильным напором ветра. Кроме того, Харуно оглядывалась на Учиху, будто играла на публику, что тоже не шло ей в плюс.

— Наруто, хватит поддаваться! — рявкнул я. — Тебе еще не раз придется драться с куноичи. Соберись и дерись, как должен!

Из-за моего выкрика Наруто отвлекся и пропустил целую серию атак, а затем, раньше чем мальчик успел подумать, сработали рефлексy.

Следующая атака Харуно была заблокирована, а она сама получила сильнейший удар под дых, который легко прошел сквозь тонкий свитер, и закашлялась.

Сакура застыла, задыхаясь от боли и ярости, глядя на Наруто.

— С-сакура-чан? — встревожено и робко протянул к ней руку Наруто, похоже, не совсем понимая, что и как произошло.

Быстро подойдя к розовой, я несильно хлопнул Харуно между лопаток, чтобы она снова могла дышать. Меня этому Монтаро-сенсей научил. Я сам на тренировках не раз так же получал в «солнышко» и отлично понимал, какие у нее сейчас «чудесные» и незабываемые ощущения.

— Т-ты, — вызверилась девочка. — Тебе конец!

Наруто аж отпрыгнул от нее подальше, но нападения не последовало. Все еще держась за солнечное сплетение, девчонка выкрикивала угрозы, прожигая оппонента яростным взглядом.

Видя, что никаких действий Харуно не предпринимает и не собирается, я встал между Наруто и Сакурой, объявив:

— Бой окончен.

Мальчик и девочка недоуменно уставились на меня.

— Но почему? — хрипло спросила Сакура, тяжело дыша.

— Саске-кун, ты можешь ответить ей на этот вопрос?

— Да, — кивнул Саске, но ответил мне: — Сакура проиграла, она не могла дышать после удара. И дальше драться не сможет. Она уже устала, — в эмоциях Учихи промелькнуло явное презрение, — и тяжело дышит.

Ей хватило одного удара, чтобы проиграть. Саске явно подумал о ней что-то вроде «слабачка».

— Не мне, — покачал головой. — Ты рассказываешь ошибки ей. Повтори, пожалуйста, но уже Сакуре.

Саске недоуменно взглянул, но просьбу выполнил:

— Ты выдохлась. Тебе хватило одного удара, чтобы проиграть.

— А теперь, Саске, скажи, пожалуйста, Наруто, какие ошибки допустил он.

Смерив Наруто недоумевающим взглядом, Саске неторопливо сказал:

— Он допустил только одну ошибку, Ирука-сенсей, — когда мальчик моргнул, его глаза снова стали темными. — Он не дрался.

— Чего?! — раненым носорогом взвыл Наруто. — Возьми свои слова назад!

— Наруто, Саске прав, — сказал я, положив руку на плечо Узумаки.

Яростно зыркнув в сторону хмыкнувшего Саске и обиженно взглянув на меня, Наруто задумался.

Макуто подошел ближе и встал рядом с Наруто.

— Я тоже раньше не бил девочек, — сказал он. — Потом одна меня чуть не убила. С тех пор бью. Дерется — значит, враг.

Сакура, все еще державшаяся за живот, зло зыркнула на него, но промолчала.

— Советую подумать над тем, как исправиться. Скоро стемнеет, так что задерживать вас я не буду, деньги заберете завтра. Да, и о том, как можно исправить ситуацию, Сакура расскажет всем завтра.

— Почему только я?!

— И Наруто тоже, — добавил я.

Попрошавшись, мы разошлись: Саске припустил по веткам, покрытым вытоптанном снегом, в Коноху, так что Сакура опомниться не успела, а его уже след простыл. Обернувшись к нам, она на миг задумалась, а потом поджала губы и побежала догонять своего принца. Одной-то под вечер страшно. На всякий случай отправил следом за ней клона, чтобы тот проследил, а то еще потеряется, а мне потом отвечать. Отчет о миссии сдам сам, деньги им на следующий день вручу. Не в первый раз уже так.

Макуто задержался.

— Пойдешь с нами? — спросил я.

— Да. Нужно забрать кое-что в Ичираку. Теучи оставил мне ключ от кладовой.

— Ты теперь и за кладовую отвечаешь?

— Иногда, — он чуть заметно улыбнулся. — Когда Теучи ленится.

Уже дома я снова поднял тему о сегодняшнем спарринге после миссии и получил неожиданное откровение.

Оказалось, что Наруто проигрывал все бои, в которых его ставили против девочек, потому что не хотел их обижать.

— Все?!

— Они же слабые, — оправдывался Наруто, в перерывах между уничтожением печенья, стараясь не смотреть на мне.

— Сексист малолетний, — проговорил по-русски и схватился за голову, которой мне хотелось постучаться об стол или стену.

И ведь вроде не дурак Наруто, но кривое, с дикими пробелами, воспитание временами настолько искажает его логику, что просто диву даешься. Ну как?! Как можно делать такие глупости?!

— Макуто тебе сегодня правильно сказал, — продолжил я уже вслух. — Если противник дерется, неважно, какого он пола.

— Он говорил, что его чуть не убили, — тихо сказал Наруто. — Это правда?

— Правда. Спроси у него сам, если захочешь. Он расскажет.

А против мальчиков из кланов шиноби у Наруто не было шанса, поэтому вскоре он прослыл ни на что не годным слабаком. Подготовка в Академии для вип-детей, насколько я успел понять, была достаточно широкой и не акцентировалась только на техниках или тайдзютсу. Так что неудивительно, что Сакура и Наруто вынесли оттуда не так уж и много практических навыков.

— Хотел, как лучше, а вышло, как всегда, — сдавленно вздохнув, прокомментировал я. — Ты пойми, что в бою без разницы, какого пола твой противник. Не вздумай поддаваться. Никогда. Враг не оценит. Если в настоящем бою с куноичи ты будешь вести себя так же, то ты умрешь. Или я, пытаюсь тебя спасти.

Судя по расширившимся глазам Наруто и его эмоциям, его наконец-то проняло.

Мальчик серьезно покивал, и я решился сказать пару слов о Харуно:

— Знаешь, ты Сакуре медвежью услугу делаешь, поддаваясь ей каждый раз.

— Что значит: медвежья услуга?

— Услуга, которая превращается в беду для того, кому ее оказали.

— А почему медвежья? Расскажешь?

— Тему не переводим, — сказал я, укоризненно покачав пальцем перед любопытным носом. — Расскажу вместо сказки.

— Ладно, — изобразив вселенскую тоску, вздохнул мелкий. И я его прекрасно понимал: вместо сказки получить объяснение фразеологизма — это обидно.

— Вернемся к нашим баранам, — эту фразу я объяснил уже давно, — Сакура необъективно судит о своих возможностях и подвергает себя неоправданному риску.

Не уверен, но вроде бы Наруто меня понял и обещал в спаррингах девочке не поддаваться. Благо от пинков и тычков он давно научился уворачиваться, но лучше бы сразу давал сдачи. Можно даже авансом.

Однако поговорить о тренировочном бое со всей командой нам так и не удалось, потому что вернулся Хатаке. Пришлось следовать указаниям Собакина и снова под него подстраиваться. Под его опоздания. Под его попытки угодить заказчикам, щедро одаривая их бесплатным генинским трудом, под случайный выбор миссий и тому подобное. В общем, все как раньше. Мы тратим на миссии больше времени и нервов и получаем меньше денег. Единственное, что во всем этом меня порадовало — так это его взгляд, эмоции и выражение лица после того, как я вручил ему чек, на котором осталось двадцать процентов от суммы, которую нам вручил премьер, и пояснил, откуда они взялись. Судя по всему, он очень ждал этой встречи. Но, как говорится, кто не успел, тот опоздал. Как я узнал от всезнающего Маугли, первый министр и так был разочарован тем, что ему удалось встретиться с нами только со второго раза. В первый раз Какаши все еще был на миссии, а я как раз «очень вовремя» слег с отравлением. Интересно, это совпадение или нет?

А конверт я зажал себе — потом дома повешу в рамочку.

На этот раз Анко пришла в наглухо застегнутом плаще и шарфике, который я подарил, ей только фетровой шляпы и темных очков с газетой не хватало, чтобы быть похожей на стереотипного детектива из кино.

— Куда идем? — улыбнулся я и наклонился, чтобы получить поцелуй.

— В гости, — промурлыкала Анко, пристраиваясь сбоку.

— К кому? — недоуменно переспросил я, встав как вкопанный, а потом до меня дошло: — А-а! Ко мне в гости!

Удостоверившись, что дома никого, я оставил клона под дверь и увлек девушку в квартиру. От предвкушения по коже мурашки, голова кругом, словно все в первый раз... И уже не важно ничего, кроме открывшихся глазу приятных округлостей. Несмотря на то, что Анко часто бывала на заданиях за пределами Деревни, на ней почти не было шрамов, а те, что были, сливались с молочно-бежевым атласом ее кожи.

— А ты раздеваться не будешь? — насмешливо, но совсем не обидно сказала она, когда я возился с замком жилета, но, встретившись со мной взглядом, осеклась и отгородилась от меня большой диванной подушкой.

— Буду, — облизав губы, я сдернул водолазку и бросил не глядя вместе с отобранной подушкой. Я не обратил внимания на звон, только потому что передо мной была та, о ком я грезил каждую ночь. Не чужое воспоминание, которое исчезнет с рассветом, а настоящая Анко.

На миг я остановился, залюбовавшись ею: совершенство плавных чувственных изгибов нарушали только следы от кружевного белья. Эти чуть покрасневшие полосы хотелось стереть с нежной кожи, бережно разгладить и, чем черт не шутит, лизнуть.

Брезгливость еще что-то пыталась пикнуть, но я, не слушая, покрыл поцелуями линию от родинки на плоском животике до ложбинки ее

высокой груди. От первого касания губ Анко удивленно охнула и попыталась оттолкнуть меня холодными лапками, зачем-то пихая меня в лоб.

Обиженно засопев, я стреб ее в объятья, целую нежную шейку и зализывая засосы, за которые позже, скорее всего, мне будет стыдно. Будь это не первый раз с ней, возможно, я бы остановился, но у меня уже отказали тормоза. Во сне я целовал Анко только в губы и никуда больше и теперь хотел наверстать упущенное. Со стоном Анко выгнулась, но я успел заметить и ее мутный-ошарашенный взгляд, и закушенные губы. Изящные пальчики обожгли холодом плечи и шею, как ледышка, попавшая за шиворот. Я даже невольно зубами застучал, а она рывком прижалась ко мне всем телом, жадно целуя в губы.

Уставший и довольный после второго захода, я почти засыпал, когда услышал:

— Давай я сделаю тебе массаж, — ни с того ни с сего предложила Анко, а я, пожав плечами, согласился и перевернулся на живот.

Девушка мастерски размяла мне плечи, шею и спину, а меня так развезло, что я не заметил, как уснул. Когда же я разлепил глаза, она копалась в моих волосах на затылке, как это делают обезьяны, выискивая друг у друга блох.

— Эм, вшей у меня нет, — как бы невзначай заметил я, шурясь спросонья и балдея от почесываний.

— Что?! — оторопела девушка и тут же возмущенно добавила: — Я тебе волосы распутываю, — и в доказательство провела по ним пальцами, как гребнем.

— Расческой удобнее, — высказал я очевидную мысль, но, сладко зевнув, разрешил: — Но ты продолжай, мне нравится.

— Сейчас, — хихикнув, потянулась она к столу, на котором были свалены шмотки, и застыла пораженно охнув.

Оторвавшись от дивана, привстал на руках, чтобы окинуть взглядом натюрморт из перевернувшегося кувшина с компотом и наших нарядов. Тяжко вздохнув, я уже мысленно представил, как печально мы с Анко расстаемся. Она одета в мою форму, я передаю ее вещи, сложенные в пакет... и тут в голову пришла гениальная идея!

— Раз тебе не в чем уйти, — я рухнул обратно и перевернулся на спину, радостно лыбясь, — может, останешься на ночь?

Анко недоуменно поморгала и переспросила:

— «Останешься на ночь»?

Я рьяно покивал и подложил руки на белые бедра.

— Да, — ерзая на моем животе, томно промурлыкала она, несильно сжимая коленями бока.

Идиллию нарушил возглас дубля:

— Босс! Скоро Наруто придет!

С неохотой я создал еще одну тeneвую копию. Тот должен был прибраться в гостиной после нас, второй — в спальне. Там я свитки раскидал и книжки, которые еще не дочитал, на одной половине кровати спал я, а на второй — моя библиотека.

Наруто пришел позже обычного, еле слышно и устало крикнул, что он дома, и тут же пошел на кухню. А у меня особо громко и гнусно заурчало в животе.

Так я понял, что хочу есть. Хотя нет, есть я хотел, наверное, час назад, просто не замечал этого, упиваясь близостью с красавицей-Анко под боком. Теперь же я зверски хотел жрать!

Тихо выпутавшись из-под одеяла и стараясь не разбудить ее, я наскоро оделся и прокрался на кухню.

Наруто, ничего не замечая, копался в холодильнике. Он так сильно вымотался, что никак не мог выбрать что схватить первым.

— Возьми мясо и рис. На двоих как раз хватит.

Мелкий улыбнулся, выгребая названную еду, а потом достал еще коробку с яйцами.

— И яичницу!

— Хорошо, давай, — я потянулся за коробкой и вполголоса заметил: — Все спят, а мы ночью жрем. Эх... вредно это.

— Если очень хочется, то не вредно!

— Не так, — я помотал головой, — “если нельзя, но очень хочется, то можно”.

Пока я стоял у плиты, узнал у Наруто, чего он такой замученный и отчего он так поздно вернулся.

Оказалось, что, долго просидев со сложными новыми печатями у Рея, они оба устали и уже хотели было расходиться, когда по каким-то неизвестным причинам вышло из строя несколько крупных комплексных печатей в госпитале, без которых его функционирование и безопасность были под угрозой. Сенсей обвинял во всем чьи-то кривые руки, но виновника то ли не нашли, то ли вовсе не искали. Пришлось спасать ситуацию. Разумеется, Наруто вызвался помочь учителю. Они кое-как залатали брешь, но...

— Окончательно привести все в порядок мы сможем только завтра. Ой! — поторопившись, Наруто обжегся о поставленную на стол сковородку. — А у тебя что нового?

— Ничего, кроме Анко в моей спальне, — похвалился я, гордо скалясь. Больше-то некому рассказать, а похвастать хотелось ужасно!

Мальчик покраснел как помидор и заикаясь попытался что-то сказать:

— А вы... а ну, то есть... пара?

Наруто заалел еще сильнее и, замолкнув, стал быстро жевать, глядя куда-то мимо меня.

— Да, мы с ней вместе, — улыбнулся я еще шире. — Ну, что ты так покраснел? — я засмеялся. — Все нормально. И еще, чтобы не смущать Анко, не заходи без стука, ладно?

— Ага... Конечно! Датте... — сам исправился Узумаки. — Угу.

Судя по его эмоциям, он был в полном раздрае и не знал, что и думать.

— Ну и молодец, братишка, — потрепал я его по желтому ежику и забрал грязную посуду.

Я бы мог и по-местному называть Узумаки младшим братом, но меня это «отоуто» раздражало. Это отоуто звучит почти как ути-пути. Нафиг!

— Иру-у-ука... — задумчиво и одновременно просительно протянул Наруто, улыбаясь. — А ты мне историю на ночь расскажешь?

— Конечно расскажу, я же не занят.

Запихав печенье в рот, Наруто пулей рванул в ванную, а потом так же быстро, но тихо — к себе.

Как примерный школьник на уроке, мелкий ждал, сложив руки на одеяле, но нетерпеливо раскачивался и заглядывая в блокнот с записями. Чтобы не запутаться, я делал пометки о том, какие истории уже рассказал.

— Эта история называется «Дайме-аист», — подменил я «халифа» близким по значению словом. — Достались ему в наследство оазис в пустыне, который был его страной, очень спокойные подданные и целая куча толковых сановников.

— В Стране Ветра? А сановник, как Тора?

— Возможно. Да, как Тора, — согласился я. — Они мудро правили, пока их дайме изнывал от скуки. Он мечтал, смешно сказать, о свободе. Хотел стать аистом и уметь говорить с птицами.

И вот однажды в сад Халифа пробрался наглый, грязный и вонючий вор-браконьер, чтобы изловить редких зверей.

— Халифа? Это так дайме звали?

Учить Наруто русскому я не прекращал, так что выговаривать букву ”Л” он уже научился, хотя произношение у него было пока еще ужасным, а словарный запас — небольшим.

Я чуть подвис от внезапного и сильного «укола» удивления, но быстро сориентировался:

— Да. Халиф приказал поймать вора и привести к нему. Но вор был немой и ничего сказать не мог. Тогда его обыскали, и в вещах нашли странный порошок в маленькой шкатулке, от которого у людей на миг менялась внешность, а в самой коробочке — листок с непонятными письменами.

— Порошок-хенге! Вот здорово! А листок — это инструкция?

— Решил Халиф, — кивнул я в ответ на догадку мальчика, — что порошок волшебный, и пообещал мешок золота в награду тому, кто переведет для него этот листок. Многие пытались, но язык этот никому не был известен. И когда все отчаялись, появился незнакомец, неуловимо похожий на того

вора, но чистый и богато одетый, а потому никто не посмел сказать о своих догадках.

Этот незнакомец перевел загадочные письма так: «Кто понюхает порошок из этой коробки и при этом произнесет волшебное слово «му-та-бор», тот сможет превратиться в любого зверя, а также будет понимать язык зверей. Когда же он захочет снова принять человеческий облик, пусть произнесет то же слово; однако, будучи превращенным, остерегись смеяться, иначе волшебное слово навсегда исчезнет у тебя из памяти, и ты останешься зверем до конца своих дней»...

— А почему фея-саламандра отказалась выйти за него замуж? — спросил в конце Наруто. — Халиф, наверное, не стал бы ей мешать спасать других.

— Кто знает, почему, — пожал я плечами и потушил свет в комнате, — может, он страшный был.

— Кто?

— Халиф-аист. Спокойной ночи, — сказал я и, услышав то же самое в ответ, закрыл дверь.

В спальне я осторожно забрался под одеяло и обнял спящую девушку, зарывшись лицом в густые мягкие волосы, от которых все еще пахло моим шампунем. Но уже через минуту пришлось лечь повыше, сопеть Анко в затылок стало душно и тепло от дыхания, а жару я не любил.

Так как следующий день был у Анко выходным, я решил ее не будить, пока сама не проснется. Но дожидаться этого момента мне не удалось, потому что Наруто поскребся в дверь. Нам пора было собираться на работу.

— Опять D-ранговая ерунда будет, — жаловался Наруто, ковыряясь в тарелке. — В Стране Волн круто было. А с Инари весело.

— Я бы не сказал, что там было круто, — покачал я головой. — А с Инари, ты сам знаешь, если Цунами-сан не передумает, то он приедет к следующему учебному году.

— Угу.

— Придумал уже, что ему покажешь из достопримечательностей? Только не говори, что сразу в Ичираку-рамен его поведешь, — посмеялся я.

— Привет, — почему-то осторожничая, на кухню заглянула Анко.

Наруто что-то буркнул про «я собираться» и протиснулся мимо нее.

— Привет, есть будешь?

Грибы с картошкой девушка ела палочками, рассматривая блюдо, как какую-то диковинку, но ничего по этому поводу не сказала, зато поинтересовалась, откуда коврик у нас под ногами.

— Я раньше этого ковра тут не видела.

— Ирука его спер у Гато, — ехидно пропел Узумаки, высунув нос из зала.

— Мог бы для приличия соврать, — деланно расстроился я, убирая со стола под недоуменный взгляд Митараша.

А Наруто будто какая-то муха укусила:

— И карту мира, и патефон упер. На работе ты не гость...

— Кх, — кашлянув, перебил я и с укором взглянул на мальчишку, намекая что это лишнее, — ты все собрал? А проверил?

И только после этого, похихикивая и держась за живот, Наруто ушел.

— Он тебя не раздражает? — вдруг спросила девушка.

— А должен? — отвернувшись к раковине, спросил я с улыбкой. — Нет. Наруто меня не раздражает. Можно сказать, что я сам пригласил его жить со мной. И не пожалел об этом.

— Ты серьезно?

— Вполне. Не зная элементарных вещей, жить совсем непросто. Я бы даже свою квартиру самостоятельно не нашел. Без него мне бы было намного сложнее освоиться, и это заняло бы больше времени. Ведь я не помнил... — я задумался. — Да много чего не помнил. И не было рядом никого, кто бы рвался мне помочь. Никого, кроме Наруто.

В отражении начищенной до блеска сковородки отразилась моментально покрасневшая Анко.

— Я бы обязательно помогла, — пряча глаза, виновато сказала девушка, — но я была на миссии. Я не знала, — она осторожно посмотрела и тут же отвела взгляд. — Я ничего не знала.

— Можно? — дождавшись кивка, я забрал пустую тарелку из-под носа Анко и передал клону. Потом легко отмахнулся: — Да все нормально, правда. Я сам во всем виноват.

Как несчастный неприкаянный призрак, который не может найти себе места, она встала из-за стола и замерла около дверей, не зная, куда деть себя в небольшой кухне, чтобы не мешать мне и клону. Кинув дублю полотенце, я прикрыл дверь и обнял оторопевшую девушку.

— А тебя я ни в чем не виню, — медленно проговорил я ей на ушко и почувствовал, как, отмерев, Анко прильнула ко мне. Идиллия длилась ровно до тех пор, пока я не почувствовал ее пальцы у себя под майкой.

Я ж наивный, думал меня лапать будут. Угу, счаз!

Дернувшись, отскочил от девушки и, столкнувшись спинами с клоном, свалился на пол с перекошенным лицом.

— Зачем? — как я ни пытался скрыть настоящие эмоции, а все равно получилось по-детски обижено.

— Опоздаем, достанутся самые... — приоткрыл Наруто дверь и, моментально нахмурившись, глянул на девушку, так и не закончив фразу.

Чтобы не обострять ситуацию, я солгал, сказав, что просто оступился из-за дубля.

Когда мы уходили, все вместе, Анко была странно задумчива, даже попрощалась как-то рассеянно. А я сделал в памяти пометку: «Взять с Анко обещание никогда больше меня не щекотать».

— Она тебя ударила? — вдруг спросил Наруто.

— Нет, — я помотал головой, — щекотать начала.

— Щекотать? Это же приятно.

— Не всем. Некоторым, как, например, мне, так неприятно, что даже больно. Я тебе уже об этом говорил. Некоторые люди, например, начинают нервно хихикать...

— А я забыл.

— Ну, вот, — я рассмеялся, — теперь и у тебя провалы в памяти. Я на тебя плохо влияю.

А на следующий день появился угрюмый Хатаке и осчастливил новостью, что через пару дней он снова отправится на длительную миссию.

Немного порадовавшись, я задумался о том, какую все-таки безразмерную наглость проявляет Чучело, в открытую забивая на свою команду. Похоже, он уверен, что бы он ни делал, ему все сойдет с рук. И для меня это плохая новость.

Из башни нас снова послали на склад, но стоило только закончить, как я заметил Морио. Конечно, помахал, что вижу его, и снова взялся за коробки, но Маугли не спешил уходить. Предчувствуя неприятности, я

подошел и оказался прав в своих подозрениях. Меня снова хотел видеть Данзо.

“Ну что ему еще нужно?!” — мысленно вопрошал я, теряясь в догадках. Нервируют меня такие вызовы от начальства. Неужели что-то очень страшное было в документах? Все, что отдал Данзо, я прочитал. Вроде интересно, конечно, но ничего такого суперсрочного и страшного там быть не должно.

В этот раз к кабинету мы вышли из лаза прямо за складом, который начинался под плиткой около заброшенного колодца. Сама шахта колодца была из камня, но не круглая, а квадратная, сложенная, словно пазл, из восьми крупных, ровно обтесанных фрагментов-валунов. Синий навес с массивной черепичной крышей еще стоял, но опоры облезли, показав старую, изъеденную насекомыми, древесину, а веревки и ведра нигде не было видно, хотя ржавые кольца все еще оставались на месте.

— Ксо, это не серьезно! — возмутился я, спустившись под землю. — Тут прямо видно, что плиту часто двигают и трава под ней примята! Колодец доверху мусором забит! Конспирация дерьмовая!

Морио вкопался так внезапно, что я чуть нос о его спину не сломал. А потом он заржал, как конь.

— Что ты ржешь?

— Ты невозможный зануда! — и опять гоготать.

Причем он так заразительно хохотал, что к Шимуре я зашел чуть ли не с улыбкой, как у Наруто. Благо вовремя опомнился и соорудил серьезную рожу.

— Данзо-сама, вы звали?

Как и в прошлый раз, Леший начал без приветствия:

— Да. Присланные тобой бумаги были очень важны. Благодаря им у наших «коллег» из Облака очень скоро возникнут большие проблемы. Для некоторых, надеюсь, несовместимые с жизнью. В следующий раз не забывай о таких вещах. Твои находки окончательно убедили меня в том, что тебе можно доверить следующее задание, — подвел итоги Данзо.

— Смотри, — поманил он меня рукой к карте на стене, — что ты знаешь об Ива но Каиган?

Это название — Каменистое побережье — звучало так знакомо, будто я знал об этом месте.

— Если не ошибаюсь, — я нахмурился, силясь вспомнить все, — то это пограничный пункт между Водоворотом и Страной Огня и место, где когда-то проживал мой клан.

— Верно. Возможно, ты уже знаешь, что твой клан проживал там долгие годы не просто так.

На большой протяженности восточного побережья Страны Огня немного бухт, пригодных для стоянки кораблей, зато много скал, рифов и небольших каменистых заливов, где легко спрятаться пиратам. После того, как Водоворот и твой клан погибли во второй Мировой войне шиноби, когда-то оживленный торговый маршрут пришел в запустение. Сейчас там даже пиратов почти не осталось — им некого и нечего грабить,

— Леший закончил говорить и пронзительно посмотрел на меня. — Не догадываешься, к чему я веду?

— Нет, Данзо-сама.

— Недавно на связь с нами вышел Сакана Куро по просьбе уже знакомого тебе Юкайю Шина и предложил восстановить этот торговый маршрут.

“Все еще не понимаю, чего тебе и твоей черной рыбе, Леший, от меня надо”.

— Извините, Данзо-сама, но я все еще не понимаю, какое отношение это имеет ко мне, — я почтительно озвучил слегка отредактированную мысль.

— Все просто, — так же ровно сказал Шимура. — Сейчас на месте уничтоженного поселения твоего клана находится аванпост шиноби Конохи под контролем Корня.

Я покивал, но спрашивать ничего не стал, ожидая продолжения.

— Если ты это еще не вспомнил, то напоминаю. Твой отец, Кохаку-сан, сдал нам эти земли в аренду до тех пор, пока клан Умино не восстановится достаточно, чтобы самому контролировать побережье. Но теперь нам предстоит строительство порта, складов, верфей, прокладка новых дорог. И все это требует согласования с владельцем этих земель, то есть с тобой.

— То есть вам нужно, чтобы я подписал разрешение на строительство?

— Не только. В последнее время у нас постоянные трения с представителями дайме на местах и местными феодалами. Поэтому нужен

ты, чтобы договориться с ними и поставить на место всех несогласных. Или ликвидировать — если понадобится. Просто поставить одну подпись недостаточно, — подытожил одноглазый.

— Данзо-сама, а в чем суть их недовольства и чем они могут быть опасны?

— Они недовольны тем, что не могут разделить между собой земли твоего клана, — все так же монотонно пояснил Леший. — Они считают, что твоего клана больше нет и Коноха узурпировала не принадлежащие ей земли. Они не представляют никакой опасности как реальная военная сила, но периодически шлют жалобы на пустующие земли и на то, что клан Умино никак не выполняет свои обязательства перед дайме, потому как вымер.

Отжать у меня земли решили, ур-роды?!

— Как бы они сами не вымерли, — злобно процедил я, не уследив за языком.

Судя по эмоциям, старого убийцу моя реакция слегка порадовала, будто он ждал, что меня это разозлит.

— После гибели Водоворота и большей части клана Умино твои предки решили, что в ближайшее время они не смогут нести службу, за которую дайме пожаловал им земли и привилегии. Они передали контроль над обезлюдевшей и больше не приносившей доходов территорией нашей организации. Сейчас этим пытаются воспользоваться феодалы, убеждая двор дайме, что земли клана Умино надо конфисковать и разделить между ними.

Сам понимаешь, — усмехнулся Леший краем губ, — в твоих интересах не допустить того, чтобы наследие клана досталось кому-то еще.

— Данзо-сама, — обратился я к главе Корня, разрываясь между страхом перед незнакомым заданием, жадностью и злостью на чинуш-захватчиков, — вы сказали, что там будет проложен торговый маршрут.

Молчаливый кивок.

— На какой-то процент от доходов я могу рассчитывать?

— Посмотрим по твоей работе, — лицо главы Корня исказила кривая, едва заметная усмешка. — Но если у тебя все получится, то ты будешь получать пять процентов от чистой прибыли в год. Со временем это будут очень большие деньги, так что постарайся.

— Так мало?! — вырвалось у меня, но я тут же опомнился: — Прощу прощения, Данзо-сама...

— Лучший из клана Кедоин не смог бы изобразить твою жадность, — едва заметно улыбнулся Леший.

Мысленно я процедил: “Я очень-очень «рад», что вас это веселит”.

Видимо, что-то такое отобразилось на моем лице, потому что Данзо усмехнулся шире и даже позволил себе коротко посмеяться. Я на это смотрел широко открытыми глазами.

— Выступаешь через десять дней, — снова стал он привычно серьезен. — Возьми у Хокаге отпуск на два месяца. Через неделю получишь

дополнительные инструкции. Пойдешь вместе с отрядом, направляющимся туда же для усиления гарнизона. Вопросы?

В голове пронеслось их тысячи, но задал я всего один:

— Данзо-сама, могу ли я взять с собой на эту миссию Узумаки Наруто?

Кажется, я смог удивить главу Корня. Об этом я догадался по выразительному взгляду Лешего и заминке перед вопросом:

— Зачем он тебе?

— Опасаюсь оставлять его без присмотра.

— Боишься потерять повышение? — впилося в меня глазом начальство.

— Да, Данзо-сама. И опасаюсь потерять репутацию из-за смертельных для гениев пробелов в образовании. Если что-то случится с ними на миссии, то виноватым буду я, а не Хатаке, хотя именно он их не учил и мне запретил. Не сомневаюсь, что меня ждать Какаши не станет и попретя на очередную миссию, переходящую из С в А-ранг. В прошлый раз я смог спасти ситуацию, а в этот раз меня не будет.

Это, конечно, далеко не вся правда, но и не вранье, которое старый шиноби мог бы почуять. Я почему-то понял, что вот такая псевдооткровенность со страшным стариком — самая правильная стратегия. Уверенность в этом мне явно досталась от Ируки.

Данзо задумался, хмуро всматриваясь в мое лицо.

— Твои опасения понятны. Надеюсь, ты не собираешься брать с собой обоих? — на мой немой вопрос он пояснил: — Саске.

— Нет, Данзо-сама. Это было бы непозволительной наглостью.

Кто же мне позволит-то?!

И словно в подтверждение моих мыслей, хмыкнув, заговорил Леший:

— Это хорошо. Потому что подобное тебе бы никто не разрешил. Даже твое влияние на джинчурики начинает некоторых беспокоить. Если они увидят, что ты можешь повлиять и на последнего Учиху, то проблем будет не избежать.

— Я это понимаю, Данзо-сама.

— Хорошо, — благосклонно кивнул Леший. — Я подумаю над твоими словами, можешь идти. Мое решение тебе передадут.

По дороге вверх я спросил у Маугли о своей малой родине.

— О, там как через месяц-другой начнется жара, как здесь летом, — мечтательно улыбнулся друг Ируки. — Я б тоже туда рванул встречать весну. А ты что-то вспомнил?

— Не, меня Данзо туда послал.

— А, ну да, — легкомысленно отозвался шиноби, — точно. Ты же Умино.

На свидание с Анко я безнадежно опоздал, ее не было около кинотеатра. На втором месте встречи, у ее дома, она тоже не появилась. В такие моменты жалеешь об отсутствии мобильных. Уже оказавшись в квартире, я тихо прошел в гостиную и, рухнув там на диван, уставился в потолок. Мои появление, разумеется, не осталось незамеченным.

В ответ на традиционное «я дома» (Наруто настоял, чтобы быть как все), услышал два голоса:

— С возвращением!

Когда я сел, из кухни вылетел Наруто, а следом вышла Митараши. Мелкий был не сильно рад компании и сразу метнулся поближе ко мне, а девушка, чмокнув меня в нос, облокотилась на спинку дивана.

— Анко? А что ты тут делаешь?

Оказалось, Митараши обманом заставила Узумаки ее пустить, сказав, что забыла что-то вчера. А потом заявила, что намерена меня дождаться, так как я мог спрятать ее вещь.

Несмотря на то, что гостя была незваной, Наруто угостил ее чаем и печеньем, прежде чем попытался ее выпроводить. Первое ему удалось, а вот второе — нет.

— Нагло, — с укором протянул я, стряхнув с ее шарфа мелкие крошки.

— Не наглее, чем не прийти на свидание, — парировала девушка.

Тут-то я и вспомнил, из-за чего задержался. Сложив три печати, активировал барьер против прослушки. Удивил этим обоих.

— На счет причины: меня посылают на Ива но Каиган, это на побережье Страны Огня.

— Как долго? — насторожилась Анко.

— А я? — переполошился мелкий.

— Стоп, — я выставил руки. — Давайте по порядку.

После подробного, но короткого рассказа о том, что мне предстоит, счастливый Наруто вприпрыжку отправился собирать вещи, а вот девушка явно была не в духе и напряженно что-то обдумывала. Придвинувшись к ней, я приобнял ее за талию.

— У меня есть еще неделя.

— А после ждать тебя два месяца? — она взглянула с сомнением и вдруг сказала: — Я пойду с тобой!

Пока я ошарашено хлопал глазами, Анко, смутившись, пояснила:

— В ближайшее время у меня нет заданий за пределами Конохи. А работы у Ибики так мало... — к концу фразы энтузиазм практически сошел на нет, и она как-то неуверенно закончила: — Что моей пропажи никто не заметит.

Сделав вид, что крепко задумался, я сказал:

— Не уверен, что за два месяца тебя не хватятся, — и, пока девушка окончательно не скисла, добавил, перестав сдерживать улыбку: — Все же возьми отпуск!

Когда за ней закрылась дверь, я все еще чувствовал вкус ее губ. Не помады, а именно губ, потому что Анко ею не пользовалась, да и вообще косметики на ней я не видел даже во снах-воспоминаниях.

— Она с нами пойдет?! — переспросил Наруто.

Я рьяно закивал, а мелкий совсем по-взрослому скептически осмотрел меня и тихо вздохнул.

Я хотел было взъерошить ему волосы, но он увернулся со словами:

— Не-а. Ты руки не помыл после улицы, — и язык показал, довольный собою.

Поначалу, когда мальчишка только вселился, временами было трудно заставить его мыть руки, чистить зубы дважды в день и вообще держать себя в чистоте. В ход даже пошли уговоры в стиле: "Вот сидишь ты в засаде, а от тебя потом разит. Тебя по запаху без следопытов обнаружат!"

В итоге Наруто постепенно становился чистюлей номер два — после меня. Хотя порой прежние привычки еще было видно.

На следующий день Макуто зашел в Ичираку попрощаться — Ода-сенсей назначил ему дополнительную тренировку перед долгим отсутствием. Я как раз завтракал, и он подсел ко мне.

— Слышал, вы идете на Каменистый берег, — сказал он. — Я хочу пойти с вами.

Я отложил палочки.

— Ты уверен? Это два месяца. Дорога нелегкая. И это не миссия — я не смогу тебе заплатить.

— Мне не нужны деньги. Мне нужно увидеть побережье. Там жили мои предки, — он помолчал. — Фаруды были вассалами Узумаки. Возможно, я найду что-то о своем клане.

Я задумался. С одной стороны, тащить с собой еще одного человека — дополнительная ответственность. С другой — Макуто не был обузой. Он был полезен, самостоятелен и умел держать язык за зубами.

— Хорошо, — сказал я. — Но сначала нужно решить вопрос с Третьим. Я попробую оформить тебя как второго ассистента на время похода.

— Спасибо, — он кивнул и поднялся. — Я сегодня зайду к Оде, предупрежу, что меня не будет два месяца.

Я написал Третьему о том, что собираюсь покинуть Коноху на два месяца по делам клана, Анко черкнула своему начальству заявление на отпуск на тот же период. А затем я помог сочинить просьбу о тренировочном походе с младшим ассистентом седьмой команды Ирукой-сенсеем от имени Наруто.

У меня были большие сомнения, что Третий возьмет и так просто отправит со мной джинчурики. Нужна была очень веская причина. И лучше не одна. Немного подумав, я понял, что надо делать.

Активировав технику защиты от наблюдения, я дал Наруто два листа.

— Прочти это внимательно.

— Ага, — кивнул Наруто и серьезно насупился, читая текст.

Первый лист был черновиком и на обороте красовались только два предложения: "Этот доклад нужен, чтобы тебя отпустили со мной в Ива но Каиган. Если тебя вызовет к себе Третий, подыграй мне, хорошо?"

Узумаки кивнул и взялся за чистовик, который вскоре должен был оказаться у Хирузена.

Чем меньше иероглифов оставалось до края листа, тем больше глаза Наруто увеличивались в размерах.

— А? Э-э-э? Это действительно надо?

— Надо, — буркнул я.

Если коротко, там был длинный список элементарнейших навыков, которыми должен владеть каждый шиноби и которыми Наруто не владел или якобы не владел. Вторых, к его чести, было значительно больше.

В конце доклада было резюме о том, что Наруто Узумаки не сможет ни замаскироваться под гражданского, ни даже найти самостоятельно дорогу в Коноху, если из-за ошибок Хатаке-сана седьмая команда будет уничтожена, а джинчурики уцелеет.

— Даже немного обидно, — тихо сказал мальчик.

— Так нужно сказать.

Наруто нехотя согласился и даже вроде бы задумался.

Подтянув к себе большой поднос, Наруто сконцентрировал чакру огня на пальцах.

Пока он аккуратно дырявил черновики, выжигая круглые дырки, стараясь сразу не спалить бумажки и не раскидать пепел, я еще раз перечитал доклад.

Он получился на загляденье красив, увесист и крайне официален, чтобы не допустить разночтений.

Я рассчитывал на то, что Сандайме был опытным политиком и едва ли станет портить себе репутацию, в открытую нарушая законы деревни. Генин просится в учебный поход с наставником? Имеет право. Наставник хочет подтянуть отстающего? Это даже поощряется законом. Отказывать им просто так, наплевав на все? Можно. Но Третий вряд ли будет это делать без веской причины, правда?

И все бы было гладко, если бы через пару дней меня не попросили зайти к Хокаге на огонек. Естественно, не просто так.

— Добрый вечер, Хокаге-сама, — поприветствовал я с порога старикана, а он меня поманил пальцем, что б не стоял в дверях. Разговор обещал быть долгим.

Третий явно был не в духе, он не скрывал мрачного взгляда и не улыбался. Он курил за рабочим столом с таким видом, будто я ему по мозолям протоптался и теперь должен ответить за это.

— Ирука-кун, — сухо и жестко прозвучал скрипящий голос старика, — я понимаю, что тебе необходимо покинуть Коноху по делам клана и не могу, да и не хочу этому препятствовать.

Раскуривая трубку, Хирузен выпустил изо рта белесый вонючий дым, от которого горло начало тихо зудеть, как перед кашлем. Я отошел на шаг, но сделать еще один не посмел, старик пригвоздил меня тяжелым взглядом, а затем, как ни в чем не бывало, продолжил смолить трубкой.

— Но я не понимаю, зачем ты берешь с собой Наруто-куна в эту пародию на тренировочный поход, — фраза прозвучала как упрек, будто я в игрушки играюсь, пока все остальные работают в поте лица. Играя свою роль, Хирузен, похоже, ожидал, что я буду мучиться от чувства вины или хотя бы испытывать смущение и неловкость.

Изредка он сам верил в то, что говорил. Отличить правду от лжи было очень тяжело даже несмотря на то, что я чувствовал его эмоции. А без них я бы поверил всему, что услышал — старик был весьма убедителен.

Вместо ответа я закашлялся, и лишь после этого смог озвучить заранее отрепетированную речь:

— Сандайме-сама, при всем уважении, я не согласен с вами насчет пародии. Как показала миссия в Стране Волн, — я снова закашлялся, — Наруто-кун почти не знает, как живут люди за пределами Конохи и окрестных деревень. Его навыки ориентирования на местности, распознавания следов и многое другое нужно подтянуть на хоть сколько-нибудь приемлемый уровень.

Третий поморщился и, как назло, перед вдохом выпустил в мою сторону весь дым:

— Ирука-кун, все эти навыки Наруто-кун мог бы подтянуть без двухмесячного путешествия через всю страну. Не нужно держать меня за старого дурака. Я хотел бы услышать истинные причины того, почему ты хочешь взять с собой Наруто в путешествие на Каменистое побережье, в противном случае я не смогу дать разрешение на этот поход.

— Сандайме-сама, — с поклоном проговорил я, — у меня много причин, чтобы взять своего ученика в этот поход, и те, которые я вам назвал, также являются истинными, но, конечно, есть и другие.

— Какие же? — пыхнув трубкой, спросил Хирузен.

— Безопасность. Хатаке-сан уже доказал, что ему нельзя доверить седьмую команду без угрозы их жизням. Даже на рядовой миссии D-ранга при его попустительстве один генин чуть было не зажал Великим Огненным шаром другого. А на первой же миссии за пределами Конохи седьмая команда лишь чудом, невероятной удачей и моими стараниями осталась в прежнем составе.

Судя по эмоциям, Третий мысленно усмехнулся, впрочем, внешне он никак эту реакцию не проявил, наоборот, скорчил скорбную физиономию:

— Я должен попросить тебя перестать... прекратить, — явно в последний момент заменил слово старый шиноби, — вашу глупую и детскую ссору с Какаши-куном, — он глубоко затянулся, выдерживая паузу, раздул тлеющий огонек и примял табак в трубке.

В тишине отчетливо зашуршало что-то на потолке, а в окно застучал дождь, вызывая желание поскорее закончить разговор, пулей добежать до дома и завалиться в теплую постель с книжкой и кружкой горячего чая.

— Ирука-кун, — замечтавшись, я вздрогнул от голоса Хирузена, — не следует недооценивать Хатаке-сана только из-за возникшей между вами неприязни. Хатаке-сан — элитный джонин и один из лучших шиноби Листа. Я полностью доверяю его решениям относительно миссий и его команды. А ваша с ним вражда зашла слишком далеко. Я понимаю, что тебе не понравилось, что он избил тебя почти сразу после выписки из госпиталя, даже не дав тебе время залечить свои раны. Я тебя понимаю.

Хоть я и молчал, но мысленно отвечать мне никто не запрещал: “Ни черта ты не понимаешь”, — молча и бесстрастно «прокомментировал» я старого лицедея.

— Но и ты должен понять, что у Какаши-куна был приказ проверить, на самом ли деле ты Ирука. Пусть его спарринг перешел в драку между вами, но его доклад освободил нас от подозрений в твой адрес. Никто доподлинно не знал, что было на поляне, когда Мидзуки применил скрывающую технику. К тому же у Какаши были и другие причины так поступить, — каге сделал затяжку.

Насчет того, что никто ничего не знал о том, что там было с Мизуки, Третий врал не краснея. Хорошо быть эмпатом!

Тем временем, старик продолжил:

— Возможно, ты помнишь миссию в Стране Горячих источников два года назад, когда из-за того, что ты не дал ему знать о контактах Корня, он чуть не провалил миссию?

Я недоуменно глянул на старика и осторожно помотал головой.

— Жаль, — сделал вид, что огорчился, Третий. — Тогда ты поступил не лучшим образом. И Какаши-сан воспринял это как предательство. Он

считал, что ты его друг и что ты так же, как и он, покинул Корень. А еще он очень не любит проваливать порученные ему миссии.

После слова «друг» скрыть искренне недоумение пополам с недоверием я не смог и лишь погода помотал головой.

“Какаши и я — друзья?! — мысленно возмущался я бреду престарелого шиноби. — Это шутка такая? Если да, то не смешная! И что значит — Какаши покинул Корень?! Он что, и там успел отметиться?”

— Не припоминаешь?

— Простите, Сандайме-сама, но ничего такого я не помню.

Хирузен вздохнул, добавив еще дыма под потолок. Казалось бы, кабинет не маленький, а один старпер так надышал, что топор можно вешать!

— Я не думаю, что брать Наруто с собой будет хорошей идеей. Он будет тебе мешать. Лучше реши свои проблемы и быстрее вернись.

— Со всем уважением, я остаюсь при своем мнении, Сарутоби-сама. Я не могу доверить Хатаке-сану седьмую команду. Я боюсь за них. Боюсь, что возвращаться придется на похороны, — я кашлянул, чтобы продолжить уже спокойным и ровным голосом: — И я намерен восполнить пробел в образовании Наруто. Если джинчурики и Сакура продолжают позорить Деревню своей тупостью, то нанимать будут только одного Хатаке. Без седьмой команды. Мне дорога моя репутация ответственного сенсея и шиноби.

Мне показалось, что Третий сказал «ясно, деньги» и хмыкнул.

— Тебе будет тяжело рассказывать об истории своего клана, не упомянув о погибшем клане Узумаки, — внезапно заметил старик, — а это крайне нежелательно.

— Почему, Хокаге-сама? — прикинулся я валенком.

— Потому что это вызовет ненужные сомнения у Наруто-куна и может поколебать его верность Деревне. Этого допустить нельзя, — прямо и с угрозой посмотрел на меня один из самых опасных пенсионеров Конохи. — Это понятно, Ирука-кун?

— Вы запрещаете мне говорить с Узумаки-саном о его клане? — подчеркнуто-официально поставил я вопрос.

Третий выдохнул и затянулся. Курил он долго, может, минуту или около того, а потом все же сказал:

— Это повредит интересам Деревни и твоей карьере.

“Прямо запретить он не может, — ярился я под маской молчаливой задумчивости, — не может нарушить законов и правил Конохи. А вот угрожать ему ничего не мешает! Скользкий ублюдок!”

— Я понимаю, Хокаге-сама, — не скрываясь, хмуро ответил я. — Буду осторожен и не скажу лишнего.

— Так ты не передумал брать Наруто-куна с собой?

— Нет, Хокаге-сама.

Тяжело вздохнув, старый интриган вытащил лист и, ничего в нем не заполняя, поставил печать.

— Жаль, — он подвинул к себе набор для письма. — Ты получишь разрешение, но только если он сам захочет с тобой отправиться. И учти, — ткнул он в мою сторону кистью, — за вами будет наблюдать тройка АНБУ.

— Благодарю вас, Хокаге-сама, — сказал я, замерев в поклоне и ожидая, когда меня пошлют.

— Пусть Наруто сам заберет разрешение. Мне надо с ним поговорить. Можешь идти.

Я, конечно, ожидал, что будет охрана, но три сразу? Странно. Весьма странно. По-хорошему, и одного человека хватит, чтобы наблюдать за мной и Наруто и следить, чтобы один обнаглевший чуунин не брякнул чего лишнего. Ну, хорошо, один может не справиться и чего-то упустить. Пусть надзирателей будет двое. Но зачем отправлять троих? Командная тренировка? Еще какая-то причина? Работа каждого шиноби стоит приличных денег, так что все это еще и подозрительно. Непонятно еще, зачем было предупреждать меня о наблюдателях? Мда, умеет старый крысо-свин и скрысить, и насвинячить — этого у него не отнять.

Утром следующего дня Наруто радостно всучил мне знакомую бумажку, и мы пошли брать задание. По пути он тихо и недовольно буркнул:

— Ты был прав. Дед не хотел меня отпускать с тобой.

За пару дней до нашего отъезда, если можно так сказать про путешествие на своих двоих, мы взяли очередную миссию, но выполняли ее втроем, потому что Сакура пришла с посиневшей кистью и в середине дня. Мало того, что опоздала, так еще и ждала, пока мы закончим. Я сначала хотел отругать ее, но вместо этого сначала взглянул на ее руку.

— Так, — присвистнул я, проводя диагностику, — лежать в больнице ты должна была еще вчера. Стоять, — окликнул я мелкую куноичи, которая решила воспользоваться своим положением, чтобы свалить.

Поморщившись, она все же вернулась.

— Так как с такой рукой и повреждениями чакро-каналов тебя не выпустят, минимум, еще два- три дня, так что я хочу заранее кое-что вам с Саске-куном сообщить: меня и Наруто не будет около двух месяцев и...

Учиха повел себя неожиданно: вспылел, что мы его бросаем без тренировок и заданий. А вот Харуно просияла:

— Саске-кун, а можно я буду тренироваться с тобой?

— Нельзя! — чуть не заорал Учиха. — Чему ты радуешься?! Тренируйся сама, бесполезная дура! — выплюнув эту фразу, он обжег нас взглядом красных глаз и тут же, потушив их, развернулся и быстро пошел прочь.

— Саске! — крикнул я, но тот уже был далеко.

Пришлось послать за ним клона, чтобы тот позвал Саске на полигон Призраков. Отослав дубля, я перевел взгляд на тихо стоящую Харуно, которая явно была в шоке. Она, не мигая, смотрела в даль, роняя крупные слезы, и даже не шмыгала носом.

— Сакура-чан? — я помахал рукой перед остекленевшими глазами девочки, — Сакура? Ты в порядке?

Когда ко мне подключился Наруто, осторожно дотронувшись до ее плеча, девочка, наконец, ожила. Моргнув, она процедила сквозь зубы:

— Да пошел ты! — и вдруг, сорвавшись на крик: — Ненавижу! И тебя ненавижу, тупой урод! Все из-за тебя! Все из-за вас двоих! Ненавижу! Ненавижу! — истошный яростный вопль.

Мотыляя покалеченной рукой, Сакура убежала — надеюсь, что в больницу. А мне пришлось утешать Наруто, который неожиданно принял ее слова слишком близко к сердцу.

— Са... Сак-кура?! — заикаясь, заторможенно повторил Узумаки, словно не в силах поверить в то, что он только что услышал. Я чувствовал его разочарование и бессилие, будто меня самого расстроили слова девчонки.

Постояв какое-то время, сжимая и разжимая кулаки, он глухо спросил меня:

— Она же не со зла это сказала? Ирука, скажи, это же не так?! Правда же?! — последние слова захлебнулись в бульканье. Он стоял спиной ко мне, но я был уверен, что он плакал.

Неожиданно. Раньше он относился к ее взбрыкам спокойнее... или он просто не принимал их всерьез?

Отбросив в сторону непрошенные и ненужные мысли и проглотив много нецензурных слов, я, как умел, принялся успокаивать мальчишку:

— Она просто очень расстроена, — я погладил его по голове. — А еще у нее стержневой характер и она ищет, на ком бы сорвать раздражение. Конечно, она тебя не ненавидит на самом деле.

От Наруто повеяло надеждой и радостью...

— Просто не ценит и не любит, — продолжил я. — Она успокоится и пожалеет о своих словах.

Радость у Наруто как ветром сдуло.

— Правда? — особенно громко шмыгнул мелкий носом, явно еще продолжая на что-то надеяться.

— Правда.

Сакура всего лишь терпеть не может Наруто. Но едва ли ненавидит... Наверное. А о своих словах она точно пожалеет. Я об этом позабочусь.

Саске мы нашли около полигона, где он пытался что-то доказать клону громким и гневным шепотом.

— Зачем было доводить Сакуру до слез? — не удержался я от вопроса, стоило нам только зайти под купол.

Наруто, стоявший неподалеку, явно заинтересовался, о чем я говорю с Саске на повышенных тонах, но почти сразу вспомнил мою просьбу дать нам поговорить с мелким Учихой наедине и отошел подальше.

— Пф, — насупился Саске. — Это же очевидно! Она бесполезная. И меня разозлила ее тупая радость. Я остаюсь без тренировок, хотя вы мне их обещали, а эта розовая дура радуется! — под конец мелкий Учиха почти шипел.

Достойный ученик для Орочимару, шипеть уже умеет.

— Саске, хочется тебе этого или нет, но пока что она твоя сокомандница. И ты не должен был так унижать ее. Тем более — без повода. Просто потому, что ты раздражен и зол.

— Пф. Но вы же называли ее идиоткой, — заметил пацан.

— У меня было для этого куда больше оснований, — я вздохнул, — но я не должен был так ее называть при вас. Я погорячился. И после того, как ты взял с меня пример, я начинаю подумывать, что тогда был неправ.

Саске раздраженно фыркнул, а я вздохнул:

— Саске, понимаешь, ты можешь повлиять на Сакуру в лучшую сторону. Убедить ее научиться хоть чему-нибудь. Ты единственный, кого она слушает. Не надо обращаться с ней как с мусором, лучше убеди ее заниматься.

— Зачем? — агрессивно спросил Учиха. — Для меня она бесполезна. Я должен стать сильнее и не могу тратить на нее свое время.

— Хотя бы затем, чтобы она перестала быть этим бесполезным балластом и чтобы мы однажды из-за нее не погибли, — старательно сохраняя спокойствие, ответил я. — Дохлых сокомандников, знаешь ли, в личное дело заносят, и красоты такие пометки ему не добавляют.

После чего замолчал, чтобы не сказать еще чего. Да, Сакура, честно говоря, и святого доведет до белого каления, но и Саске с ней обошелся по-свински. Вот что ему стоило хотя бы попытаться мотивировать ее к обучению? А теперь и того хуже. Она старалась, гробилась на тренировке, а что ей в ответ сказал кумир? Что она бесполезная дура. Что, если она решит после этого больше не тренироваться, раз это все равно не помогает?

— Почему вы не берете меня с собой? — спросил, поджимая губы, Саске, прервав мои размышления.

— Потому что ты последний Учиха в Конохе и потому, что где-то там, за границами Деревни, — я указал в сторону главных ворот, — бродит твой брат. Некоторые опасаются, что он может завершить начатое и убить тебя. Без команды тебя не выпустят. Точнее, без Хатаке.

— Я сам его убью! — вспыхнул гневом Саске, подразумевая Итачи.

— Мы это уже обсуждали, — не выдержав, зло отрезал я.

Мелкий Учиха оторопел от подобного и замер. Воспользовавшись его заминкой, я, не дав и слова вставить, принялся давать инструкции:

— Эти книги тебе на два месяца, — я передал свиток. — Если закончишь до этого срока, возьмешь еще из списка. Список найдешь внутри. О том, что тебе его дал я, никому не рассказывать. Свободен!

Удивительно, но возмущаться Саске не стал, а, ошарашено покивав, тихо ушел. Наверное, потому, что я в первый раз говорил с ним в таком тоне.

Пока я разговаривал с Учихой, Наруто на пруду наковырял льда, чтобы потом сложить из него что-то похожее на домик.

— Наруто, — окликнул я, — руки не отморозил?

— Не, — помотал он головой, отбросив в сторону льдинки, — расскажешь, о чем с Саске говорил?

— Да. Я же обещал.

Оставшееся время пролетело незаметно, так что визит Маугли стал для нас сюрпризом.

— О, привет, красотка, — обратился он к Анко, а меня по-дружески приобняв за плечо, шепотом спросил: — Ты действительно возьмешь ее с собой?

— Да, возьму, — так же тихо ответил я. — И Макуто тоже.

— Макуто? Это тот молчаливый парень из Ичираку?

— Он самый. Изъявил желание.

— Понятно, — Маугли сунул листок мне за воротник жилета, — там все, что тебе нужно знать. Выходите завтра в четыре утра к Северным воротам, вас уже будут ждать.

— А как я их узнаю?

— Тебя узнают, — сказал Морио и, пожелав мне удачи, ушел, сославшись, на внезапные дела.

Анко даже говорить ничего не пришлось, она все поняла, но для виду мы еще погуляли немного, прежде чем разойтись.

— Переночуешь у меня?

— Только вещи возьму, — она чмокнула меня в щеку и исчезла в вихре зеленых листьев, оставив после себя пьянящий «привкус» радости, который лег поверх моего хорошего настроения.

Дело было в том, что недавно Наруто испытывал в квартире технику сканера, которую ему под шумок дал Рей, и обнаружил в стенах спальни и детской не только барьерные печати, но и звукоизолирующие. А я-то удивлялся, почему дома так тихо и с улицы ничего не слышно, несмотря на безобразно тонкие стены и отсутствие стеклопакетов.

Расплывшись в довольной улыбке, я пошел домой, насвистывая веселую мелодию и тихо радуясь, что не только я, а вообще все Умино страдали от слишком чуткого слуха. По дороге заглянул в Ичираку — Макуто уже закрывал кухню. Он вытер руки о передник, повесил его на крючок и сказал:

— Я готов. Выходим завтра в четыре. Вещи собраны, Ода-сенсей предупрежден.

— Отлично. Тогда встретимся у Северных ворот.

Макуто кивнул и вышел, тихо притворив за собой дверь.

Я проводил его взглядом и почему-то подумал, что с таким сопровождением, как Наруто, Анко и Макуто, даже двухмесячный поход на край Страны Огня перестает казаться опасной авантюрой. Скорее — началом чего-то нового. Чего — я пока не знал. Но обязательно узнаю.

Клан Фаруд — это оригинальное творение фанона, и поэтому информация о нём черпается исключительно из предоставленного вами файла. Его история и уникальные способности не описаны в официальных источниках по «Наруто», но в рамках этой вселенной клан представляет собой одну из древних и трагических страниц мира синоби.

Краткая история клана

Клан Фаруд веками прославлялся как искусные **самураи-шиноби**, сочетая благородный кодекс воина с магией чакры. Их история — это путь от былого могущества до полного уничтожения.

- **Зарождение и эпоха расцвета:** Фаруды были выходцами из Страны Железа, но позже обосновались в дремучих лесах на границе Страны Огня и Страны Горячих Источников. Их главным достоянием была уникальная техника «**Пустая миска вечности**», позволявшая поглощать силу поверженного врага — его чакру, знания и даже техники. Благодаря этому они накапливали могущество из поколения в поколение.
- **Союз с Узумаки и упадок:** Клан породнился с могущественным кланом Узумаки, что принесло им взаимную выгоду и укрепило их позиции. Однако их союз привёл и к общей трагедии: Фаруды приняли участие в обороне Узушио и понесли огромные потери.

- **Гибель:** К моменту событий файла клан был фактически уничтожен в результате скоординированной атаки шиноби из четырёх Великих Деревень. В живых остался только десятилетний **Макуто**.

Состав и численность

До своего уничтожения клан Фаруд был достаточно большим.

- **Структура:** Кланом управлял **глава** (последним был **Кэнсин**, отец Макуто). Ему помогал **Совет старейшин**, который до войны состоял из 8 человек, а после неё сократился до двух.
- **Семья:** Мать Макуто, **Хана**, была полукровкой Узумаки и обучила сына основам фуиндзютсу. После бойни Макуто собственноручно похоронил **47 членов семьи**, в том числе бабушку Мари и деда Хаято. У него также было множество дядь, тёть и кузенов, а также две младшие сестры-близнеца, Аки и Мия, которые пропали без вести.
- **Численность:** Это был процветающий и многочисленный клан, «плодившийся как кролики». На ежегодных собраниях всем членам семьи было тесно в главном зале, а во время нападения Макуто насчитал 37 тел одних только врагов.

Религия и культура

Образ жизни и мировоззрение Фарудов были пропитаны самурайским духом и строгими правилами.

- **Философия и мораль:** Кодекс клана основывался на принципе «**Охотника чести**»: сильный охотится только на сильного, достойного. Запрещалось убивать безоружного или нападать из тени. Достойные враги удостоивались ритуала почитания после смерти.
- **Наследие Узумаки:** Смешанные браки с кланом Узумаки глубоко повлияли на культуру Фарудов. Дети изучали фуиндзютсу, а женщины клана, как Хана, хранили традиции двух линий, понимая, что их кровь — это «тонкая струйка, которая может пересохнуть».

Боевая мощь

Уникальные генетические способности делали Фарудов грозными противниками.

- **Уникальные техники:** Главным оружием были две клановые техники.
 - **«Бездонный Колодец»:** Постоянно накапливала чакру, делая резерв Макуто сравнимым с силой слабого хвостатого зверя.
 - **«Пустая миска вечности»:** Ритуал поглощения способностей поверженного врага, что делало каждого следующего поколение только сильнее.
- **Мастерство клинка:** Фаруды были потомственными самураями. Главным оружием считался тяжёлый двуручный меч **нодати**, которым виртуозно владел отец Макуто. В бою они носили доспехи и полагались на самурайские техники, усиленные чакрой.

Отношения с великими державами

Своим долгожительством клан во многом был обязан умелой политике.

- **Страна Железа:** Исконная родина клана. Фаруды сохранили самурайские традиции и принципы Бусидо, что позже помогло Макуто найти учителя в Конохе.
- **Страна Огня и Коноха:** После ухода из Железа клан обосновался на границе Страны Огня. Акт передачи земель под контроль организации Данзо указывает на наличие определённых договорённостей и политического веса семьи.
- **Другие страны:** Врагами, уничтожившими клан, были шиноби из **Кумогакуре, Киригакуре, Ивагакуре и Сунагакуре**. Враги атаковали со всех сторон, воспользовавшись ослаблением Фарудов после прошлых войн.

В заключение, клан Фаруд был уникальным явлением в мире «Наруто», совмещая в себе черты самурайской чести и жестокой эффективности шиноби. Его история началась с великих свершений, но закончилась кровавой резнёй.

Глава 4. Неканонное задание

В четыре утра в городе шиноби было необычно тихо. Иногда, конечно, можно было почуять чье-то присутствие, но в целом — никого, лишь из непроглядно темных, угольно-черных туч редко сыпало мелкое, колкое и сухое крошево.

Когда показалась площадь перед воротами, я запахнул теплый белый плащ и оглянулся назад, в уме перечисляя все дела, что надо было сделать перед уходом.

"Всех, кого нужно, предупредили и со всеми попрощались, — недоверчиво кивал я своим мыслям, — а Наруто даже сам сообразил сказать Хинате и восьмой команде, что нас какое-то время не будет". Умолчу, что я намекнул ему на это.

Но меня все равно не оставляло чувство, что мы что-то забыли, только возвращаться и проверять уже не было времени. По привычке похлопав себя по боку, я не обнаружил сумку с черновиками и документами, а затем вспомнил, что запечатал ее с другими вещами и успокоился.

Рядом, в нескольких шагах, стоял Макуто. Он был в своей неизменной зеленой куртке, сером трико и ботинках с жесткой подошвой. За спиной — небольшой рюкзак, на поясе — дешевый танто и ржавый кунай для отвода глаз. Внутри себя, в фуин-свитках, он нёс настоящее оружие: тати отца, чёрный меч из Кумогакуре и «Лесной Зуб». Я заметил, как он окинул взглядом темноту за воротами, прислушиваясь к чему-то, чего мы не слышали. Его сенсорные способности с каждым днём становились тоньше.

— Всё? — коротко спросил он у меня.

— Всё, — ответил я.

Макуто кивнул и перевёл взгляд на ворота.

Морио не подвел — нас ждали.

Как в дешевом ужастике, из темноты возникли призраки в простынях с кровью по подолу их рубищ! Шутка. Просто меня впечатлило внезапное появление белых фигур, синхронно и беззвучно вышедших из глубокой тени под желтоватый свет яркого фонаря под воротами и одновременно откинувших свои капюшоны.

От группы отошел один и, поприветствовав нас кивком-поклоном, остался стоять на месте, ожидая, когда мы подойдем ближе.

Несмотря на различные метки, все восемь масок казались одинаковыми, как клоны.

Это не «звери» из АНБУ Хирузена, которым позволено оставаться собой, даже скрывая лицо. У АНБУ НЕ метки на масках были грязного цвета, словно художнику было лень вымыть кисти. Хотя, что там метки... бойцы подстрижены были одинаково коротко. Макуто скользнул взглядом по отряду, явно оценивая их боеспособность, и замер, как и я, ожидая.

Под такими же, как у нас, плащами с двумя красными полосами по подолу виднелись закрытые черные ботинки, непонятно где заканчивавшиеся — от лодыжек и до колена все было обмотано эластичными бинтами в цвет обуви. На всех АНБУ-шниках были одинаковые темные мешковатые штаны и серые защитные куртки. Этот оттенок еще называют серо-палевым. Печально знаменитый фельдграу, один из символов Второй мировой войны. Цвет формы Вермахта.

— Умино-сан, я Дятел, командир этого отряда, — с легким поклоном безликий снял маску и так же монотонно дополнил: — Нам поручено следовать за вами на Каменистое побережье и там при необходимости оказать все возможное содействие.

— Содействие — это хорошо, — задумчиво разглядывая собеседника, пробормотал я.

Внешность у Дятла была невыразительной, как и его голос; казалось, его лицо похоже на всех темноволосых и темноглазых незнакомцев, которых я уже встречал. Идеальные задатки для шпиона. Или грамотный грим.

— Мы с вами были знакомы? — спросил я, пока шиноби доставал что-то из подсумка.

— Мы с вами не были знакомы, — отозвался Дятел и, ничуть не смутившись, продолжил: — Мы будем неподалеку во время вашего путешествия. Здесь — ваш маршрут следования от Данзо-самы, моя группа пойдет впереди, — передав свиток, он отступил на шаг.

Ознакомившись с картой и инструкциями, я столкнулся с проблемой: шиноби незаметно свалил к своим и пошел к стене, а я не знал, то ли нам за ними идти, то ли ждать, что откроют ворота.

— Анко, — тихо позвал я, — куда нам идти?

— Да, ворота же закрыты, — поддержал мелкий и занервничал: — Ирука, они уходят! Может нам за ними надо?

— Ирука, ты даже это забыл? — вытаращилась девушка.

Сделав грустную рожу, я покивал, косясь в ту сторону, куда порывался бежать Наруто.

Он был прав, нам действительно нужно было идти за АНБУ.

— Макуто, ты с нами? — спросил я.

— Да, — коротко ответил он и шагнул следом, когда я двинулся за отрядом.

Понятное дело, что ворота ночью были заперты, но для нас открыли замаскированный печатями лаз под будкой охраны, который выходил прямо в дупло одного из деревьев недалеко от стены. Внутри ствола печати покрывали все, что можно, в том числе и лестницу с дверцей наружу.

"Я хочу себе такое дерево, — заиграло в одном месте детство, — и домик на нем". Интересно, а Ямато дорого возьмет за такой заказ? И какотреагирует на такую просьбу... Эх, хоть бы с этим товарищем не так, как с Хатаке, получилось. Ну, времени еще дофига и больше, прежде чем я с ним познакомлюсь, через три года репутация у меня уже будет своя собственная, а не Ирукина.

В дороге я в сотый раз пожалел о том, что отдал Саске очки, потому что снегопад прекратился, лишь когда рассвело. Беззвучно выругавшись в натянутый до самых глаз воротник, я смахнул с ресниц снежинки и прыгнул дальше, чуть не вписавшись головой в толстую ветку. Макуто, бежавший справа, бесшумно перепрыгнул соседнюю ветку и бросил короткий взгляд на меня — убедиться, что я справлюсь. Ничего не сказал, но внимание было.

Ближе к вечеру нам перестали попадаться высокие крепкие деревья, и пришлось бежать по заснеженным дорогам, как по воде, чтобы не оставлять следов. Вскоре мы остановились на окраине крупной и довольно оживленной деревни.

— Умино-сан, вы остаетесь здесь до утра. Выйдете отсюда, — указал Дятел в конец улицы, — после обеда и будете идти на Юго-восток как обычные люди, пока мы к вам не присоединимся.

— Хорошо, — я не собирался возмущаться отсутствию лишних глаз и ушей. — До скорой встречи, Дятел-сан.

В гостиницу я зашел под хенге сорокалетнего себя, ну, как это себе представлял: убрал шрам с переносицы, добавил мимических морщин и седину у висков. Наруто скрыл «усы», обзавелся каштановой шевелюрой и карими, как у меня, глазами и, по моему совету, стал выглядеть младше.

Макуто изменился меньше всех: он просто надел поверх куртки крестьянскую рубаху с пояском и перекрасил волосы в темно-русый. Его лицо — худое, с чёткими чертами — легко можно было принять за сына бедного ремесленника. Он стоял чуть поодаль, не привлекая внимания, и уже осматривал холл, запоминая выходы.

Изменились мы не потому, что опасались чужой слежки, а чтобы в нас не признали шиноби. Даже плащи сняли, чтобы и свои, и чужие не задавали глупых вопросов. В этих местах ошивались вольные наемники и часто ходили караваны вглубь Страны Огня со стороны побережья, Страны Чая, Страны Горячих источников. Нам совершенно не нужно было излишнее внимание чересчур опасливых торгашей и охочих до сплетен шиноби, которым лень потерпеть несколько дней и узнать их лично.

Анко тоже изменилась. Неожиданно для меня, она распустила волосы и «покрасилась», став зеленоглазой блондинкой лет тридцати или около того, а неизменный бежевый плащ превратила в персиковое кимоно с фривольно приспущенными плечами, вызвав у меня мечтательную ухмылку и пошлые фантазии. "Что ж ты делаешь", — я сглотнул, облизал губы и, с трудом оторвав взгляд, посмотрел в зал, выискивая потенциальных соперников. Такие были, благо что хватило по-собственнически приобнять Анко за талию, чтобы народ перестал активно

скалиться. Теперь мужики в зале выпячивали грудь и смотрели волком в мою сторону, фоня досадой, а кое-кто — и злостью с раздражением. Макуто, заметив один такой взгляд, медленно перевёл глаза на особо наглого мужика и чуть заметно сдвинул руку к поясу. Тот, не выдержав, отвернулся.

В паранджу что ли Митараши завернуть? А то ведь и вправду рожи бить придется?

Подозвав мужика, который скучал около стенда с ключами, я снял два номера: один для Наруто и Макуто, второй для нас с Анко.

— Уже ребеночка заделать успели, а медовый месяц все продолжается, — неудачно пошутив, подмигнул мне мужчина, оценив красоту девушки, и, протянув ключ, ухмыльнулся, мельком заглянув в декольте ее иллюзорного кимоно.

После чего начал доставать второй, но тут его взгляд уперся в сверток в моих руках. Мужик побледнел, перепугался и, рассыпаясь в извинениях, положил перед нами другой ключ, а за вторым полез вниз.

Чертыхнувшись, я завернул воротник, чтобы не было видно ярлычка с символом Конохи.

— Почему вы не спросили, куда они идут, и не предложили им присоединиться к каравану какому-нибудь? — прочитал я по губам парня, который шептал прямо в ухо обслуживавшему нас администратору, делая вид, что тоже что-то ищет внутри низкой стойки.

Когда оба мужчины отвернулись и отошли к стенду, а я прислушался, пустив чакру к ушам.

— Такаши, плащ заметил? Молчи.

— Так надо его приметы записать, — спохватился младший сотрудник, когда мы уже отошли от стойки, — чтобы караванщики могли его быстро найти...

— Стой, дурень! Если он скрывает статус, значит, не ищет работу и попутчиков. Не мельтеши, давай я повторю тебе сначала...

Как мне ранее объяснила Анко, в таких перевалочных пунктах нередко задерживались шиноби, возвращающиеся с не особо важных заданий, чтобы зацепить какой-нибудь караван, сопровождать по дороге домой и получить за это денежку. Кто работу не искал, прятали хитай, чтобы караванщики не лезли. Вот и Митараша посоветовала скрыть свою принадлежность к шиноби.

Макуто взял ключ от восемнадцатого номера и молча направился к лестнице. Наруто догнал его уже на полпути.

— Макуто, а ты расскажешь мне сказку на ночь? — спросил он, заглядывая парню в лицо.

— Если будет время, — ответил Макуто, не сбавляя шага. — Сначала проверим комнату.

Решив перекусить, мы выбрали столик около окна. В зале было шумно, так что официантка к нам подошла не сразу, пришлось махать руками, подзывая ее. Пока мы листали меню и гадали, что взять, девушка заскучала и заговорила с Наруто:

— Какой милый малыш, — она улыбнулась, глядя на мелкого. — Как тебя зовут?

Мальчик в ответ смущенно возмутился:

— Я не малыш, мне уже двенадцать лет! Почти двенадцать, — гордо добавил он, вспомнив, что мы, вообще-то, шифруемся и называть свой настоящий возраст не нужно.

— А вы идете с караваном? — не стала она переспрашивать.

Все еще помидорно-красный мальчишка помотал псевдокаштановой головой.

— Девушка, — окликнул я официантку, — мы выбрали.

— Ой, простите, у вас чудесный ребенок! Он так на вас похож. А вы не боитесь разбойников? Я может подсказать вам попутный караван. Вы ведь в Страну Чая идете? Или в порт Страны Волн? А может, наоборот, вам нужно в столицу?

— Девушка, — перебил я, — спасибо, нет. Лучше скажите, сколько нам ждать наш заказ.

Официантка упорхнула, а я вполголоса заметил:

— Какие навязчивые.

— Было бы гораздо хуже, если бы мы не скрывались, — придвинувшись ко мне поближе, сказала Анко и кивнула в сторону: — Посмотри туда.

— Мда-а, — протянул я. — Это точно.

Группе молодых шиноби в центре зала даже поесть нормально не давали — к ним все время подходили какие-то люди и доставали, пока парни не спрятали повязки и не накинули на жилеты плащи, спрятав полы последних под зад.

Такое внимание было вполне понятно. Изначально Коноха была построена несколько в стороне от основных торговых путей. Идти в деревню специально за охраной — значит делать крюк. Кроме того, без посредничества деревни можно было не платить налоги за ее услуги, и таким образом караванщики экономили, а шиноби зарабатывали больше. Впрочем, у ниндзя были свои проблемы и ограничения, так что подрабатывать таким образом шиноби удавалось не так часто, как им бы хотелось.

Макуто, сидевший с краю, ел молча, но я заметил, как он запоминал лица тех шиноби, их жесты. Он не пялился — просто короткие взгляды, будто фотографировал.

Гостиничный комплекс Юки но Конотори (Снежный аист), несмотря на название, имел вполне себе европейский вид, без бумажных перегородок и стен, которые можно проткнуть пальцем. По местным меркам комплекс «Аиста» был огромен, и плутать по нему в поисках нужного гостевого дома мы могли довольно долго. К счастью, новые ключи были от номеров в центральном здании.

— Семнадцать, — глянув на бирку, сказала девушка и потащила меня за руку, — нам сюда.

— Восемнадцатый, — тихо повторил Макуто, посмотрел на бирку и направился к своей двери. — Проверю замки.

В восемнадцатый номер зашли Наруто и Макуто. Клон остался с ними — чтобы охранять, пока я не вернусь. Чакры я в него вложил как в нескольких.

Захлопнув дверь, я прижал к ней Анко.

— Ты меня с ума сводишь, — глубоко вдохнув, я потерся носом о ее шею.

— Щекотно, погоди, я иллюзию развею, — хихикнула она, когда я стянул бежевый плащ вместе с сетчатой «майкой», оголяя ее плечи, как будто она в том кимоно.

Внезапно испугавшись, Анко дернулась закрыть рукой татуировку в виде трех запятых, но я мягко пресек эту попытку.

Не думать о том, что это не просто татушка.

— Меня сводят с ума твои волосы, твой запах, — прошептал я, касаясь губами бледной шейки, — твоя кожа...

Анко шумно вздохнула и, успокоившись, наклонила голову набок, покусывая губу.

Но вместо поцелуев я поднял ее на руки и отнес на кровать.

— Ты такой суровый с этой сединой, — прошептала разомлевшая девушка, зарывшись пальцами в мои волосы и, осознав, что сказала, одернула руку и потупилась.

— То есть обычно я выгляжу безобидно? — весело сказал я, отменяя хенге, и впился поцелуем в мягкие губы.

— Ты видел? — внезапно остановила она меня, отстранившись. — Там за окном кто-то есть, — хрипло прошептала она, не справившись с собственным голосом.

— Тебе кажется, — отмахнулся я, снова предприняв попытку добраться до желанного тела.

Решив на время оставить зловерные застежки, поднялся повыше. Стаскивая сетчатую майку с Анко, я краем сознания заметил что-то странное и мгновенно переключился. Кто-то завидовал и злился очень близко от нас. Обернувшись к окну, я заметил только, как нечто белое исчезло в ночной тьме.

— Кажется, я тоже видел чью-то маску за окном, — пробормотал отстраненно.

Анко тут же натянула одеяло до самых глаз, скрыв отчаянно пылающие щеки.

— Задержи шторы.

— Ты серьезно?! — я потянул за край.

Не ослабляя хватку, она покивала и замерла, настороженно глядя в сторону окна.

Пришлось послать клона поправлять шторы.

Я не понимал, как можно, с ее-то выходками и откровенным нарядом, стесняться любителей подглядывать? Ну, и пусть смотрят! Пусть завидуют!

Честно, я с опаской ожидал, что Анко выкинет что-то эдакое. Например, в спину вцепится и без повода застонет, или томно матюгнется, как в дешевом порно... а она застеснялась, что ее в неглиже может увидеть кто-то кроме меня. Это возбуждало гораздо сильнее, чем ее показушная пошлость!

— Почему ты так на меня смотришь? — спросила она, заглядывая в глаза, точно могла в них что-то прочесть.

— Как «так»?

— Странно, будто... нет, — она отвела взгляд, пряча довольную улыбку, — ничего.

Не удержавшись, я весело фыркнул, потому что «будто съесть хочешь» она так и не сказала, хотя явно об этом подумала.

— Продолжим?

Ответом мне была осторожная улыбка и шkodливый быстрый взгляд.

Наконец совладав с юбкой, одним движением стянул с Анко розовые трусики с шелковыми бантиками по бокам.

"Точно подарочная упаковка!" — мысленно отметил я, услышав тихий вздох, похожий на судорожный всхлип.

После бурной ночи хотелось еще полежать и понежиться, прижимая к груди тихонько сопящую девушку, но светлеющая полоска света поперек одеяла и урчание желудка просто вынудили встать. Анко сонно поморщилась и повернулась ко мне спиной.

Чмокнув ее между лопаток, я, улыбаясь, сел, спустив ноги на пол и недоуменно вытянул из-под пятки какую-то розовую тряпочку.

— Ой-ей, — беззвучно произнес я, рассматривая то, что еще вчера было бельем моей девушки. Из двух бантиков цел остался только один, второго не было вовсе, на месте шва — бахрома из ниток и тоненьких резиночек, благодаря которым эти кружавчики вообще держались на крутых бедрах моей ненаглядной.

Пока Анко не повернулась, я быстро запихал тряпочку в карман штанов, которые только собирался надеть.

Зевая, Митараша потянула на себя одеяло, завернулась в него, как в тогу, и принялась собираться.

— Ирука, ты не видел мои трусики? Розовые, — сонно щурясь, спросила девушка, расковыряв горку одежды на кресле.

— Под кроватью смотрела? — невинно поинтересовался я и ловко, но осторожно вытянул из рук девушки штаны с ее пропажей.

"Куплю ей другие, потом сознаюсь, что порвал, — уговаривал я свою совесть. — Уж лучше пусть пока думает, что потеряла, чем узнает, что я испортил ее вещь".

Утром, когда мы вышли в коридор, Макуто уже ждал у двери. Он стоял, прислонившись к стене, и смотрел в окно. Наруто сидел на полу, перешнуровывая ботинки, и что-то рассказывал. Судя по его жестам — очередной эпизод из тренировок с Реем.

— Безопасно? — спросил я у Макуто.

— Всю ночь тихо, — ответил он. — Наблюдателей нет.

К месту встречи мы добрались быстро и без приключений, что меня несказанно порадовало. Да и ждать не пришлось, потому что около придорожного святилища уже стояли наши попутчики.

Все же мне не хотелось бы идти отдельно от группы. Так хоть какая-то безопасность. Правда, весьма относительная. Шесть «барашков» — безынициативных низкоранговых корневиков, по силам едва достающих до среднего чуунина — и один «пастух», или, иначе, офицер уровня специального джонина.

Перед миссией я попытался узнать у Морио о «нас» как можно больше.

Кое-что он мне рассказал, а кое-что я вспомнил сам благодаря его рассказу.

Дело было в том, что сотрудники корня делились на две группы — «мясо», которое не жаль потерять, и офицеры. Как готовили рядовых сотрудников — это отдельный, весьма тошнотворный разговор. Набирали беспризорную ребятню, как с дорог, так и из сети приютов. Тех, что получше, чем-то выделявшихся — резервом, умом, скоростью реакции или чем-то еще, — отделяли от общей массы. Часть отправляли учиться на шиноби Конохи, как я понимаю, в исполнение каких-то договоренностей с Третьим, а часть становилась офицерами Корня. А вот тех, которых признали материалом похуже, ждала незавидная судьба. Таких «отбракованных» с самого детства воспитывали как недалеких исполнителей. Образование минимальное — учили читать, писать, основам тайдзюцу, боя со стандартным набором оружия, техник ниндзюцу и гендзюцу, чтению карт и прочим безусловно необходимым вещам.

С самого детства этим несчастным промывали мозги медикаментами, гендзюцу и рассказами о том, как велика и прекрасна наша Конохагакуре,

как велик, мудр и умен вождь-Данзо-сама и как ничтожны они сами. Убеждали, что величайшее счастье — погибнуть за триединые Корни, Древо и Апостола их Данзо. Любую инициативу, вопросы, сомнения, даже индивидуальность — жестоко подавляли. Запрещали проявлять эмоции, объясняя это тем, что они только мешают выполнять поставленные задачи быстро, качественно и чисто. С почти сектантским зомбированием в ногу шла муштра, больше похожая на дрессировку животных.

Их даже клеймили, как скот — татуировками-печатами. Например, «клеймо» на языке мешало сболтнуть лишнего. Другие печати служили для уничтожения тел бойцов при необходимости и частичного контроля по типу печати Хьюг. Я не совсем понял, как это и что это за печать такая — «птица в клетке», но с умным видом покивал, потому что Маугли в очередной раз забыл про мою амнезию и начал смотреть на меня, как на последнего кретина.

Были в существовании рядовых и некоторые плюсы. Например, организмы «мяса» после определенных процедур и лекарств лучше отвечали на боевые наркотики, которые использовал Корень, делая бойцов сильнее, быстрее и живучее.

С привыканием к наркотическим веществам успешно боролись. Подопытный в десять выглядит, как тринадцатилетний? То, что нужно! Будущий шиноби силен, быстр, у него больше чакры и выше болевой порог? Дайте два! Лучше работают боевые стимуляторы, специально разработанные для солдат Корня? Отлично!

Проблема была только в том, что препараты, которыми пичкали «мясо» коновалы Данзо, серьезно подрывали здоровье «солдат». По примерным оценкам тех же иренинов, до тридцати ни одному из рядовых корневиков не дожить из-за износа или отказа органов, проблем, вызванных специфической диетой и медикаментами. Ни один из этих бедолаг еще не дотянул даже до двадцати восьми, чтобы опровергнуть прогнозы местных последователей Менгеле и отряда 731. Некоторые умирали, не успев толком начать обучение. Другие — от рук своих же товарищей на тренировках. Третьим (таких было больше всего) «везло» столкнуться с костлявой, то есть с Шинигами, уже на заданиях.

От новых знаний я почувствовал себя физически грязным. Как будто надел воняющий кровью и гарью модный эсесовский мундир от Хьюго Босса. Хотелось отмыться. Макуто, шедший рядом, бросил на меня короткий взгляд и сказал:

— Не всё сразу. Разберёшься понемногу.

Я кивнул. Он редко утешал словами, но в его голосе не было жалости — только констатация факта.

Для Корня рядовые сотрудники не были детьми, а когда вырастали, не становились людьми. Организация не видело в них личностей. Они — расходный, легко восполняемый материал, не более того. Об этом красноречиво говорило не только отношение к «солдатам», но и тот факт, что увеличением срока службы младших сотрудников никто из научного отдела не занимался. У них, скорее всего, даже мысли такой не возникало. Когда я об этом спросил, Морио вытаращился и сказал: "Зачем? Сирот меньше не становится, а казармы у нас не резиновые!" Просто «шикарная» причина!

Не верю этому. Должно быть что-то еще.

Впрочем, Маугли тут не был исключением в своем пренебрежении к «мясу». Ирука, да и почти все офицеры Корня, судя по его воспоминаниям, относились к рядовым бойцам ровно так же. Он не считал их за людей. Так, марионетки из плоти и крови. Сдох? Да и плевать! Главное, что выполнил задачу. Коноха превыше всего!

Хорошо хоть корневики не орали «Зиг хайль» при виде Данзо. И тот не называл их номерами вместо имен, как в концентрационном лагере.

На пятый день мы спрятали плащи и шарфы, так как воздух значительно потеплел и даже стали встречаться зеленые деревья и вполне себе живая, а не сухая, трава.

Все это время меня не оставляло чувство, что за нами следят. Трое АНБУ Хирузена, не желая показываться, следовали за нами на приличном расстоянии, и это нервировало не только меня одного. Наш «офицер» частенько фонил раздражением, а Анко, поджимая губы, смыкала шторы в номерах, прежде чем раздеться. И только рядовым Корня все было «по

барабану», и они не обращали на слежку никакого внимания. В эмоциональном плане «барашки» даже на небольшом расстоянии быстро становились малозаметными, особенно когда у них не было приказа и они ожидали команды.

Эмоции «мяса» — они как затертый ластиком след от карандаша: слабовыраженные, едва заметные, но они были. Что-то можно было почувствовать, если старательно «присматриваться», но на фоне других людей за ними было сложно уследить. Не облегчало понимание и то, что солдаты Корня словно думали на другой «частоте», которая давалась мне куда хуже. Может, они и чувствовали иначе, а не так, как нормальные люди? Эта неизвестность меня раздражала. Ведь я уже привык к тому, что вижу собеседника насквозь и легко разбираюсь в его чувствах, а с этими «буратинами» всё время приходилось напрягаться, чтобы хоть приблизительно понять, что они на самом деле думают и о чем переживают. Хотя слово «переживают» — это слишком громко для них.

А еще, словно специально, разобраться с корешками мне мешали Наруто и Анко. С первой нашей остановки их как подменили. Митараша и Узумаки полыхали негативом, как два факела в ночи, но стоило лишь оказаться рядом, как они, невинно хлопая глазками, делали вид, что мне показалось. Я уже начал думать, что у меня галлюцинации, пока нам не достался один номер на троих.

Когда мы вернулись из общественной бани в номер, я сел за бумаги, поленившись поменять полосатую юкату, которую выдавали здесь всем постояльцам вместе с полотенцами, на свою одежду. Наруто тоже не стал переодеваться, сразу схватившись за книжку, будто за спасательный круг. Макуто занял место у окна, положив перед собой танто, и принялся его начищать. Он не участвовал в ссоре, но я заметил, как он перевёл взгляд на Анко, когда та начала провоцировать Наруто. Но тишина и покой длились недолго.

Анко прицепилась к мелкому из-за какой-то ерунды. Я всего не услышал, отвлекся от документов и черновиков не сразу, но понял, что в этот раз поводом послужил образ для хенге мальчика.

— Чего молчишь? Язык проглотил? Придумать ничего другого не можешь? Или родственником Ируки прикидываешься? Братиком или сыночком?

— Змеюка гадкая! — выкрикнул Наруто после небольшой заминки. Явно пытался найти цензурный вариант.

И все-таки хорошо, что я убедил его не ругаться матом, даже если меня нет рядом. Нецензурных слов он знал более чем достаточно — наслушался от окружающих.

— Хватит, — рывкнул я на обоих, спустив часть злости в КИ.

Проняло даже Митарашу, потому что она замерла, как и Узумаки. Макуто поднял голову от танто и коротко посмотрел на Анко, затем на Наруто. Ничего не сказал, но его взгляда хватило, чтобы ссора прекратилась.

— Замолчите оба! И послушайте меня! Анко, хватит провоцировать Наруто!

— Но я не... — растеряно глядя на меня, попыталась возразить девушка. Похоже, она ожидала совсем иной реакции, но какой именно — я не знал.

— Ты. Его. Провоцируешь, — отчеканил я каждое слово. — Я не слепой и не глухой, Анко-чан. Не знаю, зачем ты это делаешь, но самоутверждаться таким образом некрасиво.

Наруто даже не знал, что сказать. Он молча хлопал глазами, пораженно переводя взгляд с меня на девушку и обратно. Макуто снова опустил глаза к клинку, но было видно, что он слушает.

— Он тоже виноват! — воскликнула Анко, тыча пальцем в сторону Наруто. — Он!..

— В два раза младше тебя, — скучным голосом продолжил ее фразу, но явно не так, как хотела девушка. — А ты его постоянно провоцируешь. Зачем?

Пораженно открыв рот, она будто хотела что-то сказать, но в последний момент передумала. Вместо ответа она, сложив руки на груди, фыркнула и демонстративно от нас отвернулась. Наруто за этим представлением «Ой,

все» наблюдал с интересом, а я с разочарованием. Идеальных во всем девушек не бывает, и Анко это только что доказала.

— Ладно, ответишь, когда сама поймешь, — сказал я и повернулся к мальчику: — Наруто, если хочешь стать Хокаге, то ты должен уметь не вестись на провокации. Противник часто будет пытаться вывести тебя из себя и заставить атаковать вслепую, не раздумывая. Это как в тайдзюцу — если размахнешься и вложишь все силы в удар, то противник легко может использовать это против тебя. Но пока ты не ведешься, не раскрываешься и не даешь противнику усилие, чтобы использовать его против себя, ему сложнее атаковать. Если ты не ведешься на подколки, а игнорируешь их или возвращаешь обратно противнику, то рано или поздно он либо потеряет к тебе интерес, либо сам станет посмешищем, либо впадет в ярость и попытается тебя атаковать в открытую. В любом случае твоя выдержка даст тебе преимущество и выставит дураком того, кто тебя высмеивает.

Наруто от моей речи подзавис, Анко, впрочем, тоже, а я задумался, как бы лучше закончить, и, наконец, нашел нужные слова:

— И еще, пожалуйста, прекратите меня делить! Да-да, — в ответ на ошарашенные взгляды заявил обоим, — именно в этом основная проблема. И не надо делать вид, что причина в чем-то другом.

Они переглянулись и на удивление синхронно потупились. Макуто, услышав это, чуть заметно кивнул — он был согласен. Присев на край кровати около Наруто, я медленно проговорил:

— Поймите, я не хочу выбирать, кто из вас мне ближе и дороже. Так что смиритесь, — я через силу улыбнулся, — и перестаньте воевать. Потому что это все равно ни к чему не приведет. Не нужно портить нервы себе и мне.

Чтобы не мешать заключать перемирие, я решил прогуляться, но по коротким коридорам особо не погуляешь, гостиница была в этот раз небольшой, и я вышел во двор.

Макуто остался в номере. Он сел на пол у закрытой двери и закрыл глаза. Наруто покосился на него, но вопросов задавать не стал.

Запахнув гостиничную юкату плотнее, прошел в глубь сада и задрал голову к небу. Сине-черный бархатный небосвод искрился мелкими точками созвездий, названия которых я так и не удосужился запомнить. Мне для ориентирования по звездам хватало знать форму созвездий, а уж если придется, то я всегда смогу объясниться рисунками! Впрочем, все это пустые оправдания — займусь этим пробелом в знаниях, когда будет свободное время. То есть прямо сейчас.

Похоже, что я довольно долго сидел и сверял небо с картой созвездий, прихваченной из домашней библиотеки в путешествие, а также с тем немногим, что было доступно из памяти Ируки, раз Наруто вышел искать меня. Меня нашел его клон под видом темно-серого, как тени в саду, кота. Подняв фальшивку на руки, я уже открыл рот, чтобы похвалить: «Получилось почти идеально», как услышал голос:

— Ирука-сан, почему вы оставили джинчурики без присмотра? — требовательно спросил незнакомый баритон.

Вздрагнув, я обернулся на звук и заметил мужчину. Тот стоял около куста сирени, в такой же, как у меня, юкате, из-под которой виднелась форменная водолазка, натянутая на подбородок, а затем он подошел ближе. Рассеянный бумажными перегородками свет лег на бледную физиономию и каштановые коротко стриженные волосы собеседника, но темные глубоко посаженные глаза с чересчур густыми ресницами, казавшиеся из-за этого подведенными, как у женщин, так и остались в тени. При свете дня я бы и не обратил на него внимания: обычный и непримечательный человек, а сейчас — ну точно призрак!

Самое странное было в том, что этот «жутик» казался мне знакомым, точно я уже видел его... в аниме. Я боялся ошибиться, но, решив рискнуть, назвал первое пришедшее в голову имя:

— Тензо-сан?

В эмоциях собеседника промелькнуло удивление, быстро сменившись раздражением, но лицо осталось бесстрастным.

— Я не ожидал вас здесь увидеть, — перестав присматриваться, доброжелательно сказал я. — Могу поинтересоваться, что вы здесь делаете?

— Вы прекрасно знаете, для чего я здесь и почему послали именно меня, Ирука... сан, — после короткой паузы выплюнул новый знакомый. Он явно сомневался в том, как ему меня называть и стоит ли вообще добавлять уважительный суффикс, словно хотел спровоцировать. Но почему?

Пока я размышлял, шиноби нетерпеливо постукивал пальцем по предплечью сложенных на груди рук и явно злился.

— «Именно меня»? — переспросил я и, невольно улыбнувшись, заметил: — Значит, ваше имя я верно угадал. Вы ведь меня не поправили. Кстати, Тензо-сан, вы не подскажете, что именно я должен знать? Это же вам дали какое-то задание, я могу быть не в курсе.

Последний «маг Дерева» с сомнением взглянул на меня и, точно делая одолжение, процедил:

— Я здесь для того, чтобы охранять джинчурики, — тоном он будто подразумевал другие слова: "Предотвратить приход рыжего песка", — и для того, чтобы вы не забывали о своих обязательствах перед Конохой. Как и о том, что вам говорил Хирузен-сама.

Интересно, что чем дольше говорил Деревянко, тем больше злился, а вот имя хокаге он произнес с явным уважением.

— Хокаге-сама рассказал вам о нашем разговоре? И что же я не должен забывать? — стал я допытываться дальше.

— Вы знаете, о чем речь, — настаивал Тензо, неодобрительно поглядывая на «животное» в моих руках.

— Нет, не знаю, — спокойно возразил я. — Вы же говорили с Хокаге без меня.

Раздраженно фыркнув, шиноби задумался и после продолжительной паузы ответил:

— Джинчурики не должен знать о своем отношении к клану Узумаки. О том, как и когда погиб его клан и Узушио.

«Кот» зашипел на Тензо. Кстати, очень натурально.

— Тише-тише, — сказал я, тихонько погладив фальшивку. Разрушить хенге я не боялся — для этого надо было приложить больше усилий. При прочих равных чем меньше существо, в которое превращаются клоны, тем прочнее их оболочка. Установлено экспериментальным путем. То есть «мышку» надо пнуть от души, а со слона приходилось чуть ли не пылинки сдувать.

Кот глухо заворчал, не спуская неприязненного взгляда с будущего Ямато.

Кстати, о судьбе клана Узумаки я и сам почти ничего не знал. Как-то некогда было поинтересоваться. Будет время — узнаю.

Теперь уже задумался я, а Деревянко, проигнорировав кота-клона, с суровым видом решил поучить меня уму-разуму:

— Вы не должны были оставлять джинчурики без присмотра! Вы проявляете безответ...

— У него есть имя, — резко оборвал я шиноби.

Ямато нравился мне все меньше и меньше.

— Это неважно, как его называть — раздраженно поморщился Тензо. — Важно то, что вы должны следить за ним, а не болтаться, где пожелаете.

— Во-первых, его имя Наруто, — меланхолично произнес я, поглаживая кота с видом донна Корлеоне. — Запомните, а лучше запишите. Во-вторых, кому должен? Вам?

— Конохе и Третьему! — моментально ответил анбушник, презрительно поджав губы. — А вы болтаетесь неизвестно где! Вы не оправдываете оказанное вам доверие! Если на него в ваше отсутствие нападут, то...

— Земля гранитом идиотам, — снова оборвал я его. — Здесь семь шиноби уровня чуунинов, двое — уровня специальных джонинов, не считая меня,

плюс ваша группа и один генин — он сам. Вы всерьез считаете, что кто-то в здравом уме нападет на нашу маленькую армию?

"Ну, честно говоря, парочка Акацук бы всех в тонкий блин раскатала. Но им пока до нас нет дела. Я очень на это надеюсь".

На слове «нашу» Буратино покривился.

— Все равно вы должны постоянно за ним наблюдать на случай странного поведения! Из-за вашего пренебрежения Сарутоби-сама может не получить важной информации о поведении джинчурики! Это недопустимо!

Пожав плечами, я развернулся и пошел обратно в гостиницу, всем своим видом показывая, что аудиенция закончена.

— Хорошего вам вечера, Тензо-сан.

За спиной осталось чужое чувство сильнейшего удивления.

В коридоре у номера клон, мяукнув, развеялся, а через несколько минут из дверей вылетел сам Наруто, который в прыжке повис на моей шее, а я подхватил его на руки. Мелкий нервно зыркал по сторонам, прислушиваясь к каждому звуку.

— Он правду сказал? — зашептал мальчик.

— Ты чего? — перебил я его тихо. — Анко напугала? Или меня потерял? — и так же шепотом добавил: — Не сейчас, — и, уже по-русски: — Слежка.

— Ясно, — едва слышно отозвался Наруто и крепче ухватился за шею.

Макуто, который ждал у двери, открыл её, пропуская нас, и бесшумно закрыл. В номере он сел на пол у стены и принялся чистить танто. Его присутствие успокаивало — он не лез в разговоры, но всегда был рядом.

— Помирились?

— Типа того, — фыркнул он. — Не оставляй меня с ней, я ее боюсь.

— Она не кусается. Не кисни, вы точно с ней подружитесь.

"Я очень на это надеюсь", — мысленно добавил я про себя, зайдя в номер и захлопнув дверь ногой.

Похлопав Наруто по спине, я спустил его на пол и быстро прошептал:

— Ты серьезно боишься Анко?

— Не, подыгрываю, — хихикнул мелкий. — Она не страшная. Просто вредина.

Взяв черновик будущей книги, я написал на нем: "Я все расскажу тогда, когда за нами не будут следить. Сейчас опасно".

Макуто, краем глаза заметив записку, кивнул и отвернулся к окну. Наруто покивал и хотел что-то сказать, но тут из ванной выглянула Анко и намекнула, что пора бы ложиться спать. Пожелав нам спокойной ночи, мальчик задвинул дверную панель в свою комнату и выключил свет. Номер напоминал планировкой однокомнатную квартиру: в маленькой комнате — «кухне» — устроились Наруто и Макуто, а мы — в «зале».

От разговора с Ямато стали медленно просыпаться какие-то пока еще невнятные воспоминания Ируки и сильно разболелась голова.

Стоило только отвернуться запереть дверь, а Митараша уже оказалась на кровати в одном покрывале вместо одежды. Манерно изогнувшись перевернулась набок и поманила пальцем, изображая похотливый взгляд из-под полуприкрытых век, и гримасничала, покусывая губу.

Анко явно подлизывалась, что меня удивило, да и ее неумелая игра тоже не возбуждала. В какой-то момент даже захотелось поинтересоваться, как скоро вернется фотограф.

Анко вся извертелась, пока я не подошел и не сел рядом. Когда же девушка заметила, что я ее не трогаю, и замерла, привстав на постели, я сгрэб Митараша в объятия и грузно завалился на спину вместе с ней. Она «вспыхнула» довольством, которое постепенно превратилось в недоумение, ведь продолжения, на которое она так рассчитывала, не последовало. Фыркнув, девушка попыталась встать, упершись мне в грудь, но я не позволил, притянул за талию обратно и ткнулся носом в ее макушку. От ее волос отчетливо пахло корицей и апельсином, словно от

зимней выпечки, но эта ассоциация не смогла вытеснить мысли о разговоре с будущим капитаном Ямато.

Прижимая Анко к груди, я сквозь давящую боль в висках беззвучно просил: «Пожалуйста, только не спрашивай ничего! Лучше помолчи».

Мысли у меня были заняты нашей «охраной», да и этот спектакль мне был не особо приятен, так что, пожелав спокойной ночи, я еще долго пялился в потолок через лиловые пряди. Только после того, как Анко осторожно попросила ее отпустить, я расцепил руки, но уснул раньше, чем она вернулась. Днем по этому поводу девушка ничего не сказала, хоть ей и было любопытно.

Митараша и Узумаки действительно заключили перемирие, но до полноценного мира тут было еще ой как далеко. Макуто держался нейтрально, но я заметил, как он иногда бросал короткие взгляды на Анко, когда она начинала слишком громко возмущаться. Он не вмешивался, но его присутствие остужало.

Когда вдали, наконец, показались остроконечные пики скального гребня, Дятел что-то сказал своим подчиненным, и те умчались вперед, а затем, ненадолго попрощавшись, унесся и он сам — удостовериться, что нас встретят те, кто должен, а не засада.

Из расщелины тянуло жаром летнего дня, а под ногами зашуршал темный песок, какой можно встретить на каменистых пляжах, когда море стирает камни до мелких крупинок. Изменились и растения вокруг, стали чаще попадаться южные хвойные деревья, пушистые тропические кустарники. А иногда даже какие-то разлапистые пальмы. Несмотря на то, что место, где жили мои предки, лишь немного южнее Конохи и севернее Страны Волн, но климат здесь был намного мягче и приятнее, а средняя температура — выше. Все дело в том, что у Каменистого Побережья проходило сильное теплое течение, эдакий местный аналог Гольфстрима, и горы надежно защищали его от холодного воздуха из центра континента. А в Стране Волн, которая располагалась еще южнее, наоборот, было холодное течение, которое снижало температуру воды и воздуха, но зато способствовало большому, чем на Каменистом побережье, количеству рыбы.

Последнюю часть пути мы могли бы проделать по воде — во владениях Умино устьем заканчивалась широкая, глубокая и главное — судоходная река. Ранее груз часто возили вверх по течению в Страну Огня и наоборот — спускали товары к морю. Увы, нам не повезло — никто никуда не плыл. Пришлось топтать своим ходом.

Город-порт, разделенный рекой и зажатый между морем и скалами, выглядел не особо приветливо, напоминая поселения Страны Волн своей безликой застройкой без намека на фантазию. На одном из утесов возвышался короткий маяк, похожий на обрубок древней башни, которую наспех покрасили в бело-красный. Сам «огонь», как под колпаком, находился под защитой мутноватого стекла.

— Ирука, ты тут родился?

— Скорее всего нет, но вообще — не знаю, — осматриваясь, ответил я Наруто, — это место не кажется мне близким, как Коноха. Не похоже, что я тут долго жил. Или часто тут бывал. Но маяк мне знаком, — тут я сказал чистую правду. — Кажется, я его уже видел раньше, только без краски.

— Сходим туда? — с энтузиазмом воскликнул Наруто. — А какой он был? Маяк.

— Не сейчас, — я потер виски, чувствуя слабую боль, — сначала найдем домик, который нам обещали, и приведем себя в порядок. Я ужасно хочу помыться. А маяк, — все же ответил я, — он был светло-серый, светлее, чем скалы вокруг. В дождь это видно сильнее всего, — я скривился и сам себя поправил: — То есть было видно.

Макуто, шедший чуть позади, подошел к маяку и положил ладонь на камень. Закрыв глаза, будто прислушиваясь к чему-то. Через секунду убрал руку и вернулся к нам.

— Там есть старая чакра, — сказал он. — Очень старая. Фарудская.

Я удивился, но не стал спрашивать подробностей. Макуто редко ошибался в таких вещах.

Но ушли мы недалеко, боль усилилась и стала мешать думать. У нее словно был собственный пульс, медленный, накатывающий волнами,

вводящий в транс размеренными мягкими ударами, отдающимися в перегородке носа и пульсирующими под горлом, и от которой хочется дышать, как собака, ртом. Эти симптомы значили только одно: меня ждала новая порция его воспоминаний.

— Я передумал, — быстро проговорил я, пытаюсь попасть дыханием в такт «ударов», чтобы стало легче.

— Опять? — серьезно сказал Наруто и крепко взял меня за руку.

— Что с ним? — обеспокоенно вцепилась Анко в рукав, от волнения так оцарапав мой локоть, что у меня на миг даже сознание прояснилось.

— Он так вспоминает, — пояснил Узумаки, а остальное я уже не услышал.

Макуто шагнул ближе и встал с другой стороны, подхватывая меня под локоть, когда я пошатнулся. Он ничего не сказал, но его хватка была надёжной.

Бараки сменились широкими улицами, прикрытыми густой сочной зеленью, как зонтиками. Прямо на крышах низких домов из темного камня шуршали высокие пучки с острыми большими листьями, а около заборов торчали высоченные пальмы с гроздьями незрелых бананов. Две белые курицы, отчаянно квохча, делили сухую коричневую шкурку фрукта. Я из прошлого пнул камешек, который попал в одну из наседок, и они обе, теряя перья, разбежались в разные стороны.

Проследив за птицей с черным хвостом, заглянул за символический забор из редких кустов с узкими и длинными листьями. Массивный каменный дом из крупных кирпичей под своим весом врос в землю, и его жильцам пришлось выкопать ступеньки под дверью. Когда заметил, что курица метнулась в открытую дверь, я вздрогнул и поспешил прочь.

В себя пришел уже у маяка, самозабвенно блюющим в дикие цветы, под стеной, там, где башня почти касалась обломка скалы, словно срезанного гигантским мечом.

— Даже не знаю, что хуже, — я сплюнул в многострадальные цветочки, — рвота или кровь из носа?

В последнее время «приступы» случались редко и были слабыми. Даже Наруто не всегда замечал, что мне нехорошо.

Макуто стоял чуть поодаль, глядя на маяк. Он не смотрел на меня, но я знал, что он готов подойти в любую секунду.

Когда пришел в себя настолько, что смог бы встать на ноги, я подумал о том, почему мне так резко поплохело. Я просто обязан был понять, что вызывает эффект «узнавания», чтобы больше понять о себе и о бывшем хозяине тела.

Возможно, меня так скрутило потому, что в Конохе я теперь ориентировался в основном на свои воспоминания, а тут было место, абсолютно незнакомое мне, но не предыдущему владельцу этого тела.

— Надо будет разобраться, но потом, — пробормотал я, поднимаясь на ноги. Те сами понесли меня к массивной деревянной двери, руки насчитали от нее восемь кирпичей-булыжников влево, которые из-под толстого слоя краски едва можно было прощупать, а потом подвис, потому что нужный кирпич должен был находиться на уровне моего подбородка.

Проблема заключалась в том, что с тех пор Ирука сильно подрос, и какой именно из кирпичей ковырять, портя кунай, я не догадывался, а ковырять весь ряд — дурная работа.

— Ирука, ты меня слышишь? — громко и по слогам почти прокричала Анко.

— Да-да, сейчас я вас слышу, — я отмахнулся, не сводя глаз со стены. — Наруто, иди-ка сюда.

Когда мальчик подошел, я провел рукой линию от его подбородка до стены и, выбрав три булыжника, отодвинул мелкого подальше. Краска поддавалась легко, опадая под ноги белыми многослойными хлопьями, а вот цемент или что-то похожее заставил меня хорошенько поработать. Оглушительно чихнув, я уронил под ноги кирпич, чуть не порезавшись, отбросил кунай и, забыв обо всем на свете, дрожащими руками полез в нишу. Жестяная коробка вяло сопротивлялась, а затем все же

открылась, насыпав в руки остатки резинового шнура, который делал ее герметичной.

Изнутри пахло, как из подворотни, аммиачными парами, так что желудок громко буркнул. Заткнув нос пальцами, я заглянул внутрь и понял причину вони: морские звезды.

Кроме этих вонючек в коробке лежали какие-то шарики, бусины, даже был кусочек янтаря с муравьем, а также — сероватые гладкие камешки и продолговатый футляр из бамбука с тощим свитком.

На таких свитках писали пожелания в храмах, а потом прихожане вешали их на стену, как картину, на витом шнурке.

У меня перехватило дыхание, когда я подрагивающими руками развернул плотную бумагу, выйдя из тени маяка.

Черные закорючки, когда-то выведенные старательной детской рукой, сложились в короткое послание: «С возвращением! Если я это достал, значит, мы наконец-то вернулись домой! Мы будем жить здесь счастливо, как наши предки, о которых я читал в нашей библиотеке!

Каменистое побережье, жди нас, мы вернемся!

Мы никогда больше не вернемся в Коноху! Мне она не нравится, потому что она пыльная, грязная и рядом нет такого красивого моря, как здесь!»

А затем автор письма разошелся и начал рисовать. Рисунки были вполне узнаваемы: солнце, облака, куцый островок с пальмой, улыбающийся человечек с хвостом и чертой над носом, гордо стоящий на спинах двух дельфинов в чернильном море, вытянутом из кляксы. Это было что-то вроде письма в будущее.

Я узнал свой почерк. То есть Ируки, но все равно мой.

Я вспомнил, как под одобряющим взглядом отца писал, а потом добавил строчку про Коноху и разрисовывал свиток, пока он не видит. Помню, как верил в то, что это пожелание, что эта мечта — их общая мечта — сбудется. О возвращении на родину мечтала не только моя семья, но и весь наш клан. То, что от него осталось после того, как пал Водоворот.

У последнего Умино была своя светлая детская мечта. Он стремился к ней и ради нее жил. Но когда и как он сломался и забыл про нее? Как потерял себя? Когда растерял вместе с мечтой и самим собой доброту, человечность и прочие «излишества»?

Свернув свиток, я осторожно сжал его в руке и посмотрел на море, ослепительно блестящее от солнца далеко впереди. На миг перед глазами снова появился старый город.

«Знай, Ирука, я сохраню ее за тебя. Твою мечту. Не знаю, смогу ли воплотить ее в жизнь, но я хотя бы постараюсь. Она точно того стоит. И еще, я не повторю твоих ошибок, не забуду главного и не стану таким, каким стал ты, потеряв цель».

Аккуратно убрав письмо обратно в тубус, я сел на землю и поставил коробку на колени.

Узумаки и Митараша с удивлением наблюдали, как я копался в детских «сокровищах», как чуть не расплакался, читая письмо снова, а потом лазил в ведро под сточной трубой маяка, чтобы намочить руки.

Макуто подошёл ближе, посмотрел на содержимое коробки, но ничего не взял. Он просто стоял рядом, глядя на море.

— Ирука, с тобой все в порядке? — отвлек меня Наруто.

Я закивал, сжав в руке сереющие камешки, которые от влаги на краткий миг стали цветными, и глухо ответил, не обернувшись и чувствуя, как щиплет в носу:

— Да, просто... воспоминания. Дайте мне пять минут, я вас догоню.

Несмотря на то, что мы не устали, нам нужно было перекусить и привести себя в порядок, прежде чем соваться к местным властям. Кроме того, стоило узнать реальное положение вещей в местном отделении Корня, потому что бумаги всех нюансов не отражают.

Нашли «корневики» мы достаточно быстро. Почти весь наличный состав был на полигоне — демонстрировал свои навыки метания сюрикенов и кунаев. Эти ребята явно были не теми, которые пришли с нами из Конохи. Темнокожие от загара парни и несколько девушек были выше и не носили

масок. Хотя кое в чем они были похожи на пришедших с нами «солдат». Выражения лиц были такими же одинаковыми — холодное, ничего не выражающее равнодушие. Будто наступило будущее и я вижу человекоподобных роботов, но вот эмоции... я почувствовал интерес и заметил быстрый взгляд одной из девушек в сторону командира, будто она ожидала приказа. Девчат можно было спутать с пацанами из-за почти мужских фигур: ярко выраженного рельефа пресса и наружных мышц живота. Благо Анко, несмотря на тренировки, оставалась волнующе женственной и не превращалась в нечто здоровенное, шкафообразное и мужеподобное. А такие куноичи тоже были. Жуткое и неаппетитное зрелище.

Начальником здесь был мой ровесник. Роста среднего, как большинство шиноби, жилист и подтянут, но в остальном он ничем не напоминал своих подопечных.

«Буду звать тебя Синька, пока не представишься», — мысленно обозвал я нового знакомого. Глаза и волосы у него имели насыщенно-синий цвет, будто при его раскраске в палитру с избытком плюхнули индиго. Он с живейшим интересом наблюдал, поправлял подростков, будто стараясь их расшевелить, — открыто улыбался белоснежной на фоне коричневого загара улыбкой и активно жестикулировал.

Одет Синька был не в форму АНБУ НЕ, а в пеструю гавайскую рубашку и белые шорты. Точно он тут на отдыхе, а не на работе.

Заметив нас, он пошел мне навстречу, раскинув руки:

— Ирука, я так рад тебя видеть!

Слегка отстранившись, чтобы не попасть в медвежьи объятия, я скороговоркой произнес:

— Привет. У меня амнезия после ранения. Мы раньше были знакомы?

Несмотря на то, что выдуманная болячка прикрывала мне тылы, я все еще побаивался знакомых Ируки. И тем более — друзей.

— Хидики Тоши, — не успев расстроиться, но немного растерявшись, представился шиноби, медленно опустив руки.

Когда я представил ему Наруто, то заметил, что Тоши не без уважения взглянул на меня и даже покивал. Этим он мне живо напомнил Морио, когда тот восхищался моей самоотверженной службой Конохе. То есть тем, что я Узумаки опекаю. А вот Митараши у шиноби вызвала просто бурю эмоций и полный восхищения взгляд, я даже слегка загордился.

Макуто представился сам, коротко кивнув. Тоши скользнул по нему взглядом, но ничего не сказал.

Разговорившись, Хидики пригласил нас присесть на лавки под деревом около ящичков с метательными железками. У Наруто глаза загорелись, с таким очевидным восторгом он разглядывал разномастные кунаи и сюрикены. Здесь бы и я покопался, потому что арсенал больше напоминал коллекцию, которую кто-то снял со стендов, — так много было самого разнообразного оружия, причем зачастую в единичном экземпляре. Кажется, в одном из ящичков даже лежала саперная лопатка, или что-то очень на нее похожее, и здоровенный сюрикен. Заметив интерес ребенка, Тоши разрешил ему потренироваться рядом с корневиками.

Макуто не присоединился. Он сел на траву у дерева и достал свой блокнот, начав что-то чертить. Я заметил — это была схема расположения казарм и складов, которую он успел составить по пути. Он делал это молча и быстро.

Как оказалось, Синька считал, что Умино был его лучшим другом. А вот я сомневался, что Ирука думал так же. Хидики учился в том же выпуске, что и Ирука. Как он мне признался, несколько смущаясь под внимательным взглядом Анко, он был самым инициативным на курсе и обладал живым и нестандартным мышлением. Что иногда выходило ему боком. Все эти замечательные качества, увы, не были особенно востребованы в довольно косной структуре Корня, и его, такого умного, сослали туда, где его инициативность и самостоятельность будут только в плюс. Туда, куда приказы идут слишком долго и надо полагаться только на себя: на Каменистое Побережье.

Впрочем, это и не удивительно с его-то именем: «Тоши» значит «аварийный», а «Хидики» — «яркое превосходство».

Здесь у Хидики в подчинении было десять человек, включая его самого, еще одного офицера и восемь «солдат». С приведенным нами подкреплением получалось три усиленных звена по пять «барашков» плюс командир. Тоши уже давно запрашивал дополнительные силы, но ответ до недавних пор всегда один: “Подкреплений не будет, выкручивайтесь как умеее”.

Впрочем, и восемь прибывших проблему не решали. Восемнадцать человек, из которых всего три офицера, — это явно недостаточные силы. Особенно, если придется охранять не только границу и город, но и огромную стройку, какая тут намечалась. Клонами не отделаться, тем более если они не теньевые, как у Наруто.

Пока Хидики трепался, его подчиненные сложили железо в коробки и выстроились полукругом, в тенике рядом с нами. Заметив это, Тоши спохватился, вполголоса что-то сказал подчиненным и отослал их в сторону длинных деревянных домов, похожих на бараки со старых советских фото.

Наконец, дошел разговор и до моей миссии. Узнав, что я надеюсь все закончить за месяц максимум, Тоши только головой покачал:

— Это будет непросто. Тут много проблем, которые нужно решать и с феодалами, и с компанией Гато... Слышал от них, что Хироши скончался и теперь они осваивают новые территории. Голова отвалилась, а змея этого даже не заметила. И с новым наместником тоже не все гладко. Нам сюда сослали аж бывшего министра правых дел. Явно где-то напортачил, не иначе.

Вздохнув, я кисло поинтересовался:

— Этого министра, случаем, не Карпом звать?

— Да, — хмыкнул Тоши, — ты уже где-то успел оттоптать ему плавники? Он гад редкостный, и похоже, что еще и злопамятный. Пытался нас к своей охране за бесплатно припрячь, даже грозил проблемами. Пока главным был Тсуйои Кин, все было нормально, но этот... — шиноби только разочарованно головой покачал.

Мы еще потрепались немного, я спрашивал о местных слухах, он — о том, что в Конохе творилось.

Хидики взял паузу, чтобы набрать воздуха, и тут тишину нарушил drobный перестук. Мы почти синхронно обернулись к мишеням, ведь Наруто кидал тише и вообще уже наигрался с железом и теперь стоял рядом, слушал. А подопечные Синьки ушли в казарму еще раньше.

Повернув головы, мы трое обалдели. Анко быстро бросила еще пять кунаев к уже торчащим из мишени сюрикенам. И все они воткнулись в центр движущихся соломенных маятников на пеньковых веревках. Нет, все шиноби умеют кидаться разным железом, но было видно, что Митараша на голову превосходила всех местных — и по скорости бросания, и по меткости... Да по всему.

Она стояла и победно улыбалась, а я не мог отвести от нее взгляд.

Рядом хлопал глазами пораженный и завидующий мне Тоши и надувшийся Наруто. Ведь когда он бросал, мы не обращали на него внимания. Макуто поднял голову от блокнота, посмотрел на мишени, на Анко, потом снова уткнулся в свои записи. Его заинтересовала ее техника, но он не стал спрашивать — просто запомнил.

— Анко-чан, ты бесподобна, — совершенно искренне сказал я, переведя взгляд с мишеней на сияющую девушку.

Идиллию прервал крик Наруто:

— Пожалуйста-пожалуйста, научи меня!

Анко даже растерялась, когда мелкий засыпал ее вопросами и просьбами дать совет, а мы с Тоши сдержанно похихикали, скрыв смешки за кашлем.

Я думал, что нам придется жить вместе с корневиками, но нам выделили старый добротный дом недалеко от моря. Если хорошенько прислушаться, то можно было услышать шуршание волн через шелест пальмовых листьев. Высокую зеленую арку в заборе украшал короб с колоколом, видимо, изображая собой звонок. Наруто тут же дернул за канат, и по окрестностям разнесся громкий чистый звон.

Мне так хотелось сходить на пляж, но ничего не получилось: несмотря на то, что дел было мало, провозились мы до полудня. Только те, кому свою шкурку не жаль, ходят на пляж в полдень. Вот мы и не пошли.

Когда тени снова стали удлиняться, кто-то позвонил в колокол три раза, так что спутать гостей с ветром бы не удалось.

У ворот нас ожидали двое мужчин в костюмах, при галстуках и с чемоданчиками. Они представились как Акира Удо и Макимачи Мисао из Компании Гато. Честно пытался вспомнить местных Пат и Паташон, но эта колоритная парочка явно была мне незнакома. Удо — высокий и худой, задумчивый меланхолик; Мисао — низенький толстяк, подвижный и шустрый.

Быстро, как репер песенку, зачитав официальную часть, они сходу попытались нагрузить меня своими проблемами. Естественно, их пришлось выслушать; узнать жалобы, предложения и пожелания. Больше всего их смущало то, что представитель дайме настаивал на плате в казну несмотря на то, что порт должен был расположиться на земле моего клана.

Похоже, что некоторые вещи во всех мирах одинаковы и за свои кровные мне придется сражаться не на жизнь, а на смерть.

Макуто при этом разговоре стоял у двери и молча записывал имена и претензии. Он не вмешивался, но я знал, что он готов в любой момент подхватить любую деталь.

На следующий день я уже стоял перед двором виллы, где жил человек... мерзавец, гад и подлец, который захотел наложить лапу на мои деньги.

Вид чаши с белыми в оранжевых пятнах карпами перед домом чинуши из Никко неожиданно отправил меня на экскурсию в прошлое.

Пришлось постоять в сторонке, вспомнить, глюки посмотреть.

Прямо на этом месте, до того как тут отстроили эту роскошную виллу, был дом для собраний, а точнее, то, что от него осталось после войны. Каменные стены и деревянные пристройки с черепичной крышей, покрытой мхом. Ноги «помнили» лакированные широкие доски в коридорах и плетеные татами в самом доме. И каменные стены самого

первого Большого дома. Уже тогда полуразрушенный дом казался Ируке и его немногочисленным ровесникам ветхим, полным призраков и всевозможных домашних духов. Вплотную к Большому дому стоял маленький каменный храм, его после войны даже пытались восстанавливать — просто из приличия. К счастью, он во время войны пострадал мало — там только крыша была не родной. В центре зала стояла металлическая тренога, а на ней — крупная каменная, никогда не высыхающая чаша с морской водой. Такой крупный булыжник диаметром около метра или чуть больше, обтесанный морем без помощи человеческих рук, и только если присмотреться, то можно было заметить на внутренних стенках зарубки, складывающиеся в печати. Кроме чаши еще были полосатые валуны с печатями Узумаки — для проведения ритуалов. В этом храме детей вносили в защиту клана — прописывали в барьерных печатях. Здесь подтверждали родство при помощи, опять же, печатей. Здесь приносились клятвы и заключались важные договоры. Все это мне рассказывал и показывал старый Умино Рью, дедушка Ируки по отцу. Он умер вскоре после переезда в Коноху, я вспомнил, что его могила находится на старом кладбище, а не там, где расположен мемориал павшим от лап биджу.

И вот эта самая чаша сейчас украшала передний дворик посланника дайме! Эта самая чаша, теперь засранная карпами и установленная на три булыжника из храма! На три булыжника с барьерными печатями!

— Я его убью, — зло прошипел.

Меня не слабо трясло от злости, когда я направился к особняку широким шагом. А на вопросы недоумевающих Наруто и Анко, которые меня притормозили, я ответил так:

— Это все равно что мясо жарить на Вечном огне!

В филиале Храма Огня в Конохе тоже было ритуальное вечно горящее пламя, потому мое сравнение поняли и ужаснулись. Макуто, услышав это, перевёл взгляд на чашу и замер. Его лицо осталось спокойным, но я заметил, как его пальцы сжались на рукояти танто. Он тоже узнал в этих камнях нечто большее, чем просто украшение.

Нас просто не пустили на входе привратник и охрана. С большим трудом мне удалось вернуть контроль над собой, чтобы поинтересоваться причиной:

— Почему это он не может принять владельца этих земель?! Он настолько занят?

Обоих охранников в белых доспехах мое КИ пробрало, но они старательно пытались не показывать вида, а вот привратник, бледнея и потея, проблеял:

— Э-э, простите, Умино-сама, но э-э-э, г-господин наместник не может вас принять. У него очень много дел.

Я уже стал подумывать о том, чтобы убить зарвавшихся слуг, но, на их счастье, Анко и Наруто, заметив, что со мной явно что-то не так, поспешно утащили меня оттуда. Вовремя. Обошлось без жертв. Стараясь успокоиться, я удивлялся тому, насколько сильно я стал походить на Ируку. Похоже, здесь, на Каменистом побережье, мне придется быть вдвойне осторожным. Через пару часов я немного остыл и вернулся, чтобы уточнить, когда же наместник сможет меня принять.

Дальше началась чернушная комедия. Потей и вздрагивая от ужаса, привратник передал слова мне наместника дайме о том, что мне назначена встреча только через семь дней. Это какая-то запредельная наглость! Я, глава клана, на территории которого он незаконно возвел свою хату. И он же заставляет меня ждать аудиенцию целую неделю?! Да за осквернение храма моего клана его стоило убить на месте, а не ласы с ним точить!

И снова Анко и Наруто не дали мне всех поубивать. Они прямо местные ангелы-хранители!

И надо же было снова заявиться Пату с Паташоном! Не стеснясь, я рыкнул на них, что ничего нового сообщить не могу. Они покивали и пришли на следующий день. И не слезали с меня, теребя по два раза в день. Нет, серьезно, эти люди — злостные самоубийцы!

Целых два дня я был сам не свой и не мог заставить себя забыть эту чашу из храма. У меня руки зудели сделать для Карпа какую-нибудь гадость. Желательно с летальным исходом для него.

На этой почве даже поругался с Наруто и Анко. Мальчишка тормозил меня, пытаюсь вывести из состояния озлобленной задумчивости, совмещенной с депрессией и жадой убийства. Девушке это не понравилось. Не то, что я злющий как черт, а то, что мелкий хотел меня развеселить!

Они затеяли очередную ссору ни о чем. Ее начало я снова пропустил и обратил внимание на ссорящихся Узумаки и Митараши только тогда, когда они начали ругаться слишком громко и отвлекать меня от рисования взрыв-тегов. Самой удачной идеей мне показалось взорвать этот дорогой сарай к чертям собачьим! Макуто, сидевший в углу, отложил свой блокнот и посмотрел на меня. Он не вмешивался, но я видел — он ждал моей реакции.

— Хватит приставать к Ируке! — удерживала девушка Наруто за руку.

— Я хочу, как лучше! — безуспешно вырывался тот. — Ты вообще ничего не делаешь!

— Ты уже сделал как лучше! Он из-за тебя память потерял!

— А ты его чуть не убила! — наконец одним гибким движением высвободив руку из захвата, обвиняюще выкрикнул ей в лицо мальчик.

В общем, я сорвался и, долбанув рукой по столу, некультурно наорал на обоих. Даже КИ выпустил.

После этого Макуто поднялся и вышел во двор, не сказав ни слова. Он не любил, когда кричат. Вернулся через несколько минут с охапкой каких-то трав и молча принялся заваривать чай.

На следующее утро мне было очень стыдно, и я, попросив прощения за вчерашнее, предложил всем нам сходить развеяться на море. Пообещал, что покажу кое-что интересное. На роль зрелища был предназначен призыв Дельфинов, которых в Конохе негде было вызвать.

Макуто согласился без лишних слов. Он вообще редко отказывался от возможности выйти на берег.

В первый день, когда меня понесло к маяку, на обратном пути я заметил небольшой уединенный пляж под ним, между скал, до которого можно

было добраться только по воде или если спуститься с уступа вниз, туда я и направился.

Узумаки пробежал легко, а вот мы с Анко задержались. Она ступала между волн, рискуя замочить не только ноги, но и плащ. Решив погеройствовать на ровном месте, я подхватил Митараши на руки и рванул по гребням на землю. Будь пляж дальше, я бы опростоволосился, потому что Анко не стеклянная, а я не видел волн под ногами. Макуто, шедший следом, бесшумно перепрыгнул через очередную волну и оказался на берегу раньше нас. Он огляделся и кивнул — чисто.

Удивленно ойкнув, она схватилась за мой воротник, а затем рассмеялась, заглядывая в глаза. У Анко сейчас было негромкое, мягкое «ха-ха», словно в противоположность звонкому смеху, который от нее я слышал в театре.

— Я осмотреться, — бросил я не оборачиваясь Наруто и умчался разведывать территорию.

— Может, отпустишь? — тихо спросила девушка. Но судя по ее лукавой улыбке и настроению, она была совсем не против.

— Не-а, — радостно ответил я, — не отпущу.

Так и ходили: впереди Наруто, позади я с довольной, как слон после купания, Анко, а Макуто замыкал шествие, иногда поглядывая по сторонам.

Пляж оказался гораздо больше, чем мне виделось сверху, потому что под маяком вода вымыла арку на берег за скалой. Второй пляж имел куда больший размер, и песок здесь был не серый, несмотря на скалы, а белый, почти как снег, хотя местами его уже заменила мелкая серая галька. Мои догадки об искусственном происхождении пляжа подтвердил каменный домик с отсыревшими печатями на стенах и барельефом в виде дельфинов на внешних стенах. В них не осталось даже намека на чакру. Просто испорченная бумага. Наруто покачал головой и срисовал печати, которые еще можно было разобрать. Макуто подошел к стенам, провёл рукой по барельефу, закрыл глаза. Через секунду открыл и покачал головой: пусто.

— Тут полно черной плесени, не стоит нам дышать этой гадостью так долго. Наруто, еще успеешь скопировать.

Он послушно кивнул и убрал блокнот и кисть с чернилами. Походный набор у мальчика был похож на бамбуковый тубус, что-то похожее я видел у Сая в аниме. Простенький на вид, но напичканный печатями и дорогими компонентами.

Жесты-печати я повторил по свитку, а когда понадобилась кровь для активации, чиркнул по пальцу чакроскальпелем. Я ж не дурак, грязные руки грызть ради пары капель!

Анко иронично подметила:

— Ты в бою будешь так же делать?

Прервавшись, ответил:

— Когда припрет, может быть, и погрызу пальцы, а пока не хочется. Не голодный, — и еще язык высунул, дразнясь.

Снова повторив серию ручных печатей, хлопнул ладонью по песку, отпуская небольшой «комочек» чакры, — я не собирался призывать кого-то типа Гамабунты. Как воспользоваться призывом, я уже знал из клановых свитков и из воспоминаний во время медитаций. Да и тело помнило последовательность действий для призыва. Так что я не сомневался в успехе.

Макуто остался на берегу, положив руку на рукоять танто. Он не знал, что появится, но был готов к любой угрозе.

В метре от меня вода вспухла здоровенным пузырем, который, словно нож, прорвал серо-стальной плавник размером сильно больше, чем я ожидал.

Даже забеспокоиться не успел, когда эта испещренная глубокими, явно свежими, шрамами зверюга крутанулась на месте, толкнув хвостом на берег гигантскую волну. Напор был такой силы, что меня мотало, как щепку в шторм. А затем долбануло спиной о неожиданно твердое дно, выбив из легких бесценный воздух. Не успел я толком вздохнуть, оказавшись на поверхности, как вода вместе со мной взметнулась вверх, заключив в подобие водяной тюрьмы. Мир стремительно менялся местами — столб воды, в котором я болтался, вращаясь, мчался прямо на берег. Я

даже не мог понять, в какой стороне море, а в какой берег, и боялся открыть глаза, чтобы в них не попал песок.

Дыхания не хватало, паника захлестнула мозг, я чуть было не вздохнул несмотря на то, что где-то на краю сознания понимал — наглотаюсь воды и утону. Но она вдруг пропала, и я рухнул в сырой песок, ударившись плечом и ничего не видя из-за слезящихся от морской соли глаз. От столкновения я потерял сознание. Мне показалось, что вырубился я буквально на мгновение.

Макуто молниеносно переместился к воде, выхватив танто. Он не атаковал, но занял позицию между дельфином и теми, кто был на берегу.

— Ирука! — попыталась поднять меня Анко. — Ирука!

Не заметив рядом с ней мелкого, беспокоился:

— Где Наруто? — через силу распахнул я глаза и замер, в ужасе наблюдая за ярко-рыжим «костром» на море, в который превратился Узумаки, окруженный чакрой биджу.

Прозрачный силуэт отражался на поверхности моря оранжевыми бликами. Мальчик стоял на четвереньках напротив громад болотно-зеленого и серого цветов. Подробнее я не мог разобрать из-за рези в глазах.

— Наруто! — изо всех сил крикнул я, но он не повернулся на оклик.

Сделав усилие, я поднялся, придерживая вывихнутую руку. Волна чакры Кьюби пробудила старые воспоминания. Боги, как же невовремя! Колени предательски дрожали, а внутренний голос нашептывал мягким голосом Майн: «Беги, беги и не оглядывайся»! Мне почудилась гарь, стоящая комом в горле, и дым. На фоне неба проступили очертания разрушенной Конохи и рыжий силуэт, пока еще прозрачные и смутные, но они грозили вот-вот отрезать меня от реальности. Меня накрыло волной чужого первобытного ужаса и, как ни странно, чувство дежавю. Будто со мной все это уже было. Тело начало становиться словно чужим, неуправляемым.

Макуто, заметив мое состояние, сделал шаг ко мне, но не отвёл взгляд от моря. Он перехватил танто обратным хватом, готовясь к обороне.

— Анко, ударь меня, — шипя, выговорил я, впиваясь ногтями ватных пальцев в плечо вывихнутой руки. Боль отрезвляла, но не настолько, чтобы окончательно прийти в себя.

— Ты с ума сошел?!

— Бей, — прошипел громче я, едва сдерживая воспоминания, которые теснили реальность все сильнее, — бей!

— Куда?

— Бей, дура, мать твою! — рявкнул я, не сдержавшись.

Злость и боль — это то, что удерживало мой разум от того, чтобы утонуть в чужом, а теперь и своем ужасе. Я начинал себя чувствовать, как тогда, в госпитале, когда Ирука перехватил контроль над телом, чтобы ответить ирьенину.

Звонкая пощечина отозвалась вспышкой боли в ушибленном затылке и чуть не отправила меня в беспамятство, но видение исчезло, а дикий ужас за свою шкуру и наступающее ощущение, будто тело меня больше не слушается и принадлежит кому-то другому, уступили место страху за Наруто. Из канона я помнил, что эта чакра делает Узумаки берсерком и медленно убивает, разрушая его тело.

— Анко, мне нужна твоя помощь, — не отрывая глаз от мальчика, обьятого оранжевой чакрой, сказал я. — Плечо. Вправь.

Она понятливо кивнула, и через секунду меня пронзила вспышка боли, заставив вскрикнуть. Сустав встал на место. Боль заставила выгнуться, сжать зубы, но окончательно отрезвила.

Как там говорили: страх убивает разум? Не знаю, как там у других, но меня тут страх точно чуть не убил!

А в это время в море развернулся настоящий бой титанов: ненормально огромные дельфины и крабы единым фронтом теснили джинчурики, пытаясь достать его струями воды и гигантскими волнами. Наруто уворачивался от первых и перепрыгивал вторые. Тогда Дельфины вместе, с трех сторон, вызвали очередную волну и издали какой-то низкий, скрежещущий звук. Даже меня, находившегося относительно далеко от

основной битвы, достало и пробрало до самых зубов. Да что там зубы! У меня даже кости завибрировали, словно я стоял у колонок на рок-концерте, а только что вправленный сустав откликнулся болью. Да что это было?!

Макуто пригнулся, зажав уши руками. Он не мог использовать свою технику ультразвука — звуковая волна дельфинов слишком сильно мешала. Но он не отступил.

— Мы ему ничем не поможем, — обеспокоенно вглядываясь в лицо, удержала меня Анко. — Нас раздавят и не заметят.

— Не обязательно лезть самим, — беспокойно вздрогнул я, посмотрев на бой. — Твои змеи смогут их отвлечь? У меня есть план.

— Хорошо, я попробую.

Впрочем, ничего толком мы сделать не успели. Едва девушка призвала змею, как морские обитатели все-таки достали Узумаки.

Наруто перепрыгнул и этот гребень, прорвавшись сквозь него рыжим метеором, но потом его встретила вторая волна — того вопля, который издали дельфины. Видимое искажение в воздухе ударило Наруто, срезая с него клочья чакры и заставляя его пригнуться. И тогда они запустили еще одну звуковую волну.

Стремительно теряя обрывки рыжего покрова, Наруто пролетел мимо нас с Анко, прямо над головой желтого удава-переростка. Слишком высоко, чтобы можно было поймать, смягчив падение.

— Скорее! — бросил я, рванув к Наруто и на ходу создав клона, чтобы тот вместе со змеем отвлекли внимание взбесившихся зверей.

Подбежав к Узумаки, я пощупал пульс на шее.

— Есть! Дыхание есть. Так, — вслух проговаривал я, — техника диагностики... Позвоночник цел. Голова вроде тоже... Фух... Ну, брат, — сказал я по-русски, — да ты сплошной синяк. Но вроде ничего угрожающего жизни нет.

Я вздохнул, бережно подхватил крепко помятого ребенка на руки и обернулся, чтобы позвать Анко, но чуть не столкнулся с ней. На лице девушки явно читался ужас и понять причину было проще простого — нас окружили. А желтый удав, смирно, как веревочка, висел в клешнях гигантского краба.

Ломая пальмы, с трех сторон подошли покрытые бронированными доспехами и зелеными наростами крабы размером с двухэтажный дом, а большая часть берега ушла под воду, позволив огромным серым тушам дельфинов подобраться вплотную. Макуто встал перед нами, заслоняя собой. Его тавто был наголо, чакра — сжата. Я чувствовал, как он готовится ударить первым, если потребуется.

— Что вам надо? — выкрикнул я, поняв две вещи: отступить некуда и на нас почему-то пока не нападают.

— Мы хотим найти своих детей, — пробасила особенно здоровая серая громадина, обдав нас волнами тоски, боли и сожаления.

Размером зверюга была даже больше той, которую я случайно вызвал, но у той нос был сбит сильнее и на плавниках полукруглые следы, похожие на укусы акулы.

— Сочувствую, — без капли сожаления ответил я, цепко наблюдая за морскими гадами, грамотно взявшими нас в кольцо, — но не имею понятия о том, где ваши дети.

— Наши дети были украдены призывом. А ты — последний призыватель, Ирука, — пророкотал голос второго слева от «мамаши» дельфина.

Я нервно сглотнул, почувствовав особенно сильный удар сердца где-то в районе горла.

— Это не я! Я никого не призывал почти год! — Тут всплыло воспоминание: — Нет, два с лишним года! В Конохе вас даже некуда призывать, там нет моря и большой воды!

— Он не лжет, — с болью в голосе сообщила дельфиниха.

В голове мелькнула мысль о том, что я зря прикасался к призывному свитку. Надо бы его сжечь к чертям собачьим! Хотя, может, еще не поздно?

Я понимал, что по-хорошему мне нужно было спросить, что у них произошло, но первое впечатление вызывало только прилив адреналина, страх и дикую злость. Если бы я знал наверняка, что сожженный свиток отправит этих пережравших анаболиков обитателей моря назад, я бы его тут же спалил. Рисковать совсем не хотелось. Лучше уж быть совсем без призыва, чем с призывом, который хочет тебя убить! Но даже если уничтожение свитка отзовет дельфинов, то крабы никуда не денутся, ведь их призвал не я.

Морские обитатели тем временем моему чистосердечному признанию почему-то не обрадовались и стали что-то обсуждать между собой чириканьем, режущим ухо треском и другими непонятными людям звуками.

— Ирука? — как сквозь дремоту позвал мальчик и закашлялся. Видимо, успел воды наглотаться.

— Я здесь, — переложил его себе на плечо и похлопал по спине, помогая откашливать воду. — Все хорошо.

Макуто отошел в сторону, но остался в поле зрения. Он не опускал танто.

Наруто кивнул и вцепился в мой жилет.

— Я ду... думал, тебя убили, — хлюпая носом и заикаясь, будто ему не хватает воздуха, пролепетал Узумаки. Кажется, его трясло. Или это меня потряхивало?

— Тише. Будущие хокаге по пустякам не плачут. Правда же?

— Ты-ты не пу-пустяк! — яростно замотал головой мальчишка. — Я думал, ты погиб! Ты-ты упал и все...

— Я только воды наглотался, — слегка приврал я. — Воображение с тобой сыграло злую шутку. Все в порядке.

— Угу, — промычал Наруто, а затем, отстранившись, с трудом изобразил кивок.

Он старался держаться, но все равно шмыгал носом и, шипя, украдкой вытирал мокрые глаза сбитыми до ссадин на костяшках руками.

Вздохнув, я успокаивающе погладил мальчика по волосам.

— Ты должен помочь нам, — заявил один из крабов, махнув клешней, так что нам на голову посыпались листья. — Наши дети в опасности!

Это хорошо, что он все-таки почти разминулся с пальмой, задев лишь самую верхушку, и то вскользь. А то бы на нас упали не листья, а весь ствол. И на этом моя помощь этим придуркам и закончилась бы, не начавшись.

— Странная у вас просьба о помощи. Многие бы после этого контракт разорвали, — не сдержавшись, огрызнулся я.

Меня раздирали противоречивые чувства: с одной стороны, хотелось высказать им все, что о них думаю, за явно ошибочную атаку и за чуть не уроненную на нас пальму, а с другой стороны как-то не хотелось хамить тем, кто мог без проблем прикончить одним ударом всех троих.

— Мы приносим свои извинения, Ирука-кун, — ответил самый здоровый дельфин. — Мы допустили оплошность, но ты обязан нам помочь!

— Что значит обязан?! — неприязненно воскликнул я, не сдержав язык за зубами. — И что вы именно от меня хотите? Я не знаю, кто, где и почему похищает ваших детей. Я не думаю, что мы сможем вам чем-то помочь!

— Ирука, не говори так, — все еще шмыгая носом, сказал мальчик, — им нужна наша помощь, и мы спасем их детей!

— Ты сам-то понял, что сказал? — недоуменно спросил я.

Чип и Дейл недоделанный. Герой недобитый. Его чуть не пришибли, весь синий — даже фингал под глазом есть. Мелкий сейчас наверняка даже ходить-то может с трудом, а все туда же — лезет спасать и освобождать. Даже плевать, что не принцессу, а всяких морских гадов.

— Да, — нерешительно отозвался мальчик, — Если бы они знали, что мы хорошие, они не стали бы нападать. Они подумали, что мы плохие, потому напали.

Поморщившись, я хмуро взглянул на зверей, словно вижу их впервые.

— Ирука, — мягко легла ладошка Анко мне на руку, — может, ты все же выслушаешь?

— Вы сговорились, что ли?! — недовольно пробурчал, рассмешив этим Наруто.

— Без награды не оставим, — булькнул краб с удавом, посчитав, что я набиваю цену.

— Я выслушаю, но помочь не обещаю. Я не...

— Все вы, Умино, одинаковые, — фыркнула дельфиниха, закатив глаза.

— Избегаете ответственности и однозначных формулировок.

— Я не всемогущ, — упрямо договорил я, повысив голос, и хмуро взглянул прямо в глаз дельфинихи. Серые туши к нам были повернуты боком.

— Кроме того, не так давно я потерял память и даже не знаю ваших имен. И еще, — я обернулся к крабу, — пожалуйста, змею отпустите.

Слитный вздох и ошарашенные взгляды — они прямо как люди.

Выслушав мою историю, один из крабов заметил:

— Но ты сказал, что не призывал два года, а память потерял совсем недавно. Ты чего-то не договариваешь!

Не удержавшись, я прикрыл лицо рукой.

— При амнезии память возвращается или полностью, или частично, как в моем случае! А теперь, пожалуйста, назовитесь!

После того, как все представились, я какое-то время пытался поймать хоть какой-то отклик, но потом чертыхнулся и сказал:

— Повторите, я запишу, кто есть кто. Не могу я вас вспомнить.

Пока зверинец представлялся снова, удав ушуршал к хозяйке и теперь кольцами обвивал наши ноги, прижавшись к нам, как побитая собака. А Наруто, которого пришлось поставить на землю, осторожно гладил чешуйчатый бок. Макуто убрал танто, но не в ножны — держал в опущенной руке, готовый в любой момент вновь поднять.

— Все началось год назад... — начал Кента, тот шрамированный дельфин.

Некий преступник специально вкладывал в дзютсу призыва мало чакры, чтобы призвать молодняк.

Дело было в том, что взрослые животные могли «отказать» призывателю и не явиться на зов, а малышня «отвечает» автоматически, и тогда вместо жабы появляется головастик, как в манге было у Наруто.

Но раньше малыши всегда возвращались к родителям, а сейчас — нет. Кто и зачем похищал маленьких крабов и дельфинов — никто не знал. Поэтому общим советом дельфинов и крабов решили, что на следующий же призыв, независимо от количества вложенной чакры, придет Кента и вызовет всех остальных.

— Ирука-сан, я знаю, что у тебя не сложились отношения с нашим кланом и я лично сказал, чтобы ты меня больше никогда не призывал, — эти слова тяжело давались Кенте — главе дельфинов. — Но сейчас именно тебя я прошу сделать все возможное, чтобы спасти наших детей. Нам больше не к кому обратиться. Если ты поможешь, то мы поклянемся всегда выполнять твои просьбы и навсегда забудем о прошлых разногласиях.

«У Ируки что, даже с собственным призывом были разногласия? Как он умудрился настроить против себя столько народа? Как?! Это какой-то особый Талант с большой буквы, не иначе!»

— Мы тоже подпишем с тобой контракт, хотя никогда ни с кем, кроме клана Узумаки, этого не делали, — пробасил Хадзиме, глава крабов. Он тоже постоянно дополнял рассказ дельфинов, активно жестикулируя клешнями, так что наш удав дрожал.

— У вас что, правда был контракт с моим кланом? — влез любопытный Наруто.

Краб грузно стукнулся брюхом о землю и даже чуть вкопался, так что его морда оказалась всего в нескольких метрах от нас. Меня аж передернуло, когда Хадзиме почистил вытянутые, мутно-салатовые глаза жвалами.

— Ты не похож на Узумаки. У них красные, как человеческая кровь, волосы. Но у тебя похожая чакра, — пошевелил он мерзкими буркалами.

— Его мать была из клана Узумаки, — уточнил я, стараясь не смотреть в полную желтой пены пасть краба.

Морские обитатели переглянулись. Кента медленно повернул голову к Наруто, и в его глазах мелькнуло что-то вроде узнавания.

— Тогда... — начал он, но замолчал.

Макуто замер. Я чувствовал, как его чакра — та, настоящая, которую он так тщательно скрывал — дрогнула. Он стоял неподвижно, но я знал — он услышал в словах краба нечто важное. Фаруды всегда были вассалами Узумаки. Для них этот разговор был не просто беседой о контрактах.

К счастью, призывы оказались то ли понятливыми, то ли ленивыми, и дальше тему родни мальчика развивать не стали. Взяв с меня обещание и обговорив, как правильно их призывать, если у меня появятся для них новости, дельфины и крабы удалились в море, а уже там с хлопком пропали. Змей, наконец, разжал кольцо вокруг нас и успокоился.

— Анко, ты цела?

— Все хорошо, только вымокла, — сказала девушка, выжимая полу плаща.

Немного подумав, она вовсе его сняла, оставшись в сетчатой маечке и потемневшем от воды тонком бежевом топе, который трудно было не заметить. Пришлось отвернуться, чтобы не смущать девушку оголодавшим взглядом.

Мокрая одежда липла к телу, но сейчас было не до того. Я оглядел пляж. Белого песка почти не осталось, сам пляж стал вдвое меньше, везде ямы и рывтины, пальмы переломаны, на берегу клубки свежих водорослей и донного мусора. Тут даже один ржавый якорь валялся с куском цепи.

Макуто осмотрел якорь, потом перевел взгляд на море. В его глазах читалась странная тоска.

— Был пляж, и нет пляжа, — пораженно покачал я головой.

В это время Наруто, баюкая руку, пошел к змею, который отполз от нас на сухой песок.

— Куда? А лечиться?

Мальчик обернулся, задумался на мгновение и похромал обратно:

— Змейке помочь хотел, — он поморщился от боли. — У нее чешуя задралась и кровь выступила.

— Я потом змее помогу, а сейчас — сядь сюда и не вертись.

Посадив Наруто на крупный булыжник и сняв с него верхнюю одежду, я принялся его лечить, попутно расспрашивая, что он стал бы делать в такой ситуации. Хотел отвлечь от боли и заодно проверить, насколько хорошо он усвоил тему о сборе информации. Да и от мыслей про Кьюби его пока тоже стоило отвлекать. Пусть для начала успокоится и придет в себя, а поговорим позже.

— Есть идеи, откуда лучше начать расследование? Я имею в виду место, — спросил я, не отрываясь от работы.

— Ну, — протянул Наруто, — спросим у рыбаков, — и неуверенно глянул в сторону Анко.

А она в ответ засмеялась, смутив его:

— Обычные рыбаки не имеют к этому никакого отношения. Ты что, не слышал? Их призывали!

— А, ну да, точно... Я забыл, — расстроился мелкий.

Победно улыбнувшись, Анко взглянула на меня, а я разочарованно покачал головой:

— Вообще-то Наруто прав, следует попробовать поспрашивать у рыбаков, — сказал я, а затем повернулся к мальчику: — Они могли слышать какие-нибудь слухи или видеть что-то необычное...

И тут мне в голову пришла отличная мысль:

— Если мелких дельфинов и крабов держат в закрытых бассейнах, — размышлял я вслух, — то им нужно много еды, и покупать рыбу должны у местных рыбаков! Или, если они сами ловят, то рыбаки должны жаловаться на плохой улов и конкурентов!

Наруто смотрел на меня с раскрытым ртом. Митараши повела себя куда сдержаннее, но тоже удивилась. Макуто, который уже успел свернуть свой танто и подойти ближе, кивнул, подтверждая логику.

— Учитесь не отбрасывать мысли, какими бы бредовыми и дурацкими они на первый взгляд не показались, — улыбнувшись, сказал я им.

— Правду говорят, что профессия накладывает свой отпечаток, — посетовала Митараши.

— Я обиделся, — дурашливо заявил я и, наиграно надувшись, сложил руки на груди, чем развеселил обоих.

Змей благосклонно принял лечение и терпеливо — поглаживания от Наруто, а после попросился остаться еще ненадолго, погреться.

Анко не стала возражать, хотя именно ей, как призывающей, придется делиться с ним чакрой все время, пока он тут находится. А я за это время с помощью Анко зафиксировал свою травмированную руку и, как мог, попытался ее залечить.

— Не стоило мне так активно пользоваться рукой.

— Что-то не так? — бережно провела Анко пальцами по поддерживающей повязке.

— Нет. Вроде получилось, так что завтра, я надеюсь, можно будет обойтись и без повязки.

Одежда уже начала подсыхать, так что пришлось идти в дом переодеться, чтобы не щеголять белыми соляными разводами.

После этого мы вдвоем с Наруто отправились опрашивать местных. Естественно, под хенге. Макуто остался в доме — он сказал, что проверит окрестности на предмет следов. Но я знал, что он тоже будет собирать информацию, только по-своему. Его сенсорные способности позволяли ему слышать и чувствовать то, чего не замечали мы.

Я представился приезжим рыбаком с сыном, который искал новый дом и работу, после того как бежал из Страны Волн. А Митараши решила остаться, сказав, что жене «рыбака» нужно дом «обустраивать». Кроме того, она намекнула, что неплохо бы «осмотреться».

Уже через пару часов мы знали, где местные рыбаки сбывают свой улов и как живут.

— На одном острове неподалеку от Большой отмели, она так и называется — Большая отмель, — поделился с нами поджарый, похожий на сушеную воблу рыбак, — там какие-то шиноби. Повязок не носят, ну, этих, с пластинками, Но всякие штуки, эти, шинобские, делать умеют. По воде ходят, когда корзинки с рыбой с лодок собирают. Чего с этой рыбой они делают, не знаю. Мне не интересно. Платят хорошо, всем хватает. А им все равно мало той рыбы. Еще просят!

С расспросами мы управились быстро, потому что Наруто попросил сходить на пляж снова, чтобы перерисовать в блокнот остальные печати.

Пройдя знакомым маршрутом в арку под маяком, мы увидели тот же самый пейзаж. Хотя ямы немного сгладились волнами, но в остальном ничего не изменилось.

Пока клон старательно копировал в тетрадь печати, мы с Наруто присели на ступеньки разбирать коробку с каким-то хламом, который нашелся в углу. Большая часть вещей испортилась, но кое-что еще можно было взять.

— Это, наверное, были кисти, — показывая полуистлевшие палочки, сказал мальчик.

— Похоже на то, хм, а чернильницы целые, только одна с трещиной.

— Вымыть, и будут как новые!

Перекатывая в целой руке шарообразную склянку, я тихо сказал:

— Наруто, ты что-нибудь помнишь после того, как на меня напали?

Перестав копать, Узумаки тяжело вздохнул и медленно отряхнул руки, будто оттягивал время.

— Если не хочешь рассказывать, то не надо. Гляди, — я неловко попытался сменить тему, — тут только пробку заменить и...

— Я думал, ты не спросишь, — тихо сказал Наруто, смотря в песок под ногами.

— Хотел раньше, но все время мешали, — начал оправдываться я, посчитав, что дело в моей нерасторопности, но, не дослушав, мальчик помотал головой.

— Нет. Просто неприятно вспоминать, — печально и тихо произнес он. — Я не хотел вспоминать.

— Извини.

Вздохнув, Наруто подтянул колени к груди, обняв их руками. Теперь от него исходили эмоции, которые можно было назвать застарелым страхом: отчаяние, безысходность и одиночество. Какое-то время мальчик молчал, точно забыл, что я рядом, а потом заговорил:

— Как сон наяву про коридоры и красные глаза, — невыразительно, как в трансе проговорил Наруто. — И зубы. Огромные зубы. Оно злое и очень сильное. У него большие острые когти, и оно ими скребет так гадко-гадко, как мелом по доске или как кунаем по стеклу.

Придвинув к своему боку, я приобнял Наруто, жалея, что кроме поддержки никак иначе помочь не могу.

«Да даже окажись я во внутреннем мире около клетки с Курамой, что бы я ему сказал? Не знаю».

— Наруто, а Он говорил с тобой? — тихо проговорил я, не надеясь на ответ.

— Нет. Рычал и страшно шумел. — Образ темного облака, каким я представлял эмоции Наруто, стал блекнуть. — Он будто управлял мной, когда я сам разозлился. Я стараюсь никогда не злиться, чтобы он не просыпался. Когда я его случайно бужу, он насылает кошмары.

— А разве раньше с тобой было что-то подобное? Оранжевая чакра над кожей.

Мальчик помотал головой, а затем задумчиво почесал нос, будто поспешил с ответом, в котором сам был не уверен.

— Нет, точно, только в кошмарах, — отозвался Наруто, закрыв глаза, и, будто собрался вздремнуть, удобнее устроился под боком. — Когда я просыпался, ничего такого не было. Я не хочу больше так злиться.

— Хорошо, если не будешь. Злость в бою только мешает и делает тебя предсказуемым... ну вот, — я тяжело вздохнул, — прости, я опять занудничаю.

— Можешь занудничать, — не открывая глаз, заявил мелкий и улыбнулся, как обычно, широко и счастливо, — я не против.

Перед уходом мы еще раз решили осмотреть пляж и в одной из ям нашли крупную серебристую рыбину с серповидным хвостом, которая быстро кружила на дне, как в аквариуме. Если бы такую же я не видел на прилавке местного рынка, я бы ее там и оставил. А дома уже Анко подтвердила, что рыба съедобна и называется «голубой тунец».

Дома, как дикий человек, я поджарил ее на костре на заднем дворе, потому что у нас не было с собой большой посуды для готовки. Только чайник. Не думал я, что нам придется готовить самим. Домик, хоть и выглядел гораздо лучше всех халуп в районе, оказался совершенно пуст. Ели из своей посуды, свою еду, спали в спальниках, готовили только чай. Едой нас Синька обещал обеспечить сегодня-завтра, а до этого времени мы питались тем, что принесли в свитках из Конохи.

Дайте жалобную книгу, этот отель не тянет на заявленные пять звезд!

У местных с едой тоже выбора особого не наблюдалось: или готовь то, что купил на рынке, или то, что поймал, или ешь в столовой при бараках. В самом крайнем случае в забегаловке низшего пошиба — заведении для самых богатых среди нищих. Это тебе не город-миллионник вроде оставшихся в прошлой жизни, где на каждом шагу по кафешке, а за каждым углом или ларек, или продуктовый. Даже в Стране Волн, когда мы там были, все же было не так бедно и гораздо многолюднее. Впрочем, как раз последнее было неудивительно. Войны шиноби жестоки, и население на территории боевых действий часто вырезают под ноль.

Утром, как обычно, меня разбудил Наруто на тренировку. Если бы не он, я бы дрых до упора, наплевав на все.

— Ты ж моя совесть, — зевнув, я потрепал мальчишку по волосам, — чего придумал?

— Бегать по морю! — азартно воскликнул Наруто и добавил: — Около дома неудобно, места мало.

— И это все? — хмыкнула Анко, с хлопком убрав свой футон в свиток.

Это что ж получается, я встал позже всех?

— А рука у тебя уже не болит? — спросил Наруто.

Я задумчиво глянул на повязку, пошевелил плечом и помотал головой:

— Не болит.

Девушка почему-то смутилась и с виноватым видом предложила мне помочь снять бинты.

Позавтракав, мы отправились на пляж под маяком тренироваться.

Анко была в ударе, с энтузиазмом рассказывала о секретах использования метательного оружия, о том, какие упражнения помогут развить нужные навыки. Она показала себя талантливым учителем и даже не придиралась к Наруто. Может, я чересчур сентиментален, но мне хотелось, чтобы этот день не кончался. Макуто тренировался отдельно — он отошел в сторону и отрабатывал удары танто, иногда поглядывая в нашу сторону. Я заметил,

как он повторяет некоторые движения Анко. Он учился, просто наблюдая. Никто из них не мешал друг другу, и это было правильно.

Ближе к полудню мы заскочили на местный рынок за специями к рыбе и у порога встретили немолодого мужчину, похожего на рыбака, но чем-то неуловимо от него отличающегося. Он был весь какой-то блеклый, будто выгорел на солнце вместе с одеждой и теперь не понять, какого цвета были его глаза, волосы и дешевая тонкая юката. Стоило только подумать, что он просто ошибся адресом, как я услышал:

— Здравствуйте, Умино-сама. Я слышал, что вы законный наследник клана Умино, и пришел выразить вам свое почтение.

— Здравствуйте, — настороженно отозвался я, выйдя к отвесившему церемонный поклон гостю, так как приглашать его в дом не решился. — А вы не могли бы представиться?

Мужчина назвался Исаму, сказал, что он и его семья служили моему клану чуть ли не с сотворения мира.

Макуто, который до этого стоял в тени у стены, медленно перевёл взгляд на гостя. Его лицо оставалось спокойным, но я заметил, как его пальцы сжались на рукояти танто. Он что-то почувствовал.

— У меня к вам небольшая просьба, — под конец разговора сказал потомственный слуга.

— Я вас слушаю, — предельно вежливо улыбнулся я, а мысленно простонал: «Вот только жалобщиков мне сейчас не хватало!»

— Но сначала я хотел бы вернуть вам клановый свиток, который я нашел и сберег.

У меня даже дыхание перехватило: «Клановый свиток?! Мужик, я тебе буду сильно должен!»

— Я... Я буду вам очень за него благодарен.

С поклоном он вручил мне невзрачный и потертый на вид рулончик двумя руками и, улыбаясь, сказал:

— А просьба моя простая: Уважьте старика, откройте его при мне.

По местным меркам, для слуги он повел себя нагло, но ведь его звали «Смелый», и это оправдывало его характер.

Переборов желание бросить потенциально опасную вещь, я ответил:

— Хорошо.

Свиток оказался закрыт на печать крови и чакры. А для ее активации, как следовало из названия, нужна была одна капля, а лучше — не одна, свеженьких красных кровяных из живого представителя клана Умино и немного чакры из него же. Довольно сложная и дорогая печать.

Считается, что обмануть такие печати невозможно. Думаю, что это заблуждение. Уверен, что все возможно, если денег не жаль на специалистов и материалы. Однако вопрос в том, кто это может себе позволить и кому это нужно. Большая часть клановых техник завязана на улучшенный геном, специальную подготовку и тренировки, стиль боя и много чего еще. Думаю, что для тех, кто не является членом клана, все это попросту бесполезно. Хотя вполне возможно, что я просто чего-то не знаю или не учитываю.

Наколов палец чакроскальпелем, я тут же заживил порез и мазнул каплей по узору. Кровь с шипением высохла и осыпалась, а край отлип от внешней стороны свитка. Передав свиток клону, я жестом отослал его подальше. Тот понятливо отошел на середину дороги и развернул свиток. И-и-и... ничего страшного, к счастью, не произошло. То есть вообще ничего!

Клон недоуменно всмотрелся в свиток и повернул его к нам.

Бумага была девственно чиста.

«Облом... Но мужик тут ни при чем, — подумал я, — он же не мог знать, что там ничего...» Однако разочарования я не почувствовал. Точнее, им не «пахло» только от этого «слуги».

«Он знал!» — мгновенно подобрался я и приготовился к бою еще до того, как обернулся.

Заметив мой взгляд, мужик преобразился. В буквальном смысле преобразился: сейчас передо мной стоял не рыбак-проситель и уж тем более не слуга, а старый и опытный шиноби неопределенного возраста, но примерно лет за сорок. Под хенге пряталась удобная одежда, напоминающая форму Конохи, но жилет у него был странный, будто его перешивали.

Да и внешность у «слуги» изменилась: волосы, стянутые в хвост, стали каштановыми, глаза — карими, а кожа потемнела. Мелькнула и неприятно заняла где-то в желудке мысль, что это родственник. Только родни, которая знала настоящего Ируку, мне и не хватало для «полного счастья»!

А кроме того, мужчина не носил протектора, что тоже настораживало.

— Успокойся, племянник, меня зовут Умино Ютака, — одобрительно улыбнувшись, представился мужчина. — Не помнишь уже дядьку? Я же к вам приезжал пару раз, пока отец твой был жив. Я тебя вот таким, — он показал рост, наверное, трехлетки, — видел. — Ты даже разговаривать толком не умел, — разулыбался мужчина. — Такую чушь нес...

Макуто сделал шаг вперёд, оказавшись рядом со мной. Он не доставал оружие, но теперь я чувствовал его готовность.

— Извините, что прерываю, вы брат моего отца? Почему вы...

Ютака недоуменно перебил:

— Я не родной брат Кохаку-сана.

— А кто тогда? — похлопал я глазами.

Видя, что новоявленный дядя подвис, пришлось пояснять:

— Недавно меня по голове били, — я легонько постучал пальцем по виску, — я мало что помню.

Мужчина не воспользовался моментом для удара и даже мысленно не выказал агрессии, чем меня немного успокоил, да еще сочувствующе взглянул и покачал головой.

— Твой дед Умино Рью брат моего отца — Умино Шигео. Ты мне — двоюродный племянник. Про прошлое клана тоже ничего не знаешь?

Мне оставалось только башкой помотать и пригласить дядю в дом. Закрыв за собой, просканировал округу и, найдя наблюдателя, активировал технику от прослушки. Кстати, несколько фуин для этой же цели я нашел в заглазнике у Ируки. Печати были почти такие же, как у Виктора. Но тратиться не стал — для этой глуши и так сойдет. Позже я хотел поговорить с Наруто, чтобы он попытался таких же наделать.

Макуто остался стоять у двери. Он не садился, не расслаблялся. Я заметил, как его взгляд скользнул по Ютаке, остановился на его руках, потом перевёлся на лицо. Он оценивал.

— А кто бы рассказал? — усаживаясь на пол, сказал я. — Библиотеку я только начал разбирать.

Уют у нас тут был спартанский, даже татами не было, расселись прямо на деревянном полу.

— Тогда слушай и не перебивай, — серьезно заявил родственник тоном, не терпящим возражений. — После гибели Водоворота и почти всего нашего клана его остатки разделились. Часть ушла в Коноху. Но туда пошли далеко не все. Слишком многие винили Хирузена в произошедшей катастрофе и гибели Узумаки и Умино. Впрочем, и те, кто ушел в Коноху, Сарутоби мало доверяли. А вторая часть ушла в Страну Горячих Источников, надеясь скоро вернуться в родные земли.

Мне вспомнился свиток из маяка, а пока я призадумался, Анко перехватила инициативу:

— В чем вы вините Третьего? — спросила она с искренним интересом и напряглась в ожидании ответа. Ей, как и Наруто, было странно слышать такие слова.

Внутри Конохи почти боготворили «Профессора», «Бога Шиноби» и просто «очень мудрого и великого человека», исключительного лидера Сарутоби Хирузена. Не знаю что там насчет его величия и мудрости, но он, несомненно, был весьма умен и к тому же грамотно пиарился. Вспомнить хотя бы тот «репчик», что втирали по радио в Конохе. Да и

вообще, в плане рекламы и политехнологий, мне так показалось, здесь просто страна непуганых идиотов. Думаю, что даже особых навыков не надо, чтобы стать любимцем толпы.

Наверняка любой рекламщик из нашего мира справился бы еще лучше.

— Да. В чем виноват старик-хокаге?

Ютака недоуменно нахмурился, окинув взглядом мелкого, а затем зло хмыкнул и просто, даже как-то буднично раскрыл нам тайну гибели клана и Водоворота:

— Вторую мировую войну шиноби развязала Коноха. Деревня скрытая в листве была сильна как никогда. Под одним стягом собрались могучие и древние кланы: Сендзю, Учиха, Хьюга, Абураме — и недавно созданные, но доказавшие свою эффективность структуры — АНБУ, Госпиталь и хорошо показавшая себя Академия для бесклановых, сильные союзники — Водоворот, Страна Горячих Источников, Страна Чая и Туман. А еще было новое, невиданное ранее оружие, которое казалось идеальным — Корень. При таком раскладе казалось, что победа неизбежна.

Гм, что-то мне это напоминает? А, вспомнил! Гитлер вон тоже считал, что захватит СССР в кратчайшие сроки.

Как следовало из рассказа непонятно откуда взявшегося родственника, Туман предал Лист при первой же удобной возможности, а младший и самый многочисленный состав АНБУ НЕ проявил себя как кучка тупых, предсказуемых, безынициативных и к тому же еще и слабых бойцов. Хваленое чудо-оружие, на которое возлагались огромные надежды, оказалось типичной малополезной вундервафлей.

Академия для бесклановых показала себя лучше и действительно выпустила немало рекрутов. Вот только во время затянувшейся войны качество ее выпускников начало быстро падать — из-за сокращающихся сроков обучения. А Госпиталь по каким-то причинам использовали нерационально.

Перед началом Второй мировой войны шиноби считалось, что Страна Дождя будет легкой жертвой, которая падет к ногам Листа, открывая путь дальнейшей экспансии. Но она неожиданно оказалась крепким орешком.

Ханзо Саламандер проделал отличную работу, подготовив страну к войне. Где-то в то же время Суна, не имевшая до того претензий к Конохе, вдруг решила, что исчезновение третьего Казекаге, вторжение в Аме — это звенья одной цепи и признак грядущего нападения Листа на Песок. Страна Ветра тоже выступила на стороне Аме против Конохи. Камень, опасаясь усиления Листа, поддержал Суну после того, как та потерпела несколько сокрушительных поражений. А Туман во время войны вышел из союза «в связи с новыми обстоятельствами». Впрочем, это уже совсем другая история.

Для Конохи все вместе сложилось крайне неудачно: Третий явно переоценил свои способности политика и стратега. И цена его ошибок была высока.

Все силы Листа были стянуты на западный фронт, где и завязли, как мухи в патоке. И тогда Кири и Кумо, объединившись, ударили по Стране Огня и ее союзникам. Страна Горячих Источников, у которой на тот момент были хорошие отношения и с Водоворотом, и со Страной Огня, прикинув расклад, быстро объявила о своем нейтралитете. Серьезных сил Конохи на восточном побережье не было. Вся тяжесть войны пала на местные кланы, пограничников и Узушио.

Водоворот сражался долго, храбро и умело. Но силы были слишком неравны. Кири и Кумо захватывали и зачищали малые острова и прибрежные крепости, уничтожали союзные красноволосым кланы, беспокоили вылазками остров-метрополию, опустошили все восточное побережье Страны Огня. После нескольких пробных атак Умино эвакуировали своих женщин, детей и стариков за крепкие стены Узушио, связав свою судьбу с судьбой старых союзников.

Анко не спускала с гостя недоверчивого, хмурого взгляда, а Наруто сгорбившись смотрел в пол, будто мыслями он был там, но не во время боя, а после него.

Макуто слушал, не перебивая. Я видел, как он запоминает каждое слово.

— Знаешь, — горько усмехнувшись, сказал Ютака, наблюдая, как я положил руку на плечо мальчика, — ни одному другому клану, кроме Узумаки, нельзя было бы доверить такую ценность, как жизни нашей

родни. Они были настоящими аристократами. Благородные, люди чести, — веселый хмык, — не то что мы.

Пока я недоуменно хлопал глазами, дядя продолжил:

— Я тогда был еще совсем юным пацаном, но помню, как наши кланы вместе сражались за свое будущее... И проиграли.

Коноха постоянно, со дня на день обещала помощь. Мы, Узумаки и другие их союзники сжимали зубы и кулаки и упорно продолжали сражаться, оттягивая на себя силы Тумана и Облака.

Войска Листа осторожничали до последнего, до конца придумывая отговорки и подошли лишь к концу двухлетней осады. К почти уничтоженной Деревне, на горящих улицах которой еще продолжались бои, и ударили в тыл втянувшейся в деревню армии Кумо и Кири.

Тянули до последнего, как США и Британия, которые не спешили открывать Западный фронт. К счастью, у нас все сложилось не как с Водоворотом.

— Коноха могла помочь вовремя, — наиграно флегматично заметил дядя, тщательно скрывая свою ненависть, — но не захотела. Хирузен... этот мерзавец наплевал на все свои союзнические обязательства и договора. А тем красноволосым, кто, несмотря на это очевидное предательство, все же решил остаться в Конохе, поставили унижительные условия, одним из которых было ограничение общения с Узумаки Кушиной, не с кем-то там, а принцессой клана, одной из нескольких выживших правящих семей Узушио. И на ее отдельное проживание под надзором АНБУ. Только Узумаки Мито позволяли видеться с девочкой, но она сама клану чужая, — вздохнул Ютака. — Хирузен заявил: «Джинчурики принадлежит Деревне, скрытой в Листве, а не служит эгоистичным интересам одного клана». Я это слышал собственными ушами, прежде чем моя семья ушла в Югакурэ.

Сокрушенно покачав головой, Ютака все же продолжил:

— Я до сих пор считаю, что в гибели нашего клана и Узушио виновна Коноха и этот ублюдок Третий. Узушио и все кланы востока Страны Огня помогали, как могли, Конохе в ее войнах, но когда нам понадобилась

помощь... Они нас просто предали! Заплатили нашими жизнями за свои ошибки! Коноха и ее правители виноваты в гибели нашего клана не меньше, чем Кумо и Кири, — зло и угрожающе глухо закончил старый Умино, сжав руки, так что побелели костяшки. — Столько хороших людей погибло...

Покосившись в сторону, я заметил, что Наруто невидящим взглядом смотрел в одну точку. Словно он не мог верить в то, что услышал. Для него все произошедшее явно было шоком. Эмоции бурлили, постоянно меняясь с одной на другую: удивление, недоверие, сомнение, снова шок...

Чтобы вывести Наруто из этого состояния, я осторожно положил руку ему на макушку.

Мальчик вздрогнул и тихо, почти жалобно сказал:

— Но... Но ведь Третьего всегда называли очень мудрым, — он посмотрел мне в глаза, будто я должен был ответить.

Растерявшись, я перевел взгляд на Ютаку. Совсем тихо Узумаки прошептал:

— Его же... все уважают. А он... Получается, что из-за него погиб мой клан? Да?

— А ты что, не Умино, а Узумаки? — удивился дядя, вполне миролюбиво, но довольно бестактно ляпнул: — Почему тогда не красный?

Я беззвучно чертыхнулся и, вспомнив приличия, наконец представил Анко и Наруто.

— Забавно, — заметил родич, — но на красноволосых ты мало... не похож совсем, — закончил новообетенный родственник. — Я думал, Ирука тебя опекает, как своего племянника или еще кого...

— А большой краб сказал, что у меня чакра, как у Узумаки, — обиженно буркнул Наруто и сложил руки на груди, но улыбку подавил с трудом. Похоже, что мальчику понравилось то, что его посчитали моим родственником, пусть и дальним.

— О, это хорошо, если тебя признал призыв, — заметил новоиспеченный дядюшка и благоразумно не стал развивать тему родства.

Намекнув на то, что родственник так и не рассказал, как на нас вышел, я получил исчерпывающий ответ:

Сюда Ютака наведася один, потому что его волновала судьба клановых земель. У остатков клана Умино здесь остались информаторы и просто друзья, так что о нездоровой возне вокруг своих земель они узнали быстро. Конечно же, для него приятным сюрпризом был тот факт, что я жив и вполне себе здоров. Но прежде чем переговорить, он решил последить за нами. Стоило только дяде отвлечься, как мы пошли вызывать дельфинов, а когда он спохватился, вмешиваться было поздно.

Узнал об инциденте с призывами Ютака без труда. Сложно не заметить тот переполох, который устроили морские обитатели; сильные всплески чакры, фонтаны воды, грохот от техник, а после — перепаханный пляж, сломанные деревья. Да и мой визит к наместнику быстро стал достоянием сплетников, которые тут от скуки готовы любую муху превратить в слона. Информации у дяди было достаточно.

— А у вас что, нет призыва Дельфинов? — спросил я, искренне недоумевая, почему вопросы возникли ко мне, а не к моему родственнику.
— Почему?

— Уже давно нет, — грустно вздохнул старый шиноби. — Закружили его дельфины и свиток аннулировали.

Оказалось, что в юности отряду Ютаки повезло убить одного Хошигаки. И еще молодой и дурной тогда родственник подписал трофейный акулий контракт, подумав о том, что с двумя контрактами он будет невероятно крут, но не учел, что эти призывы непримиримые враги. Естественно, подписать дельфиний контракт уже было невозможно; явился Кента, грубо говоря, обматерил юного Ютаку и свиток в буквальном смысле разгрыз в труху. А несколько других имевшихся свитков призыва вместе со всеми их подписавшими сгинули во время Второй войны шиноби и злключения остатков Умино в Стране Горячих источников.

После того, как Кумо и Кири объявили войну Стране Огня и Водовороту, эта небольшая деревня шиноби вышла из союза с последней. Несмотря на ту кашу, что заварила Коноха, Деревня скрытая в горячих источниках поддерживала по отношению к нам, ее союзникам, благожелательный нейтралитет и даже согласилась приютить вместе с Умино и несколько выживших семей Узумаки.

Лишившиеся руководства, шиноби с побережья Страны Огня и островов Узушио разбрелись по всему миру. Кто-то осел в Конохе, часть попряталась по разным медвежьим углам и затаилась, а кто-то нашел убежище у кланов, с которыми роднились их семьи. Ну, а некоторые просто погибли.

— А все из-за того, что у клана не осталось единства, — грустно вздохнул Ютака. — Отец тогда за всех решил, даже с Рью-саном поругался. С дедом твоим. Дураком он не был, но все пошло наперекосяк.

Узумаки, Умино и их союзники хотели отомстить и вернуть себе хотя бы часть своих земель. Но для этого надо было выжить и возродить почти уничтоженные войной кланы.

Первой ласточкой, предвещающей беды уже на новом месте, стала смерть каге Юкагуре во время череды пограничных конфликтов за наследие Водоворота. Тогда Огонь, Туман и Источники делили, что и кому отойдет.

Вместе с лидером приютившей их деревни погибли Шигео (отец Ютаки) и старший из Узумаки — Яритэ, а в деревне к власти пришли ставленники местных толстосумов, которым был невыгоден военный городок на таком хлебном месте — торговые пути, курорты, отличный климат, несколько рудников и даже кое-какое производство. В результате деревни ниндзя не стало, зато местные богатеи из обычных денежных мешков превратились в мелких князьков. Им было несложно перекупить хороших специалистов, в один миг лишившихся работы и средств к существованию.

Судя из рассказа старого Умино, в Горячих Источниках наступили российские девяностые в миниатюре: все блага у богатых и только для богатых. Общественный порядок, безопасность, образование, медицина — зачем они всяким нищebroдам? Все только для состоятельных парней.

Тогда же, в череде неприятностей, погибли те несколько человек, владевшие дельфиньим призывом, и последний свиток был утерян.

— Эх, а были ведь хорошие шиноби в Югакагуре, — грустно сказал старый Умино, — а стали цепными псами, за гроши выполняющими любую, самую грязную работу. А у нас и Узумаки не осталось никакой поддержки в чужой стране. Прислуживать разбогатевшей и распоясавшейся черни на ее условиях мы не хотели. Резко стало не хватать заказов и денег. У нашего клана дела еще хоть как-то шли благодаря нашей моральной гибкости, — он грустно хмыкнул, — а у Узумаки все было совсем плохо. Чересчур они честные и гордые. Миссии им было получать сложнее, чем нам, а активно торговать печатями они опасались, чтобы не привлекать ненужное внимание. Последний десяток лет мы вместе выживали, как могли. Красноволосых осталось, можно сказать, полторы семьи. Пять человек из одной и пара опекаемых ими детей из другой. И два брата...

— А сейчас? — возбужденно воскликнул мелкий. — Они живы?

— Конечно, живы, — возмущенно отозвался дядя, — Узумаки так просто не сдаются! Не зря говорят: упрям, как Узумаки.

Наруто просиял, с гордостью оглянувшись на нас с Анко, а я проглотил замечание о том, что в Конохе я такой поговорки не слышал никогда.

А потом Ютака внезапно захотел познакомить нас со своей семьей и оставшимися Узумаки, пригласив в гости, а когда я вежливо отказался, сказал, что тогда они могут приехать сюда.

— Пока что не стоит, Ютака-сан, тут может быть опасно. А потом мы сами к вам можем заглянуть, когда будет возможность.

Одно дело, если со мной увидят только Ютаку, могут и не узнать сразу, кто он и откуда. Может, он еще один боец АНБУ НЕ, осведомитель или просто наемник, и совсем другое — если у меня под боком будут беззащитные родственники, которых я не смогу бросить. Конечно, насчет «под боком» и «беззащитных» я утрировал, но суть от этого не менялась.

— Ваша семья может стать целью наместника и местных феодалов. И, в отличие от меня, на вас защита Корня не распространяется. По крайней мере, пока.

Дядя, посчитав, что не замечу, улыбнулся краем рта, будто я сделал правильный выбор, и больше эту тему не поднимал.

После театра сомнений Ютака признал мою правоту. Проверять-перестраховщик.

Но при этом всем он без каких-либо условий согласился помочь мне с «квестом» от дельфинов.

Дядя посоветовал обратиться с этим же вопросом в местное отделение Корня.

Подумав, я покивал. Синька, действительно, мог знать гораздо больше, а заодно, если понадобится, то и помочь. Им все равно деваться некуда — они обязаны оказывать мне любую помощь и содействие для выполнения моей миссии. Осталось только убедить Хидики, что помощь крабов и дельфинов жизненно необходима для строительства порта. Думаю, это будет несложно.

Проводив дядю до забора, я шумно выдохнул и медленно поплелся обратно. Долго копаясь, переоделся, снял с себя сбрую и, бурча что-то неразборчивое, лег между сидящих Наруто и Анко, которые все это время молча за мной наблюдали. Макуто остался стоять у стены. Он не сел, не расслабился. Достал свой блокнот и начал что-то чертить.

— Ирука, что случилось? — погладила меня по волосам Анко.

Я рассеянно осмотрелся и пробурчал тихо:

— Объявился дядя и напомнил мне, что родственников не выбирают.

Наруто по-птичьи наклонил голову и сказал, что не понимает, к чему это я сказал.

Пришлось пояснить, что родственники — это здорово и круто и я им очень рад, но я их не знаю абсолютно. Что дядя, что его семья мне такие же чужие, как случайные прохожие, и к ним придется долго притираться и

впредь учитывать их интересы и пожелания. А еще меня смущало, что он кое в чем солгал, но этого вслух я не сказал, засомневавшись в своих ощущениях. Но сейчас я был почти уверен, что Ютака тут был не один. Я не стал использовать свист, а подошел вплотную к двери, приоткрыл ее, вкрутил на полную катушку слух и не без труда расслышал тихую команду: «пошли». Правда, при этом у меня голова от посторонних звуков чуть не на куски развалилась.

— Но вы же из одного клана! — возмутилась Анко, словно я сказал несусветную глупость.

— Ну и что? — отозвался я, сев на футоне. — Вы двое мне сейчас роднее всяких родственников! — я сгреб обоих в объятия. — А Ютаку я едва знаю.

Конечно, их удивил мой порыв, а потом Наруто так обрадовался, что за его эмоциями я чуть не проглядел смущение, исходившее от девушки. Я позвал Анко по имени, а когда она повернулась, поцеловал.

— Фу, — протянул мелкий из вредности, — и бе-е-е.

— Может, и «фу», — огорошил я Митарашу еще сильнее, — но мне нравится. Анко, улыбнись, ну пожалуйста, — дурашливо протянул я. — А то ты на сову похожа.

— Почему это на сову? — возмутилась она по инерции.

— Потому что глаза большие, красивые, умные и, — выдержал паузу, — круглые!

Полюбовавшись на ее удивленную мордашку, добавил:

— Вот как сейчас, — а она зарделась и, наконец, рассмеялась. Счастливо и смущенно.

Макуто поднял голову от блокнота, посмотрел на нас и молча отвернулся к окну. Его плечи чуть расслабились.

— Ирука-сан, — вдруг сказал он, не оборачиваясь. — На берегу, когда дельфины... Я почувствовал чакру. Фарудскую. Старую. Она была в камнях под маяком.

Я уставился на него. Анко и Наруто тоже.

— Фарудскую? — переспросил я. — Ты уверен?

— Да. Очень слабую. Но она там. Кто-то из моих предков оставил свой след. — Он на секунду замолчал, потом добавил: — Ютака-сан сказал, что остатки Умино и Узумаки вместе выживали. Если они увидят меня... они поймут.

— Поймут? — не понял Наруто.

— Мою чакру, — ответил Макуто, наконец поворачиваясь. — И лицо. Фарудов не спутаешь с другими.

Я хотел что-то сказать, но передумал. Макуто редко говорил о своей семье. Если он завёл этот разговор, то не просто так.

— Ты хочешь их увидеть? — спросил я.

— Да, — ответил он. — Но не сейчас. Сначала надо закончить здесь.

Он кивнул и снова склонился над блокнотом.

На следующее утро Ютака вернулся. На этот раз не один. С ним пришли двое: мужчина с ярко-рыжими волосами, собранными в короткий хвост, и женщина постарше, с такими же огненными прядями, но уже тронутыми сединой.

— Это Узумаки, — коротко представил их дядя, не вдаваясь в подробности. — Они захотели увидеть тебя.

Я кивнул, приглашая в дом. Красноволосые прошли внутрь, молча оглядываясь. Их взгляды цепко оценивали обстановку, но остановились на Макуто. Мужчина, которого звали как-то непрочно, вдруг шагнул к нему и прищурился.

— Ты?.. — начал он, но замолчал.

Макуто поднялся со своего места у стены. Он стоял спокойно, но я чувствовал, как его чакра — та, настоящая — пульсирует, готовая вырваться наружу.

— Макуто из клана Фаруд, — сказал он. — Сын Кэнсина.

Мужчина-Узумаки вздрогнул. Женщина за его спиной прикрыла рот рукой.

— Фаруд, — прошептала она. — Живой.

— Последний, — добавил Макуто. Он медленно вытащил из-за пазухи свиток, развернул его, и тати отца — длинный, чуть изогнутый клинок с тёмной гардой — материализовался в его руке. Меч главы клана. Сталь блеснула в утреннем свете, и в этом блеске не было ничего, кроме холодной правды.

— Это тати моего отца, — сказал Макуто. — И моя чакра.

Он поднял левую руку, и вокруг неё за клубилась плотная, тяжелая энергия — не та, подавленная до уровня генина, а настоящая, та, что он так долго прятал. Уровень джонина, не меньше. Красноволосые попятились, но не от страха — от удивления.

— Ты... — начал мужчина. — Ты настоящий Фаруд.

— Да, — ответил Макуто, убирая чакру и пряча меч обратно в свиток. — Я буду защищать своего брата Наруто и Ируку. Это моя семья теперь.

Наруто, сидевший рядом со мной, вытаращился на него.

— Брата? — переспросил он. — Ты... ты меня братом назвал?

Макуто кивнул.

— Я говорил в Стране Волн. Мы с тобой и Ирукой родственники, — он помолчал. — По крови Узумаки.

— Правда? — выдохнул Наруто, и его лицо расплылось в счастливой улыбке. Но улыбка быстро сменилась удивлением. — То есть... у меня есть брат?

— Да, — коротко ответил Макуто, и в его тоне не было пафоса — просто констатация факта.

Красноволосая женщина перевела взгляд на меня.

— Ирука-сан, — тихо сказала она, — вы знали?

— Знал, — ответил я, — но это их тайна, не моя.

Мужчина-Узумаки долго смотрел на Макуто. Потом перевёл взгляд на тати, на его лицо, на спокойные карие глаза.

— У тебя её глаза, — неожиданно сказал он. — Твоей матери. Я её помню.

Макуто не ответил. Он стоял неподвижно, но я заметил, как его пальцы на секунду сжались на рукояти спрятанного клинка.

— Ирука, — позвал я, чтобы разрядить тишину. — «Макуто»... это видоизменённое «Макото», верно? В старом языке Фарудов это означает «истинный». Истинный воин.

Макуто посмотрел на меня. На его лице мелькнуло что-то — не удивление, скорее подтверждение.

— Отец говорил, — сказал он. — Я не придавал значения.

— А зря, — заметил я. — Имя — это судьба.

Он кивнул и больше ничего не сказал. Красноволосые переглянулись, и женщина, помедлив, сделала шаг вперёд.

— Мы не претендуем на твоё наследие, Макуто-кун, — сказала она. — Но... если тебе нужна будет помощь, мы рядом. Кровь Узумаки не забывает своих.

Макуто молча поклонился. Коротко, почти незаметно. Но этого было достаточно.

Ютака, стоявший всё это время в стороне, наконец заговорил:

— Думаю, нам пора. У вас и без нас дел хватает.

Красноволосые попрощались и вышли. Дядя задержался на пороге, окинул нас взглядом и сказал:

— Береги себя, племянник. И... будь осторожен с наместником. Он не прощает обид.

Я кивнул. Дверь закрылась.

Макуто сел на своё место у стены и снова взял блокнот. Он не смотрел на нас, но я знал — он слушал.

— Наруто, — позвал я.

— А? — мальчик всё ещё был под впечатлением.

— У тебя теперь есть брат.

— Да, — расплылся он в улыбке. — Круто, даттебайо!

Макуто чуть заметно покачал головой, но улыбнуться не улыбнулся. Просто перевернул страницу.

За окном шумело море. Где-то вдалеке кричали чайки. Мы сидели втроём — я, Наруто и Макуто, — и это ощущение дома, пусть и временного, пусть и на чужом берегу, было единственным, что имело значение.

Глава 4. Неканонное задание

В четыре утра в городе шиноби было необычно тихо. Иногда, конечно, можно было почуять чье-то присутствие, но в целом — никого, лишь из непроглядно темных, угольно-черных туч редко сыпало мелкое, колкое и сухое крошево.

Когда показалась площадь перед воротами, я запахнул теплый белый плащ и оглянулся назад, в уме перечисляя все дела, что надо было сделать перед уходом.

"Всех, кого нужно, предупредили и со всеми попрощались, — недоверчиво кивал я своим мыслям, — а Наруто даже сам сообразил сказать Хинате и восьмой команде, что нас какое-то время не будет". Умолчу, что я намекнул ему на это.

Но меня все равно не оставляло чувство, что мы что-то забыли, только возвращаться и проверять уже не было времени. По привычке похлопав себя по боку, я не обнаружил сумку с черновиками и документами, а затем вспомнил, что запечатал ее с другими вещами и успокоился.

Рядом, в нескольких шагах, стоял Макуто. Он был в своей неизменной зеленой куртке, сером трико и ботинках с жесткой подошвой. За спиной — небольшой рюкзак, на поясе — дешевый танто и ржавый кунай для отвода глаз. Внутри себя, в фуин-свитках, он нёс настоящее оружие: тати отца, чёрный меч из Кумогакуре и «Лесной Зуб». Я заметил, как он окинул взглядом темноту за воротами, прислушиваясь к чему-то, чего мы не слышали. Его сенсорные способности с каждым днём становились тоньше.

— Всё? — коротко спросил он у меня.

— Всё, — ответил я.

Макуто кивнул и перевёл взгляд на ворота.

Морио не подвел — нас ждали.

Как в дешевом ужастике, из темноты возникли призраки в простынях с кровью по подолу их рубищ! Шутка. Просто меня впечатлило внезапное появление белых фигур, синхронно и беззвучно вышедших из глубокой тени под желтоватый свет яркого фонаря под воротами и одновременно откинувших свои капюшоны.

От группы отошел один и, поприветствовав нас кивком-поклоном, остался стоять на месте, ожидая, когда мы подойдем ближе.

Несмотря на различные метки, все восемь масок казались одинаковыми, как клоны.

Это не «звери» из АНБУ Хирузена, которым позволено оставаться собой, даже скрывая лицо. У АНБУ НЕ метки на масках были грязного цвета, словно художнику было лень вымыть кисти. Хотя, что там метки... бойцы подстрижены были одинаково коротко. Макуто скользнул взглядом по отряду, явно оценивая их боеспособность, и замер, как и я, ожидая.

Под такими же, как у нас, плащами с двумя красными полосами по подолу виднелись закрытые черные ботинки, непонятно где заканчивавшиеся — от лодыжек и до колена все было обмотано эластичными бинтами в цвет обуви. На всех АНБУ-шниках были одинаковые темные мешковатые штаны и серые защитные куртки. Этот оттенок еще называют серо-

палевым. Печально знаменитый фельдграу, один из символов Второй мировой войны. Цвет формы Вермахта.

— Умино-сан, я Дятел, командир этого отряда, — с легким поклоном безликий снял маску и так же монотонно дополнил: — Нам поручено следовать за вами на Каменистое побережье и там при необходимости оказать все возможное содействие.

— Содействие — это хорошо, — задумчиво разглядывая собеседника, пробормотал я.

Внешность у Дятла была невыразительной, как и его голос; казалось, его лицо похоже на всех темноволосых и темноглазых незнакомцев, которых я уже встречал. Идеальные задатки для шпиона. Или грамотный грим.

— Мы с вами были знакомы? — спросил я, пока шиноби доставал что-то из подсумка.

— Мы с вами не были знакомы, — отозвался Дятел и, ничуть не смутившись, продолжил: — Мы будем неподалеку во время вашего путешествия. Здесь — ваш маршрут следования от Данзо-самы, моя группа пойдет впереди, — передав свиток, он отступил на шаг.

Ознакомившись с картой и инструкциями, я столкнулся с проблемой: шиноби незаметно свалил к своим и пошел к стене, а я не знал, то ли нам за ними идти, то ли ждать, что откроют ворота.

— Анко, — тихо позвал я, — куда нам идти?

— Да, ворота же закрыты, — поддержал мелкий и занервничал: — Ирука, они уходят! Может нам за ними надо?

— Ирука, ты даже это забыл? — вытаращилась девушка.

Сделав грустную рожу, я покивал, косясь в ту сторону, куда порывался бежать Наруто.

Он был прав, нам действительно нужно было идти за АНБУ.

— Макуто, ты с нами? — спросил я.

— Да, — коротко ответил он и шагнул следом, когда я двинулся за отрядом.

Понятное дело, что ворота ночью были заперты, но для нас открыли замаскированный печатями лаз под будкой охраны, который выходил прямо в дупло одного из деревьев недалеко от стены. Внутри ствола печати покрывали все, что можно, в том числе и лестницу с дверцей наружу.

"Я хочу себе такое дерево, — заиграло в одном месте детство, — и домик на нем". Интересно, а Ямато дорого возьмет за такой заказ? И какотреагирует на такую просьбу... Эх, хоть бы с этим товарищем не так, как с Хатаке, получилось. Ну, времени еще дофига и больше, прежде чем я с ним познакомлюсь, через три года репутация у меня уже будет своя собственная, а не Ирукина.

В дороге я в сотый раз пожалел о том, что отдал Саске очки, потому что снегопад прекратился, лишь когда рассвело. Беззвучно выругавшись в натянутый до самых глаз воротник, я смахнул с ресниц снежинки и прыгнул дальше, чуть не вписавшись головой в толстую ветку. Макуто, бежавший справа, бесшумно перепрыгнул соседнюю ветку и бросил короткий взгляд на меня — убедиться, что я справлюсь. Ничего не сказал, но внимание было.

Ближе к вечеру нам перестали попадаться высокие крепкие деревья, и пришлось бежать по заснеженным дорогам, как по воде, чтобы не оставлять следов. Вскоре мы остановились на окраине крупной и довольно оживленной деревни.

— Умино-сан, вы остаетесь здесь до утра. Выйдете отсюда, — указал Дятел в конец улицы, — после обеда и будете идти на Юго-восток как обычные люди, пока мы к вам не присоединимся.

— Хорошо, — я не собирался возмущаться отсутствию лишних глаз и ушей. — До скорой встречи, Дятел-сан.

В гостиницу я зашел под хенге сорокалетнего себя, ну, как это себе представлял: убрал шрам с переносицы, добавил мимических морщин и

седину у висков. Наруто скрыл «усы», обзавелся каштановой шевелюрой и карими, как у меня, глазами и, по моему совету, стал выглядеть младше.

Макуто изменился меньше всех: он просто надел поверх куртки крестьянскую рубаху с пояском и перекрасил волосы в темно-русый. Его лицо — худое, с чёткими чертами — легко можно было принять за сына бедного ремесленника. Он стоял чуть поодаль, не привлекая внимания, и уже осматривал холл, запоминая выходы.

Изменились мы не потому, что опасались чужой слежки, а чтобы в нас не признали шиноби. Даже плащи сняли, чтобы и свои, и чужие не задавали глупых вопросов. В этих местах ошивались вольные наемники и часто ходили караваны вглубь Страны Огня со стороны побережья, Страны Чая, Страны Горячих источников. Нам совершенно не нужно было излишнее внимание чересчур опасливых торгашей и охочих до сплетен шиноби, которым лень потерпеть несколько дней и узнать их лично.

Анко тоже изменилась. Неожиданно для меня, она распустила волосы и «покрасилась», став зеленоглазой блондинкой лет тридцати или около того, а неизменный бежевый плащ превратила в персиковое кимоно с фривольно приспущенными плечами, вызвав у меня мечтательную ухмылку и пошлые фантазии. "Что ж ты делаешь", — я сглотнул, облизал губы и, с трудом оторвав взгляд, посмотрел в зал, выискивая потенциальных соперников. Такие были, благо что хватило по-собственнически приобнять Анко за талию, чтобы народ перестал активно скалиться. Теперь мужики в зале выпячивали грудь и смотрели волком в мою сторону, фоня досадой, а кое-кто — и злостью с раздражением. Макуто, заметив один такой взгляд, медленно перевёл глаза на особо наглого мужика и чуть заметно сдвинул руку к поясу. Тот, не выдержав, отвернулся.

В паранджу что ли Митараша завернуть? А то ведь и вправду рожи бить придется?

Подозвав мужика, который скучал около стенда с ключами, я снял два номера: один для Наруто и Макуто, второй для нас с Анко.

— Уже ребеночка заделать успели, а медовый месяц все продолжается, — неудачно пошутив, подмигнул мне мужчина, оценив красоту девушки, и,

протянув ключ, ухмыльнулся, мельком заглянув в декольте ее иллюзорного кимоно.

После чего начал доставать второй, но тут его взгляд уперся в сверток в моих руках. Мужик побледнел, перепугался и, рассыпаясь в извинениях, положил перед нами другой ключ, а за вторым полез вниз.

Чертыхнувшись, я завернул воротник, чтобы не было видно ярлычка с символом Конохи.

— Почему вы не спросили, куда они идут, и не предложили им присоединиться к каравану какому-нибудь? — прочитал я по губам парня, который шептал прямо в ухо обслуживавшему нас администратору, делая вид, что тоже что-то ищет внутри низкой стойки.

Когда оба мужчины отвернулись и отошли к стенду, а я прислушался, пустив чакру к ушам.

— Такаши, плащ заметил? Молчи.

— Так надо его приметы записать, — спохватился младший сотрудник, когда мы уже отошли от стойки, — чтобы караванщики могли его быстро найти...

— Стой, дурень! Если он скрывает статус, значит, не ищет работу и попутчиков. Не мельтеши, давай я повторю тебе сначала...

Как мне ранее объяснила Анко, в таких перевалочных пунктах нередко задерживались шиноби, возвращающиеся с не особо важных заданий, чтобы зацепить какой-нибудь караван, сопроводить по дороге домой и получить за это денежку. Кто работу не искал, прятали хитай, чтобы караванщики не лезли. Вот и Митараша посоветовала скрыть свою принадлежность к шиноби.

Макуто взял ключ от восемнадцатого номера и молча направился к лестнице. Наруто догнал его уже на полпути.

— Макуто, а ты расскажешь мне сказку на ночь? — спросил он, заглядывая парню в лицо.

— Если будет время, — ответил Макуто, не сбавляя шага. — Сначала проверим комнату.

Решив перекусить, мы выбрали столик около окна. В зале было шумно, так что официантка к нам подошла не сразу, пришлось махать руками, подзывая ее. Пока мы листали меню и гадали, что взять, девушка заскучала и заговорила с Наруто:

— Какой милый малыш, — она улыбнулась, глядя на мелкого. — Как тебя зовут?

Мальчик в ответ смущенно возмутился:

— Я не малыш, мне уже двенадцать лет! Почти двенадцать, — гордо добавил он, вспомнив, что мы, вообще-то, шифруемся и называть свой настоящий возраст не нужно.

— А вы идете с караваном? — не стала она переспрашивать.

Все еще помидорно-красный мальчишка помотал псевдокаштановой головой.

— Девушка, — окликнул я официантку, — мы выбрали.

— Ой, простите, у вас чудесный ребенок! Он так на вас похож. А вы не боитесь разбойников? Я может подсказать вам попутный караван. Вы ведь в Страну Чая идете? Или в порт Страны Волн? А может, наоборот, вам нужно в столицу?

— Девушка, — перебил я, — спасибо, нет. Лучше скажите, сколько нам ждать наш заказ.

Официантка упорхнула, а я вполголоса заметил:

— Какие навязчивые.

— Было бы гораздо хуже, если бы мы не скрывались, — придвинувшись ко мне поближе, сказала Анко и кивнула в сторону: — Посмотри туда.

— Мда-а, — протянул я. — Это точно.

Группе молодых шиноби в центре зала даже поесть нормально не давали — к ним все время подходили какие-то люди и доставали, пока парни не спрятали повязки и не накинули на жилеты плащи, спрятав полы последних под зад.

Такое внимание было вполне понятно. Изначально Коноха была построена несколько в стороне от основных торговых путей. Идти в деревню специально за охраной — значит делать крюк. Кроме того, без посредничества деревни можно было не платить налоги за ее услуги, и таким образом караванщики экономили, а шиноби зарабатывали больше. Впрочем, у ниндзя были свои проблемы и ограничения, так что подрабатывать таким образом шиноби удавалось не так часто, как им бы хотелось.

Макуто, сидевший с краю, ел молча, но я заметил, как он запоминал лица тех шиноби, их жесты. Он не пялился — просто короткие взгляды, будто фотографировал.

Гостиничный комплекс Юки но Конотори (Снежный аист), несмотря на название, имел вполне себе европейский вид, без бумажных перегородок и стен, которые можно проткнуть пальцем. По местным меркам комплекс «Аиста» был огромен, и плутать по нему в поисках нужного гостевого дома мы могли довольно долго. К счастью, новые ключи были от номеров в центральном здании.

— Семнадцать, — глянув на бирку, сказала девушка и потащила меня за руку, — нам сюда.

— Восемнадцатый, — тихо повторил Макуто, посмотрел на бирку и направился к своей двери. — Проверю замки.

В восемнадцатый номер зашли Наруто и Макуто. Клон остался с ними — чтобы охранять, пока я не вернусь. Чакры я в него вложил как в нескольких.

Захлопнув дверь, я прижал к ней Анко.

— Ты меня с умаводишь, — глубоко вдохнув, я потерся носом о ее шею.

— Щекотно, погоди, я иллюзию развею, — хихикнула она, когда я стянул бежевый плащ вместе с сетчатой «майкой», оголяя ее плечи, как будто она в том кимоно.

Внезапно испугавшись, Анко дернулась закрыть рукой татуировку в виде трех запятых, но я мягко пресек эту попытку.

Не думать о том, что это не просто татушка.

— Меня сводят с ума твои волосы, твой запах, — прошептал я, касаясь губами бледной шейки, — твоя кожа...

Анко шумно вздохнула и, успокоившись, наклонила голову набок, покусывая губу.

Но вместо поцелуев я поднял ее на руки и отнес на кровать.

— Ты такой суровый с этой сединой, — прошептала разомлевшая девушка, зарывшись пальцами в мои волосы и, осознав, что сказала, одернула руку и потупилась.

— То есть обычно я выгляжу безобидно? — весело сказал я, отменяя хенге, и впился поцелуем в мягкие губы.

— Ты видел? — внезапно остановила она меня, отстранившись. — Там за окном кто-то есть, — хрипло прошептала она, не справившись с собственным голосом.

— Тебе кажется, — отмахнулся я, снова предприняв попытку добраться до желанного тела.

Решив на время оставить зловередные застежки, поднялся повыше. Стаскивая сетчатую майку с Анко, я краем сознания заметил что-то странное и мгновенно переключился. Кто-то завидовал и злился очень близко от нас. Обернувшись к окну, я заметил только, как нечто белое исчезло в ночной тьме.

— Кажется, я тоже видел чью-то маску за окном, — пробормотал отстраненно.

Анко тут же натянула одеяло до самых глаз, скрыв отчаянно пылающие щеки.

— Задерни шторы.

— Ты серьезно?! — я потянул за край.

Не ослабляя хватку, она покивала и замерла, настороженно глядя в сторону окна.

Пришлось послать клона поправлять шторы.

Я не понимал, как можно, с ее-то выходками и откровенным нарядом, стесняться любителей подглядывать? Ну, и пусть смотрят! Пусть завидуют!

Честно, я с опаской ожидал, что Анко выкинет что-то эдакое. Например, в спину вцепится и без повода застонет, или томно матюгнется, как в дешевом порно... а она застеснялась, что ее в неглиже может увидеть кто-то кроме меня. Это возбуждало гораздо сильнее, чем ее показушная пошлость!

— Почему ты так на меня смотришь? — спросила она, заглядывая в глаза, точно могла в них что-то прочесть.

— Как «так»?

— Странно, будто... нет, — она отвела взгляд, пряча довольную улыбку, — ничего.

Не удержавшись, я весело фыркнул, потому что «будто съесть хочешь» она так и не сказала, хотя явно об этом подумала.

— Продолжим?

Ответом мне была осторожная улыбка и шkodливый быстрый взгляд.

Наконец совладав с юбкой, одним движением стянул с Анко розовые трусики с шелковыми бантиками по бокам.

"Точно подарочная упаковка!" — мысленно отметил я, услышав тихий вздох, похожий на судорожный всхлип.

После бурной ночи хотелось еще полежать и понежиться, прижимая к груди тихонько сопящую девушку, но светлеющая полоска света поперек одеяла и урчание желудка просто вынудили встать. Анко сонно поморщилась и повернулась ко мне спиной.

Чмокнув ее между лопаток, я, улыбаясь, сел, спустив ноги на пол и недоуменно вытянул из-под пятки какую-то розовую тряпочку.

— Ой-ей, — беззвучно произнес я, рассматривая то, что еще вчера было бельем моей девушки. Из двух бантиков цел остался только один, второго не было вовсе, на месте шва — бахрома из ниток и тоненьких резиночек, благодаря которым эти кружавчики вообще держались на крутых бедрах моей ненаглядной.

Пока Анко не повернулась, я быстро запихал тряпочку в карман штанов, которые только собирался надеть.

Зевая, Митараша потянула на себя одеяло, завернулась в него, как в тогу, и принялась собираться.

— Ирука, ты не видел мои трусики? Розовые, — сонно щурясь, спросила девушка, расковыряв горку одежды на кресле.

— Под кроватью смотрела? — невинно поинтересовался я и ловко, но осторожно вытянул из рук девушки штаны с ее пропажей.

"Куплю ей другие, потом сознаюсь, что порвал, — уговаривал я свою совесть. — Уж лучше пусть пока думает, что потеряла, чем узнает, что я испортил ее вещь".

Утром, когда мы вышли в коридор, Макуто уже ждал у двери. Он стоял, прислонившись к стене, и смотрел в окно. Наруто сидел на полу, перешнуровывая ботинки, и что-то рассказывал. Судя по его жестам — очередной эпизод из тренировок с Реем.

— Безопасно? — спросил я у Макуто.

— Всю ночь тихо, — ответил он. — Наблюдателей нет.

К месту встречи мы добрались быстро и без приключений, что меня несказанно порадовало. Да и ждать не пришлось, потому что около придорожного святилища уже стояли наши попутчики.

Все же мне не хотелось бы идти отдельно от группы. Так хоть какая-то безопасность. Правда, весьма относительная. Шесть «барашков» — безынициативных низкоранговых корневиков, по силам едва достающих до среднего чуунина — и один «пастух», или, иначе, офицер уровня специального джонина.

Перед миссией я попытался узнать у Морио о «нас» как можно больше.

Кое-что он мне рассказал, а кое-что я вспомнил сам благодаря его рассказу.

Дело было в том, что сотрудники корня делились на две группы — «мясо», которое не жаль потерять, и офицеры. Как готовили рядовых сотрудников — это отдельный, весьма тошнотворный разговор. Набирали беспризорную ребятню, как с дорог, так и из сети приютов. Тех, что получше, чем-то выделявшихся — резервом, умом, скоростью реакции или чем-то еще, — отделяли от общей массы. Часть отправляли учиться на шиноби Конохи, как я понимаю, в исполнение каких-то договоренностей с Третьим, а часть становилась офицерами Корня. А вот тех, которых признали материалом похуже, ждала незавидная судьба. Таких «отбракованных» с самого детства воспитывали как недалеких исполнителей. Образование минимальное — учили читать, писать, основам тайдзюцу, боя со стандартным набором оружия, техник ниндзюцу и гендзюцу, чтению карт и прочим безусловно необходимым вещам.

С самого детства этим несчастным промывали мозги медикаментами, гендзюцу и рассказами о том, как велика и прекрасна наша Конохагакуре, как велик, мудр и умен вождь-Данзо-сама и как ничтожны они сами. Убеждали, что величайшее счастье — погибнуть за триединые Корни, Древо и Апостола их Данзо. Любую инициативу, вопросы, сомнения, даже индивидуальность — жестоко подавляли. Запрещали проявлять эмоции, объясняя это тем, что они только мешают выполнять поставленные задачи быстро, качественно и чисто. С почти сектантским зомбированием в ногу шла муштра, больше похожая на дрессировку животных.

Их даже клеймили, как скот — татуировками-печатами. Например, «клеймо» на языке мешало сболтнуть лишнего. Другие печати служили для уничтожения тел бойцов при необходимости и частичного контроля по типу печати Хьюг. Я не совсем понял, как это и что это за печать такая — «птица в клетке», но с умным видом покивал, потому что Маугли в очередной раз забыл про мою амнезию и начал смотреть на меня, как на последнего кретина.

Были в существовании рядовых и некоторые плюсы. Например, организмы «мяса» после определенных процедур и лекарств лучше

отвечали на боевые наркотики, которые использовал Корень, делая бойцов сильнее, быстрее и живучее.

С привыканием к наркотическим веществам успешно боролись. Подопытный в десять выглядит, как тринадцатилетний? То, что нужно! Будущий шиноби силен, быстр, у него больше чакры и выше болевой порог? Дайте два! Лучше работают боевые стимуляторы, специально разработанные для солдат Корня? Отлично!

Проблема была только в том, что препараты, которыми пичкали «мясо» коновалы Данзо, серьезно подрывали здоровье «солдат». По примерным оценкам тех же ирьенинов, до тридцати ни одному из рядовых корневиков не дожить из-за износа или отказа органов, проблем, вызванных специфической диетой и медикаментами. Ни один из этих бедолаг еще не дотянул даже до двадцати восьми, чтобы опровергнуть прогнозы местных последователей Менгеле и отряда 731. Некоторые умирали, не успев толком начать обучение. Другие — от рук своих же товарищей на тренировках. Третьим (таких было больше всего) «везло» столкнуться с костлявой, то есть с Шинигами, уже на заданиях.

От новых знаний я почувствовал себя физически грязным. Как будто надел воняющий кровью и гарью модный эсесовский мундир от Хьюго Босса. Хотелось отмыться. Макуто, шедший рядом, бросил на меня короткий взгляд и сказал:

— Не всё сразу. Разберёшься понемногу.

Я кивнул. Он редко утешал словами, но в его голосе не было жалости — только констатация факта.

Для Корня рядовые сотрудники не были детьми, а когда вырастали, не становились людьми. Организация не видело в них личностей. Они — расходный, легко восполняемый материал, не более того. Об этом красноречиво говорило не только отношение к «солдатам», но и тот факт, что увеличением срока службы младших сотрудников никто из научного отдела не занимался. У них, скорее всего, даже мысли такой не возникало. Когда я об этом спросил, Морио вытаращился и сказал: "Зачем? Сирот меньше не становится, а казармы у нас не резиновые!" Просто «шикарная» причина!

Не верю этому. Должно быть что-то еще.

Впрочем, Маугли тут не был исключением в своем пренебрежении к «мясу». Ирука, да и почти все офицеры Корня, судя по его воспоминаниям, относились к рядовым бойцам ровно так же. Он не считал их за людей. Так, марионетки из плоти и крови. Сдох? Да и плевать! Главное, что выполнил задачу. Коноха превыше всего!

Хорошо хоть корневики не орали «Зиг хайль» при виде Данзо. И тот не называл их номерами вместо имен, как в концентрационном лагере.

На пятый день мы спрятали плащи и шарфы, так как воздух значительно потеплел и даже стали встречаться зеленые деревья и вполне себе живая, а не сухая, трава.

Все это время меня не оставляло чувство, что за нами следят. Трое АНБУ Хирузена, не желая показываться, следовали за нами на приличном расстоянии, и это нервировало не только меня одного. Наш «офицер» частенько фонил раздражением, а Анко, поджимая губы, смыкала шторы в номерах, прежде чем раздеться. И только рядовым Корня все было «по барабану», и они не обращали на слежку никакого внимания. В эмоциональном плане «барашки» даже на небольшом расстоянии быстро становились малозаметными, особенно когда у них не было приказа и они ожидали команды.

Эмоции «мяса» — они как затертый ластиком след от карандаша: слабовыраженные, едва заметные, но они были. Что-то можно было почувствовать, если старательно «присматриваться», но на фоне других людей за ними было сложно уследить. Не облегчало понимание и то, что солдаты Корня словно думали на другой «частоте», которая давалась мне куда хуже. Может, они и чувствовали иначе, а не так, как нормальные люди? Эта неизвестность меня раздражала. Ведь я уже привык к тому, что вижу собеседника насквозь и легко разбираюсь в его чувствах, а с этими «буратинами» всё время приходилось напрягаться, чтобы хоть приблизительно понять, что они на самом деле думают и о чем переживают. Хотя слово «переживают» — это слишком громко для них.

А еще, словно специально, разобраться с корешками мне мешали Наруто и Анко. С первой нашей остановки их как подменили. Митараша и Узумаки

полыхали негативом, как два факела в ночи, но стоило лишь оказаться рядом, как они, невинно хлопая глазками, делали вид, что мне показалось. Я уже начал думать, что у меня галлюцинации, пока нам не достался один номер на троих.

Когда мы вернулись из общественной бани в номер, я сел за бумаги, поленившись поменять полосатую юкату, которую выдавали здесь всем постояльцам вместе с полотенцами, на свою одежду. Наруто тоже не стал переодеваться, сразу схватившись за книжку, будто за спасательный круг. Макуто занял место у окна, положив перед собой танто, и принялся его начищать. Он не участвовал в ссоре, но я заметил, как он перевёл взгляд на Анко, когда та начала провоцировать Наруто. Но тишина и покой длились недолго.

Анко прицепилась к мелкому из-за какой-то ерунды. Я всего не услышал, отвлекся от документов и черновиков не сразу, но понял, что в этот раз поводом послужил образ для хенге мальчика.

— Чего молчишь? Язык проглотил? Придумать ничего другого не можешь? Или родственником Ируки прикидываешься? Братиком или сыночком?

— Змеюка гадкая! — выкрикнул Наруто после небольшой заминки. Явно пытался найти цензурный вариант.

И все-таки хорошо, что я убедил его не ругаться матом, даже если меня нет рядом. Нецензурных слов он знал более чем достаточно — наслушался от окружающих.

— Хватит, — рявкнул я на обоих, спустив часть злости в КИ.

Проняло даже Митараша, потому что она замерла, как и Узумаки. Макуто поднял голову от танто и коротко посмотрел на Анко, затем на Наруто. Ничего не сказал, но его взгляда хватило, чтобы ссора прекратилась.

— Замолчите оба! И послушайте меня! Анко, хватит провоцировать Наруто!

— Но я не... — растеряно глядя на меня, попыталась возразить девушка. Похоже, она ожидала совсем иной реакции, но какой именно — я не знал.

— Ты. Его. Провоцируешь, — отчеканил я каждое слово. — Я не слепой и не глухой, Анко-чан. Не знаю, зачем ты это делаешь, но самоутверждаться таким образом некрасиво.

Наруто даже не знал, что сказать. Он молча хлопал глазами, пораженно переводя взгляд с меня на девушку и обратно. Макуто снова опустил глаза к клинку, но было видно, что он слушает.

— Он тоже виноват! — воскликнула Анко, тыча пальцем в сторону Наруто. — Он!..

— В два раза младше тебя, — скучным голосом продолжил ее фразу, но явно не так, как хотела девушка. — А ты его постоянно провоцируешь. Зачем?

Пораженно открыв рот, она будто хотела что-то сказать, но в последний момент передумала. Вместо ответа она, сложив руки на груди, фыркнула и демонстративно от нас отвернулась. Наруто за этим представлением «Ой, все» наблюдал с интересом, а я с разочарованием. Идеальных во всем девушек не бывает, и Анко это только что доказала.

— Ладно, ответишь, когда сама поймешь, — сказал я и повернулся к мальчику: — Наруто, если хочешь стать Хокаге, то ты должен уметь не вестись на провокации. Противник часто будет пытаться вывести тебя из себя и заставить атаковать вслепую, не раздумывая. Это как в тайдзюцу — если размахнешься и вложишь все силы в удар, то противник легко может использовать это против тебя. Но пока ты не ведешься, не раскрываешься и не даешь противнику усилие, чтобы использовать его против себя, ему сложнее атаковать. Если ты не ведешься на подколки, а игнорируешь их или возвращаешь обратно противнику, то рано или поздно он либо потеряет к тебе интерес, либо сам станет посмешищем, либо впадет в ярость и попытается тебя атаковать в открытую. В любом случае твоя выдержка даст тебе преимущество и выставит дураком того, кто тебя высмеивает.

Наруто от моей речи подзавис, Анко, впрочем, тоже, а я задумался, как бы лучше закончить, и, наконец, нашел нужные слова:

— И еще, пожалуйста, прекратите меня делить! Да-да, — в ответ на ошарашенные взгляды заявил обоим, — именно в этом основная проблема. И не надо делать вид, что причина в чем-то другом.

Они переглянулись и на удивление синхронно потупились. Макуто, услышав это, чуть заметно кивнул — он был согласен. Присев на край кровати около Наруто, я медленно проговорил:

— Поймите, я не хочу выбирать, кто из вас мне ближе и дороже. Так что смиритесь, — я через силу улыбнулся, — и перестаньте воевать. Потому что это все равно ни к чему не приведет. Не нужно портить нервы себе и мне.

Чтобы не мешать заключать перемирие, я решил прогуляться, но по коротким коридорам особо не погуляешь, гостиница была в этот раз небольшой, и я вышел во двор.

Макуто остался в номере. Он сел на пол у закрытой двери и закрыл глаза. Наруто покосился на него, но вопросов задавать не стал.

Запахнув гостиничную юкату плотнее, прошел в глубь сада и задрал голову к небу. Сине-черный бархатный небосвод искрился мелкими точками созвездий, названия которых я так и не удосужился запомнить. Мне для ориентирования по звездам хватало знать форму созвездий, а уж если придется, то я всегда смогу объясниться рисунками! Впрочем, все это пустые оправдания — займусь этим пробелом в знаниях, когда будет свободное время. То есть прямо сейчас.

Похоже, что я довольно долго сидел и сверял небо с картой созвездий, прихваченной из домашней библиотеки в путешествие, а также с тем немногим, что было доступно из памяти Ируки, раз Наруто вышел искать меня. Меня нашел его клон под видом темно-серого, как тени в саду, кота. Подняв фальшивку на руки, я уже открыл рот, чтобы похвалить: «Получилось почти идеально», как услышал голос:

— Ирука-сан, почему вы оставили джинчурики без присмотра? — требовательно спросил незнакомый баритон.

Вздрагнув, я обернулся на звук и заметил мужчину. Тот стоял около куста сирени, в такой же, как у меня, юкате, из-под которой виднелась

форменная водолазка, натянутая на подбородок, а затем он подошел ближе. Рассеянный бумажными перегородками свет лег на бледную физиономию и каштановые коротко стриженные волосы собеседника, но темные глубоко посаженные глаза с чересчур густыми ресницами, казавшиеся из-за этого подведенными, как у женщин, так и остались в тени. При свете дня я бы и не обратил на него внимания: обычный и непримечательный человек, а сейчас — ну точно призрак!

Самое странное было в том, что этот «жутик» казался мне знакомым, точно я уже видел его... в аниме. Я боялся ошибиться, но, решив рискнуть, назвал первое пришедшее в голову имя:

— Тензо-сан?

В эмоциях собеседника промелькнуло удивление, быстро сменившись раздражением, но лицо осталось бесстрастным.

— Я не ожидал вас здесь увидеть, — перестав присматриваться, доброжелательно сказал я. — Могу поинтересоваться, что вы здесь делаете?

— Вы прекрасно знаете, для чего я здесь и почему послали именно меня, Ирука... сан, — после короткой паузы выплюнул новый знакомый. Он явно сомневался в том, как ему меня называть и стоит ли вообще добавлять уважительный суффикс, словно хотел спровоцировать. Но почему?

Пока я размышлял, шиноби нетерпеливо постукивал пальцем по предплечью сложенных на груди рук и явно злился.

— «Именно меня»? — переспросил я и, невольно улыбнувшись, заметил: — Значит, ваше имя я верно угадал. Вы ведь меня не поправили. Кстати, Тензо-сан, вы не подскажете, что именно я должен знать? Это же вам дали какое-то задание, я могу быть не в курсе.

Последний «маг Дерева» с сомнением взглянул на меня и, точно делая одолжение, процедил:

— Я здесь для того, чтобы охранять джинчурики, — тоном он будто подразумевал другие слова: "Предотвратить приход рыжего песка", — и

для того, чтобы вы не забывали о своих обязательствах перед Конохой. Как и о том, что вам говорил Хирузен-сама.

Интересно, что чем дольше говорил Деревянко, тем больше злился, а вот имя хокаге он произнес с явным уважением.

— Хокаге-сама рассказал вам о нашем разговоре? И что же я не должен забывать? — стал я допытываться дальше.

— Вы знаете, о чем речь, — настаивал Тензо, неодобрительно поглядывая на «животное» в моих руках.

— Нет, не знаю, — спокойно возразил я. — Вы же говорили с Хокаге без меня.

Раздраженно фыркнув, шиноби задумался и после продолжительной паузы ответил:

— Джинчурики не должен знать о своем отношении к клану Узумаки. О том, как и когда погиб его клан и Узушио.

«Кот» зашипел на Тензо. Кстати, очень натурально.

— Тише-тише, — сказал я, тихонько погладив фальшивку. Разрушить хенге я не боялся — для этого надо было приложить больше усилий. При прочих равных чем меньше существо, в которое превращаются клоны, тем прочнее их оболочка. Установлено экспериментальным путем. То есть «мышку» надо пнуть от души, а со слона приходилось чуть ли не пылинки сдувать.

Кот глухо заворчал, не спуская неприязненного взгляда с будущего Ямато.

Кстати, о судьбе клана Узумаки я и сам почти ничего не знал. Как-то некогда было поинтересоваться. Будет время — узнаю.

Теперь уже задумался я, а Деревянко, проигнорировав кота-клона, с суровым видом решил поучить меня уму-разуму:

— Вы не должны были оставлять джинчурики без присмотра! Вы проявляете безответ...

— У него есть имя, — резко оборвал я шиноби.

Ямато нравился мне все меньше и меньше.

— Это неважно, как его называть — раздраженно поморщился Тензо. — Важно то, что вы должны следить за ним, а не болтаться, где пожелаете.

— Во-первых, его имя Наруто, — меланхолично произнес я, поглаживая кота с видом дона Корлеоне. — Запомните, а лучше запишите. Во-вторых, кому должен? Вам?

— Конохе и Третьему! — моментально ответил анбушник, презрительно поджав губы. — А вы болтаетесь неизвестно где! Вы не оправдываете оказанное вам доверие! Если на него в ваше отсутствие нападут, то...

— Земля гранитом идиотам, — снова оборвал я его. — Здесь семь шиноби уровня чуунинов, двое — уровня специальных джонинов, не считая меня, плюс ваша группа и один генин — он сам. Вы всерьез считаете, что кто-то в здравом уме нападет на нашу маленькую армию?

"Ну, честно говоря, парочка Акацук бы всех в тонкий блин раскатала. Но им пока до нас нет дела. Я очень на это надеюсь".

На слове «нашу» Буратино покривился.

— Все равно вы должны постоянно за ним наблюдать на случай странного поведения! Из-за вашего пренебрежения Сарутоби-сама может не получить важной информации о поведении джинчурики! Это недопустимо!

Пожав плечами, я развернулся и пошел обратно в гостиницу, всем своим видом показывая, что аудиенция закончена.

— Хорошего вам вечера, Тензо-сан.

За спиной осталось чужое чувство сильнейшего удивления.

В коридоре у номера клон, мяукнув, развеялся, а через несколько минут из дверей вылетел сам Наруто, который в прыжке повис на моей шее, а я подхватил его на руки. Мелкий нервно зыркал по сторонам, прислушиваясь к каждому звуку.

— Он правду сказал? — зашептал мальчик.

— Ты чего? — перебил я его тихо. — Анко напугала? Или меня потерял? — и так же шепотом добавил: — Не сейчас, — и, уже по-русски: — Слежка.

— Ясно, — едва слышно отозвался Наруто и крепче ухватился за шею.

Макуто, который ждал у двери, открыл её, пропуская нас, и бесшумно закрыл. В номере он сел на пол у стены и принялся чистить танто. Его присутствие успокаивало — он не лез в разговоры, но всегда был рядом.

— Помирились?

— Типа того, — фыркнул он. — Не оставляй меня с ней, я ее боюсь.

— Она не кусается. Не кисни, вы точно с ней подружитесь.

"Я очень на это надеюсь", — мысленно добавил я про себя, зайдя в номер и захлопнув дверь ногой.

Похлопав Наруто по спине, я спустил его на пол и быстро прошептал:

— Ты серьезно боишься Анко?

— Не, подыгрываю, — хихикнул мелкий. — Она не страшная. Просто вредина.

Взяв черновик будущей книги, я написал на нем: "Я все расскажу тогда, когда за нами не будут следить. Сейчас опасно".

Макуто, краем глаза заметив записку, кивнул и отвернулся к окну. Наруто покивал и хотел что-то сказать, но тут из ванной выглянула Анко и намекнула, что пора бы ложиться спать. Пожелав нам спокойной ночи, мальчик задвинул дверную панель в свою комнату и выключил свет. Номер напоминал планировкой однокомнатную квартиру: в маленькой комнате — «кухне» — устроились Наруто и Макуто, а мы — в «зале».

От разговора с Ямато стали медленно просыпаться какие-то пока еще невнятные воспоминания Ируки и сильно разболелась голова.

Стоило только отвернуться запереть дверь, а Митараши уже оказалась на кровати в одном покрывале вместо одежды. Манерно изогнувшись

перевернулась набок и поманила пальцем, изображая похотливый взгляд из-под полуприкрытых век, и гримасничала, покусывая губу.

Анко явно подлизывалась, что меня удивило, да и ее неумелая игра тоже не возбуждала. В какой-то момент даже захотелось поинтересоваться, как скоро вернется фотограф.

Анко вся извертелась, пока я не подошел и не сел рядом. Когда же девушка заметила, что я ее не трогаю, и замерла, привстав на постели, я сгреб Митарашу в объятия и грузно завалился на спину вместе с ней. Она «вспыхнула» довольством, которое постепенно превратилось в недоумение, ведь продолжения, на которое она так рассчитывала, не последовало. Фыркнув, девушка попыталась встать, упершись мне в грудь, но я не позволил, притянул за талию обратно и ткнулся носом в ее макушку. От ее волос отчетливо пахло корицей и апельсином, словно от зимней выпечки, но эта ассоциация не смогла вытеснить мысли о разговоре с будущим капитаном Ямато.

Прижимая Анко к груди, я сквозь давящую боль в висках беззвучно просил: «Пожалуйста, только не спрашивай ничего! Лучше помолчи».

Мысли у меня были заняты нашей «охраной», да и этот спектакль мне был не особо приятен, так что, пожелав спокойной ночи, я еще долго пялился в потолок через лиловые пряди. Только после того, как Анко осторожно попросила ее отпустить, я расцепил руки, но уснул раньше, чем она вернулась. Днем по этому поводу девушка ничего не сказала, хоть ей и было любопытно.

Митараша и Узумаки действительно заключили перемирие, но до полноценного мира тут было еще ой как далеко. Макуто держался нейтрально, но я заметил, как он иногда бросал короткие взгляды на Анко, когда она начинала слишком громко возмущаться. Он не вмешивался, но его присутствие остужало.

Когда вдали, наконец, показались остроконечные пики скального гребня, Дятел что-то сказал своим подчиненным, и те умчались вперед, а затем, ненадолго попрощавшись, унесся и он сам — удостовериться, что нас встретят те, кто должен, а не засада.

Из расщелины тянуло жаром летнего дня, а под ногами зашуршал темный песок, какой можно встретить на каменистых пляжах, когда море стирает камни до мелких крупинок. Изменились и растения вокруг, стали чаще попадаться южные хвойные деревья, пушистые тропические кустарники. А иногда даже какие-то разлапистые пальмы. Несмотря на то, что место, где жили мои предки, лишь немного южнее Конохи и севернее Страны Волн, но климат здесь был намного мягче и приятнее, а средняя температура — выше. Все дело в том, что у Каменистого Побережья проходило сильное теплое течение, эдакий местный аналог Гольфстрима, и горы надежно защищали его от холодного воздуха из центра континента. А в Стране Волн, которая располагалась еще южнее, наоборот, было холодное течение, которое снижало температуру воды и воздуха, но зато способствовало большему, чем на Каменистом побережье, количеству рыбы.

Последнюю часть пути мы могли бы проделать по воде — во владениях Умино устьем заканчивалась широкая, глубокая и главное — судоходная река. Ранее груз часто возили вверх по течению в Страну Огня и наоборот — спускали товары к морю. Увы, нам не повезло — никто никуда не плыл. Пришлось топтать своим ходом.

Город-порт, разделенный рекой и зажатый между морем и скалами, выглядел не особо приветливо, напоминая поселения Страны Волн своей безликой застройкой без намека на фантазию. На одном из утесов возвышался короткий маяк, похожий на обрубок древней башни, которую наспех покрасили в бело-красный. Сам «огонь», как под колпаком, находился под защитой мутноватого стекла.

— Ирука, ты тут родился?

— Скорее всего нет, но вообще — не знаю, — осматриваясь, ответил я Наруто, — это место не кажется мне близким, как Коноха. Не похоже, что я тут долго жил. Или часто тут бывал. Но маяк мне знаком, — тут я сказал чистую правду. — Кажется, я его уже видел раньше, только без краски.

— Сходим туда? — с энтузиазмом воскликнул Наруто. — А какой он был? Маяк.

— Не сейчас, — я потер виски, чувствуя слабую боль, — сначала найдем домик, который нам обещали, и приведем себя в порядок. Я ужасно хочу помыться. А маяк, — все же ответил я, — он был светло-серый, светлее, чем скалы вокруг. В дождь это видно сильнее всего, — я скривился и сам себя поправил: — То есть было видно.

Макуто, шедший чуть позади, подошел к маяку и положил ладонь на камень. Закрыв глаза, будто прислушиваясь к чему-то. Через секунду убрал руку и вернулся к нам.

— Там есть старая чакра, — сказал он. — Очень старая. Фарудская.

Я удивился, но не стал спрашивать подробностей. Макуто редко ошибался в таких вещах.

Но ушли мы недалеко, боль усилилась и стала мешать думать. У нее словно был собственный пульс, медленный, накатывающий волнами, вводящий в транс размеренными мягкими ударами, отдающимися в перегородке носа и пульсирующими под горлом, и от которой хочется дышать, как собака, ртом. Эти симптомы значили только одно: меня ждала новая порция его воспоминаний.

— Я передумал, — быстро проговорил я, пытаюсь попасть дыханием в такт «ударов», чтобы стало легче.

— Опять? — серьезно сказал Наруто и крепко взял меня за руку.

— Что с ним? — обеспокоенно вцепилась Анко в рукав, от волнения так оцарапав мой локоть, что у меня на миг даже сознание прояснилось.

— Он так вспоминает, — пояснил Узумаки, а остальное я уже не услышал.

Макуто шагнул ближе и встал с другой стороны, подхватывая меня под локоть, когда я пошатнулся. Он ничего не сказал, но его хватка была надёжной.

Бараки сменились широкими улицами, прикрытыми густой сочной зеленью, как зонтиками. Прямо на крышах низких домов из темного камня шуршали высокие пучки с острыми большими листьями, а около заборов торчали высоченные пальмы с гроздьями незрелых бананов. Две белые курицы, отчаянно квохча, делили сухую коричневую шкурку фрукта. Я из

прошлого пнул камешек, который попал в одну из насекомых, и они обе, теряя перья, разбежались в разные стороны.

Проследив за птицей с черным хвостом, заглянул за символический забор из редких кустов с узкими и длинными листьями. Массивный каменный дом из крупных кирпичей под своим весом врос в землю, и его жильцам пришлось выкопать ступеньки под дверью. Когда заметил, что курица метнулась в открытую дверь, я вздрогнул и поспешил прочь.

В себя пришел уже у маяка, самозабвенно блюющим в дикие цветы, под стеной, там, где башня почти касалась обломка скалы, словно срезанного гигантским мечом.

— Даже не знаю, что хуже, — я сплюнул в многострадальные цветочки, — рвота или кровь из носа?

В последнее время «приступы» случались редко и были слабыми. Даже Наруто не всегда замечал, что мне нехорошо.

Макуто стоял чуть поодаль, глядя на маяк. Он не смотрел на меня, но я знал, что он готов подойти в любую секунду.

Когда пришел в себя настолько, что смог бы встать на ноги, я подумал о том, почему мне так резко плохо. Я просто обязан был понять, что вызывает эффект «узнавания», чтобы больше понять о себе и о бывшем хозяине тела.

Возможно, меня так скрутило потому, что в Конохе я теперь ориентировался в основном на свои воспоминания, а тут было место, абсолютно незнакомое мне, но не предыдущему владельцу этого тела.

— Надо будет разобраться, но потом, — пробормотал я, поднимаясь на ноги. Те сами понесли меня к массивной деревянной двери, руки насчитали от нее восемь кирпичей-булыжников влево, которые из-под толстого слоя краски едва можно было прощупать, а потом подвис, потому что нужный кирпич должен был находиться на уровне моего подбородка.

Проблема заключалась в том, что с тех пор Ирука сильно подрос, и какой именно из кирпичей ковырять, портя кунай, я не догадывался, а ковырять весь ряд — дурная работа.

— Ирука, ты меня слышишь? — громко и по слогам почти прокричала Анко.

— Да-да, сейчас я вас слышу, — я отмахнулся, не сводя глаз со стены. — Наруто, иди-ка сюда.

Когда мальчик подошел, я провел рукой линию от его подбородка до стены и, выбрав три булыжника, отодвинул мелкого подальше. Краска поддавалась легко, опадая под ноги белыми многослойными хлопьями, а вот цемент или что-то похожее заставил меня хорошенько поработать. Оглушительно чихнув, я уронил под ноги кирпич, чуть не порезавшись, отбросил кунай и, забыв обо всем на свете, дрожащими руками полез в нишу. Жестяная коробка вяло посопротивлялась, а затем все же открылась, насыпав в руки остатки резинового шнура, который делал ее герметичной.

Изнутри пахло, как из подворотни, аммиачными парами, так что желудок громко буркнул. Заткнув нос пальцами, я заглянул внутрь и понял причину вони: морские звезды.

Кроме этих вонючек в коробке лежали какие-то шарики, бусины, даже был кусочек янтаря с муравьем, а также — сероватые гладкие камешки и продолговатый футляр из бамбука с тощим свитком.

На таких свитках писали пожелания в храмах, а потом прихожане вешали их на стену, как картину, на витом шнурке.

У меня перехватило дыхание, когда я подрагивающими руками развернул плотную бумагу, выйдя из тени маяка.

Черные закорючки, когда-то выведенные старательной детской рукой, сложились в короткое послание: «С возвращением! Если я это достал, значит, мы наконец-то вернулись домой! Мы будем жить здесь счастливо, как наши предки, о которых я читал в нашей библиотеке!

Каменистое побережье, жди нас, мы вернемся!

Мы никогда больше не вернемся в Коноху! Мне она не нравится, потому что она пыльная, грязная и рядом нет такого красивого моря, как здесь!»

А затем автор письма разошелся и начал рисовать. Рисунки были вполне узнаваемы: солнце, облака, куцый островок с пальмой, улыбающийся человечек с хвостом и чертой над носом, гордо стоящий на спинах двух дельфинов в чернильном море, вытянутом из кляксы. Это было что-то вроде письма в будущее.

Я узнал свой почерк. То есть Ируки, но все равно мой.

Я вспомнил, как под одобряющим взглядом отца писал, а потом добавил строчку про Коноху и разрисовывал свиток, пока он не видит. Помню, как верил в то, что это пожелание, что эта мечта — их общая мечта — сбудется. О возвращении на родину мечтала не только моя семья, но и весь наш клан. То, что от него осталось после того, как пал Водоворот.

У последнего Умино была своя светлая детская мечта. Он стремился к ней и ради нее жил. Но когда и как он сломался и забыл про нее? Как потерял себя? Когда растерял вместе с мечтой и самим собой доброту, человечность и прочие «излишества»?

Свернув свиток, я осторожно сжал его в руке и посмотрел на море, ослепительно блестящее от солнца далеко впереди. На миг перед глазами снова появился старый город.

«Знай, Ирука, я сохраню ее за тебя. Твою мечту. Не знаю, смогу ли воплотить ее в жизнь, но я хотя бы постараюсь. Она точно того стоит. И еще, я не повторю твоих ошибок, не забуду главного и не стану таким, каким стал ты, потеряв цель».

Аккуратно убрав письмо обратно в тубус, я сел на землю и поставил коробку на колени.

Узумаки и Митараша с удивлением наблюдали, как я копался в детских «сокровищах», как чуть не расплакался, читая письмо снова, а потом лазил в ведро под сточной трубой маяка, чтобы намочить руки.

Макуто подошёл ближе, посмотрел на содержимое коробки, но ничего не взял. Он просто стоял рядом, глядя на море.

— Ирука, с тобой все в порядке? — отвлек меня Наруто.

Я закивал, сжав в руке сереющие камешки, которые от влаги на краткий миг стали цветными, и глухо ответил, не обернувшись и чувствуя, как щиплет в носу:

— Да, просто... воспоминания. Дайте мне пять минут, я вас догоню.

Несмотря на то, что мы не устали, нам нужно было перекусить и привести себя в порядок, прежде чем соваться к местным властям. Кроме того, стоило узнать реальное положение вещей в местном отделении Корня, потому что бумаги всех нюансов не отражают.

Нашли «корневигов» мы достаточно быстро. Почти весь наличный состав был на полигоне — демонстрировал свои навыки метания сюрикенов и кунаев. Эти ребята явно были не теми, которые пришли с нами из Конохи. Темнокожие от загара парни и несколько девушек были выше и не носили масок. Хотя кое в чем они были похожи на пришедших с нами «солдат». Выражения лиц были такими же одинаковыми — холодное, ничего не выражающее равнодушие. Будто наступило будущее и я вижу человекоподобных роботов, но вот эмоции... я почувствовал интерес и заметил быстрый взгляд одной из девушек в сторону командира, будто она ожидала приказа. Девчат можно было спутать с пацанами из-за почти мужских фигур: ярко выраженного рельефа пресса и наружных мышц живота. Благо Анко, несмотря на тренировки, оставалась волнующе женственной и не превращалась в нечто здоровенное, шкафообразное и мужеподобное. А такие куноичи тоже были. Жуткое и неаппетитное зрелище.

Начальником здесь был мой ровесник. Роста среднего, как большинство шиноби, жилист и подтянут, но в остальном он ничем не напоминал своих подопечных.

«Буду звать тебя Синька, пока не представишься», — мысленно обозвал я нового знакомого. Глаза и волосы у него имели насыщенно-синий цвет, будто при его раскраске в палитру с избытком плюхнули индиго. Он с живейшим интересом наблюдал, поправлял подростков, будто стараясь их расшевелить, — открыто улыбался белоснежной на фоне коричневого загара улыбкой и активно жестикулировал.

Одет Синька был не в форму АНБУ НЕ, а в пеструю гавайскую рубашку и белые шорты. Точно он тут на отдыхе, а не на работе.

Заметив нас, он пошел мне навстречу, раскинув руки:

— Ирука, я так рад тебя видеть!

Слегка отстранившись, чтобы не попасть в медвежьи объятия, я скороговоркой произнес:

— Привет. У меня амнезия после ранения. Мы раньше были знакомы?

Несмотря на то, что выдуманная болячка прикрывала мне тылы, я все еще побаивался знакомых Ируки. И тем более — друзей.

— Хидики Тоши, — не успев расстроиться, но немного растерявшись, представился шиноби, медленно опустив руки.

Когда я представил ему Наруто, то заметил, что Тоши не без уважения взглянул на меня и даже покивал. Этим он мне живо напомнил Морио, когда тот восхищался моей самоотверженной службой Конохе. То есть тем, что я Узумаки опекаю. А вот Митарашу у шиноби вызвала просто бурю эмоций и полный восхищения взгляд, я даже слегка загордился.

Макуто представился сам, коротко кивнув. Тоши скользнул по нему взглядом, но ничего не сказал.

Разговорившись, Хидики пригласил нас присесть на лавки под деревом около ящичков с метательными железками. У Наруто глаза загорелись, с таким очевидным восторгом он разглядывал разномастные кунаи и сюрикены. Здесь бы и я покопался, потому что арсенал больше напоминал коллекцию, которую кто-то снял со стендов, — так много было самого разнообразного оружия, причем зачастую в единичном экземпляре. Кажется, в одном из ящичков даже лежала саперная лопатка, или что-то очень на нее похожее, и здоровенный сюрикен. Заметив интерес ребенка, Тоши разрешил ему потренироваться рядом с корневиками.

Макуто не присоединился. Он сел на траву у дерева и достал свой блокнот, начав что-то чертить. Я заметил — это была схема расположения казарм и складов, которую он успел составить по пути. Он делал это молча и быстро.

Как оказалось, Синька считал, что Умино был его лучшим другом. А вот я сомневался, что Ирука думал так же. Хидики учился в том же выпуске, что и Ирука. Как он мне признался, несколько смущаясь под внимательным взглядом Анко, он был самым инициативным на курсе и обладал живым и нестандартным мышлением. Что иногда выходило ему боком. Все эти замечательные качества, увы, не были особенно востребованы в довольно косной структуре Корня, и его, такого умного, сослали туда, где его инициативность и самостоятельность будут только в плюс. Туда, куда приказы идут слишком долго и надо полагаться только на себя: на Каменистое Побережье.

Впрочем, это и не удивительно с его-то именем: «Тоши» значит «аварийный», а «Хидики» — «яркое превосходство».

Здесь у Хидики в подчинении было десять человек, включая его самого, еще одного офицера и восемь «солдат». С приведенным нами подкреплением получалось три усиленных звена по пять «барашков» плюс командир. Тоши уже давно запрашивал дополнительные силы, но ответ до недавних пор всегда один: “Подкреплений не будет, выкручивайтесь как умеете”.

Впрочем, и восемь прибывших проблему не решали. Восемнадцать человек, из которых всего три офицера, — это явно недостаточные силы. Особенно, если придется охранять не только границу и город, но и огромную стройку, какая тут намечалась. Клонами не отделаться, тем более если они не теньевые, как у Наруто.

Пока Хидики трепался, его подчиненные сложили железо в коробки и выстроились полукругом, в тенике рядом с нами. Заметив это, Тоши спохватился, вполголоса что-то сказал подчиненным и отослал их в сторону длинных деревянных домов, похожих на бараки со старых советских фото.

Наконец, дошел разговор и до моей миссии. Узнав, что я надеюсь все закончить за месяц максимум, Тоши только головой покачал:

— Это будет непросто. Тут много проблем, которые нужно решать и с феодалами, и с компанией Гато... Слышал от них, что Хироши скончался и теперь они осваивают новые территории. Голова отвалилась, а змея

этого даже не заметила. И с новым наместником тоже не все гладко. Нам сюда сослали аж бывшего министра правых дел. Явно где-то напортачил, не иначе.

Вздохнув, я кисло поинтересовался:

— Этого министра, случаем, не Карпом звать?

— Да, — хмыкнул Тоши, — ты уже где-то успел оттоптать ему плавники? Он гад редкостный, и похоже, что еще и злопамятный. Пытался нас к своей охране за бесплатно припрячь, даже грозил проблемами. Пока главным был Тсуйои Кин, все было нормально, но этот... — шиноби только разочарованно головой покачал.

Мы еще потрепались немного, я спрашивал о местных слухах, он — о том, что в Конохе творилось.

Хидики взял паузу, чтобы набрать воздуха, и тут тишину нарушил дробный перестук. Мы почти синхронно обернулись к мишеням, ведь Наруто кидал тише и вообще уже наигрался с железом и теперь стоял рядом, слушал. А подопечные Синьки ушли в казарму еще раньше.

Повернув головы, мы трое обалдели. Анко быстро бросила еще пять кунаев к уже торчащим из мишени сюрикенам. И все они воткнулись в центр движущихся соломенных маятников на пеньковых веревках. Нет, все шиноби умеют кидаться разным железом, но было видно, что Митараша на голову превосходила всех местных — и по скорости бросания, и по меткости... Да по всему.

Она стояла и победно улыбалась, а я не мог отвести от нее взгляд.

Рядом хлопал глазами пораженный и завидующий мне Тоши и надувшийся Наруто. Ведь когда он бросал, мы не обращали на него внимания. Макуто поднял голову от блокнота, посмотрел на мишени, на Анко, потом снова уткнулся в свои записи. Его заинтересовала ее техника, но он не стал спрашивать — просто запомнил.

— Анко-чан, ты бесподобна, — совершенно искренне сказал я, переведя взгляд с мишеней на сияющую девушку.

Идиллию прервал крик Наруто:

— Пожалуйста-пожалуйста, научи меня!

Анко даже растерялась, когда мелкий засыпал ее вопросами и просьбами дать совет, а мы с Тоши сдержанно похихикали, скрыв смешки за кашлем.

Я думал, что нам придется жить вместе с корневиками, но нам выделили старый добротный дом недалеко от моря. Если хорошенько прислушаться, то можно было услышать шуршание волн через шелест пальмовых листьев. Высокую зеленую арку в заборе украшал короб с колоколом, видимо, изображая собой звонок. Наруто тут же дернул за канат, и по окрестностям разнесся громкий чистый звон.

Мне так хотелось сходить на пляж, но ничего не получилось: несмотря на то, что дел было мало, провозились мы до полудня. Только те, кому свою шкурку не жаль, ходят на пляж в полдень. Вот мы и не пошли.

Когда тени снова стали удлиняться, кто-то позвонил в колокол три раза, так что спутать гостей с ветром бы не удалось.

У ворот нас ожидали двое мужчин в костюмах, при галстуках и с чемоданчиками. Они представились как Акира Удо и Макимачи Мисао из Компании Гато. Честно пытался вспомнить местных Пат и Паташон, но эта колоритная парочка явно была мне незнакома. Удо — высокий и худой, задумчивый меланхолик; Мисао — низенький толстяк, подвижный и шустрый.

Быстро, как репер песенку, зачитав официальную часть, они сходу попытались нагрузить меня своими проблемами. Естественно, их пришлось выслушать; узнать жалобы, предложения и пожелания. Больше всего их смущало то, что представитель дайме настаивал на плате в казну несмотря на то, что порт должен был расположиться на земле моего клана.

Похоже, что некоторые вещи во всех мирах одинаковы и за свои кровные мне придется сражаться не на жизнь, а на смерть.

Макуто при этом разговоре стоял у двери и молча записывал имена и претензии. Он не вмешивался, но я знал, что он готов в любой момент подхватить любую деталь.

На следующий день я уже стоял перед двором виллы, где жил человек... мерзавец, гад и подлец, который захотел наложить лапу на мои деньги.

Вид чаши с белыми в оранжевых пятнах карпами перед домом чинуши из Никко неожиданно отправил меня на экскурсию в прошлое.

Пришлось постоять в сторонке, вспомнить, глюки посмотреть.

Прямо на этом месте, до того как тут отстроили эту роскошную виллу, был дом для собраний, а точнее, то, что от него осталось после войны. Каменные стены и деревянные пристройки с черепичной крышей, покрытой мхом. Ноги «помнили» лакированные широкие доски в коридорах и плетеные татами в самом доме. И каменные стены самого первого Большого дома. Уже тогда полуразрушенный дом казался Ируке и его немногочисленным ровесникам ветхим, полным призраков и всевозможных домашних духов. Вплотную к Большому дому стоял маленький каменный храм, его после войны даже пытались восстанавливать — просто из приличия. К счастью, он во время войны пострадал мало — там только крыша была не родной. В центре зала стояла металлическая тренога, а на ней — крупная каменная, никогда не высыхающая чаша с морской водой. Такой крупный булыжник диаметром около метра или чуть больше, обтесанный морем без помощи человеческих рук, и только если присмотреться, то можно было заметить на внутренних стенках зарубки, складывающиеся в печати. Кроме чаши еще были полосатые валуны с печатями Узумаки — для проведения ритуалов. В этом храме детей вносили в защиту клана — прописывали в барьерных печатях. Здесь подтверждали родство при помощи, опять же, печатей. Здесь приносились клятвы и заключались важные договоры. Все это мне рассказывал и показывал старый Умино Рью, дедушка Ируки по отцу. Он умер вскоре после переезда в Коноху, я вспомнил, что его могила находится на старом кладбище, а не там, где расположен мемориал павшим от лап биджу.

И вот эта самая чаша сейчас украшала передний дворик посланника дайме! Эта самая чаша, теперь засранная карпами и установленная на три булыжника из храма! На три булыжника с барьерными печатями!

— Я его убью, — зло прошипел.

Меня не слабо трясло от злости, когда я направился к особняку широким шагом. А на вопросы недоумевающих Наруто и Анко, которые меня притормозили, я ответил так:

— Это все равно что мясо жарить на Вечном огне!

В филиале Храма Огня в Конохе тоже было ритуальное вечно горящее пламя, потому мое сравнение поняли и ужаснулись. Макуто, услышав это, перевёл взгляд на чашу и замер. Его лицо осталось спокойным, но я заметил, как его пальцы сжались на рукояти танто. Он тоже узнал в этих камнях нечто большее, чем просто украшение.

Нас просто не пустили на входе привратник и охрана. С большим трудом мне удалось вернуть контроль над собой, чтобы поинтересоваться причиной:

— Почему это он не может принять владельца этих земель?! Он настолько занят?

Обоих охранников в белых доспехах мое КИ пробрало, но они старательно пытались не показывать вида, а вот привратник, бледнея и потея, проблеял:

— Э-э, простите, Умино-сама, но э-э-э, г-господин наместник не может вас принять. У него очень много дел.

Я уже стал подумывать о том, чтобы убить зарвавшихся слуг, но, на их счастье, Анко и Наруто, заметив, что со мной явно что-то не так, поспешно утащили меня оттуда. Вовремя. Обошлось без жертв. Стараясь успокоиться, я удивлялся тому, насколько сильно я стал походить на Ируку. Похоже, здесь, на Каменистом побережье, мне придется быть вдвойне осторожным. Через пару часов я немного остыл и вернулся, чтобы уточнить, когда же наместник сможет меня принять.

Дальше началась чернушная комедия. Потeya и вздрагивая от ужаса, привратник передал слова мне наместника дайме о том, что мне назначена встреча только через семь дней. Это какая-то запредельная наглость! Я, глава клана, на территории которого он незаконно возвел свою хату. И он же заставляет меня ждать аудиенцию целую неделю?! Да за осквернение храма моего клана его стоило убить на месте, а не ласы с ним точить!

И снова Анко и Наруто не дали мне всех поубивать. Они прямо местные ангелы-хранители!

И надо же было снова заявиться Пату с Паташоном! Не стесняясь, я рыкнул на них, что ничего нового сообщить не могу. Они покивали и пришли на следующий день. И не слезали с меня, теребя по два раза в день. Нет, серьезно, эти люди — злостные самоубийцы!

Целых два дня я был сам не свой и не мог заставить себя забыть эту чашу из храма. У меня руки зудели сделать для Карпа какую-нибудь гадость. Желательно с летальным исходом для него.

На этой почве даже поругался с Наруто и Анко. Мальчишка тормозил меня, пытаюсь вывести из состояния озлобленной задумчивости, совмещенной с депрессией и жаждой убийства. Девушке это не понравилось. Не то, что я злющий как черт, а то, что мелкий хотел меня развеселить!

Они затеяли очередную ссору ни о чем. Ее начало я снова пропустил и обратил внимание на ссорящихся Узумаки и Митараши только тогда, когда они начали ругаться слишком громко и отвлекать меня от рисования взрыв-тегов. Самой удачной идеей мне показалось взорвать этот дорогой сарай к чертям собачьим! Макуто, сидевший в углу, отложил свой блокнот и посмотрел на меня. Он не вмешивался, но я видел — он ждал моей реакции.

— Хватит приставать к Ируке! — удерживала девушка Наруто за руку.

— Я хочу, как лучше! — безуспешно вырывался тот. — Ты вообще ничего не делаешь!

— Ты уже сделал как лучше! Он из-за тебя память потерял!

— А ты его чуть не убила! — наконец одним гибким движением высвободив руку из захвата, обвиняюще выкрикнул ей в лицо мальчик.

В общем, я сорвался и, долбанув рукой по столу, некультурно наорал на обоих. Даже КИ выпустил.

После этого Макуто поднялся и вышел во двор, не сказав ни слова. Он не любил, когда кричат. Вернулся через несколько минут с охапкой каких-то трав и молча принялся заваривать чай.

На следующее утро мне было очень стыдно, и я, попросив прощения за вчерашнее, предложил всем нам сходить развеяться на море. Пообещал, что покажу кое-что интересное. На роль зрелища был предназначен призыв Дельфинов, которых в Конохе негде было вызвать.

Макуто согласился без лишних слов. Он вообще редко отказывался от возможности выйти на берег.

В первый день, когда меня понесло к маяку, на обратном пути я заметил небольшой уединенный пляж под ним, между скал, до которого можно было добраться только по воде или если спуститься с уступа вниз, туда я и направился.

Узумаки пробежал легко, а вот мы с Анко задержались. Она ступала между волн, рискуя замочить не только ноги, но и плащ. Решив погеройствовать на ровном месте, я подхватил Митараши на руки и рванул по гребням на землю. Будь пляж дальше, я бы опростоволосился, потому что Анко не стеклянная, а я не видел волн под ногами. Макуто, шедший следом, бесшумно перепрыгнул через очередную волну и оказался на берегу раньше нас. Он огляделся и кивнул — чисто.

Удивленно ойкнув, она схватилась за мой воротник, а затем рассмеялась, заглядывая в глаза. У Анко сейчас было негромкое, мягкое «ха-ха», словно в противоположность звонкому смеху, который от нее я слышал в театре.

— Я осмотреться, — бросил я не оборачиваясь Наруто и умчался разведывать территорию.

— Может, отпустишь? — тихо спросила девушка. Но судя по ее лукавой улыбке и настроению, она была совсем не против.

— Не-а, — радостно ответил я, — не отпущу.

Так и ходили: впереди Наруто, позади я с довольной, как слон после купания, Анко, а Макуто замыкал шествие, иногда поглядывая по сторонам.

Пляж оказался гораздо больше, чем мне виделось сверху, потому что под маяком вода вымыла арку на берег за скалой. Второй пляж имел куда больший размер, и песок здесь был не серый, несмотря на скалы, а белый, почти как снег, хотя местами его уже заменила мелкая серая галька. Мои догадки об искусственном происхождении пляжа подтвердил каменный домик с отсыревшими печатями на стенах и барельефом в виде дельфинов на внешних стенах. В них не осталось даже намека на чакру. Просто испорченная бумага. Наруто покачал головой и срисовал печати, которые еще можно было разобрать. Макуто подошел к стенам, провёл рукой по барельефу, закрыл глаза. Через секунду открыл и покачал головой: пусто.

— Тут полно черной плесени, не стоит нам дышать этой гадостью так долго. Наруто, еще успеешь скопировать.

Он послушно кивнул и убрал блокнот и кисть с чернилами. Походный набор у мальчика был похож на бамбуковый тубус, что-то похожее я видел у Сая в аниме. Простенький на вид, но напичканный печатями и дорогими компонентами.

Жесты-печати я повторил по свитку, а когда понадобилась кровь для активации, чиркнул по пальцу чакроскальпелем. Я ж не дурак, грязные руки грызть ради пары капель!

Анко иронично подметила:

— Ты в бою будешь так же делать?

Прервавшись, ответил:

— Когда припрет, может быть, и погрызу пальцы, а пока не хочется. Не голодный, — и еще язык высунул, дразнясь.

Снова повторив серию ручных печатей, хлопнул ладонью по песку, отпуская небольшой «комочек» чакры, — я не собирался призывать кого-то типа Гамабунты. Как воспользоваться призывом, я уже знал из клановых свитков и из воспоминаний во время медитаций. Да и тело помнило последовательность действий для призыва. Так что я не сомневался в успехе.

Макуто остался на берегу, положив руку на рукоять танто. Он не знал, что появится, но был готов к любой угрозе.

В метре от меня вода вспухла здоровенным пузырем, который, словно нож, прорвал серо-стальной плавник размером сильно больше, чем я ожидал.

Даже забеспокоиться не успел, когда эта испещренная глубокими, явно свежими, шрамами зверюга крутанулась на месте, толкнув хвостом на берег гигантскую волну. Напор был такой силы, что меня мотало, как щепку в шторм. А затем долбануло спиной о неожиданно твердое дно, выбив из легких бесценный воздух. Не успел я толком вздохнуть, оказавшись на поверхности, как вода вместе со мной взметнулась вверх, заключив в подобие водяной тюрьмы. Мир стремительно менялся местами — столб воды, в котором я болтался, вращаясь, мчался прямо на берег. Я даже не мог понять, в какой стороне море, а в какой берег, и боялся открыть глаза, чтобы в них не попал песок.

Дыхания не хватало, паника захлестнула мозг, я чуть было не вздохнул несмотря на то, что где-то на краю сознания понимал — наглотаюсь воды и утону. Но она вдруг пропала, и я рухнул в сырой песок, ударившись плечом и ничего не видя из-за слезящихся от морской соли глаз. От столкновения я потерял сознание. Мне показалось, что вырубился я буквально на мгновение.

Макуто молниеносно переместился к воде, выхватив танто. Он не атаковал, но занял позицию между дельфином и теми, кто был на берегу.

— Ирука! — попыталась поднять меня Анко. — Ирука!

Не заметив рядом с ней мелкого, забеспокоился:

— Где Наруто? — через силу распахнул я глаза и замер, в ужасе наблюдая за ярко-рыжим «костром» на море, в который превратился Узумаки, окруженный чакрой биджу.

Прозрачный силуэт отражался на поверхности моря оранжевыми бликами. Мальчик стоял на четвереньках напротив громад болотно-зеленого и серого цветов. Подробнее я не мог разобрать из-за рези в глазах.

— Наруто! — изо всех сил крикнул я, но он не повернулся на оклик.

Сделав усилие, я поднялся, придерживая вывихнутую руку. Волна чакры Кьюби пробудила старые воспоминания. Боги, как же невовремя! Колени предательски дрожали, а внутренний голос нашептывал мягким голосом Майн: «Беги, беги и не оглядывайся»! Мне почудилась гарь, стоящая комом в горле, и дым. На фоне неба проступили очертания разрушенной Конохи и рыжий силуэт, пока еще прозрачные и смутные, но они грозили вот-вот отрезать меня от реальности. Меня накрыло волной чужого первобытного ужаса и, как ни странно, чувство дежавю. Будто со мной все это уже было. Тело начало становиться словно чужим, неуправляемым.

Макуто, заметив мое состояние, сделал шаг ко мне, но не отвёл взгляд от моря. Он перехватил танто обратным хватом, готовясь к обороне.

— Анко, ударь меня, — шипя, выговорил я, впиваясь ногтями ватных пальцев в плечо вывихнутой руки. Боль отрезвляла, но не настолько, чтобы окончательно прийти в себя.

— Ты с ума сошел?!

— Бей, — прошипел громче я, едва сдерживая воспоминания, которые теснили реальность все сильнее, — бей!

— Куда?

— Бей, дура, мать твою! — рявкнул я, не сдержавшись.

Злость и боль — это то, что удерживало мой разум от того, чтобы утонуть в чужом, а теперь и своем ужасе. Я начинал себя чувствовать, как тогда, в госпитале, когда Ирука перехватил контроль над телом, чтобы ответить ирьенину.

Звонкая пощечина отозвалась вспышкой боли в ушибленном затылке и чуть не отправила меня в беспамятство, но видение исчезло, а дикий ужас за свою шкуру и наступающее ощущение, будто тело меня больше не слушается и принадлежит кому-то другому, уступили место страху за Наруто. Из канона я помнил, что эта чакра делает Узумаки берсерком и медленно убивает, разрушая его тело.

— Анко, мне нужна твоя помощь, — не отрывая глаз от мальчика, объятая оранжевой чакрой, сказал я. — Плечо. Вправь.

Она понятиливо кивнула, и через секунду меня пронзила вспышка боли, заставив вскрикнуть. Сустав встал на место. Боль заставила выгнуться, сжать зубы, но окончательно отрезвила.

Как там говорили: страх убивает разум? Не знаю, как там у других, но меня тут страх точно чуть не убил!

А в это время в море развернулся настоящий бой титанов: ненормально огромные дельфины и крабы единым фронтом теснили джинчурики, пытаюсь достать его струями воды и гигантскими волнами. Наруто уворачивался от первых и перепрыгивал вторые. Тогда Дельфины вместе, с трех сторон, вызвали очередную волну и издали какой-то низкий, скрежещущий звук. Даже меня, находившегося относительно далеко от основной битвы, достало и пробрало до самых зубов. Да что там зубы! У меня даже кости завибрировали, словно я стоял у колонок на рок-концерте, а только что вправленный сустав откликнулся болью. Да что это было?!

Макуто пригнулся, зажав уши руками. Он не мог использовать свою технику ультразвука — звуковая волна дельфинов слишком сильно мешала. Но он не отступил.

— Мы ему ничем не поможем, — обеспокоенно вглядываясь в лицо, удержала меня Анко. — Нас раздавят и не заметят.

— Не обязательно лезть самим, — беспокойно вздрогнул я, посмотрев на бой. — Твои змеи смогут их отвлечь? У меня есть план.

— Хорошо, я попробую.

Впрочем, ничего толком мы сделать не успели. Едва девушка призвала змею, как морские обитатели все-таки достали Узумаки.

Наруто перепрыгнул и этот гребень, прорвавшись сквозь него рыжим метеором, но потом его встретила вторая волна — того вопля, который издали дельфины. Видимое искажение в воздухе ударило Наруто, срезая с

него ключья чакры и заставляя его пригнуться. И тогда они запустили еще одну звуковую волну.

Стремительно теряя обрывки рыжего покрова, Наруто пролетел мимо нас с Анко, прямо над головой желтого удава-переростка. Слишком высоко, чтобы можно было поймать, смягчив падение.

— Скорее! — бросил я, рванув к Наруто и на ходу создав клона, чтобы тот вместе со змеем отвлекли внимание взбесившихся зверей.

Подбежав к Узумаки, я пощупал пульс на шее.

— Есть! Дыхание есть. Так, — вслух проговаривал я, — техника диагностики... Позвоночник цел. Голова вроде тоже... Фух... Ну, брат, — сказал я по-русски, — да ты сплошной синяк. Но вроде ничего угрожающего жизни нет.

Я вздохнул, бережно подхватил крепко помятого ребенка на руки и обернулся, чтобы позвать Анко, но чуть не столкнулся с ней. На лице девушки явно читался ужас и понять причину было проще простого — нас окружили. А желтый удав, смирно, как веревочка, висел в клешнях гигантского краба.

Ломая пальмы, с трех сторон подошли покрытые бронированными доспехами и зелеными наростами крабы размером с двухэтажный дом, а большая часть берега ушла под воду, позволив огромным серым тушам дельфинов подобраться вплотную. Макуто встал перед нами, заслоня собой. Его танто был наголо, чакра — сжата. Я чувствовал, как он готовится ударить первым, если потребуется.

— Что вам надо? — выкрикнул я, поняв две вещи: отступить некуда и на нас почему-то пока не нападают.

— Мы хотим найти своих детей, — пробасила особенно здоровая серая громадина, обдав нас волнами тоски, боли и сожаления.

Размером зверюга была даже больше той, которую я случайно вызвал, но у той нос был сбит сильнее и на плавниках полукруглые следы, похожие на укусы акулы.

— Сочувствую, — без капли сожаления ответил я, цепко наблюдая за морскими гадами, грамотно взявшими нас в кольцо, — но не имею понятия о том, где ваши дети.

— Наши дети были украдены призывом. А ты — последний призыватель, Ирука, — пророкотал голос второго слева от «мамаши» дельфина.

Я нервно сглотнул, почувствовав особенно сильный удар сердца где-то в районе горла.

— Это не я! Я никого не призывал почти год! — Тут всплыло воспоминание: — Нет, два с лишним года! В Конохе вас даже некуда призывать, там нет моря и большой воды!

— Он не лжет, — с болью в голосе сообщила дельфиниха.

В голове мелькнула мысль о том, что я зря прикасался к призывному свитку. Надо бы его сжечь к чертям собачьим! Хотя, может, еще не поздно?

Я понимал, что по-хорошему мне нужно было спросить, что у них произошло, но первое впечатление вызывало только прилив адреналина, страх и дикую злость. Если бы я знал наверняка, что сожженный свиток отправит этих пережравших анаболиков обитателей моря назад, я бы его тут же спалил. Рисковать совсем не хотелось. Лучше уж быть совсем без призыва, чем с призывом, который хочет тебя убить! Но даже если уничтожение свитка отзовет дельфинов, то крабы никуда не денутся, ведь их призвал не я.

Морские обитатели тем временем моему чистосердечному признанию почему-то не обрадовались и стали что-то обсуждать между собой чириканьем, режущим ухо треском и другими непонятными людям звуками.

— Ирука? — как сквозь дремоту позвал мальчик и закашлялся. Видимо, успел воды наглотаться.

— Я здесь, — переложил его себе на плечо и похлопал по спине, помогая откашливать воду. — Все хорошо.

Макуто отошел в сторону, но остался в поле зрения. Он не опускал танто.

Наруто кивнул и вцепился в мой жилет.

— Я ду... думал, тебя убили, — хлюпая носом и заикаясь, будто ему не хватает воздуха, пролепетал Узумаки. Кажется, его трясло. Или это меня потряхивало?

— Тише. Будущие хокаге по пустякам не плачут. Правда же?

— Ты-ты не пу-пустяк! — яростно замотал головой мальчишка. — Я думал, ты погиб! Ты-ты упал и все...

— Я только воды наглотался, — слегка приврал я. — Воображение с тобой сыграло злую шутку. Все в порядке.

— Угу, — промычал Наруто, а затем, отстранившись, с трудом изобразил кивок.

Он старался держаться, но все равно шмыгал носом и, шипя, украдкой вытирал мокрые глаза сбитыми до ссадин на костяшках руками.

Вздохнув, я успокаивающе погладил мальчика по волосам.

— Ты должен помочь нам, — заявил один из крабов, махнув клешней, так что нам на голову посыпались листья. — Наши дети в опасности!

Это хорошо, что он все-таки почти разминулся с пальмой, задев лишь самую верхушку, и то вскользь. А то бы на нас упали не листья, а весь ствол. И на этом моя помощь этим придуркам и закончилась бы, не начавшись.

— Странная у вас просьба о помощи. Многие бы после этого контракт разорвали, — не сдержавшись, огрызнулся я.

Меня раздирали противоречивые чувства: с одной стороны, хотелось высказать им все, что о них думаю, за явно ошибочную атаку и за чуть не уроненную на нас пальму, а с другой стороны как-то не хотелось хамить тем, кто мог без проблем прикончить одним ударом всех троих.

— Мы приносим свои извинения, Ирука-кун, — ответил самый здоровый дельфин. — Мы допустили оплошность, но ты обязан нам помочь!

— Что значит обязан?! — неприязненно воскликнул я, не сдержав язык за зубами. — И что вы именно от меня хотите? Я не знаю, кто, где и почему похищает ваших детей. Я не думаю, что мы сможем вам чем-то помочь!

— Ирука, не говори так, — все еще шмыгая носом, сказал мальчик, — им нужна наша помощь, и мы спасем их детей!

— Ты сам-то понял, что сказал? — недоуменно спросил я.

Чип и Дейл недоделанный. Герой недобитый. Его чуть не пришибли, весь синий — даже фингал под глазом есть. Мелкий сейчас наверняка даже ходить-то может с трудом, а все туда же — лезет спасать и освобождать. Даже плевать, что не принцессу, а всяких морских гадов.

— Да, — нерешительно отозвался мальчик, — Если бы они знали, что мы хорошие, они не стали бы нападать. Они подумали, что мы плохие, потому напали.

Поморщившись, я хмуро взглянул на зверей, словно вижу их впервые.

— Ирука, — мягко легла ладошка Анко мне на руку, — может, ты все же выслушаешь?

— Вы сговорились, что ли?! — недовольно пробурчал, рассмешив этим Наруто.

— Без награды не оставим, — булькнул краб с удавом, посчитав, что я набиваю цену.

— Я выслушаю, но помочь не обещаю. Я не...

— Все вы, Умино, одинаковые, — фыркнула дельфиниха, закатив глаза.

— Избегаете ответственности и однозначных формулировок.

— Я не всемогущ, — упрямо договорил я, повысив голос, и хмуро взглянул прямо в глаз дельфинихи. Серые туши к нам были повернуты боком.

— Кроме того, не так давно я потерял память и даже не знаю ваших имен. И еще, — я обернулся к крабу, — пожалуйста, змею отпустите.

Слитный вздох и ошарашенные взгляды — они прямо как люди.

Выслушав мою историю, один из крабов заметил:

— Но ты сказал, что не призывал два года, а память потерял совсем недавно. Ты чего-то не договариваешь!

Не удержавшись, я прикрыл лицо рукой.

— При амнезии память возвращается или полностью, или частично, как в моем случае! А теперь, пожалуйста, назовитесь!

После того, как все представились, я какое-то время пытался поймать хоть какой-то отклик, но потом чертыхнулся и сказал:

— Повторите, я запишу, кто есть кто. Не могу я вас вспомнить.

Пока зверинец представлялся снова, удав ушуршал к хозяйке и теперь кольцами обвивал наши ноги, прижавшись к нам, как побитая собака. А Наруто, которого пришлось поставить на землю, осторожно гладил чешуйчатый бок. Макуто убрал танто, но не в ножны — держал в опущенной руке, готовый в любой момент вновь поднять.

— Все началось год назад... — начал Кента, тот шрамированный дельфин.

Некий преступник специально вкладывал в дзютсу призыва мало чакры, чтобы призвать молодняк.

Дело было в том, что взрослые животные могли «отказать» призывателю и не явиться на зов, а малышня «отвечает» автоматически, и тогда вместо жабы появляется головастик, как в манге было у Наруто.

Но раньше малыши всегда возвращались к родителям, а сейчас — нет. Кто и зачем похищал маленьких крабов и дельфинов — никто не знал. Поэтому общим советом дельфинов и крабов решили, что на следующий же призыв, независимо от количества вложенной чакры, придет Кента и вызовет всех остальных.

— Ирука-сан, я знаю, что у тебя не сложились отношения с нашим кланом и я лично сказал, чтобы ты меня больше никогда не призывал, — эти слова тяжело давались Кенте — главе дельфинов. — Но сейчас именно тебя я прошу сделать все возможное, чтобы спасти наших детей. Нам больше не

к кому обратиться. Если ты поможешь, то мы поклянемся всегда выполнять твои просьбы и навсегда забудем о прошлых разногласиях.

«У Ируки что, даже с собственным призывом были разногласия? Как он умудрился настроить против себя столько народа? Как?! Это какой-то особый Талант с большой буквы, не иначе!»

— Мы тоже подпишем с тобой контракт, хотя никогда ни с кем, кроме клана Узумаки, этого не делали, — пробасил Хадзиме, глава крабов. Он тоже постоянно дополнял рассказ дельфинов, активно жестикулируя клешнями, так что наш удав дрожал.

— У вас что, правда был контракт с моим кланом? — влез любопытный Наруто.

Краб грузно стукнулся брюхом о землю и даже чуть вкопался, так что его морда оказалась всего в нескольких метрах от нас. Меня аж передернуло, когда Хадзиме почистил вытянутые, мутно-салатовые глаза жвалами.

— Ты не похож на Узумаки. У них красные, как человеческая кровь, волосы. Но у тебя похожая чакра, — пошевелил он мерзкими буркалами.

— Его мать была из клана Узумаки, — уточнил я, стараясь не смотреть в полную желтой пены пасть краба.

Морские обитатели переглянулись. Кента медленно повернул голову к Наруто, и в его глазах мелькнуло что-то вроде узнавания.

— Тогда... — начал он, но замолчал.

Макуто замер. Я чувствовал, как его чакра — та, настоящая, которую он так тщательно скрывал — дрогнула. Он стоял неподвижно, но я знал — он услышал в словах краба нечто важное. Фаруды всегда были вассалами Узумаки. Для них этот разговор был не просто беседой о контрактах.

К счастью, призывы оказались то ли понятливыми, то ли ленивыми, и дальше тему родни мальчика развивать не стали. Взяв с меня обещание и обговорив, как правильно их призывать, если у меня появятся для них новости, дельфины и крабы удалились в море, а уже там с хлопком пропали. Змей, наконец, разжал кольцо вокруг нас и успокоился.

— Анко, ты цела?

— Все хорошо, только вымокла, — сказала девушка, выжимая полу плаща.

Немного подумав, она вовсе его сняла, оставшись в сетчатой маечке и потемневшем от воды тонком бежевом топе, который трудно было не заметить. Пришлось отвернуться, чтобы не смущать девушку оголодавшим взглядом.

Мокрая одежда липла к телу, но сейчас было не до того. Я оглядел пляж. Белого песка почти не осталось, сам пляж стал вдвое меньше, везде ямы и рытвины, пальмы переломаны, на берегу клубки свежих водорослей и донного мусора. Тут даже один ржавый якорь валялся с куском цепи. Макуто осмотрел якорь, потом перевел взгляд на море. В его глазах читалась странная тоска.

— Был пляж, и нет пляжа, — пораженно покачал я головой.

В это время Наруто, баюкая руку, пошел к змею, который отполз от нас на сухой песок.

— Куда? А лечиться?

Мальчик обернулся, задумался на мгновение и похромал обратно:

— Змейке помочь хотел, — он поморщился от боли. — У нее чешуя задралась и кровь выступила.

— Я потом змее помогу, а сейчас — сядь сюда и не вертись.

Посадив Наруто на крупный булыжник и сняв с него верхнюю одежду, я принялся его лечить, попутно расспрашивая, что он стал бы делать в такой ситуации. Хотел отвлечь от боли и заодно проверить, насколько хорошо он усвоил тему о сборе информации. Да и от мыслей про Кьюби его пока тоже стоило отвлекать. Пусть для начала успокоится и придет в себя, а поговорим позже.

— Есть идеи, откуда лучше начать расследование? Я имею в виду место, — спросил я, не отрываясь от работы.

— Ну, — протянул Наруто, — спросим у рыбаков, — и неуверенно глянул в сторону Анко.

А она в ответ засмеялась, смутив его:

— Обычные рыбаки не имеют к этому никакого отношения. Ты что, не слышал? Их призывали!

— А, ну да, точно... Я забыл, — расстроился мелкий.

Победно улыбнувшись, Анко взглянула на меня, а я разочарованно покачал головой:

— Вообще-то Наруто прав, следует попробовать поспрашивать у рыбаков, — сказал я, а затем повернулся к мальчику: — Они могли слышать какие-нибудь слухи или видеть что-то необычное...

И тут мне в голову пришла отличная мысль:

— Если мелких дельфинов и крабов держат в закрытых бассейнах, — размышлял я вслух, — то им нужно много еды, и покупать рыбу должны у местных рыбаков! Или, если они сами ловят, то рыбаки должны жаловаться на плохой улов и конкурентов!

Наруто смотрел на меня с раскрытым ртом. Митараша повела себя куда сдержаннее, но тоже удивилась. Макуто, который уже успел свернуть свой танто и подойти ближе, кивнул, подтверждая логику.

— Учитесь не отбрасывать мысли, какими бы бредовыми и дурацкими они на первый взгляд не показались, — улыбнувшись, сказал я им.

— Правду говорят, что профессия накладывает свой отпечаток, — посетовала Митараша.

— Я обиделся, — дурашливо заявил я и, наиграно надувшись, сложил руки на груди, чем развеселил обоих.

Змей благосклонно принял лечение и терпеливо — поглаживания от Наруто, а после попросился остаться еще ненадолго, погреться.

Анко не стала возражать, хотя именно ей, как призывающей, придется делиться с ним чакрой все время, пока он тут находится. А я за это время с

помощью Анко зафиксировал свою травмированную руку и, как мог, попытался ее залечить.

— Не стоило мне так активно пользоваться рукой.

— Что-то не так? — бережно провела Анко пальцами по поддерживающей повязке.

— Нет. Вроде получилось, так что завтра, я надеюсь, можно будет обойтись и без повязки.

Одежда уже начала подсыхать, так что пришлось идти в дом переодеться, чтобы не щеголять белыми соляными разводами.

После этого мы вдвоем с Наруто отправились опрашивать местных. Естественно, под хенге. Макуто остался в доме — он сказал, что проверит окрестности на предмет следов. Но я знал, что он тоже будет собирать информацию, только по-своему. Его сенсорные способности позволяли ему слышать и чувствовать то, чего не замечали мы.

Я представился приезжим рыбаком с сыном, который искал новый дом и работу, после того как бежал из Страны Волн. А Митараши решила остаться, сказав, что жене «рыбака» нужно дом «обустраивать». Кроме того, она намекнула, что неплохо бы «осмотреться».

Уже через пару часов мы знали, где местные рыбаки сбывают свой улов и как живут.

— На одном острове неподалеку от Большой отмели, она так и называется — Большая отмель, — поделился с нами поджарый, похожий на сушеную воблу рыбак, — там какие-то шиноби. Повязок не носят, ну, этих, с пластинками, Но всякие штуки, эти, шинобские, делать умеют. По воде ходят, когда корзинки с рыбой с лодок собирают. Чего с этой рыбой они делают, не знаю. Мне не интересно. Платят хорошо, всем хватает. А им все равно мало той рыбы. Еще просят!

С расспросами мы управились быстро, потому что Наруто попросил сходить на пляж снова, чтобы перерисовать в блокнот остальные печати.

Пройдя знакомым маршрутом в арку под маяком, мы увидели тот же самый пейзаж. Хотя ямы немного сгладились волнами, но в остальном ничего не изменилось.

Пока клон старательно копировал в тетрадь печати, мы с Наруто присели на ступеньки разбирать коробку с каким-то хламом, который нашелся в углу. Большая часть вещей испортилась, но кое-что еще можно было взять.

— Это, наверное, были кисти, — показывая полуистлевшие палочки, сказал мальчик.

— Похоже на то, хм, а чернильницы целые, только одна с трещиной.

— Вымыть, и будут как новые!

Перекаывая в целой руке шарообразную склянку, я тихо сказал:

— Наруто, ты что-нибудь помнишь после того, как на меня напали?

Перестав копать, Узумаки тяжело вздохнул и медленно отряхнул руки, будто оттягивал время.

— Если не хочешь рассказывать, то не надо. Гляди, — я неловко попытался сменить тему, — тут только пробку заменить и...

— Я думал, ты не спросишь, — тихо сказал Наруто, смотря в песок под ногами.

— Хотел раньше, но все время мешали, — начал оправдываться я, посчитав, что дело в моей нерасторопности, но, не дослушав, мальчик помотал головой.

— Нет. Просто неприятно вспоминать, — печально и тихо произнес он. — Я не хотел вспоминать.

— Извини.

Вздохнув, Наруто подтянул колени к груди, обняв их руками. Теперь от него исходили эмоции, которые можно было назвать застарелым страхом: отчаяние, безысходность и одиночество. Какое-то время мальчик молчал, точно забыл, что я рядом, а потом заговорил:

— Как сон наяву про коридоры и красные глаза, — невыразительно, как в трансе проговорил Наруто. — И зубы. Огромные зубы. Оно злое и очень сильное. У него большие острые когти, и оно ими скребет так гадко-гадко, как мелом по доске или как кунаем по стеклу.

Придвинув к своему боку, я приобнял Наруто, жалея, что кроме поддержки никак иначе помочь не могу.

«Да даже окажись я во внутреннем мире около клетки с Курамой, что бы я ему сказал? Не знаю».

— Наруто, а Он говорил с тобой? — тихо проговорил я, не надеясь на ответ.

— Нет. Рычал и страшно шумел. — Образ темного облака, каким я представлял эмоции Наруто, стал блекнуть. — Он будто управлял мной, когда я сам разозлился. Я стараюсь никогда не злиться, чтобы он не просыпался. Когда я его случайно бужу, он насылает кошмары.

— А разве раньше с тобой было что-то подобное? Оранжевая чакра над кожей.

Мальчик помотал головой, а затем задумчиво почесал нос, будто поспешил с ответом, в котором сам был не уверен.

— Нет, точно, только в кошмарах, — отозвался Наруто, закрыв глаза, и, будто собрался вздремнуть, удобнее устроился под боком. — Когда я просыпался, ничего такого не было. Я не хочу больше так злиться.

— Хорошо, если не будешь. Злость в бою только мешает и делает тебя предсказуемым... ну вот, — я тяжело вздохнул, — прости, я опять занудничаю.

— Можешь занудничать, — не открывая глаз, заявил мелкий и улыбнулся, как обычно, широко и счастливо, — я не против.

Перед уходом мы еще раз решили осмотреть пляж и в одной из ям нашли крупную серебристую рыбину с серповидным хвостом, которая быстро кружила на дне, как в аквариуме. Если бы такую же я не видел на прилавке местного рынка, я бы ее там и оставил. А дома уже Анко подтвердила, что рыба съедобна и называется «голубой тунец».

Дома, как дикий человек, я поджарил ее на костре на заднем дворе, потому что у нас не было с собой большой посуды для готовки. Только чайник. Не думал я, что нам придется готовить самим. Домик, хоть и выглядел гораздо лучше всех халуп в районе, оказался совершенно пуст. Ели из своей посуды, свою еду, спали в спальниках, готовили только чай. Едой нас Синька обещал обеспечить сегодня-завтра, а до этого времени мы питались тем, что принесли в свитках из Конохи.

Дайте жалобную книгу, этот отель не тянет на заявленные пять звезд!

У местных с едой тоже выбора особого не наблюдалось: или готовь то, что купил на рынке, или то, что поймал, или ешь в столовой при бараках. В самом крайнем случае в забегаловке низшего пошиба — заведении для самых богатых среди нищих. Это тебе не город-миллионник вроде оставшихся в прошлой жизни, где на каждом шагу по кафешке, а за каждым углом или ларек, или продуктовый. Даже в Стране Волн, когда мы там были, все же было не так бедно и гораздо многочисленнее. Впрочем, как раз последнее было неудивительно. Войны шиноби жестоки, и население на территории боевых действий часто вырезают под ноль.

Утром, как обычно, меня разбудил Наруто на тренировку. Если бы не он, я бы дрых до упора, наплевав на все.

— Ты ж моя совесть, — зевнув, я потрепал мальчишку по волосам, — чего придумал?

— Бегать по морю! — азартно воскликнул Наруто и добавил: — Около дома неудобно, места мало.

— И это все? — хмыкнула Анко, с хлопком убрав свой футон в свиток.

Это что ж получается, я встал позже всех?

— А рука у тебя уже не болит? — спросил Наруто.

Я задумчиво глянул на повязку, пошевелил плечом и помотал головой:

— Не болит.

Девушка почему-то смутилась и с виноватым видом предложила мне помочь снять бинты.

Позавтракав, мы отправились на пляж под маяком тренироваться.

Анко была в ударе, с энтузиазмом рассказывала о секретах использования метательного оружия, о том, какие упражнения помогут развить нужные навыки. Она показала себя талантливым учителем и даже не придиралась к Наруто. Может, я чересчур сентиментален, но мне хотелось, чтобы этот день не кончался. Макуто тренировался отдельно — он отошел в сторону и отрабатывал удары танто, иногда поглядывая в нашу сторону. Я заметил, как он повторяет некоторые движения Анко. Он учился, просто наблюдая. Никто из них не мешал друг другу, и это было правильно.

Ближе к полудню мы заскочили на местный рынок за специями к рыбе и у порога встретили немолодого мужчину, похожего на рыбака, но чем-то неуловимо от него отличающегося. Он был весь какой-то блеклый, будто выгорел на солнце вместе с одеждой и теперь не понять, какого цвета были его глаза, волосы и дешевая тонкая юката. Стоило только подумать, что он просто ошибся адресом, как я услышал:

— Здравствуйте, Умино-сама. Я слышал, что вы законный наследник клана Умино, и пришел выразить вам свое почтение.

— Здравствуйте, — настороженно отозвался я, выйдя к отвесившему церемонный поклон гостю, так как приглашать его в дом не решился. — А вы не могли бы представиться?

Мужчина назвался Исаму, сказал, что он и его семья служили моему клану чуть ли не с сотворения мира.

Макуто, который до этого стоял в тени у стены, медленно перевёл взгляд на гостя. Его лицо оставалось спокойным, но я заметил, как его пальцы сжались на рукояти танто. Он что-то почувствовал.

— У меня к вам небольшая просьба, — под конец разговора сказал потомственный слуга.

— Я вас слушаю, — предельно вежливо улыбнулся я, а мысленно простонал: “Вот только жалобщиков мне сейчас не хватало!”

— Но сначала я хотел бы вернуть вам клановый свиток, который я нашел и сберег.

У меня даже дыхание перехватило: «Клановый свиток?! Мужик, я тебе буду сильно должен!»

— Я... Я буду вам очень за него благодарен.

С поклоном он вручил мне невзрачный и потертый на вид рулончик двумя руками и, улыбаясь, сказал:

— А просьба моя простая: Уважьте старика, откройте его при мне.

По местным меркам, для слуги он повел себя нагло, но ведь его звали «Смелый», и это оправдывало его характер.

Переборов желание бросить потенциально опасную вещь, я ответил:

— Хорошо.

Свиток оказался закрыт на печать крови и чакры. А для ее активации, как следовало из названия, нужна была одна капля, а лучше — не одна, свеженьких красных кровяных из живого представителя клана Умино и немного чакры из него же. Довольно сложная и дорогая печать.

Считается, что обмануть такие печати невозможно. Думаю, что это заблуждение. Уверен, что все возможно, если денег не жаль на специалистов и материалы. Однако вопрос в том, кто это может себе позволить и кому это нужно. Большая часть клановых техник завязана на улучшенный геном, специальную подготовку и тренировки, стиль боя и много чего еще. Думаю, что для тех, кто не является членом клана, все это попросту бесполезно. Хотя вполне возможно, что я просто чего-то не знаю или не учитываю.

Наколов палец чакроскальпелем, я тут же заживил порез и мазнул каплей по узору. Кровь с шипением высохла и осыпалась, а край отлип от внешней стороны свитка. Передав свиток клону, я жестом отослал его подальше. Тот понятливо отошел на середину дороги и развернул свиток. И-и-и... ничего страшного, к счастью, не произошло. То есть вообще ничего!

Клон недоуменно всмотрелся в свиток и повернул его к нам.

Бумага была девственно чиста.

«Облом... Но мужик тут ни при чем, — подумал я, — он же не мог знать, что там ничего...» Однако разочарования я не почуял. Точнее, им не «пахло» только от этого «слуги».

«Он знал!» — мгновенно подобрался я и приготовился к бою еще до того, как обернулся.

Заметив мой взгляд, мужик преобразился. В буквальном смысле преобразился: сейчас передо мной стоял не рыбак-проситель и уж тем более не слуга, а старый и опытный шиноби неопределенного возраста, но примерно лет за сорок. Под хенге пряталась удобная одежда, напоминающая форму Конохи, но жилет у него был странный, будто его перешивали.

Да и внешность у «слуги» изменилась: волосы, стянутые в хвост, стали каштановыми, глаза — карими, а кожа потемнела. Мелькнула и неприятно заняла где-то в желудке мысль, что это родственник. Только родни, которая знала настоящего Ируку, мне и не хватало для «полного счастья»!

А кроме того, мужчина не носил протектора, что тоже настораживало.

— Успокойся, племянник, меня зовут Умино Ютака, — одобрительно улыбнувшись, представился мужчина. — Не помнишь уже дядьку? Я же к вам приезжал пару раз, пока отец твой был жив. Я тебя вот таким, — он показал рост, наверное, трехлетки, — видел. — Ты даже разговаривать толком не умел, — разулыбался мужчина. — Таковую чушь нес...

Макуто сделал шаг вперёд, оказавшись рядом со мной. Он не доставал оружие, но теперь я чувствовал его готовность.

— Извините, что прерываю, вы брат моего отца? Почему вы...

Ютака недоуменно перебил:

— Я не родной брат Кохаку-сана.

— А кто тогда? — похлопал я глазами.

Видя, что новоявленный дядя подвис, пришлось пояснять:

— Недавно меня по голове били, — я легонько постучал пальцем по виску, — я мало что помню.

Мужчина не воспользовался моментом для удара и даже мысленно не выказал агрессии, чем меня немного успокоил, да еще сочувствующе взглянул и покачал головой.

— Твой дед Умино Рью брат моего отца — Умино Шигео. Ты мне — двоюродный племянник. Про прошлое клана тоже ничего не знаешь?

Мне оставалось только башкой помотать и пригласить дядю в дом. Закрыв за собой, просканировал округу и, найдя наблюдателя, активировал технику от прослушки. Кстати, несколько фуин для этой же цели я нашел в заглазнике у Ируки. Печати были почти такие же, как у Виктора. Но тратить не стал — для этой глуши и так сойдет. Позже я хотел поговорить с Наруто, чтобы он попытался таких же наделать.

Макуто остался стоять у двери. Он не садился, не расслаблялся. Я заметил, как его взгляд скользнул по Ютаке, остановился на его руках, потом перевёлся на лицо. Он оценивал.

— А кто бы рассказал? — усаживаясь на пол, сказал я. — Библиотеку я только начал разбирать.

Уют у нас тут был спартанский, даже татами не было, расселись прямо на деревянном полу.

— Тогда слушай и не перебивай, — серьезно заявил родственник тоном, не терпящим возражений. — После гибели Водоворота и почти всего нашего клана его остатки разделились. Часть ушла в Коноху. Но туда пошли далеко не все. Слишком многие винили Хирузена в произошедшей катастрофе и гибели Узумаки и Умино. Впрочем, и те, кто ушел в Коноху, Сарутоби мало доверяли. А вторая часть ушла в Страну Горячих Источников, надеясь скоро вернуться в родные земли.

Мне вспомнился свиток из маяка, а пока я призадумался, Анко перехватила инициативу:

— В чем вы вините Третьего? — спросила она с искренним интересом и напряглась в ожидании ответа. Ей, как и Наруто, было странно слышать такие слова.

Внутри Конохи почти боготворили «Профессора», «Бога Шиноби» и просто «очень мудрого и великого человека», исключительного лидера Сарутоби Хирузена. Не знаю что там насчет его величия и мудрости, но он, несомненно, был весьма умен и к тому же грамотно пиарился.

Вспомнить хотя бы тот «репчик», что втирали по радио в Конохе. Да и вообще, в плане рекламы и политехнологий, мне так показалось, здесь просто страна непуганых идиотов. Думаю, что даже особых навыков не надо, чтобы стать любимцем толпы.

Наверняка любой рекламщик из нашего мира справился бы еще лучше.

— Да. В чем виноват старик-хокаге?

Ютака недоуменно нахмурился, окинув взглядом мелкого, а затем зло хмыкнул и просто, даже как-то буднично раскрыл нам тайну гибели клана и Водоворота:

— Вторую мировую войну шиноби развязала Коноха. Деревня скрытая в листве была сильна как никогда. Под одним стягом собрались могучие и древние кланы: Сендзю, Учиха, Хьюга, Абураме — и недавно созданные, но доказавшие свою эффективность структуры — АНБУ, Госпиталь и хорошо показавшая себя Академия для бесклановых, сильные союзники — Водоворот, Страна Горячих Источников, Страна Чая и Туман. А еще было новое, невиданное ранее оружие, которое казалось идеальным — Корень. При таком раскладе казалось, что победа неизбежна.

Гм, что-то мне это напоминает? А, вспомнил! Гитлер вон тоже считал, что захватит СССР в кратчайшие сроки.

Как следовало из рассказа непонятно откуда взявшегося родственника, Туман предал Лист при первой же удобной возможности, а младший и самый многочисленный состав АНБУ НЕ проявил себя как кучка тупых, предсказуемых, безынициативных и к тому же еще и слабых бойцов. Хваленое чудо-оружие, на которое возлагались огромные надежды, оказалось типичной малополезной вундервафлей.

Академия для бесклановых показала себя лучше и действительно выпустила немало рекрутов. Вот только во время затянувшейся войны качество ее выпускников начало быстро падать — из-за сокращающихся сроков обучения. А Госпиталь по каким-то причинам использовали нерационально.

Перед началом Второй мировой войны шиноби считалось, что Страна Дожда будет легкой жертвой, которая падет к ногам Листа, открывая путь дальнейшей экспансии. Но она неожиданно оказалась крепким орешком. Ханзо Саламандер проделал отличную работу, подготовив страну к войне. Где-то в то же время Суна, не имевшая до того претензий к Конохе, вдруг решила, что исчезновение третьего Казекаге, вторжение в Аме — это звенья одной цепи и признак грядущего нападения Листа на Песок. Страна Ветра тоже выступила на стороне Аме против Конохи. Камень, опасаясь усиления Листа, поддержал Суну после того, как та потерпела несколько сокрушительных поражений. А Туман во время войны вышел из союза «в связи с новыми обстоятельствами». Впрочем, это уже совсем другая история.

Для Конохи все вместе сложилось крайне неудачно: Третий явно переоценил свои способности политика и стратега. И цена его ошибок была высока.

Все силы Листа были стянуты на западный фронт, где и завязли, как мухи в патоке. И тогда Кири и Кумо, объединившись, ударили по Стране Огня и ее союзникам. Страна Горячих Источников, у которой на тот момент были хорошие отношения и с Водоворотом, и со Страной Огня, прикинув расклад, быстро объявила о своем нейтралитете. Серьезных сил Конохи на восточном побережье не было. Вся тяжесть войны пала на местные кланы, пограничников и Узушио.

Водоворот сражался долго, храбро и умело. Но силы были слишком неравны. Кири и Кумо захватывали и зачищали малые острова и прибрежные крепости, уничтожали союзные красноволосым кланы, беспокоили вылазками остров-метрополию, опустошили все восточное побережье Страны Огня. После нескольких пробных атак Умино эвакуировали своих женщин, детей и стариков за крепкие стены Узушио, связав свою судьбу с судьбой старых союзников.

Анко не спускала с гостя недоверчивого, хмурого взгляда, а Наруто сгорбившись смотрел в пол, будто мыслями он был там, но не во время боя, а после него.

Макуто слушал, не перебивая. Я видел, как он запоминает каждое слово.

— Знаешь, — горько усмехнувшись, сказал Ютака, наблюдая, как я положил руку на плечо мальчика, — ни одному другому клану, кроме Узумаки, нельзя было бы доверить такую ценность, как жизни нашей родни. Они были настоящими аристократами. Благородные, люди чести, — веселый хмык, — не то что мы.

Пока я недоуменно хлопал глазами, дядя продолжил:

— Я тогда был еще совсем юным пацаном, но помню, как наши кланы вместе сражались за свое будущее... И проиграли.

Коноха постоянно, со дня на день обещала помощь. Мы, Узумаки и другие их союзники сжимали зубы и кулаки и упорно продолжали сражаться, оттягивая на себя силы Тумана и Облака.

Войска Листа осторожничали до последнего, до конца придумывая отговорки и подошли лишь к концу двухлетней осады. К почти уничтоженной Деревне, на горящих улицах которой еще продолжались бои, и ударили в тыл втянувшейся в деревню армии Кумо и Кири.

Тянули до последнего, как США и Британия, которые не спешили открывать Западный фронт. К счастью, у нас все сложилось не как с Водоворотом.

— Коноха могла помочь вовремя, — наиграно флегматично заметил дядя, тщательно скрывая свою ненависть, — но не захотела. Хирузен... этот мерзавец наплевал на все свои союзнические обязательства и договора. А тем красноволосым, кто, несмотря на это очевидное предательство, все же решил остаться в Конохе, поставили унижительные условия, одним из которых было ограничение общения с Узумаки Кушиной, не с кем-то там, а принцессой клана, одной из нескольких выживших правящих семей Узушио. И на ее отдельное проживание под надзором АНБУ. Только Узумаки Мито позволяли видаться с девочкой, но она сама клану чужая, — вздохнул Ютака. — Хирузен заявил: «Джинчурики принадлежит

Деревне, скрытой в Листве, а не служит эгоистичным интересам одного клана». Я это слышал собственными ушами, прежде чем моя семья ушла в Югакурэ.

Сокрушенно покачав головой, Ютака все же продолжил:

— Я до сих пор считаю, что в гибели нашего клана и Узушио виновна Коноха и этот ублюдок Третий. Узушио и все кланы востока Страны Огня помогали, как могли, Конохе в ее войнах, но когда нам понадобилась помощь... Они нас просто предали! Заплатили нашими жизнями за свои ошибки! Коноха и ее правители виноваты в гибели нашего клана не меньше, чем Кумо и Кири, — зло и угрожающе глухо закончил старый Умино, сжав руки, так что побелели костяшки. — Столько хороших людей погибло...

Покосившись в сторону, я заметил, что Наруто невидящим взглядом смотрел в одну точку. Словно он не мог верить в то, что услышал. Для него все произошедшее явно было шоком. Эмоции бурлили, постоянно меняясь с одной на другую: удивление, недоверие, сомнение, снова шок...

Чтобы вывести Наруто из этого состояния, я осторожно положил руку ему на макушку.

Мальчик вздрогнул и тихо, почти жалобно сказал:

— Но... Но ведь Третьего всегда называли очень мудрым, — он посмотрел мне в глаза, будто я должен был ответить.

Растерявшись, я перевел взгляд на Ютаку. Совсем тихо Узумаки прошептал:

— Его же... все уважают. А он... Получается, что из-за него погиб мой клан? Да?

— А ты что, не Умино, а Узумаки? — удивился дядя, вполне миролюбиво, но довольно бестактно ляпнул: — Почему тогда не красный?

Я беззвучно чертыхнулся и, вспомнив приличия, наконец представил Анко и Наруто.

— Забавно, — заметил родич, — но на красноволосых ты мало... не похож совсем, — закончил новообретенный родственник. — Я думал, Ирука тебя опекает, как своего племянника или еще кого...

— А большой краб сказал, что у меня чакра, как у Узумаки, — обиженно буркнул Наруто и сложил руки на груди, но улыбку подавил с трудом. Похоже, что мальчику понравилось то, что его посчитали моим родственником, пусть и дальним.

— О, это хорошо, если тебя признал призыв, — заметил новоиспеченный дядюшка и благоразумно не стал развивать тему родства.

Намекнув на то, что родственник так и не рассказал, как на нас вышел, я получил исчерпывающий ответ:

Сюда Ютака наведася один, потому что его волновала судьба клановых земель. У остатков клана Умино здесь остались информаторы и просто друзья, так что о нездоровой возне вокруг своих земель они узнали быстро. Конечно же, для него приятным сюрпризом был тот факт, что я жив и вполне себе здоров. Но прежде чем переговорить, он решил последить за нами. Стоило только дяде отвлечься, как мы пошли вызывать дельфинов, а когда он спохватился, вмешиваться было поздно.

Узнал об инциденте с призывами Ютака без труда. Сложно не заметить тот переполох, который устроили морские обитатели; сильные всплески чакры, фонтаны воды, грохот от техник, а после — перепаханный пляж, сломанные деревья. Да и мой визит к наместнику быстро стал достоянием сплетников, которые тут от скуки готовы любую муху превратить в слона. Информации у дяди было достаточно.

— А у вас что, нет призыва Дельфинов? — спросил я, искренне недоумеая, почему вопросы возникли ко мне, а не к моему родственнику. — Почему?

— Уже давно нет, — грустно вздохнул старый шиноби. — Закружили его дельфины и свиток аннулировали.

Оказалось, что в юности отряду Ютаки повезло убить одного Хошигаки. И еще молодой и дурной тогда родственник подписал трофейный акулий контракт, подумав о том, что с двумя контрактами он будет невероятно

крут, но не учел, что эти призывы непримиримые враги. Естественно, подписать дельфиний контракт уже было невозможно; явился Кента, грубо говоря, обматерил юного Ютаку и свиток в буквальном смысле разгрыз в труху. А несколько других имевшихся свитков призыва вместе со всеми их подписавшими сгинули во время Второй войны шиноби и злключения остатков Умино в Стране Горячих источников.

После того, как Кумо и Кири объявили войну Стране Огня и Водовороту, эта небольшая деревня шиноби вышла из союза с последней. Несмотря на ту кашу, что заварил Коноха, Деревня скрытая в горячих источниках поддерживала по отношению к нам, ее союзникам, благожелательный нейтралитет и даже согласилась приютить вместе с Умино и несколько выживших семей Узумаки.

Лишившиеся руководства, шиноби с побережья Страны Огня и островов Узусио разбрелись по всему миру. Кто-то осел в Конохе, часть попряталась по разным медвежьим углам и затаилась, а кто-то нашел убежище у кланов, с которыми роднились их семьи. Ну, а некоторые просто погибли.

— А все из-за того, что у клана не осталось единства, — грустно вздохнул Ютака. — Отец тогда за всех решил, даже с Рью-саном поругался. С дедом твоим. Дураком он не был, но все пошло наперекосяк.

Узумаки, Умино и их союзники хотели отомстить и вернуть себе хотя бы часть своих земель. Но для этого надо было выжить и возродить почти уничтоженные войной кланы.

Первой ласточкой, предвещающей беды уже на новом месте, стала смерть каге Юкагуре во время череды пограничных конфликтов за наследие Водоворота. Тогда Огонь, Туман и Источники делили, что и кому отойдет.

Вместе с лидером приютившей их деревни погибли Шигео (отец Ютаки) и старший из Узумаки — Яритэ, а в деревне к власти пришли ставленники местных толстосумов, которым был невыгоден военный городок на таком хлебном месте — торговые пути, курорты, отличный климат, несколько рудников и даже кое-какое производство. В результате деревни ниндзя не стало, зато местные богатеи из обычных денежных мешков превратились в

мелких князьков. Им было несложно перекупить хороших специалистов, в один миг лишившихся работы и средств к существованию.

Судя из рассказа старого Умино, в Горячих Источниках наступили российские девяностые в миниатюре: все блага у богатых и только для богатых. Общественный порядок, безопасность, образование, медицина — зачем они всяким нищebroдам? Все только для состоятельных парней. Тогда же, в череде неприятностей, погибли те несколько человек, владевшие дельфиньим призывом, и последний свиток был утерян.

— Эх, а были ведь хорошие шиноби в Югакагуре, — грустно сказал старый Умино, — а стали цепными псами, за гроши выполняющими любую, самую грязную работу. А у нас и Узумаки не осталось никакой поддержки в чужой стране. Прислуживать разбогатевшей и распоясавшейся черни на ее условиях мы не хотели. Резко стало не хватать заказов и денег. У нашего клана дела еще хоть как-то шли благодаря нашей моральной гибкости, — он грустно хмыкнул, — а у Узумаки все было совсем плохо. Чересчур они честные и гордые. Миссии им было получать сложнее, чем нам, а активно торговать печатями они опасались, чтобы не привлекать ненужное внимание. Последний десяток лет мы вместе выживали, как могли. Красноволосых осталось, можно сказать, полторы семьи. Пять человек из одной и пара опекаемых ими детей из другой. И два брата...

— А сейчас? — возбужденно воскликнул мелкий. — Они живы?

— Конечно, живы, — возмущенно отозвался дядя, — Узумаки так просто не сдаются! Не зря говорят: упрям, как Узумаки.

Наруто просиял, с гордостью оглянувшись на нас с Анко, а я проглотил замечание о том, что в Конохе я такой поговорки не слышал никогда.

А потом Ютака внезапно захотел познакомить нас со своей семьей и оставшимися Узумаки, пригласив в гости, а когда я вежливо отказался, сказал, что тогда они могут приехать сюда.

— Пока что не стоит, Ютака-сан, тут может быть опасно. А потом мы сами к вам можем заглянуть, когда будет возможность.

Одно дело, если со мной увидят только Ютаку, могут и не узнать сразу, кто он и откуда. Может, он еще один боец АНБУ НЕ, осведомитель или просто наемник, и совсем другое — если у меня под боком будут беззащитные родственники, которых я не смогу бросить. Конечно, насчет «под боком» и «беззащитных» я утрировал, но суть от этого не менялась.

— Ваша семья может стать целью наместника и местных феодалов. И, в отличие от меня, на вас защита Корня не распространяется. По крайней мере, пока.

Дядя, посчитав, что не замечу, улыбнулся краем рта, будто я сделал правильный выбор, и больше эту тему не поднимал.

После театра сомнений Ютака признал мою правоту. Проверятьщик-перестраховщик.

Но при этом всем он без каких-либо условий согласился помочь мне с «квестом» от дельфинов.

Дядя посоветовал обратиться с этим же вопросом в местное отделение Корня.

Подумав, я покивал. Синька, действительно, мог знать гораздо больше, а заодно, если понадобится, то и помочь. Им все равно деваться некуда — они обязаны оказывать мне любую помощь и содействие для выполнения моей миссии. Осталось только убедить Хидики, что помощь крабов и дельфинов жизненно необходима для строительства порта. Думаю, это будет несложно.

Проводив дядю до забора, я шумно выдохнул и медленно поплелся обратно. Долго копаясь, переоделся, снял с себя сбрую и, бурча что-то неразборчивое, лег между сидящих Наруто и Анко, которые все это время молча за мной наблюдали. Макуто остался стоять у стены. Он не сел, не расслабился. Достал свой блокнот и начал что-то чертить.

— Ирука, что случилось? — погладила меня по волосам Анко.

Я рассеянно осмотрелся и пробурчал тихо:

— Объявился дядя и напомнил мне, что родственников не выбирают.

Наруто по-птичьи наклонил голову и сказал, что не понимает, к чему это я сказал.

Пришлось пояснить, что родственники — это здорово и круто и я им очень рад, но я их не знаю абсолютно. Что дядя, что его семья мне такие же чужие, как случайные прохожие, и к ним придется долго притираться и впредь учитывать их интересы и пожелания. А еще меня смущало, что он кое в чем солгал, но этого вслух я не сказал, засомневавшись в своих ощущениях. Но сейчас я был почти уверен, что Ютака тут был не один. Я не стал использовать свист, а подошел вплотную к двери, приоткрыл ее, вкрутил на полную катушку слух и не без труда расслышал тихую команду: «пошли». Правда, при этом у меня голова от посторонних звуков чуть не на куски развалилась.

— Но вы же из одного клана! — возмутилась Анко, словно я сказал несусветную глупость.

— Ну и что? — отозвался я, сев на футоне. — Вы двое мне сейчас роднее всяких родственников! — я сгреб обоих в объятия. — А Ютаку я едва знаю.

Конечно, их удивил мой порыв, а потом Наруто так обрадовался, что за его эмоциями я чуть не проглядел смущение, исходившее от девушки. Я позвал Анко по имени, а когда она повернулась, поцеловал.

— Фу, — протянул мелкий из вредности, — и бе-е-е.

— Может, и «фу», — огорошил я Митараши еще сильнее, — но мне нравится. Анко, улыбнись, ну пожалуйста, — дурашливо протянул я. — А то ты на сову похожа.

— Почему это на сову? — возмутилась она по инерции.

— Потому что глаза большие, красивые, умные и, — выдержал паузу, — круглые!

Полубовавшись на ее удивленную мордашку, добавил:

— Вот как сейчас, — а она зарделась и, наконец, рассмеялась. Счастливо и смущенно.

Макуто поднял голову от блокнота, посмотрел на нас и молча отвернулся к окну. Его плечи чуть расслабились.

— Ирука-сан, — вдруг сказал он, не оборачиваясь. — На берегу, когда дельфины... Я почувствовал чакру. Фарудскую. Старую. Она была в камнях под маяком.

Я уставился на него. Анко и Наруто тоже.

— Фарудскую? — переспросил я. — Ты уверен?

— Да. Очень слабую. Но она там. Кто-то из моих предков оставил свой след. — Он на секунду замолчал, потом добавил: — Ютака-сан сказал, что остатки Умино и Узумаки вместе выживали. Если они увидят меня... они поймут.

— Поймут? — не понял Наруто.

— Мою чакру, — ответил Макуто, наконец поворачиваясь. — И лицо. Фарудов не спутаешь с другими.

Я хотел что-то сказать, но передумал. Макуто редко говорил о своей семье. Если он завёл этот разговор, то не просто так.

— Ты хочешь их увидеть? — спросил я.

— Да, — ответил он. — Но не сейчас. Сначала надо закончить здесь.

Он кивнул и снова склонился над блокнотом.

На следующее утро Ютака вернулся. На этот раз не один. С ним пришли двое: мужчина с ярко-рыжими волосами, собранными в короткий хвост, и женщина постарше, с такими же огненными прядями, но уже тронутыми сединой.

— Это Узумаки, — коротко представил их дядя, не вдаваясь в подробности. — Они захотели увидеть тебя.

Я кивнул, приглашая в дом. Красноволосые прошли внутрь, молча оглядываясь. Их взгляды цепко оценивали обстановку, но остановились на Макуто. Мужчина, которого звали как-то непроизносимо, вдруг шагнул к нему и прищурился.

— Ты?.. — начал он, но замолчал.

Макуто поднялся со своего места у стены. Он стоял спокойно, но я чувствовал, как его чакра — та, настоящая — пульсирует, готовая вырваться наружу.

— Макуто из клана Фаруд, — сказал он. — Сын Кэнсина.

Мужчина-Узумаки вздрогнул. Женщина за его спиной прикрыла рот рукой.

— Фаруд, — прошептала она. — Живой.

— Последний, — добавил Макуто. Он медленно вытащил из-за пазухи свиток, развернул его, и тати отца — длинный, чуть изогнутый клинок с тёмной гардой — материализовался в его руке. Меч главы клана. Сталь блеснула в утреннем свете, и в этом блеске не было ничего, кроме холодной правды.

— Это тати моего отца, — сказал Макуто. — И моя чакра.

Он поднял левую руку, и вокруг неё закружилась плотная, тяжелая энергия — не та, подавленная до уровня генина, а настоящая, та, что он так долго прятал. Уровень джонина, не меньше. Красноволосые попятнулись, но не от страха — от удивления.

— Ты... — начал мужчина. — Ты настоящий Фаруд.

— Да, — ответил Макуто, убирая чакру и пряча меч обратно в свиток. — Я буду защищать своего брата Наруто и Ируку. Это моя семья теперь.

Наруто, сидевший рядом со мной, вытаращился на него.

— Брата? — переспросил он. — Ты... ты меня братом назвал?

Макуто кивнул.

— Я говорил в Стране Волн. Мы с тобой и Ирукой родственники, — он помолчал. — По крови Узумаки.

— Правда? — выдохнул Наруто, и его лицо расплылось в счастливой улыбке. Но улыбка быстро сменилась удивлением. — То есть... у меня есть брат?

— Да, — коротко ответил Макуто, и в его тоне не было пафоса — просто констатация факта.

Красноволосая женщина перевела взгляд на меня.

— Ирука-сан, — тихо сказала она, — вы знали?

— Знал, — ответил я, — но это их тайна, не моя.

Мужчина-Узумаки долго смотрел на Макуто. Потом перевёл взгляд на тати, на его лицо, на спокойные карие глаза.

— У тебя её глаза, — неожиданно сказал он. — Твоей матери. Я её помню.

Макуто не ответил. Он стоял неподвижно, но я заметил, как его пальцы на секунду сжались на рукояти спрятанного клинка.

— Ирука, — позвал я, чтобы разрядить тишину. — «Макуто»... это видоизменённое «Макото», верно? В старом языке Фарудов это означает «истинный». Истинный воин.

Макуто посмотрел на меня. На его лице мелькнуло что-то — не удивление, скорее подтверждение.

— Отец говорил, — сказал он. — Я не придавал значения.

— А зря, — заметил я. — Имя — это судьба.

Он кивнул и больше ничего не сказал. Красноволосые переглянулись, и женщина, помедлив, сделала шаг вперёд.

— Мы не претендуем на твоё наследие, Макуто-кун, — сказала она. — Но... если тебе нужна будет помощь, мы рядом. Кровь Узумаки не забывает своих.

Макуто молча поклонился. Коротко, почти незаметно. Но этого было достаточно.

Ютака, стоявший всё это время в стороне, наконец заговорил:

— Думаю, нам пора. У вас и без нас дел хватает.

Красноволосые попрощались и вышли. Дядя задержался на пороге, окинул нас взглядом и сказал:

— Береги себя, племянник. И... будь осторожен с наместником. Он не прощает обид.

Я кивнул. Дверь закрылась.

Макуто сел на своё место у стены и снова взял блокнот. Он не смотрел на нас, но я знал — он слушал.

— Наруто, — позвал я.

— А? — мальчик всё ещё был под впечатлением.

— У тебя теперь есть брат.

— Да, — расплылся он в улыбке. — Круто, даттебайо!

Макуто чуть заметно покачал головой, но улыбнуться не улыбнулся. Просто перевернул страницу.

За окном шумело море. Где-то вдалеке кричали чайки. Мы сидели втроём — я, Наруто и Макуто, — и это ощущение дома, пусть и временного, пусть и на чужом берегу, было единственным, что имело значение.